

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

на правах рукописи



НАЗАРОВ

Александр Дмитриевич

**Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный
механизм их устранения: концептуальные основы**

Научный консультант: профессор, доктор юридических наук,
Заслуженный юрист Российской Федерации
А.И. Александров

Специальность 12.00.09 – уголовный процесс

Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук

Санкт-Петербург, 2017 год

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОШИБКИ КАК ФЕНОМЕН УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	21
§1. Ошибки в уголовном судопроизводстве как предмет научного исследования.....	21
§2. Концептуальные основы устранения ошибок в уголовном судопроизводстве.....	42
§3. Классификация ошибок в уголовном судопроизводстве.....	46
§4. Структура ошибок в уголовном судопроизводстве	54
§5. Причины ошибок в уголовном судопроизводстве	102
ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ УСТРАНЕНИЯ ОШИБОК: ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА	131
§1. Уголовно-процессуальный механизм устранения ошибок в системе государственно- правовых средств организационно-правового механизма обеспечения законности.....	131
§2. Понятие и основные компоненты уголовно-процессуального механизма устранения ошибок.....	150
ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ МЕХАНИЗМА УСТРАНЕНИЯ ОШИБОК В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ.....	157
§1. Судебный контроль в механизме устранения ошибок.....	158
§2. Прокурорский надзор в механизме устранения ошибок	200
§3. Ведомственный контроль в механизме устранения ошибок.....	221
ГЛАВА 4. ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СУДЕБНОГО МЕХАНИЗМА УСТРАНЕНИЯ ОШИБОК В СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА.....	235
§1. Устранение ошибок через производство в суде первой инстанции.	236
§2. Устранение ошибок через производство в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, а также через возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.	264
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	288
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	306
ПРИЛОЖЕНИЯ К ДИССЕРТАЦИИ	352

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования.

В современный период со всей очевидностью представляется актуальным со стороны государства обеспечить контроль над преступностью, что является целью системы уголовной юстиции, а соблюдение при этом прав личности – одним из самых важных средств ее достижения.

Статистические наблюдения Генеральной прокуратуры Российской Федерации показывают, что в 2016 году на территории России зарегистрировано 2 160 063 преступления, что на 228 413 меньше, чем за аналогичный период прошлого года – АППГ (-9,6%). В целом по России удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе всех зарегистрированных преступлений составляет 21,2% (457 779; АППГ – 519 655; -11,9%). Почти половину всех зарегистрированных преступлений (43,7%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем краж – 871 084 (-14,5%), грабежей – 61 524 (-15,4%), разбоев – 11 416 (-16,3%). При общем снижении количества зарегистрированных преступлений на территории Российской Федерации возросло на 44,8% количество преступлений террористического характера, на 9,1% – экстремистской направленности. В 2016 году раскрыто 1 189 770 преступлений из числа находившихся в производстве, что на 5,2% меньше, чем за аналогичный период прошлого года (1 254 706). Не раскрыто 983 355 преступлений, что на 6,1% меньше АППГ 2015 года. Из общего количества нераскрытых преступлений на тяжкие и особо тяжкие преступления приходится 21,8% (АППГ – 22,5%). Остались нераскрытыми 932 убийства и покушений на убийство (-22,5%), 2 171 факт умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (-20,6%), 559 636 краж (-8,7%), 23 806 грабежей (-20,3%), 3 028 разбойных нападений (-25,2%). В связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, не раскрыто 962 200 преступлений (-6,1%), что составило 97,8% от общего количества нераскрытых преступлений¹.

По оценкам авторитетных экспертов, при реальной преступности 12 - 15 миллионов деяний в России ежегодно регистрируется чуть более 3 миллионов, или 20 - 25% от фактически совершаемых преступлений; из них выявляется около 10% правонарушителей и осуждается к различным видам наказания примерно пять человек на 100 лиц, реально совершивших преступления, в том числе к лишению свободы менее 1/3. Латентная преступность ежегодно приближается к 80% и более от реальной преступности (в европейских

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2016 года. / Генеральная прокуратура Российской Федерации / Портал правовой статистики // URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 07.02.2017) – С.5-9.

странах – около 50%). Ежегодно около 7 – 8 миллионов реально пострадавших от латентных преступлений добропорядочных граждан не получают никакой правовой помощи от государства².

Ученые НИИ Генеральной прокуратуры Российской Федерации несколько сдержаны в оценках латентной преступности в России, но, тем не менее, указывают в своем научном докладе, что ежегодно в поле зрения правоохранительных органов попадает около 4 миллиона преступлений. Искусственная часть латентной преступности составляет около 2 миллионов деяний, имеющих признаки состава преступления, но не учтенных официальной статистикой. Учетно-регистрационная дисциплина в настоящее время выступает в качестве одного из основных факторов, определяющих число зарегистрированных преступлений. Искусственная латентность используется правоохранительными органами как «буфер», в который в зависимости от ситуации «прячутся» или, наоборот, из которого извлекаются для постановки на учет статистические данные о деяниях, имеющих признаки состава преступления³.

На фоне лишь небольшого количества тех тревожных цифр, приведенных выше, можно ответственно сказать, что в уголовно-процессуальной практике допускается множество нарушений, просчетов, ошибок, а порой, к сожалению, и преступных проявлений со стороны субъектов, ведущих уголовный процесс.

В Российской Федерации постоянно происходят изменения в правовой системе, направленные на качественные преобразования работы судов и правоохранительных органов при осуществлении ими уголовно-процессуальной деятельности.

Важнейшими направлениями этих изменений являются совершенствование организации государственных органов, ведущих уголовный процесс, внесение изменений в практику судопроизводства в целях обеспечения неотвратимости наказания, укрепления режима законности и гарантий соблюдения прав личности в отправлении правосудия по уголовным делам.

Но при всем при этом достаточно проблемной выглядит в государстве ситуация с качеством расследования уголовных дел и рассмотрения их в судах. Субъектами, ведущими уголовный процесс, допускается значительное количество ошибок в полном, всестороннем и объективном исследовании всех обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, нарушения положений Конституции Российской Федерации, международно-правовых

² См.: Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. – М.: Норма, 2017. – С.176. Данные других ученых-экспертов несколько отличаются от приведенных выше, но в целом сопоставимы с ними. См., например: Антонян Ю.М. Криминология : учебник для академического бакалавриата. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – С.62-65.

³ Законность: состояние и тенденции в 2010 – 2014 гг. Деятельность прокуратуры по ее обеспечению: науч. докл. / под общ. ред. О.С. Капинус. – М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2015. – С. 59.

норм и национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Самое опасное видится в том, что в результате таких ошибок человек может быть незаконно заключен под стражу, незаконно осужден или приговорен к чрезмерно суровому наказанию, в том числе с изоляцией от общества, или, наоборот, незаконно не помещен под стражу, незаконно оправдан или приговорен к чрезмерно мягкому наказанию. Цена следственных и судебных ошибок становится высокой, когда дознаватель, следователь, прокурор, суд не выявляют фактов применения незаконных методов (особенно физического насилия, пыток) в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, а также провокаций преступлений со стороны должностных лиц правоохранительных органов государства, и принимают юридически значимые для человека решения, основываясь на материалах, добытых незаконным и провокационным путем.

Ошибки, допускаемые в уголовном судопроизводстве должностными лицами государства, снижают доверие общества к правосудию. Постоянное укрепление и повышение доверия граждан к отправлению правосудия важно для нормального функционирования институтов государства.

Необходимость сведения к минимуму ошибок в уголовном судопроизводстве, соблюдения разумных сроков, использования в доказывании по уголовным делам допустимых доказательств диктуют важность изучения на концептуальном уровне природы следственных и судебных ошибок и выработки уголовно-процессуальных механизмов их выявления, исправления и предупреждения.

Степень разработанности темы исследования.

Изучением комплекса проблем, связанных с уголовной политикой в государстве, соблюдением принципа законности, с организационно-правовыми механизмами выявления, исправления и предупреждения следственных и судебных ошибок занимались такие известные ученые-правоведы, как А.И. Александров, А.М. Баранов, А.Д. Бойков, Е.Г. Веретехин, В.И. Власов, Н.Н. Вопленко, Л.А. Воскобитова, Л.В. Головкин, В.Н. Григорьев, В.А. Давыдов, А.Т. Дугин, В.В. Золотых, Э.В. Казгериева, Г.С. Казинян, А.С. Кобликов, З.Ф. Коврига, Н.А. Колоколов, Ю.В. Корневский, А.Б. Лисюткин, С.Г. Ольков, И.Л. Петрухин, А.Б. Соловьев, Н.Г. Стойко, М.Е. Токарева, С.А. Шейфер, А.А. Ширванов и др.

Совершенствование организационно-правовых механизмов устранения нарушений законности в уголовном судопроизводстве по-прежнему остается актуальным. На определенных этапах исследованием различных аспектов указанных выше проблем занимались и посвятили им ряд своих научных разработок В.А. Азаров, А.С. Александров, О.И. Андреева, А.С. Барабаш, Б.Т. Безлепкин, А.Р. Белкин, В.М. Быков, Л.М. Володина, К.Ф. Гуценко, А.А. Давлетов, В.Г. Даев, И.Ф. Демидов, И.С. Дикарев, З.З. Зинатуллин, К.Б.

Калиновский, Л.М. Карнеева, А.А. Кириллова, Н.П. Кириллова, Н.Н. Ковтун, А.А. Леви, В.З. Лукашевич, П.А. Lupинская, Ю.А. Ляхов, В.Н. Махов, Т.Г. Морщакова, Б.М. Нургалиев, А.Д. Прошляков, Е.М. Пучковская, С.Б. Россинский, М.К. Свиридов, Н.А. Сидорова, А.В. Смирнов, И.В. Смолькова, Т.В. Трубникова, Ф.Н. Фаткуллин, А.Г. Халиулин, Ю.К. Якимович, Н.А. Якубович и др. Эти ученые внесли значительный вклад в теорию уголовно-процессуального права, совершенствование законодательства, правоприменительную практику.

Фундаментальные труды известных ученых в области уголовно-процессуального права Н.С. Алексеева, Л.Д. Кокарева, С.В. Курылева, А.М. Ларина, Ю.К. Орлова, А.А. Пионтковского, С.В. Познышева, В.Д. Спасовича, М.С. Строговича, П.Н. Ткачева, А.И. Трусова, И.Я. Фойницкого, А.А. Хмырова, П.С. Элькинд и других также содержали исследования, связанные с соблюдением принципа законности в уголовном судопроизводстве и недопущением его нарушений.

По тематике именно следственных и судебных ошибок в уголовном судопроизводстве в последнее десятилетие защищены лишь несколько диссертаций. К примеру, докторская - А.А. Аубакирова «Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения» (г. Челябинск, 2010 год), кандидатские – Е.И. Комарова «Влияние ошибок досудебного производства и характера судебной ситуации на тактику поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции» (Воронеж, 2009 год), О.Р. Идрисов «Полномочия кассационной инстанции по выявлению и устранению судебных ошибок в уголовном процессе России» (Томск, 2012 год), В.П. Крамаренко «Ситуационный подход к выявлению и преодолению следственных ошибок» (Краснодар, 2012 год).

Изучение научных трудов привело автора к выводу о том, что в теории уголовного процесса не было предпринято концептуального анализа феномена следственных и судебных ошибок, уголовно-процессуального механизма их выявления, исправления и предупреждения на всех стадиях уголовного судопроизводства, в том числе с учетом причин и условий, порождающих эти ошибки. Диссертант предпринял попытку восполнить этот пробел своим исследованием, что также определяет актуальность проведенной работы.

Объект исследования.

Объектом исследования являются уголовно-процессуальные отношения, возникающие между участниками уголовного судопроизводства в процессе выявления, исправления и предупреждения ошибок.

Предмет исследования.

Предметом исследования выступают содержание (основные закономерности) уголовно-процессуальной деятельности, в результате которой допускаются ошибки,

организационно-правовой, прежде всего уголовно-процессуальный, механизм выявления, исправления и предупреждения данных ошибок в уголовном судопроизводстве.

Цель и задачи исследования.

Цель работы заключается в том, чтобы в контексте современной уголовной политики разработать концептуальные основы феномена следственных и судебных ошибок и на этой базе сконструировать уголовно-процессуальный механизм их выявления, исправления и предупреждения в уголовном судопроизводстве.

Достижение поставленной цели предполагает выполнение следующих задач:

- сформулировать авторское понятие следственной и судебной ошибки и фундаментальной ошибки в уголовном судопроизводстве;
- разработать концептуальные основы выявления, исправления и предупреждения этих ошибок в уголовном судопроизводстве;
- разработать и сформировать структуру и классификации указанных ошибок в уголовном процессе, осуществить концептуальный анализ причин и системных факторов, их обуславливающих;
- рассмотреть понятие и элементы уголовно-процессуального механизма устранения ошибок в системе государственно-правовых средств организационно-правового механизма обеспечения законности;
- представить в авторской версии основные компоненты уголовно-процессуального механизма выявления, исправления и предупреждения ошибок на досудебных и судебных стадиях уголовного процесса.

Методология исследования.

Методологической основой исследования служит общенаучный диалектический метод познания. Данный метод сочетается с другими общенаучными и специальными методами познания: формально-логическим, системно-структурным, историко-правовым, статистическим и др.

В целях аргументации результатов исследования автор использовал метод сравнительного правоведения (при анализе основных компонентов уголовно-процессуального механизма устранения следственных и судебных ошибок и др.).

Основываясь на эмпирических данных, а также на своем практическом опыте в сфере уголовной юстиции, автор диссертации с помощью обозначенных методов научного познания сформулировал предложения по совершенствованию организационно-правового механизма выявления, исправления и предупреждения следственных и судебных ошибок.

Теоретическая база исследования.

В ходе работы использовались результаты теоретических исследований в области философии, социологии, психологии, общей теории права и государства, сравнительного правоведения, а также криминалистики, уголовного права и уголовно-процессуального права.

Правовая и информационная основа исследования.

Исследование основывается на законодательстве Российской Федерации, судебной практике Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а также Европейского Суда по правам человека, необходимых справочных материалах.

Эмпирическая база исследования.

В ходе исследования использовались российские статистические данные о состоянии преступности, а также обработанные автором в контексте проблематики данного исследования ежегодные статистические отчеты о результатах работы судов, прокуратуры, предварительного расследования общероссийского и региональных уровней за 2010-2015 годы. В 2003-2016 годах в Красноярском, Ставропольском, Хабаровском краях, Томской, Ленинградской области и Санкт-Петербурге, республиках Хакасия и Бурятия в результате исследовательской работы, проведенной автором, получены данные анкетирования 187 судей районных, городских судов и судов уровня субъекта Федерации, 218 прокуроров горрайпрокуратур и прокуратур уровня субъекта Федерации, 254 руководителей следственных органов и следователей горрайследственных отделов и следственных управлений уровня субъекта Федерации, 305 адвокатов, проведены «глубинные» интервью с 16 опытными судьями судов уровня субъекта Федерации, изучено 510 архивных уголовных дел, выбранных путем случайной выборки по различным категориям преступлений.

Автор использовал результаты своего участия в международных и российских грантовых программах, правозащитных мониторингах и социологических исследованиях, а также материалы своей научной стажировки в Конституционном Суде Российской Федерации, научных и правозащитных стажировок в Германии, Австрии, США, Великобритании, Израиле.

В диссертации нашли отражение многолетняя правозащитная (в том числе – опыт по правовому консультированию практических работников по конкретным уголовным делам) и адвокатская деятельность автора, а также его опыт работы в органах следствия, прокуратуре и в суде.

Научная новизна исследования.

Новизна исследования состоит в том, что впервые автором разработаны концептуальные основы феномена следственных и судебных ошибок и на этой базе им

сконструирован уголовно-процессуальный механизм их устранения в уголовном судопроизводстве.

В частности, сформулировано авторское понятие следственной и судебной ошибки и фундаментальной ошибки в уголовном судопроизводстве; разработаны концептуальные основы устранения ошибок в уголовном судопроизводстве; раскрыты структура и классификация указанных ошибок в уголовном процессе, показаны их причины; рассмотрены понятие и элементы уголовно-процессуального механизма устранения ошибок в системе государственно-правовых средств организационно-правового механизма обеспечения законности; представлены в авторской версии понятие и структура уголовно-процессуального механизма устранения ошибок, включающая в себя основные механизмы (контрольно-надзорной деятельности по устранению ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса и судебный механизм устранения ошибок) и вспомогательные (механизм самопроверки, связанный с принятием процессуальных решений и оценкой допустимости доказательств в деятельности властных субъектов, и механизм содействия в устранении ошибок со стороны адвоката и иных субъектов).

Специальное внимание в уголовно-процессуальном механизме устранения следственных ошибок уделено разработанным автором моделям «динамического судебного контроля», «перманентного прокурорского надзора» и «разнополярного ведомственного контроля». Особая аргументация приведена автором при характеристике разработанных им в контексте устранения судебных ошибок моделей - «активного суда первой инстанции», «полноценной апелляции», «полноценной кассации и надзора», «полноценной следственной модели производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам».

Кроме того, одним из важных элементов новизны исследования являются сформулированные автором специальная цель уголовного судопроизводства – устранение в нем ошибок, а также целый ряд предложений по изменению организационно-правового обеспечения уголовно-процессуального механизма устранения следственных и судебных ошибок.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. **Следственная и судебная ошибка** в уголовном судопроизводстве, как предмет научного исследования, представляет собой **феномен**, который выражается в противоречии между неизбежностью (естественностью) ошибок и необходимостью противодействия им и, тем самым, порождает проблему их устранимости.

Ошибка (следственная, судебная) – это не содержащее признаков уголовно-наказуемых деяний незаконное или необоснованное действие или бездействие субъектов, ведущих уголовный процесс, выразившееся в неполноте, односторонности и необъективности

исследования указанными субъектами обстоятельств уголовного дела, несоблюдении конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов справедливого правосудия, существенном нарушении уголовно-процессуального закона, неправильном применении уголовного закона, соответствующее их субъективному отношению к назначению уголовного судопроизводства, и объективно препятствующее его нормативно-заданному достижению в виду получения (или возможности получения) неправильного процессуального результата (решения).

2. Разработанная в диссертационном исследовании концепция устранения следственных и судебных ошибок является разрешением целого комплекса фундаментальных теоретических и практических проблем феномена этих ошибок, требующих как доктринального толкования, так и соответствующего законодательства и правоприменения (с учетом современной уголовной политики) в целях совершенствования организационно-правового, в том числе уголовно-процессуального, механизма устранения ошибок. В своей совокупности все перечисленные элементы исследуемой системы (понятие ошибки, ее структура, классификация, причины, конкретные механизмы устранения и др.) и составляют целостную единую концепцию устранения следственных и судебных ошибок.

3. **Основной классификацией** следственных и судебных ошибок (наряду с другими рассматриваемыми в работе) является их деление *в зависимости от сущностной характеристики* на следующие виды:

а) ошибки, выразившиеся в неполноте, односторонности и необъективности исследования обстоятельств уголовного дела;

б) ошибки, выразившиеся в несоблюдении в уголовном процессе конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов уголовного судопроизводства (справедливого правосудия);

в) ошибки, выразившиеся в существенных нарушениях уголовно-процессуального закона;

г) ошибки, выразившиеся в неправильном применении уголовного закона.

4. В качестве нового вида следственных и судебных ошибок следует выделить **фундаментальные ошибки**.

Фундаментальные ошибки - это непреступные действия или бездействие субъектов, ведущих предварительное расследование и судебное разбирательство по уголовному делу, повлекшие существенные нарушения законных прав и интересов человека, общества и государства в уголовном судопроизводстве:

а) невыявление субъектами, ведущими предварительное расследование и судебное разбирательство по уголовному делу, применения со стороны должностных лиц органов

уголовной юстиции в отношении «заподозренных» лиц, подозреваемых, обвиняемых незаконного насилия для получения от них показаний о преступлении;

б) невыявление субъектами, ведущими предварительное расследование и судебное разбирательство по уголовному делу, применения со стороны должностных лиц органов уголовной юстиции в отношении «заподозренных» лиц провокаций преступных проявлений;

в) ошибки, допущенные субъектами, ведущими предварительное расследование и судебное разбирательство, в собирании, проверке и оценке доказательств по уголовному делу, в применении уголовного закона, в результате чего подозреваемый, обвиняемый незаконно заключен (не заключен) под стражу, незаконно содержится (не содержится) под стражей; подсудимый незаконно осужден, особенно к чрезмерно суровому наказанию, связанному с реальным лишением свободы, незаконно оправдан или осужден к чрезмерно мягкому наказанию.

5. Структурно (качественно и количественно) следственные ошибки в ходе исследования выявлены в следующем рейтинге: а) ошибки, выразившиеся в неполноте, односторонности и необъективности исследования обстоятельств уголовного дела - 57,0% от общего числа ошибок; б) ошибки, выразившиеся в несоблюдении в уголовном процессе конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов уголовного судопроизводства (справедливого правосудия) - 8,0%; в) ошибки, выразившиеся в существенных нарушениях уголовно-процессуального закона - 16,0%; г) ошибки, выразившиеся в неправильном применении уголовного закона - 19,0%.

Структура судебных ошибок в ходе исследования выявлена в таком рейтинге: а) неправильное применение уголовного закона (70,92%); б) несправедливость приговора (3,22%); г) нарушения уголовно-процессуального закона (20,86%); несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, установленным судом первой, апелляционной, кассационной инстанций (5,0%).

Исследование структуры следственных и судебных ошибок дало автору возможность проследить динамику ошибок и выстроить эффективные механизмы их устранения.

6. **Причины** следственных и судебных ошибок (во многом предопределяющие уголовно-процессуальный механизм работы с ними) необходимо ранжировать по трем уровням:

– непосредственные причины, которые характеризуют недостатки в расследовании и судебном разбирательстве конкретных уголовных дел (*первый уровень причин*);

– причины следственных и судебных ошибок, связанные с деятельностью следователя и судьи, личностью следователя и судьи - субъективные причины, и условиями, в которых

осуществляется данная деятельность - объективные причины (*второй уровень причин* или «причины причин первого уровня»);

– факторы, обуславливающие причины первого и второго уровней и связанные с условиями деятельности органов предварительного расследования и судебной системы в целом в России, в том числе с качеством законодательных актов (*третий уровень причин*).

При этом причины следственных и судебных ошибок должны быть классифицированы по схеме «дело – следователь, судья – следственный аппарат, судебная система», что позволяет глубоко их исследовать и научно обосновать рекомендации по нейтрализации действия данных причин.

7. Уголовно-процессуальный механизм работы со следственными и судебными ошибками связан с реализацией (обусловлен необходимостью) уголовно-политических стратегий уголовного преследования (обвинения) и защиты прав и свобод человека и представляет собой взятую в единстве систему следующих компонентов:

а) этапы (и соответствующие им алгоритмы действий): выявление, исправление и предупреждение (в некоторых случаях – «прогнозирование») ошибок;

б) основные части (отдельные механизмы):

– механизмы предварительного расследования;

– механизмы производства в суде первой инстанции;

– механизмы производства в судах вышестоящих инстанций.

в) специальные субъекты, специальный правовой статус этих субъектов и специальная правовая регламентация порядка их деятельности: дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, следователь, руководитель следственного органа, прокурор, судья, суд первой инстанции, суды вышестоящих инстанций;

г) специальные способы организации деятельности специальных субъектов;

д) специально заданная цель, содержательно определяющая и объединяющая весь уголовно-процессуальный механизм или отдельные его части (механизмы) – выявление, исправление, предупреждение следственных и судебных ошибок.

По своему масштабу и значимости эта цель может быть поставлена в один ряд с классически выделяемыми в теории уголовно-процессуального права целями уголовного судопроизводства – установление истины по делу, защита жертвы преступления, изобличение и справедливое наказание виновного, реабилитация невиновного, общая и частная превенция и др.

8. Уголовно-процессуальный механизм работы со следственными и судебными ошибками подразделяется на два основных механизма, непосредственно направленных на устранение ошибок, и два вспомогательных механизма, способствующих устранению ошибок.

Основные механизмы:

а) Механизм контрольно-надзорной деятельности по устранению ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса.

б) Судебный механизм устранения ошибок.

Вспомогательные механизмы:

а) Механизм самопроверки, связанный с принятием процессуальных решений и оценкой допустимости доказательств в деятельности властных субъектов.

б) Механизм содействия в устранении ошибок со стороны адвоката и иных субъектов.

Механизм контрольно-надзорной деятельности по устранению ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса включает в себя судебный контроль, прокурорский надзор и ведомственный контроль.

Судебный механизм устранения ошибок состоит из судебной проверки уголовного дела и судебного надзора.

Судебная проверка уголовного дела представляет собой его разбирательство и разрешение по существу судом первой и апелляционной инстанций. При этом судебное разбирательство в суде первой инстанции не имеет специально поставленной (заданной) цели устранения ошибок, содержательно определяющей и соорганизующей всю деятельность в этой стадии процесса (хотя и объективно предполагает выявление, исправление и предупреждение ошибок).

Судебный надзор представляет собой проверку вышестоящими судами судебных решений нижестоящих судов в кассационном, надзорном порядке (судебная ревизия), а также дачу высшей судебной инстанцией руководящих разъяснений нижестоящим судам и иным правоприменителям по вопросам уголовного судопроизводства. С судебным надзором также связано возобновление дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

Вспомогательные механизмы (хотя и имеют важное значение) как бы «встроены» в уголовно-процессуальную деятельность вообще и потому могут рассматриваться лишь в качестве условий, способствующих нормальному осуществлению производства по уголовному делу путем внутреннего самоконтроля (самопроверка) или внешнего соучастия (содействие со стороны), в том числе в рамках основных механизмов.

9. Механизм контрольно-надзорной деятельности по устранению следственных ошибок в российском досудебном производстве по уголовным делам во многом отличается от подобных механизмов в других странах, что выражается в:

- распределении между судебными органами, органами прокуратуры и органами дознания и следствия функционально однородных для каждого из этих органов контрольно-

надзорных полномочий: по судебному контролю, прокурорскому надзору и ведомственному (по сути, внутриведомственному) контролю соответственно;

- взаимозависимости и взаимодополняемости судебного контроля, прокурорского надзора и ведомственного контроля (в функциональном и предметном отношении);

- процессуальной самостоятельности осуществления контрольно-надзорных полномочий: полной – судом, относительно полной – прокуратурой и органами следствия, ограниченной – органами дознания.

Специфика данного механизма определяется особенностями технической организации (континентальной по типу исторической формы) российского досудебного производства в целом. В отличие от немецкого вида такой организации российское досудебное производство не обладает прокурорским полномочи́ем над расследованием и характеризуется разделением функций дознания и предварительного следствия, прокурорским надзором за всем расследованием и полновластным прокурорским руководством только за дознанием. В отличие от французского вида – не имеет судебного предварительного следствия, построенного по инстанционному принципу (при отсутствии прокурорского контроля и почти полном отсутствии внешнего судебного контроля). Значит, есть все основания говорить о российском виде организации досудебного производства и, следовательно, о соответствующем ему специфически российском механизме устранения ошибок, развитие которого должно осуществлять в рамках трех моделей: «динамичного судебного контроля», «перманентного прокурорского надзора» и «разнополярного ведомственного контроля».

10. Понятие **судебного контроля** применимо лишь для проверочной деятельности суда на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и при назначении судебного заседания. Судебный контроль распространяется на сравнительно ограниченный круг следственных и иных процессуальных действий и сводится к судебной проверке законности и обоснованности этих действий, затрагивающих конституционные права человека.

Опираясь на положения Конституции РФ, можно выделить **три основных вида судебного контроля** на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, именуемых в работе (с известной долей условности) «**арестным контролем**», «**процедурным контролем**» и «**контролем по жалобам**».

Судебный контроль в российском уголовном процессе (в контексте устранения ошибок) разработан в исследовании в виде «**модели динамичного судебного контроля**» за **досудебным производством**, то есть модели, которая постоянно совершенствуется и процессуально значима для обеспечения гарантий соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Данная модель:

- расширит юрисдикцию судебного контроля за счет введения таких новых его видов, как «депонирование доказательств», т.е. легализацию на досудебных стадиях в ограниченных и четко оговоренных случаях некоторых доказательств, и «предсудебный контроль» - особо значимые для доказывания и рассмотрения уголовного дела по существу контрольные действия на стадии назначения судебного заседания (решение в ходе предварительного слушания вопросов о мере пресечения для обвиняемого, допустимости собранных по делу доказательств, рассмотрении дела судом присяжных, коллегией из трех судей, единолично судьей, в особом порядке и др.);

- усилит требования к «арестному» контролю (собрание, проверка и оценка именно *доказательств* в части обоснованности подозрения подозреваемого и обвиняемого в инкриминируемом ему деянии и его поведения в ходе производства по уголовному делу);

- переформатирует «процедурный» контроль и «контроль по жалобам»: перераспределит от суда в пользу прокурора некоторые контрольно-надзорные полномочия, тем самым, усиливая существующий контроль - первоначальное «прокурорское санкционирование» большинства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных в ст. 165 УПК РФ, с возможностью последующего обжалования в суд в порядке ст. 125 УПК РФ решений прокурора по этим вопросам;

- не сужает границы действия «контроля по жалобам» (к примеру, позволит обжаловать в суд постановление о привлечении в качестве обвиняемого и др.).

Автор предложил преобразовать действующий судебный контроль в соответствии с разработанной им «моделью динамичного судебного контроля» за досудебным производством, а также совершенствовать организационную структуру деятельности судей по контролю за предварительным расследованием (в первую очередь, определенное обособление этих судей от федеральных судей, рассматривающих уголовные дела по существу, а также в порядке апелляции).

11. В контексте устранения следственных ошибок автором разработана **«модель перманентного прокурорского надзора»** за возбуждением уголовных дел и их предварительным расследованием: перманентность предполагает непрерывное (постоянное) процессуальное руководство прокурора за осуществлением уголовного преследования.

Эта модель включает в себя ряд признаков: *объективная необходимость и историческая обусловленность прокурорского надзора; вневедомственный и всеохватывающий характер прокурорского надзора; перманентность прокурорского надзора с наделением прокурора полномочиями руководителя уголовного преследования; «предсудебный» характер прокурорского надзора и ограничения для прокурора в принятии определенного круга окончательных решений.*

«Модель перманентного прокурорского надзора» является основной в контрольно-надзорной деятельности при досудебном производстве по уголовному делу. Она эффективно позволяет реализовать стратегии уголовного преследования и защиты прав человека. Будучи руководителем уголовного преследования, прокурор должен обладать, помимо уже имеющихся у него, еще и властными полномочиями по возбуждению такого преследования, отмене всех незаконных постановлений следователя, продлению сроков предварительного расследования), выражению согласия (как гаранта законности) на осуществление процессуальных действий, посягающих на конституционные права и свободы человека и гражданина, окончательному инкриминированию уголовного обвинения лицу, прекращению уголовного преследования и др.

При такой модели прокурорского надзора не исключается в законодательном порядке передача части полномочий суда на досудебных стадиях уголовного процесса прокурору.

12. Дефиницию **«ведомственный контроль»** автор представляет в виде двух его важных составляющих: **процессуальный контроль**, регламентированный положениями УПК РФ, и **иной ведомственный контроль**, регламентированный ведомственными нормативными актами и сложившейся практикой, включающий в себя и организационно-административное руководство деятельностью следователя.

Ведомственный контроль за возбуждением уголовных дел и предварительным расследованием (в контексте устранения ошибок) представлен автором его **«моделью разнополярного ведомственного контроля»** как специфической контрольной деятельности с разным форматом такого контроля на низовом (город, район и приравненные к ним) и высоком (субъект Федерации и приравненные к ним) уровнях следственной деятельности.

Разнополярный характер такого ведомственного контроля предполагает включение в него элементов наставничества и подготовки кадров, осуществление его под надзором прокуратуры и выражение его в процессуальной и административной деятельности руководителя следственного органа.

Ведомственный контроль (наряду с прокурорским надзором) функционирует перманентно на протяжении всего досудебного производства. На низовом уровне следственных подразделений это позволяет руководителям следственных органов тотально контролировать уголовно-процессуальную деятельность следователей (особенно тех, кто только начинает свою следственную карьеру). На других (вышестоящих) уровнях следственных ведомств это позволяет разумно сочетать (без «режима тотальности») ведомственный контроль с процессуальной самостоятельностью следователя. При этом ведомственный контроль находится в отношениях взаимодействия с судебным контролем и прокурорским надзором и в определенной зависимости от них.

Только при таких условиях **ведомственный контроль** может:

- успешно выявлять, устранять и предупреждать следственные ошибки в досудебном производстве;
- минимизировать риск собственных ошибок (ошибок руководителей следственных органов);
- достигать стратегических целей уголовного преследования и защиты прав человека.

13. Судебный механизм устранения ошибок в российском уголовном процессе действует на судебных стадиях и обладает рядом общих и особенных признаков:

- судебная проверка в суде первой инстанции предметно распределена между судами профессионалов и судами присяжных (с широкой юрисдикцией первых и узкой – вторых);
- функциональная однородность в целом судебной проверки во всех судах первой инстанции (за исключением отсутствия у судьи-профессионала в суде присяжных обязанности принимать решение по факту виновности подсудимого и отсутствия у судьи-профессионала в особом порядке судебного разбирательства обязанности непосредственно исследовать доказательства, подтверждающие факт виновности подсудимого);
- следственная активность при осуществлении судебной проверки в суде первой инстанции всех судей-профессионалов (равная – в общем порядке судебного разбирательства и в суде присяжных, ограниченная изучением письменных материалов дела по всем вопросам и возможностью непосредственного исследования доказательств только по вопросам наказания – в особом порядке судебного разбирательства);
- возможность полной апелляции в порядке судебной проверки в суде второй инстанции;
- функциональное деление судебного надзора в суде второй инстанции на кассацию, надзор и возобновление дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам;
- функциональная однородность кассации и надзора;
- ревизионный порядок всех видов пересмотра решений суда первой инстанции;
- обязательная сила руководящих разъяснений высшей судебной инстанции.

Своеобразие судебной проверки и судебного надзора в российском уголовном процессе определяется особенностями технической организации (континентальной по типу исторической формы) российского судебного производства. Однако она касается, главным образом, только суда присяжных и роли руководящих разъяснений высшей судебной инстанции (если не брать во внимание, скорее всего временное, сосуществование двух однородных функций – кассации и надзора). Поэтому в целом построение российского судебного производства имеет заметное сходство с классической континентальной моделью с присущим ей механизмом устранения ошибок, развитие которого должно осуществлять в

рамках следующих моделей: «модель активного суда первой инстанции», «модель полноценной апелляции», «модель полноценной кассации и надзора», «полноценная следственная модель производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам».

14. В диссертационном исследовании сделан акцент на том, что суд первой инстанции, отправляя правосудие по уголовным делам в обычном «штатном» режиме с соблюдением процессуальных процедур и принципов уголовного судопроизводства, имеет все процессуальные возможности в рамках действующего законодательства неукоснительно выполнить назначение уголовного судопроизводства, в том числе одновременно с этим при необходимости реализовать специальную цель уголовного процесса – выявить, исправить и предупредить следственные ошибки.

Отправление правосудия по уголовным делам представлено в работе (в контексте устранения ошибок) **«моделью активного суда»**, в которой сам суд и прокурор, проявляют активность в полном, всестороннем и объективном установлении материальной истины по уголовному делу, используя при этом предоставленные уголовно-процессуальным законом полномочия по признанию доказательств недопустимыми, вынесению оправдательных приговоров, возвращению уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ и др. Эта модель ориентирована на приоритет коллегиального рассмотрения уголовного дела судом присяжных или коллегией профессиональных судей (по особо сложным, многоэпизодным, объемным делам), судебное разбирательство в обычном, а не в особом, порядке с использованием аудио-видеозаписи судебного процесса. Именно такая «модель активного суда» позволит, во-первых, минимизировать количество собственных судебных ошибок, а, во-вторых, качественно и эффективно выявлять, исправлять и предупреждать следственные ошибки.

15. В контексте устранения ошибок в диссертации разработана **«модель полноценной апелляции»**.

В данной модели:

- все представленные в суд сторонами уголовного процесса свидетели должны быть допрошены в судебном заседании;
- все ходатайства сторон должны быть мотивированно, законно и справедливо разрешены.

Автор исследования аргументировал свои предложения о преобразовании второй инстанции в соответствии с разработанной им «моделью полноценной апелляции».

16. Автор разработал **«модель полноценной кассации и надзора»**, включающей в себя следующие важные элементы:

- возможность инициации надзорно-кассационного производства не только сторонами уголовного процесса, но и председателями (заместителями председателей) судов субъектов Федерации и соответствующих их уровню судов, а также Верховного Суда Российской Федерации, с учетом специфики надзорно-контрольного производства, призванного рассматривать не «вопросы факта», а «вопросы права», причем, вопросы фундаментальных нарушений закона;

- обязанность должностных лиц, вовлеченных в орбиту надзорно-кассационной деятельности (консультанты, помощники судей, сами судьи судов уровня субъекта Федерации и Верховного Суда Российской Федерации) изучать не только кассационные и надзорные жалобы и представления от сторон и приложенные к этим жалобам и представлениям материалы, но и сами уголовные дела, в том числе, аудио-видеозаписи состоявшихся судебных заседаний по делу;

- обязанность судей выносить свои итоговые решения «отказного характера» мотивированно: на каждый довод жалобы, представления участников процесса давать развернутые аргументации на основании изученных материалов уголовных дел.

В работе предложено внедрить в действующие кассацию и надзор их «полноценную модель».

17. В исследовании разработана **«полноценная следственная модель производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам»**, предусматривающая широкое определение «новых обстоятельств» (любые судебные ошибки, которые привели к неправосудному судебному решению, в том числе игнорирование собранных по делу доказательств, их ошибочная оценка, неправильное применение уголовного закона) и делает доступной следственную процедуру проверки открывшихся обстоятельств.

Автор предлагает преобразовать действующее производство по новым и вновь открывшимся обстоятельствам в соответствии с ее «полноценной следственной моделью».

Теоретическая значимость исследования.

Теоретическое значение работы определяется тем, что в ходе диссертационного исследования был решен комплекс проблем, связанных с концепцией исправления ошибок в уголовном судопроизводстве; разработана научная база для определения понятия ошибки (следственной, судебной) и фундаментальной ошибки в уголовном процессе; исследованы стратегические вопросы уголовно-процессуальной политики в контексте организационно-правового механизма устранения ошибок в уголовном судопроизводстве, а полученные результаты внесли вклад в разработку нормативных рекомендаций по выявлению, исправлению и предупреждению ошибок в рамках предложенных автором уголовно-процессуальных механизмов.

Практическая значимость исследования.

Практическое значение диссертации состоит в том, что обосновываемые в ней положения, выводы и рекомендации могут быть использованы (учтены) в практической и правотворческой деятельности и при осуществлении реформы российского уголовного судопроизводства.

Апробация и внедрение результатов исследования.

Результаты диссертационного исследования нашли свое отражение в монографиях, пособиях и других научных печатных работах диссертанта.

Отдельные положения диссертации докладывались автором на заседаниях кафедр уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета и Сибирского федерального университета, кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Научно-исследовательского Томского государственного университета, а также на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях.

Материалы диссертационного исследования использовались при проведении научно-практических занятий с судьями, прокурорами, следователями, адвокатами. Они внедрены в учебный процесс Юридического института Сибирского федерального университета, Института повышения квалификации адвокатов Адвокатской Палаты Красноярского края по курсам «Уголовный процесс» и «Правоохранительные органы», спецкурсам «Следственные ошибки в уголовном процессе», «Использование доказательств, полученных в ходе оперативно-разыскной деятельности».

Методические рекомендации автора и его коллег по кафедре уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета, связанные с выявлением, исправлением и предупреждением ошибок следователями, направлены Главному следственному управлению Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю, Главному следственному управлению Главного управления МВД России по Красноярскому краю для изучения и практического использования следователям края.

Структура диссертации.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, поделенных на параграфы, заключения, соответствующих целям и задачам исследования; библиографического списка и отдельного тома с приложениями.

ГЛАВА 1. ОШИБКИ КАК ФЕНОМЕН УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§1. Ошибки в уголовном судопроизводстве как предмет научного исследования

Если сделать краткий исторический экскурс, то в уголовно-процессуальной науке фундаментально к определению и исследованию следственной и судебной ошибки обращался определенный круг ученых-процессуалистов.

К примеру, в девятнадцатом столетии под редакцией известного российского ученого - специалиста в области уголовного права и уголовного процесса П.Н. Ткачева вышла книга о судебных ошибках, представленная в качестве наставления для присяжных заседателей. Проанализировав природу судебных ошибок и их типичность, авторы этой книги сделали ряд важных для целей настоящего исследования выводов, которые мы будем иметь в виду в дальнейшем:

- если есть «один шанс из пятнадцати быть невинно осужденным», то «невольно придется преклониться перед великой мудростью старой поговорки: лучше простить десять виновных, чем осудить одного невинного»;

- компенсацией за ошибки может быть смягчение наказания (неслучайно авторы были противниками смертной казни, опять же, из-за возможности допустить судебную ошибку);

- при коллегиальном рассмотрении уголовного дела риск ошибки уменьшается⁴.

В семидесятые годы двадцатого столетия в Федеративной Республике Германия фундаментальный труд по ошибкам написал известный немецкий правовед Карл Петерс. В своем исследовании ученый анализировал источники ошибок в уголовном процессе, и сделал важный для целей нашего исследования вывод, показав, что ошибки в уголовных делах неизбежны, постоянно повторяются⁵.

В это же время в Советском Союзе впервые большой коллектив известных ученых-правоведов Института государства и права Академии наук СССР (М.А. Авдеев, В.Г. Алексеев, Г.З. Анашкин, А.Д. Бойков, Ю.А. Лукашов, К.С. Макухин, Т.Г. Морщакова, руководители коллектива – В.Н. Кудрявцев и И.Л. Петрухин) провел академическое исследование по проблемам судебных ошибок.

⁴ Судебные ошибки, посвященные присяжным заседателям / Под ред. П.Н. Ткачева. СПб. 1867, Т. 1. С.2, 4, 81.

⁵ Peters K. Fehlerquellen im Strafprozess: Eine Untersuchung der Wiederaufnahmeverfahren in der Bundesrepublik Deutschland. 3 Baende. Mueller, Karlsruhe, 1970-1974.

Размах исследования впечатляет: ученые проанализировали судебную статистику за несколько десятилетий, начиная с 30-х годов девятнадцатого столетия; по специально разработанным анкетам опросили, практически, одну треть всех судей СССР, более 2 000 осужденных; по специально составленным формулярам изучили более 1 700 архивных уголовных дел; применили самые современные для того времени способы обработки информации.

Результаты исследований были представлены в ряде фундаментальных монографий, в том числе с грифом «для служебного пользования» - настолько неожиданными были результаты и рекомендации ученых по искоренению ошибок в судебной деятельности⁶. Действительно, острый и необычный для советского времени характер исследования вызвал запрет на широкое распространение этих работ. Политическое руководство страны не приняло результаты исследования, а научные труды ученых не стали настольными для судей, прокуроров, следователей.

Исследователи показали распространенность, структуру, динамику судебных ошибок, пути их устранения. Ученые изучили влияние на эффективность правосудия: социально-психологических факторов, научной организации труда в народных судах, характеристики кадров судей, уголовной политики, судебной практики вышестоящих судов, позиций прокуратуры и адвокатуры⁷.

Фундаментальные исследования судебных ошибок учеными академического Института позволили сделать важный прорыв в теории эффективности правосудия и оценке качества судебного разбирательства по уголовным делам⁸. Хотя, следует заметить, что парадигма исследования была таковой, что ставила в зависимое положение судью первой инстанции от усмотрений судей вышестоящих инстанций: именно вышестоящим судьям дозволялось официально идентифицировать судебную ошибку нижестоящих судей. Заданный этими учеными вектор на исследование эффективности правосудия нашел свое продолжение в научных исследованиях ученых, к примеру, в изучении эффективности следственных действий⁹.

⁶ Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок / Авдеев М.И. [и др.] ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1975. Ч. 1. 298 с.; Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок / Авдеев М.И. [и др.]. М., 1975. Ч. 2. 299 с.

⁷ Анашкин Г.З. Эффективность правосудия и судебные ошибки // Советское государство и право. 1968. №8. С. 59.

⁸ Вопросы эффективности советского уголовного процесса / Под ред. Ф.Н. Фаткуллина. Казань, 1976. 159 с.; Строгович М.С. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. 319 с.; Петрухин И.Л. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. 392 с.; Морщакова Т.Г. Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам). М., 1987. 239 с.;

⁹ См.: Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1981. С. 94-111; Шейфер С.А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы. Саратов, 1986. С. 143-152.

В конце 80-х – начале 90-х годов минувшего столетия исследование следственных и судебных ошибок провели ученые под эгидой ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР¹⁰. Это было масштабное исследование по специальной методике и с привлечением административного ресурса по линии Генеральной прокуратуры СССР. Вполне естественно, что в открытые научные публикации попали лишь некоторые фрагменты этого ведомственного исследования.

Современный этап научного исследования судебных ошибок характеризуется расширением предметной области их совершения и индивидуальных проявлений: следственные и судебные ошибки изучаются в контексте и в привязке с экспертными и криминалистическими ошибками. К примеру, изучается такой вид ошибок, как организационно-тактические, связанные с планированием расследования, выдвижением версий, созданием группы следователей для расследования дела, проведением неотложных (первоначальных) следственных действий, применением технических средств, криминалистических учетов и др.¹¹ В контексте процессуального своеобразия следственных и судебных ошибок изучение экспертных и криминалистических, а также оперативно-разыскных, психологических, управленческих и иных ошибок актуально, но такие ошибки должны быть предметом самостоятельных исследований.

Таким образом, исторически сложившаяся природа и характеристика следственных и судебных ошибок позволяет нам в дальнейшем обосновать некоторые концептуальные подходы к изучению этого правового явления.

Всякая ошибка в общеупотребительном значении представляет собой неправильность, неточность, погрешность, ляпсус, недочет, промах, неверную мысль, неверный или ложный шаг, неправильное действие или бездействие и т.п. В словарях русского языка ошибка трактуется как неправильность в действиях, поступках, высказываниях, мыслях¹².

Ошибка – многомерное явление, которое встречается абсолютно во всех сферах практической и интеллектуальной деятельности. Научные подходы к пониманию ошибки различны: всё зависит от того, в какой сфере рассматривается данное явление – в философии (гносеологии), социологии, психологии, юриспруденции, медицине и т.д.

¹⁰ Методология и методика изучения следственных ошибок. Сборник научных трудов. М., 1986. 147 с.; Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. Сборник научных трудов / Отв. ред. И.Ф. Демидов, А.Б. Соловьев, С.А. Шейфер, М., 1988. 138 с.; Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного следствия. Методическое пособие / В.В. Воскресенский [и др.]. М., 1990. 80 с.; Выявление и устранение следственных ошибок при судебном рассмотрении уголовных дел. Методическое пособие / А.Д. Бойков [и др.]; отв. ред. А.Д. Бойков. М., 1990. 88 с.

¹¹ Ищенко Е.П. Организационно-тактические ошибки, допускаемые на первоначальном этапе расследования преступлений // Организационно-тактические проблемы расследования преступлений: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 1990. С. 35-43.

¹² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2004. С. 487.

Для формулирования понятия ошибки в уголовном судопроизводстве автор в теоретическом аспекте в первую очередь опирался на научные исследования ученых, позиции которых не связывают ошибку с преступной деятельностью.

Теория ошибок является составной частью теории управления¹³. Исследователи под ошибкой понимают результат действия, совершенного неточно или неправильно, вопреки плану, но, самое главное, что результат, который получен, не соответствует намеченным или заданным. Ошибка рассматривается с ракурса теории деятельности, где она является фактом практики. Ошибка предполагает сопоставление результата и процесса, который привел к ошибочному результату, поскольку ошибочный результат был достигнут вопреки стремлениям субъекта, которые были направлены на положительный результат.

Таким образом, для нашего определения ошибки в уголовном судопроизводстве очень важным моментом является то, что субъекты, ведущие уголовный процесс, в своей деятельности нацелены на положительный результат, но по различным причинам этот результат в конечном итоге является ошибочным.

Причина возникновения ошибок заложена в деятельности субъекта, как физической, так и умственной. Деятельность для человека является формой активности, которая направлена на целенаправленное преобразование окружающего мира. В зависимости от потребностей личности или общества определяется и цель деятельности. Основными этапами деятельности, по его мнению, являются: осознание деятельности в виде мотива, оценка наличной ситуации, формулирование цели, выработка решения как цепи последовательных преобразований наличной ситуации в целевую ситуацию, выбор средств деятельности, реализация решения.

Именно на последнем этапе - реализации решения, возникают ошибки. Связано это в первую очередь с невозможностью в полной мере оценить наличную ситуацию при выборе средств деятельности. Субъект изначально закладывает неправильную цепь последовательных действий, что приводит к возникновению неположительного результата для него¹⁴.

Изложенный подход в целом разделяется в юридической науке или, по крайней мере, на уровне общих представлений не вызывает возражений.

Так, классик уголовно-процессуальной науки И.Я. Фойницкий писал: «Как уголовное, так и гражданское производство стремится к достижению правильного разрешения дела...»

¹³ Дробот П.Н. Теория ошибок и обработка результатов измерений: учеб. пособие. Томск, 2011. 83 с.

¹⁴ Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология: учеб. пособие для вузов. М., 2001. С. 46-

причем, в основание кладутся общие логические приемы раскрытия истины»¹⁵. Другой классик уголовного процесса профессор М.С. Строгович связывал правильное разрешение дела с процессом доказывания (познанием фактов, обстоятельств уголовного дела), то есть их исследованием, которое происходит при помощи доказательств¹⁶.

Уголовно-процессуальное доказывание – это особая, с заранее определенным алгоритмом, разновидность социального познания. Субъектам, ведущим уголовный процесс, адвокату приходится получать необходимые знания об обстоятельствах, связанных с рассмотрением информации об общественно-опасном деянии. Этот процесс проходит по общим законам познавательной деятельности, в том числе на эмпирическом уровне познания, в известных ему формах: чувствительной и рациональной. На основе особой психологической связи объекта с субъектом познания в него включены ощущение, восприятие, представление, память, теоретическое и практическое мышление¹⁷.

Очевидно, такой процесс, если он подчинен общим «познавательным» законам и проведен в установленном юридическими законами порядке, можно назвать правильно организованным и ведущим к правильному результату.

Иначе говоря, правильно организованное доказывание (и шире - уголовно-процессуальная деятельность) позволяет избежать ошибочного результата и, тем самым, достичь правильного результата.

Под правильным результатом (в указанном выше смысле) уголовного судопроизводства обычно понимают истину, вопрос об установлении и характере которой является в юридической науке дискуссионным.

Если не принимать во внимание мировоззренческие установки авторов и разделяемые ими правовые ценности, расхождения в данном вопросе сводятся к следующему. Значительная часть исследователей полагает, что истина в судебном процессе может быть познана полностью. Другие отрицают возможность полного установления истины в судебной деятельности¹⁸. При этом необходимо отметить, что интерес к вопросу об истине в юридической литературе не ослабевает. Об этом свидетельствует, например, проводимая ранее на страницах журнала «Библиотека криминалиста»¹⁹ дискуссия, вызванная

¹⁵ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / Общ. ред., послесл., прим.: Смирнова А. В. СПб., 1996. Т. 1. С. 6.

¹⁶ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. С. 295-296.

¹⁷ Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2007. С. 12.

¹⁸ Исследованием проблемы истины в уголовном судопроизводстве занимались и продолжают заниматься многие ученые-правоведы. См., к примеру: Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 114-228; Строгович М.С. Избранные труды. М., 1991. Т. 3: Теория судебных доказательств. С. 16-27.; Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М., 2006. С. 209-226 и др.

¹⁹ Библиотека криминалиста. Научный журнал. №4. М., 2012. 396 с.

представлением на суд научной общественности и практиков подготовленного Следственным комитетом Российской Федерации законопроекта о введении института установления объективной истины по уголовному делу²⁰.

Оставляя «за скобками» конкретную аргументацию участников дискуссии (достаточно серьезную с обеих сторон), следует заметить, что, так или иначе, все ученые высказывали (исходили, учитывали) озабоченность большим количеством ошибок, допускаемых дознавателями и следователями на практике.

Во всяком случае, несомненно, из этой дискуссии следует, что нарушения в установлении истины по уголовному делу (в какой бы форме ее не рассматривали различные ученые) могут привести к ошибкам в правоприменительной деятельности.

В данной связи необходимо отметить, что, с одной стороны, человеческая деятельность в силу различных причин объективно невозможна без совершения ошибок²¹. Однако, с другой стороны, феномен ошибки в том и состоит, что несмотря на их вечное присутствие, человеческая деятельность в идеальном своем виде должна стремиться к минимизации ошибок, в том числе и в сфере уголовно-процессуальных правоотношений. Только такая уголовно-процессуальная деятельность может рассматриваться как правильно организованная (нормальная), полностью соответствующая основополагающему принципу уголовного судопроизводства – принципу законности (ст. 7 УПК РФ). Именно поэтому ошибки, совершаемые на досудебных стадиях (следственные и судебные), и ошибки, совершаемые на судебных стадиях (судебные ошибки), представляют собой отклонения от этого принципа²², означают дезорганизацию уголовно-процессуальной деятельности, влекут за собой (или могут повлечь) с точки зрения закона неправильный (ошибочный) результат и/или иные неправильные (ошибочные) последствия. По образному выражению М.С. Строговича, «... право на ошибку ниоткуда не вытекает ни в юридическом, ни в этическом отношении. Судебные ошибки были, имеются сейчас и с их возможностью приходится считаться в будущем. Но права судей на ошибку, равно как право на ошибку следователей и прокуроров при расследовании и разрешении уголовных дел не существует, такого права не

²⁰ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу [Электронный ресурс]: проект федер. закона №440058-6 // официальный сайт Государственной думы РФ. Электрон. дан. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=440058-6&02> (дата обращения 31.01.2017).

²¹ Не случайно общеупотребительными постулатами в нашей повседневной жизни стали фразы - «не ошибается тот, кто ничего не делает», «каждый имеет право на ошибку» и т.д.

²² На это прямо указывают исследователи принципа законности в уголовно-процессуальной деятельности. См.: Проблемы судебной этики / М.С. Строгович [и др.] ; под ред. М.С. Строговича. М., 1974. С. 88; Токарева М.Е. Современные проблемы законности и прокурорский надзор в досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1997. 82 с.; Баранов А.М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2006. 413 с.; Баранов А.М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам. Омск, 2006. 220 с.; Гладышева О.В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2009. 45 с. и др.

было раньше, нет сейчас и не будет в дальнейшем. ... «Право на ошибку» в уголовном процессе – это аморальное, безнравственное представление, и оно может породить только дальнейшие нарушения законности и нравственности»²³.

В уголовно-процессуальном законодательстве термины «следственная ошибка», «судебная ошибка» не употребляются. В научной литературе и в практической деятельности органов уголовной юстиции для обозначения ошибок предварительного расследования и суда употребляется множество терминов: «упущения предварительного следствия», «пробелы предварительного следствия», «недостатки предварительного расследования»²⁴, «ошибка»²⁵, «следственные ошибки»²⁶, «судебные ошибки»²⁷, «нарушения закона»²⁸, «нарушения норм права» (процессуального, материального), в том числе – «существенные нарушения...», «уголовно-процессуальные правонарушения», «отступления от норм закона», «процессуальные ошибки»²⁹, «заблуждения»³⁰ и т.д. Вне всякого сомнения, эти понятия неоднозначны. Тем не менее, в самом общем виде все они могут быть сведены к двум видам ошибок, обозначенных нами выше: следственным, то есть совершенным при досудебном производстве, и судебным, то есть совершенным на судебных стадиях и на досудебном производстве при осуществлении судебного контроля.

²³ Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984. С.33.

²⁴ Именно термин «недостатки» используется в ст. 221 УПК РФ для обозначения выявленных прокурором ошибок предварительного следствия.

²⁵ Якушин В.А. Ошибка и ее влияние на вину и ответственность по советскому уголовному праву. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1985; Лисюткин А.Б. Вопросы методологии исследования категории «ошибка» в правоповедении / Под ред. Н.И. Мазутова. Саратов, 2001; Фаткуллина М.Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве: Проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001; Колосовский В.В. Ошибки в квалификации уголовно-правовых деяний: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003; Климчук В.П. Ошибки при окончании предварительного следствия и уголовно-процессуальные способы их устранения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Пронькина А.Н. Ошибки адвокатов-защитников в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006; Безрукова Т.И. Фактическая ошибка: вопросы классификации и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.

²⁶ Морозова Е.В. Криминалистические проблемы следственных ошибок: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004; Аубакирова А.А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения: дис. ... докт. юрид. наук. Челябинск, 2010. Впоследствии данным автором была издана работа по интеллектуальным ошибкам эксперта: Аубакирова А.А. Интеллектуальные ошибки эксперта при формировании его внутреннего убеждения. М., 2012.

²⁷ Идрисов О.Р. Полномочия кассационной инстанции по выявлению и устранению судебных ошибок в уголовном процессе России: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Томск, 2012; Батурина Н.А. Причины судебных ошибок и процессуальные средства их предупреждения в гражданском судопроизводстве: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2010; Голубева М.Л. Судебная ошибка: теоретико-прикладной анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Н-Новгород, 2009; Терехова Л.А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008; Щерба А.А. Участие адвоката в предупреждении и исправлении судебных ошибок в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Красильников Б.В. Судебная ошибка по гражданскому делу как следствие несовершенства материального и процессуального законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; Афанасьев В.В. Судебная ошибка. Ярославль, 2000.

²⁸ Ширванов А.А. Нарушения закона в уголовном процессе Российской Федерации и их правовые последствия: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005.

²⁹ Попова О.А. Уголовно-процессуальные и организационно-тактические ошибки на стадии предварительного следствия и пути их предотвращения и устранения: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.

³⁰ См.: Кузнецов А.С. Заблуждение: логико-гносеологический аспект: автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001; Сорокин Б.Ф. Заблуждение как проблема теории и познания. Орел, 2004 и др.

В ходе производства предварительного расследования допускаются различные следственные ошибки, связанные с пробелами предварительного расследования (односторонностью, неполнотой, необъективностью исследования обстоятельств дела), применением материального и процессуального законодательства.

Следственными ошибками являются и ошибки, допущенные следователем не в досудебных стадиях, а при расследовании по новым или вновь открывшимся обстоятельствам (ст.ст. 413 - 419 УПК РФ). В ходе такого расследования могут производиться допросы, осмотры, экспертизы, выемки и иные необходимые следственные действия.

Ошибки на досудебных стадиях уголовного процесса допускают должностные лица: органов дознания (ошибки дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания); следственных ведомств (ошибки следователя и руководителя следственного органа); прокуратуры (ошибки прокурора, его заместителей и помощников), суда (ошибки судьи при осуществлении судебного контроля).

В нашем исследовании ошибки дознавателя (начальника подразделения дознания, начальника органа дознания) и следователя (руководителя следственного органа), мы будем называть следственными ошибками.

Ошибок прокурора³¹ в настоящем исследовании мы не касаемся.

Ошибки, допущенные судом (судьей) по уголовным делам в досудебных (при осуществлении судебного контроля) и судебных стадиях уголовного процесса (судами первой инстанции, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций), в стадии исполнения приговора, мы будем называть судебными ошибками³². Судебные ошибки также связаны с пробелами судебного следствия (односторонность, неполнота, необъективность в исследовании обстоятельств предмета доказывания по уголовному делу), применением материального (в том числе связанного с назначением наказания) и процессуального законодательства. По справедливому мнению С.Л. Лоня, судебные ошибки необходимо разграничивать со злоупотреблениями в деятельности судьи³³. Об этом важном моменте мы еще скажем далее. Также в дальнейшем исследовании мы покажем, что в подавляющем большинстве случаев ошибка судьи предопределяется первоначальной ошибкой дознавателя, следователя, которую «пропустили» (не заметили) начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, руководитель следственного органа, прокурор.

³¹ См., к примеру: Сазин Д.С. Ошибки государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве: монография. М., 2014.

³² В научном обороте есть еще и термин «ошибки правосудия». См.: Ведищев Н.П. Ошибки правосудия и их устранение (из досье адвоката). М., 2006.

³³ Лонь С.Л. Ошибка судьи (проблема, понятие, регулирование) // Состояние и проблемы развития российского законодательства: Сб. статей / Под ред. В.Ф. Воловича. Томск, 1998. С. 164.

Как и ученые ВНИИ Генеральной прокуратуры РФ, мы не относим к следственным и судебным ошибкам умышленные действия следователя, направленные на привлечение заведомо невиновного лица к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ), незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст. 301 УК РФ), принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ), фальсификацию доказательств (ст. 303 УК РФ), а также уголовно-наказуемые злоупотребление следователем или судьей своими должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение ими своих должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), уголовно-наказуемая халатность (ст. 293 УК РФ) и др.

Подобные действия (или бездействие) следователя и судьи есть ни что иное как совершение преступления против правосудия, государственной власти, интересов государственной службы и др. Мы не считаем ошибкой даже совершенные по неосторожности преступные халатные действия (бездействие) субъектов, ведущих уголовный процесс: дисциплинарная, но не преступная халатность может быть ошибкой. Полагаем, что «водораздел» между ошибкой и преступлением (умышленным, неосторожным) должен быть - природа этих явлений иная: у ошибок она исходит из просчетов по службе, которые наказываются дисциплинарно, а для преступлений существуют предписания УК РФ, связанные с уголовным наказанием – степень общественной опасности дисциплинарного проступка лица, допустившего ошибку, иная, нежели степень общественной опасности должностного лица, совершившего преступление, связанного с осуществлением им уголовно-процессуальной деятельности. На это правильно обращал внимание еще А.Б. Соловьев, полагая, что существенным признаком следственной ошибки является не преступная мотивация действий следователя³⁴.

Разумеется, преступления, совершаемые субъектами, ведущими уголовный процесс, также влекут за собой дезорганизацию процессуальной деятельности, могут приводить (или не приводить) к неправильным (незаконным, несправедливым) результатам, но, все же, они имеют иную природу, нежели вышеперечисленные ошибки, и потому не включаются в предмет нашего исследования.

Ошибки, связанные с уголовным судопроизводством, допускаются и в иных сферах, которые соприкасаются с уголовно-процессуальной деятельностью. Ученые пристально

³⁴ Соловьев А.Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса. М., 2002. С. 112; Соловьев А.Б. Проблемные вопросы доказывания, возникающие в процессе расследования преступлений при применении УПК РФ. М., 2008. С. 228-229 и др.

изучают экспертные, криминалистические, психологические, оперативно-разыскные и иные ошибки³⁵.

А.А. Кириллова в своих работах предлагает «объединительное» определение следственной ошибки, охватывающее уголовные, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты ошибок. Она считает, что «под следственной ошибкой следует понимать отступление следователя от требований уголовного, уголовно-процессуального закона и различных, в том числе криминалистических, научных рекомендаций при проведении процессуальных и иных действий, а равно не проведение нужных по обстоятельствам дела процессуальных, иных действий, не использование тактических приемов и тактических операций, повлекшие за собой принятие решений, противоречащих закону, не достижение оптимального результата или утрату потенциальных возможностей в ходе предварительного расследования и/или судебного разбирательства»³⁶.

Безусловно, влияние экспертных, криминалистических, психологических, оперативно-разыскных и иных ошибок на следственные и судебные ошибки, взаимосвязь между ними есть, но специфика указанных выше ошибок не составляет предмет нашего исследования.

В научных исследованиях, посвященных проблемам следственных и судебных ошибок, можно увидеть совершенно разные подходы и взгляды на этот феномен. Для полноты картины этих воззрений приведем самые разные позиции, чтобы в конечном итоге представить свое видение этого феномена.

Н.Л. Гранат, на наш взгляд, достаточно узко определяла ошибку в уголовном судопроизводстве как погрешность, неправильность, неверность, промах или действие, не приводящее к достижению поставленной цели. При этом она полагала, что ошибка – это такого рода искажение в познании или отклонение от цели, которые допущены непреднамеренно. То есть ошибка для нее всегда является результатом добросовестного заблуждения³⁷. Это не так, поскольку ошибка может быть связана с недобросовестным

³⁵ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С.166; Шашин Д.Г. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в методике расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. С. 46-47; Комарова Е.И. Влияние ошибок досудебного производства и характера судебной ситуации на тактику поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. С. 9; Крамаренко В.П. Ситуационный подход к выявлению и преодолению следственных ошибок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 9; Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. Минск, 2000. С. 286-288; Зорин Р.Г. Исследование закономерностей формирования и устранения негативных обстоятельств и существенных нарушений в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. 2013. №3. С.149-154.

³⁶ Кириллова А.А. Основы криминалистической методики судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Улан-Удэ, 2014. С. 60; Кириллова А.А. Следственные ошибки в методике судебного разбирательства // Библиотека криминалиста. 2013. №3. С.156.

³⁷ Гранат Н.Л. Следственные ошибки: понятие, виды и причины // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. 1983. №76. С. 57. Близкой позиции придерживается В.И. Власов. См.: Власов В.И. Расследование преступлений. Проблемы качества. Саратов, 1988. С. 63.

отношением к обязанностям, выражаться в преднамеренных, но не преступных нарушениях законов.

М.Е. Пучковская, следуя в том же направлении, что и ученые ВНИИ Генеральной прокуратуры РФ, определяла следственную ошибку как «непреступное неправомерное действие или бездействие лица, проводящего предварительное расследование, противоречащее нормам уголовно-процессуального или уголовного права, которое привело или могло привести к принятию незаконного или необоснованного решения, либо к непринятию необходимого решения»³⁸. Данное определение нам также представляется недостаточно полным, не охватывающим всего спектра следственных ошибок, в частности, пробелов предварительного расследования, связанных с неполнотой, односторонностью и необъективностью в установлении всех элементов предмета доказывания по уголовному делу.

Нами в целом разделяется позиция известного ученого-процессуалиста А.Д. Бойкова, который в качестве следственной ошибки понимал «любое незаконное или необоснованное решение, вызванное неправильным действием или бездействием»³⁹. В число ошибок им включались грубые процессуальные нарушения, совершаемые вполне осознанно, и неправильное применение уголовного закона, незаконность и необоснованность которых констатирована соответствующим должностным лицом или органом. Указание в определении таких признаков ошибки (каждого самостоятельно), как «незаконность» и «необоснованность» решения, имеет значимость, поскольку позволяет различать ошибки по характеру их образования и точно устанавливать способ их исправления. Однако нам представляется, что неправильные незаконные и необоснованные действия или бездействия, влекущие незаконные и необоснованные решения, также следует рассматривать в качестве ошибки. Равным образом в качестве ошибки следует рассматривать неправильные действия и решения, вызванные неосведомленностью соответствующего должностного лица.

На это верно в свое время было обращено внимание коллективом ученых ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР⁴⁰, давшим следующее определение следственной ошибки: «незаконные и необоснованные действия следователя по привлечению к уголовной

³⁸ Пучковская М.Е. Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 11.

³⁹ Бойков А.Д. Вопросы укрепления законности и повышения эффективности уголовного судопроизводства в свете решений XXVII съезда КПСС // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. Сборник научных трудов / Отв. ред. И.Ф. Демидов, А.Б. Соловьев, С.А. Шейфер, М., 1988. С. 14-15.

⁴⁰ В состав авторского коллектива входили ученые: В.Н. Исаенко, Л.П. Исмакаев, В.А. Лазарева, А.А. Леви, В.Н. Махов, Е.С. Радутная, А.Б. Соловьев (руководитель коллектива), М.Е. Токарева, С.А. Шейфер. Вторым авторским коллективом ученых-исследователей НИИ Генеральной прокуратуры СССР руководил А.Д. Бойков. В состав коллектива входили ученые и практики – И.Ф. Демидов, В.Ф. Кучумова, Т.А. Михайлова, В.Н. Нажимов, Ю.А. Воробьев, О.М. Ястребова. Данный коллектив занимался проблемами выявления и устранения следственных ошибок при судебном рассмотрении уголовных дел.

ответственности и заключению под стражу граждан, приостановлению, прекращению, передаче прокурору с обвинительным заключением для направления в суд уголовных дел, которые по ошибочному представлению следователя являлись правомерными и якобы были направлены на обеспечение задач уголовного судопроизводства»⁴¹.

Как впоследствии отмечал руководитель этого коллектива А.Б. Бойков, следственная ошибка имеет два существенных признака: ошибочная оценка следователем своих действий как правомерных и направленных на решение задач уголовного судопроизводства; существенность причиненного ошибкой вреда⁴².

Близкую нам позицию занимает известный исследователь проблем следственных и судебных ошибок С.А. Шейфер, который определяет следственную ошибку как «констатированное соответствующим процессуальным актом управомоченного субъекта умышленное или неумышленное отступление следователя, вследствие ложно понимаемых целей расследования, от требований уголовно-процессуального закона и научных рекомендаций при собирании, проверке и оценке доказательств, принятии промежуточных и итоговых процессуальных актов, а равно непроведение нужных по обстоятельствам дела процессуальных действий, повлекшее за собой принятие решений, противоречащих закону и препятствующих достижению целей судопроизводства»⁴³.

Вместе с тем, оба приведенных выше определения следственных ошибок нуждаются, на наш взгляд, в определенных уточнениях, чтобы четко понимать весь сущностный спектр следственных ошибок.

Но прежде, чем перейти к этим уточнениям, рассмотрим понятия «процессуальная ошибка», «правоприменительная ошибка», «уголовно-процессуальное нарушение», употребляемые рядом авторов вместо понятия «следственные ошибки» в сходных ситуациях.

Понятие «процессуальная ошибка» применяется в широком и узком подходах.

Так, Ю.В. Деришев, понимает под процессуальной ошибкой «любые упущения предварительного следствия: неточности, пробелы и погрешности, неверные или ложные шаги, заблуждения, вызванные разночтениями в толковании закона различными правоприменителями, их недостаточным образовательным и профессиональным уровнем,

⁴¹ Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного ... С. 7-8.

⁴² Соловьев А.Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса. С. 112; Соловьев А.Б. Проблемные вопросы доказывания ... С. 228-229. Автор настоящего исследования занимал такую же позицию. В конце девяностых годов прошедшего столетия он являлся аспирантом НИИ Генеральной прокуратуры Российской Федерации и под научным руководством М.Е. Токаревой в секторе А.Б. Соловьева выполнил кандидатское исследование по теме: «Проблемы следственных ошибок в досудебных стадиях уголовного процесса (по материалам Средне-Сибирского региона)». См.: Назаров А.Д. Проблемы следственных ошибок в досудебных стадиях уголовного процесса (по материалам Средне-Сибирского региона): дис... канд. юрид. наук. М., 1999. 297 с.

⁴³ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: Проблемы теории и правового регулирования. М., 2009. С. 204.

низкой эффективностью прокурорского надзора и процессуального руководства предварительным следствием»⁴⁴. Как видно из этого определения, понятие процессуальной ошибки рассматривается данным автором слишком широко. Для него процессуальная ошибка связана не только с конкретными нарушениями норм процессуального закона (они лишь подразумеваются), но и с другого рода отклонениями от правильно организованной деятельности.

Напротив, А.М. Баранов дает слишком узкое определение процессуальной ошибки. С его точки зрения, под процессуальной ошибкой следует понимать «непреднамеренное нарушение процессуального закона, выразившееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении его требований следователем либо иным процессуальным органом и признанное таковым компетентным субъектом в соответствующем правовом акте»⁴⁵. Иначе говоря, за пределами используемого им понятия остаются преднамеренные нарушения закона (если они не являются преступными), которые, по мнению совершившего их должностного лица, соответствуют закону и/или назначению уголовного судопроизводства. За пределами данного понятия остаются также нарушения закона, выявленные и исправленные допустившим их должностным лицом, но официально не признанные таковыми в специальном правовом акте.

Вне всякого сомнения, в данном контексте избранное нами понятие следственной ошибки – более точное и определенное, нежели понятие процессуальной ошибки.

Понятие «правоприменительная ошибка» применяется в подходе близком к нашему пониманию следственной ошибки.

Так, по мнению Н.Н. Вопленко, правоприменительная ошибка есть результат властной деятельности специальных субъектов правоприменения, противоречащий нормам материального или процессуального права, не достигающий истинных целей правового регулирования, квалифицируемый компетентным органом в качестве ошибочного. Определением Н.Н. Вопленко охватываются такие признаки правоприменительной ошибки, как нарушение закрепленных законодательством норм материального и процессуального права; несоответствие целям правового регулирования; наличие решения, действия или бездействия не любого субъекта, а только наделенного властными полномочиями специального субъекта правоприменения; констатация подобной деятельности как ошибочной компетентным лицом либо органом⁴⁶.

⁴⁴ Деришев Ю.В. Основные процессуальные ошибки, влекущие необоснованное привлечение к уголовной ответственности // Законодательство и практика. 1998. №1. С. 19.

⁴⁵ Баранов А.М. Процессуальные ошибки, совершаемые на этапе окончания предварительного следствия и способы их устранения. Омск, 1996. С. 11.

⁴⁶ Вопленко Н.Н. Ошибки в правоприменении: понятие и виды // Советское государство и право. 1981. №4. С.41. О правоприменительных ошибках см. также: Русских В.В. Правоприменительные ошибки сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1998; Мурсалимов К.Р. Правоприменительные ошибки: проблемы теории: дис. ... канд. юрид. наук. Н-Новгород, 2000. О связанных с

По сути дела, такое определение правоприменительной ошибки в целом согласуется с нашим понятием следственной и судебной ошибки, хотя и не по всем признакам (исключая материально-правовые нарушения и нарушения, выявленные и исправленные тем субъектом, который их допустил).

Понятие «уголовно-процессуальное правонарушение» близко нашему пониманию следственной ошибки.

Так, А.Т. Дугин полагал, что «правомерным является такое уголовно-процессуальное действие, которое произведено органом расследования своевременно, при наличии достаточных оснований и в порядке, установленном нормами уголовного и уголовно-процессуального права вне зависимости от полученного при этом результата». В понятие «уголовно-процессуального правонарушения» А.Т. Дугин вкладывал следующий смысл: «...это посягающее на уголовно-процессуальный порядок общественно-опасное либо вредное виновное действие, исполненное вопреки требованиям уголовных и уголовно-процессуальных норм без достаточных оснований или несвоевременно, или с несоблюдением установленного порядка, а равно противоправное бездействие, когда имелись достаточные основания для производства необходимых процессуальных действий»⁴⁷.

Нам представляется, что А.Т. Дугин, не используя понятия следственных ошибок, тем не менее, имел их в виду, когда в спектр уголовно-процессуальных правонарушений включал допущенные следователем нарушения норм УПК РФ, УК РФ, пробелы предварительного расследования. В то же время А.Т. Дугин в понятие уголовно-процессуальных правонарушений включал и преступные действия следователя, что, как отмечалось выше, не может рассматриваться в качестве следственных ошибок.

Здесь следует упомянуть еще одного автора – С.Г. Олькова, который не воспринимал термин «ошибка» вообще, оперируя понятием «уголовно-процессуальное правонарушение». С его точки зрения, ошибка – не нарушение закона, не действие или бездействие, а отношение субъекта к объекту, определяемое в правовой науке через категорию вины. «Термин «ошибка»... не уместен в правоведении, где все по возможности, и особенно там, где речь идет об ответственности, должно быть предельно конкретным и точным»⁴⁸. Возможно, С.Г.

правоприменительными – правоинтерпретационных ошибках см.: Пишина С.Г. Правоинтерпретационные ошибки. Проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Н-Новгород, 2000.

⁴⁷ Дугин А.Т. Проблемы борьбы с уголовно-процессуальными правонарушениями при расследовании преступлений средствами прокурорского надзора: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 59. См. также: Ширванов А.А. Нарушения закона в уголовном процессе ...; Пикельный Д.С. Уголовно-процессуальные правонарушения, связанные с применением мер процессуального принуждения в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006; Якуньков М.А. Уголовно-процессуальные правонарушения, связанные с производством следственных действий в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007.

⁴⁸ Ольков С.Г. Уголовно-процессуальное правонарушение в российском судопроизводстве и общая теория социального поведения. Тюмень, 1993. С. 45-46.

Ольков в подобном отрицании термина «ошибка» видит особый смысл, оправданный в рамках разработанной им теории уголовно-процессуальных нарушений. Однако, на наш взгляд, с учетом наследуемой нами научной традиции использования названного термина⁴⁹, скорее, речь идет об авторском предпочтении одного термина другому. Что касается уголовно-процессуального правонарушения, то под ним С.Г. Ольков понимал «выразившееся в нарушении норм (нормы) уголовно-процессуального права, прямо закрепленное (не просто запрещенное) в законе, виновное, общественно-вредное (или общественно-опасное - для преступлений) деяние деликтоспособного субъекта, влекущее меры восстановления правопорядка, ретроспективной юридической ответственности и негативных санкций как уголовно-процессуальной, так и отраслевой принадлежности. Такое правонарушение является единицей (завершенным элементом) уголовно-процессуальной правонарушаемости как социально-правового явления⁵⁰. То есть, по сути, позиция названного автора смыкается с позицией А.Т. Дугина (по крайней мере, в рассматриваемом нами контексте).

Кроме того, как и С.А. Шейфер, И.М. Зайцев⁵¹, мы не можем согласиться с отношением С.Г. Олькова к термину «ошибка» и по некоторым другим соображениям.

Во-первых, дефекты в результатах предварительного расследования могут быть порождены не только уголовно-процессуальными правонарушениями, но и нарушениями (пренебрежением) криминалистических рекомендаций и рекомендаций судебной психологии (хотя они и не включаются в предмет нашего исследования) при формально безупречном соблюдении закона.

Во-вторых, вряд ли можно трактовать ошибку лишь как отношение субъекта к объекту. Ошибка – это не только неправильность мысли, но и неправильность действия, порожденного ошибочностью мысли. Если же трактовать ошибку как результат неправильного действия (для чего также есть логические основания), то становится ясным, что следственные ошибки не тождественны правонарушениям, а находятся с ними в сложных причинно-следственных связях. В одних случаях ошибка – причина, в других - следствие правонарушения.

⁴⁹ Данный термин используется и в судебной практике. См., например: О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанции [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 23 дек. 2008 г. №28 (ред. от 9 фев. 2012 г.) // Сайт Верховного Суда РФ. Электрон. дан. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.vsrfl.ru/Show_pdf.php?Id=6501 (дата обращения 31.01.2017); Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края от 02 фев. 1996 г. №4-П [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. Электрон. дан. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30283.pdf> (дата обращения 31.01.2017).

⁵⁰ Курс уголовного судопроизводства / В.А. Михайлов [и др.]; под ред. В.А. Михайлова. М., 2006. Т.1: Общие положения уголовного судопроизводства. С. 274-275.

⁵¹ Шейфер С.А. Структура и общая характеристика следственных ошибок // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. Сборник научных трудов / Отв. ред. И.Ф. Демидов, А.Б. Соловьев, С.А. Шейфер, М., 1988. С.18-28; Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. Саратов, 1985. С. 15-16.

Иначе говоря, правонарушение, как ошибка в процессуальном действии (или в пренебрежении криминалистическими, психологическими рекомендациями), порождает ошибочный результат, равно как и ошибка в мысли (к примеру, ошибочный вывод о достаточности доказательств) приводит к ошибочности процессуального действия (или действий) (например, к необоснованному привлечению лица в качестве обвиняемого по делу)⁵².

Природа судебной ошибки во многом схожа с природой следственных ошибок.

По мнению А.С. Кобликова, судебная ошибка – это, прежде всего, «решение суда о виновности или невиновности подсудимого и о мере наказания, не соответствующее действительным обстоятельствам дела, принятое непреднамеренно». То есть, судебная ошибка не может быть допущена судом умышленно⁵³.

В.А. Давыдов полагает, что «под судебной ошибкой по уголовному делу следует понимать установленное вышестоящим судом в предусмотренном порядке нарушение судьей (судом) норм процессуального и (или) материального законов при производстве по уголовному делу, допущенное вследствие добросовестного заблуждения, по небрежности либо ввиду совершения судьей (судом) преступления при рассмотрении данного уголовного дела, а также ввиду преступных действий других участников процесса, о которых не было известно суду, либо вследствие неосведомленности суда об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, если это повлекло отмену или изменение приговора, определения, постановления суда вышестоящим судом. Судебная ошибка имеет место как в случае нарушения закона судом, так и в случае вынесения неправосудного судебного акта вследствие неосведомленности суда об обстоятельствах, имеющих значение для дела»⁵⁴.

Мы во многом можем согласиться с подходом В.А. Давыдова, кроме его позиции о том, что судебные ошибки допускаются вследствие «совершения судьей (судом) преступления при рассмотрении данного уголовного дела»: на наш взгляд, это уже не ошибка, а преступление против правосудия, о чем мы уже вели и далее еще будем вести речь.

⁵² Следует отметить, что понятия ошибки и уголовно-процессуального нарушения разграничивают многие авторы, хотя далеко не всегда по сходным с нашим подходом основаниям. См.: Ширванов А.А. Понятие ошибки в уголовном судопроизводстве и ее отличие от правонарушения // Рос. следователь. 2005. №7. С. 8-12; Ширванов А.А. Нарушения закона в уголовном процессе ... ; Францифоров Ю.В. Противоречия в уголовном судопроизводстве, связанные с правоприменительными ошибками // Следователь. 2005. №2. С. 30; Лисюткин А.Б. Ошибка как категория правоповедения: теоретико-методологический аспект: дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 14; Васяев А.А. Ошибки или нарушения уголовно-процессуального закона? // Адвокат. 2010. №4. С. 9; Поляков С.Б. Отличие судебной ошибки от правонарушения судьи // Адвокат. 2010. №5. С. 5; и др.

⁵³ Кобликов А.С. Юридическая этика. М., 2005. С. 71.

⁵⁴ Давыдов В.А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: теория и практика исправления судебных ошибок. М., 2012. С.39-40.

Как считает З.Ф. Коврига, следственная и судебная ошибка – это «непреднамеренно искаженное познание объективной действительности»⁵⁵.

Это определение ошибки ограничивается только познавательной деятельностью и не охватывает собой существенных нарушений уголовно-процессуального и уголовного закона.

В.В. Афанасьев полагает, что рассматриваемый термин применяется в юридической литературе в двух интерпретациях: «В широком смысле любая ошибка суда - это судебная ошибка. Однако более распространено толкование понятия судебной ошибки в узком смысле: как осуждение невиновного»⁵⁶.

Другими словами, наиболее распространенным пониманием термина «судебная ошибка», по мнению указанного автора, является «результат неправильно вынесенного по делу решения». Совершенно очевидно, что на самом деле речь идет не об ошибке (ошибочном решении и/или предшествующих ему ошибочных действиях), а об ее последствии.

И.Л. Петрухин, Г.П. Батуров, Т.Г. Морщакова полагали, что «судебная ошибка – это, прежде всего, не соответствующая целям и задачам правосудия деятельность судьи либо последствия такого действия. В этой связи не может не возникнуть вопрос о целевых установках судопроизводства. Для определения целенаправленности используют термины «задачи» и «цели», различая цели, достигаемые в судебном разбирательстве, и те, достижению которых судопроизводство способствует. В качестве задач выступают правильное и быстрое рассмотрение и разрешение дела. Специфика целей правосудия заключается в том, что они нормативно установлены, обращены к суду и подлежат реализации при рассмотрении и разрешении конкретных дел. Невыполнение указаний закона, установившего цели, неправомерно и служит основанием для применения соответствующих процессуальных санкций»⁵⁷.

Следуя приведенной выше логике рассуждений известных ученых, значение целей в регулировании судопроизводства состоит в том, что они: заключают в себе идеальную модель правосудия, обуславливают комплекс правовых средств, предоставляемых в распоряжение суда, ориентируют всех участников процессуальной деятельности на достижении конечных результатов судопроизводства, определяют требования к судебной деятельности и ее актам. В этом смысле, если суд не реализует цели и задачи судопроизводства (имеет иные установки), то, значит, совершает судебную ошибку, выражающуюся в неправильных действиях (бездействиях) и/или решениях (ошибочном поведении), не соответствующих заданным правовым ориентирам (существенно отклоняющихся от них). Такое поведение ошибочно

⁵⁵ Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность / Науч. ред. Л. Д. Кокорев. Воронеж, 1984. С. 63.

⁵⁶ Афанасьев В.В. Судебная ошибка. С. 5.

⁵⁷ Петрухин И.Л. Теоретические основы эффективности правосудия. С. 51-52.

потому, что не отвечает установленным законом требованиям, не соответствует принятым образцам, эталонам или иным нормативно определенным условиям правомерности процессуальной деятельности.

Отсюда следует, что неправильные (ошибочные) действия (бездействия) и/или решения суда всегда объективно противоправны, и это, на наш взгляд, существенная черта анализируемого понятия (не только судебной ошибки, но и следственной).

В данной связи существенным является и то, что содержание судебной ошибки предопределяет юридическую характеристику меры ее устранения. Как правило, такие нарушения не влекут процессуально-правовой ответственности и ликвидируются различными мерами процессуально-правовой защиты (путем отмены ошибочного акта, восстановления нарушенного положения и др.), которые направлены на организацию законного и обоснованного разбирательства дела. Ведь каждая допущенная ошибка негативно влияет на интересы правосудия, отражается на качестве рассмотрения и разрешения дел, препятствует достижению целей судопроизводства.

Вот почему объем понятия «судебная ошибка» несколько иной, нежели объем понятия «основание к отмене (изменению) приговора», и включает все неправильности, допускаемые в процессе (любое нарушение юридических предписаний ошибочно - независимо от порядка его исправления).

Можно согласиться с Э.В. Казгериевой, что понятие судебных ошибок должно включать в себя следующие существенные признаки:

- совершаются субъектами процессуальной деятельности, уполномоченными рассматривать и разрешать дела, пересматривать и исполнять судебные постановления;
- представляют собой несоблюдение целевых установок судопроизводства;
- являются нарушением требований, определяющих правомерность процессуальной деятельности и судебных актов;
- всегда объективно противоправны;
- устраняются правовыми средствами, которые реализуются в процессуальном порядке.

Можно согласиться в целом (в контексте вышеприведенных рассуждений) и с ее определением судебной ошибки (исключив из него признак непреднамеренности), как объективно-противоправной деятельности суда, которая не соответствует установленным законом требованиям, в результате чего не достигаются цели судопроизводства, влекущей в случае установления наступление определенных юридических последствий для его

участников⁵⁸.

Иногда, в контексте судебной ошибки употребляется понятие «логическая ошибка», под которой понимается несоответствие выводов суда требованиям материального и процессуального законодательства, нравственным нормам; непреднамеренный алогичный результат, не соответствующий цели правоприменения, где в основе лежат добросовестное заблуждение либо неосторожность в деятельности субъектов правоприменения⁵⁹. В целом такое понимание не противоречит приведенной выше позиции и с учетом сделанных нами замечаний может быть принято.

Таким образом, уже сам по себе факт многолетнего научного изучения следственных и судебных ошибок подтверждает, что они представляют собой феномен уголовно-процессуальной деятельности (о чем уже упоминалось выше). Еще раз подчеркнем, что в идеале в уголовном процессе, основанном на строгом соблюдении субъектами, ведущими этот процесс, принципа законности, ошибок не должно быть. Но они всегда были, есть и, к сожалению, будут. В этом и состоит феномен ошибок в уголовном судопроизводстве. Причем, конечно, это негативный феномен.

Учитывая подобный характер ошибок в уголовном судопроизводстве, с научной точки зрения нельзя ставить вопрос о полном их искоренении. Ошибки можно и нужно выявлять, устранять. Ошибки можно минимизировать. Многие из них можно избежать, предупредить, а некоторые – и прогнозировать, чтобы не допустить.

Отправной точкой изучения феномена ошибок с концептуальной точки зрения, если следовать в заданной выше логике, является точное определение понятия ошибки.

На наш взгляд, с учетом проведенного выше анализа различных взглядов, позиций и подходов ученых, для определения понятия «следственная и судебная ошибка» важно иметь в виду следующее:

Во-первых, процессуальный статус ошибки (условно – «официальные» ошибки) имеют лишь те отступления от принципа законности в уголовном судопроизводстве, которые зафиксированы субъектами, ведущими уголовный процесс, в процессуальных документах (к примеру, в приговоре суда и др.).

Иные участники (защитник, потерпевший, обвиняемый и др.) могут, в том числе и процессуально, реагировать на ошибки, указывать на них, но до тех пор, пока властный субъект, ведущий уголовный процесс, официально не отреагирует и в процессуальном документе не укажет на ошибку, о процессуальном статусе ошибки говорить не приходится.

⁵⁸ Казгериева Э.В. Логические ошибки в судебном правоприменении: дис...канд. юрид. наук. М., 2006.

⁵⁹ См.: Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Избрание меры пресечения судом: науч.-практ. пособие / Под ред. Н.А. Колоколова. М., 2011. С. 290.

Конечно, каждый ученый, изучая уголовное дело, по-своему определяет – допущена ошибка или нет, исходя, в том числе, из собственных представлений о надлежащем качестве расследования преступлений и судебного разбирательства уголовного дела. Факт ошибки по делу может быть констатирован исходя из субъективных суждений исследователя (они тоже могут оказаться ошибочным). Поэтому в научном исследовании субъективный подход в констатации ошибки в уголовном деле должен как бы преломляться через официальную версию ошибки, констатированной соответствующим процессуальным решением.

Таким образом, необходимо помнить, что феномен ошибки связан с реальным существованием:

- ошибок, официально констатированных (и юридически признанных) в процессуальных документах субъектов, ведущих уголовный процесс;
- иных ошибок (в том числе – латентных).

Во-вторых, очень важно, особенно в контексте разграничения ошибки и уголовно-процессуального правонарушения, всегда разделять саму ошибку (конкретного действия/бездействия или решения, совершенного или принятого с нарушением требований закона к их форме и содержанию) и последствия, которые она вызвала или могла вызвать⁶⁰.

Чтобы дать собственное определение ошибок и сформулировать его наиболее полно и точно, необходимо сделать несколько важных обобщений.

Мы подчеркивали, что появление в уголовном деле ошибок тесно связано с нарушениями субъектами, ведущими уголовный процесс, принципа законности в уголовном судопроизводстве⁶¹. На наш взгляд, можно выстроить определенную шкалу этих нарушений:

1. Преступления субъектов, ведущих уголовный процесс, связанные с расследованием и судебным разбирательством по уголовным делам.
2. Процессуально-значимые нарушения принципа законности, включающие в себя неполноту, односторонность и необъективность исследования обстоятельств уголовного дела; несоблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов справедливого правосудия⁶²; существенные нарушения уголовно-процессуального закона; неправильное применение уголовного закона.

⁶⁰ Для должностных лиц, ее допустивших - например, дисциплинарные санкции, иных лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства - например, освобождение из-под стражи обвиняемого, для производства по уголовному делу - например, возвращение уголовного дела прокурором для производства дополнительного расследования.

⁶¹ Следует заметить, что еще в советское время законность ставилась во главу угла всего уголовного судопроизводства и противопоставлялась принципу так называемой «процессуальной экономии», которая рассматривалась как порочный путь, приводящий к нарушению конституционного принципа законности и появлению в уголовном деле следственных и судебных ошибок. См., к примеру: Кобликов А.С. Законность – конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. М., 1979. С. 175-188.

⁶² Нам представляется, что как отдельный вид ошибок в силу особой значимости положений Конституции РФ для уголовного процесса необходимо выделить несоблюдение конституционных прав и свобод

3. Иные нарушения принципа законности (технические и иные подобного рода ошибки)⁶³.

Преступления не входят в предмет нашего исследования, поскольку имеют свою особую природу (о чем мы уже говорили). Иные нарушения субъектами, ведущими уголовный процесс, принципа законности (технические и иные подобного рода ошибки) не являются предметом нашего исследования, так как они существенно не посягают на выполнение назначения уголовного судопроизводства и объективно в меньшей степени препятствует его достижению.

Предметом нашего исследования является вторая группа нарушений принципа законности - процессуально-значимые нарушения этого принципа, которые объективно препятствуют выполнению назначения уголовного судопроизводства. При этом мы будем вести речь об ошибке, как правило, в ситуации: неправильное действие/бездействие (ошибка) – неправильный результат или возможность его наступления (ошибка) в их взаимосвязи. То есть как правило, не будем рассматривать вполне возможные ситуации: неправильное действие (ошибка) – правильный результат; правильное действие – неправильный результат (ошибка); формально правильное действие – формально правильный, но объективно неправильный результат.

На основании вышеизложенного можно дать следующее развернутое определение ошибки в уголовном судопроизводстве:

ошибка (следственная, судебная) – это не содержащее признаков уголовно-наказуемых деяний незаконное или необоснованное действие или бездействие субъектов, ведущих уголовный процесс, выразившееся в неполноте, односторонности и необъективности исследования указанными субъектами обстоятельств уголовного дела, несоблюдении конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов справедливого правосудия, существенном нарушении уголовно-процессуального закона, неправильном применении уголовного закона, соответствующее их субъективному отношению к назначению уголовного судопроизводства и объективно препятствующее его

человека и гражданина. Кроме того, необходимо учитывать, что Россия должна неукоснительно соблюдать нормы и принципы международного права, тем более что с 1998 года она находится под юрисдикцией Европейского Суда по правам человека. См. также: Гаврилов Б.Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: автореф. ... докт. юрид. наук. М., 2004.

⁶³ Следует оговориться, что в уголовно-процессуальной деятельности могут в исключительных случаях возникать ситуации, когда формально принцип законности не нарушен, но результат этой деятельности – ошибочный (оправдательный вердикт присяжных заседателей, далее – оправдательный приговор, который оказывается ошибочным: внешне никто не нарушил принцип законности, а результат – ошибочный; на всех законных основаниях следователь произвел задержание лица по подозрению в совершении преступления («все улики против него»), а впоследствии подозрение не подтвердилось: внешне никто не нарушил принцип законности, а результат – ошибочный и т.д.). На наш взгляд, это единичные исключения, а общее правило: нарушение принципа законности влечет за собой следственные и судебные ошибки.

нормативно-заданному достижению в виду получения (или возможности получения) неправильного процессуального результата (решения).

§2. Концептуальные основы устранения ошибок в уголовном судопроизводстве

Классически принято считать, что концепция является формой познания правовых явлений⁶⁴, к каковым относится и деятельность, направленная на устранение (выявление, исправление, предупреждение) ошибок в уголовном процессе, широко понимаемых как результат разного рода отклонений от заданной законом нормы.

Потребность в разработке концепции такой деятельности (концепции ошибки) вызвана, прежде всего, необходимостью разрешения комплекса фундаментальных теоретических и прикладных проблем в уголовном судопроизводстве, требующих доктринального толкования в контексте проводимой в нашей стране правовой реформы, усиливающихся со стороны государства мер по борьбе с преступностью и, одновременно, возрастающей актуальностью неукоснительного соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Очевидно, что данная концепция не потеряет своей значимости и в дальнейшем, так как в силу различных объективных и субъективных причин и факторов невозможно свести к нулю случаи нарушения принципа законности со стороны субъектов, ведущих уголовный процесс.

Классически в содержание концепции входят теоретические положения об ее объекте, содержании отдельных элементов, месте в системе научного знания, значении для теории и практики, задачи дальнейшего научного исследования⁶⁵. Причем, концепция (концепт) – это всегда инновационная идея, обладающая научным смыслом и содержательно наполненная.

Объектом теоретической концепции в самом общем виде являются закономерности и тенденции в определенной сфере общественных отношений, содержащие социальное противоречие и порождающие проблемную ситуацию⁶⁶.

Отсюда следует, что объектом концепции деятельности по устранению следственных и судебных ошибок (далее – концепция устранения ошибок) является феномен, отражающий закономерность ее совершения, которая выражается в противоречии между неизбежностью

⁶⁴ Понятовская Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. Ижевск, 1996. С.5.

⁶⁵ Григорьев В.Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика): дис. ... докт. юрид. наук. М., 1993. С. 77-97; Зеленецкий В.С. Общая теория борьбы с преступностью. Харьков, 1994. Т. 1: Концептуальные основы. С. 19; Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. Монография. М., 2003. С. 95-103; и др.

⁶⁶ Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. 2-е изд. перераб. и доп. М., 1987. С. 14-29.

(естественностью) ошибок и необходимостью противодействия им и, тем самым, порождает проблему их устранимости.

Очевидно, что объект такой концепции (как и любой иной теоретической концепции) в значительной мере предопределяет ее систему. В ней можно выделить два элемента, первый из которых является системообразующими, а второй - основным.

Первый элемент – это теоретическое представление о самой следственной и судебной ошибке и ее особенностях как феномене уголовно-процессуальной деятельности (включая представления о структуре, классификации и причинах ошибок). Он является системообразующим потому, что без учета понятия и особенностей ошибки как таковой нельзя говорить об ее устранении.

Второй – о правовом и организационном механизме выявления, исправления, предупреждения следственных и судебных ошибок (или иначе – о правовом и организационном обеспечении их устранения).

Второй элемент является основным потому, что устранение ошибок напрямую зависит от совершенства или несовершенства законодательства (в том числе ведомственного нормотворчества), заданного им построения (и организации) уголовно-процессуальной деятельности, в том числе судебной практики (включая практику Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека, Верховного Суда Российской Федерации), а также от качества решения управленческо-организационных вопросов (в том числе ресурсного и информационного обеспечения).

Объединенные одним объектом, идеи и теоретические положения об особенностях ошибки как феномене уголовного процесса, правовом и организационном обеспечении деятельности по устранению ошибки, образуют в совокупности целостную теоретическую систему, которая и представляет собой относительно самостоятельную концепцию.

Концепция устранения ошибок является по своему содержанию комплексной, имеет междисциплинарный характер и тесно связана с различными отраслями научного знания.

Комплексный подход к разработке данной концепции обусловлен изучением ошибок в контексте движения уголовного дела по стадиям уголовного судопроизводства, равно как и необходимостью рассматривать феномен следственной и судебной ошибки в его широком понимании.

Концепция устранения ошибок носит междисциплинарный характер, так как в решение проблемы их устранимости вносит свой вклад не только уголовно-процессуальное право, но и уголовное право и криминология, криминалистика и теория оперативно-разыскной деятельности, международное право, психология и многие другие отрасли знаний.

Концепция устранения ошибок имеет как научное, так и практическое значение.

Научное значение этой концепции состоит в том, что она позволяет объединить разрозненные научные положения об ошибках в единую систему. Это, в свою очередь, дает возможность обнаружить пробелы в научных исследованиях, оценить сложившуюся ситуацию, определить ее причины, выбрать адекватные средства и методы (уголовно-процессуальные механизмы) ее разрешения.

Практическое значение рассматриваемой концепции заключается в том, чтобы вооружить субъектов, ведущих уголовный процесс, научно обоснованными рекомендациями по устранению ошибок. Реализация концепции должна обеспечить законное и эффективное предварительное расследование и отправление правосудия по уголовным делам, привести к повышению профессионального уровня и качества деятельности должностных лиц органов следствия, прокуратуры и суда, а также, в конечном счете, к увеличению степени надежности защиты прав и законных интересов человека и гражданина в Российской Федерации.

Накопление фактического и научного материала по вопросам устранения ошибок, произошедшее за последние десятилетия, ставит перед научными работниками задачи систематизации, осмысления, гармоничного представления современной целостной теоретической концепции устранения ошибок. Приоритетными направлениями исследований при этом, по мнению автора, являются: теоретическое обоснование комплексного подхода к изучению феномена ошибки в уголовном судопроизводстве, определение понятия ошибки, ее видов (классификации), структуры и содержания, причин; выявление новых, более совершенных, приемлемых для нашей страны, уголовно-процессуальных механизмов устранения ошибок.

Концепция устранения ошибок предполагает разработку научно-обоснованного подхода к разрешению проблемы их устранимости, без определения которого невозможно добиться желаемых результатов. Обозначенные в ней стратегические направления дают возможность для органов власти разрабатывать специальные долгосрочные программы, предусматривающее комплекс мероприятий для всех государственных органов и общества по обеспечению законного и справедливого отправления правосудия по уголовным делам в Российской Федерации.

Кроме того, рассматриваемая концепция открывает дальнейшие перспективы проведения научных исследований эффективной деятельности органов уголовной юстиции, их координации и взаимодействия в сфере обеспечения режима законности в уголовном судопроизводстве.

Следует подчеркнуть, что любая концепция является определенным способом понимания, трактовки какого-либо предмета, явления, процесса, основной точкой зрения на

предмет или явление, руководящей идеей для их систематического освещения⁶⁷. В нашем случае концепция представляет собой систему научных взглядов как на уголовно-процессуальный механизм устранения ошибок, так и на феномен ошибки в уголовном судопроизводстве (системообразующий по отношению к данному механизму).

Уголовно-процессуальный механизм (механизмы) устранения ошибок должен концептуально раскрываться на уровне уголовно-политических стратегий обвинения и защиты, а также на уровне нормативно и организационно заданных юридико-технических конструкций, конкретных средств и способов.

Феномен ошибки должен концептуально раскрываться на уровне определения понятия ошибки, обоснования структуры ошибок, их классификации и причин совершения.

При этом можно сказать, что теоретические представления о механизме устранения ошибок, его построении, «разворачивании» по стадиям уголовного процесса являются рациональной (и в этом смысле основной) частью общей концепции устранения ошибок и предполагают проведение практического исследования (в том числе, с точки зрения установления реального положения дел и разработки мер по совершенствованию действующих механизмов в целях минимизации допускаемых ошибок). Именно на данную часть мы и будем обращать внимание в дальнейшем как предметно определяющую наше исследование.

Таким образом, назначением рассматриваемой концепции является разрешение целого комплекса фундаментальных теоретических и практических проблем устранения ошибок, требующих как доктринального толкования, так и соответствующего законотворчества (с учетом современной уголовной политики) в целях совершенствования механизма устранения ошибок. В своей совокупности все перечисленные выше элементы исследуемой системы (понятие ошибки, ее структура, классификация, причины, конкретные механизмы устранения и др.) составляют целостную единую концепцию устранения следственных и судебных ошибок, что обусловлено комплексным подходом к ее разработке.

Иначе говоря, концептуальный подход к феномену ошибок и механизму их устранения в уголовном судопроизводстве позволяет:

выделить (наряду с другими) специальную цель уголовного процесса – выявление, исправление, предупреждение следственных и судебных ошибок (в сокращенной версии – устранение ошибок);

показать роль и значение стратегий обвинения и защиты в выборе определенного организационно-правового построения механизма устранения ошибок;

⁶⁷ Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв [и др.]. М., 1983. С. 278.

обозначить широкий комплекс научных и практических положений по проблемам ошибок и их устранению.

Разумеется, изложенная выше разработка концептуальных основ устранения ошибок⁶⁸ позволила представить лишь ту необходимую автору базу, которая является актуальной для исследования теоретических и прикладных аспектов уголовно-процессуальных механизмов устранения ошибок и причин, их порождающих.

§3. Классификация ошибок в уголовном судопроизводстве

Ученые, исследующие проблемы ошибок в уголовном процессе, предлагают различные варианты их классификации. Эти классификации позволяют увидеть все многообразие данного феномена, их логическую взаимосвязь и взаимообусловленность.

Так, В.И. Власов в своих исследованиях дает самые разные классификации ошибок и делит следственные ошибки на логические (ошибки в мыслительной деятельности субъектов, ведущих расследование дел) и фактические (несоблюдение ими же требований УПК). Он же подразделяет следственные ошибки на материально-правовые и процессуально-правовые; следственные ошибки при возбуждении уголовных дел, при проведении следственных действий, при привлечении лиц в качестве обвиняемых, при соединении и выделении уголовных дел, при приостановлении расследования, при окончании расследования и др.⁶⁹

В.В. Золотых, занимаясь проблемами допустимости доказательств, предлагает такую классификацию нарушений, которые в нашем понимании близки к ошибкам в уголовном судопроизводстве: нарушения требований, предусматривающих юридические и фактические основания для производства процессуальных действий; нарушения требований УПК, устанавливающих состав и процессуальный статус лиц, участвующих в следственных, судебных и иных процессуальных действиях; нарушения требований уголовно-процессуального закона, регламентирующих способы собирания, закрепления и проверки фактических данных и их источников; нарушения требований закона, регламентирующих порядок производства и фиксации хода и результатов следственных, судебных и иных процессуальных действий; нарушения требований закона, регламентирующих порядок

⁶⁸ Подобного рода разработками занимались и другие авторы. См.: Голик Ю.В. Теория ошибок: уголовно-правовое и криминалистическое значение // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. Межвузовский сб. науч. трудов. / отв. ред. М.И. Ковалев, И.Я. Казаченко. Свердловск, 1989. С. 29-38; Григорьев В.Н. О теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях // Вопросы правоведения: Всероссийский научно-теоретический журнал. 2013. №2. С. 344-361 и др.

⁶⁹ Власов В.И. Расследование преступлений ... С. 64, 92.

возбуждения уголовного дела, их соединения, выделения, приостановления и возобновления предварительного следствия⁷⁰.

Очевидно, что приведенные выше и иные существующие в литературе классификации следственных и судебных ошибок⁷¹ связаны с авторскими определениями этих ошибок. Мы не ставили своей задачей детальное рассмотрение этих классификаций. В контексте концептуального подхода к изучению следственных и судебных ошибок нам важно было разработать свои варианты классификации этих ошибок.

Напомним, что ошибка (следственная, судебная) нами определяется как действие (или бездействие) субъекта, ведущего уголовный процесс, выразившееся, как правило, в процессуально-значимом нарушении принципа законности в уголовном судопроизводстве, не содержащее признаков уголовно-наказуемых деяний, в результате чего не достигнут (или мог быть не достигнут) правильный процессуальный результат.

Исходя из данного нами определения ошибок, можно дать следующие их классификации.

Прежде всего, мы представляем основную, на наш взгляд, классификацию ошибок, которая связана с содержательной сущностью всего многообразия следственных и судебных ошибок и отражает их структуру.

1. Основная классификация - в зависимости от сущностной характеристики ошибок⁷²:

1. Ошибки, выразившиеся в неполноте, односторонности и необъективности исследования обстоятельств уголовного дела (пробелы предварительного расследования; пробелы судебного следствия);
2. Ошибки, выразившиеся в несоблюдении в уголовном процессе конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов уголовного судопроизводства (справедливого правосудия);
3. Ошибки, выразившиеся в существенных нарушениях уголовно-процессуального закона;

⁷⁰ Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. М., 1999. С. 264-295.

⁷¹ См.: Захарова В.О. О классификациях следственных ошибок // Бизнес в законе. 2014. №5. С. 142-144; Следственные ошибки: учебно-практическое пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» / под ред. А.И. Бастрыкина. М., 2016. С. 14-155; и др.

⁷² Необходимо оговориться, что выделение в структуре ошибок именно этих видов в определенной степени условно и сделано нами в продолжение тех научных разработок, которые вели по следственным ошибкам в 80-е годы ученые ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР. Конечно, пробелы предварительного расследования и судебного следствия по большому счету есть и нарушения требований уголовно-процессуального закона. Несоблюдение конституционных положений и международных стандартов уголовного правосудия также являются и нарушениями требований уголовно-процессуального законодательства. Уголовный закон, подчас, неправильно применяется, когда допущены пробелы следствия. Все выделенные нами виды ошибок структурно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Но для целей научного исследования нам важно именно в такой структурной компоновке рассмотреть все эти виды ошибок.

4. Ошибки, выразившиеся в неправильном применении уголовного закона.

Безусловно, «цена» определенных ошибок в силу значимости для человека, общества и государства тех негативных последствий, которые они вызывают, и какие охраняемые Конституцией РФ ценности они затрагивают, различается. Поэтому нами выделен и исследуется новый вид следственных и судебных ошибок – фундаментальные ошибки: данному виду ошибок соответствует и своя классификация.

II. В зависимости от тяжести последствий ошибок для человека, общества и государства:

1. Фундаментальные ошибки.
2. Нефундаментальные ошибки.

При рассмотрении структуры следственных и судебных ошибок нами будет дано определение фундаментальных ошибок и их разновидности.

III. В зависимости от оснований отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке:

- 1) ошибки, связанные с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции;
- 2) ошибки, связанные с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона;
- 3) ошибки, связанные с неправильным применением уголовного закона;
- 4) ошибки, связанные с несправедливостью приговора (его чрезмерной мягкостью или чрезмерной суровостью);
- 5) ошибки, связанные с выявлением обстоятельств, указанных в части первой и пункте 1 части первой.2 статьи 237 УПК РФ (обстоятельствами возвращения уголовного дела прокурору);
- 6) иные ошибки.

IV. В зависимости от оснований отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке:

- 1) ошибки, связанные с существенными нарушениями уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела;
- 2) ошибки, связанные с выявлением данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве;
- 3) ошибки, связанные с обстоятельствами, указанными в части пятой статьи 247 УПК РФ, когда в исключительных случаях судебное разбирательство по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях может проводиться в отсутствие подсудимого, который

находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу;

4) ошибки, связанные с выявлением обстоятельств, указанных в части первой и пункте 1 части первой.2 статьи 237 УПК РФ (обстоятельствами возвращения уголовного дела прокурору).

V. В зависимости от оснований отмены или изменения приговора, определения или постановления суда в порядке надзора:

1. ошибки, связанные с существенными нарушениями уголовного и (или) уголовно-процессуального законов, повлиявшие на исход дела;

2. ошибки, связанные с выявлением данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

VI. В зависимости от характера процессуального действия (бездействия), допущенного субъектом, ведущим уголовный процесс:

1. Ошибочное возбуждение (отказ в возбуждении) уголовного дела.

2. Ошибочные – задержание (незадержание) лица по подозрению в совершении преступления; избрание (неизбрание) меры пресечения в отношении подозреваемого (обвиняемого), прежде всего, заключения (незаключения) их под стражу; возбуждение (невозбуждение) перед судом ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей.

3. Ошибочное привлечение (непривлечение) лица в качестве обвиняемого.

4. Ошибочное проведение (непроведение) какого-либо следственного или иного процессуального действия.

5. Ошибочное приостановление (неприостановление) предварительного расследования.

6. Ошибочное прекращение (непрекращение) уголовного дела, уголовного преследования (полностью или в части предъявленного обвинения).

7. Иные ошибки.

По такой же схеме могут быть классифицированы ошибки судьи (ошибочные вынесение – невынесение судебного постановления на проведение процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина; ошибочные вынесение обвинительного или оправдательного приговора и др.).

VII. В зависимости от субъекта уголовно-процессуальной деятельности, выявившего ошибки:

1. Ошибки, выявленные прокурором в процессе осуществления прокурорского надзора.
2. Ошибки, выявленные руководителем следственного органа, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания в процессе осуществления ими ведомственного контроля.
3. Ошибки, выявленные судьей в ходе осуществления судебного контроля на досудебных стадиях.
4. Ошибки, выявленные судом (судьей) при производстве по делу в суде при назначении судебного заседания, в ходе судебного разбирательства уголовного дела по существу, в апелляционной, кассационной, надзорной инстанциях, при исполнении приговора.
5. Ошибки, выявленные руководителем следственной, следственно-оперативной группы, самим следователем, и устраненные ими.
6. Ошибки, выявленные иными участниками уголовно-процессуальной деятельности (адвокатами, представителями и т.п.), на которые надлежащим образом среагировали субъекты, ведущие уголовный процесс.

VIII. В зависимости от мотивации действия или бездействия субъекта, ведущего уголовный процесс:

1. Ошибки, допущенные субъектом неосознанно, непреднамеренно в силу недостаточности знаний, опыта, ситуации, складывающейся на данный момент расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, (то есть субъект, добросовестно заблуждаясь, полагает, что его действия или бездействие абсолютно правомерны и не должны привести к ошибкам, однако впоследствии в силу различного рода причин и обстоятельств ошибки по делу «проявляются»).
2. Ошибки, допущенные субъектом, ведущим процесс, преднамеренно в силу пренебрежения некоторыми требованиями закона, расцениваемыми им как малозначащими для дела, несущественными и не препятствующими достижению назначения уголовного судопроизводства (еще раз особо подчеркнем, что данные преднамеренные действия или бездействие субъекта не должны содержать в себе признаков какого-либо преступления – иначе это нарушение законности не может рассматриваться нами как ошибка).

При такой мотивации своих действий или бездействия субъект не желает затрачивать «чрезмерные» усилия на разрешение уголовного дела, рассчитывая, что допускаемое им упрощенчество и нарушение соответствующих нормативных и иных требований не повлекут за собой каких-либо негативных последствий, а если они и наступят, то в дальнейшем могут быть исправлены, преодолены самим следователем, прокурором или судом (судьей).

IX. В зависимости от движения уголовного дела:

1. Ошибки на стадии возбуждения уголовного дела.

2. Ошибки на стадии предварительного расследования уголовного дела:

а) Ошибки при производстве дознания по уголовному делу (причем, можно вести речь об ошибках обычного дознания и ошибках сокращенного дознания; ошибках, допускаемыми различными структурами и должностными лицами, которых законодатель наделил полномочиями по проведению дознания).

б) Ошибки предварительного следствия (причем, можно вести речь об ошибках следователей следственных подразделений системы Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, Федеральной службы безопасности Российской Федерации).

3. Ошибки при назначении судебного заседания по уголовному делу, в том числе при проведении предварительных слушаний по делу.

4. Ошибки при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции по существу.

5. Ошибки при рассмотрении уголовного дела в порядке апелляции (причем, можно вести речь об ошибках апелляции по «старой» и «новой» процедуре – до вступления в законную силу с 1 января 2013 года нового порядка апелляционного рассмотрения уголовных дел).

6. Ошибки при рассмотрении уголовного дела в порядке кассации (аналогично можно вести речь об ошибках кассации по «старой» и «новой» процедурам).

7. Ошибки при рассмотрении уголовного дела в порядке надзора (здесь также можно говорить об ошибках «старой» и «новой» процедур надзора).

8. Ошибки при производстве по новым или вновь открывшимся обстоятельствам по уголовному делу.

9. Ошибки при исполнении приговора по уголовному делу.

Х. В зависимости от этапа предварительного расследования:

1. Ошибки первоначального этапа предварительного расследования, в том числе при производстве неотложных (первоначальных) следственных действий.

2. Ошибки при задержании лица по подозрению в совершении преступления и допросе его в качестве подозреваемого.

3. Ошибки при избрании мер процессуального принуждения (прежде всего, мер пресечения).

4. Ошибки при предъявлении обвинения.

5. Ошибки при производстве следственных и иных процессуальных действий.

6. Ошибки при окончании предварительного расследования (проведении ознакомления с материалами уголовного дела и т.д.).

7. Ошибки при направлении уголовного дела на дополнительное расследование руководителем следственного органа.

В основу последующих классификаций ошибок нами взяты подходы ученых «томской научной школы» к классификации производств – они выделяют основные, дополнительные и особые производства в уголовном процессе⁷³. В соответствии с классификацией производств мы даем и классификацию ошибок.

XI. В зависимости от вида производств по уголовному делу:

1. Ошибки, допущенные в основных производствах.
2. Ошибки, допущенные в дополнительных производствах (производство по условно-досрочному освобождению, переводу в колонию-поселение и т.п.).
3. Ошибки, допущенные в особых производствах (производство по применению принудительных мер медицинского характера; судебно-контрольное производство; производство по реабилитации; и т.п.).

Или еще можно дать такую классификацию в зависимости от разновидностей производств по уголовному делу:

1. Ошибки, допущенные в обычных производствах.
2. Ошибки, допущенные в упрощенных производствах (производство, в котором расследование ограничивается дознанием; производство, предусмотренное гл.40-1 УПК РФ – особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения; производство с сокращенной формой дознания – гл.32-1 УПК РФ; производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности – гл.51-1; производство по делам частного обвинения, подсудным мировому судье; и т.п.).
3. Ошибки, допущенные в производствах с более сложной процессуальной формой (производство по делам в отношении несовершеннолетних; производство в суде с участием присяжных заседателей; производство по делам лиц, страдающих психическими или физическими недостатками; производство в отношении определенных категорий лиц – гл.52 УПК РФ; и т.п.).

XII. В зависимости от суда, рассматривающего уголовное дело:

1. Ошибки мирового судьи.
2. Ошибки федерального судьи, единолично рассматривающего уголовное дело.
3. Ошибки коллегии из трех и более профессиональных судей, рассматривающих уголовное дело.

⁷³ Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск, 2015. С.54-70; Трубникова Т.В. Теоретические основы упрощенных судебных производств. Томск, 1999. С. 114-126.

4. Ошибки суда присяжных.

Или:

1. Ошибки мирового судьи.
2. Ошибки судьи суда районного и приравненного к нему суда.
3. Ошибки судьи суда краевого и приравненного к нему суда.
4. Ошибки судьи Верховного Суда Российской Федерации.

XIII. В зависимости от категории уголовных дел:

1. Ошибки по уголовным делам частного обвинения.
2. Ошибки по уголовным делам частно-публичного обвинения.
3. Ошибки по уголовным делам публичного обвинения.

XIV. В зависимости от вида преступлений:

1. Ошибки по уголовным делам о преступлениях против личности.
2. Ошибки по уголовным делам о преступлениях против свободы, чести и достоинства личности.
3. Ошибки по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности.
4. Ошибки по уголовным делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина.
5. Ошибки по уголовным делам о преступлениях против семьи и несовершеннолетних.
6. Ошибки по уголовным делам о преступлениях против собственности.
7. И т. д.⁷⁴.

Классификации ошибок помогают исследовать их с различных сторон, чтобы избирательно к каждой из разновидностей ошибок применять уголовно-процессуальные механизмы их устранения.

Таким образом, особенности всего того многообразия классификаций, которые представлены нами выше, состоят в том, что при концептуальном рассмотрении этих классификаций ошибок все они вписываются в контур основной классификации, отражающей структуру этих ошибок. Детальный научный анализ всего этого многообразия ошибок не был предметом данной научной работы. В настоящем научном исследовании в первую очередь

⁷⁴ Дальнейшее продолжение классификации соответствует структуре особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, а также классическому изложению разделов особенной части учебников. См., к примеру: Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. И.В. Шишко. М., 2016. С. 742-747. Безусловно, возможно представить и сокращенный вариант данной классификации, обозначая виды преступлений формулировками, которые используются в научных исследованиях и на практике. К примеру, ошибки по уголовным делам террористической, экстремистской, коррупционной направленности, о насильственных преступлениях, корыстных преступлениях, экономических, налоговых, хозяйственных преступлениях, компьютерных преступлениях, должностных преступлениях и т.п.

были изучены ошибки, классифицированные по их сущностной характеристике и отражающие структуру следственных и судебных ошибок, а также фундаментальные ошибки.

§4. Структура ошибок в уголовном судопроизводстве

В концепции устранения ошибок важное место занимает рассмотрение вопросов, связанных со структурой этих ошибок.

Если обратиться к криминологии, то в этой науке вопрос о структуре преступности является одним из значимых. Структурирование преступности позволяет рассмотреть целостность этого явления и основные, значимые его виды.

Рассматривая структуру ошибок в уголовном судопроизводстве, мы выделяем их основные виды в соотношении, обусловленном частотой повторяемости этих ошибок по уголовным делам.

В нашем исследовании структуру ошибок мы рассматриваем сквозь призму основной классификации ошибок по их сущностным характеристикам.

Исследование следственных ошибок в 80-е годы прошлого столетия, а также наши исследования этих ошибок в 90-е годы прошлого столетия, в 2000 – 2015-е годы, несмотря на изменение общественно-политического режима в России и действующего законодательства, позволили нам показать структуру следственных ошибок в динамике.

Результаты исследований, проведенных в конце 80-ых годов прошлого столетия коллективом ученых ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР, показали, что в структуре следственных ошибок удельный вес односторонности и неполноты предварительного следствия составляет 60,4% от общего числа ошибок, существенных нарушений уголовно-процессуального закона - 25,5%, неправильного применения уголовного закона - 14,1%⁷⁵.

Наши исследования, проведенные в Средне-Сибирском регионе в 90-х годах прошлого столетия, представляют структуру следственных ошибок следующим образом:

- односторонность, неполнота исследования обстоятельств дела - 59,7% от общего числа ошибок;
- несоблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина - 7,4%;
- существенные нарушения уголовно-процессуального закона - 17,3%;
- неправильное применение уголовного закона - 15,6%.

Заметим, что несоблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в силу их особой значимости выделены нами в самостоятельный вид следственных ошибок. Он

⁷⁵ Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного ... С. 8.

тесно взаимосвязан с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона. Если сложить процентные показатели этих двух видов следственных ошибок, то в сумме - 24,7% этот наш показатель будет примерно равен показателю (25,5%) существенных нарушений уголовно-процессуального закона, полученного в свое время коллективом ученых ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР⁷⁶.

Изученная нами судебная, прокурорская, следственная практика 2003-2016 годов⁷⁷ показывает, что структурно (качественно и количественно) следственные ошибки претерпевают некоторые изменения.

1. Ошибки, выразившиеся в неполноте, односторонности и необъективности исследования обстоятельств уголовного дела: 57,0% (-2,7% по сравнению с 90-ми годами и -3,4% по сравнению с 80-ми годами).

2. Ошибки, выразившиеся в несоблюдении в уголовном процессе конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов уголовного судопроизводства (справедливого правосудия): 8,0% (+0,6% по сравнению с 90-ми годами; сравнение с 80-ми годами некорректно, так как исследователи 80-х годов не выделяли в отдельную группу данный вид ошибок).

3. Ошибки, выразившиеся в существенных нарушениях уголовно-процессуального закона: 16,0% (-1,3% по сравнению с 90-ми годами; сравнение с 80-ми годами некорректно, так как помимо существенных нарушений уголовно-процессуального закона исследователями не выделялись в отдельный вид ошибки, выразившиеся в несоблюдении в уголовном процессе конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов уголовного судопроизводства (справедливого правосудия).

⁷⁶ Характеристики ошибок, обозначенных в их основной классификации, исследовались автором достаточно подробно. См.: Назаров А.Д. Устранение в суде следственных ошибок в свете реформы уголовно-процессуального законодательства // Проблемы обеспечения законности и борьбы с преступностью: Материалы межвуз. конф. Кемерово, 1997. С. 165-168; Назаров А.Д. Восполнение в суде следственных ошибок // Актуальные проблемы правоприменительной практики в связи с принятием нового Уголовного кодекса Российской Федерации.: Сб. мат. научно-прак. конф. (6-7 февр. 1997 г.) / отв. ред. В.И. Горобцов. Красноярск, 1997. С. 96-99; Назаров А.Д. Восполнение пробелов предварительного расследования государственным обвинителем в суде // Актуальные проблемы правоправедения в современный период: сбор. статей / под ред. В.Ф. Воловича. Томск, 1998. С. 67-69; Назаров А.Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса: учеб. пособие. Красноярск, 2000. 244 с.; Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. СПб., 2003; Назаров А.Д. Понятие и основная классификация следственных ошибок // Черные дыры в Российском Законодательстве. 2010. №4; Назаров А.Д. Понятие следственных ошибок // Журнал СФУ. Сер. Гуманитарные науки. 2011. №2; Назаров А.Д. Основная классификация ошибок в уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / под ред. М.К. Свиридова [и др.]. Томск, 2010. Ч. 47. С. 163-164; Назаров А.Д. Уголовно-процессуальная политика и стратегия выявления, устранения и предупреждения ошибок в уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / под ред. М.К. Свиридова [и др.]. Томск, 2012. Ч. 55. С.46-48. и др.

⁷⁷ См. Приложение №5. Заметим, что в своих эмпирических исследованиях в 90-е и «нулевые» годы мы использовали такие же приемы и методы, какие были в свое время использованы учеными Всесоюзного Института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Генеральной прокуратуры СССР. См.: Методология и методика изучения следственных ошибок. Сборник научных трудов. М., 1986. – 147 с.

4. Ошибки, выразившиеся в неправильном применении уголовного закона: 19,0% (+3,4% по сравнению с 90-ми годами; +4,9% по сравнению с 80-ми годами).

Таким образом, можно констатировать, что наблюдается незначительная тенденция снижения ошибок, связанных с пробелами предварительного расследования. Мы полагаем, что это связано не только с улучшением качества предварительного расследования уголовных дел: на наш взгляд, это снижение стало возможным в связи с широким применением особого порядка судебного разбирательства уголовных дел, в том числе и в связи с применением с 2009 года института досудебного соглашения о сотрудничестве между прокурором и обвиняемым.

Вместе с тем тенденция определенного увеличения числа материальных ошибок, выразившихся в неправильном применении уголовного закона, может, на наш взгляд, свидетельствовать о все более усложняющихся конструкциях в Уголовном Кодексе Российской Федерации, который достаточно сложен для применения все более молодеющим корпусом дознавателей и следователей.

Следует заметить, что в 80-е и 90-е годы ни учеными ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР, ни автором настоящего исследования не проводилось специальное изучение структуры судебных ошибок. Но структура судебных ошибок наглядно представлена в официальной статистической отчетности по отправлению правосудия по уголовным делам⁷⁸. Судебные ошибки ранжируются следующим образом:

- неправильное применение уголовного закона (70,92%) плюс несправедливость приговора (3,22%);
- нарушения уголовно-процессуального закона (20,86%);
- несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, установленным судом первой, апелляционной, кассационной инстанций (5,0%).

Таким образом, если в структуре следственных ошибок основная масса – это пробелы предварительного расследования, то в структуре судебных ошибок основной удельный вес их - это неправильное применение материального (уголовного) закона; пробелы судебного следствия составляют незначительное количество ошибок. Нарушения уголовно-процессуального закона (здесь же и нарушения Конституции РФ и международных стандартов справедливого правосудия) в структуре следственных и судебных ошибок примерно одинаковы.

⁷⁸ См.: Приложение №6, 7.

Анализ структуры судебных ошибок позволяет сделать вывод, что превалирование в общей массе ошибок неправильного применения материального (уголовного) закона можно объяснить следующим:

- современное уголовное законодательство достаточно сложно для правоприменителей;

- суд первой инстанции не всегда выявляет «завышенную» уголовно-правовую квалификацию инкриминируемых подсудимому деяний («квалификацию с запасом»), а суды апелляционной, кассационной, надзорной инстанций смелее, нежели суд первой инстанции, применяют при судебной ревизии уголовного дела более «мягкую» квалификацию;

- суды апелляционной, кассационной, надзорной инстанций при судебной ревизии уголовного дела смелее, нежели суд первой инстанции, идут на смягчение наказания, прекращение уголовного дела по различным причинам (проявление гуманности и либерализма; принятие во внимание активной защиты со стороны осужденного, его защитника; наличие в уголовном деле значительного количества неустранимых сомнений, нарушений – в качестве компенсации за такие изъяды суд при ревизии уголовного дела иногда смягчает назначенное судом первой инстанции наказание; и др.).

- судом первой, а также апелляционной инстанций принимаются значительные усилия для восполнения пробелов предварительного расследования;

- до 2/3 уголовных дел в современном уголовном судопроизводстве рассматриваются в особом порядке, и, соответственно, вопрос о несоответствии выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, установленным судом первой, апелляционной, кассационной инстанций (по сути дела, пробелы судебного следствия в виде неполноты, односторонности и необъективности исследования обстоятельств уголовного дела), не актуален.

Структурные различия количественных показателей следственных и судебных ошибок не мешают рассмотреть их содержание по каждому из видов этих ошибок.

Ошибки, связанные с несоблюдением в уголовном процессе конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов уголовного судопроизводства (справедливого правосудия)

Интересно отметить, что при анкетировании практических работников только лишь адвокаты (30,2%) нарушениям Конституции РФ, международных стандартов справедливого правосудия придали статус отдельного вида ошибок. Судьи, работники прокуратуры и предварительного расследования не придали данному виду ошибок самостоятельного

статуса⁷⁹. Тем не менее, мы в своем исследовании придаем особый статус данному виду ошибок, так как изменившиеся политические, экономические и социальные условия в России привели к появлению новой системы ценностей, высшей из которых, согласно статье второй Конституции РФ, объявлен человек с его правами и свободами, защищаемыми государством. Основной Закон страны, имеющий прямое действие, закрепил конкретные гарантии прав граждан в уголовном процессе, учитывающие требования современности и международные стандарты. Возведены в ранг конституционных основополагающие принципы уголовного судопроизводства.

Рассматриваемый вид ошибок возникает вследствие несоблюдения в уголовном судопроизводстве:

- презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ);
- равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ);
- права на судебную защиту прав и свобод и судебное обжалование решений и действий (или бездействия) должностных лиц (ст. 46 Конституции РФ);
- права на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ);
- права на свидетельский иммунитет (ст. 51 Конституции РФ);
- права потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 53 Конституции РФ);
- права на неприкосновенность личности, жилища, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст.ст. 22, 23, 25 Конституции РФ);
- права на неприменение незаконных методов ведения предварительного расследования⁸⁰ (ст.ст. 21, 50 Конституции РФ).

В своем исследовании мы не ставили задачу подробно рассмотреть статистику и примеры по каждому из конституционных нарушений, тем более что автором это ранее уже делалось⁸¹. Остановимся лишь на тех ошибках, которые представляются нам наиболее значимыми в контексте соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе.

Уголовное судопроизводство, несмотря на его властный, государственно-принудительный характер, не может быть антигуманным и бесчеловечным.

Статья 21 Конституции РФ гласит:

⁷⁹ Приложение №44.

⁸⁰ Иногда в литературе можно встретить устойчивое словосочетание «незаконные и недозволенные методы». Полагаем, что все дозволенные методы предварительного расследования, оперативно-разыскной деятельности должны быть законными, а недозволенные методы не могут быть законными.

⁸¹ См. Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. С. 24-65.

1. Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления.

2. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.

Обращение в исследовании к проблеме незаконных методов при ведении предварительного расследования диктуется необходимостью их искоренения из уголовного судопроизводства России, а также изучения специфичности влияния этих методов на ход нормального процесса доказывания по уголовным делам.

При проведении исследования мы не встретили ни одного доказанного случая, свидетельствующего о том, что лично следователь по отношению к своим подследственным применял незаконные методы в виде пыток, физического насилия.

Незаконные методы при ведении предварительного расследования (прежде всего физическое, психическое насилие и пытки), скрывая от следователя, прокурора, суда, чаще всего применяют работники полиции (сотрудники уголовного розыска, участковые уполномоченные полиции и другие). Они, как правило, первыми, нежели следователь, устанавливают будущих подозреваемых, обвиняемых по уголовному делу, имеют возможности для процессуальных и непроцессуальных встреч с ними - как на свободе, так и в условиях их изоляции (в ИВС, СИЗО).

Эффективность служебной деятельности полиции (и прежде всего - подразделений уголовного розыска, службы участковых уполномоченных полиции, отделов по борьбе с организованной преступностью, экономическими преступлениями, незаконным оборотом наркотиков и др.) оценивается показателями выявленных и раскрытых преступлений. И для повышения этих показателей, от которых зависит материальное вознаграждение сотрудников, их служебный рост, ими используются все средства, в том числе, не согласующиеся с требованиями закона.

Следует особо подчеркнуть, что непринятие надлежащих мер к выявлению следователем, прокурором, судом применения со стороны оперативных сотрудников правоохранительных органов незаконных методов расцениваются нами как профессиональная ошибка следователя, прокурора, суда (в нашей интерпретации – фундаментальная судебная ошибка). И поэтому актуальным в сложившейся ситуации в правоохранительных органах России выглядит постоянное осуществление организационных и процессуальных мер по предупреждению всевозможных незаконных методов при ведении предварительного расследования и оперативно-разыскной деятельности. Многие из них предусмотрены в УПК РФ.

Во-первых, сформулированы следующие принципиальные положения:

- нарушение норм УПК РФ судом, прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств (ч. 3 ст. 7);

- в ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья; никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему достоинство обращению (ст. 9);

- лицо, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления, должно содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью (ч. 3 ст. 10).

Во-вторых, модернизированы институты судебного контроля (ст. 29 УПК РФ), прокурорского надзора (ст. 37 УПК РФ), институт защиты (ст. ст. 49-53 УПК РФ), реабилитации (ст. ст. 133-139 УПК РФ).

Но особо следует остановиться на таких положениях УПК РФ.

1. Подозреваемый и обвиняемый официально получили право иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально, в том числе до первого допроса подозреваемого, обвиняемого без ограничения их числа и продолжительности (п. 3 ч. 4 ст. 46; п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

2. Свидетель официально получил право являться на допрос с адвокатом (п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ).

Годами складывалась практика, что первоначально «заподозренные» лица допрашивались оперативными работниками, дознавателями, следователями в качестве свидетелей и, естественно, без адвоката. В процессе таких опросов и допросов «свидетели» вынуждены были давать информацию, уличающую их в совершении преступлений.

Участие адвоката в подобных опросах и допросах есть гарантия соблюдения прав личности в данных процессуальных действиях.

3. Очень важной представляется ст. 75 УПК РФ, говорящая о недопустимых доказательствах.

Недопустимость доказательства – есть основание для исключения его из числа доказательств по делу.

4. Законодатель особо подчеркнул, что при производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц (ч. 4 ст. 164 УПК РФ).

5. Особые условия выдвинуты законодателем к использованию в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности: их запрещается использовать, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ (ст. 89).

6. Законодатель ограничил доступ оперативных работников к подследственным.

В частности, при необходимости проведения оперативно-разыскных мероприятий допускаются встречи сотрудника органа дознания, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, с подозреваемым с разрешения дознавателя, следователя, прокурора или суда, в производстве которых находится уголовное дело (ч. 2 ст. 95 УПК РФ).

И хотя в данной статье УПК РФ речь идет о подозреваемом, мы полагаем, исходя из процессуальной аналогии, что данное правило распространяется и на обвиняемых.

7. Законодатель воздвиг препятствие на пути бесконечных вызовов обвиняемого на допросы, когда тот не признает себя виновным и отказывается давать показания: «Повторный допрос обвиняемого по тому же обвинению в случае его отказа от дачи показаний на первом допросе может проводиться только по просьбе самого обвиняемого» (ч. 4 ст. 173 УПК РФ).

Точную статистическую оценку применения незаконных методов при ведении предварительного расследования дать достаточно сложно. Однако проведенные нами опросы практических работников показали следующее: официальные и неофициальные заявления о применении оперативными работниками незаконных методов при ведении предварительного расследования судьи на досудебных стадиях получали от подозреваемых, обвиняемых, их законных представителей и защитников, практически, по каждому второму делу в 50% случаев (практически, по каждому десятому делу – в 44,4% случаев); на судебных стадиях – практически, по каждому второму делу в 66,7% (практически, по каждому десятому делу – в 38,9% случаев); аналогичные заявления от указанных участников процесса работники прокуратуры получали, практически, по каждому второму делу в 61,1% случаев (практически, по каждому десятому делу – в 27,8% случаев); адвокаты такие заявления слышали, практически, по каждому второму делу в 20,7% случаев (практически, по каждому десятому делу – в 50,1% случаев)⁸².

Конечно, необходимо сделать поправку на то, что часть указанных выше заявлений от заинтересованных участников уголовного процесса, безусловно, не обоснована и вызвана, прежде всего, стремлением любыми путями уйти от уголовной ответственности, что часто в своих решениях на подобные заявления и фиксируют субъекты, ведущие процесс. Но, тем не менее, нарушения статьи 21 Конституции РФ имеют место быть, и они должны вызывать обоснованную тревогу.

⁸² Приложение №44

Следует заметить, 69,2% опрошенных следователей ответили, что к ним не поступали от подозреваемых, обвиняемых, их законных представителей и защитников заявления о применении оперативными работниками незаконных методов. Вполне можно высказать суждение о том, что некоторая часть следователей «покрывает» применение оперативными работниками незаконных методов, что также должно вызывать обоснованную тревогу.

Таким образом, незаконные методы при ведении предварительного расследования, применяемые, как правило, работниками полиции тайно от следователя, прокурора, суда, приводят к серьезным следственным и судебным ошибкам. Применение этих методов является причиной получения следователем не соответствующих действительности доказательств, препятствует всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и т.д.

Следователь, прокурор, суд должны незамедлительно реагировать на заявления подследственных и подсудимых о применении к ним со стороны работников полиции, «сокамерников» насилия, не оставлять без внимания наличие у содержащихся под стражей телесных повреждений, интересоваться их неадекватным психическим состоянием и др.

Своевременные и объективные проверки всех этих фактов, наказание виновных лиц, допускающих произвол при исполнении своих служебных обязанностей, являются эффективным способом предупреждения следственных и судебных ошибок как тяжких последствий такого произвола.

В структурной характеристике ошибок нарушениям конституционных норм мы придаем особое значение, так как цена этих ошибок велика. Предлагая выше вариант нашей авторской классификации ошибок (нефундаментальные и фундаментальные ошибки), мы акцентируем особое внимание на ошибках, которые появляются в уголовном деле при применении со стороны должностных лиц правоохранительных органов незаконных методов при ведении предварительного расследования, в том числе - при проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Ошибки, связанные с пробелами предварительного расследования (неполнота, односторонность и необъективность в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу)

В структуре следственных ошибок пробелы предварительного расследования, а именно неполнота, односторонность и необъективность, всегда занимали и занимают первое место.

50% опрошенных нами судей, 77,8% - работников прокуратуры, 80,4% - адвокатов и 87,1% - следователей посчитали, что чаще всего именно пробелы предварительного

расследования как ошибка допускается следователями и дознавателями по уголовным делам⁸³.

Понятие «пробел предварительного расследования» не используется в уголовно-процессуальном законе, однако широко употребляется в уголовно-процессуальной литературе, в следственной и судебной практике.

Ю.В. Корневский считает, что термин «пробел следствия» является синонимом его недостатков и в узком смысле служит для обозначения неполноты проведенного расследования⁸⁴.

Е.Г. Веретехин определял пробелы предварительного расследования как «такие его недостатки, которые выражаются в односторонности, неполноте и необъективности исследования обстоятельств дела в ходе дознания или предварительного следствия»⁸⁵.

М.И. Бажанов, Е.Г. Мартынчик, Т.А. Михайлова, Я.О. Мотовиловкер, И.Д. Перлов, И.В. Тыричев оперируют понятием «пробел» для характеристики определенной части недостатков предварительного расследования, а именно – его односторонности и неполноты⁸⁶.

Под пробелами предварительного расследования нами понимается неисполнение требований закона о полном, всестороннем и объективном исследовании обстоятельств дела, невыявление или ненадлежащее выявление как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также смягчающих или отягчающих его ответственность обстоятельств.

В определении понятия неполноты и односторонности исследования обстоятельств дела нет единства мнений среди ученых-процессуалистов.

Л.А. Богословская полагает, что односторонним и неполным является дознание, предварительное следствие, в котором не установлены какие-либо обстоятельства, входящие в предмет доказывания, не привлечены, не использованы или неправильно использованы доказательства, с достоверностью устанавливающие наличие или отсутствие этих обстоятельств⁸⁷.

⁸³ Приложение №44.

⁸⁴ Корневский Ю.В. Судебная практика и совершенствование предварительного расследования. М., 1974. С. 23.

⁸⁵ Веретехин Е.Г. Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции. Казань, 1988. С. 8.

⁸⁶ Бажанов М.И. Предание суду в советском уголовном процессе: конспект лекций. Харьков, 1965. С. 14; Мартынчик Е.Г. Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. Кишинев, 1975. С. 102; Михайлова Т.А. Предание суду в советском уголовном процессе. М., 1981. С. 33; Мотовиловкер Я.О. Некоторые вопросы теории уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Кемерово, 1962. С. 77; Перлов И.Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 53; Тыричев И.В. Кассационные основания. – В кн.: Советский уголовный процесс / И.В. Тыричев [и др.]. М., 1980. С. 416.

⁸⁷ Богословская Л.А. Основания к отмене или изменению приговоров: учеб. пособие. Харьков, 1981. С. 43.

О.Н. Темушкин убежден, что неполнота или односторонность предварительного или судебного следствия проявляется в неисследованности различных сторон состава преступления⁸⁸.

В.А. Познанский и И.И. Потеружа высказывают мысль, что односторонне исследованным дело будет в том случае, если следователь или лицо, производящее дознание, выясняют обстоятельства дела только под углом зрения обвинения или защиты⁸⁹.

По мнению В.В. Воскресенского, «под неполнотой следствия необходимо понимать неустановление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а под односторонностью следствия - исследование обстоятельств дела с точки зрения одной версии при игнорировании остальных версий»⁹⁰.

Современные исследователи нечасто вникают в суть пробелов предварительного расследования, в характеристики его компонентов таких, как неполнота, односторонность, необъективность. Отчасти это связано с тем, что в современном уголовно-процессуальном законе нет той формулы, которая была изложена в знаменитой ст. 20 УПК РСФСР («Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела») и на уровне принципа уголовного судопроизводства, и на уровне самого распространенного основания для возвращения уголовного дела на дополнительное расследование прокурором и судом.

Достаточно оригинальный подход в определении конструкции «всесторонность, полнота, объективность» предложили А.С. Барабаш и А.А. Брестер. Исследовав философские и уголовно-процессуальные аспекты объективности, всесторонности и полноты, ученые пришли к мнению, что в уголовном судопроизводстве указанная конструкция является не целью и не принципом процесса, а его методом. И предложили в общую часть УПК РФ внести соответствующую статью: «Статья X. Метод уголовно-процессуальной деятельности. В рамках уголовного судопроизводства дознаватель, следователь, прокурор, суд должны руководствоваться объективностью, всесторонностью и полнотой исследования, а именно установить все необходимые связи между доказательствами, которые позволяют сделать обоснованный вывод об отдельном обстоятельстве, подлежащем доказыванию, или обо всех обстоятельствах, подлежащих доказыванию, в системе»⁹¹.

⁸⁸ Темушкин О.Н. Основания отмены или изменения приговоров в кассационном и надзорном производстве // Советская юстиция. 1976. №19. С. 7.

⁸⁹ Познанский В.А. Односторонность или неполнота предварительного и судебного следствия и судебного следствия как основание к отмене или изменению приговора // Ученые записки Саратовского юридического института имени Д.И. Курского. Саратов, 1959, Вып. 8. С. 34; Потеружа И.И. Роль суда второй инстанции в укреплении законности. Минск, 1980. С. 106.

⁹⁰ Воскресенский В.В. Теория и практика производства дополнительного расследования по делам об умышленных убийствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988. С. 21.

⁹¹ Барабаш А.С., Брестер А.А. Метод российского уголовного процесса. СПб., 2013. С.94-138.

Коллектив ученых под руководством Л.В. Головки, раскрывая содержание принципа материальной истины в уголовном судопроизводстве – обязанности субъектов, ведущих уголовный процесс, всесторонне, полно и объективно установить (исследовать) обстоятельства уголовного дела, совершенно обоснованно под всесторонностью исследования этих обстоятельств понимали исчерпывающее изучение всех обстоятельств, имеющих значение для дела, выдвижение и проверку всех возможных версий исследуемого события; под полнотой исследования понимали то, что обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены необходимой и достаточной для достоверных выводов совокупностью доказательств; под объективностью исследования понимали непредвзятое, беспристрастное исследование обстоятельств, свидетельствующих как против, так и в пользу обвиняемого (подсудимого)⁹².

Представленная выше позиция Л.В. Головки и его авторского коллектива созвучна с определением понятий всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела, данных А.Б. Соловьевым и его коллегами по научным исследованием этих вопросов.

Под всесторонностью ими обоснованно понимается выявление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию при исчерпывающей проверке всех объективно возможных версий. Односторонность предварительного расследования - это увлечение одной из версий, недостаточное исследование с точки зрения объективно возможных версий обстоятельств дела.

Под полнотой расследования понимается получение такой совокупности доказательств, которая является необходимой и достаточной для достоверного установления того или иного обстоятельства, подлежащего доказыванию по уголовному делу.

Объективность исследования обстоятельств дела, по мнению упомянутых авторов, означает отсутствие какой-либо личной заинтересованности в исходе дела; выявление как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также смягчающих и отягчающих его ответственность обстоятельств; непредвзятый подход при оценке собранных доказательств и принятии решений по уголовному делу. Объективность - это, прежде всего, требование к оценке собранных доказательств⁹³.

Мы целиком разделяем изложенные выше подходы ученых А.Б. Соловьева, Л.В. Головки и их коллег в определении понятий всесторонности, полноты, объективности исследований обстоятельств дела. Действительно, расследование преступлений должно

⁹² Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян [и др.]; под ред. Л.В. Головки. М., 2016. С.294-296.

⁹³ Соловьев А.Б. Прокурорский надзор за всесторонностью, полнотой и объективностью расследования преступлений. М., 1996. С. 8-9.

проводиться всесторонне и полно, а оцениваться собранные и проверенные доказательства должны объективно. Лишь при соблюдении этих условий можно избежать пробелов предварительного расследования.

По общему правилу рассматриваемый вид ошибок состоит в том, что принятое следователем решение (о направлении дела в суд, о приостановлении или прекращении дела и др.) не опирается на необходимую и достаточную совокупность доказательств.

Данные ошибки, в свою очередь, можно подразделить на ошибки в предмете доказывания и ошибки в пределах доказывания (следователь не собрал достаточно надежную совокупность доказательств, чтобы считать установленным каждый факт, входящий в предмет доказывания). Половину всех случаев односторонности и неполноты составило недостаточное исследование такого элемента предмета доказывания, как виновность обвиняемого. Около трети ошибок этого вида допущено при исследовании события преступления. Остальные упущения касались исследования личности обвиняемого, характера и размера ущерба⁹⁴.

Сказанное еще раз свидетельствует о практической значимости изучения пробелов предварительного расследования⁹⁵, способов их выявления и восполнения.

Рассматривая вопросы, связанные с предварительным расследованием, отметим, что, на наш взгляд, качественным мы признаем предварительное расследование в том случае, когда в суде нет необходимости восполнять какие-либо его пробелы, так как они отсутствуют. В определенной степени качественным можно признать также расследование, когда при назначении судебного заседания или в судебном разбирательстве оказалось возможным восполнить пробелы предварительного расследования. Отсутствие такой возможности свидетельствует о низком качестве предварительного расследования.

Наш взгляд на эффективность предварительного расследования совпадает с мнениями, высказанными А.Б. Соловьевым и Г.С. Казиняном при рассмотрении проблем эффективности следственных действий.

«Эффективность функционирования системы следственных действий, прежде всего, предполагает эффективность составляющих ее элементов - отдельных следственных действий. Последняя... определяется:

1) оптимальной процессуальной регламентацией общих положений, касающихся способов собирания доказательств, а также порядка производства конкретных следственных действий;

⁹⁴ Шейфер С.А. Структура и общая характеристика следственных ошибок. С. 19.

⁹⁵ О пробелах предварительного следствия см.: Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. С. 60-92.

- 2) правильным выбором следователем надлежащего в определенной ситуации расследования действия;
- 3) создание путем осуществления организационных и подготовительных мероприятий благоприятных условий для их проведения;
- 4) получением всей возможной в конкретной ситуации расследования доказательственной информации»⁹⁶.

Возможность восполнить в суде некоторые пробелы предварительного следствия никогда не должна ориентировать следователей на послабления в расследовании по уголовным делам. Наоборот, зная критерии невосполнимости в суде пробелов предварительного расследования, следователь должен постоянно держать ориентир на проведение качественного и эффективного следствия по делу.

Особую актуальность восполнение пробелов предварительного расследования в судебном заседании приобретает в свете действия УПК РФ, устранившего возможность для суда направлять на дополнительное расследование уголовные дела по этому основанию. Суду приходится прилагать максимум усилий для устранения недостатков предварительного расследования; арсенал полномочий для этого УПК РФ содержит достаточный, так как выносить как обвинительный, так и оправдательный приговоры суд должен с учетом требований законности, обоснованности и достаточности совокупности доказательств.

Изучение уголовных дел показало распространенность следующих пробелов предварительного расследования.

По 41% изученных нами уголовных дел⁹⁷ нам встретились пробелы, связанные с допросами подозреваемых, обвиняемых: доводы обвиняемого, не признающего себя виновным, частично признающим себя виновным, изложены неконкретно, без детализации; в ходе допроса неполно выяснены обстоятельства, относящиеся к предъявленному обвинению; обвиняемому, не признающему свою вину, не предъявлялись доказательства, уличающие его в совершении преступления; не были проведены необходимые очные ставки, проверки показаний на месте и др.

По 53% уголовных дел мы встретили пробелы, связанные с допросами свидетелей, потерпевших: несвоевременность их допроса и, как результат, заметные искажения действительных фактов в их показаниях; игнорирование содержащихся в показаниях противоречий и некоторых утверждений допрашиваемого; не выяснение в ходе допроса важных обстоятельств по делу; неверное определение предмета допроса, в результате чего

⁹⁶ Казинян Г.С. Проблемы эффективности следственных действий. Ереван, 1987. С. 32-33.

⁹⁷ Здесь и далее эмпирические данные нашего исследования в части пробелов предварительного расследования см.: Приложения №1 - 4.

многие свидетели допрашивались неоднократно, а важные сведения были получены несвоевременно; в ходе допроса при наличии необходимости не осуществлялось предъявление имевшихся в распоряжении следователя доказательств; чрезмерная краткость записи показаний в протоколе допроса, в связи с чем оказались не зафиксированы существенные обстоятельства, искажено содержание показаний; не были проведены необходимые очные ставки, проверки показаний на месте; не были предприняты меры для устранения воздействия со стороны обвиняемого и его окружения на потерпевших, свидетелей с целью изменения их показаний и позиций по делу и др.

Отметим, что 18% допросов подозреваемых, обвиняемых записывалось на видеокамеру, а допросы потерпевших, свидетелей записывались лишь в 3% случаев. Аудиозапись в допросах обвиняемых применялась в 4% случаев, в допросах свидетелей, потерпевших - в 2% случаев.

Некоторый импульс в применении технических средств при проведении допросов, очных ставок, опознаний, проверки показаний на месте несовершеннолетних потерпевших и свидетелей произошел в связи с введением в статью 191 УПК РФ части пятой, предусматривающей обязательное применение в ходе этих следственных действий видеосъемки и киносъемки. Правда, законодатель, к сожалению, не удержался от оговорки, что если против видеосъемки и киносъемки возражают сами несовершеннолетние или их законные представители, то видео-кинотехника не применяется. Сейчас пока достаточно часто наблюдается картина, когда указанные участники следственных действий «почему-то» стараются возражать против видеосъемки и киносъемки, а следователи охотно удовлетворяют их ходатайство и не применяют видео-кинокамеры.

Полагаем, что, исходя из аналогии закона, подобный порядок применения видеосъемки и киносъемки при производстве указанных выше следственных действий должен применяться и в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, как, впрочем, и в отношении взрослых участников уголовного судопроизводства в необходимых случаях.

По 32% уголовных дел мы обнаружили пробелы, связанные с осмотром места происшествия: не осматривались прилегающие к месту происшествия территории, помещения; не осматривались возможные пути подхода и ухода преступника; не выявлялись на месте происшествия все следы и иные вещественные доказательства; имевшие отношение к делу следы и вещественные доказательства не изымались с места происшествия; в ходе осмотра не применялись научно-технические средства, помощь специалистов; протоколы осмотра не содержали полной информации об обстановке места происшествия и следах преступления; осмотр проводился несвоевременно и др.

По 19% уголовных дел имелись пробелы, связанные с назначением и проведением судебных экспертиз: не проводились необходимые экспертизы; перед экспертом не были поставлены все необходимые вопросы; экспертизы были проведены ненадлежащим образом; на экспертизы был представлен неправильно упакованный, собранный не в полном объеме материал и др.

По 7% уголовных дел выявлены пробелы, связанные с проведением опознания, обыска, выемки, освидетельствования.

В ходе изучения уголовных дел обращает на себя внимание тенденция нарастающего использования в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности (проверочные закупки, оперативные эксперименты и внедрение, запись телефонных переговоров, скрытая видеосъемка (наблюдение), помощь «конфидентов» и др.).

Проблемы, возникающие при получении подобного рода доказательств, объясняются недостаточным законодательным регулированием данного вида доказывания, неготовностью следователей и оперативных работников профессионально работать по схемам оперативного обеспечения процесса расследования преступлений, позволяющим информации, полученной оперативным путем, придавать статус доказательств по делу.

Вне всякого сомнения, только законное и профессиональное использование в доказывании по уголовным делам результатов оперативно-разыскной деятельности, будет способствовать полному и всестороннему расследованию преступлений, сокращению числа следственных ошибок.

Проблема сокращения пробелов предварительного расследования в настоящий момент может быть в определенной мере решена за счет умелого применения следователями рекомендаций ученых-юристов по «объективизации» доказывания, то есть установления и фиксации фактических данных, не подверженных или в значительной степени менее подверженных воздействию субъективных факторов.

Пути «объективизации» доказывания представляются следующими:

- широкое использование при проведении следственных действий криминалистической техники, экспресс-исследований вещественных доказательств;
- широкое использование возможностей экспертиз;
- привлечение помощи специалистов;
- использование данных оперативно-разыскной деятельности;
- создание условий, защищающих потерпевших и свидетелей (государственная защита участников уголовного судопроизводства).

По данным нашего исследования, специалисты в 94% случаев привлекались лишь для осмотра места происшествия, а при проведении иных следственных действий их участие было лишь в каждом 7 – 8 деле.

В среде юристов неоднократно высказывалось мнение, поддерживаемое и нами, что в УПК РФ необходимо предусмотреть ряд статей, прямо ориентирующих следователя на применение научно-технических средств (НТС) в процессе расследования (в том числе, обязательная аудио- или видеозапись допроса обвиняемого, осмотра места происшествия и др.). В литературе перечисляют основные требования, предъявляемые к научно-техническим средствам, используемым на предварительном следствии и судебном разбирательстве:

- а) соответствие современным достижениям науки и техники;
- б) ненарушение прав граждан; их безопасность для жизни и здоровья;
- в) неунижение чести и достоинства;
- г) не вызывающие изменения объектов, к которым они применяются;
- д) достоверность результата⁹⁸.

Однако в УПК РФ регламентация применения НТС дана, на наш взгляд, недостаточно.

В ч. 6 ст. 164 и ч. 2 ст. 166 указывается, что при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств.

Законодатель в определенных случаях допускает проведение следственных действий без участия понятых (труднодоступная местность, отсутствие надлежащих средств сообщения, опасность для жизни и здоровья людей при проведении следственного действия и др.), предлагая при этом применять технические средства для фиксации их хода и результатов. Но если применение этих средств невозможно, то об этом в протоколе просто делается соответствующая запись.

Ю.К. Якимович совершенно справедливо усматривает действие принципа всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования и в современном уголовном процессе⁹⁹.

В ст. 73 УПК РФ подробно излагаются обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Именно выявление и доказывание этих обстоятельств при исчерпывающей проверке всех объективно возможных версий и будет показателем всесторонности исследования по делу.

⁹⁸ Участники уголовного процесса и прокурорский надзор за обеспечением органами расследования их прав и законных интересов: Методическое пособие / Ф.Н. Багаутдинов [и др.]. М., 1995. С. 44-45.

⁹⁹ Якимович Ю.К. Досудебное производство по УПК Российской Федерации (Участники досудеб. пр-ва, доказательства и доказывание, возбуждение уголов. дела, дознание и предварит. следствие). СПб., 2003. С. 129-130.

В ст. 74 УПК РФ приводится перечень доказательств, которые допускаются в уголовном судопроизводстве. Именно совокупность этих доказательств, которые необходимы (то есть относятся к делу), качественны (то есть допустимы) и достаточны для достоверного установления того или иного обстоятельства, подлежащего доказыванию по уголовному делу, и есть полнота расследования.

Подлежащие доказыванию обстоятельства, исключаяющие преступность и наказуемость деяния, смягчающие и отягчающие наказание, могущие повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (ст. 73 УПК РФ), подробная регламентация института отводов участников процесса (ст. ст. 61-72 УПК РФ), правила оценки доказательств (ст. 89 УПК РФ) – есть не что иное, как стремление достичь объективности в разрешении уголовного дела.

Таким образом, реально полнота, всесторонность и объективность исследования обстоятельств дела в уголовно-процессуальном законе присутствуют. Однако в нем предусмотрены несколько иные процедуры процессуального регулирования в случаях, когда субъектами, ведущими процесс, по делу допускаются односторонность, неполнота и необъективность.

По УПК РФ правом направлять уголовное дело на дополнительное расследование ввиду неполноты и односторонности исследования обстоятельств предмета доказывания пользуются руководитель следственного органа и прокурор. В частности, в п. 3 ч. 1 ст. 221 УПК РФ по этому поводу сказано так: прокурор может по поступившему к нему делу с обвинительным заключением принять решение о возвращении его следователю для производства дополнительного следствия или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями.

Заметим, что уголовно-процессуальная практика сейчас осторожно использует термины «неполнота, односторонность» проведенного расследования. Все они, а также «нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина», «существенные нарушения уголовно-процессуального закона», «неправильное применение уголовного закона», охвачены понятием «недостатки предварительного следствия».

Если к прокурору поступило уголовное дело с обвинительным актом от дознавателя и в нем есть недостатки, то прокурор, согласно п. 4 ч. 1 ст. 226 УПК РФ, направляет такое дело для производства предварительного следствия¹⁰⁰.

¹⁰⁰ Уточним, что в перечне полномочий прокурора есть полномочие возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования (п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Полагаем, что дознаватель по указанию прокурора проводит дополнительное расследование по уголовному делу (что равносильно дополнительному дознанию), по которому прокурор или не согласился с постановлением о прекращении данного дела или уголовного преследования (ст. ст. 24-28 УПК РФ), или отменил постановление дознавателя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, воспользовавшись

Суды любых инстанций ни по каким основаниям не возвращают уголовные дела прокурору для производства дополнительного расследования. Ушли в прошлое бесконечные направления судами уголовных дел на дополнительное расследование, особенно по основаниям знаменитой ст. 20 УПК РСФСР¹⁰¹. В новых условиях законодатель требует от суда принятия по делу окончательного решения: или обвинения, или оправдания, или прекращения дела. Хотя изменения в содержании ст. 237 УПК РФ и правоприменительная практика, по сути дела, завуалированно возродили в новом качестве институт возвращения уголовного дела судом на дополнительное расследование, о чем далее в исследовании еще будет сказано.

Право неограниченное количество раз направлять дела на доследование остается лишь у прокурора, под чьим надзором и осуществляется уголовное преследование.

В то же время в определенной степени суды вынуждены при судебном разбирательстве уголовных дел по инициативе сторон или по собственной инициативе восполнять пробелы предварительного расследования.

Суд является субъектом процесса доказывания по уголовному делу (ст.ст. 85-88 УПК РФ). Арсенал средств для этого у суда достаточный – это судебные и иные процессуальные действия (ст.ст. 228, 229, 230, 234, 235, 271, 273-291 УПК РФ). При этом важно только, чтобы суд не вышел за рамки правила, установленного ч. 3 ст. 15 УПК РФ: «Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав».

Отметим, что по аналогии с пробелами предварительного расследования можно говорить и о пробелах судебного следствия в суде первой и апелляционной инстанций. Данные пробелы судебного следствия также связаны с односторонностью, неполнотой и необъективностью в установлении обстоятельств предмета доказывания по уголовному делу (в формулировке законодателя это звучит как несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции). Место этого вида ошибок в их структуре и их характеристику мы уже рассматривали выше.

Ошибки, связанные с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона

полномочиями, предоставленными ему ст. 37 УПК РФ. В этом случае на основании ст. 223 УПК РФ срок дознания может быть продлен прокурором, но не более, чем на 10 суток. И еще прокурор может продлить срок дознания, но не более, чем на 3 суток, и вернуть уголовное дело дознавателю для пересоставления обвинительного акта (п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ). Прокурор может также не утвердить обвинительное постановление и направить дело, расследованное по сокращенной форме дознания, вновь дознавателю для производства дополнительного дознания в общем порядке (ст. 226-8 УПК РФ).

¹⁰¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР с приложениями / Сост. Н.М. Кипнис. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 16.

Данный вид следственных ошибок идет вторым по распространенности после пробелов предварительного расследования: так считают 66,7% опрошенных нами судей, 55,6% - работников прокуратуры, 40,6% - адвокатов¹⁰².

Законодательное закрепление положения о существенном нарушении уголовно-процессуального закона ранее было отражено в ст. 345 УПК РСФСР: «Существенными нарушениями уголовно-процессуального закона признаются такие нарушения требований статей настоящего Кодекса, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса при рассмотрении дела или иным путем помешали суду всесторонне разобрать дело и повлияли или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора».

В юридической литературе нарушения уголовно-процессуального закона рассматриваются по-разному. Одни авторы считают это нарушением установленного законом порядка расследования и рассмотрения дел, что может иметь последствием стеснение и ограничение прав сторон и вынесение неправильного приговора по делу¹⁰³.

Другие рассматривают нарушение уголовно-процессуального закона как несоблюдение правил УПК при расследовании и разбирательстве дела в суде¹⁰⁴.

Третьи нарушения уголовно-процессуального закона трактуют как разновидность следственных и судебных ошибок, которые проявляются в ошибочных действиях или являются результатом акта познания¹⁰⁵.

Нарушение уголовно-процессуального закона характеризуется также как «допущенное всяким способом несоблюдение любых требований уголовно-процессуального законодательства судьей, прокурором, следователем и лицом, производящим дознание, при возбуждении, расследовании и рассмотрении уголовных дел»¹⁰⁶.

Позиции вышеуказанных авторов показывают, как широко понятие «нарушения уголовно-процессуального закона». Однако значимыми для уголовного судопроизводства являются последствия не всех нарушений уголовно-процессуального закона, а лишь последствия существенных нарушений.

Различный подход в трактовке существенных нарушений уголовно-процессуального закона связан с их оценочной природой.

¹⁰² Приложение №44, 3.

¹⁰³ Гродзинский М.М. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. М., 1949. С. 102.

¹⁰⁴ Строгович М.С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М., 1956. С. 77.

¹⁰⁵ Эффективность правосудия и проблемы устранения судебных ошибок / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1975. Ч. 2. С. 117.

¹⁰⁶ Ерофеев Г.А. Нарушения уголовно-процессуального закона как основания пересмотра приговоров: дис ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1977. С. 18.

А.А. Ширванов полагает, что существенное нарушение уголовно-процессуального закона - это правонарушение, допущенное государственными органами и должностными лицами, ведущими производство по уголовному делу, а также участниками процесса, при котором нарушены требования конституционных и уголовно-процессуальных норм и которое путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса (либо иным способом) помешало всесторонне расследовать (либо рассмотреть дело) и повлекло (либо могло повлечь) незаконность и необоснованность принимаемого решения, а под несущественным нарушением уголовно-процессуального закона, по его мнению, следует понимать «отступление органа дознания, следователя, прокурора, судьи и суда от предписаний уголовно-процессуального закона относительно порядка производства процессуальных действий; реквизитов уголовно-процессуальных актов; процессуальных сроков, если они не повлияли и не могли повлиять на законное разрешение дела, а также уклонение субъектов и лиц, не являющихся субъектами процесса, от исполнения процессуальных обязанностей»¹⁰⁷.

Вопрос о разграничении существенных и несущественных нарушений уголовно-процессуального закона рассматривался Л.А. Воскобитовой, которая считает, что главным и единственным признаком, отличающим существенные и несущественные нарушения, являются последствия, т.е. степень их влияния на постановление правосудного приговора.

В связи с этим она выделяет три критерия существенности.

1. Нарушение мешает всесторонне разобрать дело, в связи с чем может привести к необоснованности и незаконности приговора.

2. Нарушение каким-либо иным путем влияет на постановление правосудного приговора.

3. Нарушение непосредственно может повлиять на постановление законного и обоснованного приговора¹⁰⁸.

Таким образом, признак существенности нарушений уголовно-процессуального закона вполне справедливо связывается правоведами с уголовно-процессуальными последствиями, которые наступили или могли наступить в результате таких нарушений.

На наш взгляд, существенными нарушениями уголовно-процессуального закона признаются такие его нарушения, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса при расследовании дела или рассмотрении его в суде привели или могли привести к направлению уголовного дела для дополнительного

¹⁰⁷ Ширванов А.А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание возвращения дел для дополнительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 69, 85.

¹⁰⁸ Воскобитова Л.А. Система оснований к отмене приговора в кассационном порядке. М., 1985. С. 22.

расследования, возвращению судом уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, к признанию доказательств недопустимыми, что повлияло или могло повлиять на принятие законного и обоснованного итогового решения по делу.

Остановимся на характеристике существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые приводят к возвращению дел прокурором на дополнительное расследование, к возвращению дел судом прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению, а также приводят к признанию доказательств по делу недопустимыми.

В законе не дается исчерпывающего перечня нарушений уголовно-процессуального законодательства, которые в любом случае влекут направление дела прокурором на дополнительное расследование или направление дела судом прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению.

В теории уголовного процесса и в судебной практике таковыми признаются следственные ошибки:

- если расследование проводилось без возбуждения уголовного дела или без принятия возбужденного дела к своему производству следователем;
- если вместо предусмотренного законом предварительного следствия проведено дознание;
- если расследование проведено лицом, подлежащим отводу по основаниям, предусмотренным законом;
- если не выполнено требование закона о предоставлении переводчика обвиняемому, не владеющему языком, на котором производилось предварительное расследование;
- если не обеспечено право обвиняемого на защиту, особенно в случаях обязательного участия защитника¹⁰⁹;
- не обеспечены права обвиняемого и его защитника на ознакомление со всеми материалами законченного дознания или предварительного следствия;
- если по делу не проведена экспертиза в случаях, когда проведение ее является обязательным.

Следует отметить, что данный перечень не является закрытым.

По иным нарушениям уголовно-процессуального закона право решать вопрос о существенности несоблюдения уголовно-процессуальных требований предоставлено субъектам, ведущим процесс.

¹⁰⁹ Заметим, что данное нарушение рассматривается нами как ошибка, связанная с несоблюдением конституционного права лица на получение квалифицированной, в том числе и бесплатной юридической помощи - ст. 48 Конституции РФ.

Нарушения правил соединения и выделения уголовных дел достаточно часто встречаются в следственной и судебной практике и квалифицируются как существенные нарушения уголовно-процессуального закона¹¹⁰.

Существенными признаются такие нарушения требований УПК РФ, когда в его формулировке обвинения следователь допускает неточность, неконкретность, не индивидуализирует обвинение, когда фактические обстоятельства содеянного не соответствуют юридическим признакам инкриминируемого деяния, когда юридическая квалификация обвинения дана не в соответствии с терминологией УК РФ, когда содержание обвинения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого имеет расхождения с содержанием обвинения во вводной, резолютивной частях обвинительного заключения и др.

В результате допущенных существенных нарушений уголовно-процессуального закона суд (судья) отдельные доказательства может признать недопустимыми по основаниям, предусмотренным ст. 75 УПК РФ, и исключить из числа доказательств (из доказательственной базы), на которые можно ссылаться, в том числе в поддержку обвинения.

В устранении ошибок использование правил о допустимых доказательствах играет важную роль на всех стадиях уголовно-процессуальной деятельности. Соответствовать критерию допустимости должны все без исключения собранные доказательства, как подтверждающие выводы предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела, так и опровергающие их.

Признание доказательства недопустимым представляет собой процессуальную санкцию, исключающую доказательства (формально остающиеся в деле) из процесса доказывания. В дальнейшем ни сторона обвинения, ни сторона защиты не могут ссылаться на эти доказательства в обоснование своей позиции или опровержения доводов противоположной стороны. Правда, законодатель допускает при исключении доказательства как недопустимого в одной стадии (к примеру, при назначении судебного заседания на предварительном слушании), на последующей стадии (к примеру, при разбирательстве уголовного дела по существу) вновь вернуться к исключенному из доказывания доказательству и восстановить его юридическую силу. Данное положение законодателя некоторыми авторами критикуется как нелогичное¹¹¹, однако мы придерживаемся позиции законодателя, так как логика стадий в уголовном судопроизводстве выстроена по принципу: каждая последующая стадия имеет инструментарий по исправлению ошибок предыдущих стадий.

¹¹⁰ См., к примеру: Денисов С.А. Законность и обоснованность соединения и выделения уголовных дел. М., 2004. С. 97-129.

¹¹¹ Якимович Ю.К. Рассмотрение уголовных дел судом первой инстанции в обычном порядке: учеб. пособие. СПб., 2015. С. 27.

Важно помнить, что законодатель (ст. 88 УПК РФ) предоставляет следователю, дознавателю возможность по ходатайству заинтересованных лиц или по собственной инициативе вынести постановление и признать доказательство недопустимым.

В свое время В.Д. Спасович обосновал теорию законных доказательств, получаемых из «лучшего» источника, краеугольным камнем которой являлось требование неукоснительного соблюдения закона при получении и оценке доказательств, а также получение любого доказательства из проверенного достоверного источника¹¹².

Ученые-правоведы достаточно часто обращаются к исследованию различных проблем, связанных с недопустимостью доказательств в уголовном судопроизводстве¹¹³.

О.Н. Тренбак считает, что «основания признания доказательств недопустимыми соответствуют трем критериям: получение доказательств связано с нарушением федерального закона; допущенные нарушения федерального закона являются существенными, то есть могут повлиять на вынесение законного и обоснованного приговора; допущенные нарушения федерального закона не могут быть устранены в ходе судебного разбирательства»¹¹⁴. О существенном характере нарушений закона для признания доказательства недопустимым высказывался и Ю.К. Якимович¹¹⁵.

Проблема состоит в том, что считать существенными нарушениями закона, которые влекут за собой обязательное признание доказательств недопустимыми, и могут ли допущенные нарушения быть устранены в ходе судебного разбирательства. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 года №1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указывалось, что «решая вопрос о том, является ли доказательство по уголовному делу недопустимым по основаниям, указанным в пункте 3 части 2 статьи 75 УПК РФ, суд должен в каждом случае выяснить, в чем

¹¹² Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством: публ. лекции, чит. в зале С.-Петерб. ун-та проф. Спасовичем. СПб., 1861. С. 88-89.

¹¹³ Пашин С.А. Допустимость доказательств // Российская юстиция. 1993. №7. С. 27-28; Дугин А.Т. Проблемы борьбы с уголовно – процессуальными нарушениями ... С. 125; Попов В. Типичные ошибки при определении судом допустимости доказательств // Российская юстиция. 2001. №1. С. 52; Громов Н.А. Оценка доказательств в уголовном процессе. М., 2002. 128 с.; Литвинова И.В. Основания и порядок принятия прокурором решения о признании доказательств недопустимыми: учебно-метод. пособие. Иркутск, 2003. С. 6; Быков В.М. Основания и процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми по УПК РФ // Правоведение. 2004. №5. С. 142-150; Ларина Е.В. Признание доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве (в стадии предварительного расследования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 10; Гришина Е.П. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве – проблемные вопросы концептуального истолкования и правового регулирования // Уголовное судопроизводство. 2007. №4. С. 29-30; Зубарев А.А. Институт признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе и правовые последствия его применения. М., 2012; Соловьев А.Б. Получение и использование доказательств на предварительном следствии. М., 2012.

¹¹⁴ Тренбак О.Н. Признание доказательств недопустимыми и исключение их из разбирательства дела в суде присяжных: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С.7.

¹¹⁵ Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России: учеб.пособие. / Томск, 2015. С.39-40.

конкретно выразилось допущенное нарушение»¹¹⁶. Но Пленум Верховного Суда РФ не высказал своей позиции по поводу того, какие нарушения закона следует считать существенными.

Наиболее полный обзор позиций ученых по вопросу о том, какие нарушения закона следует считать существенными, имеется в работе В.В. Золотых, который давал классификацию этих нарушений.

В частности, В.В. Золотых представил такую классификацию.

1. Нарушения, выражающиеся в получении доказательств ненадлежащим субъектом.
2. Нарушения, выражающиеся в том, что фактические данные содержатся в ненадлежащем источнике.
3. Нарушения предусмотренной законом процедуры получения доказательств.
4. Нарушения, обусловленные исследованием доказательств, полученных с нарушением требований уголовно-процессуального закона.
5. Нарушения, обусловленные тем, что свидетель, потерпевший не могут указать источник своей осведомленности.
6. Нарушения, выражающиеся в том, что в суде присяжных исследуются доказательства, содержащие характеристику подсудимого и другие сведения, которые могут формировать у присяжных несправедливое предубеждение¹¹⁷.

Е.П. Гришина полагает, что существенными нарушениями закона, влекущими обязательное признание доказательств недопустимыми, признаются: 1) нарушение конституционных прав и свобод участников уголовного процесса, в том числе получение доказательств с применением обмана, насилия, угроз и иных незаконных методов; 2) нарушение установленного УПК РФ процессуального порядка производства следственного действия, ставящее под сомнение достоверность полученных в ходе этого действия сведений; 3) получение доказательств неуполномоченным лицом; 4) получение доказательства посредством не предусмотренного УПК РФ процессуального действия; 5) иные нарушения, если они повлияли или могли повлиять на достоверность полученных доказательств¹¹⁸.

В.А. Лазарева особо отмечает, что доказательства могут быть признаны недопустимыми лишь в случае значительных, существенных нарушений закона.

¹¹⁶ О применении судам норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 5 мар. 2004 г. №1 (ред. от 9 фев. 2012 г.) // Сайт Верховного Суда РФ. Электрон. дан. URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=7723 (дата обращения 01.02.2017).

¹¹⁷ Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. С.45-58.

¹¹⁸ Гришина Е.П. Существенные нарушения закона как основания признания доказательств недопустимыми // Уголовное судопроизводство. 2007. №3. С. 23.

Относительно других нарушений необходимо учитывать возможность устранения нарушения или нейтрализации его последствий.

Допустимость доказательств не есть их имманентное свойство, изначально принадлежащее доказательству уже в момент его получения и закрепления в материалах дела. Вывод о допустимости есть сформулированный в процессуальном решении результат оценки имеющегося доказательства следователем или судом. В соответствии с положениями ст. 17 УПК РФ, правила об исключении доказательств, полученных с нарушением закона, сформулированы таким образом, чтобы обеспечить суду право на свободную и непредустановленную оценку доказательств, являющуюся важнейшей гарантией действительной состязательности. Решение о недопустимости доказательств не имеет альтернативы лишь в случаях, указанных в п. 1 и 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ. Безусловными основаниями для такого решения служат также нарушение категорических правовых запретов на совершение определенных действий (ст.ст. 7, 9, ч. 2 ст. 56 УПК РФ). Доказательства, полученные с нарушением категорического правового запрета, недопустимы. В остальных случаях суд решает вопрос об исключении доказательств с учетом всех обстоятельств дела¹¹⁹.

Положение, предусмотренное п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, вызывает неоднозначную реакцию у ученых¹²⁰ вплоть до оценки этого положения, как скатывания к теории формальных доказательств, в соответствии с которой заранее определялась ценность и сила того или иного доказательства. Но ее действие в современном уголовном процессе представляется вынужденно необходимым, так как рассматриваемая норма «служит важной гарантией против самоговора и признания вины обвиняемым и подозреваемым под воздействием физического или психического насилия, применение которого, благодаря данной норме, практически теряет всякий смысл»¹²¹.

Ю.А. Ляхов также полагает, что положение п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ специально направлено против незаконных методов допроса обвиняемых и подозреваемых. Законодатель разумно исходил из того, что в присутствии избранного обвиняемым или подозреваемым защитника органы расследования не будут «выбивать» из допрашиваемых лиц нужные им показания. Совсем другое дело, когда адвокат – защитник назначен, приглашен следователем или дознавателем. Не секрет, что есть сговорчивые, свои для следователей, адвокаты, которых, как правило, и приглашают в таких случаях. Вот они и помогают следователям и дознавателям обходить запреты о недопустимых доказательствах. В результате следователи и дознаватели

¹¹⁹ Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практ. пособие. М., 2009. С. 170-172.

¹²⁰ Бойков А.Д. Новый УПК России и проблемы борьбы с преступностью // Уголовное право. 2002. №3. С. 65; Куссмауль Р. Дискриминационная норма нового УПК // Российская Юстиция. 2002. №9. С. 32; Быков В.М. Основания и процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми ... С. 142-150.

¹²¹ Смирнов А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. В. Смирнова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2004. С. 216.

вместо серьезной проверки полученных показаний обвиняемых и подозреваемых стремятся «закрепить» их, создать условия, при которых допрошенные не откажутся от данных показаний. Ущербность такого расследования и вред от него очевидны. И все это потому, что, согласно ст. 52 УПК РФ, отказ обвиняемого и подозреваемого от защитника во всех случаях не обязателен для дознавателя, следователя и суда¹²².

Очень часто при рассмотрении вопросов о недопустимости доказательств отечественные исследователи обращаются к американским подходам в этом вопросе (правило «плодов отравленного дерева», «правило Миранды» и др.). Действительно, в англосаксонской прецедентной системе права все эти правила достаточно важны и в определенной степени могут быть полезны и для российской правовой системы, хотя в тех же США на все эти правила имеются определенные исключения¹²³.

Требуется разработки вопрос относительно процедур признания доказательств недопустимыми. Как верно заметила Е.В. Селина, «в регламентации досудебного производства отсутствует механизм признания доказательств недопустимыми»¹²⁴. Есть проблемные вопросы в регламентации механизма признания доказательств недопустимыми и в судебном производстве.

Согласно статье 88 УПК РФ, с ходатайствами о признании доказательств недопустимыми к субъектам, ведущим уголовный процесс, могут обращаться подозреваемый и обвиняемый, а также их защитник и законный представитель. По всей видимости, таким же правом должны быть наделены потерпевший, гражданский истец и ответчик, их представители.

Процедура признания доказательств недопустимыми через вынесение соответствующих постановлений субъектами, ведущими уголовный процесс, должна начинаться со стадии возбуждения уголовного дела¹²⁵, продолжаться на стадии предварительного расследования и в дальнейшем – в судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Полагаем, что на стадии предварительного расследования, следователь, дознаватель имеют все процессуальные возможности для собирания новых доказательств взамен недопустимых. Исключение недопустимых доказательств из процесса доказывания на предварительном расследовании позволит лицу, производящему расследование,

¹²² Ляхов Ю.А. Приоритеты уголовно – процессуального законотворчества // Государство и право. 2010. №8. С.46.

¹²³ Щербаков С.В. Исключения из правил о недопустимости доказательств в уголовном процессе США. // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. №3. С. 20-21.

¹²⁴ Селина Е.В. Допустимость доказательств и судебское усмотрение в уголовном процессе // Государство и право. 2009, №8. С. 31.

¹²⁵ Брагин Е.А. Процессуальный порядок и правовые последствия признания доказательств недопустимыми в Российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 16.

своевременно принять меры к восполнению утраченного доказательства путем получения нового, а также иметь правильное представление об объеме собранных доказательств и решить вопрос об их достаточности для принятия решения по уголовному делу. При этом недопустимые, по их мнению, доказательства должны оставаться в материалах уголовного дела, так как в дальнейшем при движении дела субъектами, ведущими уголовный процесс, может быть повторно рассмотрен вопрос о признании исключенного доказательства допустимым¹²⁶.

Полагаем также, что прокурору, руководителю следственного органа, начальнику подразделения дознания, начальнику органа дознания должно быть предоставлено право при осуществлении прокурорского надзора и ведомственного контроля вынести свое постановление о признании дефектных доказательств по уголовному делу недопустимыми.

На стадии назначения судебного заседания при проведении предварительных слушаний как основной и должен разрешаться вопрос о сепарации доказательств на допустимые и недопустимые. Причем, ответственный подход к такой сепарации должен быть не только по уголовным делам, рассматриваемым судом присяжных, но и по всем другим делам, рассматриваемым обычным судом.

При рассмотрении уголовного дела по существу вновь может возникнуть вопрос о признании доказательств недопустимыми: стороны в любой момент судебного разбирательства могут заявить об этом ходатайство. На практике это создает определенный хаос: в суде присяжных председательствующий судья вынужден вопрос о допустимости доказательств решать за закрытыми от присяжных дверями; в обычном производстве суд, как правило, сразу же по заявлении такого ходатайства (чаще всего письменного) удаляется в совещательную комнату и принимает по нему решение в виде отдельного постановления, причем, достаточно часто суд в таком постановлении, отказываясь признать доказательство недопустимым, использует следующую формулировку: «оценка данного доказательства как допустимого или недопустимого будет дана судом в приговоре после исследования всех обстоятельств по делу».

В теоретических исследованиях вопрос, связанный с моментом принятия решения о признании доказательств недопустимыми, является дискуссионным. К примеру, В.В. Золотых в свое время считал, что этот вопрос должен быть разрешен до постановления приговора по

¹²⁶ Постановление Пленума ВС РФ №1 ... О применении судам норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

делу¹²⁷. Но существовало и мнение, что суд может принять решение о признании доказательств недопустимыми только в приговоре¹²⁸.

Мы солидарны с позицией В.М. Быкова и Т.Ю. Ситниковой, что суд может признать недопустимым доказательство как по собственной инициативе, так и по ходатайству сторон об исключении доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ, и в ходе судебного разбирательства, и в приговоре¹²⁹.

В Красноярском крае по уголовному делу Р.¹³⁰, обвиняемой в получении взяток, должностных подлогах и злоупотреблениях должностными полномочиями, в ходе судебного следствия на каждом из семи заседаний защитник подсудимой заявлял до трех письменных ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Каждый раз судья добросовестно уходил в совещательную комнату и по каждому заявленному ходатайству выносил мотивированное постановление, в которых или признавал доказательства допустимыми, или откладывал разрешение ходатайства после допросов понятых, следователей, оперативных работников и т.п.

После допроса указанных лиц судья вновь удалялся в совещательную комнату для разрешения заявленных ходатайств и, как правило, выносил постановление о признании их допустимыми или постановлял: «вопрос о допустимости доказательств разрешить при вынесении приговора».

Внешне все выглядело безукоризненно: судья немедленно реагировал на заявленное ходатайство, удалялся в совещательную комнату, принимал решение о выяснении дополнительных обстоятельств, связанных с осуществлением процедур доказывания по делу при его предварительном расследовании, выносил решение о допустимости доказательств в виде отдельного постановления.

Однако, по мнению стороны защиты, все это походило «на операцию по спасению» судьей любой ценой добытых на предварительном расследовании доказательств. Причем, каждый раз, когда суд признавал доказательства допустимыми, все участники судебного разбирательства понимали, что тем самым судья вынужден будет в конечном итоге положить все эти доказательства в основу приговора.

На наш взгляд, упорядочение ситуации с разрешением ходатайств сторон о признании доказательств недопустимыми, должно выглядеть следующим образом: если стороны в ходе

¹²⁷ Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. С. 262.

¹²⁸ Соколов А. Процессуальный порядок признания в суде доказательств не имеющими юридической силы // Российская юстиция. 1994. №10. С. 15; Тенчев Э., Кузьмина О.В. Объективная истина и суд присяжных // Государство и право. 1994. №11. С.134; и др.

¹²⁹ Быков В.М. Основания и процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми ... С. 150.

¹³⁰ Уголовное дело №17-19 // Архив Канского городского суда Красноярского края, 2012 год.

разбирательства уголовного дела заявляют ходатайства о признании каких-либо доказательств недопустимыми (в том числе и тех, которые на предварительном слушании были признаны судом допустимыми – статья 235 УПК РФ), то суд не исследует данные доказательства, концентрирует все ходатайства о недопустимости доказательств и разрешает их по существу в завершении судебного следствия в совещательной комнате путем вынесения соответствующих постановлений. При этом суд может провести дополнительные судебные действия для разрешения вопроса о допустимости или недопустимости доказательств, о которых идет речь в ходатайствах. Если доказательства признаются судом допустимыми, то они исследуются в завершении судебного следствия. И, конечно же, суд может при вынесении приговора по делу по своей инициативе признать любое доказательство недопустимым, даже по которому есть решение о признании его допустимым.

С особой актуальностью вопрос о допустимости доказательств возникает тогда, когда в доказывании используются результаты, полученные при проведении оперативно-разыскной деятельности¹³¹.

К примеру, по мнению И.Л. Петрухина, «доказательствами могут быть не сами по себе оперативные данные, а полученные на их основе или с их помощью сведения, заключенные в процессуальную форму»; «доказательствами могут быть оперативные данные, прошедшие процедуру уголовно-процессуальной легализации и потому переставшие быть оперативными»¹³².

С И.Л. Петрухиным солидаризируются Е.А. Доля¹³³, С.А. Шейфер¹³⁴ и др.

¹³¹ См.: Зажицкий В.И. Об использовании в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности // Государство и право. 2010. №7. С. 61-71; Поляков М.П. Концепция уголовно-процессуальной интерпретации результатов оперативно-разыскной деятельности // Государство и право. 2005. №11. С. 47-51; Басков В.И. Оперативно-разыскная деятельность: учебно-метод. пособие. М., 1997; Попов Н.М. Оперативное обеспечение досудебной подготовки в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 1997; Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991; Шумилов А.Ю. Начала уголовно-разыскного права. М., 1998; Овчинский С.С. Оперативно-разыскная информация. М., 2000; Мешков В.М. Оперативно-разыскная тактика легализации полученной информации в ходе предварительного следствия. М., 1999; Поляков М.П. Использование результатов ОРД в доказывании // Материалы международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания» / Редкол. сб. И.М. Мацкевич [и др.]. М., 2004; Зникин В.К. Оперативно-разыскная деятельность как система добывания и собирания уголовно-процессуальных доказательств: учеб. пособие. Кемерово, 2000; Котухов М.П. Перевод результатов оперативно-разыскной деятельности в доказательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-разыскной деятельности. М., 2014; Захарцев С.И. Правовое регулирование использования результатов оперативно-разыскной деятельности в зарубежных государствах // Правоведение. 2004. №2. С. 111-122.

¹³² Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть). М., 1998. С.56-58.

¹³³ Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности. М., 1996. С. 66-72; Доля Е.А. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Российская юстиция. 1995. №9. С. 57-59.

¹³⁴ Шейфер С.А. Использование непроцессуальных познавательных мероприятий в доказывании по уголовному делу // Государство и право. 1997. №9. С. 57-59.

Иная позиция, к примеру, у В.И. Зажицкого, который считает, что доказательствами являются сами оперативные данные, приобщенные к уголовному делу¹³⁵.

В российском законодательстве и на практике преобладает в настоящее время взвешенный подход к признанию допустимыми доказательств, полученных на основании проведения оперативно-разыскных мероприятий; оперативно-разыскная информация должна пройти определенные процедуры легализации, прежде чем стать доказательственной, соответствующей всем канонам доказательств, принятым в уголовном судопроизводстве.

В ходе исследований нами установлено, что чаще всего признавались недопустимыми доказательства, полученные при следующих обстоятельствах:

- в результате проведения следственных действий до возбуждения уголовного дела или принятия его к производству (кроме тех, которые разрешены УПК РФ);

- с нарушением процессуального порядка проведения следственных действий: допрос лица, совершившего преступление, в качестве свидетеля; неотобрание подписки от свидетелей, потерпевших, эксперта, переводчика о предупреждении их об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ, а свидетелей и потерпевших - также и по ст. 308 УК РФ; участие при производстве следственных действий одного понятого или заинтересованных в деле понятых; грубые нарушения правил оформления протокола следственного действия (отсутствие даты, неоговоренные исправления, дописки и т.п.); грубые нарушения процедуры проведения следственных действий и др.;

- с нарушением порядка сношения следователей с соответствующими органами других государств и др.

В своем исследовании мы не встретили ни одного случая признания судом существенными нарушениями уголовно-процессуального закона:

- невручение заинтересованным лицам копий протоколов процессуальных документов, когда такое вручение предусмотрено законом, уведомлений о прекращении уголовного дела;

- нарушения порядка вызова на допрос подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего;

- нарушения требований УПК РФ об обязанности разъяснения и обеспечения прав участвующим в деле лицам¹³⁶.

УПК РФ не раскрывает понятия «существенные нарушения УПК РФ», но это вовсе не значит, что теперь нельзя вести речь о существенности процессуальных нарушений.

¹³⁵ Зажицкий В.И. Связь оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности в российском законодательстве // Российская юстиция. 1996. №4. С. 51-52.

¹³⁶ Приложение №1.

Прокурор, согласно п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, может возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования. При этом, получив дело от следователя с обвинительным заключением, он может вернуть его обратно следователю для производства дополнительного расследования или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями (п. 3 ч. 1 ст. 221 УПК РФ). То есть, на наш взгляд, выявленные прокурором существенные (именно – существенные, а не любые!) нарушения УПК РФ и будут включаться в понятие «недостатки» по расследованному делу.

В то же время, получив дело от дознавателя с обвинительным актом, по смыслу ст. 226 УПК РФ, при наличии в деле существенных нарушений УПК РФ, у прокурора есть полномочие направить уголовное дело следователю для производства предварительного следствия.

В ходе судебного разбирательства уголовного дела по первой и второй инстанциям при обнаружении и существенных, и несущественных нарушений уголовно-процессуального закона, суд вынужден в пределах предоставленных ему полномочий или сам исправлять данные нарушения и принимать финальное решение по уголовному делу (возможности вернуть дело на дополнительное расследование у него теперь нет - ст. ст. 254, 302, 322, 350, 389-15 УПК РФ), или направлять уголовное дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

При рассмотрении уголовного дела в апелляционной, кассационной, надзорной инстанциях могут быть выявлены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, что будет являться основанием для отмены или изменения приговора и иных судебных решений (ст.ст. 389-15, 401-15, 412-9 УПК РФ).

При этом у суда остается право при выявлении в ходе судебного рассмотрения уголовного дела нарушений прав и свобод граждан, других нарушений закона, допущенных при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, выносить частное определение или постановление, в котором обращать внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующих принятия необходимых мер (ч. 4 ст. 29 УПК РФ).

Ошибки, связанные с неправильным применением уголовного закона

Уголовно-процессуальная деятельность во многом связана с правильным применением материального (уголовного) права¹³⁷ и ненарушениями тех запретов, которые установлены УК РФ для субъектов, ведущих уголовный процесс.

33,3% опрошенных нами судей, 27,8% - работников прокуратуры, 20,9% - адвокатов отмечают данный вид ошибок как чаще всего распространенный¹³⁸.

Следственные и судебные ошибки, связанные с неправильным применением уголовного закона, заключаются в следующем:

- в неприменении органами расследования нормы УК РФ, которая подлежит применению;
- применение ими нормы, не подлежащей применению;
- неправильное истолкование закона, противоречащее его точному смыслу.

Следует иметь в виду, что среди уголовно-правовых норм имеются нормы с так называемой бланкетной диспозицией, в которой не определяются все признаки состава преступления. Для их установления нужно обращаться к законодательным или иным нормативным актам из других отраслей права.

Бланкетными являются большинство норм главы 22 УК РФ¹³⁹, ряд норм других глав Уголовного кодекса.

В.Н. Кудрявцев отмечает, что один из этапов применения нормы уголовного права состоит в принятии решения о том, какая именно уголовно-правовая норма предусматривает совершенное преступление, и в закреплении этого решения в уголовно-процессуальном акте. И это является квалификацией деяния¹⁴⁰.

Другие авторы дают несколько иное определение квалификации. Так, Б.А. Куринов определял квалификацию как процесс установления тождества конкретного случая признакам состава преступления, указанного в норме Особенной части УК¹⁴¹.

Квалификацию определяют и как установление точного соответствия (тождества) совершенного лицом деяния (действия или бездействия) всем и в полном объеме признакам конкретного состава преступления, предусмотренного данной нормой Особенной, а в надлежащих случаях и Общей части УК.¹⁴² Иными словами, последнее может породить

¹³⁷ О соотношении уголовно-процессуального доказывания и уголовно-правовой квалификации см.: Барабаш А.С. Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности нарушителя. Красноярск, 1997. С.60-63.

¹³⁸ Приложение №44.

¹³⁹ Горелик А.С. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы коммерческих и иных организаций. Красноярск, 1998. С. 8; Лопашенко Н.А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов, 1997. С. 8.

¹⁴⁰ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 18.

¹⁴¹ Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений: учеб. пособие. М., 1976. С. 7.

¹⁴² Уголовное право России. Особенная часть: учебник/ Б.В. Здравомыслов [и др.]; отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996. С. 12.

представление о квалификации как о процессе применения преимущественно норм Особенной части. Однако нам представляется, что неправильное применение уголовного закона (применение закона, не подлежащего применению) касается, практически, всех норм Уголовного кодекса.

Виды следственных и судебных ошибок, возникающих ввиду неправильного применения уголовного закона, можно классифицировать в соответствии со структурой УК РФ.

1. Ошибки, связанные с неправильным толкованием действия уголовного закона во времени и в пространстве – гл. 2 УК РФ.

К примеру, сложными для правоприменителя являются вопросы, связанные с правильным применением правила об обратной силе уголовного закона, закрепленного в ст. 10 УК РФ.

2. Ошибки, связанные с неправильным толкованием совокупности, рецидива преступлений - гл. 3 УК РФ.

3. Ошибки, связанные с неправильным разрешением вопросов о возрасте, с которого наступает уголовная ответственность, о невменяемости и уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости - глава 4 УК РФ.

4. Ошибки, связанные с неправильным установлением формы вины в содеянном - глава 5 УК РФ.

5. Ошибки, связанные с неправильным определением оконченного и неоконченного преступления - приготовления к преступлению и покушения на преступление, добровольного отказа от преступления - глава 6 УК РФ.

6. Ошибки, связанные с неправильным определением соучастия в преступлении, эксцесса исполнителя преступления - глава 7 УК РФ.

Как показали наши исследования, особую сложность представляет для практических работников разграничение преступлений, совершенных по предварительному сговору группой лиц, организованной группой или преступным сообществом.

7. Ошибки, связанные с неправильным определением обстоятельств, исключающих преступность деяния - глава 8 УК РФ (необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения).

8. Иные ошибки в квалификации общественно-опасных деяний¹⁴³.

¹⁴³ Авторы учебников по уголовному праву, комментариев к УК РФ, как правило, в изложении придерживаются логики, заданной структурой УК РФ, и содержание текста выстраивают таким образом, чтобы предостеречь правоприменителя от ошибки в квалификации. См., к примеру: Уголовное право. Общая часть:

Учитывая, что проблемы правильной квалификации являются предметом уголовно-правовых исследований ученых-юристов, специализирующихся в области уголовного права, мы коснемся лишь самой распространенной ошибки в квалификации, допускаемой в ряде случаев следователем сознательно – «завышения» квалификации деяния.

Начнем с того, что квалификация уголовно-наказуемого деяния, данная следователем, является всегда предварительной. Ее могут исправить суд (судья) при дальнейшем продвижении дела на соответствующих этапах уголовного процесса.

Однако существование правила «запрета поворота к худшему» при переквалификации уголовно-наказуемого деяния порождает ситуации появления в деле следственных ошибок, исправление которых при утверждении обвинительного заключения прокурором без возвращения уголовного дела на дополнительное расследование становится невозможным. Если эта ситуация происходит в суде, то суд в настоящее время имеет возможность возвратить уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению.

Целесообразность и ценность этого правила заключается в том, что оно обеспечивает обвиняемому право на защиту, так как при существенном изменении обвинения (как по объему, так и по квалификации в сторону их увеличения) обвиняемый оказывается не готовым к защите.

Практические работники правоохранительных органов в стремлении застраховать себя от возвращения им дела на дополнительное расследование широко применяют при квалификации обвинения на следствии и дознании способ так называемой «квалификации с запасом», то есть в сложной ситуации с квалификацией уголовно-наказуемого деяния для подстраховки они квалифицируют его по более тяжкой статье (или части статьи) УК РФ, предусматривающей все квалифицирующие признаки деяния и максимальную меру наказания в санкции, рассуждая при этом, что при неподтверждении обвинения, при недостаточности доказательств, при изменениях в показаниях проходящих по делу лиц и т.п., суд (судья) всегда без возвращения дела прокурору смогут переквалифицировать деяние в сторону смягчения его квалификации.

Подобного рода практика искусственно создает появление в уголовном деле следственных ошибок, имеет неблагоприятные уголовно-процессуальные последствия для обвиняемого, выражающиеся, прежде всего, в том, что квалификация его деяния по более тяжкой статье (части статьи) уголовного закона может повлечь применение к нему самой строгой меры пресечения в виде содержания под стражей.

В связи с этим, актуален вопрос об отказе в законодательном порядке от существования в уголовном процессе правила «запрета поворота к худшему» при переквалификации обвинения, так как оно при обеспечении определенных процессуальных процедур не влияет на право обвиняемого на защиту.

Вполне разумным было бы прокурору при утверждении обвинительного заключения выносить постановление об изменении квалификации деяния в худшую сторону при неизменных фактических обстоятельствах дела, установленных следствием, тут же ознакомить со своим постановлением обвиняемого и его защитника, предоставлять им возможность и разумно-необходимое время для подготовки к защите от новой квалификации их деяния и для дополнительного ознакомления с материалами дела, дачи соответствующих пояснений в ходе допроса обвиняемого и заявления новых ходатайств.

Возвращение уголовного дела прокурору для переквалификации преступления – это оттяжка во времени в наступлении момента уголовной ответственности.

В судебном заседании спор о квалификации идет открыто в прениях, и государственный обвинитель первый предлагает квалификацию деяния.

Защитник, подсудимый в дальнейшем могут в своих выступлениях, в прениях, в реплике, наконец, в последнем слове подсудимого возражать против изменения государственным обвинителем квалификации. Если им необходимо время и материалы уголовного дела для подготовки к возражениям и защите от предъявленного обвинения, суд (судья) по ходатайству защитника, подсудимого могут сделать перерыв в судебном заседании на необходимое для этого время.

Характеристика структуры ошибок будет неполной, если не показать в ней место фундаментальных ошибок. Современные реалии уголовно-процессуальной деятельности подвигли нас к выделению и изучению этого нового вида ошибок¹⁴⁴.

В юридической литературе норма ранее действовавшей ст. 405 УПК РФ стала предметом оживленных дискуссий. В тексте ч. 3 ст. 405 УПК РФ в редакции от 14 марта 2009 года вводилось новое понятие «фундаментальные нарушения», которое, по мнению, П.А. Лупинской, не раскрывалось в УПК РФ, как не раскрывалось оно и в решениях Конституционного Суда РФ. Более того, наряду с перечнем конкретных нарушений уголовно-процессуального закона, которые были отнесены к фундаментальным, закон содержал и

¹⁴⁴ Назаров А.Д. Фундаментальные ошибки в уголовном судопроизводстве России. Вопросы теории и практики. Saarbrücken, Germany, 2011. С. 164-177; Назаров А.Д. Ошибки при заключении под стражу как вид фундаментальных ошибок // Сб. науч. тр. по материалам межд. науч.-практич. Конференции «Перспективные инновации в науке, образовании, производстве и транспорте». Одесса, 2011. Т.15. Юридические и политические науки. С. 3-8; Назаров А.Д. Erroneous Detention as a Type of Fundamental Mistake in Criminal Procedure // Journal of Siberian Federal University. Humanities&Social Sciences. 2012. №5. и др.

оценочные понятия «лишение» или «ограничение» прав, которые повлияли на законность приговора, определения или постановления суда¹⁴⁵.

А.А. Давлетов считал, что данное положение, которое было изложено в ст. 405 УПК РФ, с одной стороны, давало возможность исправить судебную ошибку не в пользу осужденного или оправданного, но с другой, после истечения одного года, сохраняло приговор в интересах осужденного и оправданного¹⁴⁶.

Однако противников у ст. 405 УПК РФ оказалось значительно больше. По мнению Ф.Н. Багаутдинова, «это положение не соответствует принципу равенства сторон в уголовном судопроизводстве, поскольку дает одной стороне необоснованное преимущество в реализации своих прав... В результате потерпевший не может в полной мере реализовать свое право на судебную защиту и справедливое правосудие»¹⁴⁷.

Против запрета поворота к худшему при производстве в суде надзорной инстанции выступил А.Д. Бойков. По его мнению, принцип *nonbisinidem* в данном случае неприменим: речь идет не о повторном осуждении, а об исправлении допущенной судебной ошибки в интересах законности, справедливости, реального обеспечения прав человека¹⁴⁸.

По мнению П.А. Lupинской, из текста ч. 3 ст. 405 УПК РФ следовало, что вывод о фундаментальности нарушения в случаях, когда закон не устанавливает перечень таких нарушений, требует ряда оценочных суждений в отношении установленных нарушений процессуального закона, а именно - был ли участник процесса лишен своих прав или существенно ограничен в них в результате допущенных нарушений закона. «При этом утверждение о существенности (фундаментальности) нарушения требует прямого вывода о том, что допущенное нарушение повлияло на законность приговора или определения суда»¹⁴⁹.

Позицию П.А. Lupинской поддерживал И.С. Дикарев, который говорил, что Конституционный Суд РФ не раскрыл понятие «фундаментальное нарушение, которое повлияло на исход дела», наметив лишь его общие черты. В частности, Конституционный Суд РФ указал на то, что исключения из общего правила о запрете поворота к худшему допустимы лишь в качестве крайней меры, когда неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия, разрушая необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных и потерпевших.

¹⁴⁵ Lupинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 1.

¹⁴⁶ Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство РФ. Екатеринбург, 2011. С. 213.

¹⁴⁷ Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. М., 2004. С. 309.

¹⁴⁸ Бойков А.Д. Жертвы преступности // Мировой судья. 2006. №10. С. 24.

¹⁴⁹ Lupинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве ... С. 2.

Вместе с тем правовая определенность в вопросе о том, что собой представляет «фундаментальное нарушение» имело исключительно важное значение, поскольку от того, какой смысл вкладывается в это понятие, напрямую зависит то, в каких случаях допустимо пересматривать вступившие в законную силу приговоры, определения или постановления суда по основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного (оправданного). Законодатель попытался решить эту проблему, изложив ч. 3 ст. 405 УПК РФ следующим образом: «К фундаментальным нарушениям относятся нарушения уголовно-процессуального закона, которые повлекли за собой постановление приговора незаконным составом суда или вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей, а равно лишили участников уголовного судопроизводства возможности осуществления прав, гарантированных настоящим Кодексом, на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон либо существенно ограничили эти права, если такие лишения или ограничения повлияли на законность приговора, определения или постановления суда»¹⁵⁰.

Вышеизложенная позиция указывает на аморфность существовавшей ранее категории «фундаментальные уголовно-процессуальные нарушения». Наличие оценочных понятий не позволяло рассматривать в конкретном ракурсе данную категорию. Суд должен был определять, в какой степени (существенно или несущественно) были ограничены права участников уголовного судопроизводства и повлияли ли эти ограничения на законность приговора. При судебном усмотрении в оценке характера допущенного нарушения всегда могла существовать известная неопределенность, односторонность и дискуссионность, что могло приводить к судебным ошибкам.

Фундаментальные уголовно-процессуальные нарушения являлись одной из самых дискуссионных категорий в уголовно-процессуальном законодательстве. Были и споры, связанные с сущностью данного феномена.

Развитие законодательства взяло вектор на отказ от категории фундаментальных уголовно-процессуальных нарушений. Но мы, тем не менее, по аналогии с понятием фундаментальных уголовно-процессуальных нарушений полагаем возможным введение в научный и практический оборот понятия фундаментальной ошибки в уголовном судопроизводстве, потому что цена различных ошибок для человека, общества и государства различна. И там, где цена ошибки для человека, общества и государства очень велика, есть смысл, на наш взгляд, говорить о фундаментальности ошибок, что влечет повышенный

¹⁵⁰ Дикарев И.С. Понятие «фундаментальное нарушение» в уголовном процессе // Российская юстиция. 2009. №6. С. 3.

уровень внимания к ним исследователей и правоприменителей, особый уголовно-процессуальный механизм их выявления, исправления и предупреждения.

На наш взгляд, **фундаментальная ошибка** – это преступные действия или бездействие субъектов, ведущих предварительное расследование и судебное разбирательство по уголовному делу, повлекшие особо существенные нарушения законных прав и интересов человека, общества и государства в уголовном судопроизводстве.

1. Невыявление субъектами, ведущими предварительное расследование и судебное разбирательство по уголовному делу, применения со стороны должностных лиц правоохранительных органов (прежде всего – оперативных сотрудников) в отношении «заподозренных» лиц, подозреваемых, обвиняемых для получения от них показаний о совершенном преступлении незаконного насилия (прежде всего – пыток, физического насилия);

2. Невыявление субъектами, ведущими предварительное расследование и судебное разбирательство по уголовному делу, применения со стороны должностных лиц правоохранительных органов (прежде всего – оперативных сотрудников) провокаций преступных проявлений;

3. Ошибки, допущенные субъектами, ведущими предварительное расследование и судебное разбирательство, в собирании, проверке и оценке доказательств по уголовному делу, в применении уголовного закона, в результате чего подозреваемый, обвиняемый незаконно заключен (не заключен) под стражу, незаконно содержится (не содержится) под стражей; подсудимый незаконно осужден, особенно к чрезмерно суровому наказанию, связанному с реальным лишением свободы, незаконно оправдан или осужден к чрезмерно мягкому наказанию.

Невыявление субъектами, ведущими уголовный процесс, применения незаконных методов в отношении подозреваемых, обвиняемых, подсудимых

Проблема использования «пыточных технологий» в деятельности должностных лиц правоохранительных органов, вовлеченных в орбиту оперативно-разыскного и уголовного процессов, борьба с пытками, другими жестокими, бесчеловечными или унижающими достоинство видами обращений, являются актуальными для многих государств мира, в том числе – и для России.

Л.А. Зашляпин в своем исследовании отмечал, что 86% опрошенных адвокатов Читинской области считали, что наиболее часто именно следователи и дознаватели

(оперативные работники) допускают преступное принуждение к даче показаний¹⁵¹. Опрошенные И.В. Буневой 270 сотрудников милиции и прокуратуры не только подтвердили тот факт, что отмечают выше адвокаты, но свидетельствуют о более широком распространении этого недопустимого в демократическом обществе явления. Только 4% из опрошенных утверждали, что не применяют незаконных методов при получении показаний¹⁵². Жестокий прессинг со стороны сотрудников правоохранительных органов приводит к тому, что обвиняемые признаются даже в совершении наиболее тяжких преступлений – убийств. Данные В.И. Санькова по Воронежской области за несколько лет свидетельствуют о том, что из 14 лиц, обвинявшихся в убийстве, невиновность которых впоследствии была доказана и уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям, 12 признались в совершении преступления в результате применения к ним пыток и иных незаконных методов¹⁵³.

Подозреваемый, обвиняемый в результате применения к нему со стороны работников правоохранительных органов незаконных методов на допросах у дознавателя, следователя, в суде «добровольно» дает показания о совершенном преступлении, которые могут быть как истинными (подозреваемый, обвиняемый, действительно, виновен, совершил преступление, но признание в совершении им преступления дал лишь после применения к нему насилия и пыток), так и ложными, в том числе - оговор, самооговор. С таких недопустимых доказательств и начинается цепь следственных, прокурорских и судебных ошибок, а, подчас, и преступлений (к примеру, халатность), совершаемых при этом дознавателями, следователями, прокурорами и судьями.

Наше исследование, проведенное в Средне-Сибирском регионе в 2002-2013 годах, показало, что в 7% случаев во время предварительного расследования и в 12% случаев в ходе судебного разбирательства уголовного дела обвиняемые, (а также их защитники, законные представители) делали заявления о применении к ним в процессе дознания или предварительного следствия незаконных методов ведения расследования (чаще всего угрозы, избиение оперативными работниками или содержание в так называемых «пресс-хатах» СИЗО, и др.)¹⁵⁴.

¹⁵¹ Запляпин Л.А. Основы методики расследования должностной преступной деятельности следователей и дознавателей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1993. С. 3.

¹⁵² Бунева И.Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002.

¹⁵³ Саньков В.И. Тактика допроса лица, признающего в совершении убийства // Юрид. зап. 1999. Вып. 10. С. 79.

¹⁵⁴ См.: Назаров А.Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса; Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда; Назаров А.Д. Фундаментальные ошибки в уголовном судопроизводстве России; Назаров А.Д. Вопросы имплементации Европейского стандарта проведения эффективного расследования в уголовное судопроизводство России // Российская юстиция. 2010. №11. С. 73-74; Назаров А.Д. Деятельность суда в выявлении доказательств, полученных в результате применения

А.А. Васяев, исследуя данную проблему, пришел к выводу, что по 74% уголовных дел подсудимыми делаются заявления о применении к ним незаконных методов ведения следствия. Ученый критически анализирует прокурорские проверки по этим заявлениям, а также действия суда по проверке данных заявлений. Считает, что «переломить такое положение дел возможно только при условии повышения квалификации (профессионального уровня, укрепления нравственных устоев) сотрудников правоохранительных органов и ориентирование их на соблюдение прав и законных интересов личности»¹⁵⁵. Безусловно, это благое пожелание, но без компенсирующих это негативное явление процессуальных механизмов сложно обойтись.

В международном праве отличаются три категории запрещенного поведения.

1. Пытка – намеренное бесчеловечное обращение, вызывающее весьма серьезные и жестокие страдания.
2. Бесчеловечное обращение – нанесение сильных физических и нравственных страданий.
3. Унижающее достоинство обращение – плохое обращение, направленное на то, чтобы вызвать у жертв чувство страха, боли и неполноценности, которые могут унижить и опозорить их и, возможно, сломать их физическое или моральное сопротивление¹⁵⁶.

К сожалению, все эти три варианта недозволенного поведения, чаще всего – оперативных сотрудников, присутствуют в нашем уголовном процессе и оказывают искажающее воздействие на результаты расследования, то есть способствуют появлению по уголовным делам следственных и судебных ошибок.

Это значит, что проблема, связанная с действием подобного рода негативных факторов в уголовном процессе, остается. Остается надолго и является стимулом как для фундаментальных научных исследований, так и для поиска оптимальных решений, связанных с судебно-правовой реформой в нашей стране¹⁵⁷.

недозволенных (незаконных) методов // Российский судья. 2010. №11. С. 29-31; Назаров А.Д. Несоблюдение в уголовном судопроизводстве конституционных прав и свобод человека и гражданина, связанных с применением незаконных методов в деятельности оперативных работников // Журнал СФУ. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 4. №2. С. 267-273; Назаров А.Д. Европейский стандарт эффективного расследования - надежный механизм защиты от пыток в деятельности новой полиции России // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. матер. / Отв. ред. Д.Д. Невирко. Красноярск, 2011. С. 125-129 и др.

¹⁵⁵ Васяев А.А. О применении недозволенных методов ведения следствия в отношении подозреваемых (обвиняемых) в уголовном судопроизводстве // Система отправления правосудия по уголовным делам в современной России как социальное взаимодействие личности и государства (Текст): сборник научных статей: в 2 ч. Ч. 2 / ред. кол. Т.К. Рябинина [и др.]; Курск, 2009. С. 195-200.

¹⁵⁶ Гомьен Д. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 136.

¹⁵⁷ Бойков А.Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990-1996 гг. М., 1997. С. 47-48.

Статья 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - ЕКПЧ) гласит, что «никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию». Государство ни при каких обстоятельствах не имеет права отступать от требования этой статьи, что неоднократно подчеркивалось Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ или Суд).

Крайне тревожным выглядит и то обстоятельство, что по статьям 2 (право на жизнь) и 3 (запрет пыток) – ЕКПЧ Суд в отношении России выносит ежегодно значительное количество Постановлений.

Ст. 3 ЕКПЧ, как Суд уже много раз отмечал¹⁵⁸, «охраняет одну из основных ценностей демократического общества. Даже в наиболее сложных обстоятельствах, таких как борьба против организованного терроризма или преступности, Конвенция совершенно четко запрещает пытки или бесчеловечное, или унижающее достоинство обращение или наказание. В отличие от большинства материально-правовых положений Конвенции и Протоколов №1 и 4 статья 3 не предусматривает исключений, и не разрешается ее частичная отмена: согласно статье 15, она не перестает действовать даже в случае чрезвычайного положения, угрожающего существованию нации»¹⁵⁹.

Никакая ситуация крайней необходимости не может оправдать применение пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения.

ЕСПЧ указывает, что «независимо от того, какое воздействие оказали на исход уголовного судопроизводства признательные показания, полученные от заявительницы под давлением, это доказательство сделало уголовное разбирательство несправедливым..., в настоящем деле было допущено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции»¹⁶⁰.

Суд также указывает, что статья 3 «категорически запрещает пытки и бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и гарантирует ее применение вне зависимости от предосудительной природы поведения личности»¹⁶¹.

На наш взгляд, использование в доказывании недопустимых показаний подсудимого, полученных в результате применения к нему незаконных методов со стороны оперативных

¹⁵⁸ Denmark v. Greece, Norway v. Greece, Sweden v. Greece, Netherlands v. Greece [Электронный ресурс]: Decision of the Commission of 31 May 1968: App. No. 3321/67, 3322/67, 3323/67, 3344/67 // Сайт Европейского суда по правам человека. Электрон. дан. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73020> (дата обращения 02.02.2017).

¹⁵⁹ Aksoy v. Turkey [Электронный ресурс]: Judgment of 18 December 1996: App. No 21987/93 // Сайт Европейского суда по правам человека. Электрон. дан. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58003> (дата обращения 06.03.2016).

¹⁶⁰ Mastepan v. Russia [Электронный ресурс]: Judgment of 14 January 2010: App. No 3708/03 // Сайт Европейского суда по правам человека. Электрон. дан. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-96693> (дата обращения 02.02.2017)

¹⁶¹ Costello-Roberts v. United Kingdom [Электронный ресурс]: Judgment of 25 March 1993: App. No 13143/87 // Сайт Европейского суда по правам человека. Электрон. дан. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57804> (дата обращения 06.03.2016)

работников, следователей и т.д., не замеченных (невыявленных, нераспознанных) или, что страшнее, проигнорированных судьей, есть грубая судебная ошибка (в нашей классификации – фундаментальная ошибка) или, подчас, даже преступная халатность судьи.

Невыявление субъектами, ведущими уголовный процесс, ошибок, связанных с провокациями в оперативно-разыскной деятельности

На сегодняшний день устойчиво сохраняются преступные намерения определенного круга лиц. И если эти намерения касаются интересов личности и государства, частного бизнеса, то проблему необходимо решать самыми результативными средствами. Однако нередко правоохранительные органы настолько увлекаются служебными интересами и показателями раскрываемости, что, не задумываясь, применяют способы, которые самым непосредственным образом нарушают права человека, а деятельность сотрудников правоохранительных органов, направленная на борьбу с преступлениями, фактически эти преступления порождает («клонировает»).

По мнению А.С. Горелика, «государство заинтересовано в том, чтобы раскрывались все совершенные преступления, но не стремится к тому, чтобы путем провокаций увеличивалось количество преступлений или искусственно создавалась видимость их совершения и обнаружения там, где никто не намеревался стать преступником»¹⁶².

В силу многих причин, вытекающих из характера функционирования органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, провокация как метод борьбы с преступностью и раскрытия преступлений очень распространена и активно «культивируется» в правоохранительной системе.

Тема провокации на современном этапе выходит за пределы государства и приобретает особое звучание на международной арене, когда права индивида находят свою защиту в Европейском Суде по правам человека.

В этой связи весьма актуальной проблемой теории и практики оперативно-разыскной деятельности является определение допустимых пределов (в первую очередь с правовой точки зрения) процедуры реализации оперативной информации с тем, чтобы действия оперативных сотрудников не превратились в провокацию преступлений¹⁶³.

Уголовный закон России устанавливает уголовную ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа (статья 304 УК РФ). Однако остались за сферой уголовно-

¹⁶² Горелик А.С. Преступления против правосудия. СПб., 2005. С. 179.

¹⁶³ Боженко С. К вопросу о провокации преступлений (с учетом решений Европейского Суда по правам человека) // Российская юстиция. 2006. №5. С. 48.

правовой регламентации такие виды провокационных действий, как провокации кражи, незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и т.д.

С.В. Познышев считал, что «полиция должна предупреждать и пресекать преступления, а не создавать их сама; провокация противоречит цели полицейской деятельности, и, как средство грязное и противное закону, не должна быть допускаема и разрешаема. Таким образом, если целью деятельности подстрекателя является изобличение подстрекаемого в совершении преступления или попытке его совершения, то подобная «благородная» цель не исключает привлечения его к уголовной ответственности за провокацию преступления»¹⁶⁴.

А.А. Пионтковский писал, что в отличие от подстрекателя провокатор «руководствуется не стремлением в своей деятельности причинить вред объекту, на который направлено действия исполнителя, а стремлением изобличить преступника и передать его в руки государственной власти»¹⁶⁵.

Уголовные дела, имеющие провокационную природу, таят в себе большую опасность следственных, прокурорских, судебных ошибок из-за своей искусственности, неполной «настоящности».

Статья 89 УПК РФ в категоричной форме запрещает использовать в процессе доказывания по уголовным делам результаты оперативно-разыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом.

Главные требования к доказательствам изложены в ст. 75 УПК РФ («Недопустимые доказательства»), ст. 88 УПК РФ («Правила оценки доказательств»).

Не вызывает сомнений то обстоятельство, что опасность провокационного пути в получении доказательств для уголовного судопроизводства таится при проведении оперативно-разыскных мероприятий, особенно таких, как проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативный эксперимент (п. п. 6, 13, 14 ст. 6 Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Ученые-правоведы не часто, но с тревогой высказываются по проблеме провокаций в уголовном процессе, идущих с подачи сотрудников оперативных подразделений правоохранительных органов.¹⁶⁶

¹⁶⁴ Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1. Преступление и наказание. С. 589.

¹⁶⁵ Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть. М., 1961. С. 573.

¹⁶⁶ Алферов В.Ю. Оперативный эксперимент и провокация // Правоведение. 1998. №1. С. 169-170; Волженкин Б.В. Провокация или оперативный эксперимент? // Законность. 1999. №6. С. 26-30; Волженкин Б.В. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? // Российская юстиция. 2001. №5. С. 45; Котин В.П. Провокация взятки // Государство и право. 1996. №2. С. 82-87; Курченко В. Отграничение провокации от действий при пресечении преступлений // Законность. 2004. №1. С. 10-12; Михайлов В.И. Противодействие

К сожалению, несмотря на признание юрисдикции ЕСПЧ после ратификации Конвенции, российские правоохранительные органы длительное время не учитывали соответствующие правовые позиции ЕСПЧ относительно недопустимости провокации преступления, активно используя провокационные методы в оперативно-разыскной деятельности. Неудивительно, что подобная практика стала предметом неоднократных жалоб российских граждан в ЕСПЧ, который принял по этому вопросу целый ряд постановлений, констатирующих, что полицейская провокация нарушает положения Конвенции.

Первым из них стало Постановление ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г. по делу "Ваньян (Vanuyan) против Российской Федерации", жалоба N 53203/99. Впоследствии отраженные в нем правовые позиции получили развитие в Постановлениях ЕСПЧ от 26 октября 2006 г. по делу "Худобин (Khudobin) против Российской Федерации", жалоба N 59696/00; от 4 ноября 2010 г. по делу "Банникова (Bannikova) против Российской Федерации", жалоба N 18757/06; от 2 октября 2012 г. по делу "Веселов и другие (Veselov and others) против Российской Федерации", жалобы N 23200/10, 24009/07 и 556/10.

Обобщение практики ЕСПЧ позволяет выделить отличительные признаки полицейской провокационной деятельности и выработать критерии ее отграничения от правомерных оперативно-разыскных мероприятий. Использование данных критериев позволяет избегать ошибок в досудебном и судебном производстве по уголовным делам¹⁶⁷.

Фундаментальные ошибки при заключении под стражу, продлении сроков содержания под стражей, при оправдании, а также при осуждении и назначении наказания

Положения статьи 22 Конституции РФ предусматривают особые гарантии при посягательствах государства на личную неприкосновенность человека. Международно-правовой стандарт также предусматривает особые требования в части обеспечения личной неприкосновенности индивида. Еще раз подчеркнем, ошибки должностных лиц государства в ограничении этого права по характеру возможных и наступивших последствий мы относим к фундаментальным, существенным¹⁶⁸. Нарушения действующих процедур заключения лица

легализации доходов от преступной деятельности: правовое регулирование, уголовная ответственность, оперативно-разыскные мероприятия и международное сотрудничество. СПб., 2002. С. 158; Назаров А.Д. Недопустимость провокаций в уголовном процессе // Следственная практика. 2004. №4. С. 29-35; Назаров А.Д. Доказательства, полученные провокационным путем, являются недопустимыми: некоторые практические аспекты проблем // Вестник КГУ. Красноярск, 2006. №6. С. 336-340; Назаров А.Д. Как противопоставить провокации в уголовном процессе мероприятиям, блокирующим преступные проявления // Ученые записки: сб. науч. трудов Института государства и права. Тюмень, 2007. Вып. 8. С. 86-93; Назаров А.Д. Некоторые вопросы проверочной закупки в контексте решений Европейского Суда по правам человека // Проблемы модернизации правовой системы современного российского общества. Красноярск, 2011. С. 302-306.

¹⁶⁷ См., к примеру: Волынский А.Ф. Расследование провокаций взятки и коммерческого подкупа. М., 2010. 160 с.

¹⁶⁸ См.: Назаров А.Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса; Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда; Назаров А.Д. Фундаментальные ошибки в уголовном

под стражу являются источником следующих ошибок следователя, дознавателя, прокурора, суда.

1. Ошибочное избрание в качестве меры пресечения подозреваемому, обвиняемому, подсудимому заключения под стражу, а также продление им сроков содержания под стражей, в отсутствие необходимых доказательств и (или) вместо возможных в конкретной ситуации таких мер пресечения, как домашний арест, залог и иных, не связанных с изоляцией от общества.

В паре с данной ошибкой идет ее противоположная разновидность – ошибочное неизбрание подозреваемому, обвиняемому, подсудимому заключения под стражу, а также непродление этим участникам процесса сроков содержания под стражей, в результате чего указанные лица скрылись от следствия и суда, совершили новые преступления, оказали незаконное воздействие на потерпевшего и свидетелей. Кроме того, данная разновидность ошибки субъектов, ведущих уголовный процесс, может вызвать негативную реакцию общества и спровоцировать нарушения со стороны определенной части граждан общественного порядка и спокойствия.

2. Использование ареста недобросовестными сотрудниками правоохранительных органов как средства незаконного получения показаний в совершении преступления от заключенных под стражу лиц, что может, подчас, привести к даче подозреваемым, обвиняемым, подсудимым следователю, дознавателю, суду искаженных показаний (оговор, самооговор и т.п.).

3. Применение «квалификации с запасом» («завышенной квалификации») во избежание самых различных (процессуальных, карьерных и др.) неблагоприятных последствий для следователя, дознавателя и как способ получить от суда желаемое постановление о заключении лица под стражу или о продлении сроков содержания лица под стражей.

Так, 61,1% работников прокуратуры, 33,3% судей и 20,4% адвокатов полагают, что следователи и дознаватели «завышают» квалификацию деяния, чтобы в последующем суд без возвращения уголовного дела прокурору смог переквалифицировать деяние на более «мягкий» состав преступления, а 5,6% судей, кроме того, полагают, что «завышенная» квалификация позволяет гарантированно получать от суда постановление о заключении под

судопроизводстве России; Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки при заключении под стражу. С. 39-43; Назаров А.Д. Правоприменительные ошибки при заключении под стражу // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. №2. С. 92-98; Назаров А.Д. Дифференцированный подход при избрании наиболее строгих мер пресечения как способ избежать ошибок // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Барнаул, 2011. С. 193-196; Назаров А.Д. Усложненная процедура заключения лица под стражу как способ избежать ошибок // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Томск, 2011. Ч. 51. С. 109-115; Назаров А.Д. О совершенствовании процедуры заключения лица под стражу // Судебная власть и правосудие в сфере уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы. Екатеринбург, 2012. С. 106-112.

стражу подозреваемого, обвиняемого¹⁶⁹.

Данная ошибка может расцениваться также как злоупотребление правом со стороны субъектов, ведущих процесс, а при определенных обстоятельствах представленная ситуация может быть не ошибкой, а преступлением должностного лица.

Наиболее неблагоприятные последствия для человека, общества и государства связаны с судебной ошибкой, когда от имени Российской Федерации суд, отправляя правосудие по уголовным делам, незаконно осуждает невиновное лицо или осуждает его по более строгой статье (части, пункту) УК РФ, а не по той, более мягкой, статье (части, пункту), по которой он справедливо должен быть осужден; осуждает к чрезмерно суровому наказанию, особенно, если оно связано с реальным лишением свободы; незаконно оправдывает виновное лицо – полностью или в части обвинения или незаконно осуждает по более «мягкой» статье (части, пункту) УК РФ, а не по той «строгой» статье (части, пункту), по которой он справедливо должен быть осужден; осуждает к чрезмерно мягкому наказанию.

Таким образом, обозначенные нами фундаментальные ошибки требуют к себе повышенного внимания со стороны ученых и практиков, чтобы минимизировать опасность допущения следственных и судебных ошибок.

Ошибки следователя, прокурора могут быть причиной появления в уголовном деле ошибок суда¹⁷⁰.

В структуре ошибок нами сделана следующая их градация.

1. Судебные ошибки, на появление которых в уголовном деле ни объективно, ни субъективно никак не могли повлиять ни следователь, ни прокурор (например, нарушение тайны совещательной комнаты, ошибки в составлении приговора, несправедливое назначение наказания и т.п.).

2. Судебные ошибки, на появление которых в уголовном деле повлияли ошибки следователя, прокурора. Данных ошибок судья объективно имел возможность избежать, но по различным причинам (спешка, небрежность, недобросовестность, поверхностный подход к изучению дела и анализу доказательств и т.д.) в ходе судебного разбирательства не избежал, и эти ошибки «с подачи» следователя, прокурора стали судебными ошибками.

3. Судебные ошибки, на появление которых в уголовном деле повлияли ошибки следователя, прокурора, но при рассмотрении уголовного дела в суде судья не имел объективной возможности их избежать – они вскрылись на ревизионных стадиях уголовного процесса (например, следователь проигнорировал заявление подозреваемого о том, что к нему применялись незаконные методы, и он по части эпизодов преступления оговорил себя. Судья

¹⁶⁹ Приложение №44.

¹⁷⁰ См.: Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. С. 24-116.

получил от прокурора для разбирательства уголовное дело, где все эпизоды обвинения в надлежащем процессуальном порядке были подтверждены различными доказательствами, а подсудимый в ходе судебного заседания не делал никаких заявлений о примененном по отношению к нему насилии. И лишь в апелляционной, кассационной или надзорной жалобах осужденный вновь стал заявлять о самооговоре и его причинах).

Вот таким образом в комплексном многообразии нами представлена структура ошибок в уголовном судопроизводстве. В рамках разработанной нами этой структуры мы и рассматриваем все концептуальные вопросы, связанные с изучением феномена следственной и судебной ошибки и уголовно-процессуального механизма их выявления, исправления и предупреждения.

§5. Причины ошибок в уголовном судопроизводстве

Стремление свести к минимуму допускаемые в уголовно-процессуальной деятельности ошибки обязывает исследователя рассмотреть причины этих ошибок¹⁷¹. Правоведы, чьи научные труды были связаны с проблемами качества предварительного расследования, его недостатками, допускаемыми нарушениями законности, всегда каким-то образом касались вопросов о причинах низкого качества следствия, об условиях, которые способствуют этим недостаткам, нарушениям законов и т.п.

О причинах ошибок, особенно судебных, высказывается С.А. Пашин, один из авторов современной судебной реформы в России и инициаторов введения суда присяжных. По его мнению, в Российской Федерации со стороны судейского руководства проводится авторитарная кадровая политика, делающая судью зависимым, прежде всего, от председателя суда. Положиться на внутрисудебные механизмы выявления ошибок, то есть пересмотр приговоров вышестоящими инстанциями, можно лишь при условии независимости судей, их профессиональной, нравственной и культурной компетентности. В идеале суд должен быть инструментом гражданского общества, а не государства. Данные условия в России, где суд встроен во властную вертикаль, не выполняются. Отсутствуют и другие действенные механизмы выявления и исправления судебных ошибок; судебный надзор ненадежен и выборочен. Незначительное количество из числа допускаемых в России судебных ошибок исправляются благодаря настойчивости заинтересованных лиц, усилиям правозащитников и решениям Европейского Суда по правам человека¹⁷².

В.И. Власов по-своему рассматривает *причины* следственных ошибок, называя среди них следующие:

- а) низкий уровень деловых качеств следователя;
- б) отсутствие должных политических, моральных, а также некоторых специальных, необходимых для профессии следователя качеств, их недостаточное развитие;
- в) организационные недостатки, перегрузки в работе следователя.

Кроме того, он выделяет *условия, способствующие совершению следственных ошибок*:

- недостатки в осуществлении прокурорского надзора;

¹⁷¹ Ранее в своих работах мы обращались также к исследованию причин ошибок в уголовном судопроизводстве, прежде всего, причин следственных ошибок. См.: Назаров А.Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса; Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда; Назаров А.Д. Причины следственных ошибок // Вопросы уголовного права и процесса в условиях правовой реформы. Красноярск, 1999. С. 61-71. К истокам следственных и судебных ошибок обращены труды ряда известных правоведов. См., к примеру: Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: Системный анализ допущенных ошибок. СПб., 2004; Чурилов Ю.Ю. Всемирная история неправосудия Ростов-на-Дону, 2012.

¹⁷² См.: Пашин С.А. Становление правосудия. М., 2011. С. 339, 350.

- недостатки участия адвокатов в предварительном расследовании¹⁷³.

Однако это лишь беглый взгляд на сложную проблему причин следственных ошибок в уголовном судопроизводстве.

Множество причин, каждая из которых в отдельности, безусловно, правильная, выделяют Л.Д. Калинин и А.А. Ширванов, изучавшие существенные нарушения уголовно-процессуального закона¹⁷⁴.

На наш взгляд, наиболее полно, логично и научно обоснованно дана характеристика причин следственных ошибок в исследованиях, проведенных в 80-е годы учеными-процессуалистами ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР, которые ранжировали все многообразие этих причин по схеме – «дело – следователь – следственный аппарат»¹⁷⁵:

непосредственные причины, которые характеризуют недостатки в расследовании конкретных дел (*первый уровень причин*);

причины следственных ошибок, связанные с деятельностью следователя: с личностью следователя (субъективные причины) и условиями, в которых осуществляется данная деятельность (объективные причины) - эти субъективные и объективные причины составили *второй уровень причин*, или «причины причин первого уровня»;

факторы, обуславливающие причины первого и второго уровней и связанные с условиями деятельности органов предварительного расследования в целом в России (*третий уровень причин*).

Классификация причин следственных ошибок по схеме – «дело – следователь – следственный аппарат» позволяет глубоко их исследовать, а, самое главное, научно обосновать рекомендации по нейтрализации действия данных причин.

Проведенное в конце 80-х - начале 90-х годов исследование ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР причин следственных ошибок не потеряло своей актуальности. Более того, по схеме - «дело – судья – судебная система» можно и нужно, на наш взгляд, рассматривать и анализировать причины судебных ошибок.

Актуальной является данная еще в конце прошлого столетия А.Б. Соловьевым, М.Е. Токаревой, А.Г. Халиулиным, Н.А. Якубович образная характеристика ситуации в стране, в которой функционирует следственный аппарат и судебная система: «Нельзя не учитывать, что в последние годы в связи с изменением социально-экономического строя,

¹⁷³ Власов В.И. Расследование преступлений ... С. 97, 113.

¹⁷⁴ Калинин Л.Д. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и их отграничение от несущественных: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1981. С. 78; Ширванов А.А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание возвращения дел для дополнительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 139.

¹⁷⁵ Соловьев А.Б. Причины следственных ошибок // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. Сбор. науч. трудов / Отв. ред. И.Ф. Демидов, А.Б. Соловьев, С.А. Шейфер, М., 1988. С. 28-36.

перераспределением собственности, обнищанием значительной части населения серьезно изменилась криминальная обстановка в стране. Эти годы характеризуются появлением новых, представляющих значительную общественную опасность, трудных для раскрытия и расследования преступлений в экономике и банковской сфере, размахом коррупции и организованной преступности, широким использованием в преступной деятельности оружия и технических средств, распространенностью насилия по отношению к участникам уголовного судопроизводства»¹⁷⁶.

Рост и усложнение структуры преступности, многократное повышение профессионализма, технической оснащенности, вооруженности преступников и их сообществ только в последние годы стали получать относительно адекватную реакцию со стороны государства.

В России создана новая полиция, в том числе военная; упразднены и переданы в ведение МВД госнарконтроль и миграционная служба; сформирована национальная гвардия; функционирует новое, вне структуры прокуратуры, следственное ведомство – Следственный комитет Российской Федерации. Среди обсуждаемых новелл - движение к созданию единого следственного ведомства в России; реформа ФСБ: предполагается создание на базе этой службы Министерства безопасности, включающего в себя, помимо структур ФСБ, Службу внешней разведки и Федеральную службу охраны; и др. Улучшается бытовое, материально-техническое и кадровое обеспечение судов и правоохранительных органов.

В то же время нельзя признать во всем положительной деятельность судов и правоохранительных органов в целом.

Ошибки в их деятельности обусловлены целым комплексом обстоятельств, без выяснения и нейтрализации которых нельзя надеяться на серьезное улучшение качества и повышение эффективности предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовным делам.

В контексте многоуровневого подхода к анализу причин ошибок в настоящем исследовании мы без излишней детализации обозначим эти причины, останавливаясь лишь на тех из них, которые, на наш взгляд, заслуживают особого внимания, так как полные характеристики и анализ всех причин следственных и судебных ошибок не являются предметом нашего исследования и заслуживают отдельной глубинной научной разработки.

«Первый уровень» - **непосредственные причины** ошибок характеризуют недостатки по уголовным делам.

¹⁷⁶ Законность в досудебных стадиях уголовного процесса России / А. Б. Соловьев [и др.]; науч. ред. А.Б. Соловьев, А.Г. Халиулин. М., 1997. С. 143.

Непроведение или ненадлежащее проведение необходимых следственных (судебных) или иных процессуальных действий.

Игнорируя требования уголовно-процессуального законодательства и криминалистические рекомендации методик расследования отдельных видов преступлений, следователи не всегда в необходимых случаях проводят по уголовному делу судебные экспертизы, проверки показаний на месте, приобщают вещественные доказательства и документы, ненадлежащим образом проводят осмотры места происшествия, первоначальные допросы подозреваемых и свидетелей и др.

Следует обратить внимание, что в настоящее время, практически, две трети уголовных дел рассматривается судами в порядке особого судопроизводства. Соответственно, судебное следствие по этим делам не проводится. Таким образом, в полном объеме выявить ошибки предварительного расследования проблематично, и в результате этого не исключается латентность следственных ошибок по делам, рассмотренным в особом порядке.

По делам, где судебное следствие присутствует, не всегда допрашиваются в суде необходимые участники процесса, так как суд очень часто в последнее время оглашает в суде показания свидетелей и потерпевших, данные ими на предварительном расследовании; стороны и суд, практически, не проявляют инициативы и не исследуют вещественные доказательства (они не доставляются из камер хранения вещественных доказательств, особенно это характерно для уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств) и т.д.

Существенные недостатки в планировании, организации расследования уголовных дел, в выдвижении и проверке версий.

К сожалению, как и в прежние годы по значительному количеству уголовных дел ход расследования представлен следующей картиной: «поверхностные, лишённые логической связи, непоследовательные первоначальные действия; порой своего рода штурмовщина, когда в течение дня протоколы допросов составляют одновременно несколько следователей и работников дознания, порой неоправданные паузы, когда в течение нескольких дней по делу ничего не предпринимается; противоречия, возникающие в материалах дела, своевременно не устраняются; свидетели, явно необходимые в первый же день, допрашиваются гораздо позже, когда они уже многого не помнят и т.д.

Встречается и другое. В результате энергичных первоначальных следственных действий или благодаря стечению обстоятельств, быстро обнаружен подозреваемый. Казалось бы, следствие на прямом пути к истине. Но тут расследование утрачивает темп и активность, с большим интервалом выполняются третьестепенные следственные действия.

И вот обвиняемый свои показания изменяет, появляются свидетели, подтверждающие алиби, всплывают версии, ранее не учтенные, а теперь уже не поддающиеся проверке, и путь расследования, сначала казавшийся таким надежным, превращается в трясину.

Причина подобных осложнений и неудач в недостатках планирования и организации расследования»¹⁷⁷.

Изучение протоколов судебных заседаний показывает, что и планирование судебного производства имеет явные дефекты, так как, подчас, судебные заседания многократно откладываются и переносятся по различным причинам, безусловно, достаточно часто не зависимым от суда (занятость адвокатов в других процессах, неявка свидетелей и др.), свидетели допрашиваются по несколько раз и т.п. А ведь четкая организация судебного разбирательства по уголовному делу способствовала бы уменьшению количества ошибок, которые допускаются судом.

Неправильная оценка собранных по делу доказательств.

Ученые ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР в своих исследованиях в 80-е годы прошедшего столетия обращали внимание, что «наиболее часто встречающейся ошибкой в оценке доказательств, свойственной более чем половине изученных дел, является то, что в основу выводов по делу кладется недостаточная совокупность доказательств. В каждом третьем случае допускалась недооценка показаний обвиняемого, отрицавшего свою вину, и эти показания должным образом не проверялись. В каждом четвертом случае следователи без мотивировки отвергали доказательства, противоречащие избранной ими версии, в каждом третьем - выводы следствия противоречили имеющимся в деле доказательствам либо были внутренне противоречивы»¹⁷⁸.

К сожалению, по прошествии лет ситуация не изменилась к лучшему.

Адвокатская деятельность автора показывает, что в современной практике рассмотрения уголовных дел прослеживается недопустимый, на наш взгляд, алгоритм в исследовании и последующей оценке собранных по уголовному делу доказательств.

Свидетель, потерпевший дают в суде показания, которые отличаются от показаний, данных ими на предварительном расследовании. Как правило, по ходатайству государственного обвинителя суд оглашает в суде показания, данные указанными участниками процесса на предварительном расследовании. После оглашения следуют стандартные вопросы: «Вы давали на предварительном расследовании подписку об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний? Вы подписывали протокол допроса?

¹⁷⁷ Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970. С. 57-58.

¹⁷⁸ Соловьев А.Б. [и др.] Законность в досудебных стадиях уголовного процесса России. С. 147.

Вы тогда лучше помните все, о чем говорили следователю, чем помните это сейчас?» Получив утвердительные ответы на поставленные вопросы, суд в основу обвинительного приговора берет показания свидетелей, потерпевших, данные ими на предварительном расследовании, а к их показаниям в суде относится «критически».

Если подсудимый в суде по каким-либо причинам меняет показания, данные им на предварительном расследовании, то чаще всего без особых усилий в исследовании мотивов смены показаний, суд сошлется на то, что «это способ обвиняемого уйти от уголовной ответственности», «что его показания на предварительном расследовании подтверждаются явкой с повинной» (более того, сама явка с повинной принимается как доказательство – «иной документ»), что «признательные» показания на предварительном расследовании даны обвиняемым в присутствии защитника» (как правило, это «защитник по назначению» и, к сожалению, есть случаи участия в деле так называемых «карманных адвокатов» («полицейских адвокатов»), которые, к сожалению, подчас, не присутствует на допросе подозреваемого, обвиняемого, а просто выписывают адвокатский ордер и «оптом» подписывают постановления, протоколы, составленные следователем по уголовному делу).

Достаточно часто возникают сложности с оценкой показаний, данных сотрудниками полиции на допросах их в качестве потерпевших, свидетелей: в одних случаях суды доверяют им чрезмерно (к примеру, по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств; по проверочным материалам, связанным с заявлениями граждан о применении к ним насилия со стороны полицейских), а в других делах показания полицейских суды относят к разряду «слабых», считая, что сотрудники полиции являются заинтересованными лицами.

Безусловно, это далеко не полный перечень «причин первого уровня».

«Причины **второго уровня**» определяются, прежде всего, условиями деятельности следователей и судей, носят объективный либо субъективный характер.

Субъективные, относящиеся к личности следователя и судьи, причины напрямую связаны со следственной и судебной ошибкой. Объективные же причины связаны со следственной и судебной ошибкой опосредованно через следователя и судью, который в ряде случаев может нейтрализовать отрицательное влияние этих факторов и не допустить, чтобы они превратились в причину следственных и судебных ошибок.

Наиболее распространенные **причины следственных и судебных ошибок объективного характера** следующие.

Нахождение в производстве у следователей и судей одновременно значительного количества уголовных дел.

Нивелировать действие этой причины ошибок можно различными путями. Первый, достаточно непростой путь («экстенсивный», то есть, связанный с количественными манипуляциями) в условиях нестабильной экономической ситуации в государстве - это увеличение штатной численности дознавателей, следователей, прокуроров, судей. Другой путь (тоже «экстенсивный») – сокращение количества уголовных дел и материалов, находящихся в производстве субъектов, ведущих уголовный процесс. Достичь такого сокращения можно различными способами:

- декриминализация определенных общественно-опасных деяний, в том числе перевод их в состав административных правонарушений, в категорию уголовных проступков с упрощением производства по этим проступкам; введение для определенных составов первоначально административной юрисдикции, а при повторном нарушении – уголовной ответственности;

- широкое применение, прежде всего, в досудебном производстве, института прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям (предусмотренным в действующем законодательстве – примирение сторон, деятельное раскаяние, а также нами не исключается возвращение в обновленном виде оснований, применявшихся ранее в уголовном процессе – прекращение уголовного дела (уголовного преследования) с передачей его на рассмотрение товарищеского суда (сельского суда, суда офицерской чести, комиссии по делам несовершеннолетних и т.п.), с передачей виновного на поруки, в том числе, при широком использовании усмотрений прокурора¹⁷⁹, и др.);

- широкое применение имеющихся и разработка новых специализированных производств: производства по применению принудительных мер воспитательного воздействия для несовершеннолетних; производства о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности; производства по применению принудительных мер безопасности¹⁸⁰ и др.

Неблагоприятная нравственно-психологическая атмосфера в следственном коллективе или коллективе суда, отсутствие деловой взаимопомощи, наставничества.

Практики и теоретики указывают на данную причину, но мы не предпринимаем попытки ее комментировать, так как вопросы психологии и менеджмента следственной и судейской работы – тема отдельного исследования.

¹⁷⁹ Назаров А.Д. Прокурор в уголовном процессе Швеции и России // Правовая реформа и зарубежный опыт: межвуз. сб. науч. ст. Красноярск, 1997. С. 140-151; Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. С. 143-145.; Конярова Ж.К. Усмотрение прокурора в уголовном процессе. Ижевск, 2005. 119 с.

¹⁸⁰ Авторскую версию данного производства см.: Назаров А.Д. Фундаментальные ошибки в уголовном судопроизводстве России.

Сложности, возникающие с вызовом свидетелей, назначением и проведением экспертиз, ревизий и аудиторских проверок, их оплатой.

Данная причина на сегодняшний день не настолько актуальная, как в прежние годы, особенно для суда, но, тем не менее, имеющая место.

Следует заметить, что экспертные подразделения есть сегодня во всех ведомствах, имеющих следственные аппараты. На первый взгляд, это должно создавать все требуемые условия для эффективного и оперативного проведения необходимых экспертиз по расследуемым уголовным делам, находящимся в производстве у следователей соответствующих ведомств. Но, во-первых, не все виды экспертиз проводятся в экспертных подразделениях ведомств, имеющих следственные аппараты. Во-вторых, постоянно говорится о ведомственной заинтересованности экспертов. На наш взгляд, идеальным вариантом было бы создание вневедомственной высокоспециализированной Федеральной экспертной службы России с ее подразделениями на местах, которая бы и обеспечивала быстрое и высококачественное проведение экспертиз для всех следователей и дознавателей вне зависимости от их ведомственной принадлежности. А в ведомствах, где функционируют следственные аппараты и аппараты дознания, безусловно, должны быть научно-технические отделы со штатом необходимых специалистов, которые бы оказывали следователям и дознавателям помощь именно в процессуальном статусе специалиста – при даче заключений специалиста, проведении экспресс-исследований, связанных с преступлением объектов, при осмотре места происшествия и проведении других следственных и иных процессуальных действий, и др.

Ненадлежащие условия для работы (сложности с транспортом, оргтехникой, кабинетами и др.), проблемы с научной организацией труда, прежде всего, дознавателей и следователей.

Безусловно, условия труда следователей и судей постоянно улучшаются. Этому способствует, в том числе, и эффективная деятельность служб Судебного департамента России.

Для эффективной судебной и особенно следственной деятельности вопросы ее компьютеризации, внедрения интернет-технологий представляются сегодня особо актуальными: компьютеризированное рабочее место, которое дает возможность иметь

оперативные выходы на все необходимые справочно-правовые системы¹⁸¹, методические рекомендации и разработки, криминалистические учеты и т.д. (в том числе передвижное компьютеризированное рабочее место на автомобиле, на котором следователь выезжает на место происшествия и для проведения других следственных и иных процессуальных действий); видеоконференцсвязь¹⁸² (в допустимых случаях связь по скайпу и т.п.) с участниками уголовно-процессуальной деятельности, в том числе с коллегами из оперативных подразделений, экспертами и специалистами, SMS-повестки и многое др.

100% адвокатов, 59% опрошенных нами следственных работников, 44,4% судей и 38,9% работников прокуратуры причины следственных ошибок связали с ненадлежащей организацией следственной работы («работа на показатели», «бесчеловечное отношение к следователю со стороны его руководства», «отсутствие четкой научной организации труда следователя» и др.¹⁸³

Неисполнительность в работе сотрудников полиции, низкое качество исполнения ими отдельных поручений следователей, отсутствие необходимого взаимодействия в работе со следователями.

Следователи МВД, ФСБ состоят в штате ведомств, которые имеют свой собственный мощный оперативный аппарат. В подразделениях СК России нет своего собственного оперативного аппарата: следователи СК взаимодействуют при раскрытии и расследовании преступлений с оперативными сотрудниками подразделений МВД, ФСБ. Безусловно, вопрос о создании собственного оперативного аппарата в СК России стоит на повестке дня. На наш взгляд, достижение эффективных (в том числе - безошибочных) результатов в раскрытии и расследовании преступлений возможно в том случае, когда в каждом ведомстве, где есть следственный аппарат, есть профессиональные оперативные подразделения, которые, в том числе, эффективно взаимодействуют между собой. А особо сложные уголовные дела, на наш взгляд, вообще должны расследоваться межведомственной следственно-оперативной группой.

¹⁸¹ Михайлов В.И. Некоторые вопросы применения автоматизированного рабочего места следователя // Уголовное судопроизводство: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения: сб. науч. тр. Рязань, 2008. Вып. 3. С. 217-220.

¹⁸² Брусницын Л.В. К использованию видеотехнологий в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2009. №3. С. 53-62. Как правило, видеозапись и видеоконференцсвязь осуществляются при допросах детей – жертв сексуального насилия; при допросах потерпевших и свидетелей, в отношении которых предпринимаются меры безопасности. По образному выражению Е.В. Селиной, «суть свободы оценки доказательств видится в том, что в системе видов доказательств предусмотрены все информационные каналы, признанные современным обществом достоверными. Аудио – и видеозапись постепенно занимают позиции, свойственные современному развитию научно-технических средств. Совершенствуются и следственные действия». См.: Селина Е.В. Допустимость доказательств и судебское усмотрение в уголовном процессе. С. 35.

¹⁸³ Приложение №44.

Недостатки в осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях за уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельностью.

Упущения в прокурорском надзоре за исполнением законов при расследовании преступлений и осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

Недостатки в осуществлении ведомственного контроля со стороны руководителей следственных и оперативных органов, начальников подразделений дознания и органов дознания за организацией и ходом расследования уголовных дел и проведением оперативно-разыскных мероприятий.

Далее в своем исследовании мы подробно остановимся на путях улучшения деятельности по осуществлению судебного контроля, прокурорского надзора и ведомственного контроля.

Действительно, как и в исследованиях ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР в 80-е годы прошлого столетия, мы также вынуждены констатировать, что подавляющее большинство всех объективных причин следственных ошибок связаны с недостатками и упущениями в организации и осуществлении прокурорского надзора, судебного и ведомственного контроля за ходом расследования уголовных дел, а также судебного и ведомственного контроля и прокурорского надзора за проведением оперативно-разыскной деятельности.

Отмечается, что «основными причинами следственных ошибок являются обстоятельства, относящиеся к личности следователя и судьи. Именно в их устранении кроются... главные резервы повышения эффективности работы следователей»¹⁸⁴. Сказанное в полной мере относится и к основным причинам судебных ошибок.

К субъективным причинам следственных и судебных ошибок мы относим следующие.

Отсутствие у части следователей и судей необходимых профессиональных познаний и навыков работы.

Это наиболее распространенная субъективная причина следственных и судебных ошибок, обусловленная, прежде всего, серьезными недостатками в организации учебы, подбора и расстановки кадров.

¹⁸⁴ Соловьев А.Б. [и др.] Законность в досудебных стадиях уголовного процесса России. С. 151-152.

Известный ученый-правовед Е.П. Ищенко в своей книге с оригинальным названием «Реформой правит криминал?» со ссылками на официальные статистические данные наглядно показал:

- недостаточно высокий образовательный уровень у следователей в России (к примеру, в системе МВД России около 30% следователей не имеют высшего юридического образования);

- практически 50% следователей – это люди в возрасте до 30 лет;

- около 40% следователей имеют стаж работы по профессии до 3-х лет;

Наблюдается высокая текучесть кадров следователей¹⁸⁵.

Тревожный социологический анализ ситуации с кадрами следователей и судей в России дается также в исследованиях негосударственного Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге¹⁸⁶.

Причины следственных ошибок с недостаточной профессиональной квалификацией следователя связали в ходе проведенного нами опроса 61,1% судей, 60,8% адвокатов, 55,6% работников прокуратуры; с небольшим опытом профессиональной деятельности – 61,1% судей, 50% работников прокуратуры, 43,4% следственных работников и 40,3% адвокатов¹⁸⁷.

Пренебрежительно-нигилистическое отношение части следователей и судей к выполнению предписаний уголовно-процессуального закона (стремление к процессуальному упрощенчеству).

Следователи и судьи, допустившие следственные и судебные ошибки, в большинстве случаев избирательно относились к требованиям, содержащимся в нормах УПК РФ, противопоставляли соблюдение норм закона собственным понятиям «целесообразности», делили процессуальные нормы на «важные», которые необходимо соблюдать, и «менее важные», выполнение которых необязательно. Сказанное в первую очередь относится к обеспечению прав и законных интересов участников процесса, соблюдению порядка производства следственных, судебных и иных процессуальных действий, проявляется в расширительном толковании оснований задержания, заключения под стражу, привлечения к уголовной ответственности и т.п.

Обвинительный уклон, не критичность и самонадеянность следователей и судей при принятии процессуальных решений, при оценке полученных доказательств.

¹⁸⁵ Ищенко Е.П. Реформой правит криминал? М., 2013. С.122-137.

¹⁸⁶ Титаев К. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М., 2016; Российские судьи: социологическое исследование профессии / В. Волков [и др.]; под ред. В. Волкова. М., 2016.

¹⁸⁷ Приложение №44.

Достаточно часто и ученым, и практикам приходится иметь дело с таким феноменом в уголовно-процессуальной деятельности судей, прокуроров, следователей и дознавателей, как обвинительный уклон¹⁸⁸. Это опасное проявление в профессиональной деятельности должностных лиц органов уголовной юстиции России приводит к появлению по уголовным делам следственных и судебных ошибок, что искажает истинную суть отправления правосудия по уголовным делам и вступает в противоречие с назначением и принципами уголовного судопроизводства.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ на 2013 год предложено уйти от «обвинительного уклона в правоохранительной и судебной практике».¹⁸⁹

В законопроекте, посвященном введению в УПК РФ института установления объективной истины по уголовному делу, внесенном в Государственную Думу РФ по инициативе Следственного Комитета России, указывается, что «при осуществлении уголовного преследования прокурор, руководитель следственного органа, следователь, а также начальник подразделения дознания и дознаватель обязаны сохранять объективность и беспристрастность, не допуская обвинительного уклона в доказывании»¹⁹⁰.

В самом общем виде обвинительный уклон заключается в игнорировании следователями, прокурорами и судьями доказательств, свидетельствующих в пользу обвиняемого, в нежелании проверять и учитывать доводы защиты.

Л.А. Воскобитова отмечает, что суть обвинительного уклона – «в стремлении сначала сформулировать, а затем любой ценой подтвердить приговором суда обвинение, которое не отвечает требованию всесторонности, полноты и объективности исследования фактических обстоятельств дела, и в силу этого не позволяет суду правильно применить нормы уголовного права и вынести правосудное решение по делу»¹⁹¹. Анализируя российскую и прецедентную практику ЕСПЧ, Л.А. Воскобитова приводит признаки (индикаторы), по которым можно в уголовных делах выявить обвинительный уклон¹⁹².

С.В. Бурмагин об обвинительном уклоне высказался следующим образом: «...постулат состязательности о строгом разграничении процессуальных функций зачастую не

¹⁸⁸ В уголовно-процессуальной практике России иногда присутствуют примеры противоположности «обвинительного уклона» - «защитительный уклон». Однако, как правило, это примеры из серии так называемых «резонансных» уголовных дел: знаменитое уголовное дело «Оборонсервиса», красноярское уголовное дело «Когана» и др.

¹⁸⁹ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2013 г. [Электронный ресурс] // Российская газета. 2013. №282. Электрон. версия печат. публ. Доступ из справ. правовой системы «ГАРАНТ».

¹⁹⁰ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации ... Проект федер. закона №440058-6.

¹⁹¹ Воскобитова Л.А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы уголовного процесса. 2014. №3. С. 458.

¹⁹² Там же. С. 458-461.

соблюдается российскими судьями, которые в силу своего менталитета, укоренившихся привычек и консервативного правосознания продолжают «подыгрывать» обвинительной власти, чрезмерно активничают в процессе доказывания и стремятся собственными усилиями подтвердить выдвинутое обвинение, нарушая процессуальный баланс сторон, забывая о своей объективности и беспристрастности, иными словами, по-прежнему склонны к обвинительному уклону»¹⁹³.

Для понимания сущности обвинительного уклона важно проанализировать различные проявления этого феномена в уголовно-процессуальной деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс.

Одной из причин формирования обвинительного уклона в деятельности следователя является включение его законодателем в число участников уголовного процесса со стороны обвинения. Но следователь – это, прежде всего, исследователь. В его обязанности входит установление всех обстоятельств совершенного преступления такими, какими они были на самом деле. Он должен собирать и оценивать доказательства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, как отягчающие ответственность, так и ее смягчающие, в том числе заниматься исследованием и таких обстоятельств, которые положительно характеризуют обвиняемое лицо¹⁹⁴, то есть устанавливая объективную истину по уголовному делу. Невыполнение указанных требований уголовно-процессуального закона следует рассматривать как обвинительный уклон в деятельности следователя.

Опыт адвокатской и правозащитной деятельности автора исследования дает основание выдвинуть гипотезу о том, что следователи достаточно часто за основу расследования берут обвинительные версии, игнорируя иные; дают «завышенную» квалификацию («квалификацию с запасом») деянию обвиняемого; при избрании меры пресечения предпочитают ходатайствовать перед судом о заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу, игнорируя иные меры пресечения; при проведении следственных и иных процессуальных действий нарушают права и законные интересы участников уголовного судопроизводства со стороны защиты и др.

Инквизиционные (розыскные) начала уголовно-процессуальной деятельности на досудебных стадиях в угоду обвинительного уклона сделали миссию адвоката-защитника в целом декоративной.

¹⁹³ Бурмагин С.В. Разделение обвинительной и судебной властей в уголовном судопроизводстве России: от судебной реформы 1864 г. до наших дней // Актуальные проблемы уголовного процесса. 2014. №5. С. 890.

¹⁹⁴ Францифоров Ю.В. Функциональное назначение деятельности следователя и его полномочия в состязательном уголовном процессе. М., 2013; Телигисова С.С. Процессуальный статус следователя как субъекта уголовно-процессуальных отношений и степень его процессуальной самостоятельности. М., 2012.

В ст. 86 УПК РФ указано, что защитник участвует в собирании доказательств, но представленные им документы, предметы и т.п. лишь тогда попадут в уголовное дело и станут в процессуальном смысле доказательствами, когда на это будет процессуально проявлена воля субъектов, ведущих уголовный процесс. Чаще всего защитники получают в ответ на свои, в большей степени обоснованные, ходатайства стандартные постановления следователей о полном или частичном отказе в удовлетворении ходатайств: обвинительный уклон в деятельности органов предварительного расследования, особенно в современной модели состязательности, не предполагает полного, всестороннего и объективного исследования всех обстоятельств по уголовному делу.

В последние годы, используя, в принципе, достаточно эффективный прием в борьбе с преступностью, оперативно-следственная деятельность включила в свой арсенал инструмент из обвинительного набора - досудебное соглашение о сотрудничестве. Используя этот институт в контексте обвинительного уклона, практические работники внешне усилили свои позиции в доказывании: получение «признательных» показаний лица против своих «подельников» (как «царицы доказательств»), достаточно беспроblemное обнаружение похищенного и орудий преступления и т.п. Положительным, конечно, является то, что приговоры судов по делам с досудебным соглашением о сотрудничестве и вообще вынесенные в особом порядке, законодатель перестал считаться преюдициальными, а основанием к отмене приговора, вынесенного в особом порядке, стало считаться отсутствие в материалах предварительного расследования доказательств, согласующихся с согласием подсудимого с предъявленным ему обвинением (и в части его доказанности, и в части квалификации).

Аналогичные проявления обвинительного уклона можно увидеть и в уголовно-процессуальной деятельности руководителя следственного органа, дознавателя, начальника подразделения дознания и органа дознания.

Законодатель связывал большие надежды на укрепление процессуальных позиций ведомственного контроля. Перераспределение полномочий от прокурора к руководителю следственного органа мыслилось как оперативное реагирование на все допускаемые следователем нарушения. Однако и здесь обвинительный уклон, связанный с тем, что следователь должен выдавать уголовные дела «на гора» (то есть, направлять их в суд с обвинительным заключением), а также, безусловно, с психологическим восприятием следователем своей миссии как участника на стороне обвинения, который работает в тесном тандеме с оперативным работником, раскрывает вместе с ним преступления и борется с преступностью (что верно и важно, но не единственно!), не позволяет ведомственному начальнику следователя – руководителю следственного органа (по статусу обладающего

всеми полномочиями следователя) – поставить жесткий заслон на пути всех допускаемых следователем ошибок. И руководитель следственного органа, и начальник подразделения дознания не всегда в полной мере используют предоставленные им процессуальные полномочия для пресечения проявлений обвинительного уклона в уголовно-процессуальной деятельности подчиненных им следователей, дознавателей.

К примеру, следователи по нереабилитирующим основаниям прекращают не более 5% уголовных дела¹⁹⁵. В судебном заседании по этим основаниям прекращается до 10-14% дел. Вне всякого сомнения, данные дела могли бы быть прекращены еще на стадии предварительного следствия, чтобы не загружать ими суд, однако пресловутый показатель количества уголовных дел, направленных в суд, позволяет говорить об обвинительном уклоне следователя, руководителя следственного органа: руководитель следственного органа, используя свои процессуальные полномочия, мог прекратить уголовное дело, но не стал этого делать.

Прокурор также указан законодателем в числе участников уголовного процесса со стороны обвинения. Более того, в суде первой и апелляционной инстанций статус прокурора определен с обвинительным акцентом – государственный обвинитель. И это при том, что прокурор, как следует из смысла Закона о прокуратуре в Российской Федерации – гарант законности, и он не должен отдавать предпочтение функции уголовного преследования в ущерб правозащитной функции.

Учитывая, что прокурор попал в число участников на стороне обвинения, прокурорский надзор за следствием, дознанием и оперативно-разыскной деятельностью также осуществляется с обвинительным уклоном и не способствует более эффективному выявлению, исправлению и предупреждению ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса¹⁹⁶.

К примеру, уголовные дела, кроме дел частного обвинения, направляются в суд через прокурора – он утверждает обвинительные заключения, акты, постановления. У прокурора есть право не утверждать эти финальные документы предварительного расследования и направлять уголовные дела для производства дополнительного расследования. Этим правом прокурор пользуется достаточно редко – примерно в 12% случаев: феномен обвинительного уклона дает прокурору установку направить дело в суд. В порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий прокурор затем получает обратно до 10% уголовных дел; примерно

¹⁹⁵ Результаты исследования автора работы, связанные с проявлениями обвинительного уклона, приведены по данным, содержащимся во втором томе диссертации – «Приложения».

¹⁹⁶ Панях Э.Л., Титаев К.Д., Волков В.В., Прилаков Д.А. Обвинительный уклон в уголовном процессе: фактор прокурора // Аналитические записки по проблемам правоприменения. / Институт проблем правоприменения // URL: http://enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/pm_3_prok_final_site.pdf (Дата доступа: 09.02.2017).

по 27% уголовных дел суд изменяет квалификацию инкриминированного подсудимому деяния в сторону смягчения, сокращает объем обвинения (прекращение в части уголовного преследования), принимает значительные усилия для устранения пробелов и недостатков предварительного расследования.

Самые опасные последствия обвинительного уклона в виде ошибок связаны с деятельностью суда как на досудебных, так и на судебных стадиях и стадии исполнения приговора.

По оценкам практиков, судьи по подавляющему большинству направленных к ним обращений следователей удовлетворяют их: явный обвинительный уклон – «явление, наличие которого последовательно отрицается органами предварительного расследования, прокурорами и судьями»¹⁹⁷.

При избрании самой строгой меры пресечения в виде заключения под стражу суд превратился в некоего регистратора, который, подчас, без веских оснований заключает человека под стражу, продляет ему срок содержания под стражей, забывая достаточно часто, что, кроме ареста с заключением и содержанием в СИЗО, есть еще и домашний арест, залог и иные меры пресечения. Статистические данные по стране за последние годы свидетельствуют о том, что порядка 92% ходатайств следователей и дознавателей о заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу судами удовлетворяются в полном объеме, а ходатайства субъектов расследования уголовных дел о продлении сроков содержания обвиняемых под стражей удовлетворяются в порядке 96% случаев. Наметившийся в последние годы тренд в сторону применения домашнего ареста и залога лишней раз свидетельствует о том, что обвинительные рудименты в виде ареста лица и содержания его под стражей в следственном изоляторе достаточно медленно и трудно вытесняются из уголовно-процессуальной практики.

Обвинительный уклон в деятельности суда проявляется и в его формальном подходе к рассмотрению жалоб заинтересованных лиц на действия и бездействия, решения должностных лиц органов уголовной юстиции в порядке статьи 125 УПК РФ: ежегодно по стране судами удовлетворяется лишь каждая 18-20 жалоба.

Иначе, как регистратором, нельзя назвать суд и при выполнении им миссии, возложенной на него ст. 165 УПК РФ и Законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности»: должностные лица органов уголовной юстиции практически без проблем (в 98-100%) получают в ответ на свои ходатайства судебные постановления на осмотр жилища; обыск, выемку в жилище, выемку вещи из ломбарда; на наложение ареста на имущество;

¹⁹⁷ Колоколов Н.А. Обвинительный уклон следствия и суда при оценке правонарушений в сфере экономики // Уголовный процесс. 2012. №2. С. 38.

выемку предметов, документов, содержащих охраняемую законом тайну; на наложение ареста на почтово-телеграфные отправления; временное отстранение подозреваемого или обвиняемого от должности; на контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение информации о межабонентских соединениях и т.д.

Именно выдерживание обвинительных начал в выстроенной модели судебного контроля на досудебных стадиях не позволяет заинтересованным лицам в порядке статьи 125 УПК РФ обжаловать самый главный документ в обвинительной конструкции предварительного расследования – постановление о привлечении в качестве обвиняемого, в которое в порядка 40-45% случаев дознавателем, следователем закладывается «завышенная квалификация» («квалификация с запасом»), позволяющая без особых усилий получать от суда постановления о заключении под стражу, о продлении сроков содержания под стражей, а в последующем – меры наказания, связанные с реальным лишением свободы.

В судебных стадиях уголовного процесса проявления обвинительного уклона представлены большим разнообразием.

К примеру, по делам с досудебным соглашением и по другой, определенной законодателем, категории уголовных дел логика обвинительного уклона привела к широкому распространению практики применения особого порядка их рассмотрения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением – до 70% уголовных дел в России сегодня рассматривается судами в особом порядке. При особом порядке судебного разбирательства нередко допускается сокрытие значительного количества недостатков предварительного расследования, связанных с полнотой, всесторонностью и объективностью установления всех обстоятельств уголовно-наказуемого деяния, нарушениями положений Конституции РФ и норм УПК РФ. Понимая и поощряя эту упрощенную для суда и прокурора процедуру, законодатель ввел «поощрительные бонусы» в виде снижения верхней планки наказания и освобождения от взыскания процессуальных издержек подсудимого. В определенной степени эти «бонусы» снижают риск появления в деле фундаментальных ошибок в виде чрезмерно сурового наказания, но в большей степени вызывают обоснованную критику и теоретиков, и практиков, понимающих опасность пагубного обвинительного влияния этого института на выполнение назначения уголовного судопроизводства.

Под влиянием обвинительного уклона в последние годы происходят существенные метаморфозы с институтом возвращения судом уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению. Кризис предварительного расследования (обвинительный уклон, непрофессионализм, разбалансированные механизмы процессуального регулирования досудебных стадий, сбои в механизмах судебного контроля, прокурорского надзора и

ведомственного контроля, и др.) позволил определенной части ученых и практиков сделать серьезные шаги в сторону реставрации, по сути дела, дополнительного расследования.

К примеру, Постановление Конституционного Суда РФ №16-П от 2 июля 2013 года разрешило судам направлять уголовное дело прокурору для перепредъявления обвиняемому обвинения по статье о более тяжком преступлении; законодатель впоследствии в ст. 237 УПК РФ легализовал данную позицию Конституционного Суда РФ.

Обвинительный уклон проявляется и в векторе уголовно-процессуальной политики на свертывание институтов участия представителей общества и коллегиальности в отправлении правосудия по уголовным делам: сначала исчезли институты народных заседателей, общественных защитников и общественных обвинителей, передачи материалов дела в товарищеский суд, а виновного - на поруки трудовому коллективу, а сейчас явно прослеживается тенденция единоличного рассмотрения уголовных дел и сокращение юрисдикции суда присяжных¹⁹⁸.

Во все времена показателем репрессивности суда и присутствия в его деятельности обвинительного уклона было количество оправдательных приговоров, которые выносятся судами¹⁹⁹, количество уголовных дел, прекращенных судом по нереабилитирующим основаниям. В подавляющем большинстве случаев оправдательный приговор, прекращение уголовного дела и уголовного преследования сводят к нулю риск появления в деле фундаментальных ошибок.

Мизерный процент оправдательных приговоров, выносимых судами к моменту начала судебной реформы, не мог обмануть общество и заставить поверить, что отсутствовали следственные и судебные ошибки, а на скамье подсудимых всегда оказывались лица, виновные в совершении преступлений. Количество оправданных судами РСФСР в 1990 году составило 1708 человек. Если сравнить этот показатель с данными о лицах, преданных суду (примерно 540 тыс. человек), то выясняется, что реабилитировано 0,32% граждан, попавших в машину советской юстиции²⁰⁰.

Процент реабилитирующих решений остается практически неизменным с дореформенных времен. Следует отметить, что оправдательные вердикты присяжных выносятся чаще. Цифра 13-15% - это усредненный показатель вынесения судами присяжных в России оправдательных приговоров, на которые, практически, в 100% случаев прокуроры

¹⁹⁸ Следует, конечно, заметить, что недавно Конституционный Суд РФ подтвердил право женщин на рассмотрение в отношении их определенных уголовных дел судом присяжных, а с 2018 года «усеченные жюри присяжных» появятся в районных и приравненных к ним судах для рассмотрения определенной категории уголовных дел.

¹⁹⁹ Чурилов Ю.Ю. Актуальные проблемы постановления оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве / Под науч. ред. З.Ф. Ковриги. М., 2010.

²⁰⁰ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С.А. Пашин. М., 1992.С. 11.

вносят представления, в результате чего, практически, все эти приговоры Верховным Судом РФ отменяются, уголовные дела рассматриваются заново в новой коллегии присяжных. Повторные оправдательные вердикты новое жюри присяжных выносит в среднем по каждому второму делу: в остальных случаях повторный вердикт, как правило, обвинительный.

Новые процедуры апелляции, кассации и надзора, полностью начавшие свое действие с 1 января 2013 года, задумывались законодателем как эффективный механизм качественного и справедливого отправления правосудия по уголовным делам. Но обвинительный уклон по-прежнему довлеет над механизмами «новых» апелляции, кассации и надзора: в условиях конвейера, в котором функционируют эти процедуры – апелляция, кассация и надзор (при наличии законодательных просчетов в механизме правового регулирования этих институтов) не могут полностью гарантировать исправление ошибок по уголовным делам.

При исполнении приговора суды чаще всего находятся в «обвинительной оппозиции» к человеку: осужденный скорее умрет в «казенном доме», нежели его ввиду тяжелого заболевания оттуда освободит суд; масса проблем возникает при переводе осужденных из колоний в колонии-поселения, при их условно-досрочном освобождении и замене им наказания на более мягкое и др.

Чтобы избавить прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника подразделения дознания и органа дознания, дознавателя от проявлений обвинительного уклона, необходимо, прежде всего, выделить их из числа участников уголовного процесса на стороне обвинения; обозначить их в законе участниками, представляющими в уголовном судопроизводстве интересы государства; не называть прокурора в процессе государственным обвинителем – оставить за ним процессуальный статус только прокурора.

Искренне желая избавиться от обвинительного уклона при отправлении правосудия по уголовным делам, И.Л. Петрухин предложил целый комплекс мер, направленных на подавление обвинительного уклона, среди которых смело, но актуально звучат такие: «запретить отмену оправдательных приговоров суда присяжных, а возможно, и других судов», «в интересах обеспечения большей независимости судей ввести избрание председателя всеми судьями данного суда», «запретить привлечение судей к дисциплинарной ответственности за вынесение оправдательных приговоров» и др.²⁰¹

По нашему мнению, преодолеть обвинительный уклон возможно. Для этого необходима новая кадровая политика в судах и правоохранительных органах, рассчитанная на

²⁰¹ Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. М., 2014. С. 191-192.

приток профессионалов, которые воспитаны на идеях соблюдения прав человека и гуманного правосудия.

Другим средством преодоления обвинительного уклона могут стать широкомасштабные структурные и организационно-правовые преобразования в деятельности органов уголовной юстиции (изменение системы оценки деятельности судов и правоохранительных органов; широкая гласность при отправлении правосудия и введение институтов гражданского контроля за этой деятельностью и др.)

Кроме того, необходимы системные изменения в законодательном регулировании всех стадий уголовного судопроизводства, направленные на подлинное воссоздание равного баланса между обвинением и защитой.

Обвинительный уклон, нескритичность, самонадеянность следователей и судей являются или результатом их непрофессионализма, или проявившейся профессиональной деформации и профессионального выгорания.

Практика показывает, что появившиеся у некоторых следователей и судей с большим стажем работы по специальности профессиональная деформация и профессиональное выгорание приводят порой к серьезным по своим последствиям нарушениям закона, привлечению к уголовной ответственности и длительному содержанию под стражей невиновных лиц, осуждению невиновных или к назначению виновным чрезмерно суровых наказаний, чаще всего связанных с реальным лишением свободы.

Недобросовестное отношение части следователей и судей к выполнению служебного долга в расчете на достижение результатов без проведения необходимого объема работы по расследуемому или рассматриваемому в суде уголовному делу.

Стремление к нетворческому, непрофессиональному подходу в проведении расследования и судебного разбирательства уголовного дела, желание наименьшими усилиями достичь по нему необходимого результата ввергает некоторую часть следователей и судей на путь «облегченного» порядка расследования по стереотипу: «задержание - получение «признательных» показаний («царицы доказательств») - закрепление этих показаний»; «облегченного» порядка судебного рассмотрения дела или по процедуре его особого порядка судебного разбирательства, или по схеме «признание подсудимым своей вины – закрепление этого признания доказательствами (чаще всего, собранными следователем)».

«Такие следователи стараются избегать в целях перестраховки направления в суд дел, обвинение по которым построено на косвенных доказательствах. А ведь доказывание с помощью улики всегда считалось высшим проявлением следственного мастерства»²⁰².

Процессуальные решения по этим уголовным делам принимаются на основе неполного и внутренне противоречивого доказательственного материала, используются для «закрепления» признаний повторные допросы с их аудио-видео записью, допросы в присутствии понятых, очные ставки при отсутствии видимых противоречий в показаниях, «выводка на место» (проверка показаний на месте, которая преследует единственную цель – получить еще одно обвинительное доказательство) и т.д.

Свою недобросовестность следователи пытаются оправдать отдачей ими приоритета раскрытию преступления, действуя по принципу «цель оправдывает средства». Такие следователи находят себе «объективные» оправдания и направляют в суд дела с пробелами в исследовании обстоятельств преступления с расчетом на то, что недостатки следствия будут восполнены судом. Суды уже сегодня, подчас в угоду следствия, прикрываясь тезисом «о защите прав жертвы преступления», о «торжестве правосудия», выступают в роли «спасателей предварительного расследования», что, конечно же, явно импонирует всем представителям стороны обвинения – следователю, прокурору и др. Более того, Следственный комитет России выступил инициатором законопроекта об установлении в УПК РФ института объективной истины, предполагающего возложение на суд принятия всех необходимых мер для восполнения в суде пробелов предварительного расследования, а также возрождение института возвращения судом уголовных дел для производства дополнительного расследования, в том числе ввиду неполноты и односторонности установления следователем всех обстоятельств предмета доказывания по делу.

Без преодоления негативных установок в сознании части дознавателей и следователей, прокуроров и судей нельзя серьезно рассчитывать на сокращение числа следственных и судебных ошибок.

«Причинами третьего уровня» - обобщенными факторами, своего рода «причинами причин», которые характеризуют условия деятельности следственных аппаратов и судебной системы в целом, являются следующие факторы.

Дефекты правового и нравственного сознания части следователей и судей.

²⁰² Шейфер С.А., Лазарева В.А., Исмакаев Л.П. Следственные ошибки и их причины // Проблемы дальнейшего укрепления социалистической законности при расследовании преступлений органами внутренних дел: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. А.Я. Дубинский. Киев, 1988. С. 120.

К сожалению, в правовом и нравственном сознании части следователей и судей имеются дефекты, вызванные непониманием своей роли и ответственности вершителя судеб людей, что отрицательно сказывается на результатах расследования по уголовным делам и их судебному разбирательству.

Соблюдение требований профессиональной этики юриста (судьи, прокурора, следователя и т.д.) – одна из важнейших составляющих в уголовно-процессуальной деятельности. «Этика уголовно-процессуального доказывания способствует оптимизации, повышению эффективности и культуры расследования уголовных дел, позволяет сориентировать правосознание должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальное доказывание, на системы моральных ценностей и идеалов, определить нравственные приоритеты. Она также оказывает непосредственное воздействие на формирование позитивных профессиональных качеств и установок у дознавателя, следователя, прокурора и судьи. К ним, в первую очередь, относятся чуткое, уважительное отношение к людям, вовлеченным в процесс доказывания, чувство профессионального долга, объективности и справедливости».²⁰³

Серьезного внимания заслуживает обсуждение вопросов: «Какую юридическую карьеру должен пройти претендент на должность судьи?», «Нормально ли то, что значительную часть судейского корпуса составляют бывшие секретари судебных заседаний и помощники судей?», «Не важно ли в качестве условия для назначения на должность судьи (особенно - федерального) предъявить к претендентам требование об обязательном наличии у него стажа работы в органах следствия, прокуратуры, адвокатуры?» и др.²⁰⁴ Найденные оптимальные пути эффективного формирования судейского корпуса позволят сделать его, прежде всего, высокопрофессиональным и авторитетным для восприятия обществом.

Недостатки в подготовке следственных кадров и судей, в организации повышения их профессионального мастерства (прежде всего – следователей).

Результаты научных изысканий, проводимых известными учеными-юристами и практиками (в частности, учеными-процессуалистами ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР), показывают, что одними из наиболее значимых факторов, которые влияют на допущение ошибок в уголовном судопроизводстве, являются недостатки в профессиональной

²⁰³ Москалькова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания (стадия предварительного расследования). М., 1996. С. 9-10.

²⁰⁴ См. Приложение №44.

подготовке кадров юристов. Проблемы, связанные с улучшением образовательного процесса юристов, автор достаточно подробно анализировал в своих научных трудах²⁰⁵.

Совершенствование подготовки кадров юристов продолжает оставаться актуальной проблемой. Ее успешное разрешение требует коренного улучшения работы по ряду взаимосвязанных направлений: от раннего профессионального отбора будущих следователей, прокуроров, судей и подготовки их в юридических ВУЗах до совершенствования системы повышения квалификации юристов данных специальностей в процессе практической деятельности.

Имеются эффективные разработки системы отбора абитуриентов для юридических ВУЗов (особенно – ведомственных), подготовки кадров для правоохранительных органов на основе соответствия определенному перечню качеств и способностей специалиста конкретного профиля. Есть эффективные методики профессионально-психологического отбора абитуриентов, поступающих на юридические специальности, а также кандидатов, претендующих на работу (службу) в правоохранительных органах.

Ранний профессиональный отбор будущих следователей, прокуроров, судей предполагает активное участие в этом кадровых служб судебных и правоохранительных органов.

У них имеется определенный опыт формирования резерва для выдвижения работников своих структур на руководящие, вышестоящие должности. По аналогии с этим необходимо формировать резерв из числа школьников, молодежи для поступления на учебу в юридические ВУЗы и последующей работы в суде и правоохранительных органах. Для проведения этой работы требуется умелое использование кадровыми службами научно-разработанных программ и методик выявления лиц, желающих трудиться в правоохранительных органах и склонных по определенным критериям к подобного рода деятельности.

Как итог работы с выявленным контингентом кадровые службы правоохранительных органов могли бы использовать различные формы своих партнерских взаимосвязей с юридическими ВУЗами (соглашения о сотрудничестве, контрактная форма подготовки будущего специалиста, создание кафедр практик, поддержка специализированных магистерских программ и др.).

Ю.К. Якимович предлагал в свое время контрактную форму подготовки кадров юристов для государственных структур организовать следующим образом: за счет государства, т.е. на бюджетной основе, должны обучаться лишь те студенты, которые

²⁰⁵ См.: Назаров А.Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса. С. 185-197; Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. С. 253-270; Назаров А.Д. Причины следственных ошибок. С. 61-71.

обязуются затем отработать в государственных структурах в течение определенного срока (к примеру, 5 лет). «По-прежнему абитуриенты будут зачисляться по итогам вступительных экзаменов. Но при этом, если зачисляемый абитуриент выбирает бесплатную форму обучения, с ним должен быть заключен трехсторонний контракт с взаимными правами и обязанностями. Сторонами этого контракта будут являться: юридический институт, абитуриент и та государственная структура, в которой по окончании института должен приступить к работе контрактник»²⁰⁶.

Контрактная система, по мнению Ю.К. Якимовича, позволит укомплектовать правоохранительные органы квалифицированными кадрами, не использовать государственные средства на подготовку специалистов для коммерческих структур, повысит активность и эффективность участия руководителей и кадровых подразделений судов и правоохранительных органов в работе по подготовке кадров.

Мы поддерживаем предложение Ю.К. Якимовича о восстановлении планового начала в подготовке специалистов для судов и правоохранительных органов, прежде всего - следователей.

Актуальным вопросом является совершенствование системы обучения будущих следователей, прокуроров, судей в юридических ВУЗах.

Подготовку будущих юристов в России ведут государственные, ведомственные и негосударственные средне-специальные и высшие учебные заведения.

Вне всякого сомнения, наиболее предпочтительными с точки зрения качества подготовки, к примеру, специалистов-следователей выглядят среди всех этих учебных юридических заведений государственные (юридические факультеты, институты университетов) и ведомственные (Генеральной прокуратуры РФ, СК РФ, МВД РФ, ФСБ РФ) учебные заведения.

Однако, недостатки организации учебы в юридических ВУЗах очевидны, и в первую очередь это оторванность обучения от практики.

Совершенствование учебного процесса по уголовно-правовой (следственно-криминалистической, судебно-прокурорской) специализации необходимо корректировать.

Окончательное формирование молодого специалиста происходит в процессе работы в правоохранительных органах. Погрузившись с первых же дней в значительный по объему труд, выпускник ВУЗа воспринимает методы и стиль деятельности, сложившиеся в коллективе, перенимает опыт коллег по работе, особенно своего наставника, руководителя.

²⁰⁶ Якимович Ю.К. Избранные статьи. Томск, 1997. С. 51-52.

Этот процесс сложен, поскольку идет интенсивное накопление молодым специалистом практических навыков. Возникают и психологические трудности, связанные с вхождением в новую среду, с необходимостью принимать самостоятельные решения и нести за них персональную ответственность.

Положение осложняется в тех случаях, когда выпускник сталкивается на практике с явлениями, о которых при его обучении в ВУЗе ему не было известно, а в борьбе нового со старым, законного и незаконного, гуманного и антигуманного не каждый оказывается способным противостоять сложившимся стереотипам отношений, проявить принципиальность в отстаивании своей позиции, пойти на конфликт ради торжества законности и справедливости. Именно это приводит порой к тому, что молодой специалист воспринимает не только положительную, но и отрицательную практику, становится продолжателем плохих традиций.

В то же время некоторым молодым специалистам не хватает самокритичности в оценке своей работы, стремления разобраться в деле досконально, умения осознать и вовремя исправить свои ошибки, которые объективно не исключаются на первых порах работы. В этой связи институт стажировки молодых специалистов-юристов под руководством их опытных коллег приобретает особую значимость в повышении квалификации (точнее, достижении должной квалификации).

Помимо стажировки молодых специалистов, широкого привлечения их к участию в расследовании уголовных дел в составе следственных групп и бригад вместе с опытными следователями-профессионалами и т.д., требуют дальнейшего совершенствования такие формы повышения квалификации, оправданные временем, как самообразование, выполнение индивидуальных учебных заданий, проведение учебных семинаров, конференций по обмену опытом работы и др.

Повышение квалификации является служебной обязанностью судей, прокуроров, следователей. Отношение к работе и рост профессионализма должны серьезным образом учитываться при решении вопросов о соответствии судьи, прокурора, следователя занимаемой должности, их поощрении и продвижении по службе.

Источником получения регулярных знаний о новых законодательных актах и руководящих разъяснениях Пленумов Верховного Суда Российской Федерации, передовом опыте раскрытия и расследования преступлений, следственно-прокурорской и судебной практике являются периодическая и специальная печать, электронные системы и носители информации.

А в самих судебно-правоохранительных учреждениях очень важно иметь надлежаще укомплектованные кодификационные кабинеты, библиотеки научной и специальной юридической литературы.

Важная роль в повышении квалификации юристов принадлежит ведомственным Институтам повышения квалификации.

Таким образом, обновление технологий подготовки и переподготовки кадров юристов, которые осуществляют свою профессиональную деятельность в сфере уголовной юстиции, способно существенным образом позитивно сказаться на ситуации с минимизацией ошибок в уголовном судопроизводстве.

Решая проблему нейтрализации указанные выше причин, необходимо пересмотреть многие вопросы, связанные с подбором, подготовкой, расстановкой и воспитанием прокурорско-следственных кадров и судей, своевременным выявлением в их среде коррумпированных и морально неустойчивых лиц с целью освобождения от них.

Профессия судьи, прокурора и следователя предъявляет повышенные требования к их психологическим и моральным качествам. Присутствие в судебном корпусе и среди сотрудников правоохранительных органов людей, склонных к коррупционному поведению, с установками, направленными на удовлетворение эгоистических потребностей, психологически неуравновешенных и агрессивных, с неконтролируемым поведением, злоупотребляющими алкоголем, наркотиками и т.п., негативно отражается на состоянии морально-психологического климата в следственных, прокурорских и судебных коллективах, на служебной дисциплине и результатах труда, способствует совершению порочащих поступков, несовместимых со службой в органах следствия, прокуратуры и в суде, вплоть до преступлений. Сложные процедуры отбора кандидатов и работы с действующими следователями, прокурорами и судьями (в том числе, профессионально-психологическое тестирование, прохождение испытаний на полиграфе, изучение характеристик и т.п.), безусловно, снижают указанные выше риски, но пока не могут свести их к нулю.

К сожалению, на должности судей, прокуроров и следователей иногда назначаются люди, далеко не всегда соответствующие по своим личным качествам необходимым для работы требованиям.

В этой связи концепция подбора, расстановки, закрепления и воспитания кадров следственно-прокурорских органов и суда особый упор делает на необходимость их укомплектования честными, бескорыстными людьми, в максимальной степени пригодными по своим внутренним убеждениям к судебной и правоохранительной деятельности.

Разработанная система психологической оценки, помимо использования для психологической диагностики кандидатов на должности судей, прокуроров и следователей может быть использована для решения следующих задач:

- психологического отбора абитуриентов на специализированные факультеты юридических вузов (с последующим зачислением выпускников на работу в органы следствия, прокуратуры, в суд);
- психологического отбора кандидатов на работу в органы следствия, прокуратуры, в суд (помимо выпускников специализированных вузов и факультетов);
- психологической оценки кадрового резерва на выдвижение;
- психологической оценки следственных, прокурорских работников и судей при проведении аттестации кадров.

Кроме общей профессиограммы и психограммы прокурорско-следственной, судебной деятельности требуются современные профессиограммы по конкретным специальностям работников с учетом специфики профессиональной деятельности по каждой специализации (например, военного судьи, военного прокурора, следователя по особо важным делам и т.д.).

Психологическая оценка работников может быть эффективно использована для решения широкого круга задач по совершенствованию кадровой политики в органах прокуратуры, следствия и в судах.

Вполне допустимо высказать предложение о том, чтобы при принятии на работу в органы прокуратуры, следствия, в суд кандидату давались бы письменные (одна-две) рекомендации практических работников или его преподавателей из ВУЗа. Моральная ответственность и общепризнанный авторитет лиц, дающих такие рекомендации, способствовали бы чистоте рядов прокурорско-следственных работников и судей.

В ФСБ, МВД и в ряде других структур действуют соответствующие подразделения собственной безопасности, наделенные Законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» полномочиями по проведению оперативно-розыскных мероприятий в целях обеспечения безопасности указанных органов. Подобные структуры набирают обороты в своей деятельности в СК, прокуратуре.

Недостатки в реагировании руководства следственных, прокурорских аппаратов и судебной системы на ошибки и иные нарушения законности.

Механизм работы следственных и судебных аппаратов с ошибками предполагает несколько ступеней реагирования на них:

а) «работа над ошибками»: регулярное проведение со следователями, дознавателями, прокурорами, судьями занятий по служебной подготовке, семинаров и научно-практических конференций и т.п.;

б) подготовка методических пособий и рекомендаций, обзоров следственной, прокурорской, судебной практики и обобщений положительного опыта работы и т.п.;

в) дисциплинарная практика, в том числе, применение за грубые проступки различных материальных санкций.

К примеру, Московский городской суд проводит межрегиональные научно-практические конференции по различным вопросам судебной деятельности. В 2014 году была проведена пятая такая конференция по теме: «Судебная ошибка и ее последствия: некоторые теоретические и практические аспекты». Были обсуждены такие актуальные вопросы, как последствия судебной ошибки, личностные качества судьи и судебная ошибка, исправление судебной ошибки и др. По результатам конференции были изданы материалы в качестве научно-практического пособия для правоприменителей, прежде всего судей²⁰⁷.

Для судебной системы особо актуален вопрос о выработке эффективного механизма персональной ответственности за принятие судьбоносных для человека решений и реагирования на грубые и систематические ошибки судей.

Недостатки в оценке и стимулировании труда следователей, прокуроров и судей.

Необходимо заметить, что в последние годы уровень оплаты труда следователей, прокуроров и судей в целом намного возрос и может считаться достойным.

Однако требует совершенства система стимулирования труда судей, прокуроров и следователей: она должна соответствовать ответственности и особому характеру их работы.

Пробелы, сложности и правовая неопределенность в современном уголовном, уголовно-процессуальном и оперативно-разыскном законодательстве; несовершенства в системной организации работы следственных, оперативно-разыскных органов и суда, в нормативно-правовом (ведомственном) регулировании оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

Пробелы в правовом регулировании являются классической причиной значительного количества следственных и судебных ошибок. Восполняют эти пробелы Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации через свои постановления, определения, обобщения судебной практики и др.

²⁰⁷ Судебная ошибка и ее последствия: Некоторые теоретические и практические аспекты: материалы Пятой межрегиональной научно-практической конференции / отв. ред. О.А. Егорова, Ю.Ф. Беспалов. М., 2014.

О пробелах и недостатках в законодательном регулировании уголовных и уголовно-процессуальных вопросов как о причине следственных ошибок высказались при проведении исследования 50% работников прокуратуры, 35,9% следователей, 27,8% судей²⁰⁸.

В этой связи актуальными представляется высказывание В.В. Лунеева: «За время действия четырех уголовных кодексов в России было криминализовано более 300 новых видов деяний и декриминализовано около 100. Законодательная деятельность не обеспечена серьезными научными исследованиями, ...непрерывные и противоречивые изменения и дополнения законодательства...не имеют продуманного концептуального подхода²⁰⁹».

Выше мы уже вели речь об экстенсивном пути в контексте улучшения работы следственных, оперативно-розыскных органов и суда

Но современным и все более востребованным является интенсивный (связанный с качественными показателями изменений ситуации) путь улучшения судебной и правоохранительной деятельности, который предполагает наращивание профессионализма в оперативно-розыскной, следственной, прокурорской и судебской деятельности, модернизацию материально-технической базы и научного обеспечения деятельности оперативно-розыскного, экспертно-криминалистического, следственного, прокурорского и судебного аппаратов и т.п.

Влияние факторов («причин третьего уровня») на следственные и судебные ошибки происходит опосредованно - через «причины второго и первого уровней». Это позволяет определить среди них те, которые в решающей мере влияют на следственные и судебные ошибки.

Таким образом, именно многоуровневый подход позволяет комплексно рассматривать причины следственных и судебных ошибок, а также условия, факторы, которые сопутствуют этим причинам.

²⁰⁸ Приложение №44.

²⁰⁹ Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. С. 156-157.

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ УСТРАНЕНИЯ ОШИБОК: ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА

§1. Уголовно-процессуальный механизм устранения ошибок в системе государственно-правовых средств организационно-правового механизма обеспечения законности

Очевидно, что уголовно-процессуальный механизм устранения ошибок является всего лишь одним из государственно-правовых средств поддержания режима законности и обеспечения господства права в государстве и обществе и представляет собой часть более широкого организационно-правового механизма устранения ошибок, включающего в себя не только процессуальные, но и иные организационные, по сути, компоненты. Очевидно также, что государственно-правовые средства поддержания режима законности и обеспечения господства права в целом заданы и соответственно представлены в правовой политике государства, а организационно-правовой механизм (включая уголовно-процессуальный) – в уголовной политике. Именно поэтому уголовно-процессуальный механизм устранения ошибок должен рассматриваться в контексте уголовной политики с учетом наличия иных (не процессуальных) организационно-правовых компонентов (или механизмов).

Иначе говоря, феномен ошибки в уголовном судопроизводстве тесно связан с уголовной политикой государства. Ошибки в уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц государства, ведущих уголовный процесс, как, собственно, и совершаемые ими преступления по службе и иные преступления, негативно сказываются на ее реализации. Соответственно, среди государственных мероприятий в области уголовной политики немало таких, которые направлены на устранение ошибок в уголовном судопроизводстве, совершаемых субъектами, ведущими уголовный процесс, чтобы обеспечить при отправлении правосудия по уголовным делам надлежащий режим законности и соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Уголовная политика имеет прямой выход на выполнение назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) и соблюдение принципов уголовного процесса, прежде всего, принципа законности (ст. 7 УПК РФ).

Как известно, уголовная политика выражает отношение власти к преступности. Эта политика соответствующим образом задается в государстве на уровне идей, концепций, законодательства, функционирования соответствующих репрессивных институтов, правоприменительной практики, типичного правового поведения субъектов, ведущих уголовный процесс и др.

Государственная политика в сфере уголовной юстиции базируется на фундаментальных положениях Конституции Российской Федерации. Исходя из положений статьи 15 Конституции Российской Федерации, тенденции развивающегося международного и, в частности, европейского, права также влияют на направления уголовной политики в нашем государстве.

Аспекты уголовной политики, связанные с уголовным процессом, продолжают быть актуальными и в контексте реализации Концепции судебной реформы в Российской Федерации²¹⁰.

Уголовная политика, являясь элементом государственной политики, правовой политики, способствует «эффективному обеспечению безопасности общества, национальной безопасности»²¹¹, представляет собой единство шести компонентов: уголовно-правового, уголовно-превентивного, уголовно-розыскного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и уголовно-организационного. Современная уголовная политика характеризуется такими чертами, как гуманизация уголовного процесса, повышение правовой защищенности личности; поиск оптимального баланса между интересами сохранения неприкосновенности частной жизни граждан и борьбы с преступностью; строжайшее соблюдение законности в ходе правоприменительной уголовно-процессуальной деятельности; демократизация уголовно-процессуальных мер борьбы с преступностью; дифференциация уголовно-процессуальных форм; совершенствование организации системы правоохранительных органов, оптимальное распределение процессуальных прав и обязанностей между ними; совершенствование норм доказательственного права; использование в уголовном процессе общечеловеческих ценностей, достижений мировой цивилизации²¹².

По образному выражению Н.И. Капинуса, в современный период происходит «либерализация уголовной и уголовно-процессуальной политики, ориентированной на

²¹⁰ О концепции судебной реформы в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 окт. 1991 г. №1801-1 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. Доступ из локальной сети Юридического института Сибирского федер. ун-та.

²¹¹ Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича. СПб., 2003. С. 374.

²¹² Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). СПб., 2013. С. 278, 415-421.

ограничение репрессивных функций и ужесточение контроля за применением мер, ограничивающих права личности»²¹³.

Но уже и в советские времена исследователи считали, что уголовно-процессуальная политика должна быть направлена на строжайшее соблюдение законности; четкое определение правоприменительных органов и их компетенции; широкое привлечение общественности; строгое ограничение мер процессуального принуждения рамками необходимости; всемерную охрану прав и законных интересов всех участников процессуальной деятельности; выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений²¹⁴.

И.Л. Петрухин, Г.П. Батуров, Т.Г. Морщакова, исследуя еще в советское время проблемы эффективности правосудия, высказали множество идей, связанных с перспективным развитием уголовной и уголовно-процессуальной политики.

Так, по их мнению, «по мере повышения эффективности советского правосудия количество судебных ошибок будет неуклонно снижаться». «Ценностные ориентации для правосудия вырабатывает и воплощает в нормы права сам законодатель. «Взвешиванием ценностей» приходится заниматься при выработке основных направлений уголовной политики, которую проводят в жизнь сами судьи, опираясь на закон и руководствуясь своим социалистическим правосознанием. Вместе с законом определенные ценностные ориентации судей формируют установки вышестоящих судов, акты судебного управления, идеи, вырабатываемые наукой. Такие перемены в уголовной политике, как широкая замена уголовных наказаний мерами общественного воздействия или, наоборот, усиление мер уголовного наказания, частота и масштабы амнистий, расширение гарантий прав личности в уголовном процессе и т.д., требуют строгого и трезвого расчета возможных последствий «за» и «против». «...Открываются широкие возможности для определения «стратегии» борьбы с преступностью в условиях строжайшего соблюдения законности путем «взвешивания» ценностей, рассмотрения и выбора альтернатив, иными словами, - расчета целевых функций...». «Наблюдаемые у нас одновременное улучшение качества судебной, прокурорской, следственной работы и сокращение преступности позволяют проводить более гуманную уголовную политику»²¹⁵.

В научной литературе рассматриваются самые разные аспекты уголовной, уголовно-процессуальной политики. Существует большое количество подходов к уголовной политике,

²¹³ Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: автореф. дис ... докт. юрид. наук. М., 2001. С. 14.

²¹⁴ Алексеев Н.С. Уголовно-процессуальная политика советского государства на современном этапе // Правоведение. 1977. №5. С. 98.

²¹⁵ Петрухин И.Л. Теоретические основы эффективности правосудия. С. 7, 69, 92.

раскрывающих ее содержание: системный онтологический анализ данной политики; ценностный подход, определяющий ее место и роль; управленческий, ресурсный подходы; интеллектуальная сторона уголовной политики – социально-правовое мышление и др.²¹⁶

В свете современного развития уголовной политики учеными исследуются процессы криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации в сфере уголовных деяний; уголовная политика в сфере наказания и поощрения, и др.²¹⁷

По мнению И.Л. Петрухина, уголовная политика – «это совокупность идей, планов и мероприятий органов государства, направленных на сдерживание преступности. Уголовная политика осуществляется в сферах уголовного права, уголовного процесса, оперативно-разыскной деятельности (ОРД), уголовно-исполнительного права и направлена на оптимизацию деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, ОРД, судов и государственных органов исполнения наказания»²¹⁸.

²¹⁶ См.: Криминология и уголовная политика / Ред. колл: С.Г. Келина, В.М. Коган, М.М. Славин. М., 1985; Жалинский А.Э. Социально-правовое мышление как средство осуществления уголовной политики // Вопросы уголовной политики. Межвузовский сборник научных трудов. Красноярск, 1991. С. 14-15; Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика: Тенденции и перспектива. Красноярск, 1991; Тер-Акопов А.А. Уголовная политика Российской Федерации: учеб. пособие. М., 1999; Босхолов С.С. Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. 2-е изд., перераб. М., 2004; Стахов Я.Г. Понятие, содержание и современные направления реализации уголовной политики Российской Федерации: Учебное пособие / Я.Г. Стахов; Науч. ред. В.П. Ревин. – М.: МАКС Пресс, 2004. – 30 с.; Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2004; Лесников Г.Ю. Уголовная политика современной России: методологические, правовые и организационные основы: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005; Бошук В.А. Теоретические основы уголовно-правовой политики России в сфере государственной безопасности: дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2006; Стахов Я. Г. Уголовная политика и ее реализация субъектами Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006; Малышева О.А. Современная уголовная политика Российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2006; Третьяков И.Л. Уголовная политика России: общетеоретические и прикладные проблемы: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2006; Алексеев А.И. Российская уголовная политика: Преодоление кризиса. М., 2006; Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008; Бойко А.И. Уголовная политика: учеб. пособие. Ростов-на-Дону, 2008; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009; Правовая политика как научная теория в историко-правовых исследованиях / О.Ю. Рыбаков [и др.]; под ред. О.Ю. Рыбакова. М., 2011; Баев М.М. Проблемы российской уголовной политики. М., 2014.

А В.Н. Кудряцев еще в советское время в контексте уголовного права говорил о целях юридической политики вообще. См.: Кудряцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений.

²¹⁷ Ляхов Ю.А. Сущность и тенденции развития уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. юр. наук. СПб., 1994; Гревцов О.В. Уголовная политика современной России и предупреждение преступности: дис. канд. юрид. наук. СПб, 2000; Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 262-316; Иванов С.В. Уголовная политика Российской Федерации: политолого-криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006; Кубов Р.Х. Уголовная политика в сфере борьбы с организованными формами преступной деятельности. М., 2008; Поликарпова И.В. Уголовная политика России в отношении посягательств на здоровье и ее влияние на квалификацию преступления: на примере ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008; Семькин Д.В. Уголовная политика Российской Федерации в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008; Шилов А.И. Уголовная политика России в отношении военнослужащих: теоретические аспекты. Рязань, 2008; Аминов Д.И. Современные подходы к построению эффективного механизма уголовной политики российского государства. М., 2010; Кагетов А.С. Циклы уголовной политики и правоприменения. СПб., 2010; Максимов А.М. Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности животного мира: правовые проблемы, организационные и правоприменительные аспекты. М., 2012.

²¹⁸ Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. С. 37.

Уголовно-процессуальная политика одним из своих направлений всегда имела и будет иметь вектор развития, который связан с постоянным вниманием к вопросам качества и эффективности уголовного судопроизводства. По мнению Ф.Н. Фаткуллина, «под эффективностью процессуально-правового (как и иного юридического) установления следует понимать его способность с наименьшими издержками воздействовать положительно на общественные отношения в заданном направлении при тех социальных условиях, которые реально существуют в период его действия в стране»²¹⁹.

В исследовании С.С. Босхолова достаточно подробно представлены *тенденции* современной уголовно-процессуальной политики (отказ от возможности разрешения социальных проблем методом принуждения, подавления личности; поворот к гуманизации уголовной политики; ориентация на международные стандарты и опыт борьбы с преступностью; ориентация уголовной политики на пересмотр законодательства в борьбе с преступностью под углом зрения его соответствия Конституции РФ) и ее *приоритеты* (максимальное обеспечение безопасности личности, прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств; активное противодействие организованной преступности; активная борьба с коррупцией; обеспечение экономической безопасности государства; защита основ конституционного строя и безопасности государства)²²⁰.

И.В. Панькина считает, что особенность современной уголовно-процессуальной политики «заключается в демократизации составляющих ее элементов». «Основные черты уголовно-процессуальной политики раскрываются, прежде всего, в принципах уголовного процесса». Но «демократизация уголовно-процессуальной политики свидетельствует о попытке законодателя развернуть развитие уголовного процесса в сторону идеологии классической состязательности, что противоречит традициям нашего уголовного процесса»²²¹.

Взаимосвязь уголовной политики с принципами уголовного судопроизводства представлял в своих исследованиях и О.З. Челохсаев. «Сущность принципов уголовного процесса состоит в отражении уголовно-процессуальной политики (идеологии) государства, которая является разновидностью (отраслью) правовой политики (идеологии) государства». Сущность уголовно-процессуальной политики «заключается в представлении должной организации уголовного процесса и стремлении реализовать это представление». Принципы уголовного процесса – показатели уголовно-процессуальной политики государства.

²¹⁹ Фаткуллин Ф.Н. Актуальные вопросы эффективности советского уголовного процесса // Вопросы эффективности советского уголовного процесса / Под. ред. Ф.Н. Фаткуллина. Казань, 1976. С. 13.

²²⁰ Босхолов С.С. Основы уголовной политики ... С. 32-59.

²²¹ Панькина И.Ю. К вопросу о демократизации уголовно-процессуальной политики РФ // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ). Материалы Международной научно-практической конференции. М, 2007. С. 93-96.

О.З. Челохсаев в предмет современной уголовно-процессуальной политики включает концепции восстановительного правосудия, ювенальной юстиции, ускорения и упрощения (рационализации) уголовного процесса, социальной реабилитации обвиняемого и потерпевшего и др. Уголовно-процессуальные концепции тесно связаны с уголовно-правовыми и криминологическими концепциями. Уголовно-процессуальная политика – это единство целей, задач, назначений, функций и принципов уголовного судопроизводства²²².

По мнению Г.К. Смирнова и А.Л. Карабанова, в современный период представляется актуальным смягчить государственную политику в области уголовно-процессуального принуждения, «искать пути совершенствования государственной политики в этой области», к примеру, изменения по налоговым преступлениям в части заключения под стражу подозреваемых и обвиняемых по этой категории уголовных дел²²³.

Как видно, многие исследователи современной уголовной политики обращают внимание на ее либерализацию.

Однако, несмотря на либерально-демократические тенденции в развитии современной уголовной и уголовно-процессуальной политики, криминальные события последнего времени выдвинули в число приоритетов усиление борьбы с преступлениями террористической и коррупционной направленности; преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотиков; сексуальными посягательствами в отношении детей; с нарушениями правил безопасности дорожного движения водителями в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, повлекшими гибель людей и т.д.

Усилена уголовная ответственность за данные категории преступлений; производится задержание лиц до 30 суток по подозрению в совершении преступлений террористической направленности; исключены «террористические составы» из юрисдикции суда присяжных; расширены возможности применения институтов досудебного соглашения о сотрудничестве и особого порядка судебного разбирательства уголовных дел из числа обозначенных категорий; ужесточены требования законодателя к условно-досрочному освобождению осужденных от отбывания наказания за указанные деяния и др.

Современные исследователи тенденций развития уголовной политики стали выводить ее тренды из ежегодных Посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ²²⁴.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации в 2010 году на 2011 и предстоящие годы ставились задачи по продолжению развития

²²² Челохсаев О.З. Современная уголовно-процессуальная политика государства / Науч. ред. В.С. Джатиев. Владикавказ, 2009. С. 33-34.

²²³ Карабанов А.Л. Актуальные проблемы правового регулирования преступности. М., 2012. С. 104.

²²⁴ См.: Александров А.С. О современной уголовно-процессуальной политике // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. №1. С. 18-24.

законодательства о судебной системе; реформированию МВД (создание полиции в России); повышению качества работы следствия и прокуратуры (создание Следственного комитета России); по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства (применение за нетяжкие, малозначительные преступления санкций, не связанных с лишением свободы, особенно – к молодым людям и подросткам, а также к тем, кто впервые нарушил закон; исключение по целому ряду составов преступлений нижних пределов санкций, широкое применение в качестве наказаний штрафа, принудительных работ), помня при этом, что «сила суда не в жестокости, а в неотвратимости и справедливости наказания, а миссия правосудия – не только карать, но и исправлять»²²⁵.

Согласно Посланию Президента РФ Федеральному Собранию РФ в 2011 году, «особую роль в проведении эффективной уголовной политики нужно отвести судебной системе. От нее зависит, станет ли система назначения наказаний более гибкой, дифференцированной, а значит, и более справедливой» и др.²²⁶

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ на 2013 год предложено уйти от «обвинительного уклона в правоохранительной и судебной практике», «исключить из системы права все зацепки, которые позволяют превращать хозяйственный спор в сведение счетов при помощи заказных уголовных дел», установить «запрет на возбуждение уголовных дел без заявления пострадавшего по целому ряду экономических составов», усилить «ответственность сотрудников правоохранительных органов за фальсификации»²²⁷.

А в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ на 2014 год обращено внимание на внедрение институтов общественного контроля; на недопустимость правовой неопределенности, несправедливости, в чем значительную роль должно сыграть объединение Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, которое «направит судебную практику в единое русло, и значит, будет укреплять гарантии реализации важнейшего конституционного принципа – равенства всех перед законом»²²⁸.

Уголовная политика определяет концепции борьбы с преступностью; ответственность государства и правоохранительных систем перед обществом; стратегии и специфику

²²⁵ Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 30 ноября 2010 г. [Электронный ресурс] // Российская газета. 2010. №271, 273. Электрон. версия печат. публ. Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».

²²⁶ Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 22 декабря 2011 г. [Электронный ресурс] // Российская газета. 2011. №290. Электрон. версия печат. публ. Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».

²²⁷ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 г. [Электронный ресурс] // Российская газета. 2012. №287. Электрон. версия печат. публ. Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».

²²⁸ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2013 г.

реализации данной политики в новых условиях и в связи с новыми задачами, ориентированными на новые ценностные установки в современном социуме.

Вектор нашего исследования проблем уголовной политики достаточно специализирован: влияние этой политики на обеспечение режима законности в уголовно-процессуальной деятельности в части недопущения следственных и судебных ошибок.

Следует отметить, что анализ современной уголовной политики позволяет сделать вывод, что по многим своим направлениям она не концептуальна. Хаотично вносимые изменения и дополнения в законодательные акты, регулирующие вопросы в сфере уголовной юстиции, дезорганизуют работу судов и правоохранительных органов, что способствует появлению ошибок, которые допускают дознаватели и следователи, их ведомственные руководители и прокуроры, а также – судьи. Менеджмент в уголовном судопроизводстве также не всегда способствует законной уголовно-процессуальной деятельности, а кадры судей и правоохранителей, подчас, и объективно, и субъективно не способны работать профессионально.

Таким образом, чтобы обеспечить эффективную уголовную политику в одном из ее только направлений – уголовно-процессуальном, а именно – в безошибочном отправлении правосудия по уголовным делам, особенно для соблюдения основополагающих принципов и достижения назначения уголовного судопроизводства, необходимо вести речь о системе государственно-правовых средств в работе с ошибками, их выявлении, исправлении и предупреждении.

На наш взгляд, в работе с судебными ошибками должны быть задействованы следующие механизмы:

- эффективный механизм законотворческой деятельности, позволяющий в практической деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, применять юридически выверенные и понятные законы и подзаконные акты;

- эффективный механизм надлежащего устройства суда и его аппарата, правоохранительных органов, способный в режиме нормального функционирования обеспечить уголовно-процессуальную деятельность и корреспондирующую ей оперативно-розыскную, экспертную деятельность, в том числе, и в аспекте выявления, исправления и предупреждения следственных и судебных ошибок;

- эффективный уголовно-процессуальный механизм как специализированный в уголовном судопроизводстве, имеющий свою специальную цель в уголовном процессе - устранение ошибок.

В своем исследовании мы, безусловно, не раз будем говорить о необходимости совершенствования законодательства в целях недопущения судебных ошибок; не обойдем

вниманием вопросы функционирования организационно-правового механизма, который позволяет на уровне дачи руководящих разъяснений и указаний, принятия управленческих решений, использования ведомственного нормотворчества и т.п., корректировать и направлять следственную и судебную практику по пути, опять же, недопущения ошибок в уголовно-процессуальной деятельности.

Однако основное наше внимание будет сосредоточено на исследовании действующего на всех этапах и стадиях уголовного судопроизводства уголовно-процессуального механизма устранения ошибок, который в системе государственно-правовых средств работы с этими ошибками является с точки зрения правового регулирования специализированным.

Актуальные и перспективные направления уголовной политики в государстве являются ее стратегиями. Стратегии в области уголовной политики – это определенный набор актуальных научных теорий, концепций, доктрин, которые формируются в научной среде, в практике деятельности Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, в программных документах органов управления Российским государством и его лидеров и др. Стратегии в уголовной политике государства – это установки на ее реализацию, ее важные и существенные элементы.

Однако стратегии в уголовной, в том числе, уголовно-процессуальной политике – это не уголовно-процессуальная деятельность, а лишь только определяющие направления этой деятельности. Эти стратегии имеют свои цели, задачи, принципы и т.п. Но реализация этих стратегий предполагает определенный организационно-процессуальный механизм.

Прежде чем говорить об организационно-процессуальном механизме, следует заметить, что термин «стратегия» не употребляется в российском законодательстве – в законодательстве отсутствует какая-либо нормативная дефиниция термина «стратегия» в кодифицированных актах, регулирующих юрисдикционные производства. Но стратегия в теоретическом аспекте видится необходимым элементом юридических технологий, реализуемых многими участниками юридических производств²²⁹.

Понятие «стратегия» относится к числу дефиниций, которые в современных условиях, «разорвав» узкие рамки одной науки, используются специалистами различных наук.

В русском языке одно из определений понятия «стратегия» дано как «искусство руководства..., а также вообще искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах»²³⁰.

²²⁹ См.: Зашляпин Л.А. Основы теории эффективной адвокатской деятельности: прелиминарный аспект. Екатеринбург, 2006. С. 348.

²³⁰ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов ... С. 772.

В соответствии с этим толкованием, четыре фактора толкают человечество в будущее: задачи, цели, эмоции и ценности. Задачи, краткосрочные цели – это тактика. Долгосрочные цели – это стратегия. Реальная стратегия всегда строится на ценностях. Стратегия не может меняться кардинально, но может корректироваться.

В научной литературе рассматриваемый термин употребляется в переносном смысле, где он обозначает пути и способы достижения в жизни какого-либо состояния, явления, а также излагается в виде конкретных рекомендаций.

М.В. Ходжич под стратегией понимает совокупность, в которую входят долговременные цели, определяющие деятельность организации (стратегические цели); технологии, с помощью которых реализуется достижение стратегических целей; ресурсы, которые будут использованы при достижении стратегических целей; система управления, обеспечивающая достижение стратегических целей²³¹.

О правовых стратегиях писали в своих работах А.Н. Аринин²³², А.М. Голощапов²³³, С.В. Малько²³⁴, А.Н. Андреев и В.Б. Коробов²³⁵, В.Г. Пичугин²³⁶ и др.

Применительно к следственной деятельности Г.А. Зорин определял стратегии как генеральные программы действий на достаточно продолжительный срок, как выбор альтернатив в избранных путях планирования и реализации раскрытия преступлений, распределения приоритетов при проверке версий и определении границ этапов, формирования системы целей и распределения их на «дерево целей»²³⁷.

В последующем Г.А. Зорин определял криминалистическую стратегию как многогранное, разноплановое явление, которое характеризуется тем, что является логико-психологическим преобразованием целей и задач; операциональным преобразованием, которое от рождения в сознании следователя до последнего дня расследования связано с процедурами организационно-тактического и процессуального характера; выбором альтернатив в избранных путях планирования и реализации раскрытия преступлений²³⁸.

²³¹ Ходжич М.В. Правоохранительная стратегия – основной элемент стратегического планирования в органах внутренних дел [Электронный ресурс] // Российский следователь. 2010. №3. Электрон. версия печат. публ. Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».

²³² Аринин А.Н. К новой стратегии развития России. Федерализм и гражданское общество: Идеино-теоретические, политические и правовые аспекты. М., 2000.

²³³ Голощапов А.М. Конституционные основы становления государственно-правовой стратегии: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

²³⁴ Мальков С.В. Политико-правовые стратегии формирования институтов российского гражданского общества: автореф. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009.

²³⁵ Андреев Н.А. Стратегическое управление в правоохранительной сфере: учеб. пособие. М., 2010.

²³⁶ Пичугин В.Г. Безопасность бизнеса: Защита от уголовного преследования. М., 2010.

²³⁷ Зорин Г.А. Эвристические методы формирования стратегии и тактики следственной деятельности [Электронный ресурс]. Гродно, 1991. С. 4-6. Электрон. версия печат. публ. Доступ с сайта Образовательного портала Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. URL: http://ebooks.grsu.by/krim_evristika_one/chast-2.htm (дата обращения 03.02.2017).

²³⁸ Зорин Г.А. Криминалистическая методология. Минск, 2000. С. 20-21.

Л.Я. Драпкин²³⁹, А.В. Дулов²⁴⁰, Р.С. Белкин²⁴¹, А.А. Эксархопуло²⁴² исследовали вопросы стратегии применительно к криминалистической деятельности.

Стратегии в контексте государственного обвинения рассматривал в своих научных исследованиях В.Г. Ульянов. Он особо обращал внимание на разработку стратегий обвинения: определение основных этапов расследования, стратегических целей; целевой анализ материалов дела и т.п.; подготовку стратегий государственного обвинения к реализации; определение судебных (следственных) действий, в которых предстоит реализовать основные этапы и цели стратегии; определение в целом порядка судебного следствия и т.п. С учетом обозначенных стратегий автором строится тактика поддержания государственного обвинения в суде²⁴³.

Вопросы стратегии в контексте с вопросами тактики применительно к адвокатской деятельности подробно рассматривались М.О. Баевым и О.Я. Баевым²⁴⁴, Л.А. Зашляпиным²⁴⁵, В.С. Соркиным²⁴⁶.

С позиций стратегии рассматривается учеными борьба с преступностью. Они полагают, что в науке управления под стратегией понимается способы достижения целей. Поэтому стратегия – это определение перспективных целей и приоритетов, важнейших направлений и средств реализации указанных целей²⁴⁷.

Зарубежные авторы используют стратегический подход в изучении преступного поведения, что позволяет им успешно развивать концепцию полицейской разведки, модель разведывательной полиции. Их исследования в этом направлении показывают, что некоторые виды преступлений (организованная преступность, терроризм, преступность в отношении несовершеннолетних и др.) не могут быть успешно раскрыты без стратегического подхода в работе органов предварительного следствия. Полицейская разведка успешно проводит

²³⁹ Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987.

²⁴⁰ Криминалистика / Под ред. А.В. Дулова. Минск, 1996.

²⁴¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня ... ; Белкин Р.С. Курс криминалистики. 3-е изд., доп. М., 2001.

²⁴² Эксархопуло А.А. Предмет и система криминалистики. Проблемы развития на рубеже XX - XXI веков. СПб., 2004.

²⁴³ Ульянов В.Г. Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве (процессуальные и криминалистические аспекты): автореф. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2002.

²⁴⁴ Баев М.О. Стратегические принципы тактики защиты по уголовным делам // Криминалистические аспекты профессиональной защиты по уголовным делам: сб. науч. труд. Екатеринбург, 2001.

²⁴⁵ Зашляпин Л.А. Основы теории эффективной адвокатской деятельности ... ; Зашляпин Л.А. Основные компоненты теории адвокатского мастерства в уголовном судопроизводстве. Екатеринбург, 2007.

²⁴⁶ Соркин В.С. Стратегия и тактика защиты по уголовным делам. Гродно, 1995.

²⁴⁷ Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1990. С.15; Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 38; Долгова А.И. Проблемы разработки стратегии борьбы с преступностью // Преступность: стратегия борьбы / Под ред. А.И. Долговой. М., 1997. С. 6 ; Колесников В.И. Преступность в России и стратегия борьбы с ней // Преступность: стратегия борьбы / Под ред. А.И. Долговой. М., 1997. С. 18-27.

стратегический анализ преступного рынка, что является основополагающим элементом стратегического анализа в деятельности по раскрытию конкретных преступлений²⁴⁸.

В уголовно-процессуальном праве о стратегиях применительно к моделям уголовного процесса впервые высказался Н.Г. Стойко. По его мнению, модели уголовного процесса могут быть объединены в рамках шести уголовно-процессуальных стратегий (общих моделей): 1) защиты прав и свобод обвиняемого; 2) уголовного преследования; 3) социальной поддержки обвиняемого; 4) социальной поддержки потерпевшего; 5) рациональности и эффективности уголовного судопроизводства; 6) примирения²⁴⁹.

Рассматриваемые Н.Г. Стойко стратегии (модели), на наш взгляд, определяют современное состояние и перспективу развития уголовной политики в отправлении правосудия по уголовным делам.

В контексте рассматриваемой нами проблемы ошибок в уголовном судопроизводстве первостепенный интерес для нас представляют две выделяемые Н.Г. Стойко стратегии (модели): уголовного преследования и защиты прав и свобод обвиняемого. На наш взгляд, другие стратегии, безусловно, актуальны для отправления правосудия по уголовным делам, но содержание их связано с реализацией социальной роли уголовного судопроизводства. Более того, поддерживая стратегический (модельный) подход Н.Г. Стойко в сравнительном теоретико-правовом исследовании англо-американской и романо-германской правовых систем, мы отходим от традиционного обозначения уголовного преследования (обвинения) и защиты прав и свобод обвиняемого (защиты) в качестве функций уголовного судопроизводства, так как нам важно исследовать уголовное преследование и защиту прав и свобод обвиняемого не только в контексте функциональном (выполнение действующих нормативных требований субъектами, ведущими уголовный процесс), но и в стратегическом контексте – современном и перспективном состоянии и развитии двух диаметрально-противоположных по своим направленностям моделей, движущих уголовный процесс, и стремящихся к сближению для выполнения его назначения.

Совершенно очевидно, что обозначенные нами две (важные для целей нашего исследования) стратегии – уголовного преследования и защиты прав и свобод обвиняемого, так и иные стратегии, обозначенные Н.Г. Стойко, вполне согласуются между собой:

1) если «рассматриваются в качестве общегосударственных инструментов, призванных обеспечить потребности общества в сдерживании преступности и контроле над ней,

²⁴⁸ Simonovic B. Strategies approach of criminal investigation police in crime combating. // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика / Под общей ред. С.П. Кушниренко. СПб., 2012. С. 588-595.

²⁴⁹ Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России ... С. 64.

возмещении убытков от нее и предупреждении совершения новых преступлений (т.е. являются уголовно-политической реакцией на преступность);

2) осуществляются путем чередования, усиления одних и ослабления интенсивности других, расширения или сужения сферы их применения и т.п. в зависимости от конкретной социальной ситуации;

3) направлены (вне зависимости от субъективных нужд и притязаний) на достижение социально-интегративных целей публично-правового регулирования на преступления, обеспечения справедливости (меры социального согласия) и поддержания баланса интересов между потерпевшим (жертвой) и обвиняемым (преступником)»²⁵⁰.

Стратегии уголовного преследования и защиты прав и свобод обвиняемого в уголовно-процессуальной деятельности в контексте проблематики нашего исследования выводят нас на необходимость рассмотреть именно с позиций модельного подхода уголовно-процессуальный механизм реализации этих стратегий (моделей) для выявления, исправления и предупреждения ошибок в уголовном судопроизводстве.

Стратегия уголовного преследования своими корнями уходит в правовую конструкцию, известную как принцип неотвратимости наказания. Действительно, интересы общества и государства должны быть нацелены на то, чтобы каждый совершивший преступление, был подвергнут справедливому и неотвратимому наказанию, а невиновный не был привлечен к уголовной ответственности или был реабилитирован, если подвергся незаконно и несправедливо уголовному преследованию. Конструкция неотвратимости наказания в действующем УПК РФ предусматривается в статье шестой «Назначение уголовного судопроизводства».

Стремление должностных лиц суда и правоохранительных органов обеспечить выполнение программных установок уголовной политики государства по неотвратимости наказания вызывает необходимость увеличивать объемы и масштабы уголовной репрессии, что, подчас, чревато нарушениями принципа законности и допущением ошибок. По сути дела, в состязательной модели уголовного судопроизводства стратегия уголовного преследования есть стратегия обвинения, основное содержание которой – уголовное преследование, привлечение к уголовной ответственности, признание лица виновным от имени Российской Федерации и назначение ему справедливого наказания. Все это важные и необходимые факторы реализации уголовной политики. Однако в силу своей репрессивной специфики именно эта стратегия должна быть надежно представлена гарантиями соблюдения требований законности. И это положение, опять же, предусмотрено в статье шестой УПК РФ, где

²⁵⁰ Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России ... С. 93.

отмечается, что защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод – есть важное назначение уголовного судопроизводства.

Вместе с тем современные характеристики стратегии уголовного преследования (обвинения) в отличие от действовавшего в советское время принципа неотвратимости наказания, связанного с установлением истины по уголовному делу как цели уголовного судопроизводства, наполняются новыми конструкциями. Такие новые институты, как досудебное соглашение о сотрудничестве, заключенное прокурором с обвиняемым, особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением в контексте уголовного преследования выглядят очень выигрышными и ресурсно малозатратными. Но классическое представление об уголовном процессе, в котором магистральной целью является установление истины по уголовному делу, ярко выражено действие всех принципов уголовного судопроизводства и общих условий судебного разбирательства уголовного дела, не может не ставить вопрос о рисках, связанных с появлением ошибок при современной оптимизации уголовного преследования.

Как правильно отмечено Н.Г. Стойко, стратегия уголовного преследования предполагает модель контроля за преступностью, где цель уголовного процесса при этой стратегии – наказание, а функция – установление уголовного правоотношения. Данная стратегия связана с ролью системы уголовной юстиции в уменьшении, предотвращении и пресечении преступлений путем обвинения и наказания тех, кто виновен. Полиция и спецслужбы, следствие, прокуратура несут ответственность перед обществом за то, чтобы виновные лица предстали перед судом, они обеспечивают неотвратимость уголовной репрессии, контролируют преступность, защищают граждан, общество, государство посредством снижения преступности. Анализируя зарубежные правовые источники, Н.Г. Стойко дает такую обобщенную характеристику рассматриваемой стратегии: ориентация правоохранительных органов на общественную опасность преступлений как основание своей правовой активности; игнорирование или существенное ограничение правового контроля за органами уголовного преследования; поддержка их стремления покарать каждого преступника; презумпция виновности подозреваемых в совершении преступлений (потенциальных преступников); высокий уровень осуждений и «болезненность» назначенных наказаний; отсутствие условий для межличностного контакта потерпевшего и обвиняемого²⁵¹.

В данной модели суды должны занимать позицию возмездия и устрашения по отношению к реальным и потенциальным преступникам. Суды в этой модели являются гарантом правопорядка. «Их главная функция – подтвердить и утвердить право государства

²⁵¹ Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России ... С. 71.

на наказание преступника, а не обеспечить защиту прав человека или господство права в обществе... Они должны осуждать действия обвиняемых, нарушивших закон, и поддерживать стремление органов уголовного преследования приносить обвинения перед судом. Делая так, суды должны всякий раз демонстрировать карающую силу закона, не допуская случаев, когда неотвратимость уголовной ответственности ставилась бы под сомнение недостаточно суровым или оправдательным приговором. Иначе потенциальные преступники будут спровоцированы к совершению преступлений, зная, что они либо уйдут от ответственности, либо не подвергнутся серьезным страданиям. В свою очередь это приведет к деморализации органов уголовного преследования, если их деятельность по раскрытию преступлений и изобличению виновных не будет иметь успеха в суде»²⁵².

В современный период стратегия уголовного преследования связана в России, как уже отмечалось нами выше, с периодически объявляемыми «кампаниями»: борьба с терроризмом и экстремизмом, наркопреступностью; коррупцией; пытками в полиции (плюс к этому еще и борьба с «оборотнями в погонах»); борьба с педофилами и маньяками; пьяными водителями за рулем хулиганствующими авиапассажирами и т.д.

Под эти «кампании», как уже также отмечалось нами, ужесточаются некоторые положения в законе.

Стратегия уголовного преследования (обвинения) в последнее время «берет верх», когда совершаются резонансные для общества преступления и правоохранные ведомства (чаще всего – Следственный Комитет России) объявляют в СМИ, что задержали подозреваемых, вышли в суд с ходатайствами о заключении под стражу лиц, допустивших преступную халатность, в результате которой произошли взрывы на шахте с человеческими жертвами, погибли дети в незакрытых канализационных люках, произошла катастрофа с самолетом и т.д. В обычные рамки классических оснований для избрания строгих мер процессуального принуждения эти ситуации, как правило, не вписываются («может скрыться от следствия и суда», «может совершить новые преступления», «может воздействовать на свидетелей обвинения и т.п.»), но государству надо показать обществу строгость своей «уголовной реакции», «мощь репрессивной машины государства», готовой встать на защиту человека, общества и государства в неординарных ситуациях с тяжкими последствиями и т.п. По сути дела, все делается в рамках европейского стандарта заключения под стражу для сохранения общественного порядка и предотвращения массовых беспорядков в обществе. Но все это явно выглядит как типичный контент (проявление) модели (стратегии) уголовного преследования (обвинения).

²⁵² Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России ... С. 72.

В ходе исследования мы придерживались гипотезы, что реализация стратегии уголовного преследования (обвинения) повышает порог следственных и судебных ошибок, связанных с защитой прав и законных интересов обвиняемого и в то же время снижает порог ошибок, связанных с защитой, прежде всего, жертвы преступления (потерпевшего).

Реализацию стратегий уголовного преследования и защиты прав и свобод обвиняемого (обвинения и защиты) осуществляют участники уголовного судопроизводства. Законодатель даже объединил этих участников в группы (стороны): «участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» (глава 6 УПК РФ: прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя); «участники уголовного судопроизводства со стороны защиты» (глава 7 УПК РФ: подозреваемый, обвиняемый, законные представители несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, защитник, гражданский ответчик, представитель гражданского ответчика).

Однако приведенное выше деление участников уголовного судопроизводства на участников с двух сторон состязательного процесса (сторона обвинения и сторона защиты) явно условное. Участники, которые выполняют миссию субъектов, ведущих уголовный процесс (прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель), преследуют государственный интерес, который связан с выполнением ими назначения уголовного судопроизводства, его принципов и миссий, заданных реализацией уголовной политики. Вот почему мы говорим об этих двух стратегиях: уголовного преследования и защиты прав и свобод обвиняемого (обвинения и защиты) в их взаимосвязи.

Рассмотрим взаимосвязь этих стратегий сквозь призму процессуального статуса прокурора.

Процессуальное положение прокурора в уголовном судопроизводстве специфично. На досудебных стадиях название процессуального статуса так и определяется – «прокурор», «надзирающий прокурор» (главы 19-32.1 УПК РФ). При подготовке к судебному заседанию, в том числе при проведении предварительного слушания, процессуальный статус прокурора обозначается названиями «сторона» и «прокурор» (главы 33-34 УПК РФ). При разбирательстве уголовного дела по существу в суде первой инстанции, при апелляционном судебном разбирательстве процессуальный статус прокурора обозначается только как «обвинитель», «государственный обвинитель» (ст. 246 УПК РФ и другие статьи УПК РФ в главах 35-45.1). При кассационном и надзорном рассмотрении уголовного дела, производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, производстве

о применении принудительных мер медицинского характера, воспитательного воздействия и др. (главы 46, 47.1, 48.1, 49, 50, 51, 52, 53, 54 УПК РФ) процессуальный статус прокурора вновь обозначен дефиницией «прокурор».

«Государственный обвинитель – поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры» (п. 6 ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

«Сторона обвинения – прокурор, а также следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, частный обвинитель, потерпевший, его законный представитель и представитель, гражданский истец и его представитель» (п. 47 ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

«В ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность» (ч. 3 ст. 37 УПК РФ).

Исходя из изложенного выше, особенно с учётом подробной регламентации полномочий прокурора в суде, обозначенных в ст. 246 УПК РФ, процессуальную миссию прокурора при разбирательстве уголовного дела по существу в суде первой инстанции и при апелляционном разбирательстве дела можно определить как участие прокурора на стороне обвинения со статусом «государственный обвинитель» для поддержания государственного обвинения, выдвинутого органами предварительного расследования и утверждённого надзирающим прокурором, для полного или частичного отказа от указанного обвинения, его изменения в сторону смягчения в суде при определённых законом обстоятельствах.

Такая формулировка процессуальной миссии прокурора в суде представляется нам искусственной, так как, на наш взгляд, нельзя дознавателя, начальника подразделения дознания (начальника органа дознания), следователя, руководителя следственного органа, прокурора относить к стороне обвинения. Это должностные лица государства, наделённые наряду с судом властными полномочиями осуществлять доказывание по уголовному делу, его предварительное расследование и рассмотрение в суде для выполнения назначения уголовного судопроизводства.

Данные субъекты, ведущие уголовный процесс, обеспечивающие полное, всестороннее и объективное исследование всех обстоятельств уголовного дела, не могут быть ни на стороне защиты, ни на стороне обвинения, так как у них, в отличие от участников уголовного процесса, разведённых на эти две стороны, нет личного интереса, а государственный интерес требует от властных субъектов устанавливать как уличающие, так и оправдывающие, как отягчающие, так и смягчающие обстоятельства, руководствуясь при этом соображениями законности, гуманности и справедливости.

Поэтому в УПК РФ было бы разумно на протяжении всего уголовного процесса называть указанных субъектов не стороной или обвинителями, а именно: дознаватель,

начальник подразделения дознания (начальник органа дознания), следователь, руководитель следственного органа, прокурор, обеспечивающих наряду с судом публичный характер уголовного судопроизводства.

Мы поддерживаем позицию А.С. Барабаша в том, что «нельзя говорить о функциях обвинения, защиты, разрешения дела, закрепляя их за определёнными субъектами», ведущими процесс. «Прокурор, прежде, чем сформулировать свой тезис, должен участвовать в судебном следствии, непосредственно исследовать доказательства, и только в том случае, если на основе исследованного у него сформируется внутреннее убеждение, он выступает в прениях с обвинительным или оправдательным тезисом, приводя соответствующую аргументацию. С оправдательным тезисом он должен выступать и тогда, когда у него не сложилось внутреннее убеждение и дальнейшее познание невозможно. Если же в сознании прокурора укоренится то, что он обвинитель, на его взвешенное отношение к материалам дела мы уже не можем надеяться, принцип всесторонности, полноты и объективности исследования материалов дела для него не будет указанием»²⁵³.

Говоря о стратегии защиты прав и свобод обвиняемого (стратегии защиты), необходимо показать уровни реализации защиты прав человека в уголовном судопроизводстве, а именно:

– защита со стороны лиц, ведущих уголовный процесс (с учетом аргументов, приведенных нами выше, это прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель);

– защита, осуществляемая лицами, которые не ведут уголовный процесс (адвокат, федеральный и региональный уполномоченный по правам человека (в том числе – ребенка), правозащитники, депутаты и иные лица);

– самозащита.

Исходя из предложенного Н.Г. Стойко стратегического (модельного) подхода, стратегия защиты прав и свобод обвиняемого выражена в модели надлежащего правосудия и близких к ней моделях согласования интересов государства и обвиняемого. Соответственно, цель, которую выражает данная стратегия – справедливость (процедурная и материальная); функция, которую она предписывает органам уголовной юстиции, - обеспечение защиты прав и свобод обвиняемого.

²⁵³ Барабаш А.С. Субъекты уголовного процесса и субъекты уголовно - процессуального доказывания // Сибирские юридические записки: Ежегодник Ассоциации юрид. ВУЗов «Сибирь». Вып. 1. Красноярск, 2001. С. 133.

При осуществлении данной стратегии в уголовном процессе главенствующее значение имеет принятие решения по уголовному делу в условиях беспристрастности, уважения прав и свобод человека и гражданина, корректности по отношению к сторонам обвинения и защиты.

Данная стратегия отдает предпочтение процессуальной справедливости, интересам обвиняемого за счет ограничения государственной власти и уменьшения ее эффективности. Произвольное, не подчиненное контролю использование власти в уголовном процессе есть худшее зло, нежели неудача в обеспечении неотвратимости осуждения и наказания каждого преступника. Вот почему любой обвиняемый вправе и может рассчитывать здесь на честное (справедливое) судебное разбирательство своего дела, а в случае установления вины – на справедливое наказание, отражающее степень серьезности совершенного преступления, заслуженность его порицания, а также вред, причиненный потерпевшему²⁵⁴.

На наш взгляд, рассматриваемая стратегия позволяет сформулировать научную гипотезу о сведении к минимуму количества допускаемых ошибок со стороны субъектов, ведущих уголовный процесс в части защиты прав и законных интересов обвиняемого, однако в части защиты жертвы преступления (потерпевшего) порог ошибок может быть более высоким, чем в рассматриваемой стратегии (модели) уголовного преследования.

Рассмотрение стремящихся к сближению двух полярных, диаметрально-противоположных моделей (стратегий) уголовного преследования и защиты прав и свобод обвиняемого (обвинения и защиты) связано с организационно-правовым механизмом обеспечения эффективного и качественного (безошибочного) уголовного судопроизводства. На протяжении многих лет проблемы эффективности отправления правосудия по уголовным делам, качества предварительного расследования и судебного производства были объектами научных исследований.

Множество факторов влияют и сегодня на успешную реализацию в уголовной (прежде всего – уголовно-процессуальной) политике стратегий уголовного преследования и защиты прав и свобод обвиняемого (обвинения и защиты). Мы уже отчасти касались рассмотрения этих факторов, говоря о причинах ошибок в уголовном судопроизводстве. Но одной из актуальных проблем в контексте надлежащей реализации рассматриваемых стратегий является вопрос об ответственности субъектов, ведущих уголовный процесс, за ошибки в своей уголовно-процессуальной деятельности.

Государство последовательно выдерживается важного тезиса о том, что за все отступления от принципа законности (в том числе, за ошибки) субъектов, ведущих уголовный процесс, отвечает – и морально, и материально – именно само государство в контексте

²⁵⁴ Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России ... С. 68-69.

процедур, связанных с реабилитацией. Но стремление государства за совершенные преступления, ошибки и иные просчеты в работе персонально наказать в дисциплинарном, моральном, материальном и даже в уголовно-правовом порядке субъектов, ведущих уголовный процесс, постоянно присутствует.

Действительно, если в уголовно-процессуальной деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, отмечается дисбаланс в сторону какой-либо из стратегий – уголовного преследования или защиты прав и свобод обвиняемого (обвинения и защиты), появляются пресловутые обвинительный или защитительный уклоны, то это должно вызывать соответствующие уголовно-процессуальные и организационные реакции властных субъектов.

Таким образом, только разумный баланс между стратегиями уголовного преследования и защиты прав и свобод обвиняемого (обвинения и защиты) позволит выполнить все те цели и задачи, которые поставлены перед уголовным судопроизводством требованиями современной уголовной политики, не нарушая при этом принципа законности в уголовном процессе и не допуская ошибок со стороны лиц, ведущих этот процесс.

§2. Понятие и основные компоненты уголовно-процессуального механизма устранения ошибок

Понятие «механизм» в юридической науке используют по отношению к различным правовым явлениям.

Так, в теории государства и права общепризнанным является понятие механизма государства, под которым понимают целостную иерархическую систему внутренне структурированных (имеющих аппарат) государственных органов и учреждений, практически осуществляющих государственную власть путем решения поставленных перед ними задач в соответствии с определенными для них функциями²⁵⁵. При этом подчеркивается, что не может быть государства без механизма²⁵⁶. К признакам государственного механизма обычно относят: наличие целостной структуры (деления целого на части); иерархичность (построение на началах координации и подчинения); особый субъектный состав (внутренне структурированные органы и учреждения); специальная цель (осуществление власти)²⁵⁷.

Иначе говоря, механизм государства понимают, по сути, как его (государства) определенное техническое построение, техническую организацию или соорганизацию его

²⁵⁵ См. об этом, например: Теория государств и права: учебник для вузов / Отв. ред. С.С. Алексеев, С.И. Архипов. М., 2005.

²⁵⁶ Теория государств и права. Курс лекций / Отв. ред. Н.И. Матузов, А.В. Малько. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2012.

²⁵⁷ Алексеев С.С. Теория государств и права ... ; Первалов В.Д. Теория государств и права: учебник для вузов. М., 2010.

отдельных частей, элементов вне контекста (хотя и с учетом) их воплощения в государственной деятельности. То есть акцент делается на институциональные (не процессуальные) части и элементы, а также институциональные способы их соединения в целое (иерархическая зависимость, наличие объединяющей в целое цели или объединяющих в структурный элемент задач).

Другим важным понятием в теории права и государства является «механизм правового регулирования». Обычно это понятие раскрывается через выделение в механизме правового регулирования стадий (этапов), корреспондирующих этим этапам элементов и методов.

К основным стадиям относятся:

- этап нормотворчества и общего позитивного (морально-императивного) воздействия юридических норм на общественные отношения;
- этап правоприменения и/или возникновения прав и обязанностей (в результате применения права либо в связи с юридическим фактом) у конкретных субъектов права – правоотношений как индивидуализированной меры поведения;
- этап реализации прав и обязанностей в деятельности субъектов права, в том числе в их фактическом поведении.

К элементам перечисленных стадий относятся: правовые нормы (включая акты правоприменения); правоотношения; акты реализации прав (путем их использования и применения) и обязанностей (путем их исполнения и соблюдения запретов).

К основным методам правового регулирования относятся:

- метод субординации или властно-императивного вменения (характерен для отраслей публичного права);
- метод координации или согласования, соучастия (характерен для отраслей частного права)²⁵⁸.

Иначе говоря, механизм правового регулирования понимают (аналогично пониманию механизма государства) как его (правового регулирования) техническое построение, техническую организацию или соорганизацию его частей и элементов в контексте правовой деятельности. То есть акцент делается на процессуальные части и их элементы, а также процессуальные способы их соединения в целое (субординация, координация).

Учитывая фундаментальность указанных понятий, не случайно, в науках процессуального и уголовно-процессуального права опираются на них, а в некоторых случаях воспроизводят их²⁵⁹. Это касается как институциональной характеристики органов, ведущих

²⁵⁸ Общая теория права и государства: учебник / Под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1996. С. 394.

²⁵⁹ См., например: Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2003. С. 156-228.

уголовный процесс (системы органов, их внутреннего устройства и т.п.), так и процессуальной характеристики деятельности этих органов и участников (разделения и соорганизации органов государства при осуществлении ими процессуальной власти, определения правовых статусов и т.п.).

К примеру, Л.В. Головки, говоря об идеальных моделях уголовного процесса вообще, фактически рассматривает их как техническое построение (форму) всего производства по делу и соответствующую этому построению организацию его отдельных (ключевых) стадий, обращая при этом внимание на разделение и степень взаимозависимости процессуальных властей²⁶⁰.

Аналогично и Н.Г. Стойко, проводя свою институционально-функциональную характеристику уголовного процесса различных стран, делал акцент на организацию отношений внутри властных и негосударственных структур, между властными структурами и их представителями, а также между властными структурами и негосударственными участниками процесса²⁶¹.

Очевидно, что логика использования термина «механизм» к определению вышеназванных понятий (равно как и общий смысл, вкладываемый в них), в целом вполне применима и к нашему исследованию.

Поэтому механизм устранения следственных и судебных ошибок мы будем рассматривать, прежде всего, сквозь призму составляющих его взаимосвязанных компонентов.

На наш взгляд, можно выделить следующие компоненты.

1. Этапы (и соответствующие им алгоритмы действий): выявление, исправление и предупреждение (в некоторых случаях – «прогнозирование») ошибок.

Каждый из выделенных этапов представляет собой достаточно устойчивую конструкцию (элемент), не только указывающую на определенную последовательность, но и позволяющую раскрыть содержание деятельности, направленной на устранение следственных и судебных ошибок.

Выявление ошибок – это установление субъектами, ведущими процесс, и иными участниками уголовного судопроизводства ошибок через процедуры уголовно-процессуальной деятельности.

Исправление ошибок – это их ликвидация субъектами, ведущими процесс путем использования процедур уголовно-процессуальной деятельности.

²⁶⁰ См. подробнее: Головки Л.В. Курс уголовного процесса. С. 184-191.

²⁶¹ Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб, 2006. С. 149-150.

Предупреждение ошибок – это осуществляемая в рамках уголовно-процессуальных процедур специальная профилактическая (организационная и процессуальная) деятельность субъектов, ведущих уголовный процесс, направленная на недопущение ошибок впредь.

Прогнозирование ошибок – это мыслительная и организационная (неправовая) деятельность субъектов, ведущих уголовный процесс, и иных участников уголовного судопроизводства, направленная на анализ уголовно-процессуальной ситуации, в которой могут быть допущены ошибки, с целью их своевременного предупреждения, выявления и исправления²⁶².

При этом выявление, исправление и предупреждение ошибок в уголовном судопроизводстве содержательно обнаруживают себя как функционально взаимосвязанная совокупность разнородных средств. Эти средства выступают в виде подсистем, обеспечивающих достижение самостоятельных промежуточных целей, без которых недостижим общий результат – законное, обоснованное и справедливое правосудие.

В число таких подсистем представляется важным включить: подсистему организационных средств обеспечения процесса выявления, исправления и предупреждения ошибок в уголовном судопроизводстве; подсистему правовых средств обеспечения процесса выявления, исправления и предупреждения ошибок в уголовном судопроизводстве; подсистему средств информационно-познавательной деятельности по выявлению, исправлению и предупреждению ошибок; подсистему материально-технических (экономических) средств обеспечения процесса выявления, исправления и предупреждения ошибок в уголовном судопроизводстве; подсистему морально-этических и профессионально-образовательных средств обеспечения выявления, исправления и предупреждения ошибок в уголовном судопроизводстве.

2. Основные части (отдельные механизмы):

- механизмы предварительного расследования;
- механизмы производства в суде первой инстанции;
- механизмы производства в судах вышестоящих инстанций.

Механизмы устранения ошибок на стадии предварительного расследования делятся на механизмы судебного контроля, прокурорского надзора, ведомственного контроля и механизм самопроверки при принятии промежуточных и итоговых процессуальных решений следователем или дознавателем.

²⁶² Как справедливо отмечает И.М. Рагимов, судебное прогнозирование в большей степени выстроено с использованием статистики и математики и направлено на совершенствование судебной деятельности. См.: Рагимов И.М. Теория судебного прогнозирования. Баку, 1987. В своем исследовании мы касаемся лишь самых общих моментов прогнозирования судебных ошибок, так как эта сфера деятельности остается за рамками правового поля и заслуживает отдельного научного изучения.

Механизмы устранения ошибок при производстве в суде первой инстанции - на механизм возвращения дела прокурору для устранения непреодолимых препятствий правосудию, механизм исключения из числа доказательств недопустимых доказательств, механизм судебной проверки результатов предварительного расследования (разбирательство по существу и самопроверка при постановлении приговора).

Механизмы устранения ошибок в рамках производства в судах вышестоящих инстанций - на механизм судебной проверки в апелляции, механизм судебного надзора в кассации, надзоре и при возобновлении дел ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

При этом нужно отметить, что механизм самопроверки при принятии промежуточных и итоговых процессуальных решений следователем или дознавателем является частью расследования, а механизм самопроверки при постановлении приговора – частью судебного разбирательства. Иначе говоря, это не специальные механизмы устранения ошибок. Аналогично - судебная проверка по результатам предварительного расследования не является специальным механизмом устранения ошибок, полностью совпадая со стадией судебного разбирательства. Напротив, судебная проверка в апелляции и судебный надзор, полностью совпадая с соответствующими стадиями уголовного процесса, такими механизмами являются.

3. Специальные субъекты, специальный правовой статус этих субъектов и специальная правовая регламентация порядка их деятельности.

Субъектами, осуществляющими выявление, исправление и предупреждение ошибок, являются начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, руководитель следственных органов, прокурор, судья, суд первой инстанции, суды вышестоящих инстанций. Их правовой статус четко определен в законе. Их контрольно-надзорная, судебно-проверочная и судебно-надзорная деятельность регламентирована на уровне соответствующих действий, решений и процедур. Это позволяет говорить о существовании отдельных институтов права: судебного контроля, прокурорского надзора, ведомственного контроля, судебной проверки и судебного надзора. Причем институт прокурорского надзора распространяется не только на стадию предварительного расследования. В силу предоставленных прокурору полномочий он может и обязан «включаться» в устранение ошибок на всех стадиях уголовного процесса.

Субъекты самопроверки, равно как и суд, разрешающий дело по существу, специальными субъектами не являются, хотя и устраняют в ряде случаев свои собственные ошибки.

Немаловажными участниками деятельности по устранению ошибок являются защитники и представители. Однако и они не могут считаться специальными субъектами.

4. Специальные способы организации деятельности субъектов.

Все специальные субъекты деятельности по устранению ошибок находятся в отношениях координации и субординации, выражающихся в их процессуальном взаимодействии. Кроме того, соответствующие механизмы устранения ошибок расположены в определенной последовательности, отражающей контрольный характер одной стадии (или этапа) относительно предшествующей стадии (или этапа).

5. Специальная цель.

Наличие специализированного уголовно-процессуального механизма работы с ошибками позволяет высказаться о том, что уголовный процесс – это не только уголовно-процессуальная деятельность, направленная на раскрытие и расследование преступления, справедливое изобличение и наказание виновного и реабилитацию невинного. Это еще и уголовно-процессуальная деятельность по выявлению, исправлению и предупреждению следственных и судебных ошибок. Соответственно, этой деятельности корреспондирует специальная цель уголовного судопроизводства – устранение следственных и судебных ошибок.

Таким образом, мы считаем важным наряду с классически выделяемыми в теории уголовно-процессуального права целями уголовного судопроизводства (установление истины по делу, защита жертвы преступления, изобличение и справедливое наказание виновного, реабилитация невинного, общая и частная превенция и др.) говорить и о специальной цели, обозначенной нами выше – выявление, исправление, предупреждение следственных и судебных ошибок.

Итак, уголовно-процессуальный механизм работы со следственными и судебными ошибками – это взятая в единстве система вышеперечисленных компонентов, каждый из которых и все вместе взятые необходимы для выполнения назначения уголовного судопроизводства и соблюдения принципа его законности.

На наш взгляд, необходимо выделять два основных механизма, непосредственно направленных на устранение ошибок и два вспомогательных механизма, специально не предназначенных, но способствующих устранению ошибок.

Основные механизмы:

- а) механизм контрольно-надзорной деятельности по устранению ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса;
- б) судебный механизм устранения ошибок.

Вспомогательные механизмы:

- а) механизм самопроверки, связанный с принятием процессуальных решений и оценкой допустимости доказательств в деятельности властных субъектов;

б) механизм содействия в устранении ошибок со стороны адвоката и иных невластных субъектов.

Механизм контрольно-надзорной деятельности по устранению ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса включает в себя судебный контроль, прокурорский надзор и ведомственный контроль.

Судебный механизм устранения ошибок состоит из судебной проверки уголовного дела и судебного надзора.

Судебная проверка уголовного дела представляет собой его разбирательство и разрешение по существу судом первой и апелляционной инстанций. При этом судебное разбирательство в суде первой инстанции не имеет специально поставленной (заданной) цели устранения ошибок, содержательно определяющей и со-организующей всю деятельность в этой стадии процесса (хотя и объективно предполагает выявление, исправление и предупреждение ошибок).

Судебный надзор представляет собой проверку вышестоящими судами судебных решений нижестоящих судов в кассационном, надзорном порядке (судебная ревизия), а также дачу высшей судебной инстанцией руководящих разъяснений нижестоящим судам и иным правоприменителям по вопросам уголовного судопроизводства.

Вспомогательные механизмы (хотя и имеют важное значение) как бы «встроены» в уголовно-процессуальную деятельность вообще и потому могут рассматриваться лишь в качестве условий, способствующих нормальному осуществлению производства по уголовному делу путем внутреннего самоконтроля (самопроверка) или внешнего соучастия (содействие со стороны), в том числе в рамках основных механизмов.

Для достижения целей нашего исследования основное свое внимание в последующих главах мы и сосредоточим на рассмотрении механизма контрольно-надзорной деятельности и судебного механизма устранения ошибок.

ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ МЕХАНИЗМА УСТРАНЕНИЯ ОШИБОК В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В теории и на практике одним из основных инструментов в выявлении, исправлении и предупреждении ошибок на досудебных стадиях²⁶³ классически принято считать контрольно-надзорную деятельность прокурора, судьи, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания и начальника органа дознания.

Данная деятельность включает в себя *процессуальный механизм (организацию)* осуществления судебного контроля, прокурорского надзора и ведомственного контроля, а также определенные (непроцессуальные) организационно-управленческие аспекты контрольно-надзорной деятельности.

Механизм контрольно-надзорной деятельности по устранению следственных ошибок в российском досудебном производстве по уголовным делам во многом отличается от подобных механизмов в других странах, что выражается в:

- распределении между судебными органами, органами прокуратуры и органами дознания и следствия функционально однородных для каждого из этих органов контрольно-надзорных полномочий: по судебному контролю, прокурорскому надзору и ведомственному (по сути, внутриведомственному) контролю соответственно;
- взаимозависимости и взаимодополняемости судебного контроля, прокурорского надзора и ведомственного контроля (в функциональном и предметном отношении);
- процессуальной самостоятельности осуществления контрольно-надзорных полномочий: полной – судом, относительно полной – прокуратурой и органами следствия, ограниченной – органами дознания.

Специфика данного механизма определяется особенностями технической организации (континентальной по типу исторической формы) российского досудебного производства в целом. В отличие от немецкого вида такой организации российское досудебное производство не обладает прокурорским полномочи́ем над расследованием и характеризуется разделением функций дознания и предварительного следствия, прокурорским надзором за всем

²⁶³ Исследование механизма контрольно-надзорной деятельности автор в основном проводит на стадии предварительного расследования, хотя в некоторых вопросах обращается к функционированию данного механизма и на стадии возбуждения уголовного дела: в целом действие данного механизма на обоих этих стадиях идентичное.

расследованием и полновластным прокурорским руководством только за дознанием. В отличие от французского вида – не имеет судебного предварительного следствия, построенного по инстанционному принципу (при отсутствии прокурорского контроля и почти полном отсутствии внешнего судебного контроля). Значит, есть все основания говорить о российском виде организации досудебного производства и, следовательно, о соответствующем ему специфически российском механизме устранения ошибок, развитие которого должно осуществлять в рамках трех моделей: «динамичного судебного контроля», «перманентного прокурорского надзора» и «разнополярного ведомственного контроля».

§1. Судебный контроль в механизме устранения ошибок

Российское уголовное судопроизводство в целом построено в соответствии с континентальной моделью, для которой характерны два вида организации предварительного расследования – «французский» и «немецкий». Первый вид обозначается как судебная модель организации предварительного расследования, когда следственный судья (судья по статусу) осуществляет в полном объеме предварительное расследование. Второй вид – полицейско-прокурорская организация предварительного расследования, когда полиция проводит расследование под жестким надзором прокурора, а судья занимается только судебным контролем²⁶⁴.

Институт судебного контроля развернуто представлен в Концепции судебной реформы в России²⁶⁵, а также достаточно полно был обозначен и в Модельном УПК для стран СНГ²⁶⁶.

Вопросам судебного контроля по уголовным делам уделили серьезное внимание в своих исследованиях Н.А. Колоколов, Н.И. Газетдинов, Н.Г. Муратова, Н.Н. Ковтун, А.П. Гуськова, В.А. Азаров, И.Ю. Таричко, Т.З. Зинатуллин, И.С. Дикарев, О.В. Химичева и другие ученые²⁶⁷.

²⁶⁴ См. подробнее: Головки Л.В. Курс уголовного процесса. С.184-191.

²⁶⁵ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. С. 91-92.

²⁶⁶ Главюк И. Международное модельное регулирование функции судебного контроля в досудебном уголовно-процессуальном производстве. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

²⁶⁷ Свиридов М.К. Соотношение функций разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / под ред. Ю.К. Якимовича. Томск, 2001. Вып. 7. С.3-6.; Свиридов М.К. Природа судебного контроля за предварительным расследованием // Вест. Том. ун-та. 2008. №311. С. 119-122 ; Трубникова Т.В. Судебный контроль на досудебных стадиях судопроизводства: правовая природа и место в системе уголовного процесса // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Экономика. Юридические науки. Приложение: материалы научных конференций, симпозиумов, школ, проводимых в ТГУ. 2003. №4. С. 49-51 ; Колоколов Н.А. О праве, суде и правосудии: Избранное. М., 2006 ; Судебный контроль в уголовном процессе / И.А. Давыдова [и др.]; под ред. Н.А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009 ; Газетдинов Н.И. О соотношении понятий судебного контроля, судебного надзора и правосудия // Российский судья. 2009. №3. С. 16-18 ; Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2004 ; Муратова Н.Г. Пробелы в законодательной модели системы судебного контроля в уголовном

Высокую значимость судебного контроля подчеркивал Л.В. Головкин, говоря, что «чем более развит в той или иной стране судебный контроль, тем меньше у нас шансов увидеть в соответствующей процессуальной системе какие-либо аналоги, пусть даже отдаленные, возвращения дела на доследование в связи с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона»²⁶⁸.

Судебный контроль – один из самых обсуждаемых институтов в уголовном судопроизводстве.

В юридической литературе до настоящего времени нет единой точки зрения на проблему соотношения прокурорского надзора и судебного санкционирования при избрании отдельных мер уголовно-процессуального принуждения и проведении некоторых следственных действий. Некоторые ученые видят повышение качества предварительного расследования в совершенствовании прокурорского надзора, считая в чем-то излишним деятельность суда на предварительном расследовании²⁶⁹. Другие, наоборот, высказываются за исключение прокурорского надзора и усиление позиции суда на досудебных стадиях уголовного судопроизводства²⁷⁰. И.Л. Петрухин, являясь активным сторонником судебного контроля, считал, что в связке с судебным контролем прокурорский надзор излишен²⁷¹.

Большинство исследователей, в том числе автор данной работы, исходят из необходимости существования судебного контроля с одновременным сохранением и совершенствованием прокурорского надзора. А.Б. Соловьев, Н.А. Якубович отмечали, что

судопроизводстве // Материалы X юбилейной Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» (18-21 апреля 2013 г.). ч. III / Отв. ред. В.А. Якушин. Тольятти, 2013. С. 230-237 ; Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2002; Гуськова А.П. Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ. Оренбург, 2002; Азаров В.А. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск, 2004; Воронин О.В. Перспективы совершенствования существующих форм контроля за предварительным следствием // Законы России: опыт, анализ, практика: ежемес. правовой журнал. 2008. №11. С. 19-22 ; Дикарев И.С. Правосудие и судебный контроль в уголовном процессе: соотношение понятий // Государство и право. 2008. №2. С. 45-51; Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М., 2004.; Курышева Н.С. Обжалование действий (бездействия) и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. М., 2011 ; Адильшаев Э.А. Судебное санкционирование в уголовном процессе России. М., 2013 ; Плоткина Ю.Б. Применение в стадии предварительного расследования мер пресечения, избираемых по решению суда. М., 2012 ; Хапаев И.В. Заключение под стражу как мера пресечения в российском уголовном процессе. М., 2013 ; Закотянская А.Ф. Обжалование и пересмотр решений суда в ходе досудебного производства. М., 2013 ; Цурлуй О.Ю. Основы судебного порядка рассмотрения жалоб в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М., 2013 ; Семенцов В.А. Направления судебной деятельности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М., 2013 ; и др.

²⁶⁸ Головкин Л.В. Истоки и перспективы института дополнительного расследования уголовных дел на постсоветском пространстве // Государство и право. 2009. №11. С. 63.

²⁶⁹ Кокарев Л.Д. Три кита правосудия // Служение истине: Научное наследие Л.Д. Кокорева: сб. ст. / Редкол. О.Я. Баев [и др.]. Воронеж, 1997. С. 300-306; Барабаш А.С. Прокурор – следственный судья // Уголовная юстиция: связь времен: матер. межд. науч. конф. СПб., 6-8 октября 2010 г. / Сост. А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. СПб., 2010. С. 41-50.

²⁷⁰ Кожевников И. Упорядочить полномочия следователя // Российская юстиция. 1997. №12. С. 22-24.

²⁷¹ Соловьев А.Б. [и др.] Законность в досудебных стадиях уголовного процесса России. С. 67.

«сама по себе идея судебного контроля за соблюдением...предписаний закона заслуживает поддержки, поскольку является дополнительной гарантией законности»²⁷².

Институт судебного контроля *исторически обусловлен и объективно необходим* в российском уголовном судопроизводстве.

Если в настоящее время рассматривать институт судебного контроля с точки зрения его социальной значимости, то необходимо отметить, что он соответствует мировой практике судебного санкционирования действий, связанных с ограничением конституционных прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве, а судебный порядок такого санкционирования в большей степени, нежели прокурорская и ведомственная процедуры, представляется демократическим и прозрачным (процедура судебного заседания с участием сторон, ведение протокола судебного заседания и др.).

Институт судебного контроля в России имеет интересную историю становления и развития²⁷³.

Закон РФ от 23 мая 1992 года дополнил УПК РСФСР статьями 220-1 и 220-2, которые регламентировали процедуру обжалования в суд и судебную проверку законности и обоснованности ареста, а также продления срока содержания под стражей. Правда, постановлением Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 года №5-П указанные статьи УПК РСФСР были признаны не соответствующими Конституции РФ, поскольку исключали для заинтересованных лиц, конституционные права которых были нарушены, возможность судебного обжалования действий и решений органа дознания, следователя или прокурора, связанных с производством обыска, наложением ареста на имущество, приостановлением производства по уголовному делу и продлением срока предварительного расследования. И до вступления в силу УПК РФ в подобных ситуациях надлежало руководствоваться прямым действием Конституции РФ.

Введение в уголовное судопроизводство института судебного контроля, вне всякого сомнения, способствовало и способствует повышению качества проведения предварительного расследования уголовных дел, выявлению, своевременному исправлению и предупреждению в ходе досудебного производства следственных ошибок. Ведь до начала 90-х годов лишь прокурор был, практически, единственным гарантом надлежащего исполнения законов органами дознания и следователями. Он активно вмешивался в расследование уголовных дел для предотвращения и устранения нарушений закона.

²⁷² Соловьев А.Б. Предварительное расследование и прокурорский надзор в свете судебной реформы // Законность. 1995. №8. С. 5.

²⁷³ Ковтун Н.Н. Генезис идеи о судебном контроле в уголовном судопроизводстве России // Уголовное судопроизводство. 2008. №4. С. 24-30.

Нам представляется важным содержательно определиться с такими видами судебной деятельности, как «судебный контроль», судебная проверка» и «судебный надзор», чтобы не допускать путаницы в границах этой деятельности и иметь определенность в ее стадийности при отправлении правосудия по уголовным делам.

УПК РФ избегает в терминологии понятия «судебный надзор», хотя, как таковой, он подробно регламентирован процедурами проверочных судебных инстанций (кассации, надзора).

Осуществляя судебный надзор, Верховный Суд Российской Федерации, согласно ст. 19 Закона РФ «О судебной системе РФ», дает разъяснения по вопросам судебной практики, которые обязательны как для судов общей юрисдикции, так и для иных правоохранительных органов, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства.

Таким образом, в понятие **судебного надзора** нами включается проверка вышестоящими судами судебных решений нижестоящих судов в кассационном, надзорном порядке (судебная ревизия), а также дача высшей судебной инстанцией руководящих разъяснений нижестоящим судам и иным правоприменителям по вопросам уголовного судопроизводства.

Далее необходимо заметить, что суд, отправляя правосудие, осуществляет **судебную проверку**²⁷⁴ материалов уголовного дела в ходе его разбирательства по существу и в апелляционном порядке, исследует доказательства. Причем, в ходе такой проверки (особенно в ходе судебного следствия) могут устраняться ошибки предыдущих стадий уголовного судопроизводства.

Понятие **судебного контроля**, на наш взгляд, применимо лишь для проверочной деятельности суда на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и при назначении судебного заседания²⁷⁵. Судебный контроль распространяется на сравнительно ограниченный круг следственных и иных процессуальных действий и, в первую очередь, сводится к судебной проверке законности и обоснованности действий, затрагивающих конституционные права человека.

Из смысла п. 50 ч. 1 ст. 5 УПК РФ («судебное заседание – процессуальная форма осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по уголовному

²⁷⁴ Безусловно, суд осуществляет проверку материалов уголовного дела и при судебном контроле, и в ходе судебного надзора (судебной ревизии). Еще раз подчеркнем, что нам представляется важным договориться о терминах, которые бы четко обозначали: судебный контроль – это деятельность суда на досудебных стадиях и при назначении судебного заседания, судебная проверка – это деятельность суда первой и апелляционной инстанций, судебный надзор – это деятельность суда в кассационной и надзорной инстанциях.

²⁷⁵ Следует заметить, что среди ученых существуют и другие взгляды на определение понятий «судебная проверка», «судебный надзор», «судебный контроль». К примеру, В.З. Лукашевич в свое время полагал, что судебный контроль имеет место в стадии предания суду. См.: Лукашевич В.З. Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду / Отв. ред. Н.С. Алексеев. Ленинград, 1966. С. 5.

делу») следует, что контрольная деятельность суда на досудебных стадиях в форме состязательных судебных слушаний²⁷⁶ также есть и отправление правосудия по уголовным делам.

Юридическим основанием для осуществления судами контрольной функции непосредственно в стадии предварительного расследования по уголовным делам служит Конституция РФ. Анализ ее содержания позволил нам говорить о реально существующих в настоящее время **трех основных видов судебного контроля** на досудебных стадиях уголовного судопроизводства²⁷⁷.

Для удобства изложения мы называем первый вид контроля **«арестным»**²⁷⁸, второй – **«процедурным»**, третий – **«контроль по жалобам»**.

«Арестный» контроль предусмотрен ст. 22 Конституции РФ, которая гласит, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускается только по судебному решению.

В статье 29 УПК РФ сказано подробно об этом виде судебного контроля.

Процедура судебной проверки задержания, ареста, продления срока содержания под стражей, когда в судебном заседании с участием подозреваемого, обвиняемого, их законных представителей, защитников, прокурора исследуются фактические и юридические обстоятельства, послужившие основаниями применения мер процессуального принуждения, в принципе позволяет своевременно выявить, исправить и предупредить следственные и даже прокурорские ошибки, связанные с ограничением конституционного права человека на свободу и личную неприкосновенность.

С самого начала действия процедуры судебной проверки жалоб задержанных, арестованных и содержащихся под стражей имелся ряд теоретически и практически значимых проблем.

Во-первых, должен ли был суд при проверке подобных жалоб исследовать фактические обстоятельства (доказательства), подтверждающие законность и обоснованность задержания, ареста, продления сроков содержания под стражей, или суду достаточно проверить лишь законность процессуального оформления данных мер принуждения?

Анализ статей 220-1, 220-2 УПК РСФСР позволял сделать однозначный вывод, что в суд должны были представляться все материалы, подтверждающие законность и

²⁷⁶ Судебно-контрольная функция на досудебных стадиях дискретно может осуществляться также и в форме судейских следственных и иных процессуальных действий.

²⁷⁷ Необходимо заметить, что аналогичные три вида судебного контроля выделяли в своих работах и другие ученые. См., к примеру: Вороненков Д.Н. Судебный контроль в механизме разделения властей / Под ред. С.А. Комарова. СПб., 2007. С. 150.

²⁷⁸ Автор осознает, что термин «арестный контроль» является достаточно условным, в определенной степени жаргонным, но именно этот термин воспринимается практиками и как нельзя лучше отражает суть деятельности суда по избранию таких мер пресечения, как заключение под стражу, домашний арест и даже залог.

обоснованность задержания, ареста, продления срока содержания под стражей, а при необходимости и объяснения лица, производящего расследование дела.

Таким образом, судебная проверка жалобы не сводилась лишь к проверке процессуального оформления задержания, ареста, продления срока содержания под стражей. Практически с использованием элементов судебного следствия (вызов в суд заинтересованных лиц, их заслушивание, разрешение заявлений и ходатайств и т.п.) исследовались вопросы факта, послужившего основанием для применения и сохранения меры процессуального принуждения (то есть исследование определенной доказанности наличия преступного деяния и виновности в нем задержанного, арестованного, содержащегося под стражей). Именно исследование доказательств факта совершенного деяния, инкриминируемого задержанному, арестованному, позволяло суду квалифицированно, своевременно устранять следственные ошибки, связанные с нарушением конституционного права на свободу и неприкосновенность личности.

А.Б. Соловьев, М.Е. Токарева, А.Г. Халиулин, Н.А. Якубович полагали, что «предпочтительнее была бы несколько иная процедура судебного контроля, предусматривающая проверку судом законности и обоснованности действий органов расследования на основании документов, однако, с представлением судье права при необходимости вызывать для дачи объяснений подозреваемого (обвиняемого), его защитника и представителя, а также прокурора»²⁷⁹.

Мы считаем, что действовавшая процедура проверки жалоб, рассматриваемых в порядке ст. ст. 220-1, 220-2 УПК РСФСР, была наиболее приемлема, так как именно непосредственное в ходе судебного заседания исследование доказательств в части обоснования избрания мер процессуального принуждения обеспечивало большую объективность, полноту, всесторонность, нежели проверка жалобы лишь по представленным материалам.

Во-вторых, законодатель (ст. 60 УПК РСФСР) не допускал возможности повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела по существу, если по этому делу на досудебной стадии судья проводил проверку законности и обоснованности применения в отношении подозреваемого, обвиняемого задержания, заключения под стражу, а также продления сроков его содержания под стражей.

В первоначальной редакции ст. 63 УПК РФ содержалась часть 2, которая учитывала приведенное выше основание невозможности участвовать судье в рассмотрении уголовного

²⁷⁹ Соловьев А.Б. [и др.] Законность в досудебных стадиях уголовного процесса России. С. 52.

дела в суде первой и последующих инстанций. Однако это положение было исключено из уже принятого УПК РФ Федеральным законом РФ от 29 мая 2002 года №58-ФЗ.

Имелась точка зрения, сторонником которой являлась М.Е. Токарева, что в указанной выше ситуации целесообразно вести речь «не только о конкретном судье, а в целом о районном, городском суде, работники которого, будучи членами единого трудового коллектива, связаны определенными, и не только формальными, межличностными отношениями, несут в какой-то мере солидарную ответственность за общие результаты и не могут беспристрастно относиться к ошибкам коллег»²⁸⁰. По сути дела, М.Е. Токарева склонялась к идее самостоятельного института следственных судей, отделенного от системы судей, рассматривающих уголовные дела по существу.

В юридической литературе, в частности Н.А. Колоколовым²⁸¹, высказывалась и иная точка зрения, согласно которой нет никаких оснований сомневаться в пристрастности судьи, разрешившего жалобу в порядке ст. 220-2 УПК РСФСР, если он будет рассматривать в дальнейшем данное дело по существу. Как аргумент приводится то обстоятельство, что судья как при назначении уголовного дела к слушанию, так и при его разбирательстве по существу имеет возможность самостоятельно избрать в отношении подсудимого меру пресечения в виде заключения под стражу, но это не значит, что тем самым он при определении вида наказания назначит такому подсудимому наказание в виде лишения свободы.

На наш взгляд, психология судебной деятельности такова, что однажды сложившееся внутреннее убеждение «арестовать» может вполне объективно довлеть на судью и при решении вопроса о мере наказания, «привязывая» ее к реальному лишению свободы.

Международно-правовые стандарты отправления правосудия и положения национального законодательства, прежде всего Конституции РФ, обязывают нас учитывать, что судебный контроль на досудебных стадиях уголовного процесса является сегодня реальностью. Но взгляды ученых о противоречивом характере судебного контроля (А.К. Свиридов), смешении процессуальных функций расследования и правосудия (А.Д. Бойков), о том, что создание следственного комитета «расставило бы все государственные органы по присущим им местам: суд, не вторгаясь в деятельность органов, осуществляющих предварительное расследование, был бы полностью свободен при исполнении функции правосудия; прокурор, лишенный функции процессуального руководства, смог бы стать объективным органом надзора, и тогда бы отпала необходимость в обсуждении предложения о введении новой процессуальной фигуры – следственного судьи, так как предлагаемые ему

²⁸⁰ Токарева М.Е. Современные проблемы законности и прокурорский надзор ... С. 57.

²⁸¹ Колоколов Н.А. Судебный контроль: некоторые проблемы истории и современности. Курск, 1996. С. 77-78.

полномочия – по сути надзорные полномочия прокурора» (А.С. Барабаш), имеют место быть. Тем более, опыт советского уголовного судопроизводства, где прокурор, а не суд, санкционировал арест, обыск и др., осуществлял всеобъемлющий надзор за предварительным расследованием уголовных дел, не во всем был отрицательным²⁸².

При осуществлении судебного контроля очень важно суду, прокурору вовремя распознать и исправить ошибочные намерения дознавателя (начальника подразделения дознания, органа дознания), следователя (руководителя следственного органа), которые возникают у них в силу различных причин (обвинительный уклон в расследовании дела, желание уберечь себя от неблагоприятных последствий в виду непредсказуемости поведения подозреваемого, обвиняемого и др.) и влекут за собой принятие решений о заключении подследственного под стражу или продлении срока содержания под стражей.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. №41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» нацелило судебную систему на осторожное применение ареста.

Поэтому возникает необходимость во введении дополнительных процессуальных гарантий при решении судом вопросов, связанных с заключением подозреваемого, обвиняемого под стражу и продлении сроков его содержания под стражей. Это особенно важно, так как, несмотря на то, что срок содержания обвиняемого под стражей засчитывается ему в срок реального лишения свободы, назначенного в качестве наказания, однако применение мер процессуального пресечения нельзя считать формой реализации уголовной ответственности. В соответствии с частью 1 статьи 5 УК РФ, лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его *вина*. А часть 1 статьи 49 Конституции РФ установила, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его *виновность* не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. То есть, заключение под стражу, как мера уголовно-процессуального пресечения, применяется к лицу, юридически еще невиновному, и имеет цель обеспечения всестороннего, полного и объективного расследования уголовного дела, а не реализацию уголовной ответственности. Если в результате судебного разбирательства суд придет к выводу о виновности подсудимого, то он выносит обвинительный приговор, который и является единственной формой реализации уголовной ответственности. В.А. Авдеев справедливо подчеркивал, что

²⁸² Свиридов М.К. Соотношение функции разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Вып. 7. Томск, 2001. С. 5-6; Бойков А.Д. Третья власть в России. Книга вторая – продолжение реформ. М., 2002. С.32; Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб., 2009. С. 71-72.

«возложение уголовной ответственности на лицо, виновное в совершении преступления, осуществляется исключительно на основании обвинительного приговора суда, вступившего в законную силу»²⁸³.

Таким образом, с одной стороны, в контексте превенции преступных проявлений недозволительного поведения обвиняемого во время расследования дела (попыток скрыться от следствия и суда, воздействовать на потерпевших и свидетелей обвинения и т.п.) его необходимо поместить в условия изоляции, но, с другой стороны, когда уголовная ответственность, предполагающая претерпевание определенных тягот и лишений, составляющих карательное содержание наказания, еще не реализуется, необходимо выдержать разумный баланс необходимых и достаточных правоограничений при применении изоляции. Да и сама эта изоляция с учетом того, что в дальнейшем она может быть по срокам, а, значит, и по содержанию приравнена к лишению свободы, должна применяться на основании законного, обоснованного и справедливого судебного постановления²⁸⁴.

Действовавшая в советский период процедура применения в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, продления сроков содержания под стражей, включала в себя следующие основные компоненты.

1) Мера пресечения в виде заключения под стражу, ее продление могли применяться в отношении подозреваемого, обвиняемого при наличии предусмотренных законом оснований для ее избрания (скроются от следствия и суда, продолжат заниматься преступной деятельностью, смогут помешать установлению истины по делу), а также очень часто по мотиву одной лишь тяжести совершенного им преступления, хотя законодатель допускал при этом и учет иных обстоятельств (данных о личности обвиняемого, характере инкриминируемого ему деяния и т.п.).

2) Сроки содержания и продление сроков содержания под стражей были строго лимитированы.

3) Санкционирование заключения под стражу осуществлял соответствующий прокурор, а в продлении сроков содержания под стражей была задействована вся прокурорская пирамида, вплоть до Генерального прокурора СССР²⁸⁵.

4) При прохождении дела через суд сроки содержания под стражей не продлялись, и

²⁸³ Авдеев В.А. Проблемы реализации уголовной ответственности // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. №5. С. 51.

²⁸⁴ См. подробнее: Назаров А.Д. Судебный контроль и проблемы предупреждения преступлений и иных правонарушений в уголовном процессе России и Германии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. №3. С. 560-570.

²⁸⁵ Истории советского времени, правда, известны примеры, когда в отношении определенных обвиняемых по определенным уголовным делам Президиум Верховного Совета СССР принимал Указ о неприменении к таким лицам положений уголовно-процессуального законодательства в части сроков содержания под стражей.

подсудимый находился под стражей до тех пор, пока суд не выносил приговор и пока он не вступил в законную силу, если, конечно, суд по собственной инициативе не изменял подсудимому содержание под стражей на иную меру пресечения.

5) В подавляющем большинстве случаев прокурор при даче санкции на арест (иногда и при продлении сроков содержания под стражей), как минимум, проводил беседу с взрослым подозреваемым, обвиняемым, а, как максимум, лично допрашивал его. Исходя из требований приказа Генерального прокурора СССР, несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых при помещении их под стражу прокурор обязан был допросить лично.

При этом, что самое важное, при даче санкции на заключение под стражу, при продлении сроков содержания под стражей прокурор изучал не копии отдельных материалов уголовного дела, а целиком все уголовное дело, прошитое и пронумерованное, с описью всех документов, представленное ему следователем. И основное внимание прокурора было приковано именно к доказательствам, собранным к этому времени по делу, подтверждающим или опровергающим причастность лица к инкриминируемому ему деянию.

Прокурор мог в любой момент расследования по уголовному делу изменить подозреваемому, обвиняемому меру пресечения в виде содержания под стражей на любую иную, более мягкую. При определенных обстоятельствах это мог сделать и следователь²⁸⁶.

Подобное полномочие, вне всякого сомнения, было эффективным инструментом торга между следователем, прокурором и обвиняемым за правдивые показания (не исключаем, что и за «признательные»²⁸⁷ тоже). Ведь желание «все рассказать» в обмен на свободу у обвиняемого, подчас, появлялось после нескольких дней-недель-месяцев пребывания под стражей.

На наш взгляд, действующая ныне модель ареста должна учитывать необходимость для суда при решении вопроса о заключении лица под стражу или продлении сроков его содержания под стражей исследовать не только «вопрос права» (формальные основания для принятия указанных решений), но и «вопрос факта» – наличие минимального набора доказательств инкриминируемого лицу подозрения или обвинения.

О наличии материально-правовых оснований для заключения под стражу априори высказываются ученые-процессуалисты. «Чтобы не допустить ошибки, судья должен быть уверен, что вина доставленного к нему лица органами предварительного расследования доказана хотя бы по одному эпизоду, необходимые доказательства в уголовном деле имеются,

²⁸⁶ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР с приложениями. С. 40-45, 86-87, 105.

²⁸⁷ «Признательные» показания – довольно часто употребляемый практиками условный термин, указывающий на показания, в которых подозреваемый, обвиняемый, подсудимый в силу различных причин полностью или частично признает себя виновным в инкриминируемом ему деянии.

и органы предварительного расследования их не утратят»²⁸⁸.

О необходимости проверки наличия доказательств, указывающих на событие определенного вида преступления и причастность подозреваемого, обвиняемого к его совершению, говорят ученые-процессуалисты Ю.К. Якимович, Н.В. Буланова, А.Б. Соловьев, М.Е. Токарева, М.В. Парфенова и другие. При этом все, конечно, понимают, что при решении вопросов о заключении под стражу, о продлении сроков содержания под стражей и при решении вопроса о виновности лица в инкриминируемом ему деянии должна учитываться разница в требованиях к доказанности обстоятельств предмета доказывания по уголовному делу на разных этапах его производства²⁸⁹.

Почему «вопрос факта» крайне важен для принятия судебного решения? Желает или не желает того суд, но в обоснование своего репрессивного решения он ссылается на квалификацию инкриминируемого подозреваемому, обвиняемому следствием деяния, обращая особое внимание на его тяжесть или особую тяжесть. Вместе с тем, теории и практике уголовно-процессуальной деятельности известны такие ситуации, как «завышение уголовно-правовой квалификации деяния» или «квалификация с запасом»²⁹⁰.

Делается это следователями и дознавателями по двум причинам:

– чтобы избежать «плохого показателя» в работе – не получить обратно уголовное дело из суда в порядке ст. 237 УПК РФ, ведь если следователь, дознаватель дадут «квалификацию с запасом», то суд сам, не возвращая дело прокурору, с более «строгой» сможет перейти на более «мягкую» квалификацию, но никак не наоборот;

– чтобы гарантированно, зная сложившуюся судебную практику, вопреки этическим требованиям при уголовно-процессуальном доказывании, получить от суда испрашиваемое решение о заключении лица под стражу, продлении сроков содержания его под арестом, так как в значительном количестве случаев условия изоляции делают обвиняемого покорным, управляемым, удобным в плане получения от него показаний (как правдивых, так и ложных); исключают нежелательные риски для карьерного роста следователя, дознавателя, если обвиняемый скроется, совершит новое преступление, станет оказывать воздействие на потерпевшего и свидетелей обвинения и др.; способствуют союзу с оперативными

²⁸⁸ Давыдова И.А. [и др.] Судебный контроль в уголовном процессе. С. 390.

²⁸⁹ Якимович Ю.К. Избранные статьи. Томск, 2006. С. 89; Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам / Н.В. Буланова [и др.]; под ред. М.Е. Токарева. М., 2005. С. 24-30; Соловьев А.Б. Обеспечение законности и обоснованности привлечения в качестве обвиняемого по УПК РФ// Прокурорская и следственная практика. 2006. №3-4. С. 128-131.

²⁹⁰ По данным нашего исследования, проведенного в 90-е годы ушедшего столетия, «квалификация с запасом» в структуре следственных ошибок, связанных с нарушениями материального права, составляла 70,9%. В настоящее время, как показывают регулярно проводимые нами исследования этой проблемы, ситуация ничуть не улучшилась. См.: Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. С. 112.

работниками, которым нужно раскрывать преступления²⁹¹.

Так, к примеру, по делу Л. следователь квалифицировал его действия по ст. 111 ч. 4 УК РФ. И во всех постановлениях суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении сроков содержания под стражей указывалось: «Л. органами предварительного следствия обвиняется в совершении особо тяжкого преступления, вину свою в предъявленном обвинении не признал...».

А как Л. мог признать себя виновным по ст. 111 ч. 4 УК РФ, когда в материалах уголовного дела с первых же дней расследования не было убедительных доказательств наличия между ним и потерпевшим (его двоюродным братом) неприязненных отношений, умысла Л. на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшему, отчего и наступила его смерть? Л. признавал себя виновным в причинении смерти потерпевшему по неосторожности. Однако, квалификация действий Л. по ст. 109 УК РФ вряд ли позволила бы следователю получить от суда постановление о заключении Л. под стражу, многократно продлять сроки его содержания под стражей.

А так суд совершенно «безболезненно» для следователя в ходе судебного разбирательства уголовного дела переквалифицировал действия Л. с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ст. 109 УК РФ и назначил ему 8 месяцев лишения свободы в колонии-поселении. К моменту вступления приговора в законную силу Л. фактически отбыл этот срок и был освобожден из СИЗО.

В ходе исследования 27,8% судей, 38,9% работников прокуратуры, 48,7% работников следствия, 60,3% адвокатов высказались за то, что суд должен при осуществлении судебного контроля исследовать не только «вопросы права», но и «вопросы факта» (наличие доказательств о причастности лица к инкриминируемому ему деянию). Интересно отметить, что 61,1% судей ответили: «Суд не должен исследовать «вопросы факта». Данный ответ, на наш взгляд, свидетельствует лишь о том, что судьи не стремятся «нагружать» себя дополнительной деятельностью²⁹².

На наш взгляд, необходимо законодательно закрепить, что при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, при продлении сроков содержания под стражей суд рассматривает представленные ему копии материалов уголовного дела, а при необходимости, если это не нарушает тайну следствия, – и непосредственно материалы самого уголовного дела. При этом суд, исследуя в судебном заседании имеющиеся доказательства, проверяет законность и обоснованность подозрения или предъявленного обвиняемому обвинения: и с точки зрения квалификации деяния, и с позиций его доказательственного

²⁹¹ Москалькова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания ... С. 102-103.

²⁹² Приложение №44.

подкрепления.

Прокурор же, на наш взгляд, в обязательном порядке изучает материалы уголовного дела и представляет суду мотивированное заключение о необходимости заключить лицо под стражу (продлить ему срок содержания под стражей) или избрании иной меры пресечения. Именно за это свое письменное заключение прокурор и должен нести персональную ответственность.

Мы поддерживаем позицию А.Б. Соловьева и М.Е. Токаревой, что судья, рассматривая ходатайство об аресте, вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица в инкриминируемом преступлении. Это положение соответствует требованиям международного и национального стандарта справедливого правосудия²⁹³.

Таким образом, на наш взгляд, действующая ныне модель заключения подозреваемого, обвиняемого лица под стражу, продления такому лицу сроков содержания под стражей отвергла эффективные элементы, которые имели подобные модели советского и переходного периодов.

В стратегическом и практическом аспектах, совершенствуя действующую модель заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу с целью не допустить следственных, прокурорских и судебных ошибок, необходимы, на наш взгляд, следующие законодательные новеллы.

1) При закреплении оснований применения в отношении подозреваемых, обвиняемых меры пресечения в виде заключения под стражу, продления сроков их содержания под стражей, сделать акцент на обязательном представлении в суд конкретных доказательств (как подозрения, так и возможного поведения), а не только прогнозов и предположений о том, что подозреваемый, обвиняемый, оставаясь на свободе, может скрыться от следствия и суда, совершить новые преступления, помешать расследованию по делу путем уничтожения вещественных доказательств, оказать воздействие на потерпевших и свидетелей и т.п.

Доказательствами всего этого могут быть данные специальных учетов «силовых» структур о предыдущих судимостях лица, его побегах из-под стражи и др., показания свидетелей («сокамерников» и др.) о намерениях подследственного скрыться от следствия и суда, совершить новые преступления, оказать воздействие на свидетелей и т.п., надлежаще оформленные результаты оперативно-разыскной деятельности, представленные следствию и суду в качестве доказательств преступных намерений подозреваемого, обвиняемого, подсудимого наряду с другими доказательствами, и др.

²⁹³ Соловьев А.Б. Проблемы совершенствования общих положений уголовно-процессуального законодательства ... С. 258-259.

Следует согласиться с позицией З.Д. Еникеева, А.Б. Соловьева, М.Е. Токаревой, что предусмотренные уголовно-процессуальным законом основания применения мер пресечения носят «доказательственно-прогностический» характер, который дает возможность сделать вероятностный вывод о дальнейшем поведении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, но это все же доказательства²⁹⁴.

Необходимость доказывания наличия оснований применения мер пресечения по уголовному делу вытекает из ч. 4 ст. 7 УПК РФ, где сказано, что любое определение суда, постановление судьи, прокурора, следователя, дознавателя, в том числе об избрании меры пресечения, должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Это означает, что оно должно опираться на собранные по уголовному делу доказательства²⁹⁵.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 года №22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» в редакции Постановления Пленума Верховного Суда от 10 июня 2010 года №15 была сделана робкая попытка в этом направлении: в п. 19 судам предлагалось давать оценку обоснованности выдвинутого против лица подозрения, убеждаться в достаточности данных об имевшем месте события преступления и о причастности к нему подозреваемого. Правда, далее констатировалось, что суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица в инкриминируемом преступлении, что, конечно же, мешало судье смело высказываться и о правильности данной органами расследования квалификации инкриминируемого лицу деяния. Аналогичный подход сохранен и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года №41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога».

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и договоров Российской Федерации» было сказано: «...14. При разрешении вопросов о продлении срока содержания под стражей судам надлежит учитывать, что согласно пункту 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию, имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. ...Следует учитывать, что наличие обоснованного подозрения в том, что заключенное под стражу лицо совершило преступление,

²⁹⁴ Еникеев З.Д. Проблемы эффективности мер уголовно-процессуального пресечения / Науч. ред. Ф.Н. Фаткуллин. Казань, 1982. С. 8 ; Соловьев А.Б. Проблемы совершенствования общих положений уголовно-процессуального законодательства ... С. 237.

²⁹⁵ Там же. С. 237; Подробнее об этом см.: Lupinskaya P.A. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve С. 134-147.

является необходимым условием для законности ареста. Вместе с тем такое подозрение не может оставаться единственным основанием для продолжительного содержания под стражей. Должны существовать и иные обстоятельства, которые могли бы оправдать изоляцию лица от общества. К таким обстоятельствам, в частности, может относиться возможность того, что подозреваемый, обвиняемый или подсудимый могут продолжить преступную деятельность либо скрыться от предварительного следствия или суда, либо сфальсифицировать доказательства по уголовному делу, вступить в сговор со свидетелями. При этом указанные обстоятельства должны быть реальными, обоснованными, то есть подтверждаться достоверными сведениями. В случае продления сроков содержания под стражей суды должны указать конкретные обстоятельства, оправдывающие продление этих сроков, а также доказательства, подтверждающих наличие этих обстоятельств...».

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 года №1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации» также было указано: «...4. В соответствии с законом заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть избрано лишь при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения... К ходатайству об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (часть 3 статьи 108 УПК РФ) следует прилагать... имеющиеся в деле доказательства, подтверждающие наличие обстоятельств, свидетельствующих о необходимости избрания лицу меры пресечения в виде заключения под стражу...».

Иначе говоря, в изложенных позициях Верховного Суда РФ речь идет как о доказательствах подозрения в отношении подозреваемого, обвиняемого, так и доказательствах его поведения в связи со статусом подозреваемого, обвиняемого.

Следует заметить, что невозможность применения к подозреваемому, обвиняемому иной, более мягкой, меры пресечения, должна быть также подтверждена доказательствами.

В настоящее время суды достаточно часто в своих решениях оперируют бездоказательными фразами. К примеру, все по тому же уголовному делу Л.:

«Учитывая существо предъявленного Л.²⁹⁶ обвинения, довод стороны обвинения о том, что избрание в отношении Л. меры пресечения в виде заключения под стражу основано на том, что он может скрыться от предварительного следствия или суда, судья признает убедительным»;

«Характер и обстоятельства инкриминируемого Л. деяния позволяет судье признать убедительным, что у него имеются все основания воспрепятствовать установлению истины по делу путем оказания воздействия на очевидцев преступления, принимавших участие в

²⁹⁶ Уголовное дело №43179503/3/1-189/2011 // Архив Железнодорожного районного суда г. Красноярск, 2011 год.

разоблачении его преступной деятельности»;

«Л. легального источника дохода не имеет, семьей не обременен. Обладая познаниями в области права, получит возможность оказать воздействие на свидетелей, изобличающих его в совершении тяжкого преступления. Характер его деяния дает основание, что Л. может скрыться от следствия и суда».

Чтобы хоть как-то создать видимость аргумента, суд достаточно часто использует такой тезис, как отсутствие регистрации по месту проведения предварительного следствия.

Так, по цитируемому уже нами уголовному делу Л., имевшего регистрацию в пригороде Красноярска, суд указал на это, как на обстоятельство, ввиду которого обвиняемый якобы не смог бы явиться к следователю по первому его требованию, хотя Л. имел в городе родных брата и тетю, между его населенным пунктом и Красноярском есть устойчивое транспортное сообщение (автобус, электропоезд, к тому же, семья Л. имела в собственности личный автомобиль) и телефонную связь.

Избрание заключения под стражу, продление сроков содержания под стражей каждый раз в суде - это новый материал.

Так, по делу Л. суд в одном из своих постановлений констатировал следующее:

«Что касается доводов следствия о том, что обвиняемый может воспрепятствовать установлению истины по делу путем оказания воздействия на очевидцев преступления, принимавших участие в разоблачении его преступной деятельности, то с данными доводами суд не может согласиться, поскольку они ничем в ходе судебного разбирательства не были подтверждены, а из показаний следователя следует, что дело находится на заключительной стадии, все свидетели и потерпевший допрошены, и, соответственно, в случае нахождения обвиняемого на свободе, у него не будет реальной возможности повлиять на указанных лиц, изменив тем самым ход следствия». Правда, исключение судьей одного основания при оставлении других, не подкрепленных доказательствами, а лишь спрогнозированных, все равно позволили продлить срок содержания Л. под стражей.

Однако в последующих судебных постановлениях по продлению сроков содержания Л. под стражей, несмотря на то, что дело уже перешло в судебную стадию, прогноз – «может оказать воздействие на свидетелей обвинения» – бездоказательно появился вновь в постановлениях других судей.

Справедливые процедуры заключения лица под стражу и содержания его под арестом являются предметом правового регулирования Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а нарушения установленных ею стандартов являются предметом рассмотрения в Европейском Суде по правам человека.

Правовая позиция Страсбургского Суда по поводу соблюдения статьи 5 Конвенции

наглядно представлена в одном из рассмотренных дел, в частности, в решении «Смирновы против России» (дело №46133-99 и 48183-99 от 24 июля 2003 года): «Лицо, обвиняемое в преступлении, всегда должно находиться на свободе до окончания разбирательства дела, если Государство не сможет доказать, что имеются уместные и достаточные причины взять его под стражу». «Прецедентное право Конвенции разработало четыре основных причины, оправдывающие помещение лица под стражу:

- возможность того, что обвиняемый скроется от правосудия;
- возможность того, что обвиняемый, находясь на свободе, воспрепятствует отправлению правосудия;
- возможность того, что обвиняемый продолжит преступную деятельность;
- сохранение общественного порядка (предотвращение беспорядков)».

«Опасность бегства не может быть оценена исключительно на основе серьезности возможного предложения; она должна быть оценена в каждом отдельном случае с учетом ряда других уместных факторов, которые могут или подтвердить существование опасности бегства или свидетельствовать о малой вероятности этого настолько, что это не сможет оправдать предварительное заключение. В этом контексте необходимо принять во внимание личность обвиняемого, его нравственный облик, его авуары, степень его связи с Государством, в котором он обвиняется, его международные контакты». «Вывод, является ли содержание под стражей оправданным, не может быть сделан абстрактно. Оправдано ли содержание обвиняемого под арестом, должно быть оценено в каждом случае с учетом конкретных обстоятельств дела. Длительное содержание под стражей может быть допущено только, если имеются веские основания, доказывающие, что в данном конкретном случае имеются подлинные потребности интересов общества, которые, несмотря на презумпцию невиновности, превышают принцип уважения свободы личности. Из этого следует, что, в первую очередь, именно национальные судебные власти должны гарантировать, чтобы в каждом случае предварительное заключение обвиняемого не превысило приемлемое время. Именно они обязаны исследовать все существенные доводы в пользу или против осуществления подлинной потребности общественного интереса, с должным вниманием учесть принцип презумпции невиновности, включающий в себя уважение к свободе личности, и только на основании вышеизложенного выносить решения относительно заключения под стражу». «Аргументы за и против освобождения из-под стражи не должны быть общими и абстрактными». «Действительно, решения, которые Суд имеет в своем распоряжении, отличаются краткостью и не описывают подробно ситуацию по делу заявителей».

По делу Смирновых Европейский Суд единогласно постановил, что имелось нарушение Конвенции и взыскал с России в пользу заявителей 6 500 евро.

2) Законодательно закрепить, что к лицу, впервые совершившему преступление, в зависимости от характера инкриминируемого ему деяния и данных о личности могут применяться все меры пресечения, за исключением заключения под стражу.

Заключение под стражу к такому лицу может быть применено лишь в случае нарушения им условий указанных выше мер пресечения, а также при совершении им определенных тяжких и особо тяжких преступлений против личности или с применением насилия в отношении личности. При этом мы имеем в виду, что задержание лица по подозрению в совершении преступления, в том числе по особо тяжким преступлениям, по которым срок предъявления обвинения с момента задержания может достигать 30 суток (статьи 205, 205-1, 206, 208, 209, 277, 278, 279, 281, 360 УК РФ), исходя из положений ст. 46 Конституции РФ, может быть обжаловано в суд.²⁹⁷

Введение такой процедуры, отчасти формальной, будет способствовать развитию более гуманной практики применения домашнего ареста, залога.

Уголовно-процессуальная практика последних лет изобилует примерами, когда по «громким» уголовным делам подозреваемые и обвиняемые лица заключаются под стражу, что явно выглядит как жесткое решение от имени государства в унисон общественному мнению. Такие решения в контексте современной уголовной политики вполне допустимы, имеют свой результат, тем более, что и прецедентная практика ЕСПЧ, как указывалось нами выше, допускает арест для сохранения общественного порядка (предотвращения беспорядков).

Но при этом в отношении значительного количества обвиняемых лиц возможно применение не заключения под стражу в СИЗО с его ярко выраженными «тюремными традициями», а домашнего ареста, но с помещением арестованных в «специальные гостиницы» на охраняемых базах специальных служб государства (опыт применения такого вида домашнего ареста в России уже имеется). Вполне приемлемо создание такой сети «спецгостиниц» для лиц, подвергнутых домашнему аресту, и в системе ФСИН России. И уж если взыскиваются с обвиняемых лиц процессуальные издержки за проведение экспертиз вне экспертных учреждений, защиту по назначению и т.п., то вполне возможно было бы включать в процессуальные издержки и пребывание в «спецгостиницах» лиц, подвергнутых домашнему аресту.

Интересны предложения ряда ученых²⁹⁸ о полном отказе от арестов до привлечения лица в качестве обвиняемого и его допроса. При этом, на наш взгляд, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого по аналогии с обвинительным заключением должны быть приведены доказательства обвинения, имеющиеся на данный момент, или такие

²⁹⁷ Аверченко А.К. Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе. Томск, 2003. С. 67.

²⁹⁸ Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М., 1999. С. 313.

доказательства должны быть предъявлены лицу после объявления обвинения, выяснения отношения обвиняемого к предъявленному обвинению и его свободного рассказа по поводу факты обвинения²⁹⁹.

Представляется важным «сломать» стереотип о том, что изменение меры пресечения с заключения под стражу на иную, не связанную с лишением свободы, является крайне негативным явлением, так как освобождение из-под стражи якобы опосредованно указывает на незаконность применения этой меры пресечения.

Европейский Суд по правам человека неоднократно указывал на то, что с течением времени условия меняются и законно и обоснованно заключенное под стражу лицо может быть освобождено под гарантию явки в суд³⁰⁰.

Анализ решений ЕСПЧ, в том числе в отношении России, позволяет заключить также, что продолжительность срока содержания под стражей обуславливается количеством доказательств, которые собираются, проверяются и исследуются в ходе судебного следствия. Отмечалось, что власти могут посчитать необходимым содержать подозреваемого в тюрьме, по крайней мере, в начале следствия, для того чтобы помешать ему запутать расследование. Однако с течением времени ситуация меняется в таком деле, при нормальном развитии событий предполагаемые риски постепенно уменьшаются по мере того, как продвигается расследование, фиксируются показания и осуществляется проверка³⁰¹.

Таким образом, чтобы минимизировать ошибки следователя, дознавателя, прокурора, суда при избрании подозреваемому, обвиняемому, подсудимому меры пресечения в виде содержания под стражей, продлении им сроков содержания под стражей, на наш взгляд, необходимо внести изменения в УПК РФ, сформулировав статьи 97, 99 в следующей редакции.

«Статья 97 Основания для избрания меры пресечения»

1. Дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий, вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии достаточных **доказательств, дающих основания обоснованно подозревать лицо в инкриминируемом ему деянии и** полагать, что

²⁹⁹В свое время сторонником приведения в постановление о привлечении в качестве обвиняемого доказательств, представления следователем основных доказательств при предъявлении обвинения лицу выступал В.З. Лукашевич. См.: Лукашевич В.З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Ленинград, 1985. С. 139-140.

³⁰⁰ Европейский Суд по правам человека: избранные решения / Редкол. В.А. Туманова. М., 2000. Т. 1, С. 777.

³⁰¹ Khudoyorov v. Russia [Электронный ресурс]: Judgment of 8 November 2005 : App. No. 6847/02 // Сайт Европейского суда по правам человека. Электрон. дан. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70865> (дата обращения 06.03.2016); Popkov v. Russia [Электронный ресурс]: Judgment of 15 May 2008 : App. No 32327/06 // Сайт Европейского суда по правам человека. Электрон. дан. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-86224> (дата обращения 06.03.2016).

обвиняемый, подозреваемый:

- 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу».

«Статья 99 Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения

Суд в пределах предоставленных ему полномочий при избрании меры пресечения может изучать материалы уголовного дела.

При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определении ее вида при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, должны учитываться также **законная и обоснованная квалификация инкриминируемого подозреваемому или обвиняемому деяния и, соответственно, тяжесть совершенного им преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства».**

В статью 108 УПК РФ «Заключение под стражу» внести следующие дополнения и изменения.

Дополнить часть 1 после первого предложения (слов – «меры пресечения») новым предложением: **«Заключение под стражу лица, впервые привлекаемого к уголовной ответственности, применяется лишь в случае наличия доказательств нарушений им условий домашнего ареста, залога или иной, менее строгой меры пресечения за исключением случаев привлечения к уголовной ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, а также за преступления, указанные в статье 100 настоящего Кодекса, по которым необходимо учитывать характер инкриминируемого ему деяния и данные о личности».**

В части 1 фразу «фактические обстоятельства» заменить на слово «**доказательства**».

В части 3 вместо слова «материалы» использовать фразу «**материалы уголовного дела**».

Статью 63 УПК РФ «Недопустимость повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела» дополнить частью 4 следующего содержания:

4. «Судья, принимавший решение о заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу, о домашнем аресте, о продлении сроков содержания под стражей и домашнего ареста на досудебной стадии, рассматривавший апелляционные, кассационные или надзорные жалобы или представления на избрание заключения под стражу, домашний арест, продление

сроков содержания под стражей и домашнего ареста на досудебной стадии, не может участвовать в рассмотрении того же дела по существу в суде первой и второй инстанций или в порядке кассации и надзора».

В решении серьезных вопросов, к которым относится и ситуация с заключением под стражу подозреваемого, обвиняемого при действии презумпции невиновности, актуально не упрощать процедуру, а сделать ее достаточно ответственной и всесторонне взвешенной. И здесь, как нигде лучше, гарантии законности повышаются не при единоличном, а при коллегиальном рассмотрении жизненно важной для человека ситуации, когда решается вопрос об ограничении конституционного права на свободу³⁰².

Известный ученый-правовед А.Д. Бойков писал: «Специальные исследования НИИ Генеральной прокуратуры, проведенные в середине 1990-х годов, показали, что единоличное правосудие склонно к упрощению процессуальной формы, келейному (в кабинете судьи, негласно) проведению разбирательства, к появлению немотивированных приговоров, выносимых часто без допроса свидетелей и исследования доказательств»³⁰³. Его позиция по эффективности коллегиального рассмотрения дел актуальна не только для судебных стадий, но и для досудебных.

Аналогичного мнения придерживается и А.В. Беседин³⁰⁴.

Судье единолично сложнее принять решение о применении к подозреваемому, обвиняемому более мягкой меры пресечения, нежели заключение под стражу, так как в случае сокрытия обвиняемого от следствия и суда, совершения им новых преступлений, оказания воздействия на иных участников разбирательства по делу, судья связывает эти негативные последствия своего «гуманного» решения со своими просчетами и ошибками, а, подчас, присутствует нежелание судьи вступать в конфронтацию со следственно-оперативными службами, как правило, заинтересованными в получении санкции на арест подозреваемого, обвиняемого, «двусмысленно» выглядеть в глазах определенных лиц как «подверженному коррупции» и т.п.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что в современных условиях организационно и финансово невозможно обеспечить по всем уголовным делам решение вопроса о заключении под стражу, продлении сроков содержания под стражей коллегиальным составом суда, даже

³⁰² См. также: Назаров А.Д. Процессуальные гарантии против следственных, прокурорских и судебных ошибок в УПК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. Красноярск, 2002. С. 98-102 ; Назаров А.Д. Некоторые вопросы совершенствования института судебного контроля // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. №2. С. 58-63.

³⁰³ Бойков А.Д. Суд. Скорый, да не очень. Правый, но не совсем. Милостивый, равный для всех? // Российская юстиция. 2002. №9. С. 13.

³⁰⁴ Беседин А.В. Защита в стадии исполнения приговора: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995. С. 83.

хотя бы в отношении лиц, впервые привлекаемых к уголовной ответственности или совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления.

На наш взгляд, в действующей российской практике «арестного» контроля необходимо рационально использовать подход, сложившийся при рассмотрении вопросов о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей, а также по домашнему аресту и залогу: рассмотрение представленных материалов с участием прокурора (именно – прокурора, а не государственного обвинителя), взвешенно и законно отстаивающего интересы государства в разрешении вопроса об изоляции человека от общества (прокурор как «говорящий судья»); участие защитника – адвоката, позиция которого не игнорируется судом; принятие решения федеральным судьей (не исключено, что в последующем – судьей по контролю за предварительным расследованием) с учетом баланса государственных интересов и интересов конкретной личности.

Законодатель совершенно справедливо не предоставил право следователю, руководителю следственного органа, дознавателю, начальнику подразделения дознания, органа дознания право обжаловать постановление суда по «арестным» делам: отнесенные на сторону обвинения указанные субъекты, ведущие уголовный процесс, обжаловали бы в ревизионные инстанции именно те постановления суда, в которых суд отказал в удовлетворении их ходатайств о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей.

Но, на наш взгляд, в контексте искоренения обвинительного уклона в деятельности суда уже действуют следующие закрепленные в законе правила:

- изменение прокурором квалификации деяния подсудимого на менее строгую влечет для суда, рассматривающего в данный момент уголовное дело, в обязательном порядке применение этой «мягкой» квалификации инкриминируемого деяния (ст. 246 УПК РФ);

- отказ прокурора от обвинения влечет для суда, рассматривающего в данный момент уголовное дело, обязательное вынесение оправдательного приговора или прекращение уголовного преследования (ст. ст. 239, 246 УПК РФ).

В дальнейшей борьбе с обвинительным уклоном суда нам представляется важным сформулировать еще два правила:

- если прокурор предлагает суду конкретный вид и размер наказания, то суд не может назначить более строгие вид и размер наказания;

- если прокурор предлагает суду не заключать обвиняемого под стражу или не продлевать сроки его содержания под стражей, то суд не может заключить обвиняемого под стражу или продлить ему срок содержания под стражей.

Таким образом, в контексте осуществления судебного контроля полагаем важным в пункте 7 ст. 108 УПК РФ добавить часть вторую:

«Если прокурор, участвующий в судебном заседании, предлагает суду не заключать подозреваемого, обвиняемого под стражу или не продлевать обвиняемому срок содержания под стражей, то судья не может заключить подозреваемого, обвиняемого под стражу или продлить обвиняемому срок содержания под стражей и руководствуется в дальнейшем положениями ст. 7-1 УПК РФ».

Как справедливо заметила О.И. Андреева, к сожалению, несовершенство уголовно-процессуального законодательства позволяет «в некоторых случаях бесконтрольно осуществлять властные полномочия», а нежелание должностных лиц государственных органов принять концепцию признания прав и свобод человека в качестве высшей ценности «ведет к восприятию необходимости обеспечения прав и свобод человека как помеху в деле противостояния преступности»³⁰⁵.

Статистические данные, приведенные в эмпирических исследованиях В.В. Волкова, достаточно показательны: «удовлетворимость» судами ходатайств о заключении под стражу и процент успешного «кассирования» при обжаловании арестов в России на протяжении 2004-2010 годов выглядел следующим образом: 2004 – 90,8% (11,2%); 2005 – 91,4% (10,8%); 2006 – 91,4% (9,8%); 2007 – 91% (6,4%); 2008 – 90% (5,8%); 2009 – 90,1% (5,6%); 2010 – 89,9% (6%)³⁰⁶.

Согласно данным нашего исследования, на протяжении 2010-2015 годов в России процент удовлетворения судами ходатайств органов предварительного расследования о заключении подозреваемых, обвиняемых под стражу в среднем составлял 90,59%³⁰⁷. А процент удовлетворения судами ходатайств органов предварительного расследования о продлении сроков содержания обвиняемых под стражей в среднем за эти годы составил вообще 98,23%³⁰⁸.

Интересно отметить, важную, на наш взгляд, тенденцию: отказывая органам предварительного расследования в заключении под стражей, суды постепенно все чаще стали применять домашний арест. Так, домашний арест судами в 2011 году применен 1 345 раз, в 2012 году – 1 508 раз, в 2013 году – 2 366 раз, в 2014 году – 2 632 раза, в 2015 году – 3 133 раза. В тоже время применение судами залога в качестве альтернативы заключению под стражу в

³⁰⁵ Андреева О.И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект) / Под ред. М.К. Свиридова. Томск, 2004. С. 66-67.

³⁰⁶ Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / Под ред. В.В. Волкова. М., 2012. С. 32.

³⁰⁷ Приложение №8.

³⁰⁸ Приложение №9.

рассматриваемые годы уменьшается: в 2011 году – 447 раз, в 2012 году – 347 раз, в 2013 году – 303 раза, в 2014 году – 327 раз, в 2015 году – 199 раз³⁰⁹.

На наш взгляд, представленная статистическая картина, как минимум, свидетельствует о репрессивной направленности, обвинительном уклоне суда в части разрешения вопросов о мере пресечения обвиняемому, а, как максимум, дает еще информацию и о том, что суд с подачи следователя, а также и с подачи прокурора, поддержавшего в суде ходатайство следователя, мог не выявить следственной ошибки, причем, фундаментальной.

Указанный выше тезис можно подкрепить тем, что в 2010-2015 годах в России в кассационном, а с 2013 года – в апелляционном порядке суды отменили в среднем 4,04% постановлений судов первой инстанции о заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу и изменили в среднем 4,98% постановлений судов первой инстанции о заключении обвиняемого под стражу³¹⁰. В эти же годы судебные постановления первой инстанции о продлении сроков содержания обвиняемого под стражей в порядке кассации, а с 2013 года – в порядке апелляции были отменены в среднем в 2,5% случаев, изменены в среднем в 3,47% случаев³¹¹. При преобладающем репрессивном подходе судей к арестам обвиняемых эти, казалось бы, не очень высокие процентные показатели, свидетельствуют о том, что и судебный контроль «пропускает» следственные ошибки в избрании строгой меры пресечения.

На наш взгляд, передача «арестного» контроля прокурору не изменило бы к худшему ситуацию с допущением ошибок, связанных с мерами пресечения, а (не исключено) наоборот бы ее улучшило, так как прокурор вникал бы и в «вопросы права», и в «вопросы факта». Однако это не значит, что мы являемся сторонниками такого возврата. При всех проблемных вопросах судебная процедура ареста, как нами уже отмечалось ранее, в принципе, является не только более демократичной, более открытой, но и более всесторонней, нежели «прокурорский арест» (в судебном заседании участвуют стороны, ведется протокол судебного заседания и т.д.).

Безусловно, Россия в вопросах «арестного» судебного контроля может взять все самое ценное, что наработано европейской («континентальной») судебной практикой. К примеру, в Германии как таковых следственных судей нет. Но там есть «судьи для дознания» - это не следственные судьи в полном понимании этой миссии. «Судьи для дознания» по существу уголовные дела не рассматривают. Они выдают ордер на арест, но для этого в обязательном порядке необходима заявка от прокурора: нет заявки от прокурора – нет и ордера на арест. Этот же судья рассматривает жалобы заинтересованных участников уголовного

³⁰⁹ Приложение №8.

³¹⁰ Приложение №20, 24.

³¹¹ Приложение №25.

судопроизводства на условия содержания человека под стражей; он же решает вопрос об освобождении из-под стражи. Тем более, что сроки содержания под стражей в Германии не установлены: содержание под стражей не дело срока, а дело предпосылок такого содержания.

Жалоба на заключение под стражу в Германии рассматривается коллегиально: это коллегия из трех судей в Oberlandsgericht (Высший земельный суд) или из пяти судей в Верховном Суде Германии. То есть, в Германии вопрос о существенном ограничении человека в конституционных правах предусматривает сложную (связанную с коллегиальностью) форму разрешения данного вопроса. В российской практике вряд ли такая тенденция в усложнении формы будет воспринята по вполне понятным причинам (об этом мы уже упоминали), хотя, конечно, самым оптимальным вариантом разрешения вопросов, связанных с заключением подозреваемого, обвиняемого под стражу, продлением сроков его содержания под стражей представляется именно повышенная степень сложности уголовно-процессуальной формы³¹².

Второй вид судебного контроля в досудебных стадиях уголовного судопроизводства - «процедурный» - предусмотрен статьями 23 и 25 Конституции РФ.

В статье 29 УПК РФ конкретизируется перечень следственных и иных процессуальных действий, проведение которых основывается на судебном решении, в силу того что они посягают на охраняемые Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина.

В соответствии со ст. 23 Конституции РФ, ограничение права каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допускается исключительно на основании судебного решения. В соответствие со ст. 25 Конституции РФ обеспечивается соблюдение права личности на неприкосновенность жилища.

Весомые аргументы в защиту существующего порядка принятия решений о производстве следственных действий приводит Н.А. Колоколов, считая, что «...анализ эффективности правосудия следует начинать... не с оценки статистических результатов судебной деятельности, а с исследования разумности и обоснованности наделения судов той или иной предметной подсудностью»³¹³.

Судебный порядок принятия решений о производстве отдельных следственных и процессуальных действий был введен в уголовный процесс с целью усиления гарантий прав личности. Однако со временем стало очевидно, что к существенному повышению уровня

³¹² О теоретическом обосновании сложных уголовно-процессуальных форм см.: Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного процесса / Под ред. М. К. Свиридова. Томск, 2001. С. 13 ; Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. С. 51-93.

³¹³ Колоколов Н.А. Конституционное право на неприкосновенность жилища: к вопросу об эффективности превентивного судебного контроля (часть 1) // Российский судья. 2010. №6. С. 13-16 ; Колоколов Н.А. Конституционное право на неприкосновенность жилища: к вопросу об эффективности превентивного судебного контроля (часть 2) // Российский судья. 2010. №7. С. 4-8.

защиты прав личности на предварительном расследовании уголовных дел введение этого института не привело.

Такие мнения высказали В.В. Кальницкий, В.М. Быков, С.Б. Россинский, А.С. Каретников и К.А. Арзамасцева³¹⁴, которые поставили под сомнение необходимость участия суда в принятии решений о производстве следственных действий.

Сторонники этого направления судебной деятельности также были вынуждены признать, что уровень защиты прав личности в уголовном процессе с введением этого института не повысился³¹⁵.

Противники современной конфигурации судебного контроля полагают, что одной из целей Концепции судебной реформы была цель освобождения суда от участия в уголовном преследовании. Она начала реализовываться еще во времена действия УПК РСФСР в постановлениях Конституционного Суда РФ³¹⁶. В ч. 3 ст. 15 УПК РФ закреплено, что суд не является органом уголовного преследования. Но в полном объеме освободить суд от этой деятельности законодателю не удалось. Она проявляется в различных направлениях судебной деятельности.

К примеру, И.Л. Петрухин считал, что судебная коллегия, давая согласие на возбуждение уголовного дела в отношении отдельной категории лиц, осуществляет функцию уголовного преследования³¹⁷.

А.С. Каретников и К.А. Арзамасцева считают, что суд при реализации полномочий, предусмотренных ст. 165 УПК РФ, не осуществляет судебный контроль³¹⁸. Следователь обращается в суд с ходатайством, потому что он не обладает полномочиями на принятие решения о производстве следственного или иного процессуального действия. В момент принятия судом его ходатайства еще не существует решения, законность и обоснованность

³¹⁴ Кальницкий В. «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства неэффективны // Уголовное право. 2004. №1. С. 73-75 ; Быков В.М. Судебный контроль за предварительным следствием // Уголовный процесс. 2007. №1. С. 84; Быков В.М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань, 2008. С. 208-209; Россинский С.Б. Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? : часть 1 // Российский судья. 2009. №8. С. 17-21 ; Россинский С.Б. Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? : часть 2 // Российский судья. 2009. №9. С. 19-22 ; Каретников А.С. Разрешение суда на производство следственных действий // Законность. №2. 2011. С. 43-47 ; Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. С. 60; Ковтун Н.Н. Эффективность оперативного судебного контроля // Уголовное судопроизводство. 2010. №3. С. 6-14.

³¹⁵ Васин В.В. К вопросу о судебном уголовно-процессуальном познании // Вестник ТГПУ. 2006. Вып. 11. С. 82.

³¹⁶ Михайловская И. Судебная политика: роль решений Конституционного Суда в реформировании уголовного судопроизводства Российской Федерации // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2001. №3. С. 167-172.

³¹⁷ Петрухин И.Л. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России // Государство и право. 2002. №5. С. 27.

³¹⁸ Каретников А.С. Является ли деятельность суда по рассмотрению и разрешению ходатайств должностных лиц органов предварительного расследования судебным контролем? // Российская юстиция. 2010. №4. С. 66-69.

принятия которого суд мог бы проконтролировать – нет еще предмета контроля. Он появится только после принятия судьей решения (положительного или отрицательного). Процедура удовлетворения ходатайства следователя предполагает принятие судьей своего собственного решения о производстве следственного или иного процессуального действия, а не санкционирования решения следователя. Решения, принимаемые судьей в порядке ст. 165 УПК РФ, относятся к группе решений, которые обеспечивают процессуальную деятельность по уголовному преследованию³¹⁹. Следователь и дознаватель являются исполнителями решений суда.

Все это дает основания считать, что и суд задействуется в осуществлении уголовного преследования³²⁰.

Таким образом, суд своими решениями «движет» процесс расследования по уголовному делу, выступая непосредственным участником стадии предварительного расследования³²¹. И чаще всего это «движение» - в интересах стороны обвинения, когда уголовное дело находится не в производстве суда, а у следователя, дознавателя.

Н.А. Колоколов ссылается на опыт Германии, где решение о производстве обыска и других следственных действиях, ограничивающих права и свободы, тоже принимает суд³²². Однако общий перечень решений, которые он принимает на досудебных стадиях, незначителен в отличие от внушительного списка решений, которые суд в России принимает на досудебных стадиях. В данном отношении опыт Германии в части «судей для дознания», как уже отмечалось нами выше, может оказаться востребованным в российской уголовном процессе.

Европейский суд по правам человека в качестве суда рассматривает органы, уполномоченные выносить в установленном порядке путем применения норм права юридические решения по спорам между носителями прав и обязанностей³²³. Соответственно, в юрисдикции суда не могут быть дела, в которых нет правового спора. Этому правилу противоречат полномочия суда, предусмотренные ст. 165 УПК, так как суд осуществляет их в

³¹⁹ Кузьмин Г.А. Правовые и организационные основы принятия решений в уголовном процессе: Досудебные стадии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 15-16.

³²⁰ Антонова Е.Е. Функциональная характеристика досудебного производства в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 8 ; Рыжих А.Н. Осуществление судом полномочий по уголовному преследованию на досудебных стадиях уголовного процесса // Российский юридический журнал. 2007. №3. С. 154-156 ; Назаренко В. От прокурорского надзора к судебному контролю // Законность. 2004. №1. С. 28.

³²¹ Лазарева В.А. Особенности и формы реализации судебной власти в уголовном процессе // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2001. №2. С. 152 ; Чеждемов З.Т. Роль суда в обеспечении прав и свобод граждан на досудебном производстве по УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 22-23 ; Азаров В.А. Функция судебного контроля в истории, теории и практике ... С. 137.

³²² Колоколов Н. А. Конституционное право на неприкосновенность жилища ... часть 2. С. 7.

³²³ Энтин М. Справедливое судебное разбирательство по праву Совета Европы и Европейского союза // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. №3. С. 86.

отсутствие правового спора. Тезис, что в этих случаях есть потенциальный правовой спор³²⁴, - это слабый аргумент в обосновании необходимости обладания судом подобными полномочиями. Тем не менее, с позиции ЕСПЧ должна быть санкция суда.

Чтобы представить объективную ситуацию, при которой функционирует механизм судебного контроля, вновь обратимся к статистическим показателям.

В 2010-2015 годах средний процент удовлетворения судами ходатайств органов предварительного расследования:

- о производстве осмотра, обыска и выемки в жилище составил 95,44%³²⁵;
- о производстве личного обыска – 96,4%³²⁶;
- о производстве выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях, - 97,35%³²⁷;
- о наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку в учреждениях связи – 97,62%³²⁸;
- о контроле и записи телефонных и иных переговоров – 96,46%³²⁹;
- о наложении ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях, - 86,58%³³⁰.

Заметим, что в рассматриваемый период средний процент удовлетворения судами ходатайств органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность об ограничении конституционных прав граждан:

- на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям телефонной связи, составил 98,73%³³¹;
- на неприкосновенность жилища – 96,41%³³².

Мы солидарны с мнением авторитетных ученых-правоведов³³³, что кардинального изменения в соблюдении законности и качестве предварительного расследования в связи с передачей ряда процессуальных полномочий от прокурора суду не произошло.

³²⁴ Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном процессе: понятие, виды, сущность и содержание // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2001. №2. С. 122 ; Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России ... С. 38-40.

³²⁵ Приложение №10.

³²⁶ Приложение №11.

³²⁷ Приложение №12.

³²⁸ Приложение №13.

³²⁹ Приложение №14.

³³⁰ Приложение №15.

³³¹ Приложение №16.

³³² Приложение №17.

³³³ По оценкам практиков, судьи по подавляющему большинству направленных к ним обращений следователей удовлетворяют их: явный обвинительный уклон – «явление, наличие которого последовательно отрицается органами предварительного расследования, прокурорами и судьями». См.: Колоколов Н.А. Обвинительный уклон следствия и суда при оценке правонарушений ... С. 38.

Вместо прокурора обязанности по санкционированию определенных процессуальных действий и решений взял на себя суд. При этом судья выступает в роли регистратора, т.е. единолично выносит постановления, учитывая лишь процессуальные аспекты по поступившим к нему определенным копиям (не подлинникам) из материалов уголовного дела. В рассмотрении вопроса не обязаны, а лишь вправе участвовать прокурор, следователь, дознаватель. Иные участники (обвиняемый, его защитник и др.) в ч. 3 ст. 165 УПК РФ не обозначены. При существующем подходе к рассмотрению подобных обращений и при отсутствии в России института следственных судей, с точки зрения эффективности выявления, исправления и предупреждения следственных ошибок, более рациональной была бы передача не свойственных судебной власти полномочий прокурору, как организатору уголовного преследования, так как при этом:

– прокурор имел бы возможность оперативно работать не с копиями материалов уголовного дела, а с подлинными – прошитыми, пронумерованными и описанными – процессуальными документами уголовного дела, что повышало бы оперативность в принятии решений;

– федеральные судьи не отвлекались бы на выполнение не свойственных им функций, а могли бы в случае обращения заинтересованных лиц рассматривать лишь жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ на последствия тех процессуальных действий и решений, которые были санкционированы прокурором и произведены следователем, дознавателем.

На наш взгляд, в контексте международно-правовых стандартов справедливого правосудия «процедурный» судебный контроль необходимо оставить за судом для принятия им «классических» решений о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, о производстве обыска и (или) выемки в жилище, о контроле и записи телефонных и иных переговоров. Санкционирование производства иных следственных и процессуальных действий, о которых идет речь в ст. 165 в контексте ст. 29 УПК РФ, должен, на наш взгляд, проводить прокурор. И это не просто замена судебного контроля на прокурорский надзор: это усиление и судебного контроля, и прокурорского надзора, так как в этом случае решение прокурора заинтересованные участники уголовного процесса будут иметь возможность обжаловать вышестоящему прокурору (в порядке ст. 124 УПК РФ) или в суд (в порядке ст. 125 УПК РФ). Следовательно, одновременно идет усиление и такого вида судебного контроля, как «контроль по жалобам». При этом есть все основания полагать, что все эти предлагаемые нами новеллы в уголовно-процессуальном законодательстве позволят более эффективно выявлять, исправлять и предупреждать ошибки по уголовным делам.

Третий вид судебного контроля в досудебных стадиях уголовного судопроизводства – «контроль по жалобам» - предусмотрен ст. 46 Конституции РФ,

которая предписывает суду рассматривать жалобы на любые действия и решения органов государственной власти, нарушающие права и свободы граждан.

В статье 29 УПК РФ сказано, что суд правомочен в ходе досудебного производства рассматривать жалобы на действия (бездействие) и решения прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя в случаях и порядке, которые предусмотрены ст. 125 УПК РФ.

Ст. 125 УПК РФ содержит открытый перечень обжалуемых в суд процессуальных действий, бездействий и решений, но очень важно, чтобы все они были связаны с нарушениями конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства либо затрудняли доступ граждан к правосудию.

Судья рассматривает жалобу в судебном заседании с участием заинтересованных лиц.

Следует отметить, что за 2010-2015 годы в России средний процент удовлетворения судами в порядке ст. 125 УПК РФ жалоб участников уголовного судопроизводства на действия (бездействие) и решения должностных лиц, ведущих уголовный процесс, составил всего 8,79%³³⁴. Результаты нашего исследования подтверждаются и в исследованиях других ученых, посвященных данной проблематике³³⁵.

Разумеется, само по себе это не свидетельствует о наличии каких-либо проблем. Однако у правоприменителей возникает множество вопросов по процедуре обжалования, предусмотренной ст. 125 УПК РФ и связанной с исследованием фактических обстоятельств по уголовному делу. Не случайно Пленум Верховного Суда РФ посвятил этим вопросам отдельное постановление³³⁶, актуализировав его еще и в 2016 году.

В УПК РФ право на обжалование процессуальных действий и решений провозглашено принципом уголовного судопроизводства (ст. 19).

В УПК РФ предусмотрено право подачи жалобы прокурору, руководителю следственного органа (ст. 124), а также и (или) в суд (ст. 125). Причем, сами участники уголовного процесса имеют право определиться: подать им сначала жалобу прокурору, руководителю следственного органа, а затем в суд, или, наоборот, подать жалобы одновременно прокурору, руководителю следственного органа и в суд.

Важным в этой связи представляется предложение, высказанное А.Б. Соловьевым и Н.А. Якубович о том, что «права и обязанности суда по контролю за законностью

³³⁴ Приложение №18.

³³⁵ См., к примеру: Носкова Е.В. Производство по рассмотрению судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. СПб., 2014. С. 245-250.

³³⁶ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 10 фев. 2009 г. №1 (ред. от 29 ноя. 2016 г.) // Сайт Верховного Суда РФ. Электрон. дан. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=6360 (дата обращения 05.02.2017).

предварительного следствия должны быть строго ограничены рамками, обусловленными положениями Конституции РФ и ратифицированными РФ международными правовыми актами. При этом целесообразно, чтобы механизм реализации в досудебных стадиях уголовного процесса ст. 46 Конституции РФ об обжаловании в суд решений и действий органов государственной власти и должностных лиц предусматривал бы по общему правилу предварительное обращение с жалобой к прокурору. Это необходимо, чтобы оградить суд от непосильной для него по объему работы, которую в настоящее время с большим напряжением выполняет аппарат органов прокуратуры»³³⁷.

Своеобразный взгляд на предназначение судебного контроля имеется у Ю.К. Якимовича.

«Судебный контроль (не надзор, а контроль) нужен тем более сейчас, когда, к сожалению, прокуратура далеко не в достаточной степени осуществляет надзор за производством предварительного расследования. Судебный контроль должен выражаться в рассмотрении жалоб на определенные, указанные в Законе, действия органов предварительного расследования и прокуратуры и в праве суда выносить по этим жалобам судебные приказы.

В первую очередь, суду должно быть предоставлено право рассматривать жалобы на законность привлечения лица в качестве обвиняемого, ведь именно с актом привлечения в качестве обвиняемого связаны все негативные последствия для этого лица.

Поэтому, обвиняемого и его защитника следует наделить правом обжаловать в суде законность и обоснованность привлечения в качестве обвиняемого, а суд – правом отменять указанное постановление в случае необоснованного или незаконного привлечения в качестве обвиняемого.

И это самое главное. Все остальное, в том числе и обжалование ареста, связано именно с рассмотренным выше правом. Иначе рассмотрение жалобы на арест превращается в пустую формальность: суд не входит в рассмотрение вопроса о законности привлечения в качестве обвиняемого, а ст. 96 УПК позволяет арестовать только на основании тяжести преступления любого обвиняемого»³³⁸.

По мнению А.В. Смирнова, нормы уголовно-процессуального закона не препятствуют обжалованию в суд в порядке статьи 125 УПК РФ постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и рассмотрению судом его законности и обоснованности. При этом суд, вынося постановление по жалобе, не должен предрешать в нем вопрос о виновности обвиняемого. Такое понимание указанной нормы соответствует конституционным правам

³³⁷ Соловьев А.Б. Предварительное расследование и прокурорский надзор ... С. 9.

³³⁸ Якимович Ю.К. Избранные статьи. 1997. С. 56-57.

человека и гражданина, в первую очередь на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом; на судебную защиту, презумпцию невиновности (часть вторая статьи 45, части первая и вторая статьи 46, часть первая статьи 49 Конституции РФ), а также согласуется со статьей 123 Конституции РФ, предусматривающей, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон³³⁹.

Конечно, в контексте выявления, исправления и предупреждения ошибок рассмотрение судом жалоб заинтересованных лиц на постановление о привлечении в качестве обвиняемого представляется одним из эффективных способов недопущения ошибок, особенно фундаментальных.

В реальной судебной практике встречались единичные случаи обжалования в суд в порядке ст. 125 УПК РФ постановлений о привлечении в качестве обвиняемого. Суд не удовлетворял данные жалобы, а в 2016 году Пленум Верховного Суда Российской Федерации высказался о том, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого не может быть обжаловано в суде, как, впрочем, и ряд других процессуальных действий и решений³⁴⁰.

В предложениях, представленных Президенту РФ в связи с необходимостью введения института следственного судьи, в качестве одного из полномочий такого судьи обозначена проверка им законности и обоснованности предъявления стороной обвинения первоначального обвинения (привлечения в качестве обвиняемого), а также окончательного обвинения, содержащегося в обвинительном заключении.

Результаты нашего опроса практических работников показывают, что убежденными сторонниками права на обжалование в суде постановления о привлечении в качестве обвиняемого являются адвокаты – 60,7% из них считают, что такое постановление может быть обжаловано в суд и по «вопросу права», и по «вопросу факта». 22,2% опрошенных работников прокуратуры, 30,8% - работников следствия, 20,3% - адвокатов полагают, что рассматриваемое постановление можно было бы обжаловать по «вопросу права» (законность его вынесения и законность квалификации инкриминируемого обвиняемому деяния). 83,3% судей считают, что данное постановление не должно подлежать обжалованию³⁴¹.

Как видно из представленных выше точек зрения как ученых, так и практиков, идея судебного контроля за предварительным расследованием, оперативно-разыскной деятельностью воспринимается по-разному.

³³⁹ Смирнов А.В. Обжалование в суд незаконного или необоснованного постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. Доступ из локальной сети Юридического института Сибирского федер. ун-та.

³⁴⁰ Постановление Пленума ВС РФ ... О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 ...

³⁴¹ Приложение №44.

Известный ученый-процессуалист И.Л. Петрухин, оценив доводы противников идеи судебного контроля за расследованием («данный институт заимствован из англо-американского процесса и связан с отступлением от российской традиции; этим институтом вводится «состязательность» на предварительном следствии, но у нас этого не должно быть; недопустимо выполнение надзорных функций сразу двумя органами – прокуратурой и судом; суд не может обеспечить постоянный и оперативный характер надзора; суды не готовы к этой работе и не справятся с ней; судебный контроль нарушает тайну следствия; недопустимо возлагать на суды принятие решений о прослушивании телефонных переговоров и наложении ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, (а поэтому следует приостановить действие ряда норм Конституции РФ и восстановить прокурорский порядок выдачи санкций»), признал их несостоятельными³⁴².

Но, вместе с тем, И.Л. Петрухин полагал, что судебный контроль недостаточно эффективен. По его мнению, объективным показателем эффективности судебного контроля явилась бы низкая удовлетворимость судами поддержанных прокурорами ходатайств органов расследования о получении разрешения на производство предусмотренных ч. 2 ст. 29 УПК РФ процессуальных действий³⁴³.

При проведении исследования мы предприняли попытку понять, по каким причинам снижается эффективность судебного контроля. Сами судьи при анкетировании в ряд наиболее серьезных проблем по судебному контролю поставили недостатки законодательного регулирования этого института. Учитывая, что судьи, прокуроры и даже следователи при ответе на этот вопрос проявляли определенную сдержанность, наибольший интерес для нас представили ответы адвокатов. 40,2% адвокатов отметили, что судья относится к судебному контролю как к чему-то второстепенному (ускоренные процедуры принятия решений при «закрытых дверях», приоритет в рассмотрении уголовного дела по существу, а затем уж выполнение обязанностей «дежурного судьи по арестам» и др.). 70,4% адвокатов подчеркнули, что судьи исходят из презумпции обоснованности ходатайств и/или позиции органов уголовного преследования. 30,4% адвокатов считают, что судьи удовлетворяют ходатайства органов уголовного преследования, потому что боятся быть заподозренными в коррупции и связях с преступниками³⁴⁴.

В последнее время настойчиво выдвигаются предложения о том, что изменить соглашательскую (по мнению ряда ученых) позицию федеральных судей при осуществлении

³⁴² Петрухин И.Л. Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием // Российская юстиция. 1998. №9. С. 12.

³⁴³ Петрухин И.Л. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно – розыскной деятельностью // Уголовное право. 2007. №2. С. 92.

³⁴⁴ Приложение №44.

ими судебного контроля возможно, если в судебную систему Российской Федерации ввести институт следственных судей как специализированный федеральный суд по контролю за расследованием³⁴⁵.

Опыт функционирования специализированных судов, осуществляющих судебный контроль, есть в ряде стран: Франции, Бельгии, Испании, Нидерландах, Италии, Финляндии и др.³⁴⁶ На постсоветском пространстве следственные судьи имеются в судебных системах Латвии, Литвы, Молдовы, Казахстана, Украины³⁴⁷.

В свое время И.Ф. Демидов выступал за создание в России «института специализированных органов судебной власти – федеральных следственных судей, осуществляющих исключительно функцию судебного контроля и свободных от полномочий по отправлению правосудия не только по делу, по которому они принимали решение на этапе досудебного производства, но также по любому другому делу. Следственный судья не может входить в состав какого-либо суда, однако должен иметь свой офис с соответствующим вспомогательным персоналом»³⁴⁸.

После заседания в октябре 2014 года президентского Совета по развитию гражданского общества и правам человека Президент РФ рекомендовал Верховному Суду РФ изучить вопрос о создании института следственных судей³⁴⁹.

³⁴⁵ Белкин А.Р. Следственный судья или следственный судья? // Уголовное судопроизводство. 2015. №3. С. 16-27 ; Мязелец О.А. Следственный судья в уголовном процессе России: за и против // Российская юстиция. 2008. №6. С. 39-42 ; Ковтун Н.Н. Специализированный следственный судья: за и против // Российская юстиция. 2010. №9. С. 41-45 ; Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве ... С. 4-5 ; Николок В.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России. Красноярск, 2003. С. 170 ; Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: Проблемы становления и развития. СПб., 2001. С. 71, и др. Необходимо отметить, что в научной среде озвучиваются предложения вернуть прокурору утраченные им полномочия (см.: Джатиев В.С. Следственный судья: нужен ли он России? // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию каф. управления органами расследования преступлений): Сб. матер. межд. науч.-практ. конф. М., 2015. Ч. 1. С. 219-225.) или даже объявляющие прокурора аналогом следственного судьи (см.: Барабаш А.С. Прокурор – следственный судья. С. 41-50).

³⁴⁶ Давыдова И.А. [и др.] Судебный контроль в уголовном процессе ; Ковтун Н.Н. О понятии и содержании понятия «судебный следователь» («следственный судья») // Российский судья. 2010. №5. С. 17-18.

³⁴⁷ О не во всем позитивном опыте деятельности следственных судей Республики Крым, когда Крым входил в состав Украины, см.: Михайлов М.А. Необходимость учета крымского опыта при решении вопроса о создании института следственных судей в Российской Федерации // Уголовное производство: Процессуальная теория и криминалистическая практика: матер. III межд. науч.-практ. конф. г. Симферополь-Алушта 24-25 апреля. Симферополь, 2015. С.54-56.

³⁴⁸ Демидов И.Ф. Судебная реформа и новые проблемы науки уголовного процесса // Вопросы укрепления законности в уголовном судопроизводстве в свете правовой реформы: матер. конференции. М., 1995. С. 24-25. Идею возрождения института следственных судей поддерживают также М.Е. Токарева и А.Г. Халиулин. См.: Соловьев А.Б. [и др.] Законность в досудебных стадиях уголовного процесса России. С. 59.

³⁴⁹ См.: Смирнов А.В. Докажите, ваша честь // Российская газета. Федеральный выпуск. 2015. №6573. С. 1.

Поручение Президента РФ Верховному Суду РФ основано на предложениях Т.Г. Морщаковой³⁵⁰. В этих предложениях, по сути дела, за следственными судьями сохраняются полномочия по осуществлению «арестного контроля», «процедурного контроля», «контроля по жалобам». Но, вместе с тем, добавляются новые полномочия, связанные с легализацией собранных сторонами значимых сведений в ранг судебных доказательств³⁵¹, а также с осуществлением следственным судьей слушаний при предании обвиняемого суду.

Позиция Т.Г. Морщаковой созвучна с моделью института следственного судьи, предлагаемого А.В. Смирновым³⁵². В состязательном уголовном судопроизводстве А.В. Смирнов предлагает деформализовать уголовное преследование, чтобы полученные уголовным преследованием (стороной обвинения) и стороной защиты сведения не становились судебными доказательствами немедленно, в самый момент их получения, а проходили бы определенную процедуру судебной проверки и признания (судебная легализация доказательств), «которая только и может служить подлинной гарантией гласности процесса и доброкачественности используемых доказательств». По мнению А.В. Смирнова, именно для легализации и «депонирования» судебных доказательств необходима фигура «судьи над следствием» - следственного судьи, которому перейдут и ныне существующие судебные контрольные полномочия на досудебных стадиях, и новые полномочия по легализации судебных доказательств, предъявлению обвинения лицу и преданию обвиняемого суду; «это ни в коей мере не судебный следователь, но «судья над следствием», так как он не принимает уголовное дело к своему производству на постоянной основе, а выполняет судебные функции дискретно, эпизодически в форме судебных заседаний и судебных слушаний с участием обеих сторон³⁵³.

³⁵⁰ Морщакова Т.Г. О концепции и порядке формирования института следственных судей в РФ [Электронный ресурс] // Сайт Международной ассоциации содействия правосудию. Электрон. дан. URL: <http://www.iaaj.net/node/1718> (дата обращения 05.02.2017).

³⁵¹ К примеру, в Германии «судья для дознания» может допрашивать свидетелей под присягой на досудебной стадии, когда данному доказательству присваивается статус особо важного доказательства. Безусловно, устанавливается и особая ответственность за ложные показания, данные под присягой. В Германии существуют 3 вида показаний: показания, данные полиции (ответственности за их ложность нет); показания, данные прокурору (уже установлена ответственность за их ложность); показания, данные суду под присягой (установлена особая ответственность за их ложность). См.: Бест Э. Уголовный процесс Германии // Уголовное судопроизводство. 2014. №4. С. 8-13.

³⁵² Смирнов А.В. Институт следственных судей – конституционное требование? // Уголовное судопроизводство. 2015. №2. С. 9-14 ; Смирнов А.В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе [Электронный ресурс] // Сайт Российского агентства правовой и судебной информации. Электрон. дан. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html (дата обращения 05.02.2017).

³⁵³ Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета [Электронный ресурс] // Сайт Российского агентства правовой и судебной информации. Электрон. дан. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141202/272697983.html (дата обращения 05.02.2017).

О депонировании доказательств см. также: Гамбарян А.С., Симонян С.А. Судебное депонирование показаний в современном уголовном процессе: монография / под науч. ред. докт. юрид. наук, проф. С.С. Аветисяна. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 160 с.

Критикуя концепцию следственного судьи, предложенную А.В. Смирновым, Л.В. Головки не находят в ней «ни позитивного опыта развитых правовых порядков, ни теоретической новизны, ни улучшения положения граждан в уголовном процессе, ни экономической целесообразности»³⁵⁴. Свою позицию авторитетный ученый-правовед детально аргументирует. Им отмечается, в частности, что в концепции допускается «полная фрагментация» доказывания, разрыв в деятельности по собиранию и оценке доказательств, «что неизбежно приведет уголовный процесс к хаосу»; выдвигаемый в ней «тезис о снижении нагрузки просто-напросто противоречит здравому смыслу» и др.

О.В. Отчерцова, анализируя предложенную концепцию, высказывает обоснованные сомнения в возможности ее применения для укрепления позиции защиты³⁵⁵.

Ю.П. Боруленков подчеркивает: следственный судья в концепции А.В. Смирнова является «слабым звеном», поскольку в доказывании он не в состоянии выполнять познавательную функцию³⁵⁶; что «наивно выглядят утверждения о возможности избавить следователя от ведомственного контроля путем его перемещения в судебную систему»³⁵⁷. Ю.П. Боруленков соглашается с необходимостью деформализации предварительного расследования, однако считает, что проводить эту работу следует в рамках сложившейся системы следственных органов³⁵⁸.

Мнение В.М. Быкова и Н.С. Мановой относительно института следственного судьи таково: «никакой необходимости в создании новой правоохранительной структуры нет, а законодателю следует расширить права прокурора в сфере уголовного судопроизводства»³⁵⁹. Авторы отмечают, что наделение следственных судей широкими полномочиями в досудебном производстве окончательно лишит следователей процессуальной самостоятельности и независимости»³⁶⁰. А В.Н. Карагодин считает, что позиция А.В. Смирнова и его сторонников в значительной мере основывается на «достаточно модной в настоящее время презумпции

³⁵⁴ Головки Л.В. Институт следственных судей: американизация путем манипуляции [Электронный ресурс] // Сайт Российского агентства правовой и судебной информации. Электрон. дан. URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20150320/273362096.html (дата обращения 05.02.2017). О резко отрицательной позиции по отношению к концепции института следственных судей возглавляемой Л.В. Головки кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ им. М.В. Ломоносова см.: Обсуждение инициативы СПЧ при Президенте РФ [Электронный ресурс] // Сайт Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Электрон. дан. URL: <http://www.law.msu.ru/node/34903/> (дата обращения 05.02.2017)/

³⁵⁵ Отчерцова О.В. Введение института следственных судей: станет ли предварительное следствие более состязательным? // Российская юстиция. 2015. №8. С. 63-66.

³⁵⁶ Боруленков Ю.П. Следственный судья как «слабое звено» уголовно-процессуального доказывания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. №3. С. 9.

³⁵⁷ Там же. С. 18.

³⁵⁸ Там же. С. 20.

³⁵⁹ Быков В.М. Нужен ли уголовному судопроизводству России следственный судья? // Законность. 2015. №6. С. 45.

³⁶⁰ Там же.

недобросовестности следователя»³⁶¹. Автор также высказывает недоумение относительно укрепления позиции стороны защиты в предлагаемой реорганизации, в частности, при назначении судебных экспертиз. По его мнению, существующих процессуальных средств, гарантирующих законные интересы всех участников процесса при назначении и производстве экспертиз, более чем достаточно³⁶².

Не поддержали предложение о создании института следственных судей и в Генеральной прокуратуре РФ. Там полагают, что «надзору не нужен контроль», что создание новой системы «приведет к вторжению суда в сферу деятельности гособвинения»³⁶³.

Сторонником института следственных судей является и председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин. По его мнению, внедрение института следственных судей «позволит продвинуться в решении системных проблем, по которым граждане либо суды регулярно направляют обращения в Конституционный Суд»³⁶⁴. Подробно В.Д. Зорькин свою позицию о необходимости института следственных судей в России изложил в докладе, в котором представил комплексную систему совершенствования судебной системы в России. По его мнению, «в ситуациях, когда один и тот же судья в уголовном процессе и производит судебный контроль за следствием, и выносит решения по тому же делу в судебном заседании, не могут не возникать сомнения в независимости и беспристрастности юридического результата»; введение института следственного судьи повысит эффективность судебного контроля за следствием и объективность судебного разбирательства, «поможет разорвать «обвинительную связку» между следствием и судом и заодно, хотя бы отчасти, преодолеть «обвинительный уклон» в отечественном правосудии»³⁶⁵. В.Д. Зорькин считает целесообразным, «чтобы изначально вопрос о квалификации деяния решался бы представителем судебной власти (например, следственным судьей)»³⁶⁶.

³⁶¹ Карагодин В.Н. Совершенствование досудебного производства как элемент уголовно-правовой политики // Библиотека криминалиста. 2015. №3. С. 25.

³⁶² Там же. С. 24.

³⁶³ Надзору не нужен контроль [Электронный ресурс] // Ведомости. 2015. №3824. Электрон. версия печат. публ. Доступ с Сайта Ведомости. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/05/05/genprokuratura-nepodderzhivaet-initsiativu-o-vvedenii-instituta-sledstvennih-sudei> (дата обращения 05.02.2017).

А также: О следственных судьях. Ответ Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс] // Сайт Генеральной прокуратуры РФ. Электрон. дан. Систем. требования: MicrosoftWord. URL: <http://genproc.gov.ru/upload/iblock/64d/2.doc> (дата обращения 05.02.2017).

³⁶⁴ Глава КС поддержал идею создания института следственных судей [Электронный ресурс] // Сайт РИА Новости. Электрон. дан. URL: <http://ria.ru/society/20141217/1038845017.html#ixzz3Pdd29C34> (дата обращения 05.02.2017).

³⁶⁵ Зорькин предлагает создать отдельные кассационные суды в СОЮ и институт следственных судей // [Электронный ресурс] // Сайт ПРАВО.РУ. Электрон. дан. URL: <http://pravo.ru/news/view/81000/> (дата обращения 05.02.2017).

³⁶⁶ Глава КС поддержал идею создания института следственных судей. URL: <http://ria.ru/society/20141217/1038845017.html#ixzz3Pdd29C34>. См. также: Зорькин В. Конституция живет в законах [Электронный ресурс] // Российская газета. 2014. №6560. Электрон. версия печат. публ. Доступ с сайта Российской Газеты. URL: <https://rg.ru/2014/12/18/zorkin.html> (дата обращения 05.02.2017).

Широкие дискуссии в научном мире вызвала доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ, подготовленная коллективом авторов под руководством А.С. Александрова³⁶⁷. В этой модели есть много различных кардинальных предложений по реформированию уголовного судопроизводства, в том числе, неизвестные ныне действующему российскому уголовно-процессуальному законодательству нормы института следственного судьи, о котором сказано, что следственный судья – федеральный орган судебной власти (суд), функционирующий независимо от судов общей юрисдикции и реализующий в досудебном уголовном производстве комплекс юрисдикционных и следственных функций. Из дальнейшего изложения следует, что эти функции связаны:

- 1) с разрешением спора относительно применения существенных мер процессуального принуждения;
- 2) с обеспечением прав и законных интересов участников уголовного процесса;
- 3) с депонированием по требованию сторон предположительно легитимных доказательств по делу.

Интересный компаративистский анализ института следственного судьи в досудебном уголовном судопроизводстве сделан В.Н. Григорьевым, И.А. Зинченко и А.П. Поповым³⁶⁸. По мнению этих ученых, какими бы привлекательными ни представлялись исследователям отдельные институты и нормы законодательства романо-германской правовой семьи (континентальная система), они далеко не всегда успешно адаптируются к российским реалиям. Поэтому, на их взгляд, рациональным является использование сопоставимого законодательства - в уголовно-процессуальном праве таковым выступает, во-первых, предшествующее ныне действующему российское законодательство о судостроительстве и судопроизводстве, и, во-вторых, современное законодательство государств ближнего зарубежья. Можно утверждать, что в ряде позиций в нем учтены просчеты, допущенные при подготовке и принятии УПК РФ³⁶⁹.

В.Н. Григорьев, И.А. Зинченко и А.П. Попов особо подчеркивают, что по законодательству стран ближнего зарубежья в современном понимании следственный судья – это один из судей суда *первой инстанции*, которому, наряду с осуществлением правосудия по уголовным делам, вменены полномочия, связанные с реализацией судебной власти (судебного контроля) в досудебном производстве. При этом их статус несколько отличается от статуса российских судей, имеющих аналогичные полномочия. Отличия заключаются в объеме

³⁶⁷ Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / Под ред. А.С. Александрова. М., 2015.

³⁶⁸ Григорьев В.Н. Компаративистские заметки об институте следственного судьи в досудебном уголовном судопроизводстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. №1. С.13-19.

³⁶⁹ Попов А.П. Уголовный процесс: проблемы современного доказательственного права современной России. Пятигорск, 2014. С. 15-18.

полномочий, а также в процедуре наделения одного из судей соответствующего суда статусом следственного судьи. Так, в уголовном процессе всех перечисленных соседних государств следственные судьи по ходатайству прокурора или следователя принимают решения о проведении негласных (специальных, разведывательных) следственных действий. Во все УПК (за исключением УПК Латвии) включено депонирование показаний – проводимый в исключительных случаях допрос следственным судьей свидетеля при производстве предварительного расследования. Существуют и другие особенности. Например, УПК Казахстана (ст. 55) вменяет в обязанность следственного судьи объявление международного розыска, а также решение вопроса о принудительном допросе по ходатайству защитника ранее опрошенного им свидетеля, обеспечение явки которого затруднительно. В соответствии с п. 5 и 6 ч. 1 ст. 41 УПК Латвии, следственный судья вправе принимать решения по жалобам о неоправданном нарушении тайны частной жизни и других охраняемых законом тайн, об освобождении лица от уплаты за оказание помощи адвокатом. В ст. 41 УПК Молдовы включены такие полномочия судьи по уголовному преследованию как рассмотрение заявлений об ускорении уголовного преследования, об исключении из решения некоторых пунктов обвинения в случаях, если осужденный был экстрадирован. Существует специфика и в порядке формирования корпуса следственных судей (их назначении или избрании, сроках полномочий и др.), свидетельствующая о неординарном отношении к этому участнику досудебного производства как к наиболее авторитетному и опытному сотруднику.

А.Р. Белкин, являясь сторонником института следственных судей, предлагает оригинальную структуру для апелляционного обжалования решений таких судей. «Коль скоро сами следственные судьи будут «приближены к земле», апелляционный пересмотр их решений может происходить на уровне субъектов РФ (военных округов), причем для ускорения процесса целесообразно обособить соответствующую инстанцию, явно отделив ее от суда субъекта РФ (или военного суда соответствующего уровня... Решение следственного судьи не является итоговым решением по делу и в интересах ускорения процесса вполне может пересматриваться единолично судьей более высокого уровня»³⁷⁰.

Исследованная нами позиция практических работников по поводу создания в настоящее время в России института следственного судьи для осуществления судебного контроля на досудебных стадиях показала, что в создании такого института не видят необходимости 72,2% судей, 77,8% работников прокуратуры, 82,1% следователей, 70,6% адвокатов³⁷¹.

³⁷⁰ Белкин А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть XI. Иные вопросы досудебного производства. М., 2016. С. 92.

³⁷¹ Приложение №44.

Тем не менее, идея института следственного судьи (судьи по контролю за предварительным расследованием) представляется актуальной и перспективной. Но реалии таковы, что в настоящее время к кардинальным изменениям в судебной структуре и в содержании судебной деятельности не готовы ни политики, ни практические работники уголовной юстиции. Как показали наши исследования, однозначных оснований для введения института следственного судьи нет, но, вместе с тем, постановка такого вопроса имеет основания.

В этой связи нами предлагается следующее: в составе судейского корпуса федеральных судей районного и приравненного к нему уровней определить группу наиболее подготовленных судей (к примеру, с опытом следственной, прокурорской, адвокатской работы до начала судейской карьеры), которых именовать судьями по контролю за предварительным расследованием. Данные судьи должны будут заниматься только вопросами судебного контроля, не рассматривая уголовные дела по существу (не исключается, что они могут рассматривать материалы в порядке исполнения приговора, по сути дела, в качестве «пенитенциарных судей»).

Таким образом, из теоретических конструкций по следственным судьям, о которых мы вели речь выше, мы исключаем особо критикуемые тезисы о «четыре следственных судьях на регион», о создании отдельного офиса и отдельной специализированной системы следственных судей наряду с существующей судебной системой.

В число полномочий судей по контролю за предварительным расследованием мы предлагаем включить все три вида судебного контроля, который на сегодняшний день осуществляется федеральными судьями – «арестный контроль», «процедурный контроль», «контроль по жалобам»: содержание данных видов судебного контроля мы рассматривали выше.

Одновременно с классическими видами судебного контроля судьи по контролю за предварительным расследованием могли бы дополнительно осуществлять следующие судебно-контрольные полномочия:

- «депонирование» по обращению сторон уголовного судопроизводства доказательств по уголовному делу: при этом важно будет определить очень четкий и узкий круг доказательств, которые «депонирует» суд, имея в виду при этом исключительный характер такого «депонирования» (к примеру, допрос свидетеля, находящегося в тяжелом болезненном состоянии при потенциальной опасности, что в дальнейшем при рассмотрении уголовного дела по существу произвести такой допрос в суде свидетеля может не представиться возможным по различным объективным причинам);

- разрешение вопросов, связанных с назначением судебного заседания по существу, имея в виду при этом:

а) именно судья по контролю за предварительным расследованием в финале этого расследования вновь рассмотрит вопрос о мере пресечения для обвиняемого, особенно, если он содержится под стражей;

б) рассмотрит по ходатайству сторон вопрос о признании отдельных собранных доказательств по уголовному делу недопустимыми (к этому моменту прокурор уже вручит обвиняемому обвинительные заключения, акт, постановления); важно предусмотреть, что при рассмотрении уголовного дела по существу суд имеет возможность вновь обратиться к разрешению вопроса о допустимости доказательств и принять свое решение о признании того или иного доказательства допустимым или недопустимым;

в) решит вопрос о рассмотрении уголовного дела судом присяжных, коллегией из трех судей или единолично судьей, что будет окончательным решением, к которому при рассмотрении уголовного дела по существу суд первой инстанции уже не будет возвращаться;

г) предварительно рассмотрит вопрос об особом порядке судебного разбирательства (при рассмотрении уголовного дела по существу не исключается ситуация возвращения к общему порядку судебного разбирательства);

д) рассмотрит иные вопросы, предусмотренные в главах 33-34 УПК РФ.

По сути дела, данный вид судебного контроля судья по контролю за предварительным расследованием будет проводить в форме судебного заседания как предварительные слушания по каждому уголовному делу.

Предлагаемые нами два дополнительных вида судебного контроля назовем также условно: «депонированный контроль» и «предсудебный контроль» (имея в виду контроль при назначении судебного заседания для рассмотрения уголовного дела по существу). И есть все основания полагать, что функционирование этих двух новых видов судебного контроля в общем механизме судебно-контрольной деятельности на досудебных стадиях позволит снизить порог следственных ошибок, эффективно их выявлять, исправлять и предупреждать.

Полагаем, что и в судах уровня субъекта Федерации и приравненного к нему уровня было бы целесообразно отдельно выделить группу судей-апелляторов по осуществлению судебного контроля за решениями, принятыми судьями по контролю за предварительным расследованием.

Основная критика судебно-контрольной деятельности действующих федеральных судей состоит в том, что они демонстрируют высокую «удовлетворяемость» ходатайств дознавателей, следователей об арестах подозреваемых и обвиняемых, о проведении следственных и иных процессуальных действий, посягающих на охраняемые Конституцией

РФ права и интересы человека и гражданина, и, наоборот, низкую «удовлетворимость» жалоб заинтересованных лиц, поданных в суд в порядке ст. 125 УПК РФ. Поэтому, безусловно, важно судьям по контролю за предварительным расследованием и судьям-апелляторам, осуществляющим судебный контроль на досудебных стадиях, руководящим Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации задать «иную систему координат» оценки их деятельности, чтобы такие судьи выступали не в роли «регистраторов» («штамповщиков») обращений следователей и дознавателей, а осуществляли бы на основании действующего законодательства эффективный судебный контроль за соблюдением принципа законности, защитой прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Необходимо констатировать следующее: все ошибки суда при осуществлении им судебного контроля на досудебных стадиях – это специфический вид судебных ошибок, которые нередко появляются в результате условий, созданных для этого следственными и прокурорскими ошибками, и которые впоследствии могут проявить себя и при судебном разбирательстве уголовного дела по существу, пока не будут выявлены и исправлены (если будут выявлены и исправлены) в ревизионных судебных инстанциях.

Таким образом, в контексте рассматриваемого нами модельного подхода в модернизации контрольно-надзорных механизмов устранения следственных ошибок в российском уголовном процессе мы выстраиваем **«модель динамичного судебного контроля» за досудебным производством**, которая в контексте стратегий уголовного преследования и защиты прав человека:

- расширяет юрисдикцию судебного контроля за счет введения таких новых его видов, как «депонированный контроль», т.е. легализацию на досудебных стадиях в ограниченных и четко оговоренных случаях некоторых доказательств, и «предсудебный контроль» - особо значимые для доказывания и процедуры рассмотрения уголовного дела по существу контрольные действия на стадии назначения судебного заседания;

- усиливает требования к «арестному» контролю (собрание, проверка и оценка именно *доказательств* в части обоснованности подозрения подозреваемого и обвиняемого в инкриминируемом ему деянии и его поведения в ходе производства по уголовному делу);

- реформатирует «процедурный» контроль и «контроль по жалобам»: перераспределяет от суда в пользу прокурора некоторые контрольно-надзорные полномочия, тем самым, усиливая существующий контроль: первоначальное «прокурорское санкционирование» следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных в ст. 165 УПК РФ, с возможностью последующего обжалования в суд в порядке ст. 125 УПК РФ решений прокурора по этим вопросам;

- не сужает границы действия «контроля по жалобам» (к примеру, позволяет обжаловать в суд постановление о привлечении в качестве обвиняемого и др.).

Функционирование «модели динамичного судебного контроля» предполагает совершенствование организационной структуры деятельности этих судей (в первую очередь, определенное обособление этих судей от федеральных судей, рассматривающих уголовные дела по существу, а также в порядке кассации и надзора).

Именно в «модели динамичного судебного контроля» за предварительным расследованием мы видим действенный уголовно-процессуальный механизм судебного контроля, магистральное направление развития которого связано с недопущением следственных ошибок, их выявлением, исправлением и предупреждением.

§2. Прокурорский надзор в механизме устранения ошибок

В системном построении механизма контрольно-надзорной деятельности по устранению судебных ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса **модель перманентного прокурорского надзора**, на наш взгляд, включает в себя ряд признаков: *объективная необходимость и историческая обусловленность прокурорского надзора; вневедомственный и всеохватывающий характер прокурорского надзора; перманентность прокурорского надзора и полномочия прокурора как руководителя уголовного преследования; «предсудебный» характер прокурорского надзора и ограничения для прокурора в принятии определенного круга окончательных решений.*

Объективная необходимость и историческая обусловленность прокурорского надзора

Многие годы, начиная с советского периода, в уголовном судопроизводстве в качестве единственного механизма контроля и надзора за соблюдением законности на досудебных стадиях существовал прокурорский надзор. С появлением процессуальной фигуры начальника следственного отдела стало возможным вести речь о втором механизме контроля – ведомственном. Судебная реформа в России в девяностых годах прошедшего столетия сформировала «контрольно-надзорную триаду»: к существующим контрольно-надзорным механизмам на досудебных стадиях – прокурорскому надзору и ведомственному контролю – добавился судебный контроль.

Долгие годы прокурорский надзор считался высшим надзором за законностью, а прокурора называли не иначе, как «хозяином» уголовного процесса: прокурорской властью арестовывались подозреваемые и обвиняемые, прокурор продлял им сроки содержания под стражей и он же продлял сроки следствия по уголовным делам, санкционировал обыски, имел

свой собственный следственный аппарат, мог сам возбуждать уголовные дела, отменять любое постановление дознавателя и следователя, давать им письменные указания по расследуемым делам, а при желании мог сам фрагментарно или полностью провести расследование любого уголовного дела и т.д.

Прокуратуру нельзя отнести ни к одной ветви государственной власти: ни к законодательной (представительной), ни к исполнительной (президентской), ни к судебной власти. Это отдельная структура федеральных государственных органов.

Основное назначение прокуратуры заключается в том, что она устанавливает любые нарушения законов, от какой бы власти, должностных лиц этой власти они ни исходили, и принимает меры к их устранению³⁷². «При этом прокуратура способствует взаимодействию властей, их согласованному функционированию как единой государственной власти, заинтересованной в соблюдении законов в государстве. Эти свойства, как представляется, позволяют отнести прокуратуру к системе «сдержек и противовесов».³⁷³

Специфика прокуратуры, по обоснованному, на наш взгляд, мнению В.Б. Ястребова, заключается в том, что «прокуратура является единственным государственным органом, для которого надзор за исполнением законов составляет смысл, сущность и основу деятельности»³⁷⁴.

Исходя из места прокуратуры в системе органов государственной власти, небезынтересно предложение Ю.К. Якимовича о том, что «назначаться Генеральный прокурор должен парламентом по представлению Президента, согласованному с высшими судебными органами России. Таков же должен быть и порядок смещения Генерального прокурора со своего поста»³⁷⁵.

Вместе с тем нельзя согласиться с позицией Ю.К. Якимовича о возможности функционирования в федеративном государстве двух систем прокуратур - федеральной и субъектов федерации: «Федеральные прокуроры не должны иметь никакого отношения к надзору за соблюдением законов республиканских – для этого в самих республиках могут быть образованы свои собственные, не подчиняющиеся федеральным прокурорам, прокуратуры»³⁷⁶. Подобные предложения подрывают оправдавший себя временем принцип единства и централизации в организации и деятельности прокуратуры (ст. 4 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации»), противоречат положениям ст. 129 Конституции РФ.

³⁷² Азаров В.И. Акты прокурорского реагирования в российском уголовном судопроизводстве. М., 2014.

³⁷³ Соловьев А.Б. [и др.] Законность в досудебных стадиях уголовного процесса России. С. 18.

³⁷⁴ Ястребов В.Б. Надзор за исполнением законов как основная функция прокуратуры // Проблемы совершенствования прокурорского надзора. К 275-летию Российской прокуратуры: материалы научно-практ. конф. / Отв. ред. В.Б. Ястребова. М., 1997. С. 15.

³⁷⁵ Якимович Ю.К. Избранные статьи. 1997. С. 34.

³⁷⁶ Там же. С. 35.

Вопрос о месте прокуратуры, ее организационном построении и деятельности является далеко не праздным для уголовного судопроизводства. Попытки ликвидировать надзорную функцию прокуратуры, превратить ее только в одну из сторон (сторону обвинения) в уголовном процессе, не соответствуют реальным потребностям сегодняшнего дня.

Заменить прокуратуру в уголовном судопроизводстве (введением институтов судебного контроля, ведомственного контроля, парламентского уполномоченного по правам человека и др.) не может ни один государственный орган. Лишь прокуратура способна эффективно и профессионально обеспечить постоянное слежение за исполнением законов на всех стадиях уголовного процесса, что реально дает возможность выполнять назначение уголовного судопроизводства, своевременно и быстро выявлять, исправлять и предупреждать как следственные, так и судебные ошибки.

Прокурорский надзор считают более эффективным, чем ведомственный контроль, 72,2% опрошенных нами судей (столько же и сами работники прокуратуры), по их мнению, прокурор в большей степени обеспечивает соблюдение прав граждан в уголовном судопроизводстве, так как не принадлежит к следственным ведомствам³⁷⁷.

Вневедомственный и всеохватывающий характер прокурорского надзора

Следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания ведомственно не подчинены прокурору. В устоявшейся системе органов уголовного преследования на прокурора возложена миссия руководителя уголовного преследования с наделением его соответствующим для выполнения этой миссии набором надзорных полномочий.

В настоящее время прокурор в полной мере не осуществляет процессуального руководства следователями: в прокуратуре теперь нет собственного следственного аппарата; прокуроры не ведут расследование уголовных дел; процессуальное руководство следователем осуществляет руководитель следственного органа.

Однако в современной модели прокурорского надзора прокурор осуществляет процессуальное руководство по отношению к дознавателю, начальнику подразделения дознания и начальнику органа дознания. Это, в определенной степени, парадокс, когда по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, подследственным следователям, прокурор урезан в надзорных функциях, а по малозначительным делам, подследственным дознанию, он обладает всеми полномочиями по процессуальному руководству дознанием. Это странный компромисс и своеобразная «подачка» прокурору. Но в контексте выявления, исправления и

³⁷⁷ Приложение №44.

предупреждения ошибок дознавателя (по сути – следственных ошибок) такое процессуальное руководство со стороны прокурора только на пользу дела.

Письменные указания прокурора о направлении расследования, производстве процессуальных действий и другие его полномочия – один из эффективных способов воздействия прокурора на активность дознавателей при расследовании ими уголовных дел.

Как опытный юрист, (а подчас – и опытный следователь), прокурор может спрогнозировать возможные ошибки дознавателя, выявить их, и своими указаниями заложить оптимальную программу раскрытия и расследования дела, сориентировать дознавателя на предупреждение этих ошибок по делу или их исправление.

Чтобы избежать следственных ошибок, прокурор как процессуальный руководитель дознания дает согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании постановления суда; отменяет незаконные и необоснованные постановления дознавателя; разрешает отводы, заявленные дознавателю, а также его самоотводы; отстраняет дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущены нарушения требований УПК РФ; изымает любое уголовное дело у органа дознания и передает его следователю с обязательным указанием мотивов такой передачи; утверждает постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу и др.

Безусловно, все это выглядит эффективно в контексте выявления, исправления и предупреждения ошибок при производстве дознания. Но прокурор должен в пределах предоставленных ему полномочий процессуально руководить и предварительным следствием, и дознанием.

В данной связи, на наш взгляд, прокурорский надзор за предварительным расследованием, представляющий собой сложный организационно-правовой механизм, должен включать в себя следующие компоненты:

- реализацию прокурором полномочий руководителя уголовного преследования через осуществление процессуального руководства всем предварительным расследованием;
- реализацию прокурором полномочий руководителя уголовного преследования через осуществление надзора за исполнением законов всеми должностными лицами органов предварительного следствия и дознания.

Перманентность прокурорского надзора в контексте полномочий прокурора как руководителя уголовного преследования

В отличие от судебного контроля прокурорский надзор, как и ведомственный контроль, осуществляется прокурором на стадии возбуждения уголовного дела и всех этапах его предварительного расследования, то есть, перманентно (непрерывно).

Современный прокурорский надзор в выявлении, исправлении и предупреждении ошибок в уголовном судопроизводстве занимает особую позицию.

Реформы, проводимые в последние годы, существенно ослабили влияние прокурорского надзора в уголовном процессе. Однако и сейчас прокурорская власть могущественна. По мнению В.К. Гавло и Н.А. Дудко, «наиболее эффективной формой контроля за предварительным расследованием является прокурорский надзор: он обеспечивает более быстрое выявление и устранение пробелов и ошибок расследования»³⁷⁸.

Действительно, с началом судебной реформы исчез тезис, что прокурор надзирает за судами. Постепенно от прокурора стали уходить его значимые властные полномочия на предварительном расследовании уголовных дел к суду и к ведомственному контролеру (начальнику следственного отдела, ныне – руководителю следственного органа).

Среди ученых-правоведов идет дискуссия по поводу современного процессуального статуса прокурора в уголовном судопроизводстве.

Часть ученых - это сторонники полного или частичного восстановления утраченных прокурором полномочий по надзору за предварительным следствием³⁷⁹.

Ряд ученых высказывали и продолжают высказывать серьезную тревогу по поводу сворачивания властно-распорядительных полномочий прокурора при осуществлении им надзора за предварительным следствием (в отношении органов дознания у прокурора пока остаются прежние полномочия). По мнению А.Б. Соловьева, «внесение изменений в УПК РФ превращает прокурора в декоративную фигуру, лишенную возможности реально осуществлять надзор за исполнением законов следователями. Образовался своего рода процессуальный вакуум для реализации надзорной функции. Более того, принятыми решениями законодатель практически ликвидировал функцию надзора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства»³⁸⁰.

³⁷⁸ Гавло В.К. Институт возвращения судом дел на дополнительное расследование нуждается в совершенствовании // Известия Алтайского государственного университета. 2001. №2. С. 45-50. Цит. по: Гавло В.К. Избранные труды. Барнаул, 2011. С. 489-502.

³⁷⁹ Буланова Н. Правовая регламентация прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Уголовное право. 2009. №3. С. 73-76 ; Никитин Е.Л. Концептуальный подход к определению функций и системы полномочий прокуратуры в России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2008. №6. С. 60; Халиулин А.Г. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Законность. 2007. №9. С. 15-20 ; Осюк Т. Усмотрение прокурора в уголовном процессе // Законность. 2010. №3. С. 3-9 и др.

³⁸⁰ Соловьев А.Б. Проблема обеспечения законности при производстве предварительного следствия в связи с изменением процессуального статуса прокурора // Уголовное судопроизводство. 2007. №3. С. 14.

Другие ученые считают, что возврат к «прокурорскому дознанию» невозможен»³⁸¹.

В современных условиях у прокурора по-прежнему остается достаточно широкий круг полномочий по обеспечению законности предварительного расследования: он отменяет незаконные или необоснованные постановления следователя о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении уголовного дела, о прекращении уголовного дела; возвращает на дополнительное расследование уголовное дело, поступившее к нему с обвинительным заключением; участвует в рассмотрении судом ходатайств следователя о даче разрешения на проведение ряда следственных и процессуальных действий; направляет в следственные органы свои требования об устранении нарушений федерального законодательства; изымает уголовные дела у следователей различных ведомств и передает их следователям Следственного комитета России; получает от следователя уведомления о проведении им (ввиду неотложности без разрешения суда) обыска, выемки в жилище и других действий, требующих по общему правилу разрешения суда, а также копии постановлений о возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого и др.; подписывает статистические карточки на выявленное преступление (практически это означает, что без согласия прокурора не может быть возбуждено ни одно уголовное дело), о результатах расследования (в них содержится вся информация о проведенном предварительном следствии) и др.

В этих полномочиях, так или иначе, проявляется функциональная направленность деятельности прокурора в уголовном процессе.

Вопрос о функциях прокурора всегда интересовал и продолжает интересовать ученых-правоведов³⁸².

По мнению Л.М. Володиной³⁸³, прокурор в уголовном процессе выполняет свою основную функцию – надзор за исполнением закона, а также при этом осуществляет функции уголовного преследования, процессуального руководства расследованием уголовных дел и поддержания государственного обвинения в суде.

Н.П. Кириллова отводит прокурору в значительной степени миссию государственного обвинителя, но при этом отмечает, что «принцип состязательности не предполагает поддержания государственного обвинения во что бы то ни стало и любыми средствами, а реализация правозащитной функции прокуратуры предусматривает обязанность

³⁸¹ Шейфер С.А. Реформа предварительного следствия: правовой статус и взаимоотношения прокурора и руководителя следственного органа // Государство и право. 2009. №4. С. 55.

³⁸² Рябина Т.К. О соотношении функций прокурора в уголовном судопроизводстве // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: сб. науч. статей. Курск, 2007. Ч. 1. С. 109-117 ; Бушковская Е.Н. Надзор прокурора за процессуальной деятельностью следователя и дознавателя в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011 ; Буглаева Е.А. Участие прокурора в ходе предварительного следствия. М., 2013.

³⁸³ Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса. С. 308-313.

государственного обвинителя отказаться от обвинения, если оно не нашло своего подтверждения в суде»³⁸⁴.

В.С. Шадрин высказывается за сильную обвинительную власть, прежде всего в лице прокурора, в целях эффективного преследования лиц, совершивших преступления³⁸⁵.

А.С. Барабаш полагает, что прокурор приходит в процесс не как обвинитель, а как представитель органа надзора, поскольку ни в рамках процессуального руководства расследованием, ни в рамках утверждения обвинительного заключения по делу прокурор не участвовал в исследовании доказательств³⁸⁶.

А.Д. Бойков полагал, что прокурору в уголовном процессе, регулирующем «наиболее острые общественные отношения, определяющие взаимоотношения личности и государства в репрессивной сфере»³⁸⁷, должны быть отведены особые полномочия в осуществлении надлежащего надзора за предварительным следствием и дознанием.

Следует отметить, что как бы мы не описывали функции прокурора, те полномочия, которыми он в настоящее время располагает, позволяют ему в определенных пределах влиять на процесс выявления, исправления и предупреждения ошибок в осуществлении уголовно-процессуальной деятельности следователями и дознавателями.

Практические работники, отвечая на вопрос: «При каких формах контроля (субъектах контроля): самоконтроль следователя, ведомственный контроль руководителя следственного органа, прокурорский надзор со стороны надзирающего прокурора, судебный контроль суда на досудебных стадиях, деятельность суда на судебных стадиях, деятельность адвоката - наиболее эффективно выявляются ошибки следователя и дознавателя?», расположили надзирающего прокурора в порядке рейтинга следующим образом:

- судьи поставили прокурора на 1 место (чаще всего);
- работники прокуратуры также определили надзирающему прокурору 1 место (чаще всего);
- следователи, руководители следственного органа отнесли прокурора на 3 место из 6 субъектов контроля;
- адвокаты определили надзирающему прокурору 4 место в рейтинге эффективности из числа шести контролеров.

³⁸⁴ Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. СПб., 2007. С. 96.

³⁸⁵ Шадрин В.С. Уголовно – процессуальная деятельность прокурора и органов предварительного расследования. СПб., 2005. С. 12.

³⁸⁶ Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно – процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005. С. 40-45.

³⁸⁷ Бойков А.Д. Третья власть в России ... С. 62-63.

Соответственно, есть все основания говорить о том, что прокурорский надзор двумя «особо статусными» субъектами уголовно-процессуальной деятельности признан самым эффективным средством в выявлении, исправлении и предупреждении ошибок, а позиция иных субъектов уголовно-процессуальной деятельности – следователей, руководителей следственного органа, адвокатов, не «отдавших прокурору первое место», показывает необходимость совершенствования технологий прокурорского надзора. Тем более, что имеются серьезные причины, снижающие его эффективность: 61,1% прокурорских работников и 33,3% судей считают, что прокурор располагает недостаточным объемом процессуальных полномочий в осуществлении прокурорского надзора за предварительным расследованием уголовных дел; 56,4% следователей и руководителей следствия, 44,4% судей, 27,8% адвокатов низкую эффективность прокурорского надзора видят в том, что значительное количество прокурорских работников в настоящее время не имеет опыта следственной работы; 40,7% адвокатов, 33,3% следователей снижение эффективности прокурорского надзора связывают с осуществлением его в условиях конфликтного взаимодействия органов следствия и прокуратуры; 90,2% адвокатов, 59,0% следователей и руководителей следствия, 38,9% судей сбой в прокурорском надзоре видят в его ненадлежащей организации («работа на показатели», «отсутствие постоянного взаимодействия в работе со следователями и дознавателями» и др.). Коррупционную составляющую в деятельности прокуроров, препятствующую эффективному прокурорскому надзору, усмотрели лишь 5,1% опрошенных следователей³⁸⁸.

Основные полномочия прокурора сформулированы в ст. ст. 29 – 31 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации», а также в ст. 37 УПК РФ.

Нам представляется актуальным обратить на них внимание, прежде всего, с позиций их использования для устранения ошибок.

В России в 2011 – 2015 годах ежегодно **на досудебных стадиях уголовного судопроизводства** прокуроры выявляли от 4 до 6 миллионов нарушений закона. Из них более половины – это нарушения при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении³⁸⁹. Следовательно, именно прокурорская деятельность не позволила должностным лицам органов уголовной юстиции скрыть от учета преступления.

В соответствии с ч. 4 ст. 146 УПК РФ, копия постановления о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела незамедлительно направляется прокурору руководителем следственного органа, следователем, дознавателем. И если прокурор признает постановление о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела

³⁸⁸ Приложение №44.

³⁸⁹ Приложение №41.

незаконным и необоснованным, он вправе в срок не позднее 24 часов с момента получения материалов, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела или отказа в возбуждении дела, отменить своим мотивированным постановлением постановление о возбуждении уголовного дела или постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

В 2011 – 2015 годах ежегодно прокурорами лично и по их инициативе было **отменено** от 2,3 до 2,6 миллионов **постановлений** дознавателей и следователей об отказе в возбуждении уголовного дела³⁹⁰. Данные цифры свидетельствуют о наступательной деятельности прокуратуры в выявлении, исправлении и предупреждении следственных ошибок на стадии возбуждения уголовного дела. Но, в то же время, анализ указанной ситуации дает основания полагать, что на практике действует специфический «технологический конвейер», позволяющий дознавателям и следователям использовать данное прокурорское полномочие для увеличения во времени в силу различных причин стадии возбуждения уголовного дела.

Интересно отметить, что статистика отмен прокурором постановлений о возбуждении уголовного дела на порядок меньше вышеприведенной: в 2011 - 2015 годах в России прокуроры отменили от 19 до 35,5 тысяч постановлений дознавателей и следователей о возбуждении уголовного дела³⁹¹. Это наглядно показывает, что прокуроры вероятность допущения следственных ошибок снижают при проведении следственной, а не доследственной проверки.

С такими полномочиями на старте расследования уголовного дела, прокурор имеет возможность усмотреть, к примеру, в материалах, представленных следователю, дознавателю оперативно-разыскными подразделениями для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, провокации. А, к примеру, по материалам, связанным с заявлениями лиц о применении к ним незаконных методов (прежде всего – физического насилия) со стороны должностных лиц правоохранительных органов, прокурор имеет возможность своевременно поставить в своем постановлении вопрос о возбуждении уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ.

Следует заметить, что в настоящее время продолжает оставаться актуальным вопрос о возвращении прокурору полномочия своим собственным постановлением **возбуждать уголовные дела** и передавать их дознавателю, следователю для производства расследования.

Опрошенные нами 44,4% прокурорских работников, 27,8% судей, 20,3% адвокатов, 17,9% следователей и руководителей следствия положительно высказались о полномочии прокурора возбуждать уголовное дело (уголовное преследование)³⁹².

³⁹⁰ Приложение №41.

³⁹¹ Приложение №41.

³⁹² Приложение №44.

На наш взгляд, данное полномочие стоит вернуть прокурору, так как процедура предварительного расследования сообщения о преступлении всегда эффективнее доследственной проверки. Тенденция по расширению перечня следственных действий, которые в настоящее время возможно проводить до возбуждения уголовного дела, дискуссия об упразднении вообще стадии возбуждения уголовного дела и проведения полноценного расследования по всем сообщениям о криминальных событиях, как это принято в Германии и других странах, возврат прокурору полномочия возбуждать своим постановлением уголовное дело (уголовное преследование) будут последовательными в контексте постепенного возвращения утраченных прокурором с 2007 года полномочий, что положительно скажется на оперативности и качестве своевременно начатого расследования уголовных дел, и, в конечном итоге, будет способствовать минимизации ошибок по уголовным делам.

В настоящее время у прокурора имеется полномочие выносить мотивированное **постановление о направлении** соответствующих **материалов** в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных им нарушений уголовного законодательства (следует заметить, что именно у прокурора сосредотачивается значительный объем информации по применению сотрудниками правоохранительных органов незаконных методов деятельности; о нарушениях законности в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина, охраны труда, экономики, ЖКХ, федеральной безопасности, межнациональных отношений и экстремизма, борьбы с коррупцией и др.)³⁹³.

К примеру, в 2011 - 2015 годах ежегодно в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ в органы предварительного следствия прокурор направлял от 28,7 до 34,2 тысяч материалов. Следователями было возбуждено от 24,5 до 26,1 тысячи уголовных дел³⁹⁴. Это еще один из аргументов в пользу возвращения прокурору полномочия самому возбуждать уголовные дела.

Прокурор имеет право выставить **требование** органам дознания и следственным органам по устранению нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия, и, соответственно, рассматривать представленную руководителем следственного органа информацию следователя о несогласии с требованиями прокурора, принимать по ней решение.

В 2011 – 2015 годах в России прокуроры предъявили органам предварительного следствия большое количество требований об устранении нарушений законодательства в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ: в 2011 году – 83 223 требования, в 2012 году – 115 594

³⁹³ Приложение №40.

³⁹⁴ Приложение №40.

требования, в 2013 году – 147 337 требований, в 2014 году – 184 300 требований, в 2015 году – 215 246 требований³⁹⁵.

В соответствии с ч. 2-1 ст. 37 УПК РФ, прокурор по мотивированному письменному запросу имеет право **знакомиться с материалами** находящегося в производстве у следователей **уголовного дела**.

50,6% работников прокуратуры, 50,6% адвокатов, 50,0% судей считают важным, чтобы надзирающий прокурор имел право в любой момент запрашивать у следователя материалы уголовного дела для изучения и выставления требований об устранении нарушений законности и дачи письменных указаний по уголовному делу³⁹⁶: существующее в действующем законодательстве полномочие прокурора о запросе у следователя через соответствующее мотивированное постановление материалов уголовных дел имеется, но в рамках дальнейших действий прокурора после изучения уголовного дела говорится о требованиях прокурора по устранению нарушений законности, но не идет речь о письменных указаниях прокурора по уголовному делу, что крайне актуально в контексте выявления, исправления и предупреждения следственных ошибок.

Именно прокурор **утверждает обвинительное заключение, обвинительный акт, обвинительное постановление** по уголовному делу.

При поступлении от следователя, дознавателя расследованного уголовного дела надзорная деятельность прокурора по проверке его с целью выявления следственных ошибок приобретает особое значение. Ведь утверждая обвинительное заключение, обвинительный акт, обвинительное постановление, прокурор практически берет на себя ответственность за то, что дело не содержит следственных ошибок и может быть рассмотрено судом.

Представляется важным, чтобы прокурор, изучая дело и утверждая обвинительное заключение (обвинительный акт, обвинительное постановление), получил положительный ответ на вопрос: «Имеется ли в деле достаточная совокупность относимых, допустимых, достоверных доказательств, позволяющих доказать в суде виновность обвиняемого – как не признающего свою вину, так и признающего, если вдруг в суде он изменит свои показания или откажется от них?».

В этой связи вполне оправдано было бы в законодательном или ведомственном порядке с целью минимизировать ошибки, особенно фундаментальные, обязать прокуроров на заключительном этапе расследования по определенной категории дел (особо тяжкие и тяжкие преступления; в случае непризнания обвиняемым своей вины; по делам, где обвиняемый содержится под стражей) проводить наедине или с защитником беседу с обвиняемым по

³⁹⁵ Приложение №41.

³⁹⁶ Приложение №44.

результатам расследования дела, основным содержанием которой стало бы выяснение вопросов: считает ли обвиняемый свою вину доказанной, почему он не признает или признает частично себя виновным, не применялись ли к нему со стороны следователя, дознавателя, сотрудников полиции незаконные методы ведения следствия, был ли у обвиняемого со следователем, дознавателем психологический контакт, разъяснялись ли обвиняемому его права, обеспечено ли ему было право на защиту, имеет ли он какие-либо просьбы, ходатайства и др.?

Если вести речь о действенном прокурорском надзоре за предварительным расследованием уголовных дел, обеспечивающим выявление, исправление и предупреждение следственных ошибок, то такой надзор не может строиться лишь по документам и докладам следователя, дознавателя.

Живое общение с центральной фигурой уголовного процесса – обвиняемым, подчас, может оказаться наиболее эффективным в достижении назначения уголовного судопроизводства.

К тому же, для этого нет и организационных препятствий: по УПК РФ обвинительные документы вручает обвиняемому не суд, а прокурор (ст. ст. 222, 226 УПК РФ): вручение обвиняемому этих знаковых итоговых процессуальных документов по поручению (чаще всего – устному) прокурора следователями, дознавателями, а не самим прокурором, является незаконной и порочной практикой. Такой же порочной является и практика вручения обвиняемому обвинительных документов (заключения, акта, постановления) секретарями канцелярии прокуратуры. А уж тем более недопустимы случаи, когда уголовное дело от следователя, минуя прокуратуру, поступает в суд, а прокурор лишь утверждает обвинительные документы, не изучая материалов дела.

Прокурор в предусмотренных законом случаях возвращает уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления и устранения выявленных недостатков.

Прокурор, изучая уголовное дело, поступившее к нему с итоговым решением следователя, дознавателя (с обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением, постановлением о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по различным основаниям, постановлением о приостановлении предварительного расследования), и выявив следственные ошибки, имеет возможность

возвратить уголовное дело для производства дополнительного расследования со своими указаниями по ходу доследования.

Нет сомнений, что возвращение уголовного дела прокурором на доследование – мощный «фильтр» устранения следственных ошибок на стадии предварительного расследования, гарантия направления в последующем (после производства дополнительного расследования) в суд уголовного дела, не содержащего следственных ошибок.

Актуальность возвращения на доследование уголовного дела именно прокурором и именно на стадии предварительного расследования в настоящее время вызывается и тем, что из сферы судебного разбирательства институт возвращения судом (судьей) уголовного дела для производства дополнительного расследования юридически вытеснен, хотя возвращение судом уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом есть не что иное, как «завуалированная форма возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования», особенно в контексте известного постановления Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 года.

Оперативный надзор за ходом расследования уголовных дел прокурор осуществляет по поступающим от дознавателей, следователей **копиям** основных процессуальных документов, сосредотачивающихся в **надзорном производстве** прокурора (копии постановлений о возбуждении уголовного дела, принятии его к производству, соединении или выделении уголовных дел, о возбуждении ходатайств о продлении сроков содержания под стражей, об избрании меры пресечения, о привлечении в качестве обвиняемого, о приостановлении, прекращении уголовного дела, сообщения о задержании по подозрению в совершении преступления, копии обвинительных заключений, актов, постановлений и др.).

Осуществляя надзор за расследованием по поступающим копиям основных процессуальных документов, прокурор имеет возможность в первую очередь реагировать на допускаемые дознавателями, следователем нарушения конституционных прав и свобод личности, существенные нарушения уголовно-процессуального закона.

Необходимая информация с данных документов, как правило, заносится в компьютер, и прокурор может организовать действенный контроль за сроками расследования, содержания под стражей, предъявления обвинения и др.

Материалы надзорного производства дают определенную информацию о ходе и результатах расследования дела, необходимую, прежде всего, прокурору для ответов на поступающие запросы, жалобы, для поддержания государственного обвинения в суде, внесения в суд представлений и т.п.

В исключительных случаях, когда производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, а также личного обыска не терпит отлагательства, указанные следственные действия

могут быть произведены на основании постановления следователя, дознавателя без получения судебного решения. В этом случае следователь, дознаватель в течение 24 часов с момента начала производства следственного действия **уведомляют судью и прокурора о производстве следственного действия**, направляя им при этом необходимые процессуальные документы (копии постановления, протокола). Имея уведомление дознавателя, следователя и прилагаемые к нему копии процессуальных документов, прокурор получает возможность тщательно подготовить к судебному заседанию юридически грамотное и взвешенное обоснование своей позиции для дачи заключения. Получив уведомление и документы от дознавателя, следователя, судья в установленный законом срок проверяет законность произведенного следственного действия и выносит с учетом мнения прокурора и иных участников постановление о его законности или незаконности. Последнее решение влечет признание полученных в ходе проведенного следственного действия доказательств недопустимыми (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

Разрешение прокурором жалоб и заявлений участников процесса (ст. 124 УПК РФ) – один из эффективных способов выявления нарушений закона по уголовным делам. Расследование уголовного дела, особенно если по нему не установлены лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемых, если совершенное преступление приобрело особый общественный резонанс, если следователи, дознаватели допускают волокиту, грубость, бюрократизм, личную заинтересованность, непрофессионализм, нередко сопровождается большим количеством жалоб и заявлений от подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, их родственников, защитников и представителей, от других участников процесса.

В 2011 - 2015 годах ежегодно прокуроры в порядке ст. 124 УПК РФ рассматривали от 326 до 400 тысяч жалоб граждан на действие (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя при принятии, регистрации и рассмотрении сообщения о преступлении; от 245 до 266 тысяч жалоб по вопросам проведения следствия и дознания³⁹⁷.

По результатам рассмотрения жалобы прокурор выносит постановление о полном или частичном удовлетворении жалобы либо об отказе в удовлетворении. Но в любом случае у заявителя есть право данное постановление прокурора обжаловать вышестоящему прокурору и (или) в суд.

Вдумчивое, законное и справедливое разрешение прокурором таких жалоб и заявлений посредством проверки «отказных материалов» и материалов уголовных дел, личных встреч с лицами, подавшими жалобу, заявление, другими методами надзорной деятельности в

³⁹⁷ Приложение №42.

конечном итоге позволяет вести расследование уголовного дела в строгом соответствии с требованиями закона.

Прокурор имеет **полномочия** отменять незаконные и необоснованные постановления нижестоящего прокурора; передавать уголовное дело от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи уголовного дела в системе одного органа предварительного расследования) в соответствии с правилами подследственности, установленными ст. 151 УПК РФ; изымать любое уголовное дело у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать его следователю следственных подразделений Следственного комитета РФ с обязательным указанием оснований такой передачи.

Указанные полномочия прокурора обеспечивают наиболее полное и объективное расследование, а изъятия уголовных дел и их передачи должны делаться в целях устранения и предупреждения нарушений закона, обеспечения всесторонности, полноты, объективности расследования.

Эти полномочия, если они реализуются через мотивированные постановления прокурора, не посягают на процессуальную самостоятельность следователя, не являются вторжением прокурора в прерогативу ведомственного контроля, не должны порождать необъективность, заинтересованность прокурора в расследовании дела, ибо передача прокурором дел должна производиться без определения конкретного следователя, которому поручается расследование данного дела, так как это – прерогатива руководителя следственного органа.

Самым распространенным способом процессуального реагирования прокурора на серьезные недостатки в деятельности руководителя следственного органа, как показали результаты нашего исследования, является **представление** в адрес вышестоящего руководителя следственного органа.

Внося в адрес руководства следственных аппаратов и органов дознания представления об устранении выявленных нарушений, причин и условий, которые этому способствовали, прокурор может поставить вопрос о дисциплинарном наказании конкретных следователей, дознавателей, допустивших нарушения закона при расследовании уголовных дел.

В 2011 – 2015 годах ежегодно прокурорами вносилось от 86,6 до 102,3 тысяч представлений и информации в адрес руководителей органов дознания и предварительного следствия об устранении нарушений законности на досудебных стадиях уголовного процесса. В этот период ежегодно от 93,5 до 145,3 тысяч должностных лиц органов дознания и

предварительного следствия по инициативе прокурора были привлечены к дисциплинарной ответственности³⁹⁸.

Использование прокурором в необходимых случаях этого полномочия, неблагоприятные последствия для следователей, дознавателей (в служебном, материальном, моральном плане) при наложении дисциплинарных наказаний, заставляют их вести расследование уголовных дел в соответствии с законом, избегая следственных ошибок.

При проверке наличия законных оснований к **прекращению уголовного дела** прокурор должен убедиться в присутствии в материалах дела письменного согласия обвиняемого и наличии других необходимых условий на его прекращение. Полезным было бы на ведомственном уровне обратить внимание прокурора на возможность при прекращении дела лично провести беседу с обвиняемым, (с лицом, совершившем общественно-опасное деяние), чтобы убедиться в его согласии на прекращение дела, в знании им последствий такого прекращения, в первую очередь, о возможности предъявления к нему со стороны заинтересованных лиц иска в порядке гражданского судопроизводства.

Такая встреча, в конце концов, имела бы для обвиняемого профилактическое значение, а для прокурора служила бы гарантией того, что какие-либо следственные ошибки по делу исключены.

В 2011 – 2015 годах ежегодно прокурорами и по их инициативе было отменено от 24,7 до 31,7 тысяч постановлений о прекращении уголовных дел³⁹⁹.

Многолетняя практика изучения прокурором **приостановленных** производством уголовных дел также показала свою эффективность, особенно по нераскрытым («темным», неочевидным) преступлениям. У прокурора имеется полномочие отменять незаконные и необоснованные постановления дознавателей, следователей о приостановлении уголовных дел.

В 2011 – 2015 годах ежегодно прокурорами и по их инициативе было отменено от 405,6 до 443,7 тысяч постановлений о приостановлении предварительного расследования⁴⁰⁰.

Осуществление ведомственного контроля начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, руководителем следственного органа поднадзорно прокурору.

Во-первых, прокурору поднадзорна деятельность начальника подразделения дознания, руководителя следственного органа, соответственно, как дознавателя, следователя при расследовании ими конкретных уголовных дел.

³⁹⁸ Приложение №41.

³⁹⁹ Приложение №41.

⁴⁰⁰ Приложение №41.

Во-вторых, прокурор осуществляет надзор за исполнением руководителем следственного органа полномочий, предоставленных ему ст. 39 УПК РФ и исполнением начальником органа дознания, начальником подразделения дознания полномочий, предоставленных им ст. ст. 40.1, 41 УПК РФ.

Оперативное обеспечение процесса раскрытия и последующего расследования преступления способствует быстрому и эффективному достижению назначения уголовного судопроизводства, позволяет избежать значительного количества следственных ошибок по делу.

Значительными являются полномочия прокурора при осуществлении прокурорского надзора на различных этапах досудебного производства по уголовному делу.

Особое внимание прокурору при осуществлении прокурорского надзора необходимо обращать на обеспечение прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, регламентированных ст. 191 УПК РФ (участие педагога, психолога при проведении следственных и иных процессуальных действий с участием несовершеннолетних потерпевших, свидетелей; видеосъемка и киносъемка допросов и иных следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших, свидетелей и др.); ст. 45 УПК РФ (участие за счет средств государства адвоката в качестве представителя несовершеннолетнего потерпевшего при совершении преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего).

Приведенные выше статистические данные свидетельствуют о том, что активность прокуроров в осуществлении прокурорского надзора за дознанием и предварительным следствием в рамках предоставленных ему полномочий присутствует, но показатели допускаемых дознавателями и следователями ошибок по уголовным делам говорят о необходимости совершенствования организационно-процессуального механизма прокурорского надзора.

В ходе опросов практических работников нас интересовали вопросы, связанные с возвращением прокурору утраченных им процессуальных полномочий и наделением его новыми полномочиями.

22,2% судей и работников прокуратуры, 20,5% следователей и руководителей следствия полагают, что у прокурора должно быть право проводить отдельные следственные действия и расследование уголовных дел в полном объеме. Адвокаты, напротив, вообще не считают такое полномочие для прокурора необходимым⁴⁰¹. Не исключено, что качество прокурорского дознания и следствия, учитывая высокий статус прокуратуры и высокий

⁴⁰¹ Приложение №44.

профессиональный уровень прокурорских работников, могли бы быть в целом выше существующих дознания и предварительного следствия. Но наделение прокурора такими полномочиями явно вступает в противоречие с общей направленностью осуществляемой в России правовой реформы. Поэтому, по всей видимости, предварительное расследование и прокурорский надзор должны развиваться как самостоятельные виды уголовно-процессуальной деятельности.

Следует заметить, что опрошенные практические работники в основной своей массе не считают целесообразным участие прокурора в проведении дознавателем и следователем каких-либо следственных и иных процессуальных действий: за такое участие высказались лишь 11,1% судей и прокурорских работников, 10,4% адвокатов, 2,6% следователей⁴⁰². Таким образом, продвижение идеи о наделении прокурора полномочием участвовать в следственных или иных процессуальных действиях, несмотря на всю свою привлекательность в контексте своевременного и профессионального выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок, в современных условиях представляется не востребовавшейся.

В действующем законодательстве полномочие прокурора о запросе у следователя через соответствующее мотивированное постановление материалов уголовных дел имеется, но в рамках дальнейших действий прокурора после изучения уголовного дела говорится лишь о требованиях прокурора по устранению нарушений законности, но не идет речь о письменных указаниях прокурора по уголовному делу, что крайне актуально в контексте выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок.

Эффективное «прокурорское включение» в контексте выявления, исправления и предупреждения следственных ошибок было бы значимым, если бы прокурору вернули утраченное им полномочие продлевать сроки предварительного расследования уголовного дела с изучением при этом всех материалов дела: за возвращение данного полномочия высказались 44,4% судей, 38,9% прокурорских работников, 28,2% следователей и руководителей следствия, 10,7% адвокатов⁴⁰³.

Актуально по результатам опроса практических работников выглядит и вопрос о возвращении такого полномочия прокурора, как право прекращать своим постановлением уголовное дело (уголовное преследование): за восстановление данного утраченного полномочия высказались 70,2% адвокатов, 28,2% следователей и руководителей следствия, 27,8% работников прокуратуры, 22,2% судей⁴⁰⁴.

⁴⁰² Приложение №44.

⁴⁰³ Приложение №44.

⁴⁰⁴ Приложение №44.

Ученые и практики критически подходят к обсуждению вопроса о том, чтобы с момента возбуждения уголовного дела определять надзирающего за его расследованием прокурора, который будет поддерживать по данному уголовному делу обвинение.

55,6% работников прокуратуры, 51,3% следователей и руководителей следствия, 33,3% судей высказались за то, что это оправдано, но только по определенной категории дел («сложные», «громкие», «резонансные», по делам, где обвиняемый содержится под стражей, и т.п. дела). 70,8% адвокатов, 23,1% следователей и руководителей следствия считают, что такая схема прокурорского надзора необходима по всем уголовным делам⁴⁰⁵.

Таким образом, было бы вполне оправдано приказом Генерального прокурора Российской Федерации закрепить положение о том, что с момента возбуждения уголовного дела, относящегося к определенной категории, обозначенной нами выше, возможно приказом соответствующего прокурора определять надзирающего за его расследованием прокурора, который в последующем будет поддерживать по данному уголовному делу обвинение в суде.

Среди теоретиков и практиков озвучена инициатива закрепить на законодательном уровне право прокурора участвовать в предъявлении лицу обвинения.

Такое право прокурора на участие в предъявлении обвинения лицу по всем уголовным делам поддержали лишь 10,4% адвокатов и 5,1% следователей. Это же право прокурора, но при предъявлении обвинения по определенной категории уголовных дел («сложные», «громкие», «резонансные», по делам, где обвиняемый содержится под стражей, и т.п. дела), поддержали уже 25,6% следователей и руководителей следствия, 16,7% работников прокуратуры, 11,1% судей⁴⁰⁶.

На наш взгляд, было бы оправдано и на законодательном уровне, и приказом Генерального прокурора Российской Федерации закрепить, что по определенной категории уголовных дел, обозначенных нами выше, надзирающий прокурор может по своему усмотрению принимать участие в предъявлении обвинения лицу с целью минимизировать допущение ошибок по уголовному делу и в «вопросе факта» (фабула обвинения), и в «вопросе «права» (квалификация деяния).

Обсуждается и идея о возложении на прокурора обязанности по составлению обвинительного заключения по уголовному делу.

Данную новеллу поддерживают 20,7% адвокатов, 20,5% следователей и руководителей следствия; 5,6% работников прокуратуры и 5,1% следователей считают, что составлять обвинительное заключение прокурор должен при участии следователя; 7,7% следователей и руководителей следствия, 5,6% судей полагают, что прокурор при участии следователя

⁴⁰⁵ Приложение №44.

⁴⁰⁶ Приложение №44.

должен составлять обвинительное заключение по определенной категории уголовных дел («сложное», «громкое», «резонансное», по делам, где обвиняемый содержится под стражей, и т.п.)⁴⁰⁷.

Несмотря на приведенные выше результаты опроса практических работников, мы полагаем, что было бы полезно и на законодательном уровне, и приказом Генерального прокурора Российской Федерации закрепить, что по определенной категории сложных уголовных дел, обозначенных нами выше, надзирающий прокурор совместно со следователем могут составлять обвинительное заключение: это позволит минимизировать ошибки по уголовным делам.

Следует отметить, что при анкетировании подавляющая часть респондентов к указанным выше новациям отнеслась с настороженностью, предпочтя оставить все в полномочиях прокурора без особых изменений. К этому необходимо относиться с пониманием (пытаться просматривать в направлениях всех ответов рациональные моменты) с тем, чтобы с учетом такого отношения вносить научно-обоснованные предложения законодателю и правоприменителю по изменению ситуации в работе с ошибками к лучшему.

«Предсудебный» характер прокурорского надзора и ограничения для прокурора в принятии определенного круга окончательных решений

Окончательные решения по вопросам, связанным с вмешательством субъектов, ведущих уголовный процесс, в охраняемые Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина, законодатель относит к прерогативе суда. Но при этом прокурорский надзор носит и должен в большей мере носить «предсудебный» характер.

Важную миссию отводит законодатель прокурору при принятии решения о заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу, о продлении сроков содержания обвиняемого под стражей.

Согласно ч. 3 ст. 108, ч. 2 ст. 109 УПК РФ, дознаватель только с согласия прокурора может возбуждать перед судом ходатайства о принятии соответствующего решения.

В соответствии с ч. 4 ст. 108 УПК РФ, участие прокурора в судебном заседании при разрешении вопросов о заключении лица под стражу, о продлении сроков содержания лица под стражей является обязательным. Позиция прокурора, своевременно выявившего фундаментальную ошибку при принятии решений о заключении лица под стражу или продлении сроков его содержания под стражей, может быть определяющей для суда.

Вместе с тем, представляется важным усилить процессуальные полномочия прокурора при решении вопроса о заключении лица под стражу и продлении сроков его содержания под

⁴⁰⁷ Приложение №44.

стражей. Речь идет о полномочии прокурора утверждать ходатайство следователя о заключении лица под стражу или продлении сроков содержания под стражей (то есть, при отсутствии на постановлении следователя визы прокурора «утверждаю» или «согласен» материалы в суд не могут быть направлены). За указанное выше полномочие прокурора при опросе высказались 44,4% работников прокуратуры, 28,2% следователей и руководителей следствия, 11,1% судей, 10,8% адвокатов⁴⁰⁸.

С появлением в уголовном судопроизводстве института досудебного соглашения о сотрудничестве между прокурором и обвиняемым вопрос о мере пресечения (не заключение под стражу, а иная, более мягкая мера) может стать предметом соглашения, вследствие чего и позиция прокурора в суде при заключении под стражу и продлении сроков содержания под стражу может быть лояльной по отношению к лицу, который пошел на сотрудничество с прокурором.

Помимо рассмотрения вопросов, связанных с мерой пресечения, прокурор может участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении ходатайств о производстве иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения, и при рассмотрении жалоб в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ.

Прокурорские и следственные ошибки опасны тем, что они могут породить судебные ошибки.

Изложенные выше положения концептуально и нормативно обосновывают **модель перманентного прокурорского надзора** как основной контрольно-надзорной деятельности при досудебном производстве по уголовному делу, которая эффективно позволяет реализовать стратегии уголовного преследования и защиты прав человека. Данная модель прокурорского надзора в качестве значимого надзорного полномочия прокурора закрепляет за ним полномочие по процессуальному руководству уголовным преследованием в уголовном процессе. Будучи руководителем уголовного преследования, прокурор должен обладать властными полномочиями по возбуждению такого преследования (полномочием возбуждать уголовные дела), корректировке предварительного расследования (отмена незаконных постановлений следователя и дознавателя; продление сроков предварительного расследования), разрешению жалоб участников уголовного судопроизводства и заинтересованных лиц, выставлению официальных требований об устранении нарушений Закона, даче заключений при осуществлении судом судебного контроля на досудебных стадиях, выражению согласия (как гаранта законности) на осуществление процессуальных действий, посягающих на конституционные права и свободы человека и гражданина,

⁴⁰⁸ Приложение №44.

определение в необходимых случаях конкретного органа, призванного произвести полное, всестороннее и объективное расследование по уголовному делу в соответствии с требованиями закона и правил подследственности, возвращению уголовного дела следователю и дознавателю на дополнительное расследование и др.); полномочиями по окончательному инкриминированию уголовного обвинения лицу, а также заключению с ним досудебного соглашения о сотрудничестве и прекращению уголовного преследования.

При такой модели прокурорского надзора не исключается в законодательном порядке передача части полномочий суда на досудебных стадиях уголовного процесса прокурору.

Именно такая модель прокурорского надзора позволяет своевременно и эффективно выявлять, исправлять и предупреждать следственные ошибки на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

§3. Ведомственный контроль в механизме устранения ошибок

Говоря о «**ведомственном контроле**», мы должны иметь в виду две его важные составляющие: **процессуальный контроль**, регламентированный положениями УПК РФ, и **иной ведомственный контроль**, регламентированный ведомственными нормативными актами и включающий в себя организационно-административное руководство деятельностью следователя⁴⁰⁹. Этот иной (организационно-административный) ведомственный контроль во многом задает в уголовно-процессуальной деятельности тот курс, которому следует правоприменитель. По своей мощи он превосходит процессуальный контроль (процессуальное руководство) и даже «довлеет» над ним.

Подобного рода ведомственность можно критиковать, в особенности, когда она выражается в так называемом «ручном управлении». Но это данность, с которой приходится (и нужно) считаться, поскольку именно ведомственный подход достаточно часто позволяет своевременно и качественно выполнять назначение уголовного судопроизводства.

Современный ведомственный контроль, по сути дела, это тотальный контроль руководителей следственных органов, прежде всего, уровня субъекта Федерации над следователями низового звена (городов, районов и приравненного к ним уровней) и руководителями следственных органов низового уровня. Выстроены схемы «зонального», «предметного», «выборочного» и т.п. ведомственного контроля в дополнении к процессуальному руководству. Следователи из городов и районов региона по специальным закрытым каналам интернет-связи «сбрасывают» на рабочий стол компьютера руководителей

⁴⁰⁹ В научном обороте используется и такое устойчивое понятие, как «ведомственный процессуальный контроль», включающий в себя все аспекты деятельности руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания. См.: Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): учебник / Под ред. Э.К. Кутуева. СПб., 2016. С. 236-240.

следственных органов субъекта Федерации проекты постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, о возбуждении уголовного дела, об избрании «строгих» мер пресечения подозреваемому, обвиняемому (заключение под стражу, домашний арест, залог), о привлечении в качестве обвиняемого, о продлении сроков предварительного расследования, сроков содержания обвиняемого под стражей и домашнего ареста, о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), о приостановлении уголовного дела и др.; проекты обвинительных заключений. Руководители следственных органов регионального уровня регулярно проводят видео-совещания через закрытые каналы интернет-связи со следователями из территорий, вызывают их с мест в региональный центр на заслушивания, доклады, совещания, семинары и т.п.; шлют на места различные руководящие и методические циркуляры (к примеру, обязывают следователей по делам о ДТП со смертельным исходом однозначно обращаться в суд с ходатайствами о заключении подозреваемых, обвиняемых под стражу и т.п.). Вопрос о процессуальной самостоятельности следователя при функционировании выстроенного в настоящее время управленческого механизма ведомственного контроля выглядит, подчас, иллюзорно.

По мнению руководителей следственных органов регионального уровня, только такой организационно-правовой механизм, функционирующий в режиме тотального ведомственного контроля, способен на современном этапе избежать «произвола и хаоса» в следственной работе, эффективно прогнозировать, выявлять, исправлять и предупреждать следственные ошибки.

В процессе исследования мы пришли к выводу о необходимости поиска разумного компромисса между процессуальной самостоятельностью следователя и ведомственным контролем.

В системном механизме контрольно-надзорной деятельности по выявлению, исправлению и предупреждению следственных ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса **модель ведомственного контроля**, на наш взгляд, включает в себя ряд признаков: *объективную необходимость и историческую обусловленность ведомственного контроля; разнополярный характер ведомственного контроля и включенность в него элементов наставничества и подготовки кадров; «предсудебный» характер ведомственного контроля и поднадзорность ведомственного контроля прокурору; процессуальную и административную составляющие ведомственного контроля.*

Именно с учетом указанных выше признаков концептуально нами разработанная и представленная **модель ведомственного контроля** должна эффективно работать на выполнение задач по выявлению, исправлению и предупреждению следственных ошибок.

Объективная необходимость и историческая обусловленность ведомственного контроля.

Ведомственный контроль приобретает в современный период совершенно новый и особо значимый характер в контексте выявления, исправления и предупреждения ошибок. Этому способствовали реформы, связанные с перераспределением процессуальных полномочий от прокурора к руководителю следственного органа.

Ведомственным контролем принято называть деятельность руководителя следственного органа или руководителя вышестоящего следственного органа по принятию мер к наиболее полному, всестороннему и объективному производству предварительного следствия по уголовным делам.

Ведомственным контролем вполне правомерно обозначать и деятельность начальника органа дознания, начальника подразделения дознания за подчиненными им дознавателями при осуществлении дознания по уголовным делам.

Несмотря на схожесть полномочий прокурора в части дознания с процессуальным контролем, мы являемся сторонниками того, что и в отношении дознавателей, как и в отношении следователей, прокурор осуществляет прокурорский надзор сквозь призму процессуального руководства.

Для удобства изложения в дальнейшем, касаясь вопросов ведомственного контроля за предварительным расследованием, мы будем называть субъектом контроля лишь руководителя следственного органа, а не всех должностных лиц, которых указали выше.

История института ведомственного контроля ведет свой отсчет с начала 60-х годов, когда, в соответствии со ст. 127-1 УПК РСФСР, на начальника следственного отдела законодатель возложил контроль за своевременностью действий следователей по раскрытию и предупреждению преступлений и наделил его для этого рядом значимых процессуальных полномочий. В соответствии со ст. 34 УПК РСФСР, под начальником следственного отдела понимался начальник следственного комитета, управления, службы, отдела, отделения, группы органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, федеральной службы налоговой полиции и его заместители, действующие в пределах своей компетенции.

Появление в советском уголовном судопроизводстве процессуальной фигуры «начальника следственного отдела» повысило значение внутриведомственного контроля. Как отмечали в свое время И.Ф. Крылов и А.И. Бастрыкин, «с появлением процессуальной фигуры начальника следственного отдела акцент прокурорского надзора переместился с мер, обеспечивающих выбор направления и оптимальный ход следствия, на меры преимущественно правоохранительного и правосстановительного характера. Достаточно широкие процессуальные полномочия начальника следственного отдела позволяют ему

успешно контролировать деятельность следователя. На практике прокурор выполняет свои надзорные полномочия в отношении следователей органов МВД через начальника следственного отдела»⁴¹⁰.

Укрепление и развитие ведомственного контроля обусловлено следующей ситуацией, которая сложилась в следственных ведомствах России:

а) проблемы с качественным состоянием кадров следователей: недостаточный их образовательный и профессиональный уровень, отсутствие необходимого опыта следственной работы, жизненного опыта и т.п.;

б) сложная технология процесса расследования современных уголовных дел: их объемный характер, особые процедуры в собирании и проверке доказательств, полученных в результате оперативно-разыскных действий, непростая уголовно-правовая квалификация криминализованных в свете современной уголовной политики общественно-опасных деяний в сфере высоких технологий, бизнеса, налоговой системы и др.;

в) поступление значительного количества жалоб заинтересованных лиц в порядке ст. 123 УПК РФ;

г) высокая планка требований суда и прокурора при осуществлении ими судебного контроля и прокурорского надзора.

Таким образом, институт ведомственного контроля *исторически обусловлен и объективно необходим* сегодня для точного и неукоснительного выполнения назначения уголовного судопроизводства.

Разнополярный характер ведомственного контроля и включенность в него элементов наставничества и подготовки кадров

Говоря о признаке *разнополярности ведомственного контроля*, мы имеем в виду механизм его функционирования «на разных полюсах» - на низовом уровне следственных подразделений (уровень города, района и к ним приравненных подразделений) и на региональном, федеральном уровнях следственных подразделений и к ним приравненных. В продолжение изложенного выше, покажем наглядно два этих разных «полюса» ведомственного контроля.

Для следователей низовых следственных подразделений – «двойной» ведомственный контроль: через руководителей этих низовых следственных подразделений и через «тотальный» ведомственный контроль руководителей следственного органа (подразделений процессуального контроля⁴¹¹) уровня субъекта Федерации и приравненного к нему

⁴¹⁰ Крылов И.Ф. Розыск, дознание, следствие: учеб. пособие. Ленинград, 1984. С. 197.

⁴¹¹ Если проанализировать структуру аттестованного персонала следственного подразделения, к примеру, уровня субъекта Федерации, то примерно 60% в ней будут составлять следователи, а 40% - «процессуальные контролеры».

следственного органа. Для указанных следователей нормативно-теоретическая конструкция «процессуальная самостоятельность следователя» действует с учетом специфики «тотального» ведомственного контроля.

Для следователей следственных подразделений регионального и приравненного к ним уровней, а также следственных подразделений центрального аппарата следственных ведомств «тотальный» ведомственный контроль, практически, отсутствует: осуществляется правовой режим процессуальной самостоятельности следователя и в обычном правовом режиме действуют организационно-процессуальные механизмы ведомственного контроля.

С учетом *включенности в ведомственный контроль элементов наставничества и подготовки кадров*, первая составляющая указанной выше разнополярности, по сути дела, представляет собой ведомственную практико-ориентированную «Школу следствия», когда после окончания юридического ВУЗа реальный следователь в условиях реальной следственной деятельности проходит стажировку, первоначальную реальную следственную подготовку под руководством опытных наставников. На этом низовом уровне следственной деятельности номенклатура расследуемых дел с учетом процессуальных правил подследственности должна включать (и включает) в себя уголовные дела, условно называемые «несложные», «негромкие», чтобы минимизировать риски допущения следователями следственных ошибок. Наименования должностей таких следователей также должны быть соответственны (и по общему правилу соответствуют на текущий момент) низовому уровню следственного подразделения: младший следователь, следователь, старший следователь.

Вторая составляющая разнополярности ведомственного контроля представляет собой специализированный следственный аппарат соответствующего следственного ведомства. Следователи-профессионалы этих следственных подразделений с учетом процессуальных правил подследственности должны расследовать (и расследуют) условно называемые «сложные»⁴¹² и «резонансные»⁴¹³ уголовные дела, а также уголовные дела, изъятые по мотивированному постановлению руководителями вышестоящих следственных органов из производства следователей низовых следственных структур, которые оказались им «не под

⁴¹² «Сложные» уголовные дела – условный и в определенной степени оценочный термин: может включать в себя уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, особенно против жизни и здоровья личности, многоэпизодных и групповых преступлениях; о преступлениях, совершенных в условиях неочевидности; преступлениях, расследование по которым принимает затяжной характер, особенно, если в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу.

⁴¹³ «Резонансные» уголовные дела – также условный и в определенной степени оценочный термин: может включать в себя «громкие» (с точки зрения реакции общества, СМИ) преступления в отношении так называемых «медийных» персон (политиков, общественных деятелей и т.п.), а также совершенные этими персонами преступления; преступления в отношении детей, ветеранов войны и других лиц с так называемым «безгласным интересом».

силу» в виду отсутствия должного профессионализма и возможностей (оперативных, экспертных, технических и т.п.). Именно такой подход способствует минимизации риска допущения следственных ошибок. Наименования должностей следователей-профессионалов должны быть (и по общему правилу являются в настоящее время) соответствующими: следователь по особо важным делам, старший следователей по особо важным делам. Вполне допустим вариант, что эти следователи не обязательно могут дислоцироваться территориально в столицах субъекта Федерации, федерального округа, в приравненных к ним следственных органах и в центральном аппарате следственного ведомства: они могут дислоцироваться (в том числе и как прикомандированные) и на базе следственного подразделения городского, районного и приравненного к ним уровня, одновременно выполняя миссию следователя-наставника для следователей низовых следственных подразделений.

В изложенных выше составляющих рассматриваемой нами разнополярности ведомственного контроля есть место для позитивных эффектов в профессиональном становлении следователей: следственная карьера в обязательном порядке начинается с низового следственного подразделения и по мере профессионального становления развивается по восходящей, хотя в случае грубых профессиональных ошибок карьера может идти и по нисходящей линиям – понижение в должности за профессиональные просчеты и дисциплинарные проступки; подобная смена профессиональной деятельности (в подавляющем большинстве случаев речь, все же, идет о профессиональном и карьерном росте) позволяет следователям своевременно уходить от таких известных в психологии профессиональной деятельности негативных проявлений, как профессиональная деформация и профессиональное «выгорание», что, опять же, способствует минимизации допущения в работе следственных ошибок.

«Предсудебный» характер ведомственного контроля и поднадзорность его прокурору.

В УПК РФ в п. 18 ч. 1. ст. 5 о руководителе следственного органа сказано: «должностное лицо, возглавляющее соответствующее следственное подразделение, а также его заместитель».

В выявлении, исправлении и предупреждении ошибок в уголовном судопроизводстве ведомственный контроль имеет цель, которую можно обозначить следующим тезисом: «Надлежаще осуществляемый ведомственный контроль должен позволять оперативно раскрывать преступления, полно, всесторонне и объективно расследовать уголовные дела, прогнозировать, выявлять, исправлять, предупреждать любые нарушения законности на досудебных стадиях уголовного процесса». Исследователи ведомственного (процессуального) контроля в основном придерживаются именно такого отношения к

данному виду уголовно-процессуальной деятельности⁴¹⁴. В этом смысле ведомственный контроль имеет «предсудебный» характер.

С самого начала необходимо подчеркнуть, что, наделяя ведомственного контролера определенными процессуальными полномочиями, законодатель не ставил своей задачей создание дополнительного, наряду с прокурором, надзорного органа.

Еще на заре становления ведомственного контроля Х.С. Таджиев справедливо полагал, что «роль и назначение начальника следственного отдела в уголовном судопроизводстве заключается в том, чтобы надлежащим образом организовать следственную работу в возглавляемом подразделении, процессуально, то есть, используя предусмотренные в уголовно-процессуальном законе формы и методы, руководить расследованием уголовных дел, обеспечить его высокое качество, полноту, всесторонность и объективность»⁴¹⁵. То есть, ведомственный контроль не подменяет прокурорский надзор.

Технологически механизм осуществления ведомственного контроля обозначен через полномочия, указанные, прежде всего, в ст. 39 УПК РФ. Этим полномочиям корреспондируют полномочия прокурора, надзирающего за законностью деятельности «ведомственных контролеров» (ст. 37 УПК РФ). В этом смысле ведомственный контроль имеет поднадзорный характер.

Процессуальная и административная составляющие ведомственного контроля.

Процессуальная составляющая ведомственного контроля выражается в следующих полномочиях, которыми обладает руководитель следственного органа в силу закона (ст. 39 УПК РФ): поручает производство предварительного следствия следователю либо нескольким следователям; изымает уголовное дело у следователя и передает его другому следователю с обязательным указанием оснований такой передачи; проверяет материалы проверки сообщения о преступлении или материалы уголовного дела у подчиненных ему следователей; отменяет незаконные или необоснованные постановления своих следователей; дает согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения; уполномочен законом лично допросить подозреваемого, обвиняемого без принятия уголовного дела к своему производству при рассмотрении вопроса о даче согласия следователю на возбуждение перед судом

⁴¹⁴ Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля ... ; Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве ... ; Табаков С.А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Омск. 2009 ; Попова Т.Ю. Уголовно-процессуальный статус руководителя следственного органа. М., 2013.

⁴¹⁵ Таджиев Х.С. Прокурорский надзор и ведомственный контроль за расследованием преступлений. Ташкент, 1985. С. 71.

указанного ранее ходатайства; признает своим постановлением доказательство, имеющееся в деле, недопустимым; разрешает отводы, заявленные следователю, а также его самоотводы; отстраняет следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущены нарушения требований УПК РФ; в соответствии с требованиями УПК РФ, отменяет незаконные и необоснованные постановления нижестоящего руководителя следственного органа; продлевает срок предварительного расследования; утверждает постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу; дает согласие следователю, производившему предварительное следствие по уголовному делу, на обжалование в установленном законе порядке решения прокурора с его письменными указаниями о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков; сам возвращает уголовное дело следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, и др.

Руководитель следственного органа рассматривает требования прокурора об отмене незаконного или необоснованного постановления следователя и устранения иных нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, а также письменные возражения следователя на указанные требования; сообщает прокурору об отмене необоснованного постановления следователя и устранении допущенных нарушений либо о несогласии с требованиями прокурора.

Руководитель следственного органа в любой момент расследования уголовного дела может дать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и объеме обвинения; лично рассматривать сообщения о преступлении и участвовать в проверке сообщения о преступлении.

В современной следственной практике в значительном количестве случаев указания руководителя следственного органа даются подчиненным следователям устно и чаще всего – в виде совета, рекомендации, консультации. Достаточно часто на первых листах материалов, уголовных дел (на спецсообщениях, рапортах, заявлениях, сопроводительных письмах и др.) содержатся развернутые резолюции руководителей следственных органов, по сути своей являющихся письменными указаниями для следователей. Анализ этих резолюций («примите дело к производству и составьте план следственно-оперативных мероприятий», «задержите лицо по подозрению в совершении преступления», «проведите повторный, тщательный осмотр места происшествия...» и т.п.) показывает, что они во многом задают в общих чертах

программу раскрытия преступления и направление расследования уголовного дела, позволяют избежать многих следственных ошибок, особенно для начинающих, неопытных следователей.

Указания руководителя следственного органа обязательны для исполнения следователем, но могут быть обжалованы им руководителю вышестоящего следственного органа. Обжалование указаний не приостанавливает их исполнения, за исключением случаев, когда указания касаются изъятия уголовного дела и передачи его другому следователю, привлечения лица в качестве обвиняемого, квалификации преступления, объема обвинения, избрания меры пресечения, производства следственных действий, которые допускаются только по судебному решению, а также направления дела в суд или его прекращения. При этом следователь вправе представить руководителю вышестоящего следственного органа материалы уголовного дела и письменные возражения на указания руководителя следственного органа. И в этом основной смысл процессуальной самостоятельности следователя – конструкции в большей степени теоретической, так как следователи низового звена, практически никогда официально не вступают в спор со своим ведомственным руководителем, а для следователей-профессионалов вступление в такое официальное противостояние с ведомственным руководством – примеры из разряда единичных. Но, тем не менее, 88,9% опрошенных нами судей, 61,1% работников прокуратуры, 92,3% работников следствия, 70,1% адвокатов полагают, что необходимо сохранить институт процессуальной самостоятельности следователя в неизменном виде⁴¹⁶. Поэтому, раскрывая конструктивные элементы предлагаемой нами «модели разнополярного ведомственного контроля», мы не исключаем потенциальные возможности следователя быть процессуально самостоятельным.

Процессуальный спор следователя и руководителя следственного органа в указанных выше случаях разрешает руководитель вышестоящего следственного органа (ч. 3 ст. 39 УПК РФ) по правилу: прав следователь – вышестоящий руководитель отменяет указания нижестоящего руководителя следственного подразделения; прав руководитель следственного органа – руководитель вышестоящего следственного органа изымает дело из производства данного следователя и передаёт его для расследования другому следователю, чтобы «не ломать» внутреннее убеждение следователя, первоначально расследовавшего дело.

Изучение практики показало, что эффективность ведомственного контроля в контексте выявления, исправления и предупреждения ошибок (при наличии у ведомственных контролеров достаточного спектра полномочий) является низкой (в сравнении с прокурорским надзором).

⁴¹⁶ Приложение №44.

Проанализируем статистические данные об активности субъектов контрольно-надзорной деятельности по выявлению следственных ошибок.

В Красноярском крае прокурор на дополнительное расследование в 2013 году возвратил следователям подразделений ГСУ СК России по краю 92 уголовных дела; в 2014 году – 93. Суд в порядке ст. 237 УПК РФ возвратил прокурору в 2013 году 23 уголовных дела, расследованных следователями СК, в 2014 году – 25 уголовных дел. А вот руководители следственных органов системы СК по краю в 2013 году возвратили на дополнительное расследование своим подчиненным следователям всего 7 уголовных дел, в 2014 году – только 2 уголовных дела. Если высокую активность прокуроров еще в какой-то степени можно объяснять определенным «особым» отношением к уголовным делам, расследуемым следователями СК (определенный пресловутый «конфликт ведомств и интересов»), то достаточно высокий показатель судебной активности в контексте ст. 237 УПК РФ явно несопоставим с активностью руководителей следственных органов и не имеет никаких более менее логичных объяснений, кроме одного: подчас ведомственные контролеры руководствуются корпоративным интересом, нежеланием, неумением «употребить» предоставленную им ведомственную и процессуальную «власть» для выявления, исправления и предупреждения следственных ошибок.

В подтверждение недостаточного использования ведомственных и процессуальных полномочий руководителями следственных органов представляем следующие статистические показатели по Красноярскому краю: в 2013 году по делам следователей СК по 83 прекращенным уголовным делам прокуроры отменили как незаконные и необоснованные 42 постановления (50,6%), в 2014 году по 73 прекращенным уголовным делам отменили 44 постановления (60,27%). Остальные (а это менее половины постановлений о прекращении уголовных дел) отменили руководители следственных органов, в том числе, часть из них после принятия судебных решений в порядке ст. 125 УПК РФ о признании постановлений о прекращении уголовных дел незаконными.

По 65 приостановленным уголовным делам, расследованным следователями СК, в 2013 году прокуроры отменили 44 постановления об их приостановлении (67,69%), в 2014 году по 38 приостановленным делам они отменили 31 постановление (81,58%). По остальному, гораздо меньшему количеству уголовных дел постановления отменяли руководители следственных органов, в том числе, часть из них после принятия судебных решений в порядке ст. 125 УПК РФ о признании постановлений о приостановлении уголовных дел незаконными.

Руководители следственных подразделений ГСУ СК России по Красноярскому краю в 2013 году рассмотрели 5 795 различных жалоб и обращений от граждан, в 2014 году – 6 252

жалобы. Но в порядке ст. 124 УПК удовлетворили в 2013 году – 0 жалоб, в 2014 году – 2 жалобы⁴¹⁷.

Таким образом, проведенный нами анализ показывает, что результативность процессуального ведомственного контроля ниже, чем результативность прокурорского надзора, что свидетельствует о наличии определенных проблем.

Эти проблемы касаются, в том числе, и административной составляющей ведомственного контроля (разумеется, с учетом процессуальных полномочий) к рассмотрению которой мы и перейдем.

Создание следственной группы (и изменение ее состава) входит в число полномочий руководителя следственного органа (ч. 1 п. 1 ст. 39 УПК РФ). Именно он несет ответственность за формирование для расследования соответствующих дел коллектива работоспособных, психологически совместимых профессионалов-следователей. Не случайно, поэтому руководство следственной группой руководитель следственного органа иногда возлагает на себя, что, безусловно, положительно влияет на ход расследования дела.

Представляются заслуживающими положительной оценки действия руководителей следственных органов, которые в состав следственно-оперативных групп включают молодых, начинающих следователей с целью повышения их профессионального мастерства в ходе совместной работы по конкретному сложному делу под руководством более опытных коллег-следователей.

Поэтому своевременное и качественное создание руководителем следственного подразделения следственной (или следственно-оперативной) группы по раскрытию и расследованию совершенного преступления позволит снизить риски появления ошибок по расследуемым такой группой уголовным делам. Особенно важна слаженная деятельность следственно-оперативной группы в так называемые «дежурные сутки», когда положительный результат имеет работа «по горячим следам», когда необходимо качественно провести неотложные (первоначальные) следственные, иные процессуальные и оперативно-розыскные действия.

В данном контексте закономерным представляется постановка Следственным комитетом России вопроса об образовании внутри своей структуры собственных оперативной и экспертной служб. И если экспертная служба в настоящее время в данном следственном ведомстве почти сформирована (в составе управлений криминалистики есть эксперты-криминалисты, полиграфологи и другие специалисты), то оперативных подразделений пока

⁴¹⁷ Сведения из аналитической справки, представленной ГСУ СК России по Красноярскому краю для заседания Научно-консультативного совета при ГСУ СК России по Красноярскому краю от 26.02.2015 г.

еще нет – следователи СК по-прежнему взаимодействуют при раскрытии и расследовании преступлений с оперативными работниками МВД, ФСБ и других ведомств.

В административной составляющей ведомственного контроля важным компонентом является его ресурсное обеспечение. Речь, прежде всего, идет о кадрах ведомственных контролеров. Как правило, руководители следственных органов, их заместители – это опытные следователи. На практике сложилась такая ситуация: по наиболее сложным делам, а также в силу ряда иных причин (помощь начинающим следователям, ответственный характер следственного действия по делу и т.п.), руководители следственных подразделений участвуют в проведении подчиненными им следователями следственных и иных процессуальных действий или проводят их от начала до конца сами, принимая или не принимая дело к производству (кстати, эти же действия выполняют и следователи-криминалисты, как правило, наиболее подготовленные и опытные специалисты из следственного корпуса). У руководителя следственного органа имеется полномочие возбудить уголовное дело, принять его к своему производству и произвести предварительное следствие в полном объеме, обладая при этом полномочиями следователя или руководителя следственной группы, предусмотренными УПК РФ.

Как правило, руководители следственных органов, их заместители низового уровня имеют в собственном производстве до десятка уголовных дел – это наиболее сложные дела по тяжким и особо тяжким преступлениям.

С одной стороны, личное участие руководителя следственного подразделения при проведении отдельных следственных действий, а также расследование им уголовного дела в целом сводит к минимуму количество допускаемых следственных ошибок, а с другой стороны, отвлечение руководителя следственного органа на проведение расследования уголовных дел в полном объеме отрицательно сказывается на эффективности осуществления им ведомственного контроля.

Вышесказанное позволяет высказать предложение о том, что личное производство руководителем следственного органа предварительного следствия должно осуществляться в исключительных случаях, так как обратное незамедлительно скажется на качестве осуществляемого им ведомственного контроля и количестве допускаемых подчиненными ему следователями следственных ошибок.

Учитывая географические факторы России, структура следственных подразделений любого из следственных ведомств достаточно часто создает ситуации, когда руководителю следственного органа весьма сложно осуществлять свои полномочия территориально: руководитель дислоцируется в одном населенном пункте, а подчиненные ему следователи – в других, подчас очень отдаленных друг от друга, пунктах. Возникают проблемы мобильности

и оперативности в осуществлении ведомственного контроля, разрешить которые можно, внедряя современные технологии общения: конференц-связь, электронная подпись и т.п.

Кроме вышесказанного, руководитель следственного органа в соответствии с ведомственными приказами обязан осуществлять и «чисто» административно-управленческую функцию по организации работы подчиненного ему аппарата следователей.

Руководитель следственного органа осуществляет следующие полномочия.

1. Планирует работу следственного подразделения, контролирует выполнение плановых мероприятий.

Все текущие вопросы: подбор, расстановка, обучение кадров, распределение нагрузки, составление графика отпусков, проведение общих планерок, оперативных совещаний, совещаний по раскрытию и расследованию конкретных уголовных дел, разрешение вопросов о дисциплинарных наказаниях, о поощрениях, распространении положительного опыта, разрешение организационных и хозяйственных вопросов, социально-бытовых проблем подчиненных и т.п. повседневно приходится решать руководителю следственного органа, так как они опосредованно, но сказываются на результатах следственной работы по уголовным делам.

2. Организует взаимодействие с другими службами МВД, ФСБ и др.

В системе МВД, к примеру, руководитель следственного органа является по должности заместителем руководителя органа внутренних дел. Это позволяет ему эффективно решать многие организационные вопросы по деятельности следственного подразделения: выезды на место происшествия и выезды для проведения иных следственных действий, обеспечение явки свидетелей на допрос, задержание подозреваемых, доставка повесток, выполнение иных отдельных поручений следователя сотрудниками органа внутренних дел, организация эффективной работы следственно-оперативной группы, эффективного проведения оперативно-разыскных мероприятий (оперативного обеспечения процесса расследования уголовных дел) и т.д.

Там, где деловое, конструктивное взаимодействие следственных и иных подразделений МВД, ФСБ руководителем следственного органа обеспечено, качество расследования уголовных дел находится на надлежащем уровне.

3. Контролирует выполнение решений коллегий, приказов и указаний вышестоящих органов, надзирающего прокурора (в том числе, организует рассмотрение представлений прокурора и принятие мер по устранению выявленных недостатков по расследуемым уголовным делам). Особое направление ведомственного контроля – рассмотрение частных постановлений судей и частных определений суда, осуществление мероприятий по

устранению обозначенных судом ошибок, нарушений Закона при проведении предварительного расследования по уголовным делам.

4. Докладывает руководству о состоянии следственной работы и об уголовных делах, заслуживающих особого внимания, составляет статистические отчеты и анализирует показатели следственной работы, выполняет ряд других управленческих обязанностей.

Реализуя перечисленные административные полномочия, руководитель следственного органа тем самым повседневно проверяет законность и качество работы по уголовным делам подчиненных ему следователей, применяя к ним в случае необходимости меры процессуального и административного (дисциплинарного) реагирования.

Изложенное выше концептуально и нормативно обосновывает **«модель разнополярного ведомственного контроля»** как специфической контрольно-надзорной деятельности при досудебном производстве по уголовному делу.

Итак, российский ведомственный контроль имеет *разнополярный характер, предполагает включение в него элементов наставничества и подготовки кадров, осуществляется в ходе досудебного производства по уголовному делу под надзором прокуратуры и выражается в процессуальной и административной деятельности руководителя следственного органа.*

Ведомственный контроль (наряду с прокурорским надзором) функционирует перманентно на протяжении всего досудебного производства. На низовом уровне деятельности следственных подразделений это позволяет руководителям следственных органов тотально контролировать уголовно-процессуальную деятельность следователей (особенно тех, кто только начинает свою следственную карьеру). На других (вышестоящих) уровнях следственных ведомств это позволяет разумно сочетать (без «режима тотальности») ведомственный (процессуальный) контроль с процессуальной самостоятельностью следователя. При этом ведомственный контроль находится в отношениях взаимодействия с судебным контролем и прокурорским надзором и в определенной зависимости от них.

Только при таких условиях **ведомственный контроль** может

а) успешно выявлять, исправлять и предупреждать следственные ошибки в досудебном производстве;

б) минимизировать риск собственных ошибок (ошибок руководителей следственных органов);

в) достигать стратегических целей уголовного преследования и защиты прав человека.

ГЛАВА 4. ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СУДЕБНОГО МЕХАНИЗМА УСТРАНЕНИЯ ОШИБОК В СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В теории и в практике основными инструментами в выявлении, исправлении и предупреждении ошибок на судебных стадиях классически принято считать производства в суде первой инстанции, во второй инстанции (апелляция), в кассационной и надзорной инстанциях и при возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств⁴¹⁸.

Данная деятельность *организационно построена* в соответствии с делением на судебные звенья и судебные инстанции и *процессуально* осуществляется путем производства по уголовным делам судами, действующими в качестве соответствующих инстанций.

С точки зрения общей цели устранения ошибок, судебное производство, с одной стороны, может быть представлено как единый процессуальный механизм (процессуальная организация) ее достижения. С другой стороны, разделенное на этапы (стадии) это производство может быть представлено как совокупность процессуальных механизмов достижения названной цели в условиях каждой отдельной стадии.

Судебный механизм устранения ошибок в российском уголовном процессе действует на судебных стадиях и обладает рядом общих и особенных признаков:

- судебная проверка в суде первой инстанции предметно распределена между судами профессионалов и судами присяжных (с широкой юрисдикцией первых и узкой – вторых);
- функциональная однородность в целом судебной проверки во всех судах первой инстанции (за исключением отсутствия у судьи-профессионала в суде присяжных обязанности принимать решение по факту виновности подсудимого и отсутствия у судьи-профессионала в особом порядке судебного разбирательства обязанности непосредственно исследовать доказательства, подтверждающие факт виновности подсудимого);
- следственная активность при осуществлении судебной проверки в суде первой инстанции всех судей-профессионалов (равная – в общем порядке судебного разбирательства и в суде присяжных, ограниченная изучением письменных материалов дела по всем вопросам

⁴¹⁸ Некоторые ошибки предыдущих стадий можно выявить и исправить суду на стадии исполнения приговора, но этот вопрос остается за рамками нашего исследования.

и возможностью непосредственного исследования доказательств только по вопросам наказания – в особом порядке судебного разбирательства);

- возможность полной апелляции в порядке судебной проверки в суде второй инстанции;
- функциональное деление судебного надзора в суде второй инстанции на кассацию, надзор и возобновление дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам;
- функциональная однородность кассации и надзора;
- ревизионный порядок всех видов пересмотра решений суда первой инстанции;
- обязательная сила руководящих разъяснений высшей судебной инстанции.

Своеобразие судебной проверки и судебного надзора в российском уголовном процессе определяется особенностями технической организации (континентальной по типу исторической формы) российского судебного производства. Однако она касается, главным образом, только суда присяжных и роли руководящих разъяснений высшей судебной инстанции (если не брать во внимание, скорее всего временное, сосуществование двух однородных функций – кассации и надзора). Поэтому в целом построение российского судебного производства имеет заметное сходство с классической континентальной моделью с присущей ей механизмом устранения ошибок, развитие которого должно осуществлять в рамках следующих моделей: «модель активного суда первой инстанции», «модель полноценной апелляции», «модель полноценной кассации и надзора», «полноценная следственная модель производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам».

§1. Устранение ошибок через производство в суде первой инстанции.

На начальном этапе исследования проблем следственных ошибок автор, как и ряд других ученых-правоведов, придавал большое значение роли суда в восполнении пробелов предварительного расследования без направления уголовного дела на дополнительное расследование⁴¹⁹. В советское и постсоветское время на основании ст. 20 УПК РСФСР, с одной стороны, направить дело на доследование ввиду неполноты и односторонности установления обстоятельств по делу было достаточно просто, что на практике и делалось, подчас, многократно по одному и тому же уголовному делу, но, с другой стороны, прокурор всегда мог опротестовать решение суда о направлении дела на доследование, ссылаясь на то, что суд

⁴¹⁹ Назаров А.Д. О восполнении в суде пробелов предварительного расследования// Вопросы уголовного процесса и криминалистики. Сборник научных трудов – М.: 1988. С.28-34.; Назаров А.Д. Устранение в суде следственных ошибок в свете реформы С.165-168; Назаров А.Д. Восполнение в суде следственных ошибок. С.96-99.; Назаров А.Д. Восполнение пробелов предварительного расследования ... С.67-68.

сам не предпринял достаточных усилий самому восполнить пробелы предварительного расследования.

По требованиям УПК РСФСР суд сам оглашал в начале судебного следствия обвинительное заключение; именно суд, в том числе, и с целью восполнить пробелы предварительного расследования, первым начинал допрашивать подсудимого, потерпевшего, свидетелей, которые не подразделялись на свидетелей обвинения и защиты; мог по своей инициативе проводить любые судебные действия (вызов новых свидетелей, назначение судебных экспертиз и др.), вынести обвинительный приговор, даже если прокурор отказался от обвинения, дать свою квалификацию содеянного подсудимым, отличную от той квалификации, которую предлагал суду прокурор; мог по своей инициативе возбуждать уголовные дела, направлять дело на дополнительное расследование и др.

Безусловно, давались рекомендации, когда суд явно не должен был браться за то, что необходимо было выполнить по уголовному делу только на предварительном расследовании. Так, суду не следовало участвовать в собирании и исследовании доказательств, если ему приходилось разыскивать новые доказательства, то есть, выполнять несвойственную функцию розыска; если требовалось собрать и исследовать большой объем новых доказательств; если необходимо было произвести такие следственные действия, осуществить которые в условиях судебного разбирательства невозможно или затруднительно (обыск, выемка и т.п.)⁴²⁰.

Следует заметить, что практически к указанной выше схеме деятельности суда призывает вернуться Следственный комитет Российской Федерации в известной предложенной им инициативе по законопроекту об институте объективной истины.

Многие ученые-процессуалисты, хотя и не предлагают в полном объеме восстановить прежний круг полномочий суда, но выступают за активную его миссию в условиях публичного судебного разбирательства.

А.С. Барабаш полагает, что на суд возложена функция правосудия, следовательно, суд должен быть активным⁴²¹. По образному выражению А.Д. Бойкова, анемичный суд – это анемичная власть, при которой расцветает алчность и произвол сильного, но не торжество правого⁴²².

За активный суд выступает и М.К. Свиридов⁴²³.

⁴²⁰ Веретехин Е.Г. Пробелы предварительного расследования и их восполнение ... С. 8 ; Петуховский А. Восполнение в судебном разбирательстве пробелов следствия // Советская юстиция. 1973. №15. С. 18.

⁴²¹ Барабаш А.С. Функции органов государства в российском публичном уголовном процессе // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. №4. С. 172-179 ; Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса ...

⁴²² Бойков А.Д. Третья власть в России ... С. 66.

⁴²³ Свиридов М.К. Суд как субъект установления истины в российском уголовном процессе // Сибирские юридические записки: ежегодник Ассоциации юридических вузов «Сибирь». Вып. 1, Красноярск, 2001. С. 138-139.

По мнению В.И. Зажицкого, принцип состязательности не оставил места для многих важнейших ориентиров, которые традиционно использовались в уголовно-процессуальном законодательстве России, а также успешно используются в смешанном уголовном судопроизводстве цивилизованных стран – публичный характер уголовного судопроизводства, всесторонность, полнота и объективность исследования уголовного дела, установление истины, активная роль суда в ее обнаружении и др. Полное устранение или существенное умаление этих важнейших системообразующих категорий, призванных обеспечивать эффективность судебной практики, является одной из существенных методологических ошибок, которая не может быть оправдана никакими аргументами⁴²⁴.

Сторонник состязательного процесса А.В. Смирнов считает, что «вопрос об активности суда не имеет отношения к типу уголовного процесса – состязательному или следственно-инквизиционному, - а принадлежит к самой сути правосудия; ...состязательное построение уголовного процесса вовсе не исключает активности суда в исследовании доказательств»⁴²⁵.

Рядом ученых-процессуалистов (А.Д. Бойков, З.З. Зинатуллин и др.) обозначена, как компромиссная, позиция, что суд должен проявлять активность не при собирании, а при проверке доказательств⁴²⁶. И использовать для этого все возможные средства.

В этой связи оригинальной выглядит позиция В.В. Васина: суд должен «компенсировать отсутствие у стороны защиты возможностей по формированию своей доказательственной базы, равных или сопоставимых с возможностями стороны обвинения, путем проявления собственной активности, направленной на собирание доказательств с целью проверки позиции (доводов) стороны защиты...; должно действовать правило о невозможности ухудшения положения подсудимого по сравнению с тем, которое вытекало из существа предъявленного ему обвинения, основанного на тех доказательствах виновности, с которыми он был ознакомлен по окончании предварительного расследования...- это предполагает необходимость установления в УПК РФ запрета на собирание как судом, так и стороной обвинения в ходе судебного разбирательства новой информации, которая может ухудшить или ухудшает положение подсудимого»⁴²⁷.

И.Я. Фойницкий еще в начале прошлого века писал, что «роль уголовного судьи в процессе далеко не пассивная: он по собственной инициативе может вызвать нужных по делу

⁴²⁴ Зажицкий В.И. Проблемы повышения эффективности правосудия по уголовным делам // Государство и право. 2009. №7. С. 38.

⁴²⁵ Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета.

⁴²⁶ Бойков А.Д. Третья власть в России. Книга вторая. Продолжение реформ. М., 2002. С. 121; Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Концептуальные основы. Ижевск, 2002. С. 56 ; Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2008; и др.

⁴²⁷ Васин В.В. Без права на ошибку: уголовно-процессуальное познание судом первой инстанции обстоятельств уголовного дела. Магадан, 2007. С. 133-134.

свидетелей и вытребовать иные доказательства; он напомнит подсудимому о праве его давать объяснения и предъявлять возражения; будучи раз призван суждению по делу, но должен решить его справедливо, на основании всего имеющегося в деле материала»⁴²⁸.

Ю.К. Орлов справедливо отмечает, что «...нельзя превращать суд в беспристрастного арбитра, фиксирующего победителя в споре. Все-таки уголовный процесс - это не спортивная борьба, где задача арбитров определить сильнейшего. Целью доказывания должна оставаться истина, а не присуждение приза победившей стороне. Поэтому за судом должна оставаться обязанность принять все возможные меры к установлению истины»⁴²⁹.

В.А. Семенцов, И.И. Белохортов, ссылаясь на позиции Л.А. Воскобитовой, говорившей об активности суда, отводят суду активную роль в доказательственной деятельности⁴³⁰.

Позиция ученых, разделяющих идею активности суда при проверке доказательств, выглядит убедительной. Ее разделяет и Конституционный Суд РФ. Свой вывод по этому вопросу он выразил в Определении от 20 ноября 2003 года №451-О, в котором указано, что осуществление судом в публичном по своему характеру уголовном процессе функции правосудия предполагает законодательное наделение его правом проверять и оценивать с точки зрения относимости, допустимости и достоверности представленные сторонами обвинения и защиты доказательства как путем установления их источников и сопоставления с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле либо представляемыми сторонами в судебном заседании, так и путем получения и исследования в рамках обвинения, предъявленного подсудимому, других доказательств, подтверждающих или опровергающих доказательство, проверяемое судом. Конституционный Суд РФ рассматривает данное право, как непереносимое условие для принятия правосудного решения⁴³¹.

В Определении от 18 июня 2004 года №204-О Конституционный Суд РФ также указал, что принятие решения судом о получении доказательства, предназначенного для проверки уже имеющихся в деле доказательств, не противоречит принципу состязательности⁴³².

⁴²⁸ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. С. 64.

⁴²⁹ Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000, С. 19.

⁴³⁰ Семенцов В.А. Оценка доказательств судом первой инстанции по уголовному делу. М., 2012.

⁴³¹ Определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Веккера Сергея Вадимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 283 и 307 УПК РФ №451-О от 20 ноя. 2003 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. Электрон. дан. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30848.pdf> (дата обращения 06.03.2016).

⁴³² Определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Будаева Цогта Нацагдоржевича на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 283 УПК РФ №204-О от 18 июня 2004 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. Электрон. дан. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33477.pdf> (дата обращения 06.03.2016).

На наш взгляд, именно активный суд имеет все процессуальные возможности выявлять, исправлять и предупреждать ошибки в уголовном судопроизводстве (следственные, судебные).

Вместе с тем, ученые ведут речь и об определенных «ограничителях» этой активности в современном уголовном судопроизводстве.

В.А. Лазарева отмечает, что чрезмерная активность суда, как и пассивная состязательность, чреваты опасными последствиями⁴³³.

Суд должен быть инициативен, указывает Н.И. Газетдинов, в исследовании доказательств, но в рамках тех доказательств, которые представлены сторонами как в досудебном производстве, так и в ходе судебного разбирательства. Он считает, что суд не должен проявлять инициативу по собиранию доказательств, а полномочия суда, которые по действующему законодательству представляют суду по собственной инициативе собирать доказательства, должны быть исключены из УПК РФ. И, более того, уголовно-процессуальный закон должен, по его мнению, содержать запрет суду самостоятельно собирать доказательства⁴³⁴.

Л.А. Воскобитова предлагает в случае недостаточности доказательств для разрешения дела по существу предусмотреть в законе порядок, при котором суд вправе установить сторонам срок для представления ими дополнительных доказательств⁴³⁵.

Рассмотренные выше позиции ученых, каждый из которых по-своему предлагает ограничивать активность суда, представляются нам интересными, в определенной части спорными и неоднозначными. По нашему мнению, стоит согласиться с позицией Н.П. Кирилловой, считающей, что если активность суда в истребовании доказательств путем проведения судебных действий имеет своей целью проверку и оценку доказательств, то эту деятельность следует расценивать как соответствующую принципу состязательности. В том случае, когда активность суда продиктована целью создания доказательственной базы стороны обвинения или защиты и укрепления их позиций, данная деятельность не согласуется с принципом состязательности⁴³⁶.

Отвечая на вопрос о том, как оценить, законны ли действия суда по истребованию доказательств, по инициированию судебных действий и какова при этом цель суда, Н.П. Кириллова совершенно правильно указывает, что оценку действиям суда в процессе

⁴³³ Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999. С. 125-127.

⁴³⁴ Газетдинов Н.И. Роль суда в состязательном процессе // Российский судья. 2007. №11. С. 40-42.

⁴³⁵ Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004, С. 48.

⁴³⁶ Кириллова Н.П. Роль суда в процессе доказывания по уголовному делу // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2008. №2. С. 217 ; схожую позицию занимает и В.Л. Будников, см.: Будников В.Л. Участие суда в уголовно-процессуальном доказывании // Российский судья. 2006. №11. С. 13-16.

доказывания должен дать суд вышестоящей инстанции, рассматривающий жалобы и представления с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела.

Орган, отвечающий за правосудность принятого решения, не может быть лишен возможности установить фактическую основу для этого решения. У судьи должен быть инструментарий для установления качественной фактической основы. Два инструмента даются суду для установления фактических обстоятельств дела. Первый - это стороны, заявляющие о фактических обстоятельствах дела и представляющие доказательства, подтверждающие их утверждения. Доказательства, представленные сторонами, исследуемые ими в судебном следствии, дают суду достаточно много информации о фактических обстоятельствах дела. Суд не подменяет стороны и создает все необходимые условия, чтобы они могли представить суду все, что они считают необходимым и значимым.

Однако доказательственная деятельность сторон может оказаться недостаточной для суда, поэтому суду дан второй инструмент - его собственная познавательная деятельность. Доказательства, представленные сторонами, надо исследовать, проверить и оценить. И если в процессе проверки у суда возникают сомнения в достоверности доказательства, если усматриваются противоречия и их нужно устранить, чтобы принять правильное, правосудное решение, безусловно, суд будет самостоятельно собирать доказательства, необходимые ему для вынесения такого решения. И нельзя ограничивать его полномочия по проверке никоим образом. В этом смысле следует признать, что в ст. 15 УПК РФ не очень удачно сформулирована функция разрешения дела. В ней собственно познавательные полномочия суда не нашли отражения, и создается обманчивое представление о том, что роль суда при выполнении этой функции состоит лишь в организации процесса и обеспечении прав сторон. Без собственной познавательной деятельности суда разрешения дела не может быть, но тот текст, который закрепляет в законе эту функцию, не раскрывает ее содержательного смысла.

Конституционный Суд Российской Федерации еще в 2003 году в своем Определении отметил, что «собрание доказательств не только является прерогативой сторон, но и входит в число полномочий суда, реализуемых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством для производства судебного следствия»⁴³⁷.

Анализ полномочий суда в ходе судебного следствия показывает, что законодатель дал суду возможность собирать доказательства. Например, суд вправе самостоятельно допрашивать свидетелей после их допроса сторонами. По некоторым следственным

⁴³⁷ Определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации №104-О от 06 мар. 2003 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. Электрон. дан. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33761.pdf> (дата обращения 06.02.2017).

действиям законодатель прямо указал, что они могут проводиться по инициативе суда. Правоприменительная природа деятельности суда предполагает, что суд должен обладать правом обращения к сторонам с требованием устранить либо разрешить сомнение или по собственной инициативе проводить судебные следственные действия и самостоятельно устранять возникшие у него сомнения.

Эффективное использование судом своих «активных» полномочий позволяет своевременно выявлять, исправлять и предупреждать ошибки по уголовным делам, допущенные следователем, прокурором и самим судом.

Иной подход требуется, если возникает вопрос о неполноте и односторонности исследования обстоятельств дела. Что делать, если для суда недостаточно доказательств, а стороны пассивны; если стороны заявляют о фактах, но не подтверждают свое заявление доказательствами; если стороны не обращают внимания на отдельные факты, имеющие юридическое значение для правильного разрешения дела? Эти вопросы требуют законодательного регулирования, поскольку сейчас в УПК РФ ответов на них нет. Не исключается, что следует расширить полномочия суда в судебном следствии и предоставить ему право, не подменяя стороны, побуждать их к активным действиям. Например, предоставить суду право требовать от сторон предоставления дополнительных доказательств, если представленных доказательств недостаточно для признания фактов установленными. При этом суд мог бы объявлять перерыв и предоставлять сторонам определенное время для подготовки и заявления соответствующих ходатайств, приглашения в суд дополнительных свидетелей, специалистов или представления дополнительных документов. Подобные действия можно было бы рекомендовать судьям уже сейчас, с тем чтобы целенаправленно формировать такую практику. На подобную активность суда мог бы, к примеру, обратить внимание Пленум Верховного Суда РФ в своем руководящем Постановлении. Такая практика не противоречит УПК РФ и даже не требует специальных дополнений или изменений закона. Необходимо лишь правильно понимать содержание функции разрешения дела и разъяснять это судьям, а не вводить их в заблуждение надуманными спорами о состязательности.

Сторонниками пассивной роли суда являются Е.Б. Мизулина⁴³⁸, И.Л. Петрухин⁴³⁹, В.Д. Холоденко⁴⁴⁰ и др.

⁴³⁸ Мизулина Е.Б. К пятилетию Уголовно-процессуального кодекса РФ // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (К 5-летию УПК РФ): материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 4.

⁴³⁹ Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М., 2004. Ч. 1. С. 139.

⁴⁴⁰ Холоденко В.Д. О совершенствовании правовой регламентации уголовного преследования и обвинения // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания: материалы междунар. науч.-практ. конф. / Редкол. Д.В. Кулагин [и др.]. М., 2004. С. 242.

Есть позиция: чем активнее суд будет проявлять инициативу в собирании и исследовании доказательств, тем сложнее ему будет пребывать в роли беспристрастного арбитра⁴⁴¹.

Несмотря на многообразие точек зрения по вопросу о роли суда в осуществлении правосудия и неоднозначность норм УПК РФ, следует подчеркнуть, что важным элементом содержания принципа состязательности в отечественной теории процесса, законодательстве и судебной практике всегда было признание за судом не только исключительного права разрешения дела по существу (ч. 1 ст. 8 УПК РФ), но и его обязанности по активному исследованию доказательств.

«Суд не может полностью положиться на активность участников судебного разбирательства... Суд самостоятельно исследует доказательства главным образом потому, что именно он должен решить, имело ли место преступление, совершил ли его подсудимый, виновен ли он в совершении данного преступления, подлежит ли наказанию, какое наказание должно быть ему назначено и т.д. Следовательно, активность суда есть проявление принципа публичности»⁴⁴².

Следует согласиться с мнением А.Д. Бойкова, что состязательность - это контролируемая судом процессуальная деятельность, направление которой - объективное и всестороннее исследование обстоятельств дела в границах обвинения и предмета доказывания⁴⁴³.

Пассивная роль суда в процессе доказывания находится в противоречии с требованиями ч. 4 ст. 7 УПК РФ («Определения суда, постановления судьи, прокурора, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными»), ст. 297 УПК РФ («Приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым»), ст. 299 УПК РФ («Вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора»).

Если суд связан только теми доказательствами, которые представляются сторонами, то его решение вряд ли будет законным, обоснованным и справедливым, потому как те вопросы (ст. 299 УПК РФ), которые он обязан разрешить при вынесении приговора, невозможно установить опосредованным путем. Если судья молчит и наблюдает - это один результат, а если судья наблюдает и это сопровождается собственными усилиями судьи в установлении обстоятельств совершенного преступления - это, несомненно, другой результат.

⁴⁴¹ Адамайтис М. Право суда на инициативу в исследовании доказательств мешает его беспристрастности // Российская юстиция. 2003. №11. С. 32.

⁴⁴² Курс советского уголовного процесса: Общая часть / В.Б. Алексеев [и др.]; под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 173.

⁴⁴³ Бойков А.Д. Третья власть в России... С. 86.

Ч. 2 ст. 50 Конституции РФ предписывает суду как единственному органу государства, осуществляющему правосудие в Российской Федерации (ч. 1 ст. 118 Конституции РФ, ч. 1 ст. 8 УПК РФ), при отправлении правосудия не допускать использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Часть 4 ст. 29 УПК РФ обязывает судью при рассмотрении уголовного дела реагировать на каждый факт нарушения прав и свобод граждан. Иное отношение выглядело бы как крайний формализм и пренебрежение законными интересами личности.

Принцип состязательности в его классической форме наиболее полно реализован в англо-американской системе правосудия. Но и там, несмотря на то, что главная обязанность по представлению доказательств возложена на заинтересованные стороны, и правовой доктриной, и прецедентами подчеркивается активная роль судей судов первой инстанции. Согласно ст. 614 Федеральных правил о доказательствах для судов и магистратов США 1995 года, судья не ограничивается фактами и доказательствами, представленными по выбору сторон. Он вправе вызвать и допрашивать дополнительных свидетелей, экспертов, назначать экспертизу как по ходатайству сторон, так и по собственной инициативе⁴⁴⁴.

Аналогичный подход существует и в английском судопроизводстве. Д.Л. Панк утверждает: «Судья не должен вмешиваться в процесс доказывания сторонами виновности или невиновности подсудимого, но когда речь заходит о ситуациях, когда у подсудимого нет защитника или он профессионально слаб, то подсудимый проводит защиту сам с должной помощью судьи. Это свидетельствует о том, что при любом типе процесса судье никогда не зазорно оказать содействие слабой стороне»⁴⁴⁵.

В ключе этих положений надо отметить: «современное законодательство европейских государств развивает положения об активной роли суда в состязательном процессе (ст. 310 УПК Франции, ст. 244 УПК ФРГ), английское право все более проникается идеей, что уголовный процесс не должен сводиться исключительно к противоборству двух сторон в суде. Его задачей, прежде всего, является не победа кого-то из «процессуальных противников», а выявление лиц, действительно виновных в совершении преступления»⁴⁴⁶. По тому же пути идет практика Европейского суда по правам человека⁴⁴⁷.

⁴⁴⁴ Гуценко К.Ф. Уголовный процесс западных стран: учеб. пособие / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов; под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2001. С. 119.

⁴⁴⁵ Панк Д.Л. Распределение ролей в суде присяжных заседателей // Вестник Саратовской государственной академии права. 1996. Вып. 3. С. 134-135.

⁴⁴⁶ Гуценко К.Ф. Уголовный процесс западных стран. С. 119.

⁴⁴⁷ Туманов В.А. Европейский Суд по правам человека ... Т. 1. С. 321; Туманов В.А. Европейский Суд по правам человека ... Т. 2. С. 330.

Сравнивая нормы УПК РФ с указанными положениями законодательств зарубежных государств, мы убеждаемся, что в России роль суда в исследовании доказательств по уголовному делу неоправданно занижена.

В научных исследованиях предпринимались и предпринимаются попытки разработать унифицированные стандарты доказанности обвинения в зависимости от категории уголовных дел, прохождения уголовных дел в различных стадиях уголовного судопроизводства и др.

В советское время в коллективе ученых-правоведов под руководством В.Н. Кудрявцева, изучавших эффективность правосудия и проблемы судебных ошибок, под стандартами доказанности обвинения понимались «вырабатываемые судебной практикой представления о совокупности доказательств, достаточных для вынесения обоснованного обвинительного приговора или другого процессуального акта». От стадии к стадии уровень стандартов доказанности обвинения должен повышаться. Стандарты доказанности, применяемые при вынесении приговоров, есть неписанные правила, применяемые судьями на основе их жизненного опыта, знания судебной практики, требований вышестоящих судебных инстанций к законности, обоснованности и справедливости приговора, а «рычагами» стандартизации являются отмена, изменение приговора; оставление приговора без изменений; частные определения в адрес судей; решения квалификационных коллегий судей.

Рассматривался даже вопрос о включении в память ЭВМ судебных прецедентов, что позволит со временем использовать «машинное мышление» в качестве консультанта следователя, прокурора и суда при оценке ими совокупности доказательств по уголовному делу⁴⁴⁸.

На наш взгляд, дальнейшая разработка проблем стандартизации в доказывании может быть продолжена, но для недопущения ошибок по уголовному делу важными стандартами (задающими параметрами) продолжают быть полное, всестороннее и объективное исследование всех обстоятельств по уголовному делу, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, на основе относимых, допустимых, достоверных и достаточных (в каждом конкретном уголовном деле) доказательств.

Результаты деятельности активного суда важно посмотреть сквозь призму статистических показателей.

В 2015 году по первой инстанции суды Российской Федерации рассмотрели 936 525 уголовных дел.

В порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий к рассмотрению уголовного дела суды возвратили прокурору 9 817 дел или 1,05% от рассмотренных.

⁴⁴⁸ Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. С.55-56.

По различным основаниям суды первой инстанции прекратили 11 981 дело или 1,28% от рассмотренных.

При этом необходимо иметь в виду, что в особом порядке по правилам главы 40 УПК РФ суды рассмотрели 598 807 уголовных дел или 63,94% от общего числа рассмотренных дел; 4 241 дело или 0,45% дел суды рассмотрели по правилам главы 40-1 УПК РФ в связи с заключением обвиняемым досудебного соглашения с прокурором о сотрудничестве.

По уголовным делам суды вынесли 17 562 частных постановлений (определений), что составляет 1,88% от рассмотренных⁴⁴⁹.

Следовательно, если проанализировать статистические показатели, то можно сделать вывод, что количество следственных ошибок, выявленных и устраненных судами первой инстанции посредством направления уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ; прекращения уголовных дел по различным основаниям; вынесения оправдательных приговоров и частных постановлений (определений) суда - сравнительно небольшое.

Но статистические показатели не в полной мере отражают ту активность суда и участников судебного разбирательства, которая проявляется ими в судебном заседании, особенно во время судебного следствия, когда заявляются отводы и ходатайства, тщательно исследуются доказательства, устраняются из их числа недопустимые, вовлекаются в процесс доказывания новые доказательства, дается объективная оценка каждому доказательству в отдельности и их совокупности, устраняются нарушения Конституции РФ, общепринятых норм международного права и процессуальные нарушения, изменяется и уточняется уголовно-правовая квалификация инкриминированного подсудимому общественно-опасного деяния и др.

Активность суда в полном, всестороннем и объективном установлении всех обстоятельств по уголовному делу, а также в выявлении, исправлении и предупреждении ошибок по нему, неразрывно связана с активностью сторон в уголовном судопроизводстве, особенно с активностью профессиональных участников уголовного процесса: прокурора (государственного обвинителя), адвоката, защищающего подсудимого или представляющего интересы потерпевшего⁴⁵⁰.

В идеальном процессе именно стороны, профессиональные участники должны сработать так, чтобы для суда осталась только миссия организации самого судебного разбирательства и разрешения уголовного дела по существу.

⁴⁴⁹ Приложение №22, 23.

⁴⁵⁰ Ульянов В.Г. Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве ...; Галимов Э.Р. Участие государственного обвинителя по уголовным делам в суде первой инстанции. М., 2012; Исаенко В.Н. Методика поддержания государственного обвинения (понятие, принципы, содержание). М., 2011; Булдыгина Н.И. Поддержание государственного обвинения: правовые, организационные и тактические аспекты. М., 2012.

В современной модели состязательного уголовного процесса на судебных стадиях⁴⁵¹ прокурор, как государственный обвинитель, при обнаружении ошибок может предложить суду изменить квалификацию деяния на более мягкую; полностью или частично отказаться от обвинения. И это предложения, по которым суд не может отказать прокурору: он обязан их принять и в соответствии с ними вынести решение по делу, даже если внутренне он с этими предложениями прокурора не согласен. Во всем остальном профессиональные участники судебного разбирательства руководствуются полномочиями сторон; выявленные ими ошибки устраняются путем совершения судом необходимых процессуальных действий.

В научной литературе немало работ, посвященных тактике и стратегии поддержания государственного обвинения в суде и вообще участию прокурора в судебном разбирательстве уголовных дел на различных стадиях судебного разбирательства. Следует отметить, что особенно велика и ответственна роль прокурора в устранении ошибок, когда в суде он использует свое императивное полномочие изменять обвинение или отказываться от него. Именно при реализации этих полномочий государственного обвинителя суд в обязательном порядке принимает решение в унисон позиции прокурора⁴⁵².

Аналогично учеными исследуются проблемы тактики и стратегии участия адвоката в судебных заседаниях по уголовным делам. Во всех этих работах можно встретить немало полезных рекомендаций по выявлению, исправлению и предупреждению ошибок по уголовным делам.

Развитие рассматриваемого судебного механизма в контексте выявления, исправления и предупреждения следственных и судебных ошибок в уголовном судопроизводстве показывает, что и в дальнейшем эффективное устранение ошибок будет связано с укреплением и расширением процессуальных позиций прокурора в судебных стадиях, с наступательной позицией суда в устранении ошибок в рамках обозначенной законом беспристрастности и независимости суда без его перехода в так называемые «обвинительный» или «защитительный» уклоны. Развитие процессуальных позиций адвоката в рамках данной стратегии по-прежнему будет иметь свои особенности, связанные с его позицией, задаваемой клиентом. И по-прежнему актуальным остаются проблемы, связанные с активностью и качеством работы по уголовному делу адвоката «по назначению».

Для выявления, исправления и предупреждения ошибок активный суд, на наш взгляд, должен неукоснительно следовать положениям принципа презумпции невиновности (ст. 14

⁴⁵¹ Теория уголовного процесса: состязательность / А.Р. Белкин [и др.]; под ред. Н.А. Колоколова. М., 2013.

⁴⁵² См., к примеру: Михайлов А.А. Изменение прокурором обвинения и отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции. Томск, 2011. С. 224-235.

УПК РФ). В этой связи одним из эффективных способов реагирования суда на ошибки, допущенные по уголовному делу, является вынесение им оправдательного приговора⁴⁵³.

Оправдание подсудимого имеет такую же социальную ценность, как и установление лица, совершившего преступление. Защита человека от необоснованных репрессий – важная составляющая подлинного правосудия.

По мнению И.Л. Петрухина, «оправдательный приговор – форма судебного контроля за законностью и защитой прав человека на предварительном следствии и дознании..., свидетельство силы судебной власти, которая не боится противостоять столь могущественным органам, как прокуратура, министерство внутренних дел или служба государственной безопасности, и преодолеть сложившееся под их влиянием общественное мнение»⁴⁵⁴.

И.Л. Петрухин выделял до десяти различных факторов, влияющих на распространенность оправдательных приговоров: уголовная политика государства; стандарты доказанности обвинения, вводимые высшими судами страны путем изменения уровня требований к приговору; качество расследования уголовных дел; «профессиональная солидарность» судей, прокуроров, следователей, органов дознания, якобы выполняющих общую задачу – сдерживание преступности; наличие или отсутствие института доследования; введение особого порядка судебного разбирательства; деятельность суда присяжных; широкое действие института признания доказательств недопустимыми; давление на суд со стороны прокуратуры, МВД, ФСБ по отдельным уголовным делам (терроризм, коррупция, наркомания и др.); давление на суд общественного мнения и СМИ⁴⁵⁵.

В научном исследовании, посвященном вопросам эффективности правосудия и проблемам устранения судебных ошибок, проведенном еще в советское время коллективом ученых-правоведов под руководством академика В.Н. Кудрявцева, отмечалось, что после отмены оправдательного приговора в 80% случаев при новом рассмотрении дела выносился обвинительный приговор, а после отмены обвинительного приговора в 90% случаев после доследования и повторного рассмотрения дела в суде выносился обвинительный приговор. В России 23,1% оправдательных приговоров отменялось тогда вышестоящими судебными инстанциями, но после доследования и повторного судебного разбирательства по подавляющему большинству из них выносились обвинительные приговоры. Хотя во многих странах (Англия, Франция, США) оправдательный приговор, практически, неотменим в силу трех правовых принципов: толкование сомнений в пользу оправданного; запрет поворота к

⁴⁵³ Чурилов Ю.Ю. Актуальные проблемы постановления оправдательного приговора ...

⁴⁵⁴ Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. С. 31-32.

⁴⁵⁵ Петрухин И.Л. Оправдательный приговор // Государство и право. 2009. №2. С. 32.

худшему при обжаловании приговора; уважение к «гласу народа» при вынесении оправдательного вердикта присяжными заседателями⁴⁵⁶.

Статистические данные по России за 2015 год выглядят следующим образом.

Всего за год судами первой инстанции было вынесено 692 073 обвинительных и оправдательных приговоров по уголовным делам в отношении 751 415 лиц; оправдательные приговоры вынесены в отношении 5 167 лиц – соответственно, «процент оправдания» составил 0,69%.

Для сравнения приведем следующие данные:

- коллегией из трех профессиональных судей по первой инстанции рассмотрено всего 136 уголовных дела в России; по ним осуждены 287 человек и всего три человека оправданы - соответственно, «процент оправдания» составил 1,05% - «чуть выше», чем по делам, рассмотренными судьями единолично;

- в суде присяжных рассмотрено также незначительное количество уголовных дел - 351 дело; по этим делам осуждено 691 человек и оправдано 102 человека - соответственно, «процент оправдания» составил уже 14,76%.

Следует заметить, что в отношении 948 лиц апелляционная инстанция отменила оправдательный приговор (это 18,35% от числа оправданных лиц по приговорам, вынесенным судами первой инстанции), что свидетельствует об особо пристальном внимании проверочной инстанции к уголовным делам с оправдательным приговором⁴⁵⁷.

В рассматриваемой нами проверочном механизме нельзя, на наш взгляд, на основании одной лишь сравнительно низкой цифры по количеству выносимых оправдательных приговоров единолично судьями и коллегией судей (в том числе – в сопоставлении этих цифр с достаточно высокими цифрами оправдательных приговоров, выносимых судами присяжных в современной России; выносимых в других странах; выносимых в России в «сталинский» период и т.п.) говорить о том, что этот инструмент устранения ошибок применяется судами недостаточно эффективно. Современные реалии таковы, что около 65% уголовных дел рассматриваются в особом порядке, о чем далее еще будет нами сказано: по этим делам объективно невозможен оправдательный приговор.

На наш взгляд, суд не должен любой ценой «спасать» неудовлетворительно расследованное уголовное дело и выносить по нему «хоть какой-то» обвинительный приговор, особенно, если подсудимый находится под стражей; не должен суд выносить обвинительный приговор при минимуме (недостаточности) доказательств, их сомнительности, на недопустимых и недостоверных доказательствах.

⁴⁵⁶ Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. С. 37, 159.

⁴⁵⁷ Приложение №21, 28, 31.

Поэтому стратегически важно (в контексте уголовно-процессуальной политики) обращать внимание на вынесение оправдательных приговоров: если после скрупулезной процессуальной деятельности сторон и суда по полному, всестороннему и объективному исследованию всех обстоятельств дела, выявлению и исправлению всех ошибок, допущенных по нему, в том числе, и после того, когда дело вернется от прокурора, которому суд направлял его на законных основаниях для устранения препятствий к рассмотрению, в деле нет неопровержимых и убедительных доказательств виновности лица в инкриминируемом ему деянии, суд обязан вынести оправдательный приговор.

В ходе опроса практических работников нас интересовал вопрос, почему судьи не часто выносят оправдательные приговоры, который, действительно, очень сложно написать в отличие от обвинительного приговора. На наш взгляд, честного ответа не было дано никем. 72,2% судей, 38,9% работников прокуратуры, 69,2% следователей и лишь 10,1% адвокатов выбрали вариант ответа: «Следователи демонстрируют высокое качество расследования по уголовным делам». Безусловно, данный вариант ответа воспринимается нами критически. Вариант ответа: «Оправдательные приговоры создают большие проблемы для карьеры судьи» никто из судей и работников прокуратуры не выбрал; этот вариант выбрали 25,6% следователей и 50,9% адвокатов⁴⁵⁸.

Мы полагаем, что нельзя в правоприменительной практике задавать вектор на увеличение количества оправдательных приговоров: принятие судом итоговых решений должно происходить в точном соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. Именно такой подход будет способствовать исключению ситуаций, когда суд в некоторых случаях пытается уклониться от вынесения оправдательного приговора, не исправляя и не предупреждая тем самым допущенные по делу ошибки.

Говоря об активности суда, связанной с судебным механизмом в контексте выявления, исправления и предупреждения ошибок, необходимо обратить внимание на особенности рассмотрения уголовных дел мировым судьей, единолично федеральным судьей, коллегией из трех профессиональных судей, судом присяжных.

К примеру, по мнению В.В. Мельника, в суде присяжных право на жизнь и другие права и свободы человека и гражданина более надежно защищены от незаконного и необоснованного обвинения, благодаря тому что процессуальная форма суда присяжных обеспечивает более последовательное, чем в обычном суде соблюдение демократических принципов уголовного судопроизводства, в том числе, конституционных принципов презумпции невиновности, состязательности и равноправия сторон⁴⁵⁹.

⁴⁵⁸ Приложение №44.

⁴⁵⁹ Мельник В.В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. М., 2000. С. 6.

Исследования показывают, что, действительно, в суде присяжных снижается порог судебных ошибок, особенно – фундаментальных, так как дело изначально становится «особенным»: его рассматривает более профессиональный судья; государственное обвинение поддерживает более профессиональный обвинитель (прокурор); сама процедура рассмотрения более казуистична, в отличие от обычной процедуры⁴⁶⁰.

Концепция судебно-правовой реформы предусматривает расширение круга дел, подсудных присяжным и создание судов присяжных не только на уровне субъектов Федерации, но и в городах и районах страны. После обращения внимания на суд присяжных Президента Российской Федерации В.В. Путина в его ежегодном Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2015 году, законодатель незамедлительно отреагировал, внес в УПК РФ необходимые поправки, чтобы суд присяжных в составе жюри из шести представителей общества с 2018 года начал действовать в России в судах районного и приравненного к нему уровня.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации расширило круг уголовных дел, подсудных суду присяжных: право на суд присяжных получили женщины, чем было ликвидировано гендерное неравенство на доступ к правосудию⁴⁶¹.

Среди практических работников сторонников суда присяжных небольшое количество. Сторонники суда присяжных, которые считают, что необходимо даже увеличивать категории дел, рассматриваемых с участием жюри присяжных заседателей и распространить суд присяжных вплоть до районного (городского) и приравненного к нему судебного звена, среди судей – всего 5,6%; среди работников прокуратуры – тоже 5,6%; среди следователей – 15,4%; среди адвокатов – 30,7%. Сторонников суда присяжных, которые поддерживают инициативу Президента Российской Федерации о сокращении числа жюри присяжных заседателей (до 2, 3, 5 и т.п.), среди судей – 22,2%; среди работников прокуратуры – 5,6%; среди следователей – 15,4%; среди адвокатов – 40,4%. Среди опрошенных практических работников, которые считают, что суд присяжных не нужен, что дела вместо него должны рассматривать коллегии

⁴⁶⁰ См. также: Пашин С.А. Суд присяжных: первый год работы. М., 1995 ; Кириллова Н.П. Суд присяжных в России и мировой опыт: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе» / Науч. ред. Б.В. Волженкин. СПб., 1998 ; Насонов С.А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика: науч.-практ. пособие. М., 2001 ; Насонов С.А. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных. М., 2006 ; Лукин В.П. Проблемы совершенствования деятельности суда присяжных в современной России: Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. М., 2004 ; Дудко Н.А. Суд присяжных в России: возрождение и этапы развития : учебное пособие / Под ред. В.К. Гавло. Барнаул, 2009 ; Дудко Н.А. Поэтапное введение суда присяжных в России: / Под ред. В.К. Гавло. Барнаул, 2013.

⁴⁶¹ Постановление Конституционного Суда РФ по проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь №6-П от 25 фев. 2016 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. Электрон. дан. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision224417.pdf> (дата обращения 06.02.2017).

профессиональных судей: 22,2% составляют судьи, 50,0% - работники прокуратуры, 33,4% - следователи, 10,2% - адвокаты. И, наконец, среди практических работников, которые считают, что суд присяжных не нужен – судьи должны рассматривать дела единолично: 55,6% - опрошенных судей; 61,1% - работники прокуратуры; 12,8% - следователи и, что очень показательно, 0% - адвокаты⁴⁶².

Таким образом, следователи, работники прокуратуры и особенно – судьи проявляют консервативный подход к суду присяжных; сторонниками суда присяжных выступают, прежде всего, адвокаты. Такая ситуация вполне объяснима: ошибки, допущенные присяжными при вынесении ими вердикта, исправить сложно; организация и проведением судебных процессов с участием жюри присяжных заседателей – достаточно сложная и непредсказуемая процедура. Судьям и прокурорам удобнее и привычнее единоличное рассмотрение уголовного дела. Поэтому вопрос о суде присяжных (расширение категории уголовных дел, подсудных присяжным; функционирование суда присяжных в районном (городском) и приравненном к нему судебном звене, в том числе, и с уменьшением количества членов жюри присяжных) – это вопрос, который не должен базироваться на мнении практических работников суда и прокуратуры, а должен решаться на уровне реализации уголовной политики.

77,8% судей, 72,2% работников прокуратуры, 66,7% следователей считают, что при рассмотрении уголовных дел единолично судьей количество ошибок такое же, как и по уголовным делам, рассмотренным коллегией судей⁴⁶³. Более того, в ходе экспертного опроса судей были высказывания о том, что при коллегиальном рассмотрении все судьи будут эффективно работать, к примеру, по многоэпизодным делам, когда каждый сосредоточится на изучении какого-то количества эпизодов, именно по ним будет модерировать судебное следствие, именно по ним напишет свой фрагмент в приговор. В остальном в коллегии работает лишь председательствующий судья – он изучает дело, модерировать судебное следствие, пишет текст приговора, а остальные судьи в коллегии формально присутствуют в процессе.

Но проведенные нами исследования показывают, что порог судебных ошибок по делам, рассмотренным коллегией из трех профессиональных судей, в определенной степени ниже, нежели по делам, рассмотренным судьями единолично.

Так, в 2015 году из 136 рассмотренных судебными коллегиями уголовных дел 11 или 8,09% дел было возвращено прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ (в «единоличном суде»,

⁴⁶² Приложение №44.

⁴⁶³ Приложение №44.

как уже отмечалось ранее, лишь 1,05% рассмотренных уголовных дел были направлены прокурору для устранения препятствий к их рассмотрению в суде)⁴⁶⁴.

На наш взгляд, высокое качество рассмотрения уголовных дел коллегией судей объяснимо, так как «консилиум» профессиональных юристов всегда эффективнее, чем работа по делу одного судьи-профессионала⁴⁶⁵. В своем исследовании мы уже обращали внимание на то, что важным фактором для сокращения числа ошибок в уголовном судопроизводстве является процедура коллегиального рассмотрения уголовных дел.

Данный вывод подтверждается и на примере судебных разбирательств уголовных дел в судах Германии.

Немецкие судьи в *Amtsgericht* (аналог нашего районного (городского) суда или мирового суда, так как мировых судов в Германии нет) единолично рассматривают уголовные дела в том случае, когда санкция статьи УК ФРГ предусматривает меры наказания, не связанные с лишением свободы (к примеру, штраф), или лишение свободы на срок не более 2-х лет. Уголовные дела с санкцией наказания от 2-х до 4-х лет лишения свободы рассматривает этот же *Amtsgericht*, но в составе уже коллегии из двух (если преступление не тяжкое) или трех (если преступление тяжкое) профессиональных судей или судом шеффенов (аналог наших прежних народных заседателей) – один или два профессиональных судьи и два шеффена.

А уголовные дела с санкцией наказания свыше 4-х лет лишения свободы рассматривают уже в *Landsgericht* (аналог краевого, областного суда России) коллегией суда шеффенов или коллегией суда присяжных – два или три профессиональных судьи и два шеффена. Следует заметить, что в Германии сохранили как дань модной традиции название (бренд) – «суд присяжных», но на самом деле – это все тот же суд шеффенов, так как в судебном заседании и профессиональные судьи, и шеффены пользуются равными правами, а в совещательной комнате все вместе садятся за один стол и на равных решают все вопросы, которые необходимо разрешить при постановлении приговора. Следует заметить, что если дело подсудно суду присяжных, то прокурор всегда направит это дело именно в суд присяжных, не лишая обвиняемого права на рассмотрение его дела судом присяжных. И лишь в суде будет решен окончательно вопрос, в каком составе будет рассмотрено уголовное дело: судом присяжных или судом шеффенов⁴⁶⁶.

⁴⁶⁴ Приложение №19.

⁴⁶⁵ О необходимости коллегиального рассмотрения уголовных дел в контексте участия в коллегии судей народных заседателей см.: Алексеев Н.С. Претворение ленинских идей в советском уголовном судопроизводстве (стадия судебного разбирательства). Ленинград, 1979. С. 118-198.

⁴⁶⁶ Уголовно-процессуальное право Германии: пер. с нем. / Ф-К Шредер [и др.]. 5-е изд. М., 2016. С. 124.

Таким образом, коллегиальное рассмотрение уголовных дел в Германии дает высокие гарантии того, что по делу не будут допущены ошибки.

Сложно сравнивать качество судебного «продукта», который «выдают» в России мировые и федеральные судьи. Эти судьи рассматривают совершенно разные категории уголовных дел. И если для мировых судей прекращение дел в связи с примирением сторон – первостепенное требование законодателя, то федеральный судья не всегда вынесет по рассматриваемому делу постановление о его прекращении: значительно чаще он вынесет по делу обвинительный приговор с назначением наказания. По экспертным оценкам, порог «выявляемости» и устранения следственных ошибок, а также порог судебных ошибок у мировых и федеральных (районного, городского и приравненного к ним уровня) судей, рассматривающих уголовные дела, примерно одинаков. Безусловно, федеральные судьи уровня субъекта Федерации и приравненные к ним, имеющие высокую профессиональную квалификацию, практически, «штучно» рассматривающие уголовные дела по первой инстанции, в том числе, рассматривающие их в суде присяжных и в коллегии профессиональных судей, объективно имеют порог «выявляемости» и устранения следственных ошибок более высокий, чем их коллеги из мировой юстиции и судов районного, городского и приравненного к ним уровней; соответственно, порог судебных ошибок, допускаемых федеральными судьями уровня субъекта Федерации и приравненных к ним, ниже, чем у их коллег из мировой юстиции и районных, городских судов и приравненных к ним.

Согласно экспертным оценкам, а также данных, которые приводятся в различных научных исследованиях⁴⁶⁷, опасность повышения порога ошибок по уголовным делам несколько возросла в связи с широким применением по уголовным делам, особенно связанными с наркотиками, особого порядка судебного разбирательства, в том числе, и в связи с заключением прокурором досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым.

Проведенные нами опросы практических работников подтверждают указанные выше экспертные оценки. Так, 72,2% судей, 77,8% работников прокуратуры, 76,8% следователей и 90,2% адвокатов считают, что по уголовным делам с досудебным соглашением о сотрудничестве количество ошибок такое же, как и по иным делам. 55,6% судей, 72,2% работников прокуратуры, 79,5% следователей и 70,8% адвокатов полагают, что при рассмотрении уголовных дел в особом порядке количество ошибок такое же, как и по иным делам.

⁴⁶⁷ См., к примеру: Рыбалов К.А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации. М., 2004. С. 100-107; Калугин А.Г. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Красноярск, 2006. С. 143-146.

На наш взгляд, указанные выше статистические данные, в определенной степени свидетельствуют о рисках невыявления и неисправления ошибок при особом порядке судебного разбирательства: лишь 55,6% судей (чуть больше половины), как профессиональных юристов, непосредственно имеющих отношение к особому порядку судебного разбирательства, высказались о том, что при таком порядке количество ошибок такое же, как и по иным делам; 33,3% судей вообще отметили, что при особом порядке судебного разбирательства вероятность допущения различных ошибок увеличивается. Интересно отметить, что лишь 12,8% следователей, которым, на наш взгляд, в первую очередь выгодно скрыть свои ошибки от суда, отметили, что вероятность допущения ошибок при особом порядке судебного разбирательства увеличивается, зато, как отмечалось выше, 79,9% следователей утверждали, что количество ошибок по делам, рассмотренным судом в особой процедуре, такое же, как и по иным делам⁴⁶⁸. Поэтому, на наш взгляд, в контексте устранения ошибок к уголовным делам, рассмотренным в особом порядке, требуется проявление пристального внимания со стороны субъектов, ведущих процесс, и заинтересованных участников судебного разбирательства.

Институт досудебного соглашения, как и особый порядок судебного разбирательства без проведения судебного следствия, имеется в уголовных судебных производствах зарубежных стран.

К примеру, данный институт в настоящее время детально регламентирован в ст. 257с УПК ФРГ⁴⁶⁹. Но в Германии соглашение о сотрудничестве в окончательном виде заключает с подсудимым суд, составляя соответствующий протокол. В Германии заключение и подписание такого протокола, где есть признание подсудимым своей вины и его содействие правосудию, рассматривают как важный инструмент сокращения судебного производства и процессуальной экономии, к чему есть стремление у судей, чтобы не загружать себя работой. Но при этом, как подчеркивали сами немецкие судьи в ходе экспертной беседы, Германия не заинтересована в ошибочных признаниях вины: подписанию подобного протокола предшествуют тщательное изучение судьей материалов уголовного дела, а при необходимости – и судебный допрос полицейских дознавателей, которые работали по данному делу и с данным обвиняемым. Подписать подобный протокол для судьи – большая персональная ответственность: судья должен быть внутренне убежден, что признание обвиняемого в совершении инкриминируемого ему деяния истинно. Судья не может влиять каким-либо образом на признание подсудимого в совершении им преступления, поэтому, чаще всего, инициатива в подписании таких протоколов с признаниями обвиняемого исходит

⁴⁶⁸ Приложение №44.

⁴⁶⁹ Шредер Ф-К. [и др.] Уголовно-процессуальное право Германии. С. 148-149.

от адвоката. Дальнейшие процедуры в Германии схожи с российскими: судебное следствие по делу не проводится, дело в отношении подписавшего протокол подсудимого выделяется в отдельное производство, наказание подсудимому в данном случае существенно смягчается⁴⁷⁰.

Специфическим механизмом выявления, исправления и предупреждения следственных и судебных ошибок является институт возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом (ст. 237 УПК РФ). Важно проанализировать связь данного института с институтом возвращения уголовного дела на дополнительное расследование.

Институт дополнительного расследования имеет длительную и интересную историю⁴⁷¹.

Данный институт во все времена считался и продолжает считаться важным инструментом исправления и предупреждения ошибок в уголовном судопроизводстве. Ведь проблемы некачественного расследования уголовных дел не всегда могут быть решены посредством таких институтов, как недопустимость доказательств и оправдательный приговор⁴⁷². Именно при невозможности устранить следственные ошибки при разбирательстве уголовного дела судебный механизм предусматривает специальный инструмент по исправлению этих ошибок - возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом⁴⁷³.

После многократных коррекций статьи 237 УПК РФ Конституционным Судом РФ и законодателем в действующей редакции данной статьи установлен достаточно гибкий процессуальный механизм возвращения уголовного дела прокурору: нашел закрепление отказ от конкретного срока, в течение которого препятствие должно быть устранено (ч. 2); исключен запрет на производство следственных действий (ч. 4) и правило о недопустимости доказательств, полученных за пределами срока, который устанавливал ранее законодатель на устранение препятствий (ч. 5), а также есть обязанность суда при необходимости продлевать срок содержания под стражей по правилам досудебного производства.

Постановление Конституционного Суда РФ №16-П от 2 июля 2013 года предписало судам в необходимых случаях направлять уголовное дело прокурору для перепредъявления

⁴⁷⁰ В научных исследованиях отмечается, что в ходе подобных судебных сделок в Германии - «соглашении между судом и участниками процесса, существенную роль стало играть разрешение конфликта, а установление истины уже отошло на второй план. См.: Schroeder F-C. Das strafprozessuale Vorverfahren in Zentralasien Zwischen Inquisitorischen und adversatorischem Modell. Band 71. Frankfurt am Main, 2012. S. 122.

⁴⁷¹ Тришева А. Дополнительное расследование: возникновение и становление // Законность. 2008. №10. С. 40-43 ; Моисеева М.А. Исторические предпосылки возникновения института возвращения уголовного дела прокурору // История государства и права. 2008. №19. С. 11-13.

⁴⁷² Головкин Л.В. Истоки и перспективы института дополнительного ... С. 58.

⁴⁷³ См., к примеру: Ткачев А.И. Возвращение уголовного дела прокурору со стадии подготовки к судебному заседанию. Томск, 2008; Васильев О.Ю. Возвращение судом уголовного дела прокурору: проблемы теории и практики. Красноярск, 2009.

обвиняемому обвинения по статье о более тяжком преступлении, нежели то, которое было инкриминировано первоначально обвиняемому. Законодатель практически незамедлительно отреагировал и внес в ст. 237 УПК РФ соответствующую поправку.

Одно из изученных нами дел органом дознания было направлено в суд по ст. 115 УК РФ. Представитель потерпевшего по данному уголовному делу, используя помощь специалиста в области судебной медицины, представил суду его заключение, в котором специалист подверг серьезной критике заключение судмедэксперта, имеющееся в материалах дела, и высказал суждение, что погибшему был причинен не легкий вред здоровью, а тяжкий вред, и что причина смерти – не асфиксия, а закрытая черепно-мозговая травма и ушиб головного мозга. При таких обстоятельствах, несмотря на все протесты со стороны защиты и их ссылки на действующее в тот период содержание ст. 237 УПК РФ, суд удовлетворил ходатайство представителя потерпевшего и направил уголовное дело прокурору на основании п. 1 ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий к его рассмотрению в суде. Прокурор впоследствии направил данное уголовное дело следователю; следователь, приняв дело к производству, в течение месяца провел повторную комиссионную судебно-медицинскую экспертизу, перепредъявил обвиняемому К. обвинение по ч. 2 ст. 111 УК РФ, ознакомил всех участников процесса с материалами уголовного дела, составил новое обвинительное заключение, которое утвердил прокурор и направил дело в суд. Суд в результате нового судебного разбирательства дела по ч. 4 ст. 111 УК РФ признал К. виновным и приговорил его к 7 годам реального лишения свободы. Кассационная и надзорные инстанции оставили приговор без изменения, а жалобы осужденного и его защитника без удовлетворения⁴⁷⁴.

Таким образом, даже в условиях правовой неопределенности в применении ст. 237 УК РФ в 2005 году суды и иные участники уголовного процесса с риском шли по пути справедливого разрешения сложных процессуально-значимых ситуаций.

В канун принятия УПК РФ основная критика института дополнительного расследования была связана с тем, что уголовное дело неоднократно могло возвращаться органам следствия и дознания и дополнительное расследование по такому делу продолжалось годами. При этом обвиняемые длительное время содержались под стражей, что противоречило требованиям ст. ст. 46 и 55 Конституции РФ, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в которых закрепляется право на судебное разбирательство в течение разумного срока без неоправданной задержки.

⁴⁷⁴ Уголовное дело №19-143, рассмотренное Рыбинским районным судом Красноярского края в 2005 году // Адвокатское досье А.Д. Назарова.

Подвергалось осуждению и то, что органы расследования при возвращении уголовного дела прокурору, могли прекращать производство в отношении обвиняемых, дело которых уже побывало в суде.

Критика направлялась также на судей, которые, воспользовавшись процедурой дополнительного расследования, возвращали в досудебное производство уголовные дела, по которым не хотели принимать решения, особенно связанные с вынесением оправдательного приговора, прекращением уголовного преследования и т.п.

В науке предлагались и предлагаются различные варианты модернизации института дополнительного расследования: сохранить данный институт, уточнив и конкретизировав основания дополнительного расследования, их дифференциацию; возвращать дело на доследование не по инициативе суда, а по инициативе сторон. Были предложения изменить полномочия обвинителя в судебном разбирательстве, а именно: только по его ходатайству возвращать дело на доследование или разрешить ему проводить следственные действия (давать поручения об их проведении органам дознания и следствия, не направляя дело на доследование) и др.⁴⁷⁵

В современной научной литературе высказаны, на наш взгляд, достаточно интересные и полезные предложения, которые, с одной стороны, позволяют не вести утомительных дискуссий о восстановлении в уголовном судопроизводстве утраченного института возвращения судом уголовного дела на дополнительное расследование, а, с другой стороны, пытаются использовать ныне действующий институт, регламентированный ст. 237 УПК РФ, в контексте позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Так, по мнению Т.В. Куряховой⁴⁷⁶, неоправданной задержки можно избежать, если уголовное дело будет числиться за судом и только суд будет наделен правом установления и продления срока устранения нарушений в зависимости от конкретных ситуаций. Т.В. Куряхова считает, что однажды направленное в суд уголовное дело должно быть разрешено судом. Даже если органы расследования или прокурор, устраняя препятствующие рассмотрению дела нарушения, придут к выводу о необходимости прекращения производства, решение об этом должен принимать суд через процедуру отказа государственного обвинителя от обвинения. Такой подход в условиях открытого судебного процесса обеспечит публичность оправдательного приговора, вынесенного в отношении

⁴⁷⁵ Захожий Л. Совершенствовать институт дополнительного расследования // Социалистическая законность. 1986. №3. С. 61; Халиков А. Дополнительное расследование – «за» и «против» // Законность. 1999. №11. С. 33; Химичева Г. Возвращение дел для дополнительного расследования // Социалистическая законность. 2000. №8. С. 40-41; Трифонова К.А. Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование. М., 2014.

⁴⁷⁶ Куряхова Т.В. Возвращение судом уголовного дела прокурору // Общества и право. 2009. №3. С. 218-223.

незаконно привлеченного в качестве обвиняемого лица, а также обеспечит потерпевшему эффективную судебную защиту от незаконного прекращения производства по делу.

Кроме того, если судья, принимая решение о возвращении уголовного дела, будет знать, что оно впоследствии разрешается только в судебном порядке, то, как считает Т.В. Куряхова, снизится и число дел, направляемых прокурору вследствие нежелания выносить приговор.

М.Е. Токарева предлагает судам, используя опыт Германии, Франции, приостанавливать производство по делу с одновременной дачей поручения органам, осуществляющим досудебное производство, «произвести необходимые следственные и иные действия (не исключая оперативно-розыскных мероприятий) для устранения имевших место пробелов и нарушений закона, если они не могут быть устранены в ходе судебного разбирательства»⁴⁷⁷.

Как уже нами отмечалось, в институте возвращения судом уголовного дела прокурору проблемной является ситуация перепредъявления обвиняемому более тяжкого обвинения, нежели первоначальное. И здесь заслуживают внимания предложения ученых о возможности отказаться от института предъявления обвинения⁴⁷⁸, как минимум, дознавателями и следователями и сохранить лишь институт подозрения.

В ряде зарубежных стран, к примеру, в Германии, обвинение формулируется прокурорами на финальном этапе расследования уголовного дела перед направлением его в суд⁴⁷⁹.

Если пойти по пути модернизации института предъявления обвинения и оставить миссию формулирования обвинения для прокурора в завершении расследования уголовного дела, то тогда при рассмотрении уголовного дела в суде прокурор сможет по определенной процедуре, гарантирующей подсудимому обеспечение права на защиту, изменять объем обвинения и квалификацию деяния в сторону их увеличения.

Различные варианты разрешения ситуации, связанные с поворотом обвинения к худшему в судебном разбирательстве и возвращении судом дела прокурору, высказаны А.В. Смирновым: предоставление стороне защиты времени для подготовки защиты по новому обвинению, сформулированному стороной обвинения; введение в процесс по примеру

⁴⁷⁷ Токарева М.Е. Проблема устранения допущенных следователями нарушений закона по направленным в суд уголовным делам требует законодательного разрешения // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (К 5-летию УПК РФ): материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 466-469.

⁴⁷⁸ Гаврилов Б.Я. Институт предъявления обвинения: современное состояние и проблемы совершенствования // Российская юстиция. 2009. №5. С. 50-53.

⁴⁷⁹ Шредер Ф.-К. [и др.] Уголовно-процессуальное право Германии. С.118-121.

французского судопроизводства института судебного поручения органам предварительного расследования и др.⁴⁸⁰

Таким образом, в механизме исправления и предупреждения ошибок институт возвращения судом уголовного дела прокурору, все же как резервный инструмент должен оставаться и продолжать совершенствоваться.

В ходе проведения нашего практического исследования мы не могли оставить без внимания проблему возвращения судом уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования в виду неполноты, односторонности и необъективности исследования обстоятельств уголовного дела.

Значительное количество опрошенных нами судей высказались за возрождение института дополнительного расследования (88,9%); следователи (87,1%), адвокаты (70,3%) и работники прокуратуры (44,4%) констатировали в своих ответах, что такой институт фактически существует, когда суд возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий, а прокурор возвращает это дело следователю для производства дополнительного расследования⁴⁸¹.

Таким образом, основываясь на мнении практических работников, с точки зрения устранения следственных и судебных ошибок в настоящее время важно максимально эффективно использовать возможности судебного следствия, а также в определенной мере устоявшегося на сегодняшний день после многих модернизаций института возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Дополнительным механизмом реагирования суда на следственные ошибки является такой специфический инструмент, как вынесение судом частных постановлений (определений) суда с указанием следственных ошибок, их причин и т.п.

Современный научно-технический прогресс все настойчивее ставит перед уголовным судопроизводством задачу внедрения в уголовно-процессуальную деятельность технологий «электронного правосудия», «электронного уголовного дела», аудио-видеозаписи определенных следственных действий на досудебных стадиях уголовного процесса и полной аудио-видеозаписи судебных разбирательств по уголовному делу и т.п. На первоначальном этапе «электронные уголовные» дела и аудио-видеозапись могли бы быть внедрены по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, особенно, если в качестве меры пресечения обвиняемому избрано заключение под стражу.

⁴⁸⁰ Смирнов А.В. О повороте обвинения к худшему в судебном разбирательстве и возвращении судом дела прокурору [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Комментарии законодательства. Электрон. дан. 2008. Доступ из локальной сети Юридического института Сибирского федер. ун-та.

⁴⁸¹ Приложение №44.

Обратим особое внимание на аудио-видеозапись судебных разбирательств уголовного дела, особенно в суде первой инстанции. Информационной базой для апелляционного, кассационного, надзорного рассмотрения дел является протокол судебного заседания суда первой инстанции. Именно в протоколе судебного заседания с максимальной точностью (учитывая, что это не стенограмма судебного заседания) должны быть отражены показания допрошенных в суде подсудимого, потерпевшего, свидетелей, экспертов, результаты исследования в суде заключений экспертов, документов, протоколов следственных действий, вещественных доказательств, действия всех участников судебного разбирательства. Однако достоверность протокола судебного заседания по многим уголовным делам вызывает сомнения. Ведь его ведет привычным способом (рукописно или на компьютере) секретарь судебного заседания (иногда в роли секретаря выступают помощник судьи, консультант суда). Не успевая достаточно полно фиксировать показания участников процесса, секретарь судебного заседания записывает лишь то, что, на его взгляд, является наиболее важным. При этом им нередко допускаются фактические ошибки, искажения, многочасовые допросы в суде в протоколе судебного заседания умещаются на нескольких страницах. К сожалению, секретари судебных заседаний нередко используют в работе недопустимый «рационализаторский подход»: получают от следователей электронную версию обвинительного заключения и берут оттуда в протокол судебного заседания тексты показаний допрашиваемых в суде лиц и др. (негативная практика, получившая на сленге название «флеш-приговор»).

Конечно, добросовестные секретари судебного заседания записывают ход процесса на диктофон или сотовый телефон; затем расшифровывают эти записи при изготовлении протокола судебного заседания, что, конечно, максимально делает его достоверным. Безусловно, и стороны процесса, особенно сторона защиты, достаточно часто делают записи (в том числе официально, иногда даже через письменное ходатайство, уведомляя об этом суд) на свой диктофон хода судебного разбирательства, что впоследствии может быть использовано ими в споре за достоверные данные протокола судебного заседания (однако, к сожалению, не факт, что в случае обнаружения в нем неполноты и недостоверности данных даже при такой непроцессуальной аудиозаписи, можно добиться исправлений и добавлений в протоколе судебного заседания).

Достаточно редко судом (в первую очередь, по ходатайству участников процесса) принимается решение об изготовлении протокола судебного заседания частями (как правило, после каждого судебного заседания). В трехдневный срок после вынесения приговора протокол судебного заседания также не всегда бывает готов. Практически всегда судья уходит в совещательную комнату без готового протокола судебного заседания, имея на руках свои

черновые рабочие записи или рабочие диктофонные записи. И нередко, к сожалению, не приговор соответствует протоколу судебного заседания, а протокол судебного заседания корреспондирует приговору суда.

Поэтому крайне актуальными сегодня являются вопросы об обязательном, закрепленном на уровне законодателя, ведении аудиозаписи (не исключаем и видеозаписи) всех судебных заседаний. В арбитражном процессе аудиозапись как основной способ фиксации хода судебного заседания предусмотрена. И это уже стало повседневной привычной практикой работы судов. Протокол на бумажном носителе в арбитраже сейчас вторичен по отношению к аудиозаписи. Именно по такому же пути должен пойти и уголовный процесс, тем более, что финансовые средства на приобретение и установку записывающего оборудования судам по государственным программам поддержки правосудия выделяются. Очень важно, чтобы законопроект об обязательном ведении аудиозаписи судебных процессов по уголовным делам был быстрее рассмотрен нашим парламентом, чтобы отсутствие, как минимум, аудиозаписи судебного процесса было бы безусловным основанием для отмены судебных решений.

С учетом современных высоких технологий в век электроники и компьютеризации в настоящее время актуально вести речь о «технологизированной модели»⁴⁸² судебного разбирательства, прежде всего, по тяжкой и особо тяжкой категории преступлений, что позволило бы сделать следующее:

- существенно дисциплинировать по всем параметрам заинтересованных участников уголовного судопроизводства (обвиняемых, потерпевших и др.), которые сегодня достаточно часто направляют в вышестоящие суды апелляционные, кассационные, надзорные жалобы, осознавая, что указанные суды, особенно в кассации и надзоре, будут работать только по письменным материалам, содержащимся в деле, которым заинтересованные лица не доверяют и считают, что только их подробная эмоциональная жалоба способна «сподвигнуть» вышестоящий суд принять иное решение: если заинтересованные лица будут знать, что вышестоящий суд изучит не только материалы дела, но и необходимые фрагменты аудио-видеозаписи его рассмотрения, отношение к обжалованию того, что объективно зафиксировано на аудио-видеоносителях, может быть иным, более взвешенным, нежели фиксации происшедшего в суде в протоколе судебного заседания, отношение к которому у заинтересованных лиц сегодня крайне критическое;

- сделать более объективной деятельность проверочных инстанций, так как личное визуальное восприятие всего судебного разбирательства или необходимых его частей

⁴⁸² Термин условный, введенный нами для придания значимости использованию в судебном производстве достижений в сфере высоких технологий.

позволило бы сформировать у судей апелляционной, кассационной и надзорной инстанций более качественный и достоверный подход к оценке доказательств и с большей долей объективности принять законное и обоснованное решение по данному делу.

В контексте подходов к судебному разбирательству в суде первой инстанции, обозначенных Л.В. Головки и исследованных им сквозь призму различных моделей уголовного процесса, в том числе континентальной и англосаксонской, российская модель суда первой инстанции представляется нам особенной, в большей степени выстроенной на устранение следственных ошибок и недопущение собственных судебных ошибок. Это проявляется, к примеру, в следующих аспектах:

- повышенная значимость фигуры потерпевшего, который имеет право полноценно участвовать в судебном разбирательстве, в том числе используя квалифицированную юридическую помощь адвоката как представителя потерпевшего;

- в суде присяжных председательствующий судья, как и в обычном процессе, имеет право на следственную активность;

- широко допуская особый порядок судебного разбирательства (в том числе в контексте досудебного соглашения о сотрудничестве между прокурором и обвиняемым), законодатель выстраивает повышенную систему гарантий для принятия правосудного решения: проведение полноценного предварительного расследования, получение согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением, обеспечение обвиняемого правом на защиту (в том числе за счет государства), возможность перейти в предусмотренных законом случаях на общий порядок по инициативе потерпевшего, государственного обвинителя и суда; основанием для отмены приговора, вынесенного в особом порядке, может быть и дефицит доказательств в инкриминируемом обвиняемому деянии, собранных на предварительном расследовании по уголовному делу; отсутствие преюдициальной силы приговора, вынесенного в особом порядке, в том числе и при заключении досудебного соглашения между обвиняемым и прокурором.

Мы полагаем, что суд первой инстанции, отправляя правосудие по уголовным делам в обычном штатном режиме с соблюдением всех процессуальных процедур и принципов уголовного судопроизводства, имеет все процессуальные возможности в рамках действующего законодательства неукоснительно выполнить назначение уголовного судопроизводства, в том числе одновременно с этим при необходимости реализовать специальную цель уголовного процесса – выявить, исправить и предупредить следственные ошибки.

Суммируя изложенное выше, мы в качестве модели отправления по существу правосудия по уголовным делам в суде первой инстанции представляем «модель активного

суда», в котором сам суд и профессиональные участники уголовного процесса, представляющие стороны обвинения и защиты, проявляют активность в установлении материальной истины по уголовному делу, рассматривая его полно, всесторонне и объективно – с высоким стандартом доказывания обстоятельств инкриминируемого лицу общественно-опасного деяния, используя при этом предоставленные уголовно-процессуальным законом полномочия по признанию доказательств недопустимыми, вынесению оправдательных приговоров, возвращению уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ и др. Предлагаемая нами «модель активного суда» ориентирована на приоритет в использовании возможностей коллегиального рассмотрения уголовного дела (судом присяжных, коллегией профессиональных судей), рассмотрение дела в «штатном режиме» в обычном, а не особом порядке, ведение судебного процесса с использованием аудио-видеозаписи. Такая «модель активного суда» позволит, во-первых, минимизировать количество собственных судебных ошибок, а, во-вторых, качественно и эффективно выявлять, исправлять и предупреждать следственные ошибки.

Таким образом, именно через производство в суде первой инстанции в подавляющем большинстве случаев должен эффективно срабатывать судебный механизм устранения следственных ошибок.

§2. Устранение ошибок через производство в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, а также через возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Как написал в свое время Н.Н. Полянский, «сколько бы стараний ни прилагали суды для того, чтобы избежать ошибок в своей деятельности, все-таки возможна постановка в отдельных случаях ошибочных и несправедливых приговоров»⁴⁸³.

По справедливому мнению В.К. Случевского, «как бы ни была велика гарантия, созданная законом в ограждение справедливости постановляемых судом приговоров, возможность судебных ошибок при их постановке никогда не может быть устранена. Всякие, обнаруживающиеся в приговоре судебном, ошибки не только нарушают интересы справедливости, но и создают, кроме того, опасность для интересов публичных, ослабляя действия уголовного закона»⁴⁸⁴.

⁴⁸³ Полянский Н.Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность: лекции. М., 1911. С. 181.

⁴⁸⁴ Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение / Под ред. В.А. Томсинова. М., 2008. Ч. 2: Судопроизводство. С. 404.

А И.Я. Фойницкий заметил, что существенные интересы личности и общества нашли бы наиболее полное удовлетворение, если бы этим разбирательством могло заканчиваться все судебное производство по делу: достигалась бы быстрота процесса, в самой высшей мере могли быть выполнены требования непосредственности судебного разбора, его дешевизны и незыблемости судебных решений. Однако опыт свидетельствует, что разбор дела в одной инстанции, несмотря на все заботы о надлежащем его построении, оставляет возможности ошибки в приговоре, притом судебные места, действующие порознь, утрачивают внутреннее единство в понимании и применении закона, потому интересы правосудия оказываются необеспеченными и судебные приговоры перестают быть выражением истины⁴⁸⁵.

В уголовно-процессуальном механизме выявления, исправления и предупреждения ошибок судебные ревизионные процедуры⁴⁸⁶ являются неотъемлемой частью.

Классически судебная ревизия проводится по уголовным делам, по которым судебное решение (приговор, постановление) не вступило в законную силу и по которым оно вступило в законную силу. Л.В. Головки обозначает три важнейших постулата в судебной ревизии:

«1) каждая уголовно-процессуальная система должна предусматривать механизм пересмотра приговоров, когда один суд (судья) проверяет решения, вынесенные другим судом (судьей);

2) этот механизм должен быть единственным способом исправления судебных ошибок, т.е. любая судебная ошибка может быть исправлена исключительно в уголовно-процессуальном порядке в рамках судебных проверочных производств;

3) механизм пересмотра приговоров должен быть строго и точно ограниченным как в количественном, так и во временном смысле»⁴⁸⁷.

Таким образом, по мнению Л.В. Головки, полностью разделяемого нами, в государстве должна быть логичная инстанционная система в виде пирамиды, на вершине которой – высший судебный орган страны. Л.В. Головки указывает, что ретракционный способ пересмотра приговора, когда приговор пересматривает тот судья, который его и вынес, в Российской Федерации не применяется (судья не может повторно рассматривать одно дело): применяется только реформационный способ – приговор пересматривает вышестоящий суд. Отсюда следует и деволутивный эффект пересмотра: переход полномочий по пересмотру приговора от нижестоящего суда вышестоящему⁴⁸⁸.

⁴⁸⁵ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. С. 486-487.

⁴⁸⁶ Употребление термина «ревизия» связано с тем, что в теории подход, называемый ревизионным началом, есть принцип *ultra petita*: рассмотрение дела «сверх жалобы» (суд не связан доводами жалоб, представлений заинтересованных лиц, а рассматривает дело в полном объеме). Именно такой подход принят в российских апелляции, кассации и надзоре. См. также: Головки Л.В. Курс уголовного процесса. С. 1069.

⁴⁸⁷ Головки Л.В. Курс уголовного процесса. С. 1057.

⁴⁸⁸ Там же. С. 1060-1061.

Российский уголовный процесс с 1 января 2013 года в качестве ревизии по уголовным делам, по которым судебное решение не вступило в законную силу, использует апелляционные процедуры, а в качестве ревизии по делам, где судебное решение уже вступило в законную силу, применяет кассационные и надзорные процедуры.

Ревизионные процедуры призваны выявлять, исправлять и предупреждать ошибки предыдущих стадий уголовного судопроизводства – в этом их ценность и основное назначение.

На наш взгляд, ревизионный процесс в российском уголовном судопроизводстве особенный. Если в классической континентальной системе пересмотра приговоров предусмотрены апелляция, кассация и вновь открывшиеся обстоятельства, а в англосаксонской – только апелляция, а приговор присяжных вообще не обжалуется (он же – «глас народа!»), то в «смешанной» российской модели уголовного процесса пересмотр приговора есть максимальный набор «фильтров» для выявления, исправления и предупреждения судебных ошибок: апелляция, кассация, надзор и новые или вновь открывшиеся обстоятельства.

Следует заметить, что когда ревизионные инстанции изменяют вид и размер назначенного виновному лицу наказания, то существенной ошибкой следует признавать, на наш взгляд, лишь те случаи, если вопреки правилам назначения наказания приговором суда назначено чрезмерно мягкое или чрезмерно суровое наказание. Во всех остальных случаях изменение вышестоящим судом вида и размера наказания лишь формально является ошибкой суда первой инстанции (вышестоящий суд ведь в конечном итоге изменил назначенное наказание), но, по сути дела, в данной ситуации каждый из судей при определении вида и размера наказания руководствовался законом и своим внутренним убеждением, которое ввиду различных внутренних и внешних факторов подсказывало свое «точечное» наказание, зафиксированное в каждом из судебных решений.

Апелляционный механизм предполагает сплошную ревизию (пересмотр) уголовного дела: в необходимых случаях - полное проведение судебного следствия; в обязательном порядке – проведение прений, последнее слово подсудимого.

Ревизия в кассации и в надзоре является по своей сути документальной: исследуются материалы уголовного дела и доводы кассационных, надзорных жалоб и представлений.

Внешне кажется, что эффект от кассации, а, тем более надзора, незначительный. Но при этом следует отметить, что законодатель, на наш взгляд, пытается добиться того, чтобы приговор суда первой инстанции в подавляющем большинстве случаев был безошибочным – законным, обоснованным, мотивированным и справедливым; чтобы основная масса ошибок выявлялась и исправлялась в апелляционной инстанции, когда приговор еще не вступил в

законную силу. Законодатель заботится о стабильности приговора. До 2015 года определенный период времени действовало даже правило, которое ограничивало сроки кассационного и надзорного обжалования одним годом.

Проведенная реформа в части появления новых процедур апелляции, кассации и надзора связана с необходимостью разгрузить вышестоящие суды, особенно Верховный Суд РФ, от непомерного потока жалоб на судебные решения по уголовным делам. Действительно, высшие судебные инстанции должны сосредоточиться на судебном надзоре, связанном с обобщением и регулированием судебной практики, выработкой судебной политики, безусловно, коррелирующей с уголовной политикой и, в целом, с правовой политикой в государстве.

Недовольство участников процесса вынесенным судом первой инстанции решением по уголовному делу побуждает их многократно обжаловать данные постановления и приговоры в ревизионные инстанции: апелляционную, кассационную, надзорную. Причем, не только решения судебных стадий, но решения судов, принятые на досудебных стадиях. По этому поводу достаточно категоричную позицию занимал Ю.К. Якимович: не должно быть «судебного контроля за судебным контролем», кроме решений о заключении под стражу и продления сроков содержания под стражей⁴⁸⁹.

Одна из причин жалоб на судебные решения состоит, на наш взгляд, в том, что суды, провозглашая их, доходчиво не разъясняют подсудимым, потерпевшим суть и мотивы вынесенных постановлений и приговоров⁴⁹⁰. Конечно, представляется важным, чтобы текст приговора был понятен всем заинтересованным участникам, особенно не юристам, детально аргументированным и мотивированным, убедительным. К тому же, и провозглашенным надлежащим образом (чтобы все участники комфортно слышали текст по громкости и темпу его прочтения). Но устное разъяснение смысла приговора воспринимается обычными людьми всегда доходчивее и убедительнее.

⁴⁸⁹ Якимович Ю.К. Проверка приговоров и иных судебных актов по уголовным делам судами второй инстанции // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей / Под ред. М.К. Свиридова. Томск, 2005. Ч. 29. С. 164-172.

⁴⁹⁰ Автор исследования в 2001 – 2016 годов находился на научных стажировках в Германии и посетил 18 судебных заседаний по уголовным делам, обнаружив следующее: суд, как правило, в финале рассмотрения дела провозглашает резолюцию принятого им решения, а затем, предложив всем участникам сесть на место, достаточно долго (иногда, даже дольше, чем само судебное разбирательство по существу), своими словами, доходчиво объясняет сторонам, почему он положил в основу обвинения те или иные доказательства, почему он те или иные доказательства отверг или отнесся к ним критически, в какой степени и почему он учел позиции прокурора и адвоката, и др. А если учесть, что в Германии, как и в ряде других европейских государств, уголовная политика направлена на принятие гуманных решений в отношении подсудимых, то после прослушивания со стороны судьи подобной «лекции на правовую тему» осужденному, вряд ли, понадобится загружать суд излишними жалобами. Как нам было сказано немецкими судьями, их решения по уголовным делам стороны обжалуют примерно в 5-7% случаев.

Другая причина обжалования судебных решений на различных стадиях – надежда сторон, прежде всего осужденного, на выявление и исправление вышестоящим судом ошибок, прежде всего в объеме обвинения, квалификации деяния и размере назначенного наказания.

И, следует заметить, что подобные надежды осужденных не часто, но сбывались: вышестоящие суды выявляли и устраняли ошибки нижестоящих судов.

В 2015 году в апелляционном порядке было рассмотрено 129 331 дело или 13,81% от всех дел, рассмотренных судами первой инстанции.

Суды апелляционной инстанции отменили:

- 309 обвинительных приговоров судов первой инстанции и вынесли оправдательные приговоры (0,24% от рассмотренных в порядке апелляции уголовных дел);

- 4 127 судебных решения и направили уголовные дела на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции (3,19% от рассмотренных в порядке апелляции уголовных дел), в том числе – 86 решений ввиду чрезмерной мягкости назначенного судом наказания (0,07%);

- 656 решений и возвратили уголовные дела прокурору для устранения препятствий к их рассмотрению (0,51% от рассмотренных в порядке апелляции уголовных дел);

- 500 решений и прекратили уголовные дела в виду примирения сторон, деятельного раскаяния подсудимого (0,39% от рассмотренных в порядке апелляции уголовных дел);

- 103 решения и прекратили уголовные дела по иным основаниям (0,08% от рассмотренных в порядке апелляции уголовных дел);

- 665 решений и прекратили уголовные дела по другим основаниям (0,51% от рассмотренных в порядке апелляции уголовных дел);

- 105 решений и прекратили уголовные дела в части обвинения (0,08% от рассмотренных в порядке апелляции уголовных дел);

- 1 329 решений и вынесли новые обвинительные приговоры (1,03% от рассмотренных в порядке апелляции уголовных дел).

Суды апелляционной инстанции изменили:

- 300 решений (0,23% от рассмотренных в порядке апелляции уголовных дел) с изменением квалификации деяния и без снижения наказания;

- 2 204 решения (1,70% от рассмотренных в порядке апелляции уголовных дел) с изменением квалификации деяния и смягчением наказания;

- 167 решений (0,13% от рассмотренных в порядке апелляции уголовных дел) с изменением квалификации деяния и усилением наказания;

- 11 907 решений (9,21% от рассмотренных в порядке апелляции уголовных дел) без изменения квалификации деяния и смягчением наказания;

- 2 412 решений (1,86% от рассмотренных в порядке апелляции уголовных дел) без изменения квалификации деяния и усилением наказания⁴⁹¹.

Приведенные статистические показатели не в полной мере отражают значительную активность суда и участников судебного разбирательства (особенно при апелляционном рассмотрении в районном, городском и приравненном к ним, судах итоговых решений, вынесенных мировыми судьями), которая проявляется ими в судебном заседании, особенно во время судебного следствия, когда заявляются отводы и ходатайства, вновь исследуются доказательства, устраняются из их числа недопустимые, вовлекаются в процесс доказывания новые доказательства, дается объективная оценка каждому доказательству в отдельности и их совокупности, устраняются нарушения Конституции РФ, общепринятых норм международного права и процессуальные нарушения, изменяется и уточняется уголовно-правовая квалификация инкриминированного подсудимому общественно-опасного деяния, рассматривается вопрос о справедливости назначенного наказания, в первую очередь, на предмет его чрезмерной мягкости или чрезмерной суровости и др.

Судебная реформа 90-х годов возродила в России мировую юстицию⁴⁹². Для ревизии решений мировых судей в уголовное судопроизводство была введена процедура апелляции в федеральных судах районного (городского) уровня.

Следует отметить, что такое апелляционное производство выгодно отличалось и отличается от процедур кассации и надзора, представлявших и продолжающих представлять собой, как уже нами отмечалось выше, некий конвейер, «пятиминутки» по рассмотрению уголовных дел. Апелляционное производство в районном суде, как правило, идет размеренно: исследуются доказательства, в том числе те, которые не были предметом исследования в суде первой инстанции, стороны заявляют различные ходатайства, качественно проходят прения и др. Апелляционный суд при таком темпе и подходе может принять более взвешенное решение, в том числе и отличное от предыдущего в любую сторону (улучшение или ухудшение для осужденного) решение⁴⁹³.

Заметим, что до 1 января 2013 года процедура апелляции распространялась только на решения мировых судей, а также на промежуточные решения всех судов первой инстанции, но продолжали действовать еще «советские» процедуры кассации и надзора.

Как отмечалось уже выше, с 1 января 2013 года в России действует новый ревизионный порядок по уголовным делам: апелляция – по всем уголовным делам и промежуточным

⁴⁹¹ Приложение №26, 27, 29, 30.

⁴⁹² Воскобитова Л.А. Судебная власть: возникновение, развитие, типология: учеб. пособие. Ставрополь, 2001. С. 115-125; Воскобитова Л.А. Сущностные характеристики судебной власти. Ставрополь, 2003. С. 44-64; Воскобитова Л.А. Мировая юстиция и восстановительное правосудие: теория и практика развития, 2007. 334 с.

⁴⁹³ Сидорова Н.В. Апелляция в системе производств в суде второй инстанции в уголовном процессе России. Томск, 2006.

решениям, рассмотренным и принятым судами первой инстанции; кассация и надзор – по судебным решениям, которые вступили в законную силу.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, ошибки, допущенные судом первой инстанции, подлежат исправлению судом второй инстанции в процедурах, наиболее приближенных к производству в суде первой инстанции⁴⁹⁴.

Конечно, это совершенно новый подход к ревизионному производству. В той же, Германии, имеются и апелляция, и кассация, но это процедуры по делам, по которым судебные решения (прежде всего, приговоры), не вступили в законную силу. Однако немецкий уголовный процесс не знает процедуры надзора⁴⁹⁵. На первый взгляд даже сложно сказать, какой из процессов имеет преимущества. Хотя по логике, наличие еще одной, помимо апелляции и кассации, ревизионной инстанции в виде надзора – это дополнительный заслон на пути неправосудных решений и ошибок при отправлении правосудия по уголовным делам.

С теоретической и практической точек зрения и прежние, и новые процедуры ревизии дела должны стратегически работать на выявление, исправление и предупреждение ошибок по уголовным делам, на принятие законных (правосудных), обоснованных (мотивированных) и справедливых решений.

Ученые-процессуалисты И.Л. Петрухин, Г.П. Батуров, Т.Г. Морщакова еще в советское время подчеркивали, что «...кассация, судебный надзор и пересмотр дел по вновь открывшимся обстоятельствам, взятые вместе, представляют собой системное образование, объединенное общими целями, главная из которых - выявление и исправление судебных ошибок»⁴⁹⁶. В свое время они приводили интересную статистику, подтверждающую данное утверждение.

По данным их выборочного исследования (1972 год), суды первой инстанции обнаруживают и исправляют ошибки прокурорско-следственных органов путем возвращения дел для доследования – 3,7%, вынесения оправдательных приговоров – 1,0%, прекращения дел – 3,4% от всех дел, поступивших в суды первой инстанции из прокурорско-следственных органов - итого 8,1%. К этому следует добавить еще 8,7% следственных ошибок, исправленных судами первой инстанции путем изменения обвинения. Таким образом, суды первой инстанции обнаруживают следственные ошибки по 16,8% уголовных дел, переданных прокурорами в судебные органы (этот показатель увеличивается до 19,4%, если учитывать

⁴⁹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда от 16 мая 2007 г. №6-П [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. Электрон. дан. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision19708.pdf> (дата обращения 06.02.2017).

⁴⁹⁵ Шредер Ф.-К. [и др.] Уголовно-процессуальное право Германии. С. 214, 221-233.

⁴⁹⁶ Петрухин И.Л. Теоретические основы эффективности правосудия. С. 308.

исправление следственных ошибок также кассационными и надзорными инстанциями). Иначе говоря, как полагают названные нами ученые, суды первой инстанции не выявляют некоторое количество следственных ошибок и, кроме того, иногда ошибаются сами.

По данным того же исследования ошибки судов первой инстанции исправляют кассационные инстанции путем возвращения дел для доследования – 0,6%, прекращения дел – 0,1%, возвращения дел на новое судебное разбирательство – 1,05%, изменения квалификации преступления и меры наказания в благоприятную для осужденных сторону – 2,3% от всех дел, поступивших в суды первой инстанции (итого 4,0%). Из всех этих ошибок около 60% приходится только на ошибки судов и 40% - на ошибки следователей, не выявленных судами.

В свою очередь, как свидетельствуют данные описываемого нами исследования, обнаружение и исправление ошибок кассационных инстанций в надзорном порядке осуществляется путем возвращения дел для доследования – в 0,3%, прекращения дел – в 0,08%, возвращения дел на новое судебное рассмотрение – в 0,9%, изменения квалификации преступления и меры наказания в благоприятную для осужденных сторону – в 0,7%, отмены кассационного определения с передачей дела на новое кассационное рассмотрение – в 0,3% случаев (итого 2,28%). По мнению упомянутых нами исследователей, надо учитывать, что надзорные инстанции отменяют лишь немногим меньше приговоров, чем кассационные, то есть, сосредоточены на исправлении серьезных судебных ошибок.

Таким образом, с точки зрения этих ученых, если за 100% принять количество всех рассмотренных судами первой инстанции дел, то суды различных инстанций исправляют следующее количество ошибок: 1) суды первой инстанции – 16,8%; 2) суды второй инстанции – 4,0%; 3) суды надзорной инстанции – 2,28%.

Поэтому, резюмируют авторы исследования, в целом система судебных инстанций и стадий достаточно надежна, так как в подавляющем большинстве случаев обеспечивает законность и обоснованность осуждения виновных и реабилитацию невиновных. Но при этом они обращают внимание на то, что в этой системе имеются и такие звенья, эффективность которых недостаточна (в частности, стадия предания суду, вновь открывшиеся обстоятельства) и что только 8-10% судебных ошибок исправляются благодаря протестам прокурора⁴⁹⁷.

А.С. Червоткин утверждает: «В любом виде деятельности невозможно избежать ошибок и заблуждений. Не является исключением и деятельность по рассмотрению уголовных дел, в процессе которой суды первой инстанции допускают ошибки не только при

⁴⁹⁷ Приведенные выше данные и выводы см. подробнее: Петрухин И.Л. Теоретические основы эффективности правосудия. С. 215-216, 249.

установлении фактических обстоятельств дела, но и при применении тех или иных норм материального или процессуального закона. Между тем проверка законности, обоснованности и справедливости судебных решений вышестоящими судебными инстанциями осуществляется не только с целью выявления ошибок, допущенных при рассмотрении и разрешении дела, но и для принятия соответствующих мер по их устранению, в том числе посредством предоставленных вышестоящим судам полномочий по пересмотру судебных решений. Выявление и устранение ошибок, допущенных в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства в судах первой или второй инстанции, направлены не только на восстановление нарушенных прав лиц, участвующих в процессе, но и на устранение нарушений норм, определяющих процессуальную форму судопроизводства. Казалось бы, что всякое отступление от закона процессуального являлось поводом для кассации. Но абсолютное понимание этого положения привело бы к крайней нестабильности приговоров суда первой инстанции. Правила судопроизводства так многочисленны, что ни один суд не может быть уверенным в точном соблюдении их всех»⁴⁹⁸.

Взвешенный подход к пониманию нарушений закона при собирании, проверке и оценке доказательств демонстрировал и Верховный Суд РФ. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2008 года N 28 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций» он указал: «В соответствии с положениями ч. 2 ст. 360 УПК РФ, во взаимосвязи с положениями ст. 6 УПК РФ, суды апелляционной и кассационной инстанций вправе выйти за пределы апелляционных (кассационных) жалобы или представления и проверить производство по уголовному делу в полном объеме, если этим не будет допущено ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, уголовное дело в отношении которого прекращено, поскольку неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия и смысл приговора как акта правосудия».

В своем Постановлении №8-П⁴⁹⁹ в 2014 году Конституционный Суд Российской Федерации вновь акцентирует важные концептуальные положения, связанные с ревизионной деятельностью судов общей юрисдикции по выявлению, исправлению и предупреждению ошибок; «раскрывая конституционное содержание права на судебную защиту, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что в рамках судебной защиты прав и свобод возможно обжалование в суд решений и действий (бездействия) любых

⁴⁹⁸ Червоткин А.С. Апелляция и кассация: Пособие для судей. М., 2010. С. 24, 25, 46.

⁴⁹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности ряда положений статей 4013, 4015, 4018 и 40117 УПК РФ в связи с жалобами граждан С.С. Агаева, А.Ш. Бакаяна и других №8-П от 25 мар. 2014 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. Электрон. дан. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision156350.pdf> (дата обращения 06.03.2016).

государственных органов, включая судебные, а потому отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости, умаляет и ограничивает данное право (постановления от 2 февраля 1996 года №4-П, от 3 февраля 1998 года №5-П, от 5 февраля 2007 года №2-П и др.); «...исходя из того, что право на справедливое разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом предполагает окончательность и стабильность судебных актов, вступивших в законную силу, и их исполнение, основное бремя пересмотра решений суда первой инстанции должно возлагаться на обычные (ординарные) судебные инстанции, что обязывает государство к созданию необходимых условий для эффективного и справедливого разбирательства уголовного дела именно в суде первой инстанции, где подлежат разрешению все существенные для определения прав и обязанностей сторон вопросы, а также для исправления допущенных судом первой инстанции ошибок в суде второй инстанции (в настоящее время – апелляционном) в процедурах, наиболее приближенных к производству в суде первой инстанции (постановления от 17 ноября 2005 года №11-П, от 5 февраля 2007 года №2-П и от 21 апреля 2010 года №10-П)»; дополнительный процессуальный механизм проверки вступивших в законную силу судебных решений (кассация, надзор) «...означает, по существу, возможность преодоления окончательности судебных актов, вступивших в законную силу,..», и, «учитывая конституционное и международно-правовое требование окончательности и стабильности судебных решений, должен устанавливать такие институциональные и процедурные условия их пересмотра, которые, имея резервное значение, исключили бы возможность необоснованного возобновления судебного разбирательства и использовались лишь в случаях, когда ошибка, допущенная в ходе предыдущего разбирательства, предопределила исход дела»; «введение дополнительных процессуальных механизмов проверки вступившего в законную силу судебного решения не предполагает предоставление лицу неограниченных возможностей требовать его пересмотра, в том числе путем неоднократного рассмотрения уголовного дела судами одной (кассационной) инстанции, включая разные по уровню суды, компетентные рассматривать дела в кассационном порядке, равно как выбор по собственному усмотрению способа и процедуры судебного обжалования, - они устанавливаются на основе Конституции Российской Федерации, ее статей 46, 123 и 128, федеральным законом. Иное повлекло бы безосновательное увеличение числа кассационных инстанций, не соответствовало бы принципу правовой определенности и предназначению кассационного производства как дополнительного средства обеспечения правосудности судебных решений».

Как отмечается в этом же постановлении Конституционного Суда РФ, «аналогичной позиции придерживается Европейский Суд по правам человека, полагающий, что отступления от принципа правовой определенности, на котором основана статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и который в качестве общего правила утверждает неопровержимость окончательного судебного решения, могут оправдываться только обстоятельствами существенного и непреодолимого характера, такими как необходимость устранения фундаментальных ошибок (постановления от 28 октября 1999 года по делу «Брумареску (Brumarescu) против Румынии», от 24 июля 2003 года по делу «Рябых против России», от 18 января 2007 года по делу «Кот против России» и 31 июля 2008 года по делу «Проценко против России»). Возможность повторного рассмотрения уголовного дела, в рамках которого лицо уже было окончательно оправдано или осуждено, допускается, согласно статье 4 Протокола №7 к Конвенции о защите прав человек и основных свобод, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела».

Современные апелляциянное, кассационное и надзорное производства по различным причинам не могут обеспечить выявление и устранение всех допускаемых судами ошибок (особенно если учесть, что далеко не все уголовные дела проходят данные стадии).

Более десятилетняя адвокатская практика автора исследования наглядно демонстрирует, что процедура рассмотрения уголовных дел в порядке апелляции и кассации напоминает «заводской конвейер»: в определенные дни (как правило, два дня в неделю) и на одно время в суд приглашаются все заинтересованные участники процесса по множеству различных уголовных дел и материалов; на рассмотрение дела (материала) отводится минимум времени – председательствующий постоянно торопит всех участников процесса, прерывает их выступления и т.п.; обсуждение итогового решения занимает у суда время от нескольких минут до нескольких десятков минут; оглашается только резолютивная часть решения; и т.п.

Изучением вопросов апелляциянного и кассационного производств занимались и продолжают заниматься многие ученые⁵⁰⁰. При этом предлагаются самые различные варианты совершенствования этих ревизионных процедур.

⁵⁰⁰ См.: Перлов И.Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М., 1968 ; Темушкин О.П. Организационно-правовые формы проверки законности и обоснованности приговоров. М., 1978 ; Александров А.С. Основания к отмене (изменению) приговора в суде апелляциянной инстанции // Государство и право. 2001. №10. С. 58 ; Динер А.А. Апелляциянное производство в российском уголовном процессе: науч.-практ. пособие / Под общ. ред. Л.Ф. Мартынихина. М., 2003 ; Рябинина Т. К. К вопросу о понятии оснований отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: сбор. науч. статей / Отв. ред. Т.К. Рябинина, А.А. Ковязин. Курск, 2007. Ч. 1. С. 117-123 ; Позняков М.Л. Критика теоретических положений об основаниях отмены приговоров в связи с новыми обстоятельствами в суде кассационной инстанции // Состояние и перспективы

М.Т. Аширбекова полагает, что судебное следствие в апелляционном производстве должно быть «полномасштабным», то есть без каких-либо изъятий, поскольку предметом производства является не только сам приговор, а все уголовное дело⁵⁰¹. По мнению ученого, «понятно, что новые доказательства, которые не были и не могли быть в поле зрения суда первой инстанции, вполне способны изменить картину фактических обстоятельств дела»⁵⁰².

По мнению А.Н. Разинкиной, заявленное стороной ходатайство о вызове в судебное заседание свидетеля, допрошенного ранее судом первой инстанции, должно подлежать удовлетворению во всех случаях, с тем чтобы обеспечить сторонам право на участие в исследовании доказательств (задавать вопросы свидетелю, давать пояснения и т.д.). Исследование показаний свидетеля лишь по протоколу судебного разбирательства может отрицательно сказаться на полноте судебного следствия и, в конечном счете, на законности, обоснованности и справедливости судебного решения»⁵⁰³.

Напомним, что, согласно действующего УПК РФ (ст. 389.20), результатами уголовно-процессуальной деятельности (активности) суда и участников апелляционного разбирательства могут быть устранение судебных ошибок путем принятия судом в апелляционном порядке одного из решений:

- а) об отмене обвинительного приговора и о вынесении оправдательного приговора;
- б) об отмене обвинительного приговора и о вынесении нового обвинительного приговора;
- в) об отмене приговора, определения, постановления суда первой инстанции и о передаче уголовного дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции со стадии подготовки к судебному заседанию или судебного разбирательства;
- г) об отмене оправдательного приговора и о вынесении нового оправдательного приговора;

развития юридической науки: матер. междунар. науч.-практ. конф. Ижевск, 2006. Ч. 2. С. 178-179 ; Брянский В.Ю. Апелляционное производство в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006 ; Смирнов А.В. Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам : апелляция. [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Комментарии законодательства. Электрон. дан. 2011. Доступ из локальной сети Юридического института Сибирского федер. ун-та. ; Червоткин А.С. Апелляция и кассация ... ; Комогорцева К.А. Рассмотрение уголовных дел в апелляционном порядке по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013 ; Соловьева Н.А. Юрико-фактическая проверка приговора в апелляционном производстве. М., 2013 ; Кудрявцева А.В. Апелляционное производство в уголовном процессе России. М., 2013 ; Гехова Д.Х. Кассационное производство в российском уголовном процессе: генезис и перспективы развития: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2016.

⁵⁰¹ Аширбекова М.Т. Принцип публичности в судебном производстве по уголовным делам: монография. Волгоград, 2008. С. 158.

⁵⁰² Аширбекова М.Т. Новые доказательства в суде апелляционной инстанции // Российская юстиция. 2013. №5. С. 22.

⁵⁰³ Разинкина А.Н. Апелляция в уголовном судопроизводстве. М., 2004. С. 128-129.

- д) об отмене определения или постановления и о вынесении оправдательного приговора либо иного судебного решения;
- е) об отмене приговора, определения, постановления и о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом;
- ж) об отмене приговора, определения, постановления и о прекращении уголовного дела;
- з) об изменении приговора или иного обжалуемого решения;
- и) о прекращении апелляционного производства;
- к) о вынесении частного постановления (определения) суда с указанием следственных и судебных ошибок, их причин и т.п.

При необнаружении в уголовном деле судебных ошибок суд апелляционной инстанции принимает решение об оставлении приговора, определения, постановления без изменения, а жалобы или представления без удовлетворения.

Наш подход к модели современного апелляционного производства выстраивается в контексте позиции Л.В. Головки: «Правило о праве сторон на две инстанции рассмотрения уголовного дела (или правило на повторное рассмотрение уголовного дела во второй инстанции, в том числе право на повторное судебное следствие)». По мнению ученого, не может быть неполной апелляции – она всегда полная. К тому же, она - ординарная (по любым основаниям), в отличие от кассации, надзора и новых или вновь открывшихся обстоятельств: они - экстраординарные (лишь по вопросам права) способы пересмотра приговоров. Апелляция в отличие от иных способов пересмотра приговоров имеет суспенсивный (отлагательный) эффект пересмотра, когда подача жалобы приостанавливает исполнение приговора. Более того, важно иметь ввиду и положение теории эвокации: когда процессуально порочно решение суда первой инстанции, то обе инстанции сливаются и апелляция рассматривает дело по существу, не направляя его на новое рассмотрение⁵⁰⁴.

Таким образом, модель апелляционного рассмотрения уголовного дела как действенного «фильтра» выявления, исправления и предупреждения судебных ошибок по уголовному делу в нашем представлении должна быть лишена какого-либо «кассационного уклона»: апелляция точно не может быть конвейером, а должна быть эффективной «моделью полноценной апелляции», то есть, новым рассмотрением уголовного дела по существу судом более высокой инстанции и коллегиально (кроме апелляции по решениям мировых судей и

⁵⁰⁴ Головка Л.В. Курс уголовного процесса. С. 1058-1067. Необходимо отметить, что Л.В. Головка в своих исследованиях ведет речь и о функционировании специальных апелляционных судов. Верховный Суд Российской Федерации уже озвучил инициативу о создании окружных апелляционных судов по примеру арбитражных. Автор настоящего исследования не изучал эту идею, хотя не исключает в ней определенный позитивный эффект в контексте устранения судебных ошибок: специализированный суд всегда эффективнее пересмотрит приговор иного суда, с которым он не связан административно-корпоративным интересом.

промежуточной апелляции), что, по сути дела, более профессионально. Соответственно, в данной модели апелляции важно зафиксировать следующие компоненты:

- все представленные в суд сторонами уголовного процесса свидетели должны быть допрошены в судебном заседании;

- все письменные ходатайства сторон должны быть приобщены к материалам уголовного дела и мотивированно, законно и справедливо разрешены без констатаций: «Данное ходатайство необходимо было заявлять в суде первой инстанции» (или «Что мешало Вам заявить данное ходатайство в суде первой инстанции?»); «Данное ходатайство уже разрешалось судом первой инстанции» (или «Данные доказательства уже исследованы в суде первой инстанции»)⁵⁰⁵.

«Модель полноценной апелляции» заставит суд первой инстанции полно, всесторонне и объективно вести судебное разбирательство по уголовному делу, чтобы избежать судебных ошибок и соблазна сторон выходить на новый, безусловно, затратный «дубль-процесс» по апелляции (буквальное повторение судебного разбирательства). А если все же «дубль-процесс» по апелляции состоится, то это будет не конвейер, а полноценный процесс, который призван гарантировать устранение судебных ошибок.

Механизм устранения судебных ошибок в кассационной и надзорной инстанциях является экстраординарным и, на наш взгляд, включает в себя уголовно-процессуальную деятельность (ограниченную активность) суда и участников (прежде всего профессиональных) судебного процесса через особые процедуры этих проверочных судебных разбирательств в исследовании (проверке, оценке) имеющихся в уголовном деле доказательств, в том числе, признания в установленных законом случаях этих доказательств недопустимыми и для устранения следующих недостатков:

- а) нарушений положений и требований Конституции РФ, норм и общепризнанных принципов международного права, уголовно-процессуальных нарушений;

- б) нарушений уголовного (материального) закона - неправильного применения уголовного закона и несправедливости приговора.

Результатом указанной уголовно-процессуальной деятельности суда и участников кассационного, надзорного разбирательства может быть устранение судебных ошибок путем принятия судом в кассационном, надзорном порядке одного из решений, предусмотренных УПК РФ (ст. 401.14, ст. 412.11):

- а) отменить приговор, определение или постановление и все последующие судебные решения и прекратить производство по данному уголовному делу;

⁵⁰⁵ Подобное автор исследования неоднократно наблюдал как адвокат, участвуя в апелляции.

б) отменить приговор, определение или постановление суда и все последующие судебные решения и передать уголовное дело на новое судебное рассмотрение либо возвратить дело прокурору;

в) отменить приговор суда апелляционной инстанции и передать уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение;

г) отменить решение суда кассационной инстанции и передать уголовное дело на новое кассационное рассмотрение;

д) внести изменения в приговор, определение или постановление суда.

При обнаружении в уголовном деле судебных ошибок суд кассационной, надзорной инстанций принимает решение об оставлении кассационной, надзорной жалоб (представления) без удовлетворения.

Вопросы производства в надзорной инстанции рассматривались В.П. Масловым⁵⁰⁶, И.Д. Перловым⁵⁰⁷, И.И. Потеружа⁵⁰⁸, В.А. Давыдовым⁵⁰⁹, И.С. Дикаревым⁵¹⁰, М.В. Мерзляковой и А.Д. Прошляковым⁵¹¹ и др.

В частности, И.С. Дикарев полагает, что «в судах кассационной и надзорной инстанциях применяется единая - надзорно-кассационная - форма пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, сочетающая в себе черты традиционного для российского уголовного процесса судебного надзора и классической европейской (континентальной) кассации»⁵¹², призванная исправлять судебные ошибки. Ученый совершенно справедливо предлагает увеличить круг полномочий Председателя Верховного Суда РФ и его заместителей, председателей судов и их заместителей уровня субъекта Федерации в части отмены незаконных и необоснованных постановлений судей соответствующего уровня, вынесенные ими при осуществлении надзорно-кассационной деятельности, а также в части по собственной инициативе возбуждать надзорно-кассационные производства в необходимых случаях; установить шестимесячный срок в применении правила «запрета поворота к худшему», освободить от обязанности возвращать уголовные дела прокурору по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ, а также право для судей, изучающих

⁵⁰⁶ Маслов В.П. Пересмотр уголовных дел в порядке надзора. М., 1965. С. 47.

⁵⁰⁷ Перлов И.Д. Надзорное производство в уголовном процессе. М., 1974. С. 147.

⁵⁰⁸ Потеружа И.И. Значение надзорного производства уголовных дел в укреплении законности/ Науч. ред. В.И. Семенов. Минск, 1985. С. 110.

⁵⁰⁹ Давыдов В.А. Производство в надзорной инстанции. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие / Под ред. В.П. Верина. М., 2007.

⁵¹⁰ Дикарев И.С. Предварительное производство в суде надзорной инстанции. М., 2010 ; Дикарев И.С. Проблемы теории и практики производства в суде надзорной инстанции по уголовным делам. М., 2012.

⁵¹¹ Мерзлякова М.В. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора. М., 2011.

⁵¹² Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: Волгоград, 2016. С. 15.

кассационные и надзорные ходатайства, запрашивать необходимые материалы и уголовные дела.

И.С. Дикарев, на наш взгляд, обоснованно указывает, что «единым основанием пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в кассационном и надзорном порядках должно выступать фундаментальное нарушение закона, представляющее собой нарушение уголовно-процессуального закона или неправильное применение уголовного закона, которое повлияло на исход дела и искажает саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия»⁵¹³.

Кассационная и надзорная инстанции – это исключительный резервный судебный механизм устранения судебных ошибок, что в целом подтверждается судебной статистикой.

Так, в 2015 году в кассационную и надзорную инстанции поступило 144 627 жалоб и представлений (15,44% от количества дел, рассмотренных судами первой инстанции). Суды кассационной и надзорной инстанции по поступившим жалобам и представлениям запросили для изучения 44 468 уголовных дел, что составляет 30,75% от количества поступивших жалоб и представлений). В конечном итоге суды кассационной и надзорной инстанций отказали в удовлетворении по 134 651 жалобам и представлениям, что составляет 93,10% от количества поступивших жалоб и представлений. Рассмотрели 10 271 дело, что составляет 7,10% от общего количества поступивших кассационных и надзорных жалоб и представлений⁵¹⁴.

Суд кассационной, надзорной инстанций, как уже отмечалось, проверяет законность судебных решений (приговоров, постановлений, определений) путем изучения кассационных, надзорных жалоб, представлений по документам, приложенным к ним, а также по материалам истребованного судьей уголовного дела.

Судебная ревизия представляет собой, по справедливому мнению В.Л. Головки, «поиск компромисса между, с одной стороны, непоколебимостью судебных решений (принципом *res judicata*) и, с другой стороны, необходимостью исправления существенных ошибок», что и определяет «политику построения способов пересмотра приговоров после их вступления в законную силу в духе так называемого принципа «правовой определенности»⁵¹⁵.

Мы полагаем, что для целей устранения судебных ошибок есть также все основания вести речь о «модели полноценной кассации и надзора», включающую в себя следующие важные элементы:

- возможность инициации надзорно-кассационного производства не только сторонами уголовного процесса, но и председателями (заместителями председателей) судов субъектов

⁵¹³ Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра ... С.19.

⁵¹⁴ Приложение №34–39.

⁵¹⁵ Головки Л.В. Курс уголовного процесса. С. 1062.

Федерации и соответствующих их уровню судов, а также Верховного Суда Российской Федерации, с учетом специфики надзорно-контрольного производства, призванного рассматривать не «вопросы факта», а «вопросы права», причем, вопросы фундаментальных нарушений закона;

- обязанность должностных лиц, вовлеченных в орбиту надзорно-кассационной деятельности (консультанты, помощники судей, сами судьи судов уровня субъекта Федерации и Верховного Суда Российской Федерации) изучать не только сами кассационные и надзорные жалобы и представления от сторон и приложенные к этим жалобам и представлениям материалы, но и сами уголовные дела, в том числе аудио-видеозаписи состоявшихся судебных заседаний по делу.

- обязанность судей выносить свои итоговые решения «отказного характера» мотивированно: на каждый довод жалобы, представления участников процесса давать развернутую аргументацию на основании изученных материалов уголовных дел, избегая формулировок типа: «Данный довод жалобы был предметом судебного разбирательства суда первой, апелляционной инстанции»⁵¹⁶.

Важная роль в устранении ошибок при рассмотрении уголовных дел в порядке апелляции, кассации и надзора наряду с судом принадлежит профессиональным участникам уголовного судопроизводства – прокурору и адвокату⁵¹⁷.

Достаточно высокую эффективность участия в судах представителей прокуратуры по устранению судебных ошибок можно проиллюстрировать следующими статистическими показателями. За 2011-2015 годы средний процент удовлетворенных судами России апелляционных представлений прокуроров по уголовным делам (в лицах) составил 78,98%. При «старой» процедуре кассации за 2011-2012 годы процент удовлетворенных судами кассационных представлений прокурора по уголовным делам составлял 70,65%; по «новой» процедуре кассации за 2013-2015 годы данный процент составлял уже 96,97%. При «старой» процедуре надзора за 2011-2012 годы процент удовлетворенных судами надзорных представлений прокурора по уголовным делам составлял 98,35%; по «новой» процедуре надзора за 2013-2015 годы данный процент составлял уже 99,63% (в 2014 и 2015 годах – 100%)⁵¹⁸.

Механизм устранения судебных ошибок при производстве по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств также является экстраординарным, ввиду того

⁵¹⁶ По наблюдениям автора исследования как адвоката по уголовным делам.

⁵¹⁷ Халиулин А.Г. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел в суде апелляционной и кассационной инстанции: пособие. М., 2013 ; Крюков В.Ф. Уголовное преследование в судебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора [Электронный ресурс]. Курск, 2010. 412 с. // Электрон. версия печат. публ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵¹⁸ Приложение №32–35.

что сами новые и вновь открывшиеся обстоятельства по своему содержанию являются особенными, а также, потому что по уголовному делу имеются (исполняются или уже исполнены) приговор или иные судебные решения, вступившие в законную силу.

В механизме исправления ошибок при производстве по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, на наш взгляд, необходимо выделить следующие важные компоненты:

а) основанные на определенных материалах процессуальные действия прокурора по возбуждению производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельствам;

б) следственная проверка, проведенная по поручению прокурора;

в) процессуальные (властно-распорядительные) действия прокурора по прекращению возбужденного им производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств или по направлению уголовного дела и иных материалов в соответствующий суд со своим заключением;

г) судебная проверка представленных прокурором уголовного дела иных материалов и заключения прокурора и принятие процессуально-значимого решения в соответствии со статьей 418 УПК РФ:

- об отмене приговора, определения или постановления суда и всех последующих судебных решений и о передаче уголовного дела для производства нового судебного разбирательства;

- об отмене приговора, определения или постановления суда и всех последующих судебных и о возвращении уголовного дела прокурору в случае выявления обстоятельств, указанных в части первой и пункте 1 части первой-2 статьи 237 УПК РФ;

- об отмене приговора, определения или постановления суда и о прекращении уголовного дела;

- об отклонении заключения прокурора.

Ученые рассматривают различные аспекты этого экстраординарного производства⁵¹⁹.

В частности, представляет интерес подход В.А. Давыдова к совершенствованию процедуры возобновления уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Он высказал конкретное предложение в части редакции текста ст. 413 УПК РФ,

⁵¹⁹ Анашкин Г.З. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам. М., 1982 ; Громов Н.А. Вновь открывшиеся обстоятельства и их расследование в уголовном процессе. М., 1999 ; Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России ... ; Ведищев Н.П. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. М., 2003 ; Зумакулов А.Д. Институт возбуждения производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств как гарантия прав и свобод личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005 ; Манова Н.С. Возобновление уголовного дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: достоинства и неудачи правовой регламентации // Государство и право. 2008. №5. С. 107-109 ; и др.

а именно предложил важную с позиции исправления судебных ошибок формулировку п. 6 ч. 2 данной статьи:

«...Основаниями для возобновления производства по уголовному делу и пересмотра судебных решений в порядке, установленном главой 49 настоящего Кодекса, являются:

...б) обстоятельства, не известные суду при постановлении приговора или вынесении определения, постановления, которые сами по себе или вместе с обстоятельствами, ранее установленными, доказывают невиновность осужденного или совершение им менее тяжкого преступления или более тяжелого преступления, нежели то, за которое он осужден, а равно доказывают виновность оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено»⁵²⁰.

Нам представляется важным акцентировать внимание на оригинальной позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной им в контексте практики и Европейского Суда по правам человека. Конституционный Суд Российской Федерации считает, что под «иными новыми обстоятельствами» должны пониматься не только неизвестные суду обстоятельства, но и любые судебные ошибки, которые привели к неправосудности судебного решения, в том числе явившиеся следствием игнорирования собранных доказательств, нашедших отражение в материалах дела, либо их ошибочной оценки или неправильного применения закона⁵²¹, то есть обстоятельства, которые теорией и практикой рассматривались исключительно как основания для пересмотра судебного решения надзорной инстанцией.

В соответствии с изложенной выше позицией, основным критерием использования вышестоящим судом той или иной формы проверки служит наличие либо отсутствие необходимости установления путем производства следственных действий достоверности новых сведений, ставящих под сомнение правосудность приговора. Поскольку при пересмотре приговора в порядке надзора производство следственных действий не допускается, то необходимость их проведения определяет применение другого порядка – возобновления дела ввиду новых обстоятельств⁵²².

В юридической литературе высказываются мнения о необходимости совершенствовать и сделать доступным данное производство. К примеру, считать уместным использование

⁵²⁰ Давыдов В.А. Возобновление уголовного судопроизводства ... С.39-40.

⁵²¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ по жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации №1248-О от 28 июня 2012 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. Электрон. дан. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision105554.pdf> (дата обращения 07.02.2017).

⁵²² Камчатов К.В. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. М., 2016. С. 14.

прокурорами на основе принципа процессуальной аналогии общей процедуры рассмотрения сообщения о преступлении, предусмотренной ст. 144 УПК РФ.

Если в ходе этой проверки не были установлены достаточные основания для возбуждения производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, то прокурор, руководствуясь общими положениями п. 25 ст. 5 УПК РФ, определяющими процессуальную форму принимаемых им решений, должен вынести постановление об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. При наличии вышеуказанных оснований вынести постановление о возбуждении этого производства⁵²³.

Таким образом, мы предлагаем «полноценную следственную модель производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам» с широким определением «новых обстоятельств».

Следует заметить, что в Германии (как и в России) данный институт также обставлен различными препонами, затрудняющими его применение, например, вопрос о новых и вновь открывшихся обстоятельствах, как в пользу осужденного, так и против него, связан в Германии с разбирательствами в очень высокой инстанции – Oberlandsgericht (суд уровня нашего краевого (областного) суда или Верховного Суда республики в составе РФ) в судебном сенате в составе пяти профессиональных судей, то есть, коллегиально, а не единолично⁵²⁴.

Во французском апелляционном производстве установлен принцип обжалования приговоров, осужденные по которым приговариваются к более серьезным наказаниям.

В исследованиях Л.В. Головки отмечается, что приговоры судов ассизов, ранее не подлежавшие апелляционному пересмотру, стали предметом апелляции по Закону от 15 июня 2000 году. Суд ассизов, образовавшийся как суд присяжных в конце XVIII века, рассматривает дела о наиболее опасных нарушениях закона - преступлениях. Существует концепция, что... в отличие от профессиональных судей, к коим идеологи французской революции испытывали заметное недоверие, «народ-суверен» не ошибается в принципе... Любое его решение должно восприниматься как истина в последней инстанции, поэтому ни о каких двух судебных инстанциях рассмотрения такого рода уголовных дел (первой и апелляционной) речь идти не могла. В настоящее время суд ассизов действует в составе трех профессиональных судей и девяти членов жюри. Апелляционному пересмотру подлежат только обвинительные приговоры. Субъектами обжалования могут выступать осужденный, прокурор, а также гражданский истец, гражданский ответчик в части гражданского иска. Апелляционная жалоба на решения суда ассизов подается в Кассационный суд, который в течение месяца решает вопрос о назначении апелляционной инстанции. Апелляционным судом выступает иной суд

⁵²³ Оксюк Т. Усмотрение прокурора в уголовном процессе ... С. 9.

⁵²⁴ Шредер Ф-К. [и др.] Уголовно-процессуальное право Германии. С. 241-245.

ассизов, решающий дело в составе трех профессиональных судей и двенадцати членов жюри. Следует отметить, что обжалуемое решение не мотивируется, а рассмотрение уголовного дела в суде вышестоящей инстанции происходит по правилам производства суда первой инстанции. Остается только догадываться, каким образом происходит пересмотр приговора в суде ассизов как в апелляционной инстанции. Это новшество было неоднозначно воспринято французскими процессуалистами, появились как его сторонники - профессор Ж. Прадель⁵²⁵, так и противники - Национальный совет адвокатуры⁵²⁶.

Во французском апелляционном производстве стороны могут представлять неисследованные доказательства, обосновывать свою позицию новыми доводами, но не вправе ссылаться на нарушения закона, произошедшие на досудебном производстве, если ранее ходатайство об этом не заявлялось. Ограничением для требований стороны выступает их собственный интерес, за исключением прокурора, стоящего на страже публичных интересов и имеющего возможность выступать в защиту интересов как стороны обвинения, так и защиты, так как прокурор не считается стороной во французском уголовном процессе. Однако по требованию прокурора сумма взыскания по гражданскому иску изменена быть не может.

Модель французского апелляционного производства явилась основой для заимствования и установления апелляции в современном российском судопроизводстве.

Кроме апелляции, французский уголовный процесс содержит следующие виды пересмотра решений суда: оппозицию (пересмотр решений, вынесенных заочно по делам о проступках и правонарушениях, не вступивших в законную силу), кассацию и ревизию (схожи с российским возобновлением дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств).

По мнению А.П. Фокова, «французский уголовный процесс состоит из трех стадий: предварительное следствие, судебное разбирательство и исполнительное производство. Процедура обжалования в апелляционном или кассационном порядке составляет особую стадию уголовного процесса», которая с точки зрения классификации судебного контроля относится к последующему или традиционному, в реализации которого принимают участие все судебные инстанции⁵²⁷.

Законом от 15 июня 2000 г. УПК Франции был дополнен новым разделом «О пересмотре решений по уголовным делам в связи с постановлениями Европейского суда по

⁵²⁵ Pradel J. Encore une tomade sur notre procedure penale avec la loi du 15 juin 2000 // Le Dalloz. 2000. №26. P. 5-6.

⁵²⁶ Головки Л.В. Реформа уголовного процесса во Франции // Государство и право. 2001. №8. С. 95.

⁵²⁷ Фоков А.П. Проблемы судебного контроля за исполнением законов на стадии предварительного расследования (сравнительный анализ российского и французского законодательства): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 15, 18.

правам человека», который хотя и примыкает к разделу о ревизии, но, как отмечает К.Ф. Гуценко, является самостоятельным способом пересмотра приговоров⁵²⁸.

Все вышесказанное так или иначе свидетельствует о том, что в условиях кардинального реформирования процедур судебной ревизии соответствующий механизм выявления, исправления и предупреждения следственных и судебных ошибок в уголовном судопроизводстве станет эффективным лишь тогда, когда устоятся на практике и будут соответствующим образом улучшены новые процедуры апелляции, кассации, надзора и производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

Определенные шаги на этом пути уже предпринимаются. В частности, вышли руководящие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 года №29 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»; от 28 января 2014 года №2 (с последующими изменениями и дополнениями от 03.03.2015 года) «О применении норма главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции». В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации особо подчеркнуто, что производство в суде кассационной инстанции, являясь важной гарантией законности судебных решений по уголовным делам и реализации конституционного права граждан на судебную защиту, предназначено для выявления и устранения допущенных органами предварительного расследования или судом в ходе предшествующего разбирательства дела существенных нарушений уголовного закона (неправильного его применения) и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела, и нарушений, искажающих саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Под новые процедуры выделен соответствующий штат судей, и если сами эти процедуры не превратятся в формальные и быстрые по времени, если показатель стабильности приговоров не будет определяющим в оценке деятельности судей, если исчезнет пресловутое зональное кураторство со стороны вышестоящих судей, то тогда можно будет говорить об эффективности проведенных реформ в сфере судебной ревизии, которая станет надежным заслоном на пути ошибок в отправлении правосудия по уголовным делам.

Как наглядно видно, законодатель в последние десятилетия совершенствует процессуальные механизмы судебной проверки и ревизии. Введенная после создания мировой юстиции апелляция в свете последних законодательных новелл претерпела существенные модернизации и стала применимой при рассмотрении всех уголовных дел. Соответственно,

⁵²⁸ Гуценко К.Ф. Уголовный процесс в современных зарубежных государствах. / Под ред. К.Ф. Гуценко. 2-е изд., доп. и испр. М., 2002. С. 401.

иными в стратегическом аспекте представляются в настоящее время и процессуальные конструкции кассации, надзора и производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. В числе стратегических задач изменений проверочных и ревизионных судебных конструкций мы видим повышение эффективности судебных процедур для достижения назначения уголовного судопроизводства, в том числе, для совершенствования организационного и процессуального механизма выявления, исправления и предупреждения ошибок, которые появляются при отправлении правосудия по уголовным делам.

Особое влияние на формирование судебной практики в Российской Федерации, на совершенствование уголовного и уголовно-процессуального, оперативно-разыскного законодательства оказывает деятельность Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека. И можно однозначно утверждать, что прецедентная практика этих Судов также включена в механизм устранения ошибок.

К примеру, в механизме устранения ошибок при производстве по уголовному делу ввиду новых обстоятельств необходимо выделить такие важные компоненты:

а) внесение в соответствии со статьей 415 УПК РФ Председателем Верховного Суда Российской Федерации по обстоятельствам, указанным в пунктах 1 и 2 части четвертой статьи 413 УПК РФ, представления в Президиум Верховного Суда Российской Федерации;

б) судебное рассмотрение Президиумом Верховного Суда Российской Федерации представления Председателя Верховного Суда Российской Федерации и принятие процессуально-значимого решения.

Таким образом, судебный механизм устранения ошибок функционирует как единое целое:

- «основным двигателем» данного механизма является суд;
- данный механизм функционирует в режиме судебного заседания;
- в судебном заседании в отправлении правосудия по уголовным делам в условиях состязательности участвуют равноправные стороны – сторона обвинения и сторона защиты, причем, сторона обвинения в контексте реализации уголовно-процессуальной политики реализует стратегии уголовного преследования и защиты прав человека.

Данный судебный механизм включает в себя:

- функционирующий в обычном (штатном) режиме механизм устранения ошибок – через уголовно-процессуальную деятельность (активность) суда при производстве в суде первой и апелляционной инстанций;

- функционирующий в экстраординарном режиме механизм устранения ошибок – через уголовно-процессуальную деятельность суда при производстве в суде кассационной и

надзорной инстанций, а также через возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное в диссертационном исследовании изучение следственных и судебных ошибок в уголовном судопроизводстве позволило нам рассмотреть их как феномен в уголовно-процессуальной деятельности. Действительно, в идеальной модели уголовного процесса, основанном на строгом соблюдении субъектами, ведущими этот процесс, принципа законности, ошибок не должно быть. Но они всегда были, есть и, к сожалению, будут. В этом и состоит эффект феномена ошибок в уголовном судопроизводстве. Причем, конечно, это негативный феномен.

Учитывая подобный характер ошибок в уголовном судопроизводстве, с научной точки зрения нельзя ставить вопрос о полном искоренении этих ошибок: их можно минимизировать; многие из них можно избежать, предупредить; ошибки можно и нужно выявлять, исправлять, а некоторые – и прогнозировать, чтобы не допустить.

В проведенном исследовании автор подошел концептуально к проблеме ошибок и их устранению в уголовном судопроизводстве.

Современное авторское представление концептуальных основ устранения ошибок охватывает понятие ошибки, классификации ошибок и представление их структуры, а также их причин. В концепции представлено значение уголовной, в том числе уголовно-процессуальной политики для выделения уголовно-политических стратегий обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве, оказывающих влияние на соблюдение принципа законности и, соответственно, на процедуры выявления, исправления и предупреждение следственных и судебных ошибок по уголовным делам. Данные процедуры реализуются через определенный организационно-правовой, в том числе уголовно-процессуальный, механизм устранения ошибок.

С учетом различных взглядов, позиций и подходов ученых, для определения понятия «следственная и судебная ошибка» автором приняты во внимание следующие важные моменты:

Во-первых, процессуальный статус ошибки (условно – «официальные» ошибки) имеют лишь те отступления от принципа законности в уголовном судопроизводстве, которые зафиксированы субъектами, ведущими уголовный процесс, в процессуальных документах (к примеру, в приговоре суда, постановлении прокурора о направлении уголовного дела на дополнительное расследование и др.).

Иные участники (защитник, потерпевший, обвиняемый и др.) могут, в том числе и процессуально, реагировать на ошибки, указывать на них, но до тех пор, пока властный

субъект, ведущий уголовный процесс, официально не отреагирует и в процессуальном документе не укажет на ошибку, о процессуальном статусе ошибки говорить не приходится.

Конечно, каждый ученый, изучая уголовное дело, по-своему определяет – допущена ошибка или нет, исходя, в том числе, из собственных представлений о надлежащем качестве расследования преступлений и судебного разбирательства уголовного дела. Факт ошибки по делу может быть констатирован исходя из субъективных суждений исследователя (они тоже могут оказаться ошибочным). Поэтому в научном исследовании субъективный подход в констатации ошибки в уголовном деле должен преломляться через официальную версию ошибки, констатированной соответствующим процессуальным решением.

Поэтому мы имели в виду, что феномен ошибки связан с реальным существованием:

- ошибок, официально констатированных (и юридически признанных) в процессуальных документах субъектов, ведущих уголовный процесс (например, в постановлении судьи об исключении из числа доказательств);

- иных ошибок.

Во-вторых, очень важно, особенно в контексте разграничения ошибки и уголовно-процессуального правонарушения, всегда разделять саму ошибку (конкретного действия/бездействия или решения, совершенного или принятого с нарушением требований закона к их форме и содержанию) и последствия (для должностных лиц, ее допустивших - например, дисциплинарные санкции, иных лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства - например, освобождение из-под стражи обвиняемого, для производства по уголовному делу - например, возвращение уголовного дела прокурором для производства дополнительного расследования), которые она вызвала или могла вызвать.

В ходе исследования было констатировано, что появление в уголовном деле ошибок тесно связано с нарушениями субъектами, ведущими уголовный процесс, принципа законности в уголовном судопроизводстве. Была выстроена шкала этих нарушений:

1. Преступления, связанные с расследованием и судебным разбирательством по уголовным делам.

2. Процессуально-значимые нарушения принципа законности, включающие в себя неполноту, односторонность и необъективность исследования обстоятельств уголовного дела; несоблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов справедливого правосудия; существенные нарушения уголовно-процессуального закона; неправильное применение уголовного закона.

3. Иные нарушения принципа законности (технические и иные подобного рода ошибки).

Преступления субъектов, ведущих уголовный процесс, в предмет исследования не включались, поскольку они имеют свою особую природу. Иные нарушения субъектами, ведущими уголовный процесс, принципа законности (технические и иные подобного рода ошибки) также не являлись предметом исследования, так как они существенно не посягают на выполнение назначения уголовного судопроизводства и объективно в меньшей степени препятствуют его достижению.

Предметом исследования являлась только вторая группа нарушений принципа законности - процессуально-значимые нарушения принципа законности, которые объективно препятствуют выполнению назначения уголовного судопроизводства. При этом шла речь о судебной ошибке, как правило, в ситуации: неправильное действие/бездействие (ошибка) – неправильный результат или возможность его наступления (ошибка) в их взаимосвязи. То есть, как правило, не рассматривались вполне возможные ситуации: неправильное действие (ошибка) – правильный результат; правильное действие – неправильный результат (ошибка); формально правильное действие – формально правильный, но объективно неправильный результат.

Как отдельный вид ошибок в силу особой значимости положений Конституции РФ рассмотрено несоблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе. Кроме того, учитывалось, что Россия должна неукоснительно соблюдать нормы и принципы международного права, тем более, что с 1998 года она находится под юрисдикцией Европейского Суда по правам человека.

Следственная и судебная ошибка в уголовном судопроизводстве, как предмет научного исследования, рассмотрена как **феномен**, который выражается в противоречии между неизбежностью (естественностью) ошибок и необходимостью противодействия им и, тем самым, порождает проблему их устранимости.

Определение ошибки представлено следующим образом:

ошибка (следственная, судебная) – это не содержащее признаков уголовно-наказуемых деяний незаконное или необоснованное действие или бездействие субъектов, ведущих уголовный процесс, выразившееся в неполноте, односторонности и необъективности исследования указанными субъектами обстоятельств уголовного дела, несоблюдении конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов справедливого правосудия, существенном нарушении уголовно-процессуального закона, неправильном применении уголовного закона, соответствующее их субъективному отношению к назначению уголовного судопроизводства, и объективно препятствующее его нормативно-заданному достижению в виду получения (или возможности получения) неправильного процессуального результата (решения).

Разработанная в диссертационном исследовании концепция устранения следственных и судебных ошибок явилась разрешением целого комплекса фундаментальных теоретических и практических проблем феномена этих ошибок, требующих как доктринального толкования, так и соответствующего законодательства и правоприменения (с учетом современной уголовной политики) в целях совершенствования организационно-правового, в том числе уголовно-процессуального, механизма устранения ошибок. В своей совокупности все перечисленные элементы исследуемой системы (понятие ошибки, ее структура, классификация, причины, конкретные механизмы устранения и др.) и составили целостную единую концепцию устранения следственных и судебных ошибок.

В проведенном исследовании были рассмотрены различные варианты классификации ошибок в уголовном судопроизводстве. Эти классификации позволили увидеть все многообразие данного феномена, их логическую взаимосвязь и взаимообусловленность.

Основной классификацией следственных и судебных ошибок (наряду с другими рассмотренными в работе) явилось их деление *в зависимости от сущностной характеристики* на следующие виды:

а) ошибки, выразившиеся в неполноте, односторонности и необъективности исследования обстоятельств уголовного дела;

б) ошибки, выразившиеся в несоблюдении в уголовном процессе конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов уголовного судопроизводства (справедливого правосудия);

в) ошибки, выразившиеся в существенных нарушениях уголовно-процессуального закона;

г) ошибки, выразившиеся в неправильном применении уголовного закона.

Безусловно, «цена» определенных ошибок в силу значимости для государства, общества и человека тех негативных последствий, которые они вызывают, и какие охраняемые Конституцией РФ ценности они затрагивают, различается. Поэтому в исследовании был выделен новый вид следственных и судебных ошибок – фундаментальные ошибки; данному виду ошибок корреспондировала и своя классификация - *в зависимости от тяжести последствий ошибок для государства, общества и человека:*

1. Нефундаментальные ошибки.

2. Фундаментальные ошибки.

Фундаментальные ошибки - это неправомерные действия или бездействие субъектов, ведущих предварительное расследование и судебное разбирательство по уголовному делу, повлекшие существенные нарушения законных прав и интересов человека, общества и государства в уголовном судопроизводстве:

а) невыявление субъектами, ведущими предварительное расследование и судебное разбирательство по уголовному делу, применения со стороны должностных лиц органов уголовной юстиции в отношении «заподозренных» лиц, подозреваемых, обвиняемых незаконного насилия для получения от них показаний о преступлении;

б) невыявление субъектами, ведущими предварительное расследование и судебное разбирательство по уголовному делу, применения со стороны должностных лиц органов уголовной юстиции в отношении «заподозренных» лиц провокаций преступных проявлений;

в) ошибки, допущенные субъектами, ведущими предварительное расследование и судебное разбирательство, в собирании, проверке и оценке доказательств по уголовному делу, в применении уголовного закона, в результате чего подозреваемый, обвиняемый незаконно заключен (не заключен) под стражу, незаконно содержится (не содержится) под стражей; подсудимый незаконно осужден, особенно к чрезмерно суровому наказанию, связанному с реальным лишением свободы, незаконно оправдан или осужден к чрезмерно мягкому наказанию.

Структурно (качественно и количественно) следственные ошибки в ходе исследования выявлены в следующем рейтинге: а) ошибки, выразившиеся в неполноте, односторонности и необъективности исследования обстоятельств уголовного дела - 57,0% от общего числа ошибок; б) ошибки, выразившиеся в несоблюдении в уголовном процессе конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов уголовного судопроизводства (справедливого правосудия) - 8,0%; в) Ошибки, выразившиеся в существенных нарушениях уголовно-процессуального закона -16,0%; г) ошибки, выразившиеся в неправильном применении уголовного закона - 19,0%.

Структура судебных ошибок в ходе исследования выявлена в таком рейтинге: а) неправильное применение уголовного закона (70,92 %); б) несправедливость приговора (3,22 %); г) нарушения уголовно-процессуального закона (20,86 %); несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, установленным судом первой, апелляционной, кассационной инстанций (5,0 %).

Исследование структуры следственных и судебных ошибок дало автору возможность проследить динамику ошибок и выстроить эффективные механизмы их прогнозирования и устранения.

В исследовании феномена следственных и судебных ошибок четко были ранжировать причины этих ошибок (во многом предопределившими уголовно-процессуальный механизм работы с ними) по трем уровням:

– непосредственные причины, которые характеризуют недостатки в расследовании и судебном разбирательстве конкретных уголовных дел (*первый уровень причин*);

– причины следственных и судебных ошибок, связанные с деятельностью следователя и судьи, личностью следователя и судьи - субъективные причины, и условиями, в которых осуществляется данная деятельность - объективные причины (*второй уровень причин* или «причины причин первого уровня»);

– факторы, обуславливающие причины первого и второго уровней и связанные с условиями деятельности органов предварительного расследования и судебной системы в целом в России, а также качеством действующих законодательных актов (*третий уровень причин*).

При этом причины следственных и судебных ошибок классифицированы по схеме «дело – следователь, судья – следственный аппарат, судебная система», что позволило глубоко их исследовать и научно обосновать рекомендации по нейтрализации действия данных причин.

Феномен ошибки в уголовном судопроизводстве тесно связан с уголовно-политическими процессами в государстве. Ошибки в уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц государства, как, собственно, и совершаемые ими преступления по службе и иные преступления, негативно сказываются на реализацию государственной политики в сфере уголовной юстиции. Соответственно, среди государственно-политических мероприятий немало таких, которые направлены на устранение ошибок и преступлений субъектов, ведущих уголовный процесс, чтобы обеспечить при отправлении правосудия по уголовным делам надлежащий режим законности.

Уголовная политика имеет прямой выход на выполнение назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) и соблюдение принципов уголовного процесса, прежде всего, принципа законности (ст. 7 УПК РФ). В исследовании отмечено, что вектор современной уголовной политики направлен на ее либерализацию.

Однако несмотря на либерально-демократические тенденции в развитии современной уголовной и уголовно-процессуальной политики, криминальные события последнего времени выдвинули во главу угла данной политики в число приоритетов усиление борьбы с преступлениями террористической и коррупционной направленности; преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотиков; сексуальными посягательствами в отношении детей; и т.д.

В рамках концепции устранения ошибок в исследовании использовался стратегический подход. В контексте проблемы ошибок в уголовном судопроизводстве первостепенный интерес представили две общие стратегии: уголовного преследования и защиты прав и свобод обвиняемого. Эти уголовно-политические стратегии являются важными элементами согласованной уголовной политики. Характеристика общих уголовно-политических

стратегий перманентно задается назначением и принципами уголовного судопроизводства, а также теми актуальными политическими и идеологическими задачами, которые формулируются властными органами государства. Наличие общих уголовно-политических стратегий для обеспечения режима законности при отправлении правосудия по уголовным делам предполагают для органов уголовной юстиции с целью устранения следственных и судебных ошибок функционирование определенных организационно-правовых механизмов, в том числе уголовно-процессуальных. В исследовании показано, что согласованно действующие уголовно-процессуальные механизмы (досудебный контрольно-надзорный - судебный контроль, прокурорский надзор, ведомственный контроль; судебный проверочно-ревизионный - возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению в суде, признание доказательств недопустимыми, вынесение оправдательного приговора и т.д.) позволяют эффективно прогнозировать, выявлять, исправлять и предупреждать следственные и судебные ошибки в уголовно-процессуальной деятельности.

В исследовании особо подчеркнуто, что стратегия защиты является приоритетной и предполагает различные уровни реализации защиты прав человека в уголовном судопроизводстве. Это:

- защита со стороны лиц, ведущих уголовный процесс (прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель);

- защита, осуществляемая лицами, которые не ведут уголовный процесс (адвокаты и иные лица);

- самозащита.

Разумный баланс между уголовно-политическими стратегиями обвинения и защиты позволяет выполнить назначение уголовного судопроизводства, не нарушая при этом принципа законности и минимизируя ошибки со стороны лиц, ведущих уголовный процесс.

Уголовно-процессуальный механизм работы со следственными и судебными ошибками связан с реализацией (обусловлен необходимостью) уголовно-политических стратегий уголовного преследования (обвинения) и защиты прав и свобод человека и представляет собой взятую в единстве систему следующих компонентов:

- а) этапы (и соответствующие им алгоритмы действий): выявление, исправление и предупреждение (в некоторых случаях – «прогнозирование») ошибок;

- б) основные части (отдельные механизмы):

- механизмы предварительного расследования;

- механизмы производства в суде первой инстанции;

- механизмы производства в судах вышестоящих инстанций.

в) специальные субъекты, специальный правовой статус этих субъектов и специальная правовая регламентация порядка их деятельности: начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, руководитель следственных органов, прокурор, судья, суд первой инстанции, суды вышестоящих инстанций;

г) специальные способы организации деятельности специальных субъектов;

д) специально заданная цель, содержательно определяющая и объединяющая весь уголовно-процессуальный механизм или отдельные его части (механизмы) – выявление, исправление, предупреждение следственных и судебных ошибок.

По своему масштабу и значимости эта цель может быть поставлена в один ряд с классически выделяемыми в теории уголовно-процессуального права целями уголовного судопроизводства – установление истины по делу, защита жертвы преступления, изобличение и справедливое наказание виновного, реабилитация невиновного, общая и частная превенция и др.

Уголовно-процессуальный механизм работы со следственными и судебными ошибками подразделяется на два основных механизма, непосредственно направленных на устранение ошибок и два вспомогательных механизма, специально не предназначенных, но способствующих устранению ошибок.

Основные механизмы:

а) Механизм контрольно-надзорной деятельности по устранению ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса.

б) Судебный механизм устранения ошибок.

Вспомогательные механизмы:

а) Механизм самопроверки, связанный с принятием процессуальных решений и оценкой допустимости доказательств в деятельности властных субъектов.

б) Механизм содействия в устранении ошибок со стороны адвоката и иных субъектов.

Механизм контрольно-надзорной деятельности по устранению ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса включает в себя судебный контроль, прокурорский надзор и ведомственный контроль.

Судебный механизм устранения ошибок состоит из судебной проверки уголовного дела и судебного надзора.

Судебная проверка уголовного дела представляет собой его разбирательство и разрешение по существу судом первой и апелляционной инстанций. При этом судебное разбирательство в суде первой инстанции не имеет специально поставленной (заданной) цели устранения ошибок, содержательно определяющей и организующей всю деятельность в

этой стадии процесса (хотя и объективно предполагает выявление, исправление и предупреждение ошибок).

Судебный надзор представляет собой проверку вышестоящими судами судебных решений нижестоящих судов в кассационном, надзорном порядке (судебная ревизия), а также дачу высшей судебной инстанцией руководящих разъяснений нижестоящим судам и иным правоприменителям по вопросам уголовного судопроизводства. С судебным надзором также связано возобновление дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

Вспомогательные механизмы (хотя и имеют важное значение) как бы «встроены» в уголовно-процессуальную деятельность вообще и потому могут рассматриваться лишь в качестве условий, способствующих нормальному осуществлению производства по уголовному делу путем внутреннего самоконтроля (самопроверка) или внешнего соучастия (содействие со стороны), в том числе в рамках основных механизмов.

Механизм контрольно-надзорной деятельности по устранению следственных ошибок в российском досудебном производстве по уголовным делам во многом отличается от подобных механизмов в других странах.

Специфика данного механизма определяется особенностями технической организации (континентальной по типу исторической формы) российского досудебного производства в целом. В отличие от немецкого вида такой организации российское досудебное производство не обладает прокурорским полномочием над расследованием и характеризуется разделением функций дознания и предварительного следствия, прокурорским надзором за всем расследованием и полномочным прокурорским руководством только за дознанием. В отличие от французского вида – не имеет судебного предварительного следствия, построенного по инстанционному принципу (при отсутствии прокурорского контроля и почти полном отсутствии внешнего судебного контроля).

Если в настоящее время рассматривать институт судебного контроля с точки зрения его социальной значимости, то необходимо отметить, что он соответствует мировой практике судебного санкционирования действий, связанных с ограничением конституционных прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве, а судебный порядок такого санкционирования в большей степени, нежели прокурорская и ведомственная процедуры, представляется демократическим и прозрачным (процедура судебного заседания с участием сторон, ведение протокола судебного заседания и др.).

Следовательно, институт судебного контроля необходимо сохранять, развивать, одновременно усиливая институт прокурорского надзора.

Понятие **судебного контроля** применимо лишь для проверочной деятельности суда на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и при назначении судебного заседания.

Судебный контроль распространяется на сравнительно ограниченный круг следственных и иных процессуальных действий и сводится к судебной проверке законности и обоснованности этих действий, затрагивающих конституционные права человека.

Опираясь на положения Конституции РФ, мы выделили **три основных вида судебного контроля** на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, назвав их в работе (с известной долей условности) **«арестным контролем»**, **«процедурным контролем»** и **«контролем по жалобам»**.

Судебный контроль в российском уголовном процессе (в контексте устранения ошибок) разработан в исследовании в виде **«модели динамичного судебного контроля»** за досудебным производством, то есть модели, которая постоянно совершенствуется и процессуально значима для обеспечения гарантий соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Данная модель:

- расширит юрисдикцию судебного контроля за счет введения таких новых его видов, как «депонирование доказательств», т.е. легализацию на досудебных стадиях в ограниченных и четко оговоренных случаях некоторых доказательств, и «предсудебный контроль» - особо значимые для доказывания и рассмотрения уголовного дела по существу контрольные действия на стадии назначения судебного заседания (решение в ходе предварительного слушания вопросов о мере пресечения для обвиняемого, допустимости собранных по делу доказательств, рассмотрении дела судом присяжных, коллегией из трех судей, единолично судьей, в особом порядке и др.);

- усилит требования к «арестному» контролю (собрание, проверка и оценка именно *доказательств* в части обоснованности подозрения подозреваемого и обвиняемого в инкриминируемом ему деянии и его поведения в ходе производства по уголовному делу);

- переформатирует «процедурный» контроль и «контроль по жалобам»: перераспределит от суда в пользу прокурора некоторые контрольно-надзорные полномочия, тем самым, усиливая существующий контроль - первоначальное «прокурорское санкционирование» следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных в ст. 165 УПК РФ, с возможностью последующего обжалования в суд в порядке ст. 125 УПК РФ решений прокурора по этим вопросам;

- не сужает границы действия «контроля по жалобам» (к примеру, позволит обжаловать в суд постановление о привлечении в качестве обвиняемого и др.).

Автор предложил преобразовать действующий судебный контроль в соответствии с разработанной им «моделью динамичного судебного контроля» за досудебным производством, а также совершенствовать организационную структуру деятельности судей по контролю за предварительным расследованием (в первую очередь, определенное обособление

этих судей от федеральных судей, рассматривающих уголовные дела по существу, а также в порядке апелляции).

Чтобы минимизировать ошибки следователя, дознавателя, прокурора, суда при избрании подозреваемому, обвиняемому, подсудимому меры пресечения в виде содержания под стражей, продлении им сроков содержания под стражей, в исследовании предложено внести изменения в УПК РФ, сформулировав статьи 97, 99 в следующей редакции:

«Статья 97. Основания для избрания меры пресечения.

1. Дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий, вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии достаточных *доказательств, дающих основания обоснованно подозревать лицо в инкриминируемом ему деянии* и полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

- 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу».

«Статья 99. Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения.

Суд в пределах предоставленных ему полномочий при избрании меры пресечения может изучать материалы уголовного дела.

При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определении ее вида при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, должны учитываться также *законная и обоснованная квалификация инкриминируемого подозреваемому или обвиняемому деяния и, соответственно, тяжесть совершенного им преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства*».

В статью 108 УПК РФ «Заключение под стражу» внести следующие дополнения и изменения:

Дополнить часть 1 после первого предложения (слов – «меры пресечения») новым предложением: *«Заключение под стражу к лицу, впервые привлекаемому к уголовной ответственности, применяется лишь в случае доказанных нарушений им условий домашнего ареста, залога или иной менее строгой меры пресечения, за исключением случаев привлечения к уголовной ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, а также за преступления, указанные в статье 100 настоящего Кодекса, по которым*

необходимо учитывать характер инкриминируемого ему деяния и данные о личности».

В части 1 слова «фактические обстоятельства» заменить на слово «доказательства».

В части 3 вместо слова «материалы» использовать фразу «материалы уголовного дела».

Статью 63 УПК РФ «Недопустимость повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела» дополнить частью 4 следующего содержания:

4.«Судья, принимавший решение о заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу, о домашнем аресте, о продлении сроков содержания под стражей и домашнего ареста на досудебной стадии, рассматривавший апелляционные, кассационные или надзорные жалобы или представления на избрание заключения под стражу, домашний арест, продление сроков содержания под стражей и домашнего ареста на досудебной стадии, не может участвовать в рассмотрении того же дела по существу в суде первой и второй инстанций или в порядке кассации и надзора».

В контексте искоренения обвинительного уклона в деятельности суда уже действуют следующие закрепленные в законе правила:

- изменение прокурором квалификации деяния подсудимого на менее строгую влечет для суда, рассматривающего в данный момент уголовное дело, в обязательном порядке применение этой «мягкой» квалификации инкриминируемого деяния (ст. 246 УПК РФ);

- отказ прокурора от обвинения влечет для суда, рассматривающего в данный момент уголовное дело, обязательное вынесение оправдательного приговора или прекращение уголовного преследования (ст. ст. 239, 246 УПК РФ).

В дальнейшей борьбе с обвинительным уклоном суда автор предложил сформулировать еще два правила:

- если прокурор предлагает суду конкретный вид и размер наказания, то суд не может назначить более строгие вид и размер наказания;

- если прокурор предлагает суду не заключать обвиняемого под стражу или не продлевать сроки его содержания под стражей, то суд не может заключить обвиняемого под стражу или продлить ему срок содержания под стражей.

Соответственно, в **пункте 7 ст. 108 УПК РФ** предложено добавить часть вторую:

«Если прокурор, участвующий в судебном заседании, предлагает суду не заключать подозреваемого, обвиняемого под стражу или не продлевать обвиняемому срок содержания под стражей, то судья не может заключить подозреваемого, обвиняемого под стражу или продлить обвиняемому срок содержания под стражей и руководствуется в дальнейшем положениями ст. 7-1 УПК РФ».

В контексте международно-правовых стандартов справедливого правосудия автор предложил оставить за судом принятие им «классических» решений о производстве осмотра

жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, о производстве обыска и (или) выемки в жилище, о контроле и записи телефонных и иных переговоров. Санционирование производства иных следственных и процессуальных действий, о которых идет речь в ст. 165 в контексте ст. 29 УПК РФ, должен проводить прокурор. И это не просто замена судебного контроля на прокурорский надзор: это усиление и судебного контроля, и прокурорского надзора, так как в этом случае решение прокурора заинтересованные участники уголовного процесса будут иметь возможность обжаловать вышестоящему прокурору (в порядке ст. 124 УПК РФ) или в суд (в порядке ст. 125 УПК РФ). При этом есть все основания полагать, что эти предложенные новеллы в уголовно-процессуальном законодательстве позволят более эффективно выявлять, исправлять и предупреждать ошибки по уголовным делам.

В контексте устранения следственных ошибок автором разработана **«модель перманентного прокурорского надзора»** за возбуждением уголовных дел и их предварительным расследованием: перманентность предполагает непрерывное (постоянное) процессуальное руководство прокурора за осуществлением уголовного преследования.

Эта модель включает в себя ряд признаков: *объективная необходимость и историческая обусловленность прокурорского надзора; вневедомственный и всеохватывающий характер прокурорского надзора; перманентность прокурорского надзора с наделением прокурора полномочиями руководителя уголовного преследования; «предсудебный» характер прокурорского надзора и ограничения для прокурора в принятии определенного круга окончательных решений.*

«Модель перманентного прокурорского надзора» является основной в контрольно-надзорной деятельности при досудебном производстве по уголовному делу. Она эффективно позволяет реализовать стратегии уголовного преследования и защиты прав человека. Будучи руководителем уголовного преследования, прокурор должен обладать, помимо уже имеющихся у него, еще и властными полномочиями по возбуждению такого преследования, отмене всех незаконных постановлений следователя, продлению сроков предварительного расследования), выражению согласия (как гаранта законности) на осуществление процессуальных действий, посягающих на конституционные права и свободы человека и гражданина, окончательному инкриминированию уголовного обвинения лицу, прекращению уголовного преследования и др.

При такой модели прокурорского надзора становится возможной в законодательном порядке передача части полномочий суда на досудебных стадиях уголовного процесса прокурору. При такой модели, к примеру, без согласия прокурора следователь не обращался бы в суд с ходатайствами, связанными с такими мерами пресечения, как заключение под стражу, домашний арест и др.

Дефиницию «**ведомственный контроль**» автор представил в виде двух его важных составляющих: **процессуальный контроль**, регламентированный положениями УПК РФ, и **иной ведомственный контроль**, регламентированный ведомственными нормативными актами и сложившейся практикой, включающий в себя и организационно-административное руководство деятельностью следователя.

Ведомственный контроль за возбуждением уголовных дел и предварительным расследованием (в контексте устранения ошибок) автор показал через «**модель разнополярного ведомственного контроля**» как специфической контрольно-надзорной деятельности с разным форматом такого контроля на низовом (город, район и приравненные к ним) и высоком (субъект Федерации и приравненные к ним) уровнях следственной деятельности.

Разнополярный характер такого ведомственного контроля предполагает включение в него элементов наставничества и подготовки кадров, осуществление его под надзором прокуратуры и выражение его в процессуальной и административной деятельности руководителя следственного органа.

Ведомственный контроль (наряду с прокурорским надзором) функционирует перманентно на протяжении всего досудебного производства. На низовом уровне следственных подразделений это позволяет руководителям следственных органов тотально контролировать уголовно-процессуальную деятельность следователей (особенно тех, кто только начинает свою следственную карьеру). На других (вышестоящих) уровнях следственных ведомств это позволяет разумно сочетать (без «режима тотальности») ведомственный контроль с процессуальной самостоятельностью следователя. При этом ведомственный контроль находится в отношениях взаимодействия с судебным контролем и прокурорским надзором и в определенной зависимости от них.

Только при таких условиях ведомственный контроль может:

успешно выявлять, устранять и предупреждать следственные ошибки в досудебном производстве;

минимизировать риск собственных ошибок (ошибок руководителей следственных органов);

достигать стратегических целей уголовного преследования и защиты прав человека.

В исследовании представлен судебный механизм устранения ошибок в российском уголовном процессе на судебных стадиях, который обладает рядом общих и особенных признаков:

- судебная проверка в суде первой инстанции предметно распределена между судами профессионалов и судами присяжных (с широкой юрисдикцией первых и узкой – вторых);

- функциональная однородность в целом судебной проверки во всех судах первой инстанции (за исключением отсутствия у судьи-профессионала в суде присяжных обязанности принимать решение по факту виновности подсудимого и отсутствия у судьи-профессионала в особом порядке судебного разбирательства обязанности непосредственно исследовать доказательства, подтверждающие факт виновности подсудимого);

- следственная активность при осуществлении судебной проверки в суде первой инстанции всех судей-профессионалов (равная – в общем порядке судебного разбирательства и в суде присяжных, ограниченная изучением письменных материалов дела по всем вопросам и возможностью непосредственного исследования доказательств только по вопросам наказания – в особом порядке судебного разбирательства);

- возможность полной апелляции в порядке судебной проверки в суде второй инстанции;

- функциональное деление судебного надзора в суде второй инстанции на кассацию, надзор и возобновление дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам;

- функциональная однородность кассации и надзора;

- ревизионный порядок всех видов пересмотра решений суда первой инстанции;

- обязательная сила руководящих разъяснений высшей судебной инстанции.

Своеобразие судебной проверки и судебного надзора в российском уголовном процессе определяется особенностями технической организации (континентальной по типу исторической формы) российского судебного производства. Однако она касается, главным образом, только суда присяжных и роли руководящих разъяснений высшей судебной инстанции (если не брать во внимание, скорее всего временное, сосуществование двух однородных функций – кассации и надзора). Поэтому в целом построение российского судебного производства имеет заметное сходство с классической континентальной моделью с присущей ей механизмом устранения ошибок, развитие которого должно осуществлять в рамках следующих моделей: «модель активного суда первой инстанции», «модель полноценной апелляции», «модель полноценной кассации и надзора», «полноценная следственная модель производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам».

В диссертационном исследовании сделан акцент на том, что суд первой инстанции, отправляя правосудие по уголовным делам в обычном «штатном» режиме с соблюдением процессуальных процедур и принципов уголовного судопроизводства, имеет все процессуальные возможности в рамках действующего законодательства неукоснительно выполнить назначение уголовного судопроизводства, в том числе одновременно с этим при необходимости реализовать специальную цель уголовного процесса – выявить, исправить и предупредить следственные ошибки.

Отправление правосудия по уголовным делам представлено в работе (в контексте устранения ошибок) **«моделью активного суда»**, в которой сам суд и прокурор, проявляют активность в полном, всестороннем и объективном установлении материальной истины по уголовному делу, используя при этом предоставленные уголовно-процессуальным законом полномочия по признанию доказательств недопустимыми, вынесению оправдательных приговоров, возвращению уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ и др. Эта модель ориентирована на приоритет коллегиального рассмотрения уголовного дела судом присяжных или коллегией профессиональных судей (в первую очередь - по особо сложным, многоэпизодным, объемным делам), судебного разбирательства в обычном, а не в особом, порядке с использованием аудио-видеозаписи судебного процесса. Именно такая «модель активного суда» позволит, во-первых, минимизировать количество собственных судебных ошибок, а, во-вторых, качественно и эффективно выявлять, исправлять и предупреждать следственные ошибки.

В контексте устранения ошибок в диссертации разработана **«модель полноценной апелляции»**.

В данной модели:

- все представленные в суд сторонами уголовного процесса свидетели должны быть допрошены в судебном заседании;

- все ходатайства сторон должны быть мотивированно, законно и справедливо разрешены.

Автор исследования аргументировал свои предложения о преобразовании второй инстанции в соответствии с разработанной им «моделью полноценной апелляции», дающей право заинтересованным лицам на полный (по всем основаниям) второй пересмотр уголовного дела со «вторым судебным следствием», в ходе которого отсутствует «кассационный синдром» (судебное следствие идет без спешки, полноценно и всесторонне).

Автор разработал **«модель полноценной кассации и надзора»**, включающей в себя следующие важные элементы:

- возможность инициации надзорно-кассационного производства не только сторонами уголовного процесса, но и председателями (заместителями председателей) судов субъектов Федерации и соответствующих их уровню судов, а также Верховного Суда Российской Федерации, с учетом специфики надзорно-контрольного производства, призванного рассматривать не «вопросы факта», а «вопросы права», причем, вопросы фундаментальных нарушений закона;

- обязанность должностных лиц, вовлеченных в орбиту надзорно-кассационной деятельности (консультанты, помощники судей, сами судьи судов уровня субъекта Федерации

и Верховного Суда Российской Федерации) изучать не только кассационные и надзорные жалобы и представления от сторон и приложенные к этим жалобам и представлениям материалы, но и сами уголовные дела, в том числе, аудио-видеозаписи состоявшихся судебных заседаний по делу.

- обязанность судей выносить свои итоговые решения «отказного характера» мотивированно: на каждый довод жалобы, представления участников процесса давать развернутые аргументации на основании изученных материалов уголовных дел.

В работе предложено внедрить в действующие кассацию и надзор все элементы их «полноценной модели».

В исследовании разработана **«полноценная следственная модель производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам»**, предусматривающая широкое определение «новых обстоятельств» (любые судебные ошибки, которые привели к неправосудному судебному решению, в том числе игнорирование собранных по делу доказательств, их ошибочная оценка, неправильное применение уголовного закона) и делающая доступной следственную процедуру проверки открывшихся обстоятельств.

Автор предложил преобразовать действующее производство по новым и вновь открывшимся обстоятельствам в соответствии с ее «полноценной следственной моделью».

Законодатель в последние десятилетия совершенствует процессуальные механизмы судебной проверки и ревизии. Введенная после создания мировой юстиции апелляция в свете последних законодательных новелл претерпела существенные модернизации и стала применимой при рассмотрении всех уголовных дел. Соответственно, иными в стратегическом аспекте представляются в настоящее время и процессуальные конструкции кассации, надзора и производства при новых и вновь открывшихся обстоятельствах. В числе стратегических задач изменений проверочных и ревизионных судебных конструкций – повышение эффективности судебных процедур для достижения назначения уголовного судопроизводства, в том числе – для совершенствования организационного и процессуального механизма выявления, исправления и предупреждения ошибок, которые проявляются при отправлении правосудия по уголовным делам.

В судебных инстанциях основным субъектом, который ведет уголовный процесс, является суд. Именно он, в первую очередь, выявляет, исправляет и предупреждает ошибки по уголовному делу. Но в судебных инстанциях велика роль в выявлении, исправлении и предупреждении ошибок и иных участников уголовного судопроизводства, особенно, профессиональных участников – прокурора, адвоката. В современной модели состязательного уголовного процесса прокурор, как государственный обвинитель, при обнаружении ошибок может предложить суду изменить квалификацию деяния на более мягкую; полностью или

частично отказаться от обвинения. И это предложения, по которым суд не может отказать прокурору – он обязан их принять и в соответствии с ними вынести решение по делу, даже, если внутренне он с этими предложениями прокурора не согласен. Во всем остальном профессиональные участники судебного разбирательства руководствуются полномочиями сторон; выявленные ими ошибки устраняются путем совершения судом необходимых процессуальных действий.

С учетом современных высоких технологий в век электроники и компьютеризации в настоящее время актуально вести речь о *«технологизированной модели»* судебного разбирательства, прежде всего, по тяжкой и особо тяжкой категории преступлений, что позволило бы:

- существенно дисциплинировать по всем параметрам заинтересованных участников уголовного судопроизводства (обвиняемых, потерпевших и др.), которые сегодня достаточно часто направляют в вышестоящие суды апелляционные, кассационные, надзорные жалобы, осознавая, что указанные суды, особенно – в кассации и надзоре, будут работать только по письменным материалам, содержащимся в деле, которым заинтересованные лица не доверяют и считают, что только их подробная и эмоциональная жалоба способна «сподвигнуть» вышестоящий суд принять иное решение: если заинтересованные лица будут знать, что вышестоящий суд изучит не только материалы дела, но и необходимые фрагменты аудио-видеозаписи его рассмотрения, отношение к обжалованию того, что объективно зафиксировано на аудио-видеоносителях, может быть иным, более взвешенным, нежели к фиксации происшедшего в суде в протоколе судебного заседания, отношение к которому у заинтересованных лиц сегодня крайне критическое;

- существенно объективировать деятельность проверочных инстанций, так как личное визуальное восприятие всего судебного разбирательства или необходимых его частей позволило бы сформировать у судей апелляционной, кассационной и надзорной инстанций более качественный и достоверный подход к оценке доказательств и с большей долей объективности принять законное и обоснованное решение по данному делу.

Таким образом, предложенная в исследовании концепция устранения следственных и судебных ошибок способствует изучению феномена этих ошибок, механизмов их устранения и укреплению режима законности в Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**Нормативно-правовые акты, проекты нормативно-правовых актов и иные официальные документы**

1. Конституция РФ : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : (с учетом поправок, внес. законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. №6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. №7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. No 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. No 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – No 31. – Ст. 4398.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 нояб. 1950 г.) и Протоколы к ней // Собрание законодательства РФ. – 2001. – No 2. – Ст. 163.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. Законом РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – No 40. – Ст. 592.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. No 63-ФЗ : (ред. от 07.02.2017 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. No 174-ФЗ : (ред. от 19.12.2016 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.
6. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.
7. О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 19.12.2016 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.
8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу [Электронный ресурс] : проект федер. закона № 440058-6 // официальный сайт Государственной думы РФ. – Электрон. дан. – URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=440058-6&02> (дата обращения 31.01.2017).
9. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2013 г. [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2013. – № 282. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из справ. правовой системы «ГАРАНТ».

10. Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 30 ноября 2010 г. [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2010. – № 271, 273. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».

11. Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 22 декабря 2011 г. [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2011. – № 290. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».

Судебная практика Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации

12. О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанции [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 23 дек. 2008 г. № 28 (ред. от 9 фев. 2012 г.) // Сайт Верховного Суда РФ. – Электрон. дан. – Систем. требования : Adobe Acrobat Reader. – URL: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=6501 (дата обращения 31.01.2017).

13. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края от 02 фев. 1996 г. № 4-П [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. – Электрон. дан. – Систем. требования : Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30283.pdf> (дата обращения 31.01.2017).

14. О применении судам норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 5 мар. 2004 г. № 1 (ред. от 9 фев. 2012 г.) // Сайт Верховного Суда РФ. – Электрон. дан. – URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=7723 (дата обращения 01.02.2017).

15. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 10 фев. 2009 г. № 1 (ред. от 29 ноя. 2016 г.) // Сайт Верховного Суда РФ. – Электрон. дан. – Систем. требования : Adobe Acrobat Reader. – URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=6360 (дата обращения 05.02.2017).

16. Определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Веккера Сергея Вадимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 283 и 307 УПК РФ № 451-О от 20 ноя. 2003 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. – Электрон. дан. – Систем. Требования : Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30848.pdf> (дата обращения 06.03.2016).

17. Определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Будаева Цогта Нацагдоржевича на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 283 УПК РФ № 204-О от 18 июня 2004 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. – Электрон. дан. – Систем. Требования : Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33477.pdf> (дата обращения 06.03.2016).

18. Определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации № 104-О от 06 мар. 2003 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. – Электрон. дан. – Систем. Требования : Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33761.pdf> (дата обращения 06.02.2017).

19. Постановление Конституционного Суда РФ по проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь № 6-П от 25 фев. 2016 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. – Электрон. дан. – Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision224417.pdf> (дата обращения 06.02.2017).

20. Постановление Конституционного Суда РФ По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда от 16 мая 2007 г. № 6-П [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. – Электрон. дан. – Систем. требования : Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision19708.pdf> (дата обращения 06.02.2017).

21. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности ряда положений статей 4013, 4015, 4018 и 40117 УПК РФ в связи с жалобами граждан С.С. Агаева, А.Ш. Бакаяна и других № 8-П от 25 мар. 2014 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. – Электрон. дан. – Систем. требования : Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision156350.pdf> (дата обращения 06.03.2016).

22. Определение Конституционного Суда РФ по жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации № 1248-О от 28 июня 2012 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. – Электрон. дан. – Систем. требования : Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision105554.pdf> (дата обращения 07.02.2017).

23. Denmark v. Greece, Norway v. Greece, Sweden v. Greece, Netherlands v. Greece [Электронный ресурс] : Decision of the Commission of 31 May 1968: App. No. 3321/67, 3322/67, 3323/67, 3344/67 // Сайт Европейского суда по правам человека. – Электрон. дан. – Систем. требования : Adobe Acrobat Reader. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73020> (дата обращения 02.02.2017).

24. Popkov v. Russia [Электронный ресурс] : Judgment of 15 May 2008 : App. No 32327/06 // Сайт Европейского суда по правам человека. – Электрон. дан. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-86224> (дата обращения 06.03.2016).

25. Mastepan v. Russia [Электронный ресурс] : Judgment of 14 January 2010 : App. No 3708/03 // Сайт Европейского суда по правам человека. – Электрон. дан. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-96693> (дата обращения 02.02.2017).

26. Khudoyorov v. Russia [Электронный ресурс] : Judgment of 8 November 2005 : App. No. 6847/02 // Сайт Европейского суда по правам человека. – Электрон. дан. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70865> (дата обращения 06.03.2016).

Архивные материалы

27. Уголовное дело № 17-19 // Архив Канского городского суда Красноярского края, 2012 год.

28. Уголовное дело № 19-143, рассмотренное Рыбинским районным судом Красноярского края в 2005 году // Адвокатское досье А.Д. Назарова.

29. Уголовное дело № 43179503/3/1-189/2011 // Архив Железнодорожного районного суда г. Красноярска, 2011 год.

Научные источники

30. Абросимов И. В. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве - проблемные вопросы концептуального истолкования и правового регулирования / И. В. Абросимов, Е. П. Гришина Е.П. // Уголовное судопроизводство. – 2007. – № 4. – С. 29-30.

31. Авдеев В. А. Проблемы реализации уголовной ответственности // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2006. – № 5. – С. 50-54.

32. Аверченко А. К. Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе / А. К. Аверченко, С. Л. Лось. – Томск : Изд-во НТЛ, 2003. – 196 с.

33. Адамайтис М. Право суда на инициативу в исследовании доказательств мешает его беспристрастности // Российская юстиция. – 2003. – № 11. – С. 32.

34. Адильшаев Э. А. Судебное санкционирование в уголовном процессе России: монография / Э. А. Адильшаев. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 184 с.

35. Азаров В. А. Акты прокурорского реагирования в российском уголовном судопроизводстве: монография / В. А. Азаров, А. А. Терехин. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 200 с.
36. Азаров В. А. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России / В.А. Азаров, И.Ю. Таричко. – Омск : Ом. госуниверситет, 2004. – 379 с.
37. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Избрание меры пресечения судом : науч.-практич. пособие / под ред. Н. А. Колоколова. – М. : ЮНИТИ : Закон и право, 2011. – 543 с.
38. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Избрание меры пресечения судом : науч.-практ. пособие / Под ред. Н. А. Колоколова. – М., 2011. – 543 с.
39. Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В. З. Лукашевича. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2003. – 562 с.
40. Александров А. И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / А. И. Александров. – СПб. : Издательство СПбГУ, 2013. – 598 с.
41. Александров А. С. О современной уголовно-процессуальной политике // Судебная власть и уголовный процесс. – 2012. – № 1. – С. 18-24.
42. Александров А. С. Основания к отмене (изменению) приговора в суде апелляционной инстанции / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун // Государство и право. – 2001. – № 10. – С. 55-62.
43. Алексеев А. И. Российская уголовная политика: Преодоление кризиса / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. – М. : Норма, 2006. – 144 с.
44. Алексеев Н. С. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве (возбуждение уголовного дела и предварительное расследование) / Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич. – Ленинград : Издательство ленинградского университета, 1970. – 193 с.
45. Алексеев Н. С. Уголовно-процессуальная политика советского государства на современном этапе / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев // Правоведение. – 1977. – № 5. – С. 97-104.
46. Алферов В. Ю. Оперативный эксперимент и провокация / В. Ю. Алферов, В. Л. Ильиных // Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 169-170.
47. Аминов Д. И. Современные подходы к построению эффективного механизма уголовной политики российского государства / Д. И. Аминов, А. Ю. Солонин. – М., 2010. – 198 с.

48. Анашкин Г. З. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам / Г. З. Анашкин, И. Д. Перлов. – М. : Юрид. лит., 1982. – 80 с.
49. Анашкин Г. З. Эффективность правосудия и судебные ошибки / Г. З. Анашкин, И. Л. Петрухин // Советское государство и право. – 1968. – № 8. – С. 59-67.
50. Андреев Н. А. Стратегическое управление в правоохранительной сфере: Учебное пособие / Н. А. Андреев, В. Б. Коробов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 359 с.
51. Андреева О. И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект) / Под ред. М. К. Свиридова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. – 138 с.
52. Антонова Е. Е. Функциональная характеристика досудебного производства в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Е. Антонова. – Омск, 2006. – 18 с.
53. Антонян Ю.М. Криминология : учебник для академического бакалавриата. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 388 с.
54. Аринин А. Н. К новой стратегии развития России. Федерализм и гражданское общество : Идеино-теоретические, политические и правовые аспекты / А. Н. Аринин. – М. : Северо-Принт, 2000. – 284 с.
55. Аубакирова А. А. Интеллектуальные ошибки эксперта при формировании его внутреннего убеждения: монография / А. А. Аубакирова. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 184 с.
56. Аубакирова А. А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения : дис. ... докт. юрид. наук / А. А. Аубакирова. – Челябинск, 2010. – 512 с.
57. Афанасьев В. В. Судебная ошибка / В. В. Афанасьев – Ярославль : ЯрГУ, 2000. – 40 с.
58. Аширбекова М. Т. Новые доказательства в суде апелляционной инстанции // Российская юстиция. – 2013. – № 5. – С. 22-24.
59. Аширбекова М. Т. Принцип публичности в судебном производстве по уголовным делам / М. Т. Аширбекова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. – 238 с.
60. Багаутдинов Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений / Ф. Н. Багаутдинов ; науч. конс. А. Б. Соловьев. – М. : Юрлитинформ, 2004. – 544 с.
61. Баев М. О. Стратегические принципы тактики защиты по уголовным делам / М. О. Баев, О. Я. Баев // Криминалистические аспекты профессиональной защиты по уголовным делам : сб. науч. труд. – Екатеринбург : Чароид, 2001. – 187 с.

62. Бажанов М. И. Предание суду в советском уголовном процессе : конспект лекций / М. И. Бажанов. – Харьков, 1965. – 36 с.
63. Барабаш А. С. Метод российского уголовного процесса / А. С. Барабаш, А. А. Брестер. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2013. – 218 с.
64. Барабаш А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно – процессуальной деятельности и их установление / А. С. Барабаш. – СПб. : Юридический центр, 2005. – 254 с.
65. Барабаш А. С. Прокурор – следственный судья // Уголовная юстиция : связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6-8 октября 2010 / Сост. А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. – М. : ЗАО «Акцион-Медиа», 2012. – С. 6-14.
66. Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса / А. С. Барабаш. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2009. – 420 с.
67. Барабаш А. С. Субъекты уголовного процесса и субъекты уголовно - процессуального доказывания // Сибирские юридические записки : Ежегодник Ассоциации юрид. ВУЗов «Сибирь». – Вып. 1. – Красноярск, 2001. – С. 123-135.
68. Барабаш А. С. Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности нарушителя / А. С. Барабаш. – Красноярск : Изд. Красноярского гос. ун-та, 1997. – 131 с.
69. Барабаш А. С. Функции органов государства в российском публичном уголовном процессе // Правовая политика и правовая жизнь. – 2009. – № 4. – С. 172-179.
70. Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... докт. юрид. наук / А. М. Баранов. – Омск, 2006. – 413 с.
71. Баранов А. М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам / А. М. Баранов. – Омск : Изд-во Ом. акад. МВД России, 2006. – 220 с.
72. Баранов А. М. Процессуальные ошибки, совершаемые на этапе окончания предварительного следствия и способы их устранения / А. М. Баранов. – Омск : Омский ЮИ МВД РФ, 1996. – 43 с.
73. Басков В. И. Оперативно-разыскная деятельность: учеб.-метод. пособие / В. И. Басков. – М. : Бек, 1997. – 189 с.
74. Батурина Н. А. Причины судебных ошибок и процессуальные средства их предупреждения в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Батурина. – Саратов, 2010. – 22 с.
75. Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений / Д. И. Бедняков. – М. : Юрид. лит., 1991. – 208 с.

76. Безрукова Т. И. Фактическая ошибка : вопросы классификации и квалификации : дис. ... канд. юрид. наук / Т. И. Безрукова. – Екатеринбург, 2008. – 148 с.
77. Белкин А. Р. Следственный судья или следственный судья? // Уголовное судопроизводство. – 2015. – № 3. – С. 16-27.
78. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А. Р. Белкин. – М. : Норма, 2007. – 528 с.
79. Белкин А. Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть XI. Иные вопросы досудебного производства / А. Р. Белкин. – М. : МТУ (МИРЭА), 2016 – 168 с.
80. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р. С. Белкин. – М. : НОРМА : Инфра-М, 2001. – 240 с.
81. Белкин Р. С. Курс криминалистики. 3-е изд., доп. / Р. С. Белкин. – М. : Юнити, 2001. – 837 с.
82. Беседин А. В. Защита в стадии исполнения приговора : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Беседин. – Саратов, 1995. – 187 с.
83. Бест Э. Уголовный процесс Германии // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 4. – С. 8-13.
84. Библиотека криминалиста. Научный журнал. № 4. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 396 с.
85. Богословская Л. А. Основания к отмене или изменению приговоров : учеб. пособие / Л. А. Богословская. – Харьков : Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1981. – 59 с.
86. Боженок С. К вопросу о провокации преступлений (с учетом решений Европейского Суда по правам человека) / С. Боженок, Б. Я. Гаврилов // Российская юстиция. – 2006. – № 5. – С. 44-50.
87. Бойко А. И. Уголовная политика : учеб. пособие / А. И. Бойко. – Ростов-на-Дону : Ростовский гос. экономический университет «РИНХ», 2008. – 190 с.
88. Бойков А. Д. Вопросы укрепления законности и повышения эффективности уголовного судопроизводства в свете решений XXVII съезда КПСС // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. Сборник научных трудов / Отв. ред. И. Ф. Демидов, А. Б. Соловьев, С. А. Шейфер. – М., 1988. – С. 14-15.
89. Бойков А. Д. Жертвы преступности. // Мировой судья. – 2006. – № 10. – С. 23-26.
90. Бойков А. Д. Третья власть в России. Книга вторая - продолжение реформ / А. Д. Бойков. – М. : Юрлитинформ, 2002. – 280 с.

91. Бойков А. Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990 - 1996 гг. / А. Д. Бойков. – М. : Изд-во НИИСЗ, 1997. – 264 с.
92. Бойков А. Новый УПК России и проблемы борьбы с преступностью // Уголовное право. – 2002. – № 3. – С. 63-69.
93. Бойков А. Суд. Скорый, да не очень. Правый, но не совсем. Милостивый, равный для всех? // Российский судья. – 2002. – № 9. – С. 4-15.
94. Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы / С. В. Бородин ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1990. – 272 с.
95. Боруленков Ю. П. Следственный судья как «слабое звено» уголовно-процессуального доказывания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 3. – С. 9-22.
96. Босхолов С. С. Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты / С. С. Босхолов. – 2-е изд., перераб. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2004. – 303 с.
97. Бошук В. А. Теоретические основы уголовно-правовой политики России в сфере государственной безопасности : дис. канд. юрид. наук / В. А. Бошук. – Краснодар, 2006. – 217 с.
98. Брагин Е. А. Процессуальный порядок и правовые последствия признания доказательств недопустимыми в Российском уголовном процесс : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Брагин. – Челябинск, 2003. – 23 с.
99. Брусницын Л. В. К использованию видеотехнологий в уголовном судопроизводстве // Государство и право. – 2009. – № 3. – С. 53-62.
100. Брянский В.Ю. Апелляционное производство в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. Ю. Брянский. – М., 2006. – 23 с.
101. Буглаева Е.А. Участие прокурора в ходе предварительного следствия / Е. А. Буглаева, Л. В. Виницкий. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 216 с.
102. Будников В. Л. Участие суда в уголовно-процессуальном доказывании // Российский судья. – 2006. – № 11. – С. 13-16.
103. Буланова Н. Правовая регламентация прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Уголовное право. – 2009. – № 3. – С. 73-76.
104. Булдыгина Н. И. Поддержание государственного обвинения: правовые, организационные и тактические аспекты / Н. И. Булдыгина, А. Н. Иванов, Е. С. Курохтина. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 243 с.

105. Бунева И. Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. Ю. Бунева. – Омск, 2002. – 23 с.
106. Бурмагин С. В. Разделение обвинительной и судебной властей в уголовном судопроизводстве России: от судебной реформы 1864 г. до наших дней // Актуальные проблемы уголовного процесса. – 2014. – № 5. – С. 885-896.
107. Бушковская Е. Н. Надзор прокурора за процессуальной деятельностью следователя и дознавателя в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук / Е. Н. Бушковская. – М., 2011. – 176 с.
108. Быков В. М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства / В. М. Быков. – Казань : Познание, 2008. – 300 с.
109. Быков В. М. Нужен ли уголовному судопроизводству России следственный судья? / В. М. Быков, Н. С. Манова // Законность. – 2015. – № 6. – С. 44-46.
110. Быков В. М. Судебный контроль за предварительным следствием // Уголовный процесс. – 2007. – № 1. – С. 35-38.
111. Быков В.М. Основания и процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми по УПК РФ / В. М. Быков, Т. Ю. Ситникова // Правоведение. – 2004. – № 5. – С. 142-150.
112. Васильев О. Ю. Возвращение судом уголовного дела прокурору: проблемы теории и практики: монография / О. Ю. Васильев, Д. В. Шинкевич. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2009. – 100 с.
113. Васин В. В. Без права на ошибку: уголовно-процессуальное познание судом первой инстанции обстоятельств уголовного дела / В. В. Васин. – Магадан : Изд. СВГУ, 2007. – 183 с.
114. Васин В. В. К вопросу о судебном уголовно-процессуальном познании // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – Вып. 11. – С. 81-84.
115. Васяев А. А. О применении недозволённых методов ведения следствия в отношении подозреваемых (обвиняемых) в уголовном судопроизводстве // Система отправления правосудия по уголовным делам в современной России как социальное взаимодействие личности и государства : сбор. науч. статей : в 2 ч. Ч. 2 / ред.кол. Т. К. Рябинина [и др.]. – Курск, 2009. – 340 с.
116. Васяев А. А. Ошибки или нарушения уголовно-процессуального закона? // Адвокат. – 2010. – № 4. – С. 9-11.
117. Ведищев Н. П. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств / Н. П. Ведищев. – М. : Юрлитинформ, 2003. – 256 с.

118. Ведищев Н. П. Ошибки правосудия и их устранение (из досье адвоката) / Н. П. Ведищев. – М. : Юрлитинформ, 2006. – 568 с.
119. Веретехин Е. Г. Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции / Е. Г. Веретехин ; науч. ред. : Малков В.П. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1988. – 88 с.
120. Власов В. И. Расследование преступлений. Проблемы качества / В. И. Власов ; под ред. В. М. Парадеев. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1988. – 200 с.
121. Волженкин Б. В. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? // Российская юстиция. – 2001. – № 5. – С. 43-45.
122. Волженкин Б. В. Провокация или оперативный эксперимент? // Законность. – 1999. – № 6. – С. 26-30.
123. Володина Л. М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практики. Монография / Л. М. Володина. – М. : Издательская группа «Юрист», 2006. – 352 с.
124. Волынский А.Ф. Расследование провокаций взятки и коммерческого подкупа / А. Ф. Волынский, Е. С. Лапин. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 160 с.
125. Вопленко Н. Н. Ошибки в правоприменении: понятие и виды // Советское государство и право. – 1981. – № 4. – С. 38-46.
126. Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. Сборник научных трудов / Отв. ред. И. Ф. Демидов, А. Б. Соловьев, С. А. Шейфер. – М., 1988. – 138 с.
127. Вопросы эффективности советского уголовного процесса / Под ред. Ф. Н. Фаткуллина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1976. – 159 с.
128. Вороненков Д. Н. Судебный контроль в механизме разделения властей / Д. Н. Вороненков ; под ред. С. А. Комарова. – СПб. : Изд-во Юрид. Ин-та (Санкт-Петербург), 2007. – 356 с.
129. Воронин О. В. Перспективы совершенствования существующих форм контроля за предварительным следствием // Законы России: опыт, анализ, практика: ежемес. правовой журнал. – 2008. – № 11. – С. 19-22.
130. Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Л. А. Воскобитова. – М., 2004. – 460 с.
131. Воскобитова Л. А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы уголовного процесса. – 2014. – № 3. – С. 455-462.
132. Воскобитова Л. А. Система оснований к отмене или изменению приговора в кассационном порядке. Учебное пособие / Л. А. Воскобитова. – М. : ВЮЗИ, 1985. – 43 с.

133. Воскобитова Л. А. Судебная власть : возникновение, развитие, типология : учеб. пособие / Л. А. Воскобитова. – Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2001. – 128 с.
134. Воскобитова Л. А. Сущностные характеристики судебной власти / Л. А. Воскобитова. – Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2003. – 160 с.
135. Воскобитова Л.А. Мировая юстиция и восстановительное правосудие : теория и практика развития / Л. А. Воскобитова, В. Н. Ткачев, А. Н. Сачков. – Ростов-на-Дону, 2007. – 337 с.
136. Воскресенский В. В. Теория и практика производства дополнительного расследования по делам об умышленных убийствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Воскресенский. – М., 1988. – 25 с.
137. Выявление и устранение следственных ошибок при судебном рассмотрении уголовных дел. Методическое пособие / А. Д. Бойков [и др.] ; отв. ред. А. Д. Бойков. – М. : Изд-во ВНИИ пробл. Укрепления законности и правопорядка, 1990. – 88 с.
138. Гавло В. К. Институт возвращения судом дел на дополнительное расследование нуждается в совершенствовании / В. К. Гавло, Н. А. Дудко // Известия Алтайского государственного университета. – 2001. – № 2. – С. 45-50. Цит. По : Гавло В. К. Избранные труды / В. К. Гавло. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 850 с.
139. Гаврилов Б. Я. Институт предъявления обвинения: современное состояние и проблемы совершенствования // Российская юстиция. – 2009. – № 5. – С. 50-53.
140. Гаврилов Б. Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Б. Я. Гаврилов – М., 2004. – 63 с.
141. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России : цифры и факты / Б. Я. Гаврилов. – М. : ТК Велби : Изд-во Проспект, 2008. – 208 с.
142. Газетдинов Н. И. О соотношении понятий судебного контроля, судебного надзора и правосудия // Российский судья. – 2009. – № 3. – С. 16-18.
143. Газетдинов Н. И. Роль суда в состязательном процессе // Российский судья. – 2007. – № 11. – С. 40-42.
144. Галимов Э. Р. Участие государственного обвинителя по уголовным делам в суде первой инстанции / Э. Р. Галимов. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 163 с.
145. Гехова Д. Х. Кассационное производство в российском уголовном процессе: генезис и перспективы развития : автореф. ... канд. юрид. наук / Д. Х. Гехова. – М., 2016. – 30 с.

146. Глава КС поддержал идею создания института следственных судей [Электронный ресурс] // Сайт РИА Новости. – Электрон. дан. – URL: <http://ria.ru/society/20141217/1038845017.html#ixzz3Pdd29C34> (дата обращения 05.02.2017).

147. Гладышева О. В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : автореф. ... дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Гладышева. – Краснодар, 2009. – 45 с.

148. Голик Ю. В. Теория ошибок: уголовно-правовое и криминалистическое значение / Ю. В. Голик, О. В. Орлова // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. Межвузовский сб. науч. трудов. / отв. ред. М. И. Ковалев, И. Я. Казаченко. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1989. С. 29-38.

149. Головкин Л. В. Институт следственных судей: американизация путем манипуляции [Электронный ресурс] // Сайт Российского агентства правовой и судебной информации. – Электрон. дан. – URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20150320/273362096.html (дата обращения 05.02.2017).

150. Головкин Л. В. Истоки и перспективы института дополнительного расследования уголовных дел на постсоветском пространстве // Государство и право. – 2009. – № 11. – С. 54-67.

151. Головкин Л. В. Реформа уголовного процесса во Франции // Государство и право. – 2001. – № 8. – С. 89-98.

152. Голощапов А. М. Конституционные основы становления государственно-правовой стратегии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. М. Голощапов. – М., 2004. – 27 с.

153. Голубева М. Л. Судебная ошибка: теоретико-прикладной анализ : дис. ... канд. юрид. наук / М. Л. Голубева. – Нижний Новгород, 2009. – 250 с.

154. Гомьен Д. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. Перевод с английского / Д. Гомьен, Л. Зваак, Д. Харрис ; науч. ред. Л. Б. Архипова. – М. : Изд-во МНИМП, 1998. – 600 с.

155. Горелик А. С. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы коммерческих и иных организаций / А. С. Горелик, И. В. Шишко, Г. Н. Хлупина. – Красноярск : Изд-во Красноярского госуниверситета, 1998. – 200 с.

156. Горелик А. С. Преступления против правосудия / А. С. Горелик, Л. В. Лобанова. – СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 491 с.

157. Гранат Н. Л. Следственные ошибки: понятие, виды и причины // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. – 1983. – № 76. – С. 56-60.

158. Гревцов О. В. Уголовная политика современной России и предупреждение преступности : дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Гревцов. – СПб, 2000. – 182 с.
159. Григорьев В. Н. О теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях // Вопросы правообразования: Всероссийский научно-теоретический журнал. – 2013. – № 2. – С. 344-361.
160. Григорьев В.Н. Компаративистские заметки об институте следственного судьи в досудебном уголовном судопроизводстве / В. Н. Григорьев, И. А. Зинченко, А. А. Попов // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2016. – № 1. – С. 13-19.
161. Григорьев В.Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика) : дис. ... докт. юрид. наук / В. Н. Григорьев. – М., 1993. – 565 с.
162. Гришина Е. П. Существенные нарушения закона как основания признания доказательств недопустимыми // Уголовное судопроизводство. – 2007. – № 3. – С. 21-23.
163. Гродзинский М. М. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе / М. М. Гродзинский. – М. : Госюриздат, 1949. – 220 с.
164. Громов Н. А. Вновь открывшиеся обстоятельства и их расследование в уголовном процессе / Н. А. Громов. – М. : Спарк, 1999. – 220 с.
165. Громов Н. А. Оценка доказательств в уголовном процессе / Н. А. Громов, С. А. Зайцева. – М. : Издательство ПРИОР, 2002. – 128 с.
166. Гуськова А.П. Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ / А. П. Гуськова. – Оренбург : ИПК ОГУ, 2002. – 107 с.
167. Гуценко К. Ф. Уголовный процесс западных стран : учеб. пособие / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головкин, Б. А. Филимонов ; под ред. К. Ф. Гуценко. – М. : Зерцало-М, 2001. – 470 с.
168. Гуценко К. Ф. Уголовный процесс западных стран : учеб. пособие. / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головкин, Б. А. Филимонов ; под ред. К. Ф. Гуценко. – 2-е изд., доп. и испр. – М. : Зерцало-М, 2002. – 517 с.
169. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство РФ: курс лекций / А. А. Давлетов. – Екатеринбург, 2011. – 249 с.
170. Давыдов В. А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: теория и практика исправления судебных ошибок / В. А. Давыдов. – М.: Издательство Юрайт, 2012. – 313 с.
171. Давыдов В. А. Производство в надзорной инстанции. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : практ. пособие / В. А. Давыдов ; под ред. В. П. Верина. – М. : Юрайт-издат, 2007. – 503 с.

172. Даев В. Г. Оценка судом первой инстанции качества предварительного расследования / В. Г. Даев, В. Ф. Миронов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – № 3. – 1983. – С. 92-96.

173. Демидов И. Ф. Судебная реформа и новые проблемы науки уголовного процесса // Вопросы укрепления законности в уголовном судопроизводстве в свете правовой реформы : матер. конференции. – М., 1995. – С. 24-25.

174. Денисов С. А. Законность и обоснованность соединения и выделения уголовных дел / С. А. Денисов. – М. : Юрлитинформ, 2004. – 192 с.

175. Деришев Ю. В. Основные процессуальные ошибки, влекущие необоснованное привлечение к уголовной ответственности // Законодательство и практика. – 1998. – № 1. – С. 19-21.

176. Джатиев В. С. Следственный судья: нужен ли он России? // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию каф. управления органами расследования преступлений) : Сб. матер. межд. науч.-практ. конф. В 2-х ч. – М. : Академия управления МВД России, 2015. – Ч. 1. – С. 219-225.

177. Дикарев И. С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / И. С. Дикарев. – Волгоград, 2016. – 51 с.

178. Дикарев И. С. Понятие «фундаментальное нарушение» в уголовном процессе // Российская юстиция. – 2009. – № 6. – С. 49-52.

179. Дикарев И. С. Правосудие и судебный контроль в уголовном процессе: соотношение понятий // Государство и право. – 2008. – № 2. – С. 45-51.

180. Дикарев И. С. Предварительное производство в суде надзорной инстанции / И. С. Дикарев. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 176 с.

181. Дикарев И. С. Проблемы теории и практики производства в суде надзорной инстанции по уголовным делам / И. С. Дикарев. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 430 с.

182. Динер А. А. Апелляционное производство в российском уголовном процессе : науч.-практ. пособие / А. А. Динер, Л. Ф. Мартыняхин, Н. Н. Сенин ; под общ. ред. Л. Ф. Мартыняхина. – М. : Юристъ, 2003. – 112 с.

183. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / Под ред. А. С. Александрова. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 300 с.

184. Долгова А. И. Проблемы разработки стратегии борьбы с преступностью // Преступность: стратегия борьбы / Под ред. А. И. Долговой. – М. : Криминологическая ассоциация, 1997. – С. 5-18.
185. Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности / Е. А. Доля. – М. : Спарк, 1996. – 111 с.
186. Доля Е. А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Российская юстиция. – 1995. – № 9. – С. 57-59.
187. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности / Е. А. Доля. – М. : Проспект, 2014. – 373 с.
188. Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций / Л. Я. Драпкин. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 164 с.
189. Дробот П. Н. Теория ошибок и обработка результатов измерений : учеб. пособие / П. Н. Дробот, – Томск : ТУСУР, 2011. – 83 с.
190. Дугин А. Т. Проблемы борьбы с уголовно-процессуальными правонарушениями при расследовании преступлений средствами прокурорского надзора : дис. ... канд. юрид. наук / А. Т. Дугин. – М., 1995. – 207 с.
191. Дудко Н. А. Поэтапное введение суда присяжных в России: монография / Н. А. Дудко; под науч. ред. В. К. Гавло. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 225 с.
192. Дудко Н. А. Суд присяжных в России: возрождение и этапы развития : учебное пособие / Н. А. Дудко ; под ред. В. К. Гавло. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 134 с.
193. Европейский суд по правам человека : избранные решения : в 2 т. / Редколл. В. А. Туманов. – М. : Норма, 2000. – Т. 1. – 841 с.
194. Европейский суд по правам человека : избранные решения : в 2 т. / Редколл. В. А. Туманов. – М. : Норма, 2000. – Т. 2. – 804 с.
195. Еникеев З. Д. Проблемы эффективности мер уголовно-процессуального пресечения / З. Д. Еникеев ; науч. ред. Ф. Н. Фаткуллин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 104 с.
196. Ерофеев Г. А. Нарушения уголовно-процессуального закона как основания пересмотра приговоров : дис. ... канд. юрид. наук / Г. А. Ерофеев. – Свердловск, 1977. – 188 с.
197. Жалинский А. Э. Социально-правовое мышление как средство осуществления уголовной политики // Вопросы уголовной политики. Межвузовский сборник научных трудов. – Красноярск : Изд-во Красн. гос. ун-та, 1991. – С. 14-15.
198. Зажицкий В. И. Об использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Государство и право. – 2010. – №7. – С. 61-71.

199. Зажицкий В. И. Проблемы повышения эффективности правосудия по уголовным делам // Государство и право. – 2009. – № 7. – С. 38-46.
200. Зажицкий В. И. Связь оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности в российском законодательстве // Российская юстиция. – 1996. – № 4. – С. 51-52.
201. Зайцев И. М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. : монография / И. М. Зайцев ; под ред. М. А. Викут. – Саратов : Саратовский университет, 1985. – 135 с.
202. Законность в досудебных стадиях уголовного процесса России / А. Б. Соловьев [и др.] ; науч. ред. А. Б. Соловьев, А. Г. Халиулин. – М., Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. – 162 с.
203. Законность: состояние и тенденции в 2010 – 2014 гг. Деятельность прокуратуры по ее обеспечению: науч. докл. / под общ. ред. О.С. Капинус. – М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2015. – 406 с.
204. Закотянская А. Ф. Обжалование и пересмотр решений суда в ходе досудебного производства / А. Ф. Закотянская. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 216 с.
205. Захарова В. О. О классификациях следственных ошибок // Бизнес в законе. – 2014. – № 5. – С. 142-144.
206. Захарцев С. И. Правовое регулирование использования результатов оперативно-розыскной деятельности в зарубежных государствах / С. И. Захарцев, В. И. Рохлин // Правоведение. – 2004. – № 2. – С. 111-122.
207. Захожий Л. Совершенствовать институт дополнительного расследования // Социалистическая законность. – 1986. – № 3. – С. 60-61.
208. Зашляпин Л. А. Основные компоненты теории адвокатского мастерства в уголовном судопроизводстве / Л. А. Зашляпин. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2007. – 576 с.
209. Зашляпин Л. А. Основы методики расследования должностной преступной деятельности следователей и дознавателей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. А. Зашляпин. – Екатеринбург, 1993. – 21 с.
210. Зашляпин Л. А. Основы теории эффективной адвокатской деятельности: прелиминарный аспект / Л. А. Зашляпин. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2006. – 568 с.
211. Зеленецкий В.С. Общая теория борьбы с преступностью. Т. 1 : Концептуальные основы / В. С. Зеленецкий – Харьков : Основа, 1994. – 321 с.
212. Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное доказывание. Концептуальные основы / З. З. Зинатуллин, Т. З. Егорова, Т. З. Зинатуллин. – Ижевск : Детектив-информ, 2002. – 228 с.

213. Зникин В. К. Оперативно-розыскная деятельность как система добывания и собирания уголовно-процессуальных доказательств: учеб. пособие / В. К. Зникин. – Кемерово : Кемер. гос. ун-т, 2000. – 148 с.
214. Золотых В. В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе / В. В. Золотых. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. – 286 с.
215. Зорин Г. А. Криминалистическая методология / Г. А. Зорин. – Минск : Амалфея, 2000. – 608 с.
216. Зорин Г. А. Теоретические основы криминалистики / Г. А. Зорин. – Минск : Амалфея, 2000. – 416 с.
217. Зорин Г.А. Эвристические методы формирования стратегии и тактики следственной деятельности [Электронный ресурс] / Г. А. Зорин. – Гродно : Издательство «Гродненский госуниверситет», 1991. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ с сайта Образовательного портала Гроднеского государственного университета имени Янки Купалы. URL: http://ebooks.grsu.by/krim_evristika_one/chast-2.htm (дата обращения 03.02.2017).
218. Зорин Р. Г. Исследование закономерностей формирования и устранения негативных обстоятельств и существенных нарушений в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 3. – С.149-154.
219. Зорькин В. Конституция живет в законах [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2014. – № 6560. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ с сайта Российской Газеты. – URL: <https://rg.ru/2014/12/18/zorkin.html> (дата обращения 05.02.2017).
220. Зорькин предлагает создать отдельные кассационные суды в СОЮ и институт следственных судей // [Электронный ресурс] // Сайт ПРАВО.РУ. Электрон. дан. URL: <http://pravo.ru/news/view/81000/> (дата обращения 05.02.2017).
221. Зубарев А. А. Институт признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе и правовые последствия его применения / А. А. Зубарев. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 192 с.
222. Зумакулов А. Д. Институт возбуждения производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств как гарантия прав и свобод личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Д. Замакулов. – М., 2005. – 31 с.
223. Иванов С. В. Уголовная политика Российской Федерации : политолого-криминологический и уголовно-правовой аспекты : дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Иванов. – Екатеринбург, 2006. – 313 с.
224. Идрисов О. Р. Полномочия кассационной инстанции по выявлению и устранению судебных ошибок в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. Р. Идрисов. – Томск, 2012. – 23 с.

225. Исаенко В. Н. Методика поддержания государственного обвинения (понятие, принципы, содержание) / В. Н. Исаенко. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 172 с.
226. Ищенко Е. П. Реформой правит криминал? / Е. П. Ищенко. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 320 с.
227. Ищенко Е.П. Организационно-тактические ошибки, допускаемые на первоначальном этапе расследования преступлений // Организационно-тактические проблемы расследования преступлений: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск: Изд-во КГУ, 1990. – С. 35-43.
228. Кагетов А. С. Циклы уголовной политики и правоприменения / А. С. Кагетов. – СПб. : Санкт-Петербургский гос.ун-т сервиса и экономики, 2010. – 371 с.
229. Казгериева Э. В. Логические ошибки в судебном правоприменении : дис. ... канд. юрид. наук / Э. В. Казгериева. – М., 2006. – 177 с.
230. Казинян Г.С. Проблемы эффективности следственных действий / Г. С. Казинян, А. Б. Соловьев. – Ереван : Изд-во Ереван. ун-та, 1987. – 216 с.
231. Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / Под ред. В. В. Волкова. – М. : Статут, 2012. – 368 с.
232. Калинкина Л. Д. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и их отграничение от несущественных : дис. ... канд. юрид. наук / Л. Д. Калинкина. – Казань, 1981. – 189 с.
233. Калугин А. Г. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением / А. Г. Калугин, М. В. Монид. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2006. – 188 с.
234. Кальницкий В. В. «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства неэффективны // Уголовное право. – 2004. – № 1. – С. 73-75.
235. Камчатов К. В. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств / К. В. Камчатов, И. В. Чащина, Е. В. Великая. – М. : Проспект, 2016. – 139 с.
236. Капинус Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Н. И. Капинус. – М., 2001. – 55 с.
237. Карабанов А. Л. Актуальные проблемы правового регулирования организации и деятельности органов предварительного расследования и противодействия преступности / А. Л. Карабанов, Г. К. Смирнов. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 216 с.
238. Карагодин В. Н. Совершенствование досудебного производства как элемент уголовно-правовой политики // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 3. – С. 22-29.

239. Каретников А. С. Разрешение суда на производство следственных действий / А. С. Каретников, К. А. Арзамасцева // Законность. – № 2. – 2011. – С. 43-47.
240. Каретников А. С. Является ли деятельность суда по рассмотрению и разрешению ходатайств должностных лиц органов предварительного расследования судебным контролем? / А. С. Каретников, К. А. Арзамасцева // Российская юстиция. – 2010. – № 4. – С. 66-69.
241. Кириллова А. А. Основы криминалистической методики судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. 1 ст. 105 УК РФ) / А. А. Кириллова. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2014. – 255 с.
242. Кириллова А. А. Следственные ошибки в методике судебного разбирательства // Библиотека криминалиста. – 2013. – №3. – С. 155-158.
243. Кириллова Н. П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел / Н. П. Кириллова. – СПб. : Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2007. – 408 с.
244. Кириллова Н. П. Роль суда в процессе доказывания по уголовному делу // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 215-217.
245. Кириллова Н. П. Суд присяжных в России и мировой опыт: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе» / Н. П. Кириллова ; науч. ред. Б. В. Волженкин. – СПб. : С.-Петербур. юрид. ин-т, 1998. – 35 с.
246. Китаев Н. Н. Неправосудные приговоры к смертной казни : Системный анализ допущенных ошибок. / Н. Н. Китаев. – СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 390 с.
247. Климчук В. П. Ошибки при окончании предварительного следствия и уголовно-процессуальные способы их устранения : дис. ... канд. юрид. наук / В. П. Климчук. – М., 2003. – 168 с.
248. Кобликов А. С. Законность – конституционный принцип советского уголовного судопроизводства / А. С. Кобликов. – М. : Юрид. лит., 1979. – 200 с.
249. Кобликов А. С. Юридическая этика / А. С. Кобликов. – 3-е изд.. – М. : Норма, 2005. – 176 с.
250. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальная ответственность / З. Ф. Коврига ; науч. ред. Л. Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 191 с.
251. Ковтун Н. Н. Генезис идеи о судебном контроле в уголовном судопроизводстве России // Уголовное судопроизводство. – 2008. – № 4. – С. 24-30.
252. Ковтун Н. Н. О понятии и содержании понятия «судебный следователь» («следственный судья») // Российский судья. – 2010. – № 5. – С. 15-19.

253. Ковтун Н. Н. Специализированный следственный судья: за и против // Российская юстиция. – 2010. – № 9. – С. 41-45.
254. Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном процессе : понятие, виды, сущность и содержание // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. – 2001. – № 2. – С. 117-123.
255. Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России (понятие, сущность, формы) : дис. ... канд. юрид. наук / Н. Н. Ковтун. – Нижний Новгород, 2002. – 520 с.
256. Ковтун Н.Н. Эффективность оперативного судебного контроля / Н. Н. Ковтун, Е. Н. Сулова // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 3. – С. 6-14.
257. Кожевников И. Упорядочить полномочия следователя // Российская юстиция. – 1997. – № 12. – С. 22-24.
258. Кокарев Л. Д. Три кита правосудия // Служение истине : Научное наследие Л. Д. Кокорева : сб. ст. / Редкол. О. Я. Баев [и др.]. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1997. – С. 300-306.
259. Колесников В. И. Преступность в России и стратегия борьбы с ней // Преступность: стратегия борьбы / Под ред. А. И. Долговой. – М. : Криминологическая ассоциация, 1997. – С. 18-27.
260. Колоколов Н. А. Конституционное право на неприкосновенность жилища: к вопросу об эффективности превентивного судебного контроля (часть 1) // Российский судья. – 2010. – № 6. – С. 13-16.
261. Колоколов Н. А. Конституционное право на неприкосновенность жилища: к вопросу об эффективности превентивного судебного контроля (часть 2) // Российский судья. – 2010. – № 7. – С. 4-8.
262. Колоколов Н. А. О праве, суде и правосудии : Избранное / Н. А. Колоколов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 687 с.
263. Колоколов Н. А. Обвинительный уклон следствия и суда при оценке правонарушений в сфере экономики // Уголовный процесс. – 2012. – № 2. – С. 38-45.
264. Колоколов Н. А. Судебный контроль: некоторые проблемы истории и современности / Н. А. Колоколов. – Курск : Сеймъ, 1996. – 89 с.
265. Колосовский В. В. Ошибки в квалификации уголовно-правовых деяний : дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Колосовский. – Челябинск, 2003. – 192 с.
266. Комарова Е. И. Влияние ошибок досудебного производства и характера судебной ситуации на тактику поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. И. Комарова. – Воронеж, 2009. – 23 с.

267. Комогорцева К. А. Рассмотрение уголовных дел в апелляционном порядке по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / К. А. Комогорцева. – М., 2013. – 243 с.
268. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С. А. Пашин. – М. : Республика, 1992. – 111 с.
269. Конярова Ж. К. Усмотрение прокурора в уголовном процессе / Ж. К. Конярова. – Ижевск : Ин-т права, социального упр. и безопасности, 2005. – 118 с.
270. Корневский Ю. В. Судебная практика и совершенствование предварительного расследования / Ю. В. Корневский. – М. : Юрид. лит., 1974. – 112 с.
271. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика: Тенденции и перспектива / А. И. Коробеев, А. В. Усс, Ю. В. Голик. – Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1991. – 240 с.
272. Котин В. П. Провокация взятки // Государство и право. – 1996. – № 2. – С. 82-87.
273. Котухов М. П. Перевод результатов оперативно-разыскной деятельности в доказательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. П. Котухов. – М., 2002. – 23 с.
274. Крамаренко В. П. Ситуационный подход к выявлению и преодолению следственных ошибок : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. П. Крамаренко. – Краснодар, 2012. – 23 с.
275. Крамаренко В. П. Ситуационный подход к выявлению и преодолению следственных ошибок : дис. ... канд. юрид. наук / В. П. Крамаренко. – Калининград, 2012. – 182 с.
276. Красильников Б. В. Судебная ошибка по гражданскому делу как следствие несовершенства материального и процессуального законодательства : дис. ... канд. юрид. наук / Б. В. Красильников. – М., 2002. – 236 с.
277. Криминалистика / Под ред. А. В. Дулова. Минск, 1996. – 415 с.
278. Криминология и уголовная политика / Ред. колл. С. Г. Келина, В. М. Коган, М. М. Славин. – М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1985. – 144 с.
279. Крылов И. Ф. Розыск, дознание, следствие : учеб. Пособие / И. Ф. Крылов, А. И. Бастрыкин. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1984. – 217 с.
280. Крюков В. Ф. Уголовное преследование в судебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора [Электронный ресурс] / В. Ф. Крюков. – Курск, 2010. – 412 с. // Электрон. версия печат. публ. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
281. Кубов Р. Х. Уголовная политика в сфере борьбы с организованными формами преступной деятельности / Р. Х. Кубов. – М. : Граница, 2008. – 247 с.

282. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит., 1972. – 352 с.
283. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью / В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Наука, 2005. – 366 с.
284. Кудрявцева А. В. Апелляционное производство в уголовном процессе России / А. В. Кудрявцева, В. П. Смирнов. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 212 с.
285. Кузнецов А. С. Заблуждение: логико-гносеологический аспект : автореф. дис. ... канд. философ. наук / А. С. Кузнецов. – Саратов, 2001. – 159 с.
286. Кузьмин Г. А. Правовые и организационные основы принятия решений в уголовном процессе : Досудебные стадии : автореф. дис. ... канд. юрид. Наук / Г. А. Кузьмин. – М., 2002. – 22 с.
287. Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений : учеб. пособие / Б. А. Куринов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 182 с.
288. Курс советского уголовного процесса: Общая часть / В. Б. Алексеев [и др.] : под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. – М. : Юридическая литература, 1989. – 640 с.
289. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян [и др.] ; под ред. Л. В. Головки. – М. : Статут, 2016. – 1276 с.
290. Курс уголовного судопроизводства : в 3 т. / В. А. Михайлов [и др.] ; под ред. В. А. Михайлова. М. : МПСИ, 2006. Т.1 : Общие положения уголовного судопроизводства. – 821 с.
291. Курченко В. Отграничение провокации от действий при пресечении преступлений // Законность. – 2004. – № 1. – С. 10-12.
292. Курышева Н. С. Обжалование действий (бездействия) и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство: монография / Н. С. Курышева. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 280 с.
293. Куряхова Т.В. Возвращение судом уголовного дела прокурору // Общества и право. – 2009. – № 3. – С. 218-223.
294. Куссмауль Р. Дискриминационная норма нового УПК // Российская юстиция. – 2002. – № 9. – С. 32.
295. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учебно-практ. пособие / В. А. Лазарева. – М. : Высшее образование, 2009. – 343 с.
296. Лазарева В. А. Особенности и формы реализации судебной власти в уголовном процессе // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. – 2001. – № 2. – С. 151-158.

297. Лазарева В. А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе / В. А. Лазарева. – Самара : Сам. ун-т, 1999. – 134 с.
298. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация / А. М. Ларин. – М. : Юрид. лит., 1970. – 224 с.
299. Ларина Е. В. Признание доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве (в стадии предварительного расследования) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Ларина. М., 2005. – 28 с.
300. Лебедев В. М. Судебная власть в современной России : Проблемы становления и развития / В. М. Лебедев. – СПб. : Лань, 2001. – 383 с.
301. Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России : методологические, правовые и организационные основы : дис. ... докт. юрид. наук / Г. Ю. Лесников. – М., 2005. – 350 с.
302. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Ф. Лист ; сост. и предисл. В. С. Овчинский. – М. : Инфра-М, 2004. – 110 с.
303. Лисюткин А. Б. Вопросы методологии исследования категории «ошибка» в правоведении / А. Б. Лисюткин ; под ред. Н. И. Матузова. – Саратов : Изд-во Саратовской гос. акад. права, 2001. – 138 с.
304. Лисюткин А. Б. Ошибка как категория правоведения: теоретико-методологический аспект : дис. ... докт. юрид. наук / А. Б. Лисюткин. – Саратов, 2002. – 414 с.
305. Литвинова И. В. Основания и порядок принятия прокурором решения о признании доказательств недопустимыми : учебно-метод. пособие / И. В. Литвинова. – Иркутск : Иркутский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2003. – 25 с.
306. Лонь С. Л. Ошибка судьи (проблема, понятие, регулирование) // Состояние и проблемы развития российского законодательства : Сб. статей / Под ред. В. Ф. Воловича. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 221-226.
307. Лопашенко Н. А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности / Н. А. Лопашенко ; науч. ред. Л. А. Прохоров. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1997. – 184 с.
308. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия : уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н. А. Лопашенко. – СПб. : Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 339 с.
309. Лопашенко Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. – М. : ВолтерсКлувер, 2009. – 579 с.

310. Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду / В. З. Лукашевич ; отв. ред. Н. С. Алексеев. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1966. – 147 с.
311. Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе / В. З. Лукашевич. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1985. – 193 с.
312. Лукин В. П. Проблемы совершенствования деятельности суда присяжных в современной России: Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. / В. П. Лукин. – М. : Юриспруденция, 2004. – 64 с.
313. Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права / Е. Г. Лукьянова. – М. : Издательство НОРМА, 2003. – 240 с.
314. Лунеев В. В. Эпоха глобализации и преступность / В. В. Лунеев. – М. : Норма, 2007. – 272 с.
315. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. – М.: Норма, 2017. – 272 с.
316. Lupinская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П. А. Lupinская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2010. – 240 с.
317. Ляхов Ю. А. Сущность и тенденции развития уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Ю. А. Ляхов. – СПб, 1994. – 36 с.
318. Максимов А. М. Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности животного мира: правовые проблемы, организационные и правоприменительные аспекты / А. М. Максимов. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 350 с.
319. Малышева О. А. Современная уголовная политика Российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... докт. юрид. наук / О. А. Малышева. – Рязань, 2006. – 514 с.
320. Малько С. В. Политико-правовые стратегии формирования институтов российского гражданского общества : автореф. ... канд. юрид. наук / С. В. Малько. – Ростов-на-Дону, 2009. – 21 с.
321. Манова Н. С. Возобновление уголовного дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: достоинства и неудачи правовой регламентации // Государство и право. – 2008. – № 5. – С. 107-109.
322. Мартынчик Е. Г. Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции / Е. Г. Мартынчик ; под ред. П. С. Никитюка. – Кишинев : Штиинца, 1975. – 219 с.
323. Маслов В. П. Пересмотр уголовных дел в порядке надзора / В. П. Маслов. – М. : Юридическая литература, 1965. – 102 с.

324. Мельник В. В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе / В. В. Мельник. – М. : Дело, 2000. – 496 с.
325. Мерзлякова М. В. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора / М. В. Мерзлякова, А. Д. Прошляков. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 176 с.
326. Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам / Н. В. Буланова [и др.] ; под ред. М. Е. Токарева. – М. : Юрлитинформ, 2005. – 184 с.
327. Методология и методика изучения следственных ошибок. Сборник научных трудов. – М., 1986 – 147 с.
328. Мешков В.М. Оперативно-розыскная тактика и особенности легализации полученной информации в ходе предварительного следствия: учебно-практ. пособие / В. М. Мешков, В. Л. Попов. – М. : Щит-М, 1999. – 80 с.
329. Мизулина Е. Б. К пятилетию Уголовно-процессуального кодекса РФ // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (К 5-летию УПК РФ) : материалы междунар. науч.-практ. конф. – М. : МГЮА, 2007. – С. 3-16.
330. Михайлов А. А. Изменение прокурором обвинения и отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции / А. А. Михайлов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. – 266 с.
331. Михайлов В. И. Некоторые вопросы применения автоматизированного рабочего места следователя / В. И. Михайлов, Н. Д. Андреев // Уголовное судопроизводство: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения : сб. науч. тр. – Рязань : Академия права и управления ФСИН, 2008. – Вып.3. – С. 217-220.
332. Михайлов В. И. Противодействие легализации доходов от преступной деятельности. Правовое регулирование, уголовная ответственность, оперативно-розыскные мероприятия и международное сотрудничество / В. И. Михайлов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 427 с.
333. Михайлов М. А. Необходимость учета крымского опыта при решении вопроса о создании института следственных судей в Российской Федерации // Уголовное производство: Процессуальная теория и криминалистическая практика : матер. III межд. науч.-практ. конф. г. Симферополь-Алушта 24-25 апреля. – Симферополь, 2015. – С.54-56.
334. Михайлова Т. А. Предание суду в советском уголовном процессе / Т. А. Михайлова ; отв. ред. В. В Шубин. – М. : Юрид. лит., 1981. – 88 с.
335. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И. Б. Михайловская. – М. : Проспект, 2008. – 189 с.

336. Михайловская И. Б. Судебная политика: роль решений Конституционного Суда в реформировании уголовного судопроизводства Российской Федерации // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. – 2001. – № 3. – С. 167-172.

337. Моисеева М.А. Исторические предпосылки возникновения института возвращения уголовного дела прокурору // История государства и права. – 2008. – № 19. – С. 11-13.

338. Морозова Е. В. Криминалистические проблемы следственных ошибок : дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Морозова. – Екатеринбург, 2004. – 174 с.

339. Морщакова Т. Г. О концепции и порядке формирования института следственных судей в РФ [Электронный ресурс] // Сайт Международной ассоциации содействия правосудию. – Электрон. дан. – URL: <http://www.iauaj.net/node/1718> (дата обращения 05.02.2017).

340. Морщакова Т. Г. Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам) / Т. Г. Морщакова, И. Л. Петрухин ; отв. ред. О. П. Темушкин. – М. : Наука, 1987. – 239 с.

341. Москалькова Т. Н. Этика уголовно-процессуального доказывания. Стадия предварительного расследования / Т. Н. Москалькова. – М. : Спарк, 1996. – 125 с.

342. Мотовиловкер Я. О. Некоторые вопросы теории уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства / Я. О. Мотовиловкер ; под ред. П. И. Бородько. – Кемерово : Кн. изд-во, 1962. – 296 с.

343. Муратова Н. Г. Пробелы в законодательной модели системы судебного контроля в уголовном судопроизводстве // Материалы X юбилейной Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» (18-21 апреля 2013 г.). ч. III / Отв. ред. В. А. Якушин. – Тольятти : Изд-во Волжск. ун-та им. В.Н. Татищева, 2013. – С. 230-237.

344. Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики : дис. ... докт. юрид. наук / Н. Г. Муратова. – Казань, 2004. – 599 с.

345. Мурсалимов К. Р. Правоприменительные ошибки: Проблемы теории : дис. ... канд. юрид. наук / К. Р. Мурсалимов. – Н-Новгород, 2000. – 182 с.

346. Мяззелец О. А. Следственный судья в уголовном процессе России: за и против // Российская юстиция. – 2008. – № 6. – С. 39-42.

347. Надзору не нужен контроль [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2015. – № 3824. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ с Сайта Ведомости. – URL:

<http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/05/05/genprokuratura-ne-podderzhivaet-initsiativu-o-vvedenii-instituta-sledstvennih-sudei> (дата обращения 05.02.2017).

348. Назаренко В. От прокурорского надзора к судебному контролю / В. Назаренко, А. Халиулин // Законность. – 2004. – № 1. – С. 24-28.

349. Назаров А. Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда / А. Д. Назаров. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 323 с.

350. Назаров А. Д. Вопросы имплементации Европейского стандарта проведения эффективного расследования в уголовное судопроизводство России // Российская юстиция. – 2010. – № 11. – С.73-74.

351. Назаров А. Д. Восполнение в суде следственных ошибок // Актуальные проблемы правоприменительной практики в связи с принятием нового Уголовного кодекса Российской Федерации. : Сб. мат. научно-прак. конф. (6-7 февр. 1997 г.) / отв. ред. В. И. Горобцов. – Красноярск : Краснояр. высш. шк., 1997. – С. 96-99.

352. Назаров А. Д. Восполнение пробелов предварительного расследования государственным обвинителем в суде // Актуальные проблемы правоведения в современный период : сбор. статей / под ред. В. Ф. Воловича. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 67-69.

353. Назаров А. Д. Деятельность суда в выявлении доказательств, полученных в результате применения недозволенных (незаконных) методов // Российский судья. –2010. – № 11. – С. 29-31.

354. Назаров А. Д. Дифференцированный подход при избрании наиболее строгих мер пресечения как способ избежать ошибок // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Барнаул, 2011. – С.193-196.

355. Назаров А. Д. Доказательства, полученные провокационным путем, являются недопустимыми: некоторые практические аспекты проблем // Вестник КГУ. – 2006. – № 6. – С. 336-340.

356. Назаров А. Д. Европейский стандарт эффективного расследования - надежный механизм защиты от пыток в деятельности новой полиции России // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. матер. / Отв. ред. Д. Д. Невирко. – Красноярск, 2011. – С. 125-129.

357. Назаров А. Д. Как противопоставить провокации в уголовном процессе мероприятиям, блокирующим преступные проявления // Ученые записки. Сборник научных трудов Института государства и права. – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2007. – Вып. 8. – С. 86-93.

358. Назаров А. Д. Некоторые вопросы проверочной закупки в контексте решений Европейского Суда по правам человека // Проблемы модернизации правовой системы современного российского общества. – Красноярск, 2011. – С. 302-306.
359. Назаров А. Д. Некоторые вопросы совершенствования института судебного контроля / А. Д. Назаров, Н. С. Железняк // Правовая политика и правовая жизнь. – 2012. – № 2. – С. 58-63.
360. Назаров А. Д. Несоблюдение в уголовном судопроизводстве конституционных прав и свобод человека и гражданина, связанных с применением незаконных методов в деятельности оперативных работников / А. Д. Назаров, А. А. Брестер // Журнал СФУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 4. – № 2. – С. 267-273.
361. Назаров А. Д. О совершенствовании процедуры заключения лица под стражу // Судебная власть и правосудие в сфере уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы. – Екатеринбург, 2012. – С. 106-112.
362. Назаров А. Д. Основная классификация ошибок в уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / отв. ред. М. К. Свиридов, Ю. К. Якимович; под ред. О. И. Андреевой, И. В. Чадной. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – Ч. 47. – С. 163-164.
363. Назаров А. Д. Ошибки при заключении под стражу как вид фундаментальных ошибок // Сб. науч. тр. по материалам межд. науч.-практич. конференции «Перспективные инновации в науке, образовании, производстве и транспорте». Одесса, Т.15. Юридические и политические науки. 2011. – С. 3-8.
364. Назаров А. Д. Понятие и основная классификация следственных ошибок // Черные дыры в Российском Законодательстве. – 2010. – № 4. – С. 78-81.
365. Назаров А. Д. Понятие следственных ошибок // Журнал СФУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – №2. – С. 235-239.
366. Назаров А. Д. Правоприменительные ошибки при заключении под стражу // Правовая политика и правовая жизнь. – 2010. – № 2. – С. 92-98.
367. Назаров А. Д. Причины следственных ошибок // Вопросы уголовного права и процесса в условиях правовой реформы. – Красноярск, 1999. – С. 61-71.
368. Назаров А. Д. Проблемы следственных ошибок в досудебных стадиях уголовного процесса (по материалам Средне-Сибирского региона) : дис. ... канд. юрид. наук / А. Д. Назаров.– М., 1999. – 297 с.
369. Назаров А. Д. Провокации в уголовном процессе / А. Д. Назаров, К. А. Майер // Информационный бюллетень Адвокатской палаты Красноярского края. – 2004. – № 5. – С. 92-98.

370. Назаров А. Д. Прокурор в уголовном процессе Швеции и России // Правовая реформа в России и зарубежный опыт : межвуз. сб. науч. ст. – Красноярск : КрасГУ, 1998. – С. 140–151.
371. Назаров А. Д. Процессуальные гарантии против следственных, прокурорских и судебных ошибок в УПК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. – 2002. – С. 98-102.
372. Назаров А. Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса: учеб. пособие / А. Д. Назаров. – Красноярск, 2000. – 245 с.
373. Назаров А. Д. Судебный контроль и проблемы предупреждения преступлений и иных правонарушений в уголовном процессе России и Германии / А. Д. Назаров, А.Н. Тарбагаев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – № 3. – С. 560-570.
374. Назаров А. Д. Уголовно-процессуальная политика и стратегия выявления, устранения и предупреждения ошибок в уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / Под ред. М. К. Свиридова [и др.]. – Томск, 2012. – Ч. 55. – С.46-48.
375. Назаров А. Д. Усложненная процедура заключения лица под стражу как способ избежать ошибок / А. Д. Назаров, А. Г. Тузов // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей. Томск, 2011. – Ч. 51. – С. 109-115.
376. Назаров А. Д. Устранение в суде следственных ошибок в свете реформы уголовно-процессуального законодательства // Проблемы обеспечения законности и борьбы с преступностью : Материалы межвуз. конф. – Кемерово : Кузбасс-вузиздат, 1997. – С. 165-168.
377. Назаров А. Д. Фундаментальные ошибки в уголовном судопроизводстве России. Вопросы теории и практики / А. Д. Назаров. – Saarbrucken, Germany : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. – С. 164-177.
378. Назаров А. Д. Erroneous Detention as a Type of Fundamental Mistake in Criminal Procedure / А. Д. Назаров, С. А. Дробышевский // Journal of Siberian Federal University. Humanities&Social Sciences. – 2012. – № 5. – С. 335-339.
379. Насонов С. А. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных / С. А. Насонов. – М. : Р. Валент, 2006. – 303 с.
380. Насонов С. А. Судебное следствие в суде присяжных : законодательство, теория, практика : науч.-практ. пособие / С. А. Насонов. – М. : Р. Валент, 2001. – 190 с.
381. Никитин Е. Л. Концептуальный подход к определению функций и системы полномочий прокуратуры в России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Научно-практический журнал. – 2008. – № 6. – С. 58-64.

382. Николук. В. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России / В. В. Николук, Ю. В. Деришев. – Красноярск : Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2003. – 198 с.
383. Носкова Е. В. Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ / Е. В. Носкова. – СПб. : Юридический центр, 2014. – 254 с.
384. Нурғалиев Б. М. Результативность деятельности полиции как показатель экономической эффективности ассигнований / Б. М. Нурғалиев, К. С. Уалиев, А. К. Кусаинова // Современные тенденции развития науки и технологий : сбор. науч. труд. по матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф. : в 10 ч. – Белгород : ИП Ткачева Е.П., 2015. – № 8. – Ч. 6. – С. 84-91.
385. О концепции судебной реформы в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Постановление Верховного Совета СССР от 24 окт. 1991 г. № 1801-1 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. – Электрон. дан. – Доступ из локальной сети Юридического института Сибирского федер. ун-та.
386. О следственных судьях. Ответ Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс] // Сайт Генеральной прокуратуры РФ. – Электрон. дан. – Систем. Требования : MicrosoftWord. – URL: genproc.gov.ru/upload/iblock/64d/2.doc (дата обращения 05.02.2017).
387. Обсуждение инициативы СПЧ при Президенте РФ [Электронный ресурс] // Сайт Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – Электрон. дан. – URL: <http://www.law.msu.ru/node/34903/> (дата обращения 05.02.2017).
388. Общая теория права и государства: учебник / Под ред. В. В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 1996. – 472 с.
389. Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация. Теоретические основы информационно-прогностического обеспечения оперативно-розыскной и профилактической деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью / С. С. Овчинский ; под ред.: А. С. Овчинского, В. С. Овчинского. – М. : Инфра-М, 2000. – 367 с.
390. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : «А ТЕМП», 2004. – 944 с.
391. Оксюк Т. Усмотрение прокурора в уголовном процессе // Законность. – 2010. – № 3. – С. 3-9.
392. Ольков С. Г. Уголовно-процессуальные правонарушения в российском судопроизводстве и общая теория социального поведения / С. Г. Ольков. – Тюмень : Тюменская высшая школа МВД РФ, 193. – 210 с.
393. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. – М. : Проспект, 2000. – 140 с.

394. Отчерцова О. В. Введение института следственных судей: станет ли предварительное следствие более состязательным? // Российская юстиция. – 2015. – № 8. – С. 63-66.
395. Панях Э.Л., Титаев К.Д., Волков В.В., Прилаков Д.А. Обвинительный уклон в уголовном процессе: фактор прокурора // Аналитические записки по проблемам правоприменения. / Институт проблем правоприменения // URL: http://enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/pm_3_prok_final_site.pdf.
396. Панк Д. Л. Распределение ролей в суде присяжных заседателей // Вестник Саратовской государственной академии права. – 1996. – Вып. 3. – С. 132-136.
397. Панькина И. Ю. К вопросу о демократизации уголовно-процессуальной политики РФ // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (К 5-летию УПК РФ) : материалы междунар. науч.-практ. конф. – М. : МГЮА, 2007. – С. 93-96.
398. Пашин С.А. Становление правосудия / С. А. Пашин. – М.: Р. Валент, 2011. – 456 с.
399. Пашин С. А. Допустимость доказательств // Российская юстиция. – 1993. – №7. – С. 27-28.
400. Пашин С. А. Суд присяжных : первый год работы / С. А. Пашин. – М. : Междунар. ком. содействия правовой реформе , 1995. – 48 с.
401. Первалов В. Д. Теория государств и права: учебник для вузов / В. Д. Первалов. – М. : Юрайт, 2010. – 379 с.
402. Перлов И. Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе / И. Д. Перлов. – М. : Юридическая литература, 1968. – 396 с.
403. Перлов И. Д. Надзорное производство в уголовном процессе / И. Д. Перлов. – М. : Юридическая литература, 1974. – 256 с.
404. Перлов И. Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе / И. Д. Перлов. – М. : Госюриздат, 1955. – 248 с.
405. Петрухин И. Л. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России // Государство и право. – 2002. – № 5. – С. 17-29.
406. Петрухин И. Л. Личные тайны (человек и власть) / И. Л. Петрухин. – М. : Изд-во ИГиП РАН, 1998. – 232 с.
407. Петрухин И. Л. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-разыскной деятельностью // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 91-94.
408. Петрухин И. Л. Оправдательный приговор // Государство и право. – 2009. – № 2. – С. 30-36.

409. Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию / И. Л. Петрухин. – М. : Проспект, 2014. – 191 с.
410. Петрухин И. Л. Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием // Российская юстиция. – 1998. – № 9. – С. 12-14.
411. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России / И. Л. Петрухин. – М. : ТК Велби, 2004. – Ч. 1. – 224 с.
412. Петрухин И. Л. Теоретические основы эффективности правосудия / И. Л. Петрухин, Г. П. Батуров, Т. Г. Морщакова. – М. : Изд-во «Наука», 1979. – 392 с.
413. Петрухин И. Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью) / И. Л. Петрухин. – М. : Юристъ, 1999. – 392 с.
414. Петуховский А. Восполнение в судебном разбирательстве пробелов следствия // Советская юстиция. – 1973. – № 15. – С. 17-18.
415. Пикельный Д. С. Уголовно-процессуальные правонарушения, связанные с применением мер процессуального принуждения в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. С. Пикельный. – Тюмень, 2006. – 25 с.
416. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть / А. А. Пионтковский. – М. : Госюриздат, 1961. – 666 с.
417. Пичугин В. Г. Безопасность бизнеса: Защита от уголовного преследования / В. Г. Пичугин. – М. : Издательство: Альпина Паблишерз, 2010. – 176 с.
418. Пишина С. Г. Правоинтерпретационные ошибки. Проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук / С. Г. Пишина. – Н-Новгород, 2000 – 176 с.
419. Плоткина Ю. Б. Применение в стадии предварительного расследования мер пресечения, избираемых по решению суда: монография / Ю. Б. Плоткина, О. В. Химичева. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 232 с.
420. Познанский В. А. Односторонность или неполнота предварительного и судебного следствия и судебного следствия как основание к отмене или изменению приговора // Ученые записки Саратовского юридического института имени Д. И. Курского. – Саратов : Изд-во Саратов. юрид. ин-та, 1959. – Вып. 8. – С. 28-52.
421. Позняков М. Л. Критика теоретических положений об основаниях отмены приговоров в связи с новыми обстоятельствами в суде кассационной инстанции // Состояние и перспективы развития юридической науки : матер. междунар. науч.-практ. конф. – Ижевск : Детектив-информ, 2006. – Ч. 2. – С. 178-179.
422. Поликарпова И. В. Уголовная политика России в отношении посягательств на здоровье и ее влияние на квалификацию преступления: на примере ответственности за

умышленное причинение тяжкого вреда здоровью : дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Поликарпова. – Саратов, 2008. – 258 с.

423. Полный курс уголовного права: Преступление и наказание : в 5 томах. / Под ред.: А. И. Коробеев. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. – Т. 1 : Преступление и наказание. – 1133 с.

424. Поляков М. П. Использование результатов ОРД в доказывании // Материалы международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания» / Редкол. сб. И. М. Мацкевич [и др.]. – М. : МГЮА, 2004. – С. 182-184.

425. Поляков М. П. Концепция уголовно-процессуальной интерпретации результатов оперативно-разыскной деятельности // Государство и право. – 2005. – № 11. – С. 47-51.

426. Поляков С. Б. Отличие судебной ошибки от правонарушения судьи: на материалах оправдательного приговора // Адвокат. – 2010. – № 5. – С. 5-10.

427. Полянский Н. Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность : лекции / Н. Н. Полянский. – М. : т-во И.Д. Сытина, 1911. – 203 с.

428. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права / Т. Г. Понятовская. – Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1996. – 232 с.

429. Попов А. П. Уголовный процесс: проблемы современного доказательственного права современной России / А. П. Попов, И. А. Попова, И. А. Зинченко. – Пятигорск : РИА-КМВ, 2014. – 183 с.

430. Попов В. Типичные ошибки при определении судом допустимости доказательств // Российская юстиция. – 2001. – № 1. – С. 52-54.

431. Попов Н. М. Оперативное обеспечение досудебной подготовки в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. М. Попов. – Н.Новгород, 1997. – 23 с.

432. Попова О. А. Уголовно-процессуальные и организационно-тактические ошибки на стадии предварительного следствия и пути их предотвращения и устранения : дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Попова. – Волгоград, 2006. – 280 с.

433. Попова О. А. Уголовно-процессуальные и организационно-тактические ошибки на стадии предварительного следствия и пути их предотвращения и устранения : дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Попова. – Волгоград, 2006. – 280 с.

434. Попова Т. Ю. Уголовно-процессуальный статус руководителя следственного органа / Т. Ю. Попова. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 207 с.

435. Потеружа И. И. Значение надзорного производства уголовных дел в укреплении законности / И. И. Потеружа ; науч. ред. В. И. Семенов. – Минск : Наука и техника, 1985. – 141 с.
436. Потеружа И. И. Роль суда второй инстанции в укреплении законности / И. И. Потеружа ; науч. ред. В. Н. Артемова. – Минск : Наука и техника, 1980. – 192 с.
437. Правовая политика как научная теория в историко-правовых исследованиях / О. Ю. Рыбаков [и др.] ; под ред. О. Ю. Рыбакова. – М. : Статут, 2011. – 407 с.
438. Проблемы развития процессуального права России: Монография/Белякова А.В., Воскобитова Л.А., Габов А.В. и др. - М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. - 224 с.
439. Проблемы российской уголовной политики / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. – М. : Проспект, 2014. – 292 с.
440. Проблемы судебной этики / М. С. Строгович [и др.] ; под ред. М. С. Строговича. – М. : Наука, 1974. – 272 с.
441. Пронькин А. Н. Ошибки адвокатов-защитников в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Пронькин. – Воронеж, 2006. – 231 с.
442. Пучковская М. Е. Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве и при производстве в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. Е. Пучковская. – Томск, 2004. – 25 с.
443. Рагимов И. М. Теория судебного прогнозирования / И. М. Рагимов. – Баку : Азернешр, 1987. – 127 с.
444. Разинкина А. Н. Апелляция в уголовном судопроизводстве / А. Н. Разинкина. – М. : Юрлитинформ, 2004. – 160 с.
445. Российские судьи: социологическое исследование профессии/ В. Волков [и др.] ; под ред. В. Волкова. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. – 271 с.
446. Россинский С. Б. Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? // Российский судья. – 2009. – № 8. – С. 17-21.
447. Россинский С. Б. Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? // Российский судья. – 2009. – № 9. – С. 19-22.
448. Русских В. В. Правоприменительные ошибки сотрудников органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Русских. – Ростов-на-Дону, 1998. – 154 с.
449. Рыбалов К. А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской федерации и проблемы его реализации / К. А. Рыбалов. – М. : Юрлитинформ, 2004. – 148 с.

450. Рыжих А. Н. Осуществление судом полномочий по уголовному преследованию на досудебных стадиях уголовного процесса // Российский юридический журнал. – 2007. – № 3. – С. 154-156.
451. Рябина Т. К. К вопросу о понятии оснований отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке / Т. К. Рябина, Т. В. Рябина // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика : сбор. науч. статей : в 2 ч. / Отв. ред. Т. К. Рябина, А. А. Ковязин. – Курск, 2007. – Ч. 1. – С. 117-123.
452. Рябина Т. К. О соотношении функций прокурора в уголовном судопроизводстве // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России : теория и практика : сб. науч. статей. – Курск, 2007. – Ч. 1. – С. 109-117.
453. Сазин Д. С. Ошибки государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве / Д. С. Сазин. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 222 с.
454. Саньков В. И. Тактика допроса лица, признающего в совершении убийства (подготовительный этап) // Юрид. зап. – 1999. – Вып. 10. – С. 78-93.
455. Свиридов М. К. Природа судебного контроля за предварительным расследованием // Вест. Том. ун-та. – 2008. – № 311. – С. 119-122.
456. Свиридов М. К. Соотношение функции разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Вып. 7. – Томск : Том. гос. ун-т., 2001. – С. 3-6.
457. Свиридов М. К. Соотношение функций разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / под ред. Ю. К. Якимовича. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – Вып. 7. – С. 3-6.
458. Свиридов М. К. Суд как субъект установления истины в российском уголовном процессе // Сибирские юридические записки : ежегодник Ассоциации юридических вузов «Сибирь». – Красноярск, 2001. – Вып. 1. – С. 136-142.
459. Селина Е. В. Допустимость доказательств и судебское усмотрение в уголовном процессе // Государство и право. – 2009. – № 8. – С. 31-38.
460. Семенцов В. А. Направления судебной деятельности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / В. А. Семенцов, О. О. Аваков. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 175 с.
461. Семенцов В. А. Оценка доказательств судом первой инстанции по уголовному делу / В. А. Семенцов, И. И. Белохортов. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 181 с.

462. Семькин Д. В. Уголовная политика Российской Федерации в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов : дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Семькин. – Ростов-на-Дону, 2008. – 199 с.
463. Сидорова Н. В. Апелляция в системе производств в суде второй инстанции в уголовном процессе России / Н. В. Сидорова. – Томск : Издательство НТЛ, 2006. – 208 с.
464. Следственные ошибки: учебно-практическое пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» / Под ред. А. И. Бастрыкина. – М. : ЮНИТИ, 2016. – 159 с.
465. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Введение / В. К. Случевский ; под ред. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2008. – Ч. 2 : Судопроизводство. – 476 с.
466. Смирнов А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе [Электронный ресурс] // Сайт Российского агентства правовой и судебной информации. – Электрон. дан. – URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html (дата обращения 05.02.2017).
467. Смирнов А. В. Докажите, ваша честь // Российская газета. Федеральный выпуск. – 2015. – № 6573. – С. 1.
468. Смирнов А. В. Институт следственных судей – конституционное требование? // Уголовное судопроизводство. – 2015. – № 2. – С. 9-14.
469. Смирнов А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб. : Питер, 2004. – 848 с.
470. Смирнов А. В. О повороте обвинения к худшему в судебном разбирательстве и возвращении судом дела прокурору [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Комментарии законодательства. – Электрон. дан. – 2008. – Доступ из локальной сети Юридического института Сибирского федер. ун-та.
471. Смирнов А. В. Обжалование в суд незаконного или необоснованного постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. – Электрон. дан. – Доступ из локальной сети Юридического института Сибирского федер. ун-та.
472. Смирнов А. В. Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам : апелляция. [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Комментарии законодательства. – Электрон. дан. – 2011. – Доступ из локальной сети Юридического института Сибирского федер. ун-та.

473. Смирнов А. В. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета [Электронный ресурс] // Сайт Российского агентства правовой и судебной информации. – Электрон. дан. – URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141202/272697983.html (дата обращения 05.02.2017).
474. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / М. С. Строгович, Л. Б. Алексеева, А. М. Ларин ; отв. ред. В. М. Савицкий. – М. : Издательство «Наука», 1979. – 319 с.
475. Соколов А. Процессуальный порядок признания в суде доказательств не имеющими юридической силы // Российская юстиция. – 1994. – № 10. – С. 14-15.
476. Соловьев А. Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса. Научно-практическое пособие для следователей / А. Б. Соловьев. – М. : Юрлитинформ, 2002. – 155 с.
477. Соловьев А. Б. Обеспечение законности и обоснованности привлечения в качестве обвиняемого по УПК РФ / А. Б. Соловьев, М. Е. Токарева, М. Е. Парфенова // Прокурорская и следственная практика. – 2006. – № 3-4. – С. 128-131.
478. Соловьев А. Б. Получение и использование доказательств на предварительном следствии : монография / А. Б. Соловьев. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 256 с.
479. Соловьев А. Б. Причины следственных ошибок // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. Сборник научных трудов / Отв. ред. И. Ф. Демидов, А. Б. Соловьев, С. А. Шейфер. – М., 1988. – С. 28-36.
480. Соловьев А. Б. Проблема обеспечения законности при производстве предварительного следствия в связи с изменением процессуального статуса прокурора // Уголовное судопроизводство. – 2007. – № 3. – С. 10-16.
481. Соловьев А. Б. Проблемные вопросы доказывания, возникающие в процессе расследования преступлений при применении УПК РФ / А. Б. Соловьев. – М. : Юрлитинформ, 2008. – 288 с.
482. Соловьев А.Б. Предварительное расследование и прокурорский надзор в свете судебной реформы / А. Б. Соловьев, Н.А. Якубович // Законность. – 1995. – № 8. – С. 2-7.
483. Соловьев А.Б., Багаутдинов Ф.Н., Филиппов М.Н. Прокурорский надзор за всесторонностью, полнотой и объективностью расследования преступлений / А.Б. Соловьев, Ф.Н. Багаутдинов, М.Н. Филиппов. – М.: ВНИИ Ген. прокуратуры СССР, 1996. – 92 с.
484. Соловьева Н. А. Юридикто-фактическая проверка приговора в апелляционном производстве / Н. А. Соловьева, Н. Г. Тришина. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 182 с.
485. Соркин В. С. Стратегия и тактика защиты по уголовным делам / В. С. Сорокин. – Гродно, 1995. – 245 с.

486. Сорокин Б. Ф. Заблуждение как проблема теории и познания / Б. Ф. Сорокин. – Орел : , 2004. – 191 с.
487. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2016 года. / Генеральная прокуратура Российской Федерации / Портал правовой статистики // URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 07.02.2017) – 52 с.
488. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством: публ. лекции, чит. в зале С.-Петербур. ун-та проф. Спасовичем / В. Д. Спасович. – СПб. : тип. Правительствующего сената, 1861. – 116 с.
489. Стахов Я. Г. Уголовная политика и ее реализация субъектами Российской Федерации : дис. ... докт. юрид. наук / Я. Г. Стахов. – М., 2006. – 396 с.
490. Стрелков Ю. К. Инженерная и профессиональная психология : учеб. Пособие для вузов / Ю. К. Стрелков. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 360 с.
491. Строгович М. С. Избранные труды : в 3 т. / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1991. – Т. 3 : Теория судебных доказательств. – 300 с.
492. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1968. – Т. 1 : Основные положения науки советского уголовного процесса. – 470 с.
493. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М. С. Строгович ; отв. ред. : Б. С. Никифоров. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 384 с.
494. Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности / М. С. Строгович ; под ред. В. М. Савицкого. – М. : Наука, 1984. – 143 с.
495. Строгович М. С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров / М. С. Строгович. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 319 с.
496. Судебная ошибка и ее последствия: Некоторые теоретические и практические аспекты: материалы Пятой межрегиональной научно-практической конференции / отв. ред. О. А. Егорова, Ю. Ф. Беспалов. – М. : Проспект, 2014. – 168 с.
497. Судебные ошибки, посвященные присяжным заседателям / Под ред. П. Н. Ткачева. – СПб. : Издание Ю. Луканина и К., 1867. – Т. 1. – 435 с.
498. Судебный контроль в уголовном процессе: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / И. А. Давыдова [и др.] ; под ред. Н. А. Колоколова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2009. – 847 с.
499. Табаков С. А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук / С. А. Табаков. – Омск, 2009. – 225 с.

500. Таджикиев Х. С. Прокурорский надзор и ведомственный контроль за расследованием преступлений / Х. С. Таджикиев. – Ташкент : Фан, 1985. – 183 с.
501. Телигисова С. С. Процессуальный статус следователя как субъекта уголовно-процессуальных отношений и степень его процессуальной самостоятельности / С. С. Телигисова. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 188 с.
502. Темушкин О. Н. Основания отмены или изменения приговоров в кассационном и надзорном производстве // Советская юстиция. – 1976. – № 19. – С. 7-8.
503. Темушкин О. П. Организационно-правовые формы проверки законности и обоснованности приговоров / О. П. Темушкин. – М. : Изд-во «Наука», 1978. – 239 с.
504. Теория государств и права : учебник для вузов / Отв. ред. С. С. Алексеев, С. И. Архипов. – М. : Норма, 2005. – 496 с.
505. Теория государств и права. Курс лекций. / Отв. ред. Н. И. Матузов, А. В. Малько. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : НИЦ Инфра-М, 2012. – 640 с.
506. Теория уголовного процесса: состязательность / А. Р. Белкин [и др.] ; под ред. Н. А. Колоколова. – М. : Юрлитинформ, 2013. – Ч. 1. – 363 с. ; Ч. 2 – 315 с.
507. Тер-Акопов А. А. Уголовная политика Российской Федерации : учеб. пособие / А. А. Тер-Акопов. – М. : Изд-во МНЭПУ, 1999. – 58 с.
508. Терехова Л. А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты : дис. ... докт. юрид. наук / Л. А. Терехова. – Екатеринбург, 2008. – 458 с.
509. Титаев К. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность / К. Титаев, М. Шклярчук. – М. : Норма, 2016. – 191 с.
510. Ткачев А. И. Возвращение уголовного дела прокурору со стадии подготовки к судебному заседанию / А. И. Ткачев. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. – 152 с.
511. Токарева М. Е. Проблема устранения допущенных следователями нарушений закона по направленным в суд уголовным делам требует законодательного разрешения // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (К 5-летию УПК РФ) : материалы междунар. науч.-практ. конф. – М. : МГЮА, 2007. – С.466-469.
512. Токарева М. Е. Современные проблемы законности и прокурорский надзор в досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... докт. юрид. наук / М. Е. Токарева. – М., 1997. – 82 с.
513. Тренбак О. Н. Признание доказательств недопустимыми и исключение их из разбирательства дела в суде присяжных : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. Н. Тренбак. Саратов, 2000. – 26 с.

514. Третьяков И. Л. Уголовная политика России : общетеоретические и прикладные проблемы : дис. ... докт. юрид. наук / И. Л. Третьяков. – СПб., 2006. – 384 с.
515. Трифонова К. А. Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование / К. А. Трифонова, Е. А. Зайцева. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 222 с.
516. Тришева А. Дополнительное расследование: возникновение и становление // Законность. – 2008. – № 10. – С. 40-43.
517. Трубникова Т. В. Судебный контроль на досудебных стадиях судопроизводства: правовая природа и место в системе уголовного процесса // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Экономика. Юридические науки. Приложение: материалы научных конференций, симпозиумов, школ, проводимых в ТГУ. – 2003. – № 4. – С. 49-51.
518. Трубникова Т. В. Теоретические основы упрощенных судебных производств / Т. В. Трубникова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. – 132 с.
519. Тыричев И. В. Кассационные основания. – В кн.: Советский уголовный процесс / И. В. Тыричев [и др.]. – М. : Юрид. лит., 1980. – 568 с.
520. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) : учебник / Под ред. Э. К. Кутуева. – СПб. : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. – 595 с.
521. Уголовно-процессуальное право Германии: пер. с нем. / Ф-К Шредер [и др.]. – 5-е изд. – М. : Инфотропик, 2016. – 304 с.
522. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР с приложениями / Н. М. Кипнис. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юриспруденция, 2001. – 493 с.
523. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Б. В. Здравомыслов [и др.] ; отв. ред. Б. В. Здравомыслов. – М. : Юристь, 1996. – 559 с.
524. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. А. Н. Тарбагаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2016. – 448 с.
525. Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. И. В. Шишко. – М. : Проспект, 2016. – 752 с.
526. Ульянов В. Г. Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве (процессуальные и криминалистические аспекты) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / В. Г. Ульянов. – Краснодар, 2002. – 58 с.
527. Участники уголовного процесса и прокурорский надзор за обеспечением органами расследования их прав и законных интересов: Методическое пособие / Ф. Н. Багаутдинов [и др.]. – М., 1995. – 115 с.

528. Фаткуллин Ф. Н. Актуальные вопросы эффективности советского уголовного процесса // Вопросы эффективности советского уголовного процесса / Под. ред. Ф. Н. Фаткуллиной. – Казань : Изд-во Казан. ун-та. 1976. – С. 3-27.
529. Фаткуллиной М. Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве: Проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук / М. Б. Фаткуллиной. – Екатеринбург, 2001. – 199 с.
530. Философский энциклопедический словарь / Гл. Редакция : Л. Ф. Ильичёв [и др.]. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
531. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 / И. Я. Фойницкий ; Общ. ред., послесл., прим. : А. В. Смирнова. – СПб. : Альфа, 1996. – 552 с.
532. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 / И. Я. Фойницкий ; Общ. ред., послесл., прим. : А. В. Смирнова. – СПб. : Альфа, 1996. – 606 с.
533. Фоков А. П. Проблемы судебного контроля за исполнением законов на стадии предварительного расследования (сравнительный анализ российского и французского законодательства) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 24 с.
534. Францифоров Ю. В. Противоречия в уголовном судопроизводстве, связанные с правоприменительными ошибками // Следователь. Федеральное издание. – 2005. – № 2. – С. 27-32.
535. Францифоров Ю. В. Функциональное назначение деятельности следователя и его полномочия в состязательном уголовном процессе / Ю. В. Францифоров, Д. В. Ванин. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 199 с.
536. Халиков А. Дополнительное расследование – «за» и «против» // Законность. – 1999. – № 11. С. 33-34.
537. Халиулин А. Г. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Законность. – 2007. – № 9. – С. 15-20.
538. Халиулин А. Г. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел в суде апелляционной и кассационной инстанции: пособие / А. Г. Халиулин, А. Н. Разинкина, Н. Ю. Решетова. – М. : Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2013. – 159 с.
539. Хапаев И. М. Заключение под стражу как мера пресечения в российском уголовном судопроизводстве / И. М. Хапаев. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 200 с.
540. Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного следствия. Методическое пособие / В. В. Воскресенский [и др.]. – М. : Изд-во ВНИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1990. – 80 с.
541. Химичева Г. Возвращение дел для дополнительного расследования // Социалистическая законность. – 2000. – № 8. – С. 40-41.

542. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства / О. В. Химичева. – М. : Закон и право : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 287 с.
543. Ходжич М. В. Правоохранительная стратегия – основной элемент стратегического планирования в органах внутренних дел [Электронный ресурс] // Российский следователь. – 2010. – № 3. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».
544. Холоденко В. Д. О совершенствовании правовой регламентации уголовного преследования и обвинения // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : год правоприменения и преподавания : материалы междунар. науч.-практ. конф. / Редкол. Д. В. Кулагин [и др.]. – М. : Изд-во МГЮА, 2004. – С. 238-242.
545. Цурлуй О. Ю. Основы судебного порядка рассмотрения жалоб в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / О. Ю. Цурлуй. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 199 с.
546. Цыганенко С. С. Вопросы системно-структурной организации уголовного процесса // Terra Economicus. – Т. 10. – № 3. – 2012. – С. 109-115.
547. Чеждемов З. Т. Роль суда в обеспечении прав и свобод граждан на досудебном производстве по УПК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / З. Т. Чеждемов. – М., 2003. – 30 с.
548. Челохсаев О. З. Современная уголовно-процессуальная политика государства / О. З. Челохсаев ; науч. ред. В. С. Джатиев. – Владикавказ : Издательско-полиграфическое предприятие им. В.Гассиева, 2009. – 240 с.
549. Червоткин А. С. Апелляция и кассация : Пособие для судей / А. С. Червоткин. – М. : Проспект, 2010. – 336 с.
550. Чурилов Ю. Ю. Актуальные проблемы постановления оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве / Ю. Ю. Чурилов ; под науч. ред. З. Ф. Ковриги. – М. : ВолтерсКлувер, 2010. – 246 с.
551. Чурилов Ю. Ю. Всемирная история неправосудия / Ю. Ю. Чурилов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2012. – 186 с.
552. Шадрин В. С. Уголовно – процессуальная деятельность прокурора и органов предварительного расследования / В. С. Шадрин. – СПб. : Санкт-Петербургский институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2005. – 180 с.
553. Шашин Д. Г. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в методике расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков : дис. ... канд. юрид. наук / Д. Г. Шашин. – Иркутск, 2008. – 181 с.

554. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. – М. : Норма, 2009. – 240 с.
555. Шейфер С. А. Использование непроцессуальных познавательных мероприятий в доказывании по уголовному делу // Государство и право. – 1997. – № 9. – С. 57-63.
556. Шейфер С. А. Реформа предварительного следствия: правовой статус и взаимоотношения прокурора и руководителя следственного органа // Государство и право. – 2009. – № 4. – С. 49-55.
557. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С. А. Шейфер. – М. : Юрид. лит., 1981. – 128 с.
558. Шейфер С. А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе : методологические и правовые проблемы / С. А. Шейфер. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1986. – 171 с.
559. Шейфер С. А. Структура и общая характеристика следственных ошибок // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. Сборник научных трудов / Отв. ред. И. Ф. Демидов, А. Б. Соловьев, С. А. Шейфер. – М., 1988. – С.18-28
560. Шейфер С. А., Лазарева В. А., Исмакаев Л. П. Следственные ошибки и их причины // Проблемы дальнейшего укрепления социалистической законности при расследовании преступлений органами внутренних дел : межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. А. Я. Дубинский. – Киев, 1988. – С. 118-126.
561. Шилов А. И. Уголовная политика России в отношении военнослужащих: теоретические аспекты: монография / А. И. Шилов. – Рязань : Акад. права и упр. ФСИН, 2008. – 220 с.
562. Ширванов А. А. Нарушения закона в уголовном процессе Российской Федерации и их правовые последствия : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / А. А. Ширванов. – М., 2005. – 58 с.
563. Ширванов А. А. Понятие ошибки в уголовном судопроизводстве и ее отличие от правонарушения // Российский следователь. – 2005. – № 7. – С. 8-12.
564. Ширванов А. А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание возвращения дел для дополнительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. / А. А. Ширванов. – М., 1999. – 219 с.
565. Ширванов А.А. Нарушения закона в уголовном процессе Российской Федерации и их правовые последствия : дис. ... докт. юрид. наук / А.А. Ширванов. – М., 2005. – 426 с.
566. Шумилов А. Ю. Начала уголовно-розыскного права / А. Ю. Шумилов. – М. : Изд. Шумилова И.И., 1998. – 160 с.

567. Щерба А. А. Участие адвоката в предупреждении и исправлении судебных ошибок в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Щерба. – М., 2007. – 247 с.
568. Щербаков С. В. Исключения из правил о недопустимости доказательств в уголовном процессе США. // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2009. – № 3. – С. 20-21.
569. Эксархопуло А. А. Предмет и система криминалистики. Проблемы развития на рубеже XX - XXI веков / А. А. Эксархопуло. – СПб. : Издат. Дом СПбГУ, 2004. – 112 с.
570. Энтин М. Справедливое судебное разбирательство по праву Совета Европы и Европейского Союза // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2003. – № 3. – С. 85-97.
571. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок / М. И. Авдеев [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1975. – Ч. 1. – 298 с.
572. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок / М. И. Авдеев [и др.]. – М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1975. – Ч. 2. – 299 с.
573. Эффективность правосудия и проблемы устранения судебных ошибок / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М., 1975. – Ч. 2. – 298 с.
574. Ядов В. А. Социологическое исследование : методология, программа, методы / В. А. Ядов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1987. – 248 с.
575. Якимович Ю. К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России : учеб. пособие / Ю. К. Якимович. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. – 80 с.
576. Якимович Ю. К. Дифференциация уголовного процесса / Ю. К. Якимович, А. В. Ленский, Т. В. Трубникова ; под ред. М. С. Свиридова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – 300 с.
577. Якимович Ю. К. Досудебное производство по УПК Российской Федерации (Участники досудеб. пр-ва, доказательства и доказывание, возбуждение уголов. дела, дознание и предварит. следствие) / Ю. К. Якимович, Т. Д. Пан. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 295 с.
578. Якимович Ю. К. Избранные статьи (1985 - 1996 гг.) / Ю. К. Якимович. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. – 70 с.
579. Якимович Ю. К. Избранные статьи / Ю. К. Якимович. – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2006. – 224 с.
580. Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства / Ю. К. Якимович. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2015. – 167 с.

581. Якимович Ю. К. Проверка приговоров и иных судебных актов по уголовным делам судами второй инстанции // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей / Под ред. М. К. Свиридова. – Томск : Изд-во Том.ун-та, 2005. – Ч. 29. – С. 164-172.
582. Якимович Ю. К. Рассмотрение уголовных дел судом первой инстанции в обычном порядке : учеб. Пособие / Ю. К. Якимович. – СПб. : Юридический центр, 2015. – 124 с.
583. Якуньков М. А. Уголовно-процессуальные правонарушения, связанные с производством следственных действий в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. А. Якуньков. – Тюмень, 2007. – 21 с.
584. Якушин В. А. Ошибка и ее влияние на вину и ответственность по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Якушин. – Казань, 1985. – 213 с.
585. Ястребов В. Б. Надзор за исполнением законов как основная функция прокуратуры // Проблемы совершенствования прокурорского надзора. К 275-летию Российской прокуратуры: материалы научно-практ. конф. / Отв. ред. В. Б. Ястребова. – М. : Изд-во НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1997. – С. 15-20.
586. Peters K. Fehlerquellen im Strafprozess: Eine Untersuchung der Wiederaufnahmeverfahren in der Bundesrepublik Deutschland : 3 Baende / K. Peters. – Mueller, Karlsruhe, 1970-1974.
587. Pradel J. Encore une tomade sur notre procedure penale avec la loi du 15 juin 2000 // Le Dalloz. – 2000. – № 26. – P. 5-6.
588. Schroeder F-C. Das strafprozessuale Vorverfahren in Zentralasien Zwischen Inquisitorischen und adversatorischem Modell / F-C. Schroeder, K. Manuchehr Kudratov. – Band 71. – Frankfurt am Main : PETER LANG Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2012. – 303 s.
589. Simonovic B. Strategies approach of criminal investigation police in crime combating. // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика / Под общей ред. С. П. Кушниренко. – СПб. : Издательский Дом СПбГУ, 2012. – 676 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ К ДИССЕРТАЦИИ

Приложение №1

Структура следственных ошибок

Всего изучено 510 уголовных дел за период с 2003 по 2016 годы.

Показатель	Неполнота, односторонность, необъективность	Несоблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина, международных стандартов уголовного судопроизводства (справедливое правосудие)	Существенные нарушения уголовно-процессуального закона	Неправильное применение уголовного закона
Абсолютное значение	291	41	82	98
В % от изученных уголовных дел	57,1	8	16,1	19,2

Приложение №2

Пробелы предварительного расследования

№ п/п	Характеристика выявленного пробела	абс.	в %
1.	связанные с допросами подозреваемых обвиняемых	209	41,0
2.	связанные с допросами свидетелей, потерпевших	270	53,0
3.	связанные с осмотром места происшествия	163	32,0
4.	связанные с проведением опознания, обыска, выемки, освидетельствования	36	7,0
5.	связанные с назначением и проведением судебных экспертиз	91	19,0
5.1.	назначение судом судебных экспертиз, решение о необходимости назначения судебных экспертиз по уголовному делу в случаях, когда на предварительном расследовании данные экспертизы не назначались	194	38,0
6.	не выдвигались и не проверялись версии, расследование проводилось со значительными отклонениями от методических рекомендаций криминалистики по расследованию отдельных видов преступлений	211	41,3

Приложение №3

Существенные нарушения на стадии предварительного расследования

№ п/п	Характеристика выявленного пробела	абс.	в %
1.	Не проведена экспертиза в случаях, когда ее проведение было обязательным	63	12,3
2.	Существенные нарушения принципа языка судопроизводства	50	9,8
3.	Иные нарушения уголовно-процессуального закона	397	77,8

Приложение №4

Участие специалистов в проведении следственных действий

№ п/п	Характеристика выявленного пробела	абс.	в %
1.	привлечение специалиста для проведения осмотра места происшествия	480	94,0
2.	привлечение специалиста в иных следственных действиях	65	12,7

Приложение №5

Структура следственных ошибок

№ п/п	Вид следственной ошибки	80-е годы ⁵²⁹	90-е годы ⁵³⁰	2003 – 2016 г.г. ⁵³¹
1.	Пробелы предварительного следствия	60,4%	59,7%	57,1%
2.	Несоблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина	–	7,4%	8,0%
3.	Существенное нарушение УПК РФ	25,5%	17,3%	16,1%
4.	Неправильное применение уголовного закона	14,1%	15,6%	19,2%

⁵²⁹ Источник: Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного следствия. Методическое пособие. М., 1991. – С.8.

⁵³⁰ Источник: Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. С.23-24.

⁵³¹ Источник: Исследования автора. См. приложение №1.

Структура ошибок, послуживших основаниями к отмене и изменению судебных решений (за период 2010-2012 г.г., по основаниям)⁵³²

Основания	2010	2011	2012
несоответствие выводов мирового судьи, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, рассмотренным судом апелляционной инстанции	2 337	3 093	2 423
неправильное применение уголовного закона	4 188	5 123	5 843
существенное нарушение уголовно-процессуального законодательства	2 286	2 774	2 473
несправедливость назначенного наказания	789	953	815

Структура ошибок, послуживших основаниями к отмене и изменению судебных решений (дел, по основаниям)⁵³³

Основания	2013	2014	2015
несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела (ст.389.16 УПК РФ)	3 741	2 838	2 567
существенные нарушения уголовно-процессуального закона (ст.389.17 УПК РФ)	7 110	7 502	6 968
несправедливость приговора (ч.2 ст.389.15 УПК РФ)	2 431	2 127	2 053
неправильное применение уголовного закона (ч.1 ст.389.18 УПК РФ)	15 454	13 265	12 958

⁵³² **Источники данных для приложений №№6 – 39:** Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2012 год / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1775> (дата обращения 16.11.2015); Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2011 год / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=951> (дата обращения 16.11.2015); Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2010 год / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=836> (дата обращения 16.11.2015)

⁵³³ **Источники данных для приложений №№6 – 39:** Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2015 год // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417> (дата обращения: 29.11.2016); Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2014 год / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2884> (дата обращения: 16.11.2015); Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2013 год / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2361> (дата обращения 16.11.2015)

Приложение №7

Структура ошибок, послуживших основаниями к отмене и изменению судебных решений (дел, по основаниям)

Основания⁵³⁴	2011	2012	2013	2014	2015
Нарушение уголовно-процессуального закона	4561	5898	н/д	н/д	н/д
Неправильное применение уголовного закона	11882	20052	н/д	н/д	н/д
Существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона	н/д	н/д	19842	9536	10 091
Устранение обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ (рассмотрение дела по тяжким и особо тяжким преступлениям в отсутствие подсудимого), при наличии ходатайства осужденного или его защитника	н/д	н/д	176	45	127
Отменены с возвращением прокурору в связи с выявленными обстоятельствами, указанными в части 1 ст. 237 УПК РФ	н/д	н/д	24	183	145
Несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, установленным судом первой, апелляционной, кассационной инстанции	1491	1413	1405	350	145
Несправедливость приговора	602	911	841	218	163

Приложение №8

Сведения о рассмотрении судами первой инстанции ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего рассмотрено ходатайств по существу	165 323	152 028	147 784	145 784	146 354	153 159
удовлетворено (абс.)	148 689	135 850	132 923	133 046	133 657	140 457
<i>удовлетворено (в % от всего рассмотренных)</i>	<i>89,94</i>	<i>89,36</i>	<i>89,94</i>	<i>91,26</i>	<i>91,32</i>	<i>91,71</i>
применен судом залог	н/д	447	347	303	327	199
применен судом домашний арест	н/д	1 345	1 508	2 366	2 632	3 133
отозвано органом, возвращено	471	459	478	1 209	1 074	1 101

⁵³⁴ Для периода с 2011–2012 г.г. основания приводятся по ст. 409 УПК РФ, для периода 2013–2015 г.г. по ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ, ч.1 409 и п.2,3 ч.1 ст.379 УПК РФ, ч. 5 ст. 247 УПК РФ, ч. 1 ст. 237 УПК РФ, ч.1 409 и п.1 ч.1 ст.379 УПК РФ, ч.1 409 и п.4 ч.1 ст.379 УПК РФ

Приложение №9

Сведения о рассмотрении судами первой инстанции ходатайств о продлении срока содержания под стражей (п. 2 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего рассмотрено ходатайств по существу	185 891	180 315	198 775	206 968	211 430	229 787
– из них удовлетворено (абс.)	182 060	176 840	195 234	203 537	207 363	226 875
– – удовлетворено (в % от всего рассмотренных)	97,94	98,07	98,22	98,34	98,08	98,73
– из них отказано в удовлетворении (абс.)	н/д	2 877	2 590	2 515	2 570	2 568
– – отказано (в % от всего рассмотренных)	н/д	1,60	1,30	1,22	1,22	229 787

Приложение №10

Сведения о рассмотрении судами первой инстанции ходатайств о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыска и (или) выемки в жилище (п.п. 4, 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего рассмотрено ходатайств по существу	146 083	153 715	163 176	170 648	180 157	200 523
– из них удовлетворено (абс.)	141 356	144 248	152 617	163 597	173 118	193 578
– – удовлетворено (в % от всего рассмотренных)	96,76	93,84	93,53	95,87	96,09	96,54
– из них отказано в удовлетворении (абс.)	н/д	5 002	5 053	4 846	5 262	5 372
– – отказано (в % от всего рассмотренных)	н/д	3,25	3,10	2,84	2,92	2,68

Приложение №11

Сведения о рассмотрении судами первой инстанции ходатайств о производстве личного обыска (п. 6 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего рассмотрено ходатайств по существу	3 879	5 428	6 260	6 185	7 564	7 355
– из них удовлетворено (абс.)	3 777	5 219	6 041	5 951	7 311	7 022
– – удовлетворено (в % от всего рассмотренных)	97,37	96,15	96,50	96,22	96,66	95,47
– из них отказано в удовлетворении (абс.)	н/д	188	203	185	176	198
– – отказано (в % от всего рассмотренных)	н/л	3,46	3,24	2,99	2,33	2,69

Приложение №12

Сведения о рассмотрении судами первой инстанции ходатайств о производстве выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях (п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего рассмотрено ходатайств по существу	65 964	61 283	58 136	67 074	67 384	80 656
– из них удовлетворено (абс.)	64 221	59 641	56 857	65 668	64 983	78 444
– – удовлетворено (в % от всего рассмотренных)	97,36	97,32	97,80	97,90	96,44	97,25
– из них отказано в удовлетворении (абс.)	н/д	1 416	1 028	1 092	1 154	1 584
– – отказано (в % от всего рассмотренных)	н/д	2,31	1,77	1,63	1,71	1,96

Приложение №13

Сведения о рассмотрении судами первой инстанции ходатайств о наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку в учреждениях связи (п. 8 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего рассмотрено ходатайств по существу	19 525	21 930	25 890	25 804	25 949	31 825
– из них удовлетворено (абс.)	19 144	21 501	25 276	25 285	25 055	31 021
– – удовлетворено (в % от всего рассмотренных)	98,05	98,04	97,63	97,99	96,55	97,47
– из них отказано в удовлетворении (абс.)	н/д	389	546	454	565	537
– – отказано (в % от всего рассмотренных)	н/д	1,77	2,11	1,76	2,18	1,69

Приложение №14

Сведения о рассмотрении судами первой инстанции ходатайств о контроле и записи телефонных и иных переговоров (п. 11 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего рассмотрено ходатайств по существу	140 372	144 762	163 496	189 741	188 668	243 792
– из них удовлетворено (абс.)	136 953	140 047	156 751	178 149	183 542	237 439
– – удовлетворено (в % от всего рассмотренных)	97,56	96,74	95,87	93,89	97,28	97,39
– из них отказано в удовлетворении (абс.)	н/д	3 130	3 729	3 772	4 076	4 845
– – отказано (в % от всего рассмотренных)	н/д	2,16	2,28	1,99	2,16	1,98

Приложение №15

Сведения о рассмотрении судами первой инстанции ходатайств о наложении ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях (п. 9 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего рассмотрено ходатайств по существу	11 732	11 512	12 440	17 316	22 748	36 120
– из них удовлетворено (абс.)	10 139	9 907	10 686	15 114	19 726	31 454
– – удовлетворено (в % от всего рассмотренных)	86,42	86,06	85,90	87,28	86,72	87,08
– из них отказано в удовлетворении (абс.)	н/д	1 445	1 505	1 790	2 475	4 845
– – отказано (в % от всего рассмотренных)	н/д	12,55	12,10	10,34	10,88	13,41

Приложение №16

Сведения о рассмотрении судами первой инстанции ходатайств об ограничении конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи в соответствии со ст. 9 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего рассмотрено ходатайств по существу	284 137	329 415	376 368	420 242	513 278	615 683
– из них удовлетворено (абс.)	276 682	326 105	372 744	416 045	509 022	608 192
– – удовлетворено (в % от всего рассмотренных)	97,38	99,00	99,04	99,00	99,17	98,78
– из них отказано в удовлетворении (абс.)	н/д	424	373	373	432	836
– – отказано (в % от всего рассмотренных)	н/д	0,13	0,10	0,09	0,08	0,13

Приложение №17

Сведения о рассмотрении судами первой инстанции ходатайств об ограничении конституционных прав граждан на неприкосновенность жилища в соответствии со ст. 9 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего рассмотрено ходатайств по существу	27 880	29 545	26 522	33 280	32 239	39 612
– из них удовлетворено (абс.)	25 183	28 461	25 776	32 632	31 667	38960
– – удовлетворено (в % от всего рассмотренных)	90,33	96,33	97,19	98,05	98,23	98,35
– из них отказано в удовлетворении (абс.)	н/д	243	313	299	121	130
– – отказано (в % от всего рассмотренных)	н/д	0,82	1,18	0,90	0,38	0,32

Приложение №18

Сведения о рассмотрении судами первой инстанции жалоб на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное производство (ст. 125 УПК РФ)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего рассмотрено ходатайств по существу	117 321	125 961	129 454	136 063	130 648	130 962
– из них удовлетворено (абс.)	15 404	13 991	11 210	9 331	8 929	8 086
– – удовлетворено (в % от всего рассмотренных)	13,13	11,11	8,66	6,86	6,83	6,17
– из них отказано в удовлетворении (абс.)	н/д	64 693	46 082	40 294	36 694	35 420
– – отказано (в % от всего рассмотренных)	н/д	51,36	35,60	29,61	28,09	27,04

Приложение №19

Возвращено судами первой инстанции уголовных дел прокурору для устранения недостатков в порядке ст. 237 УПК РФ

2010	2011	2012	2013	2014	2015
17 811	12 216	10 044	9 356	9 817	9 191

Приложение №20

Освобождено из-под стражи судами первой инстанции в период нахождения уголовного дела в судебном производстве

2010	2011	2012	2013	2014	2015
1 872	1 547	1 397	1 569	1 411	1 304

Приложение №21

Вынесено оправдательных приговоров судами первой инстанции (по числу лиц)

2010	2011	2012	2013	2014	2015
9 152	8 855	5 164	5 624	5 167	4 297

Приложение №22

**Прекращено судами первой инстанции производство по уголовному делу
(в отношении лиц, по основаниям)**

Основания	2010	2011	2012	2013	2014	2015
по реабилитирующим основаниям: отсутствие события, состава преступления, непричастность к преступлению	19 392	20 210	15 130	13 184	11 981	10 785
отмена, изменение закона	538	1 878	647	262	107	57
применение амнистии	195	68	45	4 881	13 250	41 689
деятельное раскаяние	13 824	12 696	12 059	14 073	14 879	13 123
примирение с потерпевшим	210 667	197 731	187 534	184 763	173 377	160 051
отсутствие жалобы (согласия) потерпевшего	5 653	6 080	4 452	4 149	4 183	4 317
принудительные меры воспитательного воздействия	3 994	3 794	3 454	2 873	2 029	2 098

Приложение №23

Вынесено судами первой инстанции частных определений (постановлений)

2010	2011	2012	2013	2014	2015
26 510	24 494	23 111	19 819	17 562	17 751

Приложение №24

**Сведения о пересмотре судебных постановлений по ходатайствам об избрании меры
пресечения в виде заключения под стражу**

Для периода с 2010–2012 г.г. – судами кассационной инстанции, для периода 2013-2015 г.г. – судами апелляционной инстанции.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
На судебные постановления об удовлетворении ходатайств рассмотрено	17 577	17 857	19 265	19 238	20 073	23 906
На судебные постановления об удовлетворении ходатайств, отменено	1 098	859	859	589	617	620
На судебные постановления об удовлетворении ходатайств, изменено	490	783	972	1 081	1 202	1 445
Об отказе в удовлетворении ходатайств, рассмотрено	2 892	2053	1 562	1 131	920	828
Об отказе в удовлетворении ходатайств, отменено	620	525	481	246	281	216
Об отказе в удовлетворении ходатайств, изменено	19	13	16	30	22	24

Приложение №25

Сведения о пересмотре судебных постановлений по ходатайствам о продлении срока содержания под стражей

Для периода с 2010–2012 г.г. – судами кассационной инстанции, для периода 2013-2015 г.г. – судами апелляционной инстанции.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
На судебные постановления об удовлетворении ходатайств рассмотрено	25 749	23 982	27 829	28 412	29 550	34 261
На судебные постановления об удовлетворении ходатайств, отменено	977	708	708	545	559	654
На судебные постановления об удовлетворении ходатайств, изменено	648	570	844	1 108	1 336	1 528
Об отказе в удовлетворении ходатайств, рассмотрено	827	577	601	489	362	319
Об отказе в удовлетворении ходатайств, отменено	172	137	171	112	70	76
Об отказе в удовлетворении ходатайств, изменено	8	13	8	13	13	21

Приложение №26

**Отменено обвинительных приговоров мировых судей судами апелляционной инстанции за период с 2010 по 2012 года
(по числу лиц, по основаниям)**

Основания		2010	2011	2012
Всего		3 326	4 593	4 287
в том числе:	с оправданием подсудимого	532	508	349
	с прекращением дела, в связи с примирением с потерпевшим	1 292	1 249	1 094
	с прекращением дела, по реабилитирующим основаниям	129	128	174
	с прекращением дела, по другим основаниям	699	570	543
	частично	н/д	44	18
	с вынесением нового обвинит. приговора	н/д	1 895	1 959
	с возвращением дела прокурору	н/д	199	150
	частично (с оставлением в силе другого, менее тяжкого обвинения)	601	н/д	н/д

Приложение №27

**Изменено обвинительных приговоров мировых судей судами апелляционной инстанции за период с 2010 по 2012 года
(по числу лиц, по основаниям)**

Основания		2010	2011	2012
Всего		6 854	6 425	6 612
в том числе:	с изменением квалификации, без снижения меры наказания	243	341	208
	с изменением квалификации, со снижением меры наказания	592	661	610
	с изменением квалификации, с назначением более строгого наказания	н/д	100	111
	без изменения квалификации	6 019	5 323	5 683

Приложение №28

**Изменено и отменено оправдательных приговоров мировых судей судами апелляционной инстанции за период с 2010 по 2012 года
(по числу лиц, по основаниям)**

Основания		2010	2011	2012
Всего		755	928	655
в том числе:	отменены с вынесением обвинительного приговора	563	406	312
	отменены с вынесением оправдательного приговора	н/д	131	70
	отменены с прекращением дела	н/д	250	197
	отменены с возвращением дела прокурору	н/д	28	24
	изменены	192	113	52

Приложение №29

**Отменено обвинительных приговоров судами апелляционной инстанции
за период с 2013 по 2015 годы (по числу лиц, по основаниям)**

Основания		2013	2014	2015
Всего		9 081	7 794	7 005
в том числе:	с оправданием подсудимого	378	309	221
	с направлением дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции	4 239	4 127	4 043
	с направлением дела на новое судебное разбирательство в том числе ввиду мягкости наказания	215	86	49
	с возвращением дела прокурору	510	656	676
	с прекращением дела, в связи с примирением с потерпевшим, с деятельным раскаянием	753	500	329
	с прекращением дела, по реабилитирующим основаниям	187	103	109
	с прекращением дела, по другим основаниям	738	665	546
	частично (с оставлением в силе другого, менее тяжкого обвинения)	136	105	64
	с вынесением нового обвинит. приговора	2 140	1 329	1 017

Приложение №30

**Изменено обвинительных приговоров судами апелляционной инстанции за период с
2013 по 2015 годы (по числу лиц, по основаниям)**

Основания		2013	2014	2015
Всего		18 647	16 990	16 751
в том числе:	с изменением квалификации, без снижения меры наказания	506	300	255
	с изменением квалификации, со смягчением наказания	2 741	2 204	1 993
	с изменением квалификации, с усилением наказания	194	167	195
	без изменения квалификации со смягчением наказания	13 708	11 907	11 784
	без изменения квалификации с усилением наказания	1 498	2 412	2 524

Приложение №31

Отменено оправдательных приговоров судами апелляционной инстанции за период с 2013 по 2015 годы (по числу лиц, по основаниям)

Основания		2013	2014	2015
Всего		1 008	948	790
в том числе:	с вынесением обвинительного приговора	126	28	10
	с передачей на новое судебное разбирательство	684	801	667
	с вынесением оправдательного приговора	86	51	45
	с прекращением дела	93	34	31
	с возвращением дела прокурору	19	34	37

Приложение №32

Изменено обвинительных приговоров судами кассационной инстанции за период с 2010 по 2012 года (по числу лиц, по основаниям)

Основания		2010	2011	2012
Всего		14 451	14 471	14 491
в том числе:	с изменением квалификации без снижения меры наказания	280	410	352
	с изменением квалификации со снижением меры наказания	3 367	3 410	2 670
	без изменения квалификации со снижением меры наказания	10 804	10 652	11 469

Приложение №33

Отменено обвинительных приговоров судами кассационной инстанции за период с 2010 по 2012 года (по числу лиц, по основаниям)

Основания		2010	2011	2012
Всего		10 520	8 988	8 682
в том числе:	с направлением дела на новое судебное разбирательство в суд I (апелляционной) инстанции	9 588	8 014	7 844
	с направлением дела на новое судебное разбирательство в том числе ввиду мягкости наказания	1 038	944	901
	с возвращением дела прокурору	н/д	266	235
	с прекращением дела в связи со смертью, с примирением с потерпевшим, с деятельным раскаянием	85	86	113
	с прекращением дела по реабилитирующим основаниям	276	193	185
	с прекращением дела по другим основаниям	183	188	125
	частично (с оставлением в силе другого, менее тяжкого обвинения)	269	241	180

Приложение №34

Изменено обвинительных приговоров судами кассационной и надзорной инстанций за период с 2013 по 2015 годы (по числу лиц, по основаниям)

Основания		2013	2014	2015
Всего		8 319	3 616	3 668
в том числе:	с изменением квалификации без снижения меры наказания	145	139	149
	с изменением квалификации со снижением меры наказания	2 593	976	739
	без изменения квалификации со снижением меры наказания	5 581	2 501	2 775

Приложение №35

Отменено обвинительных приговоров судами кассационной и надзорной инстанций за период с 2013 по 2015 годы (по числу лиц, по основаниям)

Основания		2013	2014	2015
Всего		1 196	1 058	1 130
в том числе:	с направлением дела на новое судебное рассмотрение	852	841	883
	с прекращением дела в связи со смертью, с примирением с потерпевшим, с деятельным раскаянием / по другим основаниям ⁵³⁵	100	77	48
	с прекращением дела по реабилитирующим основаниям	76	62	81
	с возвращением дела прокурору	26	52	92
	частично (с оставлением в силе другого, менее тяжкого обвинения)	142	26	21
	суда апелляционной инстанции	0	0	5

Приложение №36

Изменено обвинительных приговоров судами надзорной инстанции за период с 2010 по 2012 годы (по числу лиц, по основаниям)

Основания		2010	2011	2012
Всего		9 480	7 750	7 694
в том числе:	с изменением квалификации без снижения меры наказания	230	328	126
	с изменением квалификации со снижением меры наказания	2 254	2 680	2 191
	без изменения квалификации со снижением меры наказания	6 996	4 742	5 377

⁵³⁵ До 2015 года данная графа именовалась «с прекращением дела в связи со смертью, с примирением с потерпевшим, с деятельным раскаянием», с 2015 года – «по другим основаниям».

Приложение №37

**Отменено обвинительных приговоров судами надзорной инстанции
за период с 2010 по 2012 годы (по числу лиц, по основаниям)**

Основания		2010	2011	2012
Всего		1 302	1 250	1 128
в том числе:	с направлением дела на новое судебное рассмотрение	986	952	908
	с прекращением дела по реабилитирующим основаниям	140	121	140
	с прекращением дела по другим основаниям	136	130	82
	частично (с оставлением в силе другого, менее тяжкого обвинения)	40	47	98
	суда апелляционной инстанции	0	0	0

Приложение №38

**Отменено оправдательных приговоров судами кассационной инстанции
за период с 2010 по 2012 годы (по числу лиц)**

2010	2011	2012
827	756	550

Приложение №39

**Отменено оправдательных приговоров судами кассационной и надзорной инстанций в
2013 – 2015 годах (по числу лиц)**

2013	2014	2015
11	16	26

Сведения о деятельности прокуратуры на стадии возбуждения уголовного дела⁵³⁶

	2011	2012	2013	2014	2015
Направлено материалов в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ	34 220	31 454	29 502	28 755	28 847
- возбуждено уголовных дел	26 144	25 865	24 589	24 612	24 951
Направлено материалов в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина	17 303	15 632	14 208	13 876	14 423
- возбуждено уголовных дел	13 929	13 444	12 376	12 182	12 944
Направлено материалов в сфере оплаты труда	1 249	869	739	660	796
- возбуждено уголовных дел	436	414	397	426	544
Направлено материалов в сфере экономики	11 478	10 712	10 485	9 332	9 626
- возбуждено уголовных дел	8 125	8 197	8 176	7 632	7 800
Направлено материалов в сфере национальных проектов	1 248	1 096	868		
- возбуждено уголовных дел	846	897	685		
Направлено материалов в сфере борьбы с коррупцией					
- возбуждено уголовных дел	4 251	4 567	4 560	4 098	4 020
Направлено материалов в сфере федеральной безопасности, международных отношений и экстремизма	162	151	275	180	194
- возбуждено уголовных дел	107	120	214	135	150
Направлено материалов в сфере ЖКХ	X	X	1 398	1 127	1 094
- возбуждено уголовных дел	X	X	984	827	848

⁵³⁶ **Источники данных по приложениям №40 – 43:** Основные результаты работы по надзору за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина за январь - декабрь 2011-2012 гг. / Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ // URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 29.10.2015); Основные результаты прокурорской деятельности за январь - декабрь 2013 г. / Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ // URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 29.10.2015); Основные результаты прокурорской деятельности за январь - декабрь 2014 г. / Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ // URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 29.10.2015); Основные результаты прокурорской деятельности за январь - декабрь 2015 г. / Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ // URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 20.02.2016).

**Сведения о деятельности прокуратуры по надзору за исполнением законов на
досудебных стадиях уголовного судопроизводства**

	2011	2012	2013	2014	2015
Всего нарушений	4 148 277	5 038 064	4 860 918	5 921 866	4 908 615
в том числе при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении	2 921 344	3 428 095	3 489 553	3 605 162	3 732 360
требований об устранении нарушений законодательства в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ	83 223	115 594	147 337	184 300	215 246
Внесено представлений и информаций об устранении нарушений	97 728	102 676	91 684	99 996	86 639
Привлечено лиц к дисциплинарной ответственности	93 505	118 650	119 095	140 306	145 269
Отменено постановлений следователей и дознавателей о возбуждении уголовного дела	35 480	31 012	23 498	19 066	19 256
Отменено прокурором и по его инициативе постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела	2 326 896	2 585 732	2 575 024	2 518 508	2 516 501
Отменено прокурором и по его инициативе постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования)	26 981	26 729	24 763	29 330	31 612
Отменено прокурором и по его инициативе постановлений о приостановлении предварительного расследования	405 684	415 676	407 571	424 080	443 674

Показатели активности прокуратуры в уголовном судопроизводстве

Акты прокурорского реагирования	2011	2012	2013	2014	2015
На действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания и следователя при принятии, регистрации и рассмотрении сообщения о преступлении	326 888	333 032	352 598	362 072	397 616
По вопросам следствия и дознания	265 186	258 193	257 830	245 373	252 168
По вопросам законности и обоснованности судебных постановлений по уголовным делам	127 863	117 880	113 991	109 417	99 870
По вопросам надзора за соблюдением законов при исполнении уголовных наказаний	54 301	55 301	54 288	50 743	56 926

Сведения о деятельности прокуратуры на судебных стадиях уголовного процесса

	2011	2012	2013	2014	2015
Рассмотрено уголовных дел судом 1-й инстанции	887 654	855 526	870 824	869 520	900 461
Рассмотрено уголовных дел в суде апелляционной инстанции	20 141	19 302	93 629	116 410	121 032
Рассмотрено уголовных дел в суде кассационной инстанции	125 043	116 455	1 847	4 932	6 770
Принесено апелляционных представлений (без отозванных)	10 831	10 889	36 644	39 531	39 893
Удовлетворено апелляционных представлений (в лицах)	8 300	8 795	28 090	35 816	36 353
% от рассмотренных	77,5	82,9	74,9	78,9	80,7
По апелляционному представлению прокурора отменено и изменено приговоров (в лицах)			15 655	20 084	20 371
% от общего числа отмененных и измененных приговоров (в лицах)			77,1	80,6	83,0
Принесено кассационных представлений (без отозванных)	46 721	43 457	1 825	3 079	3 922
Удовлетворено кассационных представлений (в лицах)	39 109	37490	971	2 291	2 943
% от рассмотренных	68,4	72,9	96,9	97,3	96,7
По кассационному представлению прокурора отменено и изменено приговоров	20 913	20681			
(% от общего числа отмененных и измененных приговоров по представлениям и жалобам)	82,7	82			
Принесено надзорных представлений (без отозванных)	5 591	5680	1 026	72	15
Удовлетворено надзорных представлений (в лицах)	4 219	4349	781	105	10
% от рассмотренных	98,4	98,3	98,9	100	100

**Результаты анкетирования
судей, адвокатов, работников прокуратуры и следствия**

1. Какие ошибки чаще всего Вы встречаете по расследованным следователями, дознавателями уголовным делам:

Примечание: в редакции для следователей этот вопрос выглядит следующим образом: «Какие ошибки чаще все Вы допускаете по расследуемым делам?»

а) неполнота, односторонность, необъективность исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам (пробелы предварительного расследования);

- судьи: **50,0%**
- работники прокуратуры: **77,8%**
- следователи: **87,1%**
- адвокаты: **80,4%**

б) нарушения положений Конституции РФ о защите прав и свобод человека и гражданина; нарушения международных стандартов справедливого правосудия;

- судьи: **0%**
- работники прокуратуры: **0%**
- следователи: **0%**
- адвокаты: **30,2%**

в) существенные нарушения уголовно-процессуального закона;

- судьи: **66,7%**
- работники прокуратуры: **55,6%**
- следователи: **7,7%**
- адвокаты: **40,6%**

г) неправильное применение норм УК РФ – положений общей части, квалификации деяния и др.

- судьи: **33,3%**
- работники прокуратуры: **27,8%**
- следователи: **2,6%**
- адвокаты: **20,9%**

2. Как часто подозреваемые, обвиняемые, их законные представители, защитники делали Вам официальные или не официальные заявления о применении со стороны оперативных сотрудников недозволенных и незаконных методов (насилия, угрозы применения насилия) и провокаций?

а) часто (практически, по каждому 2-му делу);

- судьи: **50,0%** (досудебные стадии);
66,7% (судебные стадии)
- работники прокуратуры: **61,1%**
- следователи: **2,6%**
- адвокаты: **20,7**

б) редко (примерно, по каждому 10-му делу);

- судьи: **44,4%** (досудебные стадии);
38,9% (судебные стадии)
- работники прокуратуры: **27,8%**
- следователи: **20,5%**
- адвокаты: **50,1%**

в) таких заявлений не было;

- судьи: **5,6%** (досудебные и судебные стадии)
- работники прокуратуры: **5,6%**

- следователи: **69,2%**
- адвокаты: **10,4%**

3. Какие действия предпринимали Вы, чтобы проверить указанные выше заявления?

Судьи:

- а) передавали материалы прокурору: 5,6%
- б) передавали материалы в СК: 5,6%
- в) в судебном заседании допрашивали оперативных сотрудников, иных свидетелей, исследовали документы и др.: 94,4%

Прокуроры:

- а) проводили прокурорскую проверку: 38,9%
- б) передавали материалы в СК: 77,8%
- в) предлагали провести ведомственную проверку (служебное расследование): 0%

Следователи:

- а) проводили доследственную проверку: 2,6%
- б) возбуждали уголовное дело и проводили неотложные следственные действия: 0%
- в) обращались с просьбой в соответствующее ведомство провести служебную проверку (служебное расследование): 12,8%

Адвокаты:

- а) предлагали подзащитному сделать официальное заявление прокурору, в СК, в суд: 70,2%
- б) проводили сами определенные действия (какие именно?), чтобы получить доказательства насилия, иную информацию о примененном насилии (угрозе насилия) 30,6%
- в) информировали о насилии (угрозе насилия), следователя, ведущего расследование дела: 10,4%
- г) обращались лично с соответствующим заявлением в прокуратуру, СК: 30,2%
- д) обращались лично с соответствующим заявлением в суд в порядке ст.125 УПК РФ: 10,3%

4. «Завышают» ли следователи, дознаватели, по Вашему мнению, квалификацию деяния подозреваемого, обвиняемого («квалификация с запасом»)?

- а) да, чтобы гарантированно получить от суда постановление о заключении под стражу подозреваемого, обвиняемого;

- судьи: **5,6%**
- работники прокуратуры: **0%**
- следователи: **0%**
- адвокаты: **0%**

- б) да, чтобы в последующем суд без возвращения дела прокурору смог переквалифицировать деяние на более «мягкий» состав;

- судьи: **33,3%**
- работники прокуратуры: **61,1%**

- следователи:	7,7%
- адвокаты:	20,4%
в) нет, не «завышают»;	
- судьи:	66,7%
- работники прокуратуры:	27,8%
- следователи:	89,7%
- адвокаты:	40,3%

5. Что, по Вашему мнению, является наиболее распространенной причиной следственных ошибок (ошибок следователя, дознавателя):

а) недостаточная квалификация следователей;

- судьи:	61,1%
- работники прокуратуры:	55,6%
- следователи:	15,4%
- адвокаты:	60,8%

б) небольшой опыт профессиональной деятельности;

- судьи:	61,1%
- работники прокуратуры:	50,0%
- следователи:	43,4%
- адвокаты:	40,3%

в) пробелы и недостатки в законодательном регулировании уголовных и уголовно-процессуальных вопросов;

- судьи:	27,8%
- работники прокуратуры:	50,0%
- следователи:	35,9%
- адвокаты:	0%

г) ненадлежащая организация следственной работы («работа на показатели», «бесчеловечное отношение к следователю со стороны его руководства», «отсутствие четкой научной организации труда следователя» и др.);

- судьи:	44,4%
- работники прокуратуры:	38,9%
- следователи:	59,0%
- адвокаты:	100%

д) наличие коррупционной составляющей в следственной работе;

- судьи:	0%
- работники прокуратуры:	0%
- следователи:	0%
- адвокаты:	20,7%

6. Обозначьте по нисходящей в порядке рейтинга – при каких формах контроля выявляются допущенные следователями, дознавателями ошибки по уголовным делам (1 – «чаще всего» - далее по нисходящей – 2, 3, 4, 5 и 6 – «реже всего»):

В результате самоконтроля со стороны следователя, дознавателя;

- судьи:	6
- работники прокуратуры:	5
- следователи:	2
- адвокаты:	6
Руководитель следственного органа;	
- судьи:	2
- работники прокуратуры:	4
- следователи:	1
- адвокаты:	3

Надзирающий прокурор;	
- судьи:	1
- работники прокуратуры:	1
- следователи:	3
- адвокаты:	4
Суд на досудебных стадиях;	
- судьи:	4
- работники прокуратуры:	3
- следователи:	5
- адвокаты:	5
Суд на судебных стадиях;	
- судьи:	3
- работники прокуратуры:	2
- следователи:	6
- адвокаты:	2
Адвокат;	
- судьи:	5
- работники прокуратуры:	6
- следователи:	4
- адвокаты:	1

7. Какие, на Ваш взгляд, причины снижают эффективность прокурорского надзора:

а) прокурор располагает недостаточным объемом процессуальных полномочий в осуществлении прокурорского надзора за предварительным расследованием;

- судьи:	33,3%
- работники прокуратуры:	61,1%
- следователи:	2,6%
- адвокаты:	10,1%

б) значительное количество работников прокуратуры не имеет опыта следственной работы;

- судьи:	44,4%
- работники прокуратуры:	27,8%
- следователи:	56,4%
- адвокаты:	10,9%

в) присутствует коррупционная составляющая в деятельности прокурорских работников;

- судьи:	0%
- работники прокуратуры:	0%
- следователи:	5,1%
- адвокаты:	0%

г) ненадлежащая организация прокурорского надзора («работа на показатели», «отсутствие постоянного взаимодействия в работе со следователями и дознавателями» и др.);

- судьи:	38,9%
- работники прокуратуры:	11,1%
- следователи:	59,0%
- адвокаты:	90,2%

д) осуществление прокурорского надзора в условиях конфликтного взаимодействия органов следствия и прокуратуры;

- судьи:	22,2%
- работники прокуратуры:	22,2%
- следователи:	33,3%
- адвокаты:	40,7%

8. Какие, на Ваш взгляд, дополнительные полномочия необходимы прокурору для осуществления эффективного прокурорского надзора за предварительным расследованием уголовных дел:

а) право возбуждать уголовное дело (преследование);

- судьи: 27,8%
- работники прокуратуры: 44,4%
- следователи: 17,9%
- адвокаты: 20,3%

б) право проводить отдельные следственные действия и расследование определенных уголовных дел в полном объеме;

- судьи: 22,2%
- работники прокуратуры: 22,2%
- следователи: 20,5%
- адвокаты: 0%

в) право участвовать в проведении следователем следственных действий (осмотров, допросов, особенно – обвиняемых, и др.);

- судьи: 11,1%
- работники прокуратуры: 11,1%
- следователи: 2,6%
- адвокаты: 10,4%

г) право в любой момент запрашивать у следователя материалы уголовного дела для изучения и выставления требований об устранении нарушений законности, дачи письменных указаний;

- судьи: 50,0%
- работники прокуратуры: 55,6%
- следователи: 15,4%
- адвокаты: 50,6%

д) право утверждать ходатайство следователя перед судом о заключении лица под стражу или продлении сроков содержания под стражей (не направлять в суд материалы на заключение лица под стражу, на продление сроков содержания под стражей, если отсутствует виза прокурора «согласен» или «утверждаю»);

- судьи: 11,1%
- работники прокуратуры: 44,4%
- следователи: 28,2%
- адвокаты: 10,8%

е) право прекращать уголовные дела на досудебном производстве;

- судьи: 22,2%
- работники прокуратуры: 27,8%
- следователи: 28,2%
- адвокаты: 70,2%

ж) право продлять сроки предварительного расследования с изучением при этом всех материалов уголовного дела;

- судьи: 44,4%
- работники прокуратуры: 38,9%
- следователи: 28,2%
- адвокаты: 10,7%

9. Считаете ли Вы, что прокурорский надзор эффективнее ведомственного контроля:

а) да, прокурор в большей мере обеспечивает соблюдение прав граждан, так как не принадлежит к следственному ведомству;

- судьи: 72,2%
- работники прокуратуры: 72,2%

- следователи: 7,7%
- адвокаты: 20,9%

б) да, так как прокурор, как правило, более профессионален как юрист, нежели руководитель следственного подразделения;

- судьи: 0%
- работники прокуратуры: 38,9%
- следователи: 0%
- адвокаты: 30,2%

в) нет, прокурор эпизодически изучает материалы уголовного дела в ходе расследования (в основном прокурорский надзор осуществляется по копиям процессуальных документов, направляемых прокурору следователем), а руководитель следственного органа имеет постоянную возможность изучать непосредственно материалы уголовного дела;

- судьи: 0%
- работники прокуратуры: 0%
- следователи: 51,3%
- адвокаты: 40,6%

г) ведомственный контроль и прокурорский надзор менее эффективен, чем судебный контроль, так как суд не принадлежит к обвинительной власти и осуществляет судебный контроль в условиях судебного разбирательства с участием сторон, ведением протокола судебного заседания;

- судьи: 16,7%
- работники прокуратуры: 0%
- следователи: 0%
- адвокаты: 30,5%

д) все формы надзора и контроля в равной степени эффективны и необходимы;

- судьи: 38,9%
- работники прокуратуры: 16,7%
- следователи: 43,4%
- адвокаты: 10,4%

10. Какие, на Ваш взгляд, причины снижают эффективность ведомственного контроля:

а) руководитель следственного органа не располагает достаточным объемом процессуальных полномочий в осуществлении ведомственного контроля за предварительным следствием; если, да, то, каких именно полномочий у него нет:

- судьи: 0%
- работники прокуратуры: 0%
- следователи: 7,7%
- адвокаты: 0%

б) руководитель следственного органа не всегда обладает достаточной квалификацией и опытом ведомственного контролирования;

- судьи: 33,3%
- работники прокуратуры: 38,9%
- следователи: 7,7%
- адвокаты: 10,7%

в) присутствует коррупционная составляющая в деятельности руководителей следственных органов;

- судьи: 0%
- работники прокуратуры: 0%
- следователи: 0%
- адвокаты: 0%

г) ненадлежащая организация ведомственного контроля («работа на показатели», «корпоративная солидарность: следователь и его руководитель работают в одном ведомстве» и др.);

- судьи: **61,1%**
- работники прокуратуры: **72,2%**
- следователи: **53,8%**
- адвокаты: **100%**

д) осуществление ведомственного контроля в условиях конфликтного взаимодействия органов следствия и прокуратуры;

- судьи: **22,2%**
- работники прокуратуры: **5,6%**
- следователи: **33,3%**
- адвокаты: **20,7%**

11. В каких направлениях необходимо, на Ваш взгляд, укреплять институт процессуальной самостоятельности следователя?

а) лишить следователей районного уровня процессуальной самостоятельности вообще и сохранить ее у следователей уровня субъекта федерации и РФ;

- судьи: **0%**
- работники прокуратуры: **0%**
- следователи: **0%**
- адвокаты: **0%**

б) ограничить процессуальную самостоятельность следователей районного уровня по аналогии с дознавателем и сохранить ее для остальных следователей;

- судьи: **0%**
- работники прокуратуры: **0%**
- следователи: **0%**
- адвокаты: **0%**

в) сохранить институт процессуальной самостоятельности следователя в неизменном виде;

- судьи: **88,9%**
- работники прокуратуры: **61,1%**
- следователи: **92,3%**
- адвокаты: **70,1%**

г) ограничить процессуальную самостоятельность всех следователей по аналогии с дознавателем;

- судьи: **11,1%**
- работники прокуратуры: **27,8%**
- следователи: **2,6%**
- адвокаты: **0%**

д) процессуальная самостоятельность не нужна следователям вообще;

- судьи: **0%**
- работники прокуратуры: **5,6%**
- следователи: **0%**
- адвокаты: **0%**

12. Выскажите Ваше мнение по поводу создания в России единого следственного ведомства:

а) единое следственное ведомство необходимо создать;

- судьи: **27,8%**
- работники прокуратуры: **5,6%**
- следователи: **61,5%**
- адвокаты: **10,8%**

б) в создании такого ведомства нет необходимости;

- судьи:	77,8%
- работники прокуратуры:	88,9%
- следователи:	38,5%
- адвокаты:	70,6%

13. Какие, на Ваш взгляд, причины снижают эффективность судебного контроля:

а) судья не располагает достаточным объемом процессуальных полномочий в осуществлении судебного контроля за предварительным расследованием - у него должны быть такие полномочия:

1. Судья должен исследовать доказательства, подтверждающие причастность лица к инкриминируемому ему деянию:

- судьи:	5,6%
- работники прокуратуры:	5,6%
- следователи:	10,3%
- адвокаты:	0%

2. Судья должен исследовать доказательства, подтверждающие правильность квалификации инкриминируемого лицу деяния;

- судьи:	11,1%
- работники прокуратуры:	0%
- следователи:	7,7%
- адвокаты:	10,4%

3. Судья должен в своем постановлении указывать, какие действия необходимо предпринять следователю, дознавателю, прокурору, чтобы устранить допущенные нарушения закона;

- судьи:	5,6%
- работники прокуратуры:	38,9%
- следователи:	10,3%
- адвокаты:	20,7%

б) судьи относятся к судебному контролю как к чему-то второстепенному («ускоренные процедуры принятия решений при «закрытых дверях», «приоритет в рассмотрении уголовного дела по существу, а затем уж выполнение обязанностей «дежурного судьи по арестам», и др.);

- судьи:	0%
- работники прокуратуры:	5,6%
- следователи:	17,9%
- адвокаты:	40,2%

в) судьи не имеют достаточных оснований для принятия решений в порядке судебного контроля;

- судьи:	5,6%
- работники прокуратуры:	16,7%
- следователи:	7,7%
- адвокаты:	0%

г) судьи исходят из презумпции обоснованности ходатайств и/или позиции органов уголовного преследования;

- судьи:	0%
- работники прокуратуры:	0%
- следователи:	5,1%
- адвокаты:	70,4%

д) судьи поддерживают ходатайства и/или позицию органов уголовного преследования, потому что боятся быть заподозренными в коррупции и связях с преступниками;

- судьи:	0%
- работники прокуратуры:	0%
- следователи:	2,6%

- адвокаты: **30,4%**
- е) недостатки законодательного регулирования судебного контроля;
- судьи: **66,7%**
- работники прокуратуры: **22,2%**
- следователи: **17,9%**
- адвокаты: **20,3%**

14. Выскажите Ваше мнение по поводу создания в России института следственного судьи для осуществления судебного контроля на досудебных стадиях:

а) такой институт необходим в виде системы судебных органов, выступающих исключительно в роли инстанции судебного контроля;

- судьи: **16,7%**
- работники прокуратуры: **16,7%**
- следователи: **10,3%**
- адвокаты: **0%**

б) такой институт необходим только в виде специализации отдельных судей (опытные судьи, которые преимущественно занимаются осуществлением судебного контроля);

- судьи: **16,7%**
- работники прокуратуры: **11,1%**
- следователи: **2,6%**
- адвокаты: **10,7%**

в) в создании такого института нет необходимости;

- судьи: **72,2%**
- работники прокуратуры: **77,8%**
- следователи: **82,1%**
- адвокаты: **70,6%**

15. Если Вы сторонник института следственного судьи, то какие полномочия должен иметь такой судья:

а) разрешение вопросов, связанных с заключением под стражу, домашним арестом, залогом;

- судьи: **33,3%**
- работники прокуратуры: **22,2%**
- следователи: **5,1%**
- адвокаты: **10,6%**

б) разрешение вопросов, связанных с проведением следственных и иных процессуальных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан;

- судьи: **38,9%**
- работники прокуратуры: **11,1%**
- следователи: **7,7%**
- адвокаты: **10,7%**

в) разрешение жалоб в порядке ст.125 УПК РФ;

- судьи: **33,3%**
- работники прокуратуры: **11,1%**
- следователи: **7,7%**
- адвокаты: **10,9%**

г) проведение допросов и иных судебных действий по ходатайству сторон в ходе предварительного расследования в целях последующего использования полученных доказательств в суде первой инстанции;

- судьи: **22,2%**
- работники прокуратуры: **11,1%**
- следователи: **5,1%**
- адвокаты: **0%**

д) решение вопросов, связанных с подготовкой к судебному заседанию в общем порядке или в порядке предварительного слушания;

- судьи: 0%
- работники прокуратуры: 5,6%
- следователи: 2,6%
- адвокаты: 0%

16. На Ваш взгляд, должен ли суд при осуществлении судебного контроля исследовать не только «вопросы права», но и «вопросы факта» (наличие доказательств о причастности лица к инкриминируемому ему деянию, правильность квалификации его действий и др.):

а) да, во всех случаях осуществления судебного контроля;

- судьи: 27,8%
- работники прокуратуры: 38,9%
- следователи: 48,7%
- адвокаты: 60,3%

б) да, но только при решении вопросов, связанных с заключением под стражу и продлением сроков содержания под стражей;

- судьи: 27,8%
- работники прокуратуры: 16,7%
- следователи: 17,9%
- адвокаты: 20,7%

в) суд не должен исследовать «вопросы факта»;

- судьи: 61,1%
- работники прокуратуры: 27,8%
- следователи: 25,6%
- адвокаты: 10,9%

17. Какие факторы останавливают следователей, дознавателей и судей в применении по отношению к подозреваемым, обвиняемым домашнего ареста, залога и иных мер пресечения, не связанных с заключением под стражу:

а) тяжесть инкриминируемого подозреваемому, обвиняемому деяния;

- судьи: 55,6%
- работники прокуратуры: 55,6%
- следователи: 17,9%
- адвокаты: 20,8%

б) основанная на опыте и интуиции убежденность, что подозреваемый, обвиняемый скроется от следствия и суда, совершит новые преступления, будет мешать следствию;

- судьи: 5,6%
- работники прокуратуры: 38,9%
- следователи: 15,4%
- адвокаты: 40,6%

в) основанная на фактах и опыте убежденность, что подозреваемый, обвиняемый скроется от следствия и суда, совершит новые преступления, будет мешать следствию;

- судьи: 77,8%
- работники прокуратуры: 66,7%
- следователи: 43,4%
- адвокаты: 0%

г) стремление избежать персональной ответственности за неправильный выбор меры пресечения;

- судьи: 5,6%
- работники прокуратуры: 11,1%

- следователи: 2,6%
- адвокаты: 70,3%

д) несовершенство процедур контроля при домашнем аресте и иных, не связанных с изоляцией от общества, мер пресечения;

- судьи: 33,3%
- работники прокуратуры: 38,9%
- следователи: 46,2%
- адвокаты: 20,2%

е) опасения, что у руководства могут возникнуть подозрения в коррупции;

- судьи: 0%
- работники прокуратуры: 0%
- следователи: 2,6%
- адвокаты: 40,1%

18. Считаете ли Вы необходимым предусмотреть в УПК РФ возможность обжаловать в порядке судебного контроля постановление о привлечении в качестве обвиняемого:

а) да, но только по «вопросу права» (законность вынесения данного постановления);

- судьи: 11,1%
- работники прокуратуры: 22,2%
- следователи: 30,8%
- адвокаты: 20,3%

б) да: и по «вопросу права», и по «вопросу факта» (законность факта обвинения, правильность квалификации деяния);

- судьи: 11,1%
- работники прокуратуры: 11,1%
- следователи: 10,3%
- адвокаты: 60,7%

в) это постановление не должно подлежать обжалованию;

- судьи: 83,3%
- работники прокуратуры: 61,1%
- следователи: 53,8%
- адвокаты: 10,2%

19. Считаете ли Вы, что судебный контроль эффективнее прокурорского надзора:

а) да, суд в большей мере обеспечивает соблюдение прав граждан, так как не принадлежит к обвинительной власти;

- судьи: 16,7%
- работники прокуратуры: 5,6%
- следователи: 5,1%
- адвокаты: 20,8%

б) да, так как суд принимает решения в условиях судебного разбирательства с участием сторон, ведением протокола судебного заседания и т.п.;

- судьи: 16,7%
- работники прокуратуры: 22,2%
- следователи: 10,3%
- адвокаты: 20,7%

в) нет, суды формально рассматривают материалы в порядке судебного контроля (заверенные следователем и дознавателем копии процессуальных документов из уголовного дела), а прокурор тщательно изучает непосредственно материалы уголовного дела;

- судьи: 16,7%
- работники прокуратуры: 33,3%
- следователи: 15,4%

- адвокаты: 20,1%

г) судебный контроль и прокурорский надзор в равной мере малоэффективны, чем ведомственный контроль, так как руководитель следственного органа оперативно может изучать материалы уголовного дела и оперативно отменять незаконные и необоснованные решения следователя;

- судьи: 0%

- работники прокуратуры: 0%

- следователи: 12,8%

- адвокаты: 40,2%

д) судебный контроль и прокурорский надзор в равной мере эффективны;

- судьи: 16,7%

- работники прокуратуры: 27,8%

- следователи: 7,7%

- адвокаты: 0%

е) все формы надзора и контроля в равной степени эффективны и необходимы;

- судьи: 50,0%

- работники прокуратуры: 33,3%

- следователи: 43,6%

- адвокаты: 10,7%

20. Выскажите Ваше мнение по поводу возрождения в России института возвращения судом уголовного дела для производства дополнительного расследования в виду неполноты, односторонности, необъективности исследования всех обстоятельств дела:

а) такой институт необходимо возродить;

- судьи: 88,9%

- работники прокуратуры: 27,8%

- следователи: 0%

- адвокаты: 20,7%

б) в возрождении такого института нет необходимости;

- судьи: 0%

- работники прокуратуры: 27,8%

- следователи: 12,8%

- адвокаты: 20,8%

в) фактически такой институт существует, когда суд возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий, а прокурор это дело возвращает следователю для производства дополнительного расследования;

- судьи: 16,7%

- работники прокуратуры: 44,4%

- следователи: 87,1%

- адвокаты: 70,3%

21. По какой причине следователи, дознаватели, имея законные основания, не прекращают уголовные дела в связи с примирением сторон; деятельным раскаянием обвиняемого:

а) считают, что правосудие, осуществляемое только судом, должно отправляться по всем уголовным делам;

- судьи: 0%

- работники прокуратуры: 5,6%

- следователи: 30,8%

- адвокаты: 10,1%

б) направление дела в суд – показатель в работе более лучший, нежели прекращение дела («работа на корзину») – за этот показатель работы спрашивает и руководство;

- судьи:	100%
- работники прокуратуры:	88,9%
- следователи:	64,1%
- адвокаты:	100%

22. Считаете ли Вы возможным с момента возбуждения уголовного дела определять надзирающего за его расследованием прокурора, который впоследствии будет поддерживать по данному делу государственное обвинение в суде?

а) да, это оправдано по всем категориям дел;

- судьи:	11,1%
- работники прокуратуры:	5,6%
- следователи:	23,1%
- адвокаты:	70,8%

б) да, это оправдано, но только по определенной категории дел (сложные, «громкие» «резонансные» дела, «стражные» дела и т.п.);

- судьи:	33,3%
- работники прокуратуры:	55,6%
- следователи:	51,3%
- адвокаты:	0%

в) в этом нет необходимости.

- судьи:	55,6%
- работники прокуратуры:	38,9%
- следователи:	23,1%
- адвокаты:	30,1%

23. Считаете ли Вы возможным закрепить на законодательном уровне право на участие прокурора в предъявлении обвинения лицу:

а) да, по всем уголовным делам;

- судьи:	0%
- работники прокуратуры:	0%
- следователи:	5,1%
- адвокаты:	10,4%

б) да, но по определенной категории уголовных дел (сложные, «громкие» («резонансные») дела, «стражные» дела и т.п.);

- судьи:	11,1%
- работники прокуратуры:	16,7%
- следователи:	25,6%
- адвокаты:	0%

б) в этом нет необходимости.

- судьи:	88,9%
- работники прокуратуры:	83,3%
- следователи:	66,7%
- адвокаты:	90,1%

24. Считаете ли Вы возможным возложить на прокурора обязанность составления обвинительного заключения по уголовному делу:

а) да;

- судьи:	0%
- работники прокуратуры:	0%
- следователи:	20,5%
- адвокаты:	20,7%

б) да, но при участии следователя;

- судьи: 0%
- работники прокуратуры: 5,6%
- следователи: 5,1%
- адвокаты: 0%

в) да, при участии следователя, но по определенной категории уголовных дел (сложные, «громкие» («резонансные») дела, «стражные» дела и т.п.);

- судьи: 5,6%
- работники прокуратуры: 0%
- следователи: 7,7%
- адвокаты: 0%

б) в этом нет необходимости.

- судьи: 94,4%
- работники прокуратуры: 94,4%
- следователи: 66,7%
- адвокаты: 80,2%

25. Являетесь ли Вы сторонником суда присяжных, при котором меньше допускается ошибок:

а) да; необходимо увеличивать категории дел, рассматриваемых судом присяжных вплоть до районного (городского) судебного звена;

- судьи: 5,6%
- работники прокуратуры: 5,6%
- следователи: 15,4%
- адвокаты: 30,7%

б) да, но по ряду дел можно было бы сократить число жюри присяжных заседателей (2, 3, 5 и т.п.);

- судьи: 22,2%
- работники прокуратуры: 5,6%
- следователи: 15,4%
- адвокаты: 40,4%

в) суд присяжных не нужен – дела должны рассматривать коллегии профессиональных судей;

- судьи: 22,2%
- работники прокуратуры: 50,0%
- следователи: 33,4%
- адвокаты: 10,2%

г) суд присяжных не нужен – судьи должны рассматривать дела единолично;

- судьи: 55,6%
- работники прокуратуры: 61,1%
- следователи: 12,8%
- адвокаты: 0%

26. На Ваш взгляд, по уголовным делам с досудебным соглашением о сотрудничестве:

а) вероятность допущения различных ошибок увеличивается;

- судьи: 27,8%
- работники прокуратуры: 16,7%
- следователи: 10,3%
- адвокаты: 20,8%

б) вероятность ошибок уменьшается;

- судьи: 16,7%
- работники прокуратуры: 0%
- следователи: 10,3%
- адвокаты: 0%

в) количество ошибок такое же, как и по иным делам.

- судьи:	72,2%
- работники прокуратуры:	77,8%
- следователи:	76,9%
- адвокаты:	90,2%

27. На Ваш взгляд, при рассмотрении уголовных дел в особом порядке:

а) вероятность допущения различных ошибок увеличивается;

- судьи:	33,3%
- работники прокуратуры:	22,2%
- следователи:	12,8%
- адвокаты:	30,9%

б) вероятность ошибок уменьшается;

- судьи:	22,2%
- работники прокуратуры:	5,6%
- следователи:	7,7%
- адвокаты:	0%

в) количество ошибок такое же, как и по иным делам.

- судьи:	55,6%
- работники прокуратуры:	72,2%
- следователи:	79,5%
- адвокаты:	70,8%

28. На Ваш взгляд, при рассмотрении уголовных дел единолично судьей:

а) вероятность допущения различных ошибок увеличивается;

- судьи:	11,1%
- работники прокуратуры:	5,6%
- следователи:	10,3%
- адвокаты:	30,9%

б) вероятность ошибок уменьшается;

- судьи:	22,2%
- работники прокуратуры:	11,1%
- следователи:	17,9%
- адвокаты:	0%

в) количество ошибок такое же, как и по делам, рассмотренным коллегией судей.

- судьи:	77,8%
- работники прокуратуры:	72,2%
- следователи:	66,7%
- адвокаты:	0%

29. Почему судьи достаточно редко выносят оправдательные приговоры:

а) следователи демонстрируют высокое качество расследования по уголовным делам;

- судьи:	72,2%
- работники прокуратуры:	38,9%
- следователи:	69,2%
- адвокаты:	10,1%

б) оправдательные приговоры создают большие проблемы для карьеры судьи;

- судьи:	0%
- работники прокуратуры:	0%
- следователи:	25,6%
- адвокаты:	50,9%

30. Почему суды достаточно редко прекращают уголовные дела по нереабилитирующим основаниям (без учета прекращения таких дел у мировых судей):

а) следователи демонстрируют высокое качество расследования по уголовным делам;

- судьи: 44,4%
- работники прокуратуры: 27,8%
- следователи: 76,9%
- адвокаты: 10,3%

б) прекращение дел по нереабилитирующим основаниям создают большие проблемы для карьеры судьи;

- судьи: 0%
- работники прокуратуры: 0%
- следователи: 10,3%
- адвокаты: 30,6%

31. Почему судьи достаточно редко направляют дела прокурору в порядке ст.237 УПК РФ:

а) следователи демонстрируют высокое качество расследования по уголовным делам;

- судьи: 38,9%
- работники прокуратуры: 33,3%
- следователи: 84,6%
- адвокаты: 10,2%

б) возвращение дел прокурору создают проблемы в взаимных отношениях судьи и прокурора;

- судьи: 0%
- работники прокуратуры: 0%
- следователи: 17,9%
- адвокаты: 40,4%

32. Почему судьи достаточно редко признают доказательства по делу недопустимыми:

а) следователи демонстрируют высокое качество расследования по уголовным делам;

- судьи: 66,7%
- работники прокуратуры: 27,8%
- следователи: 87,1%
- адвокаты: 10,3%

б) признание доказательств недопустимыми создают проблемы во взаимных отношениях судьи и прокурора;

- судьи: 0%
- работники прокуратуры: 0%
- следователи: 7,7%
- адвокаты: 30,8%

33. Для высокопрофессионального отправления правосудия прежде, чем стать судьей, претендент на эту должность должен иметь опыт работы:

а) в следствии;

- судьи: 66,7%
- работники прокуратуры: 44,4%
- следователи: 33,4%
- адвокаты: 10,9%

б) в прокуратуре;

- судьи: 50,0%
- работники прокуратуры: 38,9%

- следователи:	10,3%
- адвокаты:	40,8%
в) в следствии и прокуратуре;	
- судьи:	55,6%
- работники прокуратуры:	83,3%
- следователи:	48,7%
- адвокаты:	40,7%
г) в адвокатуре;	
- судьи:	50,0%
- работники прокуратуры:	11,1%
- следователи:	10,3%
- адвокаты:	40,8%
д) в суде (помощник, консультант, секретарь);	
- судьи:	11,1%
- работники прокуратуры:	16,7%
- следователи:	35,9%
- адвокаты:	30,2%
е) в следствии и адвокатуре;	
- судьи:	11,1%
- работники прокуратуры:	5,6%
- следователи:	0%
- адвокаты:	10,8%
ж) в прокуратуре и адвокатуре;	
- судьи:	11,1%
- работники прокуратуры:	5,6%
- следователи:	2,6%
- адвокаты:	20,9%
з) на госслужбе, в том числе – преподавание в юридическом ВУЗе;	
- судьи:	0%
- работники прокуратуры:	0%
- следователи:	5,1%
- адвокаты:	0%
и) в любой сфере;	
- судьи:	0%
- работники прокуратуры:	0%
- следователи:	10,3%
- адвокаты:	10,7%

SAINT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Manuscript Copy



NAZAROV

Alexander Dmitriyevich

**Investigative and Judicial Errors and the Criminal Procedural Mechanism of
Eliminating them: the Conceptual Framework**

Academic Advisor: Professor, Doctor of Juridical Sciences,
Honored Lawyer of the Russian Federation

A.I. Alexandrov

Qualification: 12.00.09 – Criminal Procedure

A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements
for the degree of
Doctor of Juridical Sciences

Saint Petersburg

2017

CONTENT

INTRODUCTION	3
CHAPTER 1. ERRORS AS A PHENOMENON OF CRIMINAL PROCEDURE ACTIVITY ..	20
§1. Errors in criminal proceedings as the subject of scientific research	20
§2. The conceptual framework of eliminating errors in criminal proceedings	39
§3. Classification of errors in criminal proceedings	43
§4. The structure of the error in criminal proceedings	50
§5. Causes of Errors in Criminal Proceedings	94
CHAPTER 2. THE CRIMINAL PROCEDURE MECHANISM OF ELIMINATING ERRORS: CONCEPT AND STRUCTURE	121
§1. The criminal procedure mechanism in the system of state legal instruments for the organizational legal mechanism of ensuring the legitimacy	121
§2. The concept and the basic components of the criminal procedural error mechanism of eliminating errors	139
CHAPER 3. THE MAIN COMPONENTS OF THE MECHANISM OF ELIMINATING ERRORS AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION	145
§1. Judicial review in the mechanism of error elimination	146
§2. Prosecutorial supervision in the mechanism of error elimination	184
§3. Institutional control in the mechanism of elimination of errors	203
CHAPTER 4. MAIN COMPONENTS OF THE JUDICIAL MECHANISM OF ELIMINATING ERRORS AT PRETRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGD	216
§1. The elimination of errors through the court of the first instance proceedings	217
§2. Elimination of errors through the proceedings in the court of appeal, cassation and supervisory authorities, as well as through the resumption of the proceedings in view of new or newly discovered evidence	241
CONCLUSION	259
REFERENCES	276
ANNEXES	321

INTRODUCTION

The rationale of the thesis research.

In the modern period it is deemed essential for the state to maintain crime, which is the aim of the criminal justice system with the observance of the rights of the individual being one of the most important means of achieving this aim.

The statistical data of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation indicate that in 2016 there were 2,160,063 crimes registered in Russia, which is 228,413 fewer than in the same period last year – last year's figure (-9.6%). On the whole in Russia, the proportion of serious and very serious crimes among all registered crimes is 21.2% (457,779; last year's figure – 519,655; -11.9%). Almost half of all registered crimes (43.7%) account for the theft of another persons' property – 871,084 (-14.5%), robberies – 61,524 (-15.4%), assaults – 11 416 (-16, 3%). With the general decline in the number of registered crimes in the territory of the Russian Federation, the number of terrorism-related crimes has increased by 44.8%, extremist related crimes by 9.1%. In 2016 there were disclosed 1,189,770 crimes being under proceedings, which is 5.2% less than in the same period last year (1,254,706). There were 983,355 crimes unsolved, which is 6.1% less than the last year's figure. Of the total number of unsolved crimes, the grave and especially grave crimes accounted for 21.8% (last year's figure – 22.5%). There were 932 unsolved murders and attempted murders (-22.5%), 2,171 cases of intentional infliction of grievous bodily harm (-20.6%), 559,636 burglaries (-8.7%), 23,806 robberies (-20, 3%), 3,028 assaults (-25.2%). 962,200 crimes were not solved due to the failure to identify the person to be charged as a defendant (-6.1%), which accounted for 97.8% of the total number of unsolved crimes¹.

According to respected experts, with real crime level of 12-15 million of acts each year, a little more than 3 million, or 20-25% of actual crimes committed, are registered in Russia; for these crimes about 10% of perpetrators are found and about five out of 100 persons who actually committed crimes are sentenced to various punishments, with less than 1/3 being sentenced to imprisonment. Latent crime annually comprises about 80% or more out of the real crime (in Europe – about 50%). Every year about 7 – 8 million actual victims of latent crimes, who are law-abiding citizens, do not receive any legal assistance from the state².

¹ The current criminal situation in Russia. M., 2017. P.5-9.

² See: Luneyev V.V. The era of globalization and crime. M., 2017. p.176. The data from other scientific experts differ from the above, but in general comparable. See, e.g.: Antonyan Y.M. Criminology: textbook for undergraduate students. M., 2015. P.62-65.

The scientists of the Research Institute of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation are more moderate in the estimates of latent crime in Russia, but, nevertheless, specify in its scientific report that each year law enforcement agencies get some information of about 4 million crimes. The factitious portion of latent crime is about 2 million acts having signs of a crime but not recorded in official statistics. The registration discipline is currently one of the main factors determining the number of registered crimes. The factitious latency is used by law enforcement agencies as a 'buffer' where, depending on the situation, they 'hide' or, on the contrary, from which they get statistics on the acts having elements of a crime to be registered³.

With the small number of those alarming figures above in the background, we can responsibly say that criminal procedural activity allows for numerous violations, shortages, errors, and sometimes, unfortunately, criminal acts on the part of the subjects conducting criminal proceedings.

The Russian Federation is constantly making amendments to the legal system aimed at the qualitative transformation of how courts and law enforcement agencies exercise their criminal procedural activities.

The most important directions of these changes are improving the organization of the state bodies conducting criminal proceedings, changes in the practice of judicial proceedings in order to ensure the inevitability of punishment, strengthening the regime of legitimacy and guarantees of observance of individual rights in the administration of justice for criminal cases.

But even with all things considered, with the quality of investigation of criminal cases and trying them in the courts of the state raises concerns. The subjects conducting criminal proceedings commit a significant number of errors in the complete, comprehensive and objective investigation of all the circumstances to be established in a criminal case, violations of the provisions of the Constitution of the RF, international legal standards and the national criminal and criminal procedural law. The most dangerous thing is deemed to lie in the fact that as a result of such errors a person may be unlawfully detained, unlawfully convicted and sentenced to excessively severe penalties, including prison sentences or, on the contrary, not detained illegally, acquitted illegally or illegally sentenced to an excessively lenient punishment. The price of investigative and judicial errors becomes high when the inquirer, the investigator, the prosecutor, the court do not detect the facts of illegal methods being applied (especially physical violence, torture) in operational-search and investigative-procedural activity, as well as the provocation of crimes by law enforcement officials of the state, and take decisions legally relevant to an individual based on the material produced by illegally and through provocation.

³ Legality: Status and trends in the 2010-2014. M., 2015. P.59.

Errors committed in criminal proceedings by officials of the state undermine the public trust to justice. Constant strengthening and increasing the public trust to the administration of justice is important for normal functioning of the state institutions.

The need to minimize errors in criminal proceedings, compliance with reasonable timeframes, applying admissible evidence in proving of criminal cases predetermine the importance of studying the nature of investigative and judicial errors and generation of criminal procedure mechanisms to identify, rectify, and prevent them, at a conceptual level.

The extent of prior research of the topic.

The study of the complex issues related to the criminal policy of the state, observing the principle of legality, with organizational and legal mechanisms to identify, correct and prevent investigative and judicial errors have been conducted by the well-known legal scholars A.I. Aleksandrov, A.M. Baranov, A.D. Boykov, E.G. Veretehin, V.I. Vlasov, N.N. Voplenko, L.A. Voskobitova, L.V. Golovko, V.N. Grigoryev, V.A. Davydov, A.T. Dugin, V.V. Zolotyh, E.V. Kazgerieva, G.S. Khazinyan, A.S. Koblikov, Z.F. Kovriga, N.A. Kolokolov, Y.V. Korenevsky, A.B. Lisutkin, S.G. Olkov, I.L. Petruhin, A.B. Solovyev, N.G. Stoyko, M.E. Tokareva, S.A. Shaifer, A.A. Shirvanov, etc.

Perfecting organizational and institutional mechanisms to eliminate violations of legitimacy in criminal proceedings is still relevant. In certain periods, the study of various aspects of the above problems was carried out and reflected in a number of scientific papers by V.A. Azarov, A.S. Alexandrov, O.I. Andreyeva, A.S. Barabash, B.T. Bezlepkin, A.R. Belkin, V.M. Bykov, L.M. Volodina, K.F. Gutsenko, A.A. Davletov, V.G. Dayev, I.F. Demidov, I.S. Dikarev, Z.Z. Zinatullin, K.B. Kalinovskiy, L.M. Karneeva, A.A. Kirillova, N.P. Kirillova, N.N. Kovtun, A.A. Levy, V.Z. Lukashevich, P.A. Lupinskaya, Y.A. Lyakhov, V.N. Makhov, T.G. Morschakova, B.M. Nurgaliyev, A.D. Proshlyakov, E.M. Puchkovskaya, S.B. Rossinsky, M.K. Sviridov, N.A. Sidorova, A.V. Smirnov, I.V. Smolkova, T.V. Trubnikova, F.N. Fatkullin, A.G. Haliulin, Y.K. Jakimovich, N.A. Yakubovich, etc. These scientists have made a significant contribution to the theory of the criminal procedural law, perfecting of the legislation, law enforcement practice.

The fundamental works of the well-known scientists in the field of the criminal procedural law N.S. Alekseev, L.D. Kokarev, S.V. Kurilev, A.M. Larin, Y.K. Orlov, A.A. Piontkovsky, S.V. Poznyshchev, V.D. Spasovich, M.S. Strogovich, P.N. Tkachev, A.I. Trusov, I.Y. Foinitskiy, A.A. Hmyrov, P.S. Elkind, etc., also contained research related to the compliance with the principle of legality in criminal proceedings and preventing violations thereof.

The specific topic of investigative and judicial errors in criminal proceedings has been covered in only a few theses in the past decade. The examples are the thesis for the Doctor of

Juridical Sciences by A.A. Aubakirova ‘Investigative and expert errors when forming inner conviction’ (Chelyabinsk, 2010), theses for the Candidate of Juridical Sciences by E.I. Komarova ‘The impact of errors in pre-trial proceedings and the nature of the judicial situation on the tactics of public prosecution in the court of first instance’ (Voronezh, 2009), O.R. Idrisov ‘Powers of the cassation instance in identifying and eliminating judicial errors in Russian criminal proceedings’ (Tomsk, 2012), V.P. Kramarenko ‘Situational approach to identifying and overcoming investigation errors’ (Krasnodar, 2012).

The study of scientific works has led the author to the conclusion that the theory of criminal proceedings has not been given a conceptual analysis of the phenomenon of investigative and judicial errors, criminal procedural mechanism for their detection, correction and prevention at all stages of criminal proceedings, including with respect to the causes and conditions which give rise to these errors. The author of dissertation has attempted to fill this gap with his research, which also determines the relevance thereof.

The object of the research.

The object of the research is criminal procedure relations arising between the parties to criminal proceedings in the detection, correction and prevention of errors.

The subject of the research.

The subject of the research is the content (regularities) of criminal procedural activity, as a result of which errors occur, the organizational-legal, primarily criminal procedure mechanism for the detection, rectification and prevention of these errors in criminal judicial proceedings.

The aim and objectives of the research.

The aim of the study is, in the context of the modern criminal policy, to develop the conceptual basis of the phenomenon of investigative and judicial errors and, on this basis, to construct a criminal procedure mechanism for detection, correction and prevention of errors in criminal proceedings.

The above aim has conditioned the following tasks:

- to formulate the author's notion of the investigative and judicial error and the fundamental error in criminal proceedings;
- to develop a conceptual basis to detect, correct and prevent such errors in criminal proceedings;
- to develop and produce the structure and classifications of these errors in criminal proceedings, to conceptually analyze the causes and systemic factors thereof;
- to consider the notion and elements of criminal procedural mechanism error elimination in the system of state-legal instruments of organizational and legal mechanism of ensuring legitimacy;

- to propose the author's version of the main components of the criminal procedure mechanism of detecting, correcting and preventing errors at pretrial and trial stages of criminal proceedings.

The methodology of the research.

The methodological basis of the study is the general scientific dialectical method of cognition. This method is combined with other scientific and special methods of cognition: formal-logical, system-structural, historical and legal, statistical, etc.

To rationalize the results of the study, the author has applied the comparative law method (in the analysis of the main components of criminal procedure mechanism of eliminating investigative and judicial errors, etc.).

On the basis of empirical data, as well as his practical experience in the field of criminal justice, the author of the thesis, with the help of the above mentioned methods of scientific knowledge, has developed proposals of how to improve the institutional and legal mechanisms for detecting, correcting and preventing investigative and judicial errors.

The theoretical basis for the research.

The study has utilized the results of theoretical research in the field of philosophy, sociology, psychology, the general theory of state and law, comparative law and criminology, criminal law and criminal procedure law.

Regulatory and information basis for the research.

The study is based on the legislation of the Russian Federation, the case law of the Constitutional Court of the RF and the Supreme Court of the RF and the European Court of Human Rights, essential reference materials.

The empirical basis of the research.

The study utilizes Russian statistics data on crime, as well as annual statistical reports of the performance results of courts, prosecutors, and the pre-trial investigation, of national and regional levels for 2010-2015, processed by the author in the context of the topic of this study. In 2003-2016, the author conducted a research and acquired the data from the survey of 187 district, municipal courts and the Federation level courts judges, 218 municipal prosecutors and prosecutors of the Federation level, 254 heads of investigative agencies and investigators of municipal departments and investigation departments of the Federation level, 305 defense lawyers, conducted 'in-depth' interviews with 16 experienced judges of the Federation level courts, studied 510 archival criminal case files for various categories of crimes selected by random sampling in Krasnoyarsk, Stavropol and Khabarovsk territories, Tomsk, Leningrad region and St. Petersburg, the Republic of Khakassia and Buryatia.

The author utilized the results of his participation in Russian and international grant programs, human rights monitoring programs and sociological researches, as well as the materials of his scientific internship in the Constitutional Court of the Russian Federation, scientific and human rights internships in Germany, Austria, the USA, the UK and Israel.

The thesis reflects the long-standing human rights activity (including – experience in legal counseling practitioners in specific criminal cases) and the advocacy of the author, as well as his working experience in investigation agencies, the prosecutor's office and the court.

The academic novelty of the research.

The novelty of the study is that the conceptual basis of the phenomenon of the investigative and judicial errors has been developed by the author for the first time, and on this basis the criminal procedural mechanism of eliminating them in criminal proceedings has been developed.

In particular, the author has developed the notion of the investigative and judicial error and the fundamental error in criminal proceedings; developed a conceptual framework for elimination of errors in criminal proceedings; demonstrated the structure and classification of these errors in criminal proceedings, specifying their causes; discussed the concept and elements of the criminal procedural mechanism of elimination of errors in the system of state-legal means of the organizational and legal mechanism of ensuring legitimacy; presented his versions of the notion and structure of the criminal procedural mechanism of elimination of errors, including the main mechanisms (control and supervisory activities of eliminating errors at the pre-trial stages of criminal proceedings and the judicial mechanism of eliminating errors) and accessorial (the mechanism of self-scrutiny associated with making procedural decisions and assessing the admissibility of evidence in the activities of authorities and the mechanisms of facilitation to the elimination of errors on the part of the legal counsel and other subjects).

Special attention in criminal procedure mechanism of eliminating investigative errors is drawn to the models of "dynamic judicial control", "permanent prosecutor's supervision" and "heteropolar institutional control", developed by the author. Special rationale is provided by the author when characterizing of the models of "the active court of the first instance", "comprehensive appeal", "comprehensive cassation and supervision", "comprehensive investigative model of proceedings for new and newly discovered circumstances" developed by the author in the context of elimination of miscarriages of justice.

In addition, an important element of the novelty of the study is the special purpose of criminal proceedings, defined by the author, – the elimination of errors therein, as well as a number of proposals on amendments to the organizational and legal support of the criminal procedure mechanism of eliminating investigative and judicial errors.

The key propositions of the thesis research to be defended:

1. **The investigative and judicial error** in criminal proceedings, as a subject of scientific research, has been studied as a **phenomenon** which is expressed in the contradiction between the inevitability (naturalness) of errors and the need to counteract them and thereby leads to the issue of their eliminability.

The error (investigative, judicial) is an unreasonable or unlawful act or omission, not containing features of criminal acts, of subjects conducting criminal proceedings expressed in incompleteness, one-sidedness and biased approach to the investigation by these subjects of the criminal case circumstances, failure to observe the constitutional human and civil rights and freedoms, as well as the international fair trial standards, a substantial violation of the criminal procedure law, incorrect application of the criminal law corresponding to their subjective attitude to the purpose of criminal proceedings and its objectively hindering the statutory achievement due to the improper procedural outcome (solution) received (due to possibility to receive such result).

2. The concept of elimination of investigative and judicial errors developed in this research provides solution for a whole complex of fundamental theoretical and practical problems concerning the phenomenon of these errors requiring a doctrinal interpretation, as well as the relevant legislative and law enforcement (in view of the modern criminal policy) in order to improve the organizational and legal, including criminal procedural, error elimination mechanism. Considered together, all these elements of the system being studied (the notion of the error, its structure, classification, causes, concrete mechanisms of elimination, etc.) have amounted to a complete concept of eliminating investigative and judicial errors.

3. **The main classification** of investigative and judicial errors (along with other classifications considered in the study) is their division *according to the essential characteristic* into the following types:

a) errors manifested in incompleteness, one-sidedness and biased investigation of the criminal case circumstances;

b) errors expressed in non-observance, during criminal proceedings, of constitutional rights and freedoms of the man and the citizen, as well as international standards of criminal proceedings (the fair trial);

c) errors expressed in significant violations of the criminal procedural law;

d) error expressed in wrong application of the criminal law.

4. A new kind of investigative and judicial errors should be defined – **fundamental errors**.

Fundamental errors are non-criminal acts or omissions of subjects conducting preliminary investigation and trial of a criminal case involving a substantive violation of legitimate rights and interests of people, society and the state in criminal proceedings:

a) failure, by subjects conducting preliminary investigation and trial of a criminal case, to detect application by officials of criminal justice agencies of unlawful violence to obtain the testimony regarding the crime from ‘suspicious’ persons, suspects, the accused;

b) failure, by subjects conducting preliminary investigation and trial of a criminal case, to detect application by officials of criminal justice agencies of provocations for criminal acts in relation to ‘suspected’ persons;

c) errors by subjects conducting preliminary investigation and trial of a criminal case in collection, verification and evaluation of evidence in a criminal case, in application of the criminal law when as a result the suspect, the accused have been illegally detained (not detained), is illegally kept (not kept) in custody; the defendant has been unlawfully convicted, especially with an overly harsh sentence associated with imprisonment, unlawfully acquitted or received an excessively lenient sentence.

5. Structural (qualitatively and quantitatively) investigative errors have been found during the research with the following ranking: a) errors expressed in incompleteness, one-sidedness and biased approach to investigation of the criminal case circumstances amounted to 57.0% of the total number of errors; b) errors expressed in non-observance in the criminal trial of the constitutional human and civil rights and freedoms, as well as international standards of criminal justice (fair trial) amounted to 8.0%; c) errors, expressed in significant violations of the criminal procedural law amounted to 16.0%; g) errors expressed in wrong application of the criminal law amounted to 19.0%.

The research identified the structure of miscarriages of justice in the following ranking: a) incorrect application of the criminal law (70.92%); b) sentence injustice (3.22%); d) violation of the criminal procedural law (20.86%); e) inconsistency of the court conclusions outlined in the judgment with the factual circumstances of the case established by the court of the first instance, of the appeal, cassation instances (5.0%).

The study of the structure of investigative and judicial errors has given the author an opportunity to trace the dynamics of errors and build effective mechanisms for their forecast and elimination.

6. **The causes** of investigative and judicial errors (largely determining the criminal procedural mechanism to eliminate them) should be ranked at three levels:

– immediate causes characterizing the shortcomings in the investigation and trial of specific criminal cases (*the first level causes*);

– causes of investigative and judicial errors related to the activity of the investigator and the judge, the personality of the investigator and the judge, i.e. subjective reasons, and the

conditions in which the activity takes place, i.e. objective reasons (*the second level causes*, or ‘the causes of the first level causes’);

– factors determining the first and second level causes and related to conditions for the activities of the preliminary investigation and the judicial system as a whole in Russia (*the third level causes*).

Moreover, the causes of investigative and judicial errors are classified according to the scheme ‘the case – the investigator, the judge – investigating apparatus, the judicial system’ allowing them to be explored deeply and to scientifically substantiate the recommendations for neutralizing the effect of these causes.

7. The criminal procedural mechanism of eradicating investigative and judicial errors is associated with the implementation (predicated by the necessity) of the criminal and political strategies of prosecution (accusation) and protection of human rights and freedoms and presents a united system of the following components:

a) steps (and action algorithms corresponding thereto): detection, correction and prevention (in some cases – ‘forecasting’) of errors;

b) the main parts (separate mechanisms):

– mechanisms of preliminary investigation;

– mechanisms of the trial court proceedings;

– mechanisms of higher court proceedings.

c) special subjects, special legal status of these subjects and special legal regulation of the procedure of their activity: the head of the inquiry unit, the head of the inquiry agency, the head of the investigative agency, the prosecutor, the judge, the court of the first instance, courts of higher instances;

d) special methods of co-organization of the special subjects activity;

e) a specifically defined purpose substantially defining and unifying the whole criminal procedural mechanism or separate parts thereof (mechanisms) – detection, correction, prevention of investigative and judicial errors.

Due to its scope and significance, this goal may be put on a par with objectives of criminal proceedings, classically defined in the theory of criminal procedural law, – establishing the truth in a case, the protection of the victim of a crime, identification and just punishment of the guilty, rehabilitation of the innocent, general and special prevention, etc.

8. The criminal procedural mechanism of eradicating investigative and judicial errors is divided into two main mechanisms, specifically addressing the error elimination, and two accessory mechanisms, not specifically designed but facilitating the elimination of errors.

The main mechanisms:

- a) The mechanism of control and supervisory activities of error elimination at the pre-trial stages of criminal proceedings.
- b) Judicial mechanism of error elimination.

The accessorial mechanisms:

- a) The self-scrutiny mechanism associated with the adoption of procedural decisions and assessing the admissibility of evidence in the activities of authoritative subjects.
- b) The mechanism of facilitation to error elimination on the part of the defense lawyer and other subjects.

The mechanism of control and supervisory activities for error elimination at the pre-trial stages of criminal proceedings includes judicial review, the prosecutor's supervision and institutional control.

The judicial mechanism of error elimination consists of judicial review of the criminal case and judicial supervision.

The judicial review of the criminal case comprises adjudicating the case and its resolution on the merits in the court of the first instance and appeal instance. Moreover, judicial examination in the trial court does not have a specifically defined (assigned) goal of eliminating errors meaningfully defining and co-organizing all activities at this stage of proceedings (although objectively supposing identifying, correcting and preventing errors).

Judicial supervision is a review by higher courts of judgments of lower courts under cassation procedure, supervisory procedure (judicial inspection), with the higher court providing clarifying directives to lower courts and other law enforcers on the issues of criminal proceedings. Reopening cases due to new and newly discovered circumstances is also connected with judicial review.

Accessorial mechanisms (though they are essential) are sort of 'embedded' in the criminal procedural activity in general and may therefore only be considered as conditions facilitating the normal conduct of criminal proceedings through inner self-scrutiny (self-test) or external participation (assistance), including in the framework of the main mechanisms.

9. **The mechanism of controlling and supervisory activity** in the elimination of investigative errors in Russian pre-trial proceedings in criminal cases is notably different from similar mechanisms in other states, which is reflected in the following:

- the distribution between the judiciary, the prosecuting authorities and the bodies of inquiry and investigation functionally homogeneous for each of these bodies supervisory authority: for judicial review, the prosecutor's supervision and departmental (in fact, intra) control, respectively; – the interdependence and complementarity of judicial review of prosecutorial

supervision and institutional control (functional and object relationships); – the procedural independence of the supervisory authority : full – court, a relatively complete – prosecution and investigation authorities, limited – the bodies of inquiry.

The specificity of this mechanism is determined by the technical features of the organization (which is continental according to its historical form) of Russian pre-trial proceedings as a whole. In contrast to the German type of such organization, Russian pre-trial proceedings do not have the prosecutorial sovereignty over the investigation and is characterized by the separation of functions between the inquiry and the preliminary investigation, the prosecutor's supervision over the whole investigation and the prosecutor's sovereign guidance only of the inquiry. In contrast to the French type, they do not have judicial preliminary investigation, which is structured on the principle of instances (with no prosecutorial control and almost complete absence of external judicial control). So, there is every reason to speak about the Russian form of the organization of pre-trial proceedings and, consequently, of its corresponding specific Russian error recovery mechanisms, the development of which should be carried out in the framework of the three models: the "dynamic of judicial control", "permanent prosecutor's supervision" and "heteropolar institutional control".

10. The notion of **judicial review** only applies to the verification activities of the court at pre-trial stages of criminal proceedings and listing of the court hearing. Judicial review applies to a relatively limited number of investigative and other procedural actions and reduced to the judicial review of the legality and validity of these actions affecting the constitutional rights of an individual.

Based upon the provisions of the Constitution of the RF, the study has identified **three main types of judicial review** at pre-trial stages of criminal proceedings and names them (with a certain degree of conditionality) ‘**arrest control**’, ‘**procedural control**’ and ‘**complaints control**’.

The judicial review in the criminal trial (in the context of the error elimination) is developed in the study as ‘a model of dynamic judicial review’ of the pre-trial proceedings, i.e. a model that is constantly being improved and is procedurally significant to ensure observance of the constitutional human and civil rights and freedoms in criminal proceedings. This model will:

– expand the jurisdiction of judicial review by introducing new types thereof: ‘evidence deposit’, i.e. legalization of a limited, and in clearly defined cases, number of certain evidence at pre-trial stages, and ‘pre-trial supervision’, i.e., especially significant for proof and hearing of a criminal case on the merits, control activities at the stage of listing of the court session (determining at the preliminary hearing decisions with regard to a preventive restrictive measure for the

defendant, admissibility of evidence collected in the case, jury trial, a panel of three judges, a single judge, under a special procedure, etc.);

- toughen the requirements for ‘arrest’ control (collecting, checking and evaluation of specifically *evidence* with regard to the reasonableness of the suspicion of the suspect and the accused in the acts incriminated and his conduct in the course of criminal proceedings);

- reform the ‘procedural’ control and ‘complaints control’: transfer from the court to the prosecutor some review and supervisory powers, thus reinforcing the existing control – the original ‘public prosecutor's approval’ of investigative and other procedural actions provided for in Art. 165 of the Code of Criminal Procedure of the RF, with the possibility of further appeal the prosecutor’s decisions with regard to these matters to the court in compliance with Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation;

- not limit the effect of ‘the control over complaints’ (for example, will allow to appeal the decision to prosecute a defendant and so forth.).

The study proposes to reform the current judicial review in accordance with the developed ‘model of dynamic judicial review’ over pre-trial proceedings, as well as to improve the organizational structure of judicial activities in the preliminary investigation control (primarily, a certain separation of these judges from federal judges hearing criminal case on the merits, as well as under appeal procedure).

11. In the context of eliminating errors the author has developed a ‘**model of permanent prosecutorial supervision**’ over initiation of criminal cases and their preliminary investigation: the permanence involves continuous (constant) procedural control over the implementation of the criminal prosecution by the prosecutor.

This model includes a number of features: *an objective necessity and historical conditionality of the prosecutor's supervision; non-departmental and comprehensive prosecutor's supervision; permanence of prosecutorial supervision granting the prosecutor the powers of the head of criminal prosecution; ‘pretrial’ nature of prosecutorial supervision and restrictions for the prosecutor in a limited range of final decisions.*

‘**The model of permanent prosecutor's supervision**’ has a priority in control and supervisory activities during pre-trial proceedings in a criminal case. It effectively allows one to implement strategies of criminal prosecution and protection of human rights. As the leader of the prosecution, the prosecutor should have, in addition to the ones already granted to him, power and authority to initiate such prosecution, to overrule all illegal decisions of the investigator, to prolong the preliminary investigation, to approve (as a guarantee of legitimacy) the implementation of procedural actions, encroaching on constitutional rights and freedoms of the man and the citizen, to press final charges to a person, to terminate the criminal prosecution, and so forth.

Under this model of the prosecutor's supervision, it is possible to legislatively transfer some powers of the court at the pretrial stages of criminal proceedings to the prosecutor.

12. The definition ‘**institutional control**’ is presented as two important components thereof: **procedure control** regulated by the provisions of the Code of Criminal Procedure of the RF and **other institutional control** regulated by departmental regulations and established practice, including the organizational and administrative management of the investigator activity.

The institutional control over initiating criminal cases and preliminary investigation (in the context of error elimination) is shown through the ‘**model of heteropolar institutional control**’ as specific control and surveillance activities with various formats of such control at the low (city, district and settlements equivalent thereto) and high (Federation subject and the ones equivalent thereto) levels of investigative activity.

Heteropolar nature of such institutional control implies including elements of mentoring and personnel training with them being implemented under the supervision of the prosecutor's office and expressed in the procedural and administrative activity of the head of the investigative agency.

Institutional control (along with the prosecutorial supervision) operates permanently throughout pre-trial proceedings. At the low level of investigative units it allows the seniors of investigative agencies to totally control criminal procedural activities of investigators (especially of those who are just beginning their investigatory careers). At other (higher) levels of investigative agencies it allows to reasonably combine (without ‘total control regime’) institutional control with the procedural independence of the investigator. Moreover, institutional control interacts with judicial supervision and the prosecutor's supervision and depends on them to a certain extent.

It is only under such conditions that **institutional control** may:

- successfully identify, correct and prevent errors in the pre-trial investigation;
- minimize the risk of their own errors (errors of the heads of investigative agencies);
- to achieve the strategic objectives of criminal prosecution and protection of the human rights.

13. The judicial mechanism of eliminating errors in Russian criminal proceedings at trial stages which has a number of general and special features:

- the judicial review in the trial court is distributed between professional courts and jury courts (with the general jurisdiction of the former and narrow of the latter);
- the functional homogeneity of the whole judicial review in all courts of the first instance (except for the judge-professional in the jury court not having the duty to take a decision on the fact of guilt of the defendant and the judge-professional in the hearing under a special procedure not having the duty to directly examine the evidence confirming the guilt of the defendant);

- the investigation activity of all judges-professionals when exercising the judicial review in the trial court (equal – under the general procedure of trial and in the jury trial, limited to the study of written materials of the case for all issues and the possibility of direct examination of evidence only for punishment issues – under the special procedure of judicial consideration);

- the possibility of full appeal under the procedure of judicial review in a court of the second instance;

- functional division of judicial review in the court of the second instance into cassation, supervision and renewal of cases due to new and newly discovered circumstances;

- functional homogeneity of cassation and supervision;

- revision procedure for all types of review of the trial court decisions;

- the binding force of guiding explanations of the court of a higher instance.

The peculiarity of judicial review and judicial supervision in Russian criminal proceedings is determined by the characteristics of the technical organization (continental due to the historical form thereof) of Russian judicial proceedings. However, it mainly concerns the jury court and the role of guiding explanations of the highest court (if not to take into account, most likely temporary, coexistence of two homogeneous functions – cassation and supervision). Overall, therefore, the construction of Russian judicial proceedings has significant similarities to the classic continental model with its inherent mechanism of eliminating errors, the development of which should be carried out in the framework of the following models: ‘the model of the active first instance court’, ‘the model of comprehensive appeal’, ‘the model comprehensive cassation and supervision’, ‘a comprehensive investigation model of proceedings for new and newly discovered circumstances’.

14. This thesis research focuses on the fact that the court of the first instance administering justice in criminal cases in the usual ‘regular’ regime with adherence to the procedural norms and principles of criminal proceedings has all procedural possibilities under the current legislation to strictly fulfill the purpose of criminal proceedings, including at the same time, if necessary, to achieve the special purpose of criminal proceedings – to identify, correct and prevent investigative errors.

The administration of justice in criminal cases is presented in the study (in the context of the elimination of errors) by ‘**the model of active court**’ where both the court itself and the prosecutor are active in the complete, comprehensive and objective establishment of the material truth in a criminal case using the provided by the criminal procedural law powers for declaring evidence inadmissible, determining acquittals, referring a criminal case to the prosecutor in accordance with Art. 237 of the Code of Criminal Procedure of the RF, etc. This model is focused on the priority of the collegial hearing of the criminal case by a jury court or a panel of professional judges (in the first place – for particularly complex, with many elements, high-volume cases),

hearing under the ordinary, not special, procedure with audio-video recording of the trial. It is this 'model of the active court' that will allow, firstly, to minimize the number of judicial errors and, secondly, to efficiently and effectively detect, correct and prevent investigative errors.

15. In the context of elimination of errors the dissertation study has developed a '**model of comprehensive appeal**'.

In this model:

- all witnesses presented to the court by the parties of criminal proceedings are to be questioned during the court hearing;

- all the motions of the parties are to be reasonably, lawfully and justly adjudicated.

The author of the study has rationalized his proposal to transform the second instance in accordance with the developed 'model of comprehensive appeal'.

16. The author has developed '**a model of comprehensive appeal and supervision**' which includes the following essential elements:

- the possibility of the supervisory-cassation proceedings to be initiated not only by the parties to a criminal trial, but by the presiding judges (deputy presiding judges) of the courts of the Federation subjects and the courts corresponding to their level and the Supreme Court, with respect to the specificity of supervision and control proceedings, designed to consider not 'questions of fact' but 'questions of law', moreover, questions of fundamental violations of the law;

- the duty of officials involved in the orbit of the supervisory-cassation activities (experts, assistant judges, the judges of the Federation subject courts and the Supreme Court of the Russian Federation) to study not only the cassation and supervisory complaints and petitions from the parties and materials attached to these petitions, but criminal cases too, including the audio-video recordings of the hearings of the case.

- the duty of judges to make their final 'exemption' decisions reasonably: for every argument of the complaint submitted by the participants of the trial to give detailed arguments based on the materials of criminal cases studied.

The study proposes to implement all the elements of their 'comprehensive model' in the existing cassation and supervision.

17. In the study there has been developed '**a comprehensive investigation model of proceedings for new and newly discovered circumstances**' implying a broad definition of 'new circumstances' (any judicial errors which led to an unjust judicial decision, including ignoring of the evidence collected in the case, an erroneous assessment thereof, incorrect application of the criminal law) and allowing the investigation procedure of checking the new circumstances in the case.

It is proposed to reform the existing procedure for new and newly discovered circumstances in accordance with its 'comprehensive investigative model'.

The theoretical value of the research.

The theoretical value of this research is determined by the fact that this research has solved a whole complex of legal problems associated with the concept of correcting errors in criminal proceedings; developed a scientific basis for defining the notion of the error (investigative, judicial) and the fundamental error in criminal proceedings; studied the strategic issues of the criminal procedure policy in the context of the organizational-legal mechanism of eliminating errors in criminal proceedings, with the results having contributed to the development of regulatory guidance on the identification, prevention and correction of errors in the framework of the criminal procedure mechanisms proposed by the author.

The practical value of the research.

The practical value of the research is that the provisions, conclusions and recommendations rationalized therein may be applied (taken into account) in practical and legislative activity and when reforming Russian criminal judicial proceedings.

Testing and implementation of the research results.

The results of the research are reflected in monographs, textbooks and other scientific publications of the author of the thesis.

Certain provisions of the thesis were presented by the author at the meetings of the Departments of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg State University and the Siberian Federal University, Department of Criminal Procedure, Prosecutorial Supervision and Law Enforcement Research of Tomsk State University, as well as at international, national and regional research and practice conferences.

The materials of the dissertation research were used during theoretical and practical sessions with judges, prosecutors, investigators, lawyers. They have been introduced in the educational process of Siberian Federal University Law Institute, the Institute of Further Training of Lawyers of the Bar of Krasnoyarsk Territory within the courses "Criminal proceedings" and "Law enforcement authorities", the special courses "The investigating errors in criminal proceedings", "Application of evidence obtained in the course of operational search activities".

The methodical recommendations of the author, and his colleagues at the department of criminal procedure and criminalistics of the Law Institute of Siberian Federal University, associated with the detection, correction and prevention of errors by investigators have been sent to the Main Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in Krasnoyarsk Territory, the Chief Investigation Department of the Main Directorate of the Russian

Interior Ministry in Krasnoyarsk Territory for study and practical application by the investigators of the territory.

The structure of the thesis.

The thesis consists of an introduction, four chapters, divided into paragraphs, conclusions, consistent with the aims and objectives of the research; bibliography and a separate volume of appendices.

CHAPTER 1. ERRORS AS A PHENOMENON OF CRIMINAL PROCEDURE ACTIVITY

§1. Errors in criminal proceedings as the subject of scientific research

If we make a brief historical review, we may see that it was a certain group of scientists-processualists who fundamentally addressed the definition and research of investigative and judicial errors in criminal procedure science.

Specifically, in the 19th century, edited by the well-known Russian scientist and expert in criminal law and criminal procedure P.N. Tkachev, there was a book on miscarriages of justice published, which was presented as the guidance for the jury. Having analyzed the nature of judicial errors and their typical features, the authors of this book made a number of findings significant for the objectives of this study, which we shall bear in mind hereafter:

- if there is 'one out of fifteen chance to be wrongfully convicted', then 'we are forced to acknowledge the great wisdom of the old saying: it is better to forgive ten guilty persons than to convict one who is innocent;

- a commutation of sentence may be applied as a compensation for the error (it is no coincidence that the authors were against the death penalty, again, because of the probability to commit a miscarriage of justice);

- collegial criminal case hearing mitigates the risk of error⁴.

In the seventies of the twentieth century in the Federal Republic of Germany, the fundamental work on errors was written by the famous German jurist Carl Peters. In his study, the researcher analyzed the sources of errors in criminal proceedings and concluded, which is important for the objectives of our study, that errors are unavoidable in criminal cases and repeat constantly⁵.

At the same time in the Soviet Union, for the first time ever, a large group of well-known legal scholars of the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences (M.A. Avdeev, V.G. Alekseev, G.Z. Anashkin, A.D. Boykov, Y.A. Lukashov, K.S. Makukhin, T.G. Morschakova, with team leaders being V.N. Kudryavtsev and I.L. Petruhin) conducted academic research of miscarriages of justice.

⁴ Judicial errors dedicated to jurors / Ed. P.N. Tkachev. - St. Petersburg: Publishing of Y. Lukanin and Co. - Vol 1, 1867. P. 2, 4, 81.

⁵ Peters K. Fehlerquellenim Strafprozess: Eine Untersuchung der Wiederaufnahmeverfahren in der Bundesrepublik Deutschland. 3 Baende. Mueller, Karlsruhe, 1970-1974.

The scope of the study is impressive: the researchers analyzed the judicial statistics of several decades, starting with the 1830s; using a specially designed questionnaire survey, they interviewed nearly one-third of all the judges of the USSR and more than 2,000 convicts; applying specially composed forms, they studied over 1700 criminal archive files; they applied the most advanced contemporary ways of processing information.

The research results were presented in a number of fundamental monographs, including those classified 'for official use only': so unexpected were the results and recommendations of the jurists with regard to the eradication of errors in judicial activity⁶. Indeed, the acute, which was unusual for the Soviet time, nature of the research caused the ban on the public distribution of these works. The political leadership of the country did not accept the results of the research; scientific works of these scientists did not become the guidance for judges, prosecutors, and investigators.

The researchers showed the prevalence, structure, and dynamics of miscarriages of justice, ways of the elimination thereof. The scientists studied how the efficiency of justice was influenced by social and psychological factors, the scientific organization of labor in People's Courts, the characteristics of judicial personnel, the criminal policy, rulings of higher courts, positions of the prosecutor's office and legal representatives⁷.

The fundamental study of miscarriages of justice carried out by the scientists of the Academic Institute paved the way to an important breakthrough in the theory of the efficiency of justice and the evaluation of the quality of the criminal trial⁸. However, it should be noted that the research paradigm put the trial judge of the first instance in a position dependent on the discretion of higher courts judges: it was superior judges who were allowed to officially identify a miscarriage of justice by subordinate judges. These scientists specified the trend to further research the efficiency of justice, which was continued in scientific researches, for example, of the effectiveness of investigation activities⁹.

⁶ Efficiency of Justice and the Issue of Eliminating Judicial Errors / M.I. Avdeyev, etc.; Ch. Ed. V.N. Kudryavtsev; M., 1975. P.1. 298 p.; Efficiency of Justice and the Issue of Eliminating Judicial Errors / M.I. Avdeyev, etc.; Ch. Ed. V.N. Kudryavtsev; M., 1975. P.2. 299p.

⁷ Anashkin G.Z., Petruhin I.L. Efficiency of Justice and the Issue of Eliminating Judicial Errors // The Soviet State and Law. 1968. №8. P. 59.

⁸ Issues of the Efficiency of Soviet Criminal Proceedings. Collection of articles under edit. by F.N. Fatkullin. Kazan: Kazan University Publishing House, 1976. – p. 160; Strogovich M.S., Alekseeva L.B., Larin A.M. Soviet Criminal Procedure Law and the Issues of its Efficiency. M.: Publishing House "Nauka", 1979. - 320 p.; Petruhin I.L., Baturov G.P., Morschakova T.G. Theoretical Basis of Effective Justice. M.: Publishing House "Nauka", 1979. - p. 392; Morschakova T.G., Petruhin I.L. Evaluation of the Quality of the Trial (in Criminal Cases). M.: Publishing House "Nauka", 1987. - 239 p.

⁹ See: Shaifer S.A. Investigative Actions. The system and the Procedural Form. M.: Jurid. Lit., 1981. P.94-111 .; Shafer S.A. Collection of Evidence in the Soviet Criminal Proceedings: Methodological and Legal Issues. Saratov: Saratov University Publishing House, 1986. P. 143-152.

In the late 80's - early 90's of the last century, a study of investigative and judicial errors was conducted by scientists under the auspices of the All-Soviet Union Research Institute of the General Prosecutor's Office of the USSR¹⁰. It was a large-scale study applying special techniques and involving administrative resources of the Prosecutor General of the USSR. It was natural that only some fragments of this departmental research were open to public academic publication.

The current stage of scientific study of judicial errors is characterized by the expansion of the subject area of their occurrence and individual manifestations: investigative and judicial errors are studied in the context of and in conjunction with expert and forensic errors. For example, scientists address errors, both organizational and tactical, associated with investigation planning, developing leads, assigning a group of investigators to the case, conducting urgent (initial) investigation, the use of technical means, criminal records etc.¹¹ In the context of the procedural peculiarities of investigative and judicial errors, the study of expert and forensic errors, as well as immediate search activity errors, psychological, administrative and other errors, is overdue; however, such errors should be subject to independent research.

Thus, historically rooted nature and characteristics of investigative and judicial errors allows us to further substantiate some conceptual approaches to the study of this legal phenomenon.

Any error in common usage meaning is an irregularity, an inaccuracy, a defect, a lapsus, a flaw, a blunder, a wrong thought, a wrong or false step, a wrongful act or omission, etc. In dictionaries of the Russian language the error is defined as an inaccuracy in the actions, activities, sayings, thoughts¹².

The error is a multidimensional phenomenon which occurs in absolutely all areas of practical and intellectual activity. Scientific approaches to understanding the error are different: it all depends on what area the phenomenon is considered in - in philosophy (epistemology), sociology, psychology, law, medicine, etc.

To define the notion of error in criminal proceedings in the theoretical aspect, the author primarily relied on the research of scientists who do not associate the error with a criminal activity.

¹⁰ Methodology and Methods of Studying Investigative Errors. Collection of scientific papers. Moscow, 1986. 147p.; Issues of Consolidating Legality and Eliminating Investigative Errors in Criminal Proceedings. Collection of scientific papers. Moscow, 1988; Materials of national research and practice conference on "Investigative Errors, their Causes and Ways of Eliminating them." Alma-Ata, 1989; The Nature, Causes and Ways of Eliminating Errors at the Preliminary Investigation Stage. M., 1990; Identification and Elimination of Errors when Hearing a Criminal Case: resource book / Ch. Ed. A.D. Boykov. M., 1990.

¹¹ Ischenko E.P. Organizational-Tactical Errors at the Initial Stage of Criminal Investigation // Organizational-Tactical Issues of Crime Investigation: inter-university collection of articles. Krasnoyarsk, 1990, pp. 35-43.

¹² Dictionary of the Russian Language / ed. D.I. Ushakov. V. 2. M., 1938. P. 1088; Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. M. 1987. P. 419.

The theory of errors is a part of the theory of management¹³. Researchers interpret the error as the result of actions committed inaccurately or wrongly, contrary to the plan, but, most importantly, that the result obtained does not correspond to what was intended or planned. The error is viewed from the perspective of the activity theory, where it is a fact of practice. The error involves the comparison of the result and the process which led to an erroneous result, because such erroneous result was achieved despite the aspirations of the subject which had been aimed at a positive result.

Thus, a very important issue for defining the error in criminal proceedings in our research is that the subjects conducting criminal proceedings in their activities aim at a positive result, but for various reasons the result is ultimately an erroneous one.

The cause of errors occurrence is inherent in the subject's activities, both physical and intellectual. For a person, any activity is a form of activity aimed at a result-oriented transformation of the world. The purpose of activities depends on the needs of the individual or the society. The main stages of activity, according to him, are: perception of the activity as a motive; assessment of the present situation; defining objectives; development of the solution as a chain of successive transformations of the present situation to the target situation; choice of means of the activity; implementation of the decision.

It is at the last stage, the implementation of the decision, that errors occur. This is primarily due to the inability to fully assess the present situation when choosing means of activity. The subject initially sets a wrong chain of successive actions, which leads to the occurrence of the result which is non-positive for him¹⁴.

The approach presented above is generally accepted in the academic community or, at least at the level of general ideas, does not raise any objections.

For example, one of the most prominent jurists in criminal procedure science, I.Y. Foyntitskiy, wrote: 'Both criminal and civil proceedings seek to achieve the correct decision on the case ..., with the foundation being general logical approaches to discovering the truth'¹⁵. Another distinguished jurist studying criminal proceedings, Professor M.S. Strogovich, related reaching the correct decision on the case to the process of proof (investigation of the facts, circumstances of the criminal case), i.e. their study carried out applying the evidence¹⁶.

Criminal procedural proof is a special kind of social cognition with a predetermined algorithm. The subjects conducting criminal proceedings, the legal representative have to obtain

¹³ Drobot P.N. Theory of Errors and Processing of Assessment Results: study guide. Tomsk: TUSUR publishing house, 2011.

¹⁴ Strelkov J.K. Engineering and Professional Psychology. M.: "Academy", 2001. P. 46-57.

¹⁵ Foyntitskiy I.Y. The Course of Criminal Proceedings. In 2 v. V. 1. St. Pb., 1996. P. 6.

¹⁶ Strogovich M.S. The course of the Soviet Criminal Procedure. In 2 v. V. 1. M., 1968. P. 295-296.

the necessary knowledge of the circumstances related to the review of the information on a socially dangerous act. This process follows the general laws of cognitive activity, including at the empirical level of knowledge, in certain forms: sensitive and rational. On the basis of a special psychological connection of the object to the subject of knowledge, it includes sensation, perception, conception, memory, theoretical and practical thinking¹⁷.

Obviously, such process, when it is subject to general 'cognitive' laws and conducted in accordance with the established legal procedure, may be called properly organized and leading to the correct result.

To put it differently, properly organized proving (and wider - criminal procedural activity) allows us to avoid an erroneous result and thereby achieve the correct result.

The correct result (in the above sense) of criminal proceedings is generally understood as the truth, the question of the establishment and nature of which is disputable in the science of law.

If we do not take into account the worldview attitudes of the authors and their shared legal values, the differences in the approach to the issue are as follows. A significant part of researchers believe that the truth in court proceedings may be fully perceived. Others deny the opportunity to completely establish the truth judicial activity¹⁸. It should be noted that interest in the question of the truth in the legal literature is not diminishing. This is evidenced, for example, by the discussion held previously in the journal 'Criminologist Library'¹⁹ with regard to the presentation of the draft law on the introduction of the institute of establishing the objective truth in the criminal case²⁰ prepared by the Investigative Committee of the Russian Federation for the attention and scrutiny of the academic community and practitioners.

Leaving aside the concrete arguments provided by the panelists (serious enough on both sides), it should be noted that, in one way or another, all scientists expressed (pronounced, took into account) their concerns regarding a large number of errors made by inquiring officers and investigators in practice.

Anyway, no doubt, this discussion implies that irregularities in the establishment of the truth in a criminal case (in whatever form it is considered by different scientists) can lead to errors in law enforcement.

¹⁷ Belkin A.R. The Theory of Proof in Criminal Proceedings. M., 2007. P. 12.

¹⁸ The problem of the truth in the criminal proceedings has been studied and is still being studied by many legal scholars. See, for example: Strogovich M.S. Material Truth and Forensic Evidence in the Soviet Criminal Proceedings. M.: Publishing House of the Academy of Science of the USSR, 1955. P.114-228; Strogovich M.S. Selecta: in 3 volumes, V 3. Theory of Forensic Evidence. M.: Nauka, 1991. P.16-27.; Volodina L.M. Issues of Criminal Proceedings: law, theory, practice. M., 2006. P.209-226.; etc.

¹⁹ Criminologist Library. 2012. № 4.

²⁰ On amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the introduction of the establishment of objective truth in a criminal case: Federal Bill. See.: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=440058-6&02>

In this regard it should be noted that, on the one hand, human activity due to various reasons is objectively impossible without making mistakes²¹. However, on the other hand, the phenomenon of errors lies in the fact that, despite their eternal presence, the human activity in its ideal form should seek to minimize errors, including in the area of criminal procedure law relations. Only such criminal procedure activity may be seen as correctly organized (normal), in full compliance with the fundamental principle of criminal proceedings – the principle of legality (Article 7 of the Criminal Procedure Code of the RF). That is why errors committed at pre-trial stages (investigative and judicial) and errors committed during the trial stage (miscarriages of justice) are a deviation from this principle²², mean disorganization of criminal procedure activity, entail (or may cause), from the legal point of view, wrong (erroneous) results and/or other incorrect (erroneous) implications. According to the figural expression provided by M.S. Strogovich, ‘... the right to an error is implied neither in legal nor in ethical respect. There were judicial errors in the past, there are some now, and we have to take into account the probability of errors in the future. But judges do not have the right to an error, as well as investigators and prosecutors do not have the right to an error during the investigation and resolution of criminal cases, there was no such right before, there is no such right now and will not be in the future. ... ‘The right to an error in criminal proceedings is an immoral, licentious idea, and it can only cause further violations of the law and morality’²³.

The criminal procedure legislation does not apply the terms ‘investigation error’, ‘miscarriage of justice’, or ‘judicial error’. The academic literature and the practitioners of criminal justice agencies when referring to the preliminary investigation errors and errors of the court use many terms: ‘preliminary investigation omissions’, ‘preliminary investigation gaps’, ‘preliminary

²¹ It is not without any reason the phrases like "those do not make mistakes who do not do anything", "everyone has the right to be wrong", etc. have gained common daily usage.

²² This is directly specified by the researchers of the principle of legality in criminal procedure. See: Issues of Judicial Ethics / edited. M.S. Strogovich. M., 1974. P. 88; Tokarev M.E. Modern Problems of Legality and the Prosecutor's Supervision at Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings: dis. for Doctor. Jurid. Sciences. M., 1997; Baranov A.M. The Legitimacy in Pre-Trial Proceedings: dis. for Doc. Jurid. Sciences. Omsk, 2006; Baranov A.M. Ensuring Legitimacy in Pre-Trial Criminal Proceedings: Monograph. Omsk: Omsk Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006; Gladyshev O.V. Justice and Legality in Criminal Proceedings of the Russian Federation: abstract of diss. for Doc. Jurid. Sciences. Krasnodar, 2009; etc.

²³ Strogovich M.S. The right of the accused to defense and the presumption of innocence. M., 1984. P.33.

investigation disadvantages'²⁴, 'errors'²⁵, 'investigative errors'²⁶, 'judicial errors'²⁷, 'violation of the law'²⁸, 'violation of the norms of the law' (procedural and substantive), including 'substantial violations...', 'criminal procedural violations', 'deviation from the norms of law', 'procedural errors'²⁹, 'misperception'³⁰, etc. Without a doubt, these concepts are ambiguous. However, in general terms they may all be classified as two types of errors identified above: investigative errors, i.e. errors committed within pre-trial proceedings, and judicial ones, i.e. errors committed at the trial stages and at the stages of pre-trial proceedings when exercising judicial control.

During preliminary investigation there is a variety of investigative errors committed in relation to gaps in the preliminary investigation (one-sidedness, diminution, bias investigation of the case circumstances) and to the application of substantive and procedural legislation.

Other investigative errors are the ones made by the investigator not at pre-trial stages but during the investigation with regard to new or newly found circumstances (Articles 413 - 419 of the Code of Criminal Procedure of the RF). In the course of such investigation there can be carried

²⁴ It is the term "defects" that is used in art. 221 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation to refer to the preliminary investigation errors revealed by the prosecutor.

²⁵ Yakushin V.A. The error and its impact on the guilt and responsibility under the Soviet penal law. dis. for cand. Jurid. Sciences. Kazan, 1985; Lisutkin A.B. Methodological issues of studying the category of "error" in Law / A.B. Lisutkin; Ed. N.I. Mazutova; Min. of Education of the Russian Federation, Saratov State Acad. of Law. Saratov: CGAP, 2001; Fatkullina M.B. Legal and factual errors in criminal law: Problems of qualification. dis. for cand. Jurid. Sciences. Ekaterinburg, 2001; Kolosovsky V.V. Errors in qualifying of criminal acts. dis. for cand. Jurid. Sciences. Chelyabinsk, 2003; Klimchuk V.P. Errors in the completion of the preliminary investigation and criminal procedural remedies for them. dis for cand. Jurid. Sciences. M., 2003; A.N. Pronkina Errors of legal representatives in criminal proceedings. dis. for cand. Jurid. Sciences. Voronezh, 2006; Bezrukov T.I. Factual error: classification and qualification questions. dis. for cand. Jurid. Sciences. Ekaterinburg, 2008.

²⁶ Morozova E.V. Criminalistic issues of investigation errors: dis for cand. Jurid. Sciences. Ekaterinburg, 2004; Tsvetkov S.I. Tactical errors of investigators, indicating and using them by the defence lawyer during the preliminary investigation and in court // Tactics, technique and strategy of professional defence. Ekaterinburg, 2002; Aubakirova A.A. Investigative and expert errors when forming inner conviction: dis for Doc. Jurid. Sciences. Chelyabinsk, 2010. Subsequently, this author published a paper on intellectual errors of the expert: Aubakirova A.A. Intellectual errors of experts when forming inner conviction. M. Jurlitinform, 2012.

²⁷ Idrisov O.R. Powers of the cassation instance in identifying and eliminating judicial errors in Russian criminal proceedings. Abstract of dis. for cand. Jurid. Sciences. Tomsk, 2012; Baturina N.A. Causes of judicial errors and procedural means to prevent them in civil proceedings. Abstract of dis. for cand. Jurid. Sciences. Saratov, 2010; Golubeva M.L. Judicial error: theoretical and applied analysis: Dis for Cand. Jurid. Sciences. N-Novgorod, 2009; Terekhova L.A. The right to correct a miscarriage of justice as a component of judicial defence: Dis for Doc. Jurid. Sciences. Ekaterinburg, 2008; Scherba A.A. Participation of a legal counsel in the prevention and correction of judicial errors in criminal proceedings: dis. for cand. Jurid. Sciences. M., 2007; Krasil'nikov B.V. Miscarriage of justice in a civil case as consequence of imperfection of substantive and procedural law: dis. for cand. Jurid. Sciences. M., 2002; Leontiev E.V. Miscarriage of justice in the civil process: concept and characteristics // Contemporary issues of civil law and procedure. Novosibirsk, 2002; Afanasyev V.V. Miscarriage of justice / V.V. Afanasyev, Ministry of Education of the Russian Federation, Yaroslav. State. Univ. named after P.G. Demidov, Yaroslav: Yaroslav. State. Univ., 2000.

²⁸ Shirvanov A.A. Violation of the law in the criminal proceedings of the Russian Federation and its legal implications: dis. for Doc. Jurid. Sciences. Moscow, 2005.

²⁹ Popova O.A. Criminal procedure and organizational-tactical errors at the preliminary investigation stage and ways to prevent and eliminate them: dis for cand. Jurid. Sciences. Volgograd, 2006.

³⁰ See: Kuznetsov A.S. Misconception: logical-epistemological aspect: Abstract of dis. for Cand. Jurid. Sciences. Saratov, 2001; Sorokin B.F. Delusion as an issue of theory of cognition / B.F. Sorokin, Min. of General and Prof. Education of the Russian Federation, Orlov. State. Univ. Orel, 2004, etc.

out interrogations, examinations, expert examinations, seizures and other necessary investigative actions.

Errors at the pretrial stages of criminal proceedings are committed by the officials of inquiry agencies (errors of the inquiry officer, the chief of the inquiry unit, the head of the inquiry agency); investigative authorities (errors of the investigator and the head of the investigative agency); the Prosecutor's Office (errors of the prosecutor, his deputies and assistants), the court (errors of the judge when exercising judicial review).

In our study, the errors of the inquiry officer (the chief of the inquiry unit, the head of the inquiry agency) and the investigator (the head of the investigative agency) are referred to as investigative errors.

We do not consider the errors of the prosecutor³¹ in this study.

Errors committed by the court (the judge) in criminal cases at the pre-trial (while exercising judicial review) and judicial stages of criminal proceedings (by courts of the first instance, appeal, cassation and supervisory instances) at the stage of sentence enforcement are referred to as judicial errors³². Judicial errors are also associated with gaps of preliminary investigation and judicial investigation (one-sidedness, diminution, being biased when studying the circumstances of the subject of proof in a criminal case), application of the substantive (including related to punishment assignment) and procedural law. According to the justified opinion of S.L. Lon, it is necessary to distinguish between miscarriages of justice and abusive activities of the judge³³. We shall address this important point further on. Also, in further parts of the study, we shall show that in most cases errors of the judge are predetermined by the original error committed by the inquiry officer, or the investigator, which was 'missed' (not seen) by the head of the inquiry unit, the head of the inquiry agency, the head of the investigative body, the prosecutor.

Agreeing on this with the scientists of the All-Soviet Union Research Institute of the General Prosecutor's Office of the RF, we are not classifying as investigative and judicial errors the following actions: deliberate actions of the investigator to charge an innocent person with a crime (Art. 299 of the Criminal Code of the RF), unlawful exemption from criminal liability (Art. 300 of the Criminal Code of the RF), unlawful arrest, detention or custody (Art. 301 of the Criminal Code of the RF), coercion to testify (Art. 302 of the Criminal Code of the RF), falsification of evidence (Art. 303 of the Criminal Code of the RF), as well as criminally punishable abuse of their official powers by an investigator or a judge (Art. 285 of the Criminal

³¹ See, e.g.: Sazin D.S. State prosecutor errors in criminal proceedings: monograph. - M.: Jurlitinform, 2014. 224 p.

³² Academics also use the term 'miscarriage of justice'. See: Vedischev N.P. Miscarriage of justice and the eliminating it (from a legal counselor experience). Moscow, 2006.

³³ Lon S.L. An Error made by the Judge // Issues of legal regulation of relations arising in criminal proceedings: Col. of articles. Tomsk, 2003. P. 164.

Code of the RF), exceeding their official powers (Art. 286 of the Criminal Code of the RF), accepting a bribe (Art. 290 of the Criminal Code of the RF), forgery (Art. 292 of the Criminal Code of the RF), penal negligence (Art. 293 of the Criminal Code of the RF), etc.

Such actions (or omissions) of the investigator and the judge are no less than a crime against justice, public authorities, public service interests, etc. We do not consider negligent malpractice actions (omissions) of subjects conducting criminal proceedings to be errors: disciplinary but not criminal negligence may be an error. We believe that there should be a 'watershed' between an error and a crime (intentional, negligent) as the nature of these phenomena is different: errors occur because of faults in the service, which are to be punished disciplinarily, whereas for crimes there are provisions of the Criminal Code of the RF relating to criminal penalties; a degree of public danger from a disciplinary offense of the person who has committed an error is different from the degree of public danger of the official who committed a crime associated with his criminal procedural activity. A.B. Solovyev was absolutely right to emphasize this, specifying that an essential feature of an investigative error is a non-criminal motivation behind actions of the investigator³⁴.

Of course, the crimes committed by subjects conducting criminal proceedings also entail disruption of procedural activities, may lead (or may not lead) to wrong (illegal, unjust) results, but they still have a nature different from the above mentioned errors, and therefore are not included in the subject matter of our research.

Errors associated with criminal proceedings are also committed in the other areas which are in contact with the criminal procedure activities. Scientists are scrutinizing expert, forensic, psychological, operational-search and other errors³⁵.

In her works, A.A. Kirillova offers a 'unifying' definition of the investigative error covering criminal, criminal-procedural and criminological aspects of errors. She believes that 'the investigation error should be understood as the investigator deviating from criminal and criminal procedural legal norms and various, including forensic, scientific recommendations with regard to procedural and other actions, as well as omission of actions essential due to the circumstances of

³⁴ Solovyev A.B. Investigation errors in criminal proceedings / A.B. Solovyev . - M.: NORMA-M, 2001. 223 p.; Solovyev A.B. Proof at pretrial stages of criminal proceedings. M., 2002, p. 112; Solovyev A.B. Problematic issues of proof arising in the course of investigation of crimes when applying the Code of Criminal Procedure of the RF. M., 2008, p. 228 - 229.

³⁵ Belkin R.S. Forensics: contemporary issues. Controversial issues of Russian criminology. M.: NORMA, 2001. p.166; Shashin D.G. Applying the results of operational-search activity in the methodology of investigation and public prosecution in criminal cases involving illegal drug dealing: dis. for Cand. Jurid. Sciences: 12.00.09. Irkutsk, 2008, pp. 46-47; Komarova E.I. The impact of errors in pre-trial proceedings and the nature of the judicial situation on the tactics of public prosecution in the court of first instance: Abstract. Dis. for Cand. Jurid. Sciences: 12.00.09. Voronezh, 2009. P.9; Kramarenko V.P. Situational approach to identifying and overcoming investigation errors: Abstract. Dis. for Cand. Jurid. Sciences: 12.00.09. Krasnodar, 2012. P.9; Zorin G.A. Theoretical Foundations of Criminalistics. Minsk, 2000. P.286-288; Zorin R.G. Study of patterns of formation and elimination of negative circumstances and significant violations in criminal proceedings / Criminologist Library, M.: Jurlitinform, 2013, №3. P. 149-154.

the case, different actions, not applying tactics and tactical operations, which led to the decisions contrary to the law, not achieving the optimum result, and the loss of potential opportunities during the preliminary investigation and/or trial³⁶.

Certainly, there is clear evidence of the influence of expert, forensic, psychological, operational search and other errors on investigative and judicial errors, the correlation between them, but the specific features of the errors mentioned above are not the subject of our research.

The research of investigative and judicial errors shows completely different approaches and views on this phenomenon. To have a complete picture of these, let us look at very different positions to eventually present our understanding of this phenomenon.

N.L. Granat, in our opinion, provided a fairly narrow definition of the error in criminal judicial proceedings: a fault, a wrong action, an incorrect step, a blunder, or an action not resulting in the achievement of the goal set. However, she believed that the error is such a distortion in the cognition, or a deviation from the goals, which is not intentional. That is an error for her is always a result of fair deception³⁷. This is not the case, since the error may be due to an unscrupulous attitude to duties expressed in deliberate, but not criminal violation of the law.

M.E. Puchkovskaya, taking the same direction as the scientists in the All-Soviet Union Research Institute of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, defined the investigative error as 'a non-criminal unlawful act or omission of the person conducting the preliminary investigation, contrary to the rules of criminal procedure and the criminal law, which has led or could lead to making an illegal or unreasonable decision, or to the failure to make an appropriate decision'³⁸. This definition doesn't seem to be complete, or covering the entire spectrum of investigative errors, e.g. preliminary investigation gaps associated with diminution, one-sidedness and biased approach to establishing all the elements of the subject of proof in a criminal case.

We generally share the position of the well-known scientist-processualist A.D. Boykov, who understood the investigative error as 'any illegal or unreasonable decision caused by a wrongful act or omission'³⁹. In the list of errors, he included gross procedural violations committed

³⁶ Kirillova A.A. Fundamentals of forensic techniques of judicial proceedings for criminal cases of murder (part 1 of Article 105 of the Criminal Code of the RF): Monograph. Ulan-Ude: VSGUTU Publ. House, 2014. P.60; Kirillova A.A. Investigating errors in the technique of judicial proceedings // Criminologist Library, M.: Jurlitinform 2013, №3. P. 156.

³⁷ Granat N.L. Investigative errors: concept, types and causes / Scientific information on crime control. M., 1983. №76. P. 57. V.I. Vlasov holds a similar opinion. See: Vlasov V.I. Investigation of crimes. Quality issues. Saratov, 1988. P. 63.

³⁸ Puchkovskaya M.E. Court rectification of investigative errors made at the stages of preliminary investigation and the first instance court proceedings: Abstract. Dis. for Cand. Jurid. Sciences. Tomsk, 2004. P. 11.

³⁹ Boykov A.D. Issues of consolidating legality and increasing the efficiency of criminal proceedings in the light of decisions of XXVII Congress of the CPSU // Issues of consolidating legality and eliminating errors in criminal proceedings. M., 1988, pp. 14-15.

consciously, and incorrect application of the criminal law, the illegality and invalidity of which was pronounced by an appropriate officer or agency. Including in the definition such features of errors (each independently) as ‘illegality’ and ‘invalidity’ of a decision has significance as it allows us to distinguish between errors on the basis of the nature of errors and to precisely establish the way to correct them. However, we believe that wrongful illegal and unjustified actions or omissions entailing unlawful and unjustified decisions should also be considered as errors. Likewise, improper actions and decisions caused by poor awareness of an official should be considered as an error as well.

Previously this was pointed out by the team of scientists in the All-Soviet Union Research Institute of the USSR Prosecutor General's Office⁴⁰, who gave the following definition of the investigative error: ‘illegal and unjustified actions by the investigator in charging with criminal liability and detention of citizens, in suspension, termination, transferring criminal cases to the prosecutor with the indictment for committal to trial, which were falsely seen by an investigator as lawful and were allegedly aimed at ensuring the achievement of criminal proceedings tasks’⁴¹.

As it was later noted by the head of this group A.B. Boykov, the investigative error has two significant features: the investigator’s erroneous assessment of his actions as being legitimate and addressing criminal proceedings tasks; the relevance of the damage caused by the error⁴².

The well-known researcher of problems of investigative and judicial errors, S.A. Shaifer, holds a position similar to ours; he defines the investigative error as ‘an intentional or unintentional deviation, observed by a procedural act of an authorized subject, of the investigator, due to falsely understood investigative purposes, from the requirements of the criminal procedural law and scientific recommendations during the collection, verification, and evaluation of evidence, and adopting interim and final procedural acts, as well as not carrying out procedural actions necessary due to the circumstances of the case, which led to a decision contrary to the law and impeding the attainment of the objectives of judicial proceedings’⁴³.

⁴⁰ The writing team included: V.N. Isayenko, L.P. Ismakaev, V.A. Lazareva, A.A. Levy, V.N. Makhov, E.S. Radutnaya, A.B. Solovyev (the team leader), M.E. Tokareva, S.A. Shaifer. The second team of research scientists of the All-Soviet Union Research Institute of the General Prosecutor’s Office of the USSR was led by A.D. Boykov. The team consisted of scientists and practitioners: I.F. Demidov, V.F. Kuchumova, T.A. Mikhailova, V.N. Nazhimov, Y.A. Vorobyev, O.M. Yastrebova. This team addressed the issues of identifying and eliminating investigative errors at the stage of hearing criminal cases.

⁴¹ The nature, causes and ways of eliminating errors at the preliminary investigation stage: study guide. P. 7-8.

⁴² Solovyev A.B. Proof at pretrial stages of criminal proceedings. M., 2002, p. 112; Solovyev A.B. Problematic issues of proof arising in the course of investigation of crimes when applying the Code of Criminal Procedure of the RF. M., 2008, pp. 228 - 229. The author of this research had the same opinion. In the late nineties of the last century, he was a graduate student at the All-Soviet Union Research Institute of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation and, under the supervision of M.E. Tokareva in the sector of A.B. Solovyev, performed a candidate's research on the topic ‘Problems of investigative errors at pre-trial stages of criminal proceedings (based on the Central Siberian region materials)’. See: Nazarov A.D. Problems of investigative errors at pre-trial stages of criminal proceedings (based on the Central Siberian region materials): Dis. for Cand. Jurid. Sciences. M., 1999. 297 p.

⁴³ Shaifer S.A. Evidence and proof in criminal cases: Issues of theory and legal regulation. M., 2009. P. 204.

However, both of the above definitions of the investigative error need, in our opinion, certain refinements to clearly understand all the essential spectrum of investigative errors.

But before turning to these clarifications, let us consider the notions of ‘procedural error’, ‘law enforcement error’, ‘violation of the criminal procedure’, which are applied by a number of authors instead of the term ‘investigative errors’ in similar cases.

The notion ‘procedural error’ is used in broad and narrow approaches.

Specifically, referring to the procedural error, Y.V. Derishev means ‘any preliminary investigation omissions: inaccuracies, gaps and faults, misconceptions or wrong steps, misperceptions caused by discrepancies in the interpretation of the law by various law enforcement officers, their lack of educational and professional level, low efficiency of the prosecutor’s supervision and the procedural administration of the preliminary investigation’⁴⁴. As it can be seen from this definition, the notion of the procedural error is considered by this author as being too wide. For him, the procedural error is not only associated with specific violations of the procedural law (they are only implied), but also with other deviations from a properly organized activity.

A.M. Baranov, on the contrary, gives a too narrow definition of procedural errors. In his view, the procedural error is to be understood as an ‘unintentional violation of the procedural law manifested in non-performance or improper performance of this law requirements by an investigator, or other procedural authority, and recognized as such by the competent subject in a relevant legal act’⁴⁵. In other words, the notion used by him does not take into account intentional violations of the law (if they are not criminal) which, according to the official who committed them, comply with the law and/or the purpose of criminal proceedings. Moreover, this notion does not consider violations of the law identified and corrected by the official who committed them but not officially recognized as such in a special legal act.

Beyond all doubt, in this context, the notion of the investigative error we offer is more precise and specific than the notion of the procedural error.

The notion of the ‘law enforcement error’ is used in the approach close to our understanding of the investigative error.

More specifically, according to N.N. Voplenko, the law enforcement error is the result of official work of special law enforcement entities which is contrary to the norms of the substantive or procedural law, not reaching the true aims of legal regulation, and qualified by the competent authority as erroneous. The definition of N.N. Voplenko covers such features of the law enforcement error as the violation of the legislation norms of the substantive and procedural law;

⁴⁴ Derishev Y.V. Basic procedural errors entailing unjustified criminal prosecution // Legislation and Practice. 1998. № 1. P. 19.

⁴⁵ Baranov A.M. Procedural errors committed at the stage of completing preliminary investigation and ways to rectify them. Omsk, 1996. P. 11.

inconsistency with regulatory purposes; the decision, action or omission made not by any subjects, but only by special subjects of law enforcement vested with authority; observance of such actions as wrong by a competent person or a competent authority⁴⁶.

Basically, such definition of the law enforcement error is generally consistent with our notion of the investigative and judicial error, though not with regard to all features (except for substantive law violations and violations identified and corrected by the subject who committed them).

The notion ‘criminal procedural violation’ is close to our understanding of the investigative error.

For example, A.T. Dugin, believed that ‘a criminal proceedings activity is legitimate when performed by the investigation body in a timely manner, if there are sufficient grounds, and in the manner prescribed by rules of the criminal and criminal procedural law, regardless of the results obtained’. The notion of ‘criminal procedural violations’ was given by A.T. Dugin the following meaning: ‘... it is a socially dangerous or harmful malicious activity, infringing on the criminal procedure order, executed in defiance of the criminal and criminal procedure norms without sufficient grounds or untimely, or non-compliant with the established procedure, as well as a wrongful omission when there were sufficient grounds for the performance of the necessary remedial activity’⁴⁷.

It seems that A.T. Dugin, without using the notion of investigative errors, nonetheless, had them in mind when in the range of criminal procedural violations he included the violations of the CPC of the RF, the Criminal Code of the RF, the preliminary investigation gaps committed by the investigator. At the same time, according to A.T. Dugin, the notion of criminal procedure offenses included criminal activities of the investigator, which, as noted above, may not be regarded as investigative errors.

Here, we should mention another author – S.G. Olkov, who did not embrace the term ‘error’ at all and applied the term ‘criminal procedural violation’. In his view, the error is not a violation of the law, not an activity or omission, but the relation of the subject to the object defined in legal

⁴⁶ Voplenko N.N. Errors in law enforcement: the concept and types // The Soviet state and law. 1981. №4Ю P.41. For enforcement errors see also: Russkih V.V. Enforcement mistakes of law enforcement officers: dis. for cand. Jurid. Sciences. Roston-on-Don, 1998; Mursalimov K.R. Law enforcement errors: theoretical issues: dis. for cand. Jurid. Sciences. N-Novgorod, 2000. For errors in interpretation of law, connected with law enforcement errors, see: Pishin S.G. Errors in interpretation of law. Issues of theory and practice: dis. for cand. Jurid. Sciences. N-Novgorod 2000.

⁴⁷ Dugin A.T. Issues of criminal procedural violation control in the investigation of crimes by means of public prosecutor supervision: dis. for cand. Jurid. Sciences. M., 1995. p. 59. See also: Shirvanov A.A. Violations of the law in criminal proceedings of the Russian Federation and their legal implications: Abstract of Dis. for Doc. Jurid. Sciences. M., 2005; Pikelný D.S. Criminal procedure offenses related to the application of coercive procedural measures in the Russian criminal proceedings: Abstract Dis. for Cand. Jurid. Sciences. Tyumen, 2006; Yakunkov M.A. Criminal procedure offenses related to investigation activity in the Russian criminal proceedings. Abstract Dis. for Cand. Jurid. Sciences. Tyumen 2007.

science through the category of guilt. ‘The term ‘error’ is not appropriate ... in jurisprudence where everything, to the extent possible, and especially where it is a question of liability is to be very specific and precise’⁴⁸. Perhaps, S.G. Olkov sees a special meaning in such denial of the term ‘error’, justified as part of his theory of criminal procedural violations. However, in our opinion, taking into account our inherited academic tradition of using the term named above⁴⁹, it is rather an author’s preference for one term to another. With regard to the criminal procedure violation, S.G. Olkov understood it as ‘violating a norm (norms) of the criminal procedure law, directly specified (not simply prohibited) in the law, a guilty, socially harmful (or socially dangerous - for offenses) activity of a delictual subject entailing measures to restore the public order, a retrospective law liability and negative sanctions both criminal procedural, and departmental. This offense is a matter (a complete component) of criminal procedure infringement as a socio-legal phenomenon’⁵⁰. In other words, in effect, the position of the named author is similar to the one of A.T. Dugin (at least in this context).

In addition, like S.A. Shaifer, I.M. Zaitsev⁵¹, we may not agree with the opinion of S.G. Olkov with regard to the term ‘error’ and for some other reasons.

Firstly, defects in the results of the preliminary investigation, with formally perfect compliance with the law, may not only be generated by criminal procedural violations, but also by violations (neglect) of forensic recommendations and recommendations of forensic psychology (though they are not included in the subject matter of our study).

Secondly, the error can hardly be only interpreted as the ratio of the subject to the object. The error is not only a wrong thought, but a wrong action generated by misperception. If we treat the error as a result of improper activity (which also has a logical reason), it becomes clear that investigating errors are not identical to violations, but are in complex cause-and-effect relationships with them. In some cases the error is the reason, in others it is a consequence of a violation.

To put it differently, a violation, like the error in procedural activity (or in neglecting forensic, psychological recommendations), produces an incorrect result, as well as the error in

⁴⁸ Olkov S.G. The criminal procedure offense in the Russian criminal proceedings and the general theory of social behavior. Tyumen: Tyumen School of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1993. P.45-46.

⁴⁹ This term is also used in court practice. See, e.g.: On the application of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation norms regulating the proceedings in the courts of appeal and cassation instances: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.12.2008 № 28 (am. as of 09.02.2012). Access from reference legal system ‘Consultant Plus’; Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 2.02.1996 № 4-P // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 1996. № 2. P. 24.

⁵⁰ The course of criminal proceedings: a textbook in 3 v. / ed. V.A. Mikhaylov. V.1. Introduction to criminal procedure. M., 2006, p. 274-275.

⁵¹ Shaifer S.A. The structure and general characteristics of investigative errors // Issues of consolidating legality and eliminating errors in criminal proceedings. M., 1988. P. 18-28; Zaitsev I.M. Elimination of judicial errors in civil proceedings. Saratov, 1985. P. 15-16.

thinking (for example, an erroneous conclusion of the sufficiency of evidence) leads to the fallacy of the procedural activity (or activities) (e.g., ungrounded indictment)⁵².

The nature of the judicial error is in many ways similar to the nature of investigative errors.

According to A.S. Koblikov, the judicial error is, first of all, ‘the court's decision on the guilt or innocence of the defendant and on the punishment that does not match the actual circumstances of the case, made unintentionally’. That is, a miscarriage of justice may not be committed by the court deliberately⁵³.

V.A. Davydov believes that ‘by the judicial error in a criminal case one should understand a violation by the judge (the court), established by a higher court in the manner prescribed, of the procedural and (or) substantive law in criminal proceedings whether due to honest misperception, negligence, or a criminal act committed by such judge (court) when considering the criminal case, or due to criminal actions of other participants in the proceedings, which the court was unaware of, either because of lack of information the court had about the circumstances relevant to the proper resolution of the criminal case, if this resulted in vacating or change of the judgment, sentence, or ruling by a higher court. The judicial error occurs both in the case of violations of the law by the court, and in the case of miscarriage of justice as a result of lack of information the court had about the circumstances relevant to the case’⁵⁴.

We agree with the approach of V.A. Davydov in many respects, besides his position that judicial errors are committed due to ‘a criminal act committed by such judge (court) when considering the criminal case’: in our opinion, this is not an error but a crime against justice, which we have mentioned and will be speaking about further.

According to Z.F. Kovriga, the investigative and judicial error is ‘unintentionally distorted cognition of the objective reality’⁵⁵.

This definition of the error is limited to cognitive activity only and does not cover material violations of the criminal procedure and criminal law.

V.V. Afanasyev suggests that the term under consideration is used in the legal literature in the two interpretations: ‘In a broad sense, any court error is a judicial error. However, the

⁵² It should be noted that many authors make a distinction between the notions of the error and the criminal procedure violation, though sometimes for reasons different from our approach. See: Shirvanov A.A. The notion of the error in criminal proceedings and its difference from the violation // *Rus. investigator*. 2005. №7. P. 8-12; Shirvanov A.A. Violations of the law in criminal proceedings of the Russian Federation and their legal implications: Abstract of Dis. for Doc. Jurid. Sciences. M., 2005; Frantsiforov Y.V. Contradictions in criminal proceedings related to law enforcement errors // *Investigator*. 2005. №2. P. 30; Lisutkin A.B. The error as a category of legal studies: theoretical and methodological aspect: Dis. for Doc. Jurid. Sciences. Saratov, 2002. P. 14; Vasyayev A.A. Errors or violations of the criminal procedural law? // *Advocate*. 2010. № 4. P. 9; Polyakov S.B. The difference between a miscarriage of justice and an offence by the judge // *Advocate*. 2010. № 5. P. 5; etc.

⁵³ Koblikov A.S. *Legal Ethics*. M., 2005. P. 71.

⁵⁴ Davydov V.A. Reopening of criminal proceedings due to new or newly discovered facts: the theory and practice of rectifying judicial errors / V.A. Davydov. M.: Publishing House ‘Jurayt’, 2012. P. 39-40.

⁵⁵ Kovriga Z.F. *Criminal procedure responsibility*. Voronezh, 1984. P. 63.

interpretation of the notion of the judicial error in a narrow sense is more common: conviction of the innocent”⁵⁶.

In other words, the most common understanding of the term ‘judicial error’, according to the author, is ‘a result of improperly rendered decisions with regard to the case’. It is obvious that in fact, what we are talking here it is not an error (a wrong decision and/or erroneous actions preceding it), but its consequences.

I.L. Petruhin, G.P. Baturov, T.G. Morschakova believed that ‘the judicial error is, above all, the activity of a judge not corresponding to the goals and objectives of justice, or consequences of such activity. In this regard, we can not but raise the question of goals and purposes of judicial proceedings. To determine the focus of such objectives, the terms ‘purposes’ and ‘goals’ are often used to distinguish the purposes to be achieved in the trial and the goals whose achievement is facilitated by the judicial proceedings. The purposes are a correct and prompt adjudication and resolution of the case. The specificity of the goals for justice is that they are prescribed norms addressed to the court and are to be implemented by the court when adjudicating and resolving definite cases. Failure to follow the law setting forth such goals is unlawful and is the basis for applying relevant procedural sanctions”⁵⁷.

According to the above logic of reasoning applied by well-known scientists, the importance of goals in the regulation of judicial proceedings is that they embody the ideal model of justice, stipulate a complex of legal means available to the court, focus all the parties to procedural activities on achieving final objectives of judicial proceedings, determine the requirements for judicial activity and its acts. In this sense, if the court does not implement the purposes and goals of judicial proceedings (has a different objective), it means it commits a judicial error, which is expressed in wrong actions (inaction) and/or decisions (erroneous behavior) not complying with stipulated legal norms (substantially deviating from them). Such behavior is erroneous because it fails to meet statutory requirements, does not conform to conventional standards, models or other legal conditions set forth for the legitimacy of certain procedural activity.

Therefore, incorrect (erroneous) actions (omissions) and/or court decisions are always objectively unlawful and that, in our opinion, is an essential feature of the concept under analysis (not only of the judicial error, but the investigative one as well).

In this context, another significant thing is the fact that the content of the judicial error determines the legal characteristic of the means of eliminating it. Typically, these violations do not involve procedural legal liability and are eliminated by various means of procedural remedies

⁵⁶ Afanasyev V.V. *Miscarriage of Justice*. Yaroslavl, 2000. p. 5.

⁵⁷ Petruhin I.L., Baturov G.P., Morschakova T.G. *Theoretical Basis of Effective Justice*. M.: Publishing House "Nauka", 1979. P. 51-52.

(reversal of the erroneous act, restoration of the violated provision etc.), which are aimed at organizing legal and well-reasoned proceedings; since every committed error affects the interests of justice adversely, influences adjudication and resolution of cases, hinders the achievement of the goals of judicial proceedings.

That is why the volume of the notion 'judicial error' is somewhat different from the scope of the notion 'grounds for vacating (reversal) of the sentence' and includes all wrong steps taken in proceedings (any erroneous violation of legal regulations regardless of the way to rectify it).

It is possible to agree with E.V. Kazgerieva saying that the notion of judicial errors should include the following essential features:

- they are committed by subjects of procedural activities authorized to consider and resolve cases, review and enforce judicial decisions;
- they are examples of non-observance of the objects of judicial proceedings;
- they are in violation of the requirements determining the validity of procedural activities and judicial acts;
- they are always objectively unlawful;
- they are eliminated by legal means implemented in the procedural order.

On the whole it is possible to agree (in the context of the discussion above), with her definition of a judicial error (except for it being unintended): the judicial error is objectively illegal activity of the court, which does not meet the statutory requirements, resulting in failing to achieve the goals of judicial proceedings, giving rise, when being established, to certain legal consequences for the participants⁵⁸.

Sometimes, in the context of judicial error the term 'logical fallacy' is applied, which means the discrepancy of the court findings from the requirements of substantive and procedural legislation, ethical standards; an unintended counter-intuitive result which does not meet the goals of law enforcement, where behind such logical fallacy there is an honest mistake or negligence in the work of law enforcement entities⁵⁹. In general, such interpretation is not contrary to the position discussed and, taking into account the remarks above, may be accepted.

Thus, the mere fact of many years of scientific study of investigative and judicial errors itself confirms that they are a phenomenon of criminal procedural activity (as aforesaid). Let us emphasize once again that, ideally, in criminal proceedings based on strict observance of the principle of legality by subjects conducting the proceedings, there should be no errors. But there

⁵⁸ Kazgerieva E.V. Identification and analysis of judicial enforcement errors. Access from ref. legal system "Consultant Plus"; Kazgerieva E.V. Logical errors in judicial enforcement: dis for cand. Jurid. Sciences. M., 2006.

⁵⁹ See: Current issues of criminal proceedings. Bail hearing: academic and practical guide / Ed. N.A. Kolokolova. M., 2011. P. 290.

have always been errors, there are errors and, unfortunately, there will be new errors. This is the phenomenon of the error in criminal proceedings. And, of course, this is a negative one.

Taking into account the character of errors in criminal proceedings, from a scientific point of view, it is not possible to raise a question of complete eradication thereof. Errors can and should be identified, eliminated. Errors can be minimized. Many of them can be avoided, prevented, and some can be forecast not to allow them to happen.

The starting point for studying the phenomenon of error, from a conceptual point of view, if one follows the logic offered above, is providing an exact definition of the concept of the error.

In our opinion, taking into consideration the above analysis of different views, positions and scientific approaches to the definition of 'the investigative and judicial error', it is important to bear in mind the following:

Firstly, the procedural status of the error (conditionally - 'formal' errors) is only ascribed to those deviations from the principle of legality in criminal proceedings which are established by the subjects conducting the criminal proceedings in procedural instruments (for example, in a court ruling, etc.).

Other participants (the defence counselor, the victim, the accused et al.) may, including procedurally, respond to errors, refer to them, but until the authorized subject conducting the criminal proceedings has not officially reacted to it, or has not specified such error in a procedural instrument, we cannot speak of the procedural status of the error.

Certainly, every scientist, studying a criminal case, has his own ways of determining whether an error has been made or not on the basis, among other things, of his own perceptions of the proper quality of the investigation and the trial of the criminal case. The fact of an error in the case can be established on the basis of subjective judgments of the investigator (which may also prove to be wrong). Therefore, in scientific research, the subjective approach to the detection of errors in a criminal case is to be interpreted through the official version of the error established by an appropriate procedural decision.

Thus, it is essential to remember that the phenomenon of the error is associated with real existence of the following:

- errors, formally established (and legally recognized) in procedural instruments issued by the subjects conducting the criminal proceedings;
- other errors (including latent ones).

Secondly, it is very important, especially in the context of differentiation of the error and the procedural criminal offense, to always distinguish the error itself (a concrete activity/omission

or a decision made or taken in violation of legal requirements for their form and content) and effects that it had or could have had⁶⁰.

To give a proper definition of the error and verbalize it most articulately and accurately, it is necessary to make some important generalizations.

It has been emphasized above that the occurrence of errors in a criminal case is closely related to some violations by the subjects conducting the criminal proceedings of the principle of legality in criminal proceedings⁶¹. In our view, it is possible to create a certain scale of these violations:

1. offences related to the investigation and trial of criminal cases.
2. procedurally significant violations of the principle of legality, which include incompleteness, one-sidedness and biased investigation of the criminal case circumstances; failure to observe constitutional rights and freedoms of the man and the citizen, as well as international standards of the fair trial; material violations of the criminal procedural law; incorrect application of the criminal law⁶².
3. Other violations of the principle of legality (technical, and other similar errors)⁶³.

Criminal acts are outside the scope of our study as they have a special nature (as it has been mentioned above). Other violations by the subjects conducting criminal proceedings of the principle of legality (technical, and other similar errors) are not the subject matter of our study since these do not impinge on the fulfillment of the goals of judicial proceedings and objectively hinder these goals achievement to a lesser extent.

The subject matter of our study is the second group violations of the principle of legality, i.e. procedurally significant violations of this principle, which objectively interfere with the

⁶⁰ For officials who committed it, e.g. disciplinary sanctions; other persons involved in criminal proceedings, e.g. the release of the accused from custody; for criminal proceedings, e.g. reopening of the criminal case for further investigation by the prosecutor.

⁶¹ It is worth mentioning that in Soviet times the legitimacy was at the forefront of the whole criminal justice and was opposed to the principle of so-called 'procedural economy', which was seen as a vicious path leading to the violation of the constitutional principle of legitimacy and to investigative and judicial errors in a criminal case. See, e.g.: Koblukov A.S. Legitimacy - the constitutional principle of the Soviet criminal proceedings. M.: Jurid. Li., 1979. P. 175-188.

⁶² We believe that non-observance of constitutional rights and freedoms of the person and the citizen are to be defined as a separate type of errors due to the special significance of the Constitutional provisions for criminal proceedings. In addition, it is necessary to take into account that Russia is to fully comply with the rules and principles of international law, all the more so as since 1998 it has been subject to the jurisdiction of the European Court of Human Rights. See also: Gavrilov B.Y. Legal regulation of protection of constitutional rights and freedoms of parties to a criminal proceeding: Abstract of Dis. for Doc. Jurid. Sciences. M., 2004.

⁶³ It should be mentioned that in the criminal procedure activity there may exceptionally be situations where the formal principle of legality is not broken, but the result of this activity is erroneous (not-guilty verdict of a jury, then - the acquittal which turns out to be wrong: apparently no one had violated the principle of legality but the result is erroneous; the investigator had all legal grounds for detention of a person suspected of committing a crime ('all the evidence against him') but subsequently the suspicion was not confirmed: apparently no one had violated the principle of legality but the result is erroneous, etc.). In our opinion, these are isolated exceptions with the general rule being: the violation of the principle of legality entails investigative and judicial errors.

purpose of criminal proceedings. With this in mind, we will usually talk about the error in the situation where a wrong action/inaction (an error) leads to an incorrect result or the possibility of such result occurrence (an error) and their interrelationship. In other words, as a rule, we will not consider the situations, which are entirely possible: a wrong action (an error) - a correct result; a right action - an incorrect result (an error); a formally right action - a formally correct, but objectively wrong result.

To conclude, on the basis of the above, it is possible to give the following detailed definition of the error in criminal proceedings:

The error (investigative, judicial) is an illegal or unjustified act or omission, without any evidence of criminal acts, of subjects conducting criminal proceedings expressed in incompleteness, one-sidedness and biased research by these entities of circumstances of a criminal case, failure to observe constitutional rights and freedoms of the man and the citizen, as well as international standards of the fair trial, a material violation of the criminal procedural law, an incorrect application of the criminal law, consistent with their subjective relation to the objective of criminal proceedings, and objectively preventing its regulatory stipulated achievement due to receiving (or possibility to receive) an improper procedural outcome (decision).

In a more abbreviated 'curtailed' (and therefore more comfortable to use) the definition of the error is as follows:

The error (investigative, judicial) is the action (or inaction) of the subject conducting criminal proceedings expressed in a procedurally significant violation of the principle of legality in criminal proceedings, without any evidence of criminal offenses, resulting in a failure to reach (or impossibility to reach) the correct procedural outcome.

§2. The conceptual framework of eliminating errors in criminal proceedings

Classically, it is generally accepted that the concept is a form of knowledge of legal phenomena⁶⁴, also including activities aimed at eliminating (detecting, correcting, preventing) errors in criminal proceedings, which are widely seen as a result of various deviations from the norm specified by the law.

The need to develop a concept of such activity (a concept of error) is conditioned, primarily, by the necessity to resolve a spectrum of fundamental theoretical and applied criminal proceedings problems requiring doctrinal interpretation in the context of the legal reform being implemented

⁶⁴ Ponyatovskaya T.G. Conceptual Bases of the System of Concepts and Institutions of Penal and Criminal Procedural Law. Izhevsk: Publishing House of the Udm. Uni., 1996. P. 5.

in our country, by state anti-crime measures being intensified and, at the same time, by the increasing relevance of strict observance of rights and freedoms of the man and the citizen.

It is obvious that this concept will not lose its importance in the future, since due to various objective and subjective reasons and factors it is impossible to completely eliminate incidents of violation of the principle of legality by subjects conducting criminal proceedings.

Classically, the concept contains theoretical propositions regarding its object, the content of individual elements, the place in the system of scientific knowledge, the significance for the theory and practice, tasks for further scientific research⁶⁵. Moreover, conception (concept) is always an innovative idea having scientific meaning and meaningful content.

In general terms the object of a theoretical concept is presented by patterns and trends in a particular field of public relations containing a social conflict and creating a problematic situation⁶⁶.

This implies that the object for the concept of activities on eliminating investigative and judicial errors (hereinafter – the concept of eliminating errors) is a phenomenon reflecting the regularity of committing such errors which is expressed in the contradiction between the inevitability of errors and the need to counteract them and thereby gives rise to the problem of eliminating them.

It is obvious that the object of such concept (or any other theoretical concept) largely predetermines its system. It is possible to mark out two elements with the first one being systematically important and the second one being fundamental.

The first element is a theoretical perception of the very investigative and judicial error and its peculiarities as a phenomenon of criminal procedure (including notions of the structure, classification and causes of errors). It is systematically important as it is impossible to talk about eliminating the error without taking into account the notion and peculiarities of such error.

The second one concerns the legal and institutional mechanism for detecting, correcting, and preventing investigative and judicial errors (or to put it differently, it concerns the legal and organizational support of eliminating them).

The second element is fundamental as error elimination hinges on the perfection or imperfection of the legislation (including departmental rule-making), the structure (and organization) of criminal procedure specified thereby, including judicial practice (the practice of the Constitutional Court, the European Court of Human Rights, the Supreme Court of the Russian

⁶⁵ Grigoryev V.N. Crime Investigation in Extreme Conditions (Legal Support, Organization, Method): dis. for Doctor of Jurid. Sciences. M., 1993. P. 77-97; Zelenetskiy V.S. The General Theory of Crime Control. 1. Conceptual Framework. Kharkov: Osнова, 1994. P.19; Himicheva G.P. Pre-trial Proceedings in Criminal Cases: the Concept of Improving Criminal Procedure: Monograph. M.: Publishing House 'Exam', 2003. P. 95-103; etc.

⁶⁶ Yadov V.A. Sociological Study: Methodology, Program and Methods. M., 1987. P. 14-29.

Federation among other things), as well as on the quality of addressing managerial and organizational issues (including resource and information support).

Combined through one object, ideas and theoretical propositions of error peculiarities as a phenomenon of criminal proceedings, legal and organizational support of error eliminating activities aggregately form a complete theoretical system, which presents a relatively independent concept.

The concept of eliminating errors is complex due to its content, has interdisciplinary nature and is closely linked to various branches of scientific knowledge.

An integrated approach to this concept development is predicated by studying errors in the context of the criminal case progressing through the stages of criminal proceedings, as well as by the need to consider the phenomenon of the investigative and judicial error in its broadest sense.

The concept of eliminating errors has interdisciplinary nature as it is not only criminal procedural law that contributes to the solution of the problem of eliminating them, but criminal law and criminology, criminalistics and the theory of operational and investigative activities, international law, psychology and many other disciplines as well.

The concept of eliminating errors has both scientific and practical significance.

The scientific value of this concept is that it allows you to unite uncoordinated scientific propositions with regard to errors into a single system. This, in turn, makes it possible to detect lacunas in scientific research, assess the current situation, identify the causes thereof, and choose appropriate means and methods (criminal procedural mechanisms) of addressing it.

The practical significance of the concept under consideration is to equip the subjects conducting criminal proceedings with scientifically substantiated recommendations for error elimination. The realization of the concept will guarantee legitimate and effective preliminary investigation and administration of justice in criminal cases, lead to the advancement of the professional level and performance quality of investigative authorities officials, the prosecutor's office and the court, as well as, ultimately, to the improvement of reliable protection of rights and legitimate interests of the man and the citizen of the Russian Federation.

The factual and scientific material on errors elimination issues accumulated during the last decades sets new tasks for scientists, tasks of systematization, reflection, and harmonious presentation of modern integrated theoretical concept of eliminating errors with the priority areas of research, in the author's opinion, being a theoretical rationale of an integrated approach to the study of the phenomenon of criminal proceeding errors, definition of the error, determining different kinds thereof (classification), the structure and the content thereof, the reasons therefor; identifying new, better, and more suitable for our country, criminal procedural mechanisms to eliminate errors.

The concept of eliminating errors involves the development of a scientifically substantiated approach to resolving the problem of their eliminability, without defining which it is impossible to achieve any results desired. The strategic approaches to the problem under consideration enable public authorities to develop special long-term programs providing for a whole set of activities for all state agencies and society to ensure the fair and legitimate administration of criminal justice in the Russian Federation.

Moreover, this concept opens further prospects for the scientific research of effective criminal justice bodies, their coordination and cooperation in the field of guaranteeing the regime of legitimacy in criminal proceedings.

It is worth emphasizing that any concept is a certain way of understanding, interpretation of some object, phenomenon, or process, a basic point of view on such object or phenomenon, a guiding idea for their systematic clarification⁶⁷. In this particular case, the concept is a system of scientific views on both the criminal procedural mechanism to eliminate errors, and the phenomenon of the error in criminal proceedings (systematically important in relation to this mechanism).

The criminal procedure mechanism (-s) to eliminate errors should be conceptually revealed at the level of criminal-political strategies of prosecution and defense, as well as at the level of regulatorily and organizationally set legal-technical constructions, specific means and methods.

The phenomenon of error should be conceptually revealed at the level of defining of the notion of the error, rationalizing the structure of errors, classifying them and studying the causes of making errors.

Furthermore, it can be said that theoretical notions of the mechanism to eliminate errors, the construction thereof, 'implementation' at stages of criminal proceedings are a rational (and in this sense basic) part of the overall concept of eliminating errors and suggest carrying out a practical research (including from the perspective of ascertaining the real situation and developing measures aimed at improving existing mechanisms in order to minimize errors made). It is this part, as the one substantively defining our research, that we are going to pay further attention to.

Thus, the purpose of the concept under consideration is to solve a whole complex of fundamental theoretical and practical problems of eliminating errors, requiring a doctrinal interpretation, as well as relevant law-making (taking into account the modern criminal policy) with the aim of improving the error elimination mechanism. Taken together, all mentioned above elements of the system being studied (the notion of error, the structure thereof, the classification, causes, specific elimination mechanisms et al) present a complete integrated concept of

⁶⁷ Philosophical Encyclopedic Dictionary. M., 1983. p. 278.

eliminating investigative and judicial errors, which is predicated by a complex approach to developing the concept.

To put it another way, the conceptual approach to the phenomenon of errors and the mechanism to eliminate them in criminal proceedings allows us:

to single out (among others) a special purpose of criminal proceedings –identification, correction, prevention of investigative and judicial errors (in a shortened version – the elimination of errors);

to show the role and the importance of prosecution and defense strategies when choosing a certain organizational and legal construction of the mechanism to eliminate errors;

to outline a wide range of scientific and practical propositions with regard to the problems of errors and eliminating them.

Needless to say, the above provided development of conceptual framework for eliminating errors⁶⁸ only allows us to present the, necessary for the author, framework that is relevant to the study of theoretical and applied aspects of criminal procedure mechanisms to eliminate errors and causes generating them.

§3. Classification of errors in criminal proceedings

Scientists studying the phenomenon of errors in criminal proceedings offer a variety of options for their classification. These classifications allow you to see the diversity of the phenomenon, their logical interconnection and interdependence.

Specifically, V.I. Vlasov in his research provides a variety of classifications for errors and divides investigation errors into logical ones (errors in the mental activity of subjects investigating cases) and factual ones (non-compliance with the requirements of the Criminal Procedure Code by the same subjects). He also divides investigative errors into substantive-legal and procedural-legal; investigative errors occurring when initiating a criminal case, during the investigation, when charging an individual with a crime, when uniting and separating criminal cases, when suspending the investigation, when completing the investigation, etc.⁶⁹.

V.V. Zolotyh, considering the issues of admissibility of evidence, proposes the classification of violations which, as we see it, are similar to errors in criminal proceedings:

⁶⁸ Such developments have been undertaken by other authors. See: Golik Y.V. The Theory of Errors: Criminal-Legal and Forensic Value // Actual Problems of Crime Control. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute Publishing House, 1989. P. 29-38; Grigoryev V.N. On the Theory of Investigating Crimes in Extreme Conditions // Issues of Law: Russian Scientific Theory Journal. 2013. №2. P. 344-361; etc.

⁶⁹ Vlasov V.I. Investigation of crimes. Quality issues. Saratov, 1988. P. 92; Vlasov V.I. Investigative errors in juvenile cases// Current issues of juvenile crimes investigation. M., 1982. P. 112-113.

violations of requirements providing legal and factual basis for proceedings; violations of the Criminal Procedure Code requirements establishing the list and procedural status of persons participating in investigative, judicial and other procedural activities; violations of the criminal procedural law governing the methods of collecting, securing and checking any factual evidence and its sources; violations of the requirements of the law governing the procedure for performing and documenting the course and results of investigative, judicial and other procedural steps; violations of the requirements of the law governing the procedure for initiating a criminal case, for uniting cases, and their separation, for suspension and resumption of the preliminary investigation⁷⁰.

It is obvious that the above mentioned and other classifications of investigative and judicial errors proposed in literature ⁷¹ are related to how authors define these errors. Our task here is not a detailed consideration of these classifications. In the context of a conceptual approach to the study of investigative and judicial errors, for us it was important to develop own versions of the classification of errors.

It is worth reminding that the error (investigative, judicial) is defined here as the action (or inaction) of the subject conducting criminal proceedings expressed, usually, in a procedurally significant violation of the principle of legality in criminal proceedings, not containing any evidence of criminal acts, resulting in the failure to reach (or a possibility not to have reached) the correct procedural outcome.

Based on our definition of errors, it is possible to offer the following classifications.

First of all, we present the main, in our view, the classification of errors, which is associated with the content essence of the whole variety of investigative and judicial errors, and reflects its structure.

I. The basic classification - according to the essential characteristic of errors⁷²:

1. errors manifested in incompleteness, one-sidedness and biased investigation of the criminal case circumstances (preliminary investigation gaps; gaps in judicial investigation);

⁷⁰ Zolotyh V.V. Examination of evidence admissibility in criminal proceedings. M., 1999, p. 264-295.

⁷¹ See: Zakharov V.O. On the classification of investigative errors // Business in the law. 2014. №5. P.142-144; Investigative errors: study and practical guide for students enrolled in 'Law', 'Law enforcement' programmes / [compiler A.M. Bagmet et al.]; ed. A.I. Bastrykina. M.: UNITA-DANA, 2016 P.14-155; etc.

⁷² It is necessary to mention that the allocation in the error structure of these types is to some extent conditional and is proposed herein in the furtherance of the scientific research of investigating errors in the 80s carried out by the scientists of the All-Soviet Union Research Institute of the Prosecutor General of the USSR. Of course, the preliminary investigation and judicial investigation shortages are basically violations of the criminal procedure law. Violation of the constitutional provisions and international standards of criminal justice are also violations of the criminal procedural legislation. The criminal law is sometimes incorrectly applied when there are shortcomings of investigation. All types of errors specified herein are structurally interconnected and interdependent. But for the purposes of scientific research it is important to consider all of these types of errors within such structure.

2. errors expressed in non-observance, during criminal proceedings, of constitutional rights and freedoms of the man and the citizen, as well as international standards of criminal proceedings (the fair trial);

3. errors expressed in significant violations of the criminal procedural law;

4. errors manifested in wrong application of the criminal law.

There is no doubt that the "price" for certain errors, due to the importance for individuals, society, and the state, of the negative consequences which they cause and depending on what values protected by the Constitution of the Russian Federation they affect varies. Therefore, we have isolated and studied a new kind of investigative and judicial errors –fundamental errors; this type of errors deserves a separate classification.

II. According to the severity of the consequences errors carry for the person, society, and the state:

1. fundamental errors.

2. non-fundamental errors.

When considering the structure of investigative and judicial errors, we will provide the definition of fundamental errors and their types.

III. According to the grounds for a reversal or revision of the judgment under appeal procedure:

1) errors related to the discrepancies between the court's conclusions set out in the judgment and factual circumstances of the criminal case established by the court of the first instance;

2) errors related to significant violations of the criminal procedural law;

3) errors due to incorrect application of the criminal law;

4) errors related to the injustice of the sentence (its excessive leniency or excessive severity);

5) errors related to identifying the circumstances referred to in part one paragraph 1 of article 237 of the Code of Criminal Procedure of the RF (circumstances for referring the criminal case to the prosecutor);

6) other errors.

IV. According to the grounds for a reversal or revision of the judgment under cassation procedure:

1) errors related to significant violations of the criminal law and (or) the law of criminal procedure and affecting the outcome of the case;

2) errors related to the identification of evidence of non-compliance with conditions by a person or non-performance of obligations provided for in the plea deal;

3) errors occurring due to the circumstances specified in part five of Article 247 of the Criminal Procedure Code of the RF, when in exceptional cases the trial for serious and very serious criminal crimes can be held in the absence of the defendant, who is located outside the territory of the Russian Federation and (or) refuses to appear in court, if the person has not been prosecuted in the territory of a foreign state for such criminal case;

4) errors related to identifying the circumstances referred to in part one paragraph 1 of article 237 of the Code of Criminal Procedure of the RF (circumstances of the return of the criminal case to the prosecutor).

V. According to the grounds for a reversal or revision of the judgment, ruling or decision of the court in the exercise of supervisory powers:

1) errors related to significant violations of the criminal law and (or) the law of criminal procedure and affecting the outcome of the case;

2) errors related to the identification of evidence of non-compliance with conditions by a person or non-performance of obligations provided for in the plea deal.

VI. According to the nature of the procedural action (or omission) made by the subject conducting criminal proceedings:

1. erroneous initiation (refusal to initiate) of a criminal case;

2. erroneous detention (not detention) of the person suspected of committing a crime; applying (not applying) preventive restrictive measures against the suspect (the accused), applying (not applying) detention, in the first place; filing (not filing) a motion for extending the detention of the accused with a court;

3. erroneous applying (not applying) an indictment;

4. erroneous implementation (not implementation) of some investigative or other procedural activity;

5. erroneous suspension (non-suspension) of the prior investigation;

6. erroneous termination (non-termination) of the criminal case and/or the prosecution (complete or with regard to the indictment);

7. Other errors.

The same scheme can be applied to classify errors of the judge (erroneous ruling – not rendering a court ruling on the conduct of proceedings, restricting constitutional human and civil rights and freedoms; erroneous conviction or acquittal, etc.).

VII. According to the subject of the criminal procedure who has identified errors:

1. errors identified by the prosecutor in the implementation of prosecutorial supervision;

2. errors identified by the head of the investigative agency, the head of the investigation unit, the head of the inquiry body while exercising their departmental control;

3. errors identified by the judge in the course of judicial review at the pre-trial stages;
4. errors identified by the court (the judge) in judicial proceedings when listing for trial, during the trial of the criminal case on the merits, in the appeal, cassation, supervising instances, when enforcing the sentence;
5. errors identified by the head of the investigative, the crime scene team, by the investigator himself, and eliminated by these persons;
6. errors identified by the other participants in the criminal procedure (legal counsels, representatives, etc.) and appropriately responded to by the subjects conducting criminal proceedings.

VIII. According to the motivation behind an action or omission of the subject conducting criminal proceedings:

1. errors committed by the subject unconsciously, unintentionally due to the lack of knowledge, experience, due to the situation prevailing at the time of the investigation and judicial examination of a criminal case (i.e. the subject, making a bona fide misjudgment, believes that his acts or omissions are absolutely legitimate and are not going to lead to errors, but later due to various reasons and circumstances revealed in the case such error "manifest themselves");
2. errors committed by the subject intentionally due to neglecting some of the requirements of the law regarded as unimportant for the case, irrelevant and not impeding the achievement of criminal proceedings purposes (it is worth emphasizing once again that these unintentional acts or omissions by the subject should not contain any evidence of a crime: otherwise this violation of legitimacy cannot be regarded as an error).

With such motivation behind their actions or omissions, the subject does not want to make "excessive" efforts for the resolution of a criminal case, hoping that some simplification and violation of the relevant regulatory and other requirements will not entail any negative consequences, and if they appear, they may be corrected in the future, overcome by the investigator, the prosecutor or the court (the judge).

IX. According to the progress of the criminal case:

1. errors at the stage of initiating a criminal case;
2. errors at the stage of preliminary investigation of a criminal case:
 - a) errors in the initial inquiry in a criminal case (moreover, it is possible to talk about errors in usual inquiries and errors in summary inquiries; errors made by various agencies and officials who the legislator empowered to conduct inquiries);
 - b) the preliminary investigation errors (here it is possible to talk about mistakes made by investigators who are members of investigative units of the investigative force of the Investigative

Committee of the Russian Federation, Internal Affairs agencies, the Federal Security Service of the Russian Federation);

3. errors committed when listing a criminal case for a trial, including during the ones committed during preliminary hearings of the case;

4. errors while trying the case on merits in the court of the first instance;

5. errors in criminal proceedings under appeal procedure (here it is possible to discuss mistakes in appeals under the 'old' and 'new' procedures, before the new appeal procedure for criminal cases entering into force on 1 January, 2013);

6. errors in criminal proceedings under cassation procedure (similarly, here it is possible to discuss mistakes in cassations under the 'old' and 'new' procedures);

7. errors in the criminal case examination under the supervisory procedure (here it is also possible to talk about mistakes when applying the "old" and "new" supervisory procedures);

8. errors in proceedings of new or newly discovered facts in a criminal case;

9. errors when enforcing the sentence in a criminal case.

X. According to the stage of preliminary investigation:

1. errors of the initial stage of preliminary investigation, including the performance of immediate (initial) investigation activities;

2. errors when detaining a person suspected of committing a crime and when interrogating the person as the suspect;

3. errors when selecting measure of procedural compulsion (first of all, preventive restrictive measures);

4. errors when presenting an indictment;

5. errors when conducting final investigative and other procedural activities;

6. errors when completing the preliminary investigation (holding familiarization with the criminal case file, etc.);

7. errors when returning in the criminal case for further investigation by the head of the investigative agency.

The basis for subsequent classifications of errors is the approach of "Tomsk academic school of thought" to classifying proceedings identifying the main, additional, and special procedures in criminal proceedings⁷³. In accordance with the classification of procedures it is possible to develop the classification of errors.

XI. According to the type of criminal proceedings:

⁷³ Jakimovich Y.K. The concept, function, differentiation of criminal proceedings. The principles of criminal proceedings. Tomsk: Publishing House of Tom. Un., 2015. P.54-70; Trubnikova T.V. Theoretical basis of summary court proceedings. Tomsk: Publishing House of Tom. Un., 1999. P. 114-126.

1. errors made in main proceedings;
2. errors made in additional proceedings (proceedings on early release on parole, transfer to a penal colony-settlement, etc.);
3. errors made in specific proceedings (proceedings for compulsory measure of medical character; forensic control proceedings; rehabilitation proceedings, etc.).

Moreover, it is possible to provide a classification according to different criminal proceedings:

1. errors made in ordinary proceedings;
2. errors made in summary proceedings (proceedings where investigation is limited to inquiry; proceedings provided for in Ch.40-1 of the Code of Criminal Procedure of the RF, i.e. a special procedure for making a court decision when concluding a pre-trial plea deal, proceedings with a shortened form of inquiry - ch.32-1 of the Code of Criminal Procedure of the RF; proceedings for assigning measures of criminal law at the exemption from criminal liability - ch.51-1; proceedings in cases of private prosecution under the jurisdiction of a magistrate, etc.);
3. errors made in proceedings with more complex procedural forms (proceedings for cases of minors, proceedings for a jury trial, proceedings for the cases of persons suffering from mental or physical disabilities, the proceedings in respect of certain categories of persons - ch.52 of the Code of Criminal Procedure of the RF; etc.).

XII. According to the court considering a criminal case:

1. errors of the magistrate;
2. errors of the federal judge hearing a criminal case alone;
3. errors of the panel of three or more professional judges sitting a criminal case;
4. errors of the jury court.

or:

1. errors of the magistrate;
2. errors of a district court judge and the court equivalent to it;
3. errors of the regional court judge and the court equivalent to it;
4. errors of the Supreme Court of the Russian Federation judge.

XIII. According to the category of criminal cases:

1. errors in criminal cases of the private prosecution;
2. errors in criminal cases of private-public prosecution;
3. errors in criminal cases of public prosecution.

XIV. According to the type of crime:

1. errors in criminal cases on crimes against individuals;
2. errors in criminal cases on crimes against freedom, honor and dignity of a person;

3. errors in criminal cases on crimes against sexual integrity and sexual freedom of a person;
4. errors in criminal cases on crimes against the constitutional human and civil rights and freedoms of a person;
5. errors in criminal cases on crimes against the family and minors;
6. errors in criminal cases on crimes against property;
7. etc.⁷⁴.

Classifications of errors facilitate studying them from different perspectives in order to selectively apply criminal procedural mechanisms for their elimination to each separate kind of errors.

Thus, the peculiarities of all this variety of classifications, provided above, are that, when considering these error classifications conceptually, they fit into the frame of the main classification which reflects the structure of these errors. The detailed scientific analysis of all this diversity of mistakes is not the subject of this research. This research studies primarily errors classified according to their essential characteristics and reflecting the structure of investigative and judicial errors, as well as fundamental errors.

§4. The structure of the error in criminal proceedings

The concept of eliminating errors gives an important place to issues related to the structure thereof.

Considering the structure of errors in criminal proceedings, we identify their main types in the ratio which is predicated by the repetition frequency of these errors in criminal cases.

In our research, the structure of errors is considered through the prism of the main classification of errors according to their essential characteristics.

The research of investigative errors in the 80s of the last century, as well as our research of such errors in the 90s of the last century, in 2000s - 2015s, despite the changes in the socio-political regime in Russia and amendments to the legislation, has given the opportunity to show the structure of investigative errors in dynamics.

⁷⁴ The further classification follows the structure of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the classical presentation of the special part sections in textbooks. See, e.g.: Criminal Law. Special part: textbook / ed. I.V. Shishko. - Moscow: Prospect, 2016. P.742-747. Certainly, it is possible to present a shortened version of the classification labeling crime types with definitions that are used in research and in practice. For example: errors in terrorism, extremism, corruption criminal cases; violent crimes cases; mercenary crimes; commercial, fiscal, economic crimes; computer crime; malfeasance; etc.

The results of the research carried out in the late 80s of the last century by the team of the scientists of the All-Soviet Union Research Institute of the General Prosecutor's Office of the USSR, showed that the proportion of one-sidedness and incompleteness of the preliminary investigation in the structure of investigative errors was 60.4% of the total number of errors, the proportion of significant violations of criminal procedural law was 25.5%, the proportion of incorrect application of the criminal law was 14.1%⁷⁵.

Our research in the Mid-Siberian region in the 90s of the last century showed the structure of investigative errors as follows:

- one-sidedness, incomplete investigation of the case circumstances – 59.7% of the total number of errors;
- failure to observe the constitutional human and civil rights and freedoms of persons accounted for 7.4%;
- substantive violations of the criminal procedural law accounted for 17.3%;
- incorrect application of the criminal law accounted for 15.6%.

It is noteworthy that non-observance of constitutional human and civil rights and freedoms of a person in view of their special importance are separated out as an independent kind of investigative errors. It is closely related to substantial violations of the criminal procedural law. If you add up the percentages of these two types of investigative errors, they will total to 24.7%, which would be approximately equal to the index (25.5%) for substantive violations of the criminal procedural law found at their time by the team of the scientists of the All-Soviet Union Research Institute of the General Prosecutor's Office of the USSR⁷⁶.

The study of the judicial, prosecutorial, investigatory practices of 2002-2016⁷⁷ shows that investigative errors undergo certain changes structurally (qualitatively and quantitatively).

⁷⁵ The nature, causes and ways of eliminating errors at the preliminary investigation stage: study guide. P. 8.

⁷⁶ The author has studied features of the errors identified in the basic classification in detail. See: Nazarov A.D. On rectifying preliminary investigation gaps during the court hearing // Issues of criminal procedure and criminology. Coll. of acad. papers. M., 1988. p. 28-35; Nazarov A.D. The impact of the investigative risk on investigative errors in the criminal case // Modern Russian law: federal and regional dimension. Barnaul, 1997; Nazarov A.D. Rectifying investigative errors in court in light of criminal procedural law reform // Issues of ensuring legitimacy and crime control. M-Kemerovo, 1997, p. 165-168; Nazarov A.D. Rectifying investigative errors in court // Current issues of law enforcement in light of the new Criminal Code of the Russian Federation adoption. Krasnoyarsk, 1997, p. 96-99; Nazarov A.D. Correction of preliminary investigation errors by the public prosecutor in court // Current issues of jurisprudence in the contemporary period. Tomsk, 1998, p. 67-69; Nazarov A.D. Investigative errors at pre-trial stages of criminal proceedings: study guide. Krasnoyarsk, 2000; Nazarov A.D. The effect of investigative errors on court errors. St.Pb., 2003; Nazarov A.D. The concept and basic classification of investigative errors // Black holes in Russian legislation. 2010. № 4; Nazarov A.D. The concept of investigative errors // Journal of Siberian Federal University. Ser. Humanities. 2011. №2; Nazarov A.D. The basic classification of errors in criminal proceedings // Legal issues of strengthening Russian statehood: Col. of Art. P. 47. Tomsk, 2010. P.163-164; Nazarov A.D. On the issue of strategies to identify, eliminate and prevent errors in criminal proceedings // Journal 'Russian law on the Internet'. 2011; Nazarov A.D. Criminal procedure policy and the strategy to identify, eliminate and prevent errors in criminal proceedings // Legal issues of strengthening Russian statehood: Col. of Art. P. 55. Tomsk, 2012. P. 46-48. etc.

⁷⁷ It is worth pointing out that, in the empirical research, we applied the same methods and techniques that were once used by the scientists of the Federal Crime Causes and Crime Prevention All-Soviet Union Research Institute of the

1. Errors expressed in incompleteness, one-sidedness and biased investigation of the criminal case circumstances: 57.0% (-2.7% compared with the 90s and -3.4% compared to the 80s).

2. Errors expressed in non-compliance within criminal proceedings of constitutional human and civil rights and freedoms, as well as international standards of criminal proceedings (the fair trial): 8.0% (+ 0.6% compared with the 90s, any comparison with the 80s is inapplicable as the researchers of the 80s did not isolate a separate group of such errors).

3. Errors expressed in substantive violations of the criminal procedural law: 16.0% (-1.3% compared with the 90s, any comparison with the 80s is inapplicable as apart from substantial violations of the criminal procedure law the scientists did not isolate the errors expressed in non-compliance within criminal proceedings of constitutional human and civil rights and freedoms, as well as international criminal proceeding standards (the fair trial), in a separate group.

4. Errors expressed in incorrect application of the criminal law: 19.0% (+ 3.4% compared to the 90s; + 4.9% compared to the 80s).

Thus, it may be stated that there is a slight trend of reduction of the number of errors related to gaps in the preliminary investigation. We believe that this is not only due to the improvement of the quality of the preliminary investigation of criminal cases: in our view, this reduction has become possible due to the widespread application of a special procedure for judicial proceedings of criminal cases, among other things in connection with the introduction in 2009 of the institute of pre-trial plead deal between the prosecutor and the accused.

However, the trend of a certain increase in the number of material errors expressed in incorrect application of the criminal law may, in our view, indicate the increasingly complex structures in the Criminal Code of the Russian Federation, which is rather complex for application by inquirers and investigators whose age is increasingly younger.

It is worth noting that in the 80s and 90s of the last century neither the scientists of the All-Soviet Union Research Institute of the General Prosecutor's Office of the USSR nor the author of this research conducted a special study of the structure of judicial errors. However, the structure of judicial errors is clearly presented in the official statistics on the administration of justice in criminal cases⁷⁸. Judicial errors are ranked as follows:

- incorrect application of the criminal law (70.92%), plus the injustice of the sentence (3.22%);
- violations of the criminal procedural law (20.86%);

Prosecutor General of the USSR. See: Methodology and methods of studying investigative errors. Collection of academic papers. - M., 1986.

⁷⁸ See: Appendix №6

- discrepancies between court conclusions set out in the judgment and factual circumstances of the case established by the court of first, appeal, cassation instances (5.0%)

Thus, whereas in the structure of investigative errors the bulk of errors are shortcomings of preliminary investigation, in the structure of judicial errors the greatest proportion of errors is incorrect application of the substantive (criminal) law; shortages or gaps of judicial investigation account for a minimum number of errors. The number of violations of the criminal procedural law (violation of the Russian Constitution and international standards for the fair trial among them) in the structure of investigative and judicial errors is approximately the same.

The analyses of the structure of miscarriages of justice makes it possible to conclude that the prevalence of improper application of the substantive (criminal) law errors in the total mass may be explained by the following factors:

- the modern criminal law is quite complex for law enforcers;
- the court of the first instance does not always detect an ‘overstated’ criminal-legal qualification of acts the defendant is charged with (‘excessive qualification’), whereas courts of appeal, cassation, supervisory instances are more confident than the court of the first instance, and when carrying out a judicial revision (inspection), apply a more ‘lenient’ qualification to the criminal case;
- when conducting a judicial revision (inspection) courts of appeal, cassation, supervisory instances are more confident than the first instance court and opt for commutation of sentence, termination of criminal proceedings for different reasons (manifestation of humanity and liberalism; taking into account the active defense of the convict, his defense counsel; the presence of a significant number of doubts, violations in the criminal case: in compensation for such defects, during revision of a criminal case the court sometimes softens the sentence adjudicated by the court of the first instance; etc.);
- the trial court and the appellate court take significant efforts to fill the gaps of the preliminary investigation;
- up to 2/3 of criminal cases in the modern criminal proceedings are tried under the special procedure and, accordingly, the question of discrepancies between the court's findings set out in the judgment and the factual circumstances of the case established by the court of the first, appeal, cassation instance (in fact, the gaps in the judicial investigation due to incompleteness, one-sidedness and biased investigation of the criminal case circumstances) is not a matter of topical interest.

The structural differences of quantitative characteristics of investigative and judicial errors do not impede considering the content for each of these types of errors.

Errors related to non-observance in criminal proceedings of constitutional human and civil rights and freedoms of an individual, as well as international standards of criminal proceedings (the fair trial)

It is notable that in the survey held among practitioners, it is only lawyers (30.2%) who gave the violations of the Constitution and international standards of the fair trial the status of a separate type of errors. Judges, prosecutors and preliminary investigators did not give this type of errors an independent status⁷⁹. Nevertheless, this study gives a special status to this kind of errors as the new political, economic, and social conditions in Russia have led to the emergence of a new system of values, the most important of which, according to the second article of the Constitution of the RF, is an individual with his rights and freedoms secured by the state. Having direct effect, the Basic Law of the country has enshrined specific guarantees of citizens' rights, taking into account the requirements of modern and international standards, in the criminal procedure. Fundamental principles of criminal proceedings are granted the status of constitutional ones.

The errors under consideration are due to non-observance in criminal proceedings of:

- the presumption of innocence (Article 49 of the Constitution of the RF);
- the equality of all persons before the law and the court (Article 19 of the Constitution of the RF);
- the right to judicial protection of rights and freedoms, and to judicial review of decisions and actions (or omissions) of officials (Article 46 of the Constitution of the RF);
- the right to qualified legal assistance (Article 48 of the Constitution of the RF);
- the right to witness immunity (Article 51 of the Constitution of the RF);
- the right of a victim to the access to justice and compensation for damage (Article 53 of the Constitution of the RF);
- the right to personal integrity, inviolability of the home, privacy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraph and other communications (Articles 22, 23, 25 of the Constitution of the RF);
- the right to non-use of illegal methods of conducting preliminary investigation⁸⁰ (Articles 21, 50 of the Constitution of the RF).

This study does not aspire to consider the statistics and examples for each of constitutional violations in detail, especially since the author has already done this⁸¹. Here, we are going to

⁷⁹ Appendix № 44.

⁸⁰ You may sometimes encounter the phrase 'unlawful and illegitimate methods' in the literature. We believe that all legitimate methods of preliminary investigation and operational-search activities are to be lawful whereas illegitimate methods may not be lawful.

⁸¹ See. Nazarov A.D. The effect of investigative errors on court errors. St.Pb.: 'Legal Center Press' Publishing House, 2003. P. 24-65.

address only those errors which seem to be most significant in the context of observing constitutional human and civil rights and freedoms of an individual in criminal proceedings.

Criminal proceedings, despite its domineering, state-coercive nature, may not be inhuman and barbarous.

Article 21 of the Constitution of the RF states that:

1. Human dignity shall be protected by the State. Nothing may serve as a basis for its derogation.

2. No one shall be subject to torture, violence or other severe or humiliating treatment or punishment. No one may be subject to medical, scientific and other experiments without voluntary consent.

The study of the problem of illegal practices in preliminary investigation within this research is driven by the need to eliminate them from the criminal proceedings in Russia, as well as by the need to study the specificity of the effect these methods have on the course of normal proving process in criminal cases.

When performing the research, we did not encounter a single proven case, testifying that an investigator personally applied illegal methods of torture, physical abuse towards their suspects.

Illegal methods in preliminary investigation (primarily physical, mental abuse and torture) are most often used by police officers (officers of the criminal intelligence service, local district police officers, etc.) keeping it secretive from the investigator, the prosecutor, the court. They are usually the first, rather than the investigator, to establish future suspects accused in a criminal case and have opportunities to meet with them procedurally and non-procedurally, both on the outside and in places of custody (in a temporary detention facility, a confinement cell).

The efficiency of official activities of the police (and first of all, of units criminal intelligence service, precinct police departments, organized crime economic crime, and drug trafficking investigation divisions, etc.) is assessed through the rate of identified and solved crimes. And to improve these rates, which determine the financial remuneration of employees and their career development, they use all means, including, the ones not consistent with the requirements of the law.

It is worth emphasizing that failure of the investigator, the prosecutor, the court to take appropriate measures to identify application of illegal methods by operational law enforcement officers is regarded herein as a professional error committed by the investigator, the prosecutor, the court (in our interpretation - a fundamental judicial error). And therefore, in the current situation in law enforcement agencies in Russia, it is relevant to constantly implement organizational and procedural measures to prevent all kinds of illegal practices in preliminary

investigation and operational-search activity. Many of them are provided for in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Firstly, the following principal provisions are set forth:

- violation of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation by the court, the prosecutor, the investigator, the inquiring agency, or the inquiry officer, in the course of criminal proceedings entails the evidence obtained in this way being declared inadmissible (Part 3 of Art .7);

- in the course of criminal proceedings it is prohibited to implement actions and decisions degrading the honor of a party to criminal proceedings, as well as treatment degrading his human dignity or endangering his life and health; none of participants in criminal proceedings may be subjected to violence, torture or other cruel or degrading treatment (Article 9);

- a person against whom detention is applied as a preventive restrictive measure, as well as a person detained on suspicion of committing a crime, is to be kept in conditions which do not endanger his life or health (Article 10 § 3).

Secondly, judicial control institutions (Article 29 of the Code of Criminal Procedure of the RF), public prosecutor's supervision (Article 37 of the Code of Criminal Procedure of the RF), the institute of protection (Articles 49-53 of the Code of Criminal Procedure of the RF), rehabilitation (Articles 133-139 Code of Criminal Procedure of the RF) have been modernized.

The following provisions of the CPC of the RF are to be mentioned specifically.

1. The suspect and the accused officially received the right to have a meeting with the legal counsel in private and confidentially, including prior to the first interrogation of the suspect, the accused, without limitation of the number of such meetings and duration thereof (Sec. 3 of Part 4 of Article 46, Sec. 9 of Part 4 of Article 47 of the Code of Criminal Procedure of the RF).

2. Witness officially received the right to be interrogated in the presence of his or her legal counsel (Sec. 6 of Part 4 of Article 56 of the Code of Criminal Procedure of the RF).

There were years of practice when initially 'suspected' persons were interrogated by operational officers, inquirers, investigators as witnesses and, of course, without a legal representative. In such interrogations and interviews 'witnesses' had to give information incriminating them.

The participation of a legal counsel in these interviews or interrogations is a guarantee of the observance of rights of the individual in such proceedings.

3. Article 75 of the Code of Criminal Procedure of the R, referring to inadmissible evidence, seems to be of great importance.

Inadmissibility of evidence is the reason to exclude it from the evidence in the case.

4. The legislature emphasizes that any use of violence, threats or other illegal means, as well as endangering lives and health of persons involved, is unacceptable when performing investigative activities (P.4 Article 164 of the of Criminal Procedure of the RF).

5. Special terms are set forth to be applied in proving the results of operational-search activity: the results may not be used if they do not meet the requirements of the Code of Criminal Procedure of the RF for evidence (Article 89).

6. The legislature has restricted the access of the operational officers to persons under investigation.

In particular, to carry out operational-search activities it is allowed for the inquiry agency officer performing such operational-search activity to meet the suspect with the consent of the inquiry officer, the investigator, the prosecutor, or the court, in charge of the criminal case proceedings (P.2 Article 95 of the Code of Criminal Procedure of the RF).

Although this Article of the Code of Criminal Procedure of the RF refers to the suspect, on the basis of the procedural analogy, we believe that this rule applies to the accused as well.

7. The legislature raised an obstacle on the path of endless calls of the accused for interrogation in cases when he does not admit his or her guilt and refused to testify: ‘A repeated interrogation of the accused on the same charge, if he has refused to give evidence at the first interrogation, may be conducted only at the request of the accused himself’ (P.4 Article 173 of the Code of Criminal Procedure of the RF).

It is quite difficult to provide exact statistical evaluation of the use of illegal methods in preliminary investigation. However, the surveys of practitioners carried out within this research showed the following: formal and informal claims of operational officers applying illegal practices in preliminary investigation were filed with judges at pretrial stages by suspects, the accused, their legal representatives and counsels in one out of two case in 50% of cases (almost in one out of ten in 44.4% of cases); at trial stages – almost in one out of two cases in 66.7% of cases (almost in one out of ten in 38.9% of cases); similar claims from these parties to proceedings were filed with prosecutors almost in one out of two cases in 61.1% of cases (almost in one out of ten in 27.8% of cases); legal counsels got such statements in almost every second case in 20.7% of cases (almost in every tenth case in 50.1% of cases)⁸².

Of course, one should make allowances for the fact that some of the above claims from parties to proceedings are, of course, not reasoned and caused, first of all, by the desire to avoid criminal liability by all means, which is often taken into account and recorded in decisions on such

⁸² Appendix №44.

claims by subjects conducting proceedings. But, nevertheless, there are violations of Article 21 of the Constitution of the Russian Federation and they should raise reasonable concern.

It is worth noting that 69.2% of investigators surveyed said they did not receive any claims of operational officers applying illegal methods from suspects, the accused, their legal representatives and counselors. It is possible to make a suggestion that some investigators ‘cover’ the use of illegal methods by operational staff, which should also raise a reasonable concern.

Thus, illegal methods in preliminary investigation usually applied by police officers secretly from the investigator, the prosecutor, the court lead to serious investigative and judicial errors. Application of these methods is the reason why the investigator receives false evidence, prevents full, complete and objective investigation of circumstances of the case and so on.

The investigator, the prosecutor, the court should immediately react to claims of persons under investigation and defendants informing of the application of force to them by police officers, ‘inmates’, should not ignore injuries of the individuals in custody, should take interest in their inadequate mental state and so on.

Due and objective verification of all these facts, punishment of perpetrators, allowing arbitrariness in the exercise of their duties, are an effective way of preventing investigative and judicial errors being serious consequences of such arbitrary abuse.

In the structural characteristic of errors, violations of constitutional norms are of particular importance as the price for these errors is great. Offering above a version of error classification (non-fundamental and fundamental errors), we pay special attention to errors which appear in a criminal case in the application by the law enforcement officials of illegal practices in preliminary investigation, including when carrying out operational-search activities.

Errors related to shortages of preliminary investigation (incompleteness, one-sidedness and bias in establishing the circumstances subject to proof in a criminal case)

In the structure of investigative errors, preliminary investigation gaps, namely incompleteness, one-sidedness and bias, have always topped the list.

50% of the judges surveyed, 77.8% of prosecutor’s office employees, 80.4% of legal representatives, 87.1%, of investigators consider that it is most often preliminary investigation shortages, or gaps, as errors that are made by investigators and interrogators in criminal cases⁸³.

The notion ‘preliminary investigation gap’ is not used in the criminal procedure law; however, it is widely used in the criminal procedure literature, investigative and judicial practice.

⁸³ Appendix №44.

Y.V. Korenevsky believes that the term 'investigative gap' is synonymous with investigative shortcomings and in a narrow sense it is used to refer to incompleteness of investigation⁸⁴.

E.G. Veretehin defined preliminary investigation gaps as 'those shortcomings of investigation which are expressed in one-sided, incomplete and biased study of the case circumstances during inquiry or preliminary investigation'⁸⁵.

M.I. Bazhanov, E.G. Martynchik, T.A. Mikhailova, Y.O. Motovilovker, I.D. Perlov, I.V. Tyrichev apply the notion 'gap' to describe a specific part of preliminary investigation shortcomings, namely, its one-sidedness and incompleteness⁸⁶.

Preliminary investigation gaps are deemed here as a complete failure to comply with the requirements of the law with regard to complete, full and objective investigation of the case circumstances, failure to identify or improper identification of both incriminating and exculpatory, as well as mitigating or aggravating his responsibility, circumstances.

There is no consensus among scientists-processualists with regard to the definition of incompleteness and one-sidedness of the case investigation.

L.A. Bogoslovskaya believes that one-sided and incomplete inquiry or investigation is the one which has not established some circumstances, being a part of the evidence, or has not involved, used, or misused, some evidence reliably establishing the presence or absence of these circumstances⁸⁷.

O.N. Temushkin is convinced that one-sidedness or incompleteness of preliminary or judicial investigation is manifested in various aspects of crime being left uninvestigated⁸⁸.

V.A. Poznanskiy and I.I. Poteruzha assume that the case will be one-sidedly investigated if the investigator, or the person conducting the inquiry, only investigates the circumstances of the case from the standpoint of the prosecution or the defense⁸⁹.

⁸⁴ Korenevsky Y.V. Court practice and perfecting preliminary investigation / Y.V. Korenevsky. M., 1974. - P. 23.

⁸⁵ Veretehin E.G. Gaps in preliminary investigation and rectifying them of the court of the first instance / E.G. Veretehin. Kazan, 1988, p. 8.

⁸⁶ Bazhanov M.I. Committal for trial in Soviet criminal procedure: Lectures / M.I. Bazhanov. - Kharkiv, 1965. P. 14; Martynchik E.G. Guarantees of the rights of the accused in the court of the first instance / E.G. Martynchik. Kishinev, 1975. P. 102; Mikhailova T.A. Committal for trial in Soviet criminal procedure / T.A. Mikhailova. M., 1981, p. 33; Motovilovker Y.O. Some theoretical issues of the criminal procedure in the light of the new criminal procedure legislation / Y.O. Motovilovker. Kemerovo, 1962, p. 77; Perlov I.D. The judicial investigation in Soviet criminal proceedings / I.D. Perlov. M., 1955. - P. 53; Tyrichev I.V. Grounds for a cassation. From his book: Soviet criminal proceedings / ed. L.M. Karneeva, P.A. Lupinskaya, I.V. Tyricheva / I.V. Tyrichev. M., 1980. P. 416.

⁸⁷ Bogoslovskaya L.A. Grounds for vacating or changing judgments / L.A. Bogoslovskaya. Kharkov, 1981. P. 43.

⁸⁸ Temushkin O.N. Grounds for vacating or changing sentences in cassation and supervision proceedings // Soviet justice. 1976. - № 19. P. 7.

⁸⁹ Poznanskiy V.A. A biased approach or incompleteness of preliminary and judicial investigation as grounds for vacating or changing a sentence. - The bulletin of Saratov. Law Univ. Vol. VIII / V.A. Poznanskiy. Saratov, 1959. - P. 34; Poteruzha I.I. The role of the court of the second instance in the strengthening of legitimacy / I.I. Poteruzha. Minsk, 1980. P. 106.

According to V.V. Voskresenskiy, ‘incompleteness of investigation should be interpreted as failure to establish all the circumstances in proof whereas one-sidedness of investigation is investigation of the circumstances of the case from one version stand-point while ignoring other versions’⁹⁰.

Modern researchers rarely delve into the essence of preliminary investigation gaps, in the characteristics of its components, such as incompleteness, one-sidedness, biased approach. This is partly due to the fact that the modern criminal procedure law does not have the formula that was set forth in the famous article 20 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR (‘Comprehensive, complete and objective investigation of the circumstances of the case’) both at the level of principle in criminal proceedings, and at the level of the most common grounds for the prosecutor and the court to return a criminal case for further investigation.

An original approach to defining the structure of ‘comprehensiveness, completeness, objectivity’ is offered by A.S. Barabash and A.A. Brester. Having studied philosophy and criminal procedure aspects of objectivity, comprehensiveness and completeness, the researchers came to the conclusion that in criminal proceedings the structure is not the purpose of proceedings and not the principle, but the method. They offered to introduce a corresponding article into the general part of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: ‘Article X. The method of criminal procedure activities. In criminal proceedings the inquiry officer, the investigator, the prosecutor, the court must be guided by objectivity, comprehensiveness and completeness of investigation, i.e. to establish all necessary links between the evidence which lead to a reasonable conclusion about a particular circumstance, subject to proof, or all circumstances, subject to proof, in system’⁹¹.

The team of scientists led by L.V. Golovko, revealing the essence of the principle of material truth in criminal proceedings, i.e. the duty of subjects conducting criminal proceedings thoroughly, comprehensively and objectively establish (investigate) the circumstances of a criminal case, had good reason to interpret comprehensive study of these circumstances as exhaustive study of all circumstances relevant to the case, all possible versions of the event under investigation offered and checked; a complete study meant for them that the circumstances relevant to the case were established by the totality of the evidence necessary and sufficient for reliable conclusions; the objectivity of the investigation was deemed to be unbiased, impartial investigation of the circumstances proving both against and in favor of the accused (defendant)⁹².

⁹⁰ Voskresenskiy V.V. Theory and practice of further investigation in cases of first-degree murder / V.V. Voskresenskiy. M., 1988, p. 21.

⁹¹ Barabash A.S., Brester A.A. Russian criminal procedure method. St.Pb.: Publishing house ‘Legal Center-Press’, 2013 P.94-138.

⁹² The course of criminal proceedings / ed. Doctor of Jur. Sc. Professor L.V. Golovko. M.: Statut, 2016. P.294-296.

The position of L.V. Golovko and his team presented above is consistent with the definition of comprehensiveness, completeness and objectivity of investigation of the circumstances of a criminal case offered by A.B. Solovyev and his colleagues researching these issues.

Comprehensiveness is reasonably interpreted as identifying all circumstances subject to proof in a complete investigation of all objectively possible versions. One-sidedness of preliminary investigation is sticking to one version, lack of investigation from the perspective of objectively possible versions of circumstances of the case.

Complete investigation means obtaining such cumulative evidence which is necessary and sufficient to reliably establish this or that circumstance subject to proof in a criminal case.

Objectivity of investigation of the case circumstances, according to these authors, is the absence of any personal interest in the outcome of the case; identifying both incriminating and exculpatory, as well as mitigating and aggravating his responsibility, circumstances; unbiased approach to the evaluation of the evidence collected and to making decisions in a criminal case. Objectivity is, above all, the requirement to the assessment of the evidence collected⁹³.

We absolutely agree with the above approaches of the scientists A.B. Solovyev, L.V. Golovko and their colleagues with regard to the definition of the concepts of comprehensiveness, completeness, objectivity of investigation of case circumstances. Indeed, criminal investigation should be carried out thoroughly and completely, and the evidence collected and verified should be assessed objectively. Only under these conditions may we avoid any gaps in preliminary investigation.

The errors under consideration are generally due to the decision taken by the investigator (committal the case for trial, suspension or termination of the case, etc.) not being based on the necessary and sufficient totality of evidence.

These errors, in turn, may be divided into errors in the subject matter of proof and errors within proving (the investigator has not gathered enough reliable evidence to consider every fact, which is part of the subject of proof, established). Half of all cases of one-sidedness and incompleteness were the insufficient study of such element of proof as the guilt of the accused. About a third of such errors are committed during investigation of a criminal act. The rest of omissions concerned the investigation of identity of the accused, the nature and extent of damage⁹⁴.

⁹³ Solovyev A.B., Bagautdinov F.N., Filippov M.N. Prosecutor's supervision of comprehensiveness, completeness and objectivity of crime investigation / A.B. Solovyev, F.N. Bagautdinov, M.N. Filippov. M., 1996, p. 8-9.

⁹⁴ Shaifer S.A. The structure and general characteristics of investigative errors // Issues of consolidating legality and eliminating errors in criminal proceedings. Coll. of ac. papers. M., 1988. P. 19.

The above once again demonstrates the practical significance of studying preliminary investigation gaps⁹⁵, and methods for their detection and rectification.

Addressing issues related to preliminary investigation, it is worth noting that, in our view, we consider preliminary investigation to be thorough when the court does not have to fill any gaps as there are none. The investigation may be regarded as sound to a certain degree when, arranging court hearing or during judicial proceedings, it was possible to fill the gaps of the preliminary investigation. Lack of such a possibility evidences of low quality of the preliminary investigation.

Our opinion on the effectiveness of preliminary investigation is in agreement with the views expressed by A.B. Solovyev and G.S. Kazinyan when addressing issues of investigation efficiency.

‘The effectiveness of the system of investigation, first of all, implies the effectiveness of its constituent elements, i.e. individual investigation activities. The latter is determined by:

1) optimal procedural regulation of general provisions relating to methods of collecting evidence, and the procedure for specific investigative activities;

2) the right choice of an action appropriate in a particular investigation situation by the investigator;

3) creating favorable conditions for performing such actions through organizational and preparatory steps;

4) obtaining all evidentiary information possible in a particular situation of the investigation’⁹⁶.

The possibility to fill some preliminary investigation gaps in the court should never encourage investigators to allow any indulgence in the investigation of criminal cases. On the contrary, being aware of the criteria of non-rectification of preliminary investigation gaps in the court, the investigator shall constantly focus on carrying out qualitative and effective investigation of the case.

Rectification of preliminary investigation gaps is becoming even more relevant in the light of applying the Code of Criminal Procedure of the RF which eliminates the possibility for the court to return criminal cases for further investigation on this basis. The court has to make every effort to address shortcomings of preliminary investigation; the Code of Criminal Procedure of the RF provides a whole arsenal of powers since the court is to render both guilty and acquittal judgment taking into account the requirements of legality, reasonableness and adequacy of the body of evidence.

⁹⁵ On the gaps in preliminary investigation see: Nazarov A.D. The effect of investigative errors on court errors. St.Pb.: ‘Legal Center Press’ Publishing House, 2003. P. 60-92.

⁹⁶ Kazinyan G.S., Solovyev A.B. Issues of efficiency in investigation activities / G.S. Kazinyan, A.B. Solovyev. Yerevan, 1987, p. 32-33.

The study of criminal cases has showed the prevalence of the following preliminary investigation shortcomings.

In 41% of criminal cases studied within this research⁹⁷, we found shortages, or gaps, related to interrogations of suspects, defendants: the reasons of the accused admitting guilt, admitting partial guilt, are set out incorrectly, without detail; circumstances relating to the charges were not fully clarified during interrogation; the accused refusing to admit guilt was not familiarized with the evidence incriminating him of committing the crime; necessary face-to-face confrontations were not carried out, and so forth.

53% of criminal showed gaps related to interrogations of witnesses, victims: their interrogation was not held timely and as a result, their testimony had noticeable distortion of real facts; the contradictions in the testimony and some statements of the interrogated were ignored; not clarifying important circumstances of the case in the course of interrogation; determining the subject of the interrogation incorrectly, with the result being that many witnesses were questioned repeatedly, and important information was not received in due time; not presenting the available evidence being at the disposal of the investigator when necessary during the interrogation; excessive laconism of testimony record in the records of interrogation, and as a result significant circumstances not being recorded, the content of the testimony being distorted; no necessary face-to-face confrontations, or verifications of testimony on site, were carried out; no measures were taken to eliminate the influence by the accused, and people related to him, on victims, witnesses aimed at changing their testimony and positions with regard to the case and so forth.

Note that 18% of interrogations of suspects, or the accused, were recorded on video, whereas interrogations of victims, witnesses were only recorded in 3% of cases. Audio recording in the interrogation of the accused was used in 4% of cases, and in the interrogation of witnesses, victims it was used in 2% of cases.

A certain impulse to apply technical means during interrogations, confrontations, identifications, on-site verification of testimonies of juvenile victims and witnesses occurred in connection with the inclusion of part 5 into Article 191 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation providing for the mandatory application of video recording in these investigative actions. However, the legislature did not, unfortunately, resist the reservation that if minors themselves or their legal representatives object to video recording, video recording is not applied. Currently, it is often a case that the parties to investigation mentioned above object to video recording 'for some reason' and investigators willingly meet their request and do not use video cameras.

⁹⁷ Hereinafter we give empirical data from our research of gaps in preliminary investigation: see Appendix №2.

We suppose that, if necessary, based on the analogy of the law, such procedure for the application of video recording and filming in the above-mentioned activities in investigation should also apply to juvenile suspects, the juvenile accused, as well as in respect to adult participants in criminal proceedings.

In 32% of criminal cases, we found shortcomings related to the crime scene investigation: territories, premises adjacent to the scene were not inspected; possible routes of approaching and leaving the offender might have used were not examined; not all traces and other physical evidence were detected at the scene; traces and evidence having relevance to the case were not seized from the scene; no scientific and technological means or experts facilitation was applied when examining the scene; inspection records did not contain full information about the crime scene and traces of the crime; the crime scene investigation was not conducted in due time.

19% of criminal cases had shortcomings related to the appointment and conduct of forensic examinations: no necessary expertise was carried out; the expert was not asked all the necessary questions; examinations were not conducted properly; incorrectly packed, incomplete material was sent to examination, etc.

In 7% of criminal cases gaps related to identification, search, seizure, examination were identified.

The study of criminal cases gives a clear picture of the growing use of results of operational-search activity (test purchasing operations, sting operations, undercover operations, recordings of telephone conversations, covert video recording (surveillance), help of 'confidants', etc.) in proving cases.

The problems arising in the preparation of this kind of evidence are explained by the lack of legislative regulation for this type of proof, unwillingness of investigators and operational workers to work professionally under the schemes of operational support of the crime investigation process, allowing the information obtained operationally acquire the status of the evidence to the case.

There is no doubt that only legitimate and professional use of operational-search activity results in proving criminal cases will contribute to complete and comprehensive investigation of crimes, reducing the number of investigative errors.

At the moment, the issue of reducing shortages of preliminary investigation may be to some extent solved by skillful application of legal scholars' recommendations offered to investigators with regard to 'objectification' of proof, i.e. establishing and recording factual data not subject to or substantially less subject to the influence of subjective factors.

The avenues to the 'objectification' of proof may be as follows:

- broader application of forensic technology, instant examination of material evidence when conducting investigations;
- common use of forensic tests capabilities;
- using the help of experts;
- using of data received as a result of operational-search activity;
- creation of conditions protecting victims and witnesses (state protection of parties to criminal proceedings).

According to our research data, in 94% of cases experts were only involved for the inspection of the crime scene, whereas their participation in conducting other investigative activities was seen only in one out of 7-8 cases.

Lawyers have repeatedly expressed the opinion, which we fully support, that the Code of Criminal Procedure of the RF should provide a series of articles encouraging the investigator to apply scientific and technical resources (STRs) in the investigation (including mandatory audio or video recording of the interrogation of the accused, crime scene examination, etc.). The literature lists the basic requirements to scientific and technical means used in preliminary investigation and judicial proceedings:

- a) conformity to up-to-date advances of science and technology;
- b) non-infringement of the rights of the citizen; their life and health safety;
- c) non-violation of honor and dignity;
- d) not causing changes in the objects to which they are applied;
- e) accuracy of the result⁹⁸.

However, in our opinion, the Code of Criminal Procedure of the RF does not specify the regulation for the use of STR comprehensively enough.

Part 6 of Article 164 and Part 2 of Article 166 stipulate that investigative actions may be conducted with technical means and methods for detection, recording and withdrawal of traces and material evidence of the crime.

The legislature, in certain cases, allows investigative actions without the participation of witnesses (difficult access areas, lack of appropriate means of communication, danger to life and health of people during the investigative procedure, etc.) offering to use technical means to record the progress and results of such actions. But if the use of these means is not possible, the records just get appropriate mentioning thereof.

⁹⁸ Parties to criminal proceedings and the prosecutor's supervision of their rights and legitimate interests being ensured by investigation authorities: Study guide / N.A. Yakubovich, A.A. Levi. M., 1995. P. 44-45.

Y.K. Yakimovich is absolutely right to see the principle of comprehensiveness, completeness and objectivity of preliminary investigation in the modern criminal proceedings⁹⁹.

Article 73 of the Code of Criminal Procedure of the RF sets out the circumstances to be proven in a criminal case in detail. It is the identification and proof of these circumstances in a comprehensive examination of all possible versions that will be an indicator of objective and comprehensive investigation of a case.

In Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation provides a list of evidence admissible in criminal proceedings. It is the totality of this evidence which is necessary (i.e. are relevant), qualitative (i.e. are allowed) and sufficient to reliably establish circumstances to be proven in a criminal case that is the comprehensiveness of investigation.

Circumstances subject to proving and excluding criminality and punishability of an act, mitigating and aggravating the punishment, being able to lead to exemption from criminal liability and punishment (Article 73 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), detailed regulation of the institute of disqualification of participants of proceedings (Articles 61-72 of the Code of Criminal Procedure of the RF), rules for the evaluation of evidence (Article 89 of the Code of Criminal Procedure of the RF) are nothing other than the desire to achieve objectivity in the resolution of a criminal case.

Thus, the criminal procedural law substantively implies completeness, comprehensiveness and objectivity of criminal case investigation. However, it provides somewhat different regulation procedures in cases where subjects conducting proceedings allow one-sidedness, incompleteness and biased approach.

According to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, it is only the head of the investigative agency and the prosecutor that are entitled to send a criminal case for further investigation because of incompleteness and one-sidedness of the investigation of the subject of proof circumstances. In particular, Paragraph 3 of Part 1 of Article 221 of the Code of Criminal Procedure of the RF sets forth: with regard to the case transferred to him with a conclusion to indict, the prosecutor may take a decision to return it, with his written instructions, to the investigator for further investigation or for redrawing the indictment and eliminating of shortages.

It is worth noting that in the practice of criminal procedure the terms ‘incompleteness, one-sidedness’ of investigation are now used cautiously. All of them, as well as ‘violations of constitutional human and civil rights and freedoms’, ‘substantial violations of the criminal

⁹⁹ Yakimovich Y.K. Pan T.D. Pre-trial proceedings in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (parties to pretrial proceedings, evidence and proof, initiation of a criminal case, inquiry and preliminary investigation). St.Pb.: ‘Legal Center Press’ Publishing House, 2003. P. 129-130.

procedural law', 'incorrect application of the criminal law', are covered by the term 'preliminary investigation shortcomings'.

Where the prosecutor receives a criminal case with an indictment from an inquirer and such case has shortcomings, the prosecutor, according to Sec. 4 Article 226 Part 1 of the Code of Criminal Procedure of the RF, sends the case to preliminary investigation¹⁰⁰.

Courts of all instances on any grounds do not return criminal cases to the prosecutor for further investigation. Endless referrals of criminal cases for further investigation by courts, particularly according to the famous article 20 of the Code of Criminal Procedure of the USSR¹⁰¹, are now a thing of the past. Currently, the legislator requires a final court judgment of the case: either conviction, or acquittal, or dismissal. On the other hand, the amendments to Article 237 of the Code of Criminal Procedure of the RF and law enforcement practice, in fact, covertly revived, in a new capacity, the institute of referral of a criminal case by the court for further investigation, which is further discussed hereafter.

It is only the prosecutor, under whose supervision the criminal prosecution is performed, that keeps the right to an unlimited number of referrals of a case back for further investigation.

At the same time, to a certain extent, the courts, when trying criminal cases, will have to fill the gaps of preliminary investigation at the initiative of parties to a case or at their own discretion.

The court is a subject of criminal case proving procedure (Articles 85-88 of the Code of Criminal Procedure of the RF). The court has a sufficient arsenal of tools – judicial or other procedural actions (Articles 228, 229, 230, 234, 235, 271, 273-291 of the Code of Criminal Procedure of the RF). The only important thing is that the court does not go beyond the rule established by Sec. 3 of Article 15 of the Code of Criminal Procedure of the RF: 'The court shall not be seen as a body of criminal prosecution, it shall not come out either on the side of the

¹⁰⁰ To be more specific, the list of powers of the prosecutor includes the power to return a criminal case to the investigator with the instructions to conduct further additional investigation (s.15 Ch. 2 Article 37 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). We believe that the investigator, as instructed by the prosecutor, conducts further investigation in the criminal case (which is equivalent to a further inquiry), where the prosecutor either did not agree with the decision on the termination of such case or of criminal prosecution (Articles 24-28 of the Code of Criminal Procedure), or relying on the powers vested in him by article 37 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, vacated the inquirer's decision on the termination of criminal proceedings or criminal prosecution. In this case, pursuant to Article 223 of the Criminal Procedure Code the inquiry period may be extended by the prosecutor, but not more than for 10 days. Moreover, the prosecutor may extend the period of the inquiry, but no more than for 3 days, and return the criminal case to the inquirer for redrawing the indictment (paragraph 2 Article 226 Chapter 1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). The prosecutor may also reject the indictment and refer the case, which has been investigated in accordance with the abbreviated form of inquiry, to the inquirer for further investigation per standard procedure (Articles 226-8 of the Code of Criminal Procedure).

¹⁰¹ The Criminal Procedure Code of the RSFSR with appendices / Comp. Cand.Jurid.Sc. N.M. Kipnis, 2nd ed., Rev. and ext. M.: Jurisprudence, 2001. P.16.

prosecution or on the side of the defence. The court shall create the necessary conditions for the parties to discharge their procedural duties and to exercise the rights, granted to them.’

It is worth noting that, similarly to preliminary investigation shortages, here it is possible to talk about shortages of judicial investigation in the trial court and the court of appeal. These judicial investigation gaps are also related to one-sidedness, incompleteness and biased approach to clarifying circumstances of the subject of proof in a criminal case (in the wording of the legislator it sounds like discrepancies between the court's conclusions set out in the judgment and factual circumstances of the criminal case established by the court of the first instance). The relevance of this kind of errors to their structure and their characteristics have been already discussed above.

Errors related to significant violations of the Criminal Procedure Law

This kind of investigative errors is the second most common after preliminary investigation gaps: that is the opinion of 66.7% of judges, 55.6% of prosecutors, and 40.6% of lawyers surveyed¹⁰².

The provision of a material violation of the criminal procedural law was previously stipulated in Article 345 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR:

‘Those violations of the requirements of the articles of the present Code, which by depriving or restricting the rights guaranteed by law of participants in a case during consideration of the case or otherwise, have prevented a court from thoroughly examining the case and have influenced or might have influenced the decreeing of a legal and well-founded judgment shall be deemed substantial violations of the criminal procedure law.’

Legal literature treats violations of the criminal procedural law differently. Some authors consider this to be a violation of the legal procedure of investigation and consideration of cases, which may lead to restrains and restrictions of rights of parties and a wrong judgment on the case¹⁰³.

Others consider a violation of the criminal procedure law to be a violation of the rules of the CPC when investigating and hearing the case in court¹⁰⁴.

The third group of authors interprets violations of the criminal procedure law as a kind of investigative and judicial errors which manifest themselves in wrong actions or are a result of a cognition act¹⁰⁵.

¹⁰² Appendix №44.

¹⁰³ Grodzinskiy M.M. The cassation and supervision proceedings in Soviet criminal procedure / M.M. Grodzinskiy. M., 1949. P. 102.

¹⁰⁴ Strogovich M.S. Review of the legality and relevance of court sentences / M.S. Strogovich. M., 1956. P. 77.

¹⁰⁵ Efficiency of justice and the issues of eliminating judicial errors. M., 1975. Part 2. P. 117.

Violations of the criminal procedure law are also defined as ‘any failure to comply with any requirements of the criminal procedural law by a judge, a prosecutor, an investigator, and a person conducting the inquiry, when initiating, investigating and adjudicating a criminal case’¹⁰⁶.

The opinions of the above-mentioned authors show how wide the notion of ‘violations of the criminal procedure law’ is. However, it is not the consequences of all violations of the criminal procedural law, but only the consequences of substantive violations thereof that are significant for criminal proceedings.

Different approaches in the interpretation of essential violations of the criminal procedural law are explained through their estimative nature.

A.A. Shirvanov believes that a substantive violation of the criminal procedure law is an offense committed by state bodies and officials conducting criminal proceedings, as well as by parties to proceedings, where the requirements of constitutional and criminal procedure norms are violated and which, through deprivation or restraint of legally guaranteed rights of parties to proceedings (or otherwise), prevented full investigation (or adjudication of the case) and led (or might have led) to illegality and invalidity of the decision taken, whereas an insubstantive violation of the criminal procedure law, in his view, is ‘a deviation by an inquiry body, an investigator, a prosecutor, a judge, or the court, from provisions of the criminal procedure law with respect to the procedure of the actions taken; particulars of criminal procedure acts; procedural terms, if they have not affected and could not affect the legality of the judgment on the case, as well as evasion of subjects and non-subjects of proceedings from the execution of their procedural obligations’¹⁰⁷.

The issue of differentiating substantive and non-substantive violations of the criminal procedure law was addressed by L.A. Voskobitova, who believed that the main and the only sign distinguishing substantive and non-substantive violations were consequences, i.e. the degree of their influence on adjudicating a legal sentence.

In this regard, she specifies three criteria for substantiveness.

1. The violation prevents comprehensive investigation of the case, and therefore may lead to an unfounded and illegal sentence.
2. The violation in some other way affects adjudicating a legal sentence.
3. The violation may directly affect adjudicating a legitimate and reasonable sentence¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Yerofeyev G.A. Violations of criminal procedural law as grounds for review of sentences: Diss. for Cand. Jurid. Science / G.A. Yerofeyev. Sverdlovsk, 1977. P. 18.

¹⁰⁷ Shirvanov A.A. Substantive violations of the criminal procedure law as the grounds of returning cases for further investigation: dis. for Cand. Jurid. Sc. / A.A. Shirvani. M.: MIA RF Administration Academy, 1999, p. 69, 85.

¹⁰⁸ Voskobitova L.A. The system of grounds to vacate a judgment under cassation procedure / L.A. Voskobitova. M., 1985. P. 22.

Thus, the sign of a substantive violation of the criminal procedure law is rightly related by jurists to criminal proceeding consequences which have occurred or might have occurred as a result of such violations.

In our view, substantive violations of the criminal procedural law are such violations which, through deprivation or restraint of legally guaranteed rights of participants in the process of investigating and considering a case in court resulted, or could have resulted, in such criminal case referral for further investigation, the court returning the criminal case to the prosecutor in compliance with Article 237 of the Criminal procedure Code of the Russian Federation, declaring the evidence inadmissible, which affected or could have affected the legal and grounded final decision on the case.

Let us consider the characteristics of substantive violations of the criminal procedure law leading to referral of cases for further investigation by the prosecutor, the court returning a criminal case to the prosecutor for the elimination of obstacles to its consideration, as well as leading to declaring the evidence in the case inadmissible.

The law does not provide an exhaustive list of violations of the criminal procedural law which invariably lead to the prosecutor referring a case for further investigation or the court returning a criminal case to the prosecutor for eliminating obstacles to its consideration.

The theory of criminal proceedings and judicial practice treat the following investigative errors as invariably leading to the prosecutor referring a case for further investigation or the court returning a criminal case to the prosecutor for eliminating obstacles to its consideration:

- if the investigation was carried out without a criminal case being initiated, or without the investigator agreeing to process the case;
- if, instead of the preliminary investigation prescribed by the law, an inquiry is conducted;
- if the investigation has been carried out by a person subject to be disqualified for reasons provided for by the law;
- if the legal requirement for providing an interpreter to the accused, who does not speak the language in which the preliminary investigation was carried out, was not met;
- if the right of the accused to defense was not observed, particularly in cases of the compulsory participation of a defense counsel¹⁰⁹;
- if the rights of the accused and his legal counsel to be familiarized with all the materials of the completed inquiry or preliminary investigation were not observed;
- if there has not been conducted expert examination in cases where such expert examination is statutory.

¹⁰⁹ It is worth noting that we consider this violation as an error related to non-compliance with the constitutional right of a person to receive qualified, including free, legal aid - Article 48 of the Constitution of the Russian Federation.

It is worth noting that this list is not complete.

With regard to other violations of the criminal procedure law the right to adjudicate the matter of substantivity of a violation of criminal procedure requirements is vested in the subjects conducting proceedings.

Violations relating to the rules of uniting and separating criminal cases are frequent in the investigative and judicial practice and qualified as substantial violations of the criminal procedural law¹¹⁰.

The status of substantive violations is given to the violations of the Code of Criminal Procedure of the RF when drafting a statement of charge the investigator commits inaccuracy, vagueness, does not specify the charge, when the factual circumstances of the action committed does not correspond to the legal grounds of the alleged offense, when the legal qualification of the charges is out of accordance with the terms of the Criminal Code of the RF, when the subject matter of the indictment has discrepancies with the subject matter of the charges in the introduction, the resolute part of the indictment and so forth.

As a result of substantive violations of the criminal procedure law, the court (the judge) may find certain evidence inadmissible on the grounds provided in Article 75 of the Code of Criminal Procedure of the RF and to exclude from the evidence (from the evidence base) which may be referenced to, including in support of defence.

For eliminating errors, the application of rules on the admissibility of evidence plays an important role at all stages of criminal procedure. All evidence, with no exception, collected to confirm the findings of the preliminary investigation and court proceedings of the criminal case, both supporting them and refuting them, are to meet the criteria of admissibility.

Declaring evidence inadmissible is a procedural sanction aimed to exclude evidence (formally remaining in the case) from the process of proving. Thereafter neither the prosecution nor the defense may rely on such evidence to support their positions or refute the arguments of the other party. However, the law allows, while excluding evidence as inadmissible at one stage (for example, listing a court trial at the preliminary hearing), at a later stage (for example, when hearing a criminal case on the merits) to return to the excluded evidence and reinstate its legal force. This provision of the legislator is criticized by some authors as illogical¹¹¹, but we adhere to the position of the legislator, as the logic of stages in criminal proceedings is based on the following principle: each successive stage has the tools to remedy the errors of a previous stage.

¹¹⁰ See, e.g.: Denisov S.A. The legality and validity of combining and separating criminal cases. M.: 'Jurlitinform' Publishing house, 2004. P.97-129.

¹¹¹ Yakimovich L.K. Trial of criminal cases in the court of the first instance per standard procedure: Study guide. St. Petersburg: Publishing House 'Juridical Centre', 2015. P.27.

It is essential to remember that the legislator (article 88 The Code of Criminal Procedure of the RF) provides the investigator, the inquirer with the opportunity at the request of persons involved, or on his own initiative, to issue a decision and declare evidence inadmissible.

Earlier, V.D. Spasovich substantiated the theory of legitimate evidence derived from the ‘best’ source, with the cornerstone therein being the requirement to strictly comply with the law when preparing and assessing evidence, as well as receiving any evidence from a proven reliable source¹¹². Legal scholars frequently address various issues related to the inadmissibility of evidence in criminal proceedings¹¹³.

O.N. Trenbak believes that “the rationale for declaring evidence inadmissible has three criteria: obtaining evidence is related to the violation of the federal law; such violations of the federal law are substantive, i.e. they may affect the adjudgement of lawful and reasoned sentence; such violations of the federal law may not be eliminated in the trial”¹¹⁴. Y.K. Yakimovich also spoke of the substantive nature of violations of the law for declaring evidence inadmissible¹¹⁵.

The question is what to consider a significant violation of the law entailing mandatory declaring evidence inadmissible and whether the violations committed may be eliminated during the trial. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of March 5, 2004, №1 On the application of the norms of the Code of Criminal Procedure of the RF by court states that, ‘when solving the question of whether the evidence in a criminal case is inadmissible on the grounds specified in paragraph 3 of Part 2 Article 75 of the Code of Criminal Procedure of the RF, the court must find out what exactly such violation resulted in in every case’¹¹⁶. But the Plenum of the Supreme Court did not express its position on what violations of the law were to be considered substantive.

¹¹² Spasovich V.D. On the theory of forensic criminal evidence in relation to the judicial system and proceedings. St.Pb., 1861. P. 88-89.

¹¹³ Pashin S.A. Admissibility of evidence // Russian justice. 1993. №7. P.27-28; Dugin A.T. Issues of criminal-procedural violation control of the investigation of crimes under the public prosecutor's supervision: Dis. for Cand. Jurid. Sc. M., 1995. P.125; Popov V. Common errors by the court when determining the admissibility of evidence // Russian justice. 2001. №1. P.52; Gromov N.A., Zaytseva S.A. Evaluation of evidence in criminal proceedings. M.: ‘Publishing house PRIOR’, 2002. - 128 p.; Litvinova I.V. The grounds and procedure for making the prosecutor’s decision on declaring evidence inadmissible: Study guide. Irkutsk: Irkutsk Law Institute of the Prosecutor General of the Russian Federation, 2003. P.6; Bykov V.M., Sitnikova T.Y. The grounds and procedure for declaring evidence inadmissible in accordance with the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Jurisprudence. 2004. №5. P. 142 - 150; Larina E.V. Declaring evidence inadmissible in criminal proceedings (at the stage of preliminary investigation): Ab. Dis. for Cand. Jurid. Sc. M., 2005. P.10; Grishina E.P., Abrosimov I.V. Admissibility of evidence in criminal proceedings - the problematic issues of conceptual interpretation and legal regulation // Criminal proceedings. 2007. №4. P.29-30; Zubarev A.A. The Institution of declaring evidence inadmissible in criminal proceedings and the legal consequences of its application. - M.: Jurlitinform, 2012; Solovyev A.B. Gathering and application of evidence in the preliminary investigation. M.: Jurlitinform, 2012.

¹¹⁴ Trenbak O.N. Declaring evidence inadmissible and excluding it from the proceedings in a jury trial. Ab. diss. for Cand. Jurid. Sciences. Saratov, 2000. P. 7.

¹¹⁵ Yakimovich J.K. Evidence and proof in Russian criminal proceedings: Study book. - Tomsk: Publishing house of Tom. Un., 2015. P.39-40.

¹¹⁶ Rossiyskaya gazeta. 2004. 25 March.

The most comprehensive review of scientific positions on the question of what kind of violations of the law are to be considered substantive is given in the paper of V.V. Zolotyh, who offers a classification of these violations.

More specifically, V.V. Zolotyh presented the following classification.

1. Violations when evidence was obtained by an improper subject.
2. Violations when the evidence is contained in an improper source.
3. Violations of statutory procedures for obtaining evidence.
4. Violations caused by examination of evidence obtained in violation of the criminal procedure law.
5. Violations caused by the fact that the witness, the victim may not indicate the source of their information.
6. Violations leading to the fact that the jury study the evidence characterizing the defendant or other information that may form the jury's unfair prejudice¹¹⁷.

E.P. Grishina supposes that substantive violations of the law entailing compulsory declaring evidence inadmissible are the following: 1) violation of constitutional rights and freedoms of participants in criminal proceedings, obtaining evidence through deception, violence, threats or other illegal means among them; 2) violation of the procedure for investigative actions, set forth in the Code of Criminal Procedure of the RF, discrediting the validity of the information which is acquired through such action; 3) obtaining evidence by an unauthorized person; 4) obtaining evidence through a procedural action not provided for in the Code of Criminal Procedure of the RF; 5) other violations if they have affected or could have affected the reliability of the evidence obtained¹¹⁸.

V.A. Lazareva emphasizes that the evidence may only be recognized invalid in the case of significant, substantive violations of the law. A possibility to eliminate or neutralize their consequences is to be considered for other violations.

Admissibility of evidence is not its immanent quality which such evidence originally has at the moment of it being obtained and put in the case file. The conclusion on the admissibility of evidence is the result of evaluating such evidence by the investigator or the court which is set forth in a procedural decision. In the provisions of Article 17 of the Code of Criminal Procedure of the RF, the rules for excluding evidence obtained in violation of the law are set forth so that to provide the court with the right to freely and independently assess the evidence, which is the most important guarantee of real adversariality. The decision to declare evidence inadmissible has no

¹¹⁷ Zolotyh V.V. Examination of evidence admissibility in criminal proceedings. Rostov-N / D., 1999. P.45-58.

¹¹⁸ Grishina E.P. Substantive violations of the law as valid grounds for declaring evidence inadmissible // Criminal proceedings. 2007. №3. P.23.

alternative only in the cases referred to in paragraph 1 and 2 of Part 2 Article 75 of the Code of Criminal Procedure of the RF. Violations of categorical legal prohibitions to perform certain actions (Articles 7, 9, Part 2 Article 56 of the Code of Criminal Procedure of the RF) are also undoubted grounds for this decision. Evidence obtained in violation of the categorical legal prohibition is not admissible. In other cases, the court decides whether to exclude evidence taking into account all circumstances of the case¹¹⁹.

The provision of paragraph 1 of Part 2 of Article 75 of the Code of Criminal Procedure of the RF is perceived as controversial among scientists¹²⁰, with the extreme position being the assessment of the provision as descending to the theory of formal evidence, according to which evidence had a pre-determined value and legal force. But its presence in modern criminal proceedings is a necessity since the norm under consideration 'is an important safeguard against self-incrimination and confession of guilt by the accused and the suspect under the influence of physical or mental violence the use of which, thanks to this norm, has virtually no sense'¹²¹.

Y.A. Lyakhov also believes that the provision of Sec. 1 Part 2 Article 75 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is specifically aimed at eliminating illegal methods of interrogating the accused and suspects. The legislator reasonably supposed that in the presence of a legal counsel chosen by the accused or a suspect investigating authorities would not 'beat' the evidence they needed out of the persons being interrogated. It is quite another thing when a legal counselor is appointed, invited by the investigator or the inquirer. It is no secret that there are pliable, friendly to investigators, legal counselors who are, as a rule, invited in such cases. It is they who help investigators and inquirers bypass bans on inadmissible evidence. As a result, investigators and inquirers instead of a serious verification of the testimony of the accused and suspects try to 'solidify' them, create the conditions under which the ones under interrogation will not abandon these testimonies. The inferiority of such investigations and the damage they cause are obvious. This all is due to the fact that, according to Article 52 of the Code of Criminal Procedure of the RF, the refusal of the accused and the suspect from a legal representation in all cases is not mandatory for an inquirer, an investigator and the court¹²².

Very often, when considering the inadmissibility of evidence, Russian researchers turn to the US approach to this issue (the rule of 'fruit of the poisonous tree', 'Miranda rights', etc.).

¹¹⁹ Lazareva V.A. The evidence in criminal proceedings: study pract. guide. - M.: Higher Education, 2009. - 344 p. P. 170 - 172.

¹²⁰ Boykov A.D. The new Criminal Procedure Code of Russia and issues of crime control // Criminal Law. 2002. №3. P.65; Kussmaul R. Discriminatory provisions of the new Criminal Procedure Code // Russian justice. 2002. №9. P.32; Bykov V.M. Sitnikova T.Y. The grounds and procedure for declaring evidence inadmissible according to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Jurisprudence. 2004. №5. P. 142 - 150.

¹²¹ Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / under gen. ed. A.V. Smirnov. 2nd ed., Ext. and rev. St.Pb., 2004. P. 216.

¹²² Lyakhov Y.A. Priorities in criminal-procedural law-making// State and law. 2010. №8. P. 46.

Indeed, in the Anglo-Saxon system of case-law, all these rules are important and may be to a certain extent useful for the Russian legal system, although even in the US there are certain exceptions to all of these rules¹²³.

The procedures of declaring evidence inadmissible require further development. As it is rightly noted by E.V. Selina, ‘the regulation of pre-trial proceedings lacks a mechanism for declaring evidence inadmissible’¹²⁴. There are problematic issues in the regulation of the mechanism for declaring evidence inadmissible in court proceedings as well.

According to Article 88 of the Code of Criminal Procedure of the RF, motions for declaring evidence inadmissible may be filed with the subjects conducting the criminal proceedings by the suspect and the accused, and their legal counsel and legal representative as well. Apparently, the same right should be granted to the victim, the civil plaintiff and the defendant, and their representatives.

The procedure of declaring evidence inadmissible through issuing relevant decisions by subjects conducting criminal proceedings should begin at the stage of initiating a criminal case¹²⁵, continue at the preliminary investigation stage and further – at judicial stages of criminal proceedings.

It is assumed that during preliminary investigation the investigator, or the inquirer, has all procedural possibilities for collecting new evidence in substitution for inadmissible one. Exclusion of inadmissible evidence from the process of proving during the preliminary investigation will allow the person producing the investigation to take timely measures to replenish the lost evidence by obtaining new evidence, to have a correct idea about the volume of the collected evidence, and to decide on their adequacy for making a decision in a criminal case. In this case, inadmissible, in their opinion, evidence should remain in the criminal case file, because when further considering the case, the subjects conducting criminal proceedings may re-examine the issue of declaring the excluded evidence admissible¹²⁶.

We also believe that the prosecutor, the head of the investigative agency, the head of investigation unit, the head of the inquiry agency should be entitled, in the exercise of prosecutorial supervision and institutional control, to make a decision on declaring faulty evidence in a criminal case inadmissible.

¹²³ Shcherbakov S.V. Exceptions to the rule on the inadmissibility of evidence in criminal proceedings in the USA. Legal reference system ‘ConsultantPlus’.

¹²⁴ Selina E.V. The admissibility of evidence and judicial discretion in criminal proceedings // State and Law. 2009, №8. P.31.

¹²⁵ Bragin E.A. The procedure and legal consequences of declaring evidence inadmissible in Russian criminal proceedings. Ab. diss. for Cand. Jurid. Sc. Chelyabinsk, 2003. P. 16.

¹²⁶ The resolution of the Plenum of the Supreme Court of March 5, 2004 №1 ‘On the application of norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by courts’ / Rossiyskaya Gazeta. 2004. March 25.

The question of separating the evidence into admissible and inadmissible is to be addressed, as the main question, at the stage of listing a trial during the preliminary hearing. Moreover, the approach to this separation should be responsible not only in criminal cases heard by a jury, but also in all other cases heard by the ordinary court.

When hearing a criminal case on the merits, the court may the question of declaring evidence inadmissible again: the parties may file this petition at any time of court proceedings. In practice, this creates a certain chaos: the presiding judge in the jury court has to decide the question of evidence admissibility behind the doors closed for the jury; in regular proceedings the court, as a rule, immediately after receiving such motion (usually written) retires to the chambers and makes a decision as an individual ruling, and quite often, refusing to find evidence inadmissible, the court applies the following wording: the decision on the evidence being admissible or inadmissible will be given by the court in the sentence upon examining all the circumstances of the case.

In theoretical research the question related to the time of making the decision on declaring evidence inadmissible is debatable. For example, V.V. Zolotyh at his time believed that the issue was to be resolved before adjudicating the sentence in the case¹²⁷. But there was an opinion that the court was able to rule on the recognition of evidence inadmissible only in the sentence¹²⁸.

We agree with V.M. Bykov and T.Y. Sitnikova saying that the court may declare evidence inadmissible both upon its own initiative or at the request of the parties to exclude the evidence obtained in violation of the Code of Criminal Procedure of the RF, and during the trial, and when determining the sentence¹²⁹.

In Krasnoyarsk Territory in the criminal case of R.¹³⁰, who was accused of accepting bribes, forgery and abuse of authority, at each of the seven sessions of the court hearing, the legal counsel of the accused filed up to three written motions to declare evidence inadmissible. Each time the judge responsibly left for the chambers and made a reasoned ruling with regard to each motion in which he either declared evidence admissible or set aside such decision for after interrogating witnesses, investigators, operational staff, etc.

After the interrogation of these persons, the judge again retired to the chambers to resolve on the motions filed and, as a rule, found in favour of declaring them admissible or ruled as follows: the question of the admissibility of evidence is to be addressed at the stage of sentencing.

¹²⁷ Zolotyh V.V. Examination of evidence admissibility in criminal proceedings. M., 1999, p.262.

¹²⁸ Sokolov A. The procedure for admission of invalid evidence in a court of law // Russian justice. 1994. №10. P.15; Tenchev E., Kuzmina O.V. Objective truth and the jury trial // State and law. 1994. №11. P.134; etc.

¹²⁹ Bykov V.M. Sitnikova T.Y. The grounds and procedure for declaring evidence inadmissible according to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Jurisprudence. 2004. №5. P. 150.

¹³⁰ Criminal case №17-19. Kan City Court of Krasnoyarsk Territory Archives, 2012.

On the surface everything looked immaculate: the judge immediately responded to a motion, left for the chambers, took the decision to clarify the additional circumstances related to the implementation of procedures of proving the case during the preliminary investigation, ruled on the admissibility of evidence in a separate judgment.

However, in the opinion of the defense, it all seemed like ‘a rescue operation’ on the judges’ part to keep at any cost the evidence produced in the preliminary investigation. And, each time when the evidence was found admissible, all participants in the proceedings understood that by doing so the judge would have to eventually take all this evidence into account when determining a sentence.

In our opinion, considering motions to declare evidence inadmissible filed by parties should be as follows: if the parties during criminal proceedings file a motion to declare any evidence inadmissible (including those which the court found admissible at the preliminary hearing – article 235 of the Code of Criminal Procedure of the RF), the court does not examine the evidence, it collects all motions of the inadmissibility of evidence and addresses them on the merits in the end of the trial in the chambers in the form of a ruling. Moreover, the court may take additional judicial actions to resolve the issue of the admissibility or inadmissibility of evidence referred to in the motions. If evidence is found admissible, they are studied in the end of the trial. And, when determining the sentence for the case, the court may on its own initiative declare any evidence inadmissible, even the evidence found admissible at an earlier stage.

The issue of evidence admissibility is of particular relevance when proving applies the results obtained when carrying out the operational-search activity¹³¹.

For example, according to I.L. Petruhin, ‘it is not operational data themselves, and but the information enclosed in procedural form based on them, or obtained through them, that may be

¹³¹ Zazhitsky V.I. On the application of operational-search/immediate-search activity/criminal intelligence/operational and search activities findings in proof // State and law. 2010. №7. P.61-71; Polyakov M.P. The concept of criminal procedure interpretation of operational-search activity/criminal intelligence findings // State and law. 2005. №11. P.47-51; Baskov V.I. Operational-search activity/criminal intelligence. Study guide. M., 1997; Popov, N.M. Operational investigation support of pre-trial preparation in Russian criminal proceedings // Ab. diss. for Cand. Jurid. Sc. Nizhniy Novgorod, 1997; Bednyakov D.I. Non-procedural information and investigation of crimes. M., 1991; Shumilov A.Y. The origins of criminal investigative law. M., 1998; Ovchinskiy S.S. Operational-search / information. M., 2000; Meshkov V.M. Operational-search tactics of legalizing the information obtained during the preliminary investigation. M., 1999; Polyakov M.P. The application of operational-search findings in proof // International research and application conference ‘The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the year of law enforcement and teaching’ proceedings. M., 2004; Znikin V.K. Operational-search activity as a system of obtaining and gathering criminal procedure evidence. Study guide. Kemerovo, 2000; Kotukhov M.P. The conversion of operational-search activity findings into evidence. Ab. diss. for Cand. Jurid. Sciences. M., 2002; Dolya E.A. Developing evidence on the basis of operational-search activity. M., 2009; Demidov I.F. The value of operational and search activities for criminal proceedings // Judicial reform and criminal justice issues. Collection of academic papers. M., 1995; Zakhartsev S.I., Rokhlin V.I. Legal regulation of applying operational-search findings in foreign countries // Jurisprudence. 2004. №2. P. 111-122. /.

evidence in the case'; 'operational data processed through the criminal procedure and therefore ceasing to be operational may be used as evidence'¹³².

E.A. Dolya¹³³, S.A. Shaifer¹³⁴, etc. agree with I.L. Petruhin.

V.I. Zazhitskiy, who believes that evidence is operational data incorporated into the criminal case¹³⁵, has a different position.

Russian legislation and practice currently has a balanced approach, which prevails, to recognizing the admissibility of evidence obtained on the basis of the operational-search activities; before becoming evidentiary, corresponding to all the canons of evidence accepted in criminal proceedings, operational-search information is to go through certain procedures of legalization.

This research has found that evidence obtained under the following circumstances was most commonly declared inadmissible:

- as a result of the investigation held prior to the initiation of a criminal case or accepting it to processing (except those authorized by the Code of Criminal Procedure of the RF);
- with a violation of the procedure for investigative actions: interrogation of the perpetrator, as a witness; non-receipt of signed confirmation from witnesses, victims, the expert, the interpreter of them being informed of criminal liability under Art. 307 of the Criminal Code of the RF, and for witnesses and victims under Art. 308 of the Criminal Code of the RF as well; participation in investigative actions of one witness or bringing persons involved as witnesses; gross violations of the rules of performing records of investigative actions (no date specified, non-stipulated corrections, additional notes, etc.); gross violations of the procedure for investigation, etc.;
- with the violation of the procedure for the relations of investigators with the relevant agencies of other states, etc.

During our research, we have not encountered a single case of the court declaring the following to be substantive violations of the criminal procedural law:

- failure to serve the persons involved with copies of the records of procedural documents when such serving is provided for by the law, notices of the termination of criminal proceedings;
- a violation of the procedure of call to the interrogation of a suspect, a defendant, a witness, a victim;

¹³² Petruhin I.L. *Privacy (the man and power)*. - M.: The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 1998. P. 56-58.

¹³³ Dolya E.A. *The application of operational-search findings in proof*. M., 1996. P.66-72; Dolya E.A. *The application of operational-search findings in proof in criminal cases // Russian justice*. 1995. №9. P.57-59.

¹³⁴ Shaifer S.A. *The use of non-procedural cognitive activities in proving the criminal case // State and Law*. 1997. №9. P. 57-59.

¹³⁵ Zazhitskiy V.I. *The relation of operational-search and criminal procedure activities in Russian legislation // Russian justice*. 1996. №4. P. 51-52.

- a violation of the requirements of the Code of Criminal Procedure of the RF with regard to the obligation to provide clarifications and observe the rights of persons involved in the case¹³⁶.

The Code of Criminal Procedure of the RF does not define the notion of ‘substantive violations of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation’, but this does not mean that it is impossible to talk about the substantiveness of procedural violations.

The public prosecutor, according to Sec 15 part 2 article 37 of the Code of Criminal Procedure of the RF, may refer a criminal case to the investigator with instructions for further investigation. In this case, having received a case with an indictment conclusion from the investigator, he may refer it back to the investigator for additional investigation or redrawing the indictment and eliminating the observed shortcomings with his written instructions (p.3 Part 1 Article 221 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). That is, in our opinion, it is the substantive violations of the Code of Criminal Procedure of the RF which the prosecutor revealed (particularly substantive ones, not any) that will be included in the notion of ‘shortcoming’ of the case investigated.

At the same time, having received the case with the indictment from the investigator, according to article 226 of the Code of Criminal Procedure of the RF, if there are substantial violations of the Code of Criminal Procedure of the RF, the prosecutor has the power to refer the criminal case to the investigator for the preliminary investigation.

During the trial of a criminal case the court of the first and second instances, when it detects both substantive, and minor violations of the criminal procedure law has, within the powers granted to it, either correct these violations and make a final decision in the criminal case (unlike previously, it may not refer the case for further investigation – Articles 254, 302, 322, 350, 389-15 of the Code of Criminal Procedure of the RF), or refer the criminal case to the prosecutor in accordance with Article 237 of the Code of Criminal Procedure of the RF.

When considering a criminal case, the appeal, cassation, supervising instances may establish substantive violations of the criminal procedural law, which will be the grounds for reversal or revision of the judgment and other court rulings (Articles 389-15, 401-15, 412-9 of the Code of Criminal Procedure of the RF).

Furthermore, the court is entitled to, when the criminal case trial identifies violations of the rights and freedoms of citizens and other violations of the law committed during the inquiry, preliminary investigation or the criminal case hearing by the lower court, make a particular decision or ruling to draw the attention of the organizations and officials to such circumstances

¹³⁶ Appendix №1.

and violations of the law requiring certain steps to be taken (part 4 Article 29 of the Code of Criminal Procedure of the RF).

Errors related to incorrect application of the criminal law

Criminal procedural activity is largely related to the correct application of the substantive (criminal) law¹³⁷ and non-violation of the prohibitions set forth for the subjects of the Criminal Code of the RF conducting criminal proceedings.

33.3% of the judges, 27.8% of prosecutors, 20,9% of lawyers surveyed name this type of error to be the most common¹³⁸.

Investigative and judicial errors related to incorrect application of the criminal law are as follows:

- non-application of the norms of the Criminal Code of the RF, which are subject to the application, by investigative agencies;
- application of the norm which is not proper to be applied;
- misinterpretation of the law, contrary to its exact meaning.

It is good to bear in mind that among the criminal law norms, there are norms with so-called blanket disposition, which does not define all the elements of a crime. For their establishment it is necessary to refer to the legislative or other normative acts of other branches of law.

Most norms of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation¹³⁹, a number of norms of other chapters of the Criminal Code of the Russian Federation are blanket ones.

V.N. Kudryavtsev says that one of the stages of applying a criminal law norm is deciding which criminal law norm stipulates the crime committed and securing the decision in a criminal procedure act. This is what qualification of the act is¹⁴⁰.

Other authors give a slightly different definition of qualification. For example, B.A. Kurinov defined qualification as a process of establishing the equivalence of a specific case to the features of an offense set forth in a norm of the Special Part of the Criminal Code¹⁴¹.

¹³⁷ On the relation of criminal procedure proof and criminal legal qualification see: Barabash A.S. The essence of criminal proceedings and their role in establishing the responsibility of the offender - Krasnoyarsk: Krasnoyarsk. St. Agrarian University Publishing House, 1997. P.60-63.

¹³⁸ Appendix №44.

¹³⁹ Gorelik A.S., Shyshko I.V., Hlupina G.N. Economic crimes and crimes violating the interests of commercial and other organizations / A.S. Gorelik, I.V. Shyshko, G.N. Hlupina. - Krasnoyarsk: Krasnoyarsk. St. Agrarian University Publishing House, 1998. P.8; Lopashenko N.A. Issues of economic crimes classification / N.A. Lopashenko. Saratov. Publishing House of Saratov State University, 1997, p. 8.

¹⁴⁰ Kudryavtsev V.N. The general theory of crimes classification / V.N. Kudryavtsev. - M.: Jurid. Lit., 1972. P.18.

¹⁴¹ Kurinov B.A. Scientific foundation of crimes classification / B.A. Kurinov. - M.: MSU Publishing House, 1976. - P. 7.

Qualification is also defined as establishing an exact match (equivalence) of an act committed (action or omission) to all, and to the full extent, component elements of a crime under such provision of the Special and, as appropriate General, Part of the Criminal Code¹⁴². In other words, the latter may give rise to an idea of qualification as a process of mainly applying the Special Part. However, we think that incorrect application of the criminal law (application of an inapplicable law) relates to almost all the provisions of the Criminal Code of the RF.

Investigative and judicial errors which occur due to incorrect application of the criminal law may be classified in accordance with the structure of the Criminal Code of Criminal Procedure of the RF.

1. Errors related to incorrect interpretation of the criminal law effect in time and space – Ch. 2 of the Criminal Code of the RF.

For example, the issues related to the correct application of the rule of retroactivity of the criminal law enshrined in Art. 10 of the Criminal Code of the RF are difficult for law enforcers.

2. Errors related to incorrect interpretation of cumulative crime, repetition of crimes – Ch. 3 of the Criminal Code of the RF.

3. Errors related to wrong resolution of questions concerning the age when criminal responsibility appear, incapacity and criminal liability of persons with mental disorders not excluding sanity – Chapter 4 of the Criminal Code of the RF.

4. Errors related to incorrect establishment of the form of guilt for the crime committed – Chapter 5 of the Criminal Code of the RF.

5. Errors related to incorrect determination of a committed crime and an inchoate crime, i.e. preparation for a crime and an attempted crime, voluntary abandonment of a crime – Chapter 6 of Criminal Code of the RF.

6. Errors related to incorrect determination of criminal complicity, an excessive act of a perpetrator – Chapter 7 of the Criminal Code of the RF.

Our study shows that it is particularly difficult for practitioners to distinguish between crimes committed with preliminary conspiracy by a group of persons, by an organized group or a criminal association.

7. Errors related to incorrect determination of the circumstances excluding criminality of an act – Chapter 8 of the Criminal Code of the RF (justifiable self-defense, causing harm when arresting a perpetrator, extreme necessity, physical or mental coercion, reasonable risk, execution of superior orders).

¹⁴² Criminal law of Russia. Special part: textbook / Ch. Ed. prof. B.V. Zdravomyslov. - M.: Jurist, 1996. P. 12.

8. Other mistakes in qualifying socially dangerous acts¹⁴³.

Given that correct qualification issues are the subject of criminal law research of jurists specializing in criminal law, we shall only mention the most common error in qualifying, in some cases committed by the investigator deliberately, i.e. ‘overstating’ the qualification of an act.

The first thing to mention is that the qualification of a criminal offense the investigator provides is always preliminary. It may be corrected by the court (the judge) at further stages of criminal proceedings of the case.

However, the existing rule of ‘prohibition to reverse for a more serious one’ when re-qualifying a criminal offense gives rise to the appearance of investigative errors, whose correction after the prosecutor approving the indictment becomes impossible without referring the criminal case for further investigation. If this happens in court, the court now has the right to return a criminal case to the prosecutor for the obstacles to its consideration to be removed.

The practicality and value of this rule is that it provides the accused with the right to defence, since in case of a substantial revision of the charges (both in volume and qualifying the act as a more severe crime) the accused is left not prepared for the defence.

Law enforcement officials in an effort to hedge against having a case referred to them for further investigation widely apply, when classifying the charges during investigation and inquiry, the method of so-called ‘excessive qualification’, i.e. in cases where a criminal offense is difficult to be qualified, just to be on the safe side, they qualify it as a more serious crime according to an article (or part of an article) of the Criminal Code of the RF, providing for all the qualifying circumstances of the act and a maximum sentence as a penalty, while arguing that be the charges not confirmed, the evidence insufficient, the testimony of the persons involved in the case changed, etc., the court (he judge) is always able to reclassify the crime towards mitigating the qualification and punishment therefor without the case being referred back to the prosecutor.

This practice artificially creates conditions for investigative errors to appear in a criminal case, has adverse criminal procedural consequences for the accused which are primarily expressed in the fact that qualification of his actions as a more serious crime in accordance of an article (of part of an article) of the criminal law may result in the application of the most stringent preventive restrictive measure of detention.

¹⁴³ Writing their texts, authors of textbooks on criminal law and commentary to the Criminal Code of the Russian Federation, as a rule, adhere to the logic preset by the structure of the Criminal Code of the RF and structure the content of their texts so as to prevent the law enforcer from committing an error. See, for example: Criminal Law. General part: textbook / ed. A.N. Tarbagaeva. Moscow: Prospect, 2016. P. 441-445; Criminal law. Special part: textbook / ed. I.V. Shyshko. Moscow: Prospect, 2016. P. 742-747.

Therefore, the question of legislatively refusing from the rule of ‘prohibition to reverse for a more serious one’ in criminal proceedings when revising charges is of particular relevance, since this rule, while ensuring certain legal procedures, does not affect the accused's right to defence.

It would be quite reasonable for the prosecutor, when approving an indictment, to issue a decision on changing the crime qualification for a more serious one with the facts of the case established by the investigator being constant, to immediately familiarize the accused and his legal counsel with the decision, to provide them with the possibility and reasonably adequate time to prepare defense against a new crime qualification, further study the case file for the accused to give relevant explanations in the course of interrogation and file new motions.

The referral of the case to the prosecutor for re-qualification of a criminal act is postponing the moment of criminal responsibility.

In court hearing, a dispute about the qualification means open presentation of arguments with the prosecutor being the first to offer the qualification.

The legal counsel, the defendant further on in their speeches, in the debate, in a comment, finally, in the pre-imposition statement of the defendant may object to the qualification revision by the public prosecutor. If they need time and the criminal case materials to prepare for objections and defence against the new charges, the court (the judge) at the request of the defense lawyer, or the defendant, may adjourn the hearing for the time necessary.

The characteristic of errors’ structure would be incomplete if it did not show the place of fundamental errors therein. Modern realities of criminal procedural activity have prompted us to separate and study this new type of errors¹⁴⁴.

A norm of previously applied Article 405 of the Code of Criminal Procedure of the RF has become a subject of lively debate in juridical literature. The wording of sec. 3 Article 405 of the Code of Criminal Procedure of the RF as amended of March 14, 2009, introduced a new notion of ‘fundamental violations’, which, according to P.A. Lupinskaya, was specified neither in the Code of Criminal Procedure of the RF nor in the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation. Moreover, along with a list of specific violations of the criminal procedural law, which were classified as fundamental ones, the law contained judgmental notions of ‘deprivation’ or ‘limitation’ of rights which affected the legality of the sentence, rulings or judgment of the court¹⁴⁵.

¹⁴⁴ Nazarov A.D. Fundamental errors in Russian criminal Proceedings. Issues of theory and practice. LAPLAMBERT Academic Publishing, 2011; Nazarov A.D. Errors in detention as a kind of fundamental errors // Coll. ac. papers from the proceedings of Int. research and practice conference ‘High-potential innovations in science, education, manufacturing and transport’. T.15. Law and political science. Odessa, 2011. P. 3-8; Nazarov A.D., Drobyshevskiy S.A. ... Erroneous Detention as a Type of Fundamental Mistake in Criminal Procedure // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2012. № 5. et al.

¹⁴⁵ Lupinskaya P.A. Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice // M., 2010. P.1.

A.A. Davletov assumed that this provision, set forth in Art. 405 of the Code of Criminal Procedure of the RF, on the one hand, made it possible to correct a judicial error not in favor of the convicted or acquitted, but on the other hand, after one year, maintained the verdict in favor of the convicted and acquitted¹⁴⁶.

Having said that, there were significantly more opponents to Article 405 of the Code of Criminal Procedure of the RF. According to F.N. Bagautdinov, “this provision does not comply with the principle of equality of parties to criminal proceedings because it gives one party an unfair advantage in the realization of their rights ... As a result, the victim may not fully exercise their right to judicial protection and fair justice”¹⁴⁷.

A.D. Boykov was against revision of a case for a more serious crime in court proceedings of the supervisory instance. According to him, *non bis in idem* principle is not applicable in this case: it is not about re-conviction, but about eliminating a judicial error committed in the interest of legitimacy, justice, real respect for human rights¹⁴⁸.

In P.A. Lupinskaya’s opinion, the wording of Part 3 of Art. 405 of the Code of Criminal Procedure of the RF indicated that making a conclusion of the fundamentality of a violation in the cases when the law does not specify a list of such violations, requires a series of value judgments with regard to the established violations of procedural law, namely, whether a party to the trial has been deprived of their rights or severely restricted in them as a result of the violations of the law committed. “With this in mind, the conclusion of the substantivity (fundamentality) of a violation requires a direct conclusion on whether the violation committed affected the legitimacy of the judgment or ruling of the court”¹⁴⁹.

The position of P.A. Lupinskaya was supported by I.S. Dikaryev, who said that the Constitutional Court of the RF had not specified the notion of ‘fundamental violation affecting the outcome of the case’, outlining only its general features. In particular, the Constitutional Court of the Russian Federation pointed out that exceptions to the general rule prohibiting the revision of the case for a more serious crime were only appropriate as a last resort, when the failure to correct a miscarriage of justice would distort the very essence of justice, the meaning of the sentence as an act of justice, destroying the required balance of constitutionally protected values, including the rights and legitimate interests of convicts and victims.

In addition to that, the legal certainty on the question of what constitutes a ‘fundamental violation’ is crucial, because what meaning the notion is given depends on defining when it is admissible to revise a final effective court judgment, rulings, or orders of the court, on the grounds

¹⁴⁶ Davletov A.A. Criminal proceedings of the RF. Ekaterinburg, 2011. P. 213.

¹⁴⁷ Bagautdinov F.N. Securing public and private interests in crime investigation. M., 2004. P. 309.

¹⁴⁸ Boykov A.D. Victims of Crime // Mirovoy sudya. 2006. № 10. P. 24.

¹⁴⁹ Lupinskaya P.A. Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice. P.2

entailing the deterioration of the position of the convicted (the acquitted). The legislator tried to solve this problem through wording sec.3 Article 405 of the Code of Criminal Procedure of the RF as follows: “The fundamental violations include violations of the criminal procedural law which resulted in a sentence by the court of illegal composition or the verdict delivered by the jury of unlawful composition, as well as those that deprived participants in criminal proceedings of the possibility to exercise the rights guaranteed by this Code, on a fair trial on the basis of a principle of adversariality and equality of the parties, or significantly restricted these rights, if such deprivation or restriction affected the legality of the sentence, ruling or decision of the court”¹⁵⁰.

The above described position indicates the amorphousness of the category ‘fundamental violations of criminal procedure’ existing earlier. The presence of judgmental notions prevented from considering this category in a particular perspective. The Court had to determine the extent to which (significantly or insignificantly) the rights of participants in criminal proceedings were restricted and whether these restrictions had affected the legality of the sentence. With the discretion of the court, the assessment of the nature of a violation could always have some uncertainty, one-sidedness, and controversiality, which could lead to judicial errors.

Fundamental criminal procedural violations were one of the most controversial categories in the criminal procedure legislation. There were also disputes related to the essence of this phenomenon.

The development of the legislation leaned towards the rejection of the category of fundamental criminal procedure violations. But we, however, by analogy with the concept of fundamental violations of criminal procedure, believe that it is possible to introduce the concept of fundamental errors in criminal court proceedings into scientific and practical usage, since the price of different errors to humans, society and the state is different. And where the price of failure for the person, society and the state is very high, there is a sense, in our view, to talk about the fundamentality of errors, which entails an elevated attention to them from researchers and law enforcers, a special criminal procedure mechanism of prediction, detection, correction and elimination thereof.

In our view, **fundamental errors** are not criminal acts or omissions of subjects conducting preliminary investigation and a court hearing of the criminal case that resulted in particularly substantive violations of the legitimate rights and interests of people, society and the state in criminal proceedings.

1. application by law enforcement officials (primarily – operational officers) of unlawful violence (primarily – torture, physical violence) to ‘suspected’ persons, suspects, the accused to

¹⁵⁰ Dikaryev I.S. The concept of ‘fundamental violation’ in criminal proceedings // Russian justice. 2009. № 6. P. 3.

obtain their testimony about the crime not established by the subjects conducting the preliminary investigation and the trial of the criminal case;

2. application by law enforcement officials (primarily – operational officers) of provocations of criminal manifestations not established by the subjects conducting the preliminary investigation and the trial of the criminal case;

3. Errors committed by subjects conducting the preliminary investigation and the trial in the collection, verification and evaluation of evidence in a criminal case, in the application of the penal law resulting in the suspect, the accused, illegally detained (not detained), illegally held (not held) in custody, illegally sentenced to excessively severe (especially to a real term of imprisonment) or too lenient punishment.

Failure to establish the application of illegal methods against suspects, defendants, the accused by subjects conducting criminal proceedings

The problem of using ‘torture techniques’ in the activities of law enforcement officials involved in the orbit of operational-search investigation and criminal proceedings, the fight against torture and other cruel, inhuman or degrading treatment, are relevant to many countries in the world, Russia among them.

L.A. Zashlyapin in his study noted that 86% of lawyers surveyed in Chita region believed that it was investigators and inquirers (operational officers) that most often applied such criminal coercion to testify¹⁵¹. 270 police officers and prosecutors interviewed by I.V. Buneva not only confirmed the fact that the lawyers above noted, but informed of a broader distribution of this phenomenon unacceptable in a democratic society. Only 4% of respondents stated that they did not use illegal methods in obtaining evidence¹⁵². Violent pressure from law enforcement officials leads to the fact that the accused even confess to the most serious crimes – murders. The data of several years collected by V.I. Sankov in Voronezh region indicate that out of 14 persons accused of murder, whose innocence was later proved and the prosecution dismissed for rehabilitating grounds, 12 persons confessed to the crime as a result of torture and other unlawful methods applied to them¹⁵³.

The suspect, or the accused, as a result of illegal methods applied to him by law enforcement officers during interrogations by the inquirer, the investigator, in court ‘voluntarily’ gives evidence of the crime which may be either true (the suspect, the accused is indeed guilty,

¹⁵¹ Zashlyapin L.A. The principles of the procedure for the investigation into investigators and inquirers criminal activities: Ab. Dis. for Cand. Jurid. Sciences. Ekaterinburg, 1993. P. 3.

¹⁵² Buneva I.Y. Criminal liability for coercion to testify: Ab. Dis. for Cand. Jurid. Sc. Omsk, 2002.

¹⁵³ Sankov V.I. The tactics of interrogation of the person confessing to the murder // Criminalistic means and methods of crime investigation. Voronezh, 1999. P. 79.

committed a crime, but the confession of committing a crime is only given after being subjected to violence and torture), or false, including defamation, self-incrimination. Such inadmissible evidence start the chain of investigative, prosecutorial and judicial errors and, at times, crimes (for example, negligence) committed by inquirers, investigators, prosecutors and judges.

Our study held in the Mid-Siberian region in 2002- 2013 showed that 7% of the cases during preliminary investigation and in 12% of cases during court proceedings of criminal cases defendants (and their legal counsels, legal representatives) made statements of the application to them in the process of inquiry or preliminary investigation of illegal methods of investigation (most often threats, beating by operation officers or detention in so-called ‘sweatboxes’ in confinement units, etc.)¹⁵⁴.

A.A. Vasyayev, investigating the problem, has concluded that in 74% of criminal cases defendants made statements about the application to them of illegal methods of investigation. The jurist critically examines the prosecutor's inspections conducted with regard with these statements, as well as the actions of the court to check these claims validation. He believes that ‘to reverse this state of affairs may only be done through training (professional level, the strengthening of moral principles) of law enforcement officers and focusing them on observing the rights and legitimate interests of the individual’¹⁵⁵. Of course, it is a good intention, but it is impossible to do anything without procedural mechanisms compensating for this negative phenomenon.

International law distinguished three categories of prohibited conduct.

1. Torture – deliberate inhuman treatment causing very serious and cruel injuries.
2. Inhuman treatment – inflicting severe physical and moral suffering.
3. Degrading treatment – mistreatment aiming at causing the victim to feel fear, anguish and inferiority which may humiliate and debase them and possibly break their physical or moral resistance¹⁵⁶.

¹⁵⁴ See: Nazarov A.D. Investigative errors at pre-trial stages of criminal proceedings; Nazarov A.D. The effect of investigative errors on court errors; Nazarov A.D. Fundamental errors in Russian criminal proceedings; Nazarov A.D. Issues of implementing European standards for effective investigation in Russian criminal proceedings // Russian justice. 2010. №11. P.73-74; Nazarov A.D. The activities of the court in identifying the evidence obtained through illegitimate (illegal) methods // Rossiyskiy sudya. 2010. №11. P. 29-31; Nazarov A.D., Brester A.A. Failure to observe constitutional rights and freedoms of the person and citizen in criminal proceedings relating to the application of illegal methods by operational officers // Siberian Federal University Journal. S. Humanities. 2011. V.4. №2. P. 267-273; Nazarov A.D. The European standard of effective investigation - a reliable mechanism for protection against torture in the activities of the new police force of Russia // Current issues of crime control in the Siberian region: coll. mater. Krasnoyarsk, 2011. p. 125-129, etc.

¹⁵⁵ Vasyayev A.A. On applying illegitimate methods of investigation to the suspects (accused) in criminal proceedings / Justice administration system in criminal cases in modern Russia as social interaction between the individual and the state (Text): collection of academic articles: in 2 parts. Part 2 / ed. staff: T.K. Ryabinina (Ch. Ed.), A.A. Kovyazin (Ch. Ed.) (Et al); Kursk St. Tech. Univ. Kursk, 2009. 340 p. P.195-200. P.200.

¹⁵⁶ Gomien D., Harris, D., Zvaak L. The European Convention on Human Rights and the European Social Charter: law and practice. M., 1998. P. 136.

Unfortunately, all these three variants of prohibited behavior, most often of operational officers, may be seen in our criminal proceedings having a distorting effect on the results of investigation, i.e. contributing to the emergence of investigative and judicial errors in criminal cases.

This means that the problem of the influence of these negative factors in the criminal proceedings still remains. It has remained with us for a long time and is a stimulus for both fundamental research and the search for optimal solutions related to the judicial and legal reform in our country¹⁵⁷.

Article 3 of the European Convention on Human Rights (hereinafter – the ECHR) states that ‘no one shall be subjected to torture or to inhuman or degrading treatment or punishment’. The state under no circumstances is allowed to deviate from the requirements of this article, which has been repeatedly emphasized by the European Court of Human Rights (hereinafter – the Court or the ECtHR).

Another disturbing fact is that every year in compliance with Articles 2 (right to life) and 3 (prohibition of torture) the Court of ECHR makes a significant amount of rulings against Russia.

Article 3 of the ECHR, as the Court has pointed out many times¹⁵⁸, ‘enshrines one of the fundamental values of a democratic society. *Even in the most difficult circumstances, such as the fight against organized terrorism and crime, the Convention clearly prohibits torture or inhuman or degrading treatment or punishment.* Unlike most of the substantive provisions of the Convention and Protocols 1 and 4, *Article 3 makes no provision for exceptions and no derogation thereof is permitted:* according to Article 15, it does not cease to act even in the case of public emergency threatening the life of the nation’¹⁵⁹.

No situation of acute necessity may justify application of torture, inhuman and degrading treatment.

The Court specifies that ‘no matter what impact a confession obtained from the applicant under the pressure had on the outcome of criminal proceedings, this evidence has made the criminal proceedings unfair ... in the present case there has been a violation of sec. 1 Art. 6 of the Convention’¹⁶⁰.

¹⁵⁷ Boykov A.D. The third power in Russia. Essays on justice, legitimacy and judicial reform in 1990-1996. M., 1997. P. 47-48.

¹⁵⁸ ‘Greek case’ (Denmark, Norway, Sweden and the Netherlands v. Greece N 3321/67, 3322/67, 3323/67 and 3324/67 (1969)) // URL: www.echr.coe.int. Access from legal reference system ‘Consultant-Plus’.

¹⁵⁹ The court’s ruling in Aksoy vs Turkey, p. 62. Access from legal reference system ‘Consultant-Plus’.

¹⁶⁰ Mostipan vs Russia. The ruling of the European Court of Human Rights of 16 October 2014. Access from legal reference system ‘Consultant-Plus’.

The Court also points out that Article 3 “categorically prohibits torture and inhuman and degrading treatment and enshrines the application thereof *irrespective of the reprehensible nature of the individual's behavior*”¹⁶¹.

In our opinion, the use in proving any inadmissible evidence received from the defendant as a result of applying to him illegal methods by the operational officers, investigators, etc., not detected (not established, not identified) or, which is even worse, ignored by the judge is a rough judicial error (in our classification – a fundamental error) or sometimes even criminal negligence of the judge.

Non-establishment by subjects conducting criminal proceeding of errors related to provocations in operational-search activity

Criminal intentions of a certain circle of people have been persistent so far. And when these intentions relate to interests of the individual and the state, the private sector business, the problem is to be solved by the most productive means. Often, however, the police are so deeply involved in official interests and rates of crime detection, that without hesitate use methods that directly violate human rights while law enforcement agencies activities aimed at combating crime actually produce these crimes, ‘clone’ them.

According to A.S. Gorelik, ‘the state is interested in revealing all the crimes committed, but does not seek the number of crimes increasing through provocation or artificial inspiration of crimes and their detection where no one had an intention to become a criminal’¹⁶².

For many reasons arising from the nature of agencies engaged in the operational-search activity, provocation as a method of fighting crime and solving crimes is very common and actively ‘cultivated’ in the law enforcement system.

The topic of provocation at the present stage is beyond the state limits and acquires a special significance in the international arena when individual rights find protection in the European Court of Human Rights.

In this regard, another urgent problem of the theory and practice of operational-investigative activity is defining the appropriate limits (first of all, from a legal point of view) of the procedure for implementing operational information so that operational staff actions do not become provocations of crimes¹⁶³.

¹⁶¹ The case against the United Kingdom (DvUnitedKingdom), p. 47

¹⁶² Gorelik A.S., Lobanova L.V. Crimes against justice. St.Pb.: R. Aslanov Publishing House ‘Juridical Center Press’, 2005. P. 179.

¹⁶³ Gavrilov B.Y., Bozhenok S.K. On the issue of provocation of crimes (inclusive of the European Court of Human Rights) // Russian justice. 2006. № 5. P. 48.

The criminal law of Russian criminalizes the provocation of a bribe or a commercial bribe (article 304 of the Criminal Code of the RF). However, the criminal legal regulation has not addressed such kinds of provocative actions as a provocation of theft, illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, etc.

S.V. Pozdnyshev believed that “the police are to prevent and combat crimes, rather than create them; provocation is contrary to the purpose of policing, and, being a dirty means contrary to the law, is not to be allowed and permitted. Thus, if the purpose of the instigator is exposing the one being instigated at the moment of committing a crime or an attempt to commit it, then such a ‘noble’ goal does not preclude from bringing him to criminal responsibility for crime provocation”¹⁶⁴.

T.V. Kondrashova believes “that classifying the behavior of a provocateur as treacherous and unscrupulous means that he deliberately distorts the idea of the provoked regarding some circumstances of the objective reality ... traditionally, in doctrinal criminal legal literature, this behavior has been quite logically regarded as a way of incitement and entailed a criminal responsibility for criminal complicity”¹⁶⁵.

A.A. Piontkovskiy wrote that, in contrast to the instigator, the provocateur “is guided not by the desire in their activities to cause harm to the object upon which the act of the perpetrator is directed but a desire to expose the perpetrator and deliver him to the governmental authorities”¹⁶⁶.

Criminal cases with a provocative nature pose a greater danger of investigative, prosecutorial, judicial errors because of their artificiality, incomplete ‘genuinity’.

Article 89 of the Code of Criminal Procedure of the RF categorically prohibits the use, for proving in criminal cases, of evidence obtained as a result of operational-investigative activities if it does not meet the requirements proscribed for evidence in this Code.

The main requirements for evidence are set out in Article 75 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (‘Inadmissible evidence’), Article 88 the Code of Criminal Procedure of the RF (‘Rules for evaluating evidence’).

There is no doubt about the fact that the danger of the provocative way in obtaining evidence for criminal proceedings lies within carrying out operational-search actions, especially such as a test purchase, a controlled delivery, an operational experiment (sec. 6, 13, 14 Art. 6 of the Federal Law On Operational-Search Activities’).

¹⁶⁴ A complete course of criminal law: In 5 vols. V. 1. Crime and Punishment / ed. A.I. Korobeeva. St.Pb., 2008. P. 589.

¹⁶⁵ Kondrashova T.V. See above. P. 57.

¹⁶⁶ Piontkovsky A.A. The doctrine of the crime under Soviet penal law. M., 1961, p. 573.

Not often, but with expressed concern, jurists speak about the issue of provocation in criminal proceedings used on the incentive of operational divisions' employees of the law enforcement agencies¹⁶⁷.

Unfortunately, despite the recognition of the jurisdiction of the ECtHR following the ratification of the Convention, for a long time Russian law enforcement agencies have not taken into account the respective legal positions of the ECtHR concerning the inadmissibility of provocation of crime, actively using provocative methods in their operational-search activity. It is hardly surprising that this practice has been the subject of repeated complaints of Russian citizens to the ECtHR, which has issued a number of rulings with regard to the issue stating that the police provocation violates the provisions of the Convention.

The first of them was the ECtHR Ruling of 15 December 2005 on Vanyan vs the Russian Federation, the complaint № 53203/99. Subsequently, the legal positions reflected in this decision were developed in the ruling of the ECtHR of 26 October 2006 in the case of Khudobin vs the Russian Federation, the complaint № 59696/00; the ruling of 4 November 2010, the case of Bannikova vs the Russian Federation, the complaint № 18757/06; the ruling of 2 October 2012 in the case of Veselov and others against the Russian Federation, the complaint № 23200/10, 24009/07 and 556/10.

The ECtHR case law analysis allows us to select the classifying features of provocative police activities and to develop criteria for distinguishing them from legitimate search operations. Applying these criteria may make it possible to avoid errors in the pre-trial and trial proceedings in criminal cases¹⁶⁸.

Fundamental errors in detention, extension of detention and determining punishment

The provisions of Article 22 of the Constitution of the RF provide for special guarantees against the state invasion of personal privacy and integrity. The international legal standard also

¹⁶⁷ V.Y. Alferov, Ilyinykh V.L. Operational experiment and provocation // Jurisprudence. 1998. №1. P.169-170; Volzhenkin B.V. Sting operation or provocation? // Legality. № 6. P. 26-30; Volzhenkin B.V. Is provocation a legitimate method to combat corruption? // Russian justice. 2001. № 5. P. 45; Kotin V.P. Provocation of a bribe // State and law. 1996. № 2. P. 82-87; Kurchenko B. Distinction between provocation and actions in suppression of crimes // Legitimacy. 2004. №1. P. 10-12; Mikhaylov V.I. Countering the legalization of proceeds from criminal activities: legal regulation, criminal liability, operational-search activities and international cooperation. St. Pb., 2002, p. 158; Nazarov A.D., Mayer K.A. Prohibition of provocations in criminal proceedings // Investigative practices. 2004. №4. P. 29-35; Nazarov A.D. Evidence obtained through provocation is not legitimate: some practical aspects of the issue // Bulletin of KSU. Krasnoyarsk, 2006. №6. P. 336-340; Nazarov A.D. How to oppose the provocation in criminal proceedings to activities blocking criminal practices // Academic essays: Col. ac. papers of the Institute of State and Law. Tyumen, 2007. P.86-93; Nazarov A.D. Some issues of test purchasing operation in the context of the European Court of Human Rights rulings // Issues of modernization of the legal system of modern Russian society. Krasnoyarsk, 2011. P. 302-306.

¹⁶⁸ See, e.g.: Volynskiy A.F., Lapin E.S. The investigation of the provocation of bribes and commercial bribery. M.: Jurlitinform, 2010. - 160 p.

includes specific requirements with regard securing personal integrity of the individual. Let us emphasize once again that errors of state officials in restricting this right are classified as fundamental and substantive by the nature of possible and actual consequences¹⁶⁹. Violations of existing procedures with regard to detention are the source of the following errors committed by the investigator, the prosecutor, the court.

1. Erroneously selecting detention of the suspect, the defendant as a preventive restrictive measure, as well as the extension of the terms of detention, in the absence of the necessary evidence and (or) instead of, possible in a particular situation, such preventive measures as house arrest, bail, and other ones, not connected with isolation from society.

This error is accompanied by its opposite - an erroneous non-selection of detention of the suspect, the defendant, as well as non-extension of the term of the detention for these participants, resulting in the aforementioned persons going into hiding from the investigation and the court, committing new crimes, illegally influencing the victim and witnesses. In addition, this error of subjects conducting criminal proceedings may cause a negative reaction of society and provoke disorderly behavior of a certain part of citizens.

2. The arrest used by unscrupulous law enforcement officials as a means of illegally obtaining evidence of a crime from detained persons, which may, at times, result in the suspect, accused, defendant giving the investigator, the court distorted evidence (deformation, self-incrimination, and so forth).

3. The use of 'excessive qualification' ('over-stated qualifications') in order to avoid a wide variety of adverse (procedural, career, etc.) consequences for the investigator, the inquirer and as a way to get the desired court resolution of the detention or extension of the detention term.

For example, 61.1% of prosecutors, 33.3% of judges and 20.4% of legal counsels believe that investigators and inquirers 'overstate' qualification of the act for the court to be able to reclassify the act to a 'more lenient' crime during the subsequent trial without the referral of the criminal case to the prosecutor, while 5.6% of judges, in addition, believe that 'excessive' qualification allows you to ensure that you receive the court ruling on the detention of the suspect or the accused¹⁷⁰.

¹⁶⁹ See: Nazarov A.D. Investigative errors at pre-trial stages of criminal proceedings; Nazarov A.D. The effect of investigative errors on court errors; Nazarov A.D. Fundamental errors in Russia criminal proceedings; Nazarov A.D. Investigative and judicial errors in cases of detention. P. 39-43; Nazarov A.D. Law enforcement errors in cases of detention // Legal policy and lawful life. 2010. №2. P. 92-98; Nazarov A.D. Differentiated approach to applying the most stringent preventive punishment as a way to avoid errors // Criminal procedure and forensic reading of the Altai. Barnaul, 2011. P.193-196; Nazarov A.D., Tuzov A.G. A more complex procedure of detention as a way to avoid errors // Legal issues of strengthening Russian statehood: Col. articles. P. 51. Tomsk, 2011. P.109-115; Nazarov A.D. On the improvement of the detention procedure // The judiciary and justice in criminal proceedings: issues and prospects. Ekaterinburg, 2012. P.106-112.

¹⁷⁰ Appendix №44.

This error may also be considered as an abuse of the right by the subjects conducting proceedings, and under certain circumstances, this situation may not be a mistake, but a crime of an official.

The most adverse effects on the human, society and state are related to a miscarriage of justice when, administering justice on criminal cases on behalf of the Russian Federation, the court illegally convicts an innocent person and determines an excessively severe sentence in accordance with an article (section) of the Criminal Code of Procedure of the RF and not a lenient sentence in accordance with an article (section) of the Criminal Code of Procedure of the RF which is to be applied to him; determines an excessively severe sentence, particularly when it is imprisonment; illegally acquits a guilty person – completely or with respect to the sentence or illegally applies a more ‘lenient’ article (section) of the Criminal Code of Procedure of the RF and not the ‘serious’ article (section) of the Criminal Code of Procedure of the RF which is to be applied to him; determines a sentence which is too lenient.

Thus, the fundamental mistakes identified herein require a greater attention from scholars and practitioners in order to minimize the risk of investigative and judicial errors.

Errors of the investigator, the prosecutor may be the cause of judicial errors in a criminal case¹⁷¹.

The structure of errors may be graded as follows.

1. Judicial errors the appearance of which in a criminal case could neither objectively nor subjectively be affected by the investigator or the prosecutor (for example, a violation of the secrecy of the chambers, errors in drafting the sentence, unfair sentencing, etc.).

2. Judicial errors the appearance of which in a criminal case was caused by the investigator, the prosecutor. The judge was objectively able to avoid such errors, but for different reasons (rush, negligence, bad faith, superficial approach to the study of the case and evidence analysis, etc.) did not avoid them during the trial, with these errors ‘with the serve of’ the investigator, the prosecutor becoming judicial errors.

3. Judicial errors the appearance of which in a criminal case was caused by the errors of the investigator, the prosecutor, but when hearing the criminal case in court, the judge had no objective way to avoid them: they were established at the revision stages of the criminal proceedings (e.g., the investigator ignored the statement of the suspect that illegal methods were applied to him and incriminated himself with regard to some criminal act elements. The judge received a criminal case from the public prosecutor for criminal proceedings, where all the episodes were confirmed in a proper procedural order by a variety of evidence, and the accused

¹⁷¹ See: Nazarov A.D. The effect of investigative errors on court errors. - St.Pb.: ‘Legal Center Press’ Publishing House, 2003. P. 24-116.

during the trial did not make any statements about the application violence to him. It is only in the appellate, cassation or supervising complaints that the convicted again began to assert self-incrimination and the reasons therefor).

This is a complex manifold structure of errors in criminal proceedings. Within this structure, developed in this research, further on we consider all conceptual issues related to the study of the phenomenon of investigative and judicial errors and the criminal procedural mechanism for their detection, correction and prevention.

§5. Causes of Errors in Criminal Proceedings

This study aspires to minimize errors being committed in criminal procedure activity and for this it is necessary to consider the causes of these errors¹⁷². Jurists whose scientific works were related to the quality issues of preliminary investigation, its shortcomings, violations of legitimacy, have always addressed the questions of the causes of the low quality of investigation, the conditions contributing to these shortcomings, violations of laws, etc.

The causes of errors, especially judicial errors, were discussed by S.A. Pashin, one of the authors of the contemporary judicial reform in Russia and initiators of introducing jury trials. According to him, in the Russian Federation the judicial administration is implementing the authoritarian personnel policy which makes a judge dependent, primarily, on the presiding judge. It is only possible to rely on inter-judiciary error detection mechanisms, i.e. the revision of sentences by higher authorities, upon the condition of the independence of judges, their professional, moral, and cultural competence. Ideally, the court should be a tool for civil society, not the state. These conditions are not fulfilled in Russia, where the court is a power hierarchy. There are no other effective mechanisms for identifying and correcting judicial errors; judicial review is not reliable and selective. A small number of judicial errors made in Russian are corrected thanks to the perseverance of persons involved, efforts of human rights defenders and the rulings of the European Court of Human Rights¹⁷³.

V.I. Vlasov has a different approach to considering the *causes* of investigative errors specifying the following:

¹⁷² In our earlier works, we also addressed and studied the causes of errors in criminal proceedings, first of all, the causes of investigative errors. See: Nazarov A.D. Investigative errors at pre-trial stages of criminal proceedings; Nazarov A.D. The effect of investigative errors on judicial errors; Nazarov A.D. The causes of investigative errors // Issues of criminal law and procedure in the context of the legal reform. Krasnoyarsk, 1999, p. 61-71. The sources of investigative and judicial errors are addressed in a number of works by well-known jurists. See, for example: Kitayev N.N. Unjust judgments awarding capital punishment: System analysis of errors committed. – St.Pb.: Publishing house ‘Legal Center Press’, 2004. – 390 p.; Churilov Y.Y. World History of miscarriage of justice / Y.Y. Churilov. – Rostov n/D: Phoenix, 2012. – 186 p.

¹⁷³ See: Pashin S.A. Formation of justice. M., 2011. P. 339, 350.

- a) a low level of professional qualities of the investigator;
- b) a lack of adequate political, moral qualities, as well as some special ones necessary for the job, of an investigator, their insufficient development;
- c) organizational deficiencies, the investigator being overloaded with work.

In addition, he specifies *the conditions favourable for committing investigative errors*:

- shortcomings in the implementation of the public prosecutor's supervision;
- shortcomings of legal representative participation in preliminary investigation¹⁷⁴.

However, this is only a quick look at the causes of the complex problem of investigative errors in criminal proceedings.

Lots of causes, with each of them individually being certainly correct, are defined by L.D. Kalinkina and A.A. Shirvanov, who studied substantive violations of the criminal procedural law¹⁷⁵.

In our opinion, the most complete, logical and scientifically reasoned characteristic of the causes of investigative errors can be found in the research carried out in the 80s of the last century by scientists-processualists of the Research Institute of the General Prosecutor's Office of the USSR, who ranked all the diversity of these causes through the scheme 'the case – the investigator – the investigative establishment'¹⁷⁶:

the immediate causes characterizing the defects in the investigation of specific cases (*the first level of causes*);

the causes of investigative errors related to the activities of the investigator: the personality of the investigator (subjective causes) and the conditions in which the activity is performed (objective reasons). These subjective and objective causes comprise *the second level of causes*, or 'causes of the causes of the first level';

factors determining the causes of the first and second levels and related to the conditions of preliminary investigation activities as a whole in Russia (*the third level of causes*).

The classification of investigative error causes through the scheme 'the case – the investigator – the investigative establishment' allows us to deeply examine them and, most importantly, provide scientific rationale for recommendations on how to neutralize these causes.

The study of the causes of investigative errors carried out in the late 80s - early 90s by the Research Institute of the General Prosecutor's Office of the USSR has not lost its relevance.

¹⁷⁴ Vlasov V.I. Investigation of crimes. Quality issues. Saratov, 1988, pp. 97, 113.

¹⁷⁵ Kalinkin L.D. Significant violations of the criminal procedural law and their distinction from insignificant ones: dis. for Cand. Jurid. Sciences. Kazan 1981: P. ; Shirvanov A.A. Significant violations of the criminal procedure law as the grounds of returning cases for further investigation: dis. for Cand. Jurid. Sc. M., 1999. P. 139.

¹⁷⁶ Solovyev A.B. The causes of investigative errors / Issues of strengthening legitimacy and eliminating investigation errors in criminal proceedings. Collection of academic papers. M., 1988. P.28-36.

Moreover, through the same scheme ‘the case – the investigator – the investigative establishment’ one can and should, in our view, examine and analyze the causes of miscarriages of justice.

A figural characteristic of the situation in the country where investigative establishment and judicial system are functioning, given by A.B. Solovyev, M.E. Tokareva, A.G. Haliulin, N.A. Yakubovich at the end of the last century, is still relevant: ‘One can not ignore that in recent years, due to changes in the socio-economic system, property redistribution, poverty affecting a significant part of the population, the criminal situation in the country has seriously changed. These years have seen the appearance of new, representing a significant social danger, crimes in the economy and the banking sector, which are difficult for detection and investigation, the rise of corruption and organized crime, the widespread use of weapons and technical facilities in criminal activities, the prevalence of violence against the participants of criminal proceedings’¹⁷⁷.

The development and complexity of the structure of crime, multiple increase of professionalism, technical equipment, armament of criminals and their communities have only recently began to receive a relatively adequate reaction from the state.

In Russia, a new police, including military, have been established; the Federal Drug Control Service and the Interior Ministry Migration Service have been abolished and transferred to the authority of the Ministry of Internal Affairs; the National Guard has been formed; the Investigative Committee of the Russian Federation, a new investigative agency out of the prosecutor's office structure, is functioning. Among the novelties being discussed, there are consistent steps taken towards establishing a single investigative agency in Russia; the reform of the Federal Security Service of Russia is being prepared: it is assumed to establish the Security Ministry, including, in addition to the FSB structures, the Foreign Intelligence Service and Federal Guard Service. Residential, office, material-and-technical facilities and personnel resources of courts and law enforcement agencies are improving.

Nevertheless, as a whole, it is impossible to declare the work of courts and law enforcement bodies efficient.

Errors in their work are due to a whole set of circumstances, without finding and neutralizing which one may not hope for significant improvement in the quality and efficiency of preliminary investigation and court hearing of criminal cases.

In the context of a multi-level approach to the analysis of the causes of errors herein, without unnecessary detail, we are going to indicate these causes only paying special attention to those which, in our opinion, deserve such scrutiny, as the complete assessment and analysis of all

¹⁷⁷ Solovyev A.B., Tokareva M.E., Haliulin A.G. et al. The legitimacy at pre-trial stages of Russian criminal proceedings. M., 1997. P. 143.

the causes of investigative and judicial errors are not the subject of this study and deserve a profound scientific development.

‘First level’ – **immediate causes** of errors characterize flaws in criminal cases.

Failure to conduct or improper conduct of necessary investigation (judicial) or other procedural actions.

Ignoring the requirements of the criminal procedure legislation and forensic recommendations to apply special techniques of investigating to certain types of crimes, investigators do not always verify testimonies on site, subjoin material evidence and documents, properly inspect the scene, conduct initial interrogation of suspects and witnesses, ensure that necessary forensic examinations are conducted in criminal cases, and so forth.

It is worth noting that at the present time almost two-thirds of criminal cases are tried in court through special procedure. Accordingly, there is no judicial investigation of these cases. Thus, it is difficult to check the errors of preliminary investigation, and as a result the latency of investigative errors in cases heard through special procedure is not excluded.

In cases going through judicial investigation, significant participants of criminal proceedings are not always interrogated in court, as recently the court has very often read testimonies of witnesses and victims and data at the preliminary investigation; the parties and the court did not take the initiative to examine the evidence (they are not delivered from physical evidence storage rooms, which is especially often in criminal cases related to illicit trafficking in narcotic drugs), etc.

Significant shortages in planning, organization of criminal investigation in advancement and checking of scenarios.

Unfortunately, like in previous years, a significant number of criminal cases are investigated as follows: ‘surface, devoid of logical connection, inconsistent initial actions; sometimes a kind of rush work when during the day the interrogation records are done by several investigators and inquiry officers, sometimes unnecessary pauses, when for a few days nothing is done in the case; contradictions arising in the case file are not removed in a timely manner; witnesses clearly necessary to be interrogated on the first day are interrogated much later, when they do not remember much, etc.

A contrary scenario of investigation is possible too. As a result of vigorous initial investigative actions or through coincidence, the suspect is identified quickly. It would seem that the investigation is on the direct path to the truth. But at this stage the investigation loses pace and energy, insignificant investigative actions are performed only much later.

Then, the defendant changes his testimony, new witnesses confirming the alibi appear, new scenarios, previously not considered and no longer verifiable, emerge, with the path of investigation, which first seemed so reliable, turning into quicksand.

The cause of such complications and failures in planning and organization lies in shortcomings of the investigation¹⁷⁸.

The study of court records shows that planning of judicial proceedings has obvious defects, since, quite often, court hearings are repeatedly postponed and adjourned for various reasons, of course, frequently not dependent on the court (work overload of legal representatives, their participating in other proceedings, absence of witnesses, etc.), witnesses are interrogated several times, etc. Nonetheless, precise organization of proceedings in criminal cases would contribute to reducing the number of errors committed by the court.

Failure to correctly assess the evidence collected in the case.

The scientists of the Research Institute of the General Prosecutor's Office of the USSR in their research in the 80s pointed out that 'the most common error in the assessment of proof, peculiar to more than half of the cases studied, is that conclusions in the case are based on insufficient totality of evidence. Every third case showed examples of underestimating the testimony of the accused, who denied his guilt, and these statements were not properly checked. In every fourth case investigators without any motivation rejected the evidence contrary to their chosen scenario, in every third case the investigation conclusions contradicted the evidence available in the case or were self-contradictory¹⁷⁹.

Unfortunately, after many years, the situation has not changed for better.

The advocacy experience of the author has shown that the modern practice of investigating criminal cases comprises an unacceptable, in our view, algorithm of investigation and the subsequent assessment of the evidence collected in a criminal case.

The testimony the witness, the victim give in court differ from their testimony during the preliminary investigation. As a rule, at the request of the public prosecutor, the court read out testimony given by the mentioned participants during the preliminary investigation. After the announcement the following standard questions are asked: 'During the preliminary investigation, have you given a written recognizance of criminal liability for perjury? Have you signed the interrogation protocol? Did you then remember better everything which you said to the investigator than you remember it now?' Having received affirmative answers to these questions, the court bases the conviction on the testimonies of witnesses, victims given at the preliminary investigation, and their testimonies in court are looked at suspiciously.

¹⁷⁸ Larin A.M. Criminal case investigation. Planning, organization. M., 1970. P. 57-58.

¹⁷⁹ Solovyev A.B., Tokareva M.E., Haliulin A.G. et al. See above. P. 147.

If during court hearing the defendant for any reason changes the testimony given at the preliminary investigation, it is most often the case when, without putting much effort into the study of the motivation behind such alteration, the court will refer to this being ‘a way the accused tries to escape criminal responsibility’, will specify that ‘his testimony during the preliminary investigation is confirmed by his voluntary surrender’ (in fact, the very voluntary surrender is seen as evidence – ‘another document’), that ‘confessionary’ statements during the preliminary investigation are given by the accused in the presence of a legal counsel’ (usually, it is an assigned counsel and, unfortunately, there are examples of participation in cases of so-called ‘puppet defence lawyers’ (‘police defence lawyers’), who, unfortunately, often are not present at the interrogation of a suspect at all, but simply issue a defence lawyer writ and make a ‘whole-sale’ signing of resolutions, case records drawn up by the investigator in the criminal case).

Quite often there are problems concerning the assessment of testimonies given by police officers when being interrogated as victims, witnesses: in some cases courts rely on them excessively (for example, in criminal cases related to trafficking in narcotic drugs; in scrutinizing materials related to statements of citizens regarding the use of violence by the police), whereas in other cases the testimony of police officers are categorized as ‘weak’ by the court, believing that the police are persons involved.

Apparently, this is not an exhaustive list of ‘causes of the first level’.

‘The causes of **the second level**’ are primarily defined by the conditions of the activities of investigators and judges and are either objective or subjective.

Subjective causes, relating to the personality of the investigator and the judge, are directly connected with the investigation and judicial error. Objective causes are related to the investigative and judicial error indirectly, through the investigator and the judge, who in some cases may neutralize the negative impact of these factors and prevent them from becoming a cause of investigative and judicial errors.

The most common **objective causes of investigative and judicial errors are the following.**

Investigators and judges considering a significant number of criminal cases simultaneously.

There are different ways to neutralize the effect of this cause of errors. The first, and quite difficult, path (‘extensive’, i.e. associated with quantitative arrangements) in an unstable economic situation in the country is to increase the staff of investigators, inquirers, prosecutors and judges. Another way (also ‘extensive’) is to reduce the number of criminal cases and materials processed by subjects conducting criminal proceedings. It is possible to achieve such a reduction in various ways:

- decriminalization of certain socially dangerous acts, including transferring them into the group of administrative offenses, in the category of criminal offenses subject to summary proceedings for these misdemeanors; for certain crimes, introduction of administrative jurisdiction for first-timers, with criminal liability for a repeated offence;

- wide application, especially in pre-trial proceedings, of the institute of termination of criminal cases on non-rehabilitation reasons (provided for in the current legislation – conciliation of parties, active repentance; we also do not exclude a possibility to return to the updated form of reasoning previously used in criminal proceedings, i.e. the termination of criminal proceedings (prosecution) with its transfer to the burlaw court (the rural court, the officer's honor court, the juvenile affairs commission, etc.), transfer of the guilty person on surety, including a wide use of decisions at the discretion of the prosecutor¹⁸⁰, etc.);

- extensive use of existing and development of new summary procedures: procedure for the application of compulsory educational measures for minors; procedure for determining the criminal law measures with the exemption from criminal liability; procedure for coercive measures of security¹⁸¹ and so forth.

Unfavorable moral and psychological environment in the investigative team or the court team, the lack of mutual facilitation, mentoring.

Both practitioners and theorists specify this cause, but we do not undertake any attempts to comment on it as the issues of psychology and management of investigative and judicial work are a topic for a different research.

Problems related to the attendance of witnesses, the appointment and conduct of forensic examinations, inspections and audits, payment therefor.

This cause today is not as urgent as in previous years, especially for the court; nevertheless, it still exists.

It should be noted that today there are forensic expert divisions in all departments having investigative units. At first glance, it should create all the necessary conditions for effective and dynamic performance of necessary examinations for criminal cases under investigation conducted by the investigators of relevant departments. But, firstly, not all kinds of examinations can be carried out in the expert divisions of departments with investigative units. Secondly, departmental bias of experts is constantly discussed. In our opinion, the ideal option would be to establish

¹⁸⁰ Nazarov A.D. The public prosecutor in criminal proceedings of Sweden and Russia / Legal reform and foreign experience: Interuni. Coll. ac. art. / Krasnoyarsk. St. Univ. Krasnoyarsk, 1997, pp. 140-151; Nazarov A.D. The effect of investigative errors on judicial errors. St.Pb.: 'Legal Center Press' Publishing House, 2003. P. 143-145; Konyarova Z.K. The discretion of a prosecutor in criminal proceedings: Monograph. Izhevsk: Detective-inform, 2005. - 119 p.

¹⁸¹ For the author's version of such proceedings, see: Nazarov A.D. Fundamental errors in Russian criminal proceedings. Issues of theory and practice. - Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. P. 164-177.

extradepartmental highly-specialized Federal Expert Service of Russia with its field offices, which would provide fast and high-quality examinations for all inquirers and investigators, regardless of their affiliation. Moreover, departments with functional investigative units and inquiry teams, of course, should have scientific and technical departments with necessary specialists, who would provide inquirers and investigators assistance it strictly procedural status of a specialist, i.e. giving expert opinions, conducting instant examination of objects related to the crime, at the scene, and conducting other investigative and procedural actions, etc.

Inappropriate working conditions (transport problems, office equipment problems, lack of offices, etc.), scientific organization of labor problems, especially problems related to work of investigators and inquirers.

Indisputably, the working conditions of investigators and judges are constantly improving, which is facilitated, inter alia, by effective activities of the Judicial Department of Russia.

Computerization, and the introduction of Internet technology, is particularly relevant today for effective judicial and investigative activities: computer workstation, enabling to operationally access all the necessary reference and legal systems¹⁸², manuals, guidelines, criminal records, etc. (including mobile computer workstation in the car in which the investigator leaves for the scene and for conducting other investigative actions and other procedures); video conferencing¹⁸³ (where appropriate communication via Skype, etc.) with the participants of criminal procedure, including with colleagues from the operational units, experts and specialists, SMS-writs and so forth.

100% of lawyers, 59% of investigation workers, 44.4% of judges and 38.9% of prosecutors interviewed during the research associated the causes of investigative errors with improper organization of investigative work ('work for rating', 'inhuman treatment of the investigator on the part of his superiors', 'lack of clear scientific organization of labor of the investigator'. etc.)¹⁸⁴.

Carelessness of the police, the poor quality of execution of individual orders received from investigators, lack of the necessary cooperation with investigators.

The investigators of the MIA, the FSS are members of the staff of these state agencies, which have their own powerful operational units. The departments of the Russian Investigation

¹⁸² Mikhailov V.I., Andreev N.D. Some issues of applying the investigator computer workstation // Criminal proceedings: issues of theory, rule-making and law enforcement: Coll. ac. pa. Ryazan: Academy of Law and Management of the FPSR, 2008 vol.3. P. 217-220.

¹⁸³ Brusnitsyn L.V. On the use of video technology in criminal proceedings // State and Law. 2009. №3. P.53-62. Generally, video recording and video conferencing are applied when interviewing children - victims of sexual abuse; when interrogating victims and witnesses, to whom protective measures are applied. According to the metaphorical expression by E.V. Selina, 'the essence of the unconstraint freedom when evaluating evidence lies in the fact that the system of different kinds of evidence provides for all communication channels recognized as valid by the modern society. Audio and video records are gradually occupying positions appropriate for the modern level of development of scientific and technological means. Investigative activities are being perfected as well'. See: Selina E.V. The admissibility of evidence and judicial discretion in criminal proceedings // State and Law. 2009. №8. P.35.

¹⁸⁴ Appendix №44.

Committee do not have their own operational units: IC investigators, when investigating crimes, interact with the operational units of the MIA, the FSB. Of course, the question of the creating their own operational units in the IC of Russia is on the agenda. In our opinion, achievement of effective (including - infallible) results in the detection and investigation of crimes is possible in the case when each department, having an investigative unit, have professional operational units, which, inter alia, effectively interact with each other. Particularly complex criminal cases, in our opinion, should be investigated by an interdepartmental investigatory-operational team.

Shortcomings in the implementation of judicial control at pre-trial stages of the criminal procedure and operational-investigative activity.

Errors in the prosecutor's supervision over the law enforcement in investigation of crimes and operational-search activity.

Shortcomings in the implementation of institutional control on the part of the leaders of investigative and operational agencies, heads of inquiry divisions and investigation units over the organization and the conduct of investigation of criminal cases and operational search actions.

Further on, the study discusses in detail the ways of improving the implementation of judicial supervision, the prosecutorial supervision and institutional control.

It is true that, like it was made in the study of the Research Institute of the General Prosecutor's Office of the USSR in the 80s, we also have to admit that the vast majority of all objective reasons of investigative errors are related to shortcomings and deficiencies in the organization and implementation of the public prosecutor's supervision over, judicial and institutional monitoring of the progress of criminal investigations, as well as judicial and institutional control of and prosecutorial supervision over operational and investigative activities.

It is noted that 'the main causes of investigative errors are the circumstances pertaining to the personality of the investigator and the judge. It is in their elimination ... that major reserves for increasing the efficiency of investigators lie'¹⁸⁵. The above fully applies to the main reasons of judicial errors.

Subjective causes of investigative and judicial errors are, in our opinion, as follows.

Lack of essential professional knowledge and working skills of some investigators and judges.

This is the most common cause of subjective investigative and judicial errors, which is primarily due to serious shortcomings in the organization of training, selection and personnel placement.

¹⁸⁵ Solovyev A.B. Tokareva M.E., Haliulin A.G. et al., See above. P. 151 - 152.

The well-known legal scholar E.P. Ischenko in his book with the original name *The Law Reform is ruled by the crime?* informatively demonstrated, with reference to the official statistical data:

- insufficient level of education of investigators in Russia (for example, in the Russian Interior Affairs Ministry, about 30% of investigators do not have a degree in law);
- almost 50% of investigators are people who are under 30;
- 40% of investigators have less than 3 year professional experience;
- high turnover of investigators is evident¹⁸⁶.

An alarming sociological analysis of the staff of investigators and judges in Russia is also given in the study of non-governmental Institute of Law Enforcement Issues at the European University of St. Petersburg¹⁸⁷.

The causes of investigative errors were explained through insufficient professional qualifications of the investigator by 61.1% of judges, 60.8% of lawyers, 55.6% of prosecutors participating in the survey; through insufficient experience of professional activity by 61.1% of judges, 50% of prosecutors, investigators 43.4%, and 40.3% of lawyers¹⁸⁸.

Neglectful-nihilistic attitude of some investigators and judges to fulfilling the requirements of the criminal procedure law (the desire for procedural oversimplification).

The investigators and judges, who committed investigative and judicial errors, in most cases, treated the requirements contained in the provisions of the Code selectively, opposed the adherence to the norms of the law to their own concepts of 'practicability', divided procedural norms into 'important', which are to be observed, and 'less important', the implementation of which is optional. The above primarily applies to securing the rights and legitimate interests of participants, compliance with the investigative procedure, judicial and other procedural actions, and is manifested in broad interpretation of the grounds for detention, custody, criminal prosecution, etc. The researchers gave great importance to the psychological training of subjects conducting the criminal proceedings to work in conditions of constant high personal responsibility for their work¹⁸⁹.

Prosecutorial bias, lack of analytical assessment and arrogance of investigators and judges in making procedural decisions when evaluating evidence.

¹⁸⁶ Ischenko E.P. *Is the Law Reform run by criminal bosses?* M., 2013. P. 122-137.

¹⁸⁷ Titaev K. *Russian investigator: vocation, profession, daily routine: a monograph* / K. Titaev, M. Shklyaruk. M.: Norma, 2016. - 192 p.; Volkov V. *Russian judges: A sociological study of the profession: monograph* / V. Volkov, A. Dmitriev, M. Pozdnyakov, K. Titaev; ed. V. Volkov. M.: Norma, 2016. - 272 p.

¹⁸⁸ Appendix №44.

¹⁸⁹ Morschakova T.G. *Psychological sources of miscarriages of justice and inner conviction of judges // Efficiency of justice and the problem of eliminating judicial errors* / Ed. V.N. Kudryavtsev. V.2. M., 1975.

Frequently, both scientists and practitioners have to deal with the phenomenon of prosecutorial bias in the criminal procedural activity of judges, prosecutors, investigators and inquirers¹⁹⁰. This dangerous phenomenon in the professional activities of officials of the criminal justice authorities in Russia leads to investigative and judicial errors in criminal cases, which distorts the true nature of administration of justice in criminal cases and contradicts the purpose and principles of criminal judicial proceedings.

The President of the Russian Federation's Message to the Federal Assembly of 2013 suggests refusal of 'prosecutorial bias in law enforcement and judicial practice'¹⁹¹.

Presented to the State Duma on the initiative of the Investigative Committee of Russia, a bill devoted to the introduction to the Code of Criminal Procedure of the RF of the institute for establishing the objective truth in a criminal case states that 'when exercising criminal prosecution, the prosecutor, the head of the investigating agency, the investigator, and the head of the investigation unit, and the inquiry officer, are required to maintain objective and impartial, avoiding prosecutorial bias in proving'¹⁹².

Generally speaking, prosecutorial bias is investigators, prosecutors and judges ignoring the evidence in favor of the accused, unwilling to check and take into account the defense arguments.

L.A. Voskobitova notes that the essence of the prosecutorial bias lies 'in an effort to first formulate and then by all means to confirm through the sentence of the court charges which do not meet the requirement of comprehensiveness, completeness and objectivity of the investigation of facts, and therefore do not allow the court correctly apply the provisions of the criminal law and make a fair decision on the case'¹⁹³. Analyzing Russian and ECtHR case-law, L.A. Voskobitova offers the signs (indicators) which can be applied in criminal cases to reveal prosecutorial bias¹⁹⁴.

S.V. Burmagin describes prosecutorial bias as follows: '... the adversariality postulate of strict separation between procedural functions is often not respected by Russian judges, who by virtue of their mentality, entrenched habits, and conservative legal consciousness, continue to 'play into the hands' of prosecutorial power, are overactive in the process of proving, and seek to confirm the accusation making their own efforts, violating the procedural balance of the parties,

¹⁹⁰ In criminal procedure practice of Russian we can sometimes see examples of the opposition: 'prosecutorial bias' - 'pro-defense bias'. However, as a rule, these are examples of so-called 'headline-making' criminal cases: the famous criminal case 'Oboronservis', the criminal case of 'Kogan' in Krasnoyarsk etc.

¹⁹¹ Rossiyskaya Gazeta, 2012. December 13.

¹⁹² The bill was introduced to the State Duma by its deputy A.A. Remezko and posted on the official website of the State Duma.

¹⁹³ Voskobitova L.A. Accusation or prosecutorial bias? / Current issues of criminal proceedings. - 2014, №3. P.458.

¹⁹⁴ See above. P.458-461.

forgetting about their objectivity and impartiality, in other words, are still prone to prosecutorial bias'¹⁹⁵.

To understand the essence of prosecutorial bias it is important to analyze different manifestations of this phenomenon in the criminal procedural activities of subjects conducting criminal proceedings.

One of the reasons for the formation of prosecutorial bias in the activities of the investigator is the legislator incorporating him in the number of participants of criminal proceedings for the prosecution. But the investigator is, above all, the researcher. His responsibilities include establishing all the circumstances of the crime as they were in reality. He should collect and evaluate evidence, both incriminating and exculpatory, both aggravating and mitigating criminal liability, including being engaged in the research of the circumstances which characterize the accused positively¹⁹⁶, i.e. establish the objective truth in the criminal case. Failure to comply with these requirements of the criminal procedure law should be considered as prosecutorial bias in the investigator's activities.

The advocacy and human rights protection experience of the author provides a basis for the hypothesis that investigators quite often turn to accusational scenarios as a basis for the investigation, ignoring others; give 'excessive' qualification ('overstated qualification') for the act of the accused; when choosing a preventive restrictive measure, they prefer to file a motion for detention of the suspect, or the accused, with the court, ignoring other preventive measures; during investigative and other procedural actions, violate the rights and legitimate interests of the participants in criminal proceedings for the defense and so forth.

Inquisitorial (inquiry) origins of criminal procedure at the pre-trial stage to accommodate prosecutorial bias have made the mission of the defense counsel decorative.

Article 86 Code of Criminal Procedure of the RF states that the defense lawyer is involved in collecting evidence, but the documents submitted by him, objects, etc. will only be attached to a criminal case file and will be evidence in the procedural sense when the will of subjects conducting the criminal proceedings is procedurally shown. Most often, defense lawyers in response to their, to a great extent justified, motions get standard resolutions of investigators on full or partial denial of the petitions: prosecutorial bias in the activities of the preliminary investigation, especially in the modern model of adversariality, does not imply complete, thorough and objective investigation of all the circumstances of the criminal case.

¹⁹⁵ Burmagin S.V. Separation of prosecutorial and judicial authorities in Russian criminal judicial proceedings: from the judicial reform of 1864 to the present day / Current issues of criminal proceedings. 2014, №5. P. 890.

¹⁹⁶ Frantsiforov Y.V., Vanin D.V. The function purpose of the investigator's activity and his powers in adversarial criminal proceedings. M.: Jurlitinform, 2013.; Telighisova S.S. Procedural status of the investigator as a subject of criminal procedure relations and the degree of his procedural autonomy. M.: Jurlitinform, 2012.

In recent years, using, in principle, a quite effective method of crime control, the operational-investigative activity have been using an instrument of prosecutorial set – a pre-trial agreement on cooperation. Using this instrument in the context of the prosecutorial bias, practitioners seemingly strengthened their positions in proving: obtaining confessions from persons against their ‘associates’ (as the ‘queen of evidence’), quite unproblematic detection of stolen guns and instruments of crime, etc. The positive thing, of course, is that the court sentences in the cases with a pre-trial agreement on cooperation and, in general, sentences made under special procedure are no longer seen by the legislator as prejudicial, while the grounds for vacating the judgment determined under the special procedure are now seen in the preliminary investigation materials not having evidence consistent with the accused agreeing to the charges brought against him (both with respect to the validity and the qualification).

Similar manifestations of prosecutorial bias can be seen in the criminal procedure activity of the head of the investigating agency, the inquirer, the chief of the inquiry unit and inquiry team.

The legislator had great hopes for the strengthening of the procedural positions of institutional control. The redistribution of powers from the prosecutor to the head of the investigative body was conceived as an instant response to all violations permitted by the investigator. But here too, prosecutorial bias related to the fact that the investigator must ‘crack out’ criminal cases (i.e. transfer them to the court with the indictment), as well as, of course, to the investigator’s psychological perception of his mission as a member of the prosecution, who works in close tandem with the operational staff, solves crimes and fights crime (which is true, and important, but not exclusive!), does not allow the departmental chief of the investigator – the head of the investigative agency (due to the status having all the powers of the investigator) – to create a hard barrier against all the errors committed by the investigator. Moreover, the head of the investigative agency, the head of the inquiry unit do not always make full use of the procedural powers granted to them to suppress the manifestations of prosecutorial bias in criminal procedural activities of subordinate investigators, inquirers.

For example, investigators terminate no more than 5% of criminal cases on non-rehabilitating grounds¹⁹⁷. At the court hearing 10-14% of cases are terminated on these grounds. No doubt, these cases could have been terminated at the preliminary investigation stage in order not to overload the court, but the notorious rate of the number of criminal cases transferred to the court makes it possible to talk about the prosecutorial bias of the investigator, the head of the investigative agency: the head of the investigative agency applying his procedural powers could have terminates a criminal case, but did not do it.

¹⁹⁷ The results of the research work carried out by the author in relation to manifestations of the prosecutorial bias are presented in accordance with the data contained in the second volume of the dissertation ‘Appendices’.

The prosecutor is also named by the legislator in the number of participants in criminal proceedings for the prosecution. Moreover, in the court of the first instance and appeal instance the status of the public prosecutor is defined with an even more accusatory connotation – the public prosecutor. And this is despite the fact that the prosecutor, as the meaning of the Law on the Prosecutor's Office of the Russian Federation implies, is the guarantor of legitimacy and he should not give preference to the prosecution function at the expense of human right protection function.

Taking into account that the prosecutor is among the participants for the prosecution, the prosecutor's supervision over the investigation, inquiry, and operational-search activities, is also carried out with accusatory bias and does not contribute to highly effective identification, elimination and prevention of errors at the pre-trial stages of criminal proceedings¹⁹⁸.

For example, criminal cases, except for cases of private prosecution, are transferred to the court through the prosecutor: he approves indictments, resolutions, decisions. The prosecutor has the right not to approve these final documents of the preliminary investigation and refer criminal cases for further investigation. The prosecutor exercises the right quite rarely – in about 12% of cases: the phenomenon of prosecutorial bias presses the prosecutor to send the case to court. In compliance with Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to remove obstacles the prosecutor then gets back up to 10% of criminal cases; in approximately 27% of criminal cases the court changes the qualification of the act incriminated to the defendant for a more lenient one, reduces the amount of charges (termination of criminal prosecution), takes considerable efforts to address the gaps and deficiencies of the preliminary investigation.

The most dangerous consequences of prosecutorial bias, errors, are related to the court activity both at pre-trial and trial stages, and the stage of sentence execution.

According to practitioners, judges approve the vast majority of motions directed to them by investigators: clear prosecutorial bias – ‘a phenomenon which has been consistently denied by the bodies of preliminary investigation, prosecutors and judges’¹⁹⁹.

When opting for the strictest preventive measure in the form of detention, the court has turned into a certain record keeper which, sometimes without any good reason, puts a person into custody, prolongs his detention period, forgetting quite often that, in addition to the arrest and detention in custody, there are also home arrest, bail and other preventive measures. Statistical data for the country over the last few years indicate that about 92% of motions from investigators and inquirers on the detention of the suspect, the accused are satisfied by courts in full, and motions from subjects of criminal investigations on the extension of detention of the accused are satisfied

¹⁹⁸ Paneyakh E.L., Titaev K.D., Volkov V.V., Primakov D.A. Prosecutorial bias in criminal proceedings: the factor of the prosecutor // Analytical essays on law enforcement issues. 2010. March. / Http: www.enforce.spb.ru

¹⁹⁹ Kolokolov N.A. Prosecutorial bias of the investigation and trial when evaluating violations in the economy // Criminal Procedure. 2012. №2. P.38.

in 96% of cases. The recent trend toward the use of house arrest and bail proves once again the fact that prosecutorial relics of arresting the person and detention in custody are squeezed out of the criminal procedural practice rather slowly.

Prosecutorial bias in court activities is also manifested in the formal approach to the consideration of participants' complaints about actions and omissions, decisions of officials of criminal justice agencies in accordance with Article 125 of the Code: courts uphold only one in every 18-20 complains.

The court mere record keeper again when carrying out the mission entrusted to it by Article 165 of the Code of Criminal Procedure of the RF and the Law of the Russian Federation on Operational-Search Activities: officials of criminal justice agencies have little or no problems (98-100% upheld motions) to receive a court order in response to their requests to inspect residences; with regard to search, seizure in housing, seizure of objects from a pawnshop; seizure of property; seizure of objects, documents containing secrets protected by law; seizure of postal and telegraph messages; temporary suspension of the suspect or accused from office; monitoring and recording of telephone and other conversations, obtaining information on interpersonal connections, etc.

It is the adherence to prosecutorial origins in the established model of judicial review at the pre-stage does not allow the parties involved to appeal in accordance with Article 125 of the Code the most important document in the prosecutorial design of preliminary investigation – a resolution on the indictment, which in about 40-45% of cases contains 'excessive qualification' specified by the investigator ('overstated qualification'), which makes it possible to effortlessly obtain a court order on detention, the extension of custody, and later – the penalties associated with imprisonment.

The trial stages of criminal proceedings present various manifestations of prosecutorial bias.

For example, in cases with a pre-trial agreement (plea bargain), and in other criminal cases specified by the legislator, the logic of prosecutorial bias has led to the widespread use of a special procedure for their consideration when the accused agrees to the charge – up to 70-75% of criminal cases in Russia today are considered by courts according to special procedure. The special procedure of the trial often leads to the concealment of a significant number of pre-trial investigation shortcomings associated with completeness, comprehensiveness and objectivity of proving all the circumstances of the criminal offense, with violations of the provisions of the Constitution and norms of the Code of Criminal Procedure of the RF. Understanding and encouraging the procedure simplified for the court and the prosecutor, the legislator has introduced 'incentive bonuses' in the form of a reduction of the upper limit of punishment and exemption from legal costs for the defendant. To some extent, these 'bonuses' reduce the risk of such

fundamental errors in the case as excessive sentence, but mostly they give rise to the justifiable criticism on the part of jurists and practitioners who understand the danger of the harmful accusatory impact of this institute on the accomplishment of the purposes of criminal court proceedings.

Due to the influence of prosecutorial bias in recent years, there have been substantial metamorphoses happening to the institute of the court returning a criminal case to the prosecutor to eliminate obstacles to its consideration. The crisis of preliminary investigation (prosecutorial bias, unprofessionalism, unbalanced mechanisms of procedural regulation of pre-trial stages, failures in judicial review, prosecutorial supervision, and institutional control, etc.) allowed a certain part of scientists and practitioners to make serious steps towards, basically, restoration of further investigation.

Specifically, the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation №16-2 of July 2, 2013, authorized the courts to direct the criminal case to the prosecutor for a new indictment of the accused with charges for a more serious crime; the legislator subsequently legalized this position of the Constitutional Court of the RF in Article 237 of the Code of Criminal Procedure of the RF.

Prosecutorial bias is also evident in the tendency of criminal procedure policy to scale back the institutions of society representatives participation and the collective administration of justice in criminal cases: the first to disappear were the institutions of peoples' assessors (lay judges), public defense representatives and prosecutors for the community, the transfer of the case to the burlaw court, and the convicted – to the attention and guidance of the labor collective, and now there is a clear trend to more single-judge hearings of criminal cases and a significant reduction in the jurisdiction of the jury²⁰⁰.

Single-judge hearing of criminal cases, by its definition and for many other obvious reasons, does not contribute to reducing the number of errors.

Prosecutors, presenting charges in front of lay people on behalf of the state, have appeared not to be ready to the professional level of work in the jury court: in the ordinary court, having no investigation experience, not having properly studied the materials of the criminal case, and not having prepared for a highly professional activity, prosecutors are prone to committing significant errors, being often guided not by the logic of proof but by the ideology of prosecutorial bias; in the jury court, this all is further worsened by shortages in the knowledge of the jury psychology, in public speaking and oratory skills, etc.

²⁰⁰ It is, of course, worth noting that recently the Constitutional Court of the RF confirmed the right of women for their specific criminal cases to be tried by a jury, and since 2018 'reduced juries' will appear in district courts and courts equivalent thereto to deal with certain categories of criminal cases.

Both now and always the best indicator of how repressive the court is and whether it has prosecutorial bias has been the number of judgments of acquittal, issued by courts²⁰¹, the number of criminal cases terminated by the court on non-rehabilitating grounds. In most cases, an acquittal, the termination of criminal proceedings and criminal prosecution eliminate the risk of fundamental errors.

A tiny percentage of acquittal judgments delivered by courts relevant for the time of beginning the judicial reform could not deceive the public into believing that there were no investigative and judicial errors and the dock always got persons guilty of committing crimes. The number of the persons acquitted by the court in the RSFSR in 1990 amounted to 1708. If we compare this figure with the data on persons brought to trial (approximately 540,000 people), it becomes clear that the court rehabilitated 0.32% of citizens caught in the machine of Soviet justice²⁰².

The percentage of rehabilitative judgments has remained virtually unchanged from the pre-reform era. It is worth to be noted that jury acquittals are delivered more often. The figure of 13-15% is the average rate of jury acquittals in Russian, with almost 100% of them getting a prosecutor's resolution leading to these sentences being reversed by the Supreme Court of the Russian Federation and the criminal cases considered again in a new jury. Repeated acquittals are delivered by the new jury on average in every second case: in other cases the second verdict is usually the verdict of guilty.

The new appeal, cassation and supervision procedures, having full effect from 1 January 2013, were designed by the legislator as an effective mechanism of quality and fair administration of criminal justice. However, the prosecutorial bias still dominates the mechanisms of 'new' appeal, cassation and supervision: in the conveyor conditions in which these procedures operate, appeal, cassation and supervision (with the legislative shortages in the mechanism of legal regulation of these institutions) may not completely guarantee rectification of errors in criminal cases.

When executing sentences, courts often take the 'accusatory opposition' to the person: the convicted is more likely to die in 'a government facility' than be released due to his severe illness by the court; many problems arise when transferring convicts from prison labor camps to penal settlements, concerning their parole and amending their punishment to a more lenient one, etc.

To liberate the prosecutor, the head of the investigating agency, the investigator, the chief of investigation unit and the inquiry unit, the inquirer from prosecutorial bias, it is necessary, first

²⁰¹ Churilov Y.Y. Current issues of the judgment of acquittal in Russian criminal proceedings. M.: Wolters Kluwer, 2010.

²⁰² The concept of the judicial reform in the Russian Federation. P. 11

of all, to separate them from the participants to the proceedings for the prosecution; to define them in the Law as participants representing the interests of the state in criminal proceedings; not to name the prosecutor the public prosecutor in court, i.e. to only leave him the procedural status of the prosecutor.

With a genuine desire to suppress the prosecutorial bias in the administration of criminal justice, I.L. Petruhin proposed a package of measures aimed at suppressing prosecutorial bias, including courageous but topical ones: 'to ban reversal of the jury verdicts of not guilty, and possibly of other courts as well', 'in order to ensure greater independence of judges to introduce the election of the presiding judge by all the judges of such court', 'to prohibit disciplinary sanctions for judges imposed for delivering acquittal judgments' and so forth²⁰³.

In our opinion, it is possible to overcome prosecutorial bias. This requires a new personnel policy in courts and law enforcement bodies, designed for the influx of professionals who are brought up on the ideas of human rights and humane justice.

Another means of eliminating prosecutorial bias may be large-scale structural and organizational and legal transformation in the activities of the criminal justice authorities (alteration of the court and law enforcement agencies activity evaluation system; wide publicity in the administration of justice, and introducing institutions of civil control over these activities, and so forth).

In addition, it is necessary to implement systemic changes in the legislative regulation of all stages of criminal proceedings aimed at genuine re-establishment of the balance between the prosecution and the defense.

Prosecutorial bias, lack of independent analytical analysis, arrogance of investigators and judges are either the result of their non-professionalism, or manifested professional deformation and professional burnout.

The experience shows that some investigators and judges with a long track in the profession develop professional deformation and professional burnout, which sometimes lead to serious violations of the law, from the perspective of their consequences, prosecuting and prolonged detention of innocent persons, sentencing the innocent or determining excessively severe penalties for the guilty, often associated with imprisonment.

Careless attitude of some investigators and judges to their professional duties in reliance on achieving results without of the required volume of work done in the criminal case under investigation or under consideration in the court.

²⁰³ Petruhin I.L. The judgment of acquittal and the right to rehabilitation: monograph. Moscow: Prospect, 2014. P.191-192.

Striving for uncreative, unprofessional approach to the investigation and trial of criminal cases, desire to achieve the result with the least efforts possible cast some investigators and judges on the path of a 'lightened' investigation procedure of the stereotype: 'detention – obtaining 'confessions' ('the queen of evidence') – consolidating this evidence'; a 'lightened' judicial procedure or a special procedure of the trial, or of the scheme 'a guilty plea of the accused – consolidation of the confessionary evidence (often collected by the investigator)'.

“Such investigators, to be on the safe side, are trying to avoid committing for trial cases in which the indictment is based on circumstantial evidence, while proof by means of evidence has always been considered the highest manifestation of investigative skills”²⁰⁴.

Procedural decisions in these criminal cases are taken on the basis of incomplete and internally inconsistent evidentiary material; to 'fortify' confessions, they apply repeated interrogations with their audio and video recording, interrogations in the presence of witnesses, face-to-face confrontations in the absence of apparent contradictions in the testimony, 'bringing to the scene' (checking the testimony on the spot with the only goal – to get another accusatory evidence) and so forth.

The investigators are trying to justify their carelessness with giving the priority to solving crimes, acting on the principle 'the final goal justifies the means'. These investigators find their 'objective' justification and commit for trial cases with gaps in the investigation of the crime circumstances hoping that the shortcomings of the investigation will be rectified by the court. The courts today, often in favor of the investigation and shielding with the thesis of 'protecting the rights of crime victims', of 'the triumph of justice', act as 'preliminary investigation rescue team', which, of course, clearly appeals to all the representatives of the prosecution – the investigator, the prosecutor and others. Moreover, the Investigative Committee of Russia initiated a draft law on the establishment of the institute of the objective truth in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation implying the assignment to the court to take all necessary measures to make up for preliminary investigation gaps, as well as the revival of the institute of the court referring criminal cases for further investigation, including due to the incompleteness and one-sidedness in the establishment of all the circumstances of the subject of proof in the case by the investigator.

Without eliminating negative attitudes in the minds of inquirers and investigators, prosecutors and judges it is not possible to seriously expect any reduction in the number of investigative and judicial errors.

²⁰⁴ Shaifer S.A., Lazareva V.A., Ismakaev L.P. Investigative errors and their causes // Issues of further strengthening of socialist legitimacy in the investigation of crimes by internal affairs agencies. Kyiv, 1988. P. 110.

‘The causes of the third level’, generalized factors, a kind of ‘the causes of the causes’ characterizing the conditions of activity of the investigative apparatus, and the judiciary as a whole, are the follows factors.

Deficiencies of legal and moral consciousness of investigators and judges determining their wrong attitude to work.

Unfortunately, the legal and moral consciousness of investigators and judges has deficiencies caused by lack of understanding of their role and responsibility as an arbiter of fate, which affects the results of criminal investigation and trial negatively.

Adherence to the requirements of professional ethics of lawyers (judges, prosecutors, investigators, etc.) is one of the most important components in the criminal procedural activity. “The ethics of criminal procedure proving contributes to optimization, improving the efficiency and culture of criminal cases investigation; it allows us to focus the legal consciousness of officials in charge of criminal procedure proving on a system of moral values and ideals, to determine moral priorities. It also has a direct positive impact on the formation of professional qualities and attitudes of the inquirer, investigator, prosecutor and judge. These primarily include the sensitivity, respect for the people involved in the process of proof, a sense of professional duty, fairness and objectivity”²⁰⁵.

Serious attention should be given to discussing the following question: “What kind of legal career is to be undertaken by the applicant for the post of the judge”, “Is it normal that a significant part of judges are former court clerks and assistants to judges?”, “Isn’t it essential, as a condition for appointment to the position of the judge (especially the federal judge), to demand the applicants to have compulsory work experience in investigation agencies, the prosecutor's office, the advocacy?”, etc.²⁰⁶ The most appropriate ways of effectively forming the judiciary, which have already been found, will make it, above all, highly professional and authoritative in public perception.

Shortages in professional training of investigative personnel and the judiciary, in the organization of their further professional development (primarily of investigators).

The results of scientific research carried out by well-known legal scholars and practitioners (specifically, by the scientists-processualists of the All-Soviet Union Research Institute of the General Prosecutor's Office of the USSR) indicate that one of the most significant factors influencing the allowance of errors in criminal proceedings is deficiencies in the training of legal

²⁰⁵ Moskalkova T.N. The ethics of Criminal Procedure Proof (preliminary investigation stage). M.: ‘Spark’ Publishing House, 1996. P.9-10.

²⁰⁶ See Appendix №44.

personnel. The problems of the educational process of lawyers have been analyzed by the author in detail in his scientific writings²⁰⁷.

Improving the training of lawyers continues to be an urgent problem. Its successful resolution requires radical improvements in a number of inter-related areas, from early professional selection of future investigators, prosecutors, judges and training them in university law schools to improving the system of further development of these lawyers during their professional activity.

There are effective proposals on the system for selecting students of law schools (especially, the ones sponsored by government agencies), training personnel for law enforcement agencies on the basis of compliance with a specific list of qualities and abilities for a particular profile professional. There are effective methods of professional psychological selection of entrants to the legal profession, as well as candidates applying for a job (service) in law enforcement.

Early professional selection of prospective investigators, prosecutors, judges supposes active participation of human resource departments of judicial and law enforcement agencies in this process.

They have a certain experience of creating a reserve for promoting the workers of their structures for administrative, senior positions. Similarly, it is necessary to form a reserve among schoolchildren, young people for admission to law schools and their subsequent work in law enforcement. To carry out such work human resources departments should skillfully apply scientifically developed programs and techniques to identify individuals who aspire to work in law enforcement and are prone to it according to certain criteria for such occupation.

As a result of work with the identified people, human resource services of law enforcement agencies could exploit their various partnerships links with law universities (cooperation agreements, agreement-based training for future specialists, establishment of specialized departments, support for specialized master's programs, etc.).

Earlier, Y.K. Yakimovich offered the agreement-based training of legal staff for state structures to be organized as follows: only those students who agree to work in the state structures within a certain period (e.g. 5 years) should be enrolled in educational programs sponsored by the state, i.e. publicly funded. "As before, applicants will be enrolled on the basis of entrance examinations. However, if the applicant chooses the publicly funded form of higher education, there should be a tripartite agreement with the mutual rights and obligations concluded with

²⁰⁷ See: Nazarov A.D. Investigative errors at pre-trial stages of criminal proceedings. P.185-197; Nazarov A.D. The effect of investigative errors on judicial errors. P. 253-270; Nazarov A.D. The causes of investigative errors. P.61-71.

him/her. The parties to this agreement will be: the Law School, the applicant and that state structure in which, after graduation, the applicant is to work in accordance with such agreement".²⁰⁸

Agreement based system, according to Y.K. Yakimovich, will make it possible for law enforcement agencies to employ qualified personnel, not to waste public money on training specialists for commercial structures, increase the commitment to and effectiveness in developing professional personnel of senior staff and human resource departments of law enforcement agencies.

We support the proposal of Y.K. Yakimovich on the restoration of planning in law enforcement agencies personnel development, primarily – investigators.

The question of improving the education system for future investigators, prosecutors and judges in university law schools is still of utmost importance.

Future lawyers in Russia graduate from public funded, institution sponsored and commercial vocational training colleges and higher education establishments.

Undoubtedly, among all these legal educational institutions, state (university law schools, institutes) and departmental (sponsored by the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, the IC of the RF, the Interior Affairs Ministry of the RF, the FSS of the RF) colleges and university schools are the most appealing from the point of view of the quality of training of prospective investigators.

However, shortcomings in the organization of study in law schools are obvious and the gap between the education curriculum and the practical application is the first and foremost among them.

The educational process at the criminal law (forensic-investigative, judicial-prosecutorial) departments is to be addressed and adjusted.

The young specialist is ultimately formed in the course of work in law enforcement. Immersed from the first days in significant volumes of work, a graduate primarily perceives the methods and style of operation prevailing in the team, takes over the experience of colleagues, especially his mentor, senior.

This process is complex because the young specialist undergoes an intensive accumulation of skills. There arise psychological issues associated with entering into a new environment, with the need to make independent decisions and be personally responsible for them.

This situation becomes even more complicated in cases where the graduate faces practical phenomena, of which, when being a university student, he was not aware, but in the struggle of the new with the old, the legal and the illegal, the humane and the inhumane, not everyone is able

²⁰⁸ Yakimovich Y.K. Selected articles. P. 51-52.

to withstand the prevailing stereotypes of relations, to show integrity in defending his position, dare to conflict for the triumph of legitimacy and justice. That is what sometimes leads to the fact that the young professional perceives not only positive but negative practices as well, becomes the successor of bad traditions.

Moreover, some young professionals lack self-criticism evaluating their work, the desire to understand the case thoroughly, and the ability to realize and timely correct their mistakes, which are, objectively, not excluded at the early stages of work. In this regard, the institute further training of young legal professionals under the guidance of their experienced colleagues is of particular importance for professional development (more precisely, achieving the proper qualification).

Along with further training of young professionals, a broad involvement of them into investigation of criminal cases as part of investigation teams and units with experienced investigators, professionals, etc., it is necessary to further improve such forms of training, proved by time, as self-education, individual learning activities, conferences, seminars, sharing experience, etc.

Further professional development is an official duty of judges, prosecutors, investigators. Attitude to work and professional growth should be seriously taken into account when addressing issues of job competence of the judge, the prosecutor or the investigator, their reward and promotion.

The sources of knowledge concerning the new legislation and directives of the Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation, best practices of solving and investigating crimes, investigative-prosecutorial and judicial practice are periodic and special press, electronic systems and information media.

It is very important to have properly equipped codification offices, libraries of scientific and specialized legal literature in law enforcement agencies too.

Further professional development schools also have an important role in the professional development of lawyers.

Thus, innovation of technologies in training and further professional development of lawyers, employed in the criminal justice, is capable to significantly decrease the number of errors made in the criminal judicial proceedings.

Addressing the issue of neutralizing the above causes, it is necessary to review many questions associated with selection, training, placement, and educating the prosecutorial and investigative personnel and judges, timely identification those corrupt and morally unstable among them in order to remove them from office.

The job of the judge, prosecutor and investigator sets high requirements for their personal psychological and moral qualities. The judiciary and law enforcement agencies employing people prone to corrupt behavior, with egoistic needs satisfaction priorities, mentally unbalanced and violent, with uncontrolled behavior, abusing alcohol, drugs, etc. can have a negative impact on the state of morale in investigative, prosecutorial and judicial teams, on professional discipline and the results of work, contribute to the commission of defamatory acts incompatible with service in the investigation and prosecutorial authorities and the court, even lead to a crime. Complicated procedures for selecting candidates and work with existing investigators, prosecutors and judges (including vocational and psychological testing, a polygraph test, the study of references, etc.), of course, reduce the above risks, but they still may not reduce to nothing.

Unfortunately, people, who do not meet the requirements to their personal qualities necessary for this occupation, are sometimes appointed as judges, prosecutors and investigators.

In this regard, the concept of selection, placement, consolidation and training the personnel of the investigative and prosecution authorities and the court makes a special emphasis on the need for staffing with honest, unselfish people, to the greatest extent suitable due to their inner conviction for the work the judiciary and law enforcement.

The system developed for psychological assessment, in addition to the use for psychological assessment of candidates for positions of judges, prosecutors and investigators can be applied for the following tasks:

- psychological selection of applicants to specialized departments of university law schools (with subsequent enrollment of graduates to work in investigation agencies, prosecutor's office, the court);
- psychological selection of candidates for work in investigation agencies, prosecutor's office, the court (in addition to graduates of specialized schools and faculties);
- psychological assessment of personnel reserve for promotion;
- psychological assessment of investigation staff, prosecutor's office staff and judges when evaluating or appraising personnel.

In addition to general and professionogram and psychogram of prosecutor-investigative and judicial activities it is necessary to have modern professionograms for specific specialties taking into account specific professional activities for each specialization (e.g., the military judge, the military prosecutor, the major crimes investigator, etc.).

The psychological evaluation of employees can be effectively used to solve a wide range of tasks with regard to the improvement of personnel policy in the prosecutor's office, investigation agencies and in courts.

It is acceptable to assume that when being considered for a position prosecuting authorities, investigation agencies, the court, a candidate would be given written (one or two) references by practitioners or his teachers at the university. The moral responsibility and recognized authority of these persons, providing such references, would contribute to the impeccability of prosecutors, investigators and judges.

In the FSS, the Interior Affairs Ministry, and a number of other structures, there are appropriate internal security units, conferred by the RF Law On Operational-Investigative Activities with the power to conduct operational-search actions to ensure the security of these agencies.

Since 1999 the Prosecutor's Office of the Russian Federation has basically established a system to ensure the security thereof; the need for it has repeatedly been substantiated²⁰⁹. Similar structures have been increasingly applied in the system of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Shortages in investigative and prosecutorial apparatuses superiors' and the judiciary' respond to investigative and judicial errors and other violations of the law.

The mechanism of how the investigative agencies and the judiciary deal with errors suggests several steps of responding to them:

a) 'error analysis sessions': regular professional training, seminars and scientific conferences, etc., for investigators, interrogators, prosecutors, judges;

b) development of guidelines and recommendations, reviews, investigative, prosecutorial and judicial case-law issues and summaries of positive experience, etc.

c) disciplinary actions, various monetary sanctions for substantive violations among them.

For example, the Moscow city court holds inter-regional research and practice conferences concerning various aspects of judicial activities. In 2014 they held the fifth conference on the theme: 'The judicial error and its consequences: some theoretical and practical aspects'. The topical issues discussed were the effects of a miscarriage of justice, the judge's personal qualities and a miscarriage of justice, rectifying the judicial error, etc. The results of the conference were the materials published as a scientific and practical guide for law practitioners, first and foremost for judges²¹⁰.

The issue of developing an effective mechanism of personal responsibility for making decisions crucial for the person and responding to substantive and systematic errors of judges is particularly relevant for the judicial system.

²⁰⁹ Pashkov A.N. Prosecution agencies as the object of internal security and the subject of provision thereof (problematic-administrative aspect) // Issues of management theory in prosecution agencies. M., 1997. P. 40.

²¹⁰ Judicial error and consequences thereof: Some theoretical and practical aspects: proceedings of the Fifth inter-regional research and practice conference / Ch. Ed. O.A. Egorova, Y.F. Bespalov. Moscow: Prospect, 2014. - 168 p.

Shortages in the appraisal and motivation of investigators, prosecutors and judges.

It is worth being noted that in recent years the level of remuneration of judges and investigators has in general increased significantly and can be considered decent.

However, the stimulation system for judges, prosecutors and investigators is still to be improved: it should be in correspondence with the responsibility and specific character of their work.

Shortcomings, difficulties and legal uncertainty in the modern criminal, criminal procedural and operational-search legislation; imperfections in the system organization of the work of investigative, operational-search bodies and the court, in the legal (departmental) regulation of operational-search and criminal procedural activity.

Shortcomings in legal regulation are a classic cause of a significant amount of investigative and judicial errors. These shortcomings are rectified by the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation through the decisions, directives, reviews of judicial practice, etc.

50% of prosecutors, 35.9% of investigators, 27.8% of judges have commented on the gaps and shortcomings in the legislative regulation of criminal and criminal procedural issues as the reason for investigative errors²¹¹.

In this regard, V.V. Luneeva's comment seems to be of particular relevance: "The four criminal codes of Russia have seen over 300 new types of offenses criminalized and about 100 decriminalized. The legislative activity is not supported by significant scientific research; ... continuous and controversial amendments to the law ... have no well-thought-through conceptual approach"²¹².

We have mentioned above the extensive approach in the context of improving the work of investigative, operational-search bodies and the court.

The intensive (associated with the quality indicators of changes) approach to improving the judiciary and law enforcement activities is more up-to-date and has been increasingly more popular; it involves professionalism developing in the operational-search, investigative, prosecutorial and judicial activity, modernization of material and technical facilities and scientific support for the activity of operational-search, forensic expertise, investigative, prosecutorial and judicial staff, etc.

²¹¹ Appendix №44.

²¹² Luneyev V.V. The era of globalization and crime: Monograph / V.V. Luneyev. M.: Norma: INFRA-M, 2017. P.156-157. - 272 p.

The influence of factors ('the causes of the third level') on investigative and judicial errors occur indirectly – through the 'causes of the second and first levels'. This allows us to identify among them those that affect investigative and judicial errors crucially.

Thus, it is a complex multi-level approach makes it possible to consider the causes of investigative and judicial errors, as well as the conditions, factors accompanying these causes.

CHAPTER 2. THE CRIMINAL PROCEDURE MECHANISM OF ELIMINATING ERRORS: CONCEPT AND STRUCTURE

§1. The criminal procedure mechanism in the system of state legal instruments for the organizational legal mechanism of ensuring the legitimacy

It is obvious that the criminal procedural mechanism of error elimination is only one of the state-legal means of maintaining the regime of legality and the rule of law in the state and society and is part of a wider organizational and legal mechanism of error elimination including not only procedural, but other, basically, institutional components. It is also clear that the state-legal means of maintaining the regime of legality and the rule of law are generally defined and therefore presented in the legal policy of the state with the organizational-legal mechanism (including the criminal procedural one) defined and presented in the criminal policy. That is why the criminal procedural mechanism of error elimination should be considered in the context of the criminal policy with respect to the availability of other (non-procedural) organizational-legal components (or mechanisms).

In other words, the phenomenon of the error in criminal proceedings is closely related to the criminal legal policy of the state. Errors in the criminal procedural activity of public officials responsible for criminal proceedings, like, actually, the crimes committed by them in the service and other crimes, have a negative impact on the realization thereof in the sphere of criminal justice. Accordingly, among the government actions in the field of criminal policy there are many actions aiming at eliminating errors in criminal proceedings and at the fight against crimes committed by subjects conducting criminal proceedings to ensure the proper regime of legitimacy and human and civil rights and freedoms.

The criminal policy has direct influence on achieving the purpose of criminal judicial proceedings (Article 6 of the Code of Criminal Procedure of the RF) and compliance with the principles of criminal proceedings, first of all, the principle of legitimacy (Article 7 of the Code of Criminal Procedure of the RF).

It is commonly known that the criminal policy expresses the attitude of the authorities to the crime. The State has certain ways to communicate the policy at the level of ideas, concepts, legislation, functioning of respective repressive institutions, law enforcement, typical legal behavior of subjects conducting criminal proceedings, and so forth.

The state policy in the field of criminal justice is based on the fundamental provisions of the Constitution of the RF²¹³. According to the provisions of Article 15 of the Constitution of the RF, the latest trends of international and, in particular, European, law also affect the criminal policy direction in our country.

Aspects of the criminal policy related to criminal proceedings continue to be relevant in the context of implementing the Concept of judicial reform in the Russian Federation²¹⁴.

Criminal policy, being an element of public policy, of legal policy, contributes to 'the effective provision of public security, national security'²¹⁵, is a unity of six components: criminal legal, criminal preventive, criminal investigative, criminal procedural, penal and criminal administrative. The modern criminal policy is characterized by the following features: humanization of the criminal process, increasing the legal security for the individual; finding the optimal balance between the interests of preserving the inviolability of private life of citizens and the fight against crime; strict compliance with legitimacy in the criminal procedure law enforcement; democratization of criminal procedural measures to combat crime; differentiation of criminal procedural forms; improving the organization of the law enforcement system, the optimal distribution of procedural rights and obligations between them; improving the rules of evidence law; applying universal values in criminal proceedings, achievements of world civilization²¹⁶.

N.I. Kapinus figuratively says that modern times see 'liberalization of criminal and criminal procedural policy aimed at limiting the repressive functions and tightening control over the application of measures restricting the rights of individuals'²¹⁷.

As early as in Soviet times, researchers thought that the criminal procedural policy was to be aimed at the strictest observance of legitimacy; clear definition of law enforcement agencies and their competencies; broad involvement of the public; strict limitation of the coercive procedural actions to the utmost necessary; overall protection of the rights and legitimate interests of all participants in procedural activities; identifying and eliminating the causes and conditions conducive to crime²¹⁸.

²¹³ See: Bosholov S.S. The constitutional foundations of the criminal policy: the reality and the focus of scientific research / Issues of criminal policy. Interuniversity collection of academic papers. Krasnoyarsk. Krasn. State. University Publishing house, 1991. P. 7

²¹⁴ The concept of the judicial reform in the Russian Federation / Comp. S.A. Pashin. M.: Republic, 1992. – 111 p.

²¹⁵ Aleksandrov A.I. Criminal policy and criminal proceedings in the Russian statehood: History, Modern Times, Prospects, Issues. St. Petersburg, 2003. – P. 374.

²¹⁶ Aleksandrov A.I. The philosophy of evil and the philosophy of crime (issues of philosophy of law, criminal policy and criminal proceedings). St.Petersburg.: St. Petersburg State University Publishing House, 2013. – p. 278, 415–421.

²¹⁷ Kapinus N.I. Procedural safeguards of individual rights in the application of pre-trial restrictions in criminal proceedings. Ab. diss for Doctor. Jurid. Sciences. M., 2001. P.14.

²¹⁸ Alekseyev N.S., Daev V.G. Criminal procedure policy of the Soviet state at the present stage // Jurisprudence. 1977. №5. P. 98.

I.L. Petruhin, G.P. Baturov, T.G. Morschakova, exploring the problem of efficiency of justice in the Soviet times, expressed many ideas related to the perspective development of the criminal and criminal procedural policy.

Specifically, in their opinion, ‘with increasing efficiency of Soviet justice the number of judicial errors will steadily decline’. ‘Value orientations for justice are developed and embodied in the legal norms by the legislator. ‘Weighting values’ is to be addressed when developing the main directions of the criminal policy, which is enforced by judges themselves, relying on the law and in accordance with their socialist legal consciousness. Together with the law certain value orientation by judges forms the goals for higher courts, the acts of judicial administration, ideas generated in science. Such changes in the criminal policy as a broad substitute of criminal punishment for measures of social influence, or, on the contrary, strengthening of criminal sanctions, the frequency and scope of amnesties, guarantees expansion of individual rights in criminal proceedings, etc., require strict and sober consideration of possible ‘for’ and ‘against’ consequences”. “...wider opportunities appear for determining the ‘strategy’ to combat crime in the conditions of strict observance of legitimacy by ‘weighing’ values, alternative consideration and choice thereof, in other words – the consideration of target functions...”. “The simultaneous improvement of the quality of judicial, prosecutorial, investigative work and the reduction of crime observed in the country allow for a more humane criminal policy”²¹⁹.

Scientific literature discusses various aspects of the criminal, criminal-procedural policies. There are many approaches to the criminal policy revealing its contents: systemic ontological analysis of the policy; value approach defining its place and role; administrative, resource-based approach; the intellectual side of the criminal policy, i.e. social and legal thinking, etc.²²⁰

²¹⁹ Petruhin I.L., Baturov G.P. Morschakova T.G. Theoretical basis of the effectiveness of justice. – M.: ‘Nauka’, 1979. – p.7, 69, 92.

²²⁰ See: *Criminology and Criminal Policy / AS USSR*. Institute of State and Law; Ed. Team: S.G. Kelina, V.M. Kogan, M.M. Slavin.– M., 1985. – 142p.; Zhalinsky A.E. Socio–legal thinking as a means of implementing a criminal policy / *Issues of criminal policy*. Interuniversity collection of academic papers. – Krasnoyarsk. Krasn. State University Publishing house, 1991. P.14–15; Korobeev A.I., Uss A.V., Golik Y.V. Criminal legal policy: Trends and Prospects / A.I. Korobeev, A.V. Uss, Y.V. Golik. – Krasnoyarsk: Krasn. State University Publishing House, 1991. – 240 p.; Ter–Akopov A.A. The criminal policy of the Russian Federation: the textbook. M.: MNEPU Publishing House, 1999.; Boskholov S.S. Fundamentals of Criminal Policy: Constitutional, criminological, criminal and legal, and information aspects / S.S. Boskholov. – 2nd ed., Revised. – M.: JurInfoR Center, 2004. – 303 p.; Stakhov Y.G. The concept, content and implementation of the modern trends in the Russian Federation Criminal Policy: Textbook / Y.G. Stakhov; Sci. Ed. V.P. Revin. – M.: MAKS Press, 2004. – 30 p.; List F. Objectives of Criminal Policy. The crime as a socio–pathological phenomenon / comp. and foreword V.S. Ovchinsky. M.: INFRA–M, 2004.; Lesnikov G.Y. The criminal policy of modern Russia: methodological, legal and organizational framework. Dis for Doctor. Jurid. Sciences. Moscow, 2005.; Boshuk V.A. Theoretical foundations of Russian criminal and legal policy in the national security. Dis for Cand. Jurid. Sciences. Krasnodar 2006.; Stakhov Y.G. Criminal policy and its implementation by the Russian Federation subjects. Dis for Doctor. Jurid. Sciences. Moscow, 2006.; Malysheva O.A. Modern criminal policy of the Russian state and its implementation at pre–trial stages of the criminal process. Dis for Doctor. Jurid. Sciences. Ryazan, 2006.; Tretyakov I.L. Criminal Policy of Russia: Theoretical and practical issues. Dis for Doctor. Jurid. Sciences. St. Petersburg, 2006.; Alekseev A.I., Ovchinsky V.S., Pobegaylo E.F. Russian criminal policy: Crisis recovery/ A.I. Alekseev, V.S. Ovchinsky, E.F. Pobegaylo. – M.: Norma, 2006. – 144 p.; Gavrilov B.Y. Modern criminal policy of Russia: facts and figures. – M.: T.K. Welby, Publishing House ‘Prospect’, 2008. – 208 p.; Boyko

In the light of the modern development of the criminal policy, scientists have been investigating the processes of criminalization and decriminalization, penalization and depenalization in the field of criminal acts; the criminal policy in the sphere of punishment and stimulation, and so forth.²²¹

According to I.L. Petruhin, criminal policy is “a set of ideas, plans and activities of state bodies aimed at curbing crime. The criminal policy is carried out in the areas of criminal law, criminal procedure, operational and investigative activities (OIA), penal law and is aimed at optimizing the activities of inquiry agencies, preliminary investigation, prosecution, OIA, courts and sentence execution state agencies”²²².

As one of its directions, the criminal procedural policy has always had and will have a vector of development associated with a constant attention to quality and efficiency of criminal justice issues. According to F.N. Fatkullina, “under the effective procedural legal (as well as other legal) goal we should understand its ability to positively affect, with minimum costs, social relations in a given direction in those social conditions which actually exist in the period of its effect in the country”²²³.

The research by S.S. Boskholov sufficiently present the *trends* of the modern criminal procedure policy (the rejection of the possibility to solve social problems through coercion, suppression of the individual; turn to the humanization of the criminal policy; focus on

A.I. Criminal policy: study guide. Rostov n/D, 2008.; Lopashenko N.A. Criminal policy / N.A. Lopashenko. – M.: WoltersKluwer, 2009. – 579 p.; Legal policy as a scientific theory in historical and legal research / ed. Doc. Jurid. Sciences, Doc. Philosophy, prof. O.Y. Rybakov. – M.: Statut, 2011. – 408 p.; Issues of Russian criminal policy / M.M. Baev, Y.E. Pudovochkin. – Moscow: Prospect, 2014. – 296 p.

Moreover, as early as in Soviet times, V.N. Kudryavtsev spoke about the goals of legal policy in the context of criminal law in general. See: Kudryavtsev V.N. General Theory of crimes classification. Moscow, 1972.

²²¹ Lyakhov Y.A. The essence and trends of criminal procedure policy of the Russian Federation: Abs. diss. for Doctor. Jur. Science. St.Pb., 1994.; Grevtsov O.V. Criminal policy of modern Russia and crime prevention. Dis for Cand. Jurid. Sciences. St. Petersburg, 2000.; Lopashenko N.A. Fundamentals of criminal law enforcement: criminal law, criminal legislation, criminal law policy. St.Pb.: Aslanov Publishing House ‘Juridical Center Press’, 2004. P.262–316.; Ivanov S.V. The criminal policy of the Russian Federation: political–criminological and criminal–legal aspects. Dis. for Cand. Jurid. Sciences. Ekaterinburg, 2006.; Kubov R.H. Criminal policy in combating organized forms of criminal activity. M.: Granitsa, 2008. – 247 p.; Polikarpova I.V. The criminal policy of Russia in relation to offences against health and its impact on the classification of the crime: case study of liability for intentional infliction of grievous bodily harm. Dis for Cand. Jurid. Sciences. Saratov, 2008.; Semykin D.V. The criminal policy of the Russian Federation in counteraction to illegal circulation of narcotics, psychotropic substances and similar substances. Dis for Cand. Jurid. Sciences. Rostov n/D., 2008.; Shilov A.I. The criminal policy of Russia with respect to the military: Theoretical Aspects: monograph. – Ryazan, Acad. Law and Management. FSIN, 2008. – 220 p.; Oskina E.L. The role of the criminal policy of the Russian Federation in crime prevention. Dis for Cand. Jurid. Sciences. Krasnodar, 2009.; Aminov D.I. Modern approaches to building an effective criminal policy mechanism in the Russian state: Monograph / D.I. Aminov, A.Y. Solonin. Russian Ministry of Internal Affairs, Academy of Economic Security of the Russian Ministry of Internal Affairs, M., 2010. – 198 p.; Kagevov A.S. Cycles of criminal policy and law enforcement: monograph. St.Pb.: Saint–Petersburg St. Uni. of Service and Economics, 2010. – 371 p.; Maksimov A.M. Criminal policy in ensuring the security of the wildlife: legal issues, institutional and enforcement aspects: monograph. M.: Jurlitinform, 2012. – 350 p.

²²² Petruhin I.L. Judgment of acquittal and the right to rehabilitation: monograph. M.: Prospect, 2009. – 192 p. P. 37.

²²³ Fatkullin F.N. Problematic issues of the effectiveness of Soviet criminal proceedings / Issues of efficiency of Soviet criminal proceedings. Ac. Ed. F.N. Fatkullin. Kazan, Publishing House of Kazan University. 1976. 159 p. P.13.

international standards and experience in crime control; focusing the criminal policy on the revision of legislation in crime control with its compliance with the Constitution of the Russian Federation in mind) and its *priorities* (providing maximum security of the person, the human and civil rights and freedoms from criminal attacks, active opposition to organized crime, active corruption control, ensuring the economic security of the state, protection of the constitutional order and security of the state)²²⁴.

I.V. Pankina believes that the peculiar feature of the modern criminal procedural policy 'is the democratization of its constituent elements'. "The main features of the criminal procedural policy unfold, above all, in the principles of criminal proceedings." But "the democratization of the criminal procedural policy indicates the legislator's attempt to turn the development of criminal proceedings in the direction of the classical ideology of adversariality, which is contrary to the traditions of our criminal proceedings"²²⁵.

The interconnection of the criminal policy and the principles of criminal justice is presented in the research of O.Z. Chelohsaev. "The essence of the principles of criminal proceedings is the reflection of the criminal procedural policy (ideology) of the state, which is a form of (branch) of the legal policy (ideology) of the state." The essence of the criminal procedural policy 'is to provide the proper organization of criminal proceeding and to aspire to implement this idea'. The principles of criminal proceedings are indicators of the criminal procedural policy.

According to O.Z. Chelohsaev, the subject of the modern criminal procedure policy includes the concept of restorative justice, juvenile justice, acceleration and simplification (rationalization) of criminal proceedings, social rehabilitation of the accused and the victim, etc. The concepts of criminal procedure are closely linked to the concepts of criminal law and criminology. The criminal procedure policy is a unity of purposes, tasks, goals, functions and principles of criminal judicial proceedings²²⁶.

According to G.K. Smirnov and A.L. Karabanov, currently, it seems urgent to alleviate the state policy in the field of criminal procedure compulsion, 'to look for ways to improve public policy in this area', for example, to introduce amendments with respect to tax crimes concerning the detention of suspects and the accused in criminal cases of this category²²⁷.

²²⁴ Boskholov S.S. Basic Principles of Criminal Policy: Constitutional, criminological, criminal and legal aspects of information / S.S. Boskholov. 2nd ed., rev. M.: JurInfoR Center, 2004 P.32–59.

²²⁵ Pankina I.Y. On the issue of democratization of Russian criminal procedure policy // Current issues of criminal justice: issues of theory, legislation, application (to the 5th anniversary of the Criminal Procedure Code of the RF). International research and practice conference proceedings. M.: Moscow State Law Academy, 2007 – P.93–96.

²²⁶ Chelohsaev O.Z. Modern criminal procedure policy of the state / sc. ed. V.S. Djatiev. Vladikavkaz: Publishing and printing company named after V. Gassiyev, 2009. 240 p. – P.33–34.

²²⁷ G.K. Smirnov, Karabanov A.L. Current issues of legal regulation of the crime. M.: Jurlitinform, 2012. – 216 p. P.104.

It is obvious that many researchers of the modern criminal policy pay attention to its liberalization.

However, in spite of the liberal-democratic tendencies in the development of the modern criminal and criminal procedure policy, criminal events of the recent time defined different priorities: strengthening the fight against terrorist offenses and corruption; crimes related to drug trafficking; sexual abuse against children; violations of road safety rules by drivers under influence of alcohol or drugs which have caused loss of life, etc.

The criminal liability for these categories of crimes have been upgraded; the detention for up to 30 days on suspicion of committing terrorist crimes has been introduced; ‘terrorist elements of crimes’ have been exempted from the jurisdiction of the jury trial; the possibility of using the institutions of pre-trial agreement on cooperation and the special procedure for the trial of criminal cases of the above mentioned categories have been extended; lawmakers have tightened the requirements for the parole of convicted persons, etc.

The modern researches of the criminal policy are now deducing its trends from the annual Message of the President of the RF to the Federal Assembly of the RF²²⁸.

The President of the Russian Federation’s Message to the Federal Assembly of 2010 defines the tasks for 2011 and further years, which were to continue the development of the judicial system legislation; to reform the Ministry of Internal Affairs (establishment of the police in Russia); to improve the quality of investigation and prosecution (the creation of the Investigative Committee of Russia); improve the criminal and criminal procedural law (for petty crime, minor offenses to impose sanctions not involving imprisonment, especially to young people and adolescents, as well as to those who are first-time offenders; to annul the lower limits of sanctions for a number of offenses, to widely apply fines, community service), bearing in mind that ‘the power of the court is not in cruelty, but rather in the inevitability and fairness of punishment with the justice mission being not only to punish, but to correct’²²⁹.

According to the Russian President’s Message to the Federal Assembly of the RF of 2011, ‘a special role in the implementation of the effective criminal policy is to be given to the judiciary. Whether the sentencing system will become more flexible, differentiated, and, therefore, more fair, etc., depends on it’²³⁰.

²²⁸ See: Aleksandrov A.S. On modern criminal procedure policy / The judiciary and criminal procedure. Voronezh, 2012, №1. P.18–24.

²²⁹ The President of the Russian Federation’s Message to the Federal Assembly of November 12, 2010 // Rossiyskaya gazeta. 2010. 13 November.

²³⁰ The President of the Russian Federation’s Message to the Federal Assembly of 22.12.2011 // Rossiyskaya gazeta. 2011. December 23.

The Russian President's Message to the Federal Assembly of the RF of 2013 suggests withdrawing from the 'prosecutorial bias in law enforcement and judicial practice', 'excluding from the system of law of all the loopholes allowing one to turn an economic dispute into a revenge with the help of tailor made criminal cases', 'banning criminal charges without a claim form the victim for a variety of economic crimes', strengthening 'the responsibility of law enforcement officials for falsification'²³¹.

The Russian President's Message to the Federal Assembly of the RF of 2014 draws attention to introducing institutions of social control; inadmissibility of legal uncertainty, injustice, where an important role is to be granted to the union of the Supreme Court of the RF and the Supreme Arbitration Court of the RF, which 'will direct the judicial practice into a single channel, and hence will strengthen the most important guarantees for the implementation of the constitutional principle – equality before the law'²³².

The criminal policy defines the concepts of crime control; responsibility of the state and law enforcement systems to the public; the strategy and specificity of implementing this policy in the new environment and in relation to new goals focused on new values in the modern society.

The topic of this study of criminal policy issues is rather specialized: the impact of this policy on securing the regime of legality in criminal procedure activities with respect to the prevention of investigative and judicial errors.

It is worth being noted that the analysis of the contemporary criminal policy leads to the conclusion that many of its directions are not conceptual. Chaotically introduced amendments and additions to the legislation regulating the issues of criminal justice disrupt the work of courts and law enforcement agencies, which contributes to new errors made by investigators and inquirers and their departmental seniors and prosecutors, as well as judges. Management in criminal proceeding is not always conducive to legitimate criminal procedure activities with law enforcement personnel and judges, sometimes not being able to work professionally, both objectively, and subjectively.

Thus, to ensure the effective criminal policy in one of its directions, i.e. in criminal procedure, namely, in the infallible justice in criminal cases, particularly for adhering to fundamental principles and achieving the purpose of criminal proceeding, it is necessary to talk consider the system of state and legal instruments of eliminating errors, their detection, correction and prevention.

In our opinion, work with judicial errors is to involve the following mechanisms:

²³¹ Rossiyskaya Gazeta, 2012. December 13th.

²³² Rossiyskaya gazeta. 2013. December 13th.

– an effective mechanism for legislative activity, giving possibility to apply legally verified and understandable laws and regulations in the practice of subjects conducting criminal proceedings;

– an effective mechanism for proper arrangement of the court and its staff, law enforcement agencies, capable, in normal operation mode, to ensure criminal procedure activity and respective operative investigation, expert activities including, in the respect to detection, correction and prevention of investigative and judicial errors;

– effective criminal procedure mechanism as a mechanism specialized in criminal proceedings, with its own special purpose in criminal proceedings – elimination of errors.

Our research will definitely consider the need to improve the legislation in order to avoid miscarriages of justice; won't ignore issues concerning the functioning of the organizational-legal mechanism which allows, at the level of providing clarification and guidance, management decision-making, the use of departmental law-making, etc., to adjust and direct the investigative and judicial practice with the purpose, again, of avoiding errors in the criminal procedure activities.

However, the main focus herein will be on the study of the current, effective at all the stages and phases of criminal proceedings, criminal procedure mechanism of eliminating errors, which, from the point of view of legal regulation, has a special place in the system of state legal means of dealing with these errors.

Current and future directions of the criminal policy in the state are its strategies. A strategy of the criminal policy is a certain set of relevant scientific theories, concepts, doctrines, formed in the scientific community, in the practice of the Constitutional Court of the RF, the Supreme Court of the RF, in the manifestos of the Russian state administration and its leaders, etc. Strategies in the criminal policy of the state are the goals for its implementation, its important and significant elements.

However, strategies in criminal, including criminal procedural, policy are not criminal procedure activities, but merely determining directions of these activities. These strategies have their own goals, objectives, principles, etc. But the implementation of these strategies involves a certain organizational and procedural mechanism.

Prior to talking about the organizational and procedural mechanism, it is worth noting that the term 'strategy' is not used in the Russian legislation – the law has no standard reference of the term 'strategy' in the codified acts regulating jurisdictional proceedings. But the strategy in the theoretical aspect is seen an essential element of legal technologies implemented by many members of legal proceedings²³³.

²³³ See: Zashlyapin L.A. Fundamentals of the theory of effective legal representation: preliminary aspect. Ekaterinburg: Ural. Uni. Publishing House, 2006. P.348.

The notion ‘strategy’ refers to a number of definitions which nowadays, ‘having broken’ the narrow limits of one science, are used a variety of sciences.

The Russian language defines the term ‘strategy’ as ‘the art of leadership ... as well as the general art of management planning based on correct and long term forecasts’²³⁴.

In accordance with this interpretation, there are four factors pushing humanity into the future: objectives, goals, emotions and values. Objectives, short-term goals are the tactics. Long-term goals are the strategy. A real strategy is always based on values. The strategy may not change dramatically, but may be adjusted.

The academic literature applies the above term in a figurative sense, with it referring to the ways and means to achieve in life some state, phenomena, and presents it in the form of specific recommendations.

M.V. Hodzhich defines the strategy as a totality including long-term goals determining the activities of an organization (strategic objectives); technologies with the help of which strategic goals are achieved; resources to be used in achieving the strategic goals; a management system which provides achievement of the strategic goals²³⁵.

Legal strategies have been addressed in the works of A.N. Arinin²³⁶, A.M. Goloschapov²³⁷, S.V. Malko²³⁸, A.N. Andreev and V.B. Korobov²³⁹, V.G. Pichugin²⁴⁰, etc.

With regard to investigative activities, G.A. Zorin defined the strategy as general programs of action for a sufficiently long period, as the choice of alternatives in the chosen ways of planning and implementation of crime detection, priority allocation when checking scenarios and defining the boundaries of stages, the formation of the system of goals and their distribution on the ‘tree of objectives’²⁴¹.

Subsequently, G.A. Zorin defined the forensic strategy as a multifaceted, diversified phenomenon which is characterized in that it is logical and psychological transformation of goals and objectives; operational transformation which from appearing in the mind of the investigator until the last day of the investigation is relevant to the organizational and tactical actions and

²³⁴ Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Dictionary of the Russian language. M.: OOO ‘ITI Technologies’, 2003. – 944 p. P. 772.

²³⁵ Hodjic M.V. Law enforcement strategy – the main element of strategic planning in the internal affairs bodies. RLS ‘Consultant’.

²³⁶ Arinin A.N. On the new strategy for development of Russia. Federalism and Civil Society: ideological and theoretical, political and legal aspects / A.N.Arinin; Institute of Federalism and Civil Society. M.: Severo-Print 2000.

²³⁷ Goloschapov A.M. The constitutional foundations of the state–legal strategy formation. Ab. of diss. for Can. Jurid. Sc. Moscow, 2004.

²³⁸ Political and legal strategies of the Russian civil society institutes formation. Ab. of diss. for Can. Jurid. Sc.. Rostov–on–Don, 2009.

²³⁹ Andreev N.A., Korobov V.B. Strategic management in law enforcement: study guide. Publisher: UNITY–DANA, 2010.

²⁴⁰ Pichugin V.G. Business security: criminal prosecution defence. Publisher: Alpina Publishers, 2010.

²⁴¹ Zorin G.A. Heuristic methods of strategy and investigative activities tactics development. Grodno, 1991. P. 4–6.

procedural ones; selection of alternatives in the chosen ways of planning and realization of crime detection²⁴².

L.Y. Drapkin²⁴³, A.V. Dulov²⁴⁴, R.S. Belkin²⁴⁵, A.A. Eksarhopulo²⁴⁶ examined strategy issues in relation to forensic activity.

Strategies in the context of the public prosecution were studied by V.G. Ulyanov. He drew particular attention to the development of strategies in the prosecution: defining the main stages of the investigation, strategic objectives; targeted analysis of the case file, etc.; preparing of public prosecution strategies for implementation; defining of judicial (investigative) actions where staged and objectives of the strategy are to be achieved; defining the whole procedure of judicial investigation, etc. In view of the strategies identified herein, this study develops the tactics of public prosecution in court²⁴⁷.

The issues of the strategy in the context of the issues of tactics in relation to the advocacy have been examined in detail by M.O. Bayev and O.Y. Bayev²⁴⁸, E.A. Belkanov²⁴⁹, L.A. Zashlyapin²⁵⁰, V.S. Sorokin²⁵¹.

Crime control is considered by scientists from the positions of the strategy. They believe that the science of management, defining the strategy, refers to methods of achieving objectives. Therefore, the strategy is the definition of long-term goals and priorities, the most important areas and means of reaching these goals²⁵².

Foreign authors apply the strategic approach to the study of criminal behavior, which allows them to successfully develop the concept of police intelligence, the police intelligence model. Their studies in this area show that some types of crime (organized crime, terrorism, crimes against minors, etc.) may not be successfully solved without a strategic approach in the preliminary

²⁴² Zorin G.A. Forensic methodology. Minsk, 2000. P.20–21.

²⁴³ Drapkin L.Y. Basic theory of investigative situations. Sverdlovsk, 1987.

²⁴⁴ Forensics / Ed. A.V. Dulov. Minsk, 1996.

²⁴⁵ Belkin R.S. Forensics: current issues. Problematic issues of Russian criminology. Moscow, 2001.; Belkin R.S. Course of forensics. M., 2001.

²⁴⁶ Eksarhopulo A.A. The subject and system of criminalistics. SPb., 2004.

²⁴⁷ Ulyanov V.G. Public prosecution in Russian criminal proceedings (procedural and criminological aspects). Ab. of diss. for Can. Jurid. Sc. – Krasnodar, 2002.

²⁴⁸ Baev M.O., Baev O.Y. Strategic principles of criminal defense tactics // Forensic aspects of professional criminal defense. Ekaterinburg, 2001.

²⁴⁹ Belkanov E.A. The strategy of legal representation and professional deformation of legal consciousness // The federal legislation on the Bar: Practical Application and issues of perfection. Ekaterinburg, 2004.

²⁵⁰ Zashlyapin L.A. Fundamentals of the theory of effective legal representation: preliminary aspect. Ekaterinburg: Ural. Uni. Publishing House, 2006. – 568 p. ; Zashlyapin L.A. The main theoretical features of legal representation proficiency in criminal proceedings. – Ekaterinburg: Ural. Uni. Publishing House, 2007. – 576 p.

²⁵¹ Sorokin V.S. Strategy and tactics of criminal defense. Grodno, 1995.

²⁵² Borodin S.V. Crime control: a theoretical model of an integrated program. M., 1990. P.15; Kudryavtsev V.N. Strategies of crimecontrol. 2nd ed., rev. and ext. M.: Science, 2005. 38 p.;

Dolgova A.I. Issues of crime control strategy // Crime: control strategy / Ed. A.I. Dolgova. M.: Criminological Association, 1997. P. 6.; Kolesnikov V.I. Crime in Russia and control strategy // Crime: control strategy / Ed. A.I. Dolgova. M.: Criminological Association, 1997, pp. 18 – 27.

investigation. The police intelligence successfully conducts strategic analysis of the criminal market, which is a fundamental element of the strategic analysis within solving specific crimes²⁵³.

N.G. Stoyko has been the first to speak about strategies in relation to models of criminal proceedings in the criminal procedure law. According to him, the criminal proceedings models may be integrated into the framework of six criminal procedural strategies (general models): 1) protection of the rights and freedoms of the accused; 2) the criminal prosecution; 3) social support of the accused; 4) social support to the victim; 5) the efficiency and effectiveness of criminal justice; 6) reconciliation²⁵⁴.

The strategies (models) addressed by N.G. Stoyko, in our view, define the current state and the prospects of development of the criminal policy in the administration of justice in criminal cases.

In the context of the problem of errors in criminal proceedings here discussed, the primary attention is paid to the two strategies (models), defined by N.G. Stoyko: the criminal prosecution and the protection of the rights and freedoms of the accused. In our opinion, other strategies are certainly relevant to the administration of justice in criminal cases, but their content is related to the implementation of the social role of criminal proceedings. Furthermore, supporting the strategic (model) approach of N.G. Stoyko in the comparative theoretical and legal study of Anglo-American and Roman-Germanic legal systems, we deviate from the traditional definition of prosecution (accusation) and protection of the rights and freedoms of the accused (defense) as a criminal proceedings functions, since here it is important to examine the prosecution and protection of the rights and freedoms of the accused not only in the functional context (adherence to the current regulatory requirements by subjects conducting criminal proceedings), but also in the strategic context – current and future state and development of the two diametrically opposite in their direction models driving criminal proceedings and seeking to rapprochement to fulfill its purpose.

It is obvious that the two (important for the purposes of this study) strategies, i.e. prosecution and protection of the rights and freedoms of the accused, defined herein and other strategies identified by N.G. Stoyko are quite consistent with each other:

²⁵³ Simonovich B. Strategic approach of criminal investigation police in crime combating. // *Criminalistics and Forensic Examination: Science, Education, Practice* / gen. ed. S.P. Koushnirenko. St.Pb.: St. Petersburg State University Publishing House, 2012. – 676 p. P.588–595.

²⁵⁴ Stoyko N.G. Criminal proceedings of Western states and Russia: Comparative Theoretical Legal Study of Anglo-American and Roman-Germanic legal systems. Monograph St.Pb.: Saint-Petersburg State University Publishing House, SPBU Law Faculty Publishing House, 2006, p. 64.

1) if 'regarded as national instruments to ensure the needs of society in curbing crime and crime control, in being compensated for damages from it, and in the prevention of new crimes (i.e. they are criminal and political reaction to crime);

2) carried out by alternating, strengthening some and weakening the intensity of others, expanding or narrowing their scope, etc., depending on the social situation; and

3) directed (regardless of subjective needs and aspirations) to achieve the socio-integrative objectives of the public law regulation of crimes, to ensure fairness (social harmony measures) and to maintain the balance of interests between the victim (wronged person) and the accused (criminal)²⁵⁵.

The strategies of prosecution and protect the rights and freedoms of the accused in the criminal procedure activity in the context of the topic of this study lead us to the need to review, from the position of the model approach, the criminal procedural mechanism for the implementation of these strategies (models) to identify, rectify and prevent errors in criminal proceedings.

The strategy of criminal prosecution stems from the legal structure known as the principle of inevitability of punishment. Indeed, the interests of society and the state are to be aimed at ensuring that every perpetrator is subjected to just and inevitable punishment and the innocent is not prosecuted or is rehabilitated if he has been subjected to illegal and unfair prosecution. The structure of the inevitability of punishment is provided for in Article 6 'The purpose of criminal proceedings' of the Code of Criminal Procedure of the RF currently in effect.

The aspiration of court officials and law enforcement agencies to ensure the implementation of the program goals of the criminal policy of the state with regard to inevitability of punishment makes it necessary to increase the volume and scale of criminal repression, which, at times, fraught with violations of the principle of legitimacy and with committing errors. As a matter of fact, in the adversarial model of criminal justice the strategy of prosecution is the strategy of accusation, the essence of which is criminal prosecution, indictment, conviction on behalf of the Russian Federation and determining just punishment for him. All these are important and necessary factors of implementing the criminal policy. However, due to the repressive specifics of this strategy, it is this strategy that is to be reliably provided with guarantees of compliance with the law requirements. And this is, again, provided for in Article 6 of the Code of Criminal Procedure of the RF, which states that the protection of individuals from illegal and unreasonable accusation, conviction and restriction of their rights and freedoms is an important objective of criminal judicial proceedings.

²⁵⁵ Stoyko N.G. Ibid.. P. 93.

Nevertheless, the modern characteristics of the criminal prosecution strategy (prosecution), as opposed to Soviet time principle of inevitability of punishment associated with the establishment of the truth in a criminal case as the purpose of criminal proceedings, are being furnished with new structures. The new institutions of pre-trial agreement on cooperation signed by the prosecutor and the accused, of the special procedure for trial when the defendant agrees with the charges in the context of criminal prosecution look very attractive and cost effective. Yet the classical idea of criminal proceedings where the main goal is to establish the truth in a criminal case, where the effect of the criminal proceedings principles and the general conditions of criminal proceedings for a criminal case are profusely expressed, can not but raise the question of the risks associated with the errors appearing due to the modern optimization of criminal prosecution.

According to N.G. Stoyko, the criminal prosecution strategy involves the crime control model where the goal of criminal proceedings in this strategy is the punishment, and the function is the establishment of criminal legal relationship. This strategy is related to the role of the criminal justice system in reducing, preventing and combating crime through the prosecution and punishment of those guilty. The police and intelligence agencies, the investigation, the prosecutor's office have a responsibility to the society for ensuring that the perpetrators are brought to justice; they provide the inevitability of criminal repression, control crime, protect the people, the society, and the state by reducing crime. Analyzing foreign legal sources, N.G. Stoyko gives the following generalized characteristic of the strategy being considered: law enforcement focus on the public danger of crimes as the basis of their legal activity; ignoring or significantly limiting legal control over the bodies of criminal prosecution; support of their desire to punish every offender; presumption of guilt of criminal suspects (potential criminals); a high level of convictions and the 'severity' of the sanctions imposed; lack of conditions for interpersonal contact between the victim and the accused²⁵⁶.

In this model, courts should take the position of retaliation and deterrence in relation to actual and potential perpetrators. Courts in this model are the guarantor of the public order. "Their main function is to confirm and approve the state's right to punish criminals, and not to protect human rights or the rule of law in society ... They should condemn actions of the accused, who have violated the law, and support the efforts of the prosecuting authorities to bring charges before the court. By doing so, the courts should show whenever possible the avenging force of the law, not allowing cases where the inevitability of criminal responsibility would be questioned by an insufficiently severe sentence or acquittal. Otherwise, potential criminals will be provoked to commit crimes, knowing that they will either escape the liability or not be subject to severe

²⁵⁶ Stoyko N.G. Ibid. P. 71.

suffering. In turn, if their activities in solving crimes and exposure of those guilty will not be successful in court, it will lead to demoralization of the criminal prosecution bodies”²⁵⁷.

Currently, the strategy of criminal prosecution in Russia is related to, as already mentioned above, the following periodically announced ‘campaigns’: the fight against terrorism and extremism, drug trafficking; corruption; torture in police (in addition to this, the fight against ‘dirty cops’); the fight against pedophiles and maniacs; drunk drivers; air-travelers-hooligans, etc.

Under the shelter of these ‘campaigns’, as have also been mentioned above, some provisions in the law have got more stringent.

In recent years, the strategy of the criminal prosecution (accusation) have prevailed when high-profile crimes are committed and law enforcement agencies (most often – the Investigative Committee of Russia) announce in the media that they have arrested suspects, filed with the court motions to detain persons who committed criminal negligence, which resulted in the explosions occurring at the mine with human toll, children dying in uncovered manholes, an accident with the aircraft, etc. The normal scope of classical reasons for determining strict measures of procedural coercion does not usually include these situations (‘may hide from the investigation and trial’, ‘may commit new crimes’, ‘may affect the prosecution witnesses, etc.’), but the state should show the public the severity of its ‘criminal reaction’, ‘power of the repressive machinery of the state’ ready to stand up for human protection, society and the state in extraordinary situations with serious consequences, etc. Basically, everything is done within the framework of the European standard of detention to maintain the public order and to prevent mass disorders in the community. Yet it clearly looks like a typical content (manifestation) of the model (strategy) of criminal prosecution (accusation).

During the research, we have adhered to the hypothesis that the implementation of criminal prosecution strategy (accusation) raises the threshold of investigative and judicial errors relating to the protection of the rights and legitimate interests the accused and at the same time lowers the threshold for errors related to the protection of, in particular, the victim of crime (the wronged person).

The strategies of criminal prosecution and protection of the rights and freedoms of the accused (prosecution and defense) are implemented by participants in criminal proceedings. The legislator even joined these participants in groups (parties): ‘participants in criminal proceedings for the prosecution’ (Chapter 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the prosecutor, the investigator, the head of the investigative agency, the inquiry agency, the head of the inquiry unit, the inquirer, the victim, the private prosecutor, the plaintiff, representatives of the

²⁵⁷ Stoyko N.G. Ibid. P. 72.

victim, the plaintiff and the private prosecutor); ‘participants in criminal proceedings for the defense’ (Chapter 7 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the suspect, the accused, legal representatives of a minor suspect or the accused, the defense lawyer, the defendant, the legal representative of the defendant).

However, the above given division of participants in criminal proceedings into participants of both sides of adversarial proceedings (the prosecution and the defense) is clearly conditional. Participants who fulfill the mission of subjects conducting criminal proceedings (the prosecutor, the investigator, the head of the investigative agency, the investigation agency, the chief of the inquiry agency, the inquirer) pursue the public interest which is linked to achieving the purpose of criminal proceedings, its principles and mission prerequisite for the implementation of the criminal policy. This is the reason why we are talking about these two strategies: prosecution and protection of the rights and freedoms of the accused (prosecution and defense) in their intercorrelation.

The interconnection of these strategies may be looked in the light of the procedural status of the prosecutor.

The procedural position of the prosecutor in criminal proceedings is unique. At pre-trial stages the name of the procedural status is defined exactly like this – ‘the prosecutor’, ‘the supervising prosecutor’ (chapter 19–32.1 of the Code of Criminal Procedure of the RF). In preparation for the trial, including during the preliminary hearing, the procedural status of the prosecutor is indicated as ‘the party’ and ‘the prosecutor’ (chapters 33–34 of the Code of Criminal Procedure of the RF). At the hearing of the criminal case on the merits in the trial court, at the appeal hearing the procedural status of the prosecutor is only referred to as ‘the procurator,’ ‘the public procurator’ (Art. 246 of the Code of Criminal Procedure of the RF, and other articles of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Chapters 35–45.1). For the appeal and supervisory consideration of the criminal case, the review proceedings and resolution of issues related to the sentence execution, the proceeding for the application of compulsory medical measures, for educational correction, etc. (Chapter 46, 47.1, 48.1, 49, 50, 51, 52, 53 54 of the Code of Criminal Procedure of the RF) the procedural status of the prosecutor is again defined as ‘the public prosecutor’.

‘The public procurator is an official of the prosecutor's office representing on behalf of the state the prosecution in a criminal case being heard in court (p.6 p.1 Art. 5 of the Code of Criminal Procedure of the RF).

“The prosecution is represented by the prosecutor and the investigator, the head of the investigation body, the inquirer, the private prosecutor, the victim, his legal representative and the representative, the civil plaintiff and his representative” (Sec. 47 Part 1 Article 5 of the Code of Criminal Procedure of the RF).

“In judicial proceedings for a criminal case the prosecutor presents the state prosecution ensuring its legality and validity” (part 3 Article 37 of the Code of Criminal Procedure of the RF).

In view of the foregoing, especially taking into account the detailed regulation of the powers of the prosecutor in court set forth in Article 246 of the Code of Criminal Procedure of the RF, the procedural mission the prosecutor in the proceedings of the criminal case on the merits in the trial court and in the appeal proceedings of the case may be defined as participation of the prosecutor for the prosecution with the status of ‘the public procurator’ for the public accusation brought by the bodies of the preliminary investigation and approved by the supervising prosecutor, for a full or partial waiver of the said accusation, for the alteration thereof through mitigating in court under certain circumstances provided for by the law.

Such definition of the prosecutor’s procedural mission in court seems to be artificial, since, in our opinion, the investigator, the head of the investigation agency (the head of the investigation unit), the inquirer, the head of the inquiry agency, the prosecutor may not be qualified as parties for the prosecution. These are state officials, along with the court, endowed with powers and authority to perform proof in a criminal case, the preliminary investigation thereof and adjudication in court to achieve the purpose of criminal proceedings.

These subjects conducting criminal proceedings, providing complete, comprehensive and objective investigation of all the circumstances of the criminal case can be neither on the side of defense, nor on the side of the prosecution, since they, unlike the parties to a criminal trial divided between these two sides, do not have any personal interest while the public interest requires the authority subjects to establish both incriminating and exculpatory, aggravating and mitigating circumstances, with this being guided by considerations of legality, humanity and fairness.

Therefore, in the Code of Criminal Procedure of the RF, it would be reasonable to name the above mentioned subjects, throughout whole criminal proceedings, not a party of prosecutors but exactly the inquirer, the head of the inquiry agency (the head of the inquiry unit), the investigator, the head of the investigation agency, the prosecutor, along with the court, securing the public nature of criminal judicial proceedings.

We support the position of A.S. Barabash claiming that ‘it is impossible to talk about the functions of prosecution, defense, resolution of the case securing them for certain subjects’, conducting the proceedings. “The prosecutor, before articulating his closing argument, is to be involved in the court proceedings, examine the evidence directly, and only if basing on the material studied he gets an inner conviction, he presents the court his accusatory or acquittal closing argument supporting it properly. The acquittal closing argument is also to be presented when he has the inner conviction that further investigation is impossible. If the mind of the prosecutor sticks to the idea that he is a procurator, we may no longer hope for his balanced approach to the case;

the principle of comprehensiveness, completeness and objectivity of the investigation of the case will not be an order to him”²⁵⁸.

With regard to the strategy of protection of rights and freedoms of the accused (defense strategy) it is essential to show the level of observance of human rights in criminal proceedings, namely:

- protection on the part of persons conducting the criminal proceedings (taking into account the arguments provided above, they are the prosecutor, the investigator, the head of the investigation agency, the inquiry agency, the head of the inquiry division, the inquirer);

- the protection carried out by persons who do not conduct criminal proceedings (defense lawyer, federal and regional ombudsperson (including for children), human rights activists, council and Duma members and other persons);

- self representation.

According to the strategic (model) approach proposed by N.G. Stoyko, the strategy of protection of rights and freedoms of the accused is expressed in the model of proper justice and the models, close to it, of alignment of interests of the state and the accused. Accordingly, the goal expressed in this strategy is justice (procedural and material); the function that it prescribes to the criminal justice authorities is to protect the rights and freedoms of the accused.

In implementing this strategy in criminal proceedings, the dominant importance is given to resolving a criminal case impartially, respectfully of the human and civil rights and freedoms, to the rightness with respect to the prosecution and defense parties.

This strategy gives preference to procedural fairness, the interests of the accused at the expense of state power control and reducing its effectiveness. Arbitrary, not subordinate to control exercise of power in criminal proceedings is a worse evil than failure to ensure the inevitability of conviction and punishing every criminal. That is why every accused has the right to and can count here on honest (fair) trial of his case, and in case of establishing the guilt, on a fair punishment reflecting the seriousness of the crime committed, the condemnation being deserved, as well as the harm caused to the victim²⁵⁹.

In our opinion, this strategy allows us to formulate a scientific hypothesis of minimizing the amount of errors on the part of subjects conducting criminal proceedings regarding the protection of rights and legitimate interests of the accused; however, in terms of the protection of the victim of the crime (wronged person) the error threshold may be higher than in the considered strategy (model) of criminal prosecution.

²⁵⁸ Barabash A.S. Subjects of criminal proceedings and subjects of criminal – procedural proof // Siberian legal notes: Association of Law Universities ‘Siberia’ Annals. Vol. 1. Krasnoyarsk, 2001, p. 133.

²⁵⁹ Stoyko N.G. Ibid. P. 68–69.

The examination of the two polar, seeking to convergence, diametrically opposite models (strategies) of criminal prosecution and protection of the rights and freedoms of the accused (prosecution and defense) is related to the organizational legal mechanism of ensuring efficient and qualitative (error-free) criminal proceedings. For many years the problems of the effectiveness of the administration of justice in criminal cases, the quality of the preliminary investigation and the judicial proceedings have been objects of scientific research.

Many factors still influence the successful implementation of the strategies of prosecution and protection of the rights and freedoms of the accused (prosecution and defense) in the criminal (first of all – criminal procedural) policy. We have already considered some of these factors while speaking about the causes of errors in criminal proceedings. But one of the most urgent problems in the context of the proper implementation of the strategies considered is the question of responsibility of subjects conducting criminal proceedings for errors in their criminal procedure activities.

The state has consistently maintained the important thesis that for all deviations from the principle of legality (including, errors) by subjects conducting criminal proceedings it is the state that is responsible, both morally and materially, in the context of the procedures associated with the rehabilitation. But the desire of the state to punish subjects conducting the criminal proceedings for the violations, errors and other mistakes committed in the work, disciplinary, morally, materially, and even in accordance with criminal procedure, has always been present.

Indeed, if in the criminal procedural activities of subjects conducting criminal proceedings, there is a bias to some of the strategies – the prosecution or protection of the rights and freedoms of the accused (prosecution and defense), the notorious prosecutorial or defensive biases, this should cause the corresponding criminal procedural and organizational responses of authoritative subjects.

Thus, only a reasonable balance between the strategies of criminal prosecution and protection of the rights and freedoms of the accused (prosecution and defense) will make it possible to achieve all the goals and objectives which are determined by the demands of the modern criminal policy for the criminal judicial proceedings, not defying the principle of legality in criminal proceedings and avoiding errors on the part of subjects conducting the proceedings.

§2. The concept and the basic components of the criminal procedural error mechanism of eliminating errors

The term ‘mechanism’ is used in legal science to refer to various legal phenomena.

Specifically, in the theory of state and law, the concept of the state mechanism is well established as a coherent hierarchical system of internally structured (having apparatus) state bodies and institution, virtually exercising public power through solving their tasks in accordance with functions specified for them²⁶⁰. Moreover, it is emphasized that there can be no state without mechanism²⁶¹. The signs attributed to the state mechanism usually include: an integrated structure (the division of the whole into parts); a hierarchy (formation on the principles of coordination and subordination); a special subject structure (internally structured bodies and institutions); a special purpose (exercise of power)²⁶².

In other words, the state mechanism is seen, basically, as its (state) specific technical structure, technical organization or co-organization of its individual parts, elements out of the context (although in view of) of their implementation in government activities, which means that the main focus is on institutional (not procedural) parts and components as well as institutional means of their integration into the whole (hierarchical relationships, the goal integrating parts into the whole or purposes uniting them into a structural element).

Another important concept in the theory of law and state is a ‘mechanism of statutory regulation’. Usually this concept is interpreted through defining the legal regulation mechanism stages (phases), elements and methods corresponding to these stages (phases).

The main stages are:

- the stage of law-making and overall positive (moral imperative) impact of legal norms on public relations;
- the stage of law enforcement and/or emergence of rights and duties (as a result of application of law or in connection with a legal fact) of specific subjects of law – legal relations as individualized way of behavior;
- the stage of exercising rights and obligations in the activities of the subjects of law, including in their actual behavior.

²⁶⁰ On this see e.g.: *The Theory of State and Law: Textbook for Universities* / Ch. Ed. Alekseev S.S., Arkhipov S.I. M.: Norma, 2005. – 496 p.

²⁶¹ *The Theory of State and Law. Lecture course.* / Ch. Ed. Matuzov N.I., Malko A.V. 3–e ed., revised and ad.. M.: Norma: R&D INFRA–M, 2012. – 640 p.

²⁶² Alekseyev S.S., Arkhipov S.I. *Op.cit.*; Perevalov V.D. *Theory of State and Law: textbook for universities.* M.: Juright, 2010. – 379 p.

The elements of these stages are: legal norms (including acts of law enforcement); legal relationship; acts of exercising rights (through the use and application thereof) and responsibilities (through the performance thereof and compliance with prohibitions).

The main methods of legal regulation are:

- the method of subordination or authoritative-imperative imputation (typical for branches of public law);
- the method of coordination and harmonization, participation (typical for branches of private law)²⁶³.

In other words, the mechanism of legal regulation is seen (similar to the understanding of the state mechanism) as its (legal regulation) technical construction, technical organization or co-organization of its parts and elements in the context of legal activity, which means that the focus is on the procedural parts and their elements, as well as the procedural ways of their integration into the whole (subordination, coordination).

Given the fundamental nature of these concepts, it is not a coincidence that the science of procedural and criminal procedural law is based on them and in some cases reproduces them²⁶⁴. This applies to both the institutional characteristics of the bodies conducting criminal proceedings (the system of agencies, their internal structure, etc.), and procedural characteristics of these bodies and participants (division and co-organization of the state agencies in the exercise of their procedural authority, determination of their legal status, etc.).

Specifically, L.V. Golovko, speaking of ideal models of criminal proceedings in general, basically sees them as a technical structure (form) of the entire proceedings of the case and the organization of the individual (key) stages in compliance with the structure, while paying attention to the separation and the level of interdependence of procedural authorities²⁶⁵.

Similarly, N.G. Stoyko, giving his institutional and functional characteristic of criminal proceedings in different countries, puts an emphasis on the organization of relations within the government and non-state structures, between authorities and their representatives, as well as between the authorities and non-state participants of proceedings²⁶⁶.

It is obvious that the logic of applying the term ‘mechanism’ to the definition of the above terms (as well as the general meaning given to them) is generally quite applicable to our research too.

²⁶³ General Theory of Law and State: Textbook / Ed. V.V. Lazarev. 2nd ed., rev. and ext. M.: Jurist, 1996. P. 394.

²⁶⁴ Vide, e.g.: Lukyanova E.G. Theory of procedural law. M.: Publishing House NORMA, 2003. P. 156–228.

²⁶⁵ For more detail see: Course of criminal proceedings / ed. prof., Doctor of Law L.V. Golovko. M., 2016. P. 184–191.

²⁶⁶ Stoyko N.G. Criminal proceedings of Western states and Russia: Comparative Theoretical Legal Study of Anglo-American and Roman-Germanic legal systems. St. Petersburg, 2006, pp. 149–150.

Therefore, the mechanism of eliminating investigative and judicial errors is considered herein primarily through the prism of its constituent interrelated components.

In our opinion, the following components can be identified.

1. Stages (and the corresponding algorithms of actions): detection, correction and prevention (in some cases – ‘forecasting’) of errors.

Each of the stages identified is a fairly stable structure (element) not only indicating a specific sequence but allowing to expose the content of the activities aimed at the elimination of investigative and judicial errors.

Detection of errors is the establishment of errors by the subjects conducting proceedings and other participants in criminal proceedings through criminal procedural activity.

Correction of errors is rectification of errors by subjects conducting proceedings through the processes of criminal procedural activity.

Prevention of errors is specific preventive (organizational and procedural) activity of subjects conducting criminal proceedings aimed at eliminating errors in the future, which is carried out within the framework of criminal procedure.

Forecasting of errors is mental and organizational (non-legal) activity of subjects conducting criminal proceedings and other participants in criminal proceedings aimed at the analysis of the criminal procedural situation in which errors may be committed for the purpose of early prevention, detection and correction²⁶⁷.

Moreover, detection, correction and prevention of errors in the criminal proceedings substantively present themselves as functionally interconnected complex of various instruments. These instruments act as subsystems ensuring the achievement of independent sub-goals without which it is impossible to attain the overall result – legitimate, reasonable and fair justice.

It seems to be important to include the following in the list of such subsystems: the subsystem of **organizational instruments** ensuring the identification, correction and prevention of errors in criminal proceedings; the subsystem of **legal instruments** ensuring the identification, correction and prevention of errors in criminal proceedings; the subsystem of **informational and cognitive activity** of detecting, correcting and preventing errors; the subsystem of **material and technical (economic) instruments** ensuring the identification, correction and prevention of errors in criminal proceedings; the subsystem of **moral-ethical and professional-educational instruments** ensuring the detection, correction and prevention of errors in criminal proceedings.

2. The main parts (separate mechanisms):

²⁶⁷ As I.M. Raghimov has aptly noted, judicial forecasting is largely built on using statistics and mathematics and is aimed at improving the judicial activity. See: Raghimov I.M. Theory of judicial forecasting. B. Azerneshr, 1987. – 127 p. Herein we only consider the most general aspects of forecasting for miscarriages of justice, as this sphere of activity remains outside the legal field and deserves a separate scientific study.

- mechanisms of preliminary investigation;
- mechanisms of proceedings in the trial court;
- mechanisms of proceedings in courts of higher instances.

The mechanisms of eliminating errors at the stage of preliminary investigation are divided into mechanisms of judicial review, the prosecutor's supervision, institutional control and self-scrutiny mechanism, when the investigator or inquirer take interim and final procedural decisions.

The mechanisms of eliminating errors in the proceedings in the trial court are divided into the mechanism of referring the case to the prosecutor to eliminate obstacles insurmountable to justice, the mechanism of excluding inadmissible evidence from the evidence on the case, the mechanism of judicial review of the preliminary investigation results (hearing on the merits and self-scrutiny when determining a sentence).

The mechanism of eliminating errors in the proceedings in the courts of higher instances are divided into the mechanism of judicial review under the appeal, the mechanism of judicial review under the cassation, the mechanism of supervision and reopening cases in view of new and newly discovered circumstances.

Moreover, it is worth noting that the mechanism of self-scrutiny, when the investigator or the inquiry officer takes interim and final procedural decisions, is a part of the investigation, and the mechanism is self-scrutiny when determining a sentence is a part of the trial. In other words, it is not specific error elimination mechanisms. Similarly, the judicial review of preliminary investigation results is not a special mechanism of eliminating errors completely coinciding with the stage of judicial proceedings. On the other hand, the judicial review under the appeal and the judicial supervision, completely coinciding with the relevant stages of the criminal proceedings, are such mechanisms.

3. Special subjects, special legal status of these subjects and the special legal regulation of the procedure for their activity.

The subjects engaged in detection, correction and prevention of errors are the head of the inquiry unit, the head of the inquiry agency, the head of the investigative agency, the prosecutor, the judge, the court of first instance, courts of higher instances. Their legal status is clearly defined in the law. Their controlling and reviewing, judicial and supervisory activity is regulated at the level of relevant actions, decisions and procedures. This suggests the existence of separate institutes of law: judicial review, prosecutorial supervision, institutional control, judicial inspection and judicial supervision. Moreover, the institute of prosecutorial supervision is not limited to the preliminary investigation stage. By virtue of the powers granted to the prosecutor, he may and must 'be involved' in eliminating errors at all stages of criminal proceedings.

The subjects of self-scrutiny, as well as the court adjudicating the case on the merits, are not special subjects, although in some cases they eliminate their own mistakes.

Other not unimportant participants of error eliminating activities are defense lawyers and legal representatives. However, they may not be considered special subjects.

4. Special methods of co-organization of subjects' activities.

All special subjects error eliminating activities are in coordination and subordination relations, expressed in their procedural interaction. In addition, appropriate error elimination mechanisms are arranged in a certain sequence reflecting the controlling character of the stage (or phase) with respect to the preceding stage (or phase).

5. Special goal.

The specialized criminal procedural mechanism for dealing with errors allows us to say that criminal proceedings are not only criminal procedural activities aimed at detection and investigation of crimes, just accusation and punishment of the guilty and rehabilitation of the innocent. It is also a criminal procedure for identifying, correcting and preventing investigative and judicial errors. Accordingly, this activity is correspondent to the special goal of criminal proceedings, i.e. the elimination of investigative and judicial errors.

Thus, we believe it important, along with classically defined in the theory of criminal procedural law goals of criminal proceedings (defining the truth in the case, protection of crime victims, accusation and just punishment of the guilty, rehabilitation of the innocent, general and special prevention, etc.), to talk about the special goal mentioned above, i.e. the identification, correction, prevention of investigative and judicial errors.

To conclude, criminal-procedural mechanism of dealing with investigative and judicial errors is taken the integrated system of the above components, each of which on its own and they all together are necessary for achieving the purpose of criminal proceedings and compliance with its principle of legality.

In our opinion, it is necessary to define two main mechanisms, specifically addressing the error elimination, and two accessorial mechanisms, not specifically predesignated for, but facilitating error elimination.

The main mechanisms:

- a) the mechanism of control and supervisory activities of error elimination at the pre-trial stages of criminal proceedings, and
- b) judicial mechanism of error elimination.

The accessorial mechanisms:

- a) self-scrutiny mechanism associated with the adoption of procedural decisions and assessing the admissibility of evidence in the activities of authoritative subjects, and

b) the mechanism of facilitation to error elimination on the part of the defense lawyer and other subjects without authority.

The mechanism of control and supervisory activities for error elimination at the pre-trial stages of criminal proceedings includes judicial review, the prosecutor's supervision and institutional control.

The judicial mechanism of error elimination consists of judicial review of the criminal case and judicial supervision.

The judicial review of the criminal case comprises adjudicating the case and its resolution on the merits in the court of the first instance and appeal instance. Moreover, judicial examination in the trial court does not have a specifically defined (assigned) goal of eliminating errors meaningfully defining and co-organizing all activities at this stage of proceedings (although objectively supposing identifying, correcting and preventing errors).

Judicial supervision is a review by higher courts of judgments of lower courts under cassation procedure, supervisory procedure (judicial inspection), with the higher court providing clarifying directives to lower courts and other law enforcers on the issues of criminal proceedings.

Accessory mechanisms (though they are essential) are sort of 'embedded' in the criminal procedural activity in general and may therefore only be considered as conditions facilitating the normal conduct of criminal proceedings through inner self-scrutiny (self-test) or external participation (assistance), including in the framework of basic mechanisms.

For the purposes of this research, the main attention in the following chapters is given to examining the mechanism of control and supervisory activities and judicial mechanism of eliminating errors.

CHAPTER 3. THE MAIN COMPONENTS OF THE MECHANISM OF ELIMINATING ERRORS AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

The theory and practice conventionally considers the control and supervisory activity of the prosecutor, the judge, the head of the investigative agency, the head of the inquiry unit and the head of the inquiry agency to be one of the main instruments in the detection, prevention and correction of errors at pretrial stages²⁶⁸.

This activity includes *the procedural mechanism (organization)* of judicial review, prosecutorial supervision and institutional control, as well as certain (non-procedural) organizational and managerial aspects of the control and supervision activity.

The mechanism of the control and supervisory activity of the elimination of investigative errors in Russian pre-trial proceedings in criminal cases is quite different from similar arrangements in other countries, resulting in:

- the distribution among the judiciary, the prosecuting authorities and the bodies of inquiry and investigation of control-supervisory powers functionally uniform for each of these authorities: in judicial review, the prosecutor's supervision and institutional (basically, interdepartmental) control, respectively;

- interdependence and complementarity of judicial review, prosecutorial supervision and institutional control (functionally and substantively);

- procedural independence of control-supervisory authority: complete independence for the court, relatively complete for the prosecution and investigation bodies, restricted for the inquiry agencies.

The specificity of this mechanism is determined by the technical features of the organization (which is continental as to its historical form) of Russian pre-trial proceedings as a whole. In contrast to the German type of such organization, Russian pre-trial proceedings do not have the prosecutorial sovereignty over the investigation and is characterized by the separation of functions between the inquiry and the preliminary investigation, the prosecutor's supervision over the whole investigation and the prosecutor's sovereign guidance only of the inquiry. In contrast to the French type, they do not have judicial preliminary investigation, which is structured on the principle of instances (with no prosecutorial control and almost complete absence of external judicial control). So, there is every reason to talk about the Russian form of pre-trial proceedings and, consequently, of the specific Russian error elimination mechanism corresponding thereto,

²⁶⁸ The author mainly studies the mechanism of control and supervisory activities of the preliminary investigation stage, although in some ways he refers to the functioning of this mechanism at the stage of a criminal case as well: the overall effect of this mechanism at both these steps is identical.

which should be developed in the framework of the three models: "dynamic judicial control", "permanent prosecutor's supervision" and "heteropolar institutional control".

§1. Judicial review in the mechanism of error elimination

On the whole, Russian criminal proceedings are structured in accordance with the continental model, which is characterized by two types of preliminary investigation organization – ‘French’ and ‘German’. The former is defined as the judicial model of the preliminary investigation organization when the investigating judge (having a status of the judge) carries out complete preliminary investigation. The latter is the police-prosecutorial organization of the preliminary investigation with the police conducting the investigating under the strict supervision of the prosecutor and the judge only performs the judicial review²⁶⁹.

The institute of judicial review is extensively presented in the Concept of the judicial reform in Russia²⁷⁰ and it received sufficient presentation in the Model Criminal Procedure Code for the CIS countries²⁷¹.

The issues of judicial review in criminal cases has received serious consideration in the studies conducted by N.A. Kolokolov, N.I. Gazetdinov, N.G. Muratova, N.N. Kovtun, A.P. Guskov, V.A. Azarov, I.Y. Tarichko, T.Z. Zinatullin, I.S. Dikarev, O.V. Himicheva, etc.²⁷².

²⁶⁹ For more detail see: The course of criminal proceedings / ed. Doctor of Jur. Sc., Professor L.V. Golovko. M.: Statut, 2016. P.184–191.

²⁷⁰ The concept of judicial reform in the Russian Federation / Comp. S.A. Pashin. M.: The Republic, 1992. pp. 91–92.

²⁷¹ Glavyuk I. International model regulation of judicial review function in pre-trial criminal proceeding. Access from reference legal system ‘Consultant Plus’.

²⁷² Sviridov M.K. Correlation between the functions of resolution of criminal cases and judicial control in court activities // Legal issues of strengthening Russian statehood: Coll. Art. / Ed. Y.K. Yakimovich. Tomsk: Publishing house of Tomsk University, 2001. Vol. 7. P.3–6; Sviridov M.K. The nature of the judicial control over preliminary investigation // Bulletin of Tom. Univ. Tomsk, 2008. №311. P.119–122; Trubnikova T.V. Judicial review at the pre-trial stages of judicial proceedings: the legal nature and place in the criminal proceedings system // Bulletin of Tom. State. Univ. Ser. Economy. Jurisprudence. Annex: Materials of scientific conferences, workshops, schools held at TSU. Tomsk, 2003. №4. Pp. 49–51; Kolokolov N.A. On law, the court and justice: Sel. M., 2006; Judicial review in criminal proceedings: textbook for university students enrolled in the specialty ‘Jurisprudence’ / [I.A. Davydov et al.]; ed. N.A. Kolokolov. 2nd ed., rev. and ext. M.: UNITY–DANA: Legislation and Law, 2009. 847 p.; Gazetdinov N.I. On the relationship between the concepts of judicial review, judicial supervision and justice. Access from reference legal system ‘Consultant Plus’; Muratova N.G. Judicial control in criminal proceedings: issues of theory, legislation and practice. Kazan, 2004; Muratova N.G. Loopholes in the legislative model of judicial control in criminal judicial proceedings // The X anniversary International research and practice conference ‘Tatishevskiy readings: current issues of science and practice’ Proceedings (April 18–21, 2013). ch.III. Togliatti, Volzhsky University n. Tatischev, 2013. P.230–237; Kovtun N.N. Judicial review in the criminal proceedings of Russia. Nizhniy Novgorod, 2002; Guskova A.P. Procedural–legal and organizational preparation for the hearing in accordance with the Code of Criminal Procedure. Orenburg, 2002; Azarov V.A., Tarichko I.Y. Judicial review function in the history, theory and practice of Russian criminal proceedings. Omsk, 2004; Zinatullin T.Z. On the relation between the concepts of ‘case resolution’ and ‘administration of justice’ // Judicial power in Russia: Law, Theory, Practice. M., 2005; Voronin O.V. Prospects for improving existing forms of control over preliminary investigation // Laws of Russia: experience, analysis, and practice: monthly legal journal. 2008. №11. P.19–22; Dikarev I.S. Justice and judicial control in criminal proceedings: the correlation of concepts // State and law. 2008. №2. P.45–51; Himicheva O.V. Conceptual foundations of procedural control and supervision at pretrial stages of criminal proceedings. M., 2004; Kuryshva N.S. The appeal of actions (inaction) and decisions of officials involved in criminal proceedings. M.: Jurlitinform, 2011; Adilshayev E.A. Judicial authorization in the criminal proceedings of Russia. M.: Jurlitinform, 2013; Himicheva O.V., Plotkina Y.B. Application of preventive restrictions at the discretion of the court at the stage of preliminary investigation. M.:

The utmost importance of judicial review has been stressed by L.V. Golovko saying that ‘the more developed judicial control is in one country or another, the less chance we have to see any analogues, even distant, of referral the case to further investigation due to substantial violations of the criminal procedural law in the respective procedural system’²⁷³.

Judicial review is one of the most debated institutions in criminal proceedings.

Until now the legal literature has not had a uniform point of view on the problem of the relations of prosecutor's supervision and judicial authorization when opting for individual measures of criminal procedure compulsion and conducting some investigation actions. Some scientists see the improvement of the preliminary investigation quality in perfecting the prosecutor's supervision regarding the court activities during preliminary investigation as something unnecessary²⁷⁴. Others, on the contrary, support the exclusion of prosecutorial supervision and strengthening of the court position at the pretrial stages of criminal proceedings²⁷⁵. I.L. Petruhin, being an active supporter of judicial review, believed that the prosecutor's supervision is unnecessary in conjunction with judicial review²⁷⁶.

Most researchers, the author of this work among them, support the necessity of judicial review while maintaining and improving the prosecutor's supervision. A.B. Solovyev, N.A. Yakubovich noted that ‘in itself the idea of judicial review over the compliance with ... the requirements of the law deserves to be supported as being an additional guarantee of legitimacy’²⁷⁷.

The Institute of judicial review in Russia is historically prerequisite and objectively necessary in Russian criminal proceedings²⁷⁸.

If currently the institute of judicial review is addressed from the point of view of its social importance, it should be noted that it is in line with the international practice of judicial authorization of activities related to restricting constitutional rights and freedoms of an individual in criminal proceedings and the judicial procedure for such authorization is democratic and

Jurlitinform, 2012; Khapaev I.V. The custody as a preventive restriction in Russian criminal proceedings. M.: Jurlitinform, 2013; Zakotyanskaya A.F. Appeal and review of court decisions in the course of pre-trial proceedings. M.: Jurlitinform, 2013; Tsurlyu O.Y. Basics of judicial procedure of processing complaints at pretrial stages of criminal proceedings. M.: Jurlitinform, 2013; Sementsov V.A., Avakov O.O. Areas of judicial activity at the pre-trial stages of criminal proceedings. M.: Jurlitinform, 2013 etc.

²⁷³ Golovko L.V. The origins and prospects of the institute of further investigation of criminal cases in the post-Soviet territory // State and law. 2009. №11. P. 63.

²⁷⁴ Kokarev L.D. Three pillars of Justice // Serving the Truth: The scientific heritage of L.D. Kokorev: Coll. Art. Voronezh, 1997, pp. 300–306; Barabash A.S. Prosecutor – the investigating judge // Criminal justice: the connection of times: mater. int. sc. conf. St.Pb., 6–8 October 2010 St.Pb., 2010. P.41–50.

²⁷⁵ Kozhevnikov I. To streamline the powers of the investigator // Rus. justice. 1997. № 12. pp. 22 – 24.

²⁷⁶ Solovyev A.B., Tokarev M.E., Haliulin A.G. et al. op.cit. P. 67.

²⁷⁷ Solovyev A.B., Yakubovich N.A. Preliminary investigation and prosecutor's supervision in the light of the judicial reform // Legitimacy. 1995. № 8. P. 5.

²⁷⁸ Kovtun N.N. The genesis of the idea of judicial review in the criminal proceedings of Russia. Access from reference legal system ‘Consultant Plus’.

transparent to a greater extent than prosecutorial and departmental procedures (the procedure of the court hearing with the participation of the parties, taking the minutes of the court session, etc.).

The institute of judicial review in Russia has an interesting history of formation and development.

The Law of the RF of 23 May 1992 supplemented the Code of Criminal Procedure of the RSFSR with Articles 220–1 and 220–2, which regulated the procedure of appeal to the court and the judicial review of the legality and validity of the arrest, as well as the extension of detention. However, the ruling of the Constitutional Court of the RF of March 23, 1999 №5–P defined these articles of the Code of Criminal Procedure of the RF as not complying with the Constitution of the RF as they deprived the persons involved whose constitutional rights had been violated of the right to appeal to the court with respect to actions and decisions of the inquiry agency, the investigator or the prosecutor related to a search, seizure of assets, suspension of proceedings in a criminal case and extension of the preliminary investigation period. And prior to the Code of Criminal Procedure of the RF coming into force such situations had to be regulated in accordance with the direct effect of the Constitution of the RF.

The introduction of the institute of judicial review into criminal proceedings has, beyond any doubt, been contributing to improving the quality of the preliminary criminal investigation, detection, timely correction and prevention of investigative errors during pretrial proceedings. Moreover, until the early 90s it was only the prosecutor who was, in practice, the only guarantor of the proper enforcement of laws by the inquiry bodies and investigators. He actively interfered with the investigation of criminal cases in order to prevent and eliminate violations of the law.

In our opinion, it is essential to meaningfully define such kinds of judicial activity as ‘judicial review’, ‘judicial inspection’ and ‘judicial supervision’ to avoid confusion within the boundaries of these activities and have certainty in the stages thereof in the administration of justice in criminal cases.

The Criminal Procedure Code of the RF does not set forth the notion ‘judicial supervision’, though virtually it is regulated by detailed procedures for controlling judicial instances (cassation, supervision).

Exercising judicial supervision the Supreme Court of the Russian Federation according to Article 19 of the RF Law on The Judicial System of the Russian Federation gives explanations on issues of court practice which are compulsory for the courts of general jurisdiction, as well as for other law enforcement agencies involved in the criminal proceedings.

Thus, the notion of **judicial supervision**, in our opinion, includes higher courts’ review of judgments of lower courts per cassation, supervisory procedure (judicial revision), as well as the

highest court providing clarifications to lower courts and other law enforcers with regard to criminal proceedings.

It should also be noted that the court, administering justice, performs the **judicial inspection**²⁷⁹ of the case file during the trial thereof on the merits and per appeal procedure, studies the evidence. Moreover, in the course of such inspection (especially during the trial) it may eliminate errors of the previous stages of criminal proceedings.

The notion of **judicial review**, in our opinion, is only applicable to the verification activities of the court at the pretrial stages of criminal proceedings and when listing the court session²⁸⁰. Judicial review applies to a relatively limited number of investigative and other procedural actions and is, above all, reduced to the judicial review of the legality and validity of actions affecting the constitutional rights of an individual.

Section 50 Part 1 of Article 5 of the Code of Criminal Procedure of the RF ('the court hearing is a procedural form of justice administration in the course of pre-trial and trial proceedings in a criminal case') implies that the controlling activity of the court at pre-trial stages in the form of adversarial hearings²⁸¹ is also the administration of justice in criminal cases.

The legal basis for courts exercising control functions directly at the stage of preliminary investigation in criminal cases is the Constitution of the Russian Federation. The analysis thereof has allowed us to speak about the currently really existing three main types of judicial review at the pre-trial stages of criminal proceedings²⁸².

For the sake of convenience, we call the first type of review '**arrest**'²⁸³, the second – '**procedural**', the third – '**the control over complaints**'.

The 'arrest' control is provided for in Article 22 of the Russian Constitution, which states that the arrest and detention shall be allowed only by court decision.

²⁷⁹ Of course, the court inspects the criminal case materials both through judicial review and in the course of judicial supervision (judicial revision). It is worth emphasizing once again that it is important to agree on the terms which would clearly identify: judicial review is court activities at pre-trial stages and in the appointment of the court session, judicial inspection is an activity of the court of the first instance and appellate court, judicial supervision is the court activities at the cassation and supervisory instances.

²⁸⁰ It is worth mentioning that there are different views on the definition of the concepts of 'judicial inspection', 'judicial supervision', and 'judicial control' among scientists. For example, V.Z. Lukashevich at his time believed that the judicial control takes place at the stage of committal for trial. See: Lukashevich V.Z. Guarantees of the rights of the accused at the stage of committal for trial. – Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1966. P.5.

²⁸¹ Judicial control function at pretrial stages can also be carried out in the form of judicial investigation and other procedural actions.

²⁸² It is worth mentioning that the same three types of judicial review were specified by other scientists. See, for example: Voronenkov D.N. Judicial review in the mechanism of separation of powers: monograph / ed. S.A. Komarov. St.Pb.: Publishing house of Jurid. Inst. (Saint-Petersburg), 2007. p.150.

²⁸³ The author is aware that the term 'arrest control' is quite arbitrary, is slang to a certain degree, but this is the term that is perceived by practitioners and it is the best at reflecting the essence of court activities when choosing preventive restriction measures, e.g. detention, house arrest, and even a bail.

Article 29 of the Code of Criminal Procedure of the RF specifies this form of judicial review.

The procedure for judicial review of the detention, arrest, prolongation of detention, when the court hearing with the participation of the suspect, the accused, their legal representatives, defense lawyers, and prosecutors, investigates the factual and legal circumstances explaining the application of coercive procedural measures, in principle, allows to timely detect, correct and prevent investigative and even prosecutorial errors associated with the restriction of constitutional rights to freedom and personal inviolability.

From the very first days of its effectiveness, the procedure of judicial review of complaints from the detained, arrested and held in custody has had a number of problems of theoretical and practical importance.

Firstly, did the court, when checking such complaints, have to investigate the facts (evidence) confirming the validity of the arrest, detention, extension of detention or was it sufficient for the court to only check the legality of the procedural registration of coercion measures?

The analysis of articles 220–1, 220–2 of the Code of Criminal Procedure of the RF makes it possible to unambiguously conclude that the court was to be submitted all materials confirming the legality and validity of detention, arrest, prolongation of detention, and if necessary, explanations of the person conducting the investigation of case.

Therefore, the judicial inspection of the complaint is not limited to the verification of the procedure of arrest, detention, extension of detention. In practice, the trial elements (subpoena of the individuals concerned, hearing them, decisions on petitions and motions, etc.) were applied to investigate the fact which was the grounds for applying and preserving procedural coercive measures (i.e. the study of certain proof of a criminal offense and the guilt of the arrested, detained, held in custody). This is the study of the evidence for the fact of the crime the alleged detained, arrested was charged with that allowed the court to, professionally and in a timely manner, eliminate investigative errors related to violation of the constitutional right to freedom and inviolability of the person.

A.B. Solovyev, M.E. Tokareva, A.G. Haliulin, N.A. Yakubovich believed that ‘it would be more preferable to have a somewhat different procedure of judicial review which provides verification by the court of the legality and validity of the investigation authorities actions on the basis of documents; yet granting the judge the right, if necessary, to call the suspect (the accused), his legal counsel and representative and the prosecutor for questioning’²⁸⁴.

²⁸⁴ Solovyev A.B. Tokareva M.E., Haliulin A.G. et al., op. cit. P. 52.

We believe that the procedure for verification of complaints in accordance with Articles 220–1, 220–2 of the Code of Criminal Procedure of the RF was the most acceptable because it is the direct examination of evidence with regard to the election of the coercive procedural measures during the court hearing that provided greater objectivity, completeness, comprehensiveness, in comparison to simple reviewing a complaint submitted on the grounds of the materials provided.

Secondly, the legislator (Article 60 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR) did not provide for the possibility of re-involvement of a judge in the criminal case on the merits, if at the pre-trial stage the judge has verified the legality and validity of the application to the suspect, the accused of arrest, detention, as well as extension of his detention.

The original version of the Code of Criminal Procedure of the RF contained part 2 which provided for the above grounds for not allowing the judge to participate in the criminal case hearing in the court of the first and subsequent instances. However, this provision was deleted from the Code of Criminal Procedure of the RF already adopted by the Federal Law of May 29, 2002 №58-FZ.

There has been an opinion, supported by M.E. Tokareva, that in the above situation it is advisable to speak ‘not about a particular judge but about the whole district, city court whose employees, as members of a single workforce, are linked through certain, not only formal, interpersonal relationships, are to a certain extent jointly responsible for the overall results and may not impartially treat errors of colleagues’²⁸⁵. In fact, M.E. Tokareva supported the idea of an independent institute of investigative judges separated from the system of judges hearing criminal cases on merits.

The legal literature, in particular in the papers of N.A. Kolokolov²⁸⁶, expresses a different point of view that there is no reason to doubt the impartiality of the judge who has adjudicated a complaint in accordance with Article 220–2 of the Code of Criminal Procedure of the RF when he will further consider the case on the merits. The argumentation is the fact that the judge, both listing a criminal case for a hearing and hearing it on the merits, has the possibility to elect a preventive restrictive measure of detention for the defendant, but this does not mean that when determining the sentence he will adjudicate a sentence of imprisonment for such defendant.

In our view, the psychology of judicial activity is such that the inner conviction to ‘arrest’ once formed may objectively dominate the judge in deciding on the punishment ‘associating’ it to real imprisonment.

²⁸⁵Tokareva M.E. Current issues of law and prosecutor's supervision at the pre-trial stages of criminal proceedings: dis. for Dr. Jurid. Sciences. M., 1997. P. 57.

²⁸⁶ Kolokolov N.A. Judicial control: some issues of history and modern reality. Kursk, 1996, pp. 77–78.

International legal standards of justice and the national legislation, primarily the Constitution of the RF, require that we take into account that judicial review at pre-trial stages of criminal proceedings is now a reality. But there are comments of scientists on the contradictory nature of judicial review (A.K. Sviridov), confusion of procedural functions of investigation and justice (A.D. Boykov), on the fact that the establishment of the investigative committee ‘have put all the public authorities into their inherent places: the court not interfering in the activities of the bodies carrying out the preliminary investigation would be completely free in the exercise of judicial functions; the prosecutor lacking procedural governance function could become an objective supervisor, and then there would be no need to discuss proposals for the introduction of a new procedural figure – the investigating judge, as the powers proposed to be provided to him are in fact the supervisory powers of the prosecutor’ (A.S. Barabash). Moreover, the experience of the Soviet criminal proceedings where the prosecutor, not the court, sanctioned the arrest, search, etc., carried out a comprehensive supervision of the preliminary investigation of criminal cases, was not all negative²⁸⁷.

When implementing judicial review it is very important for the court, the prosecutor to timely recognize and correct erroneous intentions of the inquirer (head of the inquiry unit, the body of inquiry), the investigator (head of the investigative body) arising for various reasons (prosecutorial bias in the investigation of the case, the desire to protect themselves from adverse effects in view of the unpredictability of the behavior of the suspect, the accused, etc.) and entail a decision on the detention of the accused or the extension of detention period.

The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF of December 19, 2013, № 41 ‘On the application by courts of preventive restrictive measures of detention, house arrest and bail’ re-oriented the judicial system on the careful use of the arrest.

Therefore, there is a need to introduce additional procedural safeguards to be applied to the decision of the court on issues relating to the detention of the suspect, the accused and extension of his detention. This is particularly important because, despite the fact that the period of detention of the accused is counted in his term of imprisonment imposed as a punishment, the application of the procedural preventive restrictive measures can not be considered as a form of criminal liability. In accordance with Part 1 of Article 5 of the Criminal Code of the RF, a person is only subject to criminal responsibility for those socially dangerous actions (omissions) and socially dangerous consequences in respect of which his *guilt* has been proven. Moreover, part 1 of Article 49 of the Constitution of the Russian Federation sets forth that everyone charged with a crime is presumed

²⁸⁷ Sviridov M.K. Correlation between the functions of resolution of criminal cases and judicial control in court activities // Legal issues of strengthening Russian statehood. Is.7. Tomsk: TSU, 2001, pp. 5–6; Boykov A.D. The third power in Russia. Book Two – the continuation of reforms. M., 2002. P.32; Barabash A.S. The public origins of Russian criminal procedign. St.Pb., 2009. P. 71–72.

innocent until his *guilt* is proved as provided for by the federal law and established by an effective court sentence. That means that detention as a measure of criminal procedure suppression is applied to a person who is legally still innocent and aims to provide a comprehensive, complete and objective investigation of the criminal case, not the materialization of criminal responsibility. If the trial court comes to the conclusion that the defendant is guilty, then it determines conviction, which is the only form of materialization of criminal responsibility. V.A. Avdeyev rightly stressed that ‘the imposition of criminal liability on a person who is guilty of an offense is carried out solely on the basis of a judgment of conviction which has entered into force’²⁸⁸.

Thus, on the one hand, in the context of prevention of criminal manifestations of illegal conduct of the accused during the investigation of the case (attempts to hide from the investigation and trial, to influence victims and prosecution witnesses, etc.) he is to be detained, but, on the other hand, when the criminal responsibility, assuming certain hardships and privations that constitute the content of punitive punishment, is not yet being implemented, it is necessary to keep a reasonable balance of necessary and sufficient legal restrictions when applying detention. Moreover, the very detention, given that in the future the term thereof, and hence the content thereof, may be equated to imprisonment, is to be applied on the basis of a lawful, reasonable and fair judgment²⁸⁹.

The Soviet period procedure of applying to the suspect, the accused of the preventive restrictive measure of detention, extension of detention, included the following main components.

The preventive measure of detention, extension thereof could be used against the suspect, the accused when there were grounds therefor provided for in the law (abscond from the investigation and the trial, will continue to engage in criminal activity, can prevent the establishment of the truth) and also very often on the grounds of the gravity of the crime, though the legislator provided for consideration of other circumstances as well (data on the accused, the nature of the acts incriminated, etc.).

The term of detention and extension of detention were strictly limited.

The authorization of detention was given by the appropriate prosecutor with the extension of detention being considered through the whole prosecution pyramid up to the Prosecutor General of the USSR²⁹⁰.

²⁸⁸ Avdeyev V.A. Issues of realization of criminal liability // Bulletin of Irkutsk State Economic Academy. № 5. 2006. P.51.

²⁸⁹ For more detail see: Nazarov A.D., Tarbagayev A.N. Judicial control and issues of prevention of crimes and other offenses in the criminal proceedings of Russia and Germany // Criminological journal of Baikal State University of Economics and Law. V.9 2015, №3. P.560–570.

²⁹⁰ The history of the Soviet period, however, saw examples when in respect to certain defendants in certain criminal cases the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR passed a decree on the non-application of the provisions of the criminal procedure legislation with regard to detention periods to such persons.

When the case was tried in the court, the term of detention was not extended and the defendant was in custody until the court determined the judgment and until it came into force, unless, of course, the court on its own initiative changed the defendant's detention for another preventive restrictive measure.

In most cases, the prosecutor when giving approval for the arrest (and sometimes extension of detention), at least, had an interview with an adult suspect, accused and, as a maximum, interrogated him in person. The order of the Prosecutor General of the USSR required that the prosecutor interrogate juvenile suspects, accused personally.

Moreover and what is most important, when giving authorization to detention, extension of detention the prosecutor studied not separate copies of the criminal case file but the whole criminal case, bound and numbered and with an inventory of all the documents, submitted to him by the investigator. And the greatest attention of the prosecutor was given precisely to the evidence collected by that time confirming or denying the involvement of the person in the act incriminated to him.

At any moment of the investigation of the criminal case, the prosecutor was able to change the preventive measure of detention applied to the suspect, the accused to any other, more lenient. Under certain circumstances, it could be done by the investigator as well²⁹¹.

Such power, without a doubt, was an effective tool for bargaining between the investigator, the prosecutor and the accused for truthful testimony (we do not rule out that for 'confessions'²⁹² as well). After all, the desire of the accused to 'tell everything' in exchange for freedom, at times, appeared after a few days, weeks, months of detention.

In our opinion, the model of arrest applicable now is to take into account that to make a decision on detention or extension of the detention the court needs to investigate not only the 'question of law' (formal grounds for such decision), but also 'the question of fact', i.e. the presence of the minimum evidence of the act incriminated to the person suspected or charged.

The presence of substantive grounds for detention is primarily discussed by scientists-processualists. "To prevent the error, the judge must be certain that the guilt of the person brought to him by the preliminary investigation bodies is proved at least for one element, there is necessary evidence in the criminal case, and that preliminary investigation agencies will not lose it"²⁹³.

²⁹¹ Chapter 6, 20, 25 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR. The Code of Criminal Procedure of the RSFSR with amendments / Comp. Ph.D. N.M. Kipnis. 2nd ed., rev. and ext. M.: Jurisprudence, 2001, pp. 40–45, 86–87, 105.

²⁹² 'Confessionary' statements are a conditional term quite frequently used by practitioners to refer to the testimony where, for various reasons, the suspect, the accused or the defendant fully or partially confesses guilt to the act he is charged with.

²⁹³ Judicial review in criminal proceedings: study guide / Ed. O.N. Kolokolov. M., 2009. P. 390.

The need to check the evidence proving the specific event of the crime and the involvement of the suspect, the accused in the commission thereof is discussed by the scientists-processualists Y.K. Yakimovich, N.V. Bulanova, A.B. Solovyev, M.E. Tokareva, M.V. Parfenov, etc. At the same time, everybody surely understands that, when deciding on detention, on the extension of detention and on the guilt of a person in the act incriminated, the difference in the requirements for proving the circumstances of the subject of proof in the criminal case at different stages of the proceedings thereof is to be taken into account²⁹⁴.

Why is 'the question of fact' very important for making a judgment? Whether the court wants it or not, in support of its repressive decision, it refers to the qualification of the alleged crime incriminated by the investigation to the suspect, the accused, paying special attention to the gravity or the particular gravity thereof. However, the theory and practice of criminal procedure have evidenced 'the excessive criminal legal qualification of the act' or 'the overstated qualification'²⁹⁵.

Investigators and inquirers apply those for two reasons:

- to avoid a 'bad indicator' in the work – do not get a criminal case referred back from the court in accordance with Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, because if the investigator, the inquirer will give 'an excessive qualification', the court, without returning the case to the prosecutor, can change the 'stricter' to a more 'lenient' qualification, but not vice versa;

- to ensure, knowing the current judicial practice – contrary to ethical standards in criminal procedure proving, obtaining the requested decision on the detention of the person, extension of his detention from the court as, in a significant number of cases, the isolation conditions make the accused obedient, manageable, convenient in terms of getting evidence from him (both truthful and false); eliminate unwanted risks for career growth of the investigator, the inquirer if the accused absconds, reoffends, tries to influence the victim and the witnesses for the prosecution, etc.; solidify the union with operational staff who have to solve crimes²⁹⁶.

²⁹⁴ Yakimovich Y.K. Priorities of the reform for the criminal procedural law. Selected articles. Tomsk, 2006. P.89; Bulanova N.V. Detention // Procedural compulsion measures in pre-trial proceedings in criminal cases. M., 2005, pp. 24–30; Solovyev A.B., Tokareva M.E., Parfyenova M.E. Ensuring the legality and validity of the indictment in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Prosecutorial and investigative practices. 2006. № 3–4. P. 128–131; Solovyev A.B., Tokareva M.E. Issues of improving the general provisions of the criminal procedure legislation of Russia (from the Code of Criminal Procedure of 1960 to the Code of Criminal Procedure of 2001). Yerevan, 2008, pp. 55–62.

²⁹⁵ According to our research in the 90s of the past century, 'broad classification' in the structure of investigative errors related to violations of substantive law accounted for 70.9%. At the present time, as shown in our regularly conducted studies of this problem, the situation has not improved at all. See: Nazarov A.D. The effect of investigative errors on judicial errors. St.Pb., 2003. P. 112.

²⁹⁶ Moskalkova T.N. The Ethics of Criminal Procedure Proof (preliminary investigation stage). M., 1996. P.102–103.

So, for example, in the case of L. the investigator qualified his actions as covered by part 4 of Article 111 of the Criminal Code of the RF. All court decisions on preventive restrictive measures of detention, extension of detention stated: “L. is charged with a particularly serious crime by the preliminary investigation bodies, did not plead guilty as charged...”.

How could L. plead guilty in accordance to part 4 article 111 of the Criminal Code of the RF, when the materials of the criminal case from the first days of the investigation did not contain conclusive evidence of hostile relations between him and the victim (his cousin), the intent of L. to cause any serious harm to the victim's health, which led to the death? L. pleaded guilty to causing the death of the victim by negligence. However, the qualification of L.'s acts according to art.109 of the Criminal Code of the RF would hardly have allowed the investigator to obtain from the court the decision on the detention of L., to extend the detention many times.

During the trial of the criminal case, the court, completely ‘painlessly’ for the investigator, reclassified the act committed by L. from part 4 of article 111 of the Criminal Code of the RF to art.109 of the Criminal Code of the RF and sentenced him to eight months imprisonment in a penal colony-settlement. By the time of the sentence coming into force L. had actually served this sentence and was released from the detention unit.

During the survey, 27.8% of judges, 38.9% of prosecutors, 48.7% of investigators, 60.3% of defense lawyers spoke in favor of the court in the exercise of judicial review examining not only the ‘questions of law’ but ‘the questions of fact’ (evidence of the involvement of the person in the act incriminated to him) as well. It is interesting to note that 61.1% of the judges said: ‘The court does not have to examine ‘the questions of fact’’. This response, in our opinion, only testifies to the fact that judges do not want to be ‘loaded’ with additional activities²⁹⁷.

In our opinion, it is necessary to legislate that, when adjudicating the preventive measure of detention, extension of detention, the court considers copies of the investigation file submitted thereto and, if necessary, if it does not violate the secrecy of the investigation, directly materials of the criminal case. Moreover, the court, examining the evidence during the court hearing, verifies the legality and validity of the suspicion or charges brought against the accused: in terms of qualifying acts, and in terms of evidentiary grounds.

The prosecutor, in our opinion, is required to study the materials of the criminal case and submit to the court a reasoned opinion on the detention of the person (extension of detention) or the election of a different preventive restrictive measure. This is for his written conclusion that the prosecutor is to be personally responsible.

²⁹⁷ Appendix №44.

We support the position of A.B. Solovyev and M.E. Tokareva saying that the judge considering a motion for arrest is entitled to discuss the guilt of the person in the alleged crime. This provision corresponds to the requirements of international and national standards of fair justice²⁹⁸.

Therefore, in our opinion, the current model of detaining the suspect, the accused, extension of such detention, denies the effective elements which similar patterns of Soviet and transition periods had.

The strategic and practical aspects require, in our view, the following legislative novelties to improve the current model of detention of the suspect, the accused to prevent investigative, prosecutorial and judicial errors.

When securing the grounds for the application to suspects, the accused of preventive measures of detention, prolongation of the detention, it is essential to focus on the mandatory submission to the court of specific evidence (of both suspicions, and possible behavior) and not only forecasts and assumptions that the suspect, the accused being free may hide from the investigation and trial, commit new crimes, obstruct the investigation of the case by destroying physical evidence, cause an impact on victims and witnesses, etc.

The evidence for all this may be the data from special records of the ‘power’ structures on previous convictions of the person, his escapes from custody, etc., testimony of witnesses (‘inmates’, etc.) of the intent of the accused to hide from the investigation and trial, commit new crimes, influence witnesses, etc., duly perfected results of operational-search activity submitted to the investigation and the court as evidence of criminal intents of the suspect, the accused or the defendant along with other evidence, etc.

We agree with the position of Z.D. Yenikeyeva, A.B. Solovyev, M.E. Tokareva saying that grounds for applying preventive measures provided for by the criminal procedural law are of ‘evidential-predictive’ nature, which makes it possible to make probabilistic inference about the future behavior of the suspect, the accused, but they are still evidence²⁹⁹.

The requirement to prove the grounds for the application of preventive measures in the criminal case is implied by p. 4 Art. 7 of the Code of Criminal Procedure of the RF, which states that any decision of the court, ruling of the judge, the decision of the prosecutor, the investigator, on the selection of a preventive measure including, is to be lawful, justified and motivated. This means that it is to be based on the evidence collected in a criminal case³⁰⁰.

²⁹⁸ Solovyev A.B., Tokareva M.E. Op. cit. Pp. 258–259.

²⁹⁹ Yenikeyev Z.D. Issue of the efficiency of criminal procedure preventive restrictions. Kazan, 1982. P. 8; Solovyev A.B., Tokareva M.E. Op. cit. P. 237.

³⁰⁰ Ibid. P. 237; For more detail see: Lupinskaya P.A. The decisions in criminal proceedings: theory, legislation and practice. M., 2006, pp. 134–147.

In the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF of October 29, 2009, №22 ‘On the application by courts of preventive restrictive measures of detention, bail and house arrest’ the wording of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of June 10, 2010, №15 made a timid attempt in this direction; in paragraph 19 it was proposed for the courts to assess the validity of the charge against the person suspected, to make sure there is sufficient evidence of the event of the crime and of the suspect being involved therein. However, further it was stated that the court has no right to discuss the guilt of the person in the alleged crime, which, of course, prevented the judge from openly speaking about the correctness of the qualification chosen by the investigation authorities for the incriminated act. A similar approach is maintained in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF of December 19, 2013, № 41 ‘On the application by courts of preventive restrictive measures of detention, bail and house arrest’.

The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF of October 10, 2003, № 5 ‘On application by the courts of general jurisdiction of the generally recognized principles and norms of the international law and the treaties of the RF’ specifies: “... 14. When deciding the questions of extension of the detention, the courts are to take into account that in accordance with paragraph 3 of Article 5 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, every person who is arrested or detained shall be entitled to trial within a reasonable time or to release until the pending trial. ... It should be taken into account that the existence of reasonable suspicion that the person arrested has committed an offense is a necessary condition for the legality of the arrest. However, this suspicion can not be the sole basis for the continued detention. There must be other circumstances which could justify the person isolated from society. Such circumstances, in particular, may include the possibility that the suspect, accused or defendant may continue criminal activity, or to escape from investigation or trial, or falsify evidence in a criminal case, to collude with witnesses. In this case these circumstances are to be realistic, reasonable, i.e. confirmed by reliable information. In the case of extension of the detention the courts must indicate the specific circumstances justifying the extension of these terms, as well as evidence confirming the existence of these circumstances...”.

The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF of March 5, 2004, № 1 ‘On the application by court of the norms of the Russian Federation Criminal Procedure Code’ also states: “... 4. In accordance with the law, detention as a preventive restrictive measure may be elected only if it is impossible to apply a more lenient preventive measure ... The motion for these preventive measures of detention (Part 3 of Article 108 of the CCP of the RF) are to contain ... available actual evidence supporting the existence of the circumstances, the need to select detention as a preventive measure for the person...”.

In other words, the mentioned positions of the Supreme Court of the RF speak of both the proof of suspicion against the suspect, the accused, and the evidence of his conduct in relation to the status of the suspect, the accused.

It is worth noting that inability to apply to the suspect, the accused a different, more lenient, preventive measures must also be confirmed by the evidence.

Currently, courts very often use some unsubstantiated phrases in their decisions:

“Taking into account the charges brought against L.³⁰¹, the prosecution's argument that the selection the preventive measure of detention for L. is based on the assumption that he might abscond during the investigation or trial is found conclusive by the judge”;

“The nature and circumstances of the alleged crime which L. is charged with allows the judge to recognize compelling that he has every reason to prevent the truth in the case by influencing the witnesses of crime exposing his criminal activity”;

“L. has no legal source of income, no family. With knowledge of the law, he was able to influence the witnesses exposing him in committing a serious crime. The nature of his acts gives grounds to assume that L. might abscond from the investigation and trial”.

To create at least a facade of argument, the court frequently uses the fact of the lack of registration in the location of the preliminary investigation.

For example, in the same criminal case of L., who was registered on the outskirts of Krasnoyarsk, the court pointed at this as the circumstance due to which the accused allegedly could not come to the investigator on his first request, although L. had siblings and an aunt in the city, there are good transport links between his settlement and Krasnoyarsk (a bus, a train, besides, L.'s family had a car) and telephone connection.

The selection of detention, extension of detention every time in court is new material.

For example, in the case of L. the court stated the following in one of its decisions:

“With regard to the arguments of the investigation that the defendant may prevent finding the truth in the case by influencing the witnesses of the crime exposing his criminal activity, the court can not accept the arguments because they were not confirmed in the trial, and the testimony of the investigator states that the case is in the final stage, all the witnesses and victims interviewed, and, accordingly, if the accused is on the outside, he will not have a real opportunity to influence these persons, thus changing the course of the investigation”. However, the exclusion by the judge of one of the arguments while leaving others, not supported by evidence, but merely predicted, still allowed to extend the period of detention for L.

³⁰¹ Criminal file № 43179503/3/1–189/2011. The Archives of the Railway District Court of Krasnoyarsk, 2011.

However, in subsequent court decisions to prolong the detention of L., despite the fact that the case had already been transferred to the judicial stage, the forecast – ‘might have an impact on the prosecution witnesses’ – unsubstantially reappeared in the decisions of other judges.

Fair procedures of detaining the person and his detention in custody are the subject of legal regulation of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and any violation of the standards established thereby are subject to review by the European Court of Human Rights.

The legal position of the Strasbourg Court on the compliance with article 5 of the Convention is clearly presented in one of the cases tried, in particular, in the ruling ‘The Smirnovs against Russia’ (case №46133–99 and 48183–99 of 24 July 2003): ‘a person accused of a crime should always be free until the end of the proceedings, if the State can not prove that there are relevant and sufficient reasons to take him into custody’. ‘The Convention case law has developed four basic reasons to justify detaining a person in custody:

- the possibility that the accused will abscond;
- the possibility that the defendant, if at large, will obstruct the course of justice;
- the possibility that the accused will continue criminal activity;
- keeping the public order (prevention of disorder)”.

“The danger of flight can not be evaluated solely on the basis of the severity of the possible assumption; it must be assessed in each individual case, taking into account other relevant factors which may either confirm the existence of a danger of flight or indicate a low probability of this to such extent that it can not justify pre-trial detention. In this context, it is necessary to take into account the personality of the accused, his moral character, his assets, the extent of his links with the State in which he is accused, his international contacts”. “The conclusion of whether the detention is justified can not be abstract. Whether the detention of the accused in custody is justified must be assessed in each case taking into account the specific circumstances of the case. Continued detention may be permitted only if there are reasonable grounds to prove that in this case there are genuine grounds of the public interest which, notwithstanding the presumption of innocence, exceed the rule of respect for individual liberty. It follows that, first of all, it is the national judicial authority that shall ensure that in each case the preliminary detention of the accused does not exceed a reasonable time. They are obliged to investigate all the significant arguments in favor of or against the implementation of the genuine public interest requirements, with due attention paid to the principle of presumption of innocence, which includes respect for the freedom of the individual, and only on the basis of the above rule on the detention.” “Arguments for and against release from detention should not be general and abstract.” “Indeed,

the decision which the Court has at its disposal, are concise and do not describe in detail the situation in the case of the applicantsЭю

With respect to the Smirnovs' case, the European Court of Justice held unanimously that there had been a violation of the Convention and recovered 6500 euros from Russia in favor of the applicants.

Formalize in legislation that to a person who has committed a crime for the first time, depending on the nature of the incriminated act and the identity of the person, all the preventive measures can be used, except for detention.

Detention of such person can be applied only in case of breach of the conditions of the above preventive measures, as well as with respect to certain grave and especially grave violent crimes against the person. Here we mean that detention of a person on the charge with a crime, including particularly serious crimes, for which the period of presenting the indictment can be up to 30 days from the moment of detention (Article 205, 205–1, 206, 208, 209, 277, 278, 279, 281, 360 of the Criminal Code of the RF) on the basis of the provisions of Article 46 of the Constitution of the Russian Federation may be appealed to court³⁰².

The introduction of such a procedure, partly formal, will contribute to the development of a more humane practice of house arrest, bail.

Criminal procedural practice of recent years has had many examples where in 'high-profile' criminal cases suspects and the accused are detained in custody, which looks obviously as a tough decision on behalf of the state in unison to public opinion. Such decisions in the context of the modern criminal policy are quite acceptable, have their result, the more so as the case law of the ECtHR, as mentioned above, allows the arrest to preserve the public order (prevention of disorder).

Yet in relation to a significant number of the accused it is possible to apply not detention in a detention unit with his pronounced prison traditions but house arrest, though placing the detained in 'special hotels' on the secured bases of the special state services (Russia has already had the experience of this kind of house arrest). It is acceptable to create such network of 'special hotels' for persons subjected to house arrest in the FPSR system of Russia. And if procedural costs for conducting examinations outside expert institutions, assigned defense, etc. are recovered from the accused, it would be quite possible to include in the procedural costs the stay in 'a special hotel' of persons subjected to house arrest as well.

³⁰² Averchenko A.K., Lon S.L. The suspect and the realization of their rights in criminal proceedings. Tomsk, 2003. P.67.

The propositions of a number of scientists³⁰³ on the complete rejection of the arrest before bringing the person as a suspect and his interrogation are interesting too. At the same time, in our opinion, the decision on the indictment, by analogy with the decision on the sentence, should provide prosecution evidence available at the time of such decision, or such evidence should be presented to the person after the announcement of the charges, obtaining the answer of the accused to the charges, and his free denial of the charges³⁰⁴.

It seems to be important to ‘break’ the stereotype that changing the preventive measure from detention on another, not involving deprivation of liberty, is an extremely negative phenomenon since the release from custody allegedly indirectly points to the illegality of the application of this preventive restrictive measure.

The European Court of Human Rights has repeatedly pointed to the fact that over time conditions are changing and legally and reasonably detained person may be released on the security of court appearance³⁰⁵.

The analysis of the ECtHR decisions, including with respect to Russia, allows us to also conclude that the duration of detention is caused by the amount of evidence collected, checked and investigated in the course of the judicial investigation. It was noted that the authorities may find it necessary to keep the suspect in prison, at least at the beginning of the investigation, in order to prevent him to confuse the investigation. However, the situation changes over time in such case, the estimated risk is gradually reduced in the normal course of events, as the investigation progresses, testimonies are recorded, evidence is checked³⁰⁶.

Thus, in order to minimize errors of investigator, the inquirer, the prosecutor, the court committed when selecting the preventive measure of detention for the suspect, the accused, or extension of detention, in our opinion, it is necessary to amend the Code of Criminal Procedure of the RF wording articles 97, 99 as follows.

“Article 97. Grounds for determining a preventive restrictive measure.

1. The inquirer, the investigator, and the court within the bounds of the powers granted, are entitled to determine one of the preventive restrictive measures provided for in this

³⁰³ Petruhin I.L. The man and power (in regard to crime control). M., 1999. p.313.

³⁰⁴ Previously, one of the supporters of the indictment specifying the evidence, the investigator presenting the key evidence when charging a person with a crime was V.Z. Lukashevich. See: Lukashevich V.Z. The criminal liability in Soviet criminal proceedings. Leningrad: Leningrad University Publishing, 1985. P.139–140.

³⁰⁵ The European Court of Human Rights (selected decisions). W. vs Switzerland. The ruling of January 26, 1993. Moscow, 2000 Volume 1, p.777.

³⁰⁶ European Court of Human Rights Decision of 8 November 2005 in the case of Khudoyorov T.S. vs the Russian Federation (Application №6847/02) // Bulletin of the European Court of Human Rights. 2006. №7; European Court of Human Rights Decision of 15 May 2008 in the case of Popkov against the Russian Federation (Application №32327/06) // Russian bulletin of the European Court of Justice. 2009. №9

Code for the accused, the suspect, if there is **sufficient evidence giving grounds to reasonably suspect the person in the act incriminated** and believe that the accused, the suspect:

- 1) abscond from the inquiry, investigation or trial;
- 2) may continue to engage in criminal activity;
- 3) may threaten a witness or other parties to the criminal proceedings, destroy evidence or otherwise obstruct criminal proceedings.”

“Article 99. Circumstances to be considered when determining a preventive restrictive measure.

The court within the powers granted thereto may study the materials of the criminal case when determining a preventive restrictive measure.

When deciding on the need to determine a preventive restrictive measure for the suspected or accused of committing a crime and determining the type thereof subject to the grounds provided for in Article 97 of this Code, **legitimate and reasonable qualification of the act incriminated to the alleged suspect or the accused acts and, accordingly**, the severity of this crime, information about the identity of the suspect or the accused, his age, health, marital status, occupation and other circumstances.”

To amend and alter **Article 108 of the Code of Criminal Procedure of the RF ‘Detention’** as follows:

To supplement Part 1 after the first sentence (from the words – ‘measures of preventive restriction’) with a new sentence: **“The detention to a person prosecuted for the first time is applied only in the case of proven violations of the conditions of house arrest, bail or other less stringent measure of preventive restriction, except cases of criminal responsibility for grave and especially grave crimes against the person, as well as the crimes set forth in article 100 of this Code where it is necessary to take into account the nature of the act incriminated to him and the personal data”**.

In Part 1 the words ‘factual circumstances’ to be replaced with the word ‘evidence’.

In Part 3, instead of the word ‘materials’ to use the phrase ‘**criminal case materials**’.

Article 63 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation ‘Prohibition of re-engagement of the judge in the criminal case’ to be supplemented with part 4 as follows:

4. ‘The judge who made a decision on the detention of the suspect or the accused, the house arrest, an extension of detention and house arrest at the pre-trial stage, considered the appeal, cassation or supervisory complaints or motions for the detention, house arrest, an extension of the detention and the house arrest at the pre-trial stage, may not participate in consideration on the merits of the case in the court of the first and second instance or under the cassation and supervision.”

When dealing with serious issues which include the detention of the suspect, the accused with the presumption of innocence in effect, it is relevant not to simplify the procedure but to make it responsible enough and comprehensively balanced. Here, like nowhere else, the guarantees of legality rise not under a single judge but under collegial trial of the situation vital for the individual when the question of restricting the constitutional right to freedom is addressed³⁰⁷.

The prominent legal scholar A.D. Boykov wrote: ‘Special studies of the Research Institute of the General Prosecutor’s Office, conducted in the mid-1990s, showed that the single judge justice tends to simplify the procedural form, to privately (in the judge’s chambers, privately) conduct the proceedings, leads to the emergence of unmotivated sentences often imposed without questioning witnesses and examining the evidence’³⁰⁸. His position on the effectiveness of collegial trial of cases is not only relevant for the judicial stage, but for pre-trial stages as well.

A.V. Besedin agrees with the above³⁰⁹.

For the judge it is more difficult to make a sole decision on the application to the suspect, the accused of a preventive measure more lenient than detention as in the case of the accused absconding from the investigation and trial, committing new crimes, influencing the other participants in the proceedings, the judge associates these negative consequences of their ‘humane’ solution to their failures and errors and sometimes there is a reluctance of judges to enter into a confrontation with the investigative and operational agencies, as a rule, interested in obtaining the approval for the arrest of the suspect, to look ‘ambiguously’ in the eyes of certain persons as ‘prone to corruption’, etc.

Yet it is necessary to be aware that in the present conditions it is organizationally and financially impossible to provide for all criminal cases the collegial decision on detention, extension of detention, even in respect of persons first-time subject to criminal prosecution or committing grave and especially grave crimes.

In our opinion, in the current Russian practice of ‘arrest’ control it is necessary to efficiently use the approach prevailing adjudicating the detention and extension of detention, as well as the house arrest and bail: consideration of the materials submitted with the participation of the prosecutor (namely – the prosecutor, not the public procurator) who can rationalize the interests of the state in resolving the issue of isolating an individual from society reasonably and legitimately (the prosecutor as ‘a speaking judge’); the participation of the defense counsel whose

³⁰⁷ See also: Nazarov A.D. Procedural safeguards against investigative, prosecutorial and judicial errors in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Current issues of struggle against criminality in the Siberian region. Krasnoyarsk, 2002. P.98–102; Nazarov A.D., Zhelezniak N.S. Some issues of improving the institution of judicial review // Legal policy and legal life. 2012. №2. P.58–63.

³⁰⁸ Boykov A.D. Court. Fast, but not very much so. Fair, but not quite fair. Gracious, equal for everybody?.. // Russian justice. 2002. №9. P.13.

³⁰⁹ Besedin A.V. Protection at the stage of execution: Diss for Cand. Jurid. Sciences. Saratov, 1995. P.83.

position is not ignored by the court; the decision made by the federal judge (it is possible that in the future – by the judge of the preliminary investigation review), taking into account the balance between the public interests and the interests of a particular individual.

The legislator was completely right when did not grant to the investigator, the head of the investigating body, the inquirer, the head of the inquiry unit, the body of inquiry the right to appeal against the court decision on the ‘arrest’ cases: specified as being for the prosecution these subjects conducting criminal proceedings would appeal to the instances of revision the court rulings in which the court dismissed their petitions on detention and extension of detention.

Yet in our opinion, in the context of the eradication of prosecutorial bias the activities of the court already adhere to the following rules enshrined in the law:

- changing of the qualification of act of the defendant by the prosecutor for a less serious one entails a mandatory application of this ‘lenient’ qualification of the crime incriminated (Article 246 of the Code of Criminal Procedure of the RF) by the court which is considering a criminal case;
- the prosecutor's refusal to press charges entails the compulsory acquittal or termination of criminal prosecution (Articles 239, 246 of the Code of Criminal Procedure of the RF) by the court which is considering a criminal case.

In the further struggle with the prosecutorial bias it is proposed to set forth two more rules:

- if the prosecutor offers the court a specific type and amount of penalty, the court may not determine more stringent type and amount of penalty;
- if the prosecutor offers the court not to detain the accused or not to extend the term of his detention, the court may not detain the accused or not to extend the term of his detention.

Accordingly, in paragraph 7 Article 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation it is proposed to add the second part:

“If the prosecutor participating in the hearing offers the court not to detain the suspect, the accused or not to extend the period of detention, the judge may not detain the suspect, the accused or extend the period of detention and further adjudicate in compliance with the provisions of Article 7-1 of the Code of Criminal Procedure of the RF.”

Unfortunately, as rightly observed by O.I. Andreyeva, the imperfection of the criminal procedure legislation allows ‘in some cases to exercise power and authority without being uncontrolled,’ and the reluctance of government officials to adopt the concept of observance of human rights and freedoms as the supreme value ‘leads to the perception of the need to ensure human rights and freedoms as an obstacle to confront crime’³¹⁰.

³¹⁰ Andreeva O.I. The relations between the rights and responsibilities of the state and the individual in a lawful state and the specifics of their manifestation in criminal justice (the theoretical aspect). Tomsk, 2004. P.66–67.

The statistic data in empirical studies of V.V. Volkov are quite indicative: the court 'approval' of motions for detention and the percentage of successful 'cassationing' when appealing against arrests in Russia for 2004–2010 was as follows: 2004 – 90.8% (11.2%); 2005 – 91.4% (10.8%); 2006 – 91.4% (9.8%); 2007 – 91% (6.4%); 2008 – 90% (5.8%); 2009 – 90.1% (5.6%); 2010 – 89.9% (6%)³¹¹.

According to our study, in 2010–2015 in Russia the percentage of the court approvals of motions of bodies of preliminary investigation for the detention of the suspects, the accused was 90.59%³¹². And the percentage of the court approvals of motions of bodies of preliminary investigation for extension of the detention for the accused over these years on average was as high as 98.23%³¹³.

It is important to emphasize, in our opinion, the trend: denying the bodies of preliminary investigation of the detention, gradually the courts increasingly apply the house arrest. Thus, the house arrest was used by the court 1345 times in 2011, in 2012 – 1508 times, in 2013 – 2366 times, in 2014 – 2 632 times, in 2015 – 3133 times. At the same time the application of bail as an alternative to detention by courts decreases in the years considered: in 2011 – 447 times, in 2012 – 347 times, in 2013 – 303 times, in 2014 – 327 times, in 2015 – 199 times³¹⁴.

On our view, the provided above statistical picture, at least, suggests the repressive orientation, prosecutorial bias of the court in terms of determining on the preventive restrictive measure for the accused, and as a maximum, provides more information about the court with at the suggestion of the investigator, as well as often enough and at the suggestion of the prosecutor who supported the petition of the investigator being able not to detect investigative errors, sometimes fundamental ones.

The above thesis can be supported by the fact that in 2010–2015 in Russia per the cassation procedure, and since 2013 – in appeal, courts reversed an average of 4.04% of decisions of courts of the first instance on the detention of the suspect, the accused and revised on average 4.98% of decisions of courts of the first instance to detain the accused in custody³¹⁵. During these years, the court of the first instance decisions on the extension of detention of the accused were reversed per cassation, and in 2013 – per appeal, in on average 2.5% of cases, revised in an average of 3.47% of cases³¹⁶. With the prevailing repressive approach of judges to arresting the accused, these

³¹¹ How judges make decisions: empirical studies of law / Ed. V.V. Volkova. M.: Statut, 2012. P.32.

³¹² Appendix № 8.

³¹³ Appendix № 9.

³¹⁴ Appendix № 8.

³¹⁵ Appendix № 24.

³¹⁶ Appendix № 25.

seemingly not very high percentages indicate that judicial control ‘skips’ investigative errors when determining strict measures of prevention.

In our opinion, the transfer of ‘arrest’ control to the prosecutor would not change the occurrence of errors related to preventive measures for the worst but (it is possible) would change it for the better, as the prosecutor would delve into both ‘questions of law’ and ‘questions of fact’. However, this does not mean that we support such a transfer. With all the problematic issues of the judicial procedure of arrest, as noted above, in principle, it is not only more democratic, more open, but also more comprehensive than ‘the prosecutor’s arrest’ (the court hearing involving the parties, the trial minutes recorded, and so forth).

Of course, in matters the ‘arrest’ judicial review, Russia can borrow all the valuable experience the European (‘continental’) jurisprudence. For example, in Germany there are no such investigative judges. But there is a ‘judge for the inquiry’, which is not the investigative judge in the full sense of this mission. ‘The judges for the inquiry’ do not adjudicate criminal cases. They issue an arrest warrant, but this necessarily requires the motion of the prosecutor: no motion from the prosecutor – no arrest warrant. This same judge examines complaints of the parties to criminal proceedings with regard to the person’s conditions of detention; it decides the question of release from detention. Moreover, detention periods are not statutory in Germany: the detention period is not the matter of the time period, but the matter of preconditions for such detention.

Complaints with regard to detention in Germany are considered collegially: this is a panel of three judges in Oberlandsgericht (the Highest Regional Court) or five judges in the Supreme Court of Germany. In other words, in Germany, the question of substantial restriction of constitutional human rights involves a complex (associated with the collegiality) form of resolution of this issue. In Russian practice, this trend in the increasing complexity of the form is unlikely to be accepted for obvious reasons (already mentioned herein), although, of course, the best option to resolve issues related to the detention of the suspect, the accused in custody, extension of his detention appears to lie in the increased complexity of the criminal-procedural form³¹⁷.

The second kind of judicial review at pretrial stages of criminal proceedings, ‘procedural’, is provided for in articles 23 and 25 of the Constitution of the RF.

Article 29 of the Code of Criminal Procedure of the RF specifies a list of investigative and other procedural actions, which are based on a judicial decision due to the fact that they

³¹⁷ On the theoretical basis of complex forms of criminal procedure, see: Yakimovich Y.K., Lensky A.V., Trubnikova T.V. Differentiation of criminal proceedings. Tomsk, 2001. P.13.; Yakimovich Y.K. The concept, function, differentiation of criminal procengs. The principles of criminal justice. – Tomsk: Tom. Un. Publishing House, 2015. P.51–93.

infringe on the rights and freedoms of the man and the citizen protected by the Constitution of the Russian Federation.

In accordance with Article 23 of the Constitution of the RF, restrictions on the human right to the privacy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraph and other communications may be based solely on the judgment. Article 25 of the Russian Constitution enshrines the right to inviolability of the person residence.

Reasonable arguments in defense of the existing decision-making procedures of investigative actions are provided by N.A. Kolokolov, believing that ‘... the analysis of the efficiency of justice should begin with ... not assessing the statistical results of the judicial activity, but studying the reasonableness and validity of vesting a particular subject matter jurisdiction with the courts’³¹⁸.

The judicial procedure for making decisions about certain investigative and remedial actions was introduced in criminal proceedings in order to strengthen the guarantees of individual rights. However, over time it has become apparent that the introduction of this institution has not led to a significant increase in the level of protection of individual rights in the preliminary investigation of criminal cases.

The opinion is expressed by V.V. Kalnitsky, V.M. Bykov, S.B. Rossinskiy, A.S. Karetnikov and K.A. Arzamastseva³¹⁹, who questioned the need for the court involvement in decisions on the investigative actions.

Proponents of this direction of judicial activity have also been forced to admit that the level of protection of individual rights in criminal proceedings with the introduction of this institution has not increased³²⁰.

The opponents of the modern judicial review configuration have believed that one of the objectives of the judiciary reform Concept was the purpose of the release of the court from participation in the prosecution. It started to be realized in the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation during the time of effect of the Criminal Procedure Code of the

³¹⁸ Kolokolov N.A. The constitutional right to the privacy of home: on the issue of the effectiveness of preventive judicial review // *Russian judge*. 2010. № 6. P. 13–16; №7. P. 4–8.

³¹⁹ Kalnitsky V. ‘Authorization’ and judicial review of the legality of investigative actions in the course of pre-trial proceedings are ineffective // *Criminal Law*. 2004. № 1. P. 73 – 75; Bykov V.M. Judicial review of the preliminary investigation // *Criminal Procedure*. 2007. № 1. P. 84; Bykov V.M. Current issues of criminal proceedings. Kazan, 2008, pp. 208 – 209; Rossinsky S.B. Do we need a preliminary judicial control of investigative actions in the home? // *Russian judge*. 2009. № 8. P. 17 – 21; N 9. pp. 19 – 22; Karetnikov A.S., Arzamastseva K.A. The permission of the court for investigative actions. Access from ref. legal system ‘Consultant Plus’; Lazareva V.A. Proof in criminal proceedings. M., 2009. P. 60; Kovtun N.N., Suslova E.N. The effectiveness of immediate judicial review // *Criminal proceedings*. 2010. № 3. P. 6–14.

³²⁰ Vasin V.V. On the issue of judicial criminal procedural cognition // *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2006. Vol. 11. p. 82.

RSFSR³²¹. Part 3 of Article 15 of the Code of Criminal Procedure of the RF stipulates that the court is not a body of criminal prosecution. But it was not possible for the legislator to completely release the court from this activity. It manifests itself in different directions of activity.

For example, I.L. Petruhin believed that the panel of judges, giving consent to the initiation of criminal proceedings against a separate category of persons, performs the function of criminal prosecution³²².

A.S. Karetnikov and K.A. Arzamastseva believe that the court in the exercise of its powers under Art. 165 of the Code of Criminal Procedure of the RF does not provide any judicial review³²³. The investigator motions to the court because he does not have the authority to decide on an investigative procedural action. At the time of the approval of its application by the court there is no decision, the legality and validity of which the court could review – there is no subject of control. It will only appear after the judge's decision (positive or negative). The procedure of approving the motion of the investigator implies the judge making his own decision on investigative or other procedural actions but authorizing decisions of the investigator. Decisions made by the judge in accordance with Art. 165 of the CCP of the Russian Federation are decisions providing the procedural activity of the criminal prosecution³²⁴. The investigator and the investigator are implementers of the court decisions.

All this gives grounds to believe that the court is engaged in criminal prosecution³²⁵.

Thus, the court with its decisions 'moves' the process of investigation of the criminal case, being a direct participant at the stage of preliminary investigation³²⁶. And most often it is the 'movement' in favor of the prosecution, when a criminal case is not in the court, but in the hands of the investigator, the inquirer.

N.A. Kolokolov refers to the experience of Germany, where a decision on conducting a search and other investigative actions to limit the rights and freedoms is also taken by the court³²⁷.

³²¹ Mikhaylovskaya I. Judicial policy: the role of the Constitutional Court rulings in the reform of criminal judicial proceedings of the Russian Federation // *Constitutional Law: East European Review*. 2001. № 3. P. 167–172.

³²² Petruhin I.L. Conceptual bases of the criminal proceedings reform in Russia // *State and law*. 2002. № 5. P. 27.

³²³ Karetnikov A.S., Arzamastseva K.A. Are the court activities with regard to hearing and adjudicating petitions of preliminary investigation officials judicial control? // *Russian justice*. 2010. № 4. P. 66 – 69.

³²⁴ Kuzmin GA The legal and organizational basis for decision-making in criminal proceedings (pre-trial stage): Abstract. Dis. for Cand. Jurid. Sciences. M., 2002, pp. 15 – 16.

³²⁵ Antonova E.E. Functional characterization of pre-trial proceedings in Russian criminal proceedings: Author. Dis. for Cand. Jurid. Sciences. Omsk, 2006, p. 8; Ryzhykh A.N. Implementation of the court authority to prosecute at the pre-trial stages of criminal proceedings // *Russian legal journal*. 2007. № 3. pp. 154 – 156; Haliulin A. Nazarenko V. From the prosecutor's supervision to judicial review // *Legality*. 2004. № 1. P. 28.

³²⁶ Lazareva V.A. Peculiarities and forms of judicial power exercise in criminal proceedings // *Bulletin of the Nizhny Novgorod State University n. N.I. Lobachevsky*. 2001. № 2. P. 152; Chezhdemov Z.T. The role of the court in ensuring the rights and freedoms of citizens in pre-trial proceedings under the Code of Criminal Procedure: Ab. Dis. for Cand. Jurid. Sciences. M., 2003, pp. 22 – 23; Azarov V.A. Tarichko I.Y. Judicial review function in the history, theory and practice of Russian criminal proceedings. Omsk, 2004. P. 137.

³²⁷ Kolokolov N.A. Op. cit. Part 2. P. 7.

However, the overall list of decisions which it takes at the pretrial stage is insignificant in contrast to the impressive list of decisions that the court in Russia takes at pretrial stages. In this respect, the German experience of ‘judges for inquiry’ mentioned above may be relevant for Russian criminal proceedings.

The European Court of Human Rights as the court considers the bodies authorized to make, in the prescribed manner by the application of legal norms, decisions on disputes between the bearers of rights and responsibilities³²⁸. Accordingly, the jurisdiction of the court may not cover the case in which there is no legal dispute. This rule is contrary to the powers of the court under Art. 165 of the Code of Criminal Procedure, as the court shall exercise them in the absence of a legal dispute. The argument that in these cases there is a potential legal dispute³²⁹ is a weak argument to justify such powers by the court. However, the position of the ECtHR is that there is to be a court sanction.

To have an objective situation of the judicial review mechanism, it is reasonable to once again turn to the statistical data.

In 2010–2015, the average percentage of court approvals of preliminary investigation petitions:

- on inspection, search and withdrawal in the housing totaled 95.44%³³⁰;
- on personal search – 96.4%³³¹;
- on withdrawal of objects and seizure of documents containing information about deposits and accounts in banks and other credit institutions – 97.35%³³²;
- on seizure of correspondence, permit to inspection and seizure in communication institutions – 97.62%³³³;
- on review and recording of telephone and other conversations – 96.46%³³⁴;
- on the seizure of assets, including funds of individuals and entities at bank accounts and in deposits or deposited in banks and other credit institutions – 86.58%³³⁵.

It is worth noting that in the period under review the average percentage of court approvals for requests submitted by operational-search agencies to limit the constitutional rights of citizens:

³²⁸ Entin M. Fair Trial under the law of the Council of Europe and the European Union // Constitutional Law: East European Review. 2003. № 3 (44). P. 86.

³²⁹ Kovtun N.N. Judicial control in criminal proceedings: concept, types, nature and content // Bulletin of the Nizhny Novgorod State University n. N.I. Lobachevsky. 2001. № 2. P. 122. Series ‘Law’; Kovtun N.N. Judicial review in the criminal judicial proceedings of Russia. Nizhny Novgorod, 2002. P.38 – 40.

³³⁰ Appendix № 10.

³³¹ Appendix № 11.

³³² Appendix № 12.

³³³ Appendix № 13.

³³⁴ Appendix № 14.

³³⁵ Appendix № 15.

– for privacy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraph and other messages via telephone networks amounted to 98.73%³³⁶;

– for inviolability of the home – 96.41%³³⁷.

We agree with the opinion of respected legal scholars³³⁸ that there has been no fundamental change in the legitimacy and the quality of preliminary investigation in connection with the transfer of a number of procedural powers of the prosecutor to the court.

The court has taken the prosecutor's responsibilities to authorize certain procedural actions and decisions. The judge acts as a registrar, i.e. rule solely, taking into account only the procedural aspects of the submitted to him certain copies (not originals) of the materials of the criminal case. The prosecutor, the investigator, the inquirer are not required, but only entitled to participate in the consideration of such question. Other participants (the accused, his defense counsel, etc.) are not indicated in part 3 of Article 165 of the Code of Criminal Procedure of the RF. With the current approach to the consideration of such appeals and in the absence in Russian of the institute of investigating judges, from the standpoint of the efficiency of detection, correction and prevention of investigative errors, it would be more efficient to transfer the powers not peculiar to the judiciary authority to the prosecutor as the organizer of the criminal prosecution, as in this case:

– the prosecutor would be able to efficiently work not with copies of the materials of the criminal case but with the original, bound and numbered procedural documents of the criminal case, which would increase the efficiency in decision-making;

– federal judges would not be diverted to the execution of functions not inherent to them and could in the case of applications of persons interested to consider complaints according to Article 125 of Code of Criminal Procedure of the RF with respect to the consequences of the proceedings and the decisions which have been sanctioned by the prosecutor and the investigator, the inquirer.

In our opinion, in the context of international legal standards for fair trial, 'procedural' judicial review should be left for the court to adopt the 'classic' decisions on home inspection in the absence of the consent of the persons residing in it, search warrant, and (or) the withdrawal in the housing, on the monitoring and recording telephone and other conversations. Authorization of other investigative and procedural actions referred to in Article 165 in the context of Art. 29 of the Code of Criminal Procedure should, in our opinion, be carried out by the prosecutor. And this is

³³⁶ Appendix № 16.

³³⁷ Appendix № 17.

³³⁸ In the estimations of practitioners, judges approve the vast majority of motions filed by investigators: an obvious prosecutorial bias – 'phenomenon which has been consistently denied by the bodies of preliminary investigation, prosecutors and judges'. See: Kolokolov N.A. The prosecutorial bias of investigation and trial when adjudicating economic violations // Criminal Proceedings. 2012. №2. P.38.

not just the replacement of judicial review for the prosecutor supervision: it is strengthening of both judicial review and the prosecutor's supervision, as in this case the decision of the prosecutor may be appealed by the parties involved in criminal proceedings to a senior prosecutor (in compliance with article 124 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) or the court (in compliance with article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). Consequently, strengthening of this type of judicial review as 'control over complaints' happens simultaneously. Moreover, there is every reason to believe that these proposed novelties in the criminal procedure legislation will allow more effectively identify, correct and prevent errors in criminal cases.

The third kind of judicial review at pretrial stages of criminal proceedings, i.e. 'control over complaints', is provided for in art. 46 of the Constitution of the RF, which requires the court to consider complaints about any actions and decisions of public authorities which violate the rights and freedoms of citizens.

Article 29 of the Code of Criminal Procedure of the RF states that during pre-trial proceedings the court is entitled to consider complaints against the actions (omissions) and decisions of the prosecutor, the investigator, the body of inquiry and the inquirer in the cases and in the manner provided for by Article 125 of the Criminal Procedure Code of the RF.

Article 125 of the Criminal Procedure Code of the RF contains an open list of actions, omissions and decisions to be appealed to the court but it is very important that all of them are related to the violation of constitutional rights and freedoms of participants in criminal proceedings or impede the access of citizens to justice.

The judge considers the complaint in a court session with the participation of persons interested.

It is noteworthy that during 2010–2015 in Russia, the average percentage of complaints subject to Article 125 of Code of Criminal Procedure of the RF from parties to criminal proceedings against actions (omissions) and decisions of officials responsible for criminal proceedings approved by the court amounted to only 8.79%³³⁹. The results of our study are confirmed in other scientific studies devoted to this issue³⁴⁰.

Naturally, the fact itself does not indicate any problems. However, the law enforcers have many questions concerning the appeal procedure under Article 125 of Code of Criminal Procedure of the RF and related to studying factual circumstances of the criminal case. It is no accident the

³³⁹ Appendix № 18.

³⁴⁰ See, for example: Noskova E.V. The procedure for court processing of complaints according to Article 125 of the Criminal Procedure Code of the RF. – S.Pb.: Publishing House 'Juridical Center', 2014. P.245–250.

Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation devoted a separate decision to these issues³⁴¹, actualizing it in as early as in 2016.

The Code of Criminal Procedure of the RF establishes the right to appeal procedural actions and decisions as the principle of criminal proceedings (Art. 19).

The Code of Criminal Procedure of the RF stipulates the right to file a complaint with the prosecutor, the head of investigative body (Art. 124), as well as (or) the court (art. 125). Moreover, the participants of criminal proceedings have the right to decide whether to file it first to the prosecutor, the head of the investigative body, and then to the court, or, conversely, at the same time file the complaint to the prosecutor, the head of the investigative body and the court.

In this regard, the proposal made by A.B. Solovyev and N.A. Yakubovich seems to be of relevance: ‘the rights and duties of the court to monitor the legality of the preliminary investigation should be strictly limited by the framework arising from the provisions of the Russian Constitution and ratified international legal treaties of the Russian Federation. In this case it is advisable that the mechanism of the implementation at the pre-trial stages of criminal proceedings of Article 46 of the Constitution of the Russian Federation on appealing against decisions and actions of public authorities and officials would provide a general rule of firstly filing the complaint with the prosecutor. This is necessary to protect the court from the unbearable workload which is hardly currently performed by the prosecution apparatus’³⁴².

Y.K. Yakimovich has a peculiar view of the purpose of judicial review.

“Judicial review (no supervision but review) is needed especially now when, unfortunately, the prosecution does not sufficiently supervise the preliminary investigation. Judicial review must be expressed in the consideration of complaints against certain actions by the preliminary investigation and prosecution specified in the law and the court is entitled to rule on these complaints.

Firstly, the court should have the right to consider complaints on the legality of the indictment for a person, it is with the act of indictment that all the negative consequences for this person start.

Therefore, the accused and his legal counsel should be entitled to appeal against the validity of the indictment, and the court should have the right to reverse the said decision in the case of unjustified or illegal indictment.

³⁴¹ The resolution of the Plenum of the Supreme Court of February 10, 2009, № 1 ‘On the court practice of processing complaints in accordance with Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation’. Access from referce– legal system ‘Consultant Plus’.

³⁴² Solovyev A.B., Yakubovich N.A. Preliminary investigation and prosecutor's supervision in the light of the judicial reform // Legitimacy. 1995. № 8. P. 9.

This is the most important thing. Everything else, including the appeal against the arrest, is connected with the right discussed above. Otherwise the examination of the motion for the arrest turns into a mere formality: the court is not involved in the review of the legality of indictment and Article 96 of the Code of Criminal Procedure allows the arrest only on the basis of the severity of the offense of any accused person³⁴³.

According to A.V. Smirnov, rules of the criminal procedure law on appeal do not prevent appeal a decision on the indictment of the person to the court in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the RF and the court review of its legality and validity. The court ruling on a complaint must not prejudge the question of guilt of the accused. Such understanding of this provision corresponds to the constitutional human and civil rights, especially the protection of their rights and freedoms by all means not prohibited by law; to judicial protection, the presumption of innocence (Article 45, the first and second part of Article 46, part one of Article 49 of the Russian Constitution), and is also consistent with Article 123 of the Constitution, which provides that proceedings are conducted on adversarially and equally³⁴⁴.

Certainly, in the context of the detection, prevention and correction of errors the consideration by the court of complaints from persons interested about the decision to prosecute a defendant seems to be one of effective ways to prevent errors, especially fundamental ones.

In actual judicial practice, there are single cases of appeals to the court under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation about decisions of indictment. The court did not satisfy these complaints, and in 2016 the Plenum of the Supreme Court expressed the opinion that the decision to prosecute a defendant can not be challenged in court, like, indeed, a number of other procedural actions and decisions³⁴⁵.

The proposals submitted to the President of Russia in connection with the necessity of introducing the institution of the investigating judge define checking their legality and validity of the original charges presented by the prosecution (indictment), as well as the final charges contained in the indictment as one of the powers of the judge.

Our survey of practitioners shows that strong supporters of the right to challenge in court the decision to prosecute are defense lawyers – 60.7% of them believing that such decision may be appealed to the court both on the ‘question of law’, and ‘the question of fact. 22.2% of respondents-prosecutors, 30.8% –investigators, 20.3% of defense lawyers believe that the resolution under consideration would be possible to appeal for the ‘question of law’ (legality and

³⁴³ Yakimovich Y.K. Selected articles. Tomsk, 1997, pp. 56–57.

³⁴⁴ Smirnov A.V. The appeal of any unlawful or unreasonable indictment. Access from reference– legal system ‘Consultant Plus’.

³⁴⁵ The resolution of the Plenum of the Supreme Court of 2016.

legitimacy of the indictment and the qualification of the act incriminated to the accused). 83.3% of judges believe that this decision should not be subject to appeal³⁴⁶.

As seen from the above points of view of both scientists and practitioners, the idea of judicial review over the investigation and operational-search activity is perceived differently.

The famous scientist and processualist I.L. Petruhin, assessing arguments of opponents of the idea of judicial control over the investigation ('the institution is borrowed from the Anglo-American proceedings and is associated with the retreat of Russian tradition; this institute introduces 'adversariality' in the preliminary investigation, but we should have it like this here, the performance of supervisory functions by the two bodies at the same time is unacceptable – by the prosecutor's office and the court, the court can not provide a permanent and operational supervision; the courts are not ready for this work and can not cope with it, judicial review violates the secrecy of the investigation, it is unacceptable to impose on the courts the decision on wiretapping solutions and seizure of postal and telegraphic correspondence (and therefore a number of norms of the Constitution should be suspended and we should restore the order of the prosecutor issuing approvals'), declared them invalid³⁴⁷.

But, at the same time, I.L. Petruhin believed that judicial review is not sufficiently effective. In his opinion, an objective indicator of the effectiveness of judicial review would be low approval by courts of motions for procedural actions from investigation authorities approved by prosecutors under Part 2 of Article 29 of the Code of Criminal Procedure of the RF³⁴⁸.

If the study, we attempted to understand the reasons for reduced effectiveness of judicial review. The judges being interviewed named disadvantages of legal regulation of this institute as some of the most serious problems for judicial review. Given that judges, prosecutors and investigators when answering this question showed some restraint, the greatest interest for us lies in how defense lawyers responded. 40.2% of the lawyers said that the judge sees judicial review as something secondary (fast-track decision-making procedures 'behind closed doors', the priority in the consideration of the criminal case on the merits, and then the performance of duties 'duty judge considering arrests', etc.). 70.4% of lawyers stressed that the judges presume validity of the motions and the /or positions of bodies of criminal prosecution. 30.4% of lawyers believe that judges satisfy requests of the prosecuting authorities because they are afraid to be suspected of corruption and links with criminals³⁴⁹.

³⁴⁶ Appendix №44.

³⁴⁷ Petruhin I.L. Prosecutor's supervision and judicial control over the investigation // Russian justice. 1998. № 9. P. 12.

³⁴⁸ Petruhin I.L. The effectiveness of judicial control over the investigation and operational search activity // Criminal Law. 2007. №2. P.92.

³⁴⁹ Appendix № 44.

Recently there have been some aggressive proposals that it is possible to change the all-approving (according to some scholars) position of the federal judges in the exercise of judicial review if the judicial system of the Russian Federation introduces the institution of investigating judges as a specialized federal court for the investigation control³⁵⁰.

There is experience of such specialized courts carrying out judicial-control activities in several countries: France, Belgium, Spain, the Netherlands, Italy, Finland, etc.³⁵¹. On the post-Soviet territory there are investigating judges in the judicial systems of Latvia, Lithuania, Moldova, Kazakhstan, Ukraine³⁵².

Earlier, I.F. Demidov advocated the establishment in Russia of ‘the institute of specialized judicial bodies – federal investigating judges exercising only the function of judicial review and free from their administration of justice powers not only in the case in which they made the decision at the stage of pretrial proceedings, but also on any other case. The investigating judge can not be part of any court, but should have an office with the appropriate support staff’³⁵³.

After the meeting on October, 2014, of the Presidential Council on Civil Society and Human Rights, the President of the Russian Federation recommended that the Supreme Court of the Russian Federation explore the establishment of the institute of investigative judges³⁵⁴.

The Message of the President of the Russian Federation to the Supreme Court of the Russian Federation is based on the proposals of T.G. Morschakova³⁵⁵. These proposals, in fact,

³⁵⁰ Belkin A.R. The investigating *judge* or the *investigating* judge? // Criminal proceedings. 2015. №3. P.16–27 .; Myadzelets O.A. The investigating judge in criminal proceedings of Russia: pros and cons // Russian justice. 2008. №6. P.39–42 .; Kovtun N.N. Specialized investigating judge: pros and cons // Russian justice. 2010. №9.; Muratova N.G. The system of judicial control in criminal proceedings. Kazan, 2004. P.4–5.; Nikolyuk V.V., Derishev Y.V. Optimization of pre-trial proceedings in the criminal proceedings of Russia. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Russian Interior Ministry, 2003. P.170.; Lebedev V.M. The judicial power in modern Russia. St.Pb., 2001. p.71, etc. It is worth noting that the academic community has voiced proposals to return the prosecutor the powers he lost (see: Dzhatiev V.S. Investigating judge? Does Russia need him? // Organization of crime investigation bodies activities: administrative, legal and forensic aspects (to the 60th anniversary of the Department of criminal investigation authorities management): Int. research and practice conference proceedings. in 2 parts. M.: MIA RF Administration Academy, 2015. Ch. 1 pp.219–225) or sometimes has even declared the prosecutor to be analogue to the investigating judge (see: Barabash A.S. The prosecutor – the investigating judge // Criminal justice: the connection of times: int. scientific conference materials. St. Petersburg, 6 –8 October 2010 St.Pb., 2010. P.41–50.

³⁵¹ Judicial control in criminal proceedings / ed. N.A. Kolokolov. 2nd ed., rev. and ext. M., 2009; Kovtun N.N. On the concept and content of the concept of ‘examining magistrate’ (‘investigating judge’) // Russian judge. 2010. №5. P.17–18.

³⁵² On the experience, when the Crimea was part of Ukraine, of investigating judges of the Republic of Crimea, which wasn’t in all respects positive see: Mikhaylov M.A. The need to consider the Crimean experience when deciding on the establishment of the institute of investigative judges in the Russian Federation // Criminal proceedings: Procedural theory and forensic practice: III Int. research and practice Conf. Simferopol–Alushta of April 24–25 aterials. Simferopol, KrFU n. Vernadsky, 2015. P.54–56.

³⁵³ Demidov I.F. Judicial reform and new challenges of the science of criminal proceedings // Issues of strengthening legitimacy in criminal proceedings in the light of the legal reform: Conf. proceedings. M., 1995. P. 24–25. The idea of the revival of investigative judges institute is also supported by M.E. Tokareva and A.G. Haliulin. See: Solovyev A.B., Tokareva M.E., Haliulin A.G. et al. Op. cit. P. 59.

³⁵⁴ See Smirnov A.V.: Prove, your honor // Rossiyskaya gazeta. 2015. 13 May.

³⁵⁵ Morschakova T.G. On the concept and procedure of formation of the institute of investigating judges in the Russian Federation // http://law.sfu-kras.ru/data/method/e-libraru-kup/Raznoe/prilozhenye№7–294_15.pdf;

retain the authority to exercise ‘arrest control’, ‘procedural control’, ‘control over complaints’ for investigative judges. But, at the same time, new powers are added related to the legalization of the relevant information gathered by the parties to the rank of forensic evidence³⁵⁶, as well as the investigating judge holding the hearings on bringing the accused to justice.

The position of T.G. Morschakova is similar to the institute of the investigating judge of model proposed by A.V. Smirnov³⁵⁷. A.V. Smirnov offers to deformalize the prosecution in adversarial criminal proceedings so that the information received by the criminal prosecution (the prosecution) and the defense do not become judicial evidence immediately, at the very moment of their receipt, and pass through a specific procedure of judicial review and recognition (judicial legalization of evidence), ‘which can only serve as a genuine guarantee of the proceedings transparency and quality of evidence used’. According to A.V. Smirnov, it is to legalize and ‘deposit’ judicial evidence that the figure of the ‘judge of investigation, investigative judges, is necessary, who will acquire now existing judicial and supervisory powers at the pre-trial stage and new powers for the legalization of judicial evidence, the accusation against the person and bringing the accused to trial; ‘in no way this is not the judicial investigator, but ‘the judge of investigation’, since he does not take a criminal case for his consideration on an ongoing basis, but performs judicial functions discretely, occasionally in the form of hearings and court proceedings with the participation of both parties’³⁵⁸.

Criticizing the concept of investigative judges, proposed by A.V. Smirnov, L.V. Golovko does not find in it ‘any positive experience of developed legal orders or a theoretical novelty, or an improvement in the situation of citizens in the criminal process, or economic viability’³⁵⁹. His position is argued in detail. He notes in particular that the concept implies ‘complete fragmentation’ of proof, the gap in the activity of collecting and evaluating evidence, ‘which will

³⁵⁶ For example, in Germany, ‘during the inquiry the judge’ may interrogate witnesses under oath at the pre-trial stage, and such proof acquires the status of a particularly important evidence. Of course, special responsibility for false testimony under oath is specified as well. In Germany, there are 3 types of testimony: the evidence given to the police (there is no liability for the falsity thereof); the testimony provided to the Prosecutor (there is liability for the falsity thereof set forth); the testimony given to the court under oath (there is liability for the falsity thereof set forth). See: Best E. Criminal procedure in Germany // Criminal proceedings. 2014. №4. P.8–13.

³⁵⁷ Smirnov A.V. The institute of investigating judges – a constitutional requirement? // Criminal judicial proceedings. 2015. № 2. P. 9 – 14.; Smirnov A.V. The revival of the institute of investigative judges in Russian criminal proceedings // RAPSI. 2015.: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html.

³⁵⁸ Smirnov A.V. Russian criminal proceedings: from dusk to dawn. – [Http://rapsinews.ru](http://rapsinews.ru). On the deposit of evidence See also: Gambaryan A.S., Simonyan S.A. The court deposition of testimony in the modern criminal proceedings: monograph / sc.ed. D.Jurid.Sc., prof. S.S. Avetisyan. – M.: Jurlitinform, 2016. – 160 p.

³⁵⁹ Golovko L.V. The institute of investigating judges: Americanization through manipulation // URL: <http://www.iaaj.net/node/1746> (created 22/03/2015). On the extreme negative attitude to the concept of the institution of investigating judges promulgated by L.V. Golovko Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Supervision of Lomonosov MSU see: Discussion of the initiative proposed by the Presidential Council of Human Rights of the Russian Federation // <http://www.law.msu.ru/node/34903/>

inevitably lead to chaos in criminal proceedings’; proposed in it ‘argument for reducing the load simply defies common sense’, etc.

O.V. Otchertsova, analyzing the proposed concept, expresses reasonable doubts about the possibility of its application for strengthening the position of the defense³⁶⁰.

Y.P. Borulenkov stresses that the investigating judge in A.V. Smirnov’s concept is a ‘weak link’ since in proving he is unable to carry out cognitive function³⁶¹; that ‘the statements about the possibility to relieve the investigator of institutional control by moving it to the judicial system sound naive’³⁶². Y.P. Borulenkov agrees with the need to deformatize the preliminary investigation but believes that this work should be carried out within the framework of the investigating authorities³⁶³.

The opinion of V.M. Bykov and N.S. Manova with respect to the institute of the investigating judge is as follows: ‘there is no need to create a new law enforcement agency, and the legislator should extend the rights of the prosecutor in criminal proceedings’³⁶⁴. The authors note that ‘granting investigative judges broad powers in pre-trial proceedings will definitively deprive investigators of procedural autonomy and independence’³⁶⁵. V.N. Karagodin believes that the position of A.V. Smirnov and his supporters is largely based on ‘a quite fashionable now presumption of bad faith of the investigator’³⁶⁶. The author also expresses his bewilderment to strengthening the position of the defense in the proposed reorganization, in particular with regard to appointment of forensic examinations. According to him, the existing procedural means to guarantee the legitimate interests of all participants in the appointment and conducting the expertise is more than enough³⁶⁷.

The General Prosecutor’s Office of the Russian Federation does not support the proposal to establish the institute of investigative judges either. They believe that ‘supervision does not need control’, that the establishment of the new system ‘will lead to the invasion of courts in the scope of the public prosecution activity’³⁶⁸.

³⁶⁰ Otchertsova O.V. The introduction of the institute of investigating judges: will the preliminary investigation become more adversarial? // Russian justice. 2015. № 8. P. 63 – 66.

³⁶¹ Borulenkov Y.P. The investigating judge as a ‘weak member’ of the criminal procedure proof // Criminologist library. Academic ошгктфд. 2015. № 3. P. 9.

³⁶² Ibid. P.18.

³⁶³ Ibid. P. 20.

³⁶⁴ Bykov V., Manova N. Does Russia need the investigating judge in criminal proceedings? // Legitimacy. 2015. P.45.

³⁶⁵ Ibid. P.28.

³⁶⁶ Karagodin V.N. Improving pre-trial proceedings as an element of the criminal law policy. P. 25.

³⁶⁷ Ibid. P. 24.

³⁶⁸ Supervision does not need control // Vedomosti. 2015. May 5. (№ 3824). Also: On investigative judges. The response of the Prosecutor General’s Office of the RF. The official website of the General Prosecutor’s Office of the RF: <http://genproc.gov.ru/upload/iblok/64d/2.doc>.

The chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation V.D. Zorkin supports the institute of investigating judges. According to him, the introduction of the institute of investigative judges ‘will allow progress in addressing the issues on which the citizens or the courts regularly send petitions to the Constitutional Court’³⁶⁹. Details of V.D. Zorkin’s position on the need to institute the investigative judges in Russia are outlined in the report, which presented a comprehensive system of improving the judicial system in Russia. According to him, ‘in situations where the same judge in the criminal trial both produces a judicial review of the investigation, and renders the judgment in the same case at the hearing there can not be any doubts about the independence and impartiality of the legal outcome’; the introduction of the institute of the investigative judge will enhance the effectiveness of judicial control over the investigation and the objectivity of proceedings, ‘will help to break the ‘accusatory link’ between the investigation and the court, and at the same time, at least in part, to overcome the prosecutorial bias in the national justice’³⁷⁰. V.D. Zorkin considers it appropriate ‘for a member of the judiciary to initially decide the question of qualifying the act (for example, for the investigating judge)’³⁷¹.

Much debate in the scientific world has been caused by a doctrinal model of the criminal procedure law of evidence of the Russian Federation prepared by a group of authors under the supervision of A.S. Alexandrov³⁷². In this model, there are many different radical proposals on the criminal justice reform, including, the now unknown for the current Russian criminal procedure legislation norms of the institution of the investigating judge, which state that the investigating judge is a federal judicial authority (the court) operating independently from the general courts of law and implementing in pre-trial criminal proceedings a complex of jurisdictional and investigating functions. From the subsequent discussion, it follows that these functions are related to:

- 1) resolution of the dispute regarding the application of essential measures of procedural coercion;
- 2) ensuring the rights and legitimate interests of the parties to the proceedings;
- 3) the deposit at the request of the parties supposedly legitimate evidence in the case.

³⁶⁹ The head of the CC (the Cassation Court) supports the establishment of the institute of investigating judges // RIA ‘Novosti’ / URL: <http://ria.ru/society/20141217/1038845017.html#ixzz3Pdd29C34>

³⁷⁰ Zorkin proposes to create separate appeal courts in GJC (general jurisdiction courts) and the institute of investigating judges // PRAVO.RU / URL: <http://pravo.ru/news/view/81000/>

³⁷¹ The head of the CC supported the establishment of the institute of investigative judges // RIA ‘Novosti’ / URL: <http://ria.ru/society/20141217/1038845017.html#ixzz3Pdd29C34>. See also: Zorkin V. The Constitution lives in laws // Rossiyskaya azeta. 2014. December 18.

³⁷² The doctrinal model of the criminal procedure law of evidence of the Russian Federation and the comments to it / ed. A.S. Alexandrov. M.: Jurlitinform 2015.

An interesting comparative analysis of the institution of the investigating judge in pre-trial criminal proceedings has been conducted by V.N. Grigoryev, I.A. Zinchenko and A.P. Popov³⁷³. According to these scientists, no matter how attractive some institutions and norms of Romano-Germanic legal family law (continental system) are for researchers, they are not always easily adapted to Russian realities. Therefore, in their opinion, it is rational to use a comparable legislation – in the criminal procedure law it is, firstly, Russian legislation on the judicial system and legal proceedings prior to the current one, and, secondly, the current legislation of the states of the near abroad. It can be argued that in some positions he takes into account mistakes made in the preparation and adoption of the Criminal Procedure Code of the RF³⁷⁴.

V.N. Grigoriev, I.A. Zinchenko and A.P. Popov emphasize that under the legislation of the states of the near abroad in the modern sense, the investigating judge is one of the judges of the court of the first instance, who, along with the administration of justice in criminal matters, are burdened with the powers associated with the implementation of the judicial power (judicial review) in pre-trial proceedings. However, their status is somewhat different from the status of Russian judges with similar powers. The differences lie in the scope of authority, as well as in the procedure for granting the status of the investigating judge to one of the judges of the respective court. So, in criminal proceedings of all these neighboring countries the investigating judge at the request of the prosecutor or the investigator decides to hold the unspoken (specific, intelligence) investigations. All of the CPCs (with the exception of the Criminal Procedure Code of Latvia) stipulate the deposition of evidence, interrogation of witness conducted in exceptional cases by the investigating judge during the preliminary investigation. There are other special features. For example, the Code of Criminal Procedure of Kazakhstan (art. 55) obliges the investigating judge to classify the international investigation and determine the question of forced interrogation at the request of defense counsel of the witness interviewed earlier, whose appearance is difficult to ensure. In accordance with para. 5 and 6 p. 1 art. 41 of the CPC of Latvia, the investigating judge has the right to make decisions on complaints of unjustified infringement of privacy and other protected by the law secrets, to release the person from payment for legal representation. Art. 41 of the Criminal Procedure Code of Moldova included such powers of the investigative judge as the review of applications to accelerate the prosecution, the exclusion from the decision of some points in cases where the convicted person was extradited. There are specifics in the procedure of forming the body of investigating judges (their appointment or election, term of office, etc.),

³⁷³ Grigoriev V.N., Zinchenko I.A., Popov A.A. Comparative notes on the institute of the investigating judge in pre-trial criminal proceedings // *The international criminal law and international justice*. 2016, №1. C.

³⁷⁴ Popov A.P., Popov I.A., Zinchenko I.A. *Criminal proceedings: issues of the contemporary law of evidence of modern Russia: monograph*. Pyatigorsk: RIA-KMF, 2014. pp. 15 – 18.

indicating a special attitude to this party of pre-trial proceedings as the most authoritative and experienced employee.

A.R. Belkin, being a supporter of the institute of investigative judges, offers an original framework for appellate review of judicial decisions. ‘As soon as investigative judges will be ‘close to the ground’, the appellate review of their decisions may occur at the level of the RF subjects (military districts), and to speed up the process it is advisable to isolate the appropriate instance, clearly separating it from the Court of the RF subject (or a military court of a corresponding level ... The decision of the investigating judge is not a final decision in the case and in order to accelerate the process may well be reviewed by a single judge of a higher level’³⁷⁵.

The position of practitioners with respect to the institute of the investigating judge being currently created in Russian for judicial review at the pre-trial stages showed that 72.2% of judges, 77.8% of prosecutors, 82.1% of investigators, 70.6% of defense lawyers do not see the need for the creation of such an institution³⁷⁶.

However, the idea of the institute of the investigating judge (judge for the preliminary investigation control) seems relevant and promising. But the reality is that at the present time neither politicians nor the criminal justice practitioners are ready to the fundamental changes in the judicial structure and content of judicial activities. According to our research, there are no unambiguous grounds for the introduction of the institute of the investigating judge but, at the same time, such question has its reasons.

In this regard, we propose the following: to determine the best prepared group of judges among the federal judiciary of district and equivalent levels (for example, with the experience of investigative, prosecutorial, advocacy work before the judicial career) and call them preliminary investigation control judges. These judges will have to deal only with matters of judicial review, without considering the criminal case on the merits (it is possible that they may consider materials in executing the sentence, in fact, as ‘penitentiary judges’).

Thus, out of the theoretical structures for investigative judges, discussed above, we exclude particularly criticized propositions on ‘four investigative judges in the region’, the creation of a separate office and a specialized system of investigating judges, along with the existing judicial system.

The powers of preliminary investigation control judges are proposed to include all three types of judicial review which today is carried out by federal judges – ‘arrest control’, ‘procedural

³⁷⁵ Belkin A.R. The Code of Criminal Procedure of the RF: constructive criticism and possible improvements. Part XI. Other issues of pre-trial proceedings. M.: MTU (MIREA), 2016. p.92.

³⁷⁶ Appendix №44.

control’, ‘control over complaints’: the content of these types of judicial review is considered above.

Along with classical types of judicial review preliminary investigation control judges could also implement the following judicial and supervisory powers:

- to ‘deposit’ the evidence of criminal proceedings on the request of the parties in criminal proceedings: it is important to define a very clear and narrow range of evidence that the court ‘deposits’, bearing in mind this exclusive nature of this ‘deposition’ (for example, questioning a witness with a serious medical condition at the potential danger that in the future when considering the criminal case on the merits the court may not be able to make such questioning of the witness for various objective reasons);

- resolution of issues associated with the appointment of the hearing on the merits, bearing in mind:

- a) it is the preliminary investigation control judge that in the end of this investigation will reconsider the preventive measure for the defendant, especially if he is in custody;

- b) to consider on the request of the parties the question of declaring certain evidence gathered in the criminal case inadmissible (at this point the prosecutor will present the accused final charges, the indictment, decisions); it is important to provide that in a criminal case trial on the merits the court has the opportunity to once again appeal to the issue of admissibility of evidence and make its decision on declaring evidence valid or invalid;

- c) to decide the question of the trial by a jury, a panel of three judges or a single judge, which would be the ultimate solution, to which, when considering the criminal case on the merits, the court of the first instance will not return;

- d) to preliminary consider the question on special procedure trial (considering a criminal case on the merits does not exclude returning to the general order of the trial);

- e) to consider other matters provided for in Chapters 33–34 of the CPC RF.

Essentially, this type of judicial review preliminary investigation control judge will carry out in the form of a court hearing as a preliminary hearing in every criminal case.

We propose two additional types of judicial review conditionally called: ‘deposited control’ and ‘pre-trial review’ (referring to the control of listing for trial for the consideration of the criminal case on the merits). And there is every reason to believe that the operation of these two new types of judicial review in the general mechanism of judicial and control activities at the pre-trial stages will reduce the threshold of investigative errors, effectively identify them and correct, prevent them.

It is proposed that both in the Federation level courts and equivalent level courts it would be appropriate to allocate a separate group of judges-appellates to implement judicial control over the decisions taken by preliminary investigation control judges.

The most criticized matter of judicial monitoring activities of existing federal judges is that they show a high ‘being satisfied’ rate for motions of investigators for arrests of suspects and the accused, for the conduct of investigative or other procedural actions infringing on the rights and interests of the man and the citizen protected by the Constitution of the Russian Federation, and, conversely, a low ‘being satisfied’ rate for complaints filed with the court by persons interested in accordance with 125 of the Criminal Procedure Code of the RF. So, of course, it is important that the guiding Resolution of the Plenum of the Supreme Court sets a ‘different coordinate system’ of their activities evaluation for preliminary investigation control judges and judges–appellates exercising judicial review at the pre-trial stage so that such judges were ‘registrars’ (‘punchers’) of investigators and investigators’ motions but on the basis of the existing legislation exercise effective judicial control over the observance of the principle of legitimacy, protection of rights and freedoms of the man and the citizen in the criminal proceedings.

It is necessary to state the following: all court errors in the exercise of judicial review at the pre-trial stages are a specific kind of judicial errors that often occur as a result of the conditions created for this investigative and prosecutorial errors and which can later manifest themselves at the trial of the criminal case on the merits until they are identified and corrected (if they are identified and corrected) in instances.

Thus, in the context of the considered here model approach to the modernization of control-supervisory investigative mechanisms of eliminating errors in Russian criminal proceedings, we build **‘the model of dynamic judicial control’ of the preliminary investigation**, which in the context of the strategies of the prosecution and the protection of human rights:

- extends the jurisdiction of the judicial control by the introduction of new types thereof – ‘the deposited control’, i.e. legalization at the pretrial stages, in a limited and clearly defined number of cases, of certain evidence, and ‘pretrial review – especially significant for evidence and consideration of the criminal case on the merits control activities at the stage of the appointment of the court session;

- strengthens the requirements for the ‘arrest’ control (collecting, checking and evaluation of *evidence* of the reasonableness of the suspicion of the suspect and the accused in the incriminated acts and his conduct in the course of criminal proceedings);

- reformats the ‘procedural’ control and ‘control over complaints’: redistributes from the court in favor of the prosecutor some control and supervisory powers thereby strengthening the existing control: the original ‘prosecutor's authorization’ of investigative and other procedural

actions provided for in Art. 165 Code of Criminal Procedure of the RF, with the possibility of further appeal to the court under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of the prosecutor's decisions on these issues;

– does not limit the action of ‘the control over complaints’ (for example, allows you to appeal against the decision to prosecute a defendant, etc.).

Functioning of the ‘the model of dynamic judicial control’ involves the improvement of the organizational structure of the activities of these judges (primarily, certain separation of these judiciary from federal judges hearing criminal cases on the merits, as well as per cassation and supervision).

It is in ‘the model of dynamic judicial control’ over the preliminary investigation we see an effective criminal-procedural mechanism of judicial review, the main direction of development of which is related to non-allowance of investigative errors, their detection, correction and prevention.

§2. Prosecutorial supervision in the mechanism of error elimination

In the system construction of the mechanism of control and supervisory activities of eliminating judicial errors at pre-trial stages of criminal proceedings the **model of permanent prosecutorial supervision**, in our view, includes a number of features:

The objective necessity and historical conditionality of prosecutorial supervision.

For many years, since the Soviet period, in the criminal proceedings there has been prosecutorial supervision as the sole mechanism for monitoring and supervision of compliance with the law at pre-trial stages. With the advent of the procedural figure of the head of the investigation department it became possible to talk about the second control mechanism – departmental. The judicial reform in Russia in the nineties of the last century formed a ‘control-supervisory triad’: the judicial control was added to the existing supervisory and control mechanisms at the pre-trial stage – the prosecutor's supervision and departmental control.

For many years, the **prosecutor's supervision** has been considered the supreme supervision over the legality and the prosecutor was referred to as the ‘master’ of criminal proceedings: the prosecutor's authority was applied to arrest the suspects and the accused, the public prosecutor prolonged their terms of detention and he also extended the investigation of criminal cases, authorized the searches, had his own investigative unit, he could initiate criminal proceedings, revoke any decision of the investigator and the inquirer, give them written instructions with regard to cases under investigation, and, if desired, could himself fragmentally or fully investigate any criminal case, etc.

The Prosecutor's Office can not be attributed to any branch of government, legislative (representative) or executive (presidential), or to the judiciary. This is a separate structure of federal government agencies.

The main purpose of the prosecutor's office is that it establishes any violation of laws, by whatever authority, officials of the authorities and take measures to eliminate them³⁷⁷. 'In this case, the prosecutor's office facilitates the interaction of the authorities, their coordinated functioning as unified state authorities interested in respecting the laws in the state. These features appear to allow the prosecutor's office to be referred to the system of 'checks and balances'.³⁷⁸

The specificity of the prosecutor's office, in the reasonable, in our opinion, opinion of V.B. Yastrebov, is that 'the prosecutor's office is the only public body for which the supervision over compliance with the law is the meaning, the essence and foundation of activities.'³⁷⁹

On the basis of the prosecutor's office position in the system of public authorities, the proposal of Y.K. Yakimovich that 'the Attorney General should be appointed by the Parliament on the proposal of the President agreed with the Russian highest judicial bodies. Such must be the order of the displacement of the Prosecutor General from his post as well.' sounds of relevance here³⁸⁰.

Having said that, we can not agree with the position of .K. Yakimovich on the possibility of functioning in a federal state of two prosecutors systems – of federal and federated entities; 'Federal prosecutors should not have any relation to the supervision of compliance with the republican laws – for this the republics should form their own, not reporting to federal prosecutors, the prosecutor's offices'³⁸¹. These proposals undermine the justified principle of unity and centralization of the organization and activities of the Prosecutor's Office (Art. 4 of the RF Law 'On the Prosecutor's Office of the Russian Federation'), are contrary to the provisions of Art. 129 of the Russian Constitution.

The question of the prosecutor's office position, its organizational structure and activity is far from idle to criminal proceedings. Attempts to eliminate the prosecutor's oversight function turn it into only one of the parties (the prosecution) in criminal proceedings do not correspond to the real current needs.

The prosecutor's office in criminal proceedings can not be replaced by any state body (the introduction of judicial control institutions, institutional controls, the Parliamentary Commissioner

³⁷⁷ Azarov V.I., Terekhin A.A. Acts of prosecutor response in Russian criminal trial. M.: Jurlitinform, 2014.

³⁷⁸ Solovyev A.B., Tokareva M.E., Haliulin A.G. et al., op. cit. P. 18.

³⁷⁹ Yastrebov V.B. Supervision over non-compliance with the law as the main function of the prosecutor's office // Issues of perfection of prosecutor supervision. M., 1997. P. 15.

³⁸⁰ Yakimovich Y.K. Selected articles. Tomsk, 1997, p. 34.

³⁸¹ Ibit. P.35.

for Human Rights, etc.). It is only the prosecutor's office that can effectively and professionally ensure constant monitoring of compliance with the law at all stages of criminal proceedings, which actually makes it possible to achieve the purpose of criminal proceedings, in a timely manner to identify and quickly correct and prevent both investigative and judicial errors.

Prosecutorial supervision is considered more effective than institutional control by 72.2% of the surveyed judges (as much by prosecutors themselves); in their opinion, the prosecutor increasingly enforces the observance of the rights of citizens in criminal proceedings because it does not belong to the investigating agencies³⁸².

Institutional and comprehensive character of prosecutorial supervision

The investigator, the head of the investigating body, the inquirer, the head of the inquiry unit, the head of the body of inquiry are not departmentally subordinate to the prosecutor. The established system of criminal prosecution bodies gives the prosecutor the mission of the head of the prosecution with granting him respective supervising powers.

Currently the prosecutor does not fully exercise procedural leadership over investigators: the prosecutor's office now does not have its own investigative unit; prosecutors do not investigate criminal cases; the procedural superior of the investigator is the head of the investigative agency.

Yet in the modern model of prosecutorial supervision, the prosecutor exercises procedural guidance with respect to the inquirer, the head of the inquiry unit and the head of a body of inquiry. This, to some extent, is a paradox that in cases of grave and especially grave crimes under investigation of the investigator, prosecutor has been limited in supervisory functions, and in insignificant cases under the inquiry, he has full authority over the procedure. This is a strange compromise and a 'sop' to the prosecutor. But in the context of the detection, prevention and correction of errors of the inquirer (in fact – investigative errors) the procedural supervision of the prosecutor is only advantageous.

The written instructions of the prosecutor on the direction of the investigation, procedural actions and his other powers are one of the most effective ways the prosecutor can influence inquirers' activities in the investigation of criminal cases.

Being an experienced lawyer, (and sometimes – and an experienced investigator as well), the prosecutor may predict the inquirer's errors, detect them and in his instructions define the optimal program of solving and investigating the case, to focus the inquirer on prevention of these errors in the case or correction thereof.

³⁸² Appendix № 44.

To avoid investigative errors, the prosecutor as **the procedural leader of the inquiry** gives his approval to filing with the courts motions of the election, repeal or change of the preventive restrictive measure or another procedural action that is allowed on the basis of the court order; reverse illegal and groundless decisions of the inquirer; approves objections filed with the inquirer, as well as his self-rejections; removes the inquirer from further investigation if he violates the norms of the Code of Criminal Procedure of the RF; withdraws any criminal case from the body of inquiry and refers it to the investigator with a mandatory indication of the motives for such a transfer; approves the decision of the inquirer on the termination of the criminal case.

Undoubtedly, it all looks effectively in the context of detection, correction and prevention of errors during the initial inquiry. But the prosecutor should, within the powers granted to him, lead the procedural and preliminary investigation, and not inquiry.

In this regard, in our opinion, the prosecutor's supervision over the preliminary investigation, which is a complex of organizational and legal mechanism, should include the following components:

- the prosecutor implementing the powers of the head of the prosecution through the implementation of procedural management of all preliminary investigation;
- the prosecutor implementing the powers of the head of the prosecution through the implementation of supervision over the compliance with laws by all officials of the preliminary investigation and inquiry.

The permanence of prosecutorial supervision in the context of the prosecutor's powers as the head of the criminal investigation

Unlike judicial control, the prosecutor's supervision as institutional control is carried out by the prosecutor at the stage of initiating a criminal case and all stages of its preliminary investigation, i.e. permanently (continuously).

The modern public prosecutor's supervision in the detection, correction and prevention of errors in criminal proceedings takes a special position.

The recent reforms have significantly reduced the impact of public prosecutor's supervision in criminal proceedings. However, the prosecutor's power is still great. According to V.K. Gavlo and N.A. Dudko, 'the most effective form of control of the investigation is the public prosecutor's supervision: it provides more rapid identification and removal of gaps and investigative errors'³⁸³.

³⁸³ Gavlo V.K., Dudko N.A. The institute of referral of cases by the court for further investigation needs improvement // Altai State University Izvestiya. 2001. №2. p. 45–50. Cit. from: Gavlo V.K. Selected works. Barnaul, 2011. P. 489–502.

Indeed, since the beginning of the judicial reform the argument that the prosecutor supervises the courts has disappeared. Gradually, the prosecutor started to lose his important powers in the preliminary investigation of criminal cases to the court and to the departmental supervisor (the chief of investigations, today – the head of the investigative body) .

Legal scholars debate the modern procedural status of the prosecutor in criminal proceedings.

Some scientists support a full or partial return of the prosecutor's authority to oversee the preliminary investigation³⁸⁴.

Some scientists have expressed and continue to express serious concern about the collapse of authorities and powers of the prosecutor in the exercise of supervision over the preliminary investigation (with regard to the bodies of inquiry the prosecutor still keeps the old powers). According to A.B. Solovyev, 'the amendments to the Code of Criminal Procedure of the RF make the prosecutor into a decorative figure, devoid of real possibilities to oversee the compliance with the laws by investigators. A kind of procedural vacuum emerged for this supervisory function. Moreover, the decisions of the legislator practically eliminated the control function at pretrial stages of criminal proceedings '³⁸⁵.

Other scientists believe that a return to the prosecutor's inquiry 'is not possible'³⁸⁶.

In modern conditions, the prosecutor still has a fairly wide **range of powers to ensure the legality of the preliminary investigation**: he reverses illegal and groundless decisions of the investigator of initiating a criminal case or refusal to institute a criminal case, to suspend a criminal case or to terminate a criminal case; returns for further investigation a criminal case, received by him with the indictment; participates in the examination of the investigator's petitions by the court on approval to carry out a number of investigative and legal procedural actions; provides the investigating authorities his requests to eliminate violations of the federal law; withdraws the criminal case from investigators of various departments and passes them to the investigators of the Investigative Committee of Russia; receives notices from the investigator of (because of the urgency thereof and without the court's permission) search, seizure in housing and other activities that require a general rule, a court approval, as well as copies of the decisions to initiate criminal

³⁸⁴ Bulanova N. Legal regulation of procuratorial oversight of procedural activities of bodies of preliminary investigation // Criminal Law. 2009. №3. P.73–76; Nikitin E.L. The conceptual approach to the definition of the functions and powers of the prosecutor's office system in Russia // Bulletin of the Academy of General Prosecutor's Office. 2008. №6. p.60; Haliulin A.G. Powers of Attorney to oversee the procedural activities of the preliminary investigation // law. 2007. №9. p.15–20; Osyuk T. The prosecutor's discretion in criminal proceedings // Legality. 2010. №3. p.3–9 et al.

³⁸⁵ Solovyev A.B. The problem of the legality of the preliminary investigation is due to changes in the procedural status of the Attorney // Criminal proceedings. 2007. №3. p.14.

³⁸⁶ Shaifer S.A. Reform of preliminary investigation: the legal status and the relationship of the prosecutor and the head of the investigative body // State and right. 2009. №4. P.55.

cases, to bring charges, etc.; signs statistical cards on the detection of the crime (in practice this means that without the consent of the prosecutor no criminal case can be initiated), on the results of the investigation (they contain all the information about the preliminary investigation), etc.

These powers in different ways evidence functional orientation of the activities of the prosecutor in criminal proceedings.

The question of the prosecutor's functions have always been of interest to interest legal scholars³⁸⁷.

In the opinion of L.M. Volodina³⁸⁸, the prosecutor in the criminal trial performs his main function –the law observance supervision and at the same time carries out the function of criminal prosecution, procedural supervision over criminal investigations and public prosecution in court.

N.P. Kirillova largely defines the prosecutor as the public procurator, but she notes that ‘the adversarial principle does not imply retaining the public prosecution at all costs and by any means, and the realization of the human rights prosecutor's function provides for the obligation of the public procurator to drop the charges if they were not confirmed in the court’³⁸⁹.

V.S. Shadrin was in favor of a strong prosecutorial authority, especially in the face of the prosecutor for the effective prosecution of perpetrators³⁹⁰.

A.S. Barabash says that the prosecutor comes to proceedings not as a procurator but as a representative of the supervisory authority because the prosecutor did not participate in the study of evidence by the procedural supervision of the investigation or within the approval of the indictment in the case³⁹¹.

A.D Boykov believed that the prosecutor in criminal proceedings governing ‘the most acute social relations that determine the individual and the state relations in the repressive sphere’³⁹² must have special powers in the implementation of proper supervision of the preliminary investigation and inquiry.

It should be noted that no matter how we describe the functions of the prosecutor, the powers that he currently has let him to a certain extent affect the process of identifying, correcting and preventing errors in the criminal procedural activity of investigators and inquirers.

³⁸⁷Ryabinin T.K. On the relation between the functions of the prosecutor in the criminal trial // justice issues in criminal cases in modern Russia: Theory and Practice: Proc. scientific. articles. Part 1. Kursk, 2007. p.109–117; Bushkovskaya E.N. Attorney Supervision of procedural activities of the investigator and the investigator in the pre–trial proceedings. Dis for Cand. Jurid. Sciences. Mosk. Univ Interior Ministry. M., 2011.; Buglaeva E.A., Vinnitsa L.V. Participation of the prosecutor during the preliminary investigation. M.: Jurlitinform 2013.

³⁸⁸ Volodina L.M. Problems of the criminal process: law, theory, practice. M., 2006, pp. 308–313.

³⁸⁹ Kirillov N.P. Procedural features of professional participants of the controversial trial of criminal cases. St.Pb., 2007. 408 p. 96.

³⁹⁰ Shadrin V.S. Criminal procedure activity of the prosecutor and the bodies of the preliminary investigation. St.Pb., 2005. p.12.

³⁹¹ Barabash A.S. The nature of the Russian criminal process, the goal of criminal – procedural activity and establishment. St.Pb., 2005. p.40–45.

³⁹² Boykov A.D. The third power in Russia. M., 1997, pp. 62–63.

Practitioners responding to the question: ‘In what forms of control (control subjects): self-scrutiny of the investigator, the departmental control of the head of the investigative body, the prosecutor's supervision on the part of the supervising prosecutor, the judicial control of the court at pre-trial stages, the activities of the court during the trial stage, the defense lawyer activity are the errors of the investigator and inquirer most effectively identified?’, rated the supervising prosecutor in the ranking order as follows:

- judges put the prosecutor in the 1st place (most often);
- prosecutors also gave the supervising prosecutor the 1st place (most often);
- investigators, the investigative body leaders attributed the prosecutor the 3 place out of 6 subjects of control;
- defense lawyers gave the supervising prosecutor the 4th place in the ranking of the effectiveness of the number six controllers.

Consequently, there is every reason to say that the public prosecutor's supervision over the two ‘special status’ subjects of criminal procedure is recognized as the most effective tool in the detection, correction and prevention of errors, and the position of other subjects of criminal procedure – investigators, heads of the investigative body, defense lawyers not ‘giving the prosecutor the first place’ shows the need to improve the public prosecutor's supervision technologies. Especially because there are serious reasons reducing its efficiency: 61.1% of prosecutors and 33.3% of judges believe that the prosecutor has insufficient procedural powers in the implementation of prosecutorial supervision over the preliminary investigation of criminal cases; 56.4% of investigators and investigation leaders, 44.4% of judges, 27.8% of defense lawyers explain the low efficiency of prosecutor's supervision by the fact that a significant number of prosecutors currently has no experience in investigative work; 40.7% of lawyers, 33.3% of investigators associated the decrease in the effectiveness of prosecutorial supervision with the implementation of it in terms of conflict interaction of investigation and prosecution; 90.2% of lawyers, 59.0% of investigators and investigation leaders, 38.9% of the judges shortages in the public prosecutor's supervision explain through the lack of proper management (‘work on indicators’, ‘lack of constant interaction with the investigators and inquirers’, etc.). Corruption component in the work of prosecutors hindering the effectiveness of prosecutorial supervision was mentioned by only 5.1% of respondents-investigators³⁹³.

The powers of the prosecutor are stated in Articles 29 – 31 of the RF Law ‘On Prosecutor's Office of the Russian Federation’, as well as in article 37 of the Criminal Procedure Code of the RF.

³⁹³ Appendix №44.

It seems relevant to pay attention to them, especially in terms of their use to eliminate errors.

In Russia in 2011 – 2015, prosecutors revealed from 4 to 6 million violations of the law annually on pretrial stages of criminal proceedings. Of these, more than half are violations when receiving, recording and reviewing reports of crimes³⁹⁴. Therefore, it is the prosecutor's activity that did not allow officials of the criminal justice agencies hide crimes from accounting.

In accordance with part 4 of article 146 of the RF Criminal Procedure Code, a copy of the decision to institute criminal proceedings, on the refusal to institute criminal proceedings shall be immediately sent to the prosecutor by the head of the investigating body, the investigator, the inquirer. And if the prosecutor finds the decision to institute criminal proceedings, the refusal to initiate criminal proceedings unlawful and unreasonable, he is entitled to no later than 24 hours from the receipt of the materials that served as the basis for a criminal case or refusal to institute criminal proceedings, reverse them with a reasoned decision ruling to initiate criminal proceedings or the refusal to initiate criminal proceedings.

In 2011 – 2015, prosecutors personally and on their initiative reversed from 2.3 to 2.6 million decisions of investigators and inquirers not to institute criminal proceedings³⁹⁵. These figures testify to the offensive activity of the prosecution to identify, correct and prevent errors on the investigative stage of initiating a criminal case. But, at the same time, the analysis of this situation gives reason to believe that, in practice, the specific ‘conveyor technology’ works that allows investigators and inquirers to use this prosecutorial discretion to prolong for various reasons the stage of initiating the criminal case.

It is interesting to note that the statistics of prosecutors’ reversals of decisions to institute criminal proceedings is significantly less than the above: in 2011 – 2015 in Russia, prosecutors reversed between 19 and 35 500 decisions of investigators and inquirers to initiate the criminal case³⁹⁶. This clearly shows that prosecutors reduce the probability of errors in during the investigation, rather than pre-investigation inspection.

With such powers at the start of a criminal investigation, the prosecutor has the ability to discern, for example, in the materials submitted to the investigator, inquirer by operational-investigative units for the division on initiating a criminal case, the provocation. And, for example, for materials related to the statements of persons about the use of illegal methods (first of all – physical violence) on the part of law enforcement officials, the prosecutor has the ability in his

³⁹⁴ Appendix №41.

³⁹⁵ Appendix №41.

³⁹⁶ Appendix №41.

decision to promptly raise the question whether to institute criminal proceedings on the grounds of the offense, under Article 286 of the Criminal Procedure Code of the RF.

It is worth being noted that at present a topical issue of the return of powers to the prosecutor by his own decree to initiate criminal proceedings and to transfer them to the investigator to conduct investigation is still open.

44.4% of prosecutors, 27.8% of judges, 20.3% of defense lawyers, 17.9% of investigators and investigation leaders interviewed positively supported the powers of the prosecutor to initiate criminal proceedings (prosecution)³⁹⁷.

In our view, this power should be returned to the prosecutor, as the procedure of preliminary investigation of the report of a crime is always more effective than pre-investigation checks. The tendency to expand the list of investigative actions that it is now possible to carry out prior to the initiation of the criminal case, the debate on the abolition of all stages of a criminal case and conducting a full investigation into all allegations of criminal events, as is the case in Germany and other countries, a return to the prosecutor the authority to initiate a criminal case (criminal prosecution) by his decision are to be consistent in the context of the gradual return of the prosecutor's powers, lost since 2007, which will have a positive impact on the efficiency and quality of timely initiated criminal investigations, and, ultimately, will help to minimize errors in criminal cases.

Now while the prosecutor has the power to make a reasoned decision about sending the relevant materials to the investigative body or the body of inquiry to address the issue of criminal prosecution of the facts of the violation of the criminal law (it should be noted that it is the prosecutor that gets a significant amount of information on the use by law enforcement of illegal methods; violations of the legitimacy in the sphere of observance of the rights and freedoms of man and citizen, occupational safety and health, the economy, housing, federal security, interethnic relations and extremism, corruption, etc.)³⁹⁸.

For example, in 2011 – 2015, under sec. 2 Part 2 of Article 37 of the Code of Criminal Procedure of the RF, the prosecutor directed from 28.7 to 34.2 thousand materials to the preliminary investigation bodies. Investigators initiated from 24.5 to 26.1 thousand criminal cases. This is another argument in favor of the return of the powers of the prosecutor to initiate criminal cases³⁹⁹.

The prosecutor has the right to **request** the bodies of inquiry and investigative bodies to eliminate violations of the federal law committed in the course of the inquiry or preliminary

³⁹⁷ Appendix №44.

³⁹⁸ Appendix №40.

³⁹⁹ Appendix №40.

investigation, and accordingly, consider the information of the investigator submitted by the head of the investigative body on the disagreement with the requirements of the prosecutor, to take decision thereon.

In 2011 – 2015 in Russia, prosecutors presented the preliminary investigation bodies a large number of requests to eliminate violations of the law in accordance with sec. 3 part 2 article 37 of the Criminal procedure Code of the Russian Federation: in 2011 – 83,223 requests, in 2012 – 115,594 requests, in 2013 – 147,337 requests, in 2014 – 184,300 requests, in 2015 – 215,246 requests⁴⁰⁰.

In accordance with the requirements of ch.2–1 article 37 of the Code of Criminal Procedure, the prosecutor on reasoned written request shall be entitled to **study the materials of the criminal case under investigation**.

50,6% prosecutors, 50.6% defense lawyers, 50.0% judges consider it important that the supervising prosecutor has the right at any time to request the materials of the criminal case for studying and issuing demands to eliminate violations of the law and to provide written instructions in a criminal case⁴⁰¹: existing in the current legislation powers of the prosecutor on the request from the investigator through a reasoned decision of criminal cases materials are available, but in the framework of further action of the prosecutor after studying the criminal case the law sets forth the request of the prosecutor to eliminate violations of the law, but does not refer to the written instructions of the prosecutor in a criminal case, which is extremely important in the context of detection, correction and prevention of investigative errors.

It is the prosecutor that approves the conclusion to indict, the indictment, the indictment decision in the criminal case.

On the receipt of a criminal case from the investigator, the inquiry officer, the prosecutor's supervising activities of inspecting thereof to identify errors are of particular importance. After approving the conclusion to indict, the indictment, the indictment decision, the prosecutor almost takes on the responsibility for the fact that the case does not contain investigative errors and can be considered by the court.

It seems important that the prosecutor examining the case and the indictment (the indictment decision) received a positive answer to the question: 'Does the case have sufficient aggregate of attributable, admissible, credible evidence to prove the guilt of the accused in the court – both not admitting his guilt, and admitting it, if in court he will change his testimony or rejects it?'

⁴⁰⁰ Appendix №41.

⁴⁰¹ Appendix №44.

In this regard, it is quite justified to legislatively or departmentally minimize errors, especially fundamental, to oblige prosecutors at the final stage of the investigation on certain categories of cases (particularly serious and serious crimes; in the case of non-recognition of guilt by the accused, in cases where the accused is detained) to conduct personal or in the presence of the legal counsel conversation with the accused on the results of the investigation, whose main purpose would be to clarify the question: whether the accused admits guilt, considers his guilt proved, why he does not recognize or accept partially guilty, whether there have not been applied to a him by the investigator, police illegal methods of investigation, whether the defendant had psychological contact with the investigator, the inquirer, whether the accused was informed of his rights guaranteed, if his right for protection was observed, whether he has any requests, petitions, etc.?

If we talk about the efficacy of the prosecutor's supervision for the investigation of criminal cases, providing detection, correction and prevention of investigative errors, such supervision can not be based only on documents and reports provided by the investigator or inquirer.

Personal communication with the central figure of the criminal process – the accused, at times, may be the most effective in achieving the purpose of criminal proceedings.

In addition, there are no organizational obstacles for this: under the Code of Criminal Procedure of the RF incriminating documents are presented to the accused not by the court but the prosecutor (Art. 222, 226 of the Code of Criminal Procedure of the RF): serving the accused with the final legal documents on behalf of the (often – oral) prosecutor by the investigator and not by the prosecutor is illegal and malpractice. The same ma practice is serving the accused with documents (opinions, act, decision) by secretaries of the prosecutor's office. And even more unacceptable practice if where a criminal case from the inspector, without going through the prosecutor's office, is transferred to the court, and the prosecutor only approves indictments documents without studying the case.

In cases prescribed by the law the prosecutor returns a criminal case to an investigator, inquirer with his written instructions to conduct further investigation, to amend the scope of charges or the qualification of actions of the accused or to redraft the indictment conclusion, the indictment, indictment decisions and to eliminate the identified shortcomings.

The prosecutor studying the criminal case received by him with the final decision of the investigator, the inquirer (with the indictment conclusion, the indictment, the indictment resolution, the resolution on the termination of a criminal case or criminal prosecution for various reasons, the decision to suspend the preliminary investigation) and on identifying the investigative errors has the ability to return a criminal case for additional investigation with his instructions regarding such investigation.

No doubt that the return of the criminal case by the prosecutor for further investigation is a powerful 'filter' to eliminate errors in the investigative stage of preliminary investigation, the guarantee of the following transfer (after further investigation) to the court of a criminal case not containing investigative errors.

The relevance of the return for further investigation of the criminal case by the prosecutor and exactly at the stage of preliminary investigation in current caused by the fact that the scope of the trial court legally lost the institute of the court (the judge) returning the criminal case for further investigation, although the return of a criminal case by the court to the prosecutor under Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to eliminate the obstacles of the consideration thereof by the court is nothing but 'a disguised form of the return of the criminal case for further investigation', particularly in the context of the well-known decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 07.02.2013.

The operational supervision over the investigation of criminal cases is conducted by the prosecutor on the basis of received from the investigator **copies** of the main procedural documents gathered in the **supervisory proceedings** of the prosecutor (copies of the decisions to initiate criminal proceedings, to start the proceedings, unite or separate criminal cases, to initiate motions for extension of detention, on indictment, to suspend, terminate criminal proceedings, reports about the arrest on suspicion of committing a crime, a copy of indictments, acts, regulations, etc.).

Supervising the investigation through the incoming copies of the main procedural documents, the prosecutor has the opportunity in the first place to respond to the investigator's violation of constitutional rights and freedoms, substantial violations of the criminal procedural law.

The necessary information from these documents, as a rule, is entered into the computer, and the prosecutor can organize effective control over the timing of the investigation, detention, indictment, etc.

Materials of supervisory proceedings provide specific information about the progress and results of an investigation necessary, first of all, for the prosecutor to respond to requests, complaints, for the public prosecution in court, making representations to the court, and so forth.

In exceptional cases, when the home inspection, search and seizure in the home, and personal search is urgent, these investigations actions can be made on the basis of decision of the investigator, the inquirer without obtaining a court order. In this case, the investigator, the inquirer within 24 hours from the start of an investigative action shall **notify the judge and the prosecutor about the performance of the investigative action**, submitting them with the necessary procedural documents (copy of the decision, protocol). Having the notification of the investigator and attached copies of the procedural documents, the prosecutor is able to carefully prepare for the

court hearing with legally competent and balanced support of his position and opinion. After receiving the notice and documents from the inquiry officer, investigator, the judge within the statutory period verifies the legality of the investigative actions and produces, taking into account the views of the prosecutor and other participants, the decision on its legality or illegality. The latter decision entails the recognition of obtained in the course of the investigative action evidence inadmissible (Part 5 of Article 165 of the Code of Criminal Procedure of the RF).

The resolution of complaints and motions from the parties to proceedings by the prosecutor (Article 124 of the Criminal Procedure Code of the RF) is one of the most effective ways to detect violations of the law in criminal cases. The investigation of the criminal case, particularly if it does not identify a person subject to prosecution, if the crime has acquired a special public interest, if the investigators, inquirers commit red tape, rudeness, bureaucracy, personal interest, incompetence, often lead to a large number of complaints and petitions from the suspect, the victim and their family members, defense lawyers and representatives from other participants of the trial.

In 2011 – 2015 the prosecutors annually under Article 124 of Criminal Procedure Code of the Russian Federation considered from 326 to 400 thousand complaints from citizens with regard to the action (inaction) and decisions of the inquirer, the inquiry body, the investigator about the acceptance, registration and consideration of reports of crime; from 245 to 266 thousand complaints with regard to the investigation and inquiry⁴⁰².

On consideration of complaints, the prosecutor makes a decision on full or partial satisfaction of the complaint, or to reject it. But in any case, the applicant has the right to appeal against this decision of the prosecutor to a higher prosecutor and (or) the court.

Attentive, lawful and fair resolution by the prosecutor of such complaints and applications by checking ‘abandoned materials’ and materials of criminal cases, personal meetings with the persons who submitted the complaints, other methods of supervision activities ultimately allows criminal investigation in strict accordance with the requirements of the law.

The prosecutor has the authority to cancel an unlawful and unjustified decision of the subordinate prosecutor; to transfer a criminal case from one body of preliminary investigation to another (except for the transfer of the criminal case in the system of pre-trial investigation authority) in accordance with the jurisdiction rules laid down in Article 151 of Code of Criminal Procedure; withdraw any criminal case from the preliminary investigation body of the federal executive body (at the federal executive body) and transfer it to the investigator in investigation

⁴⁰² Appendix №42.

units of the Investigative Committee of the Russian Federation with the obligatory indication of the grounds for such transfer.

The above powers of the prosecutor provide the most complete and objective investigation and seizure of criminal cases and their transfer should be made in order to eliminate and prevent violations of the law, to ensure comprehensiveness, completeness, objectivity of investigation.

These powers, if they are implemented through a reasoned decision of the prosecutor, do not impinge on the procedural independence of the investigator, the prosecutor is not invading the prerogative of institutional control, should not lead to bias, the prosecutor's interest in the investigation, as the prosecutor's transfer of cases must be carried out without a specific definition of the investigator, who is entrusted with the investigation of the case, as it is the prerogative of the head of the investigative agency.

The most common way or procedural response of the prosecutor to serious shortcomings in the head of the investigative body activities, as the results of our study show, is **submission** with the head of the superior investigative body.

Submission with the leadership of the investigative units and bodies of inquiry with regard to elimination of violations, the causes and conditions that contributed to them, the prosecutor may raise the question of the specific disciplinary actions towards investigators, inquirers who have violated the law during the investigation of criminal cases.

In 2011 – 2015 prosecutors annually submitted from 86.6 to 102.3 thousand requests and notifications with the heads of the agencies of inquiry and preliminary investigation on elimination of violations of the law at pretrial stages of criminal proceedings. During this period, every year from 93.5 thousand to 145,300 officials of the bodies of inquiry and preliminary investigation on the initiative of the prosecutor were brought to disciplinary responsibility⁴⁰³.

The prosecutor exercising where necessary the power, adverse consequences for investigators, inquirers (in terms of career, pay, psychology) of the imposition of disciplinary sanctions force them to carry out the investigation of criminal cases in accordance with the law, avoiding investigative errors.

When checking for legitimate reasons to the **termination of the criminal case**, the prosecutor must verify the presence in the materials in the case of written consent of the accused and the presence of other conditions necessary to such termination. It would be useful at the departmental level to draw the attention of the prosecutor to the opportunity during the termination of the case to hold a personal conversation with the accused (a person who committed a socially dangerous act) to ensure his consent to the termination of the case, his knowledge of their

⁴⁰³ Appendix №41.

consequences of such termination in the first place, the possibility of bringing the action by the persons interested in civil court.

Such meeting, in the end, would have a preventive value for the accused and for the prosecutor it would serve as a guarantee that any investigative errors in the case are excluded.

In 2011 – 2015 prosecutors on their initiative canceled from 24.7 to 31.7 thousand decisions on the termination of criminal proceedings⁴⁰⁴.

The long term practice of studying by the prosecutor of **suspended** criminal cases has also shown to be effective, especially for unsolved (‘dark’, non-obvious) crimes. The prosecutor has the authority to cancel unlawful and unjustified decision of the investigator on the suspension of criminal cases.

In 2011 – 2015 prosecutors on their initiative canceled from 405.6 to 443.7 thousand decisions to suspend the preliminary investigation⁴⁰⁵.

Institutional control by the head of the inquiry body, the head of the inquiry division, the head of the investigative body is supervised by the prosecutor.

Firstly, the prosecutor supervises the activities of the chief of the inquiry unit, the head of the investigative body, respectively, as an investigator in the investigation of specific criminal cases.

Secondly, the prosecutor carries out supervision over the execution by the head of the investigative body of the powers granted to him under Article 39 of the Code of Criminal Procedure of the RF and the performance by the head of the inquiry body, the head of the inquiry unit of powers granted to them under articles 40.1, 41 of the Code of Criminal Procedure of the RF.

Efficient resolution and subsequent investigation of the crime contributes to the rapid and effective achievement of the purpose of criminal proceedings, helps avoid a significant amount of investigative errors.

The powers of the prosecutor in the exercise of prosecutorial supervision in various stages of pre-trial proceedings in a criminal case are substantial.

The prosecutor should pay special attention, in implementing prosecutorial supervision, to ensuring the rights of child victims and witnesses regulated by Article 191 of the RF Criminal Procedure Code (participation of a teacher, a psychologist at the conduct of investigative or other procedural actions involving minor victims, witnesses, video and filming interviews and other investigative actions involving minor victims, witnesses and etc.); Article 45 of the Code of

⁴⁰⁴ Appendix №41.

⁴⁰⁵ Appendix №41.

Criminal Procedure of the RF (participation at the expense of the state of a lawyer as a representative of the minor victim in the crimes against sexual inviolability of minors).

The above statistics show that the activity of prosecutors in the implementation of prosecutorial supervision over the inquiry and preliminary investigation within his authority is evident, but the indicators or errors committed by interrogators and investigators in criminal cases indicate the need to improve the organizational and procedural mechanism of prosecutorial supervision.

In the surveys of practitioners we were interested in the issues related to the return to the prosecutor of their lost procedural powers and granting them new powers.

222 % of judges and prosecutors, 20.5% of investigators and investigation managers believe that the prosecutor should have the right to carry out individual investigations and the investigation of criminal cases in full. Defense lawyers, on the other hand, do not consider this power of the prosecutor necessary⁴⁰⁶. It is possible that the quality of the prosecutor's inquiry and investigation, given the high status of the prosecutors and the high professional level of prosecutors, could be generally above the existing inquiry and preliminary investigation level. But granting the prosecutor such powers clearly contradicts the general direction of the legal reforms carried out in Russia. So, apparently, the preliminary investigation and the public prosecutor's supervision should be developed as independent kinds of criminal procedure activity.

It should be noted that interviewed practitioners for the most part do not consider the prosecutor's participation appropriate in any investigation or other legal proceedings conducted by the inquiry officer and the investigator: such participation was supported by only 11.1% of judges and prosecutors, 10.4% of defense lawyers, investigators – 2.6%⁴⁰⁷. Thus, the promotion of the idea of endowing the prosecutor with the authority to participate in investigative or other proceedings, despite its attractiveness in the context of timely and professional identification, removal and prevention of investigative errors, in modern conditions, seems irrelevant.

The current legislation stipulates the power of the prosecutor to request criminal cases materials from the investigator through a reasoned decision, but in the framework of further action of the prosecutor after studying the criminal case the law refers only to the requirements of the prosecutor to eliminate violations of the law, but does not refer to the written instructions of the prosecutor in a criminal case, which is extremely important in the context of identifying, correcting and preventing investigative errors.

Effective 'prosecutor's involvement' in the context of detection, correction and prevention of investigative errors would be significant if the prosecutor was returned their lost authority to

⁴⁰⁶ Appendix №44.

⁴⁰⁷ Appendix №44.

extend the terms of the preliminary investigation of the criminal case with the study of all case materials: for the return of powers - 44.4% of judges, prosecutors - 38.9%, 28.2% investigators and investigation managers, 10.7% defense lawyers⁴⁰⁸.

According to the results of the survey of practitioners, the question of the return of the powers of the prosecutor, as the right to terminate a criminal case (criminal persecution) by his decision looks very relevant: for the restoration of the lost powers - 70.2% defense lawyers, 28.2% investigators and investigation managers, 27.8% prosecutors, 22.2% judges⁴⁰⁹.

Scholars and practitioners are critical about assigning the supervising prosecutor, who will prosecute the criminal case, for the investigation of the criminal case from the moment of initiation thereof: 55.6% prosecutors, 51.3% investigators and investigation managers, 33.3% judges are in favor of the fact that it is justified, but only for certain categories of cases ('complex', 'high profile', 'resonance', in cases where the accused is detained, etc.). 70.8% defense lawyers, 23.1% investigators and investigation managers believe that such a scheme of prosecutorial supervision is required for all criminal cases⁴¹⁰.

Thus, it would be fully justified that the order of the Russian Federation Prosecutor General consolidate the provision that since the initiation of criminal proceedings belonging to a category designated above, it is possible to determine by the order of the respective prosecutor the prosecutor supervising the investigation of this case, who subsequently will support the criminal case prosecution in the court.

Some theorists and practitioners have voiced an initiative to consolidate at the legislative level the right of the prosecutor to participate in the serving the person with the indictment.

The right of the prosecutor to participate in the serving the person with the indictment in all criminal cases was supported by only 10.4% of defense lawyers and 5.1% of investigators. The same right of the prosecutor, but for certain categories of criminal cases ('complex', 'loud', 'resonance', in cases where the accused is in custody, etc.), was supported by 25.6% investigators and investigation managers, 16.7% prosecutors, 11.1% judges⁴¹¹.

In our opinion, it would be justified and at the legislative level, and by the order of the Prosecutor General of the Russian Federation to set forth that for certain categories of criminal cases identified above the supervising prosecutor has the discretion to take part in the presentation of the indictment to the person in order to minimize errors in the criminal case both in the 'question of fact' (the charges), and 'the question of the law' (qualification of the act).

⁴⁰⁸ Appendix №44.

⁴⁰⁹ Appendix №44.

⁴¹⁰ Appendix №44.

⁴¹¹ Appendix №44.

The idea of assigning duties on drawing up the indictment on the criminal case to the prosecutor is also under debate.

This novelty is supported by 20.7% of lawyers, 20.5% of investigators and investigation managers; 5.6% of prosecutors and 5.1% investigators say that an indictment should be drafted by the prosecutor with the participation of the investigator; 7.7% of investigators and investigation managers, 5.6% of judges believe that the prosecutor, with the participation of the investigator, should draft the indictment of a certain category of criminal cases ('complex', 'loud', 'resonance', in cases where the accused is detained, etc.)⁴¹².

Despite the results of the above survey of practitioners, we believe that it would be useful both at the legislative level, and by the order of the Prosecutor General of the Russian Federation to set forth that for certain categories of complex criminal cases, identified above, the supervising prosecutor in cooperation with the investigator may draft an indictment: this will minimize errors in criminal cases.

It should be noted that in the vast majority of survey respondents to treated the above innovations with caution, preferring to leave the prosecutor's powers without any changes. It is easy to understand (trying to see rational elements in the direction of all the responses) so that in view of this attitude to make evidence-based proposals to legislators and enforcers to change the situation in the elimination of errors for the better.

'Pretrial' nature of prosecutorial supervision and restrictions for the prosecutor in making a certain range of decisions.

The legislator refers final decisions on matters related to the intervention of the subjects conducting the criminal process into the protected by the Constitution of the Russian Federation human rights and freedoms and civil rights to the prerogative of the court. But the prosecutor's supervision has and must have 'pre-trial' character.

The legislator assigns the prosecutor an important mission in deciding on **detention of the suspect, the accused, on the extension of detention of the accused.**

According to Part 3 Art.108, Part 2 art.109 of the Code of Criminal Procedure of the RF, the investigator only with the consent of the prosecutor may file with the court a motion for the relevant decision.

In accordance with part 4 of Art. 108 of the Code of Criminal Procedure of the RF, the participation of the prosecutor in a court session in the resolution of the issues on the detention of a person in custody, on the extension of a person's detention is mandatory. The position of the

⁴¹² Appendix №44.

prosecutor time identifying a fundamental error in making decisions on the detention of a person in custody or extension of his detention could be decisive for the court.

However, it is important to strengthen the procedural powers of the prosecutor in deciding on the detention of a person in custody and extension of his detention. This refers to the power of prosecutors to approve the investigator's petition for detaining a person or extension of detention (i.e., in the absence of the visas prosecutor 'affirm' or 'agree' the investigator's decision materials can not be sent to the court). The above mentioned powers of the prosecutor were supported in the survey by 44.4% of prosecutors, 28.2% of investigators and investigation managers, 11.1% of judges, 10.8% of defense lawyers⁴¹³.

With the advent in the criminal proceedings of the institute of pre-trial agreement on cooperation between the prosecutor and the accused, the question of the preventive measure (not detention, but other, more lenient measure) may be the subject of an agreement, as a result of that the prosecutor's position in the court with regard to the detention and extension of detention can be loyal to the person who is on cooperation with the prosecutor.

Apart from consideration of issues related to the measure of restraint, the prosecutor may **participate in court sessions when considering applications for other procedural actions that are allowed on the basis of a court decision, and when dealing with complaints in the manner prescribed by Article 125 of the Criminal Procedure Code of the RF.**

Prosecutorial and investigative errors are dangerous because they can give rise to judicial errors.

The above conceptually and normatively justify **the model of the permanent prosecutor's supervision** as the main control and supervisory activity during pre-trial proceedings in a criminal case which effectively allows for the strategy of the prosecution and the protection of human rights. This model of the prosecutor's supervision solidifies significant supervisory powers of the prosecutor to supervise procedural aspects of criminal prosecution in criminal proceedings. As the leader of the prosecution, the prosecutor should have the power to institute such proceedings (the power to initiate criminal cases), to adjust the preliminary investigation (the reversal of unlawful decisions of the investigator and the inquirer; the extension of the preliminary investigation), to resolve complaints of participants in criminal proceedings and the parties interested, the formal requirements to eliminate violations of the law, to give opinions on the exercise of the court of judicial review at the pre-trial stage, to give the consent (as the legal guarantees) for the implementation of procedural actions that infringe on the constitutional rights and freedoms of man and citizen, to define, where necessary, the specific body to produce a complete, all-round

⁴¹³ Appendix №44.

and objective investigation of the criminal case in accordance with the requirements of the law and the rules of jurisdiction, to return the criminal case to the investigator and the inquirer for further investigation, etc.); authority on the final criminalization of criminal charges of a person, as well as the conclusion with him pre-trial cooperation agreement and to terminate the criminal prosecution.

In this model of the prosecutor's supervision it is possible by law to partly transfer the powers of the court at the pretrial stages of criminal proceedings to the prosecutor.

This is the model of prosecutorial supervision that allows to timely and effectively detect, correct and prevent errors in the pre-trial investigation stage of criminal proceedings.

§3. Institutional control in the mechanism of elimination of errors

Speaking of the **'institutional control'**, we must bear in mind its two important components: **procedural control**, regulated by the provisions of the Code of Criminal Procedure of the RF, and **other institutional control**, regulated by departmental directives and including the organizational and administrative management of the activities of the investigator⁴¹⁴. This other (organizational and administrative) institutional control largely defines the direction in criminal procedure that law enforcers should take. By its power it is superior to the procedural control (procedural administration) and even 'prevails' over it.

Such institutionality can be criticized, especially when it is expressed in the so called 'manual control'. But this is a reality with which is to (and should) be considered, since it is often enough the institutional control that allows timely and qualitatively achieving the purpose of criminal proceedings.

The modern institutional control, in fact, is the total control of the investigating authorities' leaders, especially at the level of the federation, over investigators of lower level (cities, districts and equivalent levels) and the heads of the investigating authorities of low level. There are schemes of 'zonal', 'subject', 'random', etc. institutional control in addition to the procedural supervision. Investigators from cities and region areas through special closed channels of the Internet connection 'send' to the computer desktop of the heads of investigative bodies of the Federation entity draft resolutions on refusal to initiate a criminal case, initiation of a criminal case, election of 'strict' measures of restraint to the suspect, the accused (detention, house arrest, bail), on indictment, extension of the preliminary investigation, the extension of the accused's detention and

⁴¹⁴ The academia also use the established term 'institutional procedural control' including all aspects of the work of the investigative agency head, the investigation unit chief. See: Criminal Procedural Law (criminal proceedings): textbook / ed. prof. E.K. Kutuyev. St.Pb: Publishing house of St.Pb. Univ. of the MIA of Russia, OOO 'R-COPY', 2016. p.236–240.

house arrest, dismissal of the criminal case (criminal prosecution), suspension of criminal proceedings, etc.; draft indictments. The heads of the investigating authorities at the regional level regularly conduct video meetings via closed internet links with the investigators of the territories, invite them to the regional center for hearings, reports, meetings, seminars, etc.; send to local units various management and guidance circulars (for example, to oblige the investigators in cases of fatal accidents to file motions with the court on the detention of suspects, the accused, etc.). The question of the procedural independence of the investigator in the operations of the present time institutional control mechanism looks sometimes illusory.

In the opinion of leaders of investigative bodies at the regional level, it is clear that only such organizational and legal mechanism that operates in a mode of total institutional control is presently able to avoid the 'tyranny and chaos' in the investigative work, effectively predict, detect, correct and prevent investigating errors.

In the course of research, we have come to the conclusion about the need to find a reasonable compromise between the procedural independence of the investigator and the institutional control.

In the system mechanism of control and supervision activities to detect, correct and prevent errors at investigation pre-trial stages of criminal proceedings **the model of institutional control**, in our view, includes a number of features: *an objective necessity and historical conditioning of institutional control; heteropolar nature of institutional control and the inclusion of elements of mentoring and training; 'pretrial' nature of institutional control and the prosecutorial supervision over institutional control; procedural and administrative components of institutional control.*

It is with consideration of the above features that the model of institutional control, conceptually designed and presented herein, should work effectively to perform tasks of the identification, correction and prevention of investigative errors.

The objective necessity and historical conditionality of institutional control.

In the modern period **institutional control** gains an entirely new and highly significant character in the context of the nature of the detection, correction and prevention of errors. This has been facilitated by the reforms associated with the redistribution of the procedural powers of the prosecutor to the head of the investigative body.

Institutional control is used to refer to the activity of the head of the investigative body or the head of a higher investigative body for ensuring the most complete, comprehensive and objective preliminary investigation of criminal cases.

Institutional control is legitimately used to refer to the activities of the head of the body of inquiry, the chief of the division of inquiry of supervising subordinate interrogators in carrying out the inquiry in criminal cases.

In spite of the similarity of the prosecutor's powers in the investigation with the procedural control, we support the idea that with respect to investigators, as well as with regard to the inquirers, the public prosecutor carries out the prosecutor's supervision in the light of the procedural supervision of the inquiry.

For convenience hereinafter, referring to questions of institutional control over the investigation, we will use the term the control subject to refer to the head of an investigative body, not all officials indicated above.

The history of the institute of institutional control dates back to the early 60s, when, in accordance with Article 127–1 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR, the head of the investigation department got the responsibility for monitoring the timely actions of investigators on the solution and prevention of crimes and a number of significant procedural powers. In accordance with Art. 34 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR, the head of the investigation department was used to refer to the chief of the investigative committee, department, unit, division, a group of internal affairs agencies, the Federal Security Service agencies, the Federal Tax Police Service departments and his deputies, acting within their competence.

The appearance in the Soviet criminal trial procedural of the figure of 'the head of the investigation department' increased the importance of internal control. As noted earlier by I.F. Krylov and A.I. Bastrykin, 'with the advent of the procedural figure of the head of the investigation department the emphasis of the prosecutorial supervision shifted from measures ensuring an optimal choice of direction and course of the investigation to the measures of mostly law enforcement and right restoring nature. The extensive procedural powers of the chief of the investigation department allow him to control the activities of the investigator. In practice, the prosecutor performs his supervisory powers in relation to investigators of MIA through the head of the investigation department'⁴¹⁵.

Strengthening and development of institutional control due to the following situation which has developed in the investigative agencies of Russia:

a) problems with the quality of investigating personnel: the lack of educational and professional level, lack of the necessary experience in investigative work, life experience, etc.;

b) the complex technology of the process of investigation of criminal cases today: its volume character, special procedures in the collection and verification of evidence obtained as a

⁴¹⁵ Krylov I.F., Bastrykin A.I. The search, inquiry, investigation: study guide. L., 1984. p.197.

result of operational-search activities, complex criminal law qualification of criminalized in the light of the modern criminal policy socially dangerous acts in the sphere of high technology, business, tax system, etc.;

c) receipt of a significant number of complaints from interested parties in accordance with Article 123 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation;

g) high standard requirements of the court and the prosecutor in the exercise of judicial review and prosecutorial supervision.

Therefore, the institute of institutional control is historically preconditioned and objectively necessary today for the precise and strict implementation of the purpose of the criminal proceedings.

Heteropolar character of institutional control and the inclusion of elements of personnel mentoring and training

Speaking on the ***heteropolar nature of institutional control***, we mean the mechanism of its operation ‘at opposite poles’ – low level investigative units (city level, district and their equivalents) and regional, national level investigative units. In continuation of the above, it is worth looking at these two different ‘poles’ of institutional control.

For investigators of low level investigative units – ‘double’ institutional control: through the heads of these low level investigative units and through, sometimes, ‘total’ institutional control of the investigative body leaders (procedural control units⁴¹⁶) of the Federation level and equivalent investigative body. For these investigators, the normative theoretical construction ‘procedural independence of the investigator’ acts on the condition of the specifics of ‘total’ institutional control.

For investigators of investigative units of regional and equivalent levels, as well as the investigative units of the central office investigative agencies, ‘total’ institutional control is virtually absent: the legal regime of the procedural independence of the investigator is in action and the usual legal regime has organizational and procedural mechanisms of institutional control.

Considering involvement in institutional control of elements of personnel mentoring and training, the first component of the above ‘heteropolarity’, in fact, is a departmental practice oriented ‘school of investigation’, when after graduating from a law school a real investigator has internship in actual investigation activities, the first real investigative training under the guidance of experienced mentors. At the low level of investigative, the nomenclature of cases under investigation, taking into account the procedural rules of jurisdiction, should include (and includes) criminal cases, conventionally referred to as ‘simple’, ‘quiet’ in order to minimize the risks of

⁴¹⁶ If the structure of certified personnel of the investigative unit is analyzed, for example, at the Federation subject level, investigators comprise about 60% thereof, with ‘procedural controllers’ 40%.

investigative errors. The post titles of investigators should also correspond (and as a general rule correspond at the current moment) to the low level of the investigative unit: the junior investigator, the investigator, the senior investigator.

The second component of ‘bipolar’ institutional control is a specialized investigative apparatus of relevant investigative agencies. Investigators-professionals of these investigative units, taking into account the procedural rules of jurisdiction, should investigate (and investigate) criminal cases conditionally called ‘complex’⁴¹⁷ and ‘resonant’⁴¹⁸ as well as criminal cases withdrawn by a reasoned decision of the heads of the superior investigative bodies from the production of investigators of low level investigative structures which were too difficult for them due to the lack of professionalism and capabilities (operational, expert, technical, etc.). This approach helps to minimize the risk of investigative errors. The names of the investigators-professional positions should be (and as a general rule are at the moment) appropriate: the investigator for particularly important cases, the senior investigator for particularly important cases. It is a permissible option that these investigators are not necessarily deployed geographically in the Federation capitals, the Federal District, in the equivalents of investigative bodies and the central office of the investigative agencies: they can be deployed (including a postment) on the basis of the investigative city units, district and equivalent to them while performing the mission of the mentor investigator for investigators of low level investigative units.

V components outlined above comprising the ‘heteropolarity’ of institutional control there is a place for positive effects in the professional development of investigators: investigation career necessarily begins with low level investigative units and with professional development, though in the case of grave professional errors the career can go descending – stepdown for professional errors and disciplinary offenses; such change of professional activities (in most cases, it, nevertheless, is a question of professional and career development) allows investigators to promptly move away from such well-known in the psychology of professional activity negative phenomena as professional deformation and professional ‘burnout’, which, again, promotes minimization of investigative errors.

⁴¹⁷ ‘Complex’ criminal cases is a conditional and to some extent judgmental term: they may include criminal cases of grave and especially grave crimes, especially against the life and health of the individual, multi-element and group crimes; crimes committed in non-obvious conditions; crimes where the investigation takes a protracted nature, especially if a preventive restrictive measure of detention is selected.

⁴¹⁸ ‘High-profile’ criminal cases is also a conditional and to some extent judgmental term: they may include ‘loud’ (from the point of view of society reaction, media coverage) crimes against so-called ‘media’ persons (politicians, public figures, etc.), as well as crimes committed by these persons; crimes against children, war veterans and other persons with the so-called ‘silent interest’.

'Pretrial' nature of institutional control and prosecutorial supervision thereof.

The Code of Criminal Procedure in sec. 18 part 1. Art. 5 referring to the head of the investigative body states: "the official in charge of the relevant investigative unit, as well as his deputy."

In the detection, correction and prevention of errors in the criminal trial, institutional control has a purpose, which can be described in the following thesis: 'Properly implemented institutional control should allow to quickly solve crimes, to fully, comprehensively and objectively investigate criminal cases, to predict, detect, correct, prevent errors in the pretrial stages of the criminal proceedings'. Researchers of institutional (procedural) control basically adhere to this attitude to this type of criminal procedure activity⁴¹⁹. In this sense, institutional control has 'pretrial' character.

At the outset it must be emphasized that giving the departmental supervisor certain procedural powers, the legislator did not aspire to create an additional, along with the prosecutor, supervisory authority.

At the dawn of institutional control H.S. Tadjiev rightly believed that 'the role and goal of the chief of investigations in criminal proceedings is to properly organize the investigative work led by the division, procedurally, that is, using the provided for in the Criminal Procedure Law forms and methods to lead the investigation of criminal cases, to ensure its high quality, completeness, comprehensiveness and objectivity'⁴²⁰. In other words, institutional control is not a substitute for prosecutor supervision.

Technically the mechanism of institutional control is denoted by the powers referred to, especially, in art. 39 of the Code of Criminal Procedure of the RF. These powers correspond to the powers of the prosecutor supervising the legality of the activities of 'departmental supervisors' (art. 37 of the Code of Criminal Procedure of the RF). In this sense, institutional control has supervised character.

Procedural and administrative components of institutional control.

The procedural component of institutional control is expressed in the following powers possessed by the head of the investigative body under the law (Article 39 of the Code of Criminal

⁴¹⁹ Himicheva O.V. Conceptual bases of procedural control and supervision on pretrial stages of criminal proceedings: a monograph. M., 2004; Muratova N.G. judicial control in criminal proceedings: questions of theory, legislation and practice. Dis for Dr. Jurid. Sciences. Kazan, 2004; Tabakov S.A. Departmental Procedure control over the activities of investigators and investigators of the Interior. Dis for Cand. Jurid. Sciences. Omsk Acad. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Omsk. 2009; Popova T.Y. Criminal procedure status of the head of the investigative body. M.: Jurlitinform 2013.

Tadjiev H.S. Public Prosecutions and institutional control over the investigation of crimes. Tashkent, 1985. pp.71.

⁴²⁰ Tadjiev H.S. Public Prosecutions and institutional control over the investigation of crimes. Tashkent, 1985. pp. 71.

Procedure): assigns the production of the preliminary investigation to the investigator or several investigators; withdraws the criminal case from the investigator and transfers it to another investigator with the obligatory indication of the reason for such transfer; checks the materials on the report of a crime or a criminal case with the subordinate investigators; cancels illegal or unjustified decisions of their investigators; approves the investigator to file with a court a petition to elect, to renew, cancel or change the preventive measure of restraint or on a procedural action that is allowed on the basis of a judicial decision; is authorized by law to personally interrogate the suspect, the accused without taking criminal cases to proceedings when considering giving consent to the investigator to file with the courts the above indicated motions; declares by his decision evidence available in the case inadmissible; allows rejections, stated to the investigator, as well as his self-rejection; removes an investigator from further investigation if he violates of the Code of Criminal Procedure of the RF; in accordance with the requirements of the Code of Criminal Procedure of the RF, cancels illegal and groundless decisions of the subordinate head of investigatory body; extends the term of the preliminary investigation; approves the investigator's decision to terminate criminal proceedings; approves the investigator, conducting the preliminary investigation of the criminal case, to appeal in accordance with the law the prosecutor's decision with his written instructions to return the criminal case to the investigator for further investigation, change of the charges or qualification of the actions of the accused, or redraft the indictment and resolve the identified deficiencies; returns the criminal case to the investigator with his written instructions for further investigation, etc.

The head of the investigative body considers the prosecutor demands on the abolition of unlawful or unjustified decisions of the investigator and the elimination of other violations of the federal law committed during the preliminary investigation, as well as the written objections of the investigator to the specified requirements; informs the prosecutor on the abolition of the unjustified decision of the investigator and the elimination of the violations or disagreement with the prosecutor.

The head of the investigative body at any time of the investigation of the criminal case may give the investigator guidance on the direction of the investigation, certain investigative acts, bringing the person in as the accused, on the election in respect to the suspect, the accused of a preventive measure, the qualifications of the offense and the amount of charges; personally consider the reports of crimes and participate in the verification of reports of crimes.

In modern investigative practice, in a significant number of cases the head of the investigating body gives instructions to subordinate investigators verbally and more often – in the form of advice, recommendation. Quite often in the early pages of materials of criminal cases (in special notices, reports, applications, cover letters, etc.) there are detailed resolutions of the

investigating authorities' leaders, which are inherently written instructions to investigators. Analysis of these resolutions ('take up the case and make a plan of operational investigative activities', 'detain the person suspected of committing the crime', 'repeat the careful examination of the scene ...', etc.) shows that they largely define in general terms the direction of the crime resolution and the direction of criminal investigation, help avoid many investigative errors, especially for new inexperienced investigators.

The instructions of the head of the investigative body are binding on the investigator, but may be appealed to the head of the superior investigative body. Appeal of instructions shall not suspend their execution, except when instructions regarding termination of the criminal case and transfer it to another investigator, bring the person as an accused, qualification of the crime, charges, preventive measure, investigative actions which are allowed only by court decision, and the case referral to the court or its termination. This investigator presents a superior head of the investigative body with the criminal case file and the written objections to the instructions of the head of the investigative body. And this is the main point of the procedural investigator independence – construction largely theoretical, as investigators of low level, in practice, never officially enter into a dispute with his departmental head, and for the investigators-professional a formal confrontation with the departmental leadership rarely happen. But, nevertheless, 88.9% surveyed judges, 61.1% prosecutors, 92.3% investigators, 70.1% of defense lawyers believe that it is necessary to keep the institute of procedural independence of the investigator unchanged⁴²¹. Therefore, revealing the structural elements of our proposed model of 'heteropolar' institutional control, we may not rule out the potential possibility for the investigator to be procedurally independent.

The procedural dispute between the investigator and the head of the investigative body in the above mentioned cases is resolved by the head of the superior investigative body (Part 3 of Article 39 of the Code of Criminal Procedure) according to the rule: if the investigator is right, the superior cancels the instructions of the subordinate head of the investigative division; if the head of the investigative body is right, the head of the superior investigative body withdraws the case from the investigator and passes it to another investigator 'not to break' the inner conviction of the investigator initially investigating the case.

The study of the practice has shown that the effectiveness of institutional control in the context of detection, correction and prevention of errors (with the departmental supervisors having sufficient spectrum power) is low (compared to the prosecutor supervision).

⁴²¹ Appendix №44.

The statistics on the activity of the subjects of the control and surveillance activities to identify investigative errors shows the following.

In Krasnoyarsk Territory in 2013, the prosecutor returned for further investigation to investigators of units SID IC Russia in the territory 92 criminal cases; in 2014 – 93. In 2013, the Court under Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation returned to the prosecutor 23 criminal cases investigated by the investigators of the IC, in 2014 – 25 criminal cases. But leaders of the investigating authorities of the IC system in the territory in 2013 returned for further investigation to their subordinate investigators 7 criminal cases, in 2014 – only 2 criminal cases. Whereas the high activity of the prosecutors to some extent can be explained by a certain ‘special’ relation to criminal cases investigated by investigators of the IC (some notorious ‘conflict of interests and agencies’), the fairly high rate of judicial activity in the context of art. 237 of the Code of Criminal Procedure is clearly not comparable with the activity of the leaders of the investigating authorities and has no logical explanation, except one: sometimes departmental inspectors are guided by corporate interests, unwillingness, inability to ‘consume’ the given to them departmental procedural ‘power’ to identify, correct and prevent investigative errors.

In confirmation of the underuse of departmental and procedural powers by the heads of the investigating authorities we present the following statistics for Krasnoyarsk territory: in 2013 on 83 terminated criminal cases of IC investigators prosecutors canceled as illegal and unjustified 42 decisions (50.6%); in 2014, on 73 terminated criminal cases they canceled 44 decisions (60.27%). The rest of them (which is less than half of the regulations on termination of criminal proceedings) were reversed by the heads of investigative bodies, including some of them after the judicial decisions in accordance with Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the recognition of decisions on the termination of criminal proceedings illegal.

In 65 criminal cases investigated by investigators of the IC in 2013 prosecutors reversed 44 decisions about their suspension (67.69%), in 2014 in 38 suspended cases they canceled 31 decisions (81.58%). For the rest, a much smaller number of criminal cases, the decision was reversed by the heads of investigative bodies, including some of them after the determination of judicial decisions in accordance with Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the recognition of decisions on the termination of criminal proceedings illegal.

In 2013 the heads of investigative units of the SID IC of Russia in Krasnoyarsk territory reviewed 5795 various complaints and appeals from citizens, in 2014 – 6252 complaints. But under Article 124 of the Criminal Procedure Code they satisfied 0 complaints in 2013, in 2014 – 2 complaints⁴²².

⁴²² Appendix №45.

Thus, our analysis shows that the impact of institutional procedural control is lower than the efficiency of the prosecutor's supervision, which indicates the presence of certain problems.

These issues concern, in particular, the administrative component of institutional control (of course, taking into account the procedural powers) considered hereafter.

The creation of the investigation group (and change of its composition) is one of the powers of the head of the investigative body (part 1 p. 1 Article 39 of the Code of Criminal Procedure). It is he who is responsible for the formation of the team for the investigation of relevant cases, psychologically compatible professional investigators. It is no coincidence, therefore, that the investigative team leadership is usually reserved by the head for himself, which certainly has a positive effect on the course of the criminal investigation.

This is a reasonable decision of the investigating agencies' heads to include young, novice investigators in investigatory-operative groups to enhance their professional skills when working together on a specific complex case under the supervision of more experienced colleagues-investigators.

Therefore timely and proper creation of the head of the investigative unit of inquiry (or investigation-operative) group for solving and investigation of the crime will reduce the risk of errors in criminal cases being investigated by such group. The harmonious operation of investigatory-operative group is of particular importance in the so called 'night duty' when a positive result is given by the work on 'hot clues', when it is necessary to carry out urgent (initial) investigation, other procedural and operational search actions.

In this context it seems logical production that the Investigative Committee of Russia raises the issue of education within its own operational structure and expert services. Whereas the expert service is currently partially formed in the investigative agency (the departments of criminology have forensic experts, polygraph examiners and other professionals), there are no operational units—the investigators of IC still interact when conducting the detection and investigation of crimes with operational officers of the Interior Ministry, FSS and other agencies.

In the administrative component of institutional control, the important component is its resource support. It is primarily a question of staffing departmental supervision. As a rule, the leaders of the investigating authorities and their deputies are experienced investigators. In practice, there is a situation: in the most complex cases, as well as for a number of other reasons (help novice investigators, demanding nature of investigation on the case, etc.), the heads of investigative units are involved in the conduct of their subordinate investigator investigative and other procedural actions or carry them from the beginning to the end of themselves, taking or not taking up the case (by the way, these same actions are performed by and investigators-forensic experts, as a rule, the best trained and skilled professionals of the investigative body). The head of

the investigative body has the authority to initiate a criminal case, start the investigation and conduct the preliminary investigation in full, while possessing the powers of the investigator and the head of the investigation group under the CCP of the RF.

Usually heads of the investigating authorities and their deputies at the low level investigate up to a dozen criminal cases, the most complex cases for serious or very serious crimes.

On the one hand, the personal involvement of the head of the investigative unit in carrying out certain investigative actions, as well as the investigation of the criminal case, generally minimizes the number of errors in investigating but, on the other hand, the distraction of the head of the investigative body to conduct criminal investigations in full negatively impact the implementation of their institutional control.

The above allows to make a suggestion that the personal preliminary investigation by the head of the investigative body be carried out in exceptional circumstances, since the opposite immediately affect the quality of the institutional control and the number of investigative errors committed by subordinate investigators.

Due to Russian geographical factors, the structure of the investigative units of any investigative agency quite often creates a situation where for the head of the investigative body it is very difficult to exercise their powers geographically: the head is deployed in one village and subordinate investigators – in another, often very distant from each other. There are problems of mobility and efficiency in the implementation of institutional controls, which can be solved introducing modern communication technologies: conference calls, e–signature, etc.

Apart from above, the head of the investigative body in accordance with departmental orders is required to implement ‘purely’ administrative and management function of the organization of the subordinate investigator personnel.

The head of the investigative body shall perform the following responsibilities.

1. Planning the investigative unit workload, monitoring the implementation of the planned actions.

All current issues: selection, placement, training of personnel, workload distribution, the holiday schedule, general planning meetings, operational meetings, meetings for specific detection and investigation of criminal cases, resolution of issues of disciplinary sanctions, promotions, sharing good practice, resolution of organizational and economic problems, social problems of subordinates, etc. is necessary to be solved every day by the head of the investigative body, as they indirectly but still impact on the results of investigative work in criminal cases.

2. Cooperation with other services of the Interior Ministry, FSS and MIA, etc.

In the system of MIA, for example, the head of the investigative body is the deputy head of the internal affairs authority leader. This allows him to effectively solve many organizational

questions concerning the activities of the investigative unit: trips to the scene and visits to conduct other investigative actions, to ensure the appearance of witnesses for interrogation, detention of suspects, serving writs, other specific instructions of investigator to officers of the internal affairs, organization of effective work of the investigation group, effective operational-search actions (operational support of criminal cases investigation), etc.

Where there is constructive cooperation of investigative and other units of the Interior Ministry, FSS secured by the head of the investigative body, the quality of criminal investigation is appropriate.

3. *Monitors the performance of decisions, orders and instructions of the higher authorities, the supervising prosecutor* (including organizing the examination of submissions of the prosecutor and the adoption of measures to address the identified deficiencies in the investigation for criminal cases). A special area of institutional control is consideration of private decisions of judges and special rulings of the court, the implementation of measures to eliminate the errors identified by the court, violations of the law during the pretrial investigation in criminal cases.

4. *Reports to the superiors on the status of investigation and criminal cases deserving special attention, drafting statistical reports and analyzing the performance of investigative work, a number of other management responsibilities.*

Exercising the above administrative authority, the head of the investigative body thus routinely checks the legality and quality of the work of his subordinate investigators in criminal cases, applying to them, if necessary, procedural and administrative (disciplinary) measures.

The above conceptually and normatively justify **the model of the heteropolar institutional control** as specific control and supervisory activity during pre-trial proceedings in a criminal case.

Thus, Russian institutional control has *heteropolar nature, supposes the inclusion of elements of personnel mentoring and training; is exercised through pretrial proceedings under the prosecutorial supervision and manifested in the procedural and administrative activity of the head of the investigative body.*

Institutional control (along with the prosecutorial supervision) operates permanently throughout pretrial proceedings. At the low level activities of investigative units it enables the heads of investigating authorities to almost totally control criminal procedural activities of investigators (especially those who are just beginning their investigation careers). On other (higher) levels of investigative agencies, it allows to reasonably combine (no 'regime totality') institutional (procedure) control with the procedural independence of the investigator. Moreover, institutional control is in a relationship of interaction with the judicial supervision and the prosecutor's supervision and in particular dependence on them.

Only under such conditions may institutional control:

- a) successfully identify, correct and prevent investigation errors in pretrial proceedings;
- b) minimize the risk of their own mistakes (errors of the leaders of investigating authorities);
- c) achieve the strategic objectives of the prosecution and the protection of human rights.

CHAPTER 4. MAIN COMPONENTS OF THE JUDICIAL MECHANISM OF ELIMINATING ERRORS AT PRETRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGD

In theory and practice, the main instruments in the detection, correction and prevention of errors at the trial stage are classically considered the proceedings in the court of the first instance, in the second instance (appeal), in cassation and supervising instances and the resumption of the proceeding of the criminal case in view of new and newly discovered circumstances⁴²³.

This activity is *organizationally constructed* in accordance with the division into judicial units and instances and procedurally accomplished through the proceedings on criminal cases by courts representing the relevant instances.

From the point of view of the general goal of eliminating errors, judicial proceedings, on the one hand, may be represented as a single procedural mechanism (procedural organization) to achieve it. On the other hand, divided into steps (stages), these proceedings may be represented as a set of procedural mechanisms to achieve the said purpose in the conditions of each individual stage.

The judicial mechanism of eliminating errors in Russian criminal proceedings at trial stages which has a number of general and special features:

- the judicial review in the trial court is distributed between professional courts and jury courts (with the general jurisdiction of the former and narrow of the latter);
- the functional homogeneity of the whole judicial review in all courts of the first instance (except for the judge-professional in the jury court not having the duty to take a decision on the fact of guilt of the defendant and the judge-professional in the hearing under a special procedure not having the duty to directly examine the evidence confirming the guilt of the defendant);
- the investigation activity of all judges-professionals when exercising the judicial review in the trial court (equal – under the general procedure of trial and in the jury trial, limited to the study of written materials of the case for all issues and the possibility of direct examination of evidence only for punishment issues – under the special procedure of judicial consideration);
- the possibility of full appeal under the procedure of judicial review in a court of the second instance;
- functional division of judicial review in the court of the second instance into cassation, supervision and renewal of cases due to new and newly discovered circumstances;

⁴²³ Some of the mistakes of the previous stages can be identified and corrected by the court at the stage of sentence execution, but this issue is beyond the scope of our study.

- functional homogeneity of cassation and supervision;
- revision procedure for all types of review of the trial court decisions;
- the binding force of guiding explanations of the court of a higher instance.

The peculiarity of judicial review and judicial supervision in Russian criminal proceedings is determined by the characteristics of the technical organization (continental due to the historical form thereof) of Russian judicial proceedings. However, it mainly concerns the jury court and the role of guiding explanations of the highest court (if not to take into account, most likely temporary, coexistence of two homogeneous functions – cassation and supervision). Overall, therefore, the construction of Russian judicial proceedings has significant similarities to the classic continental model with its inherent mechanism of eliminating errors, the development of which should be carried out in the framework of the following models: ‘the model of the active first instance court’, ‘the model of comprehensive appeal’, ‘the model comprehensive cassation and supervision’, ‘a comprehensive investigation model of proceedings for new and newly discovered circumstances’.

§1. The elimination of errors through the court of the first instance proceedings

At the initial stage of the research of investigative errors, the author, as well as a number of other legal scholars, attached great importance to the role of the court in filling the gaps of the preliminary investigation of the criminal case without referring the case for further investigation⁴²⁴. In the Soviet and post-Soviet period pursuant to Art. 20 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR, on the one hand, it was easy to refer the case for further investigation due to incompleteness and one-sidedness of establishing the circumstances of the case, which in practice was done, sometimes, many times in the same criminal case, but, on the other hand, the prosecutor could always appeal against the court's decision to refer the case for further investigation on the grounds that the court itself did not take sufficient efforts to fill the gaps of the preliminary investigation.

According to the requirements of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR, the court itself was to read the indictment at the beginning of the trial; it was the court, including in order to fill the gaps of the preliminary investigation, that was the first to interrogate the defendant, the victim, witnesses, not divided into prosecution and defense witnesses; could on its own initiative

⁴²⁴ Nazarov A.D. On rectifying preliminary investigation gaps during the court hearing // Issues of criminal procedure and criminology. Coll. of acad. papers. M., 1988. p.28–34; Nazarov A.D. Rectifying investigative errors in court in light of criminal procedural law reform // Issues of ensuring legitimacy and crime control. M-Kemerovo, 1997, p. 165–168; Nazarov A.D. Rectifying investigative errors in court // Current issues of law enforcement in light of the new Criminal Code of the Russian Federation adoption. Krasnoyarsk, 1997, p.96–99; Nazarov A.D. On rectifying preliminary investigation gaps during the court hearing // Issues of criminal procedure and criminology. Coll. of acad. papers. M., 1988. p.67–68.

to undertake any legal action (call new witnesses, appoint forensic examinations, etc.), determine a conviction, even if the prosecutor dropped the charges, qualify the offense the defendant differently from the qualification that the court was offered by the prosecutor; could on its own initiative initiate criminal proceedings, to send the case back for further investigation, etc.

Certainly, there were given recommendations that the court clearly did not have to do what should have been done in a criminal case only in the preliminary investigation. Specifically, the court should not have been involved in the collection and examination of evidence, if he had to look for new evidence, that is, perform the unusual for it investigation function; if it was necessary to collect and analyze a large amount of new evidence; if it was necessary to make such investigations which are impossible or difficult to be carried out in a trial (search, seizure, etc.)⁴²⁵.

It should be noted that it is almost to the above scheme that the Investigative Committee of Russia offers to return in the proposed initiative on the draft law on the institution of objective truth.

Many scientists-processualists, although not offering to restore the former authority of the court in full scale, are in favor of its active mission in a public trial.

A.S. Barabash believes that the court is assigned the function of justice, therefore, the court must be active⁴²⁶. In the figurative expression by A.D. Boykov, an anemic court is anemic power where the greed and tyranny of the strong blooms not the rule of law⁴²⁷.

M.K. Sviridov is also in favour of the active court⁴²⁸.

According to V.I. Zazhitskiy, the adversarial principle does not leave room for many important landmarks that have traditionally been used in the criminal procedure legislation of Russia and have been used successfully in the mixed criminal proceedings of civilized countries – the public nature of criminal justice, comprehensiveness, completeness and objectivity of the investigation of the criminal case, the truth, the active role of the court in its detection, etc. Complete elimination or significant belittling of these major categories of the system designed to ensure the effectiveness of judicial and investigative practice is one of significant methodological mistakes, which can not be justified by any arguments⁴²⁹.

The supporter of the adversarial trial A.V. Smirnov believes that ‘the question of the court activity is not related to the type of criminal procedure – adversarial or investigative and

⁴²⁵ Veretehin E.G. Preliminary investigation shortcomings and rectifying them... p.8; Petuhovsky A. Filling in the gaps of the investigation in court// the Soviet justice. 1973. № 15. p. 18.

⁴²⁶ Barabash A.S. State bodies functions in Russian public criminal trial // Legal policy and legal life. 2009. №4. P.172–179; Barabash A.S. The nature of Russian criminal proceedings...

⁴²⁷ Boykov A.D. The third power in Russia P. 66.

⁴²⁸ Sviridov M.K. The court as the subject of establishing the truth in Russian criminal proceedings // Siberian legal notes: Annual book of the Law Schools Association ‘Siberia’. Issue 1, Krasnoyarsk, 2001. P.138–139.

⁴²⁹ Zazhitskiy V.I. Problems of increasing the efficiency of criminal justice // the State and Law. 2009. №7. P.38.

inquisitorial – and belongs to the very essence of justice; ... adversarial construction of the criminal trial does not exclude the activity of the court in the examination of evidence⁴³⁰.

A number of scientists-processualists (A.D. Boykov, Z.Z. Zinatullin et al.) defined, as a compromise, the position that the court should be active not at gathering but when checking evidence⁴³¹. And it should use all possible means.

In this regard, the original position is proposed by V.V Vasin: the court must ‘make up for the absence of possibilities of the defense to form its evidence base, equal to or comparable with the possibilities of the prosecution, by developing its own activity aimed at gathering evidence in order to verify the position (reasons) of the defense ...; there should be the rule operating on the impossibility of the defendant's position worsening compared to the one deriving from the accusation against him, based on the evidence of guilt, with which he was familiarized at the end of the preliminary investigation ... – this implies the need to establish in the Code of Criminal Procedure of the RF the ban on both the court and the prosecution collecting in the trial new information that may degrade or worsen the position of the defendant’⁴³².

I.Y. Foinitskiy at the beginning of the last century wrote that ‘the role of the criminal judge in the trial is not passive: it on its own initiative may summon witnesses and require other evidence; it will remind the defendant of the right to give his explanations and to present objections; being called upon once to adjudicate the case, it is to decide it fairly, on the basis of all the available material in the case’⁴³³.

Y.K. Orlov rightly notes that ‘... it is impossible to turn the court into an impartial arbitrator, defining the winner in the dispute. Still, the criminal trial is not wrestling where the task of the arbitrators is to determine the strongest. The aim of proof should be the truth and not awarding a prize to the winning side. Therefore, the court should keep the duty to take all possible measures to establish the truth’⁴³⁴.

V.A. Sementsov, I.I. Belohortov, referring to the position of L.A. Voskobitova, talk about the court activity giving the court an active role in the proving activity⁴³⁵.

The position of scientists who share the idea of the court activity during the verification of evidence seems convincing. It is shared by the Constitutional Court of the Russian Federation. Its conclusion on this issue is expressed in the ruling of November 20, 2003 №451–O, which states

⁴³⁰ Smirnov A.V. Russian criminal trial: from dusk to dawn.

⁴³¹ Boykov A.D. The third power in Russia. Book Two. Continued reforms. M., 2002, p. 121; Zinatullin Z.Z., Egorova T.Z., Zinatullin Z.Z. Criminal Procedure Proof. Conceptual framework. Izhevsk, 2002. P. 56; Mikhailovskaya I.B. The Judge Handbook of proof in a criminal trial. Moscow, 2008; and etc.

⁴³² Vasin V.V. No right for error: criminal procedure study of circumstances of the criminal case by the trial court: a monograph. Magadan., 2007. P.133–134.

⁴³³ Foinitskiy I.Y. The course of the criminal proceedings. V 1. P.64.

⁴³⁴ Orlov Y.K. Fundamentals of the theory of evidence in criminal proceedings. M., 2000, p. 19.

⁴³⁵ Sementsov V.A. Evaluation of evidence by the trial court in a criminal case: a monograph. M., 2012.

that the implementation of the court in the public by its nature criminal trial the function of justice assumes legal empowerment of the right to verify and assess in terms of relevance, admissibility and reliability the evidence presented by the prosecution and the defense in terms of establishing their sources and comparing with other evidence in the criminal case or represented by the parties in the hearing, and through the investigation within the charge against the defendant and other evidence supporting or refuting the evidence verifiable by the court. The Constitutional Court of the Russian Federation considers this right as a precondition for making the decision rightly⁴³⁶.

In the ruling of June 18, 2004 №204–О the Constitutional Court of the RF also pointed out that the court's decision on obtaining evidence designed to test the existing evidence in the case is not contrary to the principle of adversariality⁴³⁷.

In our view, it is an active court that has all the procedural ability to identify, correct and prevent errors in criminal proceedings (investigative, judicial).

At the same time, scientists talk about certain ‘limiters’ of this activity in the modern criminal judicial proceedings.

V.A. Lazarev noted that excessive activity of the court, as well as passive adversariality, bring dangerous consequences⁴³⁸.

The court must be active, as indicates N.I. Gazetdinov, in the examination of evidence, but in the framework of the evidence submitted by the parties both in pretrial proceedings and in court proceedings. He believes that the court should not take the initiative for the collection of evidence, and the powers of the court, which under the current law entitle the court with its own initiative to collect evidence, should be excluded from the Code of Criminal Procedure. And, moreover, the Criminal Procedure Law should, in his opinion, include the prohibition for the court to gather evidence independently⁴³⁹.

L.A. Voskobitova offers, in case of insufficiency of the evidence to solve the case on the merits, to introduce the legal procedure where the court has the right to establish the deadline for submission of additional evidence for the parties⁴⁴⁰.

⁴³⁶ The ruling of the Constitutional Court of the RF on the refusal to accept for consideration complaints of Sergey Vladimirovich Vekker with regard to the violation of his constitutional rights under Articles 86, 87, 235, 252 of the CCP of the RF № 451–О of November 20, 2003. [electronic source] // The Constitution Court of the RF site. access: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30848.pdf> (date of reference 06.03.2016).

⁴³⁷ The ruling of the Constitutional Court of the RF on the refusal to accept for consideration complaints of Tsogta Ntsagdorzhevich Budaev with regard to the violation of his constitutional rights under p.2 Article 283 of the Criminal Procedure Court of the RF № 451–О of 18 June, 2004. [electronic source] // The Constitution Court of the RF site. access: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33477.pdf> (date of reference 06.03.2016).

⁴³⁸ Lazareva V.A. The judiciary and the realization thereof in the criminal process. Samara, 2000, p. 125 – 127.

⁴³⁹ Gazetdinov N.I. The role of the court in adversarial proceedings // Russian judge. 2007. №11. p. 40-42.

⁴⁴⁰ Voskobitova L.A. The mechanism of realization of the judicial power through criminal proceedings: Abs. Dis. for Dr. Jurid. Sciences. Moscow, 2004, p. 48.

The position above, each in its own way offers to restrict the activity of the court, which seems interesting but to certain extent are controversial and ambiguous. In our opinion, it is necessary to agree with the position of N.P. Kirillova, who believes that if the court activity in the request of evidence by means of judicial proceedings is intended to review and assess the evidence, these activities should be regarded as an appropriate adversarial principle. In the case where the activity of the court is to establish the evidence the base for the prosecution or the defense, and to strengthen their position, the activity is not consistent with the principle of adversariality⁴⁴¹.

In response to the question of how to assess whether the actions of the court requesting the evidence, initiating a legal action are legitimate and what the purpose of the court is, N.P. Kirillova rightly points out that the assessment of the actions of the court in the process of proving is to be given by a higher court, considering complaints and petitions in the particular circumstances of the criminal case.

The body responsible for the legality of the decision may not be deprived of the opportunity to establish the factual basis for the decision. The judge must have the tools to establish qualitative factual basis. Two tools are given to the court to establish the facts of the case. The first one is the parties stating the factual circumstances of the case and presenting evidence to support their allegations. The evidence submitted by the parties, studied in the court proceedings, gives the court a lot of information about the actual circumstances of the case. The court does not substitute the parties and creates all necessary conditions so that they can present to the court all they consider necessary and meaningful.

However, evidentiary activities of the parties may not be enough for the court, so the court is given the second instrument – its own cognitive activity. The evidence submitted by the parties is necessary to be investigated, tested and evaluated. And if in the process of checking, the court doubts the authenticity of evidence, if it sees conflict, it is to be addressed to make the right, legal solution, of course, the court will independently collect the evidence necessary for its decision. And you can not limit its power to review in any way. In this sense, it should be recognized that in art. 15 of the Code of Criminal Procedure of the RF the function of adjudicating the case is not very well articulated. The actually cognitive powers of the court are not addressed, and this creates a false idea that the role of the court in the performance of this function is only in organizing and ensuring the rights of the parties. Without the cognitive activity of court, the case can not be adjudicated, but the text that enshrines the function in the law, does not disclose its substantive meaning.

⁴⁴¹ Kirillova N.P. The role of the court in the process of proof in a criminal case // 'Black Holes' in the Russian legislation. 2008. №2. P. 217; a similar position is taken by V.L. Budnikov, see: Budnikov V.L. Participation of the court in criminal procedure proving // Russian judge. 2006. №11. P. 13-16.

The Constitutional Court of the Russian Federation in 2003 in its ruling noted that ‘gathering of evidence is not only the prerogative of the parties but also among the powers of the court implemented in the order established by the criminal procedural legislation for the judicial investigation’⁴⁴².

The analysis of the court authority in the course of the trial shows that the legislature gave the court the possibility to collect evidence. For example, the court has the right to question witnesses after their interrogation by the parties. With respect to some investigative actions, the legislator expressly stated that they could be carried out on the initiative of the court. Law enforcement nature of the activities of the court implies that the court should have the right to request the parties to eliminate or resolve the question or on its own initiative to carry out judicial investigations independently and eliminate the doubts it might have.

The effective use by the court of the ‘active’ authority allows timely identification, correction and prevention of errors in criminal cases made by the investigator, the prosecutor and by the court.

Another approach is required if there is a question about the incomplete and one-sided examination on the merits. What should be done if the court does not have enough evidence, and the parties are passive; if the parties argue about the facts, but do not confirm their arguments with evidence; if the parties do not pay attention to the individual facts of legal significance for the proper resolution of the case? These issues require legislative regulation, because now in the Code of Criminal Procedure there are no responses to them. It is possible that the power of the court should be expanded in the court proceedings and possible to grant it the right to, not substituting the party, encourage them to take active steps. For example, permit the court to require the parties to provide additional evidence if the evidence presented is not sufficient for the recognition of the facts established. The court could adjourn the hearing and give the parties a certain time for the preparation and application of appropriate requests, writs to additional witnesses, experts or submission of additional documents. Such actions could be recommended to judges now in order to purposefully form such practice. Such court activity could, for example, paid attention to by the Plenum of the Supreme Court of the RF in the directive Ordinance. Such practice is not contrary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and does not even require special additions or amendments to the law. It is only necessary to correctly understand the content of

⁴⁴² The ruling of the Constitutional Court of the RF on the refusal to accept for consideration the request of the Boksitogorsky court of the Leningrad Region to review the constitutionality of part 1 Article 86 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure.’ №104 of March 6, 2003, [electronic source] // The Constitution Court of the RF site. access: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33477.pdf> (date of reference 06.02.2017).

adjudication functions and explain it to the judges, and not mislead them with far-fetched arguments about adversariality.

The supporters of the passive role of the court are E.B. Mizulina⁴⁴³, I.B. Mikhailovskaya⁴⁴⁴, I.V. Kosheleva⁴⁴⁵, I.L. Petruhin⁴⁴⁶, V.D. Kholodenko⁴⁴⁷.

There position: the more active the court is in the initiative in the collection and examination of evidence, the more difficult it will be to fulfill in the role of an impartial arbiter⁴⁴⁸.

Despite the diversity of points of view on the role of the court in the administration of justice and the ambiguity of the rules the Criminal Procedure Code of the RF, it should be emphasized that an important element of the content of the adversarial principle in the national theory of the trial, the legislation and judicial practice has always been not only the exclusive right of the court to adjudication on the merits (Art. 1, Art. 8 the Code of Criminal Procedure of the RF), but also its duty to actively study the evidence.

‘The court can not rely on the activity of the participants of the trial ... The court examines the evidence on their own, mainly because it is the court that must decide whether there was a crime committed, whether the defendant committed it, whether he was guilty in committing the crime, whether he is subject to be punished, what punishment should be assigned, etc. Consequently, the court activity is a manifestation of the principle of publicity’⁴⁴⁹.

We agree should with the views of A.D. Boykov that adversariality is controlled by the court procedural activity, the direction of which – an objective and comprehensive investigation into the circumstances of the case within the boundaries of the prosecution and the subject of proof⁴⁵⁰.

The passive role of the court in the process of proof is in conflict with the requirements of P. 4 Art. 7 of the Code of Criminal Procedure of the RF (‘Definitions of the court, decisions of the judge, the prosecutor, the investigator must be lawful, justified and motivated’), Art. 297 of the

⁴⁴³ Mizulina E.B. On the fifth anniversary of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // ‘Current issues of criminal proceedings: the theory, the legislation, the application of practices (On the 5th anniversary of the Code of Criminal Procedure of the RF).’ M., 2007. P.4.

⁴⁴⁴ Mikhailovskaya I.B. Transformation of the normative model of criminal justice in the new Code of Criminal Procedure of the RF// Proceedings of the International scientific–practical conference dedicated to the adoption of the new Criminal Procedure Code of the Russian Federation. M., 2002. P.13.

⁴⁴⁵ Kosheleva I.V. On the role of the court in an adversarial criminal trial // Proceedings of the International scientific–practical conference ‘Actual problems of the criminal proceedings: questions of the theory, the legislation, the application of practices (On the 5th anniversary of Code of Criminal Procedure).’ M., 2007. p.150.

⁴⁴⁶ Petruhin I.L. Theoretical foundations of the criminal procedure reform in Russia. Part 1. M., 2004. p.139.

⁴⁴⁷ Kholodenko V.D. On the improvement of the legal regulation of criminal prosecution and the prosecution // Proceedings of the International scientific–practical conference ‘The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the year of law enforcement and teaching.’ M., 2004. P.242.

⁴⁴⁸ Adamaytis M. The right of the court to the initiative in the examination of evidence prevents its impartiality // the Russian justice. 2003. №11. C. 32.

⁴⁴⁹ The course of the Soviet criminal trial. General part / V.B. Alekseyev, A.D. Voykova, I.I. Karpets. M., 1989. P. 173.

⁴⁵⁰ Boykov A.D. The third power in Russia. P. 86.

Code of Criminal Procedure of the RF ('The court judgment shall be lawful, reasonable and fair'), Art. 299 of the Code of Criminal Procedure of the RF ('Issues resolved by the Court when ruling the sentence').

If the court is limited by only the evidence presented by the parties, its decision is unlikely to be lawful, reasonable and fair, because those questions (Art. 299 of the Code of Criminal Procedure of the RF) which it is obliged to address when sentencing can not be solved indirectly. If the judge is silent and watches, it is one result, but if the judge is watching and accompanies it by its own efforts to establish the circumstances of the crime, it is, of course, another result.

P. 2 Art. 50 of the Russian Constitution instructs the court as the sole authority of the state to administer justice in the Russian Federation (Art. 1, Art. 118 of the Russian Constitution, ch. 1, Art. 8 of the Code of Criminal Procedure), when administering justice to prevent the use of evidence obtained in violation of the federal law. Part 4 of Art. 29 of the Code of Criminal Procedure of the RF obliges the judge in a criminal trial to respond to each violation of the rights and freedoms of citizens. A different attitude would have looked like an extreme formalism and disregard for the legitimate interests of the individual.

The principle of adversariality in its classical form is most fully realized in the Anglo-American system of justice. But even there, in spite of the fact that the primary responsibility to provide evidence lies with the parties concerned, the legal doctrine, precedents and emphasizes the active role of judges of courts of first instance. According to Art. 614 of the Federal Rules of Evidence for the courts and magistrates of the USA of 1995, a judge is not limited to the facts and evidence presented at the option of the parties. He has the right to call and examine additional witnesses, experts, appoint the examination at the request of both parties, and on his own initiative⁴⁵¹.

English proceedings show a similar approach. D.L. Punk says: 'A judge should not interfere in the process of the parties proving the guilt or innocence of the accused, but when it comes to situations where the defendant has no defense attorney or professionally weak, the defendant conducts defense himself with adequate protection by means of a judge. This indicates that in any type of trial, the judge will never be ashamed to assist the weak side'⁴⁵².

In view of these provisions it should be noted: 'the current legislation of the European states develops regulations on the active role of the court in adversarial proceedings (Article 310 of the Criminal Procedure Code of France, article 244 of the Criminal Procedure Code of Germany), English law is more and more imbued with the idea that criminal proceedings should

⁴⁵¹ Gutsenko KF Criminal trial of Western countries: study book. M., 2001. P. 119.

⁴⁵² Punk D.L. The distribution of roles in the jury trial // Bulletin of the Saratov State Academy of Law. 1996. Vol. 3, p. 134 – 135.

not be confined solely to confrontation between the two parties in court. Its task, first of all, is not the victory of someone from ‘procedural opponents’, but identify those really responsible for the crime⁴⁵³. The same way is taken by the practice of the European Court of Human Rights⁴⁵⁴.

Comparing the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with the above provisions of the laws of foreign countries, we see that the role of the court in Russia in the examination of the evidence in the criminal case unnecessarily limited.

Research attempted and is attempting to develop a unified standard of proof of the prosecution, depending on the category of criminal cases, the passage of criminal cases in various stages of criminal proceedings, etc.

In the Soviet era, in the group of legal scholars under the direction of V.N. Kudryavtsev, who studied the effectiveness of justice and the problem of miscarriages of justice, the standards of proving the prosecution were understood as ‘produced by the jurisprudence understanding of the body of evidence sufficient to make an informed judgment of conviction or other procedural act.’ From one stage to another the level of being proved should increase. Standards of proof applicable in sentencing are unwritten rules applied by judges based on their life experience, knowledge of judicial practice, the requirements of higher courts to the legality, validity and fairness of the sentence, and the ‘arms’ of standardization are the cancellation, modification of the sentence; leaving the sentence unchanged; private submissions against judges; solutions of qualifying judicial boards.

Even downloading to the computer memory of judicial precedents has been discussed, which will eventually allow to use ‘machine thinking’ as a consultant to the investigator, the prosecutor and the court in their assessment of the body of evidence in the criminal case⁴⁵⁵.

In our opinion, further study of the problems of standardization in proving may be continued, but in order to avoid mistakes in the criminal case, the important standards (guiding parameters) continue to be a full, comprehensive and objective investigation of all the circumstances of the criminal case provided for in Article 73 of the Criminal Procedure Code, on the basis of relevant, valid, reliable and sufficient (in a particular criminal case) evidence.

The results of the active court activity are important to be examined through the prism of statistics data.

In 2015 in the first instance courts of the Russian Federation there were considered 936,525 criminal cases.

⁴⁵³ Gutsenko G.F. The criminal proceedings of the Western countries. p. 119.

⁴⁵⁴ Tumanov V.A. The European Court of Human Rights. Selected rulings: In 2 v. / Ch. Ed.– Dr. Jurid. Sciences, prof. V.A. Tumanov. M., 2000. T. 1. P. 321; Vol. 2. P. 330.

⁴⁵⁵ Efficiency of justice and the problem of elimination of miscarriages of justice. P.55–56.

Pursuant to Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation courts returned the prosecutor 9,817 cases, or 1.05% of the examined ones, to remove obstacles to the consideration of the criminal case.

For various reasons the courts of the first instance dismissed 11,981 cases or 1.28% of the examined cases.

It should be borne in mind that under specific procedure according to the rules of chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation courts considered 598,807 criminal cases, or 63.94% of the total number of cases reviewed; 4,241 case or 0.45% of the cases were examined by courts under rules of Chapter 40–1 of the Code of Criminal Procedure in connection with the accused's pretrial agreement with the prosecutor.

In criminal cases courts issued 17,562 special regulations (determinations), representing 1.88% of the cases reviewed⁴⁵⁶.

Consequently, if we analyze the statistics, we can conclude that the number of investigative errors identified and resolved by the courts of the first instance by means of returning the case to the prosecutor pursuant to Art. 237 Code of Criminal Procedure; dismissal of criminal cases on different grounds; acquittal and special regulations (definitions) of the court is relatively low.

But statistics do not fully reflect the court's activity and that of the participants of the trial in the court session, particularly during the trial, when motions and petition are filed, the evidence carefully examined, eliminated inadmissible evidence, new evidence collected, an objective assessment of each proof is done individually and collectively, violations of the Constitution and generally accepted norms of the international law are eliminated, procedural irregularities eliminated, the criminal law qualification of the incriminated act is clarified, etc.

The court activity in full, comprehensive and objective establishment of all the circumstances of the criminal case, as well as in the detection, prevention and correction of errors in it, is inextricably linked with the activity of the parties in criminal trial, especially the activity of professional participants of the criminal process: the prosecutor (the state prosecutor), the lawyer defending the accused or representing the interests of the victim⁴⁵⁷.

In an ideal trial that is the parties, professional participants that must work so that the court has only a mission of organizing the trial and adjudicating the criminal case on merits.

In the modern model of adversarial criminal trial, the prosecutor, as the public procurator, when detecting errors, may offer the court to change the qualification of the act to a more lenient

⁴⁵⁶ Appendix №23.

⁴⁵⁷ V. Ulyanov Public prosecution in the Russian criminal proceedings (procedural and criminological aspects). ...; Galimov E.R. Participation of prosecutor in a criminal trial. M., 2012; Isaenko V.N. Methods of public prosecution (concept, principles, content). M., 2011; Buldygina N.I. Supporting the public prosecution: legal, organizational and tactical aspects. M., 2012.

one; completely or partially abandon the charges. And the court may not reject these prosecutor's proposals – it is obliged to accept them and to make a decision on the case in accordance with them, even if internally it does not agree with these proposals of the prosecutor. In all other issues professional participants of the proceedings are guided by the powers of the parties; errors identified by them are eliminated through the court performing necessary procedural actions.

There are a lot of works in scientific literature dedicated to the tactics and strategy of maintaining prosecution in court and the prosecutor in general, the participation in the trial of criminal cases at various stages of proceedings. It should be noted that the role of the prosecutor in the elimination of errors is particularly large and responsible, when in court he uses his power to change the mandatory charge or to abandon it. It is the implementation of these powers of the prosecutor that the court necessarily decides in unison with the position of the prosecutor⁴⁵⁸.

Similarly, scientists study the problems of tactics and strategy of the defense lawyer's participation in court hearings in criminal cases. In all these works, you can find a lot of useful guidance on the identification, prevention and correction of errors in criminal trial.

The development of considered judicial mechanism in the context of detection, correction and prevention of investigative and judicial errors in criminal proceedings shows that in the future the effective elimination of errors will be associated with the strengthening and expansion of the procedural position of the prosecutor in the trial stage, with the offensive position of the court in the elimination of errors in the framework of the law designated by the impartiality and independence of the court without its transition to the so-called 'prosecutorial' or 'defensive' biases. Development of procedural positions of the defense lawyer within this strategy will continue to have its own characteristics associated with his position, defined by the client. And problems associated with the activity and the quality of work on the criminal case of the lawyer 'on assignment' will still remain topical.

To identify, correct and prevent errors the active court, in our opinion, should strictly follow the provisions of the presumption of innocence (Article 14 of the Code of Criminal Procedure). In this regard, one of the effective methods for the court to respond to mistakes made in the criminal proceedings is the imposition of the acquittal⁴⁵⁹.

The acquittal of the defendant shall have the same social value as the establishment of the person who committed the crime. Protection of persons against unjustified repression is an important component of a genuine justice.

⁴⁵⁸ See, for example: A.A. Mikhailov Revision of the sentence by the prosecutor and the prosecutor's refusal from charges in the trial court. Tomsk: Tomsk, 2011. P.224–235.

⁴⁵⁹ Churilov Y.Y. Actual problems of the decision of ...

In the opinion of I.L. Petrukhina, ‘acquittal is a form of judicial review of the legality and protection of human rights during the preliminary investigation and inquiry ..., testament to the power of the judiciary, which is not afraid to confront such powerful bodies as the prosecutor's office, the Ministry of Internal Affairs or the State Security Service, and to overcome the prevailing under their influence public opinion’⁴⁶⁰.

I.L. Petruhin allocated ten different factors affecting the prevalence of acquittals: the criminal policy of the state; standards of proof introduced by the country's highest court by changing the level of the sentence requirements; the quality of criminal investigations; ‘professional solidarity’ of judges, prosecutors, investigators, the bodies of inquiry, supposedly performing a common task – deterring crime; presence or absence of further investigation institute; the introduction of a special procedure of the trial; the activities of the jury; wide application of the institute of declaring inadmissible evidence; pressure on the court by the prosecution, the Interior Ministry, FSS on individual criminal cases (terrorism, corruption, drug abuse and others.); pressure on the court of public opinion and the media⁴⁶¹.

In a scientific study on the effectiveness of justice and eliminating the problems of miscarriages of justice, conducted during the Soviet era by legal scholars under the guidance of V.N. Kudryavtseva, it was noted that after the abolition of acquittal in 80% of cases at the new trial the verdict was guilty, and after the reversal of the conviction in 90% of cases, after further investigation and re-examination of the case in the court the verdict was guilty. In Russia, 23.1% of acquittals are terminated in higher courts, but after further investigation and a retrial for the vast majority of them, convictions were imposed. Although in many countries (England, France, USA) acquittal is almost without fail by virtue of the three legal principles: the interpretation of the doubt in favor of the defendant; prohibition of turn for the worse in an appeal against the sentence; respect for the ‘voice of the people’ at the acquittal by jurors⁴⁶².

Statistical data for Russia for 2015 are as follows.

The courts of first instance issued 692,073 convictions and acquittals in 751 415 criminal cases; acquittals were in relation to 5167 people respectively, ‘the percentage of acquittal’ was 0.69%.

For comparison, we give the following information:

– a panel of three professional judges at the first instance considered total 136 criminal cases in Russia; convicted 287 persons and acquitted three men – respectively, ‘the percentage of acquittal was 1.05% – ‘a little higher’ than in cases considered by the judges alone;

⁴⁶⁰ Petruhin I.L. Acquittal and the right to rehabilitation: p.31–32.

⁴⁶¹ Petruhin I.L. Acquittal // State and law. 2009. №2. P.32.

⁴⁶² Efficiency of justice and the problem of elimination of miscarriages of justice. P.37, 159.

– the jury court considered a minor number of criminal cases – 351 cases; in these cases they convicted 691 persons and 102 persons were acquitted – respectively, ‘the percentage of justification’ was 14.76%.

It should be noted that in respect of 948 persons the Court of Appeals overturned the acquittal (which is 18.35% of the number of acquitted persons for sentencing, rendered by the courts of the first instance), which indicates a strong attention of verifying authorities to criminal cases with acquittal⁴⁶³.

In the mechanism considered it is impossible, in our opinion, on the basis of only one relatively low figure of acquittals rendered by judges individually and a panel of judges (including – in the comparison of these figures with relatively high numbers of acquittals by jury courts in modern Russia, submitted in other countries, submitted in Russian in ‘Stalin’ period, etc.) to say that this tool of elimination was applied inefficiently. Today's reality is that about 65% of criminal cases are considered in a special procedure, as hereinafter explained: in these cases acquittal is objectively impossible.

In our view, the court should not at any price ‘save’ unsatisfactory investigated criminal case and impose ‘at least some’ conviction, especially if the defendant is in custody; the court should not make a guilty verdict with a minimum of (lack of) evidence.

Therefore, it is strategically important (the criminal procedure policy context) to pay attention to the imposition of acquittals: if, after rigorous procedural activity of the parties and the court for the full, comprehensive and objective investigation of all circumstances of the case, to identify and correct all the errors, including, and after it comes back from the prosecutor, which the court directed to him lawfully to remove obstacles to consideration, there is no irrefutable and convincing evidence of guilt of the person in the act incriminated to him, the court shall render an acquittal.

In the survey of practitioners we were interested in the question of why the judges do not often tolerate acquittals, which is indeed very difficult to draft as opposed to conviction. In our opinion, an honest answer has not been given by anyone. 72.2% of the judges, prosecutors - 38.9%, 69.2% of investigators and only 10.1% of lawyers chose the answer: ‘Investigators demonstrate the high quality of the investigation in criminal cases.’ Of course, the answer is perceived by us critically. Another answer: ‘acquittal creates a big problem for the career of the judge,’ was not chosen by the judges and prosecutors; this option is selected by 25.6% of investigators and 50.9% of lawyers⁴⁶⁴.

⁴⁶³ Appendix №45.

⁴⁶⁴ Appendix №44.

We believe that it is impossible in law enforcement to set the vector to increase the number of acquittals: adoption of the final decision by the court should be in strict accordance with the requirements of the criminal procedure legislation. This approach will contribute to the elimination of situations where the court, in some cases, tries to evade the acquittal, without correcting and preventing thus admitted in the case errors.

Speaking about the court activity associated with the judicial mechanism in the context of detection, correction and prevention of errors, you must pay attention to the peculiarities of criminal cases heard by a magistrate sitting alone, by a federal judge, a panel of three professional judges, jury court.

For example, according to V. Miller, in a jury trial, the right to life and other rights and freedoms of man and citizen are better protected from illegal and unwarranted accusation due to the fact that the procedural form of the jury ensures more consistent than in a court of law observance of democratic principles of criminal proceedings, including, the constitutional principles of the presumption of innocence, adversariality and equal position of the parties⁴⁶⁵.

The research shows that, indeed, the jury reduces the threshold of miscarriages of justice, especially – the fundamental ones, as originally the case becomes a ‘special’ one: it is examined by a professional judge; public prosecution is maintained by a professional prosecutor (prosecutor); the procedure of consideration of a casuistic, in contrast to the usual procedure⁴⁶⁶.

The concept of the judicial reform provides for expansion of the cases under the jurisdiction of the jury and the establishment of jury trials, not only at the level of the Federation, but also in towns and districts of the country. After the attention to the jury of the Russian Federation President V.V. Putin, in his annual address to the Federal Assembly of the Russian Federation in 2015, the legislator responded immediately introducing in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the necessary amendments to the jury; in 2018 the jury of six representatives of the society began operating in Russia in the courts of district and equivalent level.

The decision of the Constitutional court expanded the range of criminal cases under the jurisdiction of the jury: the right to a jury trial was given to women which eliminated gender disparity in access to justice⁴⁶⁷.

⁴⁶⁵ Melnik V.V. The art of proving in adversarial criminal proceedings. – M., 2000. p.6.

⁴⁶⁶ See also: Pashin S.A. Trial by Jury: The first year of operation. M., 1995.; Kirillov N.P. The jury in Russian and international experience: The series ‘Modern standards in criminal law and criminal procedure’ / Sci. editor prof. B.V. Volzhenkin. St. Petersburg, 1998.; S.A. Nasonov The judicial investigation in the jury court: law, theory, practice. – M., 2001.; S.A. Nasonov The opening word of the presiding judge at a jury trial. – M., 2006. 304 p.; Lukin V.P. Problems of improving the activity of a jury in modern Russia: A Special Report on Human Rights in the Russian Federation. – M., 2004.; Dudko N.A. The jury trial in Russia: revival and development stages: a study guide / N.A. Dudko; ed. V.K. Gavlo. Barnaul, 2009; Dudko N.A. Phased introduction of jury trials in Russia: Monograph / sc. ed. N.A. Dudko; Barnaul, 2013.

⁴⁶⁷ The ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation on the constitutionality of paragraph 1 of the third part of Article 31 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure in connection with the complaint of the

Among practitioners there are few supporters of trial by jury. Proponents of the jury, who believe that it is necessary to increase the category of cases dealt with the participation of jury and distribute the jury up to the district (city) and equivalent judicial level, judges – only 5.6%; prosecutors – also 5.6%; investigators – 15.4%; lawyers – 30.7%. Supporters of the jury that support the Russian President's initiative to reduce the number of jury assessors (2, 3, 5, etc.) are among judges – 22.2%; among prosecutors – 5.6%; among investigators – 15.4%; among lawyers – 40.4%. Among the surveyed practitioners who believe that the jury is not necessary that cases should instead considered by the board of professional judges: 22.2% judges, 50.0% – prosecutors, 33.4% –investigators, 10.2% – lawyers. And finally, among the practitioners, who believe that the jury is not necessary – the judge should hear cases alone: 55.6% – of the respondent judges; 61.1% – prosecutors; 12.8% –investigators, and which is very significant, 0% – lawyers⁴⁶⁸.

Thus, investigators, prosecutors, and especially the judges show a conservative approach to the jury; supporters of the jury are primarily lawyers. Such situation is quite understandable: the mistakes made by the jury in reaching their verdict are difficult to fix; organization and conduct of trials with a jury is a complex and unpredictable procedure. Judges and prosecutors are comfortable and familiar with sole consideration of the criminal case. Therefore, the question of a jury trial (expansion of the category of criminal cases under the jurisdiction of the jury; the functioning of the jury in the district (city) and equated to it, including, with a decrease in the number of jury members is an issue that should not be based on opinion of practitioners of the Court and the Prosecutor's Office and must be solved at the level of implementation of the criminal judicial policy.

77,8% judges, 72.2% prosecutors, 66.7% investigators believe that in criminal cases a single judge makes the same number of errors as in criminal cases heard by a panel of judges⁴⁶⁹. Moreover, during the survey judges were saying that with peer review, all judges will work effectively, for example, in many element cases, when one focus is on the study of a number of episodes, it is for them to conduct judicial investigation, it is them who write a sentence document. The rest of the workload is done by the presiding judge – he studied cases, he moderated the judicial investigation, he writes the text of the sentence, and the other judges in the panel formally present in the process. But our studies show that the threshold of miscarriages of justice in the cases examined by a panel of three professional judges is to a certain extent lower than in cases considered by a single judge.

citizen A.S. Limar №6–P of 25 February 2016. [electronic source] / the site of the Constitutional Court of the Russian Federation, access: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision224417.pdf> (reference date 06.02.2017).

⁴⁶⁸ Appendix № 44.

⁴⁶⁹ Appendix № 44.

Specifically, in 2015 from 136 criminal cases tried by the panel 11 or 8.09 % of the cases were returned to the prosecutor in accordance with article 237 of Code of Criminal Procedure (in the ‘sole judgment’, as previously mentioned, only 1.05% of the reviewed criminal cases were sent to the prosecutor for the removal of obstacles to their examination in court)⁴⁷⁰.

In our opinion, the high quality of criminal cases adjudication by the panel of judges is explained as ‘consultation’ of legal professionals which is always more effective than working on the case of one judge-professional⁴⁷¹. In our research, we have already drawn attention to the fact that an important factor in reducing the number of errors in the criminal trial procedure is a peer review of criminal cases.

This conclusion is confirmed by the example of trials in criminal courts of Germany.

German judges of *Amtsgericht* (analogue of our district (city) court or a magistrate's court, as there are no magistrates' courts in Germany) individually consider criminal cases when the authorization of the Criminal Code of Germany provides for penalties not involving deprivation of liberty (e.g. a fine), or imprisonment for a term not exceeding 2 years. Criminal proceedings with enforceable penalties from 2 to 4 years of imprisonment are considered by the same *Amtsgericht*, but as a part of a panel of two (if the offense is not serious) or three (if the offense is serious) professional judges or the court of *sheffens* (analogue of our previous lay judges) – one or two professional judges and two *sheffens*.

Criminal cases with the sanction of punishment over 4 years in prison are under the consideration of *Landsgericht* (analogue of Russian regional Court), *sheffens* court or a panel of jury – two or three professional judge and two *Sheffens*. It should be noted that in Germany, preserved as a tribute to fashion the tradition of the name (brand) – ‘jury’, but really – it is all the same the court of *sheffens* as the court hearing, and professional judges, and the *sheff* enjoy equal rights, and sit together at the same table and equally resolve all issues that must be resolved at the resolution of the sentence. It should be noted that if the case is under the jurisdiction of the jury, the prosecutor always send the case to trial by jury not depriving the accused of his right to be heard by a jury. And only the court will finally resolved the issue on which court will be considering a criminal case: a jury or the court of *sheffens*⁴⁷².

Thus, the peer review of criminal cases in Germany gives high assurance that the case will not allow errors.

⁴⁷⁰ Appendix №45.

⁴⁷¹ On the need for collegial hearing of criminal cases in the context of participation in the judicial panel of lay judges see: Alexeev N.S., Lukashevich V.Z. The implementation of Lenin's ideas in the Soviet criminal trial (the trial stage). Leningrad, 1979. p.118–198.

⁴⁷² Criminal Procedural Law in Germany: tr. from German / Shredder F.K. [et al.] 5th ed. M., 2016. P.124.

It is difficult to compare the quality of the court ‘product’ of the Russian magistrates and federal judges. These judges are considering a completely different category of criminal cases. And if for the magistrates the termination of cases in connection with the reconciliation of the parties is the utmost requirement of the legislator, the federal judge is not always endure the decision to terminate it: more often he would make a guilty verdict of sentence in the case. According to expert estimates, the threshold of ‘detection’ and the elimination of investigative errors, as well as the threshold of miscarriages of justice of the magistrates and federal (regional, city and equated to the level it) judges hearing criminal cases is about the same. Of course, the federal judge of the level of the Federation with high professional qualification tailor-considering criminal cases at the first instance, including considering them in a jury trial and by the panel of professional judges objectively have a threshold of ‘detection’ and the elimination of the investigative errors higher than their counterparts-magistrates and the courts of the district, city and equivalent levels; accordingly, the threshold of judicial errors made by the federal judges and equivalent is lower than that of their counterparts and the district and municipal courts and equivalent.

According to expert estimates, as well as data contained in the various scientific studies⁴⁷³, the risk of increasing the error threshold in criminal cases has increased slightly due to the widespread of criminal cases, especially those related to drugs, with special procedure, including in connection with the conclusion of the prosecutor pretrial agreement on cooperation with the defendant.

The survey of practitioners confirms the expert opinions mentioned above. Thus, 72.2% of judges, 77.8% of prosecutors, 76.8% investigators and 90.2% of lawyers believe that in criminal cases with a pretrial agreement on cooperation the number of errors is the same as in other cases. 55.6% of judges, 72.2% of prosecutors, 79.5% investigators and 70.8% of lawyers believe that in criminal proceedings in a special procedure the number of errors is the same as in other cases.

In our view, the statistics mentioned above, to a certain degree indicates a risk of not detecting errors at the specific procedure of the trial: only 55.6% of judges (just over half) as the legal profession directly related to a specific procedure of the trial expressed the opinion that in this manner the number of errors is the same as for other cases; 33.3% of all judges noted that in the special procedure of the trial probability assumptions various errors increases. It is interesting to note that only 12.8% of investigators, for which, in our opinion, in the first place it is beneficial to hide their mistakes from the court, noted that the probability for errors in a specific procedure

⁴⁷³ See, for example: Rybalov K.A. Special order of the trial in the Russian Federation and problems of its realization. M., 2004. p.100–107; Kalugin A.G. A special procedure for the adoption of the judgment when the defendant agrees with the charges against him. Krasnoyarsk, 2006. p.143–146.

of the trial increases, but, as noted above, 79.9% investigators claimed that the number of errors in cases considered by the court in a special procedure is the same as for other cases⁴⁷⁴. Therefore, in our opinion, in the context of the elimination of errors in criminal cases heard in a special procedure, it requires the attention from the subjects leading the process, and the parties to the trial.

The institute of a judicial pretrial agreement, as well as a special procedure of proceeding without a judicial investigation is presented in criminal proceedings of other countries.

For example, the Institute is currently regulated in detail in the Code of criminal Procedure of Germany⁴⁷⁵. But in Germany, a cooperation agreement in its final form is concluded with the defendant by the court making the appropriate protocol. In Germany, the conclusion and signing of the protocol, which has plea and his assistance to justice, is considered as an important tool for reducing court proceedings and procedural economy, to which there is a tendency of judges not to load themselves with work. But at the same time, as highlighted by German judges during the expert discussions, Germany is not interested in false confessions of guilt: the signing of this protocol is preceded by a careful study by the judge of the criminal case, and if necessary –the judicial examination of police investigators who worked on the case and the accused. To sign such a protocol for the judge is a large personal responsibility: the judge must be inwardly convinced that the confession of the accused in the commission of the act incriminated is true. The judge can not influence in any way the confession of the defendant in the commission of a crime, therefore, more often, the initiative to sign such protocols with confessions of the accused comes from a lawyer. Further procedures in Germany are similar to Russian: judicial investigation in the case is not carried out, the case against the defendant signatory is dealt with in a separate proceeding, the sentence for the defendant in this case is substantially mitigated⁴⁷⁶.

Special mechanism of detection, correction and prevention of investigative and judicial errors is institution of criminal case returned to the prosecutor to remove obstacles of its consideration by the court (Art. 237 of the Code of Criminal Procedure). It is important to analyze the relationship of the institute for the return of the criminal case for additional investigation.

The institute of further investigation has a long and interesting history⁴⁷⁷.

⁴⁷⁴ Appendix №44.

⁴⁷⁵ Shredder F-K., T. Ferrell Ukaz.soch. P.148–149.

⁴⁷⁶ Scientific research notes that in the course of such litigation transactions in Germany – ‘in the agreement between the court and the participants to the trial, a significant role is played by conflict resolution, and the truth has faded into the background. See: Schroeder F-C. Das strafprozessuale Vorverfahren in Zentralasienzwischeninquisitorischem und adversatorischem Modell. Band 71. Frankfurt am Main, 2012. P.122.

⁴⁷⁷ Trisheva A. Additional investigation: emergence and establishment. LRS ‘Consultant’; Moiseeva M.A. Historical preconditions of the institute of referral the criminal case to the prosecutor. LRS ‘Consultant.’

This Institute has always been considered and continues to be considered an important tool for the prevention and correction of errors in the criminal proceedings. After all, the problem of low quality investigation of criminal cases can not always be solved by institutions such as the inadmissibility of evidence and acquittal⁴⁷⁸.

After repeated corrections of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the Constitutional Court of the Russian Federation and the legislator in the current version of this article set sufficiently flexible procedural mechanism to return the criminal case to the prosecutor: the specific period during which the obstacle must be removed (Part 2), removed the ban on the production of investigation (Art. 4) and the rule on the inadmissibility of evidence obtained outside the time frame established before the legislator to remove obstacles (ch. 5), and have a duty to the court to extend the detention period if required by the rules of the pretrial proceedings.

The ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation №16–P dated July 2, 2013 enacted the courts where necessary to send the criminal case to the prosecutor for further investigation for the accused charged under a more serious crime than the one that was initially incriminated for the accused. The legislator responded almost immediately and made the relevant amendments in art. 237 of the Code of Criminal Procedure.

In the cases we studied the body of inquiry was sent to the Court of Article 115 of the Criminal Code. The representative of the victim in the criminal case, using the help of the expert in forensic medicine, gave the court his opinion, in which the expert was seriously criticized the conclusion of the medical examiner, available in the case file and made a judgment that the victim had suffered no light injury, but serious damage and that the cause of death not to asphyxia, but a head injury and brain injury. In these circumstances, despite the protests of the defense and their links to the applicable at the time art. 237 of the Code of Criminal Procedure, the court approved the request of the representative of the victim and sent the criminal case to the prosecutor on the basis of p. 1 art. 237 of the Code of Criminal Procedure to remove obstacles to its examination in court. The prosecutor subsequently sent the criminal case to the investigator; the investigator considered the case within a month, recommissioned a forensic medical examination, the accused K. was charged under Part 2 of Article 111 of the Criminal Code, introduced all the participants in the process of the case file, made a new indictment, which the prosecutor confirmed and remitted the case to the court. The Court as a result of new judicial proceedings on p.4 art.111 of the

⁴⁷⁸ Golovko L.V. The origins and prospects of the institute further investigation ... P.58.

Criminal Code of the Russian Federation recognized K. guilty and sentenced him to 7 years of imprisonment. An appeal and supervisory court upheld the conviction⁴⁷⁹.

So, even in conditions of legal uncertainty in the application of art.237 of the Criminal Code in 2005, the courts and other participants in criminal proceedings with the risk of going to a fair resolution of the complex procedurally significant situations.

Before the adoption of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the main criticism of the institute of further investigation was due to the fact that the criminal case could be repeatedly returned to bodies of investigation and inquiry and further investigation on this case lasted for years. In this case the accused for a long time in detention, contrary to the requirements of Art. 46 and 55 of the Russian Constitution, Art. 6 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, Art. 14 of the International Covenant on Civil and Political Rights, which enshrines the right to a trial within a reasonable time without undue delays.

It was mentioned that the investigating authorities when returning the criminal case to the prosecutor could discontinue proceedings against the accused, the case which has already been heard in the court.

The criticism was also directed at judges, who, using the procedure of additional investigation, returned to the pretrial criminal proceedings, which did not want to make decisions, especially related to the acquittal, the termination of the criminal prosecution, etc. In science, we proposed and offered various options for the modernization of an additional investigation of the Institute: to preserve the institution, adding and specify the base further investigation, their differentiation; return the case for further investigation not at the initiative of the court, but on the initiative of the parties. There have been proposals to change the powers of the prosecutor in the proceedings, namely only on his request to return the case for further investigation or to allow him to carry out investigative actions (to give instructions to their bodies of inquiry and investigation, without referring the case for further investigation), etc.⁴⁸⁰.

In the modern scientific literature there are made, in our opinion, quite interesting and useful proposals, which, on the one hand, make it possible not to conduct tedious discussions about the restoration of criminal proceedings by a court to return the lost institute of returning a criminal case for additional investigation and, on the other hand, are trying to use the incumbent institution

⁴⁷⁹ The criminal case №19–143 heard by Rybinsk District Court of Krasnoyarsk Territory in 2005. The defense lawyer dossier of the author, A.D. Nazarov.

⁴⁸⁰ Zakhozhiy L. Improve the institute of further investigation // S.Z. – 1986. – №3. – P.61; Khalikov A. Further investigation – ‘for’ and ‘against’ // Legality. 1999. №11. P.33; Himicheva G. Referral of cases for further investigation // S.Z. 2000. №8. P.40–41; Trifonova K.A. The Legal Institute of referral the criminal case for additional investigation. M., 2014.

under art.237 of the Code of Criminal Procedure, in the context of the position of the Constitutional Court and the Supreme Court.

Thus, according to T.V. Kuryahovoy⁴⁸¹, undue delays could be avoided if a criminal case will be is attributed to the court and only the court is entitled to establish and extend the elimination of violations, depending on specific situations. T.V. Kuryahova believes that once directed to the court a criminal case should be resolved by the court. Even if the investigating authorities or the prosecutor, to remove the obstacles of the case violations, come to the conclusion about the need to stop production, the decision on this should be taken by the court through the procedure of refusal of the public prosecutor of the charges. This approach in an open trial will provide the publicity of acquittal in respect of illegally raised by an accused person, as well as provide an effective remedy to the victim of the unlawful termination of the case.

Moreover, if the judge making a decision on the return of the criminal case, will know that it is subsequently permitted only in the courts, then, according to T.V. Kuryahova, will decline the number of cases sent to the prosecutor due to the unwillingness make sentence.

M.E. Tokarev offers courts, using the experience of Germany, France, to suspend the proceedings with simultaneous authorities assignments, carrying out preliminary production, ‘to make the necessary investigations and other actions (not excluding the operational-search measures) to eliminate occurring gaps and violations of the law, if they can not be resolved during the trial’⁴⁸².

Referring to what already noted, the institute of the criminal case by the court to return the case to the prosecutor is the problem of redistribution for the accused of a more serious charge than the original. And here are noteworthy the offers of scientists on the possibility to abandon the institution of being charged⁴⁸³, a minimum of interrogators and investigators, and keep only the institute of prosecution.

In many foreign countries, for example, in Germany, the charges formulated by prosecutors at the final stage of the investigation of the criminal case are sent to the court⁴⁸⁴.

If the modernization of the laying of charges leave the institute charges formulation mission to the prosecutor in the completion of the criminal investigation, then when the trial prosecutor can on a particular court procedure guarantee the defendant to ensure the right to defense, to change

⁴⁸¹ Kuryahova T.V. The referral of the criminal court case to the prosecutor // Society and law. 2009. №310 P.218-223.

⁴⁸² Tokareva M.E. The problem of eliminating violations of the law committed by investigators in the direction by the court of criminal cases requires legislative authorization // Actual problems of criminal proceedings: questions of the theory, the legislation, the application of the practice (on the 5th anniversary of the Code of Criminal Procedure of the RF). International scientific-practical conference proceedings. M., 2007. P.466–469.

⁴⁸³ Gavrilov B.Y. Institute of charge: current state and problems of perfection. // Russian justice. 2009. №510 P.50-53.

⁴⁸⁴ Shredder F-K., T. Ferrell. op.cit. p.118–121.

the amount of the charges and the qualification of the act in the direction of their increase. Various options to resolve situations involving accusations turn for the worse in the trial court and return the case to the prosecutor, made by A.V. Smirnov: providing the defense time to prepare their defense to the new charge, formulated by the prosecution; an introduction to the process of following the example of the French Institute of proceedings the court orders to the bodies of the preliminary investigation, and others⁴⁸⁵.

Thus, the mechanism of correction of errors and warnings Institute returning the criminal case to the prosecutor by the court, yet as a backup tool must remain and continue to improve.

In course of our empirical research, we could not ignore the criminal case by the court to return the issue to the prosecutor for further investigation as incomplete, one-sided and bias investigation of the circumstances of the criminal case. A significant number of the judges surveyed were in favor of the revival of the institute of further investigation (88.9%); investigators (87.1%), lawyers (70.3%) and prosecutors (44.4%) stated in their replies that such an institution actually exists when the court returns the criminal case to the prosecutor for the removal of obstacles, and the prosecutor returned the case investigator for further investigation⁴⁸⁶.

Thus, based on the opinions of practitioners, from the standpoint of eliminating the investigative and judicial errors in the moment it is important to maximize the possibility of the trial, as well as to some extent settled today after many upgrades the institute of criminal cases returned prosecutor under art.237 of the Criminal Procedure Code of the RF.

Modern scientific and technological progress more insistently poses the problem of implementation of criminal justice in the criminal procedure technologies 'e-justice', 'electronic criminal proceedings', the audio-video recording of certain investigative actions on pretrial stages of the criminal process and full audio-video recording of proceedings in a criminal case, etc. At the initial stage 'electronic criminal' case and the audio recording could be introduced in criminal cases of grave and especially grave crimes, especially if elected as a preventive measure of detention.

Special attention is to be paid to the audio recording of proceedings of the criminal case, special in the first instance. The information base for the appeal, cassation, supervisory review of cases is the record of the hearing of the trial court. It is in the trial record as accurately as possible (given that this is not a transcript of the court hearing) should be reflected indications interrogated the defendant's trial, the victim, witnesses, experts, the results of research in the expert opinions

⁴⁸⁵ Smirnov A.V. On the turn of the charges for the worse in the trial court and referral of the case to the prosecutor. [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Comments to the legislation. Electron. Data 2008. Access from the local network of the Law Institute of the Siberian Feder. Univ.

⁴⁸⁶ Appendix №44.

court documents, protocols of investigative actions, forensic evidence, action all participants in the trial.

However, the accuracy of the transcript of the hearing in many criminal cases is in doubt. After all, it is the usual way (handwritten or computer) clerk of the court (judge's assistant sometimes act as secretary, adviser of the court, a trainee). Not having time to adequately record the testimony of participants in the proceedings, the court clerk records is that, in his opinion, is the most important. At the same time they are often admitted factual errors, distortions, many hours of questioning in court the trial record can fit on one or two pages. Unfortunately, the clerk of the court is often used in an invalid 'rationalization' approach: derived from investigators electronic version of the indictment, and take out of the hearing testimony texts protocol persons interrogated in court.

Certainly, conscientious clerk of the court record in the course of the process recorder or cell phone; then transcribe these records in making the trial transcript, which, of course, makes it the most reliable. Of course, both sides of the process, especially the defense, quite often make recordings, including, officially, sometimes even through a written request, notifying the court on your recorder course of the trial, which could then be used by them in a dispute for reliable data court session protocol (not the fact that in the event of it incomplete and unreliable data, even if a non-procedural record, it is possible to achieve correction of the trial record). Suffice it rarely Court (primarily at the request of participants in the process), the decision on the production of parts of the trial record (usually after each court session). Within three days after the verdict of the court session protocol is also not always ready. Almost always, the judge goes to the jury room without a finished transcript of the hearing, having at the hands of their rough working notes or working dictaphone records. And often, unfortunately, not a sentence corresponds to the record of the hearing and the hearing record corresponds to the sentence of the court.

Therefore highly relevant today is the question of mandatory fixed on the level of the legislature, the conduct record (do not rule out the video) of all court proceedings. The audio recording of the arbitration process as a key way of fixing the course of the court session provided for in Article 155 of CCP of the RF agribusiness. And it has become a daily common practice of the courts. Protocol on paper in arbitration is now secondary to the record. It is the same path to go, and the criminal proceedings, especially since the funds for the purchase and installation of recording equipment on state courts of justice support program stand out. It is important that the bill on compulsory jurisdiction record trials in criminal cases was quickly taken up by our Parliament, so that the absence of a minimum record of the trial would have been the absolute grounds for cancellation of judicial decisions.

Given the modern high technologies in the age of electronics and computerization, currently it is important to talk about 'the technologized model' of judicial proceedings, primarily, for serious and very serious categories of crimes that would make it possible:

- to essential discipline, in all aspects, the relevant participants in criminal proceedings (the accused, victims, etc.) who now quite often submit to a higher court of appeal, cassation, supervisory their petitions understanding that these courts, especially, in the cassation and supervision, will work only with written material in the case file which the parties involved do not trust and believe that it is only their details and emotional complaint that is able to 'make' the higher court to take a different decision, if such persons are aware that a higher court examines not only the materials of the case, but also the necessary pieces of audio-video recordings of the hearing of the case, the attitude to appealing what is objectively recorded on audio-video media may be different, more balanced than to records of what was happening in court during the trial, which today such persons are extremely skeptical about;

- significantly objectify the activity of revision instances as the personal visual perception of the whole trial or of necessary parts thereof would help the judges of appeal, cassation and supervisory instances develop a better and more reliable approach to assessing the evidence and with greater objectivity take a legitimate and well-reasoned decision in the case.

In the context of approaches to litigation in a court of first instance designated L.V. Golovko and studied them through the prism of different models of criminal proceedings, including the continental and Anglo-Saxon, the Russian model of the trial court seems to us a special, mostly constructed in the elimination of investigative errors and avoiding their own judicial errors. This is evident, for example, in the following aspects:

- the increased importance of the victim figure who has the right to participate fully in the proceedings, including the use of qualified legal assistance of a lawyer as a representative of the victim;

- in a jury trial the presiding judge, as in the conventional process, has the right to investigative activity;

- widely allowing the special procedure of the trial (including in the context of pre-trial agreement on cooperation between the prosecutor and the accused), the legislator builds enhanced safeguards system for decision rightly solutions: a meaningful preliminary investigation, obtaining consent of the accused with against him prosecution, the accused is guaranteed the right to protection (including by the state), the ability to go in cases stipulated by law to the general procedure on the initiative of the victim, the public prosecutor and the court; grounds for cancellation of a sentence imposed in a specific order, and can be shortage of evidence of the alleged accused corpus collected in the preliminary investigation of the criminal case; the absence

of force prejudicial judgment rendered in a special manner, including at the conclusion of the pre-trial agreement between the accused and the prosecutor.

We believe that the Court of the First Instance, sending justice in criminal matters in the usual normal mode in compliance with all legal procedures and criminal justice principles, has all procedural possibilities under the current legislation strictly fulfill purpose of criminal proceedings, including at the same time to implement, if necessary, the special purpose of criminal proceedings – to identify, correct and prevent investigative errors.

Summarizing the above, as a model departure essentially of criminal justice in the court of first instance represent ‘a model of active vessels’, in which the court itself, and professional participants of the criminal process, representing the prosecution and defense, are active in the establishment of material truth in a criminal case, considering it fully, comprehensively and objectively – with a high standard of proof the circumstances of the incriminated person socially dangerous act, using the given criminal procedural law powers for the recognition of evidence inadmissible, the imposition of acquittals, return the criminal case to the prosecutor under Art. 237 Code of Criminal Procedure, and others. Our proposed ‘model of active courts is focused on the priority of the use possibilities of the collective of the criminal proceedings (by a jury panel of professional judges), the proceedings in the ‘normal mode’ in the ordinary, not special order, litigation using audio–video. This ‘model of active courts’ will allow, first, to minimize the amount of own miscarriages of justice and secondly, efficiently and effectively to detect, correct and prevent investigative errors.

Thus, it is through the production of the first instance court in most cases should operate effectively eliminate judicial mechanism investigative errors.

§2. Elimination of errors through the proceedings in the court of appeal, cassation and supervisory authorities, as well as through the resumption of the proceedings in view of new or newly discovered evidence

As earlier written by N.N. Polanski, ‘no matter how much effort have made the courts in order to avoid mistakes in their work, is still possible in some cases, production of erroneous and unjust sentences’⁴⁸⁷.

According to the fair opinion of V.K. Slichevskiy, ‘no matter how high the guarantee, established by law in the fence justice imposes a sentence by the court, the possibility of judicial errors in their formulation can never be eliminated. Any found in the court verdict, the error did

⁴⁸⁷ Polyansky N.N. Criminal trial. Criminal Court, its structure and activities: Lectures. M., 1911. p.181.

not only violate the interests of justice, but also create a further hazard to public interests, weakening of the criminal law⁴⁸⁸.

I.Y. Foinitskiy noticed that the essential interests of the individual and society would find the most complete satisfaction if these proceedings may have for ends by all court proceedings: the speed of the process would be achieved in the highest measure can be carried out directly by the judicial requirements analysis, its cheapness and the inviolability of judicial decisions. However, experience has shown that the analysis of the case in one instance, in spite of all the worries about the proper building it leaves the possibility of errors in the verdict, though the court places acting apart, losing the internal unity in the understanding and application of the law, because the interests of justice are unsecured and judicial sentences cease to be an expression of the truth⁴⁸⁹.

In criminal procedural mechanism detection, correction and prevention of errors judicial audit procedures⁴⁹⁰ are an integral part.

Classically, forensic audit is conducted in criminal cases in which a judicial decision (judgment, ruling) has not entered into force and for which it entered into force. L.V. Golovko represents three important postulates in the judicial revision:

- 1) each criminal procedure system should provide a mechanism for review of sentences, when a court (judge) examines decisions made by another court (judge);
- 2) the mechanism should be the only way to correct miscarriages of justice i.e. any judicial error can be corrected only in the criminal procedure in judicial verification of production;
- 3) penalty review mechanism must be strictly limited and precisely both in quantity and in the temporal sense.⁴⁹¹

Thus, according to L.V. Golovko, fully shared by us, in the state must be logical instance system in the form of a pyramid on top of which – the highest judicial body of the country. L.V. Golovko indicates that way to review the sentence when the sentence is reviewing the judge who issued it and, in the Russian Federation does not apply (the judge can not re-consider one case) applies only way to reformation – a verdict revised by higher court. Hence the effect of revision: the transition of authority to revise the judgment of the lower court superior⁴⁹².

⁴⁸⁸ Sluchevsky V.K. Textbook of the Russian criminal trial. Introduction / ed. VA .Tomsinov. M., 2008. Part 2: Legal proceedings P. 404.

⁴⁸⁹ Foinitskiy I.Y. The course of criminal proceedings. In 2 v. Ed. 3rd, rev. and ext. SPb., 1910. Volume 2, p. 486–487.

⁴⁹⁰ Use of the term ‘revision’ is due to the fact that the approach of the theory called the beginning of the revision is the principle of *ultra petita*: consideration of the case ‘over the complaint’ (the court is not bound by the arguments of complaints, submissions of the parties interested and reviews the case in its entirety). This is the approach adopted in Russian appeal, cassation and supervision. See also: Golovko L.V. The course of criminal proceedings. P.1069.

⁴⁹¹ Golovko L.V. The course of the criminal proceedings. P. 1057.

⁴⁹² Ibid. P.1060–1061.

Russian criminal trial of January 1, 2013 at a revision of criminal cases in which the judgment is not yet in force, using the appeals procedures as well as the audit in cases where the judgment has entered into force, it applies the cassation and supervisory procedures.

Revision procedures are designed to detect, correct and prevent the mistakes of the previous stages of criminal proceedings – in that their value and basic purpose.

In our opinion, the revision process in the Russian criminal trial is special. If the classical continental sentences revision system provides appeal, cassation and newly discovered facts, and in the Anglo-Saxon – only an appeal and the jury verdict did not appealed (aka ‘voice of the people’), the ‘mixed’ Russian model of criminal proceedings review of the sentence is the maximum set of ‘filters’ to identify, correct and prevent miscarriages of justice: appeal, cassation, and supervision of new or newly discovered evidence.

It is to be noted that when the audit authorities change the type and size of the assigned punishment to the guilty party, it should be recognized as a significant error. In our opinion, only those cases when rules of destination contrary to a court sentence imposed punishment too mild or too severe a punishment. In all other cases, the change by a higher court the type and size of the punishment is only formally a mistake of the first instance court (a higher court because ultimately changed the sentence imposed), but, in fact, in this situation, each of the judges in determining the type and size of the punishment was guided by law and his inner conviction that due to various internal and external factors prompted his ‘point’ punishment, recorded in each of the judicial decisions.

The appeal mechanism involves a continuous revision (revision) of the criminal case: when necessary – a complete holding of the trial; mandatory – the debate, the last word of the accused.

Revision in cassation and supervision is essentially documentary: investigated the criminal case and the arguments of the cassation, supervisory complaints and representations. Outwardly, it seems that the effect of the appeal, and, even more supervision, is insignificant. But it should be noted that the legislator, in our opinion, is trying to ensure that the verdict of the first instance court in most cases was unmistakable – a legitimate, reasonable, reasoned and fair; to the bulk of the errors identified and corrected on appeal, when the sentence has not yet entered into force. The legislator is concerned about the stability of the sentence. Prior to 2015, for a period of time even there was a rule that restricted the terms of cassation and supervisory complaints by one year.

The reform constantly supports the emergence of new appeal procedure, the cassation and supervision associated with the need to relieve the higher courts, especially the Supreme Court, from the inordinate number of complaints about judicial decisions in criminal cases. Indeed, the higher courts should focus on judicial review, related to the synthesis and regulation of judicial

practice, elaboration of judicial policy is definitely correlated with the criminal policy and, in general, the legal policy of the state.

Disagreement of parties with the decision rendered by a court of the first instance in the criminal case causes them to repeatedly appeal the decisions and judgments in audit instance: appeal, cassation, supervisory. Moreover, not only the decisions of the judicial stage, but the courts' decisions adopted at the pre-trial stages. On this occasion, quite categorical position held Y.K. Y: there should be no 'judicial control over the judicial control', in addition to the decisions on detention and extension of detention⁴⁹³.

One of the reasons for complaints on judicial decisions is, in our opinion, is that the courts, declaring them not intelligibly explain to the accused, the victims and the motives are made judgments and sentences⁴⁹⁴. Of course, it is important that the text of the verdict was clear to all parties, especially not a lawyer, a detailed reasoned and motivated, persuasive. In addition, and proclaimed properly (so that all participants hear comfortably text on the volume and rate of reading it). But the oral explanation the meaning of the sentence is perceived by ordinary people is always user friendly and more reasonable.

Another reason to appeal court decisions in various stages is the hope of the parties, primarily convict, on the identification and correction of errors by a higher court, especially in the amount of charges, qualification actions and the amount of the penalty imposed. Moreover, it should be noted that such expectations are often not convicted, but true: the higher courts recognize and deal with errors of lower courts.

In 2015 there were reviewed 129,331 cases or 13.81% of all cases handled by the courts of the first instance. Appellate court canceled:

- 309 convictions courts of first instance and rendered acquittals (0.24% of the reviewed on appeal of criminal cases);
- 4127 court decision and sent the criminal case for a new trial in the court of first instance (3, 19% considered on appeal of criminal cases), including – 86 decisions in view of excessive leniency of the sentence (0.07%);

⁴⁹³ Yakimovich Y.K. Revision of sentences and other judicial acts in criminal cases by the court of the second instance / Legal problems of strengthening Russian statehood: Coll. Articles / Ed. M.K. Sviridov. Tomsk., 2005. CH.29. P.164–172.

⁴⁹⁴ Author of the study in 2001 – 2016's was participating in the scientific internships in Germany and visited 18 court proceedings in criminal cases to find the following: the court, as a rule, in the final examination of the case declares a resolution, and then invited all participants to sit down, for a long time (sometimes even longer than the trial itself on the merits) in his own words lucidly explains the parties why he used this or that evidence as the basis for the sentence, why he rejected some evidence or treated them critically, to what extent and why he has taken into account the position of the prosecutor and the defense lawyer, and others. When you consider that in Germany, as in many other European countries, the criminal policy is aimed at the adoption of humane solutions to the defendants, after listening to the judge's 'lectures on law' the convicted are unlikely to burden the court with unnecessary complaints. As we were told by the German judges, their decisions on criminal cases are appealed against in approximately 5–7% of cases.

- 656 decisions and returned the criminal case to the prosecutor for the removal of obstacles to their examination (0.51% of the reviewed on appeal of criminal cases);
- 500 decisions and cease criminal cases mean reconciliation, active repentance of the defendant (0.39% of the reviewed on appeal of criminal cases);
- 103 decisions and terminate criminal proceedings on other grounds (0, 08% of the reviewed on appeal of criminal cases);
- 665 decisions and cease criminal cases on other grounds (0.51% of the reviewed on appeal of criminal cases);
- 105 decisions and cease criminal cases regarding charges (0.08% by considered on appeal of criminal cases) – 1329 and made a new decision convictions (1.03% of the reviewed on appeal of criminal cases).

Appellate courts changed:

- 300 decisions (0.23% of the reviewed on appeal criminal cases) with the change in the qualification actions and without reducing the penalty – 2204 solution (1.70% of the reviewed on appeal of criminal cases) with the change in the qualification actions and leniency – 167 decisions (0.13% of the reviewed on appeal criminal cases) with the change in the qualification actions and increased penalties;
- 11 907 decisions (9.21% of the reviewed on appeal of criminal cases) without changing the qualification actions and leniency – 2412 decision (1.86% of the reviewed on appeal criminal cases) without changing the qualification actions and increased penalties⁴⁹⁵.

The statistics above do not fully reflect the significant activity of the court and the trial participants (especially when considering the appeal in the district, city and equated, courts of final decisions rendered by justices of the peace), which seen them in a court session, particularly during the trial, when to challenge and petition, again studied the evidence, eliminated one of them illegal, are involved in the new evidence proving process provides an objective assessment of each proof individually and collectively, are eliminated violations of the Constitution, the generally accepted norms of international law and procedural irregularities, changes and clarifies the criminal law of the defendant incriminated socially dangerous act, the issue of the validity of the sentence imposed in the first place, it is too soft or excessive severity and dr.

The judicial reform of the 90s revived the magistrates' justice in Russia⁴⁹⁶. For the revision of decisions of magistrates in criminal proceedings for an appeal in the federal court district (city) was introduced.

⁴⁹⁵ Appendix № 26, 27, 29, 30.

⁴⁹⁶ Voskobitova L.A. Judicial power: origin, evolution and typology: Textbook. Stavropol, 2001. P.115–125; Voskobitova L.A. Essential characteristics of the judiciary. Stavropol, 2003. P.44–64; Voskobitova L.A. The global justice and restorative justice: theory and practice of development: 2007. 334 p.

It should be noted that such appeal proceedings favorably differed and differs from the appeal and supervision procedures, represents and continues to represent, as we have noted above, a conveyor, ‘five-minute’ review of criminal cases. The appeal proceedings before the District Court, as a rule, are measured: examines the evidence, including those which have not been the subject of research in the first instance, the parties argue various motions qualitatively pass debates, etc. The Court of Appeal at a pace and approach can take. A more informed decision, including the previous one in any direction (improvement or deterioration of the convict) solution⁴⁹⁷.

It should be noted that prior to January 1, 2013, the appeal procedure applied only to decisions of magistrates, as well as on the interim solution of all courts of first instance, but still continued to operate ‘Soviet’ cassation and supervisory procedures. As noted already above, from 1 January 2013, in Russia there is a new revision procedure in criminal cases: an appeal – in all criminal cases and interim decisions, consideration and adoption by the courts of first instance; cassation and supervision – by judicial decisions which have entered into legal force.

Pursuant to the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, the errors made by the court of the first instance, are to be corrected by the court of the second instance in the proceedings, closest to the proceedings before the Court of the First Instance⁴⁹⁸.

Certainly, it is a brand new approach to the revision. In Germany, there are appeal and cassation, but this procedure in cases in which judicial decisions (especially sentences), not yet in force. However, the German criminal trial does not know supervisory procedures⁴⁹⁹. At first glance, it's hard to tell which process has advantages. Though logically, the presence of another, in addition to the appeal and cassation instance in the form of the revision is an additional barrier to unjust decisions and errors in the administration of criminal justice. From a theoretical and practical point of view, and the old and new procedures for auditing matters should strategically work on detection, correction and prevention of errors in criminal cases on the adoption of the law (rightly), sound (motivated) and fair decisions.

Scientists-processualists I.L. Petruhin, G.P. Baturon, T.G. Morschakova in Soviet times stressed that ‘... the revocation, judicial review and the review of cases of newly discovered facts, taken together, represent the education system, united by common goals, chief among them – the

⁴⁹⁷ Sidorova N.V. The appeal in the court of the second instance in criminal trial of Russia. Tomsk, 2006.

⁴⁹⁸ Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation in the case on the constitutionality of the provisions of Articles 237, 413 and 418 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of the Presidium of the Kurgan Regional Court: of 16.05.2007 № 6–P // [Electronic resource] // the Website of the Constitutional Court of the Russian Federation. Electron. Da. Systems. Requirements: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision19708.pdf> (reference date 02/06/2017).

⁴⁹⁹ Shredder F-K., [et. al] P.214, 221–233.

identification and correction of miscarriages of justice'⁵⁰⁰. At one time they brought some interesting statistics confirming this proposition.

According to their sample survey (1972), the first instance courts to detect and correct errors prosecutors and investigating authorities through the return cases for further investigation – 3.7%, acquittal – 1.0%, the termination of cases – 3.4% of all cases brought before the courts of first instance of the prosecutor and the investigating authorities – a total of 8.1%. To this we must add another 8.7% of investigative errors corrected by the courts of first instance by changing the charges. Thus, the courts of first instance reveal investigative errors by 16.8% of criminal cases, prosecutors sent to the judicial authorities (this figure increases to 19.4% if we consider the correction of errors also investigating cassation and supervisory authorities). In other words, it is believed called us scientists, the first instance courts did not reveal a number of investigative errors and, moreover, are sometimes commit errors themselves. According to the same study trial court error correcting cassation instance by returning cases for further investigation – 0.6%, the termination of cases – 0.1%, the return of cases to a new trial – 1.05% change in qualification of the crime and punishment in favorable to the convicted party – 2.3% of all cases brought before the courts of first instance (total 4.0%). Of all these errors of about 60% is only for errors of courts and 40% – for investigators errors not identified by courts.

In contrast, as evidenced by the data described by our research, detection and correction of errors of cassation in the supervisory procedure is performed by the return of cases for further investigation – 0.3%, the termination of cases – 0.08%, return cases for a new trial – 0.9% change in qualification of the crime and penalties for convicted favorable direction – of 0.7%, the abolition of the appeal decision with the transfer of the case to a new consideration of the appeal – in 0.3% of cases (total 2.28%). According to the researchers referred to us, we must remember that the supervisory court overturned the sentences only slightly less than the appeals, that is focused on correcting the serious judicial errors.

Thus, from the point of view of these scientists, if the 100% take the number of all considered by the courts of the first instance cases, the courts of various instances fix the following number error:

- 1) the courts of first instance – 16.8%;
- 2) the courts of second instance – 4.0%;
- 3) the courts of supervisory instance – 2.28% .

Therefore, to summarize the study authors, the whole system of courts and stages is sufficiently reliable, because in most cases, provides the legitimacy and validity of the convictions

⁵⁰⁰ Petruhin I.L. Theoretical basis of the effectiveness of justice. M., 1979, p. 308.

and the rehabilitation of the innocent. But at the same time they pay attention to the fact that there are such links, which are not sufficiently effective (in particular the stage are brought to justice, newly discovered facts) in this system, and that only 8–10% of judicial errors are corrected through the prosecutor⁵⁰¹.

A.S. Chervotkina states: ‘In any kind of activity impossible to avoid mistakes and errors. Is no exception and the activities of the review of criminal cases in the course of which the first–instance courts make mistakes not only in establishing the facts of the case, but also in the application of certain rules of substantive or procedural law. Meanwhile, the verification of the legality, validity and fairness of court decisions by higher courts is carried out not only to identify the mistakes made in the consideration and resolution of the case, but also to take appropriate measures to address them, including through the provision of superior courts of the authority to revise judgments.

Identification and elimination of mistakes made during the preliminary investigation and the judicial proceedings in the courts of first or second instance, aimed not only at restoring the violated rights of the persons involved in the process, but also to eliminate violations of the rules that define the shape of procedural justice. It would seem that any deviation from the procedural law was the reason for the appeal. But the absolute understanding of the situation would lead to instability at the first instance court verdicts. judicial rules so numerous that no court can not be sure of the exact observance of them all ‘approach to understanding’⁵⁰².

The violations of the law during the collection, verification and evaluation of evidence demonstrated by the Supreme Court of the Russian Federation. The decision of the Supreme Court of the Russian Federation of December 23, 2008 N 28 ‘On the application of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the production of the courts of appeal and cassation instances,’ he said: ‘In accordance with the provisions of Part 2 of Art. 360 of Code of Criminal Procedure, in conjunction with the provisions of Art. 6 of Code of Criminal Procedure, the courts of appeal and cassation instances have the right to go beyond the appeal (cassation) complaint or application to check the criminal proceedings in full, if it will not be tolerated situation of the convicted deterioration, acquitted person, the criminal case in respect of which terminated as failure to correct a miscarriage of justice would distort the very essence of justice and the meaning of the sentence as an act of justice’.

⁵⁰¹ On the above findings and conclusions see: Petruhin I.L. Theoretical basis of the effectiveness of justice. P.215–216; 249.

⁵⁰² Chervotkina A.S. Appeal and cassation: A Handbook for Judges. M., 2010. P. 24, 25, 46.

In the judgment №8–P⁵⁰³ in 2014 the Constitutional Court re-emphasizes the important conceptual provisions relating to the audit activities of courts of general jurisdiction to identify, rectify and prevent errors; ‘Revealing the constitutional content of the right to judicial protection, the Constitutional Court concluded that in the judicial protection of the rights and freedoms may appeal in court the decisions and actions (inaction) of any state bodies, including the judiciary, and therefore no opportunity to review an erroneous judicial act is not consistent with the universal requirement of effective redress through the justice that meets the criteria of fairness, diminish and restrict this right (judgment of 2 February 1996 №4–II, from February 3, 1998 №5–II, from February 5, 2007 №2 –P, etc.’; ‘... based on the fact that the right to a fair hearing within a reasonable time by an independent and impartial tribunal implies finality and stability of judicial decisions which have entered into force, and their implementation, the main burden of reviewing the decisions of the trial court should be borne the usual (ordinary) courts, which obliges the government to create the necessary conditions for effective and fair trial of the criminal case is in the court of first instance, which are subject to the resolution of all essential to define the rights and obligations of the parties questions, and to amend admitted by the first error instance the court of second instance (currently – appeal) in the procedures, the most close to the proceedings before the court of first instance (judgment of November 17, 2005 №11–P, on February 5, 2007 №2–P and dated April 21, 2010 № 10–P)’; additional procedural verification mechanism came into judicial decisions (cassation, supervision) ‘... means, in essence, the ability to overcome the finality of judicial decisions which have entered into force’, and, ‘taking into account the constitutional and international legal requirement of finality and stability of judicial decisions, should establish such institutional and procedural conditions for their review, which, having a backup value would exclude the possibility of unjustified resumption of the trial and were used only in cases where the error in the previous proceedings, determined the outcome of the case’; ‘To introduce additional procedural mechanisms of verification of an enforceable court decision is not intended to provide a person unlimited possibilities to demand its revision, including through repeated consideration of the criminal case before the courts of one (appeal) court, including different in the level of courts competent to hear cases on appeal, as well as the selection method at its own discretion and judicial review procedures – they are set on the basis of the Constitution and its articles 46, 123 and 128, the federal law. Another would involve increasing the number of unfounded cassation instance, would be inconsistent with the principle of legal certainty and the destination appeal proceedings

⁵⁰³ The ruling of the Constitutional Court of the RF On the case on the constitutionality of certain provisions of Articles 4013, 4015, 4018 and 40117 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens S.S. Agayev A.Ş. Bakayan et al of 25 March 2014 the №8–P // [Electronic resource] // Website of the Constitutional Court of the Russian Federation. Electron. Da. Systems. Requirements: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision156350.pdf> (reference date 03/06/2016).

as an additional means of ensuring rightly judgments ‘Referring stated in the same ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation,’ a similar position is held by the European Court of Human Rights, believing that departing from the principle of legal certainty, on which is based the article 6 of the Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms, and that as a general rule, claims irrefutable final judgment can be justified only by circumstances of a substantial and compelling character, such as the need to address the fundamental error (judgment of October 28, 1999 in the case of ‘Brumarescu against Romania’, dated 24 July 2003 and the case of ‘Ryabykh against Russia’ of 18 January 2007 in the case ‘Kat against Russia’ and 31 July 2008 in the case of ‘Protsenko against Russia ‘). Possibility of re-examination of the criminal case in which he has already been finally acquitted or convicted, is permitted, under Article 4 of Protocol №7 for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, the Convention, if there is evidence of new or newly discovered facts, or if in the previous proceedings It has been a fundamental defect that affected the outcome of the case ‘.

The modern appeal, cassation and supervising the production for various reasons may not provide identification and elimination of errors allowed by the courts (especially when you consider that not all criminal cases are stage data).

Over ten year legal experience of the author of the study demonstrates that the procedure of criminal cases in order of appeal and cassation recalls ‘assembly line’: on certain days (generally two days a week) and at the same time the court is open to all interested stakeholders on a variety of different criminal cases and materials; on consideration of the case (the material) is given a minimum of time – presiding constantly urges all participants in the process, interrupt their performances, etc.; to discuss the final decision the court takes time from several minutes to several tens of minutes; it is announced only the operative part of the decision; etc.

The study of issues of appeal and cassation proceedings engaged and continue to engage many scientists⁵⁰⁴. This offers a variety of options for improving these revision procedures.

⁵⁰⁴ See : Perlov I.D. The appeal proceedings in Soviet criminal trial. M., 1968; Temushkin O.P. Organizational-legal forms of verification of legality and validity of sentences. M., 1978; Aleksandrov A.S., Kovtun N.N. Grounds for cancellation (change) sentence in the court of appeal // State and Law. 2001. № 10. P. 58; Diener A.A. Appeal proceedings in the Russian criminal trial: scientific–practical conference. Study guide /Ed. L.F. Martynyahin. M., 2003.; Ryabinin T.K., On the question of the concept of reason to cancel or change the judgment on appeal / justice issues in criminal cases in modern Russia: Theory and Practice: collection of scientific articles/ Ch. Ed. T.K. Ryabinin, A.A. Kovyazin; Kursk, 2007; Poznyakov M.L. Criticism of the theoretical positions of the grounds for the cancellation of sentences in connection with the new circumstances in the court of cassation // Current and future development of legal science: Mater. Intern. scientific–practical. conf. Izhevsk, 2006 Part 2. P.178–179; Bryanskiy V.Y. Proceedings on appeal in criminal proceedings: Ab. Dis. for Cand. Jurid. Sciences: M., 2006; Smirnov A.V. The reform of the order of review of judicial decisions in criminal matters: the appeal. [Electronic resource] // Access of reference and legal ‘ConsultantPlus’ system (reference date: 5/19/2013); Chervotkina A.S. Appeal and cassation ...; Komogortseva K.A. Criminal cases on appeal in criminal procedural legislation of the Russian Federation. Diss. for Cand. Jurid. Sciences. M., 2013; Solovyeva N.A. Legal and actual verification of the judgment on appeal: M., 2013; Kudryavtseva A.V. Appeal proceedings in the criminal trial of Russia: M., 2013; Geghova D.H. The appeal proceedings in the Russian criminal trial: the genesis and development prospects. Diss. for Cand. Jurid. Sciences. M., 2016.

M.T. Ashirbekova believes that the judicial inquiry into the appeal proceedings must be ‘full-scale’, i.e., without any exceptions, because the object of production is not only the verdict and all criminal proceedings⁵⁰⁵. According to the scientist, ‘it is clear that the new evidence that was not and could not have been in the field of view of the court of first instance, it is able to change the picture of the actual circumstances of the case’⁵⁰⁶.

According to A.N. Razinkina, the parties petition to call at the hearing witnesses questioned before the Court of First Instance, must be satisfied in all cases, in order to provide the parties the right to participate in the examination of evidence (ask the witness questions, give explanations, etc.). Witness testimony only according to the protocol of the trial may affect the completeness of the trial and, ultimately, on the legality, validity and fairness of judgment⁵⁰⁷.

Our approach to the model of the modern appeal is built in the context of the position L.V. Golovko, ‘Rule on the right side in the two instances of the criminal proceedings (or the right to a retrial of the criminal case in the second instance, including the right to re-trial investigation).’

Therefore, according to L.V. Golovko, there may not be incomplete appeal – it is always complete. In addition, it is an ordinary (for any reason), in contrast to the appeal, and supervision of new or newly discovered facts: they are – extraordinary (only on points of law) means a review of sentences. The appeal, in contrast to other methods of review of sentences has suspended the effect of the revision, when filing a complaint suspends the execution of the sentence. Moreover, it is important to bear in mind the situation and evocation of the theory: when procedurally flawed decision of the Court of the First Instance, the two merge instance and the appeal hearing the case on the merits, without sending it to a new trial⁵⁰⁸.

Thus, the model of appeal of the criminal proceedings as an effective ‘filter’ detection, correction and prevention of miscarriages of justice in a criminal case in our view should be devoid of any ‘appeal slope’: appeal certainly can not be a conveyor, and should be effective ‘model of a full appeal,’ that is, a new examination of the criminal case on the merits by a higher court and collectively (except for appeals on decisions of the magistrates and the interlocutory appeal) that, in fact, more professional. Accordingly, in this model, the appeal is important to fix the following components:

⁵⁰⁵ Ashirbekova M.T. The principle of publicity of court proceedings in criminal cases: a monograph / Volgograd, 2008. P. 158.

⁵⁰⁶ Ashirbekova MT New evidence in the appellate court // Russian justice. 2013. № 5. P. 22.

⁵⁰⁷ Razinkina A.N. Appeal in criminal proceedings. M., 2004, p.128–129.

⁵⁰⁸ Golovko L.V. The course of criminal proceedings. P.1058-1067. It should be noted that L.V. Golovko in his research speaks on the functioning of special courts of appeal. The Supreme Court of the RF has already announced the initiative on the establishment of district courts of appeal following the example of arbitral ones. The author of this study did not study this idea, although it does not rule out some positive effect in the context of elimination of miscarriages of justice: a specialized court is always more effective in the review of the judgment of a court with which it is not related through any administrative and corporate interest.

– all presented in court by the parties of criminal proceedings witnesses should be questioned in court;

– all written submissions of the parties should be attached to the case file and motivated, legally and equitably resolved without findings of this petition was necessary to declare in a court of first instance (Why did not you declare the petition in the court of first instance?); ‘This petition is already allowed by the court of first instance’ (or ‘data evidence has already been studied in the trial court’)⁵⁰⁹.

‘Comprehensive appeal model’ makes the trial court complete, comprehensively and objectively conduct the proceedings in a criminal case, to avoid miscarriages of justice and temptation the parties to reach a new, definitely expensive ‘double-trial’ on appeal (literal repetition of the trial). And if you still ‘double process’, the appeal goes through, it will not be a conveyor, and complete the process, which is intended to ensure the elimination of judicial errors. The issues of proceedings in the supervisory instance were addressed by V.P. Maslov⁵¹⁰, I.D. Perlov⁵¹¹, I.I. Poteruzha⁵¹², V.A. Davydov⁵¹³, I.S. Dikarev⁵¹⁴, M.V. Merzlyakova⁵¹⁵ and A.D. Proshlyakov⁵¹⁶, etc.

Specifically, I.S. Dikarev believes that ‘the courts of cassation and supervising instances is a single – supervisory appeal – a form of revision entered into legal force of court decisions, which combines features of the traditional Russian criminal process of judicial review and classical European (continental) appeal’, designed to correct the judicial error. Scientist rightly proposes to increase the terms of office of the President of the Supreme Court and his deputies, chairmen of the courts and the Federation level of substituents on the abolition of illegal and unreasonable decisions of the appropriate level of judges made by them in the exercise of supervisory and appeal activity, as well as part of its own motion initiate supervisory–appeal proceedings where necessary; to establish a six–month period of application of the rule ‘turn prohibition for the worst,’ free from the obligation to return the criminal case to the prosecutor on the grounds provided ch.1.2 claim 1 st.237 Code of Criminal Procedure, as well as the right to judges investigating cassation and supervising the application, request the necessary material and criminal case.

⁵⁰⁹ Such examples has been observed by the author of the study as a lawyer taking part in the appeal.

⁵¹⁰ Maslov V.P. Review of criminal cases per supervision. M., 1965. P. 47.

⁵¹¹ Perlov I.D. Supervisory procedure in criminal proceedings. M., , 1974, p. 147.

⁵¹² Poteruzha I.I. Meaning of supervisory review of criminal cases in the strengthening of legitimacy / Sc. ed. V.I. Semenov. Minsk, 1985. P. 110.

⁵¹³ Davydov V.A. Proceedings in the supervisory authority. The practice of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: guide / Ed. V.P. Verina. M., 2006.

⁵¹⁴ Dikarev I.S. Preliminary proceedings in the court of the supervisory instance. – M., 2010; Dikarev I.S. Problems of the theory and practice in the supervisory instance court in criminal cases. M., 2012.

⁵¹⁵ Merzlyakova M.V. The revision of verdicts, rulings and orders entered into force per supervision. M., 2011.

⁵¹⁶ Dikarev I.S. Supervisory-cassation review of judicial decisions in criminal proceedings: theoretical bases and ways to improve. Diss. for Cand. Jurid. Sciences: Volgograd, 2016. P.15.

I.S. Dikarev, in our view, rightly points out that ‘a single base revision entered into force court decisions in cassation and supervisory review should serve a fundamental violation of the law, which is a violation of criminal procedural law or incorrect application of the criminal law, which affected the outcome of the case and It distorts the very essence of justice and the meaning of judicial decisions as an act of justice’⁵¹⁷.

Cassation and supervisory authorities are an exceptional standby of judicial mechanism to eliminate judicial errors, which generally confirmed by judicial statistics.

Specifically, in 2015 cassation and supervisory authorities received 144,627 complaints and representations (15.44% of the number of cases dealt with by courts of first instance). The courts of cassation and supervisory authorities on the submitted complaints and the submission of requests for the study of 44,468 criminal cases, accounting for 30.75% of the number of complaints and representations). In the end, the courts of cassation and supervisory instances refused to satisfy at 13,651 complaints and representations, which is 93.10% of the number of complaints and representations. We examined 10,271 cases, which is 7.10% of the total number of received appeals and supervisory complaints and representations⁵¹⁸.

The court of cassation, supervisory authorities, as noted above, check the legitimacy of judicial decisions (judgments, orders, rulings) by examining the cassation, supervisory complaints, submissions on the documents annexed to it, as well as on the materials of the criminal judge claimed case.

Judicial revision is, in the opinion of the fair V.L. Golovko, ‘search for a compromise between, on the one hand, the firmness of judgments (the principle of *res judicata*) and, on the other hand, the need to correct material errors’, which determines the ‘policy of building methods review of sentences after their entry into force in the spirit of the so-called ‘legal certainty’ principle⁵¹⁹.

We believe that for the purpose of elimination of miscarriages of justice there is also every reason to talk about the ‘comprehensive model of appeal and supervision’ includes the following essential elements:

- the possibility of the supervisory-cassation proceedings to be initiated not only by the parties to a criminal trial, but by the presiding judges (deputy presiding judges) of the courts of the Federation subjects and the courts corresponding to their level and the Supreme Court, with respect to the specificity of supervision and control proceedings, designed to consider not ‘questions of fact’ but ‘questions of law’, moreover, questions of fundamental violations of the law;

⁵¹⁷ Op. cit. P.19.

⁵¹⁸ Appendix №47.

⁵¹⁹ Golovko L.V. Op.cit. P.1062.

– the duty of officials involved in the orbit of the supervisory-cassation activities (experts, assistant judges, the judges of the Federation subject courts and the Supreme Court of the Russian Federation) to study not only the cassation and supervisory complaints and petitions from the parties and materials attached to these petitions, but criminal cases too, including the audio-video recordings of the hearings of the case.

– the duty of judges to make their final ‘exemption’ decisions reasonably: for every argument of the complaint submitted by the participants of the trial to give detailed arguments based on the materials of criminal cases studied, avoiding the type of wording: ‘This argument of the complaint was the subject of the proceedings of the court of appeal instance’⁵²⁰.

An important role in the elimination of errors in criminal cases in order of appeal, cassation and supervision, along with the court belongs to professional participants of criminal proceedings – the prosecutor and the defense lawyer⁵²¹.

Sufficiently high effectiveness of participation in the courts of representatives of the prosecutor to address miscarriages of justice can be illustrated by the following statistics. During 2011–2015, the average percentage of satisfied Russian courts of appeal of the prosecutor in criminal cases (in the people) amounted to 78.98%. It was 70.65% In the ‘old’ appeal procedure for 2011–2012, the percentage of satisfied by the courts of cassation of the prosecutor in criminal cases; for ‘new’ appeal procedure for the years 2013–2015 the percentage was already 96.97% was 98.35%. In the ‘old’ supervisory procedure for 2011–2012 the percentage of satisfied court oversight of the prosecutor in criminal cases; for ‘new’ procedure for supervision of the 2013–2015 years, this percentage was already 99.63% (in the years 2014 and 2015 – 100%)⁵²².

The result for the identification, correction of and prevention of errors can be provided by proceedings on new and newly discovered circumstances. They look at various aspects of this extraordinary production⁵²³.

In particular, it is interesting approach by V.A. Davydov to improve procedures for the resumption of criminal proceedings because of new or newly discovered facts. He made a specific

⁵²⁰ According to observations of the author as a criminal defense lawyer.

⁵²¹ Haliulin A.G. Participation of the prosecutor in criminal cases in the court of appeal and cassation instance: study guide. M., 2013; Kryukov V.F. Prosecution in court proceedings: criminal procedure and supervisory aspects of the activities of the prosecutor [electronic resource] Kursk. 2010. 412 p. // Access from reference and legal ‘ConsultantPlus’ system (access date: 15.09.2012).

⁵²² Appendix № 43.

⁵²³ Anashkin G.Z., Perlov I.D. Resumption of cases due too newly discovered circumstances. M.: jurid. lit., 1982. -. 80 p.; Gromov .T.the newly discovered facts and their investigation in criminal proceedings. - M.: Spark, 1999. - 220 p.; Kovtun N.N. Judicial review in the criminal trial of Russia / N.N.Kovtun. Nizhni Novgorod, 2002.; Vedishchev N.P. The resumption of the proceedings in view of new and newly discovered circumstances. - M.: Publisher 'Jurlitinform', 2003. - 256 p.; Zumakulov A.D. Institute of reopening of criminal proceedings because of new or newly discovered facts as a guarantee of individual rights and freedoms: Ab. dis . for cand. Jurid. Science / A.D. Zamakulov. M., 2005; Manova N.S. The resumption of the criminal case because of new or newly discovered facts: dignity and legal regulation failures / N.S. Manova // State and law. 2008. №5, etc.

proposal in the wording of the text art.413 of the Code of Criminal Procedure, namely, he offered an important position to correct miscarriages of justice formulation of claim 6, part 2 of this article: ‘... The grounds for the resumption of criminal proceedings and judicial review of decisions in the manner prescribed chapter 49 of this Code are: ... circumstances not known to the court at the decision of a sentence or a determination, decisions which by themselves or in conjunction with other facts established earlier, prove innocence or making them less serious crime or more serious crimes, than the one for which he was sentenced, or the guilt of acquitted or person against whom a criminal case was dismissed’⁵²⁴.

It is important to focus on the original position of the Constitutional Court of the Russian Federation, stated them in the context of practice and the European Court of human Rights. The Constitutional Court finds that under the ‘other new circumstances’ should be understood not only unknown to the court the circumstances, and any miscarriage of justice, which led to an unjust court decisions, including those resulting from ignoring the evidence collected, which is reflected in the record, or their erroneous assessment or misuse of the law⁵²⁵, that there are circumstances which theory and practice were considered solely as a basis for judicial review in the supervising instance.

In accordance with the above position, the main criterion for use of a superior court of any form of testing is the presence or absence of the need to establish credibility by investigative action new information that cast doubt on the judgment rightly. Since the review of the judgment in the exercise of supervisory investigative actions are not allowed, the need to be determined by the application of a different order – the resumption of the case in view of the new circumstances⁵²⁶. In the legal literature suggests the need to develop and make available this production. For example, consider the use of relevant prosecutors on the basis of the procedural analogy general procedures for handling reports of crime, Article 144 of the CCP of the RF.

Whereas during this test were not sufficient grounds for instituting proceedings because of new or newly discovered facts, the prosecutor, guided the general provisions of Article 5 of the Code of Criminal Procedure, determining the procedural form of its decisions, must make a

⁵²⁴ Davydov V.A. The resumption of criminal proceedings ... P.39-40.

⁵²⁵ See: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation ‘On the complaint of the citizen Andrey Anatolyevich Khoroshenko a violation of his constitutional rights by paragraph 5 of Article 403, the fourth part of Article 413 and parts of the first and the fifth paragraph of Article 415 of the Criminal Procedure Code Russian Federation’ of 28.06.2012 №1248-O. [Electronic resource] // Website of the Constitutional Court of the Russian Federation. Electron. Da. Systems. Requirements: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision105554.pdf> (reference date 02/07/2017).

⁵²⁶ Kamchatov K.V. The resumption of the criminal proceedings because of new or newly discovered facts: Moscow., 2017. P.14.

decision not to initiate proceedings in view of new or newly discovered facts. In the presence of the above grounds it is to issue an order to initiate this production⁵²⁷.

Thus, we offer a ‘comprehensive investigation model for the proceedings of new and newly discovered circumstances’ with the broad definition of ‘new circumstances’ of traces to note that in Germany (as in Russia), the Institute is also furnished with a variety of obstacles that prevent its use, for example, the question of new or newly discovered facts, in favor of the convicted person, and against him, linked in Germany to proceedings in a very high instance – Oberlandsgericht (judgment level of our regional (regional) court or the Supreme court of the republic within the Russian Federation) in the court the Senate composed of five professional judges, that is, collectively, rather than individually⁵²⁸.

All French appeal proceedings are established on the principle of appeal, which sentenced the convicts to more serious punishment.

L.V. Golovko noted that sentences by Assize Courts, previously not subject to appellate review, were the subject of an appeal under the Law of 15 June 2000. Assize Court formed a jury at the end of the XVIII century, considering the case of the most dangerous violations of the law – crimes. There is a concept that unlike the professional judges, to which ideologists of the French Revolution, experienced a marked lack of confidence, ‘the people, the sovereign’ is not wrong in principle ... any decision to be taken as the ultimate truth, so about any two courts considering criminal cases of this kind (the first and appeal) we could not go. Currently, the Assize Court consists of three professional judges and nine jurors are subject to appellate review only convictions. The subjects of the appeal may make convicted, the prosecutor and the civil claimant, the civil defendant to the civil claim. An appeal against decisions of the Court of Assizes is served in the Court of Cassation, which within one month decide whether the appointment of appeal. Court of Appeal acts as a court of Assize, the crucial matter of three professional judges and twelve members of the jury. It should be noted that the contested decision is not motivated, but the criminal case in a higher instance court comes under the rules of production of the first instance court. We can only guess how is the revision of the sentence in the court of Assizes in appeal. This innovation was ambiguously perceived by French processualists, emerged as his supporters – Professor Jean Pradel⁵²⁹ and opponents – the National Council of the Bar⁵³⁰.

The French appeal proceedings the parties may submit unexplored evidence to substantiate its position with new arguments, but may not refer to violation of the law that have occurred in the

⁵²⁷ Oksyuk T. Discretion of the prosecutor in the criminal trial ... P.9.

⁵²⁸ Shreider F-K., Ferrel T. Op.cit. P. 241–245.

⁵²⁹ Pradel J. Encore une tomade sur notre procedure penale avec la loi du 15 juin 2000 // Le Dalloz. 2000. № 26. P. 5–6.

⁵³⁰ Golovko L.V. Reform of criminal proceedings in France // State and law. 2001. №8. P. 95.

pre-trial proceedings, if earlier request to that effect is not stated. The limitation for the part demands of their own interests in favor, except the prosecutor, standing guard over the public interest and having an opportunity to advocate for the interests of both the prosecution and the defense, as the prosecutor is not considered a party in the French criminal proceedings. However, at the request of the prosecutor the amount of penalties in a civil lawsuit may be changed.

The model of French appeal was the basis for borrowing and setting appeal in the modern Russian proceedings.

Except the appeal, the French criminal procedure contains the following types of revision of court decisions: Opposition (revision of decisions rendered in absentia in matters of misdemeanors and offenses which have not entered into force), cassation and revision (similar to the resumption of Russian Interior view of the new or newly discovered facts). 'French criminal procedure consists of three stages: preliminary investigation, trial and enforcement proceedings. The appeal procedure in appeal or cassation is a special stage of criminal proceedings', which from the point of view of the classification of judicial review applies to subsequent or traditional, in the implementation of which involves all the courts⁵³¹.

The Law of 15 June 2000 on the French Code of Criminal Procedure was supplemented by a new section 'On the review of decisions in criminal matters in connection with the Human Rights judgments of the European Court,' which, although it is adjacent to the audit list, but as K.F. Gutsenko notes, it is an independent way of review of sentences⁵³².

All this somehow proves that in a radical reform of the judicial audit procedures appropriate mechanism for detecting, correcting and preventing the investigative and judicial errors in criminal proceedings will be effective only when the foundations of the practice and are suitably improved new appeal procedure appeal, supervision and production in view of new and newly discovered circumstances.

Certain steps in this direction have already been taken. In particular, the guidance came Resolution of the Plenum of the Supreme Court on June 30, 2015 №29 'On the application of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the production in court of appeal'; on January 28, 2014 №2 (with the subsequent changes and additions from 03.03.2015 year), 'On the application of the rules of Chapter 47.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing the proceedings in the court of cassation.' The Resolution of the Plenum of the Supreme Court emphasized that the proceedings in the court of cassation, as an important guarantee of the legality of judicial decisions in criminal matters and the implementation

⁵³¹ Fokov A.P. Problems of judicial control over the execution of laws during the preliminary investigation (comparative analysis of the Russian and French law): Ab. Dis. for Cand. Jurid. Sciences. M., 2000, p. 15, 18.

⁵³² Gutsenko K.F. The criminal trial in modern foreign countries. M., 2002. P. 401.

of citizens' constitutional right to judicial protection, is intended for the detection and elimination of the preliminary investigation authorities or the court during the previous proceedings case of essential violations of the criminal law (misuse thereof) and (or) the law of criminal procedure that influenced the outcome of the case, and disorders that distort the very essence of justice and the meaning of the judgment as an act of justice.

According to new procedures to allocate the appropriate staff of judges, and if they these procedures do not turn into a formal and rapid time, if verdicts stability will not be the determining factor in the evaluation of judges if disappears notorious zonal supervision by higher-level judges, then we can talk about the effectiveness of reforms in the judicial revision, which will be a reliable barrier on the path of error in the administration of justice in criminal cases.

CONCLUSION

The study of investigative and judicial errors in criminal proceedings conducted in this thesis research has allowed us to consider them as a phenomenon of the criminal procedure activities. Indeed, the ideal model of criminal proceedings which is based on strict observance by subjects conducting these proceedings of the principle of legality should have no errors. Yet they have always existed and, unfortunately, will do in the future. This is the effect of the phenomenon of error in criminal proceedings with it, certainly, being a negative one.

Given such nature of errors in criminal proceedings, from a scientific point of view it is impossible to raise a question of the total eradication of these errors: they may be minimized; many of them may be avoided, prevented; errors may and must be identified, rectified, and some may be forecast in order to be avoided.

In the current study, the author approached the problem of errors and eliminating them in criminal proceedings conceptually.

The modern authorial perception of the conceptual foundations of error elimination embraces the concept of error, of error classification and the presentation of their structure, as well as their causes. The concept presents the value of the criminal, including criminal procedural, policy for defining criminal and political strategies of prosecution and protection in criminal proceedings affecting the observance of the principle of legality and, accordingly, the procedures of identifying, correcting and preventing investigative and judicial errors in criminal cases. These procedures are implemented through a specific organizational and legal, including criminal procedural, error elimination mechanism.

With respect to different views, positions and scientific approaches to defining the notion of 'investigative and a miscarriage of judicial error', the author has taken into account the following important points:

Firstly, the procedural status of the error (conditionally – 'formal' errors) is ascribed to only those deviations from the principle of legality in criminal proceedings which are established by subjects conducting criminal proceedings, in procedural documents (e.g., in the court sentence, in a resolution of the prosecutor to refer the criminal case for further investigation, etc.).

Other participants (the defender, the victim, the accused, etc.) may, including procedurally, respond to errors, refer to them, but as long as the authoritative subject conducting criminal proceedings has not officially responded and has not indicated such error in a procedural documents, we may not speak about the procedural status of the error.

Of course, every scientist studying a criminal case has his own way to determine whether there was an error committed or not, on the basis, inter alia, of their own ideas with regard to the

proper quality of criminal investigation and trial of criminal cases. The fact of an error in a case may be established on the basis of subjective judgments of the researcher (they may also be wrong). Therefore, the subjective approach in detecting an error in a criminal case in a scientific research is to be deflected through the official version of the error determined by the appropriate procedural decision.

Therefore, we mean that the phenomenon of an error is related to the real existence of:

- errors, officially determined (and legally recognized) in the procedural documents of subjects conducting criminal proceedings (e.g., in the decision of the judge to exclude some evidence of the evidence in the case);

- other errors.

Secondly, it is particularly important, especially in the context of differentiation of errors and procedural criminal offenses, to always differentiate the error itself (a specific activity/omission or a decision made or taken in violation of the legal requirements to their form and content) and the consequences (for officials who committed it, e.g. disciplinary sanctions, other persons involved in the orbit of criminal proceedings, e.g. the release of the accused from custody, for criminal proceedings, e.g. the referral of the criminal case by the prosecutor for further investigation) which it has caused or could have caused.

The study has found that occurrence of errors in a criminal case is closely related to violations by subjects conducting criminal proceedings of the principle of legality in criminal proceedings. The study presents a scale of these violations:

1. Violations related to the investigation and prosecution of criminal cases.

2. Procedurally meaningful violations of the principle of legality including incompleteness, one-sidedness and biased approach in investigation of the criminal case circumstances; failure to observe the constitutional rights and freedoms of an individual, as well as international standards of fair trial; substantive violations of the criminal procedural law; incorrect application of the criminal law.

3. Other violations of the principle of legality (technical and other similar errors).

Crimes of subjects conducting criminal proceedings are not included in the subject of this research since they have their own special nature. Other violations of the subjects conducting criminal proceedings of the principle of legality (technical and other similar errors) are also not the subject of this research as these do not encroach on the achievement of the purpose of criminal proceedings and objectively to a lesser extent hinder the achievement thereof.

The subject of this research is only the second group of violations of the principle of legality, i.e. significant procedural violation of the principle of legality which objectively interferes with the purpose of criminal proceedings. Moreover, the research generally concerned the

miscarriage of justice in the situation: a wrong action/omission (an error) – a wrong result or the possibility of its occurrence (an error) in their interrelationship. In other words the research doesn't generally address the situations, though quite possible: a wrong action (an error) – a correct result; a right action – an incorrect result (an error); a formally right action – a formally correct but objectively wrong result.

Non-observance of the constitutional rights and freedoms of individuals in criminal proceedings is studied as a separate type of the error due to the particular significance of the provisions of the Constitution of the RF. In addition, the study takes into account that Russia is to comply strictly with the rules and principles of international law, all the more so because since 1998 it has been under the jurisdiction of the European Court of Human Rights.

The investigative and judicial error in criminal proceedings, as a subject of scientific research, has been studied as a **phenomenon** which is expressed in the contradiction between the inevitability (naturalness) of errors and the need to counteract them and thereby leads to the issue of their eliminability.

The following definition of the error is presented:

the error (investigative, judicial) is an unreasonable or unlawful act or omission, not containing features of criminal acts, of subjects conducting criminal proceedings expressed in incompleteness, one-sidedness and biased approach to the investigation by these subjects of the criminal case circumstances, failure to observe the constitutional human and civil rights and freedoms, as well as the international fair trial standards, a substantial violation of the criminal procedure law, incorrect application of the criminal law corresponding to their subjective attitude to the purpose of criminal proceedings and its objectively hindering the statutory achievement due to the improper procedural outcome (solution) received (due to possibility to receive such result).

The concept of elimination of investigative and judicial errors developed in this research is a resolution of a whole complex of fundamental theoretical and practical problems concerning the phenomenon of these errors requiring a doctrinal interpretation, as well as the relevant legislative and law enforcement (in view of the modern criminal policy) in order to improve the organizational and legal, including criminal procedural, error elimination mechanism. Considered together, all these elements of the system being studied (the notion of the error, its structure, classification, causes, concrete mechanisms of elimination, etc.) have amounted to a complete concept of eliminating investigative and judicial errors.

The research has examined various classifications of errors in criminal proceedings. These classifications allowed us to see all the diversity of this phenomenon and their logical relationship and interconditionality.

The main classification of investigative and judicial errors (along with other classifications considered in the study) is their division according to the *essential characteristic* into the following types:

a) errors manifested in incompleteness, one-sidedness and biased investigation of the criminal case circumstances;

b) errors expressed in non-observance, during criminal proceedings, of constitutional rights and freedoms of the man and the citizen, as well as international standards of criminal proceedings (the fair trial);

c) errors expressed in significant violations of the criminal procedural law;

g) error expressed in wrong application of the criminal law.

Undoubtedly, the 'price' for certain errors due to the significance for the state, society and the individual of the negative effects which they cause and what values protected by the Constitution of the Russian Federation they affect varies. Therefore, the research specifies a new kind of investigative and judicial errors –fundamental errors; this type of errors is given its own classification *in accordance with the severity of consequences of the error for the state, society and the individual*:

1. non-fundamental errors;

2. fundamental errors.

Fundamental errors are non-criminal acts or omissions of subjects conducting preliminary investigation and trial of a criminal case involving a substantive violation of legitimate rights and interests of people, society and the state in criminal proceedings:

a) failure, by subjects conducting preliminary investigation and trial of a criminal case, to detect application by officials of criminal justice agencies of unlawful violence to obtain the testimony regarding the crime from 'suspicious' persons, suspects, the accused;

b) failure, by subjects conducting preliminary investigation and trial of a criminal case, to detect application by officials of criminal justice agencies of provocations for criminal acts in relation to 'suspected' persons;

c) errors by subjects conducting preliminary investigation and trial of a criminal case in collection, verification and evaluation of evidence in a criminal case, in application of the criminal law when as a result the suspect, the accused have been illegally detained (not detained), is illegally kept (not kept) in custody; the defendant has been unlawfully convicted, especially with an overly harsh sentence associated with imprisonment, unlawfully acquitted or received an excessively lenient sentence.

Structural (qualitatively and quantitatively) investigative errors have been found during the research with the following ranking: a) errors expressed in incompleteness, one-sidedness and

biased approach to investigation of the criminal case circumstances amounted to 57.0% of the total number of errors; b) errors expressed in non-observance in the criminal trial of the constitutional human and civil rights and freedoms, as well as international standards of criminal justice (fair trial) amounted to 8.0%; c) errors, expressed in significant violations of the criminal procedural law amounted to 16.0%; g) errors expressed in wrong application of the criminal law amounted to 19.0%.

The research identified the structure of miscarriages of justice in the following ranking: a) incorrect application of the criminal law (70.92%); b) sentence injustice (3.22%); d) violation of the criminal procedural law (20.86%); e) inconsistency of the court conclusions outlined in the judgment with the factual circumstances of the case established by the court of the first instance, of the appeal, cassation instances (5.0%).

The study of the structure of investigative and judicial errors has given the author an opportunity to trace the dynamics of errors and build effective mechanisms for their forecast and elimination.

In the study of the phenomenon of investigative and judicial errors, the causes of these errors (largely determining the criminal procedural mechanism to eliminate them) were ranked at three levels:

- immediate causes characterizing the shortcomings in the investigation and trial of specific criminal cases (*the first level causes*);

- causes of investigative and judicial errors related to the activity of the investigator and the judge, the personality of the investigator and the judge, i.e. subjective reasons, and the conditions in which the activity takes place, i.e. objective reasons (*the second level causes*, or ‘the causes of the first level causes’);

- factors determining the first and second level causes and related to conditions for the activities of the preliminary investigation and the judicial system as a whole in Russia (*the third level causes*).

Moreover, the causes of investigative and judicial errors are classified according to the scheme ‘the case – the investigator, the judge – investigating apparatus, the judicial system’ allowing them to be explored deeply and to scientifically substantiate the recommendations for neutralizing the effect of these causes.

The phenomenon of the error in criminal proceedings is closely connected with the criminal policy processes in the state. Errors in the criminal procedural activity of state officials, like, actually, the crimes committed by them in the service and other crimes, have a negative impact on the implementation of the state policy in the criminal justice. Accordingly, among the public and political activities there are many which are aimed at eliminating errors and crimes of subjects

conducting criminal proceedings to ensure the proper legitimacy in the administration of justice in criminal cases.

The criminal policy has a direct influence on achieving the purpose of criminal proceedings (Article 6 of the Code of Criminal Procedure of the RF) and adhering to the principles of criminal proceedings, first of all, the principle of legitimacy (Article 7 of the Code of criminal Procedure of the RF). The study finds that the direction of the modern criminal policy is to the liberalization thereof.

However, despite the liberal-democratic tendencies in the development of the modern criminal and criminal procedure policy, criminal recent events have put strengthening of the crime control and fight with terrorism and corruption; crimes related to drug trafficking; sexual abuse of children; etc. into the priorities of this policy.

The study applied a strategic approach to the concept of eliminating errors. In the context of the problem of errors in criminal proceeding the following two general strategies have appeared to be of particular interest: the strategy of criminal prosecution and the strategy of protection of the rights and freedoms of the accused. These criminal and political strategies are important elements of a coherent criminal policy. The characteristic of general criminal policy strategies is permanently explained through the goal and the principles of criminal proceedings, as well as through the current political and ideological objectives which are stipulated by authoritative organs of the state. Common criminal policy strategies for ensuring the legitimacy regime in the administration of justice in criminal cases involve, for criminal justice agencies for the purpose of eliminating investigative and judicial errors, functioning of certain institutional legal mechanisms, including criminal procedural mechanisms. The study shows that the concerted action of criminal procedural mechanisms (pre-trial control and supervision – judicial review, prosecutor's supervision, institutional control, judicial verification and inspection – the referral of a criminal case to the prosecutor for the removal of obstacles to hearing it in court, declaring the evidence inadmissible, acquittal sentence, etc.) may effectively predict, detect, correct and prevent investigative and judicial errors in criminal procedural activity.

The study emphasizes that the strategy of protection is a priority and involves various levels of the implementation of human rights in criminal proceedings. These are:

- protection on the part of subjects conducting criminal proceedings (the prosecutor, the investigator, the head of the investigative body, the inquiry agency, the chief of the inquiry unit, the inquirer);
- the protection on the part of persons who do not conduct criminal proceedings (lawyers and other persons);
- self-representation.

A reasonable balance between criminal and political strategies of prosecution and protection makes it possible to achieve the goal of criminal justice, while respecting the principle of legality and minimizing errors on the part of subjects conducting criminal proceedings.

Criminal procedural mechanism of eradicating investigative and judicial errors is associated with the implementation (predicated by the necessity) of the criminal and political strategies of prosecution (accusation) and protection of human rights and freedoms and presents a united system of the following components:

a) steps (and action algorithms corresponding thereto): detection, correction and prevention (in some cases – ‘forecasting’) of errors;

b) the main parts (separate mechanisms):

– mechanisms of preliminary investigation;

– mechanisms of the trial court proceedings;

– mechanisms of higher court proceedings.

c) special subjects, special legal status of these subjects and special legal regulation of the procedure of their activity: the head of the inquiry unit, the head of the inquiry agency, the head of the investigative agency, the prosecutor, the judge, the court of the first instance, courts of higher instances;

d) special methods of co-organization of the special subjects activity;

e) a specifically defined purpose substantially defining and unifying the whole criminal procedural mechanism or separate parts thereof (mechanisms) – detection, correction, prevention of investigative and judicial errors.

Due to its scope and significance, this goal may be put on a par with objectives of criminal proceedings, classically defined in the theory of criminal procedural law, – establishing the truth in a case, the protection of the victim of a crime, identification and just punishment of the guilty, rehabilitation of the innocent, general and special prevention, etc.

The criminal procedural mechanism of eradicating investigative and judicial errors is divided into two main mechanisms, specifically addressing the error elimination, and two accessory mechanisms, not specifically designed but facilitating the elimination of errors.

The main mechanisms:

a) The mechanism of control and supervisory activities of error elimination at the pre-trial stages of criminal proceedings.

b) Judicial mechanism of error elimination.

The accessory mechanisms:

a) The self-scrutiny mechanism associated with the adoption of procedural decisions and assessing the admissibility of evidence in the activities of authoritative subjects.

b) The mechanism of facilitation to error elimination on the part of the defense lawyer and other subjects.

The mechanism of control and supervisory activities for error elimination at the pre-trial stages of criminal proceedings includes judicial review, the prosecutor's supervision and institutional control.

The judicial mechanism of error elimination consists of judicial review of the criminal case and judicial supervision.

The judicial review of the criminal case comprises adjudicating the case and its resolution on the merits in the court of the first instance and appeal instance. Moreover, judicial examination in the trial court does not have a specifically defined (assigned) goal of eliminating errors meaningfully defining and co-organizing all activities at this stage of proceedings (although objectively supposing identifying, correcting and preventing errors).

Judicial supervision is a review by higher courts of judgments of lower courts under cassation procedure, supervisory procedure (judicial inspection), with the higher court providing clarifying directives to lower courts and other law enforcers on the issues of criminal proceedings. Reopening cases due to new and newly discovered circumstances is also connected with judicial review.

Accessory mechanisms (though they are essential) are sort of 'embedded' in the criminal procedural activity in general and may therefore only be considered as conditions facilitating the normal conduct of criminal proceedings through inner self-scrutiny (self-test) or external participation (assistance), including in the framework of the main mechanisms.

The mechanism of controlling and supervisory activity of elimination of investigative errors in Russian pre-trial proceedings in criminal cases is notably different from similar mechanisms in other states.

The specificity of this mechanism is determined by the technical features of the organization (which is continental according to its historical form) of Russian pre-trial proceedings as a whole. In contrast to the German type of such organization, Russian pre-trial proceedings do not have the prosecutorial sovereignty over the investigation and is characterized by the separation of functions between the inquiry and the preliminary investigation, the prosecutor's supervision over the whole investigation and the prosecutor's sovereign guidance only of the inquiry. In contrast to the French type, they do not have judicial preliminary investigation, which is structured on the principle of instances (with no prosecutorial control and almost complete absence of external judicial control).

If the current institution of judicial review is studied from the point of view of its social importance, it is worth noting that it corresponds to the world practice of judicial authorization of

activities related to the restriction of constitutional rights and freedoms of an individual in criminal proceedings, and the judicial procedure for such authorization, to a greater extent than the prosecution and institutional procedures, is democratic and transparent (the procedure of the court session with the participation of the parties, court hearing records, etc.).

Consequently, the institute of judicial review should be maintained, developed, at the same time strengthening the institute of the prosecutor's supervision.

The notion of **judicial review** only applies to the verification activities of the court at pre-trial stages of criminal proceedings and listing of the court hearing. Judicial review applies to a relatively limited number of investigative and other procedural actions and reduced to the judicial review of the legality and validity of these actions affecting the constitutional rights of an individual.

Based upon the provisions of the Constitution of the RF, the study has identified three main types of judicial review at the pre-trial stages of criminal proceedings and names them (with a certain degree of conditionality) '**arrest control**', '**procedural control**' and '**complaints control**'.

The judicial review in the criminal trial (in the context of the error elimination) is developed in the study as 'a model of dynamic judicial review' of the pre-trial proceedings, i.e. a model that is constantly being improved and is procedurally significant to ensure observance of the constitutional human and civil rights and freedoms in criminal proceedings. This model will:

- expand the jurisdiction of judicial review by introducing new types thereof: 'evidence deposit', i.e. legalization of a limited, and in clearly defined cases, number of certain evidence at pre-trial stages, and 'pre-trial supervision', i.e., especially significant for proof and hearing of a criminal case on the merits, control activities at the stage of listing of the court session (determining at the preliminary hearing decisions with regard to a preventive restrictive measure for the defendant, admissibility of evidence collected in the case, jury trial, a panel of three judges, a single judge, under a special procedure, etc.);

- toughen the requirements for 'arrest' control (collecting, checking and evaluation of specifically *evidence* with regard to the reasonableness of the suspicion of the suspect and the accused in the acts incriminated and his conduct in the course of criminal proceedings);

- reform the 'procedural' control and 'complaints control': transfer from the court to the prosecutor some review and supervisory powers, thus reinforcing the existing control – the original 'public prosecutor's approval' of investigative and other procedural actions provided for in Art. 165 of the Code of Criminal Procedure of the RF, with the possibility of further appeal the prosecutor's decisions with regard to these matters to the court in compliance with Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation;

– not limit the effect of ‘complaints control’ (for example, will allow to appeal the decision to prosecute a defendant and so forth.).

The study proposes to reform the current judicial review in accordance with the developed ‘model of dynamic judicial review’ over pre-trial proceedings, as well as to improve the organizational structure of judicial activities in the preliminary investigation control (primarily, a certain separation of these judges from federal judges hearing criminal case on the merits, as well as under appeal procedure).

To minimize errors of the investigator, the inquirer, the prosecutor, the court when determining a preventive restrictive measure of detention, or the extension of their detention periods, for the suspect, the accused, the defendant, the study proposes to introduce amendments into the Code of Criminal Procedure of the RF, giving articles 97, 99 the following wording:

“Article 97. Grounds for determining a preventive restrictive measure.

2. The inquirer, the investigator, and the court within the bounds of the powers granted, are entitled to determine one of the preventive restrictive measures provided for in this Code for the accused, the suspect, if there is sufficient evidence giving grounds to reasonably suspect the person in the act incriminated and believe that the accused, the suspect:

- 1) abscond from the inquiry, investigation or trial;
- 2) may continue to engage in criminal activity;
- 3) may threaten a witness or other parties to the criminal proceedings, destroy evidence or otherwise obstruct criminal proceedings.”

“Article 99. Circumstances to be considered when determining a preventive restrictive measure.

The court within the powers granted thereto may study the materials of the criminal case when determining a preventive restrictive measure.

When deciding on the need to determine a preventive restrictive measure for the suspected or accused of committing a crime and determining the type thereof subject to the grounds provided for in Article 97 of this Code, **legitimate and reasonable qualification of the act incriminated to the alleged suspect or the accused acts and, accordingly,** the severity of this crime, information about the identity of the suspect or the accused, his age, health, marital status, occupation and other circumstances.”

It is proposed to amend and alter **Article 108 of the Code of Criminal Procedure of the RF ‘Detention’** as follows:

To supplement Part 1 after the first sentence (from the words – ‘measures of preventive restriction’) with a new sentence: **“The detention to a person prosecuted for the first time is applied only in the case of proven violations of the conditions of house arrest, bail or other**

less stringent measure of preventive restriction, except cases of criminal responsibility for grave and especially grave crimes against the person, as well as the crimes set forth in article 100 of this Code where it is necessary to take into account the nature of the act incriminated to him and the personal data”.

In Part 1 the words ‘factual circumstances’ to be replaced with the word ‘evidence’.

In Part 3, instead of the word ‘materials’ to use the phrase ‘**criminal case materials**’.

Article 63 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation ‘Prohibition of re-engagement of the judge in the criminal case’ to be supplemented with part 4 as follows:

4. ‘The judge who made a decision on the detention of the suspect or the accused, the house arrest, an extension of detention and house arrest at the pre-trial stage, considered the appeal, cassation or supervisory complaints or motions for the detention, house arrest, an extension of the detention and the house arrest at the pre-trial stage, may not participate in consideration on the merits of the case in the court of the first and second instance or under the cassation and supervision.’”

In the context of eradicating prosecutorial bias in the activities of the court the following norms enshrined in the law are already effective:

- changing of the qualification of act of the defendant by the prosecutor for a less serious one entails a mandatory application of this ‘lenient’ qualification of the crime incriminated (Article 246 of the Code of Criminal Procedure of the RF) by the court which is considering a criminal case;
- the prosecutor's refusal to press charges entails the compulsory acquittal or termination of criminal prosecution (Articles 239, 246 of the Code of Criminal Procedure of the RF) by the court which is considering a criminal case.

In the further struggle with the prosecutorial bias it is proposed to set forth two more rules:

- if the prosecutor offers the court a specific type and amount of penalty, the court may not determine more stringent type and amount of penalty;
- if the prosecutor offers the court not to detain the accused or not to extend the term of his detention, the court may not detain the accused or not to extend the term of his detention.

Accordingly, in paragraph 7 Article 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation it is proposed to add the second part:

“If the prosecutor participating in the hearing offers the court not to detain the suspect, the accused or not to extend the period of detention, the judge may not detain the suspect, the accused or extend the period of detention and further adjudicate in compliance with the provisions of Article 7-1 of the Code of Criminal Procedure of the RF.”

In the context of international legal standards for fair trial it is proposed to keep within the court’s authority the ‘classical’ decisions with regard to the inspection of dwelling without the consent of

the residents thereof, the search and (or) withdrawal warrant, the monitoring and recording of telephone and other conversations. The approval for the performance of other investigative and procedural actions referred to in Article 165 in the context of Article 29 of the Code of Criminal Procedure of the RF is to be granted by the prosecutor. And this is not just the replacement of judicial review for the prosecutor supervision: it is strengthening of both judicial review and the prosecutor's supervision, as in this case the decision of the prosecutor may be appealed by the parties involved in criminal proceedings to a senior prosecutor (in compliance with article 124 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) or the court (in compliance with article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). Moreover, there is every reason to believe that these proposed novelties in the criminal procedure legislation will allow more effectively identify, correct and prevent errors in criminal cases.

In the context of eliminating errors the author has developed a **'model of permanent prosecutorial supervision'** over initiation of criminal cases and their preliminary investigation: the permanence involves continuous (constant) procedural control of the implementation of the criminal prosecution by the prosecutor.

This model includes a number of features: *an objective necessity and historical conditionality of the prosecutor's supervision; non-departmental and comprehensive prosecutor's supervision; permanence of prosecutorial supervision granting the prosecutor the powers of the head of criminal prosecution; 'pretrial' nature of prosecutorial supervision and restrictions for the prosecutor in a limited range of final decisions.*

'The model of permanent prosecutor's supervision' has a priority in control and supervisory activities during pre-trial proceedings in a criminal case. It effectively allows one to implement strategies of criminal prosecution and protection of human rights. As the leader of the prosecution, the prosecutor should have, in addition to the ones already granted to him, power and authority to initiate such prosecution, to overrule all illegal decisions of the investigator, to prolong the preliminary investigation, to approve (as a guarantee of legitimacy) the implementation of procedural actions, encroaching on constitutional rights and freedoms of the man and the citizen, to press final charges to a person, to terminate the criminal prosecution, and so forth.

Under this model of the prosecutor's supervision, it is possible to legislatively transfer some powers of the court at the pretrial stages of criminal proceedings to the prosecutor. Under this model, for example, without the consent of the prosecutor, the investigator would not file with the court petitions relating to such preventive restrictive measures as the detention, house arrest, etc.

The definition **'institutional control'** is presented as two important components thereof: **procedure control** regulated by the provisions of the Code of Criminal Procedure of the RF and

other institutional control regulated by departmental regulations and established practice, including the organizational and administrative management of the investigator activity.

The institutional control over initiating criminal cases and preliminary investigation (in the context of error elimination) is shown through the '**model of heteropolar institutional control**' as specific control and surveillance activities with various formats of such control at the low (city, district and settlements equivalent thereto) and high (Federation subject and the ones equivalent thereto) levels of investigative activity.

Heteropolar nature of such institutional control implies including elements of mentoring and personnel training with them being implemented under the supervision of the prosecutor's office and expressed in the procedural and administrative activity of the head of the investigative agency.

Institutional control (along with the prosecutorial supervision) operates permanently throughout pre-trial proceedings. At the low level of investigative units it allows the seniors of investigative agencies to totally control criminal procedural activities of investigators (especially of those who are just beginning their investigatory careers). At other (higher) levels of investigative agencies it allows to reasonably combine (without 'total control regime') institutional control with the procedural independence of the investigator. Moreover, institutional control interacts with judicial supervision and the prosecutor's supervision and depends on them to a certain extent.

It is only under such conditions that institutional control may:

- successfully identify, correct and prevent errors in the pre-trial investigation;
- minimize the risk of their own errors (errors of the heads of investigative agencies);
- to achieve the strategic objectives of criminal prosecution and protection of the human rights.

The study presents the judicial mechanism of eliminating errors in Russian criminal proceedings at trial stages which has a number of general and special features:

- the judicial review in the trial court is distributed between professional courts and jury courts (with the general jurisdiction of the former and narrow of the latter);
- the functional homogeneity of the whole judicial review in all courts of the first instance (except for the judge-professional in the jury court not having the duty to take a decision on the fact of guilt of the defendant and the judge-professional in the hearing under a special procedure not having the duty to directly examine the evidence confirming the guilt of the defendant);
- the investigation activity of all judges-professionals when exercising the judicial review in the trial court (equal – under the general procedure of trial and in the jury trial, limited to the study of written materials of the case for all issues and the possibility of direct examination of evidence only for punishment issues – under the special procedure of judicial consideration);

- the possibility of full appeal under the procedure of judicial review in a court of the second instance;
- functional division of judicial review in the court of the second instance into cassation, supervision and renewal of cases due to new and newly discovered circumstances;
- functional homogeneity of cassation and supervision;
- revision procedure for all types of review of the trial court decisions;
- the binding force of guiding explanations of the court of a higher instance.

The peculiarity of judicial review and judicial supervision in Russian criminal proceedings is determined by the characteristics of the technical organization (continental due to the historical form thereof) of Russian judicial proceedings. However, it mainly concerns the jury court and the role of guiding explanations of the highest court (if not to take into account, most likely temporary, coexistence of two homogeneous functions – cassation and supervision). Overall, therefore, the construction of Russian judicial proceedings has significant similarities to the classic continental model with its inherent mechanism of eliminating errors, the development of which should be carried out in the framework of the following models: ‘the model of the active first instance court’, ‘the model of comprehensive appeal’, ‘the model comprehensive cassation and supervision’, ‘a comprehensive investigation model of proceedings for new and newly discovered circumstances’.

This thesis research focuses on the fact that the court of the first instance administering justice in criminal cases in the usual ‘regular’ regime with adherence to the procedural norms and principles of criminal proceedings has all procedural possibilities under the current legislation to strictly fulfill the purpose of criminal proceedings, including at the same time, if necessary, to achieve the special purpose of criminal proceedings – to identify, correct and prevent investigative errors.

The administration of justice in criminal cases is presented in the study (in the context of the elimination of errors) by ‘**the model of active court**’ where both the court itself and the prosecutor are active in the complete, comprehensive and objective establishment of the material truth in a criminal case using the provided by the criminal procedural law powers for declaring evidence inadmissible, determining acquittals, referring a criminal case to the prosecutor in accordance with Art. 237 of the Code of Criminal Procedure of the RF, etc. This model is focused on the priority of the collegial hearing of the criminal case by a jury court or a panel of professional judges (in the first place – for particularly complex, with many elements, high-volume cases), hearing under the ordinary, not special, procedure with audio-video recording of the trial. It is this ‘model of the active court’ that will allow, firstly, to minimize the number of judicial errors and, secondly, to efficiently and effectively detect, correct and prevent investigative errors.

In the context of elimination of errors the dissertation study has developed a '**model of comprehensive appeal**'.

In this model:

- all witnesses presented to the court by the parties of criminal proceedings are to be questioned during the court hearing;
- all the motions of the parties are to be reasonably, lawfully and justly adjudicated.

The author of the study has rationalized his proposal to transform the second instance in accordance with the developed 'model of comprehensive appeal' granting the interested parties the right to the comprehensive (on all grounds) second revision of the criminal case with 'the second judicial investigation' where there is no 'cassation syndrome' (the judicial investigation proceeds without haste, fully and comprehensively).

The author has developed '**a model of comprehensive appeal and supervision**' which includes the following essential elements:

- the possibility of the supervisory-cassation proceedings to be initiated not only by the parties to a criminal trial, but by the presiding judges (deputy presiding judges) of the courts of the Federation subjects and the courts corresponding to their level and the Supreme Court, with respect to the specificity of supervision and control proceedings, designed to consider not 'questions of fact' but 'questions of law', moreover, questions of fundamental violations of the law;

- the duty of officials involved in the orbit of the supervisory-cassation activities (experts, assistant judges, the judges of the Federation subject courts and the Supreme Court of the Russian Federation) to study not only the cassation and supervisory complaints and petitions from the parties and materials attached to these petitions, but criminal cases too, including the audio-video recordings of the hearings of the case.

- the duty of judges to make their final 'exemption' decisions reasonably: for every argument of the complaint submitted by the participants of the trial to give detailed arguments based on the materials of criminal cases studied.

The study proposes to implement all the elements of their 'comprehensive model' in the existing cassation and supervision.

In the study there has been developed '**a comprehensive investigation model of proceedings for new and newly discovered circumstances**' implying a broad definition of 'new circumstances' (any judicial errors which led to an unjust judicial decision, including ignoring of the evidence collected in the case, an erroneous assessment thereof, incorrect application of the criminal law) and allowing the investigation procedure of checking the new circumstances in the case.

It is proposed to reform the existing procedure for new and newly discovered circumstances in accordance with its ‘comprehensive investigative model’.

In recent decades, the legislator has been improving the procedural mechanisms of judicial review and revision. The appeal, introduced after the creation of the global justice, in the light of the recent legislative developments has undergone significant modernization and become applicable in the consideration of all criminal cases. Accordingly, the procedural structures of cassation, supervision and proceedings for new and newly discovered circumstances have recently received new features in their strategical meaning. The strategic objectives of modifying the control and revision judicial structures include improving the efficiency of court procedures to achieve the purpose of criminal proceedings, including, for the improvement of the institutional and procedural mechanism to identify, correct and prevent errors occurring in the administration of justice in criminal cases.

The main subject conducting criminal proceedings in court instances is the court. It is the court that, primarily, detects, corrects and prevents errors in the criminal case. Yet another significant role of the court instances is the detection, prevention and correction of errors of other participants in criminal proceedings, especially, of professional participants – the prosecutor, the defense lawyer. In the modern model of adversarial criminal trial, the prosecutor, as the public procurator, when detecting errors, may offer the court to change the qualification of the act to a more lenient one; completely or partially abandon the charges. And the court may not reject these prosecutor’s proposals – it is obliged to accept them and to make a decision on the case in accordance with them, even if internally it does not agree with these proposals of the prosecutor. In all other issues professional participants of the proceedings are guided by the powers of the parties; errors identified by them are eliminated through the court performing necessary procedural actions.

Given the modern high technologies in the age of electronics and computerization, currently it is important to talk about ‘the technologized model’ of judicial proceedings, primarily, for serious and very serious categories of crimes that would make it possible:

- to essential discipline, in all aspects, the relevant participants in criminal proceedings (the accused , victims, etc.) who now quite often submit to a higher court of appeal, cassation, supervisory their petitions understanding that these courts, especially, in the cassation and supervision, will work only with written material in the case file which the parties involved do not trust and believe that it is only their details and emotional complaint that is able to ‘make’ the higher court to take a different decision, if such persons are aware that a higher court examines not only the materials of the case, but also the necessary pieces of audio-video recordings of the hearing of the case, the attitude to appealing what is objectively recorded on audio-video media

may be different, more balanced than to records of what was happening in court during the trial, which today such persons are extremely skeptical about;

– significantly objectify the activity of revision instances as the personal visual perception of the whole trial or of necessary parts thereof would help the judges of appeal, cassation and supervisory instances develop a better and more reliable approach to assessing the evidence and with greater objectivity take a legitimate and well-reasoned decision in the case.

To conclude, the proposed herein concept of elimination of investigative and judicial errors promotes the study of the phenomenon of these errors, the mechanisms of their elimination, and strengthening of the legal regime in the Russian Federation.

REFERENCES

The Regulatory Legal Acts, The Drafts Of Statutory And Regulatory Enactments And Other Official Documents

1. Konstitutsiya RF : prinyata vsenar. golosovaniem 12 dek. 1993 g. : (s uchetom popravok, vnes. zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30 dek. 2008 g. №6-FKZ, ot 30 dek. 2008 g. №7-FKZ, ot 5 fevr. 2014 g. No 2-FKZ, ot 21 iyulya 2014 g. No 11-FKZ) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2014. – No 31. – St. 4398.
2. Konventsiya o zashhite prav cheloveka i osnovnykh svobod (Rim, 4 noyab. 1950 g.) i Protokoly k neĭ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2001. – No 2. – St. 163.
3. Ugolovno-protsessual'nyĭ kodeks RSFSR : utv. Zakonom RSFSR ot 27 okt. 1960 g. // Vedomosti VS RSFSR. – 1960. – No 40. – St. 592.
4. Ugolovnyĭ kodeks Rossiĭskoĭ Federatsii ot 13 iyunya 1996 g. No 63-FZ : (red. ot 07.02.2017 g.). – Dostup iz sprav.-pravovoĭ sistemy «Konsul'tantPlyus». – Zagl. s ehkrana.
5. Ugolovno-protsessual'nyĭ kodeks Rossiĭskoĭ Federatsii ot 18 dekabrya 2001 g. No 174-FZ : (red. ot 19.12.2016 g.). – Dostup iz sprav.-pravovoĭ sistemy «Konsul'tantPlyus». – Zagl. s ehkrana.
6. Ob operativno-rozysknoj deyatelnosti: federal'nyj zakon ot 12.08.1995 N 144-FZ (red. ot 06.07.2016 g.). – Dostup iz sprav.-pravovoĭ sistemy «Konsul'tantPlyus». – Zagl. s ehkrana.
7. O prokurature Rossijskoj Federatsii : federal'nyj zakon ot 17.01.1992 N 2202-1 (red. ot 19.12.2016 g.). – Dostup iz sprav.-pravovoĭ sistemy «Konsul'tantPlyus». – Zagl. s ehkrana.
8. O vnesenii izmenenij v Ugolovno-protsessual'nyj kodeks Rossijskoj Federatsii v svyazi s vvedeniem instituta ustanovleniya ob"ektivnoj istiny po ugolovnomu delu [EHlektronnyj resurs] : proekt feder. zakona № 440058-6 // ofitsial'nyj sajt Gosudarstvennoj dumy RF. – EHlektron. dan. – URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=440058-6&02> (data obrashheniya 31.01.2017).
9. Poslanie Prezidenta RF V.V. Putina Federal'nomu Sobraniyu RF ot 12 dekabrya 2013 g. [EHlektronnyj resurs] // Rossijskaya gazeta. – 2013. – № 282. – EHlektron. versiya pechat. publ. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «GARANT».
10. Poslanie Prezidenta RF D. A. Medvedeva Federal'nomu Sobraniyu RF ot 30 noyabrya 2010 g. [EHlektronnyj resurs] // Rossijskaya gazeta. – 2010. – № 271, 273. – EHlektron. versiya pechat. publ. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».

11. Poslanie Prezidenta RF D. A. Medvedeva Federal'nomu Sobraniyu RF ot 22 dekabrya 2011 g. [EHlektronnyj resurs] // Rossijskaya gazeta. – 2011. – № 290. – EHlektron. versiya pechat. publ. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».

**Enactments of International Courts, The Constitutional Court of the Russian Federation,
The Supreme Court of the Russian Federation**

12. O primenenii norm Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossijskoj Federatsii, reguliruyushhikh proizvodstvo v sudakh apellyatsionnoj i kassatsionnoj instantsii [EHlektronnyj resurs] : Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Ros. Federatsii ot 23 dek. 2008 g. № 28 (red. ot 9 fev. 2012 g.) // Sajt Verkhovnogo Suda RF. – EHlektron. dan. – Sistem. trebovaniya : Adobe Acrobat Reader. – URL: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=6501 (data obrashheniya 31.01.2017).
13. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF po delu o proverke konstitutsionnosti stat'i 418 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa RSFSR v svyazi s zaprosom Karatuzskogo rajonnogo suda Krasnoyarskogo kraja ot 02 fev. 1996 g. № 4-P [EHlektronnyj resurs] // Sajt Konstitutsionnogo Suda RF. – EHlektron. dan. – Sistem. trebovaniya : Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30283.pdf> (data obrashheniya 31.01.2017).
14. O primenenii sudam norm Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossijskoj Federatsii [EHlektronnyj resurs] : Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Ros. Federatsii ot 5 mar. 2004 g. № 1 (red. ot 9 fev. 2012 g.) // Sajt Verkhovnogo Suda RF. – EHlektron. dan. – URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=7723 (data obrashheniya 01.02.2017).
15. O praktike rassmotreniya sudami zhalob v poryadke stat'i 125 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa RF [EHlektronnyj resurs] : Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Ros. Federatsii ot 10 fev. 2009 g. № 1 (red. ot 29 noya. 2016 g.) // Sajt Verkhovnogo Suda RF. – EHlektron. dan. – Sistem. trebovaniya : Adobe Acrobat Reader. – URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=6360 (data obrashheniya 05.02.2017).
16. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhalob grazhdanina Vekker Sergeya Vadimovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav polozheniyami statej 86, 87, 235, 252, 253, 283 i 307 UPK RF № 451-O ot 20 noya. 2003 g. [EHlektronnyj resurs] // Sajt Konstitutsionnogo Suda RF. – EHlektron. dan. – Sistem. Trebovaniya : Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30848.pdf> (data obrashheniya 06.03.2016).
17. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhalob grazhdanina Budaeva TSogta Natsagdorzhovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav

- ch. 2 st. 283 UPK RF № 204-O ot 18 iyun. 2004 g. [EHlektronnyj resurs] // Sajt Konstitutsionnogo Suda RF. – EHlektron. dan. – Sistem. Trebovaniya : Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33477.pdf> (data obrashheniya 06.03.2016).
18. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zaprosa Boksitogorskogo suda Leningradskoj oblasti o proverke konstitutsionnosti chasti pervoj stat'i 86 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossijskoj Federatsii № 104-O ot 06 mar. 2003 g. [EHlektronnyj resurs] // Sajt Konstitutsionnogo Suda RF. – EHlektron. dan. – Sistem. Trebovaniya : Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33761.pdf> (data obrashheniya 06.02.2017).
19. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF po proverke konstitutsionnosti punkta 1 chasti tret'ej stat'i 31 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossijskoj Federatsii v svyazi s zhaloboj grazhdanki A.S. Lymar' № 6-P ot 25 fev. 2016 g. [EHlektronnyj resurs] // Sajt Konstitutsionnogo Suda RF. – EHlektron. dan. – Sistem. trebovaniya: Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision224417.pdf> (data obrashheniya 06.02.2017).
20. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenij statej 237, 413 i 418 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossijskoj Federatsii v svyazi s zaprosom prezidiuma Kurganskogo oblastnogo suda ot 16 maya 2007 g. № 6-P [EHlektronnyj resurs] // Sajt Konstitutsionnogo Suda RF. – EHlektron. dan. – Sistem. trebovaniya : Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision19708.pdf> (data obrashheniya 06.02.2017).
21. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF po delu o proverke konstitutsionnosti ryada polozhenij statej 4013, 4015, 4018 i 40117 UPK RF v svyazi s zhalobami grazhdan S.S. Agaeva, A.SH. Bakayana i drugikh № 8-P ot 25 mar. 2014 g. [EHlektronnyj resurs] // Sajt Konstitutsionnogo Suda RF. – EHlektron. dan. – Sistem. trebovaniya : Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision156350.pdf> (data obrashheniya 06.03.2016).
22. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF po zhalobe grazhdanina KHoroshenko Andreyana Anatol'evicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav punktom 5 stat'i 403, chast'yu chetvertoj stat'i 413 i chastyami pervoj i pyatoj stat'i 415 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossijskoj Federatsii № 1248-O ot 28 iyun. 2012 g. [EHlektronnyj resurs] // Sajt Konstitutsionnogo Suda RF. – EHlektron. dan. – Sistem. trebovaniya : Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision105554.pdf> (data obrashheniya 07.02.2017).

23. Denmark v. Greece, Norway v. Greece, Sweden v. Greece, Netherlands v. Greece [EHlektronnyj resurs] : Decision of the Commission of 31 May 1968: App. No. 3321/67, 3322/67, 3323/67, 3344/67 // Sajt Evropejskogo suda po pravam cheloveka. – EHlektron. dan. – Sistem. trebovaniya : Adobe Acrobat Reader. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73020> (data obrashheniya 02.02.2017).
24. Popkov v. Russia [EHlektronnyj resurs] : Judgment of 15 May 2008 : App. No 32327/06 // Sajt Evropejskogo suda po pravam cheloveka. – EHlektron. dan. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-86224> (data obrashheniya 06.03.2016).
25. Mastepan v. Russia [EHlektronnyj resurs] : Judgment of 14 January 2010 : App. No 3708/03 // Sajt Evropejskogo suda po pravam cheloveka. – EHlektron. dan. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-96693> (data obrashheniya 02.02.2017).
26. Khudoyorov v. Russia [EHlektronnyj resurs] : Judgment of 8 November 2005 : App. No. 6847/02 // Sajt Evropejskogo suda po pravam cheloveka. – EHlektron. dan. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70865> (data obrashheniya 06.03.2016).

Archive Materials

27. Ugolovnoe delo № 17-19 // Arkhiv Kanskogo gorodskogo suda Krasnoyarskogo kraja, 2012 god.
28. Ugolovnoe delo № 19-143, rassmotrennoe Rybinskim rajonnym sudom Krasnoyarskogo kraja v 2005 godu // Advokatskoe dos'e A.D. Nazarova.
29. Ugolovnoe delo № 43179503/3/1-189/2011 // Arkhiv ZHeleznodorozhnogo rajonnogo suda g. Krasnoyarska, 2011 god.

Scientific Literature

30. Abrosimov I. V. Dopustimost' dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve - problemnye voprosy kontseptual'nogo istolkovaniya i pravovogo regulirovaniya / I. V. Abrosimov, E. P. Grishina E.P. // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. – 2007. – № 4. – S. 29-30.
31. Avdeev V. A. Problemy realizatsii ugolovnoj otvetstvennosti // Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ehkonomicheskoy akademii. – 2006. – № 5. – S. 50-54.
32. Averchenko A. K. Podozrevaemyj i realizatsiya ego prav v ugolovnom protsesse / A. K. Averchenko, S. L. Lon'. – Tomsk : Izd-vo NTL, 2003. – 196 s.
33. Adamajtis M. Pravo suda na initsiativu v issledovanii dokazatel'stv meshaet ego bespristrastnosti // Rossijskaya yustitsiya. – 2003. – № 11. – S. 32.

34. Adil'shaev EH. A. Sudebnoe sanktsionirovanie v ugolovnom protsesse Rossii: monografiya / EH. A. Adil'shaev. – M. : YUrlitinform, 2013. – 184 c.
35. Azarov V. A. Akty prokurorskogo reagirovaniya v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve: monografiya / V. A. Azarov, A. A. Terekhin. – M. : YUrlitinform, 2014. – 200 c.
36. Azarov V. A. Funktsiya sudebnogo kontrolya v istorii, teorii i praktike ugolovnogo protsessa Rossii / V.A. Azarov, I.YU. Tarichko. – Omsk : Om. gosuniversitet, 2004. – 379 s.
37. Aktual'nye problemy ugolovnogo sudoproizvodstva. Izbranie mery presecheniya sudom : nauch.-praktich. posobie / pod red. N. A. Kolokolova. – M. : YUNITI : Zakon i pravo, 2011. – 543 s.
38. Aktual'nye problemy ugolovnogo sudoproizvodstva. Izbranie mery presecheniya sudom : nauch.-prakt. posobie / Pod red. N. A. Kolokolova. – M., 2011. – 543 s.
39. Aleksandrov A. I. Ugolovnaya politika i ugolovnyj protsess v rossijskoj gosudarstvennosti: istoriya, sovremennost', perspektivy, problemy / Pod red. V. Z. Lukashevicha. – SPb. : Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta, 2003. – 562 c.
40. Aleksandrov A. I. Filosofiya zla i filosofiya prestupnosti (voprosy filosofii prava, ugolovnoj politiki i ugolovnogo protsessa) / A. I. Aleksandrov. – SPb. : Izdatel'stvo SPbGU, 2013. – 598 s.
41. Aleksandrov A. S. O sovremennoj ugolovno-protsessual'noj politike // Sudebnaya vlast' i ugolovnyj protsess. – 2012. – № 1. – S. 18-24.
42. Aleksandrov A. S. Osnovaniya k otmene (izmeneniyu) prigovora v sude apellyatsionnoj instantsii / A. S. Aleksandrov, N. N. Kovtun // Gosudarstvo i pravo. – 2001. – № 10. – S. 55-62.
43. Alekseev A. I. Rossijskaya ugolovnaya politika: Preodolenie krizisa / A. I. Alekseev, V. S. Ovchinskij, EH. F. Pobegajlo. – M. : Norma, 2006.– 144 s.
44. Alekseev N. S. Leninskie idei v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve (vozbuzhdenie ugolovnogo dela i predvaritel'noe rassledovanie) / N. S. Alekseev, V. Z. Lukashevich. – Leningrad : Izdatel'stvo leningradskogo universiteta, 1970. – 193 s.
45. Alekseev N. S. Ugolovno-protsessual'naya politika sovetskogo gosudarstva na sovremennom ehtape / N. S. Alekseev, V. G. Daev // Pravovedenie. – 1977. – № 5. – S. 97-104.
46. Alferov V. YU. Operativnyj ehksperiment i provokatsiya / V. YU. Alferov, V. L. Il'inykh // Pravovedenie. – 1998. – № 1. – S. 169-170.
47. Aminov D. I. Sovremennye podkhody k postroeniyu ehffektivnogo mekhanizma ugolovnoj politiki rossijskogo gosudarstva / D. I. Aminov, A. YU. Solonin. – M., 2010. – 198 s.
48. Anashkin G. Z. Vozobnovlenie del po vnov' otkryvshimsya obstoyatel'stvam / G. Z. Anashkin, I. D. Perlov. – M. : YUrid. lit., 1982. – 80 s.

49. Anashkin G. Z. EHffektivnost' pravosudiya i sudebnye oshibki / G. Z. Anashkin, I. L. Petrukhin // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1968. – № 8. – S. 59-67.
50. Andreev N. A. Strategicheskoe upravlenie v pravookhranitel'noj sfere: Uchebnoe posobie / N. A. Andreev, V. B. Korobov. – M. : YUNITI-DANA, 2010. – 359 c.
51. Andreeva O. I. Sootnoshenie prav i obyazannostej gosudarstva i lichnosti v pravovom gosudarstve i spetsifika ego proyavleniya v sfere ugolovno go sudoproizvodstva (teoreticheskij aspekt) / Pod red. M. K. Sviridova. – Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2004. – 138 s.
52. Antonova E. E. Funktsional'naya kharakteristika dosudebnogo proizvodstva v rossijskom ugolovnom protsesse : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / E. E. Antonova. – Omsk, 2006. – 18 s.
53. Antonyan YU.M. Kriminologiya : uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. – M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2015. – 388 s.
54. Arinin A. N. K novej strategii razvitiya Rossii. Federalizm i grazhdanskoe obshhestvo : Idejno-teoreticheskie, politicheskie i pravovye aspekty / A. N. Arinin. – M. : Severo-Print, 2000. – 284 s.
55. Aubakirova A. A. Intellektual'nye oshibki ehksperta pri formirovanii ego vnutrennego ubezhdeniya: monografiya / A. A. Aubakirova. – M. : YUrlitinform, 2012. – 184 c.
56. Aubakirova A. A. Sledstvennye i ehkspertnye oshibki pri formirovanii vnutrennego ubezhdeniya : dis. ... dokt. jurid. nauk / A. A. Aubakirova. – CHelyabinsk, 2010. – 512 s.
57. Afanas'ev V. V. Sudebnaya oshibka / V. V. Afanas'ev – YArosavl' : YArGU, 2000. – 40 s.
58. Ashirbekova M. T. Novye dokazatel'stva v sude apellyatsionnoj instantsii // Rossijskaya yustitsiya. – 2013. – № 5. – S. 22-24.
59. Ashirbekova M. T. Printsip publichnosti v sudebnom proizvodstve po ugolovnym delam / M. T. Ashirbekova. – Volgograd : Izd-vo VolGU, 2008. – 238 s.
60. Bagautdinov F. N. Obespechenie publicnykh i lichnykh interesov pri rassledovanii prestuplenij / F. N. Bagautdinov ; nauch. kons. A. B. Solov'ev. – M. : YUrlitinform, 2004. – 544 c.
61. Baev M. O. Strategicheskie printsipy taktiki zashhity po ugolovnym delam / M. O. Baev, O. YA. Baev // Kriminalisticheskie aspekty professional'noj zashhity po ugolovnym delam : sb. nauch. trud. – Ekaterinburg : CHaroid, 2001. – 187 s.
62. Bazhanov M. I. Predanie sudu v sovetskom ugolovnom protsesse : konspekt leksij / M. I. Bazhanov. – KHar'kov, 1965. – 36 c.
63. Barabash A. S. Metod rossijskogo ugolovno go protsessa / A. S. Barabash, A. A. Brester. – SPb. : YUrid. tsentr Press, 2013. – 218 c.

64. Barabash A. S. Priroda rossijskogo ugolovnogogo protsesssa, tseli ugolovno – protsessual'noj deyatel'nosti i ikh ustanovlenie / A. S. Barabash. – SPb. : YUridicheskij tsentr, 2005. – 254 s.
65. Barabash A. S. Prokuror – sledstvennyj sud'ya //Ugolovnaya yustitsiya : svyaz' vremen. Izbrannye materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Sankt-Peterburg, 6-8 oktyabrya 2010 / Sost. A. V. Smirnov, K. B. Kalinovskij. – M. : ZAO «Aktion-Media», 2012. – S. 6-14.
66. Barabash A. S. Publichnoe nachalo rossijskogo ugolovnogogo protsesssa / A. S. Barabash. – SPb. : YUrid. tsentr Press, 2009. – 420 c.
67. Barabash A. S. Sub"ekty ugolovnogogo protsesssa i sub"ekty ugolovno - protsessual'nogo dokazyvaniya // Sibirskie yuridicheskie zapiski : Ezhegodnik Assotsiatsii yurid. VUZov «Sibir'». – Vyp. 1. – Krasnoyarsk, 2001. – S. 123-135.
68. Barabash A. S. Sushhnost' ugolovnogogo protsesssa i ego rol' v formirovanii otvetstvennosti narushitelya / A. S. Barabash. – Krasnoyarsk : Izd. Krasnoyarskogo gos. un-ta, 1997. – 131 s.
69. Barabash A. S. Funktsii organov gosudarstva v rossijskom publichnom ugolovnom protsesse // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2009. – № 4. – S. 172-179.
70. Baranov A. M. Zakonnost' v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam : dis. ... dokt. yurid. nauk / A. M. Baranov.– Omsk, 2006. – 413 s.
71. Baranov A. M. Obespechenie zakonnosti v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam / A. M. Baranov. – Omsk : Izd-vo Om. akad. MVD Rossii, 2006. – 220 s.
72. Baranov A. M. Protssessual'nye oshibki, sovershaemye na ehtape okonchaniya predvaritel'nogo sledstviya i sposoby ikh ustraneniya / A. M. Baranov. – Omsk : Omskij YUI MVD RF, 1996. – 43 s.
73. Baskov V. I. Operativno-razysknaya deyatel'nost': ucheb.-metod. posobie / V. I. Baskov. – M. : Bek, 1997. – 189 s.
74. Baturina N. A. Prichiny sudebnykh oshibok i protsessual'nye sredstva ikh preduprezhdeniya v grazhdanskom sudoproizvodstve : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / N. A. Baturina. – Saratov, 2010. – 22 c
75. Bednyakov D. I. Neprotssessual'naya informatsiya i rassledovanie prestuplenij / D. I. Bednyakov. – M. : YUrid. lit., 1991. – 208 c.
76. Bezrukova T. I. Fakticheskaya oshibka : voprosy klassifikatsii i kvalifikatsii : dis. ... kand. yurid. nauk / T. I. Bezrukova. – Ekaterinburg, 2008. – 148 s.
77. Belkin A. R. Sledstvennyj sud'ya ili sledstvennyj sud'ya? // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. – 2015. – № 3. – S. 16-27.
78. Belkin A. R. Teoriya dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve / A. R. Belkin. – M. : Norma, 2007. – 528 s.

79. Belkin A. R. UPK RF: konstruktivnaya kritika i vozmozhnye uluchsheniya. CHast' XI. Inye voprosy dosudebnogo proizvodstva / A. R. Belkin. – M. : MTU (MIREHA), 2016 – 168 s.
80. Belkin R. S. Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossijskoj kriminalistiki / R. S. Belkin. – M. : NORMA : Infra-M, 2001. – 240 c.
81. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki. 3-e izd., dop. / R. S. Belkin. – M. : YUniti, 2001. – 837 s.
82. Besedin A. V. Zashhita v stadii ispolneniya prigovora : dis. ... kand. jurid. nauk / A. V. Besedin. – Saratov, 1995. – 187 s.
83. Best EH. Ugolovnyj protsess Germanii // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. – 2014. – № 4. – S. 8-13.
84. Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. № 4. – M. : YUrlitinform, 2012. – 396 s.
85. Bogoslovskaya L. A. Osnovaniya k otmene ili izmeneniyu prigovorov : ucheb. posobie / L. A. Bogoslovskaya. – KHar'kov : Izd-vo KHar'k. jurid. in-ta, 1981. – 59 c.
86. Bozhenok S. K voprosu o provokatsii prestuplenij (s uchetom reshenij Evropejskogo Suda po pravam cheloveka) / S. Bozhenok, B. YA. Gavriloj // Rossijskaya yustitsiya. – 2006. – № 5. – S. 44-50.
87. Bojko A. I. Ugolovnaya politika : ucheb. posobie / A. I. Bojko. – Rostov-na-Donu : Rostovskij gos. ehkonomicheskij universitet «RINKH», 2008. – 190 s.
88. Bojkov A. D. Voprosy ukrepleniya zakonnosti i povysheniya ehffektivnosti ugolovnog sudoproizvodstva v svete reshenij XXVII s"ezda KPSS // Voprosy ukrepleniya zakonnosti i ustraneniya sledstvennykh oshibok v ugolovnom sudoproizvodstve. Sbornik nauchnykh trudov / Otv. red. I. F. Demidov, A. B. Solov'ev, S. A. SHEjfer. – M., 1988. – S. 14-15.
89. Bojkov A. D. ZHertvy prestupnosti. // Mirovoj sud'ya. – 2006. – № 10. – S. 23-26.
90. Bojkov A. D. Tret'ya vlast' v Rossii. Kniga vtoraya - prodolzhenie reform / A. D. Bojkov. – M. : YUrlitinform, 2002. – 280 c.
91. Bojkov A. D. Tret'ya vlast' v Rossii. Ocherki o pravosudii, zakonnosti i sudebnoj reforme 1990 - 1996 gg. / A. D. Bojkov. – M. : Izd-vo NIISZ, 1997. – 264 c.
92. Bojkov A. Novyj UPK Rossii i problemy bor'by s prestupnost'yu // Ugolovnoe pravo. – 2002. – № 3. – S. 63-69.
93. Bojkov A. Sud. Skoryj, da ne ochen'. Pravyj, no ne sovsem. Milostivyj, ravnyj dlya vsekh? // Rossijskij sud'ya. – 2002. – № 9. – S. 4-15.
94. Borodin S. V. Bor'ba s prestupnost'yu: teoreticheskaya model' kompleksnoj programmy / S. V. Borodin ; otv. red. V. N. Kudryavtsev. – M. : Nauka, 1990. – 272 c.
95. Borulenkov YU. P. Sledstvennyj sud'ya kak «slaboe zveno» ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. – 2015. – № 3. – S. 9-22.

96. Boskholov S. S. Osnovy ugolovnoj politiki: Konstitutsionnyj, kriminologicheskij, ugolovno-pravovoj i informatsionnyj aspekty / S. S. Boskholov. – 2-e izd., pererab. – M. : TSentr YUrInfoR, 2004. – 303 s.
97. Boshuk V. A. Teoreticheskie osnovy ugolovno-pravovoj politiki Rossii v sfere gosudarstvennoj bezopasnosti : dis. kand. jurid. nauk / V. A. Boshuk. – Krasnodar, 2006. – 217 s.
98. Bragin E. A. Protsessual'nyj poryadok i pravovye posledstviya priznaniya dokazatel'stv nedopustimymi v Rossijskom ugolovnom protsess : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / E. A. Bragin. – CHelyabinsk, 2003. – 23 s.
99. Brusnitsyn L. V. K ispol'zovaniyu videotekhnologij v ugolovnom sudoproizvodstve // Gosudarstvo i pravo. – 2009. – № 3. – S. 53-62.
100. Bryanskij V. YU. Apellyatsionnoe proizvodstvo v ugolovnom sudoproizvodstve : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / V. YU. Bryanskij. – M., 2006. – 23 s.
101. Buglaeva E. A. Uchastie prokurora v khode predvaritel'nogo sledstviya / E. A. Buglaeva, L. V. Vinitskij. – M. : YUrlitinform, 2013. – 216 c.
102. Budnikov V. L. Uchastie suda v ugolovno-protsessual'nom dokazyvanii // Rossijskij sud'ya. – 2006. – № 11. – S. 13-16.
103. Bulanova N. Pravovaya reglamentatsiya prokurorskogo nadzora za protsessual'noj deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo sledstviya // Ugolovnoe pravo. – 2009. – № 3. – S. 73-76.
104. Buldygina N. I. Podderzhanie gosudarstvennogo obvineniya: pravovye, organizatsionnye i takticheskie aspekty / N. I. Buldygina, A. N. Ivanov, E. S. Kurokhtina. – M. : YUrlitinform, 2012. – 243 s.
105. Buneva I. YU. Ugolovnaya otvetstvennost' za prinuzhdenie k dache pokazanij : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / I. YU. Buneva. – Omsk, 2002. – 23 s.
106. Burmagin S. V. Razdelenie obvinitel'noj i sudebnoj vlastej v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: ot sudebnoj reformy 1864 g. do nashikh dneij // Aktual'nye problemy ugolovnogo protsessa. – 2014. – № 5. – S. 885-896.
107. Bushkovskaya E. N. Nadzor prokurora za protsessual'noj deyatel'nost'yu sledovatelya i doznatelya v dosudebnom proizvodstve : dis. ... kand. jurid. nauk / E. N. Bushkovskaya. – M., 2011. – 176 s.
108. Bykov V. M. Aktual'nye problemy ugolovnogo sudoproizvodstva / V. M. Bykov. – Kazan' : Poznanie, 2008. – 300 c.
109. Bykov V. M. Nuzhen li ugolovnomu sudoproizvodstvu Rossii sledstvennyj sud'ya? / V. M. Bykov, N. S. Manova // Zakonnost'. – 2015. – № 6. – S. 44-46.

110. Bykov V. M. Sudebnyj kontrol' za predvaritel'nym sledstviem // Ugolovnyj protsess. – 2007. – № 1. – S. 35-38.
111. Bykov V.M. Osnovaniya i protsessual'nyj poryadok priznaniya dokazatel'stv nedopustimymi po UPK RF / V. M. Bykov, T. YU. Sitnikova // Pravovedenie. – 2004. – № 5. – S. 142-150.
112. Vasil'ev O. YU. Vozvrashhenie sudom ugolovnogogo dela prokuroru: problemy teorii i praktiki: monografiya / O. YU. Vasil'ev, D. V. SHinkevich. – Krasnoyarsk : SibYUI MVD Rossii, 2009. – 100 s.
113. Vasin V. V. Bez prava na oshibku: ugolovno-protsessual'noe poznanie sudom pervoj instantsii obsoyatel'stv ugolovnogogo dela / V. V. Vasin. – Magadan : Izd. SVGU, 2007. – 183 s.
114. Vasin V. V. K voprosu o sudebnom ugolovno-protsessual'nom poznanii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2006. – Vyp. 11. – S. 81-84.
115. Vasyaev A. A. O primenenii nedozvolennykh metodov vedeniya sledstviya v otnoshenii podozrevaemykh (obvinyaemykh) v ugolovnom sudoproizvodstve // Sistema otpravleniya pravosudiya po ugolovnym delam v sovremennoj Rossii kak sotsial'noe vzaimodejstvie lichnosti i gosudarstva : sbor. nauch. statej : v 2 ch. CH. 2 / red.kol. T. K. Ryabinina [i dr.]. – Kursk, 2009. – 340 s.
116. Vasyaev A. A. Oshibki ili narusheniya ugolovno-protsessual'nogo zakona? // Advokat. – 2010. – № 4. – S. 9-11.
117. Vedishhev N. P. Vozobnovlenie proizvodstva po ugolovnomu delu vvidu novykh i vnov' otkryvshikhsya obsoyatel'stv / N. P. Vedishhev. – M. : YUrlitinform, 2003. – 256 s.
118. Vedishhev N. P. Oshibki pravosudiya i ikh ustranenie (iz dos'e advokata) / N. P. Vedishhev. – M. : YUrlitinform, 2006. – 568 c.
119. Veretekhin E. G. Probely predvaritel'nogo rassledovaniya i ikh vospolnenie v sude pervoj instantsii / E. G. Veretekhin ; nauch. red. : Malkov V.P. – Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 1988. – 88 c.
120. Vlasov V. I. Rassledovanie prestuplenij. Problemy kachestva / V. I. Vlasov ; pod red. V. M. Paradeev. – Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1988. – 200 c.
121. Volzhenkin B. V. Dopustima li provokatsiya kak metod bor'by s korruptsiej? // Rossijskaya yustitsiya. – 2001. – № 5. – S. 43-45.
122. Volzhenkin B. V. Provokatsiya ili operativnyj ehksperiment? // Zakonnost'. – 1999. – № 6. – S. 26-30.
123. Volodina L. M. Problemy ugolovnogogo protsessa: zakon, teoriya, praktiki. Monografiya / L. M. Volodina. – M. : Izdatel'skaya gruppa «YUrist», 2006. – 352 s.

124. Volynskij A.F. Rassledovanie provokatsij vzyatki i kommercheskogo podkupa / A. F. Volynskij, E. S. Lapin. – M. : YUrlitinform, 2010. – 160 s.
125. Voplenko N. N. Oshibki v pravoprimenenii: ponyatie i vidy // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1981. – № 4. – S. 38-46.
126. Voprosy ukrepleniya zakonnosti i ustraneniya sledstvennykh oshibok v ugolovnom sudoproizvodstve. Sbornik nauchnykh trudov / Otv. red. I. F. Demidov, A. B. Solov'ev, S. A. Shejfer. – M., 1988. – 138 s.
127. Voprosy ehffektivnosti sovetskogo ugolovnogo protsessa / Pod red. F. N. Fatkullina. – Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 1976. – 159 s.
128. Voronenkov D. N. Sudebnyj kontrol' v mekhanizme razdeleniya vlastej / D. N. Voronenkov ; pod red. S. A. Komarova. – SPb. : Izd-vo YUrid. In-ta (Sankt-Peterburg), 2007. – 356 s.
129. Voronin O. V. Perspektivy sovershenstvovaniya sushhestvuyushhikh form kontrolya za predvaritel'nym sledstviem // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika: ezchemes. pravovoj zhurnal. – 2008. – № 11. – S. 19-22.
130. Voskobitova L. A. Mekhanizm realizatsii sudebnoj vlasti posredstvom ugolovnogo sudoproizvodstva : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk / L. A. Voskobitova. – M., 2004. – 460 s.
131. Voskobitova L. A. Obvinenie ili obvinitel'nyj uklon? // Aktual'nye problemy ugolovnogo protsessa. – 2014. – № 3. – S. 455-462.
132. Voskobitova L. A. Sistema osnovanij k otmene ili izmeneniyu prigovora v kassatsionnom poryadke. Uchebnoe posobie / L. A. Voskobitova. – M. : VYUZI , 1985. – 43 c.
133. Voskobitova L. A. Sudebnaya vlast' : vzniknovenie, razvitie, tipologiya : ucheb. posobie / L. A. Voskobitova. – Stavropol' : Stavropol'servisshkola, 2001. – 128 s.
134. Voskobitova L. A. Sushhnostnye kharakteristiki sudebnoj vlasti / L. A. Voskobitova. – Stavropol'e : Stavropol'servisshkola, 2003. – 160 s.
135. Voskobitova L.A. Mirovaya yustitsiya i vosstanovitel'noe pravosudie : teoriya i praktika razvitiya / L. A. Voskobitova, V. N. Tkachev, A. N. Sachkov. – Rostov-na-Donu, 2007. – 337 s.
136. Voskresenskij V. V. Teoriya i praktika proizvodstva dopolnitel'nogo rassledovaniya po delam ob umyshlennykh ubijstvakh: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / V. V. Voskresenskij. – M., 1988. – 25 s.
137. Vyyavlenie i ustranenie sledstvennykh oshibok pri sudebnom rassmotrenii ugolovnykh del. Metodicheskoe posobie / A. D. Bojkov [i dr.] ; otv. red. A. D. Bojkov. – M. : Izd-vo VNII probl. Ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka, 1990. – 88 s.

138. Gavlo V. K. Institut vozvrashheniya sudom del na dopolnitel'noe rassledovanie nuzhdaetsya v sovershenstvovanii / V. K. Gavlo, N. A. Dudko // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2001. – № 2. – S. 45-50. TSit. Po : Gavlo V. K. *Izbrannye trudy* / V. K. Gavlo. – Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2011. – 850 s.
139. Gavrilov B. YA. Institut pred"yavleniya obvineniya: sovremennoe sostoyanie i problemy sovershenstvovaniya // *Rossijskaya yustitsiya*. – 2009. – № 5. – S. 50-53.
140. Gavrilov B. YA. Pravovoe regulirovanie zashhity konstitutsionnykh prav i svobod uchastnikov ugolovnogogo sudoproizvodstva : avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk / B. YA. Gavrilov – M., 2004. – 63 s.
141. Gavrilov B. YA. Sovremennaya ugolovnaya politika Rossii : tsifry i fakty / B. YA. Gavrilov. – M. : TK Velbi : Izd-vo Prospekt, 2008. – 208 s.
142. Gazetdinov N. I. O sootnoshenii ponyatij sudebnogo kontrolya, sudebnogo nadzora i pravosudiya // *Rossijskij sud'ya*. – 2009. – № 3. – S. 16-18.
143. Gazetdinov N. I. Rol' suda v sostyazatel'nom protsesse // *Rossijskij sud'ya*. – 2007. – № 11. – S. 40-42.
144. Galimov EH. R. Uchastie gosudarstvennogo obvinatelya po ugolovnym delam v sude pervoj instantsii / EH. R. Galimov. – M. : YUrlitinform, 2012. – 163 s.
145. Gekhova D. KH. Kassatsionnoe proizvodstvo v rossijskom ugolovnom protsesse: genezis i perspektivy razvitiya : avtoref. ... kand. jurid. nauk / D. KH. Gekhova. – M., 2016. – 30 s.
146. Glava KS podderzhal ideyu sozdaniya instituta sledstvennykh sudej [EHlektronnyj resurs] // Sajt RIA Novosti. – EHlektron. dan. – URL: <http://ria.ru/society/20141217/1038845017.html#ixzz3Pdd29C34> (data obrashheniya 05.02.2017).
147. Gladysheva O. V. Spravedlivost' i zakonnost' v ugolovnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federatsii : avtoref. ... dis. ... kand. jurid. nauk / O. V. Gladysheva. – Krasnodar, 2009. – 45 s.
148. Golik YU. V. Teoriya oshibok: ugolovno-pravovoe i kriminalisticheskoe znachenie / YU. V. Golik, O. V. Orlova // *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu. Mezhvuzovskij sb. nauch. trudov.* / otv. red. M. I. Kovalev, I. YA. Kazachenko. – Sverdlovsk : Izd-vo Sverdl. jurid. in-ta, 1989. S. 29-38.
149. Golovko L. V. Institut sledstvennykh sudej: amerikanizatsiya putem manipul'yatsii [EHlektronnyj resurs] // Sajt Rossijskogo agentstva pravovoj i sudebnoj informatsii. – EHlektron. dan. – URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20150320/273362096.html (data obrashheniya 05.02.2017).

150. Golovko L. V. Istoki i perspektivy instituta dopolnitel'nogo rassledovaniya ugolovnykh del na postsovetskom prostranstve // Gosudarstvo i pravo. – 2009. – № 11. – S. 54-67.
151. Golovko L. V. Reforma ugolovnogo protsessa vo Frantsii // Gosudarstvo i pravo. – 2001. – № 8. – S. 89-98.
152. Goloshhapov A. M. Konstitutsionnye osnovy stanovleniya gosudarstvenno-pravovoj strategii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / A. M. Goloshhapov. – M., 2004. – 27 s.
153. Golubeva M. L. Sudebnaya oshibka: teoretiko-prikladnoj analiz : dis. ... kand. jurid. nauk / M. L. Golubeva. – Nizhnij Novgorod, 2009. – 250 s.
154. Gom'en D. Evropejskaya konventsija o pravakh cheloveka i Evropejskaya sotsial'naya khartiya: pravo i praktika. Perevod s anglijskogo / D. Gom'en, L. Zvaak, D. KHarris ; nauch. red. L. B. Arkhipova. – M. : Izd-vo MNIMP, 1998. – 600 c.
155. Gorelik A. S. Prestupleniya v sfere ehkonomicheskoj deyatel'nosti i protiv interesov sluzhby kommercheskikh i inykh organizatsij / A. S. Gorelik, I. V. SHishko, G. N. KHlupina. – Krasnoyarsk : Izd-vo Krasnoyarskogo gosuniversiteta, 1998. – 200 s.
156. Gorelik A. S. Prestupleniya protiv pravosudiya / A. S. Gorelik, L. V. Lobanova. – SPb. : Izdatel'stvo R. Aslanova «YUridicheskij tsentr Press», 2005. – 491 s.
157. Granat N. L. Sledstvennye oshibki: ponyatie, vidy i prichiny // Nauchnaya informatsiya po voprosam bor'by s prestupnost'yu. – 1983. – № 76. – S. 56-60.
158. Grevtsov O. V. Ugolovnaya politika sovremennoj Rossii i preduprezhdenie prestupnosti : dis. ... kand. jurid. nauk / O. V. Grevtsov. – SPb, 2000. – 182 s.
159. Grigor'ev V. N. O teorii rassledovaniya prestuplenij v chrezvychajnykh usloviyakh // Voprosy pravovedeniya: Vserossijskij nauchno-teoreticheskij zhurnal. – 2013. – № 2. – S. 344-361.
160. Grigor'ev V.N. Komparativistskie zametki ob institute sledstvennogo sud'i v dosudebnom ugolovnom sudoproizvodstve / V. N. Grigor'ev, I. A. Zinchenko, A. A. Popov // Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya. – 2016. – № 1. – S. 13-19.
161. Grigor'ev V.N. Rassledovanie prestuplenij v chrezvychajnykh usloviyakh (pravovoe obespechenie, organizatsiya, metodika) : dis. ... dokt. jurid. nauk / V. N. Grigor'ev. – M., 1993. – 565 s.
162. Grishina E. P. Sushhestvennye narusheniya zakona kak osnovaniya priznaniya dokazatel'stv nedopustimymi // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. – 2007. – № 3. – S. 21-23.
163. Grodzinskij M. M. Kassatsionnoe i nadzornoe proizvodstvo v sovetskom ugolovnom protsesse / M. M. Grodzinskij. – M. : Gosyurizdat, 1949. – 220 s.
164. Gromov N. A. Vnov' otkryvshiesya obstoyatel'stva i ikh rassledovanie v ugolovnom protsesse / N. A. Gromov. – M. : Spark, 1999. – 220 s.

165. Gromov N. A. Otsenka dokazatel'stv v ugolovnom protsesse / N. A. Gromov, S. A. Zajtseva. – M. : Izdatel'stvo PRIOR, 2002. – 128 s.
166. Gus'kova A.P. Protsessual'no-pravovye i organizatsionnye voprosy podgotovki k sudebnomu zasedaniyu po UPK RF / A. P. Gus'kova. – Orenburg : IPK OGU, 2002. – 107 s.
167. Gutsenko K. F. Ugolovnyj protsess zapadnykh stran : ucheb. posobie / K. F. Gutsenko, L. V. Golovko, B. A. Filimonov ; pod red. K. F. Gutsenko. – M. : Zertsalo-M, 2001. – 470 s.
168. Gutsenko K. F. Ugolovnyj protsess zapadnykh stran : ucheb. posobie. / K. F. Gutsenko, L. V. Golovko, B. A. Filimonov ; pod red. K. F. Gutsenko. – 2-e izd., dop. i ispr. – M. : Zertsalo-M, 2002. – 517 s.
169. Davletov A. A. Ugolovnoe sudoproizvodstvo RF: kurs lektsij / A. A. Davletov. – Ekaterinburg, 2011. – 249 s.
170. Davydov V. A. Vozobnovlenie ugolovnogo sudoproizvodstva vvidu novykh ili vnov' otkryvshikhsya obstoyatel'stv: teoriya i praktika ispravleniya sudebnykh oshibok / V. A. Davydov. – M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2012. – 313 s.
171. Davydov V. A. Proizvodstvo v nadzornoj instantsii. Praktika primeneniya Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossijskoj Federatsii : prakt. posobie / V. A. Davydov ; pod red. V. P. Verina. – M. : YUrajt-izdat, 2007. – 503 s.
172. Daev V. G. Otsenka sudom pervoj instantsii kachestva predvaritel'nogo rassledovaniya / V. G. Daev, V. F. Mironov // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedenie. – № 3. – 1983. – S. 92-96.
173. Demidov I. F. Sudebnaya reforma i novye problemy nauki ugolovnogo protsessa // Voprosy ukrepleniya zakonnosti v ugolovnom sudoproizvodstve v svete pravovoj reformy : mater. konferentsii. – M., 1995. – S. 24-25.
174. Denisov S. A. Zakonnost' i obosnovannost' soedineniya i vydeleniya ugolovnykh del / S. A. Denisov. – M. : YUrlitinform, 2004. – 192 s.
175. Derishev YU. V. Osnovnye protsessual'nye oshibki, vlekushhie neobosnovannoe privlechenie k ugolovnoj otvetstvennosti // Zakonodatel'stvo i praktika. – 1998. – № 1. – S. 19-21.
176. Dzhatiev V. S. Sledstvennyj sud'ya: nuzhen li on Rossii? // Organizatsiya deyatel'nosti organov rassledovaniya prestuplenij: upravlencheskie, pravovye i kriminalisticheskie aspekty (k 60-letiyu kaf. upravleniya organami rassledovaniya prestuplenij) : Sb. mater. mezhd. nauch.-prakt. konf. V 2-kh ch. – M. : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2015. – CH. 1. – S. 219-225.

177. Dikarev I. S. Nadzorno-kassatsionnaya forma peresmotra sudebnykh reshenij v ugovnom protsesse: teoreticheskie osnovy i puti sovershenstvovaniya : avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk / I. S. Dikarev. – Volgograd, 2016. – 51 s.
178. Dikarev I. S. Ponyatie «fundamental'noe narushenie» v ugovnom protsesse // Rossijskaya yustitsiya. – 2009. – № 6. – S. 49-52.
179. Dikarev I. S. Pravosudie i sudebnyj kontrol' v ugovnom protsesse: sootnoshenie ponyatij // Gosudarstvo i pravo. – 2008. – № 2. – S. 45-51.
180. Dikarev I. S. Predvaritel'noe proizvodstvo v sude nadzornoj instantsii / I. S. Dikarev. – M. : YUrlitinform, 2010. – 176 s.
181. Dikarev I. S. Problemy teorii i praktiki proizvodstva v sude nadzornoj instantsii po ugovnym delam / I. S. Dikarev. – M. : YUrlitinform, 2012. – 430 s.
182. Diner A. A. Apellyatsionnoe proizvodstvo v rossijskom ugovnom protsesse : nauch.-prakt. posobie / A. A. Diner, L. F. Martynyakhin, N. N. Senin ; pod obshh. red. L. F. Martynyakhina. – M. : YUrist", 2003. – 112 s.
183. Doktrinal'naya model' ugovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossijskoj Federatsii i kommentarii k nej / Pod red. A. S. Aleksandrova. – M. : YUrlitinform, 2015. – 300 s.
184. Dolgova A. I. Problemy razrabotki strategii bor'by s prestupnost'yu // Prestupnost': strategiya bor'by / Pod red. A. I. Dolgovoj. – M. : Kriminologicheskaya assotsiatsiya, 1997. – S. 5-18.
185. Dolya E. A. Ispol'zovanie v dokazyvanii rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti / E. A. Dolya. – M. : Spark, 1996. – 111 c.
186. Dolya E. A. Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti v dokazyvanii po ugovnym delam // Rossijskaya yustitsiya. – 1995. – № 9. – S. 57-59.
187. Dolya E. A. Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti / E. A. Dolya. – M. : Prospekt, 2014. – 373 s.
188. Drapkin L. YA. Osnovy teorii sledstvennykh situatsij / L. YA. Drapkin. – Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1987. – 164 s.
189. Drobot P. N. Teoriya oshibok i obrabotka rezul'tatov izmerenij : ucheb. posobie / P. N. Drobot, – Tomsk : TUSUR, 2011. – 83 s.
190. Dugin A. T. Problemy bor'by s ugovno-protsessual'nymi pravonarusheniyami pri rassledovanii prestuplenij sredstvami prokurorskogo nadzora : dis. ... kand. jurid. nauk / A. T. Dugin. – M., 1995. – 207 c.
191. Dudko N. A. Poehtapnoe vvedenie suda prisyazhnykh v Rossii: monografiya / N. A. Dudko; pod nauch. red. V. K. Gavlo. – Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2013. – 225 s.

192. Dudko N. A. Sud prisyazhnykh v Rossii: vozrozhdenie i ehtapy razvitiya : uchebnoe posobie / N. A. Dudko ; pod red. V. K. Gavlo. – Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2009. – 134 s.
193. Evropejskij sud po pravam cheloveka : izbrannye resheniya : v 2 t. / Redkoll. V. A. Tumanov. – M. : Norma, 2000. – T. 1. – 841 s.
194. Evropejskij sud po pravam cheloveka : izbrannye resheniya : v 2 t. / Redkoll. V. A. Tumanov. – M. : Norma, 2000. – T. 2. – 804 s.
195. Enikeev Z. D. Problemy ehffektivnosti mer ugolovno-protssesual'nogo presecheniya / Z. D. Enikeev ; nauch. red. F. N. Fatkullin. – Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 1982. – 104 c.
196. Erofeev G. A. Narusheniya ugolovno-protssesual'nogo zakona kak osnovaniya peresmotra prigovorov : dis ... kand. jurid. nauk / G. A. Erofeev. – Sverdlovsk, 1977. – 188 s.
197. ZHalinskij A. EH. Sotsial'no-pravovoe myshlenie kak sredstvo osushhestvleniya ugolovnoj politiki // Voprosy ugolovnoj politiki. Mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov. – Krasnoyarsk : Izd-vo Krasn. gos. un-ta, 1991. – S. 14-15.
198. Zazhitskij V. I. Ob ispol'zovanii v dokazyvanii rezul'tatov operativno-razysknoj deyatel'nosti // Gosudarstvo i pravo. – 2010. – №7. – S. 61-71.
199. Zazhitskij V. I. Problemy povysheniya ehffektivnosti pravosudiya po ugolovnym delam // Gosudarstvo i pravo. – 2009. – № 7. – S. 38-46.
200. Zazhitskij V. I. Svyaz' operativno-rozysknoj i ugolovno-protssesual'noj deyatel'nosti v rossijskom zakonodatel'stve // Rossijskaya yustitsiya. – 1996. – № 4. – S. 51-52.
201. Zajtsev I. M. Ustranenie sudebnykh oshibok v grazhdanskom protsesse. : monografiya / I. M. Zajtsev ; pod red. M. A. Vikut. – Saratov : Saratovskij universitet, 1985. – 135 s.
202. Zakonnost' v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa Rossii / A. B. Solov'ev [i dr.] ; nauch. red. A. B. Solov'ev, A. G. KHaliulin. – M., Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1997. – 162 c.
203. Zakonnost': sostoyanie i tendentsii v 2010 – 2014 gg. Deyatel'- Z19 nost' prokuratury po ee obespecheniyu: nauch. dokl. / pod obshh. red. O.S. Kapinus. – M.: Akad. Gen. prokuratury Ros. Federatsii, 2015. – 406 s.
204. Zakotyanskaya A. F. Obzhalovanie i peresmotr reshenij suda v khode dosudebnogo proizvodstva / A. F. Zakotyanskaya. – M. : YUrlitinform, 2013. – 216 c.
205. Zakharova V. O. O klassifikatsiyakh sledstvennykh oshibok // Biznes v zakone. – 2014. – № 5. – S. 142-144.
206. Zakhartsev S. I. Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-razysknoj deyatel'nosti v zarubezhnykh gosudarstvakh / S. I. Zakhartsev, V. I. Rokhlin // Pravovedenie. – 2004. – № 2. – S. 111-122.

207. Zakhozhij L. Sovershenstvovat' institut dopolnitel'nogo rassledovaniya // Sotsialisticheskaya zakonnost'. – 1986. – № 3. – S. 60-61.
208. Zashlyapin L. A. Osnovnye komponenty teorii advokatskogo masterstva v ugolovnom sudoproizvodstve / L. A. Zashlyapin. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural. Un-ta, 2007. – 576 s.
209. Zashlyapin L. A. Osnovy metodiki rassledovaniya dolzhnostnoj prestupnoj deyatel'nosti sledovatelej i doznivatelej : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / L. A. Zashlyapin. – Ekaterinburg, 1993. – 21 s.
210. Zashlyapin L. A. Osnovy teorii ehffektivnoj advokatskoj deyatel'nosti: preliminarnyj aspekt / L. A. Zashlyapin. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural. Un-ta, 2006. – 568 s.
211. Zelenetskij V.S. Obshhaya teoriya bor'by s prestupnost'yu. T. 1 : Kontseptual'nye osnovy / V. S. Zelenetskij – KHar'kov : Osnova, 1994. – 321 s.
212. Zinatullin Z. Z. Ugolovno-protsessual'noe dokazyvanie. Kontseptual'nye osnovy / Z. Z. Zinatullin, T. Z. Egorova, T. Z. Zinatullin. – Izhevsk : Detektiv-inform, 2002. – 228 s.
213. Znikin V. K. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' kak sistema dobyvaniya i sobiraniya ugolovno-protsessual'nykh dokazatel'stv: ucheb. posobie / V. K. Znikin. – Kemerovo : Kemer. gos. un-t, 2000. – 148 s.
214. Zolotykh V. V. Proverka dopustimosti dokazatel'stv v ugolovnom protsesse / V. V. Zolotykh. – Rostov-na-Donu : Feniks, 1999. – 286 c.
215. Zorin G. A. Kriminalisticheskaya metodologiya / G. A. Zorin. – Minsk : Amalfeya, 2000. – 608 c.
216. Zorin G. A. Teoreticheskie osnovy kriminalistiki / G. A. Zorin. – Minsk : Amalfeya, 2000. – 416 c.
217. Zorin G.A. EHvristicheskie metody formirovaniya strategii i taktiki sledstvennoj deyatel'nosti [EHlektronnyj resurs] / G. A. Zorin. – Grodno : Izdatel'stvo «Grodnenskij gosuniversitet», 1991. – EHlektron. versiya pechat. publ. – Dostup s sajta Obrazovatel'nogo portala Grodneskogo gosudarstvennogo universiteta imeni YAnki Kupaly. URL: http://ebooks.grsu.by/krim_evristika_one/chast-2.htm (data obrashheniya 03.02.2017).
218. Zorin R. G. Issledovanie zakonomernostej formirovaniya i ustraneniya negativnykh obstoyatel'stv i sushhestvennykh narushenij v ugolovnom sudoproizvodstve // Biblioteka kriminalista. – 2013. – № 3. – S.149-154.
219. Zor'kin V. Konstitutsiya zhivet v zakonakh [EHlektronnyj resurs] // Rossijskaya gazeta. – 2014. – № 6560. – EHlektron. versiya pechat. publ. – Dostup s sajta Rossijskoj Gazety. – URL: <https://rg.ru/2014/12/18/zorkin.html> (data obrashheniya 05.02.2017).

220. Zor'kin predlagaet sozdat' otdel'nye kassatsionnye sudy v SOYU i institut sledstvennykh sudej // [EHlektronnyj resurs] // Sajt PRAVO.RU. EHlektron. dan. URL: <http://pravo.ru/news/view/81000/> (data obrashheniya 05.02.2017).
221. Zubarev A. A. Institut priznaniya dokazatel'stv nedopustimymi v ugolovnom protsesse i pravovye posledstviya ego primeneniya / A. A. Zubarev. – M. : YUrlitinform, 2012. – 192 c.
222. Zumakulov A. D. Institut vzbuzhdeniya proizvodstva po ugolovnomu delu vvidu novykh ili vnov' otkryvshikhsya obstoyatel'stv kak garantiya prav i svobod lichnosti: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / A. D. Zamakulov. – M., 2005. – 31 s.
223. Ivanov S. V. Ugolovnaya politika Rossijskoj Federatsii : politologo-kriminologicheskij i ugolovno-pravovoj aspekty : dis. ... kand. jurid. nauk / S. V. Ivanov. – Ekaterinburg, 2006. – 313 s.
224. Idrisov O. R. Polnomochiya kassatsionnoj instantsii po vyyavleniyu i ustranenyu sudebnykh oshibok v ugolovnom protsesse Rossii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / O. R. Idrisov. – Tomsk, 2012. – 23 s.
225. Isaenko V. N. Metodika podderzhaniya gosudarstvennogo obvineniya (ponyatie, printsipy, sodержanie) / V. N. Isaenko. – M. : YUrlitinform, 2011. – 172 s.
226. Ishhenko E. P. Reformoj pravit kriminal'? / E. P. Ishhenko. – M. : YUrlitinform, 2013. – 320 c.
227. Ishhenko E.P. Organizatsionno-takticheskie oshibki, dopuskaemye na pervonachal'nom eh tape rassledovaniya prestuplenij // Organizatsionno-takticheskie problemy rassledovaniya prestuplenij: mezhvuz. sb. nauch. tr. Krasnoyarsk: Izd-vo KGU, 1990. – S. 35-43.
228. Kagnetov A. S. TSikly ugolovnoj politiki i pravoprimeneniya / A. S. Kagnetov. – SPb. : Sankt-Peterburgskij gos.un-t servisa i ehkonomiki, 2010. – 371 s.
229. Kazgerieva EH. V. Logicheskie oshibki v sudebnom pravoprimenenii : dis. ... kand. jurid. nauk / EH. V. Kazgerieva. – M., 2006. – 177 s.
230. Kazinyan G.S. Problemy ehffektivnosti sledstvennykh dejstvij / G. S. Kazinyan, A. B. Solov'ev. – Erevan : Izd-vo Erevan. un-ta, 1987. – 216 c.
231. Kak sud'i primamayut resheniya: ehmpiricheskie issledovaniya prava / Pod red. V. V. Volkova. – M. : Statut, 2012. – 368 c.
232. Kalinkina L. D. Sushhestvennye narusheniya ugolovno-protsessual'nogo zakona i ikh otgranichenie ot nesushhestvennykh : dis. ... kand. jurid. nauk / L. D. Kalinkina. – Kazan', 1981. – 189 s.
233. Kalugin A. G. Osobyj poryadok prinyatiya sudebnogo resheniya pri soglasii obvinyaemogo s pred"yavlennym emu obvineniem / A. G. Kalugin, M. V. Monid. – Krasnoyarsk : Sibirskij juridicheskij institut MVD Rossii, 2006. – 188 s.

234. Kal'nitskij V. V. «Sanktsionirovanie» i proverka sudom zakonnosti sledstvennykh dejstvij v khode dosudebnogo proizvodstva neeffektivny // Uголовное право. – 2004. – № 1. – S. 73-75.
235. Kamchatov K. V. Vozobnovlenie proizvodstva po ugolovnomu delu vvidu novykh ili vnov' otkryvshikhsya obstoyatel'stv / K. V. Kamchatov, I. V. Chashhina, E. V. Velikaya. – M. : Prospekt, 2016. – 139 s.
236. Kapinus N. I. Protsessual'nye garantii prav lichnosti pri primenenii mer presecheniya v ugolovnom protsesse : avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk / N. I. Kapinus. – M., 2001. – 55 c.
237. Karabanov A. L. Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya organizatsii i deyatel'nosti organov predvaritel'nogo rassledovaniya i protivodejstviya prestupnosti / A. L. Karabanov, G. K. Smirnov. – M. : YUrlitinform, 2012. – 216 c.
238. Karagodin V. N. Sovershenstvovanie dosudebnogo proizvodstva kak ehlement ugolovno-pravovoj politiki // Biblioteka kriminalista. – 2015. – № 3. – S. 22-29.
239. Karetnikov A. S. Razreshenie suda na proizvodstvo sledstvennykh dejstvij / A. S. Karetnikov, K. A. Arzamastseva // Zakonnost'. – № 2. – 2011. – S. 43-47.
240. Karetnikov A. S. YAvlyaetsya li deyatel'nost' suda po rassmotreniyu i razresheniyu khodatajstv dolzhnostnykh lits organov predvaritel'nogo rassledovaniya sudebnym kontrolem? / A. S. Karetnikov, K. A. Arzamastseva // Rossijskaya yustitsiya. – 2010. – № 4. – S. 66-69.
241. Kirillova A. A. Osnovy kriminalisticheskoy metodiki sudebnogo razbiratel'stva po ugolovnym delam ob ubijstvakh (ch. 1 st. 105 UK RF) / A. A. Kirillova. – Ulan-Udeh : Izd-vo VSGUTU, 2014. – 255 s.
242. Kirillova A. A. Sledstvennye oshibki v metodike sudebnogo razbiratel'stva // Biblioteka kriminalista. – 2013. – №3. – S. 155-158.
243. Kirillova N. P. Protsessual'nye funktsii professional'nykh uchastnikov sostyazatel'nogo sudebnogo razbiratel'stva ugolovnykh del / N. P. Kirillova. – SPb. : Izdatel'skij Dom S.-Peterb. gos. un-ta, Izdatel'stvo yuridicheskogo fakul'teta SPbGU, 2007. – 408 s.
244. Kirillova N. P. Rol' suda v protsesse dokazyvaniya po ugolovnomu delu // «CHernye dyry» v Rossijskom zakonodatel'stve. – 2008. – № 2. – S. 215-217.
245. Kirillova N. P. Sud prisyazhnykh v Rossii i mirovoj opyt: Seriya «Sovremennye standarty v ugolovnom prave i ugolovnom protsesse» / N. P. Kirillova ; nauch. red. B. V. Volzhenkin. – SPb. : S.-Peterb. yurid. in-t, 1998. – 35 s.
246. Kitaev N. N. Nepravosudnye prigovory k smertnoj kazni : Sistemnyj analiz dopushhennykh oshibok. / N. N. Kitaev. – SPb. : Izd-vo «YUridicheskij tsentr Press», 2004. – 390 s.

247. Klimchuk V. P. Oshibki pri okonchaniy predvaritel'nogo sledstviya i ugovno-protsessual'nye sposoby ikh ustraneniya : dis. ... kand. yurid. nauk / V. P. Klimchuk. – M., 2003. – 168 s.
248. Koblikov A. S. Zakonnost' – konstitutsionnyj printsip sovetskogo ugovnogo sudoproizvodstva / A. S. Koblikov. – M. : YUrid. lit., 1979. – 200 s.
249. Koblikov A. S. YUridicheskaya ehtika / A. S. Koblikov. – 3-e izd.. – M. : Norma, 2005. – 176 s.
250. Kovriga Z. F. Ugolovno-protsessual'naya otvetstvennost' / Z. F. Kovriga ; nauch. red. L. D. Kokorev. – Voronezh : Izd-vo Voronezh. un-ta, 1984. – 191 c.
251. Kovtun N. N. Genезis idei o sudebnom kontrole v ugovnom sudoproizvodstve Rossii // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. – 2008. – № 4. – S. 24-30.
252. Kovtun N. N. O ponyatii i soderzhanii ponyatiya «sudebnyj sledovatel'» («sledstvennyj sud'ya») // Rossijskij sud'ya. – 2010. – № 5. – S. 15-19.
253. Kovtun N. N. Spetsializirovannyj sledstvennyj sud'ya: za i protiv // Rossijskaya yustitsiya. – 2010. – № 9. – S. 41-45.
254. Kovtun N. N. Sudebnyj kontrol' v ugovnom protsesse : ponyatie, vidy, sushhnost' i soderzhanie // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2001. – № 2. – S. 117-123.
255. Kovtun N. N. Sudebnyj kontrol' v ugovnom sudoproizvodstve Rossii (ponyatie, sushhnost', formy) : dis. ... kand. yurid. nauk / N. N. Kovtun. – Nizhnij Novgorod, 2002. – 520 c.
256. Kovtun N.N. EHffektivnost' operativnogo sudebnogo kontrolya / N. N. Kovtun, E. N. Suslova // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. – 2010. – № 3. – S. 6-14.
257. Kozhevnikov I. Uporyadochit' polnomochiya sledovatelya // Rossijskaya yustitsiya. – 1997. – № 12. – S. 22-24.
258. Kokarev L. D. Tri kita pravosudiya // Sluzhenie istine : Nauchnoe nasledie L. D. Kokoreva : sb. st. / Redkol. O. YA. Baev [i dr.]. – Voronezh : Izd-vo Voronezh. un-ta, 1997. – S. 300-306.
259. Kolesnikov V. I. Prestupnost' v Rossii i strategiya bor'by s nej // Prestupnost': strategiya bor'by / Pod red. A. I. Dolgovej. – M. : Kriminologicheskaya assotsiatsiya, 1997. – S. 18-27.
260. Kolokolov N. A. Konstitutsionnoe pravo na neprikosnovennost' zhilishha: k voprosu ob ehffektivnosti preventivnogo sudebnogo kontrolya (chast' 1) // Rossijskij sud'ya. – 2010. – № 6. – S. 13-16.

261. Kolokolov N. A. Konstitutsionnoe pravo na neprikosnovennost' zhilishha: k voprosu ob ehffektivnosti preventivnogo sudebnogo kontrolya (chast' 2) // Rossijskij sud'ya. – 2010. – № 7. – S. 4-8.
262. Kolokolov N. A. O prave, sude i pravosudii : Izbrannoe / N. A. Kolokolov. – M. : YUNITI-DANA, 2006. – 687 c.
263. Kolokolov N. A. Obvinitel'nyj uklon sledstviya i suda pri otsenke pravonarushenij v sfere ehkonomiki // Ugolovnyj protsess. – 2012. – № 2. – S. 38-45.
264. Kolokolov N. A. Sudebnyj kontrol': nekotorye problemy istorii i sovremennosti / N. A. Kolokolov. – Kursk : Sejm", 1996. – 89 s.
265. Kolosovskij V. V. Oshibki v kvalifikatsii ugolovno-pravovykh deyanij : dis. ... kand. jurid. nauk / V. V. Kolosovskij. – CHelyabinsk, 2003. – 192 s.
266. Komarova E. I. Vliyanie oshibok dosudebnogo proizvodstva i kharaktera sudebnoj situatsii na taktiku podderzhaniya gosudarstvennogo obvineniya v sude pervoj instantsii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / E. I. Komarova. – Voronezh, 2009. – 23 s.
267. Komogortseva K. A. Rassmotrenie ugolovnykh del v apellyatsionnom poryadke po ugolovno-protsessual'nomu zakonodatel'stvu Rossijskoj Federatsii : dis. ... kand. jurid. nauk / K. A. Komogortseva. – M., 2013. – 243 s.
268. Kontsepsiya sudebnoj reformy v Rossijskoj Federatsii / Sost. S. A.Pashin. – M. : Respublika, 1992. – 111 s.
269. Konyarova ZH. K. Usmotrenie prokurora v ugolovnom protsesse / ZH. K. Konyarova. – Izhevsk : In-t prava, sotsial'nogo upr. i bezopasnosti, 2005. – 118 s.
270. Korenevskij YU. V. Sudebnaya praktika i sovershenstvovanie predvaritel'nogo rassledovaniya / YU. V. Korenevskij. – M. : YUrid. lit., 1974. – 112 c.
271. Korobeev A.I. Ugolovno-pravovaya politika: Tendentsii i perspektiva / A. I. Korobeev, A. V. Uss, YU. V. Golik. – Krasnoyarsk : Izd-vo Krasnoyarskogo un-ta, 1991. – 240 s.
272. Kotin V. P. Provokatsiya vzyatki // Gosudarstvo i pravo. – 1996. – № 2. – S. 82-87.
273. Kotukhov M. P. Perevod rezul'tatov operativno-razysknoj deyatelnosti v dokazatel'stva : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / M. P. Kotukhov. – M., 2002. – 23 s.
274. Kramarenko V. P. Situatsionnyj podkhod k vyyavleniyu i preodoleniyu sledstvennykh oshibok : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / V. P. Kramarenko. – Krasnodar, 2012. – 23 s.
275. Kramarenko V. P. Situatsionnyj podkhod k vyyavleniyu i preodoleniyu sledstvennykh oshibok : dis. ... kand. jurid. nauk / V. P. Kramarenko. – Kaliningrad, 2012. – 182 s.
276. Krasil'nikov B. V. Sudebnaya oshibka po grazhdanskomu delu kak sledstvie nesovershenstva material'nogo i protsessual'nogo zakonodatel'stva : dis. ... kand. jurid. nauk / B. V. Krasil'nikov. – M., 2002. – 236 s.

277. Kriminalistika / Pod red. A. V. Dulova. Minsk, 1996. – 415 s.
278. Kriminologiya i ugovolnaya politika / Red. koll. S. G. Kelina, V. M. Kogan, M. M. Slavin. – M. : Izd-vo IGI AN SSSR, 1985. – 144 c.
279. Krylov I.F. Rozysk, doznanie, sledstvie : ucheb. Posobie / I. F. Krylov, A. I. Bastrykin. – Leningrad : Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1984. – 217 s.
280. Kryukov V. F. Ugolovnoe presledovanie v sudebnom proizvodstve: ugovolno-protssual'nye i nadzornye aspekty deyatel'nosti prokurora [EHlektronnyj resurs] / V. F. Kryukov. – Kursk, 2010. – 412 s. // EHlektron. versiya pechat. publ. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
281. Kubov R. KH. Ugolovnaya politika v sfere bor'by s organizovannymi formami prestupnoj deyatel'nosti / R. KH Kubov. – M. : Granitsa, 2008. – 247 s.
282. Kudryavtsev V. N. Obshhaya teoriya kvalifikatsii prestuplenij / V. N. Kudryavtsev. – M. : YUrid. lit., 1972. – 352 c.
283. Kudryavtsev V. N. Strategii bor'by s prestupnost'yu / V. N. Kudryavtsev. – 2-e izd., ispr. i dop. – M. : Nauka, 2005. – 366 c.
284. Kudryavtseva A. V. Apellyatsionnoe proizvodstvo v ugovolnom protsesse Rossii / A. V. Kudryavtseva, V. P. Smirnov. – M. : YUridinform, 2013. – 212 s.
285. Kuznetsov A. S. Zabluzhdenie: logiko-gnoseologicheskij aspekt : avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk / A. S. Kuznetsov. – Saratov, 2001. – 159 s.
286. Kuz'min G. A. Pravovye i organizatsionnye osnovy prinyatiya reshenij v ugovolnom protsesse : Dosudebnye stadii : avtoref. dis. ... kand. yurid. Nauk / G. A. Kuz'min. – M., 2002. – 22 s.
287. Kurinov B. A. Nauchnye osnovy kvalifikatsii prestuplenij : ucheb. posobie / B. A. Kurinov. – M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1976. – 182 c.
288. Kurs sovetskogo ugovolnogo protsessa: Obshhaya chast' / V. B. Alekseev [i dr.] : pod red. A. D. Bojkova, I. I. Karpetsa. – M. : YUridicheskaya literatura, 1989. – 640 s.
289. Kurs ugovolnogo protsessa / A. A. Arutyunyan [i dr.] ; pod red. L. V. Golovko. – M. : Statut, 2016. – 1276 s.
290. Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva : v 3 t. / V. A. Mikhajlov [i dr] ; pod red. V. A. Mikhajlova. M. : MPSI, 2006. T.1 : Obshhie polozheniya ugovolnogo sudoproizvodstva. – 821 s.
291. Kurchenko V. Otgranichenie provokatsii ot dejstvij pri presechenii prestuplenij // Zakonnost'. – 2004. – № 1. – S. 10-12.

292. Kurysheva N. S. Obzhalovanie dejstvij (bezdejstviya) i reshenij dolzhnostnykh lits, osushhestvlyayushhikh ugovnoe sudoproizvodstvo: monografiya / N. S. Kurysheva. – M. : YUrlitinform, 2011. – 280 s.
293. Kuryakhova T.V. Vozvrashhenie sudom ugovnogo dela prokuroru // Obshhestva i pravo. – 2009. – № 3. – S. 218-223.
294. Kussmaul' R. Diskriminatsionnaya norma novogo UPK // Rossijskaya yustitsiya. – 2002. – № 9. – S. 32.
295. Lazareva V. A. Dokazyvanie v ugovnom protsesse : uchebno-prakt. posobie / V. A. Lazareva. – M. : Vysshee obrazovanie, 2009. – 343 s.
296. Lazareva V. A. Osobennosti i formy realizatsii sudebnoj vlasti v ugovnom protsesse // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2001. – № 2. – S. 151-158.
297. Lazareva V. A. Sudebnaya vlast' i ee realizatsiya v ugovnom protsesse / V. A. Lazareva. – Samara : Sam. un-t, 1999. – 134 s.
298. Larin A. M. Rassledovanie po ugovnomu delu. Planirovanie, organizatsiya / A. M. Larin. – M. : YUrid. lit., 1970. – 224 s.
299. Larina E. V. Priznanie dokazatel'stv nedopustimymi v ugovnom sudoproizvodstve (v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya) : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / E. V. Larina. M., 2005. – 28 s.
300. Lebedev V. M. Sudebnaya vlast' v sovremennoj Rossii : Problemy stanovleniya i razvitiya / V. M. Lebedev. – SPb. : Lan', 2001. – 383 s.
301. Lesnikov G. YU. Ugolovnaya politika sovremennoj Rossii : metodologicheskie, pravovye i organizatsionnye osnovy : dis. ... dokt. jurid. nauk / G. YU. Lesnikov. – M., 2005. – 350 s.
302. List F. Zadachi ugovnoj politiki. Prestuplenie kak sotsial'no-patologicheskoe yavlenie / F. List ; sost. i predisl. V. S. Ovchinskij. – M. : Infra-M, 2004. – 110 s.
303. Lisyutkin A. B. Voprosy metodologii issledovaniya kategorii «oshibka» v pravovedenii / A. B. Lisyutkin ; pod red. N. I. Matuzova. – Saratov : Izd-vo Saratovskoj gos. akad. prava, 2001. – 138 s.
304. Lisyutkin A. B. Oshibka kak kategoriya pravovedeniya: teoretiko-metodologicheskij aspekt : dis. ... dokt. jurid. nauk / A. B. Lisyutkin. – Saratov, 2002. – 414 s.
305. Litvinova I. V. Osnovaniya i poryadok prinyatiya prokurorom resheniya o priznanii dokazatel'stv nedopustimymi : uchebno-metod. posobie / I. V. Litvinova. – Irkutsk : Irkutskij juridicheskij institut General'noj prokuratury RF, 2003. – 25 s.

306. Lon' S. L. Oshibka sud'i (problema, ponyatie, regulirovanie) // Sostoyanie i problemy razvitiya rossijskogo zakonodatel'stva : Sb. statej / Pod red. V. F. Volovicha. – Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1998. – S. 221-226.
307. Lopashenko N. A. Voprosy kvalifikatsii prestuplenij v sfere ehkonomicheskoy deyatelnosti / N. A. Lopashenko ; nauch. red. L. A. Prokhorov. – Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1997. – 184 c.
308. Lopashenko N. A. Osnovy ugolovno-pravovogo vozdejstviya : ugolovnoe pravo, ugolovnyj zakon, ugolovno-pravovaya politika / N. A. Lopashenko. – SPb. : Izdatel'stvo R.Aslanova «YUridicheskij tsentr Press», 2004. – 339 s.
309. Lopashenko N. A. Ugolovnaya politika / N. A. Lopashenko. – M. : VoltersKluver, 2009. – 579 s.
310. Lukashevich V. Z. Garantii prav obvinyaemogo v stadii predaniya sudu / V. Z. Lukashevich ; otv. red. N. S. Alekseev. – Leningrad : Izd-vo LGU, 1966. – 147 s.
311. Lukashevich V. Z. Ustanovlenie ugolovnoj otvetstvennosti v sovetskom ugolovnom protsesse / V. Z. Lukashevich. – Leningrad : Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1985. – 193 s.
312. Lukin V. P. Problemy sovershenstvovaniya deyatelnosti suda prisyazhnykh v sovremennoj Rossii: Spetsial'nyj doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federatsii ./ V. P. Lukin. – M. : YUrisprudentsiya, 2004. – 64 s.
313. Luk'yanova E. G. Teoriya protsessual'nogo prava / E. G. Luk'yanova. – M. : Izdatel'stvo NORMA, 2003. – 240 s.
314. Luneev V. V. EHpokha globalizatsii i prestupnost' / V. V. Luneev. – M. : Norma, 2007. – 272 s.
315. Luneev V.V. EHpokha globalizatsii i prestupnost'. – M.: Norma, 2017. – 272 s.
316. Lupinskaya P. A. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika / P. A. Lupinskaya. – 2-e izd., pererab. i dop. – M. : Norma, 2010. – 240 s.
317. Lyakhov YU. A. Sushhnost' i tendentsii razvitiya ugolovno-protsessual'noj politiki Rossijskoj Federatsii : avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk / YU. A. Lyakhov. – SPb, 1994. – 36 s.
318. Maksimov A. M. Ugolovnaya politika v sfere obespecheniya bezopasnosti zhivotnogo mira: pravovye problemy, organizatsionnye i pravoprimeritel'nye aspekty / A. M. Maksimov. – M. : YUrlitinform, 2012. – 350 s.
319. Malysheva O. A. Sovremennaya ugolovnaya politika Rossijskogo gosudarstva i ee realizatsiya na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa : dis. ... dokt. jurid. nauk / O. A. Malysheva. – Ryazan', 2006. – 514 s.

320. Mal'ko S. V. Politiko-pravovye strategii formirovaniya institutov rossijskogo grazhdanskogo obshhestva : avtoref. ... kand. jurid. nauk / S. V. Mal'ko. – Rostov-na-Donu, 2009. – 21 s.
321. Manova N. S. Vozobnovlenie ugolovnogogo dela vvidu novykh ili vnov' otkryvshikhnya obstoyatel'stv: dostoinstva i neudachi pravovoj reglamentatsii // Gosudarstvo i pravo. – 2008. – № 5. – S. 107-109.
322. Martynchik E. G. Garantii prav obvinyaemogo v sude pervoj instantsii / E. G. Martynchik ; pod red. P. S. Nikityuka. – Kishinev : SHtiintsya, 1975. – 219 s.
323. Maslov V. P. Peresmotr ugolovnykh del v poryadke nadzora / V. P. Maslov. – M. : YUridicheskaya literatura, 1965. – 102 s.
324. Mel'nik V. V. Iskusstvo dokazyvaniya v sostyazatel'nom ugolovnom protsesse / V. V. Mel'nik. – M. : Delo, 2000. – 496 s.
325. Merzlyakova M. V. Peresmotr vstupivshikh v zakonnuyu silu prigovorov, opredelenij i postanovlenij v poryadke nadzora / M. V. Merzlyakova, A. D. Proshlyakov. – M. : YUritinform, 2011. – 176 s.
326. Mery protsessual'nogo prinuzhdeniya v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam / N. V. Bulanova [i dr.] ; pod red. M. E. Tokareva. – M. : YUritinform, 2005. – 184 s.
327. Metodologiya i metodika izucheniya sledstvennykh oshibok. Sbornik nauchnykh trudov. – M., 1986 – 147 s.
328. Meshkov V.M. Operativno-rozysknaya taktika i osobennosti legalizatsii poluchennoj informatsii v khode predvaritel'nogo sledstviya: uchebno-prakt. posobie / V. M. Meshkov, V. L. Popov. – M. : SHHit-M, 1999. – 80 c.
329. Mizulina E. B. K pyatiletiyu Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa RF // Aktual'nye problemy ugolovnogogo sudoproizvodstva: voprosy teorii, zakonodatel'stva, praktiki primeneniya (K 5-letiyu UPK RF) : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – M. : MGYUA, 2007. – S. 3-16.
330. Mikhajlov A. A. Izmenenie prokurorom obvineniya i otkaz prokurora ot obvineniya v sude pervoj instantsii / A. A. Mikhajlov. – Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2011. – 266 s.
331. Mikhajlov V. I. Nekotorye voprosy primeneniya avtomatizirovannogo rabochego mesta sledovatelya / V. I. Mikhajlov, N. D. Andreev // Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii, normotvorchestva i pravoprimeneniya : sb. nauch. tr. – Ryazan' : Akademiya prava i upravleniya FSIN, 2008. – Vyp.3. – S. 217-220.
332. Mikhajlov V. I. Protivodejstvie legalizatsii dokhodov ot prestupnoj deyatel'nosti. Pravovoe regulirovanie, ugolovnaya otvetstvennost', operativno-rozysknye meropriyatiya i

- mezhdunarodnoe sotrudnichestvo / V. I. Mikhajlov. – SPb. : YUrid. tsentr Press, 2002. – 427 c.
333. Mikhajlov M. A. Neobkhodimost' ucheta krymskogo opyta pri reshenii voprosa o sozdanii instituta sledstvennykh sudej v Rossijskoj Federatsii // Ugolovnoe proizvodstvo: Protsessual'naya teoriya i kriminalisticheskaya praktika : mater. III mezhd. nauch.-prakt. konf. g. Simferopol'-Alushta 24-25 aprelya. – Simferopol', 2015. – S.54-56.
334. Mikhajlova T. A. Predanie sudu v sovetskom ugolovnom protsesse / T. A. Mikhajlova ; otv. red. V. V SHubin. – M. : YUrid. lit., 1981. – 88 c.
335. Mikhajlovskaya I. B. Nastol'naya kniga sud'i po dokazyvaniyu v ugolovnom protsesse / I. B. Mikhajlovskaya. – M. : Prospekt, 2008. – 189 s.
336. Mikhajlovskaya I. B. Sudebnaya politika: rol' reshenij Konstitucionnogo Suda v reformirovanii ugolovnogogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federatsii // Konstitucionnoe pravo : vostochnoevropejskoe obozrenie. – 2001. – № 3. – S. 167-172.
337. Moiseeva M.A. Istoricheskie predposylki vozniknoveniya instituta vozvrashheniya ugolovnogogo dela prokuroru // Istoriya gosudarstva i prava. – 2008. – № 19. – S. 11-13.
338. Morozova E. V. Kriminalisticheskie problemy sledstvennykh oshibok : dis. ... kand. jurid. nauk / E. V. Morozova. – Ekaterinburg, 2004. – 174 s.
339. Morshhakova T. G. O kontseptsii i poryadke formirovaniya instituta sledstvennykh sudej v RF [EHlektronnyj resurs] // Sajt Mezhdunarodnoj assotsiatsii sodejstviya pravosudiyu. – EHlektron. dan. – URL: <http://www.iuaj.net/node/1718> (data obrashheniya 05.02.2017).
340. Morshhakova T. G. Otsenka kachestva sudebnogo razbiratel'stva (po ugolovnym delam) / T. G. Morshhakova, I. L. Petrukhin ; otv. red. O. P. Temushkin. – M. : Nauka, 1987. – 239 c.
341. Moskal'kova T. N. EHtika ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya. Stadiya predvaritel'nogo rassledovaniya / T. N. Moskal'kova. – M. : Spark, 1996. – 125 c.
342. Motovilovker YA. O. Nekotorye voprosy teorii ugolovnogogo protsessa v svete novogo ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva / YA. O. Motovilovker ; pod red. P. I. Borod'ko. – Kemerovo : Kn. izd-vo, 1962. – 296 c.
343. Muratova N. G. Probely v zakonodatel'noj modeli sistemy sudebnogo kontrolya v ugolovnom sudoproizvodstve // Materialy X yubilejnoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii «Tatishhevskie chteniya: aktual'nye problemy nauki i praktiki» (18-21 aprelya 2013 g.). ch. III / Otv. red. V. A. YAkushin. – Tol'yatti : Izd-vo Volzhsk. un-ta im. V.N. Tatishheva, 2013. – S. 230-237.
344. Muratova N. G. Sistema sudebnogo kontrolya v ugolovnom sudoproizvodstve: voprosy teorii, zakonodatel'nogo regulirovaniya i praktiki : dis. ... dokt. jurid. nauk / N. G. Muratova. – Kazan', 2004. – 599 c.

345. Mursalimov K. R. Pravoprimeritel'nye oshibki: Problemy teorii : dis. ... kand. jurid. nauk / K. R. Mursalimov. – N-Novgorod, 2000. – 182 s.
346. Myadzelets O. A. Sledstvennyj sud'ya v ugolovnom protsesse Rossii: za i protiv // Rossijskaya yustitsiya. – 2008. – № 6. – S. 39-42.
347. Nadzoru ne nuzhen kontrol' [EHlektronnyj resurs] // Vedomosti. – 2015. – № 3824. – EHlektron. versiya pechat. publ. – Dostup s Sajta Vedomosti. – URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/05/05/genprokuratura-ne-podderzhivaet-initsiativu-o-vvedenii-instituta-sledstvennih-sudei> (data obrashheniya 05.02.2017).
348. Nazarenko V. Ot prokurorskogo nadzora k sudebnomu kontrolyu / V. Nazarenko, A. KHaliulin // Zakonnost'. – 2004. – № 1. – S. 24-28.
349. Nazarov A. D. Vliyanie sledstvennykh oshibok na oshibki suda / A. D. Nazarov. – SPb. : YUrid. tsentr Press, 2003. – 323 c.
350. Nazarov A. D. Voprosy implementatsii Evropejskogo standarta provedeniya ehffektivnogo rassledovaniya v ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossii // Rossijskaya yustitsiya. – 2010. – № 11. – S.73-74.
351. Nazarov A. D. Vospolnenie v sude sledstvennykh oshibok // Aktual'nye problemy pravoprimeritel'noj praktiki v svyazi s prinyatiem novogo Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federatsii. : Sb. mat. nauchno-prak. konf. (6-7 fevr. 1997 g.) / otv. red. V. I. Gorobtsov. – Krasnoyarsk : Krasnoyar. vyssh. shk., 1997. – S. 96-99.
352. Nazarov A. D. Vospolnenie probelov predvaritel'nogo rassledovaniya gosudarstvennym obvinitelem v sude // Aktual'nye problemy pravovedeniya v sovremennyj period : sbor. statej / pod red. V. F. Volovicha. – Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1998. – S. 67-69.
353. Nazarov A. D. Deyatel'nost' suda v vyyavlenii dokazatel'stv, poluchennykh v rezul'tate primeneniya nedozvolennykh (nezakonnnykh) metodov // Rossijskij sud'ya. –2010. – № 11. – S. 29-31.
354. Nazarov A. D. Differentsirovannyj podkhod pri izbranii naibolee strogikh mer presecheniya kak sposob izbezhat' oshibok // Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya na Altae. Barnaul, 2011. – S.193-196.
355. Nazarov A. D. Dokazatel'stva, poluchennye provokatsionnym putem, yavlyayutsya nedopustimymi: nekotorye prakticheskie aspekty problem // Vestnik KGU. – 2006. – № 6. – S. 336-340.
356. Nazarov A. D. Evropejskij standart ehffektivnogo rassledovaniya - nadezhnyj mekhanizm zashhity ot pytok v deyatel'nosti novej politzii Rossii // Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu v Sibirskom regione: sb. mater. / Otv. red. D. D. Nevirko. – Krasnoyarsk, 2011. – S. 125-129.

357. Nazarov A. D. Kak protivopostavit' provokatsii v ugovnom protsesse meropriyatiam, blokiruyushhim prestupnyye proyavleniya // Uchenye zapiski. Sbornik nauchnykh trudov Instituta gosudarstva i prava. – Tyumen' : Izd-vo Tyumenskogo gos. un-ta, 2007. – Vyp. 8. – S. 86-93.
358. Nazarov A. D. Nekotorye voprosy proverchoj zakupki v kontekste reshenij Evropejskogo Suda po pravam cheloveka // Problemy modernizatsii pravovoj sistemy sovremennogo rossijskogo obshhestva. – Krasnoyarsk, 2011. – S. 302-306.
359. Nazarov A. D. Nekotorye voprosy sovershenstvovaniya instituta sudebnogo kontrolya / A. D. Nazarov, N. S. ZHeleznyak // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2012. – № 2. – S. 58-63.
360. Nazarov A. D. Nesoblyudenie v ugovnom sudoproizvodstve konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina, svyazannykh s primeneniem nezakonnykh metodov v deyatelnosti operativnykh rabotnikov / A. D. Nazarov, A. A. Brester // ZHurnal SFU. Ser. Gumanitarnye nauki. – 2011. – T. 4. – № 2. – S. 267-273.
361. Nazarov A. D. O sovershenstvovanii protsedury zaklyucheniya litsa pod strazhu // Sudebnaya vlast' i pravosudie v sfere ugovnogo sudoproizvodstva: problemy i perspektivy. – Ekaterinburg, 2012. – S. 106-112.
362. Nazarov A. D. Osnovnaya klassifikatsiya oshibok v ugovnom sudoproizvodstve // Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti : sb. st. / otv. red. M. K. Sviridov, YU. K. YAkimovich; pod red. O. I. Andreevoj, I. V. CHadnovoj. – Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2010. – CH. 47. – S. 163-164.
363. Nazarov A. D. Oshibki pri zaklyuchenii pod strazhu kak vid fundamental'nykh oshibok // Sb. nauch. tr. po materialam mezhd. nauch.-praktich. konferentsii «Perspektivnye innovatsii v nauke, obrazovanii, proizvodstve i transporte». Odessa, T.15. YUridicheskie i politicheskie nauki. 2011. – S. 3-8.
364. Nazarov A. D. Ponyatie i osnovnaya klassifikatsiya sledstvennykh oshibok // CHernye dyry v Rossijskom Zakonodatel'stve. – 2010. – № 4. – S. 78-81.
365. Nazarov A. D. Ponyatie sledstvennykh oshibok // ZHurnal SFU. Ser. Gumanitarnye nauki. – 2011. – №2. – S. 235-239.
366. Nazarov A. D. Pravoprimeritel'nye oshibki pri zaklyuchenii pod strazhu // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2010. – № 2. – S. 92-98.
367. Nazarov A. D. Prichiny sledstvennykh oshibok // Voprosy ugovnogo prava i protsessa v usloviyakh pravovoj reformy. – Krasnoyarsk, 1999. – S. 61-71.

368. Nazarov A. D. Problemy sledstvennykh oshibok v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa (po materialam Sredne-Sibirskogo regiona) : dis. ... kand. jurid. nauk / A. D. Nazarov.– M., 1999. – 297 s.
369. Nazarov A. D. Provokatsii v ugolovnom protsesse / A. D. Nazarov, K. A. Majer // Informatsionnyj byulleten' Advokatskoj palaty Krasnoyarskogo kraja. – 2004. – № 5. – S. 92-98.
370. Nazarov A. D. Prokuror v ugolovnom protsesse SHvetsii i Rossii // Pravovaya reforma v Rossii i zarubezhnyj opyt : mezhvuz. sb. nauch. st. – Krasnoyarsk : KrasGU, 1998. – S. 140–151.
371. Nazarov A. D. Protsessual'nye garantii protiv sledstvennykh, prokurorskikh i sudebnykh oshibok v UPK RF // Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu v Sibirskom regione. – 2002. – S. 98-102.
372. Nazarov A. D. Sledstvennye oshibki v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa: ucheb. posobie / A. D. Nazarov. – Krasnoyarsk, 2000. – 245 s.
373. Nazarov A. D. Sudebnyj kontrol' i problemy preduprezhdeniya prestuplenij i inykh pravonarushenij v ugolovnom protsesse Rossii i Germanii / A. D. Nazarov, A.N. Tarbagaev // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i prava. – 2015. –№ 3. – S. 560-570.
374. Nazarov A. D. Ugolovno-protsessual'naya politika i strategiya vyyavleniya, ustraneniya i preduprezhdeniya oshibok v ugolovnom sudoproizvodstve // Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti : sb. st. / Pod red. M. K. Sviridova [i dr.]. – Tomsk, 2012. – CH. 55. – S.46-48.
375. Nazarov A. D. Uslozhnennaya protsedura zaklyucheniya litsa pod strazhu kak sposob izbezhat' oshibok / A. D. Nazarov, A. G. Tuzov // Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti : sb. statej. Tomsk, 2011. – CH. 51. – S. 109-115.
376. Nazarov A. D. Ustranenie v sude sledstvennykh oshibok v svete reformy ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva // Problemy obespecheniya zakonnosti i bor'by s prestupnost'yu : Materialy mezhvuz. konf. – Kemerovo : Kuzbass-vuzizdat, 1997. – S. 165-168.
377. Nazarov A. D. Fundamental'nye oshibki v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii. Voprosy teorii i praktiki / A. D. Nazarov. – Saarbrucken, Germany : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. – S. 164-177.
378. Nazarov A. D. Erroneous Detention as a Type of Fundamental Mistake in Criminal Procedure / A. D. Nazarov, S. A. Drobyshevskij // Journal of Siberian Federal University. Humanities&Social Sciences. – 2012. – № 5. – S. 335-339.

379. Nasonov S. A. Naputstvennoe slovo predsedatel'stvuyushhego v cude prisyazhnykh / S. A. Nasonov. – M. : R. Valent, 2006. – 303 s.
380. Nasonov S. A. Sudebnoe sledstvie v sude prisyazhnykh : zakonodatel'stvo, teoriya, praktika : nauch.-prakt. posobie / S. A. Nasonov. – M. : R. Valent, 2001. – 190 s.
381. Nikitin E. L. Kontseptual'nyj podkhod k opredeleniyu funktsij i sistemy polnomochij prokuratury v Rossii // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federatsii. Nauchno-prakticheskij zhurnal. – 2008. – № 6. – S. 58-64.
382. Nikoljuk. V. V. Optimizatsiya dosudebnogo proizvodstva v ugovnom protsesse Rossii / V. V. Nikoljuk, YU. V. Derishev. – Krasnoyarsk : Sib. jurid. in-t MVD Rossii, 2003. – 198 s.
383. Noskova E. V. Proizvodstvo po rassmotreniyu i razresheniyu sudom zhalob v poryadke stat'i 125 UPK RF / E. V. Noskova. – SPb. : YUridicheskij tsentr, 2014. – 254 s.
384. Nurgaliev B. M. Rezul'tativnost' deyatel'nosti politsii kak pokazatel' ehkonomicheskoy ehffektivnosti assignovanij / B. M. Nurgaliev, K. S. Ualiev, A. K. Kusainova // Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologij : sbor. nauch. trud. po mater. VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. : v 10 ch. – Belgorod : IP Tkacheva E.P., 2015. – № 8. – CH. 6. – S. 84-91.
385. O kontseptsii sudebnoj reformy v Rossijskoj Federatsii [EHlektronnyj resurs] : Postanovlenie Verkhovnogo Soveta SSSR ot 24 okt. 1991 g. № 1801-1 // Konsul'tantPlyus : sprav. pravovaya sistema. Versiya Prof. – EHlektron. dan. – Dostup iz lokal'noj seti YUridicheskogo instituta Sibirskogo feder. un-ta.
386. O sledstvennykh sud'yakh. Otvet General'noj prokuratury RF [EHlektronnyj resurs] // Sajt General'noj prokuratury RF. – EHlektron. dan. – Sistem. Trebovaniya : MicrosoftWord. – URL: genproc.gov.ru/upload/iblock/64d/2.doc (data obrashheniya 05.02.2017).
387. Obsuzhdenie initsiativy SPCH pri Prezidente RF [EHlektronnyj resurs] // Sajt YUridicheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova. – EHlektron. dan. – URL: <http://www.law.msu.ru/node/34903/> (data obrashheniya 05.02.2017).
388. Obshhaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik / Pod red. V. V. Lazareva. – 2-e izd., pererab. i dop. – M. : YUrist", 1996. – 472 s.
389. Ovchinskij S. S. Operativno-rozysknaya informatsiya. Teoreticheskie osnovy informatsionno-prognosticheskogo obespecheniya operativno-rozysknoj i profilakticheskoy deyatel'nosti organov vnutrennikh del po bor'be s organizovannoj prestupnost'yu / S. S. Ovchinskij ; pod red.: A. S. Ovchinskogo, V. S. Ovchinskogo. – M. : Infra-M, 2000. – 367 c.
390. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / S. I. Ozhegov, N. YU. SHvedova. – 4-e izd., dop. – M. : «A TEMP», 2004. – 944 s.

391. Oksyuk T. Usmotrenie prokurora v ugovnom protsesse // *Zakonnost'*. – 2010. – № 3. – S. 3-9.
392. Ol'kov S. G. Ugolovno-protsessual'nye pravonarusheniya v rossijskom sudoproizvodstve i obshhaya teoriya sotsial'nogo povedeniya / S. G. Ol'kov. – Tyumen' : Tyumenskaya vysshaya shkola MVD RF, 193. – 210 s.
393. Orlov YU. K. Osnovy teorii dokazatel'stv v ugovnom protsesse / YU. K. Orlov. – M. : Prospekt, 2000. – 140 s.
394. Otchertsova O. V. Vvedenie instituta sledstvennykh sudej: stanet li predvaritel'noe sledstvie bolee sostyazatel'nym? // *Rossijskaya yustitsiya*. – 2015. – № 8. – S. 63-66.
395. Paneyakh E.H.L., Titaev K.D., Volkov V.V., Prilakov D.A. Obvinitel'nyj uklon v ugovnom protsesse: faktor prokurora // *Analiticheskie zapiski po problemam pravoprimereniya*. / Institut problem pravoprimereniya // URL: http://enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/pm_3_prok_final_site.pdf.
396. Pank D. L. Raspredelenie rolej v sude prisyazhnykh zasedatelej // *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava*. – 1996. – Vyp. 3. – S. 132-136.
397. Pan'kina I. YU. K voprosu o demokratizatsii ugolovno-protsessual'noj politiki RF // *Aktual'nye problemy ugolovnogogo sudoproizvodstva: voprosy teorii, zakonodatel'stva, praktiki primereniya (K 5-letiyu UPK RF) : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* – M. : MGYUA, 2007. – S. 93-96.
398. Pashin S. A. Stanovlenie pravosudiya / S. A. Pashin. – M.: R. Valent, 2011. – 456 c.
399. Pashin S. A. Dopustimost' dokazatel'stv // *Rossijskaya yustitsiya*. – 1993. – №7. – S. 27-28.
400. Pashin S. A. Sud prisyazhnykh : pervyj god raboty / S. A. Pashin. – M. : Mezhdunar. kom. sodejstviya pravovoj reforme , 1995. – 48 s.
401. Perevalov V. D. Teoriya gosudarstv i prava: uchebnik dlya vuzov / V. D. Perevalov. – M. : YUrajt, 2010. – 379 s.
402. Perlov I. D. Kassatsionnoe proizvodstvo v sovetskom ugovnom protsesse / I. D. Perlov. – M. : YUridicheskaya literatura, 1968. – 396 s.
403. Perlov I. D. Nadzornoe proizvodstvo v ugovnom protsesse / I. D. Perlov. – M. : YUridicheskaya literatura, 1974. – 256 s.
404. Perlov I. D. Sudebnoe sledstvie v sovetskom ugovnom protsesse / I. D. Perlov. – M. : Gosyurizdat, 1955. – 248 c.
405. Petrukhin I. L. Kontseptual'nye osnovy reformy ugolovnogogo sudoproizvodstva v Rossii // *Gosudarstvo i pravo*. – 2002. – № 5. – S. 17-29.

406. Petrukhin I. L. Lichnye tajny (chelovek i vlast') / I. L. Petrukhin. – M. : Izd-vo IGI P RAN, 1998. – 232 c.
407. Petrukhin I. L. Ob ehffektivnosti sudebnogo kontrolya za sledstviem i operativno-razysknoj deyatel'nost'yu // Ugolovnoe pravo. – 2007. – № 2. – S. 91-94.
408. Petrukhin I. L. Opravdatel'nyj prigovor // Gosudarstvo i pravo. – 2009. – № 2. – S. 30-36.
409. Petrukhin I. L. Opravdatel'nyj prigovor i pravo na reabilitatsiyu / I. L. Petrukhin. – M. : Prospekt, 2014. – 191 s.
410. Petrukhin I. L. Prokurorskiy nadzor i sudebnyj kontrol' za sledstviem // Rossijskaya yustitsiya. – 1998. – № 9. – S. 12-14.
411. Petrukhin I. L. Teoreticheskie osnovy reformy ugolovnogo protsessa v Rossii / I. L. Petrukhin. – M. : TK Velbi, 2004. – CH. 1. – 224 s.
412. Petrukhin I. L. Teoreticheskie osnovy ehffektivnosti pravosudiya / I. L. Petrukhin, G. P. Baturov, T. G. Morshhakova. – M. : Izd-vo «Nauka», 1979. – 392 s.
413. Petrukhin I. L. CHelovek i vlast' (v sfere bor'by s prestupnost'yu) / I. L. Petrukhin. – M. : YUrist", 1999. – 392 c.
414. Petukhovskij A. Vospolnenie v sudebnom razbiratel'stve probelov sledstviya // Sovetskaya yustitsiya. – 1973. – № 15. – S. 17-18.
415. Pikel'nyj D. S. Ugolovno-protsessual'nye pravonarusheniya, svyazannye s primeneniem mer protsessual'nogo prinuzhdeniya v rossijskom ugolovnom protsesse: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / D. S. Pikel'nyj. – Tyumen', 2006. – 25 c.
416. Piontkovskij A. A. Uchenie o prestuplenii po sovetskomu ugolovnomu pravu. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava: Obshhaya chast' / A. A. Piontkovskij. – M. : Gosyurizdat, 1961. – 666 c.
417. Pichugin V. G. Bezopasnost' biznesa: Zashhita ot ugolovnogo presledovaniya / V. G. Pichugin. – M. : Izdatel'stvo: Al'pina Pabliherz, 2010. – 176 s.
418. Pishina S. G. Pravointerpretatsionnye oshibki. Problemy teorii i praktiki : dis. ... kand. jurid. nauk / S. G. Pishina. – N-Novgorod, 2000 – 176 s.
419. Plotkina YU. B. Primenenie v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya mer presecheniya, izbiraemykh po resheniyu suda: monografiya / YU. B. Plotkina, O. V. KHimicheva. – M. : YUrlitinform, 2012. – 232 c.
420. Poznanskij V. A. Odnostoronnost' ili nepolnota predvaritel'nogo i sudebnogo sledstviya i sudebnogo sledstviya kak osnovanie k otmene ili izmeneniyu prigovora // Uchenye zapiski Saratovskogo yuridicheskogo instituta imeni D. I. Kurskogo. – Saratov : Izd-vo Sarat. yurid. in-ta, 1959. – Vyp. 8. – S. 28-52.

421. Poznyakov M. L. Kritika teoreticheskikh polozhenij ob osnovaniyakh otmeny prigovorov v svyazi s novymi obstoyatel'stvami v sude kassatsionnoj instantsii // Sostoyanie i perspektivy razvitiya yuridicheskoy nauki : mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Izhevsk : Detektiv-inform, 2006. – CH. 2. – S. 178-179.
422. Polikarpova I. V. Ugolovnaya politika Rossii v otnoshenii posyagatel'stv na zdorov'e i ee vliyanie na kvalifikatsiyu prestupleniya: na primere otvetstvennosti za umyshlennoe prichinenie tyazhkogo vreda zdorov'yu : dis. ... kand. yurid. nauk / I. V. Polikarpova. – Saratov, 2008. – 258 s.
423. Polnyj kurs ugolovnogogo prava: Prestuplenie i nakazanie : v 5 tomakh. / Pod red.: A. I. Korobeev. – SPb. : YUrid. tsentr Press, 2008. – T. 1 : Prestuplenie i nakazanie. – 1133 c.
424. Polyakov M. P. Ispol'zovanie rezul'tatov ORD v dokazyvanii // Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii «Ugolovno-protsessual'nyj kodeks Rossijskoj Federatsii: god pravoprimeneniya i prepodavaniya» / Redkol. sb. I. M. Matskevich [i dr.]. – M. : MGYUA, 2004. – S. 182-184.
425. Polyakov M. P. Kontseptsiya ugolovno-protsessual'noj interpretatsii rezul'tatov operativno-razysknoj deyatel'nosti // Gosudarstvo i pravo. – 2005. – № 11. – S. 47-51.
426. Polyakov S. B. Otliche sudebnoj oshibki ot pravonarusheniya sud'i: na materialakh opravdatel'nogo prigovora // Advokat. – 2010. – № 5. – S. 5-10.
427. Polyanskij N. N. Ugolovnyj protsess. Ugolovnyj sud, ego ustrojstvo i deyatel'nost' : leksii / N. N. Polyanskij. – M. : t-vo I.D. Sytina, 1911. – 203 s.
428. Ponyatovskaya T. G. Kontseptual'nye osnovy sistemy ponyatij i institutov ugolovnogogo i ugolovno-protsessual'nogo prava / T. G. Ponyatovskaya. – Izhevsk : Izd-vo Udm. un-ta, 1996. – 232 s.
429. Popov A. P. Ugolovnyj protsess: problemy sovremennogo dokazatel'stvennogo prava sovremennoj Rossii / A. P. Popov, I. A. Popova, I. A. Zinchenko. – Pyatigorsk : RIA-KMV, 2014. – 183 s.
430. Popov V. Tipichnye oshibki pri opredelenii sudom dopustimosti dokazatel'stv // Rossijskaya yustitsiya. – 2001. – № 1. – S. 52-54.
431. Popov N. M. Operativnoe obespechenie dosudebnoj podgotovki v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / N. M. Popov. – N.Novgorod, 1997. – 23 s.
432. Popova O. A. Ugolovno-protsessual'nye i organizatsionno-takticheskie oshibki na stadii predvaritel'nogo sledstviya i puti ikh predotvrashheniya i ustraneniya : dis. ... kand. yurid. nauk / O. A. Popova. – Volgograd, 2006. – 280 s.

433. Popova O. A. Ugolovno-protsessual'nye i organizatsionno-takticheskie oshibki na stadii predvaritel'nogo sledstviya i puti ikh predotvrashheniya i ustraneniya : dis. ... kand. jurid. nauk / O. A. Popova. – Volgograd, 2006. – 280 s.
434. Popova T. YU. Ugolovno-protsessual'nyj status rukovoditelya sledstvennogo organa / T. YU. Popova. – M. : YUrlitinform, 2013. – 207 s.
435. Poteruzha I. I. Znachenie nadzornogo proizvodstva ugolovnykh del v ukreplenii zakonnosti / I. I. Poteruzha ; nauch. red. V. I. Semenov. – Minsk : Nauka i tekhnika, 1985. – 141 s.
436. Poteruzha I. I. Rol' suda vtoroj instantsii v ukreplenii zakonnosti / I. I. Poteruzha ; nauch. red. V. N. Artemova. – Minsk : Nauka i tekhnika, 1980. – 192 c.
437. Pravovaya politika kak nauchnaya teoriya v istoriko-pravovykh issledovaniyakh / O. YU. Rybakov [i dr.] ; pod red. O. YU. Rybakova. – M. : Statut, 2011. – 407 s.
438. Problemy razvitiya protsessual'nogo prava Rossii: Monografiya/Belyakova A.V., Voskobitova L.A., Gabov A.V. i dr. - M.: YUr.Norma, NITS INFRA-M, 2016. - 224 s.
439. Problemy rossijskoj ugolovnoj politiki / M. M. Babaev, YU. E. Pudovochkin. – M. : Prospekt, 2014. – 292 s.
440. Problemy sudebnoj ehtiki / M. S. Strogovich [i dr.] ; pod red. M. S. Strogovicha. – M. : Nauka, 1974. – 272 s.
441. Pron'kin A. N. Oshibki advokatov-zashhitnikov v ugolovnom sudoproizvodstve : dis. ... kand. jurid. nauk / A. N. Pron'kin. – Voronezh, 2006. – 231 s.
442. Puchkovskaya M. E. Ispravlenie sudom sledstvennykh oshibok na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya i pri proizvodstve i pri proizvodstve v sude pervoj instantsii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / M. E. Puchkovskaya. – Tomsk, 2004. – 25 c.
443. Ragimov I. M. Teoriya sudebnogo prognozirovaniya / I. M. Ragimov. – Baku : Azerneshr, 1987. – 127 s.
444. Razinkina A. N. Apellyatsiya v ugolovnom sudoproizvodstve / A. N. Razinkina. – M. : YUrlitinform, 2004. – 160 s.
445. Rossijskie sud'i: sotsiologicheskoe issledovanie professii/ V. Volkov [i dr.] ; pod red. V. Volkova. – M. : Norma : INFRA-M, 2015. – 271 s.
446. Rossinskij S. B. Nuzhen li predvaritel'nyj sudebnyj kontrol' za proizvodstvom sledstvennykh dejstvij v zhilishhe? // Rossijskij sud'ya. – 2009. – № 8. – S. 17-21.
447. Rossinskij S. B. Nuzhen li predvaritel'nyj sudebnyj kontrol' za proizvodstvom sledstvennykh dejstvij v zhilishhe? // Rossijskij sud'ya. – 2009. – № 9. – S. 19-22.
448. Russkikh V. V. Pravoprimenitel'nye oshibki sotrudnikov organov vnutrennikh del : dis. ... kand. jurid. nauk / V. V. Russkikh. – Rostov-na-Donu, 1998. – 154 s.

449. Rybalov K. A. Osobyj poryadok sudebnogo razbiratel'stva v Rossijskoj federatsii i problemy ego realizatsii / K. A. Rybalov. – M. : YUrlitinform, 2004. – 148 s.
450. Ryzhikh A. N. Osushhestvlenie sudom polnomochij po ugovolnomu presledovaniyu na dosudebnykh stadiyakh ugovolnogo protsessa // Rossijskij juridicheskij zhurnal. – 2007. – № 3. – S. 154-156.
451. Ryabinina T. K. K voprosu o ponyatii osnovanij otmeny ili izmeneniya sudebnogo resheniya v kassatsionnom poryadke / T. K. Ryabinina, T. V. Ryabinina // Problemy otpravleniya pravosudiya po ugovolnym delam v sovremennoj Rossii: teoriya i praktika : sbor. nauch. statej : v 2 ch. / Otv. red. T. K. Ryabinina, A. A. Kovyazin. – Kursk, 2007. – CH. 1. – S. 117-123.
452. Ryabinina T. K. O sootnoshenii funktsij prokurora v ugovolnom sudoproizvodstve // Problemy otpravleniya pravosudiya po ugovolnym delam v sovremennoj Rossii : teoriya i praktika : sb. nauch. statej. – Kursk, 2007. – CH. 1. – S. 109-117.
453. Sazin D. S. Oshibki gosudarstvennogo obvinitelya v ugovolnom sudoproizvodstve / D. S. Sazin. – M. : YUrlitinform, 2014. – 222 s.
454. San'kov V. I. Taktika doprosa litsa, priznayushhegosya v sovershenii ubijstva (podgotovitel'nyj ehtap) // YUrid. zap. – 1999. – Vyp. 10. – S. 78-93.
455. Sviridov M. K. Priroda sudebnogo kontrolya za predvaritel'nym rassledovaniem // Vest. Tom. un-ta. – 2008. – № 311. – S. 119-122.
456. Sviridov M. K. Sootnoshenie funktsii razresheniya ugovolnykh del i sudebnogo kontrolya v deyatel'nosti suda // Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti. – Vyp. 7. – Tomsk : Tom. gos. un-t., 2001. – S. 3-6.
457. Sviridov M. K. Sootnoshenie funktsij razresheniya ugovolnykh del i sudebnogo kontrolya v deyatel'nosti suda // Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti : sb. st. / pod red. YU. K. YAkimovicha. – Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2001. – Vyp. 7. – S. 3-6.
458. Sviridov M. K. Sud kak sub"ekt ustanovleniya istiny v rossijskom ugovolnom protsesse // Sibirskie juridicheskie zapiski : ezhegodnik Assotsiatsii juridicheskikh vuzov «Sibir'». – Krasnoyarsk, 2001. – Vyp. 1. – S. 136-142.
459. Selina E. V. Dopustimost' dokazatel'stv i sudejskoe usmotrenie v ugovolnom protsesse // Gosudarstvo i pravo. – 2009. – № 8. – S. 31-38.
460. Sementsov V. A. Napravleniya sudebnoj deyatel'nosti v dosudebnykh stadiyakh ugovolnogo sudoproizvodstva / V. A. Sementsov, O. O. Avakov. – M. : YUrlitinform, 2013. – 175 s.
461. Sementsov V. A. Otsenka dokazatel'stv sudom pervoj instantsii po ugovolnomu delu / V. A. Sementsov, I. I. Belokhortov. – M. : YUrlitinform, 2012. – 181 s.

462. Semykin D. V. Ugolovnaya politika Rossijskoj Federatsii v sfere protivodejstviya nezakonnomu oborotu narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshhestv i ikh analogov : dis. ... kand. jurid. nauk / D. V. Semykin. – Rostov-na-Donu, 2008. – 199 s.
463. Sidorova N. V. Apellyatsiya v sisteme proizvodstv v sude vtoroj instantsii v ugolovnom protsesse Rossii / N. V. Sidorova. – Tomsk : Izdatel'stvo NTL, 2006. – 208 s.
464. Sledstvennye oshibki: uchebno-prakticheskoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushhikhsya po spetsial'nostyam «YUrisprudentsiya», «Pravookhranitel'naya deyatel'nost'» / Pod red. A. I. Bastrykina. – M. : YUNITI , 2016. – 159 s.
465. Sluchevskij V. K. Uchebnik russkogo ugolovnogogo protsesssa. Vvedenie / V. K. Sluchevskij ; pod red. V. A. Tomsinova. – M. : Zertsalo, 2008. – CH. 2 : Sudoproizvodstvo. – 476 s.
466. Smirnov A. V. Vozrozhdenie instituta sledstvennykh sudej v rossijskom ugolovnom protsesse [EHlektronnyj resurs] // Sajt Rossijskogo agentstva pravovoj i sudebnoj informatsii. – EHlektron. dan. – URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html (data obrashheniya 05.02.2017).
467. Smirnov A. V. Dokazhite, vasha chest' // Rossijskaya gazeta. Federal'nyj vypusk. – 2015. – № 6573. – S. 1.
468. Smirnov A. V. Institut sledstvennykh sudej – konstitutsionnoe trebovanie? // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. – 2015. – № 2. – S. 9-14.
469. Smirnov A. V. Kommentarij k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossijskoj Federatsii / A. V. Smirnov, K. B. Kalinovskij ; pod obshh. red. A. V. Smirnova. – 2-e izd., dop. i pererab. – SPb. : Piter, 2004. – 848 s.
470. Smirnov A. V. O povorote obvineniya k khudshemu v sudebnom razbiratel'stve i vozvrashhenii sudom dela prokuroru [EHlektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus : sprav. pravovaya sistema. – Kommentarii zakonodatel'stva. – EHlektron. dan. – 2008. – Dostup iz lokal'noj seti YUridicheskogo instituta Sibirskogo feder. un-ta.
471. Smirnov A. V. Obzhalovanie v sud nezakonnoho ili neobosnovannogo postanovleniya o privilechenii litsa v kachestve obvinyaemogo [EHlektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya sistema. Versiya Prof. – EHlektron. dan. – Dostup iz lokal'noj seti YUridicheskogo instituta Sibirskogo feder. un-ta.
472. Smirnov A. V. Reforma poryadka peresmotra sudebnykh reshenij po ugolovnym delam : apellyatsiya. [EHlektronnyj resurs] [EHlektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus : sprav. pravovaya sistema. – Kommentarii zakonodatel'stva. – EHlektron. dan. – 2011. – Dostup iz lokal'noj seti YUridicheskogo instituta Sibirskogo feder. un-ta.
473. Smirnov A. V. Rossijskij ugolovnyj protsess: ot zakata do rassveta [EHlektronnyj resurs] // Sajt Rossijskogo agentstva pravovoj i sudebnoj informatsii. – EHlektron. dan. – URL:

http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141202/272697983.html (data obrashheniya 05.02.2017).

474. Sovetskij ugolovno-protsessual'nyj zakon i problemy ego ehffektivnosti / M. S. Strogovich, L. B. Alekseeva, A. M. Larin ; otv. red. V. M. Savitskij. – M. : Izdatel'stvo «Nauka», 1979. – 319 s.
475. Sokolov A. Protsessual'nyj poryadok priznaniya v sude dokazatel'stv ne imeyushhimi yuridicheskoy sily // Rossijskaya yustitsiya. – 1994. – № 10. – S. 14-15.
476. Solov'ev A. B. Dokazyvanie v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa. Nauchno-prakticheskoe posobie dlya sledovatelej / A. B. Solov'ev. – M. : YUrlitinform, 2002. – 155 c.
477. Solov'ev A. B. Obespechenie zakonnosti i obosnovannosti privlecheniya v kachestve obvinyaemogo po UPK RF / A. B. Solov'ev, M. E. Tokareva, M. E. Parfenova // Prokurorskaya i sledstvennaya praktika. – 2006. – № 3-4. – S. 128-131.
478. Solov'ev A. B. Poluchenie i ispol'zovanie dokazatel'stv na predvaritel'nom sledstvii : monografiya / A. B. Solov'ev. – M. : YUrlitinform, 2012. – 256 c.
479. Solov'ev A. B. Prichiny sledstvennykh oshibok // Voprosy ukrepleniya zakonnosti i ustraneniya sledstvennykh oshibok v ugolovnom sudoproizvodstve. Sbornik nauchnykh trudov / Otv. red. I. F. Demidov, A. B. Solov'ev, S. A. SHEjfer. – M., 1988. – S. 28-36.
480. Solov'ev A. B. Problema obespecheniya zakonnosti pri proizvodstve predvaritel'nogo sledstviya v svyazi s izmeneniem protsessual'nogo statusa prokurora // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. – 2007. – № 3. – S. 10-16.
481. Solov'ev A. B. Problemnye voprosy dokazyvaniya, vznikayushhie v protsesse rassledovaniya prestuplenij pri primenenii UPK RF / A. B. Solov'ev. – M. : YUrlitinform, 2008. – 288 c.
482. Solov'ev A.B. Predvaritel'noe rassledovanie i prokurorskiy nadzor v svete sudebnoj reformy / A. B. Solov'ev, N.A. YAkubovich // Zakonnost'. – 1995. – № 8. – S. 2-7.
483. Solov'ev A.B., Bagautdinov F.N., Filippov M.N. Prokurorskiy nadzor za vsestoronnost'yu, polnotoj i ob"ektivnost'yu rassledovaniya prestuplenij / A.B. Solov'ev, F.N. Bagautdinov, M.N. Filippov. – M.: VNII Gen. pokuratury SSSR, 1996. – 92 s.
484. Solov'eva N. A. YUridiko-fakticheskaya proverka prigovora v apellyatsionnom proizvodstve / N. A. Solov'eva, N. G. Trishina. – M. : YUrlitinform, 2013. – 182 s.
485. Sorokin V. S. Strategiya i taktika zashhity po ugolovnym delam / V. S. Sorokin. – Grodno, 1995. – 245 s.
486. Sorokin B. F. Zabluzhdenie kak problema teorii i poznaniya / B. F. Sorokin. – Orel : , 2004. – 191 s.

487. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' – dekabr' 2016 goda. / General'naya prokuratura Rossijskoj Federatsii / Portal pravovoj statistiki // URL: <http://crimestat.ru/analytics> (data obrashheniya: 07.02.2017) – 52 s.
488. Spasovich V. D. O teorii sudebno-ugolovnykh dokazatel'stv v svyazi s sudoustrojstvom i sudoproizvodstvom: publ. leksii, chit. v zale S.-Peterb. un-ta prof. Spasovichem / V. D. Spasovich. – SPb. : tip. Pravitel'stvuyushhego senata, 1861. – 116 s.
489. Stakhov YA. G. Ugolovnaya politika i ee realizatsiya sub"ektami Rossijskoj Federatsii : dis. ... dokt. jurid. nauk / YA. G. Stakhov. – M., 2006. – 396 s.
490. Strelkov YU. K. Inzhenernaya i professional'naya psikhologiya : ucheb. Posobie dlya vuzov / YU. K. Strelkov. – M. : Izdatel'skij tsentr «Akademiya», 2001. – 360 s.
491. Strogovich M. S. Izbrannye trudy : v 3 t. / M. S. Strogovich. – M. : Nauka, 1991. – T. 3 : Teoriya sudebnykh dokazatel'stv. – 300 s.
492. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa : v 2 t. / M. S. Strogovich. – M. : Nauka, 1968. – T. 1 : Osnovnye polozheniya nauki sovetskogo ugolovnogo protsessa. – 470 s.
493. Strogovich M. S. Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskom ugolovnom protsesse / M. S. Strogovich ; otv. red. : B. S. Nikiforov. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1955. – 384 c.
494. Strogovich M. S. Pravo obvinyaemogo na zashhitu i prezumptsiya nevinovnosti / M. S. Strogovich ; pod red. V. M. Savitskogo. – M. : Nauka, 1984. – 143 c.
495. Strogovich M. S. Proverka zakonnosti i obosnovannosti sudebnykh prigovorov / M. S. Strogovich. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1956. – 319 s.
496. Sudebnaya oshibka i ee posledstviya: Nekotorye teoreticheskie i prakticheskie aspekty: materialy Pyatoy mezhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferentsii / otv. red. O. A. Egorova, YU. F. Bespalov. – M. : Prospekt, 2014. – 168 s.
497. Sudebnye oshibki, posvyashhennye prisyzhnyam zasedatelyam / Pod red. P. N. Tkacheva. – SPb. : Izdanie YU. Lukanina i K., 1867. – T. 1. – 435 s.
498. Sudebnyj kontrol' v ugolovnom protsesse: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushhikhsya po spetsial'nosti «YUrisprudentsiya» / I. A. Davydova [i dr.] ; pod red. N. A. Kolokolova. – 2-e izd., pererab. i dop. – M. : YUNITI-DANA : Zakon i pravo, 2009. – 847 s.
499. Tabakov S. A. Vedomstvennyj protsessual'nyj kontrol' za deyatelnost'yu sledovatelej i doznavatelej organov vnutrennikh del : dis. ... kand. jurid. nauk / S. A. Tabakov. – Omsk, 2009. – 225 s.

500. Tadzhiyev KH. S. Prokurorskiy nadzor i vedomstvennyy kontrol' za rassledovaniem prestupleniy / KH. S. Tadzhiyev. – Tashkent : Fan, 1985. – 183 s.
501. Teligisova S. S. Protsessual'nyy status sledovatelya kak sub"ekta ugolovno-protsessual'nykh otnosheniy i stepen' ego protsessual'noj samostoyatel'nosti / S. S. Teligisova. – M. : YUrlitinform, 2012. – 188 s.
502. Temushkin O. N. Osnovaniya otmeny ili izmeneniya prigovorov v kassatsionnom i nadzornom proizvodstve // Sovetskaya yustitsiya. – 1976. – № 19. – S. 7-8.
503. Temushkin O. P. Organizatsionno-pravovye formy proverki zakonnosti i obosnovannosti prigovorov / O. P. Temushkin. – M. : Izd-vo «Nauka», 1978. – 239 s.
504. Teoriya gosudarstv i prava : uchebnik dlya vuzov / Otv. red. S. S. Alekseev, S. I. Arkhipov. – M. : Norma, 2005. – 496 s.
505. Teoriya gosudarstv i prava. Kurs lektsij. / Otv. red. N. I. Matuzov, A. V. Mal'ko. – 3-e izd., pererab. i dop. – M. : Norma : NITS Infra-M, 2012. – 640 s.
506. Teoriya ugolovnogo protsessa: sostyazatel'nost' / A. R. Belkin [i dr.] ; pod red. N. A. Kolokolova. – M. : YUrlitinform, 2013. – CH. 1. – 363 s. ; CH. 2 – 315 s.
507. Ter-Akopov A. A. Ugolovnaya politika Rossijskoj Federatsii : ucheb. posobie / A. A. Ter-Akopov. – M. : Izd-vo MNEHPU, 1999. – 58 s.
508. Terekhova L. A. Pravo na ispravlenie sudebnoj oshibki kak komponent sudebnoj zashhity : dis. ... dok. yurid. nauk / L. A. Terekhova. – Ekaterinburg, 2008. – 458 s.
509. Titaev K. Rossijskiy sledovatel': prizvanie, professiya, povsednevnost' / K. Titaev, M. SHklyaruk. – M. : Norma, 2016. – 191 s.
510. Tkachev A. I. Vozvrashhenie ugolovnogo dela prokuroru so stadii podgotovki k sudebnomu zasedaniyu / A. I. Tkachev. – Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2008. – 152 s.
511. Tokareva M. E. Problema ustraneniya dopushhennykh sledovatelyami narusheniy zakona po napravlennym v sud ugolovnym delam trebuyet zakonodatel'nogo razresheniya // Aktual'nye problemy ugolovnogo sudoproizvodstva: voprosy teorii, zakonodatel'stva, praktiki primeneniya (K 5-letiyu UPK RF) : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – M. : MGYUA, 2007. – S.466-469.
512. Tokareva M. E. Sovremennye problemy zakonnosti i prokurorskiy nadzor v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa : dis. ... dokt. yurid. nauk / M. E. Tokareva. – M., 1997. – 82 s.
513. Trenbak O. N. Priznanie dokazatel'stv nedopustimymi i isklyuchenie ikh iz razbiratel'stva dela v sude prisyazhnykh : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / O. N. Trenbak. Saratov, 2000. – 26 s.

514. Tret'yakov I. L. Ugolovnaya politika Rossii : obshheteoreticheskie i prikladnye problemy : dis. ... dokt. jurid. nauk / I. L. Tret'yakov. – SPb., 2006. – 384 s.
515. Trifonova K. A. Pravovoj institut vozvrashheniya ugolovnoogo dela na dopolnitel'noe rassledovanie / K. A. Trifonova, E. A. Zajtseva. – M. : YUrlitinform, 2014. – 222 s.
516. Trisheva A. Dopolnitel'noe rassledovanie: vznikovenie i stanovlenie // Zakonnost'. – 2008. – № 10. – S. 40-43.
517. Trubnikova T. V. Sudebnyj kontrol' na dosudebnykh stadiyakh sudoproizvodstva: pravovaya priroda i mesto v sisteme ugolovnoogo protsessa // Vestn. Tom. gos. un-ta. Ser. EHkonomika. YUridicheskie nauki. Prilozhenie: materialy nauchnykh konferentsij, simpoziumov, shkol, provodimykh v TGU. – 2003. – № 4. – S. 49-51.
518. Trubnikova T. V. Teoreticheskie osnovy uproshhennykh sudebnykh proizvodstv / T. V. Trubnikova. – Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1999. – 132 s.
519. Tyrichev I. V. Kassatsionnye osnovaniya. – V kn.: Sovetskij ugolovnyj protsess / I. V. Tyrichev [i dr.]. – M. : YUrid. lit., 1980. – 568 s.
520. Ugolovno-protsessual'noe pravo (ugolovnyj protsess) : uchebnik / Pod red. EH. K. Kutueva. – SPb. : Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2016. – 595 s.
521. Ugolovno-protsessual'noe pravo Germanii: per. s nem. / F-K SHreder [i dr.]. – 5-e izd. – M. : Infotropik, 2016. – 304 s.
522. Ugolovno-protsessual'nyj kodeks RSFSR s prilozheniyami / N. M. Kipnis. – 2-e izd., pererab. i dop. – M. : YUrisprudentsiya, 2001. – 493 s.
523. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federatsii. Osobennaya chast' / B. V. Zdravomyslov [i dr.] ; otv. red. B. V. Zdravomyslov. – M. : YUrist", 1996. – 559 c.
524. Ugolovnoe pravo. Obshhaya chast' : uchebnik / pod red. A. N. Tarbagaeva. – 2-e izd., pererab. i dop. – M. : Prospekt, 2016. – 448 s.
525. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast' : uchebnik / pod red. I. V. SHishko. – M. : Prospekt, 2016. – 752 s.
526. Ul'yanov V. G. Gosudarstvennoe obvinenie v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve (protsessual'nye i kriminalisticheskie aspekty) : avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk / V. G. Ul'yanov. – Krasnodar, 2002. – 58 s.
527. Uchastniki ugolovnoogo protsessa i prokurorskiy nadzor za obespecheniem organami rassledovaniya ikh prav i zakonnykh interesov: Metodicheskoe posobie / F. N. Bagautdinov [i dr.]. – M., 1995. – 115 c.
528. Fatkullin F. N. Aktual'nye voprosy ehffektivnosti sovetskogo ugolovnoogo protsessa // Voprosy ehffektivnosti sovetskogo ugolovnoogo protsessa / Pod. red. F. N. Fatkullina. – Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta. 1976. – S. 3-27.

529. Fatkullina M. B. YUridicheskie i fakticheskie oshibki v ugovnom prave: Problemy kvalifikatsii : dis. ... kand. jurid. nauk / M. B. Fatkullina. – Ekaterinburg, 2001. – 199 s.
530. Filosofskij ehntsiklopedicheskij slovar' / Gl. Redaktsiya : L. F. Il'ichyov [i dr.]. – M. : Sovetskaya ehntsiklopediya, 1983. – 840 s.
531. Fojnitskij I. YA. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. T. 1 / I. YA. Fojnitskij ; Obshh. red., poslesl., prim. : A. V. Smirnova. – SPb. : Al'fa, 1996. – 552 c.
532. Fojnitskij I. YA. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. T. 2 / I. YA. Fojnitskij ; Obshh. red., poslesl., prim. : A. V. Smirnova. – SPb. : Al'fa, 1996. – 606 c.
533. Fokov A. P. Problemy sudebnogo kontrolya za ispolneniem zakonov na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya (sravnitel'nyj analiz rossijskogo i frantsuzskogo zakonodatel'stva) : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2000. – 24 s.
534. Frantsiforov YU. V. Protivorechiya v ugovnom sudoproizvodstve, svyazannye s pravoprimeritel'nymi oshibkami // Sledovatel'. Federal'noe izdanie. – 2005. – № 2. – S. 27-32.
535. Frantsiforov YU. V. Funktsional'noe naznachenie deyatel'nosti sledovatelya i ego polnomochiya v sostyazatel'nom ugovnom protsesse / YU. V. Frantsiforov, D. V. Vanin. – M. : YUrlitinform, 2013. – 199 s.
536. KHalikov A. Dopolnitel'noe rassledovanie – «za» i «protiv» // Zakonnost'. – 1999. – № 11. S. 33-34.
537. KHaliulin A. G. Polnomochiya prokurora po nadzoru za protsessual'noj deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo sledstviya // Zakonnost'. – 2007. – № 9. – S. 15-20.
538. KHaliulin A. G. Uchastie prokurora v rassmotrenii ugovnykh del v sude apellyatsionnoj i kassatsionnoj instantsii: posobie / A. G. KHaliulin, A. N. Razinkina, N. YU. Reshetova. – M. : Akad. Gen. prokuratury Ros. Federatsii, 2013. – 159 s.
539. KHapaev I. M. Zaklyuchenie pod strazhu kak mera presecheniya v rossijskom ugovnom sudoproizvodstve / I. M. KHapaev. – M.: YUrlitinform, 2013. – 200 c.
540. KHarakter, prichiny i sposoby ustraneniya oshibok v stadii predvaritel'nogo sledstviya. Metodicheskoe posobie / V. V. Voskresenskij [i dr.]. – M. : Izd-vo VNII probl. ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka, 1990. – 80 c.
541. KHimicheva G. Vozvrashhenie del dlya dopolnitel'nogo rassledovaniya // Sotsialisticheskaya zakonnost'. – 2000. – № 8. – S. 40-41.
542. KHimicheva O. V. Kontseptual'nye osnovy protsessual'nogo kontrolya i nadzora na dosudebnykh stadiyakh ugovnogo sudoproizvodstva / O. V. KHimicheva. – M. : Zakon i pravo : YUNITI-DANA, 2004. – 287 c.

543. KHodzhich M. V. Pravookhranitel'naya strategiya – osnovnoj ehlement strategicheskogo planirovaniya v organakh vnutrennikh del [EHlektronnyj resurs] // Rossijskij sledovatel'. – 2010. – № 3. – EHlektron. versiya pechat. publ. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
544. KHolodenko V. D. O sovershenstvovanii pravovoj reglamentatsii ugolovnogo presledovaniya i obvineniya // Ugolovno-protsessual'nyj kodeks Rossijskoj Federatsii : god pravoprimereniya i prepodavaniya : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / Redkol. D. V. Kulagin [i dr.]. – M. : Izd-vo MGYUA , 2004. – S. 238-242.
545. TSurluj O. YU. Osnovy sudebnogo poryadka rassmotreniya zhalob v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo sudoproizvodstva / O. YU. TSurluj. – M. : YUrlitinform, 2013. – 199 s.
546. TSyganenko S. S. Voprosy sistemno-strukturnoj organizatsii ugolovnogo protsessa // Terra Economicus. – T. 10. – № 3. – 2012. – S. 109-115.
547. CHEzhdemov Z. T. Rol' suda v obespechenii prav i svobod grazhdan na dosudebnom proizvodstve po UPK RF : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / Z. T. CHEzhdemov. – M., 2003. – 30 s.
548. CHElokhsaev O. Z. Sovremennaya ugolovno-protsessual'naya politika gosudarstva / O. Z. CHElokhsaev ; nauch. red. V. S. Dzhatiev. – Vladikavkaz : Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V.Gassieva, 2009. – 240 s.
549. CHervotkin A. S. Apellyatsiya i kassatsiya : Posobie dlya sudej / A. S. CHervotkin. – M. : Prospekt, 2010. – 336 s.
550. CHurilov YU. YU. Aktual'nye problemy postanovleniya opravdatel'nogo prigovora v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve / YU. YU. CHurilov ; pod nauch. red. Z. F. Kovrigi. – M. : VoltersKluver, 2010. – 246 s.
551. CHurilov YU. YU. Vsemirnaya istoriya nepravosudiya / YU. YU. CHurilov. – Rostov-na-Donu : Feniks, 2012. – 186 s.
552. SHadrin V. S. Ugolovno – protsessual'naya deyatel'nost' prokurora i organov predvaritel'nogo rassledovaniya / V. S. SHadrin. – SPb. : Sankt-Peterburgskij institut General'noj prokuratury Rossijskoj Federatsii, 2005. – 180 s.
553. SHashin D. G. Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-razysknoj deyatel'nosti v metodike rassledovaniya i podderzhaniya gosudarstvennogo obvineniya po ugolovnym delam o nezakonnom sbyte narkotikov : dis. ... kand. jurid. nauk / D. G. SHashin. – Irkutsk, 2008. – 181 s.
554. SHEjfer S. A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya / S. A. SHEjfer. – M. : Norma, 2009. – 240 c.

555. SHEjfer S. A. Ispol'zovanie neprotsessual'nykh poznavatel'nykh meropriyatij v dokazyvanii po ugovnomu delu // Gosudarstvo i pravo. – 1997. – № 9. – S. 57-63.
556. SHEjfer S. A. Reforma predvaritel'nogo sledstviya: pravovoj status i vzaimootnosheniya prokurora i rukovoditelya sledstvennogo organa // Gosudarstvo i pravo. – 2009. – № 4. – S. 49-55.
557. SHEjfer S. A. Sledstvennye dejstviya. Sistema i protsessual'naya forma / S. A. SHEjfer. – M. : YUrid. lit., 1981. – 128 s.
558. SHEjfer S. A. Sobiranie dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse : metodologicheskie i pravovye problemy / S. A. SHEjfer. – Saratov : Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1986. – 171 s.
559. SHEjfer S. A. Struktura i obshhaya kharakteristika sledstvennykh oshibok // Voprosy ukrepleniya zakonnosti i ustraneniya sledstvennykh oshibok v ugovnom sudoproizvodstve. Sbornik nauchnykh trudov / Otv. red. I. F. Demidov, A. B. Solov'ev, S. A. SHEjfer. – M., 1988. – S.18-28
560. SHEjfer S. A., Lazareva V. A., Ismakaev L. P. Sledstvennye oshibki i ikh prichiny // Problemy dal'nejshogo ukrepleniya sotsialisticheskoy zakonnosti pri rassledovanii prestuplenij organami vnutrennikh del : mezhvuz. sb. nauch. tr. / Otv. red. A. YA. Dubinskij. – Kiev, 1988. – S. 118-126.
561. SHilov A. I. Ugolovnaya politika Rossii v otnoshenii voennosluzhashhikh: teoreticheskie aspekty: monografiya / A. I. SHilov. – Ryazan' : Akad. prava i upr. FSIN, 2008. – 220 s.
562. SHirvanov A. A. Narusheniya zakona v ugovnom protsesse Rossijskoj Federatsii i ikh pravovye posledstviya : avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk / A. A. SHirvanov. – M., 2005. – 58 s.
563. SHirvanov A. A. Ponyatie oshibki v ugovnom sudoproizvodstve i ee otlichie ot pravonarusheniya // Rossijskij sledovatel'. – 2005. – № 7. – S. 8-12.
564. SHirvanov A. A. Sushhestvennye narusheniya ugovno-protsessual'nogo zakona kak osnovanie vozvrashheniya del dlya dopolnitel'nogo rassledovaniya : dis. ... kand. jurid. nauk. / A. A. SHirvanov. – M., 1999. – 219 s.
565. SHirvanov A.A. Narusheniya zakona v ugovnom protsesse Rossijskoj Federatsii i ikh pravovye posledstviya : dis. ... dokt. jurid. nauk / A.A. SHirvanov. – M., 2005. – 426 s.
566. SHumilov A. YU. Nachala ugovno-rozysknogo prava / A. YU. SHumilov. – M. : Izd. SHumilova I.I., 1998. – 160 c.
567. SHHerba A. A. Uchastie advokata v preduprezhdenii i ispravlenii sudebnykh oshibok v ugovnom sudoproizvodstve : dis. ... kand. jurid. nauk / A. A. SHHerba. – M., 2007. – 247 s.

568. SHHerbakov S. V. Isklyucheniya iz pravil o nedopustimosti dokazatel'stv v ugolovnom protsesse SSHA. // Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya. – 2009. – № 3. – S. 20-21.
569. EHksarkhopulo A. A. Predmet i sistema kriminalistiki. Problemy razvitiya na rubezhe XX - XXI vekov / A. A. EHksarkhopulo. – SPb. : Izdat. Dom SPbGU, 2004. – 112 s.
570. EHntin M. Spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo po pravu Soveta Evropy i Evropejskogo Soyuzu // Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeskoe obozrenie. – 2003. – № 3. – S. 85-97.
571. EHffektivnost' pravosudiya i problema ustraneniya sudebnykh oshibok / M. I. Avdeev [i dr.] ; otv. red. V. N. Kudryavtsev. – M. : Izd-vo IGiP AN SSSR, 1975. – CH. 1. – 298 s.
572. EHffektivnost' pravosudiya i problema ustraneniya sudebnykh oshibok / M. I. Avdeev [i dr.]. – M. : Izd-vo IGiP AN SSSR, 1975. – CH. 2. – 299 s.
573. EHffektivnost' pravosudiya i problemy ustraneniya sudebnykh oshibok / Otv. red. V. N. Kudryavtsev. – M., 1975. – CH. 2. – 298 s.
574. YAdov V. A. Sotsiologicheskoe issledovanie : metodologiya, programma, metody / V. A. YAdov. – 2-e izd., pererab. i dop. – M. : Nauka, 1987. – 248 s.
575. YAkimovich YU. K. Dokazatel'stva i dokazyvanie v ugolovnom protsesse Rossii : ucheb. posobie / YU. K. YAkimovich. – Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2015. – 80 s.
576. YAkimovich YU. K. Differentsiatsiya ugolovnogo protsessa / YU. K. YAkimovich, A. V. Lenskij, T. V. Trubnikova ; pod red. M. S. Sviridova. – Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2001. – 300 s.
577. YAkimovich YU. K. Dosudebnoe proizvodstvo po UPK Rossijskoj Federatsii (Uchastniki dosudeb. pr-va, dokazatel'stva i dokazyvanie, возбuzhdenie ugolov. dela, doznanie i predvarit. sledstvie) / YU. K. YAkimovich, T. D. Pan. – SPb. : YUrid. tsentr Press, 2003. – 295 s.
578. YAkimovich YU. K. Izbrannye stat'i (1985 - 1996 gg.) / YU. K. YAkimovich. – Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1997. – 70 s.
579. YAkimovich YU. K. Izbrannye stat'i / YU. K. YAkimovich. – Tomsk : Izd-vo Tomskogo gos. un-ta, 2006. – 224 s.
580. YAkimovich YU. K. Ponyatie, naznachenie, differentsiatsiya ugolovnogo protsessa. Printsipy ugolovnogo sudoproizvodstva / YU. K. YAkimovich. – Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 2015. – 167 s.
581. YAkimovich YU. K. Proverka prigovorov i inykh sudebnykh aktov po ugolovnym delam sudami vtoroj instantsii // Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti : sb. statej / Pod red. M. K. Sviridova. – Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2005. – CH. 29. – S. 164-172.

582. YAkimovich YU. K. Rassmotrenie ugovolnykh del sudom pervoj instantsii v obychnom poryadke : ucheb. Posobie / YU. K. YAkimovich. – SPb. : YUridicheskij tsentr, 2015. – 124 s.
583. YAkun'kov M. A. Ugolovno-protsessual'nye pravonarusheniya, svyazannye s proizvodstvom sledstvennykh dejstvij v rossijskom ugolovnom protsesse : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / M. A. YAkun'kov. – Tyumen', 2007. – 21 c.
584. YAkushin V. A. Oshibka i ee vliyanie na vinu i otvetstvennost' po sovetскому ugolovnomu pravu : dis. ... kand. jurid. nauk / V. A. YAkushin. – Kazan', 1985. – 213 c.
585. YAstrebov V. B. Nadzor za ispolnieniem zakonov kak osnovnaya funktsiya prokuratury // Problemy sovershenstvovaniya prokurorskogo nadzora. K 275-letiyu Rossijskoj prokuratury: materialy nauchno-prakt. konf. / Otv. red. V. B. YAstrebova. – M. : Izd-vo NII probl. ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka, 1997. – S. 15-20.
586. Peters K. Fehlerquellen im Strafprozess: Eine Untersuchung der Wiederaufnahmeverfahren in der Bundesrepublik Deutschland : 3 Baende / K. Peters. – Mueller, Karlsruhe, 1970-1974.
587. Pradel J. Encore une tomade sur notre procedure penale avec la loi du 15 juin 2000 // Le Dalloz. – 2000. – № 26. – P. 5-6.
588. Schroeder F-C. Das strafprozessuale Vorverfahren in Zentralasien Zwischen Inquisitorischen und adversatorischem Modell / F-C. Schroeder, K. Manuchehr Kudratov. – Band 71. – Frankfurt am Main : PETER LANG Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2012. – 303 s.
589. Simonovic B. Strategies approach of criminal investigation police in crime combating. // Kriminalistika i sudebnaya ehkspertiza: nauka, obuchenie, praktika / Pod obshhej red. S. P. Kushnirenko. – SPb. : Izdatel'skij Dom SPbGU, 2012. – 676 s.

ANNEXES

Annex №1

Structure of criminal investigation mistakes

In overall, there have been 510 criminal cases (2003-2016 years) examined for the purposes of this work.

Index	incompleteness, preconceived opinion, predisposition	Violation of constitutional human and civil rights and freedoms, violation of international criminal justice standards (fair justice)	Significant violation of criminal procedural law	Incorrect application of criminal law
Absolute figure	291	41	82	98
% of the criminal cases examined	57,1	8	16,1	19,2

Annex №2

Gaps at the stage of preliminary investigation

№	Characteristics of gaps revealed in the field of:	Absolute figure	%
1.	Interrogation of suspects, accused individuals	209	41,0
2.	Examination of witnesses	270	53,0
3.	Examination of the crime scene	163	32,0
4.	Conduction of identification, examination, seizure, search	36	7,0
5.	Appointment and conduction of forensic examination	91	19,0
6.	Putting forward and inspecting crime-related theories	211	41,3

Annex №3

Significant violations at the stage of preliminary investigation

№	Characteristics of revealed gaps	Absolute figure	%
1.	Absence of expertise in cases when it was mandatory to conduct an expertise	63	12,3
2.	Significant violations of language of court proceedings principle	50	9,8
3.	Other violations of criminal-procedural law	397	77,8

Annex №4

Participation of specialists in conduction of investigative activities

№	Recruiting specialists:	Absolute figure	%
1.	For examination of the crime scene	480	94,0
2.	For participation in other investigative activities	65	12,7

Annex №5

Structure of investigative mistakes

№	Type of investigative mistake	1980 year ⁵³³	1990 year⁵³⁴	2003 – 2016 year ⁵³⁵
1.	Gaps in preliminary investigation	60,4%	59,7%	57,1%
2.	Violation of constitutional human and civil rights and freedoms	–	7,4%	8,0%
3.	Significant violations of criminal-procedural law code of Russian Federation	25,5%	17,3%	16,1%
4.	Misuse of the law	14,1%	15,6%	19,2%

⁵³³ Source: The nature, causes and remedies errors in the preliminary investigation stage. Toolkit. M., 1991. P.8.

⁵³⁴ Source: Nazarov AD Influence of investigative errors on trial errors. - SPb.: "Legal Center Press" Publishing House, 2003. p.23-24.

⁵³⁵ Source: the author's research. Go to Annex №1

**Judgements that have been reversed and modified as a result of mistakes stated below
(during the period of 2010-2012)⁵³⁶**

Grounds	2010	2011	2012
Disparity between the conclusions drawn at Magistrate courts and the relevant facts reviewed at Appellate courts.	2 337	3 093	2 423
Improper application of criminal-procedural law	4 188	5 123	5 843
Significant violations of criminal-procedural law	2 286	2 774	2 473
Imposition of unjust sentence	789	953	815

Judgements that have been reversed and modified as a result of mistakes stated below.⁵³⁷

Grounds	2013	2014	2015
Disparity between the court conclusions outlined in the ruling and the relevant facts of the criminal case (article 389.16 of criminal-procedural law code of Russian Federation)	3 741	2 838	2 567
Significant violations of criminal-procedural law (article 389.17 of criminal-procedural law code of Russian Federation)	7 110	7 502	6 968
Unjust ruling (part 2 of article 389.15 of criminal-procedural law code of Russian Federation)	2 431	2 127	2 053
Incorrect application of criminal law (part 1 of article 389.18 of criminal-procedural law code of Russian Federation)	15 454	13 265	12 958

⁵³⁶ **Data sources for attachments №№6 – 39:** Summary statistics on the activities of the federal courts and magistrate courts for the year 2012 / Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1775> (source usage date 16.11.2015); Summary statistics on the activities of the federal courts and magistrate courts in 2011 / Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=951> (source usage date 16.11.2015); Summary statistics on the activities of the federal courts and magistrate courts in 2010 / Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=836> (source usage date 16.11.2015).

⁵³⁷ **Data sources for attachments №№6 – 39:** Summary statistics on the activities of the federal courts and magistrate courts for 2015 // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417> (source usage date: 29.11.2016); Summary statistics on the activities of the federal courts and magistrate courts in 2014 / Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2884> (source usage date: 16.11.2015); Summary statistics on the activities of the federal courts and magistrate courts in 2013 / Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2361> (source usage date 16.11.2015).

Annex №7

Judgements that have been reversed and modified as a result of mistakes stated below.

Grounds⁵³⁸	2011	2012	2013	2014	2015
Violation of criminal-procedural law	4561	5898	-	-	-
Improper application of criminal law	11882	20052	-	-	-
Significant violations of criminal and (or) criminal procedural law	-	-	19842	9536	10 091
Elimination of circumstances, outlined in part 5 of article 247 of criminal procedural law code of Russian Federation (serious crimes and particularly serious crimes that are heard in the absence of the defendant) in cases when the person, accused of the crime, or his/her representative have petitioned to do so.	-	-	176	45	127
Annulling when criminal case has been remanded to the prosecutor in cases outlined in part 1 of article 237 of criminal procedural law code of Russian Federation.	-	-	24	183	145
Disparity between the court conclusions outlined in the ruling and the relevant facts of the criminal case, determined by the 1 st instance court, appellate court, cassation court	1491	1413	1405	350	145
Unjust ruling	602	911	841	218	163

Annex №8

Information on applications for the adoption of remand in custody as the measure of detention at the stage of the 1st instance trial

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Overall number of applications	165 323	152 028	147 784	145 784	146 354	153 159
Granted (absolute figure)	148 689	135 850	132 923	133 046	133 657	140 457
Granted (% of all the examined applications)	89,94	89,36	89,94	91,26	91,32	91,71
Cases in which bail has been consented	-	447	347	303	327	199
Cases in which house custody is consented	-	1 345	1 508	2 366	2 632	3 133
Application is withdrawn, remanded	471	459	478	1 209	1 074	1 101

⁵³⁸ For the period 2011-2012, base provided under Art. 409 CCP RF, for the period 2013-2015 under Part. 1, Art 401.15 CCP RF, part 1 and 409 p.2,3 p.1 st.379 CCP RF, Ch. 5, Art. 247 CPC RF, Ch. 1, Art. 237 CCP RF, part 1 409 and 1 Part 1 st.379 CCP RF Part 1 and claim 4 409 Part 1 st.379 CCP RF.

Annex №9**Information on applications for extension of the duration of remand in custody at the stage of the 1st instance trial (paragraph 2 of part 2 of article 29 of criminal procedural law code of Russian Federation)**

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Overall number of applications	185 891	180 315	198 775	206 968	211 430	229 787
Granted (absolute figure)	182 060	176 840	195 234	203 537	207 363	226 875
Granted (% of all the examined applications)	97,94	98,07	98,22	98,34	98,08	98,73
Absolute figures of the rejected applications	-	2 877	2 590	2 515	2 570	2 568
rejected (% of all examined applications)	-	1,60	1,30	1,22	1,22	229 787

Annex №10**Information on applications for the search warrant of the house without obtaining the owner`s permission, inspection and (or) seizure of items at the stage of the 1st instance trial (paragraphs 4, 5 of part 2 of article 29 of criminal procedural law code of Russian Federation)**

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Overall number of applications	146 083	153 715	163 176	170 648	180 157	200 523
Granted (absolute figure)	141 356	144 248	152 617	163 597	173 118	193 578
Granted (% of all the examined applications)	96,76	93,84	93,53	95,87	96,09	96,54
Absolute figures of the rejected applications	-	5 002	5 053	4 846	5 262	5 372
rejected (% of all examined applications)	-	3,25	3,10	2,84	2,92	2,68

Annex №11**Information on applications for conduction of body search at the stage of the 1st instance trial (paragraph 6 of part 2 of article 29 of criminal procedural law code of Russian Federation)**

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Overall number of applications	3 879	5 428	6 260	6 185	7 564	7 355
Granted (absolute figure)	3 777	5 219	6 041	5 951	7 311	7 022
Granted (% of all the examined applications)	97,37	96,15	96,50	96,22	96,66	95,47
Absolute figures of the rejected applications	-	188	203	185	176	198
rejected (% of all examined applications)	-	3,46	3,24	2,99	2,33	2,69

Annex №12**Information on applications filed at the stage of the 1st instance trial for conduction of seizure of documents and items. Such documents and items have information concerning investments and accounts at banks and other credit organizations. (paragraph 7 of part 2 of article 29 of criminal procedural law code of Russian Federation)**

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Overall number of applications	65 964	61 283	58 136	67 074	67 384	80 656
Granted (absolute figure)	64 221	59 641	56 857	65 668	64 983	78 444
Granted (% of all the examined applications)	97,36	97,32	97,80	97,90	96,44	97,25
Absolute figures of the rejected applications	-	1 416	1 028	1 092	1 154	1 584
rejected (% of all examined applications)	-	2,31	1,77	1,63	1,71	1,96

Annex №13**Information on applications filed at the stage of the 1st instance trial for conduction of seizure of correspondence, permission for examination of correspondence and it`s seizure at post-and-telegraphs offices (paragraph 8 of part 2 of article 29 of criminal procedural law code of Russian Federation)**

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Overall number of applications	19 525	21 930	25 890	25 804	25 949	31 825
Granted (absolute figure)	19 144	21 501	25 276	25 285	25 055	31 021
Granted (% of all the examined applications)	98,05	98,04	97,63	97,99	96,55	97,47
Absolute figures of the rejected applications	-	389	546	454	565	537
rejected (% of all examined applications)	-	1,77	2,11	1,76	2,18	1,69

Annex №14**Information on applications filed at the stage of the 1st instance trial for conduction of control and recording of telephone conversations and other talks (paragraph 11 of part 2 of article 29 of criminal procedural law code of Russian Federation)**

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Overall number of applications	140 372	144 762	163 496	189 741	188 668	243 792
Granted (absolute figure)	136 953	140 047	156 751	178 149	183 542	237 439
Granted (% of all the examined applications)	97,56	96,74	95,87	93,89	97,28	97,39
Absolute figures of the rejected applications	-	3 130	3 729	3 772	4 076	4 845
rejected (% of all examined applications)	-	2,16	2,28	1,99	2,16	1,98

Annex №15

Information on applications filed at the stage of the 1st instance trial for conduction of seizure of property, including money of individuals and legal entities. Such money is kept at one`s bank account, or is put as an investment or as a deposit in banks and other credit organizations (paragraph 9 of part 2 of article 29 of criminal procedural law code of Russian Federation)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Overall number of applications	11 732	11 512	12 440	17 316	22 748	36 120
Granted (absolute figure)	10 139	9 907	10 686	15 114	19 726	31 454
Granted (% of all the examined applications)	86,42	86,06	85,90	87,28	86,72	87,08
Absolute figures of the rejected applications	-	1 445	1 505	1 790	2 475	4 845
rejected (% of all examined applications)	-	12,55	12,10	10,34	10,88	13,41

Annex №16

Information on applications filed at the stage of the 1st instance trial for restrictions to the constitutional rights of confidentiality of correspondence, telegraph and telephone communication and other messages that are transmitted over the telecommunications and postal networks in compliance with article 9 of the “Federal act on operational and investigative activities”.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Overall number of applications	284 137	329 415	376 368	420 242	513 278	615 683
Granted (absolute figure)	276 682	326 105	372 744	416 045	509 022	608 192
Granted (% of all the examined applications)	97,38	99,00	99,04	99,00	99,17	98,78
Absolute figures of the rejected applications	-	424	373	373	432	836
rejected (% of all examined applications)	-	0,13	0,10	0,09	0,08	0,13

Annex №17

Information on applications filed at the stage of the 1st instance trial for restriction of constitutional rights in relation to inviolability of the home. Such restrictions are imposed in compliance with article 9 of the “Federal act on operational and investigative activities”.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Overall number of applications	27 880	29 545	26 522	33 280	32 239	39 612
Granted (absolute figure)	25 183	28 461	25 776	32 632	31 667	38960
Granted (% of all the examined applications)	90,33	96,33	97,19	98,05	98,23	98,35
Absolute figures of the rejected applications	-	243	313	299	121	130
rejected (% of all examined applications)	-	0,82	1,18	0,90	0,38	0,32

Annex №18

Information on complaints submitted at the stage of the 1st instance trial concerning acts of the authorities, involved in criminal proceedings (article 125 of criminal procedural law code of Russian Federation)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Overall number of applications	117 321	125 961	129 454	136 063	130 648	130 962
Granted (absolute figure)	15 404	13 991	11 210	9 331	8 929	8 086
Granted (% of all the examined applications)	13,13	11,11	8,66	6,86	6,83	6,17
Absolute figures of the rejected applications	-	64 693	46 082	40 294	36 694	35 420
rejected (% of all examined applications)	-	51,36	35,60	29,61	28,09	27,04

Annex №19

Cases that have been returned by the Court of 1st instance to the prosecutor in order to eliminate errors. Such elimination of errors is done in compliance with article 237 of criminal procedural law code of Russian Federation.

2010	2011	2012	2013	2014	2015
17 811	12 216	10 044	9 356	9 817	9 191

Annex №20

Release from custody at the stage of the 1st instance trial

2010	2011	2012	2013	2014	2015
1 872	1 547	1 397	1 569	1 411	1 304

Annex №21

Number of people acquitted at the stage of the 1st instance trial

2010	2011	2012	2013	2014	2015
9 152	8 855	5 164	5 624	5 167	4 297

Annex №22

Number of criminal cases dismissed on various grounds, that are stated below:

grounds	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Rehabilitative grounds such as: absence of the events or the elements of a crime, proof of non-involvement in criminal activities	19 392	20 210	15 130	13 184	11 981	10 785
abolition, revision of the law	538	1 878	647	262	107	57
Application of an amnesty	195	68	45	4 881	13 250	41 689
Defendant remorse	13 824	12 696	12 059	14 073	14 879	13 123
Reconciliation with the victim	210 667	197 731	187 534	184 763	173 377	160 051
Absence of complaint (consent) of the victim	5 653	6 080	4 452	4 149	4 183	4 317
Compulsory educational measures	3 994	3 794	3 454	2 873	2 029	2 098

Annex №23

Special rulings (decisions) that have been issued by the Court of 1st instance

2010	2011	2012	2013	2014	2015
26 510	24 494	23 111	19 819	17 562	17 751

Annex №24**Information on review of judgements concerning applications for adoption of remand in custody as the measure of restraint**

2010–2012 – judgements issued by Court of Cassation, 2013-2015 r.r. – judgements issued by Court of Appeal according the Criminal Procedure Code reformation.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Judgements in which applications have been granted, overall number of submitted applications	17 577	17 857	19 265	19 238	20 073	23 906
Judgements in which applications have been granted, abolished	1 098	859	859	589	617	620
Judgements in which applications have been granted, changed	490	783	972	1 081	1 202	1 445
Judgements in which applications have been rejected, overall number of submitted applications	2 892	2053	1 562	1 131	920	828
Judgements in which applications have been rejected, abolished	620	525	481	246	281	216
Judgements in which applications have been rejected, changed	19	13	16	30	22	24

Annex №25**Information on review of judgements concerning applications extension of custody**

2010–2012 r.r. – judgements issued by Court of Cassation, 2013-2015 r.r. – judgements issued by Court of Appeal.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Judgements in which applications have been granted, overall number of submitted applications	25 749	23 982	27 829	28 412	29 550	34 261
Judgements in which applications have been granted, abolished	977	708	708	545	559	654
Judgements in which applications have been granted, changed	648	570	844	1 108	1 336	1 528
Judgements in which applications have been rejected, overall number of submitted applications	827	577	601	489	362	319
Judgements in which applications have been rejected, abolished	172	137	171	112	70	76
Judgements in which applications have been rejected, changed	8	13	8	13	13	21

Annex №26

Number of convictions issued by Magistrate courts that have been overturned by Courts of Appeal during the period of 2010 - 2012 (taking into consideration the number of individuals and grounds)

grounds		2010	2011	2012
Overall number		3 326	4 593	4 287
including	acquitted	532	508	349
	Dismissing the case due to reconciliation with the victim	1 292	1 249	1 094
	Dismissing the case due to rehabilitative grounds	129	128	174
	Dismissing the case due to other grounds	699	570	543
	partly	-	44	18
	By rendering new guilty verdict	-	1 895	1 959
	Returning the case to the prosecutor	-	199	150
	partly (not changing the previous conviction which is considered to be less serious)	601	н/д	н/д

Annex №27

Number of judgements delivered by Magistrate courts that have been appealed at the courts of Appeal during the period of 2010 -2012 (taking into consideration the number of individuals, grounds)

grounds		2010	2011	2012
Overall number		6 854	6 425	6 612
Including:	Modifying the description of the crime (crime qualification) without reducing the sentence	243	341	208
	Modifying the description of the crime and reducing the sentence	592	661	610
	Modifying the description of the crime and imposing more severe sentence	-	100	111
	Without changing the description of the crime	6 019	5 323	5 683

Annex №28

Acquittals delivered by Magistrate courts that have been modified or overturned by courts of Appeal during the period of 2010-2012 (taking into consideration the number of individuals, grounds)

grounds		2010	2011	2012
Overall number		755	928	655
Including:	Overtured with delivering guilty verdict	563	406	312
	Overtured with delivering acquittal	-	131	70
	Overtured with dismissing the case	-	250	197
	Overtured with returning the case to the prosecutor	-	28	24
	Modified	192	113	52

Annex №29

Number of judgements (guilty verdicts) that have been overturned by the courts of Appeal during the period of 2013-2015 (taking into consideration the number of individuals, grounds)

grounds		2013	2014	2015
Overall number		9 081	7 794	7 005
Including:	Acquitting the defendant	378	309	221
	Forwarding the case to the court of the 1 st instance for the new trial	4 239	4 127	4 043
	Forwarding the case to courts for the new trial due to the imposition of unjust sentence	215	86	49
	Returning the case to the prosecutor	510	656	676
	Dismissing the case due to reconciliation with the victim, remorse of the defendant	753	500	329
	Dismissing the case due to rehabilitative grounds	187	103	109
	Dismissing the case due to other grounds	738	665	546
	Partly (judgements with less severe sentences that have been upheld)	136	105	64
	Delivering new guilty verdict	2 140	1 329	1 017

Annex №30

**Guilty verdicts that have been modified by the courts of Appeal during the period of 2013
2015 (taking into consideration the number of individuals, grounds)**

grounds		2013	2014	2015
Overall number		18 647	16 990	16 751
Including:	Modifying the description of the crime (crime qualification) without reducing the sentence	506	300	255
	Modifying the description of the crime and reducing the sentence	2 741	2 204	1 993
	Modifying the description of the crime and imposing more severe sentence	194	167	195
	Without modification of the description of the crime but imposing less severe sentence	13 708	11 907	11 784
	Without changing the description of the crime but imposing more severe sentence	1 498	2 412	2 524

Annex №31

**Number of acquittals that have been overturned by the courts of Appeal during the period
of 2013 -2015 (taking into consideration the number of individuals, grounds)**

grounds		2013	2014	2015
Overall number		1 008	948	790
Including:	Issuing guilty verdict	126	28	10
	Referring the case for the new trial	684	801	667
	Issuing the acquittal verdict	86	51	45
	Dismissing the case	93	34	31
	Returning the case to the prosecutor	19	34	37

Annex №32

**Guilty verdicts that have been modified by the courts of Cassation during the period of
2010- 2012 (taking into consideration the number of individuals, grounds)**

grounds		2010	2011	2012
Overall number		14 451	14 471	14 491
Including:	Modifying the description of the crime (crime qualification) without reducing the sentence	280	410	352
	Modifying the description of the crime and reducing the sentence	3 367	3 410	2 670
	Without modification of the description of the crime but imposing less severe sentence	10 804	10 652	11 469

Annex №33

Guilty verdicts that have been reversed by the courts of Cassation during the period of 2010- 2012 (taking into consideration the number of individuals, grounds)

grounds		2010	2011	2012
Overall number		10 520	8 988	8 682
including:	Referring the case to the Court of Appeal (as the 1 st instance) for the new trial	9 588	8 014	7 844
	Referring the case for the new trial due to the relatively low penalty	1 038	944	901
	Returning the case to the prosecutor	-	266	235
	Dismissing the case due to reconciliation with the victim, defendant remorse, death of the victim	85	86	113
	Dismissing the case due to the rehabilitative grounds	276	193	185
	Dismissing the case due to the other grounds	183	188	125
	Partly (cases where less severe convictions have been upheld)	269	241	180

Annex №34

Guilty verdicts that have been modified by the courts of Cassation and Supervisory courts during the period of 2013- 2015 (taking into consideration the number of individuals, grounds)

grounds		2013	2014	2015
Overall number		8 319	3 616	3 668
including:	Modifying the description of the crime (crime qualification) without reducing the sentence	145	139	149
	Modifying the description of the crime and reducing the sentence	2 593	976	739
	Without modification of the description of the crime but imposing less severe sentence	5 581	2 501	2 775

Annex №35

Guilty verdicts that have been reversed by the courts of Cassation and Supervisory courts during the period of 2013- 2015 (taking into consideration the number of individuals, grounds)

grounds		2013	2014	2015
Overall number		1 196	1 058	1 130
including:	Referring the case for the new trial	852	841	883
	Dismissing the case due to reconciliation with the victim, defendant remorse, death of the victim and other grounds ⁵³⁹	100	77	48
	Dismissing the case due to the rehabilitative grounds	76	62	81
	Returning the case to the prosecutor	26	52	92
	Partly (cases where less severe convictions have been upheld)	142	26	21
	Appellate Courts	0	0	5

Annex №36

Guilty verdicts that have been modified by the Supervisory courts during the period of 2010- 2012 (taking into consideration the number of individuals, grounds)

grounds		2010	2011	2012
Overall number		9 480	7 750	7 694
Including:	Modifying the description of the crime (crime qualification) without reducing the sentence	230	328	126
	Modifying the description of the crime and reducing the sentence	2 254	2 680	2 191
	Without modification of the description of the crime but imposing less severe sentence	6 996	4 742	5 377

⁵³⁹ Before 2015 it used to be written as «Dismissing the case due to death of the victim, reconciliation with the victim, defendant remorse», starting from 2015 – «other grounds».

Annex №37**Guilty verdicts that have been reversed by the Supervisory courts during the period of 2010- 2012 (taking into consideration the number of individuals, grounds)**

grounds		2010	2011	2012
Overall number		1 302	1 250	1 128
including:	Referring the case for the new trial	986	952	908
	Dismissing the case due to the rehabilitative grounds	140	121	140
	Dismissing the case due to the other grounds	136	130	82
	Partly (cases where less severe convictions have been upheld)	40	47	98
	Appellate Courts	0	0	0

Annex №38**Number of acquittals that have been overturned by the Cassation courts during the period of 2010 -2012 (taking into consideration the number of individuals)**

2010	2011	2012
827	756	550

Annex №39**Number of acquittals that have been overturned by the Cassation courts and Supervisory courts during the period of 2013 -2015 (taking into consideration the number of individuals)**

2013	2014	2015
11	16	26

Information on activities of the prosecutor at the stage of initiating the criminal proceedings⁵⁴⁰

	2011	2012	2013	2014	2015
Number of case files that have been referred to. Such reference is done in compliance with paragraph 2 of part 2 or article 37 of criminal procedural law of Russian Federation	34 220	31 454	29 502	28 755	28 847
- number of initiated criminal cases	26 144	25 865	24 589	24 612	24 951
Number of referred case files concerning respect for human and civil rights and freedoms	17 303	15 632	14 208	13 876	14 423
- number of initiated criminal cases	13 929	13 444	12 376	12 182	12 944
Number of case files that have been referred to, concerning the wage, remuneration	1 249	869	739	660	796
- number of initiated criminal cases	436	414	397	426	544
Number of referred case files concerning economics sphere	11 478	10 712	10 485	9 332	9 626
-number of initiated criminal cases	8 125	8 197	8 176	7 632	7 800
Number of referred case files concerning national projects	1 248	1 096	868		
- number of initiated criminal cases	846	897	685		
Number of referred case files concerning corruption issues					
- number of initiated criminal cases	4 251	4 567	4 560	4 098	4 020
Number of referred case files concerning federal security, inter-ethnic relations, extremism issues	162	151	275	180	194
-number of initiated criminal cases	107	120	214	135	150
Number of referred case files concerning housing and public utilities	X	X	1 398	1 127	1 094
-number of initiated criminal cases	X	X	984	827	848

⁵⁴⁰ **Data sources for attachments №40 – 43:** The main results of the work on the implementation of laws Supervision, observance of human rights and civils in January - December 2011-2012 / Official website of the General Prosecutor of the Russian Federation // URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/> (source usage date: 29.10.2015); The main results of the prosecutor's activity for January - December 2013 / Official website of the General Prosecutor of the Russian Federation // URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/> (source usage date: 29.10.2015); The main results of the prosecutor's activity for January - December 2014 / Official website of the General Prosecutor of the Russian Federation // URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/> (source usage date: 29.10.2015); The main results of the prosecutor's activity for January - December 2015 / Official website of the General Prosecutor of the Russian Federation // URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/> (source usage date: 20.02.2016).

Information on activities of the prosecutor regarding supervision of implementation of the law at the pre-trial stage

	2011	2012	2013	2014	2015
Overall number of violations	4 148 277	5 038 064	4 860 918	5 921 866	4 908 615
Including cases of recording, registering, checking reports on committed crimes	2 921 344	3 428 095	3 489 553	3 605 162	3 732 360
Requirements to eliminate violations of law. Such is done in compliance with paragraph of part 2 of article 37 of criminal procedural law of Russian Federation	83 223	115 594	147 337	184 300	215 246
Number of prosecutor`s submissions and information on elimination of the violations	97 728	102 676	91 684	99 996	86 639
Number of people who have been charged with disciplinary offences	93 505	118 650	119 095	140 306	145 269
Abolition of investigator`s and interrogator`s acts that initiated criminal proceedings	35 480	31 012	23 498	19 066	19 256
Abolition of acts about refusal to initiate criminal proceedings	2 326 896	2 585 732	2 575 024	2 518 508	2 516 501
Abolition of acts that dismissed criminal case (criminal proceedings)	26 981	26 729	24 763	29 330	31 612
Abolition of acts that suspended preliminary investigation	405 684	415 676	407 571	424 080	443 674

Prosecutors activity data in criminal proceedings

Prosecutor measures	2011	2012	2013	2014	2015
Supervision of activities, decisions (inactivity) of officials conducting inquiry and investigation regarding acceptance, registration, consideration of crime reports	326 888	333 032	352 598	362 072	397 616
Supervision of preliminary investigation(inquiry and investigation)	265 186	258 193	257 830	245 373	252 168
Supervision of the lawfulness and validity of the judgments concerning criminal cases	127 863	117 880	113 991	109 417	99 870
Supervision of implementing the law during the execution of criminal penalties	54 301	55 301	54 288	50 743	56 926

Information on prosecutor`s activities during the trial stage

Trial stage	2011	2012	2013	2014	2015
Overall number of cases considered by the 1st instance courts	887 654	855 526	870 824	869 520	900 461
Overall number of cases considered by courts of Appellate	20 141	19 302	93 629	116 410	121 032
Overall number of cases considered by courts of Cassation	125 043	116 455	1 847	4 932	6 770
Legal submissions (not taking into consideration the number of submission that were waived)	10 831	10 889	36 644	39 531	39 893
Number of appellate submissions that were granted (number of individuals)	8 300	8 795	28 090	35 816	36 353
– % of all cases considered by the courts	77,5	82,9	74,9	78,9	80,7
Prosecutor`s appellate submissions that resulted in abolition and change of judgements (number of individuals)			15 655	20 084	20 371
– % of all overturned and changed judgements (number of individuals)			77,1	80,6	83,0
Cassation submissions (not taking into consideration the number of submission that were waived)	46 721	43 457	1 825	3 079	3 922
Number of cassation submissions that were granted (number of individuals)	39 109	37490	971	2 291	2 943
– % of all the considered submissions	68,4	72,9	96,9	97,3	96,7
Prosecutor`s cassation submissions that resulted in abolition and change of judgements	20 913	20681			
– % of all overturned and changed judgements as a result of consideration submitted complaints and submissions	82,7	82			
Supervisory submissions (not taking into consideration the number of submission that were waived)	5 591	5680	1 026	72	15
Number of supervisory submissions that were granted (number of individuals)	4 219	4349	781	105	10
– % of all the considered submissions	98,4	98,3	98,9	100	100

**Results of questionnaires conducted among judges,
advocates, officials of prosecution office and investigators**

1. What types of mistakes do you usually find in criminal cases that have been investigated by investigators or officials conducting initial inquiries:

Note for investigators: the question for investigators is the following «What mistakes do you usually make during the investigation of criminal cases? »

a) incompleteness, subjectivity, biased attitude of examination of facts to be proved (gaps of preliminary investigation);

- **judges:** 50,0%
- **officials of prosecution office:** 77,8%
- **investigators:** 87,1%
- **advocates:** 80,4%

b) violation of Russian Federation Constitutional provisions regarding human and civil rights and freedoms, violation of international standards for criminal justice;

- **judges:** 0%
- **officials of prosecution office:** 0%
- **investigators:** 0%
- **advocates:** 30,2%

c) significant violation of criminal procedural law;

- **judges:** 66,7%
- **officials of prosecution office:** 55,6%
- **investigators:** 7,7%
- **advocates:** 40,6%

d) Improper application of articles(provisions) of Criminal code of Russian Federation– general part of code, crime qualification(description), etc.

- **judges:** 33,3%
- **officials of prosecution office:** 27,8%
- **investigators:** 2,6%
- **advocates:** 20,9%

2. How often did the suspects, defendants, their representatives, advocates report on unacceptable, unlawful methods (violence, threat of violence) and provocations of police officers, whether such provocations and unlawful, unacceptable methods were reported in an official or non-official way?

a) often (such is revealed in almost every second case);

- **judges:** 50,0% (pre-trial stages);
66,7% (trial stages)
- **officials of prosecution office:** 61,1%
- **investigators:** 2,6%
- **advocates:** 20,7

b) seldom (such is revealed in approximately every 10th case);

- **judges:** 44,4% (pre-trial stages);
38,9% (trial stages)
- **officials of prosecution office:** 27,8%
- **investigators:** 20,5%
- **advocates:** 50,1%

c) such reports were not filed;

- **judges:** 5,6% (both pre-trial and trial stages)
- **officials of prosecution office:** 5,6%
- **investigators:** 69,2%

- advocates: 10,4%

3. What measures did you take in order to check the above-mentioned reports?

judges:

a) submitted the case file to the prosecutor: 5,6%

b) submitted the case file to Investigative Committee: 5,6%

c) during the trial interrogating the police officers, other witnesses, examining documents, etc. 94,4%

officials of prosecution office:

a) conduction of checks: 38,9%

b) submitted the case file to Investigative Committee: 77,8%

c) offered to conduct departmental inspections: 0%

Investigators:

a) conduction of preliminary inquiries: 2,6%

b) initiation of criminal proceedings, and conduction of immediate investigative actions: 0%

c) requested the conduction of departmental inspections: 12,8%

Advocates:

a) Offered their clients to make an official statement to the prosecutor, Investigative Committee, court 70,2%

b) Conducted their own investigation (what kind?) in order to obtain proof of such violence, other information about application of violence (threats of violence) 30,6%

c) informed the investigator about the violence (threats of violence): 10,4%

d) personally submitted complaints to the prosecution office, Investigative Committee: 30,2%

e) personally submitted complaints to the court in compliance with the provisions of article 125 of criminal procedural law code of Russian Federation: 10,3%

5. Do you think that investigators and officials conducting initial inquiries, exaggerate the qualification of the crime («so-called qualification (description of the crime) in advance»)?

a) yes, in order to receive the remand order for detention of suspects, defendants;

- judges: 5,6%

- officials of prosecution office: 0%

- investigators: 0%

- advocates: 0%

b) yes, in order for the court to change the qualification of the crime to less severe crime, without returning the case file to the prosecutor;

- judges: 33,3%

- officials of prosecution office: 61,1%

- investigators: 7,7%

- advocates: 20,4%

c) no, the exaggeration never occurs

- **judges:** 66,7%
- **officials of prosecution office:** 27,8%
- **investigators:** 89,7%
- **advocates:** 40,3%

5. What do you think is the most common reason for mistakes made by officials conducting initial inquiries, investigation:

a) lack of qualification;

- **judges:** 61,1%
- **officials of prosecution office:** 55,6%
- **investigators:** 15,4%
- **advocates:** 60,8%

b) little experience;

- **judges:** 61,1%
- **officials of prosecution office:** 50,0%
- **investigators:** 43,4%
- **advocates:** 40,3%

c) shortfalls and gaps in legislative regulation of criminal law and criminal procedural law –related issues;

- **judges:** 27,8%
- **officials of prosecution office:** 50,0%
- **investigators:** 35,9%
- **advocates:** 0%

d) improper organization of investigative work («working for statistics», «inhuman treatment towards investigators from higher-level administration», «absence of clear scientific organization of investigator`s work, etc.);

- **judges:** 44,4%
- **officials of prosecution office:** 38,9%
- **investigators:** 59,0%
- **advocates:** 100%

e) issues of corruption within investigation;

- **judges:** 0%
- **officials of prosecution office:** 0%
- **investigators:** 0%
- **advocates:** 20,7%

6. Identify the frequency of omissions made by officials conducting initial inquiries and investigation and the level at which such mistakes get revealed? Use the following scheme(numbers) to identify the frequency (1 – «most frequently» - going down to – 2, 3, 4, 5 и 6 – «the least frequent»):

As a result of self-control of officials conducting initial inquiries and investigation;

- **judges:** 6
- **officials of prosecution office:** 5
- **investigators:** 2
- **advocates:** 6

The head of the investigative body;

- **judges:** 2
- **officials of prosecution office:** 4
- **investigators:** 1
- **advocates:** 3

Supervising prosecutor;

- **judges:** 1
- **officials of prosecution office:** 1
- **investigators:** 3

- advocates:	4
Court at the pre-trial stage;	
- judges:	4
- officials of prosecution office:	3
- investigators:	5
- advocates:	5
Court at the trial stage;	
- judges:	3
- officials of prosecution office:	2
- investigators:	6
- advocates:	2
Advocates;	
- judges:	5
- officials of prosecution office:	6
- investigators:	4
- advocates:	1

7. What do you think are the reasons that reduce the effectiveness of the supervising function of the prosecution?

a) prosecutor doesn't have enough of authority when it comes to monitoring the preliminary investigation;

- judges:	33,3%
- officials of prosecution office:	61,1%
- investigators:	2,6%
- advocates:	10,1%

b) significant number of officials of the prosecution office don't have any experience in preliminary investigation;

- judges:	44,4%
- officials of prosecution office:	27,8%
- investigators:	56,4%
- advocates:	10,9%

c) issues of corruption within activities of the prosecution office;

- judges:	0%
- officials of prosecution office:	0%
- investigators:	5,1%
- advocates:	0%

d) Improper organization of prosecutor's work («working to obtain higher statistics», «absence of constant interaction with investigators and interrogators», etc.);

- judges:	38,9%
- officials of prosecution office:	11,1%
- investigators:	59,0%
- advocates:	90,2%

e) conduction of the procurator's powers under conflicting conditions that exist between investigative body and prosecution office;

- judges:	22,2%
- officials of prosecution office:	22,2%
- investigators:	33,3%
- advocates:	40,7%

8. What additional functions should be added to the overall prosecutor's competence in order to effectively monitor the preliminary investigation:

a) authority to initiate proceedings;

- judges:	27,8%
- officials of prosecution office:	44,4%

- **investigators:** 17,9%
 - **advocates:** 20,3%

b) authority to conduct certain investigative activities and full authority to investigate certain type of crimes;

- **judges:** 22,2%
 - **officials of prosecution office:** 22,2%
 - **investigators:** 20,5%
 - **advocates:** 0%

c) right of attendance during investigative activities (inspection, interrogation, particularly – of accused individuals, etc.);

- **judges:** 11,1%
 - **officials of prosecution office:** 11,1%
 - **investigators:** 2,6%
 - **advocates:** 10,4%

d) authority to request at any time criminal case file for further examination, giving written guidance, also authority to require immediate actions to be taken by investigative bodies to eliminate violations of law;

- **judges:** 50,0%
 - **officials of prosecution office:** 55,6%
 - **investigators:** 15,4%
 - **advocates:** 50,6%

e) authority to grant investigator`s applications for remand in custody during the trial or to grant the application for the extension of the remand in custody (not submitting the case file to the court in order to obtain the judge`s permission for the remand in custody or the extension of such remand in custody in cases when there is no evidence of required «consent» or «approve» of the prosecutor);

- **judges:** 11,1%
 - **officials of prosecution office:** 44,4%
 - **investigators:** 28,2%
 - **advocates:** 10,8%

f) authority to dismiss the cases at the pre-trial stage;

- **judges:** 22,2%
 - **officials of prosecution office:** 27,8%
 - **investigators:** 28,2%
 - **advocates:** 70,2%

g) authority to extend the duration of the preliminary investigation with the right of examination of all the criminal case files;

- **judges:** 44,4%
 - **officials of prosecution office:** 38,9%
 - **investigators:** 28,2%
 - **advocates:** 10,7%

9. Do you think that the prosecutor`s supervision is more effective in comparison with the departmental control?

a) yes, the prosecutor is able to better ensure the protection of the rights because he doesn`t belong to investigative department;

- **judges:** 72,2%
 - **officials of prosecution office:** 72,2%
 - **investigators:** 7,7%
 - **advocates:** 20,9%

b) yes, as a rule, the prosecutor is more qualified as a lawyer in comparison to the head of the investigative department;

- **judges:** 0%

- **officials of prosecution office:** 38,9%
- **investigators:** 0%
- **advocates:** 30,2%

c) no, since the prosecutor occasionally examines case files during the investigation (mainly the prosecutor's supervision is done by examination of the copies of all the procedural documents that were submitted by the investigator. On the contrary, the head of the investigative department is able to directly examine criminal case files;

- **judges:** 0%
- **officials of prosecution office:** 0%
- **investigators:** 51,3%
- **advocates:** 40,6%

d) departmental control and prosecutor's supervision are considered to be less effective in comparison with judicial control. Since the court doesn't belong to the prosecution and exercises control power during the trial with all the parties present, with recording judicial proceedings;

- **judges:** 16,7%
- **officials of prosecution office:** 0%
- **investigators:** 0%
- **advocates:** 30,5%

e) all various forms of control and supervision are equally important and effective;

- **judges:** 38,9%
- **officials of prosecution office:** 16,7%
- **investigators:** 43,4%
- **advocates:** 10,4%

10. What are the reasons, to your mind, that reduce the effectiveness of the departmental control?

a) the head of the investigative body doesn't have enough of authority to exercise his departmental control power over preliminary investigation; if the answer is yes, then, what are those functions that the head of the investigative body lacks the most?

- **judges:** 0%
- **officials of prosecution office:** 0%
- **investigators:** 7,7%
- **advocates:** 0%

b) the head of the investigative body doesn't always have the necessary qualification and knowledge, and experience in departmental control;

- **judges:** 33,3%
- **officials of prosecution office:** 38,9%
- **investigators:** 7,7%
- **advocates:** 10,7%

c) there is a corruptive issue within the work of the head of the investigative body;

- **judges:** 0%
- **officials of prosecution office:** 0%
- **investigators:** 0%
- **advocates:** 0%

d) improper organization of departmental control («work for the higher statistics (for quantity not for quality)», «solidarity among the staff: which implies, for example, that the investigator and his chief work in the same department» etc.);

- **judges:** 61,1%
- **officials of prosecution office:** 72,2%
- **investigators:** 53,8%
- **advocates:** 100%

e) conduction of departmental control under conflicting conditions between investigative bodies and prosecution office;

- judges: 22,2%
- officials of prosecution office: 5,6%
- investigators: 33,3%
- advocates: 20,7%

11. What are the ways to strengthen procedural independence of the investigator?

a) deprive investigators of the local area level ("raion" level) of procedural independence, but remain it in the hands of the investigators of the regional level;

- judges: 0%
- officials of prosecution office: 0%
- investigators: 0%
- advocates: 0%

b) limit the procedural independence of the investigators of the local area level in the same way as it has been done to the inquiry officials. Meanwhile remain procedural independence in the hands of investigators of other levels;

- judges: 0%
- officials of prosecution office: 0%
- investigators: 0%
- advocates: 0%

c) no need to bring changes into the institute of procedural independence of the investigators;

- judges: 88,9%
- officials of prosecution office: 61,1%
- investigators: 92,3%
- advocates: 70,1%

d) limit the procedural independence of the investigators of all levels in the same way as it has been done to the inquiry officials;

- judges: 11,1%
- officials of prosecution office: 27,8%
- investigators: 2,6%
- advocates: 0%

e) there is no need for the procedural independence of investigators;

- judges: 0%
- officials of prosecution office: 5,6%
- investigators: 0%
- advocates: 0%

12. What is your opinion on creating the united investigative department:

a) united investigative body needs to be created;

- judges: 27,8%
- officials of prosecution office: 5,6%
- investigators: 61,5%
- advocates: 10,8%

b) there is no need for creation of such investigative body;

- judges: 77,8%
- officials of prosecution office: 88,9%
- investigators: 38,5%
- advocates: 70,6%

13. What are the reasons that reduce the effectiveness of the judicial control:

a) judges don't have enough of competency to exercise judicial control over preliminary investigation, but judges need to have enough of authority to exercise such control function:

1. The judge must examine all the evidence, that proves involvement of an individual in criminal activity:

- judges: 5,6%
- officials of prosecution office: 5,6%

- **investigators:** 10,3%
- **advocates:** 0%

2. *The judge must examine all the evidence, that proves the correct crime qualification (description of the crime) that a person has been charged with;*

- **judges:** 11,1%
- **officials of prosecution office:** 0%
- **investigators:** 7,7%
- **advocates:** 10,4%

3. *The judge must state what actions need to be taken by the investigator, the interrogator, the prosecutor in order to eliminate violations of law;*

- **judges:** 5,6%
- **officials of prosecution office:** 38,9%
- **investigators:** 10,3%
- **advocates:** 20,7%

b) the judges don't take the judicial control as an important function («when the “doors are closed(secretly)” the decision is made the way faster», giving higher importance to the examination of the case on the merits rather than performing the controlling duties (arrests, etc.));

- **judges:** 0%
- **officials of prosecution office:** 5,6%
- **investigators:** 17,9%
- **advocates:** 40,2%

c) the judges don't have enough of grounds for making decisions within their judicial control function;

- **judges:** 5,6%
- **officials of prosecution office:** 16,7%
- **investigators:** 7,7%
- **advocates:** 0%

d) the judges proceed from the idea that all the applications and(or) positions of the prosecution are considered to be justified;

- **judges:** 0%
- **officials of prosecution office:** 0%
- **investigators:** 5,1%
- **advocates:** 70,4%

e) the judges agree with positions of prosecution, grant their applications only because they don't want to be suspected of any relations with the suspects, as if there are corruption and bribes involved;

- **judges:** 0%
- **officials of prosecution office:** 0%
- **investigators:** 2,6%
- **advocates:** 30,4%

f) shortfalls in legislation regarding judicial control;

- **judges:** 66,7%
- **officials of prosecution office:** 22,2%
- **investigators:** 17,9%
- **advocates:** 20,3%

14. What is your opinion on creating the position of the judge with investigative functions for performing judicial control at the pre-trial stage:

a) such can be done as the system of judicial bodies, that are considered to be the judicial control instance;

- **judges:** 16,7%
- **officials of prosecution office:** 16,7%
- **investigators:** 10,3%

- **advocates:** **0%**

b) such can be done but only in order to provide certain judges with judicial control duties (experienced judges that perform control duties only);

- **judges:** **16,7%**

- **officials of prosecution office:** **11,1%**

- **investigators:** **2,6%**

- **advocates:** **10,7%**

c) there is no need for establishment of such position;

- **judges:** **72,2%**

- **officials of prosecution office:** **77,8%**

- **investigators:** **82,1%**

- **advocates:** **70,6%**

15. If you consider yourself as a supporter of such idea to establish the position of the judge with the investigative function, then what shall be included in the competence of such judges:

a) dealing with issues concerning detention, house arrest, bail;

- **judges:** **33,3%**

- **officials of prosecution office:** **22,2%**

- **investigators:** **5,1%**

- **advocates:** **10,6%**

b) dealing with issues concerning conduction of investigative and other procedural activities that deal with restriction of constitutional rights;

- **judges:** **38,9%**

- **officials of prosecution office:** **11,1%**

- **investigators:** **7,7%**

- **advocates:** **10,7%**

c) responding to complaints, such has to be done in compliance with article 125 of criminal procedural law code of Russian Federation;

- **judges:** **33,3%**

- **officials of prosecution office:** **11,1%**

- **investigators:** **7,7%**

- **advocates:** **10,9%**

d) conduction of interrogation at the pre-trial stage in order to obtain evidence that will be submitted to the Court of the 1st instance;

- **judges:** **22,2%**

- **officials of prosecution office:** **11,1%**

- **investigators:** **5,1%**

- **advocates:** **0%**

e) dealing with issues regarding preparation for the trial or preliminary hearing;

- **judges:** **0%**

- **officials of prosecution office:** **5,6%**

- **investigators:** **2,6%**

- **advocates:** **0%**

16. Do you think that the court, by performing judicial control, should not only examine law-related issues, but also factual issues (correctness of crime qualification (description), evidence that proves involvement in the crime activity, etc.):

a) yes, in all cases of judicial control;

- **judges:** **27,8%**

- **officials of prosecution office:** **38,9%**

- **investigators:** **48,7%**

- **advocates:** **60,3%**

b) yes, but only in cases of detention and extension of duration of detention;

- **judges:** 27,8%
- **officials of prosecution office:** 16,7%
- **investigators:** 17,9%
- **advocates:** 20,7%

c) court doesn't have to examine factual issues stated above;

- **judges:** 61,1%
- **officials of prosecution office:** 27,8%
- **investigators:** 25,6%
- **advocates:** 10,9%

17. What are the factors that keep the prosecutor, interrogator, investigator and the judge from applying house custody, bail and other preventive measures to suspects and defendants:

a) seriousness of the offence committed;

- **judges:** 55,6%
- **officials of prosecution office:** 55,6%
- **investigators:** 17,9%
- **advocates:** 20,8%

b) belief based on experience and intuition that the suspect or defendant will escape from the trial and investigation, or commits a new crime, or will hinder interrogators and investigators from doing their job;

- **judges:** 5,6%
- **officials of prosecution office:** 38,9%
- **investigators:** 15,4%
- **advocates:** 40,6%

c) belief based on experience and facts that the suspect or defendant will escape from the investigation and the trial or commits a new crime, or will hinder interrogators and investigators from doing their job;

- **judges:** 77,8%
- **officials of prosecution office:** 66,7%
- **investigators:** 43,4%
- **advocates:** 0%

d) trying to avoid personal responsibility for incorrect application of the preventive measure;

- **judges:** 5,6%
- **officials of prosecution office:** 11,1%
- **investigators:** 2,6%
- **advocates:** 70,3%

e) shortcomings in the control procedure regarding house custody and other preventive measures that are not connected with the isolation from the society;

- **judges:** 33,3%
- **officials of prosecution office:** 38,9%
- **investigators:** 46,2%
- **advocates:** 20,2%

f) concerns about the chiefs' suspicion for being involved in bribery, corruption;

- **judges:** 0%
- **officials of prosecution office:** 0%
- **investigators:** 2,6%
- **advocates:** 40,1%

18. Do you think that it is necessary to include the provision into the criminal procedural law code of Russia concerning the opportunity to appeal against the decision about involving an individual into the process as an accused. Such appellations can be done within the judicial control to the court:

a) yes, but only regarding the law-related issues (determining whether or not that decision was made in compliance with the law);

- **judges:** 11,1%
- **officials of prosecution office:** 22,2%
- **investigators:** 30,8%
- **advocates:** 20,3%

b) yes, such can be done for both law-related issues and facts-related issues (determining whether or not there were grounds for accusation, the correctness of crime qualification(description));

- **judges:** 11,1%
- **officials of prosecution office:** 11,1%
- **investigators:** 10,3%
- **advocates:** 60,7%

c) such decision cannot be appealed;

- **judges:** 83,3%
- **officials of prosecution office:** 61,1%
- **investigators:** 53,8%
- **advocates:** 10,2%

19. Do you think that the judicial control is more effective rather than the prosecutor`s supervision:

a) yes, because the court doesn`t belong to the prosecution, therefore, it can better ensure the respect for civil rights;

- **judges:** 16,7%
- **officials of prosecution office:** 5,6%
- **investigators:** 5,1%
- **advocates:** 20,8%

b) yes, because the court makes its decision during the trial in the presence of the parties, and, moreover, there is the recording of the trial protocol, etc.;

- **judges:** 16,7%
- **officials of prosecution office:** 22,2%
- **investigators:** 10,3%
- **advocates:** 20,7%

c) no, because the courts only formally examine case files within their judicial control function (since the investigators and interrogators submit certified copies of documents), on the contrary, the prosecutor examines the case files in details:

- **judges:** 16,7%
- **officials of prosecution office:** 33,3%
- **investigators:** 15,4%
- **advocates:** 20,1%

d) both the judicial and the prosecutor`s supervision have low effectiveness in comparison with the departmental control, because the head of the investigative body is able to quickly examine the case files and quickly reverse unjust, illegal actions, decisions of the investigator;

- **judges:** 0%
- **officials of prosecution office:** 0%
- **investigators:** 12,8%
- **advocates:** 40,2%

e) both judicial control and prosecutor`s supervision are of equal effectiveness;

- **judges:** 16,7%
- **officials of prosecution office:** 27,8%
- **investigators:** 7,7%
- **advocates:** 0%

f) all forms of supervision and control are equally important and effective;

- **judges:** 50,0%

- officials of prosecution office: 33,3%
- investigators: 43,6%
- advocates: 10,7%

20. What is your opinion on revival in Russia of the following institution: the possibility of the court to send the criminal case back in order to conduct additional investigation. Such investigation needs to be done in order to eliminate incompleteness, subjectivity of examination of the facts related to the criminal case:

a) there should be the revival of such institution;

- judges: 88,9%
- officials of prosecution office: 27,8%
- investigators: 0%
- advocates: 20,7%

b) there is no need for the revival of such institution;

- judges: 0%
- officials of prosecution office: 27,8%
- investigators: 12,8%
- advocates: 20,8%

c) in fact such situation occurs in cases when the court sends the criminal case back to the prosecutor to eliminate some issues, after that the prosecutor returns the case files to the investigator to conduct the additional investigation;

- judges: 16,7%
- officials of prosecution office: 44,4%
- investigators: 87,1%
- advocates: 70,3%

21. What are the reasons that keep the investigators, interrogators from dismissing the cases, when there are grounds for such dismissal such as reconciliation with the victim, defendant remorse:

a) the criminal justice can only be administered by the courts:

- judges: 0%
- officials of prosecution office: 5,6%
- investigators: 30,8%
- advocates: 10,1%

b) sending the case to the court implies better and more effective work rather than dismissing the case. Moreover, in cases of dismissal the head of the investigative bodies will be asking about the reasons for such dismissal;

- judges: 100%
- officials of prosecution office: 88,9%
- investigators: 64,1%
- advocates: 100%

22. Do you think it is possible to appoint a prosecutor that will be responsible for the supervision during the investigation of the case and will be prosecuting during the trial?

a) yes, such is justified for all the categories of offences;

- judges: 11,1%
- officials of prosecution office: 5,6%
- investigators: 23,1%
- advocates: 70,8%

b) yes, such is justified but only for a certain category of offences (complicated, «well-known cases» etc.);

- judges: 33,3%
- officials of prosecution office: 55,6%
- investigators: 51,3%
- advocates: 0%

c) there is no need for that:

- **judges:** 55,6%
- **officials of prosecution office:** 38,9%
- **investigators:** 23,1%
- **advocates:** 30,1%

23. Do you think it is possible to make a legal provision that enables the prosecutor to be involved in announcing individuals as indicted:

a) yes, that can be done regarding all the categories of offences;

- **judges:** 0%
- **officials of prosecution office:** 0%
- **investigators:** 5,1%
- **advocates:** 10,4%

b) yes, that can be done regarding certain categories of offences (complicated, «well-known crimes», etc);

- **judges:** 11,1%
- **officials of prosecution office:** 16,7%
- **investigators:** 25,6%
- **advocates:** 0%

c) there is no need for that.

- **judges:** 88,9%
- **officials of prosecution office:** 83,3%
- **investigators:** 66,7%
- **advocates:** 90,1%

24. Do you think it is possible to provide the prosecutor with the duty to compose the indictment:

a) yes;

- **judges:** 0%
- **officials of prosecution office:** 0%
- **investigators:** 20,5%
- **advocates:** 20,7%

b) yes, if the investigator will be involved;

- **judges:** 0%
- **officials of prosecution office:** 5,6%
- **investigators:** 5,1%
- **advocates:** 0%

c) yes, if the investigator will be involved and only regarding certain categories of offences (complicated, well-known cases etc.);

- **judges:** 5,6%
- **officials of prosecution office:** 0%
- **investigators:** 7,7%
- **advocates:** 0%

d) there is no need for that.

- **judges:** 94,4%
- **officials of prosecution office:** 94,4%
- **investigators:** 66,7%
- **advocates:** 80,2%

25. Do you consider yourself as a supporter for the grand jury court, which are deemed to make less mistakes:

a) yes, it is necessary to increase the number of offences that fall into the grand jury court category, jury trials have to take place even in city courts (district courts);

- **judges:** 5,6%
- **officials of prosecution office:** 5,6%

- **investigators:** 15,4%
- **advocates:** 30,7%

b) yes, but for certain categories of offences the number of jurors can be reduced (reduced to 2,3,5, etc., of individuals):

- **judges:** 22,2%
- **officials of prosecution office:** 5,6%
- **investigators:** 15,4%
- **advocates:** 40,4%

c) grand jury court is not useful, there have to be the bench of qualified judges that decides cases;

- **judges:** 22,2%
- **officials of prosecution office:** 50,0%
- **investigators:** 33,4%
- **advocates:** 10,2%

d) grand jury court is not useful, there have to be qualified judges that decide case on their own;

- **judges:** 55,6%
- **officials of prosecution office:** 61,1%
- **investigators:** 12,8%
- **advocates:** 0%

26. What is your opinion on pre-trial cooperation agreement:

a) the chance of mistakes increases;

- **judges:** 27,8%
- **officials of prosecution office:** 16,7%
- **investigators:** 10,3%
- **advocates:** 20,8%

b) the chance of mistakes decreases;

- **judges:** 16,7%
- **officials of prosecution office:** 0%
- **investigators:** 10,3%
- **advocates:** 0%

c) the number of such above- mentioned mistakes is equal to the number of mistakes that occur in other cases.

- **judges:** 72,2%
- **officials of prosecution office:** 77,8%
- **investigators:** 76,9%
- **advocates:** 90,2%

27. What is your opinion on the special procedure for taking a court decision if the accused agrees with the charge brought against him:

a) the chance of mistakes increases;

- **judges:** 33,3%
- **officials of prosecution office:** 22,2%
- **investigators:** 12,8%
- **advocates:** 30,9%

b) the chance of mistakes decreases;

- **judges:** 22,2%
- **officials of prosecution office:** 5,6%
- **investigators:** 7,7%
- **advocates:** 0%

c) the number of such above- mentioned mistakes is equal to the number of mistakes that occur in other cases.

- **judges:** 55,6%
- **officials of prosecution office:** 72,2%
- **investigators:** 79,5%

- advocates: 70,8%

28. What is your opinion on the situation when the case is decided by the sole judge:

a) the chance of mistakes increases;

- judges: 11,1%

- officials of prosecution office: 5,6%

- investigators: 10,3%

- advocates: 30,9%

b) the chance of mistakes decreases;

- judges: 22,2%

- officials of prosecution office: 11,1%

- investigators: 17,9%

- advocates: 0%

c) the number of such above- mentioned mistakes is equal to the number of mistakes that occur in cases decided by the bench of judges:

- judges: 77,8%

- officials of prosecution office: 72,2%

- investigators: 66,7%

- advocates: 0%

29. Why do the judges quite seldom deliver acquittals:

a) due to the effectiveness of the investigation;

- judges: 72,2%

- officials of prosecution office: 38,9%

- investigators: 69,2%

- advocates: 10,1%

b) acquittals put the further judicial career at risk;

- judges: 0%

- officials of prosecution office: 0%

- investigators: 25,6%

- advocates: 50,9%

30. Why do the courts quite seldom dismiss the criminal cases, taking non-rehabilitative grounds into consideration (not taking into account the number of such cases dismissed by Magistrate courts):

a) due to the effectiveness of the investigation;

- judges: 44,4%

- officials of prosecution office: 27,8%

- investigators: 76,9%

- advocates: 10,3%

b) dismissing the case taking non-rehabilitative grounds into consideration puts the further judicial career at risk;

- judges: 0%

- officials of prosecution office: 0%

- investigators: 10,3%

- advocates: 30,6%

31. Why do the judges quite seldom return the case files to the prosecutor, such procedure is reflected in article 237 of criminal procedural law code of Russian Federation:

a) due to the effectiveness of the investigation;

- judges: 38,9%

- officials of prosecution office: 33,3%

- investigators: 84,6%

- advocates: 10,2%

b) returning the case to the prosecutor can lead to problems in mutual relations between the prosecutor and the judge;

- judges: 0%
- officials of prosecution office: 0%
- investigators: 17,9%
- advocates: 40,4%

32. Why do the judges quite seldom find some evidence inadmissible:

a) high quality of investigation;

- judges: 66,7%
- officials of prosecution office: 27,8%
- investigators: 87,1%
- advocates: 10,3%

b) there can be problems in mutual relations between the judge and the prosecutor if the evidence will be found inadmissible;

- judges: 0%
- officials of prosecution office: 0%
- investigators: 7,7%
- advocates: 30,8%

33. What is the required job experience in order to effectively administer the justice for the candidate that plans to hold the judge office:

a) experience in investigative bodies;

- judges: 66,7%
- officials of prosecution office: 44,4%
- investigators: 33,4%
- advocates: 10,9%

b) in the prosecution office;

- judges: 50,0%
- officials of prosecution office: 38,9%
- investigators: 10,3%
- advocates: 40,8%

c) in the prosecution office or investigative body;

- judges: 55,6%
- officials of prosecution office: 83,3%
- investigators: 48,7%
- advocates: 40,7%

d) in defense bar;

- judges: 50,0%
- officials of prosecution office: 11,1%
- investigators: 10,3%
- advocates: 40,8%

e) in courts (secretary, consultant, assistant);

- judges: 11,1%
- officials of prosecution office: 16,7%
- investigators: 35,9%
- advocates: 30,2%

f) in the investigative body and defense bar;

- judges: 11,1%
- officials of prosecution office: 5,6%
- investigators: 0%
- advocates: 10,8%

g) in the prosecution office or defense bar;

- judges: 11,1%
- officials of prosecution office: 5,6%
- investigators: 2,6%

- **advocates:** **20,9%**
- h) in public service, including teaching experience at universities of law;
 - **judges:** **0%**
 - **officials of prosecution office:** **0%**
 - **investigators:** **5,1%**
 - **advocates:** **0%**
- i) in any sphere;
 - **judges:** **0%**
 - **officials of prosecution office:** **0%**
 - **investigators:** **10,3%**
 - **advocates:** **10,7%**